This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav G05.10

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ОКОЛО ДЕРЕВНИ—**Ив. Савина**	1
II.	ТРІУМФЪ. **К. Тетмайера.**—Перев. съ польск. **В. А. Высоцкаго**	26
III.	ПАДШІЕ.—**С. Богдановскаго**	48
IV.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Валерія Брюсова**	134
V.	СМѢНА. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.—**Л. Я. Гуревичъ**	137
VI.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ивана Бунина**	198
VII.	ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.—**Ив. Булановскаго**	1
VIII.	РЕВОЛЮЦІЯ И РЕЛИГІЯ.—**Д. С. Мережковскаго.** *Окончаніе.*	17
IX.	КАКЪ СОВРЕМЕННОЕ ЗЕМСТВО ОБЛАГАЕТЪ МѢСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ.—**І. Д—р—ва**	35
X.	СУДЕБНОЕ ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ. (Порядокъ возбужденія дѣлъ и преданія суду).—**Е. М. Кулишера**	48
XI.	О КНУТѢ ГАМСУНѢ.—**Волжскаго**	78
XII.	ФИЛОСОФСКІЯ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕСПОТИЗМА—**С. Л. Франка**	93
XIII.	КАКЪ ОСУЩЕСТВИТЬ ЕДИНОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО?—**Б. А. Кистяковскаго**	113
XIV.	ГЕРЦЕНЪ И ЗАПАДЪ. (Глава изъ біографіи А. И. Герцена).—**М. О. Гершензона**	135
XV.	ПИСЬМА ИЗЪ ТАВРИЧЕСКАГО ДВОРЦА.—**А. А. Кизеветтера**	158
XVI.	ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ. (Замѣтки публициста).—**А. С. Изгоева**	167
XVII.	ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—**В. Н. Линда**	185
XVIII.	ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—**С. А. Котляревскаго**	206
XIX.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Политическая экономія.—Философія.—Исторія.—Юридическія книги.	51
XX.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Книжный складъ при типографіи

Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

МОСКВА, Пименовская ул., собств. д.

Изданія, состоящія на складѣ Т-ва:

БЕРЕТТИ, І. Электро-гомеопатія какъ система врачеванія и ея основныя положенія и средства для борьбы съ болѣзнями. Ц. 2 р. 50 к.

Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія д-ра **ROUX** и его сотрудниковъ. Переводъ М. Горскаго и І. Михальскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ **Г. Н. ГАБРИЧЕВСКАГО.** Съ двумя фототипическими таблицами шести рисунковъ. Ц. 3 р. 25 к.

АЛЬТГАУЗЕНЪ, Л. Ф. Искусственное удобреніе и сидерація въ Россіи и Германіи. Ц. 2 р.

ВАРАКСИНЪ, Ф. И. Чѣмъ пахать? Ц. 45 к.

ГЕЙНРИХЪ, Р., проф., д-ръ. Практическое примѣненіе навоза и искусственныхъ удобреній. Переводъ съ нѣмец. **Л. Ф. Альтгаузена.** Ц. 1 р. 50 к.

ТУРСКІЙ, Ш. К. Таблицы для таксаціи лѣса. Изд. 6-е, съ добавленіями. Ц. 80 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

ЕГО ЖЕ. Сборникъ статей по лѣсоразведенію. Изд. 2-е, съ 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 70 к.

ЕГО ЖЕ. Разведеніе лѣсныхъ деревьевъ. Изд. 8-е, съ 53 рисунк. въ текстѣ. Ц. 30 к.

ЕГО ЖЕ. Лѣсоводство. Съ 193 рисунками въ текстѣ и 3 табл. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 30 к.

АЛЬБОМЪ писаныхъ и печатныхъ шрифтовъ для чертежниковъ и учениковъ техническихъ школъ. Собралъ **М. А. Нетыкса.** 52 таблицы. Ц. 3 р. 75 к.

BALE, M. P. Валы и приводы. Современное ихъ устройство для выгодной передачи силы. Пер. съ англ. инж.-технол. Л. А. Боровичъ. Ц. 1 р. 75 к.

БЕЙНЪ, Ч. А. Увлажненіе воздуха на бумаго-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Со множествомъ рисунковъ и таблицъ, приложеніемъ главы объ измѣрительныхъ приборахъ для опредѣленія влажности воздуха и отдѣльною таблицею графическаго представленія колебаній крѣпости пряжи въ зависимости отъ временъ года. Цѣна 2 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Сборка и наладка чесальной машины, а также уходъ за нею. Съ приложеніемъ атласа въ 38 таблицъ. Цѣна 4 р.

ЕГО ЖЕ. Сборка и наладка ленточной машины, а также уходъ за нею. Съ приложеніемъ атласа въ 8 таблицъ. Цѣна 2 р.

БОРОВИЧЪ, Л. А., инжен.-технологъ. **Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними.** Системат. руководство для машинистовъ, мастеровъ и владѣльцевъ паровыхъ котловъ, а также учениковъ технич. и ремесл. школъ. Съ 231 политип. въ текстѣ. Изд. 2-е, совершенно переработан. и значит. дополненное. Ц. 3 р.

BOW, R. H. Графическія данныя раціональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. Цѣна 3 р.

ВАРАКСИНЪ, Ф. И. Черепичное и кирпичное производство. Съ 45 рисунк. въ текстѣ. Ц. 1 р.

ВЮСТЪ, Ф., д-ръ. Мѣдноли тейное дѣло. (Плавка и формовка). Съ 255 рисунк. Перев. съ нѣмецк. инжен.-механика А. К. Вессель. Ц. 2 р. 50 к.

GOFFERJÉ. Пріемы шаблонной формовки, устраняющей изготовленіе моделей для многихъ чугунныхъ отливокъ, какъ, наприм., маховиковъ, шкивовъ, шестеренъ и т. п. Перев. съ нѣмецкаго инжен.-технол. Л. А. Боровичъ. Изд. 2-е, съ атласомъ въ 8 таблицъ чертежей. Ц. 1 р. 50 к.

ГРАФИНЬИ, Г. Наставленіе монтерамъ-электротехникамъ. Перев. съ франц. **Завтегорскаго.** Цѣна 1 р. 60 к.

KLEIBER, M. Курсъ проекціоннаго черченія. Руководство для техническихъ училищъ, ремесленныхъ и художественно-промышленныхъ профессіонал. школъ, а также для самообученія. Съ 50+5 чертежами въ краскахъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакц. М. А. Нетыкса. Ц. 5 р.

НЕТЫКСА, М. А. Школа жестянника. Руководство для любителей ремесла и кустарей, съ атласомъ чертежей въ 22 таблицы. Ц. 3 р.

ЕГО ЖЕ. Техника черченія. Счетная линейка. Правила разметки. 3-е совершенно переработанное и значительно увеличенное изд. Съ 757 политипажами въ текстѣ и 7 литографированными таблицами. Ц. 3 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Практическій курсъ столярнаго искусства. Пособіе для преподавателей техническихъ и ремесленныхъ школъ и любителей. Большой томъ (664 стр.) съ 755 политипажами въ текстѣ и **отдѣльнымъ атласомъ чертежей** изъ 41 таблицы, заключающихъ 725 рисунковъ. Изд. 2-е, совершенно переработанное. Цѣна съ атласомъ 7 р.

ЕГО ЖЕ. Практическій курсъ слесарнаго искусства, въ 2-хъ томахъ. Томъ I. Слесарные матеріалы. Отливаніе. Разметка. Съ 610 фигурами въ текстѣ и 3 литографированными таблицами. Томъ II. Сверленіе. Пробивка. Развертка. Нарѣзка винтовъ. Закалка, отдѣлка и разныя работы. Съ 831 фигурами въ текстѣ и 2 литографирован. таблицами. Ц. за 2 тома 7 р. 50 к.

Обслуживаніе электрическихъ установокъ и обращеніе съ генераторами и электромоторами. Элементарный курсъ электротехники и практическое руководство для машинистовъ, установщиковъ и вообще для лицъ, имѣющихъ дѣло съ динамо-машинами и электромоторами. Перевелъ съ англійск. и дополнилъ инжен.-технол. **Л. А. Боровичъ.** Изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное. Съ 181 фигур. въ текстѣ. Ц. 3 р. 25 к.

Основныя начала устройства электрической передачи энергіи. Элементарное практическое руководство для техниковъ, мастеровъ, монтеровъ и проч. Съ англійскаго перевелъ и дополнилъ инженеръ-технологъ **Л. А. Боровичъ.** Со множествомъ рисунковъ и 5 отдѣльными таблицами. Ц. 3 р. 25 к.

ПОРОХОВЩИКОВЪ, А. Школа дешеваго огнестойкаго сельскаго и городского строительнаго искусства. Цѣна съ атласомъ чертежей, состоящимъ изъ 39 таблицъ, въ обложкѣ—1 р. 50 к., въ прочномъ переплетѣ—1 р. 75 к. **Содержаніе** книги: Предисловіе.—Отдѣлъ воспитательный.—Программа и ея исполненіе. Отдѣлъ учебный: „Подросткамъ наставленіе, какъ избы старыя и прочее строенье несгораемыми сдѣлать"... „Пожарный букварь". Высочайшая благодарность.—Русская печь.—Сердце русской избы.—Корсунская печь.—Строительные матеріалы и работы.—Чертежи.

ROSE, J. Золотниковое парораспредѣленіе въ паровыхъ машинахъ. Съ атласомъ чертежей въ 20 таблицъ. Цѣна 3 р.

ЕГО ЖЕ. Паровыя машины. Нѣкоторые типы современныхъ паровыхъ машинъ. Съ атласомъ чертежей въ 29 таблицъ. Цѣна 2 р. 75 к.

УНВЕЙНЪ. Основы построенія частей машинъ. Переводъ Нетыкса и Кульчицкаго. Ц. 3 р. 50 к.

ХЕДЕРЪ (H. HAEDER). Паровыя машины, разсмотрѣнныя какъ въ отношеніи большихъ спеціальныхъ паровыхъ установокъ, такъ и въ отношеніи рыночныхъ типовъ. Расчетъ и детали. Съ 1964 политипажами и 270 таблицами. Множество примѣровъ. Для практики и техническихъ училищъ. Переводъ съ 6-го (послѣдняго) нѣмецк. издан. инжен. М. Блокъ и инж. Л. Боровича. Ц. 6 р.

ЕГО ЖЕ. Органы парораспредѣленій. (Парораспредѣленіе въ паровыхъ машинахъ.) Для практики и техническихъ училищъ. Практическое пособіе и справочная книга для проектированія всевозможныхъ системъ парораспредѣленій. Переводъ съ VI нѣмецкаго изданія инж. М. Блокъ. 267 стр. текста съ 700 политипажами, 78 таблицами и 16-ю листами чертежей. Ц. 3 р.

ЕГО ЖЕ. Индикаторъ. Практическое руководство къ изслѣдованію паровыхъ машинъ и котловъ. Для фабрикантовъ, заводчиковъ и техниковъ. Перев. съ 3-го нѣмецкаго изданія инжен.-технол. Л. А. Боровичъ. Со множеств. рисунк., таблицъ и чертежей. Ц. 4 р. 50 к.

Художественный сборникъ работъ русскихъ архитекторовъ и инженеровъ. Съ рисунками и чертежами. Всѣ выпуски 1891—1894 гг. включительно. Цѣна кажд. вып. 3 р. 50 к.

SCHLOTKE. Курсъ графической статики, изложенный для архитекторовъ, техниковъ, строителей и проч. Съ 9 литографиров. таблиц. Ц. 2 р.

ШУБЕРТЪ, М. Производство целлюлозы. Практическое руководство для технологовъ, заводчиковъ, управл. и для преподав. въ техническ. учил. Съ 107 рисунк. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. инжен.-технол. **Н. А. Филиппова.** Цѣна 2 р. 75 к.

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА III

МОСКВА.

1907.

P Slav 605.10
~~Slav 80.11~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ОКОЛО ДЕРЕВНИ.—Ив. Саввина.	1
II.	ТРІУМФЪ. К. Тетмайера. Перев. съ польск.—В. А. Высоцкаго.	26
III.	ПАДШІЕ.—С. Богдановскаго	48
IV.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—Валерія Брюсова.	134
V.	СМѢНА. Драма въ четыр. дѣйств.—Л. Я. Гуревичъ.	137
VI.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бунина.	198
VII.	ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Л. Н. ТОЛСТОМЪ.—Ив. Булановскаго.	1
VIII.	РЕВОЛЮЦІЯ И РЕЛИГІЯ.—Д. С. Мережковскаго. *Окончаніе.*	17
IX.	КАКЪ СОВРЕМЕННОЕ ЗЕМСТВО ОБЛАГАЕТЪ МѢСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ.—І. Д—р—ва	35
X.	СУДЕБНОЕ ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ. (Порядокъ возбужденія дѣлъ и преданія суду).—Е. М. Кулишера.	48
XI.	О КНУТѢ ГАМСУНѢ.—Волжскаго.	78
XII.	ФИЛОСОФСКІЯ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕСПОТИЗМА.—С. Л. Франка.	93
XIII.	КАКЪ ОСУЩЕСТВИТЬ ЕДИНОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО?—Б. А. Кистяковскаго.	113
	ГЕРЦЕНЪ И ЗАПАДЪ. (Глава изъ біографіи А. И. Герцена).—О. Гершензона.	135
	ПИСЬМА ИЗЪ ТАВРИЧЕСКАГО ДВОРЦА.—А. А. Кизеветтера.	158
	ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ. (Замѣтки публициста).—А. С. Изгоева	167

Стр.

XVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда. 185

XVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго. 206

XIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Политическая экономія.—Философія.—Исторія.—Юридическія книги. 51

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

Григорій Борисовичъ Іоллосъ.

Павшій жертвою дикаго и ужаснаго преступленія, Григорій Борисовичъ Іоллосъ былъ давнишнимъ сотрудникомъ *Русской Мысли*. Прибывъ въ Москву изъ Одессы молодымъ магистрантомъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ М. Я. Герценштейномъ, Григорій Борисовичъ тотчасъ же былъ введенъ въ кругъ редакціи *Русской Мысли* и началъ работать въ библіографическомъ отдѣлѣ журнала, давая рецензіи на книги по экономическимъ вопросамъ. Вскорѣ судьба забросила его на чужбину. Онъ посвятилъ себя изученію соціальной и политической жизни Германіи. Но всѣ, слѣдившіе по *Русскимъ Вѣдомостямъ* за его блестящими корреспонденціями изъ Берлина—а кто не зачитывался этими письмами?—не могли не чувствовать, какою горячею любовью къ родинѣ диктовалась каждая строка, выходившая изъ-подъ его пера. Вглядываясь въ жизнь Германіи, онъ ни на минуту не переставалъ думать о Россіи и, благодаря тонкому чутью дѣйствительности и крупному литературному таланту, онъ съ удивительнымъ мастерствомъ умѣлъ въ каждомъ явленіи нѣмецкой жизни оттѣнить и выдѣлить именно такія стороны, которыя получали наиболѣе поучительное значеніе для русскаго читателя. И потому его корреспонденціи изъ Берлина сыграли выдающуюся роль въ развитіи политическаго самосознанія русскаго общества. Ни одинъ будущій историкъ

русскаго освободительнаго движенія не обойдетъ ихъ своимъ вниманіемъ. Съ первыми признаками нашей кратковременной политической «весны» покойный поспѣшилъ на родину. Тамъ ему предстояла кипучая общественная работа. Ставъ во главѣ *Русскихъ Вѣдомостей*, онъ въ короткое время развернулъ во всемъ блескѣ свои исключительныя редакторскія дарованія. Репутація солиднаго знатока экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ выдвинула его въ составъ членовъ первой Государственной Думы, и товарищи его по думской работѣ сохранили самое благодарное воспоминаніе о той помощи, какую онъ оказывалъ имъ всѣмъ своими знаніями и своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ. Онъ былъ нуженъ родинѣ, и родина оплачетъ горькими слезами его безвременную и ужасную кончину. Нашъ журналъ лишился въ его лицѣ заботливаго и вѣрнаго друга. Онъ свѣтилъ окружающимъ тихимъ и ровнымъ свѣтомъ, работая скромно и не шумно, но подчиняя всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, неотразимому обаянію своего чистаго идеализма. Его благородная жизнь понадобилась врагамъ обновленія измученной Россіи, и онъ палъ жертвой ихъ ослѣпленной злобы. Мы отдали его прахъ родной землѣ въ зловѣщемъ мракѣ политической ночи. Но придетъ пора: надъ Россіей взойдетъ солнце истинной свободы, и въ лучахъ этого солнца для свободныхъ русскихъ гражданъ будетъ сіять обаятельный образъ несчастнаго писателя.

Ред.

ОКОЛО ДЕРЕВНИ.

I.

За обѣдомъ Яковъ Степановичъ чуть было не разсорился съ женой. Въ городѣ онъ набрался скверныхъ вѣстей и потому чувствовалъ себя удрученнымъ и тяжело вздыхалъ.

— Нужно крестьянъ организовать,—сказалъ онъ.—А то чортъ ихъ знаетъ, разобьютъ заводъ и кончено. Свои, пожалуй, и не тронутъ, хотя бастуютъ они, подлецы, не по-человѣчески, прежде всего, какъ одинъ, напьются пьяными... А вотъ еще какъ съ округи напрутъ—жарко будетъ...

— Такъ они тебѣ и повѣрятъ,—сказала Надежда Николаевна.—Ты сдалъ имъ по сорокъ рублей десятину, да еще и организовать хочешь...

Яковъ Степановичъ даже со стула вскочилъ.

— И какого ты чорта лѣзешь туда, гдѣ тебя не просятъ... Я и такъ получилъ убытокъ, свою землю сдалъ, уже удобренную. Съ каждой десятины они возьмутъ по восемьдесятъ пудовъ пшеницы, а пудъ—рубль... Выгодно имъ это или нѣтъ? Вамъ только вѣрятъ, когда вы на кухнѣ прокламаціи читаете... Вотъ поѣдемъ сегодня въ Ястребово и посмотримъ, кого они станутъ слушать. Думаете, какъ мужикъ, такъ разъ-два и готово... Безъ выкупа и пошла, и пошла...

Слова о выкупѣ относились уже къ Павлу Семеновичу, но онъ промолчалъ,—ему надоѣли эти безконечные споры.

Послѣ чаю на просторной линейкѣ они поѣхали въ Ястребово, отстоявшее отъ завода верстъ на пять. Сѣли Курниковы, Павелъ Семеновичъ, пріѣзжая дама и Лида. За дѣвочкой увязались двѣ собачки, жившія въ комнатахъ. Тройка лошадей быстро и мягко помчала экипажъ, и они скоро выѣхали изъ лѣса, окружавшаго усадьбу.

Дорога шла проселкомъ, между полями пожелтѣвшей ржи. Ко-

леса глубоко прятались въ широко накатанныхъ колеяхъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ росли высокіе стебли васильковъ, измазанные дегтемъ колесъ. Имъ опять пришлось проѣзжать мимо березовой рощи. Еще болѣе бѣлыя отъ солнечнаго свѣта, только съ небольшою кроною наверху, деревья стояли тонкія, стройныя, съ кучами папоротниковъ у корней.

Они взобрались на холмъ и стали приближаться къ деревнѣ. Недалеко передъ ней, на песчаныхъ бугоркахъ торчали пни вырубленнаго лѣса, и, словно пугаясь ихъ, скучились въ лощинкѣ нѣсколько старыхъ березъ. Отсюда былъ виденъ заводъ и усадьба Курниковыхъ. Вдалекѣ налѣво, окруженное песками, какъ одно вычурное, крошечное строеніе, ютилось село съ бѣлой церковью и красной трубой винокуреннаго завода. Густѣющій вечерній воздухъ тихо струился надъ далью, зеленой, неясной.

Былъ какой-то деревенскій праздникъ, и въ разныхъ мѣстахъ села стояли небольшія группы молодежи, бабъ, мужиковъ. Проѣхавъ мимо запыленной, давно не штукатуренной церкви, они остановились около дома столяра, работавшаго на заводѣ у Якова Степановича. Скоро вокругъ нихъ собралась толпа.

Столяръ былъ изъ передовыхъ крестьянъ, зналъ о желаніи барина поговорить съ ястребовскими мужиками. Поздоровавшись, онъ замѣшался въ толпу и лишь изрѣдка подавалъ свой голосъ, поясняя пріѣхавшимъ то, что говорилось мужиками. Завязать разговоръ не представлялось никакого труда: говорили о послѣднихъ газетныхъ новостяхъ, и ихъ внимательно слушали. Яковъ Степановичъ затѣмъ долго говорилъ о вредѣ погромовъ и сталъ излагать свою теорію о необходимости выкупа.

— Вотъ теперь вы обходитесь безъ самаго необходимаго, а когда будетъ много земли, всего потребуется больше. Тебѣ нуженъ будетъ и ободъ, и грабли, и вилы желѣзныя, и ситецъ, а наши фабрики столько, чтобы всѣмъ хватило, не сработаютъ. И придется изъ-за границы покупать, туда отдавать свои деньги. Нужно, чтобы у насъ было больше заводовъ, а для этого землю придется не даромъ брать, а выкупать у помѣщика. Онъ заводъ построитъ, и тогда и вамъ будетъ работа, и разнаго товару на всѣхъ хватитъ...

Они слушали его внимательно, но потомъ заговорили сразу во многихъ мѣстахъ.

— У насъ земля четвертныхъ правъ, помѣщика нѣтъ, откуда земли-то прибавиться. Поповскую возьмемъ,—говорили въ другомъ мѣстѣ.

— Чужихъ со своего поля сгонимъ, да и своимъ по сорокъ де-

сятинъ жирно—вишь пузо раздулъ, а у меня только три четверти десятины,—говорилъ тощій крестьянинъ съ черной длинной бородёнкой, указывая на круглолицаго босого мужика, подпоясаннаго веревкой, на которой болтался небольшой ключикъ.—За своихъ придется взяться, чужіе къ себѣ не пустятъ.

— Уже не пускаютъ. Ѣхалъ я подъ просо пахать, десятину у Кандауровскаго барина снялъ, а мнѣ Ѳедоръ изъ Свербиловки говоритъ: ну, въ послѣдній разъ запаши и больше не показывайся, соху поломаемъ, тутъ мы пахать будемъ. Задатку, говоритъ, и не давай, все равно даромъ пропадетъ... Насъ гонятъ, и мы будемъ гнать—безъ драки не обойдется.

— Свербиловскимъ не всѣмъ земля достанется,—вмѣшался молодой веснушчатый парень.—Какіе раньше были барскіе, тѣ живутъ дальше и говорятъ, что земля наша, а ближе которые чужіе, тѣ говорятъ: нѣтъ—наша, такъ они и грызутся другъ съ другомъ.

Имъ пришлось прислушиваться къ тому, что говорятъ мужики. Эта вдругъ начавшая разсуждать, дѣлиться предположеніями и планами толпа въ той умственной работѣ, которая теперь выполнялась сообща ею, шла совершенно въ сторонѣ и отъ Курникова, и отъ Павла Семеновича. Предполагая выступить здѣсь противниками другъ другу, они совершенно забыли теперь объ этомъ, имъ какъ-то сдѣлалось ясно, что для крестьянъ они одно и то же, совершенно чужіе, посторонніе люди.

— Что же думаютъ-то свербиловскіе,—обратился Курниковъ къ мужикамъ.—Если будутъ грызться, то не добьются земли ни тѣ, ни другіе...

— Нѣтъ, на этотъ счетъ они согласны, только ужъ такъ и идутъ одна половина на другую. Арендаторъ лугъ барскій косилъ. Приходятъ одни—не смѣй, говорятъ, косить—лугъ нашъ. Бился, бился, далъ пятьдесятъ рублей—ушли. Приходятъ другіе—ставь, говорятъ, два ведра водки, а то не дадимъ косить, а скошенное сожгемъ. Что-жъ ты думаешь, поставилъ, да еще каждый по кучкѣ сѣна захватилъ. Одинъ не хотѣлъ брать, такъ его староста коломъ: что-жъ ты, говоритъ, одинъ правымъ быть хочешь?... Потомъ пошли было допивать къ [illegible]мъ, что пятьдесятъ рублей взяли, ну тѣхъ больше—такъ ихъ пр[illegible]али.

[illegible]отъ случай вызвалъ долгій смѣхъ и множество шутокъ. Они, по[illegible]имому, поняли то, что Курниковъ говорилъ о заводахъ, но для ни[illegible] это было неважно.

[illegible]говоръ былъ неожиданно прерванъ Дэзи, одной изъ собаче[illegible]ор[illegible]ыхъ при въѣздѣ въ деревню взяли на подножку линейки.

Мальчишки облѣпили линейку, насадились на задокъ ея, на колеса, и одинъ, повидимому, раздразнилъ собаку. Она сорвалась съ подножки, прокусила ему голень и разорвала штанишки. Надежда Николаевна и другая дама подбѣжали къ плакавшему ребенку и стали утѣшать его.

— Съ этой же собаки надо шерсти взять, сжечь и засыпать ранку, не будетъ болѣть,—говорила баба матери мальчика.

— Зачѣмъ жечь, такъ надо приложить,—вмѣшалась другая.

Надежда Николаевна убѣдила бабу пойти промыть ранку и, порывшись въ кошелькѣ, сунула что-то ей въ руку.

— Ишь, шерсти собачьей жалко,—хихикнулъ кто-то въ толпѣ.

—Собаки-то вѣдь не такія, какъ наши,—резонно замѣтилъ старикъ.—Что-жъ ей плѣшивой быть...

Прерванный разговоръ безъ труда опять возобновился. Протискалась впередъ какая-то баба, старая, сухая.

— Поповскую землю взять, что ихъ жалѣть, они насъ жалѣютъ?... Я вонъ взяла у него мѣрку картошки, а онъ говоритъ, двѣ отдай, да работала у него сколько.

Въ толпѣ смѣялись ея словамъ, но она разгорячилась:

— Чего скалитесь?... Ему попадья бороду чешетъ, вотъ и все его занятіе, а у меня мужикъ отъ самаго Петрова дня лежитъ...

— Ну, вотъ и ты своему чеши...

Павелъ Семеновичъ говорилъ о необходимости объединенія.

— А противъ кого намъ соединяться,—сурово произнесъ старикъ въ оборванномъ зипунишкѣ, въ касторовой шляпѣ, съ приподнятымъ верхомъ на головѣ.

Онъ опирался на длинную, выше его роста, палку, загнутую на концѣ въ крючокъ, какъ у библейскихъ пастуховъ, насупился и недоумѣвающе сердито смотрѣлъ на Павла Семеновича. Это былъ общественный пастухъ, ему отъ всѣхъ приходилось плохо, и онъ не зналъ, противъ кого надо объединяться. Можетъ быть, онъ хотѣлъ поймать Павла Семеновича на чемъ-нибудь болѣе серьезномъ.

Тотъ отвѣтилъ общей фразой о необходимости борьбы съ болѣе сильными и вообще говорилъ на обычныя политическія темы. Они какъ-то странно задвигались, когда онъ кончилъ: такъ разминаются люди, долго пробывшіе въ неудобномъ положеніи, чтобы вернуть бодрость затекшимъ членамъ. Они какъ будто готовы были и дальше слушать его, но другъ съ другомъ не перекинулись ни одним словомъ по поводу того, что онъ говорилъ. Только нѣсколько односложныхъ вопросовъ было предложено ему, и затѣмъ наста[л] неловкое молчаніе, хотя, повидимому, многіе были съ нимъ согласны.

— Спасибо вамъ, что поговорили, мы люди темные, насъ сразу ничему не научишь,—говорили они, когда тройка двинулась изъ деревни.

И когда деревня скрылась за холмомъ, Павелъ Семеновичъ думалъ, что вмѣстѣ съ тройкой, съ павлиньими перьями шапки кучера и съ злыми на деревенскихъ ребятишекъ собачонками, исчезли съ поверхности деревни тѣ мысли, которыя онъ излагалъ имъ. Ихъ не отбросила отъ себя деревенская мысль,—эти уже готовыя слова: они мягко вошли въ нее, какъ свободно и легко тонетъ горсть песку, брошенная въ воду.

И ему казалось, что нельзя этими маленькими горстками выстроить плотину, которая могла бы перегородить ровное полумертвое теченіе деревенской жизни, заставила ее сердито вздуться и затопить все кругомъ. Онѣ были слишкомъ случайны, какъ случаенъ ихъ пріѣздъ. Она шла сама по себѣ, эта легко разступившаяся и такъ же свободно замкнувшаяся за его словами жизнь.

— Всю землю возьмутъ, нечего организовать,—говорилъ Яковъ Степановичъ.—Сразу, молъ, не научишь... Со своими мужиками и говорить нечего... даже съ сапогъ посчистятъ, какая прилипла.

Онъ даже засмѣялся.

За ужиномъ онъ былъ веселъ, пилъ водку и дѣлился планами о томъ, какъ онъ будетъ пахать землю, а Надежда Николаевна—жать, когда крестьяне отнимутъ землю и сожгутъ заводъ. Надежда Николаевна называла мужа лодыремъ, а онъ расхаживалъ съ папиросой во рту сзади нея, шутя подымалъ кулакъ и опускалъ его ей на голову.

Проснулся на другой день Павелъ Семеновичъ поздно. Онъ еще былъ въ постели, когда къ нему зашелъ Сергѣй, большую часть лѣта проводившій здѣсь, на дачѣ сестры. Онъ и Павлу Семеновичу предложилъ отдохнуть здѣсь, въ качествѣ учителя Володи, сына Курниковыхъ.

Дождь хлесталъ въ открытую форточку, не даромъ такъ душно было вчера ночью.

Съ самаго утра у Павла Семеновича разыгрались нервы. Онъ усѣлся бы заниматься съ Володей, но не могъ. Онъ не былъ въ состояніи вслушиваться въ то, что тотъ говорилъ, въ головѣ у него ныло, слезы сжимали горло. Онъ ушелъ въ свою комнату и долго лежалъ съ разстегнутымъ воротомъ рубашки.

Сергѣй позвалъ его:

Давай вотъ вмѣстѣ полѣчимъ.

. Въ коридорѣ, около дѣтской, опустивъ голову, сидѣлъ на стулѣ босой мужикъ.

— Голова болитъ и поясница... охъ, скипидару бы мнѣ.

— Давно это у тебя? можетъ быть, ты простудился?—спросилъ Сергѣй.

— Владиміръ Яковлевичъ, барчукъ, я у васъ двадцать пять лѣтъ работалъ...

Онъ застоналъ.

— Папа уѣхалъ,—боязливо сторонясь, сказалъ Володя.

— Это Щепиль,—шепталъ онъ Павлу Семеновичу.—Когда была забастовка, его били вонъ тамъ подъ березами. Они были всѣ пьяны. Онъ говорилъ, что надо сжечь заводъ, и ранилъ ножомъ двоихъ. Другіе его били; съ тѣхъ поръ онъ больной. Онъ пришелъ денегъ просить.

Щепиль молчалъ. На головѣ у него былъ для чего-то бабій платочекъ вмѣсто шапки. Онъ оперся локтями о колѣни и былъ такъ неподвиженъ, какъ будто спалъ.

Подошла Надежда Николаевна, но и оба они съ Сергѣемъ не могли въ стоявшей неподалеку аптечкѣ найти скипидаръ.

— Барыня, хоть двадцать копеекъ, ѣсть дома нечего... Заводъ жечь, да развѣ я...

Когда онъ поднялъ свое блѣдное, изможденное лицо, отъ него пахнуло запахомъ водки. Онъ безсильно опять опустился. Дождь вымочилъ его всего, и вода, стекая, образовала около ногъ грязную лужицу.

Точно что-то страшное и вмѣстѣ безсильное ворвалось съ нимъ въ домъ,—оттого сразу всѣмъ сдѣлалось не по себѣ. Глубоко осунувшись, онъ молчалъ, и его молчаніе еще болѣе усиливало жуткій гнетъ, который онъ принесъ съ собой. Они стояли въ сторонѣ и шептались, какъ будто боясь потревожить кого, разбудить. Сергѣй дотронулся до его плеча.

— Иди, жену пришлешь, если ѣсть нечего,—ты пропьешь.

— Я, ей-Богу, рыбки принесу... Вентера вытрушу, что есть—вамъ. Хоть стаканчикъ дайте,—въ грудяхъ полегчаетъ.

Когда онъ дышалъ, въ груди у него слышался хриплый шорохъ. Они всѣ отошли отъ него и смотрѣли на него издали. Онъ, наконецъ, поднялся и пошелъ разбитой походкой, но долго еще стоялъ въ коридорѣ, передъ выходомъ, опустивъ голову.

Павелъ Семеновичъ вышелъ на балконъ.

Все такъ же шуршали, какъ бы волочась по геліотропамъ, тонкія нити дождя. Онъ совершенно не видѣлъ глазъ Щепиля, злые они и

добрые. Онъ пробовалъ представить себѣ, какія мысли могутъ быть у него, что онъ думаетъ, но не могъ. Онъ умретъ, вѣроятно; пьяная, озвѣрѣлая толпа!..

Рѣзко прокричалъ гудокъ. Съ маслобойнаго завода потянулись люди. Они торопились, какъ будто имъ не надоѣло спѣшить въ заводѣ. Нѣкоторые размѣстились тутъ же, подъ навѣсами амбаровъ съ подсолнухами, а большая часть ушла на деревню.

Послѣ обѣда дождь сталъ переставать, вѣтеръ почти утихъ. Тучи, плотно и густо окутывавшія небо, сдѣлались тонкими, прозрачными, за ними уже чувствовалась голубая лазурь. Скоро онѣ совсѣмъ растаяли. Пока шелъ дождь, тамъ, за облаками, какъ будто скоплялось все то тепло и свѣтъ, который еще съ утра долженъ былъ упасть на землю. Оттого сдѣлалось вдругъ такъ тепло и ясно кругомъ.

Уложивъ дѣтей спать, Надежда Николаевна послѣ ужина опять пришла въ столовую и сѣла на диванѣ около Павла Семеновича. Опершись локтями на подушку, она заглянула къ нему въ книгу и тихонько отняла ее.

— Бросьте читать, мнѣ хочется поговорить съ вами.

— Говорите вы, у меня въ головѣ все вязнетъ, совсѣмъ душитъ горло.

Она неудобно, по-дѣтски лежала на диванѣ, сдвинувъ близко одно къ другому свои плечи. Ея лицо казалось ему красивѣе, чѣмъ когда-либо. Коричневые, неровно окрашенные глаза, какъ-то незамѣтно переходили въ зрачокъ и теперь въ тѣни отъ свѣта лампы казались темными, ласково свѣтящимися пятнами.

— Ну, такъ вотъ... Я говорила о неясной возбужденности. Я чувствую себя свободной, у меня появилась смѣлость дѣлать такъ, какъ я хочу, а что дѣлать, я и не знаю... Жизнь всегда одна и та же, и мнѣ кажется, что думать нужно иначе, тогда и жизнь будетъ другой. Мнѣ хочется чего-нибудь цѣльнаго, сильнаго, но недостаетъ мысли того, что я могла бы сдѣлать... Понимаете вы меня?... Мнѣ противно все, что дѣлается само собой. Мнѣ хочется бунтовать противъ всего, противъ себя самой.

Онъ молча слушалъ ее, и когда ему показалось, что онъ понялъ ее, въ немъ поднималась робость, какая-то вражда къ ней.

— Вы совсѣмъ больны,—сказала она, посмотрѣвъ на него — у васъ такой скверный видъ, идите спать.

Павелъ Семеновичъ пошелъ въ свою комнату, потушилъ лампу и легъ въ постель. Заснулъ онъ не сразу и долго лежалъ съ открытыми глазами. Передъ нимъ мигали дрожащія мелкія точки, и медленно проплывали темныя, продолговатыя фигуры. Иногда онѣ

становились розовыми, и очертанія ихъ были такія, какими дѣти рисуютъ облака,—извилистыя, неправильныя.

Засыпая, онъ видѣлъ свою камеру. Она помѣщалась въ башнѣ и имѣла двухсводчатый потолокъ. Онъ походилъ на крылья какой-то грязно-сѣрой птицы. Опускающееся ребро его находилось посрединѣ, и Павелъ Семеновичъ видѣлъ, какъ оттуда спустились двѣ костлявыя руки и силились что-то схватить.

Но онъ былъ спокоенъ, потому что птица едва вмѣщалась въ дугообразной камерѣ, и лапы ея не могли достать до стѣны, къ которой была прикована его койка.

Что-то толкнуло его, и онъ проснулся. Онъ стоялъ въ коридорѣ, ухватившись за руку Сергѣя. Было свѣтло отъ горѣвшей неподалеку электрической лампочки.

— Что ты, куда?

— Бредъ... со мной никогда этого не было...

Онъ не помнилъ, зачѣмъ всталъ, ему сдѣлалось страшно. Онъ замкнулъ дверь, положилъ ключъ въ карманъ и легъ опять.

Но ему уже не спалось. Грузно пыхтѣла паровая машина въ заводѣ, синеватый свѣтъ падалъ на печь и часть стѣны. Онъ поднялся: занавѣски не были спущены, и свѣтъ фонаря, стоявшаго за рѣшоткою цвѣтника, на площади, врывался въ окна.

Онъ одѣлся и вышелъ. Страхъ его сразу исчезъ. Ночь была лунная, облачная, душная. Запахъ гвоздикъ и геліотроповъ въѣдался въ его нервы и еще болѣе раздражалъ ихъ. Онъ вышелъ за полисадникъ. Какъ черная коробка, грузно налегалъ на пригорокъ заводъ, слабо свѣтясь четырьмя рядами оконъ. Съ неустанной правильностью вздыхала машина, и въ открытую дверь видно было, какъ около нея копошились испачканные люди.

Онъ пошелъ внизъ по берегу озера, около толстыхъ высокихъ ракитъ. За мосткомъ черезъ канаву, за огородами начиналась деревня. Онъ мало зналъ деревню; можетъ быть, такихъ много. Немногія только хаты крыты подъ глину, грязныя, полуобнаженныя, половина безъ дымовыхъ трубъ, съ маленькимъ единственнымъ окошечкомъ.

«Почему такъ мало оконъ и они такія крошечныя»,—думалъ онъ, проѣзжая по ней. Со своей безстыдной нищетой и вѣковой дикостью она была самымъ некрасивымъ изъ всего, что видѣла на себѣ прошлый вечеръ эта черноземная земля, бережно ощупываемая лучами заходящаго солнца. Въ полуверстѣ отъ завода, она десяткомъ вѣковъ была отдѣлена отъ него, какъ эта свѣжая, не городская ночь да гулкая тишина, разлившаяся кругомъ.

И домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ врагомъ молчаливо спавшей деревни, какъ и заводъ со своею машиной. Она была чужой для жизни людей, разселившихся вокругъ нея, чужда правильнымъ ритмомъ своихъ движеній, могущественной мыслью, вложенной въ нее.

Но что, если имъ сдѣлается стыдно и они взбѣсятся?

Около ста верстъ проѣхалъ онъ по этой губерніи, и каждый разъ прилично одѣтые люди, выходя изъ вагоновъ, спрашивали встрѣчавшихъ ихъ:

— Ну, какъ?... не было погрома?... Слава Богу!...

Они уничтожаютъ то, въ чемъ выражается жизнь, чужая, въѣдающаяся въ ихъ тѣло. Виноваты не люди, а вещи,—они почти правы,—только не тѣ вещи, которыя можно сжечь.

И ему казалось, что онъ чувствуетъ, какъ эта вязкая, липкая стихія все плотнѣй и плотнѣй прилегаетъ къ заводу, къ дому съ ѣдко пахнущими геліотропами, съ портретами лошадей въ столовой. Какъ утренній мелкій неустанный дождь, спрятавшій заводъ въ своемъ туманѣ, она сгущается, твердѣетъ, эта тягучая жизнь, и растущія глыбы ея угрожаютъ поглотить островки, такъ вольно гнѣздящіеся около деревень, полныхъ нищеты и грязи.

Уже разсвѣтало, когда онъ воротился въ свою комнату и заснулъ.

II.

Каждый день пахнули геліотропы, кричалъ гудокъ, смѣненный потомъ колоколомъ, когда заводъ остановился и въ немъ начали производить ремонтъ. Потомъ ни гудка, ни колокола не стало слышно, потому что ремонтъ закончили, но производство еще не началось.

И заводъ молчаливо стоялъ, съ закрытыми форточками оконъ, темный внутри, освѣщаемый фонарями, стоявшими между нимъ и домомъ. Когда ночью засыпала усадьба, деревня и поля, въ немъ не билась жизнь, одинокая, среди смутно спящихъ полей. Только въ стеклахъ его оконъ отсвѣчивался свѣтъ фонарей, и тогда казалось, что онъ не спитъ и въ этой хмурой, тяжелой бессонницѣ всматривается въ темный туманъ озера, въ пустую тьму поля и прислушивается къ враждебной ему, безшумно идущей жизни. И тогда онъ казался не такимъ громаднымъ, плотнѣе прилегалъ къ землѣ, точно его пугала эта тишина, и неподвижность его машинъ лишала его увѣренности въ себѣ, той силы, которую онъ получалъ въ гамѣ и стукѣ неустаннаго движенія...

Онъ часто вмѣстѣ съ Надеждой Николаевной ходилъ на деревню. У нея было много знакомыхъ, и они много разъ заходили въ избы. Но онъ всегда чувствовалъ, что ему не удается проникнуть въ глубь этой жизни; онъ всегда оставался около деревни. Ихъ было двѣ деревни—та, которую онъ могъ наблюдать, и другая, которую онъ чувствовалъ, о которой ему приходилось часто слышать—ее онъ зналъ по поджогамъ, нелѣпымъ схваткамъ съ помѣщиками и той вычурной, часто смѣшной работѣ мысли, которая совершалась при этихъ столкновеніяхъ.

И тѣ рѣдкіе, сознательные, которые понимали многое, разспрашивали Павла Семеновича о томъ, что дѣлается внѣ предѣловъ округи, и дѣлали это какъ бы для себя, изъ личнаго интереса.

— Развѣ имъ растолкуешь, развѣ они поймутъ,—говорили они, когда Павелъ Семеновичъ понуждалъ ихъ говорить со своими односельчанами.

А ястребовскій столяръ, умный и знающій, пренебрежительно отзывался о нихъ:

— Глоты, васъ еще будутъ слушать и какъ будто согласятся... Поймутъ якобы, а стану я говорить—что тамъ ты, много знаешь... Они попрутъ такъ, наобумъ...

Надежда Николаевна многихъ лѣчила въ деревнѣ. Она иногда ходила къ нимъ на домъ, а чаще они являлись сами. Она звала тогда Павла Семеновича, если онъ былъ свободенъ, садилась на ступени балкона и начинала разспрашивать про болѣзнь. Онъ садился сзади нея и часто совершенно случайно заглядывался на ея красивую фигуру, рѣзко обозначавшуюся за темно-зеленымъ, тонкимъ капотомъ, въ которомъ она ходила почти все лѣто.

Съ болѣзни она часто сводила разговоръ на что-нибудь другое.

— Вы только послушайте ихъ, я ихъ давно знаю,—говорила она.

Баба, стоявшая съ легко наклоненною въ сторону и подпертою ладонью головой, кротко моргая, смотрѣла на Павла Семеновича:

— Что-жъ тутъ знать, мы люди простые...

Она была, дѣйствительно, простой, эта грязная, нищая жизнь, какъ просты мужики, неуклюже размахивавшіе руками, когда они горячились, и хитро подмигивавшіе, когда онъ спрашивалъ, знаютъ ли они, чего добиваются революціонеры.

Только они, при ея простотѣ, знали слишкомъ мало словъ, чтобы высказать ее, и она сама говорила о себѣ нѣмымъ, угрожающимъ гнетомъ, который налегалъ на усадьбу, и толкала ихъ на ненужныя вспышки...

Оставшись послѣ ужина въ столовой, они долго сидѣли одни.

Павелъ Семеновичъ разсматривалъ газеты, а Надежда Николаевна, онершись на столъ, сидѣла надъ книжкой. Ему не было видно, читала она, или нѣтъ.

Она вышла и воротилась, закутанная въ теплый платокъ. Голосъ у нея былъ нервный, отрывистый.

— Холодно... Да бросьте вы газеты... Пойдемте на озеро...

Онъ надѣлъ шляпу, и они вышли. Ночь была темная. Блѣдными крапинками мигали звѣзды. Надежда Николаевна вздрагивала и куталась въ свой платокъ.

— А съ вами идти безопасно?...

Они проходили мимо фонаря. Она усмѣхнулась натянутой, больною улыбкой и быстро пошла по дорожкѣ черезъ площадь. Ноги ея вязли въ пескѣ, она торопилась, почти бѣжала. Ей хотѣлось поскорѣе пройти площадь, освѣщенное пространство и скрыться въ темнотѣ, за неподвижно стоящими деревьями.

Мимо амбаровъ, черезъ пыльную дорогу они повернули въ рощу. Она хотѣла идти не прямою дорогой, черезъ садъ, а лѣсомъ, туда, къ пустынному концу озера, гдѣ въ него впадала рѣка. Темнота сразу обхватила ихъ, когда они прошли нѣсколько десятковъ шаговъ.

— Ничего не видно, вы наткнетесь на яму или на пень...

Онъ едва поспѣвалъ за ней и говорилъ громко, думая, что она далеко отъ него.

Она отозвалась совсѣмъ близко. Они шли молча, путаясь въ широкихъ листяхъ папоротника; только слышно было, какъ шуршало ея платье да ломались сучья подъ ногами. Она какъ будто хотѣла спрятаться, уйти отъ него, точно онъ гнался за ней, и ему хотѣлось тоже, чтобы она ушла, скрылась за темною тканью деревьевъ. Но когда онъ отставалъ, она окликала его. Она казалась двинущимся сгусткомъ темноты и раздражала его, какъ этотъ переплетенный деревьями мракъ, жутко одинокій, въ которомъ онъ могъ чувствовать лишь ее одну.

Они вышли на аллею. Только теперь замѣтилъ онъ, какъ много свѣтляковъ было разсыпано кругомъ. Они слабо тлѣли, потомъ опять гухали и появлялись какъ бы отъ того, что такъ крѣпко жмурилъсъ, утомленный темнотою.

— Пойдемте, только не отставайте.

Голосъ у нея былъ нерѣшительный, она сторонилась отъ него. ъ не видѣлъ ея лица, но чувствовалъ, о чемъ она думаетъ. И у нехватало желанія ни противиться ей, ни смѣло окунуться въ полную спутанной жизни, неясную тьму.

Она круто повернулась.

— Нѣтъ, пойдемте лучше на раструсъ...

— Куда?...

— На раструсъ, на мельницу... Тамъ много завозчиковъ, мужики рожь скосили, молоть привозятъ... Поговоримъ съ ними... Холодно, дайте вашу руку...

По дорожкѣ, около вѣтвистыхъ, толстыхъ ракитъ они прошли до плотины. Было трудно идти по ея громаднымъ выбоинамъ, изъ которыхъ торчали корявыя палки, и Надежда Николаевна плотно опиралась на него. Громадное стадо гусей, смутно виднѣвшееся около воды, проснулось при ихъ приближеніи. Ближайшіе къ нимъ досадливо крякнули, все стадо закопошилось, но потомъ опять утихло.

Когда они подошли къ зданію, гдѣ помѣщалась динамо-машина, при свѣтѣ фонарей они увидѣли длинный рядъ возовъ, вытянувшійся вдоль плотины. Шумъ отъ паденія воды подъ колесами поглощалъ въ себѣ всѣ звуки. Казалось, что все дѣлалось безшумно: безшумно возились люди на возахъ и тѣ, которые спали между колесами, беззвучно переступали съ ноги на ногу лошади, жевавшія солому, шевеля ушами, безъ словъ разговаривали два мужика на возу, наклонившись другъ къ другу.

Они прошли дальше, мимо дверей мельницы, гдѣ подъ сѣтью ремней возились какіе-то запачканные мукой люди.

Группа мужиковъ стояла около отпряженной телѣги. На передкѣ ея сидѣлъ какой-то мужикъ и говорилъ. Они подошли и прислушались.

— Гдѣ-жъ ему дать три рубля въ день на мужика, это ему убытокъ. А далъ бы три, мы бы за пятью полѣзли... Пріѣхалъ управляющій, а мы говоримъ: вы князь?—Нѣтъ.—Ну, такъ и нечего намъ съ вами разговаривать. Онъ съ исправникомъ пріѣхалъ и ужъ какъ ласкается къ нему. Вы чего, говоритъ, бунтуете?... Мы, говоримъ, не бунтуемъ, намъ чужого не надо.—Не смѣете отказываться работать, трехъ рублей никто вамъ не дастъ.—Пусть, мы говоримъ, князь пріѣзжаетъ къ намъ, мы ему по десять рублей платить будемъ.—Да гдѣ же ему у васъ работать, у кого?—А мы его изъ загона въ загонъ водить будемъ.

Кругомъ засмѣялись.

— Еще съ княгиней,—воспользовавшись перерывомъ, ввернулъ тщедушный мужчина, повидимому, одной деревни съ первымъ.

— Такъ и уѣхалъ. Управляющій уже было скотину собралъ,—хотѣлъ все вывозить изъ экономіи, только если бы не свои же общественники... На сходѣ впередъ лѣзутъ, а потомъ огородами и

управляющему: этотъ то говорилъ, этотъ—другое. И каждый говорить боится... Пріѣдутъ ночью, оставятъ телѣгу за деревней, схватятъ, чтобы никто не видалъ и увезутъ. Въ Аржавчикѣ десять дней сторожа стояли около церкви и за околицей, чтобы кого не украли. Потомъ становой сказалъ: снимите сторожей, никого брать не буду, и всѣ цѣлы... А у насъ еще засмѣютъ, что, говорятъ, лѣзъ впередъ...

Разсказывавшій мужикъ, среднихъ лѣтъ, былъ одѣтъ въ легкій пиджакъ. Онъ засунулъ руки въ карманы, прижавши локти къ тѣлу, и слегка вздрагивалъ. Въ темнотѣ была видна только его бородка да сурово насупленныя брови.

— А сколько у васъ земли?—спросила Надежда Николаевна.

Онъ усмѣхнулся:

— Двѣ десятины—для пьянства, міромъ сдаемъ. У князя земля... она кругомъ пошла—и Озерки, и Крутой Логъ, и Сосновка, а у насъ однѣ усадьбы. Мы у него обществомъ пашню снимаемъ, а то у него работаемъ. На шесть полей ведетъ хозяйство—и клеверъ, и люцерна, чортъ его знаетъ, чего онъ тамъ насѣялъ...

Теперь, когда всѣ слушатели знали о присутствіи Павла Семеновича и Курниковой, они совершенно иначе стали держать себя по отношенію къ разсказчику. Это былъ какъ бы постороній для нихъ человѣкъ, и нѣкоторые, полуотвернувшись, какъ бы совсѣмъ его не слушали; другіе съ дѣланно усиленнымъ интересомъ прислушивались къ его словамъ, точно онъ говорилъ о вещахъ, до крайности диковинныхъ.

Не желая стѣснять ихъ, они пошли назадъ къ усадьбѣ.

Яковъ Степановичъ опять пріѣхалъ съ гостями. Павелъ Семеновичъ не любилъ, когда бывало много народа въ домѣ. Онъ въ такихъ случаяхъ намѣренно долго занимался съ Володей, видѣлся съ гостями за обѣдомъ, а потомъ до самаго вечера читалъ въ своей комнатѣ или уходилъ съ книжкой въ рощу.

Яковъ Степановичъ, Сергѣй и два гостя усѣлись за карты. Дѣти, Лиза и Володя, возились тамъ же въ гостиной около какого-то музыкальнаго ящика. Павелъ Семеновичъ читалъ газеты въ столовой.

— Идите въ аллею около купальни, я приду сейчасъ,—тихо ...ала ему Надежда Николаевна и, взявши со стола одну изъ га-..., тотчасъ же вышла.

Онъ пошелъ. Онъ привыкъ быть съ ней вмѣстѣ, привыкъ пря-...ся отъ другихъ.

Она почти бѣгомъ догнала его на аллеѣ, взяла его подъ руку и ... прижалась къ нему.

— Мнѣ сегодня скверно... У меня становится легче на сердцѣ, когда я побуду съ вами. Немножко, минутъ десять, пока они играютъ...

Они вышли на озеро, по длинному помосту надъ водой прошли къ купальнѣ, которая стояла далеко отъ берега, и сѣли на скамьѣ, придѣланной снаружи, къ боковой стѣнкѣ купальни.

Уже начинало темнѣть. Дулъ сильный вѣтеръ, и большія темныя волны съ плескомъ бѣжали по озеру. Отъ самаго начала его, еще изъ рѣки катились онѣ, и ряды ихъ становились рѣже, когда онѣ приближались къ помосту; точно боялись купальни тѣ, которыя скученною толпой метались по озеру. И какъ бы нехотя вливались онѣ въ темную щель между поверхностью озера и помостомъ, и жалобно барахтались и шуршали, придавленныя поломъ купальни.

— Мой милый, мой дорогой...

Только эти слова въ порывахъ вѣтра долетали до него, однообразно, съ небольшими перерывами, какъ внезапныя всплескиванія волнъ подъ ними, неожиданно выдѣлявшіяся изъ ровнаго, непрерывающагося шелеста. Она цѣловала его долгими, мѣшающими дышать поцѣлуями, и раздражительная, больная усталость овладѣвала имъ, когда она отрывалась отъ него.

Небо встрѣчало ночь, сѣрое, непривѣтливое, покрытое плоскими неуклюжими тучами. Тамъ, на западѣ, громадное, плотное облако выдвинулось на мѣстѣ закатившагося солнца, словно загораживая ему путь, чтобы оно не продвинулось опять на небо. Верхушка его была окрашена въ оранжевый цвѣтъ, и все оно казалось громаднымъ, каменнымъ уступомъ.

Она опахнула его своимъ платкомъ и прижалась къ нему.

Длинные, засохшіе стебли кувшинокъ, повѣшенные кѣмъ-то, качались на перилахъ помоста и при сильныхъ порывахъ вѣтра бились объ ихъ ноги.

— Увидятъ, войдемте въ купальню.

Онъ вошелъ слѣдомъ за ней; колючая тоска поднялась въ немъ; въ душѣ сдѣлалось пусто и больно. Она сидѣла на скамьѣ неподвижно, глядя передъ собой. Онъ обнялъ ея голову и повернулъ къ себѣ: она смотрѣла на него пустыми, не думающими глазами и опять цѣловала его.

— Ну, довольно, пойдемъ.

Взявшись за крючокъ двери, она опять оглянулась на него, и онъ видѣлъ, какъ свѣтились въ надвигающемся сумракѣ ея глаза. Онъ догналъ ее уже у самаго конца помоста, недалеко отъ берега.

— Ну, вотъ, мнѣ теперь лучше, только какъ это печально у насъ выходитъ...

Она засмѣялась.

— Часто не можешь сдѣлать такъ, какъ хочешь, что-то внутри мѣшаетъ... Я пойду впередъ, а ты останься, послѣ войдешь...

Онъ повернулъ назадъ и пошелъ опять къ купальнѣ.

Вѣтеръ рвалъ верхушки ракитъ и быстро гналъ облака. Двумя темными кучами лежали на поверхности воды раструсъ и зданіе динамо-машины. Шума отъ паденія воды не было слышно, только безъ перерыва дующій вѣтеръ свисталъ въ его ушахъ.

У него не было ни словъ, ни мыслей, когда здѣсь онъ прижимался къ ней, и она молчаливо цѣловала его. И теперь онъ съ такой же пустотой смотрѣлъ на озеро. Темнота еще больше надвинулась на него, хотя небо стало расчищаться. Наступала ночь, и все кругомъ становилось неяснымъ. Предметы теряли свои очертанія, свои образы, и мысль, которая жила въ пихъ, куда-то спряталась, была впитана темнотою ночи, и жизнь шла безъ образовъ, безъ мысли.

Послѣ ужина онъ вышелъ на дворъ и сѣлъ на скамейкѣ около цвѣтника. Стройные, прямые тополи, вытянувшіеся тѣснымъ рядомъ, неясно высились надъ домомъ своими остроконечными вершинами. Тамъ, около ихъ вершинъ, казалось, было яснѣе отъ слабо мерцающихъ звѣздъ, отъ маленькаго косяка луны, загороженнаго отъ дома амбаромъ.

Отдѣльныхъ вѣтвей не было видно; онѣ казались сплошными и качались всей своей темной массой. Ни одного фонаря не горѣло здѣсь... На колѣни къ нему упала кисть рябины. Онъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ около угла дома темную фигуру. Это была Надежда Николаевна; онъ узналъ ее и направился къ ней. Она осмотрѣлась кругомъ, быстро подошла къ открытому, неосвѣщенному окну, долго смотрѣла въ него и подбѣжала къ нему.

Она обхватила его и прижалась къ его губамъ. Теплый платокъ сползъ съ ея плечъ и упалъ на землю. Онъ крѣпко сжималъ ее, нервная дрожь пробѣгала по его тѣлу.

— Пусти меня, пусти,—увидятъ.

Она вырвалась, подняла платокъ и скрылась опять за угломъ дома. Въ головѣ у него стучало; темная вѣтреная ночь облегала собою и домъ, и лѣсъ, и заводъ. Но онъ не слышалъ этого ворочающагося въ листвѣ деревьевъ мрака, въ головѣ у него стоялъ мутный шумъ.

Его тянуло къ ней, къ ея окну. Онъ всталъ, завернулъ за уголъ дома и сталъ ходить по той сторонѣ, гдѣ находилась ея комната.

Она вышла на террасу, и опять цѣловала его, и онъ судорожно сжималъ ее и не хотѣлъ пускать, и она опять вырывалась отъ него.

Въ домѣ уже стали потухать огни, и онъ все ходилъ вдоль дома около елочекъ, посаженныхъ вдоль него. Только въ ея комнатѣ горѣлъ огонь, и онъ зналъ, что она выйдетъ къ нему. Ему хотѣлось уйти отсюда, спрятаться отъ прохладнаго мрака, отъ этой нѣмѣющей въ темнотѣ женщины, близость которой такъ больно схватывала его нервы.

Опять та же холодная тоска поднялась въ немъ, ему становилось больно. Тихонько онъ проскользнулъ мимо ея окна и съ противоположной стороны дома вошелъ въ свою комнату. Онъ неплотно притворилъ за собой дверь и слышалъ, какъ она вышла на террасу.

— Сергѣй,—это ты?—окликнула она.—Поздно, иди, я замкну двери.

На слѣдующій день онъ избѣгалъ встрѣчи съ нею, и хотя Яковъ Степановичъ, сдѣлавъ распоряженіе о томъ, чтобы пустили заводъ, уѣхалъ, за цѣлый день они ни разу не были вдвоемъ.

Послѣ ужина онъ тотчасъ же ушелъ къ себѣ. Случайно онъ вышелъ и проходилъ мимо ея комнаты. Дверь была полуоткрыта, и онъ видѣлъ, какъ она раздѣвалась передъ зеркаломъ. Она взглянула на него, и онъ вошелъ.

Когда онъ выходилъ изъ ея комнаты, ему навстрѣчу попался Сергѣй, повидимому, понявшій все; но онъ, не взглянувъ на него, прошелъ мимо. Неслышно онъ отворилъ дверь балкона и вышелъ въ садъ. Холодный воздухъ мягко охватилъ его разгоряченную, непокрытую голову. Долго онъ ходилъ по аллеѣ, стараясь неслышно ступать, чтобы Сергѣй не замѣтилъ его, не сталъ говорить съ нимъ. Здѣсь, въ саду, ему казалось тѣсно; онъ вышелъ за рѣшетку сада, къ озеру, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, когда визгливо скрипнула отворенная имъ дверь.

Онъ спустился къ озеру, прошелъ на помостъ, на которомъ бабы обыкновенно стирали бѣлье. Ночь была тихая, безмолвная. Онъ нагнулся къ водѣ и умылъ себѣ лицо, опять вышелъ на аллею и долго ходилъ по ней. И мало-по-малу имъ овладѣло ощущеніе покоя, ровнаго, тихаго покоя.

Въ воздухѣ уже начинало свѣтлѣть, деревья обозначились вполнѣ явственно и опредѣленно. И поверхность озера была такая же тихая, какъ эта близкая къ концу ночь; ее далеко уже можно было видѣть, она не сливалась съ ночнымъ мракомъ.

Онъ пошелъ къ дому и, приблизившись къ ея окну, постучалъ. Она выглянула уже одѣтая и, взобравшись на столъ, стоявшій пе-

редъ окномъ, свѣсилась къ нему. Глаза ея свѣтились тихимъ смѣхомъ, онъ самъ смѣялся и цѣловалъ ее...

— Сергѣй все видѣлъ, онъ вошелъ въ мою комнату... Когда я зажгла лампу, у него былъ такой смѣшной, растерянный видъ. Мнѣ стыдно смотрѣть на него...

Потянулъ вѣтеръ, дрожь побѣжала по всему его тѣлу.

— Тебѣ холодно, иди спать...

И проходя по освѣщенному коридору къ своей комнатѣ, онъ видѣлъ, какъ она отворила дверь и улыбалась ему.

Онъ зналъ, что такъ будетъ когда-либо, но у него недоставало охоты обдумать это сближеніе, и чѣмъ дальше оно шло, тѣмъ бездѣятельнѣй, беззащитнѣй становилась его мысль.

Теперь, какъ и раньше, его раздражала эта оторванность отъ мысли его ощущеній, но онъ напрасно старался осмыслить ихъ,— они шли помимо его головы, и онъ покорился.

II.

Когда онъ говорилъ Надеждѣ Николаевнѣ о свободной, ничѣмъ не стѣсняемой извнѣ игрѣ нервовъ и мысли, деревня давила его, тѣсно прижимала къ усадьбѣ,—она не допускала иной жизни, кромѣ своей и этого дома, съ пестрымъ, пахучимъ цвѣтникомъ.

Онъ зналъ о громадной движущейся жизни, сбросившей все постоянное, вѣчное, что ставилъ человѣкъ надъ собой. Но когда онъ хотѣлъ связать съ этой мыслью свои ощущенія, ему было ясно, что онъ не можетъ не барахтаться въ илу, который несетъ на своемъ днѣ этотъ громадный человѣческій потокъ. Онъ сознавалъ, что самъ онъ весь цѣликомъ, кромѣ своей мысли, принадлежитъ такой жизни, которая идетъ въ усадьбѣ, жизни людей, у которыхъ есть лишнее.

И на его языкѣ были мертвыми, разлагающимися тѣ слова, которыя онъ говорилъ вечерами, когда они сидѣли на террасѣ.

— Нравственность, долгъ—это только покровы, только платье жизни, которымъ она не позволяетъ вростать, въѣдаться въ свое тѣло...

Они были бы живыми, если бы ими говорила жизнь деревни; но тишина деревенской ночи мягко глотала его слова, въ ней не было отзвука его мысли, и эта мысль тонула, безслѣдно исчезала въ жизни деревни, съ трудомъ отграничивавшей себя отъ безмолвной жизни полей.

Раздражительное чувство одиночества овладѣвало имъ. Только заводъ пыхтѣлъ и дрожалъ отъ взмаховъ машины, точно хотѣлъ шу-

момъ своего движенія заглушить холодную, неподвижную тишину, которая плотнымъ кольцомъ облегала его...

Они часто въ полдень уходили въ рощу и садились на ровной, совершенно высохшей лужайкѣ. Было пріятно сидѣть на колючей, съ трескомъ ломавшейся травѣ, подъ мягкими ударами лучей осенняго солнца. Пахло пылью; листья еще не начинали осыпаться, хотя уже пожелтѣли.

Она смѣялась надъ своей прежней жизнью, злобно смѣялась.

— Какъ мнѣ противно здѣсь все... Бывало осенью, вечеромъ хожу здѣсь по аллеѣ одна. Идетъ дождь, а я все хожу и плачу. Все умираетъ, ничего живого, только одни красные мухоморы. И я начинала быстро ходить по мокрой травѣ и давила ихъ, втаптывала въ грязь. Раньше я рвалась отсюда, изъ этого дома, теперь понимаю, что не могу,—вросла въ него, онъ впиталъ въ себя меня всю... Я никогда не уйду отсюда...

Онъ чувствовалъ, что онъ чужой для нея, и цѣловалъ ее, какъ чужую. Оттого ему нудно такъ было около нея, и нервы такъ судорожно метались и дрожали.

Она говорила:—Нужно быть свободнымъ отъ счастья, не надо, чтобы оно было необходимостью,—въ необходимости нѣтъ счастья, оно должно быть лишнимъ. Не надо постояннаго счастья, потому что его ищутъ усталые или робкіе люди, а я не хочу быть усталой. Пусть оно будетъ случайно, тѣмъ сильнѣе и больнѣе захватитъ оно нервы, пусть оно идетъ мимо жизни и, какъ дурманъ, будетъ непохоже на ея обычную осмысленность.

Пусть... — Онъ не противился ей, онъ самъ хотѣлъ этого чувства, лежавшаго у него на душѣ твердымъ, колючимъ комомъ, который тѣмъ больше росъ, тѣмъ больнѣе давилъ и надрывалъ его, чѣмъ чаще она прикасалась къ нему. Они почти не улыбались, когда ихъ лица были близки, и она часто говорила ему: — какой ты хмурый...

Они постоянно чувствовали близость деревни въ этомъ случайномъ, оторванномъ отъ жизни счастьѣ нервовъ, и оно было тѣмъ болѣе ѣдко, чѣмъ проще казалась, чѣмъ бѣднѣй нищая жизнь деревни, въ которой не чувствовалось отдѣльнаго человѣка. Ему думалось тогда, что онъ самъ, и усадьба, и всѣ жившіе въ ней были лишними около деревни.

Лишней была сытая жизнь, газеты, разговоры, столь не похожіе на то, что говорилось кругомъ. Даже лучшія изъ его мыслей были чужими для деревни, и лишне было все, что онъ зналъ,—самый способъ мыслить, созданный далекой отъ деревни жизнью. И въ осо-

бенности близость къ нему этой рвущейся къ лишнему счастью женщины была жутко-чужой для идущей кругомъ жизни...

Гуляя въ рощѣ, они часто слышали пѣнье дѣвушекъ. Одна пѣсня особенно удивляла его. Ее тянули три или четыре голоса, и когда начинало казаться, что конца не будетъ то повышающемуся, то понижающемуся ея напѣву, она вдругъ обрывалась. Одинъ голосъ, отбившись отъ всѣхъ остальныхъ, надтреснуто-больно вскрикивалъ, и этотъ крикъ былъ похожъ на скрипъ или на крикъ большой, хищной птицы.

— Какая странная пѣсня,—говорилъ онъ:—она какъ будто безъ словъ, и въ ней ни о чемъ не говорится...

Уже начинало холоднѣть, когда по окрестностямъ появились первые пожары. Они были еще далеко,—только небольшой, красный налетъ на черныхъ ночныхъ облакахъ говорилъ о нихъ.

Въ большомъ селѣ, верстахъ въ десяти отъ завода, былъ размѣщенъ эскадронъ драгунъ, и Яковъ Степановичъ нѣсколько успокоился. Самъ онъ всѣми силами старался ладить съ крестьянами, но это ему не удалось.

Обыкновенно мельницу онъ сдавалъ въ аренду обществу одной деревни, верстахъ въ трехъ отъ усадьбы. Въ этотъ годъ срокъ аренды истекъ, но возобновить контрактъ общество отказалось, хотя Яковъ Степановичъ и понизилъ арендную цѣну. Однако когда группа мужиковъ той же деревни сняла у Курникова мельницу, общество рѣшило мельницу взять и предлагало прежнюю цѣну. Но контрактъ былъ уже сдѣланъ, и Яковъ Степановичъ отказалъ.

Въ ночь подъ воскресенье, когда мельница не работала, была заперта, и заводчиковъ не было, они пришли къ мельницѣ, заперли машиниста при динамо-машинѣ, стали рубить мельничные шлюзы и хотѣли разрыть плотину. Машинистъ разъединилъ токъ.

Въ усадьбѣ сидѣли въ столовой за ужиномъ, когда электричество потасло. Пока разыскивали лампы и свѣчи, Яковъ Степановичъ послалъ садовника узнать о причинѣ остановки машины. Тотъ пошелъ и, воротившись, вбѣжалъ въ домъ черезъ балконъ, но въ темнотѣ долго не могъ найти дверь изъ коридора въ столовую.

Уткнувшись въ уголъ, онъ закричалъ:

— Громятъ мельницу, плотину роютъ... Климовскіе пришли,— я идѣлъ Никифора, что намъ вчера арбузы привозилъ...

Лида заплакала и бросилась къ матери. Володя бросился было въ сѣ[illegible], но воротился опять:

— Мамочка, уѣдемъ отсюда скорѣй, убьютъ... Скажи Ѳедору, чтобы запрягали.

Слезы катились по его блѣдному, дрожащему лицу. Мать увела ихъ обоихъ.

Яковъ Степановичъ бросился къ телефону.—Начинается, начинается... Онъ звонилъ, прикладывалъ трубку къ уху, опять звонилъ.—Спитъ, подлецъ, спитъ... Волостное правленіе?...—съ радостью закричалъ онъ.—Урядника скорѣй или станового, скорѣй ради Бога, я заплачу... Побудьте здѣсь, Павелъ Семеновичъ, будутъ звонить, скажите—погромъ, пусть драгунъ вышлютъ... Подумайте, что же это такое...

Онъ выскочилъ на дворъ, и скоро въ заводѣ, не смолкая, тревожно закричалъ гудокъ. Поднялся шумъ, бѣготня. Нѣсколько мелькающихъ точекъ прыгало по площади: то бѣгали сторожа и конюхи съ фонарями.

У телефона позвонили. Павелъ Семеновичъ взялъ трубку.

— Отъ Курниковыхъ звонятъ?

— Да...

— Что тамъ такое?...

— Здѣсь погромъ, пріѣзжайте съ драгунами...

— Сейчасъ...

Онъ положилъ трубку. У него была смутная мысль сказать, что звонили по ошибкѣ, чтобы приставъ ушелъ отъ телефона, но не все ли равно, кто призоветъ пристава—онъ или Курниковъ, помѣшать онъ не могъ. Эта мысль исчезла въ паникѣ, которая поднялась въ слабо освѣщенномъ, почти темномъ домѣ и сообщилась ему. Онъ не понималъ причины своего волненія, ему нечего было бояться погрома...

— Да, вѣдь будутъ стрѣлять...

Ноющая боль охватила его голову, и для него сразу сдѣлалось все безразлично. Ни одного желанія не рождала эта безформенная, останавливающая мысль тоска, онъ чувствовалъ только тупое любопытство. Онъ вышелъ въ садъ и побѣжалъ къ мельницѣ.

Гдѣ же они?... Онъ пошелъ по помосту, ведущему къ купальнѣ, думая услышать крики, возню крестьянской толпы, но все было тихо.

Яркими искрами вспыхнули лампочки на углахъ зданія динамомашины.

— Ушли, вѣроятно... Онъ побѣжалъ опять на берегъ, бросился къ плотинѣ, но на ней никого не было. Мужики ушли, заслышавъ тревогу въ усадьбѣ. Отворивъ запоръ, онъ выпустилъ машиниста, который выйдя перекрестился, оглядѣлся по сторонамъ.

— Потушилъ свѣтъ, да и самъ былъ не радъ—думалъ, сожгутъ

вмѣстѣ съ машиной. Я изнутри заперся,—помни, говорятъ, сукинъ сынъ... А то пришлось бы подъ шумами раковъ ловить...

Черезъ полтора часа пріѣхалъ становой со стражниками и драгунами и, не останавливаясь въ усадьбѣ, они ускакали въ Климово. Никто уже не думалъ объ ужинѣ, всѣ заснули поздно, передъ разсвѣтомъ. Утромъ они узнали, что въ Климовѣ одинъ убитъ и восьмеро арестованы. Нѣкоторые изъ нихъ были ранены; ихъ черезъ плотину везли въ городъ со связанными руками.

Съ этого дня все время въ усадьбѣ проходило въ тяжеломъ, испуганномъ ожиданіи. На заводъ къ себѣ Яковъ Степановичъ вызвалъ двадцать человѣкъ казаковъ изъ какой-то экономіи, гдѣ услуги ихъ сдѣлались ненужными. У нихъ не было лошадей, и Яковъ Степановичъ, скрѣпя сердце, снабдилъ ихъ рысаками изъ своего конскаго завода. Вокругъ усадьбы всю ночь ходили сторожа съ колотушками...

— Третьяго дня зарево было видно на сторонѣ Ястребова... Гдѣ это горѣло?—спрашивалъ Павелъ Семеновичъ.

Мужикъ начиналъ припоминать, какъ будто это было что-то давнишнее, позабытое.

— Въ Ястребовой ничего, слава Богу... А вѣдь это Першинъ горѣлъ...—говорилъ мужикъ и дѣлалъ удивленное, недоумѣвающее лицо.

Чѣмъ ближе надвигались пожары, тѣмъ меньше, казалось, вниманія обращали они на нихъ, какъ будто не стоило говорить о томъ, что каждому извѣстно; или они сдѣлались для нихъ уже близкими, своими. Даже сознательныхъ втягивало въ себя это молчаніе, и если они говорили о пожарахъ съ Павломъ Семеновичемъ, то нехотя, какъ бы боясь, что ихъ подслушаютъ.

Темныя, пожарныя ночи налегали на всѣхъ, на всѣхъ по одиночкѣ, и они ничему не могли научиться одинъ у другого. Пожары спутывали ихъ въ одну смотрящую на красное небо толпу, безразличную къ убѣжденіямъ того или иного изъ нихъ, къ его доводамъ. Красное небо всѣхъ ихъ равняло и выбирало изъ нихъ своихъ пословъ къ усадьбамъ.

Ночь проходила, но послѣ нея на цѣлый день оставалась тревога пожара и не избывала ни на одинъ день, становясь все больше послѣ каждой протекшей ночи.

Эти ночи казались бредомъ,—такъ въ усадьбѣ никто не походилъ на себя. Всѣ искали глазами пожара, и если изъ дома ничего не было видно, шли за лѣсъ, на шляхъ, даже переходили на противоположную сторону озера, поднимались на упиравшійся въ него холмъ и искали полосы краснаго неба. Лишь только наступала ночь, всѣмъ

думалось, что пожаръ есть, и когда кругомъ ничего не было видно, становилось еще болѣе нудно: онъ былъ гдѣ-то, но не всползалъ на небо тамъ, гдѣ оно далеко въ темнотѣ сливалось съ землей,—онъ прятался. Онъ казался страшнѣй тогда, какъ будто, незамѣтно подкравшись, недалеко отъ усадьбы подкарауливалъ ее, и всѣ ждали тогда, что онъ вспыхнетъ совсѣмъ близко, и боязливо озирались кругомъ.

По вечерамъ, когда все въ усадьбѣ утихало, Яковъ Степановичъ выходилъ иногда изъ дома и, пройдя за амбары, стрѣлялъ изъ револьвера. Воздухъ грохоталъ, точно онъ былъ твердымъ, громаднымъ пластомъ и рушился, ломался отъ выстрѣла, который остро вонзался въ холодную, сырую темноту, далеко-далеко буравилъ ее и казался ударомъ громаднаго бича по этой оскалившейся заревомъ осенней ночи.

И все, отъ завода до мельчайшихъ бездѣлушекъ на столѣ Надежды Николаевны, чувствовало на себѣ слѣпой безмовный взглядъ темной, съ краснымъ краемъ небосклона, ночи, и всѣ предметы тогда какъ будто прочнѣй стояли на своихъ мѣстахъ, тѣснѣй жались другъ къ другу, точно хотѣли сказать окружавшей ихъ окрашенной заревомъ тишинѣ, что они—одно цѣлое.

Это не была та нѣмая боль, которая тянулась отъ деревни къ усадьбѣ вначалѣ и вселяла въ Павла Семеновича нудное раздраженіе, чувство связанности или какой-то вины. Она казалась ему тогда безнравственной, эта застывшая тишина, потому что въ ней не было мысли, сознающей движущуюся жизнь. Ея молчаливое осужденіе всему, что жило въ усадьбѣ, было безсильно и подчиняло его себѣ, какъ безмолвная воля мертвеца, въ присутствіи котораго люди стараются двигаться и говорить безъ звуковъ.

И теперь его одного не пугала брызгавшая въ небо багровыми потоками ненависть, потому что онъ былъ чужой для тѣхъ, на кого она направлялась. Но она подавляла его, такъ неразумно бившаяся въ пожарахъ, полная жутко-огромнаго желанія жизнь,—громадная жизнь вещей. Въ своемъ судорожномъ порывѣ, охватившемъ тысячи жизней, она усмѣхалась его стремленіямъ, его свободѣ, но его давило ея безсмысліе...

Это было въ большой праздникъ. Павелъ Семеновичъ не помнилъ, какъ онъ проснулся вмѣстѣ со всѣмъ домомъ. Надежда Николаевна бросилась въ дѣтскую и принялась утѣшать дѣтей. Яковъ Степановичъ, неодѣтый, долго стоялъ на балконѣ, крѣпко ухватившись за перила, и все повторялъ:

— Что же сторожъ, гдѣ же онъ былъ?...

Онъ всматривался въ струившееся за казармами сіяніе, точно хотѣлъ убѣдиться въ чемъ-то. Потомъ, махнувши рукой, онъ бросился въ комнаты, на ходу зачѣмъ-то засвѣтивъ лампочки, спускавшіяся съ потолка въ столовой. Павелъ Семеновичъ, тоже неодѣтый, выбѣжалъ на балконъ и тоже смотрѣлъ, пока сіяніе не разрослось въ красные языки пламени, вылетавшіе изъ-за крыши.

Одѣвшись и пробѣжавши къ пожару, онъ уже засталъ тамъ Якова Степановича. Горѣлъ амбаръ, ближайшій къ заводу: здѣсь всегда свѣтились лампочки и стоялъ сторожъ, но теперь онъ былъ пьянъ и валялся гдѣ-то около конюшенъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ горящаго зданія, поднимаясь въ гору, стояла досчатая пристройка къ заводу, въ которой находились три громадныхъ цистерны съ масломъ. Всѣ бывшіе около пожара, рабочіе, конюхи, сторожа, бросились ломать пристройку, чтобы пересѣчь огню путь къ заводу. На амбаръ никто не обращалъ вниманія, тѣмъ болѣе что пожарная труба совершенно не дѣйствовала. Безъ двухъ переднихъ колесъ, старая, ржавленная, она стояла неподалеку, точно упавши на колѣни передъ пожаромъ.

Успѣли только растащить крышу да разобрать одну изъ стѣнокъ пристройки, когда она занялась. Около цистернъ стояло еще множество мѣшковъ съ подсолнухомъ. Холстина скоро прогорѣла, мѣшки развалились, и цѣлая лавина горящаго сѣмени охватила цистерны. Всѣ отошли, боясь взрыва, и видѣли, какъ онѣ долго выдерживали пламя, но потомъ лопнули.

Громадные, шипящіе фонтаны огня рванулись изъ нихъ, и потоки масла полились по полу, по ступенямъ, въ подвальный этажъ завода, и какъ пѣна, неслись по нимъ кучи подсолнуха, горящая шелуха. Окна завода еще свѣтились—это былъ блѣдный, бѣлый свѣтъ, на которомъ отдыхали глаза, утомленные краснымъ пламенемъ пожара.

Яковъ Степановичъ схватился за голову.

— Пропало, все пропало...

Онъ былъ около Павла Семеновича. Отсвѣтъ пожара стиралъ съ его лица все, что говорило о его ощущеніяхъ, и всѣ лица кругомъ б[illegible]и такія же пустыя, точно маски. Они хорошо были видны, но ихъ д[illegible]женіе было движеніемъ черточекъ, линій, а не жизни, которая д[illegible]жна была выражаться въ нихъ. И глаза у всѣхъ были такіе же н[illegible]его не говорящіе, свѣтлые, безжизненные...

Толпа народа показалась въ полосѣ, освѣщенной пламенемъ. Э[illegible] казаки привели мужиковъ изъ деревни тушить пожаръ. Одинъ с[illegible]чный шелъ впереди. На лицѣ у него виднѣлись темныя пятна;

съ усовъ, черезъ губы и по бородѣ тянулась ниточка изъ ярко красныхъ небольшихъ капель крови: онъ не хотѣлъ идти тушить, и его связали. Вмѣстѣ съ другими его подвели теперь къ самому огню, какъ будто онъ могъ сдѣлать что-либо со связанными руками.

Совершенно окаменѣвшій, стоявшій нѣсколько въ сторонѣ, Яковъ Степановичъ подбѣжалъ къ связанному.

— Ты, Ѳедька, поджегъ... не даромъ, значитъ, грозился?...

— А ты видалъ, что говоришь-то?...

Въ отсвѣтѣ пожара пропадала мысль, которая была у нихъ на лицахъ, и они смотрѣли другъ на друга безсмысленные, какъ неживые. Тупая злоба и бѣшеная, тисками сжимающая голову ярость одинаково обезличивались колеблющимся отраженіемъ пламени. И было такъ неожиданно и безсмысленно, когда Яковъ Степановичъ выхватилъ револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ неуклюжую, опутанную веревками фигуру.

Ѳедька повалился ничкомъ. Казаки съ винтовками подбѣжали къ Курникову, было рванувшіеся къ нему мужики глухо зашумѣли.

— Богу отвѣтишь... Цѣлое лѣто держалъ безъ работы, теперь совсѣмъ сгубилъ... Мало у тебя и безъ него благодѣтелей...

Павелъ Семеновичъ бросился къ раненому. Пуля попала въ грудь, немного вглубь отъ оторваннаго снизу рукава потертаго, латаннаго зипунишки. Мужики развязали его и понесли домой. Они всѣ ушли; никто не задерживалъ ихъ. Заводъ уже пылалъ.

Павелъ Семеновичъ усталъ. Пожаръ утомилъ его глаза, запахъ горѣлаго масла мѣшалъ дышать, безсмысліе того, что было, давило его голову. Онъ пошелъ внизъ, на аллею.

Освѣжающая сырость охватила его. По ровной поверхности озера, начиная со средины его, плыло отраженіе пожара. Клубы пламени отчетливо воспроизводились зеркаломъ воды; они быстро бѣжали къ противоположному берегу и вонзались въ его обрывъ, точно желая размыть, сдвинуть темный валъ, мѣшавшій имъ катиться дальше. Когда съ грохотомъ обвалились полы со стоявшими на нихъ машинами, этотъ стлавшійся по озеру потокъ помутнѣлъ, сдѣлался багровымъ.

Яковъ Степановичъ былъ на балконѣ.

— Дайте воды,—хрипло проговорилъ онъ, когда Павелъ Степановичъ подошелъ къ нему. Онъ поднесъ стаканъ къ его губамъ, тотъ выпилъ, не поднимая головы, одинъ глотокъ и молча отстранилъ его руку.

Онъ лежалъ бокомъ, повернувшись лицомъ къ пожару, на кушеткѣ, плетенной изъ лозы, опершись щекой на ея спинку. Онъ не шевелился и какъ будто со спокойнымъ интересомъ смотрѣлъ на пожаръ, сосредоточенно прислушивался къ нему.

И когда Павелъ Семеновичъ думалъ, что рядомъ съ нимъ находится убійца, это слово не имѣло для него обычной остроты, прежняго ужаса, потому что въ нѣмой пожарной ночи тонули всѣ слова, въ которыхъ говорится объ одномъ человѣкѣ.

Люди все еще копошились около завода. Пламя надъ нимъ уже не было цѣльнымъ, закругленнымъ, оно вырывалось отдѣльными клочками около стѣнъ и посрединѣ...

Ив. Савинъ.

ТРІУМФЪ.

К. Тетмайера.

Передо мною былъ лѣсъ, огромный открытый лѣсъ.

Колоссальныя горы, поросшія лѣсомъ, полныя коварныхъ бездонныхъ расщелинъ, шумѣли потоками и водопадами, зіяли обрывами и безднами, въ которыхъ жила, казалось, смерть.

Мои люди и машины прокладывали путь по этимъ лѣсамъ и сверлили огромныя горы. Сотни топоровъ поднимались и рубили деревья, и всѣ эти сотни топоровъ двигала моя рука. Въ гудящихъ и стучащихъ машинахъ гудѣла моя воля, стучало мое сердце. Сотни людей чувствовали, дѣйствовали и жили благодаря мнѣ. Моя жизнь, моя воля была въ тѣхъ динамитныхъ минахъ, которыя разрывали скалистые утесы и каменныя глыбы. Когда мои глаза останавливались на верхушкѣ ели, знавшей только вѣтеръ и когти орла, который качался на ней,—ель дрожала и падала, гордая, на землю. Громадные, вѣковые буки грустно опускали вѣтви въ ожиданіи смерти. Потоки, когда я становился надъ ними, переставали журчать, прежде чѣмъ упасть въ каменную бездну, которая открывалась подъ ними. Вѣтеръ, у котораго я отнималъ деревья тамъ, гдѣ онъ шумѣлъ дико и пронзительно, славословя глушь лѣсную, или гдѣ ложился, полусонный и тихій, какъ рысь, насытившись добычей,—билъ съ бѣшенствомъ меня по лицу за то, что я его обкрадывалъ и обижалъ. Олени, у которыхъ я вырывалъ лѣсъ, при видѣ меня наклоняли рога и злобно ревѣли. Въ дѣвственную, вѣковую глушь лѣсовъ я внесъ уничтоженіе, несчастье, страхъ и смерть.

Но тамъ!...

Туда я несъ жизнь! Туда, за горы, вмѣстѣ со свистомъ локомотива и грохотомъ вагоновъ должны были проникнуть лучи свѣта, новая, юная, лучезарная жизнь. Вмѣстѣ со свистомъ локомотива и грохотомъ вагоновъ туда должна была проникнуть культура, невѣдомое до-

селѣ благосостояніе, должна была проникнуть новая эпоха, возрожденіе всего, что обваливалось и покрывалось плѣсенью. Съ громкимъ крикомъ: «жизнь! жизнь!...» шелъ я впередъ, пробиваясь сквозь заросли, провалы, лѣса, чащи, рѣки, овраги и пропасти, пугая орловъ, волковъ, горныхъ оленей,—и рука моя поднимала сотни топоровъ, въ гудящихъ и стучащихъ машинахъ гудѣла моя воля и стучало мое сердце.

Такъ шелъ я впередъ! впередъ! впередъ!

Мы уже глубоко врѣзались въ лѣсную глушь. Наши костры ночью горѣли краснымъ огнемъ и били вверхъ клубами дыма; глухія вѣсти о насъ, должно быть, проходили за горы и лѣса: къ намъ подкрадывались иногда изумленныя и испуганныя лица и смотрѣли сквозь заросли и чащи на нашу работу. Мои люди называли ихъ лѣшими.

А мнѣ было такъ хорошо! Вокругъ меня была дикая, свободная, первобытная природа, а передо мною прекрасная, великая, святая цѣль!

Въ этой физической жизни у меня не было времени колебаться, не было времени отравлять мыслей самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ вопросовъ: зачѣмъ? Конечно, конечно: зачѣмъ я шелъ туда, зачѣмъ я строилъ эту дорогу? Несу ли я, дѣйствительно, добро, не вызоветъ ли оно новаго зла, которое будетъ хуже того, что было до сихъ поръ? Конечно... но я не спрашивалъ себя объ этомъ. Мѣрный стукъ топоровъ и ихъ громкое эхо отгоняли отъ меня всѣ рефлективныя, критическія мысли, я чувствовалъ, что творю, творю, стремлюсь, что трудъ самъ для себя можетъ быть цѣлью, счастьемъ, упоеніемъ, какъ всякое наслажденіе, котораго ищешь только ради наслажденія, какъ умственная гимнастика при трудномъ, тяжеломъ чтеніи непонятныхъ книгъ. Человѣкъ, впрочемъ, похожъ на ребенка, который скачетъ и бѣгаетъ, не задумываясь надъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ: его толкаютъ къ этому его молодыя силы. Активная дѣятельность точно такъ же нужна тѣмъ людямъ, которые способны къ ней, у которыхъ хватаетъ силы, смѣлости и предпріимчивости.

Когда я закончилъ планъ моей постройки, мнѣ казалось, что я не усижу въ бюро, надъ столомъ, картами, циркулемъ. Воображенію р овалось то, что я вижу теперь,—я уходилъ въ лѣсъ, тонулъ въ и ѣ дѣвственной жизни,—и не разъ, проводя линіи по бумагѣ, в кивалъ изъ-за стола съ поднятыми вверхъ руками, съ затаенн ъ дыханіемъ и сдавленнымъ крикомъ на губахъ. Моя душа, душа п вобытнаго человѣка рвалась въ свою родину, въ свой домъ! Но я и шелъ туда только затѣмъ, чтобы жить тамъ: у меня была цѣль, и я вела мысль, воля, стремленіе; я шелъ, отдаленный отъ своего

первобытнаго «я» цѣлыми эрами цивилизаціи, десятками тысячъ лѣтъ.

Медленно, съ упорствомъ разступалась передъ нами лѣсная глушь. Не разъ, когда я смотрѣлъ на овраги, засыпанные щебнемъ, раздробленными стволами елей и буковъ, корнями, вывороченными изъ земли, мнѣ казалось, что лѣсъ молитъ о наказаніи и мести на мою голову за насиліе. Торчащіе вверхъ вѣтви и корни казались мнѣ похожими на руки какихъ-то титановъ и гигантовъ, которые поломалъ и раздробилъ буйный богъ. А тамъ, вверху, вѣдь должна была быть какая-нибудь Немезида или Фатумъ, которые выше боговъ и людей.

Иногда меня охватывалъ страхъ.

Какое дѣло было этой лѣсной глуши, этимъ вѣковымъ деревьямъ и неподвижнымъ скаламъ до какого-то свѣта, какихъ-то людей, какой-то человѣческой цѣли? Какая связь у холодной, невозмутимой и равнодушной природы съ жизнью человѣка, что общаго между ними? Какъ звѣзда на небѣ, такъ деревья на землѣ не знаютъ ничего о человѣкѣ. Физически существуетъ одна только огромная, общая матерія, одно общее первобытное начало, одно первосуществованіе, общій элементъ, къ которому все можно привести,—но въ остальномъ

«мы—лодка на бѣшеныхъ волнахъ,
и нѣту въ природѣ любви»...

Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и ненависти, но единственнымъ чувствомъ, какое могло бы существовать между человѣкомъ и природой, если бы вообще могло существовать какое-нибудь чувство,—была бы ненависть. Тамъ, вверху, надъ землей «въ глазахъ звѣздъ смотритъ страшное, вѣчное равнодушіе бытія»; тутъ, внизу, на землѣ, гдѣ кипитъ борьба, царила бы ненависть, вражда.

Вечеромъ я засыпалъ, какъ камень, отъ усталости, но не разъ утромъ, когда тучи окутывали горизонтъ, когда вересъ и дикая малина, прильнувшіе къ соснамъ, грустно тонули въ туманѣ, когда роса стекала по стволамъ деревьевъ, или падалъ дождь и кучи срубленныхъ деревьевъ, распиленныхъ балокъ и досокъ блестѣли, какъ стекло, отъ дождя, распространяя ѣдкій, затхлый запахъ,—меня охватывалъ какой-то страхъ.

Мнѣ хотѣлось тогда раскрыть руки и крикнуть лѣсу: пойми то, что я человѣкъ, что я долженъ такъ дѣлать! Пойми, что я не иду противъ тебя только ради борьбы, ради побѣды надъ тобой, меня ведетъ высшая сила, тотъ духъ, котораго ни я, ни ты не постигаемъ,

который Богъ вдохнулъ въ человѣка, предоставивъ только Себѣ понимать и видѣть его. Богъ предначерталъ тебѣ заградить намъ путь, а намъ прокладывать его черезъ тебя—ты долженъ покориться, долженъ уступить, ты—слѣпая, безвольная сила, какъ стадо буйволовъ, ты долженъ быть побѣжденъ человѣческимъ разумомъ. Отчего ты не бросаешь на насъ каменныхъ глыбъ со своихъ скалистыхъ обрывовъ, отчего не потопишь насъ въ наводненіи, отчего не дашь стаду бѣшеныхъ молній стереть насъ съ лица земли?! Ты—мертвъ, безмысленъ, безволенъ, ты—стадо буйволовъ, которыхъ одинъ пастухъ гонитъ бичомъ, а они идутъ туда, куда онъ имъ велитъ.

Но иногда мнѣ казалось, что оттуда, изъ лѣсной глуши, раздается какой-то голосъ, что какой-то духъ природы, огромный и страшный, поднимается противъ меня и смотритъ мнѣ прямо въ лицо, встаетъ изъ враговъ, изъ-за лѣсныхъ холмовъ, такъ что я вижу его грудь. Наводитъ на меня ужасъ своими глазами, похожими на градовыя тучи зловѣще-синяго цвѣта, и шириною своихъ плечъ, похожихъ на скалы; но не поднимаетъ рукъ противъ меня: я ихъ не вижу за зарослями холмовъ. И мнѣ казалось, что онъ улыбается съ какою-то спокойной иронією бога-великана.

— Значитъ, ты не ударишь въ меня молніей, не столкнешь меня въ пропасть, а позволишь ничтожной змѣѣ, которая ползаетъ по землѣ и которую я могу раздавить каблукомъ, или скорпіону, который убѣгаетъ передо мной, укусить меня?

А этотъ страшный духъ улыбался, скрывшись по грудь за холмомъ, а потомъ прятался весь, чтобы улечься на болотномъ мху и положить свою бороду на вересклъ и на кусты дикой малины.

Я не знаю, долго ли мы были въ лѣсной глуши, такъ какъ почти потерялъ счетъ днямъ и ночамъ. Но прошло уже, вѣрно, мѣсяца два. Сначала мы встрѣчали пастуховъ и лѣсничихъ; потомъ никого, кромѣ людей, жившихъ по ту сторону лѣса, которые появлялись время отъ времени въ зарослях.

И вдругъ однажды, при заходѣ солнца, когда всѣ мы кончили ...оты и собирались въ наши хижины, мы услышали лай собаки.

Почти всѣ мы невольно улыбнулись и нѣкоторые крикнули ратно: «a! a!» Мы совсѣмъ уже одичали въ лѣсной глуши и отвыкли ... жилищъ и домашнихъ животныхъ. Быть можетъ, въ первый разъ ...лѣ столькихъ недѣль мы осмотрѣли другъ друга: мы были почти ...ны отъ дыма, смолы, вѣтра и солнца, оборванные, заросшіе,— ...ѣе шайка разбойниковъ, чѣмъ люди культурнаго міра.

Собака лаяла: по лаю я узналъ, что это была охотничья гончая, которая лаяла на нашъ слѣдъ. Вскорѣ она зашумѣла въ зарослях, а потомъ высунулась изъ нихъ наполовину и залилась. А потомъ, точь-въ-точь, какъ въ романтической сказкѣ, среди кустовъ и деревьевъ показалась сначала голова серны, а потомъ какая-то волшебная принцесса, или лѣсная нимфа, съ соколомъ на рукѣ, одна изъ тѣхъ, про которыхъ говорятъ: нѣтъ, тебя нѣтъ вовсе, ты—лишь чудесное видѣнье.

И лѣсъ зашумѣлъ какъ-то странно, не такъ, какъ всегда. Какая ласковая, сладкая мелодія поплыла по вѣтвямъ деревьевъ, все дальше, дальше, и расплывалась, таяла въ темнотѣ.

«Я заколдованный лѣсъ, бездонная пуща,—шумѣло средь буковъ и елей».

Пуща, гдѣ не ступала нога человѣка, дѣвственный лѣсъ, смолистый лѣсъ.

Пойди, углубись въ меня, погрузись въ меня, какъ въ холодную, ключевую воду, какъ въ ароматный источникъ, что течетъ среди сада.

Какъ въ ароматный источникъ, поросшій лиліями и красными тюльпанами.

Пойди, пусть шумитъ вода у твоей шеи и, какъ звѣзды, пусть падаютъ капли въ твои глаза.

Это продолжалось, вѣрно, только секунду. Когда я снова взглянулъ въ ту сторону, ея не было.

Я не пошелъ, какъ всегда, ужинать вмѣстѣ съ рабочими у костра. Я замкнулся въ моемъ шалашѣ и бросился на постель. Два мѣсяца я не видѣлъ женщины, забылъ о ней, отвыкъ отъ нея.

Въ этой глуши, среди постоянной борьбы и постоянныхъ трудовъ, живя только тою мыслью, которая вѣчно звучала въ моей головѣ, я попросту не имѣлъ времени думать о женщинѣ. Ничто не приводило мнѣ мысли о ней, ничто о ней не напоминало. Въ томъ мірѣ, черезъ который мы шли, было столько какого-то грознаго величія, въ нашей работѣ было такъ много серьезнаго и важнаго, что никто даже не пѣлъ веселыхъ или залихватскихъ пѣсенъ, никто не говорилъ о развратѣ или безчинствахъ. Тяжелый трудъ и величіе природы превратили насъ въ какихъ-то духовъ съ желѣзными мускулами и желѣзною волей. Человѣческіе инстинкты, страсти спали съ насъ, какъ завявшіе отъ мороза листья спадаютъ съ деревьевъ. Мнѣ было такъ хорошо, такъ свободно, моя мысль была такой ясной, трезвой, силь-

ной, столько спокойной, увѣренной, не лихорадочной, здоровой энергіи было во мнѣ.

Кто была она, эта женщина? Откуда взялась она въ этомъ лѣсу? Зачѣмъ пришла?

Мой спокойный, здоровый сонъ исчезъ. Я чувствовалъ себя словно отравленнымъ. Ворочался на кровати и не могъ, впрочемъ, и не хотѣлъ уснуть. Забытые инстинкты стали просыпаться. Затерянный, стушевавшійся, туманный обликъ женщины становился все отчетливѣе, яснѣе, оживалъ. То, что я видѣлъ только секунду и что только грезилось моимъ глазамъ, начало воплощаться въ формы. Я уже видѣлъ тѣло женщины, чувствовалъ его, зналъ, вспоминалъ.

Итакъ! Если это какая-нибудь дѣвушка изъ лѣсу, дочь какого-нибудь нелюдима или лѣсничаго, отчего же не взять ея, отчего же, напримѣръ, не жениться на ней? Если она только захочетъ выйти за меня. Тогда мы будемъ вмѣстѣ работать, она поможетъ мнѣ докончить мою работу, мы вмѣстѣ построимъ эту дорогу, понесемъ въ долины, за лѣсомъ, свѣтъ и хлѣбъ. Вмѣстѣ, рука въ руку, душа въ душу.

Ха-ха-ха! Я расхохотался пустымъ, громкимъ смѣхомъ. Вѣчная ложь, вѣчный обманъ, котораго женщины требуютъ отъ мужчинъ, и который заставляетъ ихъ ломаться передъ самими собой.

Я молодъ, мнѣ 28 лѣтъ, два мѣсяца я не видѣлъ женщины, я хорошо ѣмъ и пью, здоровъ,—и мнѣ хочется ея объятій, ея губъ, а совсѣмъ не души и совмѣстнаго труда. Труда для идеала! Ха-ха-ха,—я снова хохоталъ. Смѣшная, забавная фраза! Если бы она была здѣсь, со мной, и если бы у нея была волосатая бородавка на плечѣ, то я, навѣрное, не думалъ бы уже завтра о братствѣ душъ и совмѣстномъ трудѣ для идеала. Ложь, обманъ! Отцы нашихъ душъ прекрасно знаютъ, что думать объ этомъ.

Но если она прекрасна, если она вся прекрасна, какъ флорентійская Венера?

Собственно говоря, какое мнѣ дѣло до этихъ людей изъ лѣса? Живешь недолго и живешь только разъ.

Я вскочилъ съ постели и вылилъ себѣ на голову ведро холодной ды. Потомъ налилъ полный тазъ и съ какой-то лихорадочной го-ностью началъ мочить водой голову. Потомъ уже не могъ удер-ться отъ смѣха при мысли, каковъ физическій результатъ моего ихическаго впечатлѣнія, мнѣ сталъ необыкновенно ясенъ комизмъ зіологическихъ функцій, вызванныхъ психическимъ возбужденіемъ. ытеръ голову, закурилъ сигару и вышелъ изъ шалаша въ лѣсъ.

Кругомъ была тишина и ночь. Надъ деревьями свѣтились звѣзды

па необыкновенно чистомъ, безоблачномъ, темно-синемъ небѣ. Когда я былъ ребенкомъ, то провелъ много такихъ ночей въ другомъ мѣстѣ, въ горахъ.

Была ночь, звѣздная ночь.

«Пойди, — шепталъ лѣсъ. — Я заколдованный лѣсъ, бездонная пуща.

Источникъ во мнѣ, ароматный источникъ, поросшій лиліями и красными тюльпанами.

Пойди, пусть шумитъ вода у твоей шеи, пусть, какъ звѣзды, падаютъ капли въ твои глаза, когда ты смочишь голову въ ключевой водѣ, когда погрузишь свое сердце въ воду, обросшую лиліями и тюльпанами съ красными листьями.

— Прекрасная! Прекрасная! Я желаю тебя, хочу, ищу!—началъ кричать я лѣсу, тишинѣ, темнотѣ и звѣздамъ, разсѣяннымъ надъ лѣсомъ.

На слѣдующій день я всталъ поздно, съ тяжелой головой. И въ первый разъ я не разбудилъ моихъ рабочихъ. Старикъ Шимонъ, мой главный помощникъ и спеціалистъ по закладкѣ динамитныхъ минъ, подошелъ ко мнѣ, взглянулъ съ безпокойствомъ и спросилъ, снимая шапку:

— Вы не больны ли, господинъ инженеръ?

— Нѣтъ. Я проспалъ лишнее.

— И спали вы безпокойно. Я прислушивался немного у шалаша. Вѣдь мы всегда здоровались въ четыре, а теперь скоро восемь.

— Проспалъ. Поздно легъ. Но работа идетъ?

— Идетъ. Но тутъ налѣво, немного пониже, за водой—человѣческое жилье.

Я вздрогнулъ, но старался не обнаружить волненія.

— Кто тамъ живетъ?

— Королевскій лѣсничій.

— Одинъ?

— Нѣтъ. Тамъ небольшая усадьба. Прислуга, коровы, лошади. Хозяйство, какъ всегда.

— А дома кто?

— Его нѣтъ теперь, поѣхалъ въ столицу. Осталась только жена.

— Откуда вы знаете все это?

— Да вѣдь это два километра отсюда. Тамъ были наши люди. тѣ. что лѣсъ сплавляютъ.

Я подалъ Шимону сигару и хотѣлъ идти, но старикъ сказалъ

— Вамъ недурно бы было, господинъ инженеръ, хоть эти нѣсколько дней, пока мы будемъ здѣсь работать, жить не въ шалашѣ, а въ порядочномъ домѣ. А то вѣдь здѣсь и заболѣть нетрудно.

— Да вѣдь мы здѣсь долго не пробудемъ. Надо будетъ перейти черезъ рѣку и во-время тамъ расположиться.

— Но пока.

Я отошелъ отъ него. Такъ это, вѣрно, дочь королевскаго лѣсничаго...

Я смотрѣлъ на работу, ничего не видя; только благодаря механическому навыку я не далъ рабочимъ замѣтить, что ничего не соображаю.

Я убѣжалъ въ свой шалашъ, притворившись, что мнѣ надо писать письмо. Въ сущности, я хотѣлъ набраться смѣлости пойти въ усадьбу. Началъ одѣваться; отыскалъ зеркало, наполовину одѣлся. Потомъ сталъ не то что снимать, а срывать платье съ бѣшенствомъ. Потомъ снова началъ одѣваться, медленно, систематически, кусая губы; галстукъ завязалъ спокойно, но такъ сжималъ его пальцами, словно хотѣлъ задушить себя. Одѣлся. Взялъ въ карманъ револьверъ, въ руки хлыстъ, велѣлъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ сторону противоположную усадьбѣ, чтобы, сдѣлавъ крюкъ, повернуть потомъ къ ней.

Но я ѣхалъ все дальше и дальше. Лѣсъ началъ втягивать меня въ себя. Онъ такъ же тянетъ, какъ мракъ, вода, горы—тонешь въ чемъ-то глубокомъ, потому что оно глубоко.

Я ѣхалъ все дальше и дальше, по чащамъ, мху, вереску и кустамъ дикой малины. Не было слышно уже ни стука топоровъ, ни молотовъ. Только разъ я услышалъ грохотъ: это мина разсадила скалу. Мы проведемъ черезъ рѣку временный мостъ и начнемъ дѣлать туннель на правомъ берегу.

Я ѣхалъ дальше.

На мнѣ былъ прекрасный, новый костюмъ темно-синяго цвѣта, брюки изъ лосиной кожи, лакированные сапоги и очень красивый га[illegible]тукъ decadence съ жемчугомъ. Чего я такъ разрядился, отправ[illegible]ъ въ лѣсную глушь, гдѣ до сихъ поръ меня видѣли только бѣлки [illegible]уницы, дикія кошки да горные дрозды? Я повернулъ лошадь и на[illegible]лъ спускаться въ долину. Передо мною открылась лѣсная дорога, ге[illegible]лая и мягкая. Я помчался, что есть духу съ горы, галопомъ; вд[illegible]гъ—легкій подъемъ, а за нимъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ—до[illegible]ч хозяйскія постройки.

[illegible]ьба лѣсничаго.

Сердце у меня забилось, я страшно смутился: чѣмъ я объясню свой пріѣздъ? Стосковался по людямъ? Какое имъ дѣло? Мнѣ хочется пожить нѣсколько дней въ ихъ домѣ? Меня могутъ такъ принять, что это станетъ у меня костью въ горлѣ.

Скажу, что пріѣхалъ предупредить о томъ, что при взрываніи скалъ будетъ страшный грохотъ, а такъ какъ я видѣлъ женщину...

Я не думалъ уже ни о чемъ, и продолжалъ ѣхать впередъ. Лошадь, которой надоѣли овраги и ямы въ лѣсу, мчалась, какъ вѣтеръ, по мягкой дорогѣ. Охотничьи собаки залились лаемъ изъ-за забора. Вскорѣ, однако, кто-то свиснулъ и угомонилъ ихъ. Я подъѣхалъ къ воротамъ. Къ нимъ подошелъ работникъ.

— Кто такой?

— Королевскій инженеръ.

Снялъ шапку.

— Что прикажете?

— Дома кто-нибудь?

— Барыня дома.

А барышня? — хотѣлъ я спросить, и мнѣ стало ужасно непріятно.

Я вынулъ визитную карточку и велѣлъ доложить о себѣ, въѣзжая во дворъ.

Черезъ минуту работникъ вернулся съ отвѣтомъ, что барыня въ саду и проситъ туда.

Разозлившись на неудачу, я отдалъ лошадь и пошелъ за лакеемъ, который вышелъ ко мнѣ навстрѣчу;—скажу этой бабѣ, что будутъ взрывы и чортъ съ ней!

Побуду минуту, скажу и уѣду.

Даже не спрошу о дочери. Ну ее!

Мы прошли черезъ переднюю въ садъ. И снова, какъ въ романтической сказкѣ: ручной соколъ на вѣткѣ, серна и гончая у ея ногъ, а на дерновой скамьѣ съ книгой въ рукахъ она, та, которой нѣтъ вовсе, которая—только чудесное видѣніе...

— Вы товарищъ моего мужа, такъ какъ оба служите королю,— сказала она, вставая и протягивая мнѣ руку,—а потому я принимаю васъ, несмотря на то, что мужа нѣтъ дома. Садитесь, пожалуйста. Вы строите здѣсь дорогу, правда?

Ничего подобнаго, вродѣ:

— Чѣмъ могу служить и т. д.

Я сѣлъ и мы заговорили, не помню о чемъ.

Когда она говорила, мнѣ казалось, что за цвѣткомъ растетъ цвѣтокъ. Ея большіе, темно-синіе глаза скользили по моему лицу и

ворили на своемъ языкѣ, который не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ, что говорили губы.

Они спрашивали.

Они спрашивали о томъ, чего нельзя высказать, о самомъ сокровенномъ и тайномъ. Спрашивали все время, упорно, повелительно. Я долженъ былъ сдавать какой-то экзаменъ, который смущалъ меня и раздражалъ, но въ то же время доставлялъ мнѣ невыразимое наслажденіе.

— Я скажу тебѣ все, все,—говорилъ я ей глазами,—такъ какъ люблю тебя!...

А глаза ея, попытавъ меня и кончивъ экзаменъ, начали звучать и звенѣть:

— Вотъ заколдованный лѣсъ, пуща, гдѣ не ступала нога человѣка, дѣвственный, смолистый лѣсъ...

Пойди, скройся, погрузись въ немъ, какъ въ ключевой водѣ, какъ въ ароматномъ источникѣ, что течетъ среди сада...

Пойди, пусть, какъ звѣзды, падаютъ капли въ твои глаза, капли воды среди лилій и красныхъ тюльпановъ...

Потомъ мы пошли въ комнаты пить кофе. Тутъ было масса оружія, трубокъ, кабаньихъ головъ, медвѣжьихъ шкуръ и орлиныхъ чучелъ съ расправленными крыльями.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ старика.

— Мой мужъ,—указала она рукой на портретъ.

Помимо желанія у меня вырвалось слишкомъ быстро:

— Вашъ мужъ?

Она улыбнулась и отвѣтила:

— Да, господинъ инженеръ.

Когда я прощался съ нею, она сильно пожала мою руку и сказала:

— Надѣюсь, что вы часто будете навѣщать меня. Мой мужъ надолго уѣхалъ въ столицу, и я страшно скучаю одна. Приходите завтра обѣдать.

— Благодарю васъ, но придти обѣдать не могу, я занятъ.

– Такъ ужинать.

предпочелъ послѣднее.

оцѣловалъ ей руку. Я готовъ былъ цѣловать такъ вѣчность. С
на лошадь и поѣхалъ въ гору. Оглянулся. Она стояла въ саду.
ежде чѣмъ я успѣлъ снять шляпу, она протянула ко мнѣ руку с
ткомъ.

чти не сознавая, что я дѣлаю, я послалъ ей воздушный по-
ц

Она быстро отвернулась.

Я пришпорилъ лошадь и, крикнувъ: «Пулю въ лобъ себѣ пущу!»—какъ безумный, поскакалъ домой.

На слѣдующій день въ четыре часа утра я работалъ молотомъ, какъ простой рабочій. Я сказалъ, что немного нездоровъ и хочу избавиться отъ простуды.

Наступилъ уже вечеръ, я еще работалъ. Вечеромъ я предложилъ желающимъ за особую плату работать ночью съ факелами, такъ какъ боюсь дождя, который можетъ размыть нашу постройку и занести ее глиной. Нашлось нѣсколько желающихъ.

Утромъ, изнуренный, усталый, почти лишившись силъ, я какъ камень упалъ на постель въ шалашѣ.

Когда я проснулся, мальчикъ служащій доложилъ, что меня ждетъ человѣкъ съ письмомъ.

Сердце забилось, какъ молотъ.

«Отказываетъ мнѣ отъ дома»—догадывался я.

— Дай письмо и отправь посыльнаго.

— Говоритъ, что отвѣтъ будетъ.

— Давай письмо.

«Отчего вы вчера не пришли? Напишите, когда придете. Вы похожи на тѣхъ, которые любятъ крэмъ, и крэмъ былъ. Такъ какъ васъ не было, его съѣли Ремъ, Заграй и Полетъ. То-есть Полетъ постольку, поскольку засунулъ въ него клювъ и когти. Крэмъ былъ очень хорошъ. Прошу пожалѣть и придти на другой. До свиданія.

Мирта Х.».

Я написалъ: «Боюсь», далъ посыльному дукать, прогналъ мальчика изъ шалаша и сталъ цѣловать письмо, каждое слово, каждую букву. Потомъ опять набросился на молотъ.

Около полудня пришло второе письмо. «Милосердіе существуетъ затѣмъ, чтобы люди грѣшили. Жду вечеромъ».

Я самъ заложилъ динамитную мину, отправивъ подъ какимъ-то предлогомъ Шимона. Страшный грохотъ, который разорвалъ воздухъ, повалилъ людей съ ногъ и заставилъ задрожать всю пущу.

Это былъ крикъ моего тріумфа, мина «à la crême de café».

Уррра!

И мы ходили по лѣсу, словно жили не на землѣ.

Заколдованное царство снова открыло намъ свои ворота. То, о чемъ можетъ грезить и мечтать молодой человѣкъ, то, о чемъ тоскуютъ цѣлые милліоны, милліарды, то, къ чему они стремятся и что имъ не дано,—осуществилось.

Мы ходили по лѣсу, словно жили не на землѣ.

Былъ голубой, свѣтлый источникъ съ лиліями и красными тюльпанами по берегамъ. Сама Мирта посадила ихъ тамъ весной. Они цвѣли и отражались въ водѣ.

Это было любимое мѣсто нашихъ прогулокъ.

Тамъ, когда она ушла разъ, чтобы выдать полдникъ людямъ, я лежалъ лицомъ къ землѣ, смотрѣлъ на воду, на цвѣты и верхушки деревьевъ, которые отражались въ ней.

Я думалъ о ней, о томъ, какъ она прекрасна. Вдругъ я почувствовалъ на глазахъ чьи-то руки.

— Кто?—спросилъ чей-то измѣненный голосъ.

Не знаю отчего, я отвѣтилъ:

— Жена.

Минута молчанія, и Мирта отвѣтила мнѣ своимъ голосомъ:

— Я не жена.

Я повернулъ голову и пристально взглянулъ ей въ глаза.

Она вся покраснѣла.

— Я не жена,—повторила она.

Я, конечно, ни о чемъ не спрашивалъ.

— Я вышла за моего мужа,—продолжала она,—бѣдной дѣвушкой; меня выдали за него.—Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, а ему около 70. Четыре года тому назадъ.

Теперь я счелъ возможнымъ спросить:

— Вамъ хорошо живется?

Она минуту помолчала и отвѣтила:

— Онъ очень добръ со мной, и у меня все есть.

...Мнѣ показалось, что лиліи и тюльпаны наклонили головки.

— Но,—продолжала она,—я вѣрнѣе его дочь, чѣмъ жена.—У насъ нѣтъ дѣтей.

...Мнѣ показалось, что лиліи и тюльпаны снова наклонили головки къ землѣ.

— У васъ нѣтъ дѣтей,—повторилъ я машинально.

— Очень непріятно не имѣть дѣтей,—вздохнула она.

— схватилъ ея руки и началъ цѣловать страстно, горячо, безъ
[illegible]ти. Я чувствовалъ себя въ правѣ, въ полномъ правѣ. Она не
[illegible]чала рукъ. Онѣ неподвижно лежали въ моихъ у губъ.

— Моя, моя...—шепталъ я.

[illegible]чего не отвѣтила.

[illegible]бака Заграй и молодая серна Ремъ смотрѣли на насъ, словно
[illegible], потомъ собака залаяла, серна наставила на нее рога, со-

бака, поджавъ хвостъ, начала, какъ бѣшеная, бѣгать вокругъ, перескакивая ручейки и рвы, серна помчалась за ней.

Она засмѣялась.

— Мирта,—сказалъ я, глядя ей въ глаза, которые склонились надо мной.

— Правда, какъ хорошо,—сказала она.

— Мирта,—повторилъ я.

Она посмотрѣла на меня, и мнѣ казалось, что ея глаза видятъ очень многое.

— Да,—улыбнулась она,—милосердіе существуетъ затѣмъ, чтобы люди грѣшили.

Всѣ ея слова казались мнѣ чѣмъ-то чуднымъ, необыкновеннымъ, рѣдкимъ, чего я никогда не слышалъ.

Наши работы на лѣвомъ берегу рѣки уже кончались.

Старикъ Шимонъ однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ поговорить о постройкѣ временнаго моста, которую можно закончить въ одинъ день.

Какъ?! Завтра мнѣ надо покинуть это мѣсто?!

Я началъ выдумывать тысячи причинъ, въ силу которыхъ надо было здѣсь остаться. Я еще разъ отправился осматривать полотно и нашелъ массу неточностей, поправокъ, которыя заставляли старика Шимона качать головой и смотрѣть на меня съ изумленіемъ.

Наконецъ, онъ сморщилъ брови и сказалъ строго:

— Надо идти впередъ или передать работу другому.

И смотрѣлъ на меня, прищуривъ глаза.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, мнѣ стало стыдно. Старикъ Шимонъ, конечно, отлично зналъ, отчего я теперь иначе одѣваюсь и куда ѣзжу вечеромъ верхомъ. Онъ ничего не говорилъ, такъ какъ не смѣлъ говорить, впрочемъ, работа шла попрежнему. Но теперь сказалъ мнѣ прямо: надо идти впередъ или передать работу другому.

Я стоялъ передъ нимъ въ смущеніи. Его громадная фигура была гораздо выше моей. Со страшно развитыми мускулами на груди, онъ былъ похожъ на каменную глыбу. Сѣдоватые волосы падали ему на плечи, сѣдые, подстриженные усы закрывали ротъ.

Я чувствовалъ, что здѣсь нечего играть въ жмурки.

— Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?—спросилъ я.

Я думалъ, что онъ отвѣтитъ мнѣ что-нибудь о грѣхѣ, о чужой собственности, о мужѣ-старикѣ, который уѣхалъ, о шестой заповѣди и совѣсти, но онъ сказалъ только:

— Пошелъ бы впередъ или передалъ работу.

— И пошли бы впередъ?

— Если бы я сразу рѣшилъ идти, то пошелъ бы.

— А если бы вы не могли идти?

— Гдѣ есть воля, тамъ нѣтъ «не могу».

— Но иногда воли мало.

— Нѣтъ воли, которой мало, развѣ лишь та, которой, въ сущности, нѣтъ.

— Завтра мы будемъ ночевать за рѣкой.

Онъ протянулъ ко мнѣ твердую, старую руку, потрясъ мою и отошелъ, попыхивая трубкой.

Завтра мы будемъ ночевать за рѣкой...

Это значитъ...

Я сжалъ глаза ладонями и упалъ на край стола.

Это значитъ разстаться съ Миртою, бросить все и ее, и этотъ заколдованный садъ, и заколдованный источникъ въ лѣсу, съ лиліями и тюльпанами, которые она посадила весною.

Она не была моей, а я былъ весь ея, тѣломъ и душою, отдавшись ей всѣмъ существомъ, потерявъ себя въ ней.

Въ этотъ вечеръ я пошелъ къ ней пѣшкомъ.

— Что съ вами?—спросила она меня на порогѣ.

— Я пришелъ проститься; завтра мы переходимъ на другую сторону рѣки.

— Отчего?

— Мы кончили здѣсь работу.

Она смотрѣла на меня съ недоумѣніемъ.

— Какъ? Вы переходите?

— Да. Долженъ.

— Нѣтъ «долженъ» тамъ, гдѣ есть воля.

Я взглянулъ на нее изумленно.

— Нѣсколько минутъ назадъ я слышалъ эти слова отъ моего минера.

— Вотъ видите!

— Да, но онъ говорилъ это потому, что я откладывалъ постройки моста.

— И вы начнете постройку?

— Начну.

— И перейдете?

— Да.

Ея глаза въ первый разъ блеснули, словно въ нихъ загорѣлся порохъ.

— А если бы я...—она оборвала; краска залила лицо.

— Мирта,—сказалъ я тихо, хватая ее за руку,—Мирта, ты знаешь вѣдь, что я долженъ идти, знаешь, отчего я покидаю это мѣсто. Вѣдь тамъ тысячи, милліоны людей ждутъ хлѣба и свѣта. И *я* его имъ дамъ.

— Боже!—крикнула она, сморщивъ лицо и поднявъ руки.— Неужели одинъ часъ счастія не стоитъ больше, чѣмъ всѣ тѣ идеалы, къ которымъ ты стремишься?! Не сдѣлаешь ты, такъ сдѣлаютъ другіе.

— Но это *я* хочу сдѣлать.

Она смѣрила меня глазами.

— Ты скажешь, что тебя ведетъ любовь, идея, а я скажу, что это—гордость и тщеславіе.

Ея глаза и губы приняли такое выраженіе, что я не смѣлъ противорѣчить. Развѣ можетъ быть какое-нибудь положеніе смѣшнѣе, чѣмъ положеніе человѣка, который доказываетъ, что онъ лучше, чѣмъ о немъ думаютъ.

— Останься здѣсь. Я хочу, чтобы ты остался... я... прошу...

Голова ея впервые наклонилась ко мнѣ; голосъ впервые сталъ похожъ на лазурное восхожденіе утренней звѣзды.

Она наклонилась ко мнѣ еще больше; я почувствовалъ жаръ ея губъ.

Потомъ отодвинулась мягко и слабо и, протянувъ мнѣ руку, произнесла тихо:

— Значитъ, послѣдній разъ?

— Приду завтра проститься.

— Когда?

— Утромъ. На разсвѣтѣ.

Былъ тихій и сѣрый разсвѣтъ, какъ тотъ источникъ въ саду съ лиліями и тюльпанами, въ вечерній часъ. Я ждалъ ее.

Не спалъ всю ночь. Чувствовалъ, что люблю эту женщину до безумія, до сумасшествія, что жажду ея, какъ узникъ воздуха, какъ бѣднякъ хлѣба, какъ путникъ воды. Это уже не были мои 28 лѣтъ лѣтній зной, цѣлые мѣсяцы вдали отъ женщины: это была любовь. Я любилъ ее такъ, какъ любишь, когда любишь.

Но тамъ меня ждалъ мостъ, ждала постройка желѣзной дороги люди за лѣсомъ, голодные, жалкіе, темные. Я чувствовалъ, что я могу жить безъ этой женщины, пока или я, или она будетъ жит

Одинъ изъ насъ долженъ уступить: или я съ моей любовью, или она со своей красотой, которая связала мнѣ руки и ноги.

Если обстоятельства сложатся такъ несчастливо, что женщина становится на пути мужчины и не позволяетъ ему привести въ исполненіе своего долга и своей обязанности, то милліоны мужчинъ падаютъ и ангелъ смерти сталкиваетъ ихъ въ бездну. Тысячи, милліоны мужчинъ. Если обстоятельства сложатся такъ несчастливо, что женщина, вмѣсто того чтобы стать вѣтромъ, который толкаетъ парусъ, становится подводнымъ рифомъ или мелью, — вмѣсто того чтобы стать путеводной звѣздой, становится безумной бурей, вмѣсто того чтобы стать живящимъ источникомъ, становится обезсиливающимъ опіумомъ: тогда тысячи и милліоны мужчинъ надрываются и падаютъ, а они должны надорвать и повалить женщину. Они гибнутъ, а должны женщину принести въ жертву. Если нѣтъ силъ, чтобы отойти отъ нея, пока она существуетъ, и въ то же время чувствуешь, что если она перестанетъ существовать, то найдутся силы идти дальше: она должна перестать существовать.

О характерѣ, значеніи и цѣнности поступка говорятъ условія.

Если Мирта не станетъ поперекъ моей дороги, это будетъ счастіемъ, счастіемъ для нея. Но если станетъ, то горе ей!

Да, горе ей!

Да, горе ей! Я не позволю сломать и уничтожить меня, ни ей, ни моей страсти, если все сложится такъ несчастливо, что она станетъ поперекъ моей дороги, какъ злой рокъ.

Я не буду изъ числа тѣхъ, которые смотрятъ обезумѣвшими отъ отчаянія глазами въ ту бездну, куда упало то, надъ чѣмъ они трудились, если судьба не дала, чтобы женщина прошла мимо меня равнодушно или подала мнѣ руку для совмѣстнаго труда.

Я не буду игрушкой въ рукахъ судьбы, кругомъ, который катится туда, куда его толкнули.

Если бы я даже долженъ былъ сдѣлать что-нибудь страшное: я вырвусь и пойду впередъ.

Былъ тихій и сѣрый разсвѣтъ, солнце только что начинало подниматься изъ-за горизонта. Тогда она вдругъ, совершенно неожиданно появилась передо мной. На ней не было платья, а лишь мягкій и [illegible]рокій плащъ, который она накинула на бѣлье. Все ея тѣло ри[illegible]лось, какъ гипсъ подъ мокрымъ драпри.

[illegible]а прошла мимо меня, кинувъ только одно слово:

Пойдешь?

[illegible]твѣтилъ:

Пойду.

— Будь вечеромъ у обрыва, гдѣ часовня.

И она пошла дальше, не оборачиваясь,—словно чудесная статуя, каждое движеніе которой сводило съ ума.

Наступилъ страшно жаркій, душный день. Потъ лился съ рабочихъ, которые ставили временный мостъ. Кровь все время приливала у меня къ головѣ, жаръ жегъ губы и глаза.

Что будетъ вечеромъ, сегодня вечеромъ?

Что бы ни было, пойду дальше.

Навести мостъ—пустое дѣло, можно вернуться и изъ-за тысячи верстъ, но покориться, отдаться въ неволю женщинѣ, которая ничего не видитъ за собой,—это значитъ отказаться отъ самого себя.

Она не виновата. Ее ничему не учили, ничего ей не говорили, она ни о чемъ не думаетъ и ничего не чувствуетъ; но она такъ прекрасна, что можно сойти съ ума, умереть...

Если бы даже я долженъ былъ ее убить, я вырвусь изъ ея объятій!...

Если бы долженъ былъ ее убить!... Пусть Богъ это разсудитъ.

По-моему, моя жизнь цѣннѣе, чѣмъ десять такихъ прозябаній, какъ ея.

Она цвѣтетъ въ этомъ лѣсу, какъ голубая горчинка въ лѣсной глуши, куда проникаютъ только вѣтеръ и дождь; она похожа на пальму въ пустынѣ, которая выросла на клочкѣ земли, слишкомъ маломъ для того, чтобы быть оазисомъ. Заграждать мою дорогу она не имѣетъ права.

Если я буду чувствовать, что она меня околдовала, что я погибаю, то убью ее, какъ вредное животное.

Послѣ жаркаго душнаго дня наступилъ вечеръ такой же жаркій и душный. Казалось, что земля даетъ трещины отъ жары, что деревья сохнутъ и вянутъ, какъ лѣсныя растенія. Вода казалась какъ бы усталой въ рѣкѣ.

Я пошелъ на условное мѣсто.

Это былъ скалистый обрывъ надъ рѣкой, высокій и крутой, въ мѣстѣ, гдѣ кто-то, когда-то очень давно, прибилъ на старой ели образокъ, въ которомъ не было никакого лика. Иногда мы гуляли здѣсь съ Миртой.

Я сѣлъ на камнѣ, свѣсивъ ноги въ пропасть съ рокочущей, горной рѣкой на днѣ, опустилъ голову на руки и закрылъ глаза.

А могло бы быть такъ хорошо, хорошо, хорошо...

Вѣдь мы могли бы быть такъ счастливы...

Мы могли бы приходить къ этому камню для того, чтобы говорить другъ другу о вѣчной любви и любить другъ друга до смерти...

Что толкаетъ меня впередъ, въ міръ?!

Мирта не броситъ своего мужа, не пойдетъ за мной. Приговорить себя къ такой жизни, какую нужно было бы вести,—значитъ сломать шпагу надъ своимъ собственнымъ гробомъ. Кончено...

А могло бы быть такъ хорошо, такъ хорошо...

Она дотронулась рукой до моего плеча. Я очнулся отъ своихъ мыслей.

— Уѣдешь?—спросила она.

— Мостъ готовъ. Ухожу завтра.

— И не вернешься?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Боюсь.

— Меня?

— Скорѣе себя.

— Ты думаешь, что я не пойду за тобой?

— Да, ты пойти со мной не захочешь.

— Такъ останься здѣсь! Останься, останься!

Ея голосъ перешелъ въ шепотъ, она стала возлѣ меня на колѣни и говорила мнѣ прямо въ губы.

— А тамъ?—я указалъ рукой впередъ.

— Тамъ?!—она откинулась назадъ.—Тамъ?! Какое тебѣ дѣло до того, что тамъ? Неужели ты предпочитаешь мнѣ людей, которыхъ ты никогда не видѣлъ? Ты думаешь, что тамъ будешь счастливѣе, чѣмъ со мною? Зачѣмъ ты идешь туда? Не пойдешь ты, пойдутъ другіе: одинъ, другой, десятки другихъ. Развѣ ты одинъ умѣешь строить желѣзныя дороги? Тебя одного я хочу любить! Понимаешь, слышишь? Тебя, тебя, только тебя одного! Я не хочу, чтобы ты уходилъ отъ меня! Ты долженъ остаться! Долженъ! И останешься! Здѣсь, въ ближайшемъ городкѣ,—шептала она, снова понижая голосъ, — ты поселишься. Я буду пріѣзжать къ тебѣ верхомъ... Ты видѣлъ мою гнѣдую кобылу со стрѣлкой на лбу? Она, какъ вихрь, будетъ носить меня къ тебѣ. Я каждый день буду бывать у тебя, когда хочешь. Я буду обманывать мужа, я все ему скажу. Онъ уменъ и добръ.

— Такъ скажи ему, что не любишь его, что любишь меня, что хочешь *жить*, и пойдемъ со мной туда!

— Туда? Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь! Я ни за что туда не пойду, ни за что! Кто можетъ знать, что тамъ ждетъ, сторожитъ!... Кто можетъ знать, что *тамъ* угрожаетъ? А здѣсь, смотри! Лѣсъ, глухой,

огромный, вѣковой лѣсъ, полный аромата, дикихъ цвѣтовъ, оленей, серн. Смотри, развѣ здѣсь не хорошо? Развѣ ты не слышишь запаха смолы и дикаго шиповника? Смотри, какъ къ тебѣ тянется папортникъ, смотри на его огромные, выпуклые листья. Слушай, что шепчетъ тебѣ лѣсъ... Онъ тоже хочетъ тебя удержать, такъ онъ меня любитъ, мой старый, вѣковой лѣсъ!... Слушай, какъ онъ шумитъ надо мной. Онъ любитъ меня за мою красоту, за мою молодость... Онъ знаетъ, что я его королева, дочь лѣса, дочь вѣковой пущи. Онъ любитъ меня и не хочетъ моего несчастья!... Ты поселишься здѣсь, правда? Не бросишь меня?! Не бросишь лѣса и меня?

Она упала на колѣни передо мной, сложивъ руки. Я закрылъ глаза и легко отодвинулъ ее. Въ ту же минуту молнія разорвала небо и вдали раздался громъ. Эта молнія словно задѣла сердце Мирты своимъ огнемъ. Она вскочила съ земли и закричала:

— Я молніей подожгу твой мостъ! Я хотѣла грозы — и вотъ она! Я колдунья лѣсная и звала грозу всею силой моего сердца. Я молилась стихіямъ, я—язычница и дикарка. Молніей подожгу твой мостъ! Я призову такой ливень, что работа твоя пойдетъ на смарку! Твои желѣзныя рельсы унесутъ волны, какъ деревянныя щепки. Смотри! Слушай!

И гроза, дѣйствительно, подошла. Съ неслыханной быстротой надвинулись черныя тучи, то и дѣло сверкали яркія молніи и грохоталъ громъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ буря безумствовала надъ нами.

Вѣковыя ели закрывали наши головы отъ дождя, который, казалось, потоками лился изъ тучъ на землю.

Страшный грохотъ грома слѣдовалъ одинъ за другимъ. Это не была гроза: туча сорвалась.

Я стоялъ на краю пропасти, около Мирты, которая съ вытянутой шеей и полуоткрытыми губами, казалось, ждала чего-то, чего-то хотѣла.

Вдругъ вдали сверкнулъ снопъ огня.

— Твой мостъ!—крикнула съ тріумфомъ Мирта.

Ручьи въ лѣсу выступили изъ береговъ; вода волнами лилась съ лѣсныхъ холмовъ. Среди деревьевъ появлялись потоки, которыхъ раньше никогда не было, вздымались, клубились и вскорѣ стали уносить пни, вырванные изъ земли, деревья, опрокинутыя молніями и вѣтромъ. Почти подъ нашими ногами катились каменныя глыбы и ели. Вдругъ я услышалъ въ водѣ лязгъ и звонъ.

— Рельсы!—крикнула Мирта.

Я не могъ сомнѣваться въ томъ, что на всемъ томъ простр-

ствѣ, которое заняла сорвавшаяся туча, наша работа должна быть разрушена. Вода должна была просто сорвать ее, смыть и снести.

Я сжалъ кулаки.

При свѣтѣ молній, освѣщенная заревомъ горящаго моста, среди рева громовыхъ раскатовъ, среди вихря, дождя и наводненія, Мирта стояла передо мною, глядя мнѣ въ глаза, съ раскрытыми губами, съ раздутыми ноздрями, съ глазами, въ которыхъ отражались огни молній.

— Видишь?! Ты не пойдешь дальше. Ты долженъ остаться. Я заворожила бурю, заворожила воду, заворожила молніи! Горитъ твой мостъ, катятся твои рельсы, все мчится туда, въ ту рѣку, внизу. Ты долженъ остаться, я такъ хочу!

Страшный гнѣвъ сдавилъ мнѣ горло.

— Я построю новую дорогу, поставлю новый мостъ!—крикнулъ я.—Ты со своимъ страшнымъ лѣсомъ напрасно хочешь меня задержать. Если вы оба станете однимъ чудовищемъ, которое загородитъ мнѣ дорогу, я задушу его и пойду впередъ!

Мирта, казалось, не слыхала моихъ словъ. Схватила меня за руку и, сжимая ее изо всѣхъ силъ, говорила страстно:

— Ты не покинешь меня; клянись, что не покинешь! Я хочу, я требую этого; клянись! Ты мой! Тебя мнѣ отдалъ лѣсъ, тебя мнѣ отдала гроза, тебя отдалъ мнѣ вѣтеръ и дождь: ты мой! Клянись, что останешься здѣсь со мною. Какое тебѣ дѣло до міра, если ты меня любишь?! Я твоя—смотри!

Она потянула меня за плечи, и я впервые обнялъ ея тѣло. Въ одну минуту въ мозгу у меня все потемнѣло, губы высохли отъ недостатка дыханія. Я чувствовалъ, что погибаю.

А Мирта тянула меня къ себѣ, обвивала вокругъ себя мои руки, сплетала ихъ со своими. Я чувствовалъ ее всю у своего тѣла.

— Ты мой!—шептала она.—Клянись, что не пойдешь туда!

— Мирта!—крикнулъ я.—Сойди съ дороги! Гроза уничтожила мой трудъ, я начну его сначала, и ты пусти меня! Если не понимаешь меня, то пусти! Мой трудъ продолжится всю мою жизнь, онъ кончится только со смертью! Пусти меня!

— Никогда! Я знаю, я чувствую, что ты мой! Тебя мнѣ отдалъ отдала гроза, отдалъ вѣтеръ и дождь. Ты останешься!

я грудь была на моей груди, губы на моихъ губахъ, тѣло на ъ тѣлѣ: я чувствовалъ, что она не должна существовать, для чтобы я могъ жить. Буря, пожаръ моста, лязгъ и стонъ рельсъ ѣ довели меня до потери сознанія.

Пусти меня!—крикнулъ я, вырываясь изъ рукъ Мирты.

— Никогда!

Въ ея голосѣ звучалъ тріумфъ. Я шатался и склонялся къ ея ногамъ. Если я хоть разъ дотронусь до ея губъ, если я хоть разъ отдамся ей,—я погибъ навсегда. И я не устою, не устою, не устою!

Она меня поглощала въ себя, я исчезалъ въ ней, терялъ въ ней себя. Она чувствовала, что торжествуетъ, что я упаду къ ея ногамъ, какъ срубленное дерево, откажусь для нея отъ всего, поклянусь, что никогда не оставлю ея!...

Она торжествовала!...

Вдругъ мозгъ мой сталъ холоднымъ, яснымъ и трезвымъ. Съ неслыханной быстротой я понялъ математическую аксіому: для того чтобы я могъ жить, она не должна существовать.

И съ полнымъ сознаніемъ того, что я дѣлаю, со всей холодностью математика, со всѣмъ спокойствіемъ механическаго движенія, вырвавъ руки изъ ея рукъ, я толкнулъ ее въ грудь и сбросилъ въ пропасть съ края обрыва.

Тамъ, внизу, въ рѣкѣ, которая съ ревомъ несетъ деревья, камни, брусья моего моста и рельсы моей разрушенной дороги, теперь должно катиться, катиться ея бѣлое тѣло...

Суни и вѣтви рвутъ ея лицо, рвутъ ея грудь, бедра и бѣлыя ноги; камни дробятъ ея кости; страшные, чудовищные вѣтки прокололи ея глаза, ея глаза...

Вода заливаетъ ей ротъ, душитъ и давитъ ее... Ея волосы, длинные, шелковые, растрепанные волосы зацѣпляются за вѣтки, оплетаютъ суки, обвиваются вокругъ молодыхъ, поваленныхъ сосенъ, запутываются и тянутъ ее,—что за страданіе! Господи!

Она еще можетъ жить...
Господи! Господи! Господи!
Гроза, вода! Ты, страшный лѣсъ, убей же ее!
Господи! Убейте ее! Пусть умретъ! О! О!

На слѣдующій день мы сызнова начали работу. Загорѣвшійся отъ молніи мостъ свалился въ воду; на большомъ пространствѣ вс а сорвала и унесла рельсы.

Мы начали работу сначала.

Я царилъ надъ лѣсомъ, надъ бурей, надъ стихіями, надъ соб й самимъ: пойду туда, куда хочу. Тріумфъ!

Напрасно грозилъ мнѣ этотъ страшный лѣсъ. Я вошелъ въ не , взялъ его силою, надругался надъ его святостью и красотою, при -

дилъ его признать меня своимъ властелиномъ. Онъ рванулся на меня съ грозой, молніями, наводненіемъ—и покорился въ борьбѣ.

Сотни рукъ поднимали вверхъ топоры, а эти сотни рукъ—одна моя воля.

Въ заговорѣ съ моимъ сердцемъ, кровью, чувствами, онъ поставилъ у меня передъ глазами женщину, загородилъ мнѣ дорогу блескомъ ея глазъ, сладостью ея губъ, очарованіемъ ея голоса, волной ея грудей и дугами бедръ,—я сбросилъ ее въ пропасть.

Иду, куда хочу, иду съ тріумфомъ.

Я силенъ, непобѣдимъ, освященъ побѣдой.

Продолжаю постройку дороги. Когда кончу эту линію, начну другую, новую. Дальше, дальше и дальше.

Es ragt ins Meer der Runenstein,
Da sitz'ich mit meinen Träumen;
Es pfeift der Wind, die Moewen schrein,
Die Wellen, die wandern und schäumen.
Ich habe geliebt manch schoenes Kind
. . . . . .
. . . . . .
Es schäumen und wandern die Wellen *).

Тріумфъ!...

Съ польск. перев. Высоцкій.

*) Гейне.

ПАДШІЕ.

I.

Мать перестала на минуту раскладывать пасьянсъ и подняла на Михаила глаза:

— Ты не заснулъ ли?

Онъ проворчалъ, не подымая головы:

— И не думаю.

Карты опять зашуршали, раскладываясь по столу. Ноябрьскія сумерки наступили, лиловый полумракъ мрачно смотрѣлъ въ окно. Кругомъ было тихо, только карты шуршали да часы стучали на каминѣ свое монотонное тикъ-такъ, тикъ-такъ.

Михаилу казалось, порою, что эти звуки слабѣютъ, точно тонутъ въ тишинѣ, точно его мысли, бродящія въ головѣ, уносятъ, увлекаютъ его куда-то подальше отъ нихъ, и они невольно замолкаютъ вдали. Капризныя мысли бѣгутъ непрестанно, смѣняются другими, и опять онъ возвращается къ дѣйствительности, къ лиловымъ потемкамъ на дворѣ, къ глухой тишинѣ послѣобѣденнаго часа, монотонные звуки царятъ въ ней попрежнему; тихо шуршатъ одна объ другую карты, часы отбиваютъ монотонно: тикъ-такъ, тикъ-такъ.

Онъ лежалъ на кушеткѣ въ ихъ скромной гостиной съ старомодной приглядѣвшейся мебелью, съ старыми гравюрами по стѣнамъ. И всякій разъ, какъ онъ смотрѣлъ на эту старую обстановку, о думалъ о томъ, что жизнь уходитъ, что такъ много хотѣлось бы в дѣть, пережить, перечувствовать, а впереди—ничего, ничего.

Пока былъ живъ отецъ, это будущее точно улыбалось немно былъ тогда скромный достатокъ, были радужныя надежды. Пото все исчезло и разлетѣлось, жизнь настоящая, дѣйствительная по зала себя. И вотъ теперь точно не стало будущаго: кругомъ ли.

вые сумерки, тишина, мягкое шуршаніе картъ и металлическій стукъ часовъ.

Съ каждымъ днемъ онъ точно впитываетъ въ себя поднявшееся въ душѣ раздраженіе, какая-то тупая тоска гнететъ и гнететъ его. Порой въ интересующемъ его обществѣ онъ оживится, точно встряхнется, покажется на минуту прежнимъ, живымъ, интереснымъ, общительнымъ. Но только на минуту, и опять раздражающія мысли точно щипнутъ за сердце и вызовутъ прежнюю гнетущую тоску.

Онъ пересталъ гулять, ему тяжело смотрѣть на людей, онъ чувствуетъ себя обойденнымъ, онъ рѣдко заходитъ теперь къ сестрѣ Наташѣ,—все его раздражаетъ, волнуетъ, не даетъ покою.

Ему надоѣло лежать.—Почитать развѣ?—Онъ всталъ, взялъ послѣдній томикъ писателя скандинава и началъ зажигать у кушетки лампу.

Мать снова оторвалась отъ пасьянса и подняла на него глаза.

— Мишенька, ты бы сюда пересѣлъ... Тутъ вѣдь есть лампа.

Раздраженіе сразу вспыхнуло: копеечные разсчеты, вѣчная, вѣчная будничная проза существованія, жалкія, сѣрыя мелочи жизни.

Онъ возразилъ жестко:

— Я хочу лежать; изъ-за пяти копеекъ нельзя полежать.

Мать не отвѣтила. Онъ легъ и раскрылъ свою книгу: раздраженіе не улеглось, было еще больше не по себѣ. лучше бы она отвѣтила, начала бы спорить, но не молчала бы. Въ этомъ молчаніи та же безпросвѣтная тоска существованія. Ему захотѣлось швырнуть подальше книгу, уткнуться головой въ кушетку и кричать, кричать, чтобы заглушить въ себѣ мертвящую скуку.

А потомъ опять упадокъ, опять бродятъ мысли, то увлекая, то снова возвращая къ дѣйствительности, опять всѣ чувства точно погружаются въ какія-то тихія потемки, опять шуршатъ одна объ другую карты и маятникъ мѣрно стучитъ. тикъ-такъ, тикъ-такъ... Глаза устало бродятъ по строкамъ, а мысли далеко: бѣгутъ, бѣгутъ, смѣняя одна другую...

Звонокъ. Рѣзкій, надтреснутый, громкій. Точно кто то посторонній вошелъ вдругъ въ глухую тишину комнаты и принесъ съ собою т то свѣжее, новое.

— Кто это?—говоритъ мать тревожно и сейчасъ же успокаивается: то, вѣрно, Лиза. Поди, Миша, отвори, пожалуйста.

, это вѣрно Лиза. Да, все та же скучная будничная проза,— н ни свѣжаго, ни новаго; это только неожиданность дала свою и зію... Скука, скука, все одно и то же... Онъ снова почувство- в ое раздраженіе.

— Мамаша, у насъ Аннушка есть... Чего я буду бѣгать.

Глаза у матери дѣлаются печальные и холодные.

— У Аннушки и безъ того много дѣла, Миша. Что тебѣ трудно пройти три шага?

— Да, мнѣ трудно,—жестко и громко говоритъ онъ,—точно злоба его утоляется этимъ сухимъ, ожесточеннымъ тономъ.

Мать вздыхаетъ, кладетъ свои карты и медленно встаетъ изъ-за стола.

Господи, какъ скучно, къ чему, къ чему все это? Онъ злобно бросаетъ книгу, вскакиваетъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ и, подавляя разгорающуюся злость, быстро идетъ въ переднюю.

Онъ рѣзко отбросилъ крюкъ, непріятно ударившійся объ дверь, и отступилъ назадъ. Дверь отворилась медленно, и на него посмотрѣло знакомое, милое лицо съ большими темными глазами.

Ахъ, это не Лиза, это Татьяна Васильевна, Таня, какъ нѣжно называлъ онъ ее про себя. Что-то мягкое и теплое, точно свѣжее дыханіе пахнуло на него отъ ея тоненькой темной фигурки, на губахъ невольно появилась улыбка.

— Татьяна Васильевна, это вы?

Она улыбнулась немного смущенно:

— Лиза дома?

Онъ потянулъ ее въ комнату, пожимая ея маленькую руку въ перчаткѣ:

— Лиза сейчасъ придетъ, входите, входите.

Она колебалась и смущалась все больше, точно боялась и вмѣстѣ хотѣла войти:

— А Марья Ивановна?

— Дома, мамаша дома.

Но она продолжала колебаться.

— Мамаша, да откликнитесь же,—крикнулъ онъ.—Татьяна Васильевна боится входить.

— Я не боюсь,—смущенно улыбаясь, сказала она,—только...

Онъ стянулъ съ нея кофточку. Она тихими движеніями рукъ сняла съ себя перчатки и шляпу, поправила волосы и пошла въ гостиную.

Сидя на кушеткѣ, онъ слѣдилъ за нею глазами; онъ почти не слушалъ, что говорятъ, только обрывки машинально касались его ушей, онъ смотрѣлъ.

Лампа сквозь матовый абажуръ освѣщала ея овальное лицо съ большими темными глазами, не то тревожными, не то испуганными; каштановые волосы, раздѣленные посрединѣ на двѣ стороны, спу-

вались на лобъ двумя темными bandeaux. Въ движеніяхъ, въ голосѣ, что-то скромное, неувѣренное, застѣнчивое. Порой она поднимаетъ руку, поправить сбившуюся прядь, порой перемѣнитъ позу, во всемъ что-то слабое, несмѣлое, хрупкое.

И говоритъ она тихо, и въ голосѣ ея тотъ же оттѣнокъ слабости и какъ будто затаенной тревоги. Михаилу кажется, что она похожа на какой-то цвѣтокъ на тонкомъ-тонкомъ нѣжномъ стеблѣ. На него только можно смотрѣть, но не трогать, иначе онъ сломается, и разсыплются его лепестки. И онъ только тихо вздрагиваетъ отъ малѣйшаго дуновенія и тревожно покачивается на тонкомъ стеблѣ.

Она слегка облокатилась на ручку кресла и, поднявъ на его мать свои большіе глаза, говорила. Онъ смотрѣлъ на нее, слушалъ ея слова, какъ сквозь сонъ, и ему казалось, что когда она говоритъ, впечатлѣніе еще сильнѣе, еще опредѣленнѣе.

Она теперь говоритъ о томъ, какъ ей жалко было бросить курсы. Но что дѣлать? Надо же жить,—она никогда не умѣла давать уроки; служба гораздо легче,—на службѣ она спокойна. Правда, тяжело, пальцы устаютъ, но вѣдь это дѣло привычки. Вотъ и теперь она прямо со службы, у нихъ вечернія занятія, и плата за нихъ отдѣльная. Ходить немного далеко, но она любитъ ходить; домой по конкѣ.

Она опять подняла руку и поправила непослушную прядь. И рука у нея характерная, маленькая, тонкая, слабая съ нѣжными тоненькими пальцами. Любитъ ли онъ ее? Отчего его такъ влечетъ къ ней всегда, отчего она своимъ присутствіемъ успокаиваетъ его всегда, въ какомъ бы скверномъ состояніи онъ ни былъ? Должно быть, любитъ. Ему такъ хочется всегда ея ласки, молчаливой, но любящей ласки: онъ прилегъ бы къ ней головой на колѣни, а она ласкала бы его голову этими тонкими нѣжными пальчиками. Сегодня она немного устала,—слишкомъ ужъ много работы. И погода плохая, пушки стрѣляютъ, должно быть наводненіе.

— Озябли?—говоритъ его мать,—подождите, сейчасъ велю чай подавать. Согрѣетесь. И Лиза подойдетъ.

Она собираетъ въ кучу свои карты и медленно выходитъ изъ-за ст а.

II.

ли остались одни. Стало тихо; Таня точно смутилась и стала см рѣть на старую, много разъ видѣнную гравюру, освѣщенную ла ой. Снова явственно громко стучали часы на каминѣ.

У него дрогнуло сердце точно передъ чѣмъ-то страшнымъ, но необходимымъ. Что-то толкало, онъ всталъ и подошелъ къ ней. Она не двинулась и молча продолжала смотрѣть на картину. Такъ неподвижно останавливается несчастный кроликъ подъ гипнотизирующимъ взглядомъ огромной змѣи. Онъ нагнулся къ ней,—его охватило знакомое злое и хищное чувство.

— Танечка, вы ужъ и поздороваться не хотите, какъ слѣдуетъ.

Онъ чувствовалъ, что вопросъ этотъ звучитъ грубо и пошло, но что-то точно толкало его спросить такъ.

Она не отвѣтила, не двинулась, только замѣтно заволновалась и покраснѣла. Онъ обнялъ ее за плечи, низко пригнулся къ ней и поцѣловалъ ее въ губы.

Она не сопротивлялась, только тихо высвободилась и сказала печально и тихо:

— Къ чему это?

— Какъ къ чему?... Мнѣ нравится, мнѣ пріятно.

Онъ и сознавалъ всю пошлость своего тона и не могъ, положительно не могъ освободиться отъ него.

Онъ присѣлъ поближе къ ней на край дивана и смотрѣлъ на нее, улыбаясь, немного дѣланно. Она печально опустила голову и сказала также тихо и печально, проводя машинально пальцемъ по ручкѣ кресла:

— Вы совсѣмъ меня не уважаете.

Ему вдругъ стало ее жалко, пошлый тонъ сразу слетѣлъ, опять захотѣлось ея нѣжной, меланхолической ласки. Онъ взялъ ее за руку:

— Полноте, что вы, Таня!

Она опять вскинула на него на минуту глаза, чуть блеснувшіе и опять опустила ихъ:

— Да, не уважаете... Къ чему все это?... Какъ бы я дорого дала, чтобы не было того дня... Я подумала...

Она не кончила и снова стала водить по ручкѣ кресла своимъ тоненькимъ пальцемъ.

Онъ снова взялъ ее за руку и нагнулся къ ней. Она подумала? «О, онъ знаетъ хорошо, что она подумала».

Онъ сказалъ:

— Вы подумали, что я люблю васъ? А развѣ этого нѣтъ? Я не знаю, что это за чувство, но это не просто игра. Что-то меня влечетъ къ вамъ, захватываетъ... Я говорю иногда пошло, грубо, но все-таки мнѣ кажется, что я васъ люблю.

Она опять взглянула на него чуть блеснувшими глазами и опять

опустила ихъ. Она ждала, онъ понималъ это ожиданіе; но онъ не могъ сказать ей то, что она ждетъ. Нѣтъ, не могъ и не скажетъ никогда.

По коридору тихо зашуршали шаги,—она прислушалась и быстро вырвала руку:

— Пустите, идутъ.

Вошла его мать, онъ посмотрѣлъ на Таню; она сидѣла, застѣнчиво улыбаясь, съ виноватымъ видомъ шаловливой школьницы, врасплохъ застигнутой учителемъ.

Прежнее глухое раздраженіе опять поднялось въ немъ: какъ глупо она ведетъ себя, какая унизительная трусость. Именно, унизительная,—точно все то, что она дѣлала и говорила сейчасъ, было гадко и позорно. Какъ глупо теряется рабская натура, вѣчно дрожащая, вѣчно покорная, безвольная. У нея даже нѣтъ настоящей женской силы, смѣлой, увѣренной, порывистой; другая, если бы любила, отвѣтила бы на его поцѣлуй страстнымъ порывомъ, показала бы передъ всѣмъ свѣтомъ, что любитъ и не стыдится своей любви. А эта...

Порою ихъ взгляды встрѣчались, и, все еще не оправившись, она отводила глаза. А онъ смотрѣлъ на нее въ упоръ мрачнымъ взглядомъ и думалъ: какъ она потеряла всю цѣльность, всю красоту своей натуры, какой у нея смѣшной и глупый видъ.

Снова звонокъ. Еще болѣе рѣзкій и энергичный.

— Лиза,—сказала мать и посмотрѣла на Михаила, желая и боясь попросить отворить.

— Пускай трезвонитъ,—грубо сказалъ онъ, внезапно ожесточаясь,—я не пойду отворять.

— Я отворю,—кротко предложила Таня и встала. Онъ разсердился еще больше.

— Ну, вотъ еще,—сказалъ онъ рѣзко и, подчеркивая свое нежеланіе, грубо вскочилъ и пошелъ въ переднюю.

Раздраженіе, клокочущее, непреодолимое, опять волной поднималось въ немъ. Онъ чувствовалъ, что видъ этой Лизы, сестры, съ которой рѣзко расходится во взглядахъ, невыносимъ, невозможенъ [illegible] него въ эту минуту, что первыя же слова ея вызовутъ въ немъ, [illegible]ъ всегда, злобную жажду возражать, спорить, и снова произойдетъ одна изъ тѣхъ дикихъ сценъ, до которыхъ доводятъ ихъ споры. [illegible]держанные, грубые, оскорбительные, съ ѣдкими и обидными намеками на самыя больныя мѣста.

Онъ не могъ больше оставаться здѣсь, готовъ былъ уйти, убѣжать [illegible]куда угодно, лишь бы не сидѣть опять вмѣстѣ въ этотъ вечеръ.

Онъ порывисто отперъ дверь, не глядя на вошедшую Лизу, и стараясь не видѣть ея.

Онъ впустилъ ее, а самъ съ тупой рѣшимостью нервными рѣзкими движеніями быстро надѣлъ пальто, громко стуча, надѣлъ калоши и, нервно стукнувъ дверью, побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

III.

Было холодно, сыро, промозгло. Мелкій, совсѣмъ невидный дождь. Казалось, что тончайшая мелкая сѣтка свѣсилась откуда-то сверху и все время прикасается къ лицу.

Дождь ложился свѣтлыми, мелкими каплями на платье, залилъ незамѣтно тротуары, покрылъ зеркальнымъ блескомъ поднятые верхи экипажей, окуталъ бѣловатымъ туманомъ тусклый свѣтъ фонарей. Онъ точно царилъ надъ городомъ и надъ всѣми, этотъ невидимый безконечный петербургскій дождь, навѣвая тоскливое, мрачно-безвыходное настроеніе. Вѣтеръ, сильный и холодный, налеталъ поминутно, билъ въ лицо долгими упорными порывами, срывая шляпу, пронизывая сквозь платье обжигающими холодомъ струями. Изрѣдка вдали что-то бухало отрывисто, коротко и мрачно,—стрѣляли, сообщая о наводненіи. И казалось, что эти угрожающіе, страшные своей монотонной глухостью звуки сливаются съ упрямо разсвирѣпѣвшей стихіей и отвѣчаютъ ея непримиримому враждебно-мятежному разгулу.

Михаилъ все шелъ; прошелъ свою улицу, другую, повернулъ на Невскій и продолжалъ идти по блестящему отъ воды тротуару, сталкиваясь съ прохожими, увертываясь на перекресткахъ отъ мокрыхъ лошадиныхъ головъ, обгоняя идущихъ впереди. На всемъ лежалъ отпечатокъ нѣмой покорности природѣ,—все было черно, молчаливо, сосредоточенно: черныя мокрыя одежды, поднятые воротники, залитые дождемъ раскрытые зонты; всѣ шли торопливымъ шагомъ, точно спасаясь отъ разбушевавшейся природы домой, гдѣ тепло и тихо, гдѣ нѣтъ этой бурной природы, а есть только люди и созданія рукъ человѣческихъ. Экипажи черными безформенными массами мчались куда-то, тоже какъ будто спасаясь, конки, блестя огнями сквозь дождевой бѣловатый туманъ, звонили съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ.

Съ той минуты, какъ Михаилъ вышелъ на улицу, грубо хлопнувъ дверью, его яростное состояніе раздраженія продолжало имъ владѣть точно по инерціи; съ выраженіемъ его на лицѣ, онъ все та-

не нервно, рѣзко, со злобой стуча ногами, спустился по лѣстницѣ и пошелъ по улицѣ. Ему какъ-то нравилось, доставляло смутное удовлетвореніе это приподнятое состояніе, точно и Лиза, и мать, и Таня видѣли его еще и теперь.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ только онъ остался одинъ, что-то засверлило въ сердцѣ, сначала тихо, потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Получалось привычное томительное раздвоеніе, которое раздражало и временами бѣсило его и вызывало въ немъ новые порывы злобы и ярости. Всякій разъ какъ появлялось въ немъ это сверлящее чувство тяжести въ сердцѣ, мысли его начинали принимать другое направленіе; сами, помимо его воли и желанія, онѣ направлялись противъ него съ безпощадною критикой. Точно внутри него, тамъ, гдѣ сверлило, сидѣлъ кто-то другой и все что-то нашептывалъ ему, намекалъ на что-то, напоминалъ, осуждалъ. И всего ужаснѣе было то, что съ первой же минуты онъ начиналъ вдругъ сознавать совершенно ясно, отчего сверлитъ, на что намекаетъ этотъ призрачный голосъ.

Онъ и теперь сразу почувствовалъ, что играетъ комедію, что его злоба и ярость только инерція. Почувствовалъ и ощутилъ что-то похожее на стыдъ передъ собой.

Онъ пошелъ тише, остановился у магазина, машинально посмотрѣлъ на витрину. Потомъ пошелъ дальше.

Лиза, конечно, не пощадила его; навѣрное съязвила ужъ, что онъ злится оттого, что сидитъ безъ дѣла и безъ денегъ. О, она отлично поняла его больное мѣсто.

И что думаетъ теперь о немъ Таня? Думаетъ, конечно, что онъ бѣдный помощникъ безъ практики, несчастный «юридическій младенецъ», который пыжится, корча изъ себя человѣка съ положеніемъ и вѣсомъ, а самъ сидитъ безъ кліентовъ и гроша денегъ. Такіе теперь и въ литературѣ попадаются, когда автору нужно внести комическій элементъ; наравнѣ съ кадетами и гимназистами.

Что она можетъ думать? Другая на ея мѣстѣ, послѣ этого разочаровалась бы, навѣрное разочаровалась бы; ей сейчасъ представился бы «типъ» изъ литературы. Какъ глупо!... Человѣкъ сидитъ безъ практики и только безсильно злится, вымещая на другихъ.

Безсильно. Вотъ это—главное, женщины не переносятъ этого «безсильно». Имъ все равно, что онъ сидѣлъ безъ практики и безъ денегъ, но къ чему эта «безсильная» злоба. Этого онѣ не могутъ проститъ. Въ этомъ безсиліи есть что-то женственное, слабость какая-то.

И, главное, какая пошлость,—литературный комическій типъ.

Эта еще вздумаетъ жалѣть. Что можетъ быть гаже и пошлѣе,

какъ когда женщина жалѣетъ мужчину. Она способна. И все-таки въ глубинѣ ея души останется невольный, незамѣтный осадокъ разочарованія; даже сквозь жалость.

Злоба все сильнѣй овладѣвала имъ; опять, какъ и во всемъ, окутываетъ его все та же банальная пошлость жизни, какая-то сѣренькая будничная проза. Точно онъ тонетъ въ этой мутной отвратительной лужѣ, которая называется мѣщанствомъ, захлебывается въ ней съ гадливостью, глотая грязную жидкость, и нѣтъ силъ, чтобы выбраться. Снова привычное чувство отвращенія къ жизни, отчаяніе передъ невозможностью перейти установленныя кѣмъ-то грани для выхода на просторъ, охватило его. Казалось, въ душѣ дѣлалось такъ же безнадежно темно, какъ въ эту мрачную, упорно свирѣпую ночь.

Онъ дошелъ до Казанскаго собора и остановился: идти ли дальше?

Площадь стояла пустая, мрачная, лужи блестѣли на мокрой мостовой, между темныхъ, залитыхъ водою, камней булыжника; зданіе собора стояло одиноко, неподвижно-сурово; только изрѣдка изъ темнаго отверстія арки выплывала, приближаясь и увеличиваясь, безформенная черная фигура экипажа; копыта лошадей глухо стучали по камнямъ, колеса хлюпали въ водѣ и разбрасывали грязь.

Онъ постоялъ и повернулъ назадъ, налѣво по каналу; было противно идти домой той же дорогой, было противно, что ушелъ изъ дому, что онъ ссорится съ Лизой, кричитъ, шумитъ, ругается. Наступила та ужасная апатія, которая такъ угнетала его за послѣдніе дни.

IV.

Поднимаясь по лѣстницѣ въ свою квартиру, онъ снова почувствовалъ волненіе и досаду. Положеніе казалось нестерпимо глупымъ и смѣшнымъ.

Ушелъ, прогулялъ около часу и пришелъ домой. И что же теперь? И безъ того натянутое нервное состояніе еще усиливалось этимъ разыгравшимся самолюбіемъ.

На столикѣ въ передней лежали двѣ студенческія фуражки, дамскія шляпы, муфты, на полу стояло въ перемежку много калошъ Изъ столовой доносились звуки голосовъ, сливавшихся въ нестройный гулъ.

Онъ зналъ, что явились Лизины знакомые, что въ столов идетъ теперь одинъ изъ безконечныхъ споровъ, которые ведутъ они

и отъ которыхъ пахнетъ какой-то скучной стариной, описанной въ старыхъ, скучныхъ либеральныхъ романахъ, что на него будутъ смотрѣть, какъ на чужого, какъ на врага, съ враждебнымъ презрѣніемъ; зналъ, что не скроетъ самъ своего непріязненнаго чувства къ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не сумѣетъ выказать его имъ съ тѣмъ апломбомъ и увѣренностью, съ какимъ они это дѣлаютъ.

Онъ вошелъ въ столовую, стараясь казаться спокойнымъ, но чувствовалъ, что на лицѣ его невольно остается выраженіе полусмущенія, полузлобы.

На порогѣ все на минуту спуталось,—лампа ярко свѣтила надъ столомъ, освѣщая желтоватымъ свѣтомъ лица, самоваръ, посуду. Когда онъ вошелъ, все смолко, всѣ посмотрѣли на него. Это молчаніе и вниманіе лицъ, завѣдомо враждебныхъ, еще болѣе усилили его злобную смущенность. Онъ смутно ненавидѣлъ ихъ. Теперь онъ ихъ разсмотрѣлъ: на краю стола—кумиръ кружка Грибановъ, со своими темными живыми глазами, рядомъ мрачный технологъ съ торчащими усами, потомъ дѣвица, такая же прилизанная, какъ Лиза. Рядомъ съ самоваромъ, въ спокойно задумчивой позѣ, старшая сестра Наташа. Онъ почувствовалъ облегченіе, точно нашелъ союзника. Дальше—робкіе темные Танины глаза.

Съ нимъ поздоровались молча, точно по необходимости; взаимная враждебность почти не скрывалась. Онъ тоже молча обошелъ ихъ и пошелъ подальше къ самовару. Проходя, онъ невольно взглянулъ на Таню, и на секунду ощутилъ въ ея бѣгломъ, робкомъ взглядѣ что-то похожее на сочувствіе.

Наташа подвинулась, чтобы дать ему мѣсто. Она облокотилась на столъ и, положивъ голову на руки, посмотрѣла на него своими глубокими, спокойными сѣрыми глазами.

— Отчего ты не приходилъ, я поджидала тебя.

Онъ проворчалъ сердито:

— Да такъ,—нельзя было...

Въ немъ опять глухо разгоралась тоскливая злобная досада: оставили бы его въ покоѣ, говорили бы о своихъ дѣлахъ, а то что спятъ и смотрятъ, точно онъ имъ помѣшалъ. Онъ взялъ у матери с ей стаканъ и началъ, ни на кого не глядя, нервно болтать въ н ть ложкой. Наташа опять спокойно поглядѣла на него, потомъ по- в нула голову и стала задумчиво смотрѣть передъ собой.

Грибановъ заговорилъ, продолжая, видимо, начатый разговоръ. Н лъ невольно взглянулъ на него: онъ былъ, пожалуй, недуренъ с ,—съ черными небрежно зачесанными волосами, съ неровной, н но растущей бородкой. Говорилъ онъ смѣло, увѣренно, то-

номъ человѣка, говорящаго истины; слышалось: «Буржуазія... Пролетаріатъ... Марксъ и Энгельсъ... Политическіе интересы правящихъ...» Михаилъ смотрѣлъ на него съ ненавистью, съ безсильной ненавистью, которая заглушала въ немъ все и готовила такіе же приступы ярости, какъ передъ тѣмъ. Что бы ни говорилъ этотъ человѣкъ, ему неудержимо хотѣлось возражать ему и возражать рѣзко и грубо, унизить его. Было какое-то лихорадочное чувство ненависти.

Барышня слушала со вниманіемъ, сдвинувъ отъ напряженія брови на серьезномъ лицѣ, Лиза съ дѣловымъ и солиднымъ видомъ нагнула немного голову и смотрѣла на ложечку, которую вертѣла въ рукахъ. Мрачный технологъ въ голубой рубашкѣ подъ старой тужуркой сидѣлъ, сгорбившись, и держа въ одной рукѣ стаканъ, а въ другой подъ нимъ блюдечко, мѣрно и громко, на всю комнату, тянулъ въ себя чай. Онъ ни на кого не смотрѣлъ и молчалъ, только изрѣдка вставляя короткія замѣчанія низкимъ и злобнымъ голосомъ. Михаилъ посмотрѣлъ на него съ отвращеніемъ: громкое хлюптѣніе, съ какимъ пилъ онъ чай, отдавалось въ ушахъ и раздражало его. Но чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на него, тѣмъ сильнѣе къ этому чувству раздраженія примѣшивалось новое чувство,—дѣлалось какъ-то нервно смѣшно, смѣшно и противно вмѣстѣ. Онъ подумалъ: точно въ старомъ либеральномъ романѣ: «Чай, колбаса, накурено... И все такое молодое, честное... спорятъ до полуночи объ идеалахъ... онъ прихлебывалъ чай большими глотками...» Нервная улыбка начала кривить его губы,—онъ быстро повернулся къ Наташѣ:

— Какъ это ты собралась,—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

Она опять повернула къ нему свое лицо:

— Да скучно стало,—сидѣла одна, думала ты зайдешь; собралась и пріѣхала.

Онъ черезъ плечо ея снова встрѣтился съ робкимъ и бѣглымъ взглядомъ Тани, опять этотъ взглядъ показался ему точно говорящимъ, сближающимъ.

— А ты куда ходилъ?—спросила Наташа.

— Да такъ, пошлялся немного.

Онъ допилъ свой стаканъ, дернулъ Наташу за платье, всталъ и вышелъ въ гостиную. Здѣсь попрежнему горѣла лампа на столѣ, бросая кругъ яркаго свѣта на столъ, на ближайшія кресла, на стѣны, на полъ; только дальній уголъ, гдѣ стояла кушетка, оставался въ тѣни. Изъ столовой слышался теперь ровный голосъ Лизы, методично что-то доказывавшей, прерываемый отрывистыми замѣчаніями другихъ голосовъ.

V.

Наташа вошла мягкой и тихой походкой, стройная и изящная въ своей модной кофточкѣ, съ модной прической каштановыхъ волосъ.

— Ну, что,—спросила она, останавливаясь передъ нимъ, и машинальнымъ жестомъ трогая сзади прическу,— что ты меня звалъ?

— Посидимъ здѣсь,—сказалъ онъ и отошелъ къ кушеткѣ,— ну его совсѣмъ этотъ содомъ. Заспорили.

Она сѣла на кушетку, поставила локти на колѣни, положила голову на руки и точно задумалась. Онъ сѣлъ рядомъ съ ней.

— Ты сегодня опять, кажется, не въ духѣ,—тихо, сквозь зубы, сказала она.

Онъ взялъ забытую имъ на этомъ мѣстѣ книгу и нервно ударилъ ею себя по ладони.

— Меня бѣситъ эта паршивая компанія... «Работать надъ собой, сѣять разумное, доброе, вѣчное»... Скука, тоска.

Ему хотѣлось теперь излить передъ ней, сочувствующей ему, накопившуюся въ немъ горечь тоски и злобы.

Она помолчала, какъ будто задумавшись, потомъ сказала:

— Къ чему ты все нервничаешь?

— Къ чему! И безъ того все опротивѣло, а тутъ еще являются эти самомнящіе мальчишки... Лиза приняла отвратительный тонъ.

Она не отвѣтила и прилегла головой на спинку кушетки.

— Я бы, кажется, такъ и убѣжалъ бы изъ дому, куда глаза глядятъ,—опять сказалъ онъ, чувствуя непреодолимое желаніе высказать свою тоску,— мнѣ все противно—это однообразіе наше, тишина эта, лампа, кушетка, все. Неужели же ты, когда бываешь у насъ, не чувствуешь скуки, этой одуряющей скуки?

Она покачала головой:

— Нѣтъ, не чувствую. Я люблю у васъ бывать. Я чувствую только тишину, какую-то «свою», уютную тишину. Я не знаю съ чѣмъ бы это сравнить... Ну, вотъ какъ, когда возвращаешься откуда-нибудь изъ путешествія домой. Сейчасъ является ощущеніе ...о-то уютнаго, знакомаго: знаешь каждое мѣсто, каждый стулъ... ...тебя любятъ, и ты всѣхъ любишь. Мнѣ почему-то хочется всегда ...ъ хорошую книгу, сѣсть сюда къ лампѣ въ кресло, помягче, по...нѣе и цѣлый вечеръ прочитать.

Онъ промолчалъ и махнулъ рукой:

— Это теперь ты, когда не живешь здѣсь, а прежде-то, по...ъ?

Она не отвѣтила.

— И потомъ, заставь тебя пожить здѣсь, развѣ ты не ушла бы? Хорошо потому, что ты можешь пробыть здѣсь сколько хочешь; а если жить... Вѣдь ушла бы?

Она молчала, лежа снова головой на спинкѣ кушетки и глядя куда-то въ пространство глубокими сѣрыми глазами.

Онъ повторилъ:

— Наташа, отвѣчай,—вѣдь ушла бы?

Она отвѣтила тихо, точно повторяя за нимъ:

— Ну, ушла бы.

— Вотъ и я ушелъ бы, куда глаза глядятъ. Не слышалъ бы хоть этихъ пошлыхъ разговоровъ, разглагольствованія этого дурацкаго.

Наташа выпрямилась, скрестила пальцы рукъ и вытянула ихъ передъ собою.

— Я не умѣю говорить, Миша, многое понимаю, но не умѣю объяснить. Даже, пожалуй, и не понимаю, а какъ-то чувствую; и себѣ самой не могла бы даже выразить это ясно... Такъ вотъ я и чувствую, что вы съ Лизой должны бы столковаться. Вѣдь оба вы въ сущности—хорошіе люди, и у обоихъ у васъ хорошія стремленія, но чего-то въ васъ нехватаетъ... Нѣтъ чего-то такого, что бы было выше и того, чего ты хочешь, и того, что она хочетъ... И это было бы до того возвышенно, что и твои, и ея желанія — все бы вошло туда. Вотъ тогда вы и поняли бы другъ друга. Она бы взяла отъ тебя твое хорошее, вмѣсто своего дурного, а ты бы также отъ нея... И, главное, вы поняли бы, что есть что-то еще болѣе высокое, чѣмъ у васъ... И не были бы всегда такъ озлоблены... Я, право, не умѣю говорить, Миша, но ты понимаешь.

Она смотрѣла на него своими глубокими сѣрыми глазами, казавшимися темными, немного сдвинувъ брови, съ какимъ-то тревожно-страдальческимъ выраженіемъ. Онъ подумалъ, потомъ покачалъ головой.

— Все это—эмпиреи, Наташа; между нами нѣтъ общаго.

Она махнула рукою съ видомъ отчаянія, и глаза ея стали еще печальнѣе:

— Вотъ вы всегда такъ: эмпиреи... Вы никогда не хотите понять, что бываютъ такія чувства... Ну, напримѣръ,—она слегка запнулась и сказала тише, какъ будто смущенно,—мое замужество: Лиза презираетъ меня, почти не замѣчаетъ, не ходитъ ко мнѣ. Ты я знаю, какъ ты относишься. Тебѣ нравится моя жизнь, но ты смѣешься надъ моимъ мужемъ, по-твоему, онъ точно лишнее что-то. Я никогда такъ не смотрѣла,—она заволновалась, и на лицѣ ея от-

зилось это волненіе,—я, когда выходила замужъ, я искала, конечно, перемѣны жизни, правда, искала... но я любила его, всетаки; конечно, не такъ, чтобы... а всетаки люблю и любила. Вы этого не поймете. Если бы онъ умеръ, я не знаю, какъ бы я жалѣла.

— Это невозможно, Наташа,—тихо сказалъ онъ,—если бы онъ не былъ твой мужъ, можетъ быть, ты и любила бы его, какъ человѣка, но тутъ есть другіе элементы.

Она точно испуганно взглянула на него, волнуясь все болѣе и болѣе; потомъ вдругъ ударила страстно рукой по спинкѣ кушетки, и въ голосѣ ея послышались слезы.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это возможно, возможно... Когда я дѣйствительно люблю его... Я еще тогда сказала себѣ, что я буду любить его... Чтобы заплатить ему хоть этимъ за свою жизнь...

Она вдругъ замолчала, какъ-то нервно провела рукой по волосамъ, потомъ опять сѣла въ прежнюю позу, облокотившись на колѣни и положивъ голову на руки.

Въ гостиной все какъ будто мрачно притихло, явственно слышался стукъ часовъ... Рядомъ споръ разгорался все сильнѣе, голоса все чаще и громче смѣшивались въ нестройный гулъ...

— Я хочу сказать тебѣ...—началъ онъ и остановился: почувствовалъ вдругъ, что въ комнату вошелъ еще кто-то, у двери что-то тихо зашуршало.

Оба сразу обернулись въ какой-то тревогѣ неожиданности.

Въ дверяхъ стояла Таня и смотрѣла на нихъ своимъ робкимъ, наивнымъ взглядомъ, точно не зная, входить ли или нѣтъ.

Наступила минута не то успокоенія, не то отрезвленія, совершенно новое настроеніе съ новыми мыслями, новыми желаніями.

Наташа сказала:

— Ахъ, это вы, Танечка, а я не поняла сразу, кто это.

Таня улыбалась смущенно и застѣнчиво.

Наташа подвинулась:

— Идите-ка къ намъ сюда, я васъ давно не видала.

Таня все такъ же смущенно пошла къ кушеткѣ.

— Поздно ужъ,—сказала она,—домой пора.

— Ничего, еще не такъ поздно, успѣете. Садитесь-ка вотъ тутъ.

Михаилъ опять заходилъ по комнатѣ. Неожиданное появленіе Тани сбивало всѣ его мысли, разстроило набѣжавшее волнующее настроеніе и жажду высказаться, раскрыть все, что накопилось въ душѣ. Теперь явился не то упадокъ, не то желаніе успокоиться, уйти подальше отъ всего, что волновало.

Онъ подошелъ къ кушеткѣ и сѣлъ рядомъ съ Таней, полулегъ,

прислонившись спиною къ стѣнѣ. Онъ видѣлъ теперь ее сзади: ея тоненькую фигуру въ черномъ, нѣжную, тонкую шею, узелъ темныхъ волосъ. Она точно внесла съ собою въ комнату совершенно новое настроеніе,—и онъ чувствовалъ, что это настроеніе той любви, которую она питаетъ къ нему. Онъ зналъ, что она любитъ его, ощущалъ это какимъ-то особымъ чувственнымъ инстинктомъ. Казалось, что она всей своей фигурой передаетъ эту любовь; точно въ ней ничего нѣтъ теперь, кромѣ этой любви.

Обычное смутное, инстинктивное влеченіе къ ней овладѣвало имъ; теперь, какъ и временами, когда онъ особенно рѣзко начиналъ чувствовать ея любовь, гдѣ-то въ глубинѣ его души поднималось трогательное, нѣжное чувство къ ней, похожее на благодарность. Ему уже не хотѣлось ея ласкъ для себя, хотѣлось самому отвѣтить на ея любовь, отплатить ей за нее...

Одна рука ея, маленькая, слабая рука, съ тоненькими, точно дѣтскими пальцами лежала на кушеткѣ около него. Онъ взялъ ее и осторожно и нѣжно пожалъ. И сейчасъ же почувствовалъ, что она заволновалась: запнулась, продолжала говорить точно машинально, видимо, вся уйдя своими мыслями и чувствами къ этому неожиданному рукопожатію; въ голосѣ послышались смущеніе и страхъ. Ему казалось теперь, что въ этой маленькой ручкѣ вся жизнь, вся душа ея. Пусть она говоритъ тамъ о чемъ-то съ Наташей, это все—такъ, машинально.

Она попыталась осторожно высвободить руку; но онъ сжалъ ее сильнѣе, онъ не хотѣлъ выпускать. Тогда она покорилась и оставила ее у него, только въ голосѣ ея слышались все сильнѣе и разсѣянность, и смущеніе, и страхъ, что Наташа замѣтитъ.

А онъ сжималъ потихоньку эту маленькую, слабую руку и ни о чемъ не думалъ, ничего не слышалъ, только чувствовалъ, что его влечетъ къ ней безпокойно, настойчиво, непреоборимо, точно какая-то сила связывала ихъ въ этомъ взаимномъ сладкомъ и тревожномъ тяготѣніи.

И онъ продолжалъ полулежать на кушеткѣ, въ тѣни, вдали отъ лампы, бросавшей изъ-подъ темнаго абажура кругъ свѣта на коверъ, на столъ, на диванъ. Гдѣ-то тамъ, за стѣной, кричали и спорили; около него говорили два милыхъ женскихъ голоса, и онъ слушалъ, не вдумываясь, звукъ этихъ голосовъ, казавшійся мягкимъ и успокоительнымъ, какъ и тихій стукъ часовъ на каминѣ.

VI.

Голоса въ столовой вдругъ стихли, тонъ ихъ измѣнился; задвигали стульями, потомъ раздались шаги.

Всѣ вошли въ гостиную сразу, студенты, барышня, Лиза, мать. Всѣ говорили громко, двигались, смѣялись.

Михаилъ поднялся съ кушетки, ему казалось, что онъ проснулся; кончился сонъ, полный тихой чувственной грезы, и онъ проснулся среди крикливаго и шумнаго разгара реальной жизни.

Онъ посмотрѣлъ на Таню, вспыхнувшее чувство попрежнему тѣсно связывало его съ ней. Онъ смотрѣлъ на нее прямо и свободно, сознавая всѣмъ существомъ своимъ, что не можетъ смотрѣть иначе, что между ними рухнули какъ будто всѣ преграды, раздѣляющія людей, и оба они связаны чѣмъ-то общимъ, связующимъ ихъ въ одно.

Она на секунду блеснула на него своимъ теплымъ говорящимъ взглядомъ и сейчасъ же, точно смутившись, отвернулась.

— Ну, надо идти,—сказала она и заторопилась.

— Я провожу васъ,—сказалъ онъ.

И опять сказалъ это свободно и твердо, чувствуя, что между ними не можетъ быть церемоній, что она не можетъ отказаться, а онъ не можетъ не пойти.

Она опять испуганно и смущенно скользнула по нему взглядомъ, и въ этомъ взглядѣ онъ ясно прочиталъ то же сознаніе полной близости, полное сліяніе, сознаніе неизбѣжнаго и трепетъ передъ нимъ.

— Зачѣмъ же, я дойду,—пробормотала она невѣрнымъ, неувѣреннымъ тономъ.

Онъ не отвѣтилъ:

— Къ чему?

Маленькая передняя, тускло освѣщенная лампой, наполнилась людьми: всѣ толкались, двигались, одѣвались, искали калоши. Слышались отдѣльные возгласы, приглашенія.

Михаилу хотѣлось на воздухъ. Онъ стоялъ рядомъ съ Таней, которая совсѣмъ притихла и, не глядя ни на кого, надѣвала перчатки.

— Зачѣмъ вы идете,—вдругъ спросила она тихо и тревожно, и снова взглянула на него неувѣреннымъ, точно виноватымъ взглядомъ; она волновалась.

— Нѣтъ, пойду,—спокойно, почти повелительно сказалъ онъ.

Она замолчала.

Дверь отворилась, всѣ двинулись къ выходу; свѣжій воздухъ ворвался въ комнаты. На лѣстницѣ полумракъ, тишина.

Молча гурьбой прошли полутемный, мокрый отъ дождя дворъ;

сонный дворникъ, безформенный въ своей толстой шубѣ, громко стуча, отперъ калитку. На опустѣвшей улицѣ все также мокро, грязно, уныло; вѣтеръ сразу налетѣлъ, обдавая рѣзкими, холодными струями, залѣпляя лицо мелкими каплями дождя.

Начали прощаться. Рыженькая лошадка Наташи, тихо шлепая копытами по водѣ, легко подкатила маленькую одноконную каретку. Михаилъ невольно посмотрѣлъ на студентовъ и почувствовалъ, что имъ хотѣлось бы возмутиться на эту роскошь, но они затаили и молча простились. Когда она отъѣхала, Грибановъ сказалъ:

— По-богатому. Ну, а мы per pedes apostolorum. Кто направо, кто налѣво?

Простились опять также холодно, почти враждебно. Никто не сказалъ ни слова, только молча пожали руки и разошлись. Михаилъ, отходя, слышалъ еще, какъ голоса ихъ говорили оживленно, постепенно смолкая вдали.

Они пошли къ Невскому. Теперь, оставшись наединѣ, онъ почувствовалъ вдругъ тревогу. Свобода и близость, связавшія его сегодня съ Таней, стали вдругъ тяготить его. Ему показалось, что надо еще что-то сдѣлать, сказать, иначе будетъ фальшь. Сердце его билось. Взялъ ее подъ руку. Шли медленно, ровно, не говоря ни слова. Онъ тревожно и какъ будто смущенно молчалъ, чувствуя, что и она въ тревогѣ и также переживаетъ то же волнующее состояніе, какъ бы передъ послѣдней преградой.

Говорить было не о чемъ,—всякое слово звучало искусственно и лживо передъ охватившимъ обоихъ настроеніемъ; оба думали о другомъ, переживали его всѣмъ своимъ существомъ. Было страшно и вмѣстѣ тянуло непреодолимо.

Онъ подумалъ, что словъ не нужно; ему хотѣлось одно—обнять ее, прижать ее къ себѣ, чувствовать ее въ своихъ рукахъ. Была настоятельная потребность въ такой физической близости, какъ будто бы она уже принадлежала ему, была его. И ему казалось, что только это одно будетъ правдиво и искренно.

Мысли пробѣгали, какъ молніи, безпорядочно, нервно. Кругомъ было темно, холодно, сыро, газъ мигалъ въ фонаряхъ, окутанный сѣроватымъ туманомъ дождя. Темныя, одинокія фигуры скользили по тротуарамъ. Дождь все также сыпался съ неба, все такой же мелкій, невидимый, сплошной. Точно весь воздухъ сдѣлался мокрымъ, и сырая, холодная влага его оставалась и на лицѣ, и на волосахъ, и на одеждѣ. Страшные порывы разбушевавшагося вѣтра налетали, жгли тѣло и мѣшали дышать.

Сквозь суконную матерію Таниной кофточки онъ чувствовалъ и

тонкую, мягкую руку. Таня шла, опустивъ немного голову, съ тихой покорностью, и ему казалось, что и въ ней пролетаютъ тоже теперь сквозь нервное, напряженное настроеніе такія же безпорядочныя, быстрыя, какъ молніи, мысли. Онъ чувствовалъ близость ея, и ему страстно, всѣмъ существомъ хотѣлось еще бо́льшей и бо́льшей близости. Быть совсѣмъ вмѣстѣ, нераздѣльно.

Онъ остановился на углу:

— Вотъ извозчикъ, поѣдемте.

Эта мысль ужъ давно сидѣла въ головѣ.

Она робко встрепенулась:

— Зачѣмъ, дойти только до конки.

Онъ не сталъ возражать, ему казалось ненужнымъ спорить. Это должно такъ быть, это не можетъ не быть. Оба волновались, чувствовали это другъ въ другѣ и безъ словъ понимали.

Онъ подсадилъ ее, она покорно влѣзла, онъ вслѣдъ за ней помѣстился въ узкомъ, темномъ пространствѣ крытаго экипажа, сырого, холоднаго, мокраго отъ дождя.

Они были теперь совсѣмъ близко другъ къ другу; онъ видѣлъ въ полумракѣ ея взволнованное, избѣгающее его взглядовъ лицо, онъ прикасался къ ней. На минуту опять стало страшно, какъ передъ прыжкомъ съ высоты, казавшимся раньше легкимъ.

Онъ нагнулся, обнялъ ее, повернулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ холодную, мокрую отъ дождя щеку. Ему вдругъ стало сразу легко,—кровь бросилась въ голову и весело забила въ вискахъ отъ этого прикосновенія губъ къ свѣжей и нѣжной кожѣ, отъ запаха ея волосъ, щекотавшихъ его лобъ, отъ мягкаго и упругаго прикосновенія тѣла.

Онъ прижалъ ее крѣпче, грубѣе и началъ цѣловать въ губы сильными, долгими поцѣлуями.

Она не защищалась и покорно отдалась его поцѣлуямъ; вѣяло какой-то особой свѣжестью отъ нея, отъ ея лица, ея дыханія, которое онъ чувствовалъ на себѣ между поцѣлуями; губы ея мягко вздрагивали подъ его губами. Наконецъ, она съ усиліемъ отстранила его и отвернула голову; сказала тихо, чуть слышно, переводя дыханіе:

— Довольно, довольно... будетъ.

Онъ снова нагнулся къ ней,—онъ не могъ отодвинуться, не могъ выпустить ее изъ объятій,—и сказалъ:

— Таня!—полувопросительно, полувосторженно, голосомъ человѣка, переживающаго глупое и сладкое ощущеніе счастливой ми-

Она подняла на него глаза; лицо ея было странно серьезно. Глаза казались глубокими и совсѣмъ, совсѣмъ черными.

— Таня!...—опять повторилъ онъ, самъ не зная, что хочетъ сказать и точно ожидая чего-то отъ нея.

Она не отвѣтила, и только, поднявъ свое серьезное, взволнованное лицо, молча протянула ему свои губы. И онъ почувствовалъ, какъ подъ новымъ поцѣлуемъ ея губы вздрогнули тихимъ и нѣжнымъ отвѣтомъ.

Чувство восторга на секунду вспыхнуло въ немъ, и вмѣстѣ въ душѣ пробѣжало точно какое-то странное ощущеніе. Маленькая тяжесть, какъ будто опять засверлило, опять кто-то что-то шепнулъ, намекнулъ на что-то, создавая раздвоеніе и отрезвляя.

Ему хотѣлось побороть это безсознательное еще ощущеніе; и онъ опять, стараясь забыть, не слышать непріятнаго, раздражающаго голоса въ сердцѣ, грубо прижалъ ее къ себѣ и, обнимая за плечи, чувствуя подъ рукой сквозь матерію волнующую мягкость ея тонкаго плеча, сталъ снова цѣловать ея теплое, разгорѣвшееся отъ поцѣлуевъ и волненія нѣжное лицо.

VII.

Они долго ѣхали такъ, прижавшись другъ къ другу. Онъ обнималъ ее одной рукой, а другой тихо пожималъ ея маленькую, слабую руку въ перчаткѣ. И чувствовалъ, сладко волнуясь, какъ ея мягкое, упругое тѣло прикасается къ нему сквозь теплую одежду.

Пролетка, покачиваясь, катилась по грязной мостовой, электрическій свѣтъ временами заглядывалъ въ экипажъ и освѣщалъ ихъ серьезныя, взволнованныя лица. Было все также сыро и холодно, и дождь ударялъ въ лицо подъ порывами вѣтра.

Онъ нагибался къ ней и говорилъ о любви все, что приходило въ голову: что онъ ее любитъ, что ея нельзя не любить, что она создана для любви, для того, чтобы кто-нибудь любилъ ее и носилъ на рукахъ и обожалъ; а въ трудныя минуты она сама можетъ дать все,— и успокоеніе, и примиреніе, и восторгъ.

Она молчала. Молчала сосредоточенно, и только временами какъ-то судорожно, тихо пожимала его руку.

И, когда онъ переставалъ говорить, это молчаніе дѣлалось вдруг томительнымъ, и онъ чувствовалъ, что она ждетъ. Ждетъ самаг главнаго, того, что должно разрѣшить все, разрушить какую-то пр граду, мысленную, недоговоренную, еще какъ будто раздѣляющу ихъ. На сердцѣ дѣлалось сразу тяжело, начинало копошиться тоск

вое, досадное чувство: что сказать? Онъ знаетъ, что. Но не хочетъ, не можетъ.

И чтобы заглушить нѣмой, томительный голосъ сердца, нарушить молчаніе, онъ опять притягивалъ ее къ себѣ и начиналъ цѣловать ея покорное его поцѣлуямъ лицо.

Она отстранилась съ усиліемъ, прошептала:

— Пріѣхали, постойте...

Онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій; стало какъ-то сразу пусто и холодно на душѣ, точно они вдругъ стали чужими, далекими. Слышалъ, какъ она сказала извозчику остановиться, вылѣзъ машинально, досталъ портмоне. Дворникъ въ тяжелой шубѣ отворилъ уже калитку воротъ.

Она повернулась къ нему тоненькая, слабая, застѣнчивая, на лицѣ—неопредѣленное выраженіе, похожее на робкое разочарованіе, стыдъ, огорченіе и раскаяніе.

Протянула руку, сказала тихо, почти прошептала:

— До свиданья...

И въ тонѣ голоса, въ этомъ шопотѣ, слышалось опять то же робкое, печальное разочарованіе, почти недоумѣніе. Ему казалось, что надо еще что-то сдѣлать, идти дальше, что останавливаться нельзя, глупо. Но онъ точно усталъ, точно силы покинули его, такъ пусто, тоскливо-пусто было на душѣ.

Онъ повторилъ за нею глухо:

— До свиданья.

И пожали другъ другу руки все съ тѣмъ же томительнымъ чувствомъ внезапной отчужденности, какъ посторонніе. Она повернулась и скрылась въ отверстіи калитки. Извозчикъ посмотрѣлъ на него и сказалъ лѣниво и медленно:

— Назадъ-то поѣдете, что ли?

Михаилъ взглянулъ на него и подумалъ, что онъ все слышалъ, все знаетъ. Но ему нѣтъ никакого дѣла до ихъ поцѣлуевъ, объятій, разговоровъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, повернулся, засунулъ руки въ карманы и быстрыми шагами пошелъ домой.

На Островѣ было тихо, электричество бросало сквозь туманъ холодный, бѣлый свѣтъ на лужи и камни. Вѣтеръ набѣгалъ теперь сбоку упорными, долгими волнами. Промозглая сырость вызывала нервную дрожь.

Голосъ изъ сердца заговорилъ теперь громче и повелительнѣе. И [illegible] не хотѣлось съ нимъ спорить. Онъ ощущалъ только уто-

мленіе, нравственную усталость, точно онъ дѣлалъ то, что не стоило дѣлать, было безцѣльно, ни къ чему.

Къ чему всѣ эти ласки, поцѣлуи, объятія!... Поцѣлуи—сегодня, поцѣлуи—завтра, и такъ до безконечности. Онъ на ней не женится, не сдѣлаетъ ее своей любовницей: значитъ, такъ, потому только, что она любитъ его, и это даетъ ему возможность цѣловать ее.

Онъ вспомнилъ, какъ она сама безмолвно протянула ему губы,— и на минуту сдѣлалось стыдно и непріятно. Снова то же ощущеніе, похожее на благодарную нѣжность, пробѣжало въ душѣ, сквозь глухое, смутное раскаяніе.

Развѣ онъ можетъ жениться на ней? Во-первыхъ, онъ не любитъ ея. Да, не любитъ. Если и любитъ, то такъ, на минуту, потому что она его любитъ, потому что она волнуетъ, возбуждаетъ его, потому что она милая, славная, женственная.

Но въ ней нѣтъ чего-то общаго, что нужно для женитьбы. Ему казалось, что для этого нужно что-то: для женитьбы ему нужна другая, болѣе сильная, болѣе близкая и еще что-то. Что собственно? Онъ никакъ не могъ опредѣлить.

Да. Онъ не уважаетъ ея, вотъ что; онъ даже любитъ, но не уважаетъ. Она вся такая слабая, нерѣшительная, неавторитетная: у нея точно нѣтъ своего ума, своей воли. Такую нельзя уважать.

Нѣтъ, никогда и ни одного слова о женитьбѣ. Это было бы глупо, смѣшно. Онъ казался бы самъ себѣ смѣшнымъ съ такой женою. Ему всетаки въ мечтахъ представлялось что-то сильное, женщина, которую онъ будетъ уважать, какъ себя. А это что-жъ! Это даже глупо съ ея стороны, не понимать, ожидать чего-то.

Онъ шелъ долго, ежась и отворачиваясь отъ вѣтра; перешелъ черезъ мостъ, прошелъ по набережной, повернулъ на площадь, потомъ на Морскую.

И все думалъ, все разсуждалъ съ собой объ одномъ и томъ же. Порой почему-то набѣгало яркое воспоминаніе о поцѣлуяхъ и вспыхивало что-то, похожее на чувственный порывъ, но сейчасъ же погасало, и мысли возвращались все къ прежнему, къ ихъ отношеніямъ.

«Жениться?—думалъ онъ,—жениться, и потомъ что же? Тѣ же комнаты съ ходомъ со двора, копеечные разсчеты, изысканія средствъ, у жены одно платье, изъ-за каждой мелочи разговоры, обсужденія. И потомъ всетаки это не то, совсѣмъ не то: развѣ она для него жена? Вѣдь это—опуститься, уйти въ такое же безвольное, забитое существованіе. Да это даже глупо, смѣшно, тутъ не можетъ быть рѣчи».

Онъ поворачивалъ на Невскій, попрежнему быстро, глядя себѣ сосредоточенно подъ ноги.

Женщина въ темномъ, въ огромной шляпѣ, какъ тѣнь скользившая у стѣны, подошла вдругъ и взяла его за рукавъ. Онъ поднялъ голову.

Она сказала заученно-спокойнымъ, низкимъ, охрипшимъ, точно не женскимъ голосомъ:

— Мужчина, пойдемъ, проводи...

Смотрѣла на него изъ-подъ огромной шляпы падшими, нечистыми глазами, грубо намалеванная, некрасивая, съ вульгарнымъ, опухшимъ лицомъ. И старалась уговорить серьезнымъ тономъ:

— Ну, пойдемъ, дусенька, проводи...

Онъ живо представилъ себѣ ея грязную, маленькую комнату, съ «убогой роскошью» обстановки, съ традиціоннымъ фонаремъ, съ специфическимъ запахомъ,—и почувствовалъ отвращеніе.

— Не пойду,—сказалъ онъ, стараясь освободиться,—не хочу.

Но она все настаивала, пытаясь соблазнить его.

— Да не пойду же,—съ досадой сказалъ онъ.

Она посмотрѣла, выпустила изъ рукъ его рукавъ и пошла опять дальше, какъ тѣнь, вдоль стѣны.

Она взволновала его, онъ пересталъ думать о Танѣ, ему захотѣлось скорѣе домой. Въ этой падшей женщинѣ передъ нимъ вдругъ встала вся грязь, вся нелѣпость случайныхъ отношеній.

Онъ ускорилъ шаги,—на Невскомъ смолкало движеніе, только по тротуарамъ бродили темныя фигуры, смѣялись, ругались, приставали; охрипшими голосами выкрикивали циничныя фразы.

Отовсюда, какъ тѣни, выползали падшія, какъ почные призраки случайнаго наслажденія, привлекая однихъ мишурной роскошью одежды, напоминая другимъ пережитыя минуты стыда и раскаянія.

VIII.

Михаилъ всталъ поздно, когда въ столовой уже пробило 11. Онъ проснулся было въ 9 часовъ, и спать не хотѣлось, но вставать было л[illegible]ъ, и онъ лежалъ и дремалъ, поворачиваясь съ боку на бокъ. С[illegible]зь тяжелую, томительную дремоту переспавшаго человѣка мысл уже начинали работать понемногу, слегка окрашенныя полусон[illegible] грезами.

Михаилъ вспомнилъ Таню, поцѣлуи и объятія наканунѣ, и тепер[illegible] когда всѣ вчерашнія настроенія улеглись, снова чувствовалъ в[illegible]ѣ то же страстное влеченіе къ ней. Онъ вспоминалъ ея лицо,

фигуру, большіе, серьезные, робкіе глаза, вспоминалъ ощущеніе поцѣлуевъ, прикосновеній, и ему хотѣлось, чтобы она была тутъ, рядомъ съ нимъ, какъ жена, какъ любовница,—онъ охотнѣе представлялъ ее себѣ любовницей,—такая нѣжная, тихая, любящая, покорная.

Онъ вставалъ и все думалъ о ней, возбужденный этими грезами утренней полудремоты. Ему хотѣлось обладать ею,—и онъ не скрывалъ этого отъ себя. Мысль сдѣлать изъ нея свою любовницу никогда не имѣла въ немъ реальнаго характера. Въ этомъ было что-то невозможное, недостижимое. Въ правилахъ семьи, знакомыхъ, въ кругу товарищей считалось недопустимымъ сойтись съ приличной барышней своего общества, сойтись первому. Сойтись такъ можно было съ швейкой, съ приказчицей, съ горничной, но барышни были неприкосновенны. Ходили разсказы о такихъ молодыхъ людяхъ, иногда о знакомыхъ, которые не признавали этой морали; въ товарищеской средѣ говорили объ ихъ побѣдахъ, называли ихъ жертвъ, завидовали имъ и никогда не осуждали, но сами не рѣшались.

И сегодня, напавъ на мысль о Танѣ, Михаилъ невольно натыкался на эту незамѣтную моральную преграду.

«Въ сущности что-жъ,—разсуждалъ онъ, бродя по комнатѣ и вытирая полотенцемъ только что умытыя, мокрыя лицо и руки,—она его любитъ, онъ отвѣчаетъ ей на ея любовь: они могли бы быть счастливы. Какъ не были бы счастливы, связанные бракомъ. Онъ жилъ бы по-своему, она—по-своему, и было бы хорошо для обоихъ».

И сейчасъ же натыкался на знакомую преграду: а дѣти? а потомъ? Онъ пытался урезонить себя: дѣти? Дѣтей можетъ и не быть, а то бы они были бы при ней, а онъ помогалъ бы ей. Но вѣчно неугомонный голосъ въ сердцѣ уже опять готовилъ отвѣтъ, напоминалъ и намекалъ, что это—фальшь, отговорка, въ которую онъ самъ не вѣритъ. И снова, какъ всегда, мысль о близости къ Танѣ оставалась нереальной, фантастической, недостижимой, какъ минутная мечта.

Онъ пересталъ думать, одѣлся и вышелъ въ столовую. Пробило половина 12, готовился завтракъ. Въ домѣ было тихо, какъ всегда, полутемно: Лиза ушла, мать была въ кухнѣ. Михаилъ ненавидѣлъ утро, его тоскливая, острая меланхолія развивалась въ это время с особенной силой. Отъ долгаго, лишняго сна во всемъ тѣлѣ и въ г ловѣ была непріятная разслабленность, дѣлать ничего не хотѣлос , скука безцѣльности упорно овладѣвала.

Онъ просмотрѣлъ газету, вышелъ въ гостиную, постоялъ у окн , глядя на дворъ, на сѣрое, унылое небо, смотрѣвшее изъ-за высоки ъ стѣнъ.

Было пусто, мрачно, темно. Вспомнился вчерашній вечеръ, разговоръ съ Наташей, снова Таня. Какая-то тяжесть давила на сердце, точно въ жизни не было ни интереснаго, ни осмысленнаго, ни нужнаго. Хоть бы сдѣлать что-нибудь, заняться чѣмъ-нибудь, но чѣмъ? Да и силъ какъ будто нѣтъ.

Завтракъ прошелъ тоскливо. Михаилъ ощущалъ все скопляющееся и скопляющееся раздраженіе: оттого, что поздно всталъ, что дѣлать нечего да и не хочется, оттого, что все одно и то же, какъ вчера, и нѣтъ ничего новаго.

Послѣ завтрака пошелъ къ себѣ. Началъ искать, почему тоскливо, такъ безнадежно тоскливо. Вспомнилъ, назвалъ то, что помнилъ и зналъ всегда: что нѣтъ ни дѣлъ, ни денегъ. Деньги на исходѣ, дѣла, которыя передалъ патронъ, еще не скоро дадутъ доходъ, да и какой особенный доходъ. Если патронъ не дастъ еще дѣла или оно само не свалится откуда-нибудь съ неба, у него не будетъ скоро ни копейки.

Онъ не отчаивался, всегда какая-то искорка надежды тлѣла въ его душѣ, но было тяжело, томительно тяжело это состояніе неизвѣстности, неопредѣленности, невозможности жить такъ, какъ бы хотѣлось, даже въ мелочахъ.

Кто-то позвонилъ; мать пріотворила къ нему дверь и полушопотомъ сказала:

— Къ тебѣ Таня.

Сначала чувство тревоги, потомъ надежды.

Онъ вышелъ въ гостиную. Въ углу на креслѣ—маленькій, черненькій человѣкъ. Михаилъ посмотрѣлъ вопросительно, еще сильнѣе ощущая надежду.

Человѣкъ подошелъ; въ немъ было что-то точно пригнувшееся, точно кто-то занесъ надъ нимъ страшный ударъ, и во всей фигурѣ его чувствуется мысль о самосохраненіи,—что-то затаенное, почти враждебно-затаенное, тщательно скрытое.

Онъ заговорилъ быстро-быстро, стараясь быть какъ можно болѣе убѣдительнымъ, поглядывая темными глазками съ тѣмъ же смѣшаннымъ выраженіемъ самосохраненія и скрытности.

Онъ—изъ суда, его послалъ секретарь уголовнаго отдѣленія. Онъ самъ служилъ раньше въ судѣ, но ушелъ. У него дѣло, интересное, выгодное дѣло. Защита растраты: несчастная растрата, всѣ деньги внесены, присяжные навѣрно оправдаютъ. И условія прекрасныя: 200 рублей впередъ, 300—по оправданіи.

Михаилъ слушалъ и думалъ, что онъ вретъ, что секретарь его

почти не знаетъ, что дѣло слишкомъ неестественно выгодно, что вся личность этого господина не внушаетъ довѣрія.

Тотъ продолжалъ говорить, точно боясь замолчать, и глаза все бѣгали и временами останавливались на лицѣ Михаила, отражая, какъ казалось, упорную, отчаянную рѣшимость и затаенный вопросъ: вѣритъ или не вѣритъ.

Онъ просилъ теперь рубль, только одинъ рубль,—надо вѣдь съѣздить, привезти самого кліента, а онъ уѣхалъ, живетъ подъ городомъ, стыдно ему.

Михаилъ думалъ, что нужно отказать, сразу поставить дѣло на чистоту, но не могъ; апатія и равнодушіе снова овладѣли имъ: вретъ, не вретъ,—не все ли равно. Можетъ, и не вретъ, а, вѣрнѣе, выдумалъ, чтобы выманить рублишко. Не хотѣлось спорить, не хотѣлось думать.

Онъ вынулъ рубль и далъ; тотъ опять заговорилъ, какъ будто повеселѣвъ, опять сталъ повторять свои обѣщанія. Михаилу хотѣлось, чтобы онъ скорѣе ушелъ, оставилъ его.

Когда тотъ удалился, расшаркиваясь, онъ снова пошелъ въ свою комнату, легъ на диванъ. Исторія представлялась теперь такой ясной, несомнѣнной: все—ложь, и дѣла никакого нѣтъ, и кліента нѣтъ,—есть только спившійся человѣкъ, выгнанный отовсюда и выманивающій обманомъ деньги у жаждущихъ практики неопытныхъ адвокатовъ. И ему уже нисколько не стыдно, не непріятно,—только и боится, что фокусъ не удастся. Для него ужъ все потеряно: стыдъ, достоинство, честность,—черезъ все перешагнулъ.

Онъ опять постарался не думать, подавить въ себѣ чувство досады и сожалѣнія. Взялъ книгу, сталъ просматривать, заинтересовался. Фабула иностраннаго романа показалась интересной,—читалъ и думалъ, какъ можно было бы выразить ту же мысль. Пробило часъ, два, три, четыре.

Вдругъ бросилъ книгу, сдѣлалось скучно, надоѣло. Отъ долгаго лежанія слабость тѣла и головы сдѣлалась еще сильнѣе. Всталъ, походилъ по комнатамъ,—скука невыносимо давила.

Подумалъ, не пойти ли въ судъ, но сейчасъ же стало противно. Вспомнилась затхлая атмосфера тяжелаго воздуха мрачныхъ, прокуренныхъ коридоровъ, сѣрая толпа дѣловыхъ людей, маленькій буфетикъ наверху, гдѣ пьютъ чай адвокаты и разговариваютъ о дѣлахъ и о практикѣ, передаютъ политическія сплетни. Пахнетъ сѣростью, прозой жизни.

Онъ одѣлся и пошелъ къ Наташѣ; хотѣлось поближе къ людямъ, поговорить, услышать что-нибудь.

IX.

На Невскомъ Михаилъ смотрѣлъ на встрѣчныхъ, отыскивая знакомыя лица; шли густо, безконечной вереницей; подъ топотъ лошадиныхъ копытъ и коночные звонки слышались смѣшанные звуки отдѣльныхъ фразъ. Было особенно много женщинъ,—барышень, дамъ, нарядныхъ, веселыхъ, серьезныхъ, хорошенькихъ. Михаилъ смотрѣлъ на нихъ, на ихъ кавалеровъ, офицеровъ, штатскихъ, студентовъ и проникался невольной, привычной завистью. Ему казалось, что тамъ, гдѣ эти нарядныя, молодыя женщины, должно быть непремѣнно уютно, окутано атмосферой женской жизни, красоты, которую вноситъ женщина, легкаго подъема смутной влюбленности.

И онъ опять вспомнилъ Таню. Таню съ ея поцѣлуями, любовью, покорными ласками. И она тоже хорошенькая и нѣжная, какъ и всѣ эти, но она не можетъ придать этой мягкой, семейственной уютности. Почему? Да потому, что она живетъ тамъ гдѣ-то въ шестомъ этажѣ, въ меблированныхъ компатахъ, на свое убогое жалованье, у нея нѣтъ ни хорошихъ, изящныхъ платьевъ, ни интересныхъ знакомыхъ, она не живетъ широкой, веселой жизнью, а какъ-то покорно и темно влачитъ свое существованіе.

Прогулка еще больше раздражила его, пока онъ дошелъ до дома, гдѣ жила Наташа. Онъ вошелъ въ подъѣздъ сердитый и угрюмый. Швейцаръ, почтительный, какъ всѣ швейцары хорошихъ домовъ, поздоровался и услужливо позвонилъ снизу.

Михаилъ поднимался по широкой, красивой лѣстницѣ съ коврами, и досадливо чувствовалъ, что и тутъ все то же, все, какъ всегда,—вотъ сейчасъ за поворотомъ будетъ дверь въ Наташину квартиру, и одна изъ ея горничныхъ будетъ стоять и терпѣливо ждать, пока онъ поднимется. И онъ зналъ даже, какъ эта горничная посмотритъ, какъ поздоровается, что скажетъ.

Все было такъ, какъ онъ ждалъ,—дверь была отворена, въ темной передней зажжено электричество, горничная, чистенькая брюнетка, скромно, не глядя, сказала:

— Здравствуйте, баринъ,—и, снявъ съ него пальто,—добави[л]
—Барыня у себя.

Онъ не отвѣтилъ и молча пошелъ черезъ большую, свѣтлую г[ос]тиную по мягкому ковру. Съ другой стороны передней, изъ боль[шо]го кабинета Наташинаго мужа слышались сквозь притворенную д[ве]рь мужскіе голоса.

Изъ гостиной шла дверь въ Наташинъ будуаръ. Тамъ было тихо, [Ми]хаилъ открылъ дверь и заглянулъ. Наташа сидѣла у окна въ большомъ

креслѣ и читала. Услышавъ шорохъ, она повернула голову и посмотрѣла на дверь своимъ серьезнымъ, немного озабоченнымъ взглядомъ.

— Ахъ, это ты,—сказала она и отбросила книгу.

На ней былъ свѣтлый капотъ, простой и скромный, но изъ дорогой красивой матеріи, съ короткими рукавами и маленькимъ вырѣзомъ на шеѣ, такъ что было видно, какъ красивая линія ея бѣлой и крѣпкой шеи волнистымъ изгибомъ спускается къ круглому плечу.

Комната была большая, уставленная дорогою мебелью, завѣшанная по стѣнамъ картинами, дорогими бездѣлушками; красная обивка, красныя обои, красные ковры. На стѣнѣ большой Наташинъ портретъ въ черномъ бальномъ туалетѣ, писанный извѣстнымъ художникомъ. Въ углу слабо тлѣли въ каминѣ красноватые угольи, сумерки надвигались и на все набрасывали тѣнь.

Наташа потянулась на креслѣ, закинувъ за голову свои голыя полныя руки:

— Ну, какъ?

Онъ сѣлъ у камина на мягкую широкую оттоманку и откинулся на подушки.

— Скучно,—со злобой сказалъ онъ.

— Что мнѣ съ тобой дѣлать?—спросила она, помолчавъ, и повернулась къ нему,—все тебѣ скучно, все ты недоволенъ... Женись!

Ему понравилась эта мысль, онъ любилъ поиграть ею.

Даже усмѣхнулся сквозь угрюмое выраженіе.

— Женись, женись, а на комъ,— позволено будетъ спросить? На Танѣ, что ли?...

Она возразила спокойно:

— Ну, на Танѣ. Развѣ только Таня одна на свѣтѣ.

— А на комъ?

Она помолчала, глядя на него чуть-чуть улыбающимися глазами.

— Я бы сказала, да не знаю, хорошо ли... На Шурѣ Роговской.

Передъ нимъ на минуту мелькнулъ образъ этой Шуры, выхоленной, полненькой блондинки съ задорными глазами.

— Она вѣдь тебѣ нравится?—опять сказала Наташа,—она хорошенькая, со средствами.

Онъ смотрѣлъ, какъ пробѣгаютъ въ каминѣ по углямъ голубоватые огоньки, и, слегка задумавшись, никакъ не могъ себѣ представить себя мужемъ этой Шуры, у которой есть лошади, туалеты и такая же хорошая квартира, какъ у Наташи. Было что-то такое же, какъ будто неподходящее, какъ съ Таней, также какъ будто далекое отъ его идеала.

— Н-ну это...—сказалъ онъ,—это не для насъ.

— Да почему! Нравится она тебѣ?

— Ммм... да, ничего себѣ... Она недурненькая, симпатичная.

Онъ отвѣчалъ и думалъ самъ, что это только такъ, только разговоръ. Планы Наташи казались ему ни капли не реальными. Но ему нравился этотъ разговоръ, привлекалъ ни къ чему не обязывающей красивой мечтой.

— Ну такъ что же,—заговорила Наташа,—попробуй, поухаживай. Ты ей нравишься, я знаю. Мнѣ кажется, это могло бы устроиться.

Онъ улыбнулся все такъ же недовѣрчиво и къ самой мысли и къ возможности ея осуществленія. Да ему какъ-то и не хотѣлось особенно,—мало что-то общаго было между ними.

— Я приглашу ее какъ-нибудь обѣдать,—соображала Наташа,—и ты придешь. Она о тебѣ всегда спрашиваетъ. И мамаша ея тоже какъ-то освѣдомлялась... Такъ что тутъ, я думаю, что-нибудь и удастся.

Михаилу было пріятно, льстило его самолюбію, онъ опять улыбнулся еще веселѣе и повторилъ:

— Нѣтъ, это не для насъ.

— Да почему не для насъ? Женихи-то вѣдь тоже не очень теперь... И потомъ отчего же ты-то себя считаешь плохимъ?

Онъ молчалъ и улыбался. Потомъ сказалъ иронически:

— Для насъ вотъ Таня. Вотъ это для насъ невѣста: съ пятаго этажа, изъ меблированныхъ комнатъ.

— Ну, Таня,—опять протянула Наташа,—она тебѣ не пара. Скромная дѣвушка,—потомъ помолчала и добавила:—Славная она, Таня, и жалкая, безпомощная. Какъ она въ тебя влюблена, Миша!

Онъ промычалъ что-то неопредѣленное, ощущая лестное чувство удовлетворенности.

— Ужасно влюблена,—продолжала Наташа,—но только, къ чему ты съ нею играешь? Вѣдь ты ее не любишь?

Онъ жестко усмѣхнулся:

— Конечно, нѣтъ,—и сейчасъ же почувствовалъ, что и въ самомъ дѣлѣ не любитъ.

Наташа привстала:

— Вотъ вчера, напримѣръ. Вѣдь я ужъ только виду не подавала. Что ты вчера съ ней дѣлалъ тогда на кушеткѣ?... Ты, я не знаю, до чего доведешь ее.

Онъ продолжалъ улыбаться. Въ немъ играло жестоко-радостное сознаніе побѣды.

Наташа встала и, заложивъ руки за спину, сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру и остановилась передъ нимъ.

— И вѣдь для чего тебѣ это? Жениться вѣдь на ней ты не женишься?...

— Глупо бы было,—снова съ жесткой усмѣшкой сказалъ онъ.

— Глупо. Вы совершенно неподходящи. Ты бы извелъ ее своимъ нытьемъ. Она бы не знала, что съ тобой дѣлать. И былъ бы вѣчный адъ.

Ему хотѣлось побравировать мыслями, поиграть въ невозможное.

— Можно и такъ,—сказалъ онъ.

— Какъ, такъ?

— Да такъ.

Она махнула рукой и подошла къ камину:

— Ну, глупости какія.

— Какія же глупости? Если она меня любитъ—и прекрасно.

— Перестань, пожалуйста. Ну, что за болтовня.

Она нагнулась и стала мѣшать щипцами въ каминѣ.

Но ему понравилась эта игра, ему хотѣлось, чтобы она повѣрила.

— Вотъ тоже,—крикнулъ онъ,—что за сентиментальности! Въ Россіи изъ 100 дѣвушекъ 50 теряютъ невинность до брака. Значитъ на 100 дѣвушекъ есть 50 мужчинъ, которые совсѣмъ не признаютъ этихъ сентиментальностей. Я-то чѣмъ хуже другихъ? Съ чего это я именно долженъ быть какимъ-то моралистомъ. Ни мало не считаю нужнымъ.

Наташа выпрямилась опять и посмотрѣла на него.

— Чего-жъ тебѣ хочется? Ты ее черезъ мѣсяцъ бросишь, а она потомъ не сможетъ выйти замужъ, или еще, пожалуй... результатъ какой-нибудь.

Онъ не вѣрилъ ни въ одно свое слово; но это было весело и пріятно. Онъ сказалъ:

— Мнѣ-то какое дѣло? Она вѣдь не маленькая. Точно она не будетъ знать, на что идетъ.

Наташа разсердилась.

— Ну, я не хочу объ этомъ говорить,—нетерпѣливо сказала она, отходя отъ камина,—все равно ты ничего не сдѣлаешь, а такъ только...

Онъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Всенепремѣнно сдѣлаю. Мнѣ она нравится, для меня она будетъ прекрасная любовница. Мнѣ даже интересно, какъ это будет... Ну и вотъ.

Она не отвѣтила и, подойдя къ окну, стала смотрѣть на улицу.

Тѣни все набѣгали, дѣлались все гуще и гуще, стало почти совсѣмъ темно. Съ улицы смотрѣлъ туманный отблескъ электричества; фигура Наташи на фонѣ окна вырисовывалась теперь чернымъ силуэтомъ. Угли въ каминѣ стали еще ярче, и маленькіе голубоватые огоньки забѣгали быстрѣе, колебля ихъ красноватыя очертанія.

Михаилъ молчалъ, полулежа на диванѣ, и слегка улыбался. Ему нравилось, что Наташа сердилась, что она допускала возможность его окончательной побѣды, и это придавало еще большій интересъ его игрѣ въ мечты.

Она опять отошла отъ окна и сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру. Потомъ вдругъ спросила серьезнымъ, почти строгимъ голосомъ:

— Ты это серьезно все говоришь, или это такъ, чтобы что-нибудь говорить?

Онъ не видѣлъ ея лица въ темнотѣ, но только чувствовалъ ея глубокій, озабоченный взглядъ. И ему опять захотѣлось улыбаться.

— Да что-жъ тутъ такого,—сказалъ онъ,—подумаешь, невидаль какая: молодой человѣкъ и молодая дѣвушка сходятся...

Она подсѣла къ нему и положила ему на рукавъ свою маленькую выхоленную руку.

— Ну, я тебя прошу, Миша, не нужно... Мнѣ ее жалко, она такая безпомощная... Ты ее не любишь, она тебѣ надоѣстъ, и будетъ только одно несчастіе.

Онъ улыбался ея просительному тону: стоитъ просить, когда все равно ничего не будетъ. Но ему не хотѣлось кончать игру.

Онъ сказалъ:

— Ничего. Никакого несчастья не будетъ, а будетъ она счастлива... И я получу удовольствіе. Мнѣ она нравится: въ ней слишкомъ много пассивности, а подъ этой пассивностью долженъ быть огонь.

Она сняла свою руку и отодвинулась.

— Ну и будетъ то, что ты свяжешься и не развяжешься.

— Никогда этого не будетъ. Какъ надоѣстъ, такъ и отойду.

— Хорошо это?—съ упрекомъ сказала она.

— Очень даже. Если бы я съ ней на всю жизнь хотѣлъ связываться, я бы женился. А я не хочу, я хочу на срокъ. Каждый будет свободенъ.

Она поднялась съ дивана и сказала съ досадой:

Ну, мнѣ надоѣло. Дѣлай, какъ хочешь... И уходи, пожалуйста отсюда. Я одѣваться буду.

Ему опять захотѣлось смѣяться. Онъ всталъ и, уходя, сдѣлалъ ру театральный жестъ и сказалъ:

На-съ, сударыня, этотъ вопросъ рѣшенъ безповоротно.

X.

Въ большомъ неуютномъ кабинетѣ зятя тоже топился каминъ; горѣло электричество, обдавая холоднымъ свѣтомъ тяжелую мебель, книжные шкапы, гравюры по стѣнамъ и витрины съ коллекціями.

Хозяинъ, Евгеній Михайловичъ, держалъ въ рукахъ какую-то металлическую ржавую пластинку и, нагнувшись, показывалъ ее гостю, пріѣзжему археологу. Онъ отвернулся на минуту, чтобы поздороваться съ Михаиломъ и познакомить ихъ, и снова принялся за объясненія. Невысокій, худой, съ жидкой неровной бородкой, онъ оживлялся, и острые близорукіе глаза перебѣгали съ гостя на вещь. Оба нагибались, разсматривали на свѣтъ.

— Форма-то, форму-то посмотрите,—говорилъ хозяинъ,—вы такой у себя не найдете. Это мнѣ привезъ изъ Псковской губерніи одинъ любитель. Вы знаете, сколько я заплатилъ за нее?... Нѣтъ, лучше не скажу... Такая здѣсь еще только у одного, рѣдкость страшная.

Они заговорили оживленно, упоминая имена, названія мѣстностей, даты. Михаилъ не любилъ этого и не понималъ. Онъ отсѣлъ подальше, на кожаный диванъ и сталъ перелистывать какую-то брошюру. Дѣлалось скучно, особенно послѣ разговоровъ съ Наташей.

Онъ бросилъ брошюру и задумался: началъ думать опять о томъ же.

«Въ сущности,—разсуждалъ онъ, тщательно заглушая въ себѣ обычныя возраженія,—въ сущности мы могли бы сойтись. Отчего бы нѣтъ». И онъ старался представить себѣ возможно реальнѣе положеніе вещей.

Наташа вошла, шурша шелковой юбкой, стройная, въ темной модной кофточкѣ, и сразу внесла въ сухую атмосферу кабинета легкую струю мягкаго женскаго обаянія.

Она легко и свободно присѣла на край кожанаго стула и сказала, улыбаясь:

— Ну, вы все время занимались? Онъ васъ не утомилъ своими коллекціями?

Археологъ, тоже улыбаясь, какъ улыбаются мужчины хорошенькой женщинѣ, которая сразу понравилась, началъ увѣрять, что онъ самъ такъ увлекается стариной, что и проч.

Она терпѣливо выслушала его объясненія.

— Пойдемте въ гостиную,— предложила она,— я не люблю здѣсь—тутъ неуютно.

Всѣ встали и, давая другъ другу дорогу, пошли черезъ переднюю

въ гостиную. Въ передней громко трещалъ звонокъ, и та же аккуратная брюнетка шла отворять двери.

— Вонъ кто-то пришелъ,—сказала Наташа, глядя въ сторону отворенной двери.

Пришелъ офицеръ въ адъютантской формѣ, выхоленный, красивый, съ прекраснымъ проборомъ и великолѣпными усами.

Онъ поцѣловалъ у Наташи руку и церемонно поклонился археологу.

— Племянникъ мой, Боронинъ,—отрекомендовалъ Евгеній Михайловичъ.

— Очень пріятно,—сказалъ археологъ.

Поздоровавшись, Боронинъ отошелъ въ сторону, красиво загнулъ полу сюртука, вынулъ изъ кармана портсигаръ съ множествомъ вензелей и обратился къ Наташѣ:

— Разрѣшается?

Она слегка наклонила голову:

— Пожалуйста.

Онъ раскрылъ портсигаръ передъ Михаиломъ, щелкнулъ имъ, закрывая, постучалъ папиросой о крышу и, чиркая спичкой, спросилъ:

— Ну, какъ? Бунтуете все, бунтуете?

— Бунтуемъ,—сказалъ Михаилъ.

— Да, вся Россія бунтуетъ,— подхватилъ Евгеній Михайловичъ,—все банкеты, рѣчи, резолюціи...

— И у насъ тоже былъ банкетъ,—сказалъ археологъ,— тоже постановили резолюцію: всеобщее, прямое, тайное...

Евгеній Михайловичъ махнулъ рукой:

— Да, да. Теперь есть и газеты такія, которыя всякую статью кончаютъ: всеобщее, прямое, тайное и какъ тамъ его еще... Въ интересное время живемъ.

— Въ интересное,—подтвердилъ археологъ.

— И, кажется, знаете ли, какъ бы это не разыгралось...

— Война подкузмила, вотъ что!

— Да, да. Хоть при офицерѣ и не слѣдовало бы говорить,—онъ у ыбаясь, посмотрѣлъ на племянника,—а что-то вояки наши того, н радуютъ...

Офицеръ снисходительно улыбнулся, посмотрѣлъ на всѣхъ и и его не сказалъ.

— А гвардію не пошлютъ?—спросилъ археологъ.

Онъ отвѣтилъ медленно и авторитетно, выпуская дымъ изо рта:

— Гвардія пойдетъ только тогда, когда мы будемъ гнать японцевъ изъ Кореи.

Археологъ посмотрѣлъ почему-то на Михаила и замолчалъ.

Горничная, все та же аккуратная брюнетка, тихонько вошла и сказала что-то Наташѣ. Наташа встала:

— Пойдемте, господа!

Въ столовой, устроенной на англійскій манеръ, принялись за закуску. Боронинъ подтолкнулъ Михаила и показалъ глазами на другую горничную, хорошенькую блондинку, съ модной прической, все время съ подчеркнутой скромностью опускавшую маленькіе голубые глазки.

— Подозрительно,—сказалъ онъ.

— Что подозрительно?

— Сія дѣвица. Смотришь, черезъ какой-нибудь годъ на рысакахъ увидимъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее пристально, точно гипнотизируя.

— Ну, господа,—суетился хозяинъ,—какой прикажете? Рябиновочки, англійской, исконно-русской?... Вотъ въ вашихъ краяхъ дѣлаютъ настойку, помню одинъ разъ пилъ—превосходная! Что-жъ, по второй, господа?

XI.

Послѣ обѣда опять перешли въ гостиную. Пришли еще гости. Полный высокій брюнетъ, Земцевъ, тоже родственникъ хозяина, сѣлъ за рояль и началъ играть мелодію Чайковскаго.

Звуки тянулись съ тихой печалью, и казалось, что кто-то поетъ и плачетъ; и хочетъ преодолѣть себя, спѣть повеселѣе, но слезы набѣгаютъ и душатъ, и голосъ дрожитъ, окутывая печалью веселую мелодію.

Худенькая, тоненькая и маленькая брюнетка, лѣтъ 30,—Софья Ивановна, съ блѣднымъ лицомъ и черными глазами, въ черной шелковой кофточкѣ, забилась въ уголъ, на маленькій диванчикъ подъ широкими пальмами, и, ежась немного, усаживалась поудобнѣе.

— Отсюда лучше слушать,—вполголоса говорила она,— онъ отлично играетъ Чайковскаго. Какъ странно: такой большой и откормленный, и такъ понимаетъ музыку. Никогда бы не подумала.

Наташа молча, задумчиво улыбнулась ей въ отвѣтъ, сидя рядомъ съ ней, свободно откинувшись на спинку дивана. Подъ тихіе, говорящіе звуки примолкли. Евгеній Михайловичъ неслышно ходилъ по ковру взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы, археологъ за-

думался въ креслѣ, сложивъ на колѣняхъ руки; Боронинъ, на низенькомъ пуфѣ рядомъ съ Наташей, курилъ, слегка согнувшись, и разглядывалъ обѣихъ женщинъ любопытными, спокойными глазами.

Михаилъ откинулся на стулѣ: отъ выпитаго вина и ликера чувствовалось легкое опьянѣніе. Музыка раздражала возбужденные ими нервы, и хотѣлось говорить откровенно, красиво и мрачно, широко чувствовать, жить свободной и смѣлой жизнью... Мысли о Танѣ попрежнему вертѣлись въ головѣ, окрашиваясь въ меланхолически-страстные тона, и какъ будто сливались въ одномъ настроеніи.

— Михаилъ Константиновичъ влюбленъ,—сказала Софья Ивановна.—Меланхоличенъ, томенъ, молчитъ. Скажите, вы влюблены?

— Влюбленъ,—кисло отвѣтилъ онъ.

— Ну, разскажите: блондинка, брюнетка, барышня, дама?...

Наташа сказала капризно:

— Въ кого онъ можетъ быть влюбленъ, онъ только все ноетъ и больше ничего.

Софья Ивановна посмотрѣла на него:

— Фи! Какъ это скучно: ну, чего вамъ нехватаетъ?... И какъ много теперь ихъ развелось такихъ. И ничѣмъ ихъ не уймешь.

— Не мы, а насъ мало любятъ,—сказалъ Боронинъ и улыбнулся.

Она махнула на него рукой:

— Перестаньте ужъ вы-то: я васъ двадцать разъ встрѣчала съ какой-то рыженькой. Даже узнать все хотѣла, кто такая.

Онъ началъ увѣрять, что это было давно, такъ давно, что онъ и не помнитъ.

— Мало ли что было когда-то... Этой болѣзнью мы всѣ были больны, Софья Ивановна.

— Неизлѣчимая болѣзнь, неизлѣчимая,—иронически повторяла она.

Наташа молчала и задумчиво смотрѣла куда-то передъ собой. Мелодія замирала передъ концомъ послѣдними вздохами тоскующаго сердца.

Земцовъ кончилъ, взялъ нѣсколько аккордовъ arpeggio и всталъ изъ-за рояля. Настроеніе сразу измѣнилось, разговоръ прекратился. Наташа повернула голову и слегка улыбнулась задумчивыми глазами; архологъ заворочался въ креслахъ.

Сыграйте еще,—сказала Софья Ивановна,—я люблю, когда вы [illegible]раете.

Сыграю,—отвѣтилъ онъ,—подождите. Дайте мнѣ покурить.

Когда вы такъ играете,—продолжала она,—мнѣ хочется влю[illegible]ся, музыка и особенно ваша дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

Онъ снисходительно улыбнулся и сдѣлалъ поклонъ.

— А мужъ?—спросилъ ее Боронинъ.

Она удивленно раскрыла глаза:

— Мужъ? Что же мужъ? Я очень часто влюбляюсь и увлекаюсь,—какое же дѣло мужу? Мужъ остается мужемъ. Я совсѣмъ ужъ не такъ глупа и наивна, чтобы за 8 лѣтъ продолжать быть влюбленной въ мужа.

— Браво,—сказалъ Боронинъ,—вотъ прекрасная философія... Позвольте мнѣ пожать вашу ручку.

Она отмахнулась:

— Перестаньте, вы сейчасъ истолкуете это какъ-нибудь гадко. Я никогда не измѣняла мужу, но увлекаться—увлекаюсь.

— Несогласенъ,—сказалъ Евгеній Михайловичъ своимъ методичнымъ голосомъ. Онъ остановился и смотрѣлъ на нее сквозь очки,—несогласенъ! Разъ вы находите другого лучше, вы уже измѣнили...

Она возмутилась:

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста, что за вздоръ такой. Это просто игра, настроеніе; сейчасъ началось, сейчасъ и кончилось.

Онъ покачалъ головой:

— Не согласенъ. Это преопасная и прескверная игра, если только игра. Вы увлечетесь имъ, онъ увлечется вами, будетъ на васъ воздѣйствовать, тѣмъ еще больше увлечетъ васъ, и вы позабудете всякія границы. Что тогда будетъ?

Она посмотрѣла на него исподлобья:

— Ничего этого не будетъ.

Онъ продолжалъ еще методичнѣе:

— Есть такая моральная граница, на нее не надо становиться. Стали на нее, никогда не будете знать, въ какую сторону попадете. Это все равно, что ходить по канату. Балансируете, балансируете, да и свалитесь не туда, куда слѣдуетъ. Всѣ эти игры и настроенія всегда такъ кончаются.

Онъ опять заходилъ по комнатѣ. Наташа слѣдила за нимъ съ той же складкой напряженной задумчивости на лицѣ.

— Удивительно,—ворчала Софья Ивановна,—какія, подумаешь, страшныя слова. Мужчины никогда не понимаютъ ничего тонкаго. Съ вами и говорить нельзя, потому что вы обо всемъ судите какъ-то,—она посмотрѣла на всѣхъ, улыбнулась и закончила вполголоса:—по-мужицки!...

XII.

Земцовъ опять заигралъ. Страстная, дико-меланхолическая венгерская мелодія Листа била по нервамъ, раздражала, разжигала тоску и страсть.

Всѣ разбрелись. Евгеній Михайловичъ тихо бесѣдовалъ съ археологомъ, Наташа и Боронинъ отсѣли подальше: онъ говорилъ, она слушала, глядя передъ собой глубокимъ затаеннымъ взглядомъ; иногда смотрѣла на него, задумывалась, тихо отвѣчала. Михаилу казалось, что на нее опять набѣгаетъ вчерашняя нервность.

Софья Ивановна повернулась къ Михаилу и сложила на ручкѣ дивана свои маленькія, блѣдныя руки въ кольцахъ.

— Ну, говорите же, говорите что-нибудь,—твердила она, блестя глазами и лихорадочно двигаясь,—меня ужасно волнуетъ эта музыка; вы только послушайте, какая страсть... какая страсть... Я не могу, въ такія минуты мнѣ хочется любить, увлекаться, дѣлать глупости... Мнѣ все равно, что говоритъ Евгеній Михайловичъ... Я не могу иначе... Ну, неужели же вы не чувствуете этого, не представляете себѣ...

Онъ посмотрѣлъ въ ея блестящіе, темные глаза, и ему показалось, что на ея подвижномъ и нервномъ лицѣ играетъ отраженіе страстной меланхоліи звуковъ.

— Вы вслушайтесь, вслушайтесь,—повторяла она,—вѣдь ужъ на что избитая мелодія, а какъ много всего... Боже, какъ много!...

Вслушался,—мелодія медленно звенѣла въ тягучихъ, сладкопечальныхъ звукахъ, замирая въ тихихъ переливахъ маленькихъ нотъ.

Казалось, что-то накипаетъ, накипаетъ и вотъ-вотъ прорвется сейчасъ въ цѣлой гаммѣ бурныхъ и страстныхъ аккордовъ.

Онъ впитывалъ въ душу звуки,—они входили, отражались, наполняли сердце чуть уловимымъ настроеніемъ... Смутныя мысли о Танѣ вертѣлись кругомъ ея образа, окрашиваясь новымъ настроеніемъ, неопредѣленныя, мягкія, полныя неуловимаго, нѣжнаго томленія.

Маленькія ноты тихо зазвенѣли, переливаясь, замерли въ томительномъ аккордѣ, точно въ минуту послѣдняго колебанія, послѣдній вздохъ передъ головокруженіемъ бѣшеной страсти.

Секунда томительной паузы. И сразу все завертѣлось, закружилось слилось въ хаотически-быстрой гармоніи звуковъ. Аккорды рвутъ, расширяются, въ бѣшеномъ бѣгѣ сталкиваются, умираютъ и снова рождаются. Мелодія наполняетъ и насыщаетъ воздухъ и по-

трясаетъ его торжествующею, дикою пѣснью бушующей, бурной, побѣдоносно-разпузданной страсти.

Софья Ивановна повторяла восторженнымъ полушепотомъ:

— Вотъ это музыка!... Что ни говори Евгепій Михайловичъ... Мнѣ хочется всегда взглянуть въ глаза увлеченію... Какъ-то и пріятно, и грустно... Вы никогда не смотрѣли такъ?... Чтобы чувствовать, что и другой увлекается, и что-то васъ соединяетъ?... Что—и словами не скажешь.

Онъ слушалъ,—и дикая музыка, и слова ея какъ-то больно и сладко отдавались въ душѣ сквозь легкую томность, навѣянную виномъ. Хотѣлось мучительно, чтобы это настроеніе стало реальнымъ, такимъ же смѣлымъ, дикимъ, свободнымъ. Мысли крутились вкругъ смутнаго образа Тани, точно онъ, этотъ образъ, навсегда, какъ центръ, засѣлъ въ его сердцѣ.

Прежняя жажда объятій, ласкъ, обладанія, неуловимо близкое вѣяніе ея нѣжнаго, манящаго образа волновали грудь страшнымъ и сладкимъ подъемомъ.

Мысль объ обладаніи мучила теперь, растравляла, играла соблазнительно въ мозгу и, сливаясь съ побѣдной гармоніей музыки, казалось, разорвавшей и смявшей всѣ преграды, возбуждала къ смѣлому, чувственному порыву... Къ смѣлости, непреоборимому, головокружительному разгару страсти.

Въ душѣ вдругъ точно что-то раскрылось, разорвалось, и нереальное стало реальнымъ, невозможное—возможнымъ, неизбѣжнымъ.

Сердце билось и замирало рѣшимостью, и въ немъ сквозь легкую томность опьянѣнія играло дерзкое веселье.

Земцовъ окончилъ. Послѣдній аккордъ тяжело прогремѣлъ и смолкъ.

Опять все стало обыденно спокойно,—всѣ заговорили громко, засмѣялись, заходили по комнатѣ.

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Въ сердцѣ попрежнему трепетало что-то тревожно и весело. Думать не хотѣлось, боялся думать, боялся нарушить настроеніе, поколебать сложившееся гдѣ-то въ глубинѣ души причудливое, смѣлое рѣшеніе... Было радостно, страшно и чувствовалось, что мысли замерли, заснули, что ихъ не надо будить, иначе все пропадетъ.

Онъ вынулъ часы, было около 10. Повернулся, хотѣлъ рѣшиться но стало страшно,—страшно разбудить отрезвляющія мысли.

Въ волненіи прошелся по комнатѣ; снова машинально взглянул на темный, блѣдный отъ отблеска электричества фонъ окна. Пр чудливое, дерзкое желаніе жгло голову, трепетало страшнымъ и г

сильнымъ трепетомъ въ сердцѣ, росло, увеличивалось, овладѣвало сознаніемъ.

Онъ сдѣлалъ усиліе, снова остановился, постоялъ въ колебаніи. Напрягъ всѣ силы настроенія... Рѣшился.

Онъ сталъ прощаться. Наташа удивленно подняла на него глаза,—куда онъ?

Онъ проворчалъ что-то. Говорить не хотѣлось,—казалось, настроеніе пройдетъ, подъемъ опустится.

Быстро, спѣша одѣлся, сбѣжалъ по лѣстницѣ, вышелъ на улицу.

XIII.

Холодный вѣтеръ освѣжилъ разгоряченное, пылающее лицо. Темная, освѣщенная бѣловатымъ свѣтомъ электричества улица пустѣла, въ окнахъ зажглись огни.

Быстро засунувъ руки въ карманы, онъ пошелъ по направленію къ набережной. Не думалъ, ни о чемъ не думалъ,—только сердце томительно замирало, и страстный порывъ, неостывшій, горячилъ лицо и ударялъ въ вискахъ. Гдѣ-то въ мозгу застыла мысль, одна только мысль, страшная, манящая, соблазнительная, прекрасная... Таня, Таня, ея поцѣлуи, объятія, мягкое, нѣжное тѣло...

Дрожь на мгновеніе пробѣгала по тѣлу, мысль отражалась въ сознаніи ярко, реально.

Видѣть ее, обнимать, чувствовать совсѣмъ близко-близко, своею, слышать дыханіе, запахъ волосъ, цѣловать...

Чувственныя мысли, страстные образы крутились, какъ вихрь, въ горячей, пылающей головѣ... Шелъ страшно быстро, весь охваченный ими, соблазненный, не глядя кругомъ, машинально.

Прошелъ черезъ мостъ, по улицѣ, посмотрѣлъ номеръ дома,—скоро ея домъ, ея ворота...

Вотъ и домъ,—онъ невольно пріостановился. Сразу глубоко-глубоко въ душѣ дрогнулъ чуть слышно умѣряющій голосъ сомнѣнія и колебаній. Жаръ въ головѣ ощутился сильнѣе, въ рукахъ какая-то тяжесть.

Идти... или не идти! Первое колебаніе съ силой пронизало душу, и [illegible] холодное остріе. Уступать не хотѣлось, рѣшеніе въѣлось въ с[illegible]аніе, давило, требовало, кричало. Сдѣлалъ усилія, напрягъ одур- и [illegible]енныя разыгравшеюся чувственностью мысли... Таня, Таня, ея г[illegible], ея хрупкое тѣло, ея мягкія, нѣжныя объятія...

Быстро шагнулъ въ калитку. На дворѣ тишина, тамъ и сямъ, с[illegible]ль занавѣски, въ окнахъ мелькаетъ огонь... Темно и тихо, слы- и [illegible]біеніе собственнаго сердца.

Что-то тянуло назадъ, звало, напоминало, что-то спокойное, мягкое... Онъ вспомнилъ, что не знаетъ номера квартиры, —посмотрѣлъ вокругъ себя, на окна, колебаніе росло, безсознательно, смутно.

Голова горѣла сильнѣе, сердце билось тревожно, замирало,— бредъ желаній умѣрялся тревогой, боролся.

Сдѣлалъ одинъ шагъ назадъ, остановился, кто-то вышелъ, темная фигура, смотритъ на него. Смутился; минута быстрыхъ, рѣшительныхъ мыслей, пошелъ поближе. Въ головѣ мелькнуло сознаніе: поздно, уйти нельзя, надо спросить, подняться.

Дворникъ, усатый, въ большой темной шубѣ. Надо было спросить его спокойнѣе, стараясь быть твердымъ. Вопросъ прозвучалъ невѣрно, сквозь запекшіяся, сухія, горячія губы.

Михаилъ выслушалъ объясненія, посмотрѣлъ, поблагодарилъ, пошелъ, волнуясь, какъ приговоренный. Страстное чувство, рѣшеніе боролись съ колебаніемъ, страхомъ, тревогой.

Лѣстница полутемная, печистая, ободранная, грязныя двери, тяжелый запахъ кухни... Поднялся машинально, усталый, съ тяжестью въ тѣлѣ, утомленный борьбой.

Дошелъ до двери, ея двери, остановился,—что-то свинцомъ давило на сердце, что-то тянуло назадъ, звало, увлекало, спокойное, мягкое... Слабѣющій голосъ страсти еще волновалъ, требовалъ, доказывалъ... Сознаніе какъ будто просвѣтлялось, готовое окончательно отрезвить... Постоялъ, подумалъ тяжело, съ усиліемъ отъ напряженной борьбы... Рѣшеніе, въѣвшееся въ мозгъ, соблазнительное, властное, побѣждало... Минута безумнаго порыва, какъ взглядъ въ зіяющую, невѣдомую, влекущую пропасть... Онъ позвонилъ съ отчаянной рѣшимостью, бросился въ пропасть, безъ мыслей, безъ разсужденія. Только сердце замерло отъ тревоги.

Слышно было, какъ звякнулъ за дверью звонокъ. Звякнулъ и замолкъ. Онъ ждалъ, прислушивался съ пылающимъ лицомъ, съ бьющимся сердцемъ. Отрѣшившись отъ мыслей, отъ думы: что будетъ, то будетъ, что будетъ, то будетъ.

Зашуршали шаги, ключъ повернулся рѣзко; недоумѣвающее, некрасивое лицо прислуги на свѣтломъ фонѣ передней...

Спросилъ ее твердо, спокойно, скрывая смущеніе и страхъ ь душѣ.

Она отступила,—«дома»,—впустила въ переднюю, узеньку , заставленную, завѣшанную. Онъ быстро сталъ раздѣваться, спѣш , точно боясь, что не успѣетъ,—порывистое волненіе переходило ь тяжелое спокойствіе, въ окаменѣлое сознаніе неизбѣжнаго.

Горничная отворила дверь направо,—онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ, чувствовалъ и вслушивался,—что будетъ.

«Она» выскочила, взглянула удивленно, остановилась, замерла, держась за ручку двери, сразу покраснѣла, вспыхнула, такъ что уши загорѣлись отъ волненія... По лицу пробѣжало и застыло мучительное выраженіе безпомощнаго, тревожнаго страха... Онъ чувствовалъ, что она поняла, сразу и вѣрно поняла все...

На лицѣ его тоже мучительно отражалось волненіе... Онъ подошелъ, взялъ протянутую, чуть дрожащую руку. Сказалъ неестественнымъ, невѣрнымъ голосомъ:

— На минуту, я только на минуту къ вамъ...

Она отступила, растерянная, напуганная,—большіе глаза ея мигали съ страдальческимъ выраженіемъ...

— Пожалуйста... войдите... Извините... Здѣсь такой безпорядокъ... Такъ поздно...

Растерянно суетилась, вся охваченная тревогой.

Комната маленькая, узкая; зеленая лампа свѣтитъ на столикѣ у раскрытой кровати; на кругломъ столѣ — заглохшій самоваръ, кусокъ недоѣденной булки, чашка...

Она суетилась, тоненькая, хрупкая, въ простенькомъ, красномъ капотикѣ, съ бѣлыми цвѣтами. Смущенная, смущающаяся всѣмъ, и костюмомъ, и кроватью, и безпорядкомъ, передъ нимъ, передъ горничной.

Растерянно сѣла въ кресло, теребя оборку капота,—уши все красныя, и лицо горитъ яркимъ, неровнымъ румянцемъ...

Минута тяжелаго, грознаго молчанія. Горничная спокойно убираетъ со стола, поднимаетъ подносъ съ самоваромъ... Молчаніе, и, кажется, души сообщаются и вмѣстѣ трепещутъ въ предвидѣніи неизбѣжнаго...

Она не выдержала, вскочила, дрожащими руками принялась закрывать раскрытую постель...

Горничная вышла медленно, спокойно, тихо хлопнула дверью, пріостановилась въ передней.

Опять минута томительнаго, говорящаго молчанія... Таня все дрожащими руками, растерянно, лихорадочно передвигала лампу [illegible] столикѣ... Казалось, что слышно, какъ бьются сердца у обо[illegible] передъ страшнымъ, темнымъ, надвигающимся...

Въ передней вдругъ сразу погасъ огонь, въ узкомъ окнѣ надъ [illegible]ью стало совсѣмъ черно. Въ комнатѣ было тихо, лампа бро[illegible] тусклый, неровный свѣтъ...

[illegible]хапъ съ усиліемъ поднялся. Онъ чувствовалъ, что нужно

идти прямо, что неизбѣжное уже связало ихъ, сломало всѣ преграды. Въ душѣ было дикое, глухое спокойствіе рѣшимости.

Она замерла на мѣстѣ, трепещущая, красная отъ страха и волненія. Онъ подошелъ, обнялъ ее за талію и посадилъ на кровать; она растерянно сѣла, дыша тяжело и порывисто; на лицѣ напряженное страдальческое выраженіе; подъ рукой онъ чувствовалъ мягкое, теплое сквозь матерію тѣло.

Дрожь пробѣжала по немъ, стало сразу вдругъ снова весело весельемъ дерзости и страсти... Руки судорожно, лихорадочно, жадно сжимали ея тѣло, искали его; хотѣлось въ этомъ трепетѣ страсти обнять ее всю, слиться съ нею... Во всемъ существѣ поднималась жестокая, хищная жажда обладанія...

Грубымъ движеніемъ, все сжимая ее въ объятіи, рванулъ за воротникъ ея платья, разрывая, разстегивая, ища обнаженнаго тѣла... Бѣшено, жадно, все сильнѣе опьяняясь, чувствуя, что дѣлаетъ ей больно, онъ срывалъ красную матерію капота съ голыхъ дрожащихъ плечъ... Она рванулась вдругъ испуганно, съ усиліемъ слабо уперлась руками въ его грудь. Забилась въ рукахъ его, какъ пойманная птица:

— Не надо, не надо, не надо...

Просила полушепотомъ, молила въ отчаяніи послѣдней борьбы.

Онъ сжалъ ее больно и крѣпко, глядя, какъ въ туманѣ, опьяненнымъ взглядомъ на ея полуобнаженное тѣло; какъ пьяный, съ усиліемъ поднялся, не выпуская ея изъ рукъ, и со всею силою дыханія дунулъ въ стекло лампы. Пламя колыхнулось на мгновеніе и погасло... Сдѣлалось тихо, такъ тихо, точно никого, кромѣ нихъ, не было на свѣтѣ, ихъ съ ихъ разгорѣвшейся страстью...

Онъ стиснулъ бьющееся, теплое, трепещущее тѣло; онъ повторялъ лихорадочно, вдыхая запахъ волосъ, запахъ тѣла, ища его губами, безпрерывно повторялъ, страстнымъ полушопотомъ, и прося, и требуя, и не допуская возраженій:

— Милая... милая... милая...

XIV.

Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился... Бы о гадкое, мучительное чувство отрезвленія...

Все кругомъ казалось сѣрымъ, грубо-прозаичнымъ, проти - нымъ... На сердцѣ поднималась глухая тоска, ноющая, кричащ я отъ боли неумолимаго раскаянія. Что-то похожее на отчаяніе ов - дѣвало... Хотѣлось уйти, не видѣть, забыть, убѣжать отъ себя -

ного... Голосъ въ душѣ уныло повторялъ слова безнадежнаго властнаго упрека...

Было попрежнему темно, но глаза, привыкнувъ, довольно ясно различали предметы. Въ квартирѣ стояла мертвая, ни звукомъ не нарушаемая тишина.

Онъ стоялъ и думалъ, страдая отъ запоздалаго грубаго отрезвленія: что дѣлать, что дѣлать... Хотѣлось скорѣе уйти, не видѣть, забыть...

Она лежала совсѣмъ неподвижно, бѣлая на фонѣ смявшагося, темнаго одѣяла... Тонкія голыя руки безсильно легли вдоль тѣла, темные волосы чернѣли на подушкѣ; сорванный съ плечъ капотъ некрасивымъ комкомъ сбился подъ грудью... Лицо казалось строгимъ и блѣднымъ.

Онъ чувствовалъ на лицѣ струю холоднаго пота и легкую дрожь отчаянія въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ: бѣжать, уйти, не видѣть, забыть... Что сдѣлано, что сдѣлано,—мелькало въ душѣ съ непреодолимымъ ужасомъ.

Уйти, уйти сейчасъ же, забыть,—все существо его наполнилось этой мыслью, единственной мыслью о забвеніи. Онъ снова взглянулъ на нее: казалось, она спала, все такая же бѣлая, раскинувшаяся неподвижно на темномъ фонѣ смятаго одѣяла. Онъ сдѣлалъ къ ней движеніе, остановился... Какъ проститься, что говорить?—тоскливо, болѣзненно-тяжело мелькало въ головѣ.

Онъ подошелъ къ ней, нагнулся, оперся о кровать, нечаянно задѣлъ рукою за голое теплое плечо,—глаза ея, черные, глубокіе пристально смотрѣли на него; пахнуло запахомъ ея волосъ, донеслось струею горячее ровное дыханіе...

Стало безнадежно, мучительно стыдно подъ этимъ нѣмымъ, серьезнымъ взглядомъ; стыдно стыдомъ человѣка, уличеннаго въ подломъ поступкѣ, на всю жизнь потерявшаго довѣріе близкаго человѣка.

Уйти, уйти, забыться скорѣе.

Онъ зашепталъ виновато, смущенно, точно боясь получить страшный, позорящій упрекъ:

— Я пойду... до свиданья... а то нельзя... поздно...

Она молчала, неподвижная въ темнотѣ комнаты, и все смотрѣла ея ...ь лицо пристально, серьезно, глубокимъ взглядомъ... Онъ чувст...валъ съ страшной душевной болью, что теряется отъ стыда, не зн...ъ, что дѣлать.

...агнулся еще, смущенно и робко поцѣловалъ ее въ горячія, по...крытыя губы... Потомъ поднялся, постоялъ, сказалъ опять: «...йду», и снова робко поцѣловалъ...

Въ душѣ мелькало мучительно больно: хоть бы сказала что-нибудь, заговорила, заплакала бы.

Осторожно, медленно, точно боясь обидѣть, вышелъ въ переднюю, темную, мрачно-молчащую... Нащупалъ шляпу, калоши, пальто, одѣлся, прислушался: рядомъ, за дверью, все та же мертвая тишина...

Пошелъ къ двери,—уйти, уйти скорѣе, забыть,—вспомнилъ, что некому запереть. Остановился, подумалъ, сказать ли ей,—было стыдно, ужасно стыдно...

Постоялъ въ колебаніи, рѣшился: опять отворилъ къ ней дверь, опять увидѣлъ молчаливую, полную нѣмого упрека, комнату, бѣлую, неподвижную, полуобнаженную фигуру на темномъ фонѣ одѣяла, съ некрасивымъ комкомъ темной матеріи, сиявшейся подъ грудью.

Подошелъ, робѣя, смущаясь, нагнулся, увидѣлъ глаза, темныя рѣсницы дрожали неровно, неестественно... Сердце дрогнуло тяжело, отчаянно отъ боли, отъ нестерпимо мучительнаго сознанія виновности: понялъ, догадался...

Уйти, убѣжать, уйти, убѣжать, не видѣть,—мучительно билось сердце.

Онъ заговорилъ поспѣшно, смущенно, не имѣя духу показать, что замѣтилъ ея слезы:

— Тамъ запереть некому... Нельзя ли... а то останется дверь... пожалуй, влѣзетъ кто-нибудь...

Она шевельнулась, двинулась, устало сѣла, спустила ноги въ черныхъ чулкахъ, встала утомленно. Темный комокъ капота медленно сталъ спускаться къ ногамъ... Усталымъ движеніемъ удержала его и, поддерживая на груди, покорно, неровными, медленными шагами пошла за нимъ въ переднюю.

Онъ вышелъ впередъ, осторожно, застѣнчиво, точно боясь разбудить кого-то; въ груди кричало и ныло безнадежное чувство тоски и стыда.

Отперъ дверь, остановился, опять обернулся къ ней. Она стояла сзади неподвижно, поддерживая на груди капотъ, лицо было скрыто темнотой.

— Прощай,—сказалъ онъ опять съ усиліемъ, снова смущаясь и точно боясь, и потянулся поцѣловать ее.

Голая, тонкая рука ея обхватила вдругъ крѣпко и судорожно е о шею, на лицѣ онъ почувствовалъ горячее, странно неровное дыханіе, потомъ поцѣлуй короткій, быстрый, горячими, влажными гу ми... Потомъ она отняла руку, точно оттолкнула его и быстро п няла ее къ лицу, смутно бѣлѣвшему въ темнотѣ... Онъ снова чувствовалъ въ сердцѣ нестерпимо жгучую боль стыда и раска

— До завтра, до завтра, до свиданья,—шепталъ онъ робко, точно проси прощенія.

Вышелъ, сбѣжалъ по лѣстницѣ, слышалъ, какъ сзади щелкнулъ ключъ, на одной щекѣ было мокро, и онъ зналъ, хорошо зналъ, отчего...

Но не думать, не думать, забыть, уйти... Въ сердцѣ все такъ же была отчаянная, гнетущая тоска раскаянія.

Онъ ѣхалъ на извозчикѣ, прижавшись къ кожаной спинкѣ сидѣнья, утомленный, точно окаменѣвшій, душой и тѣломъ.

Въ головѣ пробѣгали обрывки дневныхъ воспоминаній,—Софія Ивановна, музыка, Наташа,—и казалось, что все это было давно, очень давно,—и такъ глупо, такъ гадко...

На Невскомъ холодно горѣло бѣлое электричество, катились экипажи, падшія женщины бродили по тротуарамъ, какъ тѣни, въ огромныхъ шляпкахъ, въ модныхъ костюмахъ... Соблазняли однихъ мишурой одежды, говорили другимъ о мукахъ запоздалаго раскаянія и глубокомъ паденіи...

XV.

Онъ вышелъ изъ своей комнаты въ первомъ часу, утомленный, полный тоскливой и мрачной апатіи. Въ столовой садились завтракать мать и Наташа.

Наташа съ удивленіемъ посмотрѣла на него; она сегодня выглядѣла повеселѣвшей и оживленной.

— Да что это съ тобой,—спросила она,—спать чуть не до часу.—Неужели ты каждое воскресенье такъ долго спишь?

Онъ мрачно проворчалъ, ни на кого не глядя, садясь на свое мѣсто:

— Чего я буду рано вставать?

— Стыдъ какой,—сказала она,—я встала сегодня въ 9 часовъ, поѣхала къ обѣднѣ, потомъ задумала къ вамъ заглянуть... И вдругъ пріѣзжаю,—онъ еще спитъ.

Онъ не отвѣтилъ, глядя къ себѣ въ тарелку; она начинала раздражать его жизнерадостностью своего настроенія.

— А куда Лиза пошла?—спросила она. Мать махнула рукой:

— Да кто ее знаетъ. Она съ утра убѣгаетъ. Праздникъ ли, будни,—всегда у нея дѣла.

— Все съ этими, со студентами?—не то равнодушно, не то нерѣшительно произнесла Наташа.

— Все съ ними, съ кѣмъ же больше-то,—такъ же неопредѣленно отвѣтила мать.

Они помолчали и заговорили о чемъ-то другомъ.

Михаилъ молчалъ упорно и мрачно: вчерашнее, какъ дурной, тяжелый сонъ, давило на сердце, сквозь томительную разслабленность тѣла. За ночь острота впечатлѣній прошла, и теперь было только тревожно-тоскливо, точно кто копошился все время въ душѣ и непріятно, съ упорствомъ скребъ и грызъ ее не переставая. Да порой вдругъ пронизывала острая мысль, полная укора и тревоги: что теперь «она»? Что дѣлаетъ, что думаетъ? И сейчасъ же другая тревожная и страшная мысль: что дѣлать? Какъ пойти къ ней?...

Отъ этой мысли дѣлалось невыносимо тоскливо, и на лицѣ какъ будто выступалъ холодный потъ. Зачѣмъ, зачѣмъ?... Ахъ, если бы этого не было!...

Завтракъ кончился. Наташа посмотрѣла на часы.

— Ну, надо, однако, и отправляться. Ты не придешь сегодня, Миша, обѣдать?

Онъ задумался: перспектива долгаго скучнаго дня не улыбалась, было бы пріятнѣй пойти и развлечься. Но вѣдь еще «туда».

— Не знаю,—сказалъ онъ нерѣшительно,—должно быть, приду.

— Такъ приходи: хотѣли сегодня пойти куда-нибудь въ театръ, не знаю, достали ли ложу, сегодня утромъ посылали.

Они стояли въ гостиной,—она надѣвала передъ зеркаломъ шляпу.

— Софья Ивановна думаетъ, что ты влюбленъ,—сказала она,—она вчера принималась объ этомъ говорить... Боронинъ сказалъ ей даже, что, вѣрно, ты произвелъ на нее вчера очень сильное впечатлѣніе.

Ему было противно вспоминать, онъ рѣзко проворчалъ:

— Дура!

— Допытывалась все,—продолжала Наташа, садясь на кресло въ шляпѣ и перчаткахъ и облокачиваясь на столъ,—куда ты ушелъ:—«Куда онъ ушелъ? Ну, скажите, пожалуйста, куда онъ ушелъ? сидѣлъ, сидѣлъ, потомъ вдругъ взялъ и ушелъ»...

Онъ мрачно усмѣхнулся и повторилъ:

— Дура.

Ему стало страшно, что Наташа будетъ спрашивать, догадается.

— Когда поѣдетъ Евгеній Михайловичъ?—спросила мать.

Наташа сдѣлалась серьезна:

— Да, право, не знаю: не то передъ праздниками, не то послѣ праздниковъ. Опять какой-то съѣздъ. Возится теперь съ какими-то рукописями старыми.

— Взяла бы ты вотъ, да тоже бы и поѣхала,—замѣтила мать — а то что тутъ одна-то сидѣть будешь?

— Ну, что я тамъ одна дѣлать буду,—рѣзко отвѣтила она,—вотъ ужъ скука тоже была бы: онъ бы ходилъ на свои собранія, а я что бы стала дѣлать?

— Провѣтрилась бы.

— Ну вотъ еще. Хорошее провѣтреніе... Отъ скуки умрешь.

Она опять собралась уходить и встала. Ей, видимо, не хотѣлось продолжать этотъ разговоръ. И Михаилъ, сидѣвшій въ тупой задумчивости, тоже вдругъ всталъ:

— И я пойду.

Она остановилась:

— А ты куда?

— Такъ. Мнѣ нужно.

— Если на Невскій,—я подвезу.

— Хорошо.

Онъ говорилъ мрачно: сердце глухо ныло отъ давящаго, тяжелаго камня мучительной тревоги.

Оба молча спустились съ лѣстницы.

— Тебѣ куда собственно?—опять спросила Наташа, подходя къ экипажу.

У него больно дрогнуло сердце. Куда? Да туда, къ «ней», разомъ порѣшить, успокоиться.

— Ты подвези меня,—уклончиво сказалъ онъ,—ну хоть къ концу Невскаго.

— Поѣдемъ.

Они усѣлись въ узкій экипажъ. Лошадь дернула и понесла по направленію къ Невскому.

Всю дорогу сосредоточенно молчали, каждый занятый своей думой. Раза два неохотно обмѣнялись незначущими фразами.

Вотъ и конецъ Невскаго...

— Остановись на углу,—сказалъ онъ кучеру, и снова мучительно дрогнуло сердце.

— Ты придешь обѣдать?—крикнула она, отъѣзжая,—непремѣнно приходи, я буду ждать.

Онъ сталъ переходить Александровскій садъ. Было много гуля[illegible]ъ; сидѣли парочки, бѣгали дѣти, слышался смѣхъ, окрики [illegible].

[illegible]е тѣло его и голова налились точно свинцомъ... Хотѣлось идти [illegible]олго-долго. Мелькала успокоительная мысль воротиться, не [illegible]егодня. Но какъ же тогда... А вдругъ съ ней что-нибудь [illegible]?... Эта мысль давно уже таилась гдѣ-то глубоко въ душѣ. [illegible]ать... Вотъ развѣ написать... Пускай отвѣтитъ, скажетъ,

что онъ можетъ придти... И снова мысль: а вдругъ одна, въ отчаяніи?...

И шелъ дальше, колеблясь, мучаясь, тяжело волоча точно усталыя ноги, какъ приговоренный. Старался думать о другомъ, забыться, ободриться. Не могъ, ослабѣлъ точно... На сердцѣ скребетъ упорно, больно.

Прошелъ черезъ переходъ по Невѣ, пошелъ по улицѣ. Вотъ скоро, скоро... Что-то будетъ, что будетъ?

У дома ея онъ пріостановился. Волненіе овладѣло окончательно всѣмъ существомъ, мысли крутились, метались растерянно... Не написать ли лучше?

Рѣшился наконецъ. Опять тотъ же дворъ, опять кое-гдѣ зажглись уже огни за занавѣсками оконъ, опять тишина... Лѣстница та же самая, темная, съ запахомъ кухни.

А вдругъ не приметъ?... Или вдругъ что-нибудь ужасное?... Лицо горѣло, выступалъ холодный потъ.

Онъ дернулъ за звонокъ рѣшительно, ждалъ, весь дрожа отъ волненія... Опять шаги за дверью, опять некрасивое, сумрачно равнодушное лицо прислуги.

— Дома?—Голосъ звучитъ невѣрно, точно чужой. Та говоритъ равнодушно, спокойно:

— Дома.

Опять передняя. Въ ея комнатѣ тихо, совсѣмъ тихо... Вчерашнее мучительно проходитъ передъ глазами...

Горничная, какъ вчера, отворила туда дверь, сказала что-то. Онъ отвернулся, не смѣя взглянуть.

Опять та же маленькая комната. Но кровать теперь убрана, все прибрано, зимнія сумерки набѣгаютъ сѣроватою тѣнью.

Она стояла у окна, слегка освѣщенная лиловатымъ освѣщеніемъ сумерекъ, неподвижная, въ темненькомъ, скромномъ платьѣ, съ сѣрымъ платкомъ, наброшеннымъ на плечи.

И сейчасъ же вдругъ стало спокойнѣе у него на душѣ: любитъ, все такъ же любитъ, той же любовью вѣетъ отъ ея тоненькой, нѣжной фигурки.

Онъ подошелъ къ ней, взглянулъ. Блѣдное, точно похудѣвшее лицо, съ синими кругами подъ глазами. Глаза точно больше стали, — такіе же глубокіе, взволнованные и вмѣстѣ покорные.

Взялъ маленькую, холодную, немного дрожащую руку.

На сердцѣ поднималось что-то горячее, радостное, счастливое.

Опять взглянулъ ей въ глаза, глубокіе, покорные, любящіе ..

Маленькая холодная рука тихо дрожала въ его рукѣ... И вся она была такая близкая, родная, любимая...

Онъ обнялъ ее крѣпко:

— Таня... Милая...

Сѣлъ съ ней на окно, чувствуя, какъ радостно, восторженно-радостно бьется сердце.

Онъ сказалъ страстно и искренно:

— Вѣдь ты моя жена. Къ чему намъ... Когда это такъ хорошо любить.

Она прижалась къ нему, все такая же серьезная, тихая, какъ-то по дѣтски обняла его шею руками.

Онъ цѣловалъ ее страстно и страстно повторялъ:

— Милая... Танечка... Какъ я люблю тебя.

XVI.

Къ Рождеству Михаилъ получилъ гонораръ по двумъ дѣламъ. Онъ чувствовалъ въ карманѣ деньги, и возможность не стѣснять себя придавала ему бодрость и энергію.

Праздники онъ встрѣтилъ съ Таней, и большую часть времени сидѣлъ съ ней въ ея новой комнатѣ на Казанской, свѣтленькой, веселой, выходившей окнами на широкій, мощеный асфальтомъ дворъ.

Дома было тяжело невыносимо. Лиза точно замкнулась въ себя, замолчала, приходила ненадолго, говорила о незначущихъ вещахъ и односложно. Раза два приходила къ ней приглаженная барышня курсистка, съ холодными, враждебно смотрѣвшими глазами; онѣ запирались и спорили о чемъ-то горячо и вполголоса. Грибановъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, технолога выслали изъ Петербурга.

Мать похудѣла, точно постарѣла отъ вѣчной заботы,—съ лица не сходила глубокая складка затаеннаго безпокойства: въ отсутствіе Лизы бродила по комнатамъ, садилась за пасьянсъ, но вскорѣ бросала карты и снова бродила изъ комнаты въ комнату, прислушиваясь къ шуму на лѣстницѣ, блѣднѣя при звонкахъ. Когда Михаилъ былъ дома, заходила къ нему, заговаривала, тоскливо говорила о Лизѣ... Онъ успокаивалъ, самъ себѣ не вѣря, мрачно отмалчивался и чувствовалъ, какъ отъ тяжелой тоски сжимается сердце.

Было томительно, какъ въ домѣ, гдѣ лежитъ опасно больной, и нѣтъ надежды на выздоровленіе.

Онъ уходилъ каждый вечеръ къ Танѣ, иногда оставался у нея до утра. Она переѣхала нарочно поближе, на Казанскую, и оба переживали здѣсь медовый мѣсяцъ своей связи. Онъ приходилъ отдыхать

сюда отъ всѣхъ своихъ тревогъ и заботъ, отъ своего угнетеннаго состоянія съ кризисами нервной раздражительности и апатіи. Они сидѣли на маленькомъ диванчикѣ въ полумракѣ лиловыхъ потемокъ, освѣщенные только легкой полосой свѣта, входившаго въ узкое окно надъ дверью; она прижималась къ нему, робко обнимала его и изрѣдка взглядывала на него большими серьезными глазами. И отъ всего ея существа вѣяло на него безконечной, все отдающей, ничего не требующей любовью.

Утромъ, наканунѣ Новаго года, у нихъ произошелъ непріятный обоимъ разговоръ. Онъ ужъ давно хотѣлъ сказать ей, но все не рѣшался, откладывалъ, чувствуя, что растревожитъ ее.

Она стояла у зеркала и, глядя въ него серьезными, спокойными глазами, дѣлала прическу. Ея маленькія руки двигались тихо и гармонично.

Онъ долго смотрѣлъ на нее молча, потомъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Остановился сзади, посмотрѣлъ, сказалъ серьезно, какъ приступаютъ къ важному вопросу:

— А знаешь что: я ужъ давно хочу сказать тебѣ...

Остановился, взглянулъ на нее въ зеркало.

— Тебѣ бы надо зайти къ нашимъ...

Въ глазахъ у нея точно мелькнуло что-то, дрогнуло, она не сказала ни слова... Онъ точно спѣшилъ высказать все:

— И знаешь что: сходила бы ты сегодня, Таня... Нельзя вѣдь, ты не была цѣлый мѣсяцъ... Покажется страннымъ... Даже и на праздникахъ не идешь... Зашла бы и конецъ.

Она кое-какъ закончила прическу и машинально передвигала что-то на комодѣ.

— Да я схожу,—тихо сказала она, наконецъ.

Онъ обнялъ ее за талію, сѣлъ и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Я понимаю,—заговорилъ онъ,—что это непріятно, что есть тутъ ложное положеніе. Но, что же дѣлать?... Вѣдь надо же...

— Да я схожу,—опять такъ же тихо повторила она, глядя опущенными глазами на шпильку, которую вертѣла въ рукахъ.

Онъ понималъ ее, чувствовалъ ея нежеланіе,—хотѣлось утѣшить, успокоить ее.

— Ты приходи часовъ въ 7, меня не будетъ дома; ну, посидишь до 9, потомъ уйдешь. Хорошо?

Она, не поднимая глазъ, кивнула головой.

— А тамъ, часамъ къ 12 я приду за тобой,—пойдемъ встрѣчать Новый годъ. Я вечеромъ въ театрѣ съ Наташей, и прямо отту да сюда.

Она печально молчала.

— Что-жъ дѣлать, Таня,—сказалъ онъ серьезнѣе,—ему начинало быть непріятнымъ ея огорченіе,—ну, конечно, непріятно. Но что-жъ ужъ такъ разстраиваться-то: придешь, посидишь, какъ всегда, поговоришь. Мамаша будетъ говорить про Лизу... И долго ли,—какихъ-нибудь часъ-два.

— Да я ничего, я схожу,—уныло отвѣтила она.

Онъ всталъ, начиная раздражаться,—ему не нравилось, что она не можетъ постараться быть веселѣе. Взялъ шляпу, повертѣлъ и сухо сказалъ:

— А впрочемъ... Если тебѣ это такъ трудно, такъ дѣлай, какъ хочешь... Мнѣ лично все равно...

— Да я же схожу... Мнѣ ничего,—мягче, точно извиняясь, заговорила она, и въ глазахъ ея мелькнула тревога,—я вѣдь такъ только...

Она подошла, обняла и поцѣловала его, какъ будто прося прощенія, желая загладить.

Онъ одѣвался, она стояла въ передней и, глядя все такъ же смущенно и робко, говорила:

— Такъ я пойду къ 7, а къ 12 буду ждать тебя. Часовъ до 10 посижу.

И снова, прощаясь, крѣпко поцѣловала, глядя виноватыми глазами.

XVII.

Онъ вышелъ изъ дому около 7 часовъ и долго бродилъ по Невскому.

Дома, когда онъ уходилъ, была тишина. Лиза сидѣла у себя, мать прилегла отдохнуть. Тяжелая, мрачная тишина.

Дорогой все думалъ о Танѣ, утренній разговоръ оставилъ впечатлѣніе какой-то легкой горечи.

Она уступила, стараясь быть веселѣе, успокоить его. Разстались такъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но всетаки было непріятно; ост[illegible]лось сознаніе, что ей тяжело и что она приноситъ жертву. Было бы [illegible]ше, спокойнѣе, если бы она не чувствовала этого стѣсненія. И [illegible] сознаніе раздражало его, вызывало легкую, но упорную, назой[illegible]ую досаду.

[illegible]лъ ровный, тихій, морозный денекъ. Снѣгъ сыпался пушистыми [illegible]хлопьями, лица прохожихъ порозовѣли, и женщины стали казат[illegible]свѣжѣе и красивѣе. На Невскомъ было шумно и многолюдно,

говоръ и смѣхъ стояли въ воздухѣ и смѣшивались со стукомъ лошадиныхъ копытъ и звонками конокъ. Стояло радостное, праздничное настроеніе, кареты проносились, развозя по театрамъ нарядную публику, всѣ шли куда-то, оживленные, веселые, въ предверіи Новаго года. Снѣжинки кружились при свѣтѣ электричества, мѣстами легкія, какъ алмазный порошекъ, мѣстами пушистыя, тяжелыя, бѣлыя.

Къ подъѣзду театра съ глухимъ, тяжелымъ стукомъ лошадиныхъ копытъ подкатывали, сверкая фонарями, экипажи. Дамы въ ротондахъ, въ свѣтлыхъ капорахъ на головѣ, выскакивали и быстро, въ сопровожденіи мужчинъ, спѣшили къ дверямъ. Порой среди каретъ примѣшивался суетливый ванька и долго, торопясь, высаживалъ своихъ сѣдоковъ. Жандармы стояли, какъ вкопанные, полицейскій офицеръ кричалъ на извозчиковъ, махая рукой, и козырялъ генераламъ. Тяжелыя двери театра открывались и закрывались поминутно.

Съ первой минуты охватило пріятное, бодрое настроеніе; чувствовалась атмосфера хорошаго общества, настроеніе красивой и эффектной толпы, пришедшей повеселиться. Яркій свѣтъ, запахъ духовъ, шуршаніе шелковыхъ юбокъ, свѣтлыя платья, открытыя шеи и плечи, черные фраки, мундиры...

Красивыя женщины спѣшили поправить передъ зеркаломъ прическу и медленно двигались по коридору, сталкиваясь, смѣшиваясь въ своихъ разноцвѣтныхъ туалетахъ, переплетаясь съ черными фигурами мужчинъ. Смутный смѣшанный говоръ, смѣхъ, крикливыя раскатистыя фразы француженокъ, звенящій звукъ шпоръ, шуршаніе юбокъ...

Въ ложѣ Наташи никого еще не было. Михаилъ присѣлъ на стулъ у барьера и началъ смотрѣть, какъ собирается публика. Въ немъ было все то же повышенное настроеніе, пріятное сознаніе того, что и онъ живетъ одной жизнью съ этой веселящейся толпой, что такъ же наряденъ, какъ они, и всѣ его видятъ и смотрятъ на него, какъ онъ на нихъ.

Публика набиралась, у рампы стояли мужчины и смотрѣли въ бинокли; въ ложахъ запестрѣли свѣтлые дамскіе туалеты, по партеру, проходя вереницей въ проходахъ, разливалась разношерстная толпа, нарушая геометрическую правильность одноцвѣтныхъ пустыхъ рядовъ креселъ. Музыканты въ оркестрѣ настраивали инструменты и разсаживались по мѣстамъ.

Въ ложу ихъ кто-то вошелъ; онъ всталъ, заглянулъ въ авансцену ложу и увидѣлъ Наташу, поправлявшую передъ зеркаломъ прическу.

Онъ любилъ, когда она была въ большомъ туалетѣ, и ему был

пріятно бывать съ ней; поэтому онъ съ удовольствіемъ оглядѣлъ ея легкое, обшитое дорогими кружевами бѣлое платье. Она была сильно декольтирована, и на полной бѣлой шеѣ искрились брилліанты.

Они поздоровались.

— Ты одинъ?—спросила она.

У нея былъ серьезный, озабоченный видъ, и было замѣтно, что она придаетъ большое значеніе и своему туалету, и появленію въ ложѣ, и всему, что связано съ выѣздомъ въ свѣтъ.

Онъ вошелъ въ ложу, она остановилась въ дверяхъ и, держась одной рукою за дверь, другой спокойнымъ движеніемъ натягивала на круглое голое плечо непослушно спускавшійся кружевомъ обшитый рукавъ.

Музыканты заиграли вальсъ изъ «Коппеліи»; Наташа вышла, медленно подошла къ барьеру, сѣла, поправила на груди кружева и выпрямилась, спокойная, неподвижная, красивая, точно показывая всѣмъ свою красоту, свою изящную прическу, свои брилліанты, свое обнаженное прекрасное тѣло, на фонѣ дорогихъ кружевъ, и чувствуя всю обаятельность ансамбля.

Изъ креселъ и ложъ на нее смотрѣли въ бинокли; мужчины у рампы зашевелились въ ея сторону.

Михаилъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, что она невольно, инстинктивно позируетъ, опьяняется тѣмъ художественнымъ инстинктомъ женскаго самолюбованія, которое вызываетъ въ женщинахъ сознаніе своей красоты. Движенія плавныя, ровныя, спокойныя; взяла бинокль, осмотрѣлась, потомъ отняла его отъ глазъ, улыбнулась кому-то, кивнула головой.

И во всемъ, въ движеніяхъ головы, руки, держащей бинокль, тотъ же художественный инстинктъ, та же артистическая игра торжествующей красоты.

Ему это нравилось, ея эстетическая гордость передавалась и ему.

Онъ спросилъ ее, слегка нагибаясь:

— А Евгеній Михайловичъ не будетъ?

Она повернула къ нему голову и повторила, глядя на него блестящими глазами, говорившими о томъ, что мысли ея далеки отъ вопроса.

— Евгеній Михайловичъ?... Нѣтъ, Евгеній Михайловичъ не будетъ.

XVIII.

На сценѣ, ярко освѣщенной въ контрастъ съ полутемнымъ залом, двигались, ходили и говорили, когда въ аванъ-ложу вошли и

зашевелились. Оба повернули голову; въ тишинѣ зала, шурша платьями, двигая стульями, стараясь не шумѣть, въ ложу входили мать и дочь Роговскія.

Онѣ усаживались, здороваясь и шепчась; Шура, блондинка лѣтъ 19, съ вздернутымъ носикомъ, придававшимъ ея розовому лицу съ голубыми глазами пикантное и задорное выраженіе, всегда живая и веселая, въ розовомъ платьѣ съ открытой шеей и короткими рукавами, усѣлась впереди Михаила. Сѣла, подвинулась, чтобы сидѣть поудобнѣе, поправила волосы назади затянутою въ длинную бѣлую перчатку рукою, потрогала ихъ спереди, натянула спустившуюся съ круглаго розоваго локтя перчатку и, успокоившись, стала смотрѣть на сцену.

Михаилъ смотрѣлъ на нее и вспоминалъ, какъ Наташа проектировала ее ему въ невѣсты.

Она слегка откинулась на спинку стула, и прямо передъ нимъ была ея обнаженная крѣпкая шея съ завитками тонкихъ волосъ, съ темной родинкой ближе къ плечу.

Онъ подумалъ, что было бы хорошо имѣть такую жену, если бы не было будничной прозы семейной жизни, а только вѣчный, богатый и изящный праздникъ; что Шура неразвита, неумна и пуста и ничего не имѣетъ, кромѣ хорошенькаго личика, выхоленнаго стройнаго тѣла, большого состоянія и живости характера; что они никогда не поняли бы другъ друга и вѣчно остались бы чужими. И мысль о бракѣ съ нею казалась ему нерсальной и невозможной. Къ тому же Таня...

Эта мысль о Танѣ, робкой и скромной Танѣ, сидящей въ меблированной комнатѣ 4-го этажа, въ дешевенькихъ платьяхъ, сшитыхъ у скромной портнихи,—здѣсь, среди этого блестящаго общества, показалась какой-то сѣрой и прозаичной. Онъ подумалъ, что она теперь у нихъ, представилъ ее себѣ мысленно, ощутилъ непріятное движеніе въ сердцѣ; потомъ подумалъ о томъ, что долженъ поѣхать къ ней къ 12 часамъ, и стало жалко покинуть этотъ изящный свѣтскій кругъ и потерять свое приподнятое настроеніе.

Занавѣсъ опустился. Стало свѣтло и ярко, въ ложахъ зашевелились, изъ креселъ съ шумомъ и говоромъ выходили въ проходы.

Шура повернулась къ Михаилу и, улыбаясь, сказала:

— Я васъ не видѣла лѣтъ сто. Отчего вы не приходите на наши понедѣльники?

Михаилу бывало скучно на этихъ «понедѣльникахъ», гдѣ преобладали правовѣды и гвардейскіе офицеры и было искусственное веселье, и онъ сказалъ:

— Я былъ занятъ.

Онъ улыбался тоже ея хорошенькому личику, въ профилѣ котораго было что-то мальчишеское, какъ улыбается мужчина возбуждающей его женщинѣ.

— Ахъ, заняты,—повторила она, поворачиваясь на стулѣ и положивъ на спинку обѣ руки,—а вы скоро будете присяжнымъ повѣреннымъ?

— Еще черезъ два съ половиной года.

— Какъ долго,—протянула она.

— А скоро вы выйдете замужъ?—все такъ же улыбаясь, спросилъ онъ.

Она засмѣялась громко, слегка закинувъ головку и показывая маленькіе бѣлые зубки, немного дѣланнымъ смѣхомъ, какъ будто смущенная вопросомъ.

— Когда на мнѣ кто-нибудь женится,—сказала она,—да, впрочемъ, я не хочу замужъ.

Онъ подумалъ, что это—пошло, и вмѣстѣ почувствовалъ на себѣ минутный, точно стерегущій взглядъ ея мамаши, сидѣвшей сбоку отъ него.

Это было непріятно, Шура вызывала въ немъ настроеніе къ легкому, задорному ухаживанію съ легкой примѣсью пикантности, и мамашинъ, какъ будто неодобрительный взглядъ пугалъ и смущалъ его.

— Эта фраза вамъ не идетъ,—сказалъ онъ, слегка играя глазами.

— Почему?... Когда это правда,—протянула она, заражаясь его настроеніемъ.

Перчатка опять сползла съ ея кругленькаго розоваго локтя, Михаилъ смотрѣлъ на него, и ему хотѣлось поцѣловать; подумалъ, какая она была бы хорошая любовница; скромная Танина фигурка казалась теперь ему рядомъ съ ней совсѣмъ плебейской.

— Я вамъ скажу когда-нибудь потомъ,—таинственно сказалъ онъ, глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, сейчасъ,—просила она капризно.

— Сейчасъ нельзя.

Она опять капризно протянула:

— Ну-у-у...

Въ ложу сходились знакомые: пришли два штатскихъ въ смокингахъ, пришелъ Боронинъ въ парадной формѣ, съ рядомъ иностранныхъ орденовъ на груди.

Вы какъ богиня сегодня,—сказалъ онъ Наташѣ.

Она слегка улыбнулась все той же немного гордой улыбкой торжествующей красоты и приласкала его блестящими глазами.

— А мужъ?—спросилъ онъ, садясь рядомъ съ нею.

— Мужъ занятъ рукописями,—сказала она и онять улыбнулась.

Шура смотрѣла въ бинокль и разглядывала публику въ ложахъ. Михаилъ сталъ сзади нея и дѣлалъ свои замѣчанія; она откидывалась на спинку стула, смѣялась и поднимала на него свои веселые, задорные глазки.

Она волновала и возбуждала его: онъ чувствовалъ запахъ ея волосъ, видѣлъ подъ отдѣляющимся отъ тѣла корсажемъ смутныя очертанія груди, смотрѣлъ на голую нѣжную шею съ легкими завитками свѣтлыхъ волосъ, угадывалъ красивую линію плечъ.

И чувствовалъ пьяное желаніе смѣяться, веселиться, ухаживать.

XIX.

Спектакль окончился въ началѣ двѣнадцатаго. На сценѣ долго ходили, говорили, смѣялись, плакали. Въ антрактахъ приходили въ ложу мужчины, являлись Шурины кавалеры, звенѣли шпорами, вѣжливо и корректно ухаживали за ней; она кокетничала, смѣялась, закидывая назадъ головку, и старалась быть остроумной и задорной. Являлся Боронинъ и больше молчалъ или говорилъ Наташѣ прямые или косвенные комплименты. Она сидѣла, откинувшись на спинку стула, и только улыбалась, точно дразня его.

Михаилъ скучалъ, когда являлись офицеры и отвлекали отъ него Шуру: ихъ разговоры и она сама начинали казаться ему слишкомъ пошлыми и скучными. Онъ мало смотрѣлъ на сцену и больше взглядывалъ на открытую шейку Шуры, бѣленькую и гладкую, точно полированную, на темную родинку у плеча, которая то скрывалась подъ платьемъ, то снова выглядывала изъ-подъ легкихъ розовыхъ оборокъ, на задорный, мальчишескій профиль.

Иногда, случайно обернувшись, встрѣчалъ на себѣ неопредѣленный, стерегущій взглядъ ея мамаши и чувствовалъ себя неловко: не то боясь, что ей не нравится его отношеніе къ дочкѣ, не то потому, что на немъ какъ будто начинаетъ тяготѣть какое-то обязательство

Послѣдній актъ кончился. Въ залѣ стало шумно, въ креслахъ задвигались толпою, смѣшиваясь, медленно выливаясь въ проходы ложи быстро пустѣли, съ верховъ еще неслись аплодисменты и вызовы артистовъ.

Madame Роговская съ немного приторной улыбочкой обратилась къ Михаилу:

— Надѣюсь, вы къ намъ, поужинать, встрѣтить Новый годъ.

Онъ не ожидалъ приглашенія, но былъ не прочь поѣхать. Стало даже какъ будто досадно, что надо къ Танѣ, отъ опьяняющаго блеска въ 4-й этажъ и въ недорогой ресторанъ. Однако онъ сдержалъ себя и, почему-то смущаясь, принялся отказываться и благодарить.

— Куда же ты?—спросила Наташа.

— Съ товарищами въ ресторанъ,—сказалъ онъ, опять смущаясь.

Шура, стоявшая молча, вступилась:

— Ахъ, если вы въ ресторанъ, такъ вы успѣете, что вы? Мы встрѣтимъ Новый годъ, это такъ скоро, и вы поѣдете.

— Мы васъ не будемъ задерживать,—сказала мамаша.

Онъ колебался, взглянулъ на Шуру, она стояла, закинувъ руки назадъ, прямая, стройная, глядя на него въ ожиданіи отвѣта серьезными глазами. Легкія розовыя оборки сползли немного съ ея праваго плеча, и оно выглядывало закругленное, бѣлое, такое же гладко полированное.

— Право, чего вамъ стоитъ, на одинъ-то часъ,—сказала она.

— Я подвезу тебя,—предложила Наташа.

Ему не хотѣлось теперь отходить отъ Шуры, онъ посмотрѣлъ опять на ея соблазнительно выглядывавшее изъ-подъ розовыхъ оборокъ плечико и подумалъ, что не бѣда, если немного опоздаетъ. Сейчасъ же послѣ 12 поѣдетъ; Таня подождетъ, а въ ресторанахъ поздно открыто.

— Такъ только ужъ, чтобы встрѣтить Новый годъ, если позволите,—сказалъ онъ нерѣшительно.

— Мы васъ не будемъ задерживать,—опять повторила madame.

Всѣ выходили, толпясь; онъ шелъ сзади Шуры, она обернулась къ нему, забавная въ своей ротондѣ и бѣломъ капорѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся только вздернутый носикъ, и сказала:

— Охота вамъ въ ресторанъ, удовольствіе тоже.

И снова пошла впередъ.

Онъ сѣлъ въ карету Наташи. Она завернулась въ широкое мѣховое манто съ горностаемъ, безъ шляпы, чтобы не испортить при[illegible]у.

– Ну, какъ же Шура?—спросила она, когда они отъѣхали.

– Премиленькая,—отвѣтилъ онъ, закрывая глаза и представляя [illegible] задорное личико и гладкую бѣленькую шейку,—нно... только [illegible]кты твои врядъ ли подойдутъ.

[illegible]а удивилась.

[illegible]а почему же? А самъ все время ухаживалъ.

— Да ты подумай сама: насъ съ этой куколкой больше какъ на два мѣсяца не хватитъ, а тамъ надоѣдимъ другъ другу такъ, что она на перваго попавшагося изъ своихъ офицеровъ набросится. Ну, что между нами общаго, скажи?

Наташа помолчала.

— Ну, это положимъ, отъ тебя зависѣть будетъ: будешь любить, такъ и найдется общее.

— Чего тамъ...

Она повернулась къ нему, улыбаясь.

— А я, между прочимъ, мамашѣ-то какъ-то намекнула,—такъ, осторожно.

— Ну, и что же?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Да ничего. Отвѣтный намекъ былъ, по моему мнѣнію, довольно благопріятенъ.

Она добавила:

— «Наша дипломатія»,—и засмѣялась.

Квартира и обстановка у Роговскихъ были роскошныя, не хуже, чѣмъ у Наташи. Всюду старинныя вещи, дорогіе фарфоръ и бронза, пейзажи извѣстныхъ художниковъ.

Въ гостиной поджидалъ хозяинъ, изысканный съ просѣдью господинъ, и съ нимъ Евгеній Михайловичъ. Пріѣхалъ одинъ штатскій и Боронинъ.

— Съ чего это вы въ такомъ парадѣ?—спросила его Наташа, глядя на него какъ-то исподлобья.

— А потому, что я отсюда ѣду въ одно такое мѣсто,—отвѣтилъ онъ и замолчалъ.

— Вы что-то не въ духѣ сегодня,—сказала она, не глядя, вертя въ рукахъ какую-то карточку.

Онъ посмотрѣлъ на ея красивыя открытыя плечи и вздохнулъ.

— Должно быть, Новый годъ не будетъ счастливымъ для меня.

Она чуть-чуть подняла на него глаза, взглянула и опять опустила ихъ.

Шура сняла перчатки, бросила ихъ на рояль въ неосвященномъ углу зала, подальше отъ всѣхъ, присѣла на мягкій вертящійся табуретъ и, вытянувъ на колѣняхъ свои бѣлыя, до локтя голыя ру , слегка поворачивалась направо и налѣво.

Михаилъ подошелъ къ ней.

— Что вамъ пожелать на Новый годъ? Выйти замужъ?—сп силъ онъ, облокачиваясь на рояль и глядя на ея маленькія съ остренными пальчиками выхоленныя ручки.

Она подняла на него глаза, улыбаясь.

— Что вы все замужъ да замужъ,—опять съ немного дѣланной игривостью сказала она,—вѣдь я же не хочу замужъ.

— Ни за кого? И даже за гвардейца?

Она мотнула головкой.

— Нѣтъ. Они просто очень милые. И хорошо танцуютъ. А вы танцуете?

— Не танцую.

Она посмотрѣла на него, точно желая что-то сказать.

— А правда вы ѣдете въ ресторанъ?

— Правда.

— Въ какой и съ кѣмъ?

— Въ какой, не знаю. А съ кѣмъ,—съ товарищами.

Она покачала головой.

— Навѣрное, нѣтъ.

— А съ кѣмъ же?

Она засмѣялась, закинувъ назадъ головку.

— Да съ кѣмъ-нибудь поинтереснѣе,—лукаво сказала она.

— Да съ кѣмъ же поинтереснѣе?

— Вы знаете—съ кѣмъ.

— Что за загадки,—сказалъ онъ.

— Ну...—она запнулась и договорила какъ будто смущенно,—съ дамой какой-нибудь.

Онъ засмѣялся: ему понравилось, какъ она сказала; онъ посмотрѣлъ ей въ глаза и отвѣтилъ:

— Ну, если бы дѣло шло о красивой дамѣ, то я ужъ, конечно, остался бы здѣсь.

Она немного смутилась и снова повернулась на табуретѣ, слегка наклоняясь и глядя себѣ подъ ноги. И снова онъ увидѣлъ за розовыми оборками бѣлыя смутныя очертанія груди.

Она внезапно подняла голову и поймала этотъ взглядъ; смутилась еще больше, притихла и стала смотрѣть куда-то въ уголъ.

Лакей принесъ на подносѣ шампанское. Стало вдругъ какъ будто тревожно, какъ передъ чѣмъ-то важнымъ. Всѣ смолкли, по залу раз-
лались только одни шаги лакея, разносившаго бокалы.

— Взгляните, сколько осталось...—начала было Шура и за-
чала: гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ, мѣрно, тяжелымъ, низкимъ
омъ забили часы.

Они отбивали въ тишинѣ ударъ за ударомъ; всѣ, молча, слушали
окалами въ рукахъ.

— Прощай, старый годъ,—сказалъ Евгеній Михайловичъ.

— И здравствуй, новый,—подхватилъ хозяинъ,—счастливый, можетъ быть. Ну-съ. съ Новымъ годомъ.

Всѣ сразу заговорили, задвигались, зазвенѣли бокалами.

Боронинъ подошелъ къ Наташѣ.

— Вамъ больше веселья и побольше смѣяться,—сказалъ онъ серьезно,—красоты вамъ не надо, она у васъ есть.

Она дотронулась, молча, бокаломъ до его бокала; онъ спросилъ:

— А вы мнѣ что пожелаете?

— Ничего,—сказала она и отвернулась.

Онъ отошелъ къ Шурѣ.

— Исполненія желаній,—сказалъ онъ и протянулъ бокалъ.

— Вамъ тоже счастья,—отвѣтила она.

— Благодарю. И дайте на счастье ручку.

Она дала. Онъ потянулъ ее къ губамъ.

— Можно?

Она кивнула и засмѣялась, онъ звонко поцѣловалъ, Михаилъ почувствовалъ зависть.

— Желаю вамъ выйти замужъ,—сказалъ онъ.

— Опять!—съ упрекомъ замѣтила она,—а вамъ что пожелать?

— А мнѣ интересную даму.

Она немного смутилась и покраснѣла. Онъ сразу не понялъ, отчего, но догадался и подумалъ, что такъ и слѣдуетъ.

Веселость его проходила, мысль о Танѣ начинала грызть гдѣ-то глубоко въ душѣ. Онъ началъ прощаться.

— А можетъ быть остались бы,—сказала madame.

— Прощайте,—сказала Шура,—опять на сто лѣтъ.

Онъ улыбнулся дѣланно: тревога овладѣвала имъ все сильнѣе.

— О, нѣтъ, я надѣюсь.

XX.

До Казанской было довольно далеко, извозчикъ какъ нарочно попался плохой, и Михаилъ раздражался и тревожно смотрѣлъ на часы.

Въ душѣ копошилось волнующее раскаяніе, дѣлалось досадно, что согласился ѣхать къ Роговскимъ, тѣмъ болѣе, что удовольствіе пропало, заглушенное тревогой.

Было жалко Таню, неловко передъ ней, вспоминался утренній разговоръ. Сознаніе, что она огорчена, что придется съ ней объясняться, оправдываться, врать, видѣть ея плохо скрытое огорченіе, чувствовать его, наполняло душу смутной тревогой и волненіемъ.

Казавшаяся утромъ пріятной возможность пойти съ ней въ ре

сторанъ теперь вызывала скучное ощущеніе неинтересной и сѣрой перспективы. Идти съ ней въ дорогой ресторанъ казалось невозможнымъ, она будетъ стѣсняться, робѣть, потеряется среди эффектныхъ, богато одѣтыхъ женщинъ; идти куда-нибудь поскромнѣе, такая скука, послѣ блестящей атмосферы театра.

А, главное, обманулъ: явится черезъ часъ, когда Новый годъ давно ужъ наступилъ, когда она ужъ перечувствовала всю горечь несбывшагося ожиданія.

— О, чтобъ васъ совсѣмъ,—со злобой неопредѣленно сказалъ онъ, вылѣзая изъ саней.

Извозчикъ, везшій такъ долго, дворникъ у воротъ, напряженно ожидавшій на чай, вызывали злобу и раздраженіе сквозь ноющую, тоскливую боль въ сердцѣ.

Было безъ 10 минутъ часъ. Онъ пробѣжалъ черезъ дворъ, вбѣжалъ по лѣстницѣ, позвонилъ.

«А можетъ быть еще и ничего,—пытался онъ успокоить себя,—можетъ быть, еще ждетъ, не очень огорчена».

Горничная отворила въ нарядномъ платьѣ, поздравила; въ квартирѣ было шумно и свѣтло: жильцы и хозяева встрѣчали Новый годъ. Стоялъ громкій, смутный, веселый говоръ, бренчали на роялѣ, въ ушахъ звенѣлъ высокій, раскатистый женскій смѣхъ.

Раздѣлся быстро, прошелъ по коридору, открылъ въ ней дверь, осторожно, тихонько.

Ярко горѣла лампа, Таня стояла неподвижно у темнаго окна, въ своемъ новомъ свѣтленькомъ платьѣ, сшитомъ передъ праздниками. Онъ видѣлъ сзади ея тоненькую фигуру, узелъ темныхъ волосъ; не обернулась даже, не пошла навстрѣчу. Сердце его непріятно дрогнуло.

Мелькнула мысль, что надо быть тверже, смѣлѣе; вошелъ, подошелъ къ ней, сказалъ какъ можно веселѣй и нѣжнѣе:

— Съ Новымъ годомъ, Таня.

Она полуобернулась, молча, не глядя, напряженная, неискренняя; онъ обнялъ ее, нагнулся поцѣловать,—лицо серьезное, смущенное, заплаканное, съ опущенными, покраснѣвшими глазами.

— Ты плакала?... Таня!... Неужели, что опоздалъ?

Посадилъ на диванъ, обнялъ.

— Ну, неужели изъ-за этого, Таня?... Какъ глупо!

На блѣдномъ, заплаканномъ лицѣ дрожали губы, она прошептала съ усиліемъ:

— Нѣтъ... Это я такъ...

Хотѣла договорить, остановилась и вдругъ опять заплакала; закрыла лицо рукой, суетливо вынимая платокъ.

Плечи судорожно вздрагивали, слезы бѣжали по щекамъ и капали на свѣтлую матерію платья. Тоскливо шептала, прерываемая плачемъ:

— Такъ скучно было... такъ скучно... одной... Все ждала... ждала... думала... вотъ сейчасъ... И все нѣтъ... Тоска такая...

Онъ обнималъ ее, растерянный, стараясь утѣшить, страдая отъ жалости и тоскливаго раскаянія.

— Таня, не плачь такъ... Вѣдь я же не виноватъ... Пойми же... Кабы я могъ, я бы давно пришелъ.

Но она все плакала и все шептала, точно не въ силахъ сдержать накопившагося горя.

— И всѣмъ такъ весело... музыка... А я одна... точно брошенная... Никого... И тебя нѣтъ... нѣтъ...

Онъ всталъ, налилъ воды въ стаканъ и подалъ ей:

— Выпей... И не плачь такъ, а то что же это, Таня...

Она покорно открыла заплаканное, мокрое лицо съ опухшими, покраснѣвшими глазами и стала пить, стуча зубами о стекло, вздрагивая порывисто грудью. Потомъ отодвинула его руку и, все вздыхая, стала вытирать глаза мокрымъ, измятымъ платкомъ.

Онъ снова поставилъ стаканъ на столъ.

— Пойми же,—сказалъ онъ, беря ее за руки и глядя въ страдальчески-печальные, опухшіе глаза,—вѣдь я же съ тобой. Ну, виноватъ, опоздалъ... Не по своей волѣ... Конечно, жалко, что такъ случилось, но что же дѣлать. Чего же плакать-то такъ?

Маленькія руки дрожали въ его рукахъ, глаза съ мучительной тоской смотрѣли мимо него; одинокія слезы еще катились медленно по щекамъ. Она шептала порывисто и горько:

— Да я ничего... Это такъ... Я знаю... Все думала... такъ тяжело было... что ты веселишься... забылъ... тоска такая...

Слезы опять полились, она поспѣшно вырвала руки, поспѣшно вытирала, стараясь не плакать.

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ: въ душѣ поднималась глухая, тоскливая скука. Она тоже встала и, отойдя къ умывальнику, вытирала лицо полотенцемъ, поглядывая на него печальными, тревожными глазами.

Она казалась ему теперь и близкой, какъ прежде, и вмѣстѣ как будто чужой, далекой, точно эта близость ихъ была какая-то случайная, навязанная кѣмъ-то, и вызывала теперь смутное чувство недоумѣнія. Казалось, что онъ пришелъ къ ней сюда по необходимости, для нея, для того, чтобы она не плакала, не огорчалась.

Она подошла къ нему робко и осторожно, виновато обняла и

глянула въ глаза. Прошептала тихонько, еще дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, точно прося его о прощеніи:

— Ты сердишься на меня?... Ну, я не буду больше... Я такъ намучилась... Вѣдь одна...

Въ глазахъ опять блеснули слезы.

Онъ сѣлъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣни, поцѣловалъ; сказалъ, стараясь улыбнуться, быть ласковѣй:

— Да не сержусь я. А все-таки непріятно... Ну, опоздалъ, ну, что-жъ дѣлать. Пошли бы еще куда-нибудь, весело провели бы время. А то теперь, куда я тебя поведу такую.

И чувствовалъ при этомъ, что и улыбка, и поцѣлуй, и тонъ его голоса—все холодно и равнодушно; и было тяжело, что онъ никакъ не можетъ заставить себя опять быть нѣжнымъ, любящимъ, страстнымъ. Скука, тоска, гнетущая апатія, казалось, караулили гдѣ-то въ душѣ и ворвались теперь, наполнивъ ее. И все—и блестящій вечеръ въ театрѣ, и красота Наташи, и задорная Шура съ соблазнительной шейкой и бѣлыми манящими ручками, и эта связь съ чужой и далекой Таней,—казалось теперь такимъ ненужнымъ, тягостнымъ, вызывающимъ въ душѣ только смутное, томительное недоумѣніе.

Они сидѣли молча; она прижималась къ нему, притихшая, безмолвная, судорожно сжимая по временамъ его шею, взглядывая тревожными, грустными глазами; слышно было, какъ бьется ея сердце. И казалось, она понимаетъ все, его настроеніе, его апатію, чувствуетъ, что что-то какъ будто порвалось, сломалось, разсыпалось.

Въ одномъ углу за стѣной давно ужъ замолкли звуки, въ другомъ отгремѣла лихая мазурка, голоса еще говорили, смѣялись, слышно было, какъ выходили въ переднюю, одѣвались, прощались, уходили... Понемногу водворялась глухая тишина поздняго часа...

Онъ двинулся и сказалъ, подавляя вздохъ:

— Ну, что-жъ, пора спать...

Потомъ прибавилъ, надѣясь смягчить впечатлѣніе:

— Значитъ, до завтра оставимъ наше путешествіе.

Оба встали, все такъ же молча; кругомъ было тихо, какъ будто и одни не спали во всемъ домѣ; только души ихъ, казалось, сощались и говорили другъ другу о тайномъ и недоговоренномъ...

Она прошлась по комнатѣ, поискала чего-то въ комодѣ, опять ошлась и стала раздѣваться.

Онъ снова сѣлъ въ кресло, закурилъ и, молча, машинально, отрѣлъ на нее.

Она раздѣвалась медленно, точно покорно, не глядя на него, со-

средоточенная, какъ будто углубленная въ какую-то упорную, тяжелую мысль...

Онъ смотрѣлъ на ея худенькое, полудѣтское тѣло, немного смуглое, освобождающееся отъ одежды, на тоненькую шейку, тонкія мягкія руки съ по-дѣтски острыми локтями, и чувствовалъ, что нѣтъ прежняго волнующаго чувства при видѣ этого полуобнаженнаго юнаго хрупкаго тѣла. Назойливо, невольно вспоминалъ бѣленькую, полированную шейку Шуры, ея бѣлыя, крѣпкія руки съ круглыми розовыми локтями, кругленькое, пухлое плечо...

Она раздѣлась, присѣла на кровать, попрежнему сосредоточенная, серьезная, не глядя на него, хотѣла причесать на ночь голову, раздумала, встала, откинула одѣяло, опять подумала, поправила спустившуюся съ плеча рубашку; потомъ повернулась и медленно, тихо ступая маленькими босыми ногами, подошла къ нему, обняла и прижалась горячей, трепещущей подъ тонкой матеріей грудью; на лицѣ выраженіе муки и смущенія, въ глазахъ опять наливаются слезы... Прошептала дрожащимъ отъ тоски и волненія голосомъ:

— Ты любишь еще? Ты такъ сегодня...

И снова заплакала, горестно, жалобно, неутѣшно...

Онъ сжалъ ее крѣпко, обнимая; стало жалко до боли и того, что она такъ плачетъ, и того, что она чужая, и онъ не можетъ, не въ силахъ вернуться къ прежнему свободному и страстному чувству.

Онъ обнималъ ее, гладилъ, стараясь утѣшить, ея дрожащія голыя плечи и повторялъ:

— Ну, перестань же, Таня Вотъ глупая. Все страхи, огорченія... Люблю, конечно... Чего же плакать

Она старалась перестать, поспѣшно утирала слезы, какъ будто успокоенная, дрожа и вздыхая, сжимала его горячими голыми руками и робко, но страстно цѣловала, порывисто шепча

— Ну, не буду, не буду .. не буду.. не уходи только, не уходи...

XXI.

Стояла ранняя, душная мартовская оттепель.

Отъ жидкой, расплывшейся грязи поднимались удушливыя испаренія; они развѣвались по воздуху теплымъ вѣтромъ и дурманили голову... Весна еще не наступила, и эти первые, ранніе предвѣстники ея только раздражали чувства и возбуждали неопредѣленную, тоскливо тревожную жажду...

Въ Михаилѣ опять разыгралась его неудовлетворенность; деньги,

полученныя передъ Рождествомъ, изсякали, и опять, вмѣстѣ съ заботой о будущемъ и скукой безденежья, выростали раздраженность и апатія.

Онъ или ложился на диванъ, бралъ первую попавшуюся книгу, потомъ бросалъ ее на полъ и съ тяжелымъ разслабленіемъ въ тѣлѣ давалъ ходъ безпорядочнымъ мыслямъ. Или шелъ къ Танѣ, молча сидѣлъ или придирался къ ней, говорилъ ей колкости и грубости; она стихала, робѣла и виновато ласкалась, стараясь смягчить его; онъ отвѣчалъ ей грубыми, равнодушными ласками, чувствовалъ, что онѣ оскорбляютъ ее, но повторялъ ихъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ.

Съ Наташей видѣлся рѣдко; она похудѣла, говорила, что хочетъ поѣхать на югъ, постоянно задумывалась, ходила то печальная, то нервно веселая, и оба взаимно раздражали другъ друга.

Съ Рождества онъ опять бывалъ у Роговскихъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на Невскомъ. Это было вскорѣ послѣ того, какъ Лизу арестовали и выслали изъ Петербурга. Шура, стройная въ короткой синей юбкѣ и мѣховомъ лифѣ, розовая отъ зимняго воздуха, привѣтливо улыбнулась ему, какъ доброму знакомому. Madame изобразила на своемъ еще довольно красивомъ лицѣ сочувствіе и остановила его: она заговорила о томъ, что слышала объ ихъ «несчастьи», пожалѣла, качая головой, о Лизѣ, которую никогда не видала.

— Да, я и говорю: всякіе авантюристы мутятъ, мутятъ, а бѣдная молодежь потомъ расплачивается. И, главное, дѣвушки...

Потомъ любезно пригласила бывать.

Онъ сталъ ходить на «понедѣльники», Шура интересовала и волновала его; ходилъ, пока держалось настроеніе, потомъ начала нападать мрачная, томительная скука. Шура стала казаться однообразной, кокетство и разговоры съ правовѣдами и молодыми корнетами отдавали чѣмъ-то заученнымъ, даже пошловатымъ. Онъ круто оборвалъ, не былъ ужъ двѣ недѣли и пересталъ о ней думать.

Онъ вышелъ теперь въ 7 часовъ и пошелъ на Казанскую. Калоши непріятно шлепали по мягкой, расплывшейся грязи, было жарко, тяжелый насыщенный воздухъ томительно разслаблялъ.

У Михаила болѣла голова, и было почему-то тревожно и грустно. Казалось, какія-то силы бродятъ и стремятся излиться наружу; но нѣтъ пути, нѣтъ сознанія, куда приложить ихъ, и онѣ тоскуютъ и мятутся, какъ заключенныя...

Онъ останавливался у витринъ, разсматривалъ открытыя письма-картины, названія книгъ, и все это машинально, точно кто-то

толкалъ его, противъ воли заставлялъ дѣлать это, вызывая въ душѣ новую скуку...

Въ Гостиномъ, около Вольфа, онъ вдругъ натолкнулся на Шуру. Она выходила изъ магазина съ покупкой, въ сопровожденіи француженки, молодой, но сухой и черной, какъ галка.

— Здравствуйте,—равнодушно сказалъ онъ.

Она улыбнулась весело и протянула руку:

— Здравствуйте, какъ мы съ вами все встрѣчаемся.

— Что это, вы книги покупали?—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

Она посмотрѣла на свои покупки:

— Да, это для сестры, для маленькой, ко дню ея рожденія... Заходите къ намъ.

— Нѣтъ,—мрачно сказалъ онъ,—мнѣ скучно съ вашими правовѣдами, а вы все съ ними возитесь.

Француженка захохотала:

— Ah! Monsieur est jaloux! Il aime mieux les tête-à-têtes?

Шура засмѣялась немного смущенно и не нашлась.

— Я къ вамъ въ другой разъ приду какъ-нибудь,—снова мрачно сказалъ онъ, чтобы выручить ее,—съ Наташей, если позволите.

— Приходите, конечно,—сказала она.

«Кукла,—думалъ онъ,—идя дальше, дорогая кукла съ красивымъ тѣломъ. Всегда заученныя фразы, никогда ни слова своего. И съ ней говорятся тоже заученныя фразы, иначе еще напугаешь неожиданностью, новизной. Все равно не найдется, и будетъ еще скучнѣе... Нужно было говорить съ ней, да еще съ какими-то намеками». Его злило, что онъ сказалъ это: не понималъ, зачѣмъ. Все такъ же машинально, точно кто-то подталкивалъ его изнутри, а потомъ смѣялся надъ нимъ...

XXII.

Таня сидѣла, забившись въ уголъ дивана, поджавъ подъ себя ноги, въ красной домашней кофточкѣ, кутаясь въ свой сѣрый пуховый платокъ, и читала Мопассана, котораго онъ далъ ей. Лампа горѣла на столѣ.

Она не встала, молча отложила книгу и протянула ему губы.

— Чего это ты кутаешься?—спросилъ онъ.

— Я что-то нездорова, кажется,—отвѣтила она и закуталась поплотнѣе.

— Простудилась, конечно,—сидишь съ открытой форточкой; небось и сейчасъ открыта?... Ну, конечно!

Онъ влѣзъ на окно запирать, она сказала капризно:

— Не запирай, мнѣ душно... Сегодня тепло...

Онъ всетаки закрылъ. Она не спорила, только молча опустила глаза.

— Капризничаешь ты все,—сказалъ онъ,—совсѣмъ распростудиться хочется.

Онъ посмотрѣлъ на ея блѣдное, серьезное лицо и подумалъ, что она подурнѣла, пожелтѣла, лицо точно опухло.

— Сходила бы къ доктору,—сказалъ онъ,—а то въ самомъ дѣлѣ разболѣешься.

— Не люблю,—опять капризно отвѣтила она,—пройдетъ и такъ. Просто пустякъ какой-нибудь.

— Ну, смотри...

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней на диванъ. Въ квартирѣ было тихо; за стѣной хозяйская дѣвочка медленно, ровно играла гаммы на рояли. Звуки тянулись однотонно, начинаясь въ басу, подымаясь все выше и выше, какъ неугомонное ворчаніе методичнаго, скучнаго человѣка...

На него опять находила тоска. Онъ легъ и положилъ на колѣни къ ней голову.

— Тоска какая, Таня,—уныло и мрачно сказалъ онъ и вздохнулъ.

Она не отвѣтила, только молча стала гладить рукой его волосы. Это успокаивало, пріятно возбуждало нервы... Оба долго молчали...

— Что ты все молчишь, Таня,—спросилъ онъ,—ну хоть что-нибудь сказала бы?

Она отвѣтила застѣнчиво:

— Да что-жъ я могу... Я не знаю...

Онъ повернулся немного и посмотрѣлъ ей въ лицо:

— Иногда я очень люблю тебя, Таня, благоговѣю передъ тобой, а иногда я ненавижу тебя. Я люблю въ тебѣ твою любовь,—я не ю, можетъ ли кто еще такъ любить. И ненавижу твое безсиліе, бить и молчать...

Голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ:

— Да что же я скажу, Миша, развѣ я могу помочь... Если бы огла...

Онъ перебилъ ее:

— Я временами не знаю, Таня, зачѣмъ я живу? Мнѣ кажет-

ся, что вся жизнь моя, это—такъ, сонъ какой-то. Дѣла своего я не люблю, оно скучное, сѣрое. Чѣмъ бы другимъ заняться, я не знаю... Раньше я любилъ искусство, театръ, литературу... Мнѣ кажется, я могъ бы быть хорошимъ критикомъ... Много читалъ... Теперь ничего. Неужели же я существую только для того, чтобы ходить по улицамъ, мучить всѣхъ и каждаго своей тоской, быть твоимъ любовникомъ?...

Въ глазахъ ея мелькнуло выраженіе боли. Онъ мрачно усмѣхнулся:

— Ну, что же тутъ страшнаго: конечно, любовникомъ... Такъ вотъ. Ну, стоитъ ли жить?

— Да ты бы поискалъ, занялся бы другимъ,—тоскливо сказала она.

— Чѣмъ же? На службу поступить?

— Да лучше бы, Миша,—робко сказала она,—спокойнѣе: ты такой нервный...

Онъ снова усмѣхнулся и взялъ ея маленькую руку, лежавшую на плечѣ его.

— Какъ много въ васъ общаго съ Наташей: совсѣмъ въ одинъ голосъ... Нѣтъ, милая моя, на службу я не пойду... Куда я пойду? Въ судъ, кандидатомъ на судебныя должности, въ министерство какое-нибудь, помощникомъ столоначальника?... Все это сѣро, Таня, противно, скучно... Ходить каждый день на службу...

— Такъ что же дѣлать, Миша, ну что же дѣлать?...

— Да ничего. Вотъ такъ и жить. Всѣмъ и себѣ въ тягость... Я хотѣлъ бы только одного, Таня, быть богатымъ... Если бы я былъ богатъ, я былъ бы спокоенъ. Главное,—спокоенъ. Можетъ быть, я жилъ бы даже скромно, но я бы зналъ, что все, что захочу, могу сдѣлать... Вотъ тогда, когда я былъ бы спокоенъ, я бы нашелъ свое призваніе. Я убѣжденъ, что нашелъ бы.

— Да,—грустно сказала она,—если бы это такъ...

Онъ продолжалъ, чувствуя, какъ усиливается приливъ отчаянной тоски:

— Мнѣ надоѣло вѣчное безденежье, вѣчные разсчеты, вѣчно смотрѣть на другихъ, а самому ничего не имѣть...

Она печально молчала, тихо и нѣжно гладя его волосы.

— И куда ни оглянешься, вездѣ какая-то тоска: всѣ плачутъ, всѣ невеселы. Лиза была сильнѣе всѣхъ, но и она, я помню, плакала, когда насмотрѣлась и на себѣ испытала, какъ бьютъ студентовъ. Лиза хотѣла бы, чтобы всѣ были счастливы, и для этого хочетъ сдѣлать всѣхъ богатыхъ бѣдными. А я бы хотѣлъ наоборотъ:

всѣхъ бѣдныхъ сдѣлать богатыми. Тогда никто бы не плакалъ, и всѣ были бы счастливы.... Тогда и Лизѣ некого было бы ненавидѣть. А то всѣ изъ-за всѣхъ плачутъ: ты плачешь изъ-за меня, Наташа и мама изъ-за Лизы, Лиза изъ-за полиціи,—только я одинъ, какъ истуканъ...

Онъ усмѣхнулся и помолчалъ.

— Ты знаешь, когда Наташа добилась свиданія съ Лизой, Лиза не захотѣла, не вышла къ ней. То-есть, вышла, но отвернулась и ушла... Наташа, конечно, плакала,—всѣ плачутъ,—она такъ старалась, хлопотала, носилась по всему городу, просила, и вдругъ—трахъ! вышла, повернулась и ушла... И права: Лиза признаетъ только убѣжденія, «честныя» убѣжденія, и если бы она вышла къ Наташѣ, честныя убѣжденія пострадали бы... А если бы всѣ были богаты, «честныхъ убѣжденій» бы не было. И, если бы я былъ богатъ, у меня тоже были бы свои «честныя» убѣжденія и, пожалуй, почище Лизиныхъ...

Онъ поднялся и сѣлъ.

— А впрочемъ я чушь говорю... Отчего не поболтать, благо нечего дѣлать...

Всталъ, прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ.

Ему вдругъ все надоѣло: и мысли, и разговоры, и скука. Опять точно какія-то невѣдомыя силы толкались въ душѣ и искали выхода.

— Прощай,—сказалъ онъ,—пойду поброжу, зайду къ Наташѣ. У меня вѣдь такъ и есть всегда: ты, прогулка, Наташа, и больше ничего.

Онъ обнялъ ее и грубо повалилъ къ себѣ на колѣни; явилось жестокое, хищное желаніе мучить ее и дѣлать ей больно.

— Пусти, мнѣ больно,—прошептала она, глядя на него серьезными глазами и стараясь разнять его руки.

— Больно. Ну, хорошо,—сказалъ онъ и отпустилъ ее. И снова стало вдругъ невыносимо скучно.

Она поднялась съ усиліемъ и вдругъ схватилась за спинку дивана; въ глазахъ мелькнуло странное выраженіе испуга.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Нехорошо что-то, голова закружилась,—прошептала она.

Онъ испугался и сталъ наливать воды.

— Выпей,—сказалъ онъ,—ну, какъ теперь?

Она слабо улыбнулась:

— Ничего. Теперь проходитъ...

— Хочешь, схожу лучше за докторомъ,—встревоженно спро-
(онъ.

— Нѣтъ, это—такъ, это бываетъ. Я сейчасъ спать лягу, къ утру пройдетъ.

— Голова не болитъ?

Она провела рукой по лбу.

— Нѣтъ, ничего... А только вотъ кружится. И тошнитъ какъ будто... Я, вѣрно, что-нибудь...

— Смотри, Таня.

— Нѣтъ, ничего, не безпокойся.

Она проводила его до передней.

— Я завтра забѣгу,—крикнулъ онъ, уходя.

XXIII.

«Въ четвергъ уѣзжаетъ Евгеній Михайловичъ,—писала Наташа,—придя на вокзалъ. Со скорымъ».

Михаилъ пришелъ за полчаса до отхода поѣзда. Было ужъ много народа. Подъѣзжали, суетились, таскали вещи.

Онъ засталъ обоихъ въ буфетѣ. Они сидѣли и пили чай: Евгеній Михайловичъ въ тепломъ пальто на мѣху, съ сумкой черезъ плечо, точно собирался на сѣверный полюсъ,—торжественный и серьезный, Наташа въ большой черной шляпѣ, задумчивая, какъ будто печальная.

— Если я не вернусь въ будущее воскресенье, — говорилъ онъ,—то, значитъ, жди меня во вторникъ. Главное, не забудь, чтобы провѣтривали каждый день кабинетъ, да скажи своимъ фрейлинамъ, чтобы на столѣ ничего не трогали: обязательно что-нибудь натворятъ...

— Хорошо,—равнодушно сказала она.

— Ну, еще что же? Чтобы не забыть.

— Вы, значитъ, на недѣлю?—спросилъ Михаилъ.

— Предполагаю. Но, вѣроятно, придется дольше пробыть. Очень интересно; вотъ вы не интересуетесь, а...

Онъ посмотрѣлъ передъ собой и возгласилъ:

— А-а-а, вотъ и онъ.

Между столиками осторожно пробирался Боронинъ.

— Ищу, ищу,—сказалъ онъ,—а вы вотъ гдѣ.

Онъ сѣлъ и посмотрѣлъ на ихъ пустые стаканы.

— Давайте, выпьемъ шампанскаго. За отъѣзжающаго.

Евгеній Михайловичъ поморщился.

— Спать будешь плохо, пожалуй. И безъ того, въ вагонѣ...

— Э, пустяки, заснете. Вы выпьете?—обратился онъ къ Наташѣ.

— Зачѣмъ?—капризно, поднимая брови, спросила она.

— Ну, значитъ, выпьете,—увѣренно сказалъ онъ и подозвалъ лакея.

Она облокотилась о столъ и, положивъ голову на руки, стала равнодушно смотрѣть передъ собой.

Лакей суетливо, съ преувеличеннымъ рвеніемъ принесъ и розлилъ шампанское. Всѣ чокнулись, Наташа отпила одинъ глотокъ, поставила стаканъ и сѣла въ прежнюю позу.

— Наталья Константиновна имѣетъ совсѣмъ видъ Андромахи. Кажется, Андромахи или Пенелопы, что ли,—сказалъ Боронинъ.

Она не посмотрѣла на него и сказала, глядя на мужа:

— А что, если бы мнѣ поѣхать съ тобой? Купэ у тебя есть: сяду и поѣду.

— Ну, вотъ еще,—недовольно отвѣтилъ онъ,—еще какія фантазіи.

Она засмѣялась.

— А право. Вотъ было бы интересно.

— Пейте лучше ваше шампанское,—сказалъ Боронинъ и пододвинулъ къ ней стаканъ.

— Не хочу,—рѣзко сказала она и оттолкнула стаканъ нетерпѣливымъ жестомъ.

Онъ опрокинулся, и искрящаяся жидкость большимъ пятномъ разлилась на бѣлую скатерть.

Евгеній Михайловичъ тревожно заерзалъ на стулѣ, озираясь кругомъ.

— Ахъ, Наташа, ну что за манеры: могутъ Богъ знаетъ за кого принять... Прошу я тебя убѣдительно, займись ты своими нервами. Нервы эти твои ужасно меня безпокоятъ. Съѣзди ты, пожалуйста, къ кому-нибудь, посовѣтуйся.

Онъ обратился къ Михаилу.

— Вся эта исторія съ сестрицей, волненія всѣ эти и треволненія вотъ до чего довели. Нѣтъ, какъ только пріѣду, сейчасъ же заграницу.

Она засмѣялась нервно, размазывая пальцемъ мокрое пятно.

— Я безъ тебя засяду въ сумасшедшій домъ и просижу все [illegible]мя.

— Ну вотъ, не угодно ли,—съ досадой сказалъ онъ.

— Ну, выпейте-ка въ самомъ дѣлѣ вина,—мягко и ласково [illegible]залъ Боронинъ, наливая опять,—вамъ надо успокоиться. Въ самъ дѣлѣ, вы очень ужъ нервны.

[illegible]а взяла, не глядя, повертѣла въ рукахъ и выпила залпомъ.

— Браво,—сказалъ онъ.

Она проворчала капризно:

— Терпѣть не могу шампанскаго...

Евгеній Михайловичъ посмотрѣлъ на часы.

— Ну, надо идти, пойдемте-ка.

На платформѣ еще постояли. Говорить, казалось, было не о чемъ, всѣ какъ будто ждали, скоро ли прозвонитъ третій звонокъ. Боронинъ вертѣлся во всѣ стороны и дѣлалъ замѣчанія о публикѣ.

Второй звонокъ. Кругомъ началось движеніе, послышались поцѣлуи, восклицанія.

Наташа порывисто обняла мужа; онъ повторилъ:

— Нервы-то свои, нервы не забудь. Береги здоровье, смотри.

— Да хорошо,—тоскливо сказала она и отвернулась.

Третій звонокъ, свистокъ, другой,—поѣздъ вздрогнулъ и, стуча, уплылъ въ темноту.

Наташа повернулась и молча, съ опущенными глазами, пошла къ выходу.

Всѣ трое безмолвно вышли на подъѣздъ.

— До свиданья,—холодно, глядя мимо него, сказала она Боронину и протянула ему руку.

— Возьмите меня съ собой чай пить,—весело сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него косымъ взглядомъ.

— Я не домой,—сказала она и стала спускаться по лѣстницѣ.

— По крайней мѣрѣ откровенно,—замѣтилъ онъ.

Она не отвѣтила и сѣла въ экипажъ; потомъ обратилась къ Михаилу.

— Миша, я къ вамъ хочу заѣхать, садись.

Она молчала всю дорогу напряженно и мрачно.

XXIV.

Въ воскресенье у Наташи былъ обѣдъ. Михаилъ пошелъ неохотно; меланхолія развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Онъ представлялъ себѣ все ея блестящее общество богатыхъ людей, избалованныхъ, пустыхъ, являвшихся щегольнуть туалетами. Раньше онъ охотно бывалъ на этихъ обѣдахъ, чувствовалъ подъемъ, настроеніе, веселье.

Но теперь, за послѣдніе дни настроеніе упало; ему казалось, что онъ будетъ лишній, чужой, случайный человѣкъ, затесавшійся въ общество богачей.

По дорогѣ онъ зашелъ къ Танѣ. Она сидѣла у окна и шила.

— Что это ты шьешь?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ ней.

— А вотъ,—сказала она весело и приподняла выкроенный кусокъ легкой бѣлой, цвѣточками, матеріи.

— Не понимаю.

— Это я къ лѣту себѣ,—объяснила она и стала, держа на свѣтъ, вдѣвать нитку въ иголку.

— Здорова теперь?

Она сказала, улыбаясь, точно это было что-то комическое:

— Вчера опять дурно было... Голова кружилась.

Онъ сѣлъ.

— Фу, Таня, это глупо, наконецъ. Да сходи же къ доктору, нельзя же запускать.

— Да это я просто устала,—успокаивала она,—вотъ возьму на лѣто отпускъ, отдохну и пройдетъ. А ты куда это въ парадѣ?

— Къ Наташѣ,—сказалъ онъ мрачно.

— Не хочется, что ли?—спросила она и посмотрѣла пристально серьезными глазами.

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Никуда мнѣ не хочется. Идти въ веселящуюся компанію, когда на душѣ кошки скребутъ.

Она отложила шитье, встала и положила ему руку на плечо.

— Будетъ ужъ тебѣ,—ласково сказала она,—все ты ворчишь да ноешь...

— Ноешь,—недовольно повторилъ онъ,—это хорошо говорить; а когда такая тоска безпросвѣтная, какъ у меня, такъ тутъ не будешь разбирать, заноешь.

Она вздохнула тихо и опустила глаза.

— Ты знаешь, что я чувствую,—сказалъ онъ,—я помню, разъ я видѣлъ во снѣ, что иду куда-то все по горамъ, вечеръ еще былъ, и все перепрыгиваю черезъ пропасти какія-то: перепрыгну черезъ одну, пройду немного,—новая; опять перепрыгну,—опять новая. И вотъ, помню, я наконецъ остановился и думаю: вотъ, если я сейчасъ черезъ эту перепрыгну, тамъ будетъ еще сотня; и чувствую, что начинаетъ мною овладѣвать отчаяніе: хочу назадъ, и кажется, что тамъ такія же безконечныя горы. Ужасное, я помню, отчаяніе, что нѣтъ выхода, и конецъ. Такъ вотъ тебѣ теперь мое положеніе, Таня.

— Ну, нѣтъ,—сказала она,—не думай такъ: все обойдется, наладится.

— Чего тамъ уладится. Гдѣ же, когда у меня дѣлъ нѣтъ, Таня. Когда я ужъ дошелъ до такого положенія, что надо бросать адвокатуру, когда ужъ видно, что ничего не выйдетъ.

— Ну, а Наталья Константиновна,—осторожно спросила она,—вѣдь у нея такъ много знакомыхъ.

— Наташа! Да, если бы Наташа могла, конечно она бы сдѣлала все. Но не можетъ: нѣтъ у нея такихъ знакомыхъ. Да что тутъ, однимъ словомъ...

Онъ всталъ. Она стояла передъ нимъ встревоженная, обезпокоенная его настроеніемъ; видимо, хотѣла утѣшить, успокоить, и не умѣла.

— Ну, до свиданья,—сказалъ онъ,—пойду... О, чтобъ ихъ всѣхъ,—вдругъ со злобой крикнулъ онъ, внезапно раздражаясь, и стукнулъ шляпой по столу.

Она опять робко положила ему руку на плечо:

— Ты долго тамъ?... Пришелъ бы оттуда...

Онъ поцѣловалъ ее.

— Хорошо, постараюсь.

XXV.

Онъ подошелъ какъ разъ въ то время, какъ къ Наташиному подъѣзду подъѣхала карета. Изъ нея быстро вышла высокая полная блондинка и за нею господинъ въ цилиндрѣ, съ просѣдью, и быстро вошли въ подъѣздъ.

Онъ замедлилъ шаги, стало опять непріятно, разыгравшееся самолюбіе точно снова было уязвлено. Казалось, что даже кучеръ пренебрежительно смотритъ на него, что онъ пришелъ пѣшкомъ туда, куда всѣ подъѣзжаютъ въ каретахъ.

Раздѣлся внизу. Господинъ и дама уже поднимались по лѣстницѣ, тихо переговариваясь между собою.

Казалось, и молчаливая горничная брюнетка фамильярнѣе поклонилась; какъ будто и она тоже думала, что онъ ниже всѣхъ, что потому только здѣсь, что братъ хозяйки дома.

Въ квартирѣ раздавался громкій, смѣшанный гулъ голосовъ. Въ кабинетѣ, гостиной,—вездѣ сидѣли, стояли, разговаривали: мужчины во фракахъ, дамы въ нарядныхъ туалетахъ.

Онъ заглянулъ въ кабинетъ; женскій голосъ окликнулъ его громко и увѣренно:

— А, таинственный влюбленный, пожалуйте-ка сюда.

Онъ немного смутился; вошелъ. Кругомъ оглянулись. Софья Ивановна насмѣшливо улыбалась, развалившись на креслѣ-качалк

въ нарядномъ сѣромъ платьѣ и поправляя обнаженными немного ниже локтя блѣдными руками наброшенное на плечи соболье боа.

Онъ поздоровался. Она наклонила къ нему качалку и, улыбаясь глазами, сказала полушепотомъ:

— Знаю, знаю теперь ваши тайны.

— Неужели,—сказалъ онъ, улыбаясь; она всегда обладала способностью заражать оживленіемъ.

Она показала ему на диванъ по сосѣдству:

— Садитесь-ка, я васъ сейчасъ происповѣдую. Туда вы еще успѣете,—она показала глазами на гостиную,—здѣсь будетъ для васъ чистилище, а въ рай уже потомъ.

Онъ сѣлъ, продолжая улыбаться. Она посмотрѣла ему въ глаза:

— Ну, признавайтесь,—сказала она.

— Въ чемъ?

Она показала на свое обручальное кольцо.

— Скоро вотъ это? Успѣете къ Красной горкѣ?

Онъ пожалъ плечами. Она интриговала его, и становилось понемногу весело отъ этого разговора.

Она перегнулась къ нему черезъ ручку качалки и, быстро приблизивъ лицо, шепнула:

— Маленькая Роговская.

И снова закачалась, спрашивая спокойно и громко:

— Вѣдь правда? Говорите откровенно.

Онъ не зналъ, что отвѣтить, немного удивленный. Отрицать почему-то не хотѣлось.

— Откуда вы такія свѣдѣнія получаете, Софья Ивановна?

Она повела головой:

— О, мои свѣдѣнія, откуда бы ни были, всегда самыя вѣрныя.

Онъ снова пожалъ плечами:

— Прежде всего, она за меня и не пошла бы.

— Почему же это она за васъ не пошла бы?

— Да потому, что я ничего изъ себя не представляю.

Она оглядѣла его пристально.

— Вы интересный молодой человѣкъ,—сказала она авторитетно откинувъ голову на спинку качалки и тихо покачиваясь.

— Тамъ есть еще поинтереснѣе... И покрупнѣе...

— О, будьте спокойны. Папаша и мамаша отлично знаютъ, кто милъ, кто женихъ. И потомъ, любовь, мой другъ, любовь...

Она постучала себя около сердца.

Онъ улыбался, польщенный. Она опять закачалась.

— А вы не находите, что безъ хозяина, entre nous soit dit, какъ

будто веселѣе. Евгеній Михайловичъ ужасно любитъ рацеи читать. Помните, тогда.

И снова качнулась.

— Софья Ивановна, вы перевернетесь,—замѣтилъ кто-то сзади изъ группы мужчинъ.

— Безъ дерзостей,—сказала она,—кто это тамъ, подите сюда. А вы... благословляю васъ: въ гостиной направо... да впрочемъ, сердце подскажетъ.

Онъ всталъ и подумалъ, что надо слегка возразить.

— Время покажетъ,—сказалъ онъ, уходя,—хорошо ли вы читаете въ сердцахъ.

— Хорошо, хорошо,—не безпокойтесь объ этомъ, пожалуйста.

Въ передней онъ наткнулся на Наташу.

Она быстро выбѣжала изъ гостиной, оживленная, точно расцвѣтшая, въ эффектной сиреневой кофточкѣ съ кружевами, съ ниткой крупнаго жемчуга на обнаженной полной шеѣ.

— Ахъ, это ты,—сказала она и быстро добавила, положивъ на его рукавъ свою выхоленную, до локтя голую руку:

— Поди поухаживай за Шурой, она сегодня премиленькая. И затѣмъ... Ну, да, впрочемъ, потомъ скажу...

И быстро пошла дальше, шурша юбками и оставляя за собой струю тонкихъ духовъ.

Онъ вошелъ въ гостиную. Во всѣхъ углахъ стоялъ говоръ, слышался женскій смѣхъ и раскаты чьего-то громкаго баса, что-то разсказывавшаго и прерываемаго другими голосами.

Михаилъ сталъ здороваться, глазами отыскивая Шуру. Она сидѣла въ сторонѣ и дѣлала видъ, что внимательно слушаетъ молодого господина съ старательнымъ проборомъ жидкихъ волосъ на фонѣ огромной лысины.

Онъ ощутилъ, подходя къ ней, небольшое волненіе и какъ будто смущеніе: разговоръ съ Софьей Ивановной точно создавалъ между ними какое-то особое отношеніе, какого раньше не было. Она улыбнулась ему своими ласковыми глазками, и ему показалось, что она ждала его, видѣла его, несмотря на то, что внимательно смотрѣла на своего собесѣдника. Онъ подвинулъ себѣ стулъ и съ досадой почувствовалъ, что не знаетъ о чемъ говорить отъ этого неожиданнаго волненія.

— Удивительно, что мы сегодня съ вами не встрѣтились,—сказалъ онъ,—мы теперь все встрѣчаемся.

Сказалъ и подумалъ сейчасъ же, что сказана ужасная глупость; и снова почувствовалъ досаду на себя.

Но она засмѣялась такъ весело, что, казалось, это несложное начало доставило ей облегченіе.

— Ахъ, да. Нѣтъ, я сегодня не выходила.

Лысый господинъ догадался, что разговоръ съ нимъ оконченъ и всталъ. Михаилъ пересѣлъ на его мѣсто.

— О чемъ это онъ вамъ разсказывалъ?—спросилъ онъ и, плохо слушая, разсматривалъ ея тоненькую, стройную фигурку въ золотисто-желтомъ платьѣ, бѣленькую шейку и круглые локти, выглядывавшіе изъ короткихъ рукавовъ. Все это было такъ же соблазнительно мило и красиво, какъ тогда въ театрѣ, но настроеніе его было теперь другое: и онъ никакъ не могъ пересилить себя, чтобы не чувствовать какой-то странной, непроизвольной близости и вмѣстѣ отчужденности по сравненію съ прежнимъ. Точно что-то незамѣтно вдругъ соединило ихъ, и вмѣстѣ создало въ немъ смущеніе и тревогу.

Онъ думалъ, не вслушиваясь въ ея быстрый лепетъ: неужели эта куколка любитъ меня? Любитъ. Какъ это не подходитъ къ ней любить. Развѣ она можетъ любить? Любить можетъ Таня, Наташа, а эта можетъ быть влюблена, увлечена, что-нибудь въ этомъ родѣ.

И онъ смотрѣлъ въ ея свѣтлые глазки, бывшіе теперь такими ласковыми, стараясь найти въ нихъ отвѣтъ и чувствуя, какъ въ душѣ его ея образъ передвигается точно куда-то на новое мѣсто, какъ будто расширяется...

XXX.

Обѣдъ прошелъ оживленно и шумно. Обѣдало много, и въ столовой все время стоялъ громкій смѣшанный гулъ голосовъ и смѣха.

Михаилъ сидѣлъ рядомъ съ Шурой и, садясь, улыбнулся проходившей и смотрѣвшей на нихъ Софьѣ Ивановнѣ. Она слегка двинула бровями и скосила глаза на Шуру. Онъ сказалъ ей, но такъ, чтобы не слышала Шура:

— Вы видите, какъ я стараюсь доставить вамъ удовольствіе.

Она пожала плечами и прошла.

— Я, кажется, здѣсь единственная барышня,—сказала Шура, развертывая салфетку и оглядывая столъ.

— Значитъ, и вамъ для симметріи надо выйти замужъ,—отвѣтилъ онъ.

Она слегка засмѣялась:

— Вамъ надо быть свахой, вы такъ любите сватать.

— Только васъ,—сказалъ онъ,—и почему же я долженъ быть непремѣнно свахой?...

Сказалъ самъ не зная зачѣмъ, точно что-то толкало.

Она не отвѣтила, но на лицѣ ея мелькнуло серьезное выраженіе.

Наташа сидѣла на концѣ стола раскраснѣвшаяся, возбужденная, много пила и смѣялась. Часто вставала, точно не могла усидѣть на мѣстѣ, подходила то къ одному, то къ другому.

Она спросила Шуру, нагнувшись между ними:

— Надѣюсь, вы не браните меня за кавалера?

— Конечно,—сказала Шура и улыбнулась.

Наташа посмотрѣла на Михаила, потомъ на нее.

— Вы сегодня преинтересная, Шурочка,—сказала она,—какъ къ вамъ идетъ желтый цвѣтъ. Если бы я была мужчиной, я непремѣнно влюбилась бы въ васъ сегодня.

Шура улыбнулась, польщенная, и удержала ее за рукавъ:

— А вы сегодня такая оживленная, точно именинница.

Наташа засмѣялась громко, съ какимъ-то нервнымъ весельемъ:

— Сегодня мое рожденіе, — сказала она, отходя, и снова засмѣялась:

— Нѣтъ, я шучу.

Дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе; подали шампанское. Шура пила его маленькими глотками и не позволяла подливать; но Михаилъ настаивалъ, упрашивалъ, и она уступала. Она была сегодня какая-то тихонькая и ласковая, и только часто улыбалась и, разговаривая, смотрѣла Михаилу въ глаза, точно разсматривая.

Обѣдъ окончился; всѣ встали, съ шумомъ двигая стульями, и столпились около хозяйки. Шура тоже пошла благодарить.

Михаилъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ, какъ странно измѣнились ихъ отношенія. Въ сущности, вѣдь съ ней говорить не о чемъ,—думалъ онъ,—все вѣдь одно и то же, а между тѣмъ какъ будто какой-то узелъ завязывается. Ему уже не казалась теперь странной и нереальной мысль жениться на этой хорошенькой, ласковой куколкѣ, и какъ-то упорно хотѣлось ухаживать за ней и разыгрывать роль будущаго жениха...

Въ кабинетѣ и въ будуарѣ Наташи раздвигались карточные столы; два лакея носили подносы съ кофе и ликеромъ. Въ гостиной разсаживались, продолжая разговоры; опять стоялъ смѣшанный гулъ голосовъ и смѣха.

Отъ выпитаго вина Михаилъ ощущалъ легкое, приподнятое возбужденіе,—его опять тянуло къ Шурѣ, видѣть ласковые глаза, смотрѣть на ея бѣленькую шейку и маленькія выхоленныя ручки, казавшіяся ему особенно выразительными...

Она стояла въ дверяхъ гостиной и съ серьезнымъ видомъ гов-

рила о чемъ-то съ матерью. Онъ издали слѣдилъ за ея движеніями: какъ она задумчиво оглядываетъ гостиную, сдвигаетъ брови, отвѣчая, трогаетъ тоненькими пальчиками широкую ленту нояса...

Онъ выждалъ, когда ея мать отошла, и опять подошелъ къ ней:

— Хотите, я принесу вамъ что-нибудь изъ фруктовъ?

Она подняла на него глаза:

— Пожалуйста, апельсинъ.

Онъ взялъ апельсинъ на тарелочку и возвратился къ ней.

— Сядемте здѣсь,—сказалъ онъ, заглядывая въ маленькую гостиную,—благо здѣсь пѣтъ никого.

Она согласилась. Онъ началъ чистить ей апельсинъ.

— Сегодня совсѣмъ весна,—сказала она.

— Да, а скоро и лѣто,—замѣтилъ онъ,—вы гдѣ проводите лѣто?

— Мы каждый годъ полъ-лѣта въ деревнѣ, а потомъ за границу.

Онъ подумалъ невольно, какъ было бы, если бы она была его женой.

— Полъ-лѣта въ деревнѣ, а потомъ за границу,—повторилъ онъ.

— А вы?—спросила она.

— А я все лѣто здѣсь.

— Неужели? Какъ это скучно.

Онъ только пожалъ плечами и подалъ ей апельсинъ. Она поблагодарила и стала ѣсть. Онъ снова слѣдилъ за ея движеніями: какъ беретъ кусочки маленькими розовыми пальчиками, какъ раскрываетъ ротъ, показывая бѣлые зубки...

Въ гостиной смолкли, кто-то съ силой взялъ нѣсколько громкихъ аккордовъ на рояли.

— Играетъ кто-то,—сказала она.

— Нѣтъ, будутъ пѣть,—возразилъ онъ.

Она прислушалась. Вступленіе кончалось: запѣлъ женскій голосъ, сильный и низкій, съ драматическимъ оттѣнкомъ, какой-то французскій романсъ.

— Вы любите пѣніе?—спросила она.

— Да, ничего,—отвѣтилъ онъ и подумалъ, что разговоръ тянется вило, однообразно. Говорить и хочется и не хочется, какъ будто съ томъ дѣло; какъ будто нужно бы говорить о чемъ-то болѣе чомъ, но это важное не идетъ.

Она кончила ѣсть апельсинъ, поставила тарелочку на столъ, нула съ колѣнъ кружевнымъ платочкомъ какую-то крошку...

Хотите еще?—спросилъ онъ.

а покачала головой:

— Mercі, не хочу.

И стала слушать; въ глазахъ мелькнула задумчивость настроенія...

Онъ все смотрѣлъ на нее и думалъ: вотъ взять и сдѣлать ей сейчасъ предложеніе... Хорошенькая жена, какъ куколка... богатство... полъ-лѣта въ деревнѣ, потомъ за границу... Спокойствіе... О Танѣ нечего думать,—когда-нибудь это кончится все равно... Да съ ней уладится... Она такъ любитъ, она останется на всю жизнь,—какъ другъ, когда понадобится минута успокоенія...

Въ дверь заглянула Софья Ивановна, посмотрѣла на обоихъ въ лорнетъ и скрылась...

Ему стало смѣшно отъ этого появленія, и вмѣстѣ оба какъ будто сконфузились.

— Что это Софья Ивановна на васъ все смотритъ,—сказала Шура, не глядя на него, и взяла со стола альбомъ.

— А, можетъ быть, на васъ.

— Что-жъ ей на меня?

— А на меня что?

Она не отвѣтила и, наклонивъ надъ альбомомъ голову, начала перелистывать страницы. Онъ сѣлъ къ ней поближе и, заглядывая, дѣлалъ свои замѣчанія. Она смѣялась. Онъ быстро захлопнулъ страницу, увидѣвъ свой портретъ.

— Эту глупую рожу мимо,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отчего, пустите,—говорила она, стараясь отогнуть страницу,—совсѣмъ не глупая рожа...

Онъ не давалъ.

— Пустите,—повторила она и стала пытаться отнять его руку своими мягкими пальчиками.

Онъ сжалъ ея руку въ своей:

— Оставьте. Ваши ручки вовсе не для борьбы; онѣ существуютъ, кажется, только для одного—для поцѣлуевъ...

Онъ осторожно поцѣловалъ мягкую, гладкую ручку. Она немного покраснѣла и наклонилась надъ альбомомъ.

Ея волненіе возбуждало его, рождало въ немъ дико-безумную смѣлость. Онъ наклонился къ ней:

— А гдѣ ваше родимое пятнышко?

Она вся вспыхнула и растерялась отъ смущенія:

— Какое?—пробормотала она, все ниже наклоняясь надъ альбомомъ.

— А вотъ тутъ,—сказалъ онъ и дотронулся пальцемъ до е

платья около плеча,—я помню, тогда въ театрѣ, оно то показывалось, то скрывалось. Я все смотрѣлъ...

Она не отвѣчала, все болѣе теряясь и краснѣя и все сильнѣе возбуждая тѣмъ его дерзкое веселье и смѣлость...

Онъ осторожно потянулъ за рукавъ ея платья, сдвигая къ плечу кружево, окаймлявшее ея открытую шейку.

— Вотъ оно,—все съ той же дерзкой увѣренностью сказалъ онъ.

Она поспѣшно, не отрывая глазъ отъ альбома, поправила платье: видимо растерялась, не знала что дѣлать, что говорить...

— Французскія дамы XVIII вѣка позавидовали бы вамъ,—опять сказалъ онъ,—имъ бы пришлось налѣплять тутъ мушку, а у васъ она налѣплена природой.

Она все молчала, наклоняясь надъ альбомомъ, и только растерянно переворачивала страницу за страницей...

Онъ вдругъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и самъ на минуту смутился и испугался. Сердце забилось. Въ головѣ забѣгали мысли, какъ поправлять, какъ выйти изъ положенія... И снова мелькнуло: хорошенькая жена... богатство... спокойствіе... заграница...

Что-то точно толкнуло, точно голова вдругъ закружилась:

— А вы хотѣли бы, чтобы я былъ вашимъ мужемъ?—вдругъ съ внезапной отчаянной рѣшимостью спросилъ онъ.—И сейчасъ же подумалъ: все кончено, назадъ не воротишься. Тревожныя, еще неопредѣленныя мысли возможнаго раскаянія, какъ намеки, пронеслись въ головѣ.

Она растерялась окончательно, подняла отъ альбома испуганные, недоумѣвающіе глаза: какъ будто не понимала, сомнѣвалась въ вопросѣ...

Онъ испугался вдругъ страшно, точно отрезвился, даже лицо загорѣлось: а вдругъ отказъ. Какъ онъ не подумалъ... Такъ скоро, такъ неожиданно, не разузнавъ ничего...

Онъ взялъ порывисто ея маленькія, дрожащія ручки и твердо, почти строго сказалъ:

— Да говорите же, Шура, согласны вы? Да или нѣтъ?...

— Да,—тихо, растерянно прошептала она.

У него отлегло отъ сердца; обнялъ ее за талію, потянулъ къ

Ь:

— Такъ, значитъ, вы любите меня? Правда?

— Правда,—опять прошептала она и вдругъ улыбнулась счастъ

улыбкой.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ губы, и снова въ головѣ мелькнула мысль о счастьи обладать этой красивой, соблазнительной дѣвочкой.

Она улыбалась, еще вся раскраснѣвшаяся, но успокоенная, счастливая.

— Значитъ, и родимое пятнышко теперь мое,—весело сказалъ онъ и безъ стѣсненія поцѣловалъ ее въ шейку.

Она поднялась:

— Надо пойти сказать мамѣ.

— А ваши родители?—спросилъ онъ испуганно; только теперь вспомнилъ.

Она улыбнулась ему и слегка пожала его руку:

— О, они согласятся, я знаю.

Она еще разъ улыбнулась и быстро, легкой походкой пошла черезъ гостиную.

Онъ подошелъ къ дверямъ, смотря ей вслѣдъ. И думалъ: да нѣтъ, это сонъ. Неужели эта стройная барышня его невѣста? Да, что же общаго, что же общаго между ними? Она чужая, посторонняя, далекая... И ему начинало казаться, что онъ сдѣлалъ непоправимую глупость: поспѣшилъ, неизвѣстно зачѣмъ, родители непремѣнно откажутъ...

Наташа быстро подошла къ нему, шурша своими юбками.

— Куда пошла Шура?

— Я сдѣлалъ ей предложеніе,—сказалъ онъ и криво усмѣхнулся.

— Ну что же, говори?

— Она согласна. Но я думаю,—глупо: родители, пожалуй, откажутъ.

— Да никогда не откажутъ,—почти крикнула она,—мамаша ужъ намекала мнѣ. Ахъ, какъ я рада, Миша... Поздравляю, поздравляю...

Шура вернулась съ матерью, которую вызвала изъ-за картъ.

Михаилъ покраснѣлъ и сконфузился; онъ не любилъ этой дамы и стѣснялся ея: ея любезность казалась ему фальшивой и приторной... И онъ боялся теперь ея отказа, онъ былъ теперь почти увѣренъ въ немъ.

Она заговорила серьезно и торжественно, обращаясь къ нему:

— Мнѣ дочь сказала. Она говоритъ, что васъ любитъ. И что и я ее любите. Но это такъ серьезно, что я должна посовѣтоваться съ мужемъ.

У него опустилось сердце; онъ что-то забормоталъ неувѣренно.

Шура сказала съ унынiемъ:

— Ну, мама... Папа вѣдь все равно согласится съ тобой.

— Ахъ, Шура,—это же такъ серьезно...

Наташа подошла къ ней и обняла ее:

— Ну, милая Александра Ивановна, вы сами вѣдь были невѣстой,—ужъ не томите ихъ.

Она улыбнулась и сама обняла и поцѣловала Наташу. Потомъ посмотрѣла на Михаила:

— Ну, Богъ съ вами,—мужъ, вѣрно, не будетъ спорить...

XXVI.

Они сейчасъ же уѣхали. Шура обернулась на него съ лѣстницы и съ счастливымъ видомъ кивнула головой.

— Ну, я очень рада,—опять сказала Наташа,—я очень рада.

Къ нимъ подошла Софья Ивановна и протянула Михаилу руку:

— Ну, приготовились къ Красной горкѣ, счастливецъ?

— А почему?—нарочно спросилъ онъ.

— А что же значатъ всѣ эти красныя лица, счастливыя улыбки, путешествія къ мамашѣ и съ мамашей обратно и прочее все?

Онъ улыбался молча.

— Эхъ вы,—сказала она,—да будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы отъ радости расцѣловала бы себя, то-есть меня,—показала она на себя.

— Здѣсь неудобно,—сказалъ онъ, думая о другомъ. Онъ былъ какъ въ чаду и не могъ разобраться ни въ мысляхъ, ни въ поднимающейся откуда-то изъ глубины души непріятной и мрачной тревогѣ.

Она покачала головой:

— А вы ужъ думали, что всякая женщина готова въ любой моментъ принимать поцѣлуи отъ мужчины... Ахъ вы, женихъ, женихъ... Да и потомъ, я думаю — она посмотрѣла на него косымъ взглядомъ,—тамъ было достаточно des embrassades,—вы вѣдь безъ этого не можете... И все, навѣрное, въ décolleté, благо оно было: мужчины это любятъ.

Она повернулась къ Наташѣ, которая, рядомъ, задумалась о чемъ-то и вздрогнула теперь отъ неожиданности:

— Ну-съ, милая Наталья Константиновна, пора и отправлять-ся. Большое вамъ спасибо... Какія у васъ руки горячія...

— Да подождите,—сказала Наташа,—вѣдь всѣ еще сидятъ, а вы такъ рано?

— Какъ, всѣ? Невѣста уѣхала, еще кто-то уѣхалъ.

— Да молодые Галкины. Она вѣдь въ такомъ положеніи... Ну и, конечно, голова закружилась, всякіе mal au coeur'ы,—оттого и уѣхали.

— Какъ подурнѣла бѣдная,—сказала Софья Ивановна,—опухла какъ-то...

Михаилъ вдругъ что-то вспомнилъ... Потомъ окончательно понялъ, на лбу у него выступилъ холодный потъ. Въ ногахъ тревожная дрожь...

— А развѣ это такъ всегда?—спросилъ онъ безпокойно, со страхомъ.

Софья Ивановна захохотала:

— О, Боже, онъ ужъ объ этомъ безпокоится.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно,—младенецъ вы!

Ему казалось, что онъ валится въ пропасть. Таня—беременная, навѣрное беременная... Онъ вспомнилъ теперь, что она какъ будто пополнѣла... Изъ глубины души поднимался безнадежный, томительный ужасъ...

Неужели, неужели же такъ? Да нѣтъ, нѣтъ, можетъ быть, еще и неправда... Холодъ отчаянія пробѣгалъ по спинѣ, хотѣлось уйти, убѣжать отъ себя самого, забыть...

Онъ отошелъ и сѣлъ подальше, въ кресло.

Вспомнилъ, какъ Таня шила себѣ что-то къ лѣту, какъ весело встрѣтила его, утѣшала, говорила объ отдыхѣ... И теперь поджидаетъ его спокойная, ничего не подозрѣвающая...

«Что же дѣлать, что же дѣлать,—лихорадочно думалъ онъ, чувствуя, какъ кровь приливаетъ къ разгоряченному лицу.—Ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ возврата»...

Зачѣмъ, зачѣмъ все это было? Зачѣмъ онъ сдѣлалъ предложеніе Шурѣ?...

И что сказать теперь, какъ сказать Танѣ, теперь, когда она еще вдобавокъ въ такомъ положеніи? И что дѣлать съ ребенкомъ, что будетъ она съ нимъ дѣлать?...

Понялъ, что эту нить не разорвешь такъ легко...

Не могъ сидѣть больше отъ страшнаго волненія, всталъ, прошелся, потомъ спустился внизъ, одѣлся, вышелъ на улицу, пошелъ, самъ не зная куда: лишь бы уйти, бѣжать, забыться...

Шелъ, долго шелъ и все думалъ; мысли какъ будто спутались въ одинъ большой клубокъ и распутать ихъ было невозможно; казалось, временами, что все это сонъ, тяжелый, кошмарный бредъ: Таня, ихъ связь, ребенокъ, бѣлокурая куколка, его невѣста, съ бѣ-

ленькой шейкой и богатствомъ,—все странно, нелѣпо, ненужно, какъ во снѣ...

Онъ вышелъ, наконецъ, къ Казанскому собору. На Невскомъ горѣло бѣлое электричество, вѣяло ночной тишиной, и по затихшей улицѣ шли, возвращаясь домой, неизвѣстные люди. Падшія женщины бродили устало, подыскивая кавалеровъ. Мѣстами доносились изъ отдаленія ихъ крики и смѣхъ...

Онъ вспомнилъ, что Таня близко: вотъ тутъ, на этой улицѣ, черезъ нѣсколько домовъ; ждетъ его теперь, спокойная, любящая, ничего не подозрѣвая...

Вдругъ повернулъ и быстро пошелъ назадъ: къ Наташѣ, скорѣй къ Наташѣ, она одна пойметъ, успокоитъ, утѣшитъ.

XXVII.

У Наташи гасили электричество; гости разъѣхались; въ кабинетѣ убирали замазанные мѣломъ карточные столы. Было тихо...

Онъ перешелъ по ковру гостиной и осторожно отворилъ дверь въ Наташинъ будуаръ.

Было темно, красноватые уголья въ каминѣ бросали отблескъ на коверъ... И сразу два темныхъ силуэта, двѣ темныя фигуры у окна быстро разступились въ разныя стороны... Кто-то вскрикнулъ... Онъ вздрогнулъ, замеръ на мѣстѣ, узналъ ихъ,—Наташа и Боронинъ.

Растерянно, не зная что дѣлать, опять затворилъ осторожно дверь, отошелъ. Понялъ все, пораженный, опять точно во снѣ...

Тамъ снова все стихло, потомъ отворилась дверь, кто-то вышелъ: по ковру прошуршали шаги, удаляясь, звякнули нѣсколько разъ шпоры; хлопнула дверь въ передней, и опять тишина,—ушелъ...

Михаилъ не обернулся, не посмотрѣлъ, молча прислушался къ шороху шаговъ, постоялъ еще, потомъ опять подошелъ къ двери и осторожно отворилъ ее.

Было темно и тихо, на коврѣ у камина игралъ красноватый отблескъ горящихъ угольевъ, блѣдный свѣтъ тускло смотрѣлъ въ окно... На темномъ фонѣ дивана ея неподвижная, молчаливая фигура...

— Наташа,—тихо сказалъ онъ.

Она вскочила. Вскрикнула истерическимъ, нервнымъ, злымъ голосомъ:

— Ну да... Ну, что тебѣ надо?... Что тебѣ?...

— Наташа,—повторилъ онъ тоскливо.

Она остановилась и снова крикнула злобно, истерически:

— Что тебѣ?... Ну да, да... Я его любовница... Радуйся теперь... Звони, если хочешь... Называй меня падшей... Какъ Лиза... Мнѣ все равно, мнѣ рѣшительно все... Все, что хотите...

Она подбѣжала къ столу, вынула что-то, порывисто зажгла электричество и съ искаженнымъ судорогою стыда и истерическаго приступа лицомъ, бросила ему какую-то бумажку...

— Вотъ тебѣ... Наслаждайся... Радуйтесь всѣ, что теперь ужъ я... падшая... и больше ничего.

Она опять подошла къ дивану и сѣла въ углу, неподвижная, точно застывшая въ глубокой тоскѣ и думѣ.

Онъ былъ, какъ въ чаду. Дрожащими руками взялъ и развернулъ бумажку, увидѣлъ почеркъ Лизы, твердый и ровный.

«Наташа. Ты приходила ко мнѣ? Зачѣмъ? Что можетъ быть общаго между нами? Мы разошлись давно по разнымъ дорогамъ. Когда-то я любила тебя, вѣрила въ тебя и въ твои честныя желанія. Но съ тѣхъ поръ, какъ ты продалась, продалась, какъ послѣдняя кокотка за деньги, тряпки и экипажи, я презираю тебя. Я тебя видѣла разъ въ театрѣ, когда ты сидѣла въ ложѣ оголенная, разукрашенная и наслаждалась. Я ненавидѣла тебя тогда, я никогда не забуду этого позорнаго зрѣлища. Я ненавижу тебя и теперь: ненавижу, какъ вреднаго паразита, присосавшагося вмѣстѣ съ другими къ крови несчастнаго народа, презираю, какъ продажную, падшую женщину. Ты падшая, Наташа,—пойми и опомнись, пока не поздно. Е.».

Онъ дочиталъ и бросилъ письмо.

— Наташа,—сказалъ онъ, и голосъ его дрогнулъ,—я тоже падшій. Я больше падшій, Наташа...

Она повернула къ нему лицо.

— Таня беременна отъ меня,—тихо сказалъ онъ,—чувствуя, какъ судорожно кривятся его губы.

Она замерла. Наступило молчаніе, зловѣщее и томительное...

Она закрыла руками лицо и простонала:

— Михаилъ, Михаилъ, какой ужасъ!...

Онъ подошелъ, дрожа, и сѣлъ съ ней рядомъ.

— Скажи мнѣ что-нибудь... Наташа, скажи...

Она молчала, долго молчала... Потомъ порывисто положила ему руку на плечо:

— Мы оба несчастные, оба погибшіе,—говорила она, дрожа отъ льющихся, тягостныхъ слезъ,—куда мы идемъ, куда мы зашли, что дѣлаемъ?...

Они сидѣли, прижавшись другъ къ другу, точно двое бездомныхъ, застигнутыхъ грозой.

— Гдѣ правда, гдѣ правда,—шептала она въ тоскѣ,—или нѣтъ ея, правды?... Вѣдь и мы когда-то искали любви, красоты, счастья, и мы хотѣли быть чистыми и честными. Что же съ нами сдѣлалось, куда мы пришли?... Падшіе мы, падшіе, несчастные люди!...

Уголья тихо догорали въ каминѣ. Одинокая лампа бросала зеленоватый свѣтъ. На полу, какъ нѣмой, печальный свидѣтель, валялось смятое письмо...

Оба сидѣли, прижавшись другъ къ другу, связанные однимъ ужасомъ, одной тоской, однимъ стыдомъ.

И Наташа шептала дрожащими губами:

— Гдѣ же правда, гдѣ счастье, гдѣ любовь?

С. Богдановскій.

Стихотворенія Валерія Брюсова.

Флореаль 3 года.

Первый голосъ.

Отзвенѣли дни зимы.
Вновь лазурью дышимъ мы,
Сердцу сердца снова жаль,—
Манитъ сладкій флореаль!
Выходи, желанный другъ,
За фіалками на лугъ.

Другой.

Въ черной бурѣ нашихъ дней
Быть намъ вспышками огней!
Намъ во вражескихъ рядахъ
Сѣять смерть и сѣять страхъ!
Кратки сроки, трудъ великъ,
Стоитъ вѣка каждый мигъ!

Первый голосъ.

Ахъ! не жизнь ли коротка?
Ломокъ стебель василька;
Какъ волна, невѣренъ день...
Тамъ, гдѣ ива клонитъ тѣнь,
Мы, сокрытые вдвоемъ,
Губы юныя сомкнемъ!

Другой.

Новый міръ—какъ страшный сонъ—
Предъ столѣтьями зажженъ!
Дубъ и кедръ съ высокихъ горъ
Повергаемъ мы въ костеръ!
Словно углю, дай и мнѣ
Вспыхнуть въ яростномъ огнѣ!

Февраль.

(Изъ „Вечеровыхъ пѣсенъ".)

Свѣжей и свѣтлой прохладой
Вѣетъ въ лицо мнѣ февраль.
Новыхъ желаній—не надо,
Прошлаго счастья—не жаль.

Нѣжно жемчужныя дали
Чуть орумянилъ закатъ.
Какъ въ саркофагѣ, печали
Въ сладкомъ безстрастіи спятъ.

Нѣтъ, не укоръ, не предвѣстье,—
Эти святые часы.
Тихо пришли въ равновѣсье
Зыбкаго сердца вѣсы.

Мигъ между свѣтомъ и тѣнью!
День межъ зимой и весной!
Весь подчиняюсь движенью
Пѣсни, плывущей со мной!

Оправданіе земного.

Ангелъ.

Огни твоей земной вселенной—
Какъ тѣнь въ лучахъ иныхъ міровъ!

Поэтъ.

Но я люблю мой духъ надменный
И яркій блескъ моихъ оковъ!

Ангелъ.

За гранью счастій и несчастій
Есть лучшей жизни небосводъ!

Поэтъ.

Но я хочу, чтобъ темной страсти
Меня крутилъ водоворотъ!

Ангелъ.

Познаешь, кинувъ міръ случайный,
Какъ сожигаетъ полнота!

Поэтъ.

Но для меня въ любви—всѣ тайны,
Въ одномъ лицѣ—вся красота!

СМѢНА.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ЛИЦА:

Константинъ Сергѣевичъ Исленьевъ—беллетристъ. Высокій брюнетъ съ бородкой, довольно длинные безпорядочные волосы; лицо нервное; щурится и поднимаетъ брови; насмѣшливая улыбка; дергаетъ плечомъ.

Вѣра Павловна Карновичъ—извѣстная переводчица; темные вьющіеся волосы, лицо усталое. Одѣта изящно, въ черное.

Евгеній Осиповичъ Бредихинъ—редакторъ-издатель ежемѣсячнаго либеральнаго журнала «Волна». Невысокій, худощавый; волосы и борода безцвѣтные, лицо озабоченное; на глазахъ золотые очки, которые онъ часто протираетъ.

Наталья Алексѣевна Бредихина — его жена. Молодая красивая блондинка. Одѣвается и причесывается чрезвычайно просто.

Глафира Ивановна Лапина — полная бѣлолицая дѣвушка, купеческая дочь, вольнослушательница на высшихъ женскихъ курсахъ; волосы русые, гладко зачесанные; одѣвается въ платья изъ хорошей матеріи, но очень простого и не моднаго фасона.

Марья Степановна Вахрушина—ея тетка, парядная старуха.

Сергѣй Ивановичъ Шаховъ — журналистъ. Плотный красивый подвижной блондинъ, волосы бобрикомъ; бодрая осанка, нѣсколько приподнятыя плечи. Ходитъ всегда въ пиджакѣ.

Максимъ Григорьевичъ Мейснеръ—болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ—**Костромской**, а также **Грэкъ**; видный сотрудникъ очень распространенной и бойкой либеральной газеты. Не очень молодъ; высокаго роста, худощавъ; рыжеватые коротко остриженные волосы и бородка; лицо [illegible] чоношенное; роговое пенснэ; хорошій сюртукъ и модный галстукъ.

[illegible] буровъ — поэтъ; молодой человѣкъ, очень болѣзненный; жидкіе волосы съ плѣшью, жидкая бородка. Часто вскидываетъ кверху голову и [illegible] какъ бы вспоминая какой-то мотивъ; нервно барабанитъ пальцами; [illegible] гребезжитъ.

Анатолій Галактіоновичъ Поздѣевъ—земскій гласный изъ провинціи. Плотный, съ сильно заросшимъ лицомъ; прекрасные зубы и звучный открытый смѣхъ. Подвиженъ, но угловатъ. Одѣтъ тщательно.

Студентъ-технологъ Бондаренко—высокій медвѣжеватый парень въ форменной тужуркѣ, изъ-подъ которой видна синяя рубашка; голосъ низкій.

Профессоръ Дериновъ—величественная фигура съ сѣдѣющей гривой и мощнымъ голосомъ.

Постоянный сотрудникъ журнала—изъ тѣхъ, которыхъ нигдѣ не замѣчаютъ.

Неизвѣстный молодой человѣкъ.

Курсистка—бойкая дѣвушка съ звонкимъ голосомъ; въ красной блузкѣ; волосы затянуты и свернуты на затылкѣ въ маленькій узелокъ.

Вторая курсистка—порывистая блондинка съ короткими пушистыми волосами; въ голубой блузкѣ.

Маленькая курсистка—небольшого роста; кругленькая, серьезная; темные волосы начесаны на уши, тоненькія косички обвиваютъ голову; большіе глаза. Въ парусиновой вышитой кофточкѣ, съ ремнемъ.

Студенты, курсистки, публика на балу, слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Студенческій вечеръ. Ярко освѣщенная буфетная зала. Въ задней стѣнѣ двѣ двери; въ лѣвой стѣнѣ тоже дверь—въ другую такую же залу; справа буфетъ съ напитками, фруктами и т. п., за которымъ торгуютъ барышни и студенты. На авансценѣ и въ глубинѣ зала—столики въ безпорядкѣ; нѣкоторые заняты публикой. Между столиками проходъ, по которому время отъ времени проходятъ группы молодежи и гостей. Издали доносится бальная музыка.

У одного изъ переднихъ столиковъ—Вѣра Павловна Карновичъ, Лапина, Поздѣевъ и Костромской.

ПОЗДѢЕВЪ.—Можетъ быть, еще чаю?

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Нѣтъ, спасибо. Жарко ужасно.

КОСТРОМСКОЙ.—Куда это Константинъ Сергѣевичъ пропалъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Подхватилъ его кто-то, я видѣла. *(Къ сосѣднему столику подсаживаются Сабуровъ, Бондаренко и хорошенькая курсистка. Въ глубинѣ отворяется дверь и музыка доносится громче.)* Эхъ, музыка... вальсъ! До сихъ поръ слышать равнодушно не могу.

ПОЗДѢЕВЪ.—Что-жъ, пойдемте, тряхнемъ стариной. Помните, какъ мы съ вами въ Самарѣ когда-то отплясывали... лѣтъ... лѣтъ,—сколько, бишь, тому назадъ?

Вѣра Павловна.—О, двадцать!... больше!... Вѣдь это было еще когда отецъ не умиралъ, до моего отъѣзда на курсы... Ужасъ, до чего я любила танцовать. Проплящешь всю ночь, подъ утро заснешь,—и во снѣ пляшешь. И днемъ душа все еще танцуетъ... И жизнь была тогда хороша и смерть не страшна: такъ вотъ, думалось,—плясать и умереть. Впрочемъ, и теперь иногда... *(Задумчиво.)* Плясать и умереть...

Поздѣевъ *(Лапиной).*—А вы не танцуете?

Лапина.—Нѣтъ, никогда не любила.

Костромской.—Серьезная барышня!

Поздѣевъ *(Вѣрѣ Павловнѣ).*—А мы васъ какъ-то недавно въ Самарѣ вспоминали. О переводахъ вашихъ говорили... Съ кѣмъ, бишь, это? Хвалили очень выборъ и все... А знаете, у насъ вѣдь нѣкоторыя дамы считаютъ васъ авторомъ всѣхъ этихъ романовъ, которые вы переводите. Право! Матушка мнѣ еще недавно говорила: удивительно, какъ это Вѣрочка Карновичъ мило пишетъ. Вы для нея все еще Вѣрочка. Лестно знакомое имя въ журналѣ встрѣтить—рядомъ съ нимъ и имени автора не замѣтишь. Впрочемъ, вѣдь дамы обыкновенно и не смотрятъ на имя автора: написано хорошо или, тамъ, не очень, а кто писалъ—не все ли равно, коли незнакомый!

Вѣра Павловна *(смѣется).*—Удивительно лестно, когда хвалятъ за то, чего не дѣлалъ или не писалъ!... Ну, бросимъ это. Дайте папироску.

Поздѣевъ.—Она куритъ!... Ну-ка, ну-ка, дайте посмотрю.

Вѣра Павловна.—Какъ вы это сказали! Словно ваша матушка! Да вѣдь я уже курила при васъ, даже сегодня, когда вы ко мнѣ зашли.

Поздѣевъ.—Не замѣтилъ, ей-Богу, голова идетъ кругомъ. Подлинно ужъ, что съ корабля на балъ. Десять лѣтъ въ Петербургѣ не былъ. А на студенческихъ балахъ—ужъ и незапомню. Курсисточки-то нынче какія стали! Э, да вотъ онъ! *(Подходитъ Исленьевъ.)* Гдѣ это вы пропадали?

Исленьевъ.—Тамъ былъ... *(показываетъ рукой)* въ говорильнѣ... Прелесть!... Цѣлый часъ на окнѣ простоялъ. Послушали бы вы... Небу жарко!...

Вѣра Павловна.—Что же вы не сказали! Мы бы тоже пошли.

Костромской.—А я, было, толкнулся туда, да такая тѣснота.

Исленьевъ.—Что тѣснота!... Это развѣ слово!... Я тамъ окнѣ бѣлымъ умазался; студентъ замѣтилъ, чистилъ-чистилъ, да

такъ и бросилъ: нѣтъ, говоритъ, не оттереть. А какъ сталъ къ двери пробираться,—лучше всякихъ щетокъ. Посмотрите-ка *(повертываетъ плечо)*—начисто!... А температура!... Съ потолка каплетъ... Барышни запасливыя туда съ бутылочками зельтерской пробрались, чтобъ глотнуть. Пробки рвутся, течетъ-это!... Лица—что маковъ цвѣтъ. А рѣчи! Пакля горящая!... Рёвъ... Одного оратора чуть съ каѳедры не стащили...

Лапина.—Почему?

Исленьевъ.—О примиреніи партій что-то завелъ. Не къ настроенію! Ну—и того!... Нѣтъ, славно ей-Богу...

Поздѣевъ.—А вы не говорили?

Исленьевъ.—Я? Вотъ еще! Тутъ надо вулканъ въ себѣ имѣть, или ужъ настоящимъ краснорѣчіемъ взять. Иначе—грѣшно. Вѣдь они тамъ священнодѣйствуютъ.

Вѣра Павловна.—Жаль, право, что вы насъ не позвали.

Исленьевъ.—Да пойдемте. Вѣдь это еще часа на два, коли не больше.

(Вѣра Павловна встаетъ.)

Лапина.—И я. Можно?

(Исленьевъ, Вѣра Павловна и Лапина уходятъ въ заднюю лѣвую дверь.)

Поздѣевъ *(вслѣдъ)*. — Мы васъ догонимъ... Расплатиться надо... Человѣкъ!...

Костромской.—Не торопитесь, успѣется. Да вы думаете, и правда тамъ интересно? Небойсь, въ студенческіе годы сотни разъ видѣли. *(Ищетъ глазами въ картѣ винъ.)*

Поздѣевъ.—Всетаки, знаете, современное настроеніе.

Костромской. — Ну, градусомъ повыше... *(Подходящему офиціанту.)* Человѣкъ! Бутылочку этого вотъ. Живѣй! *(Поздѣеву.)* Пить хочется.

(За длиннымъ столомъ группа молодежи расплачивается, поднимается и проходитъ, продолжая споръ:)

Студентъ-горнякъ.—Вы забываете, что прогрессъ идетъ волнами.

Курсистка.—Видите, видите! я говорю, что онъ буржуа.

Горнякъ.—Позвольте...

Технологъ.—Нѣтъ-съ, позвольте! А Эрфуртскую программу помните?... *(Удаляются.)*

Поздѣевъ *(сидѣвшій въ задумчивости)*.—Удивительно сохранилась!... Вѣдь ей должно быть... да, ужъ подъ сорокъ.

Костромской.—Это вы про Карновичъ? Н-да. Поистинѣ удивительно. И еще при этакой-то милой жизни.

Поздѣевъ.—Почему?

Костромской.—А вы думаете, этотъ очарователь дамскихъ сердецъ легко ей дается? Попробуйте-ка потянуть этакую лямку нѣсколько лѣтъ! Благодарю покорно... Одна борьба съ его пристрастіемъ къ алкоголю, чтобы поделикатнѣе выразиться... *(Поздѣевъ слушаетъ его съ смущеніемъ и безпокойно оборачивается вслѣдъ ушедшимъ.)* Ну, а теперь еще... Правда, самолюбія въ ней много, старается виду не показывать... Даже дружбу какую-то особенную съ той ведетъ, самой себѣ на зло...

Поздѣевъ.—Съ кѣмъ это?

Костромской.—А вы съ ней еще не знакомы? Она тоже тутъ на балу. La belle nonne, какъ я ее прозвалъ—прелестная монахиня! Бредихина, жена редактора... Нашъ герой одно время совсѣмъ было голову потерялъ. Правда, она его, по добродѣтели своей, отшила, и теперь они en froid, а всетаки, знаете, тутъ-то уже не то...

Поздѣевъ *(вытирая лобъ)*.—Эхъ вы, ей-Богу... Какъ это у васъ тутъ все знаютъ... Точно у насъ въ провинціи.

Костромской.—Нѣтъ-съ, позвольте... Тутъ провинція не при чемъ. Это профессіональная обязанность вырабатываетъ—газета! Носъ надо имѣть. А я къ тому же и беллетристъ немножко... Разбираешься въ психологіи... Этотъ проклятый Бредихинъ второй мѣсяцъ мой разсказъ держитъ.

Поздѣевъ.—А барышня кто такая? Не знаете? *(Киваетъ на мѣсто, гдѣ сидѣла Лапина.)* Должно быть, застѣнчива.

Костромской.—Барышня! Ого-го! Вы съ ней не шутите! На курсахъ учится и къ литературѣ льнетъ, какъ видите, а вѣдь это кто бы вы думали? Лапина наслѣдница. Полумилліонное состояніе. Посовѣтовалъ бы пріударить, да только сердечко и здѣсь, какъ видно, не свободно... Удивительно! Что онѣ въ немъ находятъ?... Впрочемъ, сердечныя страсти всегда цѣлыми гнѣздами наблюдаются. Какъ завелась вокругъ кого-нибудь эта самая любовная бацилла, къ и пошла захватывать сердца. Всѣмъ сразу одного и того же давай. Форменная траги-комедія!

Поздѣевъ.—Хи... Это вы про Исленьева?

Костромской.—Ну, да. Нашъ «молодой талантливый беллетристъ», какъ о немъ принято теперь выражаться въ критическихъ фельетонахъ.

Студентъ Бондаренко *(невольно прислушивается къ со-*

сидящимъ столомъ. Громко, приподнимаясь). — Про Исленьева? Такъ это онъ и былъ?

Костромской *(нѣсколько смутившись).*—Что такое?

Бондаренко.—Да вотъ говорили-то!... Тутъ былъ?... Вѣдь такъ я и думалъ, шутъ его дери... Не узналъ какъ-то сразу...

Костромской.—Ну, да. Не понимаю...

Бондаренко.—Вотъ исторія... *(Встаетъ и раскланивается.)* Бондаренко, позвольте представиться... Мнѣ тутъ, видите ли, вечеринку одну надо оборудовать. Такъ я хотѣлъ Исленьева въ чтецы. Вѣдь онъ воротится сюда?

Костромской *(сухо).*—Право, не знаю.

Бондаренко.—Ахъ ты, чортъ! Подъ самымъ носомъ проскочилъ... Гдѣ его теперь... *(Оглядывается.)*

Саврановъ *(какъ бы пробуждаясь).*—Это вы Исленьева?... Читать?... Нѣтъ, слушайте, Миша... я вамъ лучше этого вотъ привезу... какъ его?... *(Барабанитъ пальцами.)* Поэтъ!... Ну... всюду печатается... Голосъ дивный!... Сонеты еще...

Бондаренко.—Ну его къ Богу съ сонетами. Намъ развѣ это?... *(Проходящему официанту).* Слушайте-ка? Какъ васъ *(Хлопаетъ въ ладоши.)* Пару пива, пожалуйста...

(Изъ первой задней двери входятъ Бредихины и Шаховъ.)

Костромской.—Вотъ они... Обратите вниманіе... Эхъ, далеко сѣли. Ну, все равно. Пройдемся потомъ, я васъ познакомлю.

Поздѣевъ *(невольно).*—Красивая женщина!

Костромской. — Прелюбопытный типъ въ своемъ родѣ. Бывшая институтка, вышла замужъ по головному увлеченію, надо полагать, но вѣрна ему. Завѣдуетъ у него конторой при редакціи,—изъ принципа, конечно,—чтобы даромъ хлѣбъ не ѣсть.

Поздѣевъ *(всматриваясь).*—Она, кажется, болѣзненная.

Костромской.—Нѣтъ, ничего какъ будто... Но развѣ это жизнь для молодой красивой женщины? Да еще подлѣ этой вяленой воблы: вы только посмотрите на него. Но это изъ такихъ: изъ добровольныхъ мученицъ... Впрочемъ, въ послѣднее время у нея проявляется интересъ къ молодежи,—не подумайте что-нибудь этакое! Ни-ни, Боже мой! А просто соціалъ-демократическимъ ученіемъ увлекаться начинаетъ. Ну, студенты къ ней и забѣгали: соціалъ-демократической богородицей ее сдѣлать хотятъ...

Поздѣевъ.—Вѣра Павловна съ ней знакома,—вы, кажется, сказали?

Костромской.—Пффъ! Знакома!... Друзья ближайшіе,—водой не разольешь!

Поздѣевъ.—А какъ же...—Впрочемъ...

Костромской.—Эге. Теперь заинтересовались!

Поздѣевъ.—Конечно, это дѣло частное...

Костромской.—Но любопытное... Человѣческая психологія,—что прикажете!.. Такъ Вѣра Павловна—вы говорите?.. Вѣра Павловна—женщина страстная и мечтательная... Любитъ она его безъ ума и думаетъ только о томъ... Э-э! Да они ужъ возвращаются!

(Вѣра Павловна, Исленьевъ и Лапина подходятъ.) Что же это? Ужъ насмотрѣлись?

Вѣра Павловна.—Глафира Ивановна сумочку свою забыла...

Лапина.—Да вотъ она... Такъ глупо!

Костромской.—Дамы всегда что-нибудь забываютъ.

Лапина.—Нѣтъ, право, я... обыкновенно довольно аккуратна... Такъ совѣстно.

Вѣра Павловна.—Все равно дальше не протолкались бы, а издали не слышно.

Поздѣевъ.—Ну, вотъ и отлично, что мы не пошли. Хотите вина?.. *(Стучитъ ложечкой о стаканъ.)*

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста.

Сабуровъ *(выходя изъ-за своего стола)*.—Константинъ Сергѣевичъ! Здравствуйте... Вотъ позвольте: этотъ... мой пріятель... просилъ меня познакомить.

Бондаренко *(отвѣшиваетъ поклонъ)*.—Бондаренко... У меня къ вамъ просьба, Константинъ Сергѣевичъ. Вечеринку одну оборудовать надо, такъ я думалъ, вы, можетъ, что прочтете. А то и времени-то совсѣмъ мало, а писатели—такая, знаете, публика: никакъ не уломаешь!

Исленьевъ.—Прочесть?.. Ой, голубчикъ. Вотъ ужъ, право... Совсѣмъ я къ этому дѣлу не годенъ. Отродясь не брался.

Бондаренко.—Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста! Вечеринка такое, знаете, дѣло. Ужъ и билеты распроданы.

Вѣра Павловна *(Исленьеву)*.—Что-жъ, право: валяйте! Вѣдь не плохо читаете.

Исленьевъ *(садится)*.—Фу!.. Вотъ ей-Богу неожиданно за[illegible]ягли... Распить развѣ бутылочку винца по этому случаю?... Чело[illegible]ѣкъ!

Бондаренко *(смѣется. Вѣрѣ Павловнѣ)*.—Ну вотъ, спаси[illegible] вамъ... Теперь, значитъ, дѣло въ шляпѣ... *(Исленьеву.)* Только вы [illegible]жъ намъ, Константинъ Сергѣевичъ, пожалуйста этакое что-нибу[illegible] позабористѣе: къ моменту!

Исленьевъ.—Къ моменту! *(Смѣется.)* Вотъ ужъ, право, не знаю...

Бондаренко.—А то, знаете, у насъ тутъ на-дняхъ, въ частномъ домѣ, поэтикъ одинъ читать вызвался. Да и закати свой переводъ этого вотъ, символиста-то, ну... Метерлинка... да еще съ предисловіемъ. Какъ ее?.. «Целесида и Мелисета», что ли. Гдѣ съ башни-то бросается, чортъ ее дери!

Сабуровъ *(страдая)*.—Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это-жъ... ну какъ ее... *(Третъ лобъ.)* Ну... «Аглавена и Селизета».

Бондаренко.—Ну, Сюзета, что ли. Не въ томъ суть. А только знаете, слушали мы слушали, да какъ прыснемъ!

(Поздѣевъ и другіе громко смѣются.)

Исленьевъ *(со смѣхомъ)*.—Что-жъ это вы?..

Сабуровъ.—Ахъ, Боже!.. До чего эта молодежь не понимаетъ... Пойдемте, Зина, вашъ братъ положительно приводитъ меня въ отчаяніе. До свиданья, Константинъ Сергѣевичъ. *(Хорошенькая курсистка смѣется, выходитъ изъ-за стола и подъ руку съ Сабуровымъ удаляется.)*

Бондаренко *(уходя)*.—А я къ вамъ, знаете, для вѣрности забѣгу. А то еще забудете. *(Исчезаетъ.)*

Исленьевъ *(смѣется)*.—Славный народъ... Люблю... Сюзета, такъ Сюзета!..

Лапина *(усмѣхаясь)*. — А кто этотъ господинъ съ нимъ былъ?

Исленьевъ.—Это? Сабуровъ, молодой поэтъ. Не читали?

Лапина.—Поэтъ?

Исленьевъ.—А вы что думали?—они у насъ красавчики?.. Впрочемъ, этотъ въ самомъ дѣлѣ немножко уже черезчуръ... расхлябанный. И моль его тутъ поѣла... *(Показываетъ на темя.)* Что прикажете?.. А вѣдь не безъ дарованья! Читаешь его стихи, и кажется, что гдѣ-нибудь подлѣ гнилого болотца, въ лѣтнія сумерки, комаръ подъ ухомъ поетъ: тоненько такъ и грустно, словно и его комариная душа вдаль просится...

Костромской.—Вѣра Павловна, а вы и не замѣтили?... Бредихина тутъ.

Вѣра Павловна.—Гдѣ?.. *(Поднимается.)* Правда!.. Пойдемте къ нимъ.

Исленьевъ *(не глядя)*.—Нѣтъ! Усталъ... *(Наливаетъ себѣ вина и пьетъ.)*

Вѣра Павловна *(внимательно смотритъ на него.)* — Ну, какъ хотите... *(Уходитъ. Костромской за ней.)*

Исленьевъ *(поднявъ голову, хмуро)*.—А гдѣ же этотъ... газетчикъ... г. Костромской, урожденный Мейснеръ?... Тоже туда пошелъ?

Поздѣевъ *(усмѣхаясь)*.—Какъ это вы презрительно сказали: газетчикъ!

Исленьевъ.—Да не люблю я, грѣшнымъ дѣломъ, эту породу. Впрочемъ, этотъ между другими еще ничего себѣ, можно сказать—веленевый экземпляръ!

Лапина.—Вы вообще газеты не любите?

Исленьевъ.—Газеты? Нѣтъ. Старыя и богатыя газеты не люблю!.. Есть, впрочемъ, изъ нихъ и такія, которыя такъ и родятся богатыми старичками. А у другихъ, молоденькихъ, свѣжихъ, на челѣ печать преждевременной смерти. Эти и богатыми никогда не бываютъ... Вотъ какъ люди...

Лапина *(слушавшая съ возрастающимъ смущеніемъ)*.—Я тоже пойду поздороваться съ Бредихиными. *(Уходитъ.)*

Исленьевъ.—Э! Чортъ! Безтактность сдѣлалъ. Совсѣмъ забылъ про ея богатство и что она стѣсняется этого.

Поздѣевъ.—А Бредихинъ богатъ?

Исленьевъ.—Бредихинъ? Почему вы это про него? Вѣдь у него не газета.

Поздѣевъ.—Я знаю, помилуйте! Кто же не знаетъ—«Молву». Просто меня интересуетъ журнальное дѣло. Онъ капиталистъ?

Исленьевъ.—Гм! Нѣтъ, не капиталистъ. И даже сталъ преизрядно пощелкивать капиталистовъ въ своихъ «Общественныхъ замѣткахъ», какъ вы, можетъ быть, изволили замѣтить... Однако, если бы разбогатѣлъ на своемъ журналѣ, былъ бы очень гордъ: воображалъ бы, что это онъ только благодаря собственному уму и такту разбогатѣлъ, а не то, что тамъ какая-нибудь прибавочная стоимость...

Поздѣевъ *(смѣется)*.—Какіе вы всѣ злые здѣсь!

Исленьевъ.—Вотъ-те на! Впрочемъ, можетъ быть, вы и правы... За ваше здоровье! *(Чокается. Музыка вдали играетъ мазурку. Исленьевъ, выпивъ вино, притоптываетъ въ тактъ и подпѣваетъ, у[illegible]баясь.)* Думъ-думъ... думъ... думъ...

Поздѣевъ *(помолчавъ)*.—А мы тутъ безъ васъ съ Вѣрой П[illegible]вловной молодость вспоминали... Какъ она танцовала, съ какой с[illegible]астью!..

Исленьевъ *(задумчиво)*.—Вѣра Павловна? Да-а. Чудесно... Е[illegible] лѣтъ пять тому назадъ... Одинъ разъ какъ-то Вѣра Павловна р[illegible]казывала мнѣ про васъ... Вы по дѣлу пріѣхали?

Поздѣевъ.—Да. Хлопочу объ утвержденіи меня представителемъ нашего отдѣла сельско-хозяйственнаго общества. Губернаторъ отказалъ. А время теперь такое... Славное время!

Исленьевъ.—И у васъ зашевелились?

Поздѣевъ.—А еще бы вы думали... *(Наливаетъ себѣ и ему вина.)*

Вѣра Павловна *(подходя, шутливо)*. — Которую бутылку?

Исленьевъ. — Преслѣдуетъ меня эта женщина... Эхма! Унеси ты мое горе на гороховое поле!...

Поздѣевъ *(смѣется. Вѣрѣ Павловнѣ)*.—Садитесь. И вамъ прикажу стаканъ дать.

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу.

Исленьевъ.—Вы обратите вниманіе: вѣдь самъ любитъ вино. Ей-Богу, любитъ. А вотъ нарочно не пьетъ, чтобы меня попрекать, что ли. Эхъ, дружба, дружба!... *(Вѣрѣ Павловнѣ)*. А Глафира Ивановна отъ насъ ушла... Я тутъ того,—сляпсилъ: о богатствѣ заговорилъ. Она и ушла.

Вѣра Павловна *(смѣется, покачиваетъ головой)*.—Вѣчно васъ угораздитъ. Она тамъ осталась. Шаховъ къ ней прицѣпился. Ухаживаетъ немножко.

Поздѣевъ.—Какой это Шаховъ? Который у васъ въ журналѣ пишетъ?

Исленьевъ.—Тотъ самый.

Поздѣевъ.—О-о! Талантливый онъ!

Исленьевъ.—Еще бы... И редакторъ нашъ, г. литературъ-совѣтникъ, такого же мнѣнія! Первая скрипка теперь у насъ въ журналѣ. Вы посмотрите, плечи какъ высоко носитъ!

Поздѣевъ *(съ недоумѣніемъ)*.—Нѣтъ, правда... Развѣ вы не находите?

Исленьевъ.—Всѣ они у насъ таланты замѣчательные! Важнѣющій народъ. Одинъ письма изъ провинціи получаетъ—какъ вотъ нашъ Сергѣй Ивановичъ, за другимъ барышни и студенты ходятъ. Ну, глядь, спѣсь въ голову и вскочила. А третій пишетъ-пишетъ, ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ,—ну, и вообразитъ себя непризнаннымъ геніемъ. Это мнѣ напоминаетъ изреченіе моей тетушки—преехидная старушка: у васъ, говоритъ, тутъ столько геніевъ, что съ позволенія сказать и плюнуть некуда, чтобы въ генія не попасть

Поздѣевъ *(хохочетъ)*.

Вѣра Павловна *(смѣется)*.—Опять злословитъ!

Поздѣевъ.—Нѣтъ, а серьезно... Мнѣ потому Шаховъ пр

вится, что разносторонность въ немъ эта есть. На все откликается: и общественная жизнь, и искусство.

Исленьевъ *(усмѣхнувшись)*.—Ну, вотъ, опять меня бранить будете, а мнѣ сейчасъ одинъ молодой купчикъ вспомнился—изъ-за границы съ докторскимъ дипломомъ пріѣхалъ. Такъ вотъ похваляется онъ мнѣ одинъ разъ своимъ разностороннимъ міровоззрѣніемъ и въ доказательство прибавляетъ: я, говоритъ, совмѣщаю въ себѣ любовь къ Баху, Оффенбаху, Ауэрбаху и Фейербаху.

Вѣра Павловна *(смѣется)*.—Послушайте, на что это похоже! Анатолій Галактіоновичъ съ вами серьезно, какъ съ путнымъ человѣкомъ, говоритъ, а вы только шутите.

Исленьевъ.—Ха-ха!... Вы видите, какъ она меня отчитываетъ!... Пять лѣтъ непрерывно занимается моимъ воспитаніемъ—и вотъ вамъ результаты. Впрочемъ, виноватъ... Вы меня простите, Анатолій Галактіоновичъ, ибо она права, а я немножко пьянъ. Только ужъ вы позвольте не стѣсняться въ откровенности, а то не умѣю я... Вотъ вы сейчасъ говорите про Шахова. Честью вамъ клянусь, ничего худого онъ мнѣ не сдѣлалъ и, конечно, способный человѣкъ,—ну, что называется, перо бойкое... А вы сейчасъ—талантъ. Очень ужъ дешево у насъ эти титулы раздаются... Вы только почитайте его повнимательнѣе. Вѣдь это изъ тѣхъ, у которыхъ въ каждой статейкѣ либо что-нибудь «красной нитью проходитъ», либо кто-нибудь «умеръ на своемъ посту», или тамъ «высоко держитъ свое знамя». Охъ, ужъ мнѣ эти красныя нити, знамена и посты... А то еще, для окончанія статейки, такъ: «Свѣта, больше свѣта,—сказалъ, умирая, Гёте»... Вы не пробовали статистику маленькую завести: сколько разъ вамъ это самое «свѣта! свѣта!» въ концѣ разныхъ статеекъ попадалось?

Поздѣевъ *(смѣется)*.—Очень уже вы тутъ строго судите. Мы въ провинціи снисходительнѣе смотримъ: намъ бы только правду напомнили! Больше свѣта—ну, и на томъ спасибо! А выраженій мы не замѣчаемъ...

Исленьевъ *(не слушая его)*.—А для критическихъ статеекъ тоже штучки есть такія готовенькія... Если про великаго писателя статья, такъ нужно непремѣнно сказать: «этимъ произведеніемъ онъ [illegible]елъ еще одинъ лавръ въ свой вѣнокъ». А про обыкновеннаго, [illegible]бенно въ видѣ заключенія, хорошо такъ: «Стаканъ его былъ малъ, [illegible] онъ пилъ изъ своего стакана», какъ сказалъ Мюссе».. У насъ [illegible]ъ одинъ писатель свои статейки въ книжку собралъ, да не пере[illegible]лъ, должно быть, въ корректурѣ. Такъ что бы вы думали? въ [illegible]ой, ну какъ есть въ каждой статейкѣ у него подъ конецъ этотъ [illegible]й маленькій стаканъ оказался!.. Неугодно ли—этакое вотъ ма-

шинное производство въ литературѣ!... И вѣдь могъ бы, каналья, своими словами сказать, кабы подумалъ. Такъ нѣтъ, зачѣмъ! Публика не разбираетъ: пиши, вали, малина!... Ну, конечно, и матушка-лѣнь... Впрочемъ, это тоже не мое слово будетъ—матушка-лѣнь. Это Вѣра Павловна употребляетъ... *(посмѣиваясь)* про меня грѣшнаго... *(Проходящему офиціанту.)* Человѣкъ!...—Выпьемъ, Вѣра Павловна.—Еще бутылочку вина и бутербродовъ, что ли... *(Смолкаетъ. За столомъ, гдѣ сидитъ Бредихинъ, слышенъ взрывъ смѣха. Всѣ невольно оглядываются. Исленьевъ приходитъ въ скверное настроеніе духа. Какъ бы про себя.)* Эхъ, мерзость вся эта...

Поздѣевъ.—Что я хотѣлъ васъ спросить? Да, вы вѣдь, кажется, служите въ редакціи, т.-е. завѣдуете.

Исленьевъ.—Какъ же. Именно служу. Рукописи читаю десятками, а что одобрю—идетъ еще на усмотрѣніе начальства, директора департамента нашего, г. Бредихина.

Поздѣевъ *(смотритъ съ недоумѣніемъ).*—Зачѣмъ же вы...

Исленьевъ.—Зачѣмъ служу? Деньги нужны. А-то зачѣмъ же!... Бросилъ бы все, въ провинцію бы поѣхалъ, давно не былъ... Или за границу катнулъ бы. Чортъ знаетъ! Тридцать лѣтъ и три года на свѣтѣ живу, а ни разу не собрался... Вотъ если бы этакого импрессаріо себѣ найти, чтобы взялъ онъ меня на откупъ, платилъ бы мнѣ тамъ въ мѣсяцъ, что ни на есть, меня бы пустилъ по свѣту бродить, а съ редакторами и все прочее отъ себя бы ужъ торговался. Получай съ нихъ, что можешь!

Поздѣевъ.—Это чтобы онъ на вашемъ горбу наживался?

Исленьевъ.—А пущай его, бестія, наживается! Зато покой, свобода, редакторскихъ физіономій не видѣть... Вѣдь это очень просто сказано: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»... А вы попробуйте-ка ее продать!... И брать не берутъ, и назадъ не отдаютъ, а вотъ вы поправочки, да передѣлочки, да по этакой вотъ мѣрочкѣ, да чтобы публика того или этого не подумала: не то надъ ней, бѣдной, опека, не то передъ ней, всемогущей, страхъ!... Уфъ!... Когда я буду большой и богатый или, вѣрнѣе, когда отъ меня и праха на землѣ не останется, тогда, нужно надѣяться, не будетъ ни редакторовъ, ни издателей,—лавокъ этихъ...

Поздѣевъ.—А какъ же безъ нихъ-то?

Исленьевъ.—Эхъ, можно бы и безъ нихъ, какъ и безъ много другого, на чемъ будто бы и свѣтъ держится... Только не теперь конечно, а когда-нибудь. Когда и денегъ не будетъ, и вообще... *(За сценой вдали музыка. Помолчавъ.)* Вотъ до чего доѣхали!... За ваше здоровье! *(Чокается.)* Расплатимся и пойдемъ... А тамъ, наверху-т

небойсь, все еще говорятъ... Какъ и мы тутъ. *(Потягивается.)* Болтливъ я сталъ послѣднее время... А вотъ и г. Грэкъ къ намъ идетъ!...

Костромской *(подходя, Поздѣеву)*.—А вы все тутъ сидите? Пойдемте въ залу. Красавицу покажу. Въ голубомъ,—видѣли?... И съ Бредихиными познакомлю. Они тоже пошли...

Вѣра Павловна *(Поздѣеву)*. —Идите, правда. Мы тоже сейчасъ въ залъ.

(Поздѣевъ и Костромской уходятъ. Исленьевъ расплачивается, встаетъ.)

Вѣра Павловна.—Постойте. Мнѣ надо поговорить... Что съ вами сегодня? *(Садится близко къ нему.)*

Исленьевъ *(разсѣянно)*.—А что?

Вѣра Павловна.—Полноте... Мы вѣдь всегда съ полслова понимали другъ друга. Вы сегодня такой странный!... И потомъ, это ужасно неловко,—почему вы не захотѣли подойти туда? *(Движеніемъ головы указываетъ въ сторону, гдѣ сидѣли Бредихины.)*

Исленьевъ *(задумчиво и мрачно)*. —Поссорился съ ними сегодня.

Вѣра Павловна *(измѣнившись въ лицѣ)*.—Какъ? Развѣ вы ихъ сегодня видѣли?

Исленьевъ.—Ну, да. Рукопись свою относилъ. Разсказъ.

Вѣра Павловна *(помолчавъ и овладѣвъ собою)*.—Какая же ссора?

Исленьевъ.—Да не ссора. Это я такъ... Просто, вы знаете: когда я отдаю рукопись на судъ этимъ вотъ господамъ редакторамъ, ну, чортъ его знаетъ, что это такое... такое чувство... *(взявъ со стола лимонъ)* ну, какъ вотъ, если бы я былъ лимономъ, который сейчасъ будутъ рѣзать и жать.

Вѣра Павловна *(засмѣявшись)*.—Какой вы самолюбецъ, мой другъ!... Ужасъ, какой недотрога!

Исленьевъ *(вспыхнувъ)*.—Какъ? Вы не понимаете?

Вѣра Павловна.—Полноте, я шучу... У меня мысли толпятся, мнѣ столько нужно вамъ сказать... Вы тутъ говорили, а я с шала и думала... Но это потомъ. Что я вамъ хотѣла сказать? (мнулась.) Или наказать васъ развѣ?... За то, что такъ и отдали с й разсказъ, мнѣ не прочитавши. Не сказать?

Исленьевъ.—Что? что?

Вѣра Павловна.—Меня сейчасъ спросила Наталья Але- к на, читала ли я эту вашу вещь.

Исленьевъ.—Она васъ спросила?

Вѣра Павловна.—Ну, да. Дѣло въ томъ, что она ее уже прочла.

Исленьевъ.—Ну?

Вѣра Павловна. — Я ее спросила. Она сказала: «чудесно!»

Исленьевъ *(внезапно откинувшись)*.—Странно...

Вѣра Павловна.—Почему?

Исленьевъ.—Да такъ... *(Съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.)* Когда же она успѣла прочесть?

Вѣра Павловна *(взглядываетъ на него и опускаетъ голову)*.—А когда же вы у нихъ сегодня были?

Исленьевъ *(разсѣянно)*.—Въ пятомъ часу, кажется.

Вѣра Павловна.—Такъ, значитъ, вы прямо отъ нихъ ко мнѣ зашли?... Вы, правда, поссорились?... Вы пришли такой разсѣянный, злой... Я не могла тогда спросить—при Поздѣевѣ.

Исленьевъ *(сухо)*.—Нѣтъ, такъ... *(Замѣтивъ ея взволнованный и огорченный видъ, не глядя на нее, нервно.)* Я и не говорилъ съ ней... Сидитъ въ конторѣ, отъ счетовъ оторваться не можетъ. Предлагаетъ въ кабинетъ къ супругу пройти... Видѣть не могу этого корпѣнья надъ счетами... И зачѣмъ, зачѣмъ, спрашивается? Точно у него нѣтъ средствъ бухгалтера взять!

Вѣра Павловна *(горячо)*.—Ахъ, какъ вы не понимаете!... Какой вы всетаки настоящій мужчина!... Вамъ кажется вполнѣ натуральнымъ, чтобы женщина жила на счетъ мужа.

Исленьевъ *(вспыхнувъ)*.—Я этого вовсе не думаю.

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, вы всетаки это думаете, т.-е. безсознательно. *(Неровнымъ голосомъ.)* Именно потому, что она красива. Вамъ бы хотѣлось видѣть ее въ другой обстановѣ. А вѣдь это же—трудъ ея, заработокъ... И это очень понятно, особенно въ виду того, что вѣдь... она же его не любитъ!

Исленьевъ *(нѣсколько времени молчитъ, потомъ взволнованный, слегка наклоняется къ ней и касается ея руки)*.—Вы... Неловко поцѣловать здѣсь вашу руку... Вы... удивительно... справедливый человѣкъ... Вы...

Вѣра Павловна *(просіявъ)*. — Почему вы это сказали?.. *(Молчитъ нѣсколько мгновеній.)* Вѣдь я же люблю ее. Она... нравится мнѣ... Можетъ быть, потому, что она совсѣмъ не похожа на меня.

Исленьевъ.—Да... Она совсѣмъ другая...

Вѣра Павловна.—Вѣдь это счастье—встрѣтить человѣка прекраснаго, нѣжнаго и который почему-то тянется къ вамъ... Можетъ быть, потому, что онъ немножко слабъ, и страдаетъ... Вѣдь вся

ея жизнь—это такое мученье... Вы замѣтили, какія у нея худенькія страдальческія руки?

Исленьевъ *(не глядя на нее).*—Да... *(Помолчавъ и мѣняя тонъ.)* А вы хотите мнѣ еще что-то сказать?

Вѣра Павловна.—Что? Ахъ, да. Это совсѣмъ другое!... Когда вы тутъ говорили про Бредихина, т.-е. про редакторовъ вообще и про все это наше подлое житье... Вы знаете: иногда бываетъ, что въ головѣ вдругъ возникаетъ планъ, т.-е. не планъ, а такъ ясно, ясно видишь какую-нибудь возможность.

Исленьевъ *(разсѣянно).*—Какой планъ?

Вѣра Павловна.—Да вѣдь вотъ... послушайте! Вѣдь это-такое уродство, что мы работаемъ у Бредихина,—не потому, что онъ такой, Богъ съ нимъ, а потому, что мы сами становимся ни на что не похожи. Бранимъ его за глаза, точно слуги.

Исленьевъ *(вспыхнувъ).*—Кажется, я и въ глаза не щажу!...

Вѣра Павловна.—Конечно... Но... всетаки нужно какъ-нибудь съ этимъ покончить.

Исленьевъ *(нетерпѣливо).*—Но какъ же?

Вѣра Павловна.—Вотъ-вотъ, постойте. Вотъ я и говорю, что мнѣ вдругъ такъ ясно представилось, что Глафира Ивановна... Вѣдь она славная и она дѣйствительно своимъ богатствомъ тяготится... и литературу любитъ... вѣдь она съ радостью дала бы денегъ на журналъ.

Исленьевъ *(сухо усмѣхаясь).*—У нея и г. Бредихинъ деньги занимаетъ.

Вѣра Павловна.—Да, но вѣдь это было бы совсѣмъ другое. Можно было бы совсѣмъ другой журналъ. Это было бы достойно ея. Можно было бы создать такой журналъ... ну, на совсѣмъ другихъ основаніяхъ. Чтобы ничего не бояться, не думать о публикѣ, т.-е. объ успѣхѣ... Чтобы все въ немъ было свободно.

Исленьевъ *(задумчиво).*—Вы мечтательница.

Вѣра Павловна.—Нѣтъ... Почему?.. Неужели же нельзя себѣ представить ничего лучшаго, чѣмъ это... эта вотъ «Молва»?... А Глафира Ивановна...

Исленьевъ *(словно спохватившись).*—Вы хотите просить ее о этомъ? Ни за что въ мірѣ!... *(Передернувшись.)* Ахъ, Господи, какъ это противно, что и мы не можемъ видѣть богатаго человѣка безъ того, чтобы...

Вѣра Павловна *(смутившись).*—Я и не хотѣла просить. Я сказала, она сама...

Исленьевъ *(строго)*.—Вы должны дать мнѣ слово, что никогда, ни въ какомъ случаѣ... Я не хочу!

Вѣра Павловна *(съ обидой и огорченіемъ)*.—Дать слово?... Я же сказала... Вы мнѣ не вѣрите?

Исленьевъ *(внезапно смягчившись)*.—Для себя вы бы никогда не попросили. Но для другого...

Вѣра Павловна *(опустивъ голову, страстно)*.—Для васъ?... Костя!.. Я бы никогда не сдѣлала того, что вамъ противно... Вы словно забываете меня въ послѣднее время... Недовѣріе какое-то у васъ...

Исленьевъ *(горячо)*.—О, нѣтъ! Безпредѣльное довѣріе! Безпредѣльное!

Вѣра Павловна *(радостно вспыхнувъ)*.—Да? Ну, тогда все хорошо... Тогда я спокойна и... счастлива... *(Смахиваетъ слезы и пьетъ нѣсколько глотковъ вина изъ его стакана.)* Какъ это странно, Боже мой! Живешь и никогда не знаешь, гдѣ правда, гдѣ призраки!... Или это я такъ нелѣпо устроена?... *(Улыбается.)* Вдругъ найдетъ что-то такое, примерещится... Словно стѣны и полъ зашатались... Изъ-за чего?... *(Быстро допиваетъ вино. Веселымъ голосомъ:)* Что я сейчасъ хотѣла сказать?... Да пойдемте... *(Встаетъ.)* Пойдемте въ залъ, къ Натальѣ Алексѣевнѣ... *(Въ это время вальсъ въ залѣ внезапно обрывается, въ дверяхъ происходитъ какое-то движеніе.)* Что это?

(Издали вдругъ доносится большой хоръ молодыхъ голосовъ, поющихъ революціонную пѣсню. Всѣ поднимаются и спѣшатъ къ выходу).

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляетъ двѣ комнаты: справа большая, глубокая редакціонная пріемная, слѣва—отдѣленный отъ нея портьерою маленькій женскій кабинетъ въ неглубокомъ отрѣзкѣ. Изъ него въ задней стѣнѣ—дверь въ контору редакціи. Въ большой пріемной справа два окна. Передъ ближайшимъ изъ нихъ письменный столъ секретаря, около рампы этажерка съ выдвижными и открытыми картонками для рукописей. Въ задней стѣнѣ - дверь въ кабинетъ редактора, по одну сторону отъ нея—полки съ жу - налами, по другую—большой кожаный диванъ. Въ лѣвой стѣнѣ—въ к - бинетъ открытая дверь въ контору, ближе—полки съ книгами. Почти с - среди комнаты столъ, наполовину заваленный газетами, подлѣ него нѣсколь о вѣнскихъ стульевъ. Маленькій женскій кабинетъ обставленъ съ строг й простотой. Никакихъ бездѣлушекъ. У окна, въ лѣвомъ переднемъ у у сцены, маленькій письменный столъ. У задней стѣны кушетка. Вися

полки съ книгами въ простыхъ переплетахъ. У секретарскаго стола, въ пріемной, лицомъ къ зрителю сидитъ Наталья Алексѣевна Бредихина съ перомъ въ рукѣ. Передъ ней—большая раскрытая книга для записи поступающихъ рукописей. У стола съ газетами, сдвинутыми въ кучу, Исленьевъ. Передъ нимъ, на свободномъ углу стола, и у него на колѣняхъ груда рукописей.

Наташа.—Такъ... Статья «Къ вопросу о декадентствѣ въ связи съ вырожденіемъ».

Исленьевъ.—Къ возврату. Дребедень.

Наташа *(отмѣчаетъ въ книгѣ и читаетъ дальше)*. — Статья «Гуманисты XIX вѣка».

Исленьевъ.—Что такое?... Ахъ, да! Къ возврату. Научныя претензіи и невѣжество.

Наташа *(отмѣчаетъ въ книгѣ)*.

Исленьевъ *(перебираетъ рукописи на столѣ)*.—А это... да! вотъ вѣдь исторія! Вы знаете, Костромской еще одну штуку прислалъ. Относительно первой ему вѣдь еще не отвѣтили?

Наташа.—Нѣтъ еще. Евгеній Осиповичъ все какъ-то колеблется.

Исленьевъ.—По-моему тотъ разсказецъ, о профессорахъ, можно бы и напечатать. Ехидно и живо. Онъ вѣдь не бездаренъ. Только вотъ эта ржа газетная его заѣла.

Наташа.—Странно, что онъ, не дождавшись отвѣта, вторую прислалъ.

Исленьевъ.—Н-ну... догадался, какъ умный парень, что ту вещь... опасаются напечатать. Вотъ и поторопился прислать въ иномъ родѣ,—прежде чѣмъ дѣло дошло до разрыва.

Наташа.—А эта какъ?

Исленьевъ.—Вотъ то-то и оно-то!... Вы только вообразите себѣ. Лиловато-зеленое море, зеленовато-лиловыя скалы. Господинъ съ дамой ѣдутъ въ лодкѣ, говорятъ о несовершенствѣ всего земного и рѣшаютъ умереть. А подъ конецъ опять море и скалы—какія-то тамъ уже зеленовато-зеленыя и лиловато-лиловыя! Красоты до прости, но такъ и кажется, что ужъ разъ двадцать читалъ эту исто- во французскихъ и нѣмецкихъ сборникахъ новѣйшаго фасона. ный Грэкъ! Понатужился быть современнымъ!

Наташа *(усмѣхается)*.—Что же теперь дѣлать?

Исленьевъ.—Нѣтъ, да это совсѣмъ никуда. Отмѣтьте въ -ѣ—къ возврату.

Наташа *(смущенно)*.—Право, не знаю... Во всякомъ случаѣ,

вы вѣдь объясните все это Евгенію Осиповичу? Пусть уже онъ самъ ему напишетъ. Вѣдь это надо тактично.

Исленьевъ.—Еще бы! Развѣ люди, издающіе журналъ, могутъ съ авторомъ объясняться попросту, откровенно, особенно если у автора есть имя или положеніе.

Наташа *(съежившись)*.—Ну, полноте.

Исленьевъ.—Развѣ не правда?... Кстати, Евгенія Осиповича дома, что-ль, нѣтъ?

Наташа.—Въ банкъ уѣхалъ. Съ векселями что-то перепутали, не учли. Ужасно непріятно: денегъ совсѣмъ нѣтъ... Ну, будемъ работать. Что у васъ тамъ еще прочитано? *(Смотритъ въ книгу.)* Да, вотъ: повѣсть «Хуторокъ».

Исленьевъ.—Возвратить! Добродѣтельная вдова какая-то... охотникъ... Она его отвергаетъ... Словомъ, вздоръ. *(Встаетъ и отдаетъ ей рукопись.)*

Наташа *(вынимая изъ поданной рукописи другую)*.—А это что же такое? У меня это не записано.

Исленьевъ *(заглядывая черезъ ея плечо)*.—Это? Ахъ, да! Это очень милая вещь. Барышня какая-то мнѣ на домъ принесла. Некрасивая такая и пальтишко плохонькое. Я ей обѣщалъ къ сегодня прочесть.

Наташа *(оживившись)*.—И что-жъ?

Исленьевъ.—Сказка о царевнѣ въ лохмотьяхъ. Трогательная такая вещь—видно, что нѣжная благородная душа писала, несчастная отъ своей наружности. И очень литературно. Только вѣдь не напечатаютъ у насъ.

Наташа.—Почему?

Исленьевъ.—Развѣ не чувствуете? Въ наше-то время—да сказка о царевнѣ. Неравенъ часъ, публика это какъ-нибудь плохо истолкуетъ! Вѣдь тутъ не про политику рѣчь идетъ... Нѣтъ, я знаете, такъ надумалъ: посовѣтую ей въ какой-нибудь изъ самыхъ старыхъ и почтенныхъ журналовъ отнести: тамъ они, по крайней мѣрѣ, ужъ до такого равнодушія дошли къ художеству, что и не разбираютъ: пожалуй, какъ-нибудь, невзначай, и хорошее напечатаютъ!

Наташа *(покачиваетъ головой)*. — Вѣра Павловна не похвалила бы васъ сегодня.

Исленьевъ *(нервно, поморщившись)*. — Почему это — Вѣра Павловна?

Наташа.—Да потому, что она, кажется, не очень любитъ, когда вы такъ вотъ... на всѣ стороны раздражаетесь.

Исленьевъ.—Раздражаюсь? Напротивъ, я сегодня очень в

селъ. А знаете почему? Я когда шелъ сюда, рѣшилъ отказаться отъ этой вотъ своей редакціонной должности.

Наташа *(съ испугомъ)*.—Отказаться?

Исленьевъ.—Ну-да. Я вѣдь чуть что ни каждый годъ отъ какой-нибудь должности отказываюсь. Нѣтъ денегъ—наймешься, а потомъ... Брр!... И если бы вы знали, какое это блаженное чувство, когда вдругъ рѣшишься и скажешь себѣ: откажусь!

Наташа.—Вы серьезно?

Исленьевъ.—Совершенно серьезно. Знаете, сказочка есть такая—про колобокъ: «я отъ дѣдушки ушелъ, я отъ бабушки ушелъ, я отъ волка ушелъ, отъ медвѣдя ушелъ»... И покатился колобокъ дальше!...

Наташа *(быстро встаетъ)*.—Дайте мнѣ рукописи. Тѣ—вотъ, къ возврату... *(Беретъ рукописи, переходитъ къ этажеркѣ и, ставъ на колѣни, укладываетъ ихъ въ нижній ящикъ.)*

Исленьевъ *(подходитъ. Вполголоса)*.—Наталья Алексѣевна... Вы разсердились?

Наташа *(глухо)*.—Нѣтъ.

(Молчаніе. Въ контору раздается свѣжій голосъ, что-то спрашивающій, и довольно громкій отвѣтъ конторщицы: „Дома. Потрудитесь пройти туда“. Наташа быстро поднимается.)

Исленьевъ *(Заступая ей дорогу)*.—Наталья Алексѣевна!... Я... я пошутилъ. Простите меня.

Наташа *(Взглянувъ на него)*.—Зачѣмъ же?... Какой вы сегодня... Меня ждутъ. *(Идетъ въ контору, оттуда вмѣстѣ съ пришедшимъ къ ней студентомъ прямо проходитъ въ свой кабинетикъ и закрываетъ за собою дверь въ контору. Студентикъ неловко вынимаетъ изъ внутренняго кармана пальто большой свертокъ и что-то тихо говоритъ ей. Она прячетъ свертокъ и выпускаетъ студента въ контору, послѣ чего возвращается въ пріемную.)*

Исленьевъ *(разсѣянно перебиравшій газеты)*.—Что это? Уже пріемъ начался?

Наташа *(замѣтно оживляется)*.—Нѣтъ, это лично ко мнѣ. Студентикъ одинъ... по дѣлу. Молоденькій такой, розовый, какъ этотъ гя у васъ.

Исленьевъ *(вглядываясь въ ея лицо)*.—Какой это?

Наташа.—Да въ вашей повѣсти.

Исленьевъ.—А-а... Я и забылъ.

Наташа.—Вотъ странно! Развѣ можно забыть собственную ь! И главное, я заиѣчала, васъ какъ будто сердитъ, когда гово- ъ про эту вашу вещь.

Исленьевъ.—Огадѣла мнѣ она. Больно ужъ многимъ по вкусу пришлась.

Наташа.—Что же изъ этого?

Исленьевъ.—Не знаю... Вообще дешевенькая вещица. Не люблю, когда преувеличиваютъ. А напишите что-нибудь посерьезнѣе и печатать, пожалуй, не станутъ. *(Ходитъ по комнатѣ.)* Я, было, тутъ задумалъ одну вещь, да бросилъ: не пройдетъ!

Наташа.—Какъ будто вы пишете только то, что навѣрно пройдетъ!

Исленьевъ.—А что-жъ! Стану я напрасно трудиться. Сочинилъ про себя и ладно!

Наташа *(улыбаясь)*. — Зачѣмъ это вы на себя клевещете?

Исленьевъ *(ходитъ, потомъ подсаживается къ ея столу, опершись на него локтями. Она незамѣтно отодвигается)*.—Не знаю, какъ бы вы отнеслись къ такой темѣ... Современность наша, но въ подонкахъ, въ нравственныхъ подонкахъ... человѣкъ изъ общества, что называется, т.-е. изъ самаго пошлаго, свѣтскаго... Скажемъ,—дипломатъ или... ну, тамъ все равно. Неглупый, но необузданный, до бѣшенства скучающій, развратный. Настоящая жизнь его въ кабинетахъ и притонахъ. Вѣчно въ туманѣ... *(Наташа еще нѣсколько отодвигается и смотритъ на него въ упоръ безпокойнымъ взглядомъ.)* Вы не слушаете?

Наташа.—Какъ не слушаю?

Исленьевъ.—Ну вотъ... Случайныя знакомства тамъ, въ притонахъ... И сквозь весь этотъ пьяный угаръ, пьяную музыку, въ обрывкахъ, въ клочкахъ до него доносится что-то новое, что творится въ жизни... Наталья Алексѣевна?... Что вы?... Вы... у васъ какія-то мысли?...

Наташа *(вставая и отворачиваясь)*. — Некогда... Работать надо.

Исленьевъ *(молчитъ. Потомъ тоже встаетъ. Взволнованно)*.—Вы должны мнѣ сказать.

Наташа *(нервно перебирая рукописи)*.—Послѣ.

Исленьевъ—Когда?... Развѣ я васъ вижу иначе, какъ вотъ такъ.

Наташа *(садится опять за столъ, глядитъ въ книгу. Тихо)*. Придите завтра... днемъ.

Исленьевъ *(порывисто)*. — Да?... *(Хочетъ схватить ее руку.)*

Наташа *(отдергиваетъ руку. Стараясь овладѣть собой)*.—Р

демъ работать... Ради Бога!.. *(Исленьевъ молча проходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.)* Ради Бога... Сейчасъ вѣдь пріемъ...

Исленьевъ.—Да, да... *(Садится поодаль отъ нея. Возбужденно, щурясь.)* Да... Вотъ тутъ еще двѣ статьи. Эту—прочь. Евгеній Осиповичъ любитъ такія темы. Но все равно... Еще на русскій языкъ надо было бы перевести! *(Нервно перелистывая и посмѣиваясь.)* Вотъ, не угодно ли, я отмѣтилъ. *(Перелистываетъ и вычитываетъ.)* Позитивныя тенденціи... Біологическій индивидъ... Эмоціональные комплексы... Элиминированіе спеціальныхъ дисциплинъ... Логически дедуцированный идеалъ... Позволительно, я думаю, зарѣзать? Какъ ваше мнѣніе?

Наташа *(усмѣхаясь)*.—Да.

Исленьевъ.—Ну, а эта вотъ, должно быть, по ошибкѣ сюда залетѣла: Евгеній Осиповичъ такихъ вещей въ руки не беретъ...

Наташа.—Что такое?

Исленьевъ.—«Объ искусствѣ будущаго» называется. Я прочелъ. Современно въ своемъ родѣ... Слова тоже все на подборъ—возвышенныя: лицезрѣніе, прозрѣніе, откровеніе, просвѣтлѣніе, искупленіе... И въ заключеніе: искусство должно быть мистеріей... Ахъ, Богъ ты мой! Хорошія какъ будто вещи. Но какъ начнетъ-это наша литературная братія кучками, кружками собираться, да слова эти самыя выкликать... Мм... не знаю. Радѣнье какое-то раскольничье выходитъ... *(Жмурится и трясетъ головой. Потомъ, взглянувъ на Наташу и встрѣтивъ ея внимательный взглядъ, серьезно.)* Ничего, рѣшительно ничего я тогда за этими словами не слышу и не вижу. Точно вотъ... будто люди для того, чтобы лучше разсмотрѣть на небѣ звѣзды далекія,—натащили вдругъ факеловъ, лампъ, фонарей... Ничего я за ними не вижу.

Наташа *(задумчиво)*.—Я тоже не люблю, когда говорятъ объ этихъ вещахъ.

Исленьевъ *(помолчавъ. Тихо)*.—Вы, кажется, не въ томъ смыслѣ... *(Порывисто.)* А!... Хочется мнѣ иногда спорить съ вами... Ну, спорить, бороться не на жизнь, а на смерть... Святая вѣдь вы...

Наташа *(смутившись)*.—Почему?... Почему спорить?... *(Въ ко[illegible]ор шумъ.)* Что тамъ такое? *(Слышенъ громкій мужской голосъ)*: «[illegible] же это распорядился, позвольте узнать? Надѣюсь, не г. редакто[illegible]?... Какъ?... Кто это Наталья Алексѣевна?».. *(Наташа приподни[illegible]ется.)* Это профессоръ Дерновъ... Что такое?... *(Быстро идетъ въ [illegible]тору, въ дверяхъ встрѣчается съ профессоромъ.)*

[illegible]роф. Дерновъ *(въ дверяхъ. Громко)*.—Ахъ, это вы суда[illegible] *(Здоровается.)* Честь имѣю кланяться. Вашего супруга нѣтъ

дома, мнѣ сказали? Не возьмете ли вы на себя трудъ выяснить мнѣ маленькое недоразумѣніе съ вашей конторой.

Наташа *(въ сильномъ волненіи)*.—Пожалуйста, будьте любезны, войдите сюда... Я не понимаю...

Проф. Дерновъ *(входитъ и, не обращая вниманія на Исленьева, шумно усаживается у секретарскаго стола. Наташа отъ волненія не садится)*.—Дѣло въ томъ, что, отдавая Евгенію Осиповичу свою статью,—по его просьбѣ, я прошу замѣтить,—я имѣлъ неосторожность не условиться относительно гонорара. Ваша контора разсчитала меня по семидесяти рублей съ листа...

Наташа.—Да... Я думала... Это у насъ обычный гонораръ за такія статьи...

Проф. Дерновъ.—Извините меня, сударыня. Дѣло не въ деньгахъ, разумѣется, вы имѣете достаточное представленіе обо мнѣ, я надѣюсь... Но я позволилъ бы себѣ вамъ замѣтить, что именно обычный гонораръ, какъ вы изволили выразиться, для меня нѣсколько необыченъ... непривыченъ, хотѣлъ я сказать... И самая ваша постановка вопроса...

Наташа.—Но, право, я не знаю...

Проф. Дерновъ.—Побуждаетъ меня, говорю я, настаивать на болѣе правильномъ разсчетѣ.

Наташа.—Извините, г. профессоръ, но право...

Проф. Дерновъ.—Вашего супруга, къ сожалѣнію, нѣтъ дома. Но я покорнѣйше прошу васъ передать ему... мое недоумѣніе,—и надѣюсь, онъ со своей стороны, какъ человѣкъ опытный и... и... все такое *(поднимается)* найдетъ возможность исправить происшедшую неловкость.

Наташа.—Я передамъ...

Проф. Дерновъ.—Честь имѣю кланяться. *(Раскланивается, не подавая руки, и идетъ къ дверямъ. Наташа, въ растерянности, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ, потомъ круто поворачивается и безмолвно садится у своего стола, взявшись рукою за голову.)*

Исленьевъ *(все время смотрѣвшій издали на сцену съ профессоромъ, молча быстро ходитъ отъ окна къ столу. Въ конторѣ громко щелкаютъ на счетахъ. Внезапно остановившись, съ бѣшенствомъ)*.—Неужели васъ не раздражаетъ это щелканье на счетахъ?

Наташа *(тихо)*.—Меня—нѣтъ. Затворите дверь, если хотите.

Исленьевъ *(затворяетъ дверь, еще разъ проходитъ взволнованно взадъ и впередъ по комнатѣ и круто останавливается передъ Наташей)*.—Скажите, пожалуйста, вы долго еще будете это терпѣть?

Наташа.—Что терпѣть?

Исленьевъ.—Эту вотъ милую роль конторщицы, которую смѣетъ распечь всякій нахалъ!... Вы считаете это достойнымъ себя?

Наташа.—Я, право, не знаю, что меня «достойно»!... И что тутъ такого недостойнаго?... Ну, онъ былъ грубъ...

Исленьевъ *(перебивая)*.—И, главное, вѣдь вы вѣрите, что это что-то очень нужное человѣчеству, что-то идейное—эта вотъ ваша... работа...

Наташа *(тяжело дыша)*.—Константинъ Сергѣевичъ!... Я, право, не понимаю... почему вы хотите... подорвать... Вѣдь вы же не можете дать мнѣ другое дѣло... *(Обрывается.)*

Исленьевъ *(схватившись за голову, опускается подлѣ нея на стулъ)*.—Я не могу... я не могу вынести, чтобы вы терпѣли!...

Наташа *(быстро, стремительно, дрожащими губами)*.—А если я хочу?... Никто вѣдь меня не заставляетъ... Ну, да,—вы не можете этого понять, а я хочу...—хочу терпѣть!... У меня вѣдь нѣтъ въ жизни ничего другого... за что мнѣ держаться... Я только одно знаю: что нужно работать, дѣлать то, что трудно... Да! не гнаться за легкимъ, не рвать у другихъ... Не занимать собой много мѣста въ жизни... Потому что въ ней и безъ того такъ тѣсно, такъ... мало всего, такъ грубо... Ну... по крайней мѣрѣ, не стѣснять собой, облегчить немножко...

Исленьевъ.—О Боже мой!... Зачѣмъ вы меня такъ мучите...

Наташа.—Я? Мучу? Чѣмъ?

Исленьевъ.—Почему вы мнѣ не отвѣтили тогда, когда я вамъ написалъ?.. Вы хотѣли, чтобы я замолчалъ?... Я старался... Ну...

Наташа.—Нѣтъ, ради Бога!... Не говорите объ этомъ!... Мнѣ страшно!... Я васъ боюсь!...

Исленьевъ.—Боитесь?

Наташа.—Да. Я не совсѣмъ понимаю васъ... Вѣдь я же знаю: вы сами обо многомъ никогда мнѣ не говорили... Объ очень многомъ... Когда я съ вами, я не всему вѣрю, что я знаю... Но потомъ—[illegible]ть... Еще на этихъ дняхъ...

Исленьевъ.—На этихъ дняхъ? Вамъ что-нибудь разска[illegible]?

Наташа.—Да... Я не знаю... Можетъ быть, это не правда.

Исленьевъ.—Кто вамъ разсказалъ?... Шаховъ?

Наташа.—Нѣтъ!... Это все равно!

Исленьевъ *(михрадочно)*.—Костромской?... Ну да, я про-

игрался... Исторія въ участкѣ?... Ну да, правда... я былъ пьянъ... А? Неужели же... *(Наташа закрываетъ лицо руками.)* Наталья Алексѣевна!... *(Приближается къ ней.)* Неужели... Скажите... Скажите!... *(Въ конторѣ раздается голосъ Бредихина. Наташа вскакиваетъ и убѣгаетъ въ свою комнату. Исленьевъ быстро идетъ къ дверямъ въ контору.)*

Бредихинъ *(входя, нѣсколько разсѣянно)*. А! Это вы!... Мое почтеніе... Вы тутъ одни?... А Наталья Алексѣевна гдѣ?

Исленьевъ.—Кажется, она у себя.

Бредихинъ *(присаживаясь къ столу съ газетами)*. — Фу, усталъ!... Погода ужасная... Вы тутъ давно? Никто не приходилъ?

Исленьевъ.—По дѣламъ редакціи, кажется, никто. *(Служитель приноситъ и подаетъ Бредихину стаканъ чаю и уходитъ.)*

Бредихинъ *(озабоченно молчитъ и пьетъ чай. Потомъ внезапно, обративъ вниманіе на Исленьева)*.—А вы? Наталья Алексѣевна вамъ по обыкновенію не догадалась предложить?

Исленьевъ.—Не безпокойтесь, пожалуйста.

Бредихинъ.—Это рукописи. Такъ-съ. Что я хотѣлъ сказать?... Да... Повѣсть Костромского у васъ?... Я самъ ее хотѣлъ прочесть.

Исленьевъ.—Я прочелъ.

Бредихинъ.—Вотъ какъ!... Позвольте-ка, пожалуйста...

Исленьевъ *(начиная волноваться)*.—Напечатать совершенно невозможно... Плохая поддѣлка подъ современный стиль. Та, первая вещь, которую вы отвергли, ужъ во всякомъ случаѣ несравненно лучше. Тамъ хоть острые штрихи, юморъ есть...

Бредихинъ.—Съ такимъ юморомъ, позвольте вамъ замѣтить, и журналъ погубить недолго!... Г. Костромской, работая въ газетѣ, которая имѣетъ сто тысячъ подписчиковъ, можетъ, конечно, позволить себѣ такого рода юморъ и разные намеки по отношенію къ авторитетнымъ лицамъ. Но я бы считалъ по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ брать на себя отвѣтственность за напечатаніе подобной вещи. Журналъ издавать—это не то, что въ бирюльки играть-съ... Засимъ, я, какъ вы знаете, противъ того, чтобы литература затрагивала личности... Впрочемъ, напрасно мы съ вами тратимъ время: ту вещь я во всякомъ случаѣ не могу напечатать.

Исленьевъ *(сдерживая гнѣвъ, холодно)*.—Я и не настаиваю на этомъ, Евгеній Осиповичъ. Вотъ ужъ можно сказать, не стою за беллетристику г. Костромского. Я только говорю, что эту вещь въ всякомъ случаѣ нельзя напечатать... И такъ какъ у насъ бы

условлено, что, при моемъ совѣщательномъ голосѣ, я по крайней мѣрѣ имѣю право окончательно отвергать...

(Быстро выходитъ Наташа.)

Бредихинъ.—А! Это ты, Наташа... Что это ты—какая? Случилось что-нибудь?

Наташа *(въ сильномъ замѣшательствѣ)*.—Нѣтъ, ничего... Ну что? Учли вексель?

Бредихинъ.—Чортъ знаетъ что! Цѣлыхъ два часа торчалъ...

Наташа *(не слушая)*.—Тутъ профессоръ Дерновъ приходилъ. Ужасно непріятно... Недоволенъ гонораромъ.

Бредихинъ *(встревоженно)*.—Недоволенъ гонораромъ? Сколько же онъ хотѣлъ?

Наташа.—Не знаю, право...

Бредихинъ *(сердясь)*.—Да ты-то говорила съ нимъ или нѣтъ? Я надѣюсь, ты удовлетворила его претензію?

Наташа.—Ничего я не удовлетворила. Ты вѣдь знаешь, сколько денегъ у насъ сегодня въ конторѣ. Да и вообще...

Бредихинъ.—Какъ это вообще?... По-твоему, конечно, нужно было показать ему, что мы цѣнимъ его не выше какого-нибудь Иванова или Петрова?

Исленьевъ.—Но вѣдь ты самъ сказалъ, что семьдесятъ рублей?...

Бредихинъ.—Я тебѣ, матушка, не разъ, а сто разъ говорилъ, что журналъ издавать это не то, что въ бирюльки играть... Въ этихъ дѣлахъ тактъ нуженъ, Наталья Алексѣевна, а не ваша прямолинейность... Крайне непріятная исторія!... *(Стукъ въ дверь.)* Войдите! *(Входятъ Вѣра Павловна и Лапина.)* А-а!... *(Идетъ навстрѣчу.)* И Глафира Ивановна къ намъ пожаловала! Наконецъ-то! *(Здороваются.)*

Вѣра Павловна. Перчатки ужъ сняла: совсѣмъ мокрыя. Погода ужасъ: дождь и снѣгъ... Кажется, и пакетъ смокъ... *(Вынимаетъ изъ муфты свертокъ.)* Вотъ! Извините. Запоздала немножко.

Бредихинъ.—Да, признаться, типографія совсѣмъ замучила. Каждый день напоминанья.

Вѣра Павловна *(Наташѣ)*. — Я васъ ждала-ждала.

Наташа *(не глядя на нее)*.—Вы это время работали.

Бредихинъ.—Ну, какъ поживаете, Глафира Ивановна? Продолжаете посѣщать курсы? *(Отводитъ ее и усаживаетъ на диванъ.)*

Вѣра Павловна *(Исленьеву, который, стоя, перебираетъ*

газеты).—Мнѣ вчера нужно было видѣть васъ... по одному дѣлу. Я ждала.

Исленьевъ *(не поднимая головы).*—Да, простите ради Бога... У меня рукописи были не прочитаны. *(Указываетъ на кучу рукописей, оставшихся на столѣ. Наташа беретъ ихъ и начинаетъ торопливо убирать въ ящики. Стукъ въ дверь.)*

Бредихинъ. — Войдите. *(Входятъ Шаховъ и постоянный сотрудникъ.)* А-а! Сергѣй Ивановичъ? Мое почтенье.

Шаховъ *(вытирая лицо и усы).*—Ну, и погодка я вамъ скажу! Туманъ и мокрый снѣгъ!... Глафира Ивановна! Вотъ неожиданность!...

(Здороваются.)

Постоянный сотрудникъ *(у стола съ газетами, Исленьеву).*—Ну, что? По моей части ничего особеннаго нѣтъ?

Шаховъ *(подходитъ къ Наташѣ, которая все еще укладываетъ рукописи).* — Наталья Алексѣевна!... Вы сегодня не милостивы!

Наташа.—Что вы!... У меня голова немножко болитъ.

Шаховъ.—Ну, а подписка какъ?

Наташа.—Какая-жъ теперь подписка! По два, по три пакета въ день!

Шаховъ.—Э-э! А я то разсчитывалъ!... Впрочемъ, можетъ быть,—всетаки? Парочку подписчиковъ?—авансомъ?

Наташа.—Право, Сергѣй Ивановичъ, ничего нѣтъ. Не знаю, какъ гонораръ сегодня уплатить.

Шаховъ.—Ахъ ты грѣхъ какой!... Просто ужасъ, какъ здѣсь свистѣть. *(Хлопаетъ по карману.)* Когда же это мы будемъ съ вами богаты?

(Во время этого разговора появляется Сабуровъ. Всѣ присутствующіе бесѣдуютъ между собой и курятъ. Исленьевъ молча просматриваетъ газеты. Служитель приноситъ на подносѣ чай. Вѣра Павловна съ чашкой чаю подходитъ къ столу Наташи.)

Наташа *(избѣгая глядѣть ей въ глаза).*—Какой у васъ сегодня усталый видъ.

Вѣра Павловна.—Не знаю, отъ погоды, что ли,—такая тревога, такая тоска... Впрочемъ, и легла-то я сегодня въ семь утра. Цѣлую ночь строчила!

Наташа.—Какъ это ужасно!

Вѣра Павловна.—Ну, что! Сама виновата. Плохо работала за этотъ мѣсяцъ.

Лапина *(подходя).*—Можно?... Вѣра Павловна, у меня къ вамъ просьба. Спросите, пожалуйста, Евгенія Осиповича про этотъ французскій романъ, который я ему прислала просмотрѣть.

Вѣра Павловна. — Неужели вы стѣсняетесь? Хорошо... Евгеній Осиповичъ!

Бредихинъ.—Что прикажете?

Вѣра Павловна.—Глафира Ивановна интересуется знать, прочли ли вы тотъ романъ, который она вамъ прислала.

Бредихинъ *(подходя ближе)*.—А, да... Какъ же-съ... Очень признателенъ.

Лапина *(застѣнчиво)*.—Я не то, чтобы сама переводить хотѣла. Я думала—Вѣра Павловна; потому что это интереспая вещь.

Бредихинъ.—Н-да, конечно... Но собственно для перевода—я не думаю!... Очень ужъ знаете много позволяютъ себѣ эти молодые французы. Вѣдь это ужъ и не Золя!... Что Золя!...

Лапина *(смутившись)*.—Мнѣ показалось, что это талантливая вещь.

Вѣра Павловна *(волнуясь)*.—Вотъ, право, не ожидала... А д'Аннунціо?... Вы же печатали!

(Исленьевъ опускаетъ газету и слушаетъ.)

Бредихинъ.—Ну, то, знаете, міровая величина... Какое же сравненіе!... Что публика прощаетъ знаменитости, то въ молодомъ, начинающемъ писателѣ... Словомъ-съ quod licet lovi, non licet bovi.

Исленьевъ.—Въ переводѣ на русскій языкъ: что можно дѣйствительному статскому совѣтнику, титулярному нельзя! Мнѣ нравится это примѣненіе табели о рангахъ къ вопросамъ искусства!

Бредихинъ.—Вамъ, кажется, угодно шутить этими вопросами?

Шаховъ *(подошедшій вмѣстѣ съ Сабуровымъ, фамильярно кивая головой на Исленьева)*.—Что съ нимъ сегодня? Какая муха его укусила?... *(Исленьеву.)* Нѣтъ, серьезно, меня эта тема интересуетъ. Я отчасти согласенъ съ Евгеніемъ Осиповичемъ, что современные писатели хватаютъ черезъ край... *(Въ это время Наташа, выходившая въ контору, возвращается и садится поодаль.)* Вы читали мою послѣднюю статью?... Неужели вы серьезно думаете, что такъ-таки всякая тема можетъ быть предметомъ искусства.

Исленьевъ *(нервно)*. — Ну, что же изъ этого? Ну, не вся[illegible]. Напримѣръ—плевокъ на полу!... *(Иронически.)* Пользуюсь вашимъ остроумнымъ сравненіемъ!... Но почему? Вовсе не потому, что [illegible] тамъ грязь или что-нибудь такое, а просто потому, что это вещь содержательная, мертвая!... А искусство имѣетъ дѣло съ тѣмъ, [illegible] живетъ, ну и, значитъ, новую жизнь рождаетъ... И никакого [illegible]ъ края и черезъ края быть не можетъ!... Ха!... Умѣете изобразить вещи, сдѣлайте одолженіе, пожалуйста! Все, что угодно!... Все!

Все!... Слышите?... Только до конца, до самой сути!... Талантъ надо на это имѣть.

Шаховъ *(покачивая головой)*.—И всякій развратъ?

Исленьевъ.—А! развратъ! развратъ!... Что вы будете говорить... Думали вы когда-нибудь о томъ, что это такое? Почему?.. Мнѣ одна дама сказала разъ, что человѣкъ хуже звѣря, потому что человѣкъ развратенъ, а звѣрь нѣтъ... Почему же это именно человѣкъ? И почему слово это—развратъ. Потому что человѣкъ разворотить все хочетъ въ самомъ себѣ, всю душу свою, до самыхъ нѣдръ, до преисподней... Ищетъ!... Мало ему, этого вотъ всего, что кругомъ!... Ха! А вы думаете,—это такъ просто!...

Шаховъ.—Ну, признаюсь!...

Сабуровъ *(Исленьеву, горячо)*.—Вотъ именно. Я такъ васъ и понималъ... Внѣ добра и зла...

Исленьевъ *(дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе головой и отходитъ.)*

Бредихинъ.—Извините-съ меня, господа! Я васъ тутъ выслушалъ внимательно, а теперь позволю себѣ кое-что и возразить. Вы требуете полной, ничѣмъ—имѣйте въ виду, ничѣмъ!—не ограниченной свободы для искусства. Я долженъ вамъ напомнить, что даже политическая свобода, составляющая цѣль всѣхъ нашихъ стремленій, должна быть ограничена—законами!... Если мы не желаемъ анархіи, конечно!... Это во-первыхъ. Засимъ вы говорите такъ: дадимъ себѣ волю, будемъ рисовать зло, всякій развратъ во всемъ его... словомъ, ничѣмъ не стѣсняясь. Превосходно-съ! До тѣхъ поръ, пока ваше произведеніе лежитъ у васъ на столѣ, это, конечно, дѣло вашего личнаго взгляда. Но подумали ли вы о томъ, что, отдавая вашу вещь въ печать, вы уже берете на себя большую отвѣтственность! Да-съ. Ибо произведеніе ваше можетъ стать источникомъ соблазна для... для «малыхъ сихъ»: для подписчиковъ вашихъ...

Исленьевъ *(съ усмѣшкой)*.—Для подписчиковъ?

Бредихинъ.—Э-э... для читателей, я хотѣлъ сказать!... Кажется,—ясно!...

(Всѣ слегка усмѣхаются. Наташа начинаетъ тихо истерически хохотать. Общее движеніе.)

Шаховъ.—Наталья Алексѣевна!... Что съ вами?...

Наташа *(сдерживаясь)*.—Ничего... ничего... Дайте мнѣ, пожалуйста, воды... *(Шаховъ бѣжитъ за водой.)*

Бредихинъ.—Что это, мой другъ!... Ты сегодня совершенно больна. Я говорилъ, что ты слишкомъ себя утомляешь.

Наташа *(ставитъ на столъ стаканъ воды, поданный ей*

ковымъ, и встаетъ).—Нѣтъ, нѣтъ... ничего... Это прошло... Тамъ, кажется, пришелъ кто-то въ конторѣ... *(Уходитъ къ себѣ въ комнату.)*

(Стукъ въ дверь. Появляется Костромской.)

Бредихинъ.—А-а! Г. Костромской!

Костромской.—Уфъ, какъ у васъ здѣсь шумно и тепло!... Погода—петербургскій адъ!.. Всѣ глаза залѣпило!... Мое почтенье. А-а!... Глафира Ивановна! Какими судьбами? *(Цѣлуетъ ея руку и подсаживается къ ней.)*

Вѣра Павловна *(подходя къ Исленьеву, который сидитъ у секретарскаго стола).*—Господи, какой кошмаръ!..

Исленьевъ.—Что?

Вѣра Павловна.—Не знаю... Не знаю, что это... Мнѣ нужно васъ видѣть. Вы не можете сегодня?

Исленьевъ *(не глядя на нее).*—Нѣтъ... Послѣ завтра днемъ, если вы свободны.

Вѣра Павловна.—Послѣ завтра?.. *(При видѣ приближающагося Бредихина отходитъ.)*

Бредихинъ *(Исленьеву).*—Дайте мнѣ, пожалуйста, его рукопись... Куда это, въ самомъ дѣлѣ, Наташа ушла?... *(Оборачиваясь.)* Извините, Максимъ Григорьевичъ, сейчасъ я къ вашимъ услугамъ.

Исленьевъ.—Я отдалъ рукопись Натальѣ Алексѣевнѣ.

Бредихинъ.—Ну, все равно. *(Направляясь къ Костромскому, любезно.)* Ко мнѣ зайдемте. *(Уводитъ его въ свой кабинетъ.)*

Лапина *(подходя къ столу, передъ которымъ продолжаетъ сидѣть Исленьевъ, и садясь сбоку, застѣнчиво).*—Вѣра Павловна обѣщала мнѣ, что какъ-нибудь... что вы съ ней какъ-нибудь ко мнѣ заѣдете?

Исленьевъ.—Съ удовольствіемъ, Глафира Ивановна.

Лапина.—Благодарю васъ... *(Помолчавъ.)* Я съ такимъ интересомъ слушала этотъ вашъ споръ...

Исленьевъ *(разсѣянно беретъ со стола Наташи ручку съ перомъ).*—Какое легонькое перышко!... Извините, я васъ слушаю.

Лапина *(вскинувъ на него глазами).*—Я хотѣла сказать, что мнѣ осталось неясно... Вы не кончили... То-есть тотъ вопросъ, который затронулъ Бредихинъ.

Исленьевъ.—Что именно?

Лапина.—Да вотъ... насчетъ соблазнительности... зла. Есть ли все-таки какая-нибудь святыня, ради которой...

Исленьевъ *(сосредоточенно, покачивая перышко).*—Соблазнительность зла?... Да вѣдь не такъ уже оно и соблазнительно,—чтобы идти до конца. Все равно въ жизни или въ изображеніи... За

обольщеніемъ наступаетъ разочарованіе... Да, разочарованіе въ этомъ самомъ... злѣ. Дымъ, горечь... Да и однообразно все, въ концѣ-концовъ, на землѣ. А святыни...

Шаховъ *(подходя)*.—О чемъ вы тутъ разговариваете?

Исленьевъ.—Нѣтъ, такъ, пустяки... Костромской ушелъ?

Шаховъ.—Нѣтъ, въ кабинетѣ.

(Рѣзкій сильный голосъ изъ конторы: «Можно видѣть редактора?» *Входитъ неизвѣстный молодой человѣкъ въ легонькомъ, порыжѣвшемъ пальто, въ большихъ калошахъ, съ озябшимъ лицомъ.)*

Неизвѣстный молодой человѣкъ.—Можно видѣть редактора?

Шаховъ.—Онъ сейчасъ занятъ. Вамъ что?

Неизвѣстный молодой человѣкъ.— Справиться. Относительно рукописи.

Шаховъ.—Такъ это къ секретарю. Потрудитесь подождать. *(Нажимаетъ кнопку звонка.)*

Неизвѣстный молодой человѣкъ.—Нельзя ли поскорѣе.

Шаховъ *(показавшемуся въ дверяхъ служителю)*. — Наталью Алексѣевну попроси.

Сабуровъ.—Однако я пойду... Да, вѣдь я и забылъ: у меня стихи... *(Шахову.)* Можетъ, вы будете такъ добры передать Евгенію... ну... Бредихину... Совсѣмъ память потерялъ... Ужасно!... Безсонница, погода эта.

Наташа *(входя)*.—Извините, пожалуйста...

Неизвѣстный молодой человѣкъ.—Вы секретарь? Позвольте узнать, статья моя еще не напечатана?

Наташа.—Простите,—ваша фамилія?

Неизвѣстный молодой человѣкъ. — Фамилія не подписана. Заглавлено: «О доходности нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятій». Обѣщали напечатать.

Наташа *(смущенно)*.—Да, да... помню. Нѣтъ, еще не напечатано.

Неизвѣстный молодой человѣкъ *(поднимая голосъ)*.—Что же это такое? Всегда у васъ такъ... за носъ водятъ?... Обѣщано вѣдь было.

Шаховъ.—Позвольте, молодой человѣкъ, вы не горячитесь! Ваша статья когда собственно принята?

Неизвѣстный молодой человѣкъ.—Когда!... То то вотъ и есть—когда! Больше году валяется. Съ голода триста разъ можно околѣть.

НАТАША.—Простите, пожалуйста... У насъ такъ много статей...

НЕИЗВѢСТНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.—А набираете зачѣмъ?... Сами брали, никто не заставлялъ... На потѣху, что-ли, люди работаютъ?... Прогрессивные журналы тоже называются!...

(Изъ кабинета быстро выходитъ Бредихинъ, за нимъ Костромской.)

БРЕДИХИНЪ.—Что такое? Что вамъ угодно?

НАТАША *(тихо)*.—Боже мой, какъ это тяжело!

НЕИЗВѢСТНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.—Ну, да,—вы вотъ и принимали... Отлично теперь помню. Что же это, скажите,—скоро это мучительство кончится? Хоть бы деньги заплатили!... На марки однѣ изъ провинціи сколько извелъ...

БРЕДИХИНЪ.—Вамъ вѣдь, кажется, отвѣтили, что авансы выдаются у насъ въ видѣ особаго исключенія... А засимъ, если вамъ угодно, никто не мѣшаетъ вамъ взять вашу статью обратно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ *(кричитъ, какъ отъ удара по головѣ)*.—Обратно? Обратно?... Какъ это обратно?

БРЕДИХИНЪ.—Да-съ... Наташа, достань эту статью... Чортъ знаетъ, что такое... Приходятъ скандалить... *(Наташа, совершенно растерянная, стоитъ.)* Достань, я тебѣ говорю... Вотъ здѣсь... Я самъ помню. *(Роется въ ящикѣ этажерки.)* Вотъ-съ, извольте получить обратно!

НЕИЗВѢСТНЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ *(машинально, дрожащей рукой беретъ рукопись, стоитъ нѣкоторое время въ остолбенѣніи, потомъ швыряетъ ее на полъ, такъ что листки разлетаются)*.—Нѣтъ!... Жгите, коли хотите... Куда же теперь еще?... Подлецы!... *(Большими шагами уходитъ. Общее длительное молчаніе.)*

ЛАПИНА *(нервно поднимаясь)*.—Здѣсь душно!

БРЕДИХИНЪ.—Накурено очень... И темно ужъ стало... зажечь свѣтъ. *(Въ контору.)* Василій!... *(Самъ зажигаетъ электричество. Вошедшему служителю.)* Подбери это... *(Служитель подбираетъ разлетѣвшіеся листки.)* Можетъ, еще явится!... *(Наташа незамѣтно уходитъ.)*

ШАХОВЪ *(вставая)*.—Н-да... Что прикажете! Обычная исто-! Борьба за существованіе!

КОСТРОМСКОЙ.—Да... Что называется,—трагедія маленько человѣка!... Ну, я, однако, поспѣшу...

ЛАПИНА.—А гдѣ же Вѣра Павловна? Ушла?

ШАХОВЪ.—Вотъ странно!... Не простившись!...

КОСТРОМСКОЙ.—Вы идете, Глафира Ивановна? Одну секун—я васъ провожу. *(Бредихину.)* Такъ, значитъ, мы такъ и услоились: не въ эту книжку, а въ слѣдующую. *(Со смѣшкомъ.)* Не

выйдетъ со мной такой исторіи, какъ съ этимъ вотъ концомъ?... А Наталья Алексѣевна тоже исчезла. Ну, передайте ей мой привѣтъ... *(Всѣ, кромѣ Исленьева, прощаются и выходятъ.)*

Бредихинъ *(вдогонку)*.—Сергѣй Ивановичъ... Подождите минутку, вы мнѣ нужны... *(Голосъ Шахова:* Сейчасъ!)

Исленьевъ *(Бредихину)*.—Мнѣ только два слова.

Бредихинъ.—Чѣмъ могу служить?

Исленьевъ *(очень блѣдный)*.—Скажите, пожалуйста: вещь Костромского, которую вы обѣщали напечатать, та самая, которую я отвергъ?...

Бредихинъ.—Да-съ. Я счелъ нужнымъ ее напечатать.

Исленьевъ.—Разумѣется. Да, такъ я хотѣлъ сказать вамъ... впрочемъ, это ясно,—что я здѣсь больше не служу.

Бредихинъ *(кланяется)*.—Очень сожалѣю.

Исленьевъ.—Оставшіяся у меня рукописи я пришлю. Честь имѣю кланяться. *(Быстро уходитъ.)*

Бредихинъ.—Сергѣй Ивановичъ!...

Шаховъ.—Иду... *(Въ дверяхъ.)* А Исленьевъ ушелъ? Я и не замѣтилъ.

Бредихинъ.—Фу ты, Господи, прости!... Одна непріятность за другой!...

Шаховъ.—Что такое?

Бредихинъ.—Отказался... Ну, да Богъ съ нимъ. Дѣло не въ этомъ. Что я хотѣлъ сказать? Усталъ я, какъ собака, а мнѣ еще къ профессору Дернову надо ѣхать,—загладить эту исторію. Что-бишь? Да! Не возьмете ли на себя листикъ редакторской корректуры? Вы знаете, какъ это тамъ все.

Шаховъ *(бодро)*.—Отлично!

(Оба выходятъ въ контору. Потомъ Бредихинъ возвращается, громко окликаетъ: Наташа! Наташа! *Заглядываетъ изъ дали въ маленькій кабинетикъ, но видя, что тамъ темно, говоритъ:* Ну, все равно. *Тушитъ въ редакціи электричество и уходитъ въ свой кабинетъ.)*

(Наташа въ полутьмѣ неподвижно лежитъ у себя на кушеткѣ. Черезъ короткое время стукъ изъ конторы въ ея дверь.)

Наташа *(вскакивая)*.—Кто тамъ?

Служитель *(отворяя дверь)*. — Наталья Алексѣевна! Вы здѣсь? Тамъ Константинъ Сергѣевичъ проситъ васъ видѣть.

Наташа *(торопливо зажигая электричество, задыхаясь)* — Развѣ онъ не ушелъ?

Служитель.—Такъ что ушли и опять вернулись... Спрашиваютъ, что ежели можете принять...

Наташа.—Попроси. *(Безсильно опускается на кушетку, закрывая лицо руками. Служитель скрывается.)* Боже мой!

(Нервный стукъ въ двери. Быстро входитъ Исленьевъ.)

Исленьевъ *(опускаясь подлѣ нея на табуретъ, переводитъ дыханіе).*—Вотъ... Я не могъ... Я вѣдь больше не вернусь сюда... Вы слышали?

Наташа.—Да.

Исленьевъ.—Такъ вотъ... Вы понимаете...

Наташа *(въ смятеніи).*—Я ничего больше не понимаю.

Исленьевъ.—Что понимать... Все ясно... Такъ больше нельзя, Наталья Алексѣевна. *(Схватываетъ ея руку.)*

Наташа.—Нѣтъ!... Нѣтъ!... Оставьте! Это ужасно!... Это невозможно.

Исленьевъ.—Почему?

Наташа.—Вы сами знаете... я васъ боюсь...

Исленьевъ.—Вы думаете, что я такой развратный человѣкъ?... Нѣтъ!... Но я... погибну... Наташа, безъ васъ я погибну. Съ вами—клянусь—могу... все бросить...

Наташа.—О... Боже мой!... Я такая слабая.

Исленьевъ.—Я буду силенъ съ вами... ради васъ... Стану сильнымъ. *(Порывисто обнимаетъ ее.)*

Наташа *(вырываясь).*—Нѣтъ... Это невозможно... Самое главное... я не могу лгать...

Исленьевъ.—Зачѣмъ лгать? Кому? Я отниму васъ. Вы уйдете отсюда...

Наташа.—Нѣтъ, не то... Боже мой! или вы думаете—я не знаю?... Вѣра Павловна!...

Исленьевъ *(хватаясь за голову).*—А-а... что вы говорите!

Наташа.—Вѣдь это же правда?...

Исленьевъ.—Ну, что же дѣлать, Господи! — если... я люблю...

Наташа.—Она не знаетъ!

Исленьевъ.—Знаетъ!... Не можетъ не знать!... Я скажу...

Наташа.—Когда?

Исленьевъ.—Сегодня... Мнѣ видѣть васъ нужно, пойми-[illegible]!... я не могу больше сюда придти... Вы должны придти ко мнѣ...

Наташа.—Нѣтъ.

Исленьевъ.—Вы придете ко мнѣ... завтра... Завтра вечеромъ... Я буду ждать! Слышите? *(Схватываетъ ее въ объятія и начинаетъ цѣловать ея лицо.)*

НАТАША.—Нѣтъ... *(Испуганно.)* Тамъ кто-то идетъ!

ИСЛЕНЬЕВЪ.—Я буду ждать васъ... Слышите? Я буду ждать. *(Быстро уходитъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Квартира Вѣры Павловны. Неглубокая комната. Въ лѣвой стѣнѣ окно; передъ нимъ большой письменный столъ, заваленный книгами и бумагами. За нимъ, въ углу, этажерка съ книгами; наверху ея—корзина съ цвѣтами. Ближе къ рампѣ большое, покойное кресло. Въ задней стѣнѣ двѣ двери: лѣвая въ спальню, правая въ переднюю. Между ними тахта, отгороженная со стороны правой двери ширмочкой; передъ ней невысокій столикъ; подлѣ него мягкіе, низкіе стулья и табуретъ. У правой стѣны полки съ книгами, стулья; ближе небольшой раскладной столъ. На полу коверъ, на дверяхъ и окнѣ толстыя портьеры, по стѣнамъ фотографическіе снимки съ картинъ старыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. На письменномъ столѣ большая лампа. Черезъ раскрытую дверь передней видна—прямо—дверь на лѣстницу. Въ правой сторонѣ передней—дверь въ кухню, откуда выходитъ прислуга.

На тахтѣ, въ углу, сидитъ ПОЗДѢЕВЪ, въ креслѣ слѣва—ЛАПИНА.

ПОЗДѢЕВЪ.—Да-а!... вотъ какъ... Хорошо, что мы съ вами встрѣтились. Поговорили вотъ! Съ вами, знаете, какъ-то просто. Нѣтъ въ васъ этой нервозности петербургской... *(Приподнимаясь.)* А знаете,—скоро часъ, какъ я сижу. Еще придетъ ли она, разбойница? Зашла куда-нибудь,—засидѣлась! Необстоятельная женщина.

ЛАПИНА.—Вѣра Павловна? Что вы!

ПОЗДѢЕВЪ.—Да, право. Двадцать лѣтъ вѣдь ее знаю. Не старѣетъ она: такая же все горячая голова... А славно у нея тутъ. Безпорядочно немножко, но уютно... И духами пахнетъ.

ЛАПИНА.—Это не духи, а цвѣты. Она цвѣты очень любитъ.

ПОЗДѢЕВЪ.—Правда!... Пришлю ей завтра цвѣтовъ. Однако, что же это такое! Мнѣ еще по одному дѣлу нужно... *(Встаетъ.)* Спрошу еще дѣвушку. *(Кричитъ въ дверь.)* Эй, душенька! Послушайте!... *(Дѣвушка выходитъ.)* Правду это вы сказали, что Вѣра Павловна скоро будетъ? Можетъ, такъ только?

ДѢВУШКА.—Помилуйте, баринъ! Вѣра Павловна положительно сказали. Потому что онѣ васъ ждали.

ПОЗДѢЕВЪ.—Меня-то? Матушка моя! Да я самъ не зналъ, что у Вѣры Павловны буду,—вѣдь я только сегодня изъ провинціи

ДѢВУШКА.—Не знаю-съ. Только Вѣра Павловна непремѣнно-кого-нибудь ждутъ, потому что булокъ и сыру велѣли купить: онъ

сами не кушаютъ... Самоваръ, если желаете, можно и безъ нихъ поставить, потому что онѣ всегда такъ приказываютъ.

ПОЗДѢЕВЪ.—Распорядиться тутъ развѣ безъ нея?... Ну, что-жъ, валяйте. *(Въ передней звонокъ.)* Вотъ!

(Дѣвушка бѣжитъ отворять дверь. Поздѣевъ прячется за ширму, дѣлая знакъ Лапиной.)

ВѢРА ПАВЛОВНА *(въ передней. Громкимъ, запыхавшимся голосомъ).*—Баринъ? Константинъ Сергѣевичъ?... *(Быстро входитъ, не снимая пальто и шляпы.)* Глафира Ивановна?... Это вы?... А гдѣ же... *(Поздѣевъ со смѣхомъ приподнимается.)* Господи!... Вотъ испугали!... Такъ это вы!... Какъ же такъ?...

ПОЗДѢЕВЪ.—Да вотъ, какъ видите, опять прилетѣлъ въ вашъ гнилой Петербургъ. Все по тому же дѣлу... А вѣдь вы мнѣ не рады!

ВѢРА ПАВЛОВНА *(сердечно).*—Что вы, Анатолій Галактіоновичъ!... Полноте... *(Протягиваетъ ему руку, которую онъ цѣлуетъ.)*

ПОЗДѢЕВЪ.—Вы, кажется, Константина Сергѣевича ждете?

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Да. Онъ собирался. *(Раздѣвается, отдаетъ пальто и шляпу дѣвушкѣ, которая ждетъ въ передней.)* Чаю пожалуйста, Маша!

ПОЗДѢЕВЪ.—А мы ужъ тутъ безъ васъ...

ЛАПИНА.—Вѣра Павловна!... А это правда, что...

ВѢРА ПАВЛОВНА *(не замѣтивъ).*—Охъ, какъ устала. *(Садится въ кресло.)*

ПОЗДѢЕВЪ.—И все-то вы рыщете! Все-то вамъ не сидится!

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Я?... Да что вы, Анатолій Галактіоновичъ!... Въ публичной библіотекѣ была—справки нужны были... *(Шутливо.)* Удивительно, право, самоувѣренный народъ эти провинціалы. Заберутъ себѣ что-нибудь въ голову издали—и лучше самихъ насъ объ насъ все знаютъ!...

ЛАПИНА.—Вѣра Павловна!... Скажите, а это правда, что Константинъ Сергѣевичъ ушелъ совсѣмъ изъ «Молвы»?...

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Да, да... Какъ же... Ахъ, вѣдь мы не видѣлись съ вами съ тѣхъ поръ!

ПОЗДѢЕВЪ.—Какъ? Ушелъ-таки?... А я, грѣшнымъ дѣломъ, малъ еще, что вотъ, молъ, бранится-бранится человѣкъ, а не детъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Да вѣдь это не такъ просто, Анатолій лактіоновичъ!... Мало ли рабочему человѣку приходится терпѣть кой всячины. Одинъ къ одному, другой къ другому долженъ приабливаться. Трутся-трутся люди, пока не оботрутся, какъ стамѣдный пятакъ. *(Съ горечью.)* Вродѣ меня вотъ!...

Лапина.—Что вы, Вѣра Павловна!...

Поздѣевъ.—Скажете тоже!

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, нѣтъ!... Почему же не сказать правды! Вы думаете, это можно—такъ вотъ переводить изо дня въ день, цѣлую жизнь, все, что дадутъ, что не нравится вовсе,—и остаться самой собой?... Вѣдь это—знаете, что это такое?... Вы скажете—на худой конецъ... ну, ремесленный трудъ. Хуже, Анатолій Галактіоновичъ! Хуже!... Это... это проституція! Потому что нельзя тутъ механически работать: вѣдь книги-то, которыя я перевожу, въ самый мозгъ мой, въ самое мое существо входятъ, — туда вотъ, гдѣ слова рождаются... Я съ этими писателями—чужими мнѣ, гадкими—въ интимнѣйшій союзъ вступаю... безъ любви! Понимаете вы?—безъ любви, ради денегъ... Я вѣдь съ этими чужими дурацкими героями дни и ночи живу—никуда они отъ меня не уходятъ, изъ этой вотъ комнаты... *(Тихо, какъ бы про себя.)* А я бы съ геніями могла жить, потому что я умѣю переводить. Сама я, можетъ быть, ничто, но я сумѣла бы для геніевъ русскія слова найти.

Поздѣевъ.—Зачѣмъ же вы такъ, голубушка?

Вѣра Павловна.—Вотъ въ томъ-то и дѣло!... Зачѣмъ!... Потому что жизнь люблю, нужды вынести не умѣю. Беру ту работу, которую даютъ, которая меня ищетъ... Прежде боролась, искала лучшаго, обивала издательскіе пороги, проповѣдывала—голодать приходилось, мѣсяцами безъ работы сидѣла... Ну, и не вынесла...

Поздѣевъ *(сочувственно покачиваетъ головой).*

Лапина.—А отчего вы сами не пишете, Вѣра Павловна?

Вѣра Павловна.—Не знаю... Формы какъ-то не могу найти. Говорятъ, женщинамъ форма трудно дается... Что это, однако, самоваръ намъ не несутъ?... Довольно ужъ объ этомъ... Маша! *(Встаетъ. Поздѣевъ тоже.)* Маша!... *(Дѣвушка откликается изъ кухни.)*

Поздѣевъ *(прохаживается по комнатѣ и подходитъ къ полкамъ съ книгами).* — Книгъ-то у васъ сколько!

Вѣра Павловна.—Да. Только послѣднее время даже и не читаю. Не успѣваешь какъ-то, мечешься, за газеты хватаешься ждешь... А знаете... *(грустно улыбается)* — я только вотъ недав... уразумѣла, что многаго, многаго, что надо бы прочесть, такъ и н прочтешь! Такъ и умрешь, не прочитавши... А прежде казалось будто все еще можно успѣть въ жизни—все, что только нужно н вому человѣку!... Прочесть всѣ хорошія книги...

Поздѣевъ.—Ха-ха-ха... *(Лапиной.)* Я вамъ говорилъ: кой въ двадцать лѣтъ была...

Вѣра Павловна.—Ну, гдѣ же!... *(Вошедшая дѣвушка проворно отодвигаетъ, раскладываетъ и накрываетъ столъ. Вѣра Павловна помогаетъ ей.)* Видите, какія у меня тутъ приспособленія: тѣсно немножко.

Лапина.—А Константинъ Сергѣевичъ такъ и не придетъ!

Вѣра Павловна.—Придетъ еще, я думаю.

Поздѣевъ *(пройдясь по комнатѣ, разсматриваетъ книги и вещи на письменномъ столѣ).*—И чего тутъ только у нея нѣтъ! *(Беретъ въ руки толстую, переплетенную въ желтую кожу тетрадь.)* А это что такое?

Вѣра Павловна.—Это?... такъ, выписки разныя у меня тамъ, отрывочки.

Поздѣевъ.—Я помню, вы когда молоденькая были, у васъ тоже была такая тетрадь. Вы по ней гадали: раскроете этакъ вотъ на удачу... Теперь уже, пожалуй, не гадаете: философкой стали.

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, такая же суевѣрная...

Поздѣевъ *(поглаживая рукой переплетъ).*—Красивая штучка!

Лапина.—Можно посмотрѣть? *(Поздѣевъ передаетъ ей тетрадь, которую она смотритъ и кладетъ на столикъ.)*

Вѣра Павловна *(Поздѣеву).* — А вы тоже любите красивыя вещи?

Поздѣевъ.—Та-та-та!... Вотъ это мнѣ нравится!... Провинціалъ, думаете, мелкопомѣстный помѣщикъ, такъ ужъ и того! Нѣтъ, сударыня! Глаза у насъ тоже на мѣстѣ: замѣчаемъ... Я вотъ тотъ разъ домой вернулся, такъ матушка заставила меня про всѣ ваши костюмы разсказать.

Вѣра Павловна *(заваривает чай. Усмѣхаясь).*—Было что разсказать!... Ну, садитесь... Идите, Глафира Ивановна. *(Всѣ садятся.)*

Поздѣевъ.—Нѣтъ, а вы признайтесь,—почему это вы въ черномъ всегда ходите? Точно вдова какая!

Вѣра Павловна.—Да такъ... Цвѣтныхъ платьевъ должно быть непремѣнно много. И чтобы всѣ они были свѣжія, изящныя, дорогія... Тогда хорошо...

Лапина.—А я думала, вы просто не любите цвѣтного.

Вѣра Павловна.—О, нѣтъ... Если бы я была богата... э, глупости. *(Поздѣеву.)* Вы намъ лучше разскажите, что у васъ в провинціи дѣлается.

Поздѣевъ.—Не спимъ, не спимъ, голубушка! И къ намъ, къ Ильѣ Муромцу, калики-перехожіе дошли!... А меня знаете удивляетъ? Вотъ мы съ вами тутъ, кажется, добрый часъ про-

сидѣли—вотъ какъ вы пришли!—и все больше о литературѣ, о политикѣ ни полслова! Это теперь рѣдкость!...

Вѣра Павловна.—Ну, положимъ!... Какое же о литературѣ!... Просто... вопль о своихъ невзгодахъ, какъ повсюду раздается... Знаете, вѣдь пока живетъ человѣкъ изо дня въ день, будничной работой,—и не замѣчаетъ многаго, примиряется... А какъ выглянетъ по праздничному весеннее солнце, да выставитъ зимнюю раму—сразу очнешься. Боже мой, въ какой я живу пыли, какъ все старо и грязно... И душа ужъ не мирится съ привычнымъ: воли проситъ, вдаль уносится... Невозможнаго требуетъ!...

Лапина.—Невозможнаго, вы говорите?

Вѣра Павловна.—Ахъ, Боже мой!... Да, конечно!... Развѣ мы увидимъ обновленную, блаженную землю!

Поздѣевъ.—Какъ вы мрачно смотрите, однако.

Вѣра Павловна.—Я?... О, нѣтъ, напротивъ... я бы не могла жить, если бы не вѣрила... И теперь!... Я вѣрю въ близкую побѣду, въ лучшую жизнь для Россіи... Люблю ее больше прежняго—и вѣрю! Но мало, мало этого!... Я вѣрю, что все передѣлается, что трудъ будетъ свободный, что люди будутъ, какъ боги... Но вѣдь тогда насъ уже не будетъ!

Поздѣевъ *(задумчиво)*.—Да... конечно... человѣку хочется чего-нибудь и для себя!... Охъ-охъ-охъ! грѣхи наши тяжкіе... *(Допиваетъ чай и смотритъ на часы.)* Уфъ! десятый!... Мнѣ вѣдь бѣжать надо: боюсь, ужъ не опоздалъ ли!... *(Поздѣевъ и Вѣра Павловна встаютъ. Лапина тоже поднимается.)*

Вѣра Павловна.—Посидите еще, Глафира Ивановна.

Лапина.—Да. Мнѣ еще хотѣлось...

Поздѣевъ.—Завтра постараюсь еще забѣжать... *(Въ передней, одѣваясь)*. Часовъ въ пять будете дома?...

(Лапина подходитъ къ письменному столу и садится въ задумчивости. Вѣра Павловна и дѣвушка провожаютъ Поздѣева.)

Вѣра Павловна *(когда дверь на лѣстницу захлопнулась, изъ передней)*. —Глафира Ивановна, хотите еще чаю?

Лапина *(встрепенувшись)*. — Нѣтъ, спасибо, Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна.—Такъ убирайте, Маша. Все равно, холодный будетъ.... *(Дѣвушка убираетъ посуду со стола.)*

Лапина.—А я все поджидала васъ... съ Константиномъ Сергѣевичемъ.

Вѣра Павловна.—Да... я сама его почти не видѣла это время... Должно быть, пишетъ. Онъ, когда пишетъ, всегда прячется

отъ людей. Хотите въ это кресло?... Тутъ покойно. *(Лапина отрицательно качаетъ головой.)* Ну, такъ я... Устала!

Лапина.—А я все думала... Ко мнѣ Шаховъ пріѣзжалъ. И поэта съ собой привозилъ—Сабурова этого... Они и разсказали.

Вѣра Павловна.—Пріѣзжали къ вамъ?

Лапина *(самолюбиво. Покраснѣвъ).*—Да, непріятно это. На что я имъ—сама-то я!... Вѣдь я отлично понимаю... Мейснеръ этотъ тоже заходитъ... А тетушка моя думаетъ...*(Натянуто усмѣхается.)*

Вѣра Павловна.—Что?

Лапина.—Извѣстно, что старыя тетушки думаютъ въ такихъ случаяхъ. Глупо это!... *(Вздыхаетъ.)* У всякаго свое... Я васъ хотѣла спросить, Вѣра Павловна... насчетъ Константина Сергѣевича вотъ... Какъ же онъ теперь будетъ?

Вѣра Павловна.—Не знаю, право. Можетъ быть, больше писать будетъ.

Лапина *(смущенно).*—Ну-да... А печатать-то?... И потомъ... Вотъ вы говорили сегодня... Знаете, съ тѣхъ поръ, какъ я тамъ была, и видѣла... и разговоръ этотъ... Когда я уходила оттуда, я думала: неужели онъ тамъ останется?... *(Волнуясь.)* Вѣдь правда—для такого человѣка, какъ онъ... это должно убивать... И вотъ то, что вы сегодня говорили...

Вѣра Павловна. — Глупо какъ-то!... Вдругъ прорвалось!...

Лапина.—Нѣтъ, напротивъ, Вѣра Павловна... Я вотъ и думала... знаете... *(Все болѣе смущаясь и волнуясь.)* У меня вѣдь деньги въ дѣлѣ, какъ это говорится... *(Вѣра Павловна хочетъ перебить ее.)* Нѣтъ, постойте, я сейчасъ скажу... Вѣдь меня это тяготитъ—деньги, и все. И я съ такой радостью бы... продала бы... и все, все. Потому что, когда такой человѣкъ, какъ Константинъ Сергѣевичъ!... вы оба... Мнѣ кажется, это можно устроить... журналъ... Потому что вѣдь Константинъ Сергѣевичъ... *(Съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ.)* Это было бы счастье для меня!... *(Закрываетъ лицо руками.)*

Вѣра Павловна *(очень взволнованная, быстро поднимается, кладетъ на ея голову руку).*—Милая... Глафира Ивановна! Какой вы рошій человѣкъ!...

Лапина *(припавъ головой къ ея груди и не отнимая рукъ отъ ца, вздрагиваетъ отъ рыданій).*—Вы ему скажите... Я хотѣла сама написать... но не смѣла... потому что это... такъ стыдно... пе-ь настоящими людьми... какъ онъ! А я... я не знаю... все въ отдала бы... жизнь...

Вѣра Павловна *(въ смятеніи)*.—Хорошая... я ему скажу... Зачѣмъ вы плачете?...

Лапина *(откинувъ голову, сквозь зубы)*.—О-о!—Такъ тяжело!... Больно!... Вѣдь онъ можетъ подумать... *(Съ гнѣвомъ кричитъ.)* А-ахъ! Пусть они всѣ къ чорту, деньги эти проклятыя!... Вѣдь мнѣ обидно, что люди думаютъ, будто я... купчиха какая-то... Не ко мнѣ идутъ, а нужно имъ что-то отъ меня!...

Вѣра Павловна *(отшатнувшись)*.—Глафира Ивановна!... Перестаньте!...

Лапина *(хватая ея руки)*.—О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Что вы! *(Заливаясь слезами.)* О Боже мой, Боже мой... Гадкая я какая... Вотъ видите теперь, какая я гадкая, низкая... Теперь... теперь... О Господи! Дайте мнѣ воды... Простите меня...

Вѣра Павловна.—Да, да... успокойтесь ради Бога... *(Идетъ въ спальню и быстро возвращается. Лапина судорожно машетъ себѣ платкомъ въ лицо.)* Ну вотъ... Хотите капель?...

Лапина.—Нѣтъ, нѣтъ... *(Вздыхаетъ.)* Теперь прошло... Находитъ на меня... *(Пьетъ воду.)* Поговоримъ какъ надо... А то *(вздыхаетъ)*... вѣдь я же серьезно... *(Испуганно приподымается.)* Вы слышали?.. Звонятъ... Это Константинъ Сергѣевичъ!

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, что вы... Вамъ показалось... *(Въ передней тихій звонокъ.)* Да, правда... Но это не его звонокъ...

Лапина.—Я уйду... *(Дѣвушка отворяетъ дверь. Слышенъ тихій голосъ.)*

Вѣра Павловна *(Лапиной.)*—Нѣтъ, постойте... *(Быстро идетъ къ двери.)* Да это Наталья Алексѣевна!

Лапина.—Ахъ Боже мой *(торопливо оправляется)*.

Наташа *(входитъ въ шапочкѣ, не поднимая вуали)*.—Да, я... Ахъ, тутъ Глафира Ивановна!... *(Здоровается, опускается на стулъ. Вѣра Павловна садится между ними.)*

Вѣра Павловна.—Снимите же шляпу!... Даже въ вуали!...

Наташа *(переводя дыханіе)*.—Я на минутку. Шла скоро...—морозъ... я предъ вами виновата, Глафира Ивановна: не собралась еще къ вамъ. Евгеній Осиповичъ тоже къ вамъ собирался.

Лапина.—Помилуйте,—зачѣмъ же! Онъ такъ занятъ!

Наташа.—Да... Особенно теперь. Подписочное время... И съ цензурой тоже было... Вообще...

Вѣра Павловна.—Да, поднимите же вуаль... Я такъ давно не видѣла васъ.

Лапина *(вставая)*.—Вѣра Павловна, я поѣду... Мнѣ вѣдь далеко...

Вѣра Павловна.—Такъ я къ вамъ пріѣду на этой же недѣлѣ... До свиданія... *(Обнимаетъ ее.)*

Лапина.—Нѣтъ, нѣтъ, не провожайте меня, пожалуйста... До свиданья, я буду ждать. *(Уходитъ.)*

Вѣра Павловна *(садится противъ Наташи на табуретъ).*—Какъ я рада, что вы зашли... Не опоздала я съ корректурой?

Наташа.—Нѣтъ, нѣтъ... *(Неувѣреннымъ голосомъ.)* Я пришла... Вы мнѣ такую милую записку написали... я была такъ... взволнована...

Вѣра Павловна *(съ недоумѣніемъ).*—Почему?... Я же всегда васъ такъ... *(Смотритъ на нее. Молчаніе.)* Наталья Алексѣевна! Что съ вами? Случилось что-нибудь?...

Наташа.—Боже мой...

Вѣра Павловна.—Но что же? Что такое? Какъ вы меня пугаете!...

Наташа.—Нѣтъ, нѣтъ... Ничего такого... не случилось... *(Молчаніе.)*

Вѣра Павловна *(тихо).*—Но тогда?..—Скажите.

Наташа *(закрывая лицо руками).*—Милая Вѣра Павловна... я не могу сказать. Я думала, вы уже...

Вѣра Павловна.—Боже мой!... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть... Но почему же вы говорите такъ, какъ будто... это что-нибудь ужасное?

Наташа *(съ трудомъ шевеля губами, словно въ безпамятствѣ).*—Да... Ужасно. Я не знаю,—можетъ быть, вы на моемъ мѣстѣ... я не знаю... Если бы вы мнѣ сказали тогда одно слово: откажись...

Вѣра Павловна.—Наталья Алексѣевна!... Какъ странно вы это... какъ будто это имѣетъ какое-то отношеніе ко мнѣ!...

Наташа *(не слыша ея).*—Что бы вы сказали?...

Вѣра Павловна *(подавшись къ ней всѣмъ тѣломъ, смотритъ ей прямо въ зрачки, беззвучно):*—Что?

Наташа.—Что?... *(Молчаніе.)*

Вѣра Павловна *(внезапно выпрямившись. Страннымъ ровнымъ голосомъ, тихо):*—Я бы сказала...—значитъ, такъ нужно!... *(Блѣдная, встаетъ.)*

Наташа *(тоже встаетъ, протягиваетъ къ ней руки, но сейчасъ же роняетъ ихъ).*—Я думала... вы знаете! Клянусь вамъ!...

Вѣра Павловна. *(Молчитъ.)*

Наташа.—О, такъ больно!... Теперь вы не захотите больше знать меня.

Вѣра Павловна *(поднявъ голову, блѣдная).*—Я?... Полноте!...

Наташа *(схватываетъ ея руку и приближаетъ къ губамъ, какъ бы желая ее поцѣловать, но останавливается и удерживаетъ ее въ своихъ рукахъ. Сквозь слезы).*—Я не знаю, какъ это случилось.

Вѣра Павловна.—Зачѣмъ разсуждать... *(Строго:)* И не мучьтесь!... не нужно мучиться. *(Молчаніе.)*

Наташа.—Я пойду.

Вѣра Павловна.—Да.

Наташа *(безсильно сжимая ея руку).*—Мы увидимся?

Вѣра Павловна.—Да.

Наташа.—Я пойду. *(Опускаетъ вуаль и идетъ. Вѣра Павловна молча провожаетъ ее въ переднюю. Вышедшая дѣвушка помогаетъ ей одѣться и затворяетъ за ней дверь. Вѣра Павловна неподвижно стоитъ въ дверяхъ.)*

Дѣвушка.—Вѣра Павловна, огонь здѣсь погасить можно?

Вѣра Павловна.—Можно.

Дѣвушка.—Константинъ Сергѣевичъ, вѣрно, ужъ не придутъ.

Вѣра Павловна.—Нѣтъ.

Дѣвушка.—Мнѣ ложиться можно?

Вѣра Павловна.—Да... Покойной ночи, Маша... *(Дѣвушка тушитъ лампу въ передней и уходитъ.)*

Вѣра Павловна *(медленно идетъ и опускается на низенькій стулъ. Нѣкоторое время сидитъ прямо и совершенно неподвижно, словно спитъ на яву. Потомъ слегка вздрагиваетъ и обводитъ глазами комнату. Ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ):* — Неужели совсѣмъ?... *(Отбрасывая руку, случайно касается переплетенной тетради, оставшейся на столикѣ, глядитъ на нее, медленно беретъ въ руки, раскрываетъ наугадъ и начинаетъ тихо, монотонно, сначала какъ бы безсознательно читать:)* «Издалека этотъ день, Владычица, провидя и о немъ какъ о пришедшемъ помышляя, слезами теплыми молился: не забудь меня...

«Но вотъ меня, Владычица, страхъ объемлетъ,—его я и боялся... Подвигъ великій предстоитъ мнѣ... О, будь же въ немъ помощницей, надежда на спасеніе мое...

«Уста мои молчатъ и языкъ мой нѣмѣетъ, но сердце вѣщаетъ огонь страданія, все во мнѣ снѣдая, глубже внутри возгорается...

«Душа моя! Душа моя!... Возстань же! Что спишь ты? Конецъ приближается, скажи свое слово»... *(Закрываетъ тетрадь.)* А-а!... Отходная!... *(Поднимаетъ вверхъ лицо и руки и нѣсколько живее*

сидитъ такъ. Потомъ вся опускается и затихаетъ... Въ передней сильный звонокъ. Вѣра Павловна вскакиваетъ, быстро идетъ въ переднюю, отворяетъ дверь. Голосъ Исленьева въ темнотѣ: «Это я!... Вѣрно ужъ думали—не приду». *Раздѣвается и выходитъ. Вѣра Павловна выходитъ вслѣдъ за нимъ и молча опускается на прежнее мѣсто. Онъ тоже садится.)*

Исленьевъ *(хрипловатымъ голосомъ).*—Часа три тому назадъ направился къ вамъ. Да задержали. Старый знакомый встрѣтился...

Вѣра Павловна *(молчитъ).*

Исленьевъ *(возбужденно и разсѣянно, не глядя на нее).*—Славный такой малый, хоть и богатый человѣкъ... Я у него какъ-то разъ тысячу рублей взялъ. Ѣздилъ куда-то въ то время—не помню ужъ куда... Уплачивалось это тамъ какъ-то или погашалось... Что вы молчите?... Замѣтили, что я немножко пьянъ?... Къ Палкину съ нимъ зашли... Вы не браните, это сейчасъ пройдетъ... А у васъ гости были?... Мнѣ вашъ швейцаръ сказалъ.

Вѣра Павловна.—Да.

Исленьевъ *(взглядываетъ на нее. Тревожно).*—Что же это?

Вѣра Павловна *(собирается съ силами).* — Тутъ... Тутъ Глафира Ивановна была.

Исленьевъ.—А! Ну и что жъ?

Вѣра Павловна.—Ничего... То-есть... *(Переводя дыханіе, безжизненнымъ голосомъ)*—это очень важно. Она предлагаетъ... просила вамъ передать, что если бы вы хотѣли имѣть свой журналъ, она была бы рада, т.-е. готова отдать на это все свое состояніе.

Исленьевъ.—О-о!... *(Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, останавливается).*—Это вы ее склонили?... Я вѣдь просилъ васъ...

Вѣра Павловна *(сухо).*—Нѣтъ. Не я. Вѣдь, кажется, я вамъ обѣщала!... Она сама пріѣхала съ этимъ.

Исленьевъ.—Странно!... Какъ это она вздумала? *(Ходитъ по комнатѣ, совершенно отрезвившись.)* Послушайте, это серьезно?

Вѣра Павловна.—Конечно.

Исленьевъ.—Странно... *(Молчаніе.)* Почему же вы не рады?

Вѣра Павловна.—Я рада.

Исленьевъ.—Но тогда... *(Пристально смотритъ на нее)...*—вы рдитесь на меня?... *(Продолжаетъ смотрѣть на нее, садится.)*

Вѣра Павловна.—О, нѣтъ!... *(Помолчавъ, тихо.)* Тутъ... На я Алексѣевна была.

Исленьевъ *(отшатнувшись).*—Была?... у васъ?... Ну?...

Вѣра Павловна.—Ну... и теперь... *(начинаетъ дрожать)* все стало... совсѣмъ ясно...

Исленьевъ *(хватаясь за голову)*. — Боже мой, какъ это ужасно!...

Вѣра Павловна.—Нѣ-ѣтъ... почему?... *(Стараясь побороть дрожь.)* Что же это? Я была совсѣмъ спокойна. Это сейчасъ пройдетъ... Почему?... Я была совсѣмъ...—нѣтъ, что я хотѣла сказать?... Ну-да, вѣдь это же понятно.

Исленьевъ *(нѣсколько мгновеній молчитъ)*. —Если бы вы знали, что я пережилъ за эти двѣ недѣли!... Боже мой!.. Что вы должны были думать обо мнѣ?... Хотѣлъ сказать—не могъ... Прятался отъ васъ... Ужаспо...

Вѣра Павловна *(овладѣвая собой, слабымъ ровнымъ голосомъ)*. Зачѣмъ? Со мной просто. Если бы я догадалась раньше, я бы... сама... позвала васъ, написала, сказала бы... что вотъ—такъ. Ну и...

Исленьевъ *(долго смотритъ на нее.)*—Вы... не знали?

Вѣра Павловна.—Нѣтъ. Чувствовала что-то такое, какъ всегда, когда... Ха!... будемъ откровенны, къ чему себя щадить: все равно, вы вѣдь знаете, какая я!... я столько разъ... чувствовала то же самое...—ну, ревность!—напрасно... что сбилась. И потомъ... Нѣтъ, это былъ кошмаръ какой-то, эти двѣ недѣли... Неужели вы думали—я такъ слаба, не смогу перенести?... Я же знала, что это когда-нибудь будетъ, что я не удовлетворяю васъ, мучу напрасно, пристаю... и что вы уйдете отъ меня.

Исленьевъ *(порывисто.)*—Уйду, вы сказали?... Никогда!... *(Припавъ головой къ ея руке)*. Никогда! Никогда не уйду отъ васъ... родная моя... что бы ни было... Если бы вы знали, какъ это все—въ душѣ...

Вѣра Павловна *(мѣняясь въ лицѣ, осторожно высвобождаетъ свою руку)*.

Исленьевъ *(поднимая голову, нѣкоторое время сидитъ, подпирая лобъ рукой и закрывъ глаза.)*—Не понимаете?... Вы думаете такъ это просто у меня: другая вошла въ душу, такъ ужъ и... При такой близости—и... и вонъ изъ сердца? кончено?... А-а! кто сказалъ, что это такъ должно быть? что это всегда такъ?... Да развѣ одинъ человѣкъ замѣняетъ другого? Если я ее... полюбилъ,—ну, а! нужно же это сказать!... жить безъ нея не могу... Но...—или вы потребуете, чтобы я отъ васъ ушелъ прочь? Зачѣмъ? Развѣ не можете понять,—вы, вы!...

Вѣра Павловна *(глядя на него изъ глубины души шопотомъ* — Могу.

Исленьевъ.—Да?... Тогда я счастливъ... счастливъ... *(Беретъ ея руку, лежащую на столѣ, и прижимается къ ней виском.)* Вы поняли.

Вѣра Павловна *(задумчивымъ, дрожащимъ голосомъ, глядя вдаль.)*—Почему нѣтъ? Вѣдь мать любитъ перваго ребенка и тогда, когда у нея есть второй. Неужели эта... эта вѣрность можетъ быть только у матери?... Неужели надо непремѣнно разлюблять, бросать?... Я часто думала объ этомъ... Сначала одна, потомъ другая—это можно. Но ради этой другой первую зачѣмъ-то нужно совсѣмъ выбросить изъ души! Зачѣмъ?—если только душа вмѣщаетъ... Вѣдь люди такъ несовершенны,—а ищутъ совершеннаго... И потому человѣкъ не можетъ вполнѣ и навсегда наполнить собою другого. И люди знаютъ это и мучатся страхомъ, что ихъ разлюбятъ... *(Помолчавъ)* О, если бы я думала, что вы не уйдете отъ меня совсѣмъ! Я бы не мучилась такъ... и васъ бы не мучила... Неужели—женщинѣ, скажемъ,—легче, чтобъ тотъ, кого она любитъ, совсѣмъ ушелъ, чѣмъ... чѣмъ подѣлиться своимъ счастіемъ?... Но я это не о себѣ говорю, нѣтъ, нѣтъ... Ко мнѣ это совсѣмъ не относится. Мнѣ теперь легко и ничего не нужно... Вы не вѣрите?... Я думаю, мнѣ теперь самое лучшее уѣхать куда-нибудь.

Исленьевъ.—Уѣхать?... Зачѣмъ?...

Вѣра Павловна.—Постойте!... Слушайте, милый... Мнѣ легко, потому что—да! мнѣ такъ дорого то, что вы сказали... И потомъ, я вижу теперь, что всѣ эти пять лѣтъ—вѣдь уже пять лѣтъ, что... что мы такъ близки, что я васъ... и... что я хотѣла сказать?...—да, что это не напрасно... И я такъ ясно понимаю... неизбѣжность всего и вѣрю, что теперь вы будете... настоящимъ самимъ собою,—такимъ, какимъ я васъ чувствовала, но какимъ вы еще не были. Теперь...—о, я понимаю! можетъ быть, завтра я перестану понимать, но теперь это такъ ясно, такъ ясно!—что именно она вамъ нужна: такая вотъ—цѣльная, осторожная, легкая... Она слабѣе васъ,—и это хорошо, потому что мужчина становится сильнымъ, когда идетъ рядомъ съ женщиной, которая нуждается въ его силѣ и которая ему дорога... Вы будете сильнымъ, и я буду счастлива... Потому что я васъ люблю... васъ, васъ одного!...

Исленьевъ *(опускается передъ ней на колѣни и хочетъ обнять ее).*

Вѣра Павловна *(отстраняя его руки.)*—Не надо... Умоляю васъ!... Выслушайте до конца... Это не надо, нельзя...

Исленьевъ *(приникнувъ лицомъ къ ея колѣнямъ, глухо.)*—

Вѣра Павловна.—Потому... потому что... ради нея... И вамъ самому тоже лучше будетъ, если мы будемъ съ вами... просто родными... Она не поняла бы. Она цѣльная, и вы для нея—все. И потомъ, она молода. Нужно много жить и страдать, чтобы понять это... Ей и такъ трудно понять васъ—со всѣмъ, что вы творили... Если вы не сможете ради нея сдержать себя, она уйдетъ отъ васъ... или еще хуже... Но этого не будетъ... Вѣдь вы возьмете ее къ себѣ, совсѣмъ,—иначе ей было бы тяжело. И жизнь ваша съ ней будетъ прекрасна... А я уѣду...—не совсѣмъ, на время, чтобы все это забылось, стало проще... Это нужно. И я хочу этого для васъ... и для нея,—потому что я люблю васъ и такъ хочу для васъ... счастья... нѣтъ!... солнца... чуда!...

Исленьевъ *(осыпаетъ поцѣлуями ея руки).*

Вѣра Павловна *(отнимаетъ руки и кладетъ ихъ на его опущенную голову, какъ бы благословляя.)*—Когда-нибудь... не скоро!...—когда вся жизнь будетъ иная, и на землѣ не будетъ больше того, что называется теперь—собственностью, и люди будутъ во всемъ свободны,—они поймутъ, что и человѣческая душа не можетъ быть собственностью другой души... И мало-по-малу, покоряясь неизбѣжному и любя свободу, они поборятъ въ себѣ стяжательность сердца и не будутъ скорбѣть и негодовать надъ тѣмъ, что человѣкъ, стремясь духомъ своимъ къ единому, высокому, любитъ на землѣ многое и многихъ... Тогда станетъ возможнымъ и прекраснымъ то, что теперь невозможно,—и легкимъ то, что давитъ и разбиваетъ наши жизни... А теперь намъ нужно разстаться.

Исленьевъ.—Вѣра...

Вѣра Павловна *(блѣднѣя и отстраняя его.)*—Иди!... Теперь иди, иди... Слышите... Я... я устала.

(Исленьевъ поднимается, молча глядитъ на нее, поднимаетъ голову и идетъ къ двери. Вѣра Павловна провожаетъ его со свѣчей въ переднюю и на лѣстницу, потомъ, безсознательно продолжая высоко держать свѣчу, возвращается въ комнату. Ставитъ свѣчу на письменный столъ, ищетъ чего-то глазами, разсѣянно закуриваетъ о свѣчу папиросу, опускается въ большое кресло у письменнаго стола, подноситъ папиросу къ губамъ, но вдругъ отбрасываетъ ее на полъ и, почти безъ чувствъ, откидывается къ спинкѣ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дача Глафиры Ивановны Лапиной въ Петербургѣ, на Каменномъ островѣ. Отрѣзокъ большой, роскошно отдѣланной комнаты, угломъ. Слѣва, ближе къ зрителю дверь въ переднюю, далѣе открытая дверь въ столовую. Между дверьми въ простѣнкѣ мебель въ новомъ стилѣ. Въ правой стѣнѣ, въ глубинѣ сцены, открытая стеклянная дверь на террасу и въ палисадникъ; видъ на Неву и зелень противоположнаго острова. Ближе къ зрителю—стеклянный выступъ, вродѣ закрытаго балкона или веранды, непосредственно соединяющейся съ комнатой; въ дальнемъ углу этой веранды—кушетка. Посреди комнаты круглый столикъ и стулья. Тумбочки, жардиньерки, розы и другіе цвѣты, букеты сирени и ландышей.—Майскій вечеръ. Свѣтло.—Марья Степановна Вахрушина разставляетъ безпорядочно стоявшіе стулья. Въ дверь изъ передней входятъ Вѣра Павловна и Поздѣевъ.

Вахрушина.—А-а, пожалуйте... Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна.—Позвольте васъ познакомить: Анатолій Галактіоновичъ Поздѣевъ.

Вахрушина.—А имянинница-то наша совсѣмъ уже заждалась васъ. Въ садъ они всѣ пошли съ гостями. Сейчасъ велю кликнуть. Садитесь, пожалуйста, ужъ извините. *(Выходитъ.)*

Поздѣевъ.—Ну, смотрите, Вѣра Павловна, затащили, такъ ужъ выгораживайте... Хоромы-то какія!... А это что же такое за матушка была?

Вѣра Павловна.—Тише вы!... Тетушка, а не матушка.

Вахрушина *(входя.)*—Послала... *(Поздѣеву).* А вы у насъ въ первый разъ быть изволите?

Поздѣевъ.—Да. Я вѣдь не здѣшній. Вчера только изъ провинціи. Вмѣстѣ съ Вѣрой Павловной пріѣхали.

Вахрушина *(Вѣрѣ Павловнѣ.)*—Да, а я-то и не спрошу!... Ну, какъ съѣздили?... Глашенька-то о васъ только и дѣло, что вспоминала. Повліяли бы вы на нее, Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна.—Т.-е. какъ?

Вахрушина.—Да что-жъ, сами посудите: дѣвушка молоденькая, а такая характерная, настойчивая. Все не по ней. Вотъ хоть и эта дача. Братъ покойный все ей въ полной комплекціи оставилъ,—такъ нѣтъ: все по-своему надо перевернуть... Все простоту у самую наводитъ.

Лапина *(входитъ.)*—Вѣра Павловна! Наконецъ-то! *(Крѣпко жметъ ей руку. Поздѣеву.)* И вы?

Поздѣевъ.—Ей-Богу не виноватъ! Все Вѣра Павловна! Заѣхъ къ ней сегодня вечеркомъ, а она къ вамъ собирается.

Вахрушина *(Вѣрѣ Павловнѣ.)*—Нѣтъ, вы полюбуйтесь на имянинницу-то нашу! Въ чемъ она. Для ангела-то своего—въ темномъ.

Лапина.—Тетя... Вы, пожалуйста, скажите, чтобы дали чаю... *(Вахрушина уходитъ).* Вѣра Павловна, наконецъ-то вы пріѣхали... Вы...—вы какъ-то измѣнились.

Вѣра Павловна.—Это всегда такъ кажется, когда долго кого-нибудь не видишь... Много народу у васъ сегодня?

Лапина.—Ахъ, это все Шаховъ выдумалъ. Я такъ не люблю именинъ, а онъ сталъ приставать, чтобы я устроила вечеръ сегодня, да еще при тетушкѣ... А Константинъ Сергѣевичъ? Такъ и не пріѣдетъ?

Вѣра Павловна.—Нѣтъ, я надѣюсь придетъ. Я и отъ себя ему написала. Я вѣдь еще не видѣла его послѣ возвращенія. И просила его заѣхать за Натальей Алексѣевной. Вы не въ претензіи за это? Вѣдь она къ вамъ такъ хорошо относится. Я не знаю, звали ли вы ее?...

Лапина.—Нѣтъ... я не рѣшилась. Конечно! Я очень рада... А вы знаете,—Бредихинъ вѣдь уѣхалъ въ Москву на этихъ дняхъ... Шаховъ говорилъ... *(Хмурясь).* Болталъ онъ тутъ, что-то,—сплетни... И Мейснеръ этотъ тоже... Ничему не вѣрю. Не люблю я ихъ всѣхъ.

Поздѣевъ.—Писателей-то не любите?

Вѣра Павловна.—Женскіе голоса!... Кто это?

Вахрушина *(вернувшись изъ столовой.)*—Барышни съ курсовъ.

(Съ террасы входятъ Шаховъ, Костромской, Сабуровъ и три курсистки).

Шаховъ.—Вѣра Павловна! Наконецъ-то!

Костромской *(здоровается. Поздѣеву.)*—А-а! Вотъ неожиданность! Помните на балу—осенью...

Вахрушина.—Глашенька, барышень-то съ Вѣрой Павловной познакомь. *(Обращаясь къ курсисткамъ.)* Это Вѣра Павловна,—извѣстная писательница.

Вѣра Павловна *(смѣясь.)*—Переводчица всего-навсего, Марья Степановна.

Вахрушина.—Ну, все равно. Съ иностраннаго языка, я думаю, еще труднѣе.

Костромской *(Вѣрѣ Павловнѣ.)*—Совсѣмъ измѣнили намъ, Вѣра Павловна... И сами измѣнились... Признаться, никакъ не могу себѣ представить, что можно дѣлать въ провинціи.

Сабуровъ.—Не знаю, можетъ быть, это субъективно, но мнѣ...

Шаховъ.—Пять мѣсяцевъ пропадали. А вѣдь за это время у насъ не одной воды много утекло. Времена-то какія!... Небойсь, и тамъ...

Поздѣевъ.—Не спимъ, не спимъ, батенька...

Сабуровъ.—Можетъ быть, это чисто личное, но мнѣ всегда кажется, что отъ людей, пріѣзжающихъ изъ провинціи, пахнетъ вотъ этимъ... воздухомъ и землей. Влажной весенней землей.

Маленькая курсистка.—Фу! Вотъ выдумали.

Первая курсистка.—Сейчасъ видно, что никогда не были въ провинціи. Тамъ теперь пыль столбомъ!

Вторая курсистка.—Вы у вашей жены спросите!... Она вамъ разскажетъ, какъ у насъ тамъ, въ провинціи.

(Смѣются).

Лапина.—Такъ жаль, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ пріѣхалъ сегодня одинъ. *(Вѣрѣ Павловнѣ.)* Вы знаете, онъ женился.

Первая курсистка.—На нашей курсисткѣ.

Вѣра Павловна.—*(Сабурову)* Правда?... Поздравляю.

Маленькая курсистка.—Только она эсъ-эрка.

Вахрушина *(изъ дверей столовой.)*—Господа! Закусить пожалуйте.

Вторая курсистка.—Ну, вотъ... Скажете тоже: эсъ-эрка... Развѣ я не знаю... Вѣдь она наша рязанская.

(Всѣ постепенно выходятъ въ столовую, гдѣ уже горитъ электричество, хотя въ комнатахъ еще довольно свѣтло).

Вѣра Павловна *(задерживаясь, Лапиной.)*—А если бы учинить анархію и не пойти туда?... Какъ-то не пришла еще въ себя послѣ дороги, и голова немножко кружится отъ шуму.

Лапина.—Конечно, останемся. Мнѣ такъ нужно поговорить съ вами.

Вахрушина *(изъ столовой.)*—Глашенька!

Лапина.—Сейчасъ, тетя... Не ждите пожалуйста, господа... *(Вѣрѣ Павловнѣ.)* Какъ это все несносно... Милая Вѣра Павловна, какъ рада, что вы вернулись!

Шаховъ *(появляясь въ дверяхъ.)*—Что у васъ тутъ? Прямое, явное, тайное? *(Въ столовой смѣхъ).*

Лапина.—Да, да... Идите кушать.

Шаховъ.—Но не всеобщее?

Лапина.—Нѣтъ... Вѣра Павловна устала, и намъ надо по-

говорить объ одномъ дѣлѣ. Попросите, пожалуйста, тетушку прислать намъ чаю сюда.

Шаховъ.—А-а! Слушаю-съ. *(Исчезаетъ).*

(Въ столовой оживленный разговоръ).

Вѣра Павловна.—А, пожалуй, ваша тетушка обидится.

Лапина.—Ну, Богъ съ ней! То-ли еще предстоитъ!

Вѣра Павловна.—Меня безпокоитъ это, Глафира Ивановна.

Лапина.—Ну, что вы, Вѣра Павловна... Мнѣ это все *(дѣлаетъ широкій жестъ)* такъ опротивѣло... И жизнь съ тетушкой. Я эту дачу первымъ дѣломъ продамъ. Если бы я только думала, что Константинъ Сергѣевичъ дѣйствительно хочетъ.

Вѣра Павловна.—Вы сомнѣваетесь?

Лапина.—Не знаю, вѣдь я не видѣла его съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали. Все какъ-то оборвалось. Если бы вы мнѣ не написали тогда... я просто не знаю, я была въ такомъ отчаяніи... *(Человѣкъ приноситъ чай и фрукты.)* Темно становится. *(Служителю.)* Зажгите!

Вѣра Павловна.—Въ сумерки мнѣ всегда какъ-то душно: давитъ... *(Служитель зажигаетъ электричество.)* Вотъ теперь словно и воздуху прибавилось.

Шаховъ *(появляясь въ дверяхъ.)*—Глафира Ивановна! Защитите вашего гостя, г. Поздѣева, отъ барышень.

Лапина.—Что такое?

Поздѣевъ.—Дразнятъ его, что онъ земецъ.

Вѣра Павловна.—Ну, авось самъ сумѣетъ себя защитить! *(Шаховъ качаетъ головой и скрывается).*

Лапина.—А мнѣ нравится Поздѣевъ.

Вѣра Павловна.—Да, хорошій. Сердце хорошее, вѣрное,—настоящій другъ.

Лапина.—Вы ему не говорили... про наше дѣло?

Вѣра Павловна.—Говорила. Другимъ—нѣтъ. *(Въ столовой хохотъ.)* Чего это они?

Костромской *(въ дверяхъ, со смѣхомъ.)*—Mesdames! Глафира Ивановна! Когда же, наконецъ!... Зрѣлымъ людямъ безъ васъ не по себѣ.

Лапина.—Оно и слышно!

Костромской.—Это все Сергѣй Ивановичъ!.. Пристаетъ къ барышнямъ: лакеи—пролетаріи или нѣтъ? А онѣ затрудняются

Лапина.—Ну, сейчасъ пойду, принесу еще чаю Вѣрѣ Павловнѣ.

(Уходитъ вслѣдъ за Костромскимъ въ столовую, откуда слышенъ говоръ и смѣхъ).

(Вѣра Павловна сидитъ, задумавшись. Въ дверяхъ съ террасы появляются Исленьевъ и Наташа. Вѣра Павловна внезапно поднимаетъ голову, блѣднѣетъ, словно предъ видѣніемъ, встаетъ и неподвижно ждетъ ихъ приближенія, стараясь улыбнуться).

Исленьевъ *(подходя, тихимъ хрипловатымъ голосомъ.)*—Вы?

Вѣра Павловна.—Какъ неожиданно!

Наташа.—А гдѣ же...?

Вѣра Павловна.—Сейчасъ... она придетъ. *(Переводитъ дыханіе.)* Отъ неожиданности. *(Опускается на стулъ.)* Садитесь.

Исленьевъ *(протягивая ей руку).*—Мы не поздоровались.

Вѣра Павловна *(съ блѣдной улыбкой.)*—Развѣ? *(Садятся).*

Исленьевъ.—Ну, вотъ вы и пріѣхали. *(Молчаніе. Въ столовой голоса и смѣхъ).*

Лапина *(входитъ въ сопровожденіи Костромского, который несетъ чашку чаю, и внезапно останавливается.)* Господи... Какъ я испугалась!

Костромской.—Вотъ видите. Хорошо, что я взялъ чай, расплескали бы отъ испугу. *(Ставитъ чай.)* Въ самомъ дѣлѣ, dii ex machina. *(Цѣлуетъ руку Наташѣ.)* Здравствуйте, Константинъ Сергѣевичъ. Давно не встрѣчались.

Лапина *(переводя глаза съ Наташи на Исленьева.)*—Я ужъ думала... вы не пріѣдете. Пойдемъ туда—ужинать?

Наташа.—А, можетъ быть, можно и не идти? Тамъ, кажется, много народу. Я ужъ пила чай... Вы извините.

Лапина. Пожалуйста. Какъ хотите... А Евгеній Осиповичъ въ Москвѣ?

Наташа.—Да.

Костромской *(Лапиной.)*—Вотъ видите!... А мнѣ не вѣрили.

Лапина.—Нѣтъ, этому я повѣрила.

Костромской.—Такъ что же, пойдемте, Константинъ Сергѣевичъ.

Исленьевъ.—Нѣтъ, благодарствуйте... если Глафира Ивановна позволитъ. Тамъ жарко, должно быть.

Костромской.—Словомъ, предпочитаете cabinet particulier?

Лапина *(сухо.)*—Пойдемте. *(Уходятъ).*

Исленьевъ *(вполголоса.)*—Кажется, Глафира Ивановна разстроена.

Вѣра Павловна.—Я совсѣмъ не слышала, какъ вы подъѣхали.

НАТАША.—Какъ у нея здѣсь роскошно.

ИСЛЕНЬЕВЪ.—Мы на пароходикѣ. А тутъ ужъ пѣшкомъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Она безпокоится, что дѣло остановилось, т.-е. относительно журнала... *(Наташѣ.)*—Вѣдь вы знаете.

НАТАША.—Да... *(На Невѣ, вдали, долгій гудокъ парохода.)* Это нашъ пароходикъ обратно пошелъ.

(Молчаніе. Въ столовой взрывъ смѣха. Человѣкъ приноситъ на подносѣ чай и уходитъ).

ВѢРА ПАВЛОВНА.—Глафира Ивановна все боится, чтобы вы не раздумали насчетъ журнала.

ИСЛЕНЬЕВЪ.—Да. Жутко какъ-то... Я все ждалъ, что она еще раздумаетъ.

НАТАША.—А мнѣ кажется, это должно быть ей такъ пріятно. Напримѣръ, если бы я была богата...

ИСЛЕНЬЕВЪ *(съ мягкой усмѣшкой.)*—Да вѣдь вы и не были бы: давно бы уже все отдали, роздали...

ВѢРА ПАВЛОВНА.—А я бы, пожалуй, промотала.

ИСЛЕНЬЕВЪ.—На подарки... Нѣтъ, а серьезно: неужели вы думаете—рѣшиться?

ВѢРА ПАВЛОВНА.—По моему—да.

ИСЛЕНЬЕВЪ.—Ну, пусть и будетъ по-вашему.

(Въ столовой говоръ. Шаховъ, проходя мимо двери, громко говоритъ: «Вотъ мотивъ, я вамъ сейчасъ сыграю», и начинаетъ подбирать что-то на піанино).

ИСЛЕНЬЕВЪ.—Шаховъ!... Давно ужъ не встрѣчался съ нимъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.—А знаете, и Анатолій Галактіоновичъ тутъ. *(Наташѣ.)* Вы его видѣли,—помните, осенью еще, на балу... Кажется, такъ давно уже это было...

(Молчаніе. Шаховъ играетъ тихій воркующій вальсъ. Звонкій женскій голосъ: «Ну, довольно ужъ, г. Шаховъ... Вздумали тоже—вальсъ.» Двигаютъ стульями и выходятъ изъ-за стола. Шаховъ изъ вальса переходитъ на мотивъ: «Выдь на Волгу». Голосъ маленькой курсистки въ дверяхъ: «Фу! Старье какое!» Смѣхъ. Шаховъ беретъ нѣсколько аккордовъ марсельезы. Крики: «Браво, браво!... Дальше? Ну, дальше!!..» Шаховъ доигрываетъ куплетъ, захлопываетъ крышку и выходитъ въ гостиную. Всѣ за нимъ).

ШАХОВЪ *(при видѣ Исленьева).*—Это вы? А я думалъ, тутъ конспирація какая-нибудь. *(Здороваются и знакомятся.)*

ВТОРАЯ КУРСИСТКА *(знакомясь съ Наташей).*—Наталья Алексѣевна? Вотъ рада съ вами познакомиться. Мнѣ одинъ товарищъ про васъ говорилъ. *(Садится рядомъ съ нею.)*

Поздѣевъ.—А у насъ тамъ интересный разговоръ былъ.

Сабуровъ *(кивая головой на первую курсистку)*. — Спорили мы съ Анной Ивановной, но совершенно на разныхъ языкахъ съ ней говорили! совершенно на разныхъ!..

Первая курсистка.—Анна Митрофановна, а не Ивановна!... Звали бы ужъ просто Ленина!

Сабуровъ.—А, да, да! Pardon!... Память въ невозможнѣйшемъ состояніи. Безсонница, бѣлыя ночи эти... Болѣзненное что-то въ нихъ!...

Маленькая курсистка.—Это потому, что вы декадентъ!...

Сабуровъ.—Но позвольте... я уже говорилъ вамъ, что я не декадентъ. Напротивъ...

Лапина *(выходя изъ столовой съ Костромскимъ. Непріятно усмѣхается)*.—Максимъ Григорьевичъ развиваетъ мнѣ грандіозный планъ.

Шаховъ.—Грандіозный планъ?

Костромской *(сердясь)*.—Вы не шутите съ этимъ, Сергѣй Ивановичъ... Я говорю, что наше время,—время крупныхъ литературныхъ предпріятій, съ большимъ запаснымъ капиталомъ. Мелкое, такъ сказать, кустарное производство, какая-нибудь маленькая газетка или журнальчикъ—не выживаетъ. Это брошенныя деньги. Но возьмитесь за издательство въ крупныхъ размѣрахъ, такъ, скажемъ, чтобы у васъ была большая газета и журналъ—вмѣстѣ: газета будетъ поддерживать журналъ, и въ концѣ-концовъ вы вернете затраченное сторицею.

Шаховъ *(встревоженный)*.—Это вы серьезно?... Большую газету и журналъ? Смѣло!

Первая курсистка.—Вы стоите за капиталистическое производство и въ литературѣ?

Вторая курсистка.—Что же, при буржуазномъ строѣ...

Маленькая курсистка.— Но вѣдь онъ долженъ рушиться!

Костромской *(снисходительно)*.— Рушиться?... О, молодость!... Когда?... Какъ вы легко расправляетесь съ желѣзными законами жизни.

Вторая курсистка *(не разслышавъ)*.—Законы?... Законы измѣняются въ связи съ формами производства. При коллективизмѣ...

Костромской.—Не будетъ борьбы за существованіе?

Маленькая курсистка.—Конечно, нѣтъ.

Костромской *(насмѣшливо)*.—И сильный не будетъ побѣждать слабаго, а наоборотъ? *(Закуривая папиросу, Наташѣ.)* Кстати, замѣтили ли вы, что и наиболѣе авторитетный кодексъ нашей морали считается съ фактами борьбы за существованіе? Помните: «Кому много дано, тому прибавится, а кому мало дано, у того послѣднее отнимется».

Наташа *(съ негодованіемъ)*.—Такъ что же? По вашему это сказано въ назиданіе, чтобы сильный отнималъ послѣднее у слабаго?

Вторая курсистка.—Браво, Наталья Алексѣевна!

Шаховъ *(пріободрившись)*.—Да ужъ, признаюсь... Разодолжили... Это въ наше-то время основывать литературные планы на такихъ вотъ разсчетахъ!... *(Съ пафосомъ.)* Когда все кругомъ кипитъ и горитъ!... Когда людямъ нужно живое слово,—прежде всего живое слово... Я говорилъ уже Глафирѣ Ивановнѣ, что самъ мечтаю о журналѣ, вѣрнѣе,—о еженедѣльной газетѣ. Но неужели, вы думаете, я стану требовать для этого какихъ-то тамъ запасныхъ капиталовъ!... Да пусть только у меня будетъ, съ чего начать—гроши, тысченка какая-нибудь...

Костромской *(насмѣшливо)*.—Только и всего?

Шаховъ.—Да-съ! Только и всего. Вы спросите, чѣмъ же я возьму въ этой вотъ вашей борьбѣ за существованіе? Искренностью возьму! Провозглашеніемъ истинно гуманныхъ и прогрессивныхъ началъ. Обличеніемъ лжи, насилія, темныхъ реакціонныхъ силъ! Пишите смѣло, горячо, сильно, отстаивайте шагъ за шагомъ интересы трудящихся массъ—и вамъ не придется думать о презрѣнныхъ грошахъ: они сами потекутъ къ вамъ и сторицею окупятъ вашъ честный трудъ!...

Поздѣевъ.—Браво, браво!

Первая курсистка.—Но если это будетъ просто либеральная газетка...

Сабуровъ.—Боже, какъ это все неглубоко!...

Костромской *(ядовито)*. — Сергѣй Ивановичъ говоритъ такъ, какъ будто взялъ привилегію на эту самую прогрессивность! Конечно, можетъ быть, въ моихъ писаніяхъ нѣтъ того молодого пафоса, какъ у Сергѣя Ивановича, но... кіймуждо свое. Одинъ идетъ на непріятельскую твердыню въ аттаку съ криками ура! Другой... подкапывается подъ нее и подкладываетъ фугасы!... Я работаю въ газетахъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Но если я теперь, какъ разъ теперь заговорилъ о необходимости создать новый органъ, то именно потому, что настало время серьезно поработать надъ воспитаніемъ трудящихся массъ, которыхъ Сергѣй Ивановичъ беретъ почему-то подъ

свою спеціальную защиту. Какъ я уже говорилъ Глафирѣ Ивановнѣ, я имѣлъ въ виду большую дешевую газету, доступную послѣднему бѣдняку, и думаю...

Шаховъ.—А я собираюсь издавать газету, которая была бы доступна только для графовъ и князей?... Смѣшно! Кажется, я первый всегда говорилъ, что основное условіе успѣха, это, чтобы было дешево... Вы смѣетесь, Константинъ Сергѣевичъ?

Исленьевъ.—Нѣтъ, такъ, случай одинъ вспомнилъ... Въ Тифлисѣ на базарѣ татаринъ одинъ черносливомъ торговалъ. Сидитъ у лотка и кричитъ во всю мочь: «Дещево! дещево! дещево!...» И много покупали!

Шаховъ *(вспыхнувъ)*.—По-вашему, это имѣетъ отношеніе къ хорошей общедоступной газетѣ?.. Впрочемъ, вѣдь я и забылъ: вы у насъ аристократъ!

Исленьевъ.—Я-то?... Христосъ съ вами!

Шаховъ.—То-есть не сами вы, конечно. А по воззрѣніямъ. За титулы, кажется, даже стоите.

Маленькая курсистка.—Фу! Не можетъ быть!...

Исленьевъ.—Что за оказія?... А-а, помню! *(Съ усмѣшкой)* Это я разъ говорилъ, что чѣмъ титулы уничтожать, я бы напротивъ всѣхъ князьями сдѣлалъ!

Первая курсистка.—Вотъ еще, очень нужно!...

Вторая курсистка.—Всѣхъ?

Исленьевъ.—Какъ есть вотъ—всѣхъ поголовно! Не было бы ужъ просто людей, а все бы князья ходили. Пріосанилось бы человѣчество!...

Маленькая курсистка.—Фу, вы шутите, а я думала...

Поздѣевъ.—Ха-ха-ха!...

Исленьевъ *(кивая на Поздѣева)*.—Засмѣялся малымъ земскимъ смѣхомъ!... Вы замѣтили, Вѣра Павловна: у хорошихъ земскихъ людей смѣхъ такой—сочный, открытый! Особенно, когда во всю.

Поздѣевъ.—Ха-ха-ха!... Вотъ насмѣшили, разбойникъ!... Серьезный разговоръ прервали, и даже мнѣнія своего не высказали.

(Шаховъ ходитъ по комнатѣ, Костромской нервно куритъ.)

Исленьевъ.—Да, какое-жъ тутъ мнѣніе! Я въ этихъ дѣлъ не понимаю.

Поздѣевъ.—Вотъ-те на!... А какъ же сами-то будете журналъ издавать?

Шаховъ *(круто останавливаясь, Исленьеву)*.—Вы?

Костромской.—Какъ вы сказали?

Исленьевъ.—Право, я ничего не сказалъ.

Лапина *(рѣшительно)*.—Почему не сказать, Константинъ Сергѣевичъ!... Ну, да, съ осени мы будемъ издавать журналъ съ Константиномъ Сергѣевичемъ.

Шаховъ *(ошеломленный)*.—Вотъ оно что... Да... тогда, конечно...

Костромской.—Непонятно только, зачѣмъ было дѣлать изъ этого секретъ. Кажется дѣло такое—общественное! *(Усиленно тушитъ папиросу.)*

Поздѣевъ *(поглядывая то на одного, то на другого, сконфуженный)*.—Вотъ исторія!...

Первая курсистка.—Лапина, а вы намъ и не говорили.

Вторая курсистка.—У васъ какой журналъ будетъ?... Вы, пожалуйста, нашей Петровой работу дайте: она ужасъ какъ нуждается...

Сабуровъ *(подходя, Исленьеву)*.—Это интересно!... Я тоже, знаете, думалъ, но собственно не журналъ, журналъ это—старо, а скорѣе... этакой вотъ... ну, какъ это? *(Отходятъ.)*

Костромской.—Ну что-жъ, пора и по домамъ. *(Поднимается.)*

Маленькая курсистка.—Ну, рано еще!

Шаховъ *(Костромскому)*.—На два слова. *(Отводитъ его къ балкону)*.

Лапина.—Жарко. Надо окна открыть... *(Идетъ къ верандѣ, поднимаетъ шторы и открываетъ одно за другимъ окна.)*

Первая курсистка.—Смотрите, ужъ совсѣмъ свѣтло.

Вторая курсистка.—Пойдемте на балконъ.

Поздѣевъ.—Вотъ славно!...

Первая курсистка.—Народу мало, а то бы пѣсни пѣть.

Вторая курсистка.—Наталья Алексѣевна, и вы съ нами.

Наташа.—Сейчасъ. Идите... *(Курсистки и Поздѣевъ выходятъ на балконъ. Наташа остается у столика противъ Вѣры Павловны.)*

Вѣра Павловна *(поднимаетъ голову и съ усиліемъ улыбается)*.—Какъ вы смотрите на меня.

Наташа.—Милая Вѣра Павлова! Я вѣдь для васъ сюда пріѣхала. Если бы знали, какъ я счастлива, что вижу васъ... Я васъ въ первую минуту словно не узнала.

Вѣра Павловна.—Я прическу перемѣнила... и... освѣжилась.

Наташа.—Развѣ?

Вѣра Павловна.—Право... Приходите завтра ко мнѣ. О журналѣ поговоримъ... Надо же до вашего отъѣзда...

Лапина *(подходя)*.—Можно?

Вѣра Павловна.—Мы говоримъ о журналѣ. Знаете, я названіе придумала—«Смѣна».

Лапина.—Почему «Смѣна»?

Вѣра Павловна.—Такъ... Все смѣняется, уплываетъ... Ничто не стоитъ на мѣстѣ...—и не должно стоять.

Лапина.—Что съ вами?...

Вѣра Павловна.—Голова кружится: здѣсь двойной свѣтъ.

Лапина.—Да, я электричества не погасила. *(Идетъ погасить электричество.)*

Сабуровъ *(навстрѣчу ей)*.—А я ухожу. Усталъ ужасно: эти бѣлыя ночи... Мы тутъ поговорили съ Константиномъ Сергѣевичемъ, знаете ли. Мнѣ нравится его идея... Свѣжо... И потомъ въ немъ самомъ есть что-то... ну, какъ это?... здоровое... Боже, до чего усталъ... До свиданья. *(Прощается со всѣми и уходитъ. Лапина провожаетъ его).*

Исленьевъ *(подходя)*.—Съ Ѳеденькой Сабуровымъ поговорили... И знаете, милый парень, ей-Богу. Расхлябанный—куда же онъ годенъ,—но милый: невинный какой-то. Выкладывалъ мнѣ свой новый символъ вѣры. Что вы думаете? Онъ вѣдь у насъ теперь ужъ не декадентъ: здоровье, силу, мощь проповѣдуетъ. Это у него называется—возрожденіе античнаго духа.

Вѣра Павловна *(внезапно засмѣявшись)*.—Бѣдненькій! Женитьба это, что-ли, на него повліяла.

Исленьевъ.—Кто его знаетъ... Впрочемъ, вѣдь это не онъ одинъ. Мучится, мучится человѣчество и такъ, и этакъ. Чего только въ немъ ни накипѣло!... Генія новаго намъ бы теперь нужно, чтобы онъ все это, единымъ словомъ объялъ! Заповѣдь новая нужна—для свободной жизни. Но нѣтъ его у насъ, такого генія, и взять негдѣ, какъ вотъ обѣднѣвшей красавицѣ негдѣ взять новаго платья. Ну, вотъ она и роется въ сундукѣ со старыми платьями, пока не найдетъ на днѣ совсѣмъ давнія и забытыя. До того забытыя, что кажутся новыми. Чѣмъ старѣе, тѣмъ новѣе. Вотъ только передѣлать немножко и совсѣмъ свѣжо будетъ. А вѣдь по правдѣ-то сказать, какъ ни верти, оно все старое и ужъ не въ пору!... Сами-то мы не то, что прежде!...

Лапина *(подходя)*.—А знаете, Вѣра Павловна и названіе для журнала придумала—«Смѣна».

Исленьевъ.—«Смѣна». Ну что-жъ, хорошо!... Вотъ и окрестили. Спрыски какъ-нибудь устроимъ.

Лапина.—А я и забыла... Хотите вина?

Исленьевъ.—Нѣтъ, спасибо, Глафира Ивановна, я сегодня и безъ вина пьянъ. Обидѣлъ я тутъ немножко вашихъ гостей—съ черносливомъ-то этимъ тифлисскимъ. Языкъ мой—врагъ мой.

Лапина.—А я имъ нарочно сказала. Пусть знаютъ!...

Исленьевъ *(серьезно)*.—Что-жъ!... Если это для васъ дѣло рѣшенное.

Лапина.—Вы сомнѣвались?

Исленьевъ.—Нѣтъ. Колебался немножко: человѣкъ-то я такой, для практическаго дѣла не годный! Распустимъ паруса да поплывемъ...—ухъ, была ни была!... Не страшно это вамъ, Глафира Ивановна?

Лапина *(обидчиво)*.—Что вы, Константинъ Сергѣевичъ.

Исленьевъ.—Ну, и отлично. Простите. Дайте вашу руку... Вы славная. Обидѣть ей-Богу не хотѣлъ. *(Цѣлуетъ ея руку.)* Вотъ и Вѣра Павловна благословляетъ.

Вѣра Павловна *(съ жаромъ)*.—Да, Константинъ Сергѣевичъ, нужно это... И такъ вотъ, какъ вы говорите: была ни была! Теперь, теперь особенно это нужно, потому что души просыпаются... Вы не чувствуете?... Безобразнаго, страшнаго кругомъ много?... Да, и всетаки! Отъ этого страшнаго вдругъ просыпаются люди и ждутъ, ищутъ и слушаютъ... Довѣрчиво слушаютъ, какъ дѣти... Генія у насъ нѣтъ, вы говорите... Да!..Но нужно же...—ну, постараться... помочь... ну, что мы можемъ!... Если бы вы знали, какъ мнѣ теперь хочется работать, работать...

(На балконѣ звонкій дѣвичій смѣхъ.)

Наташа *(съ задумчивости)*.—Какъ хорошо!..

Лапина.—Что?

Наташа.—Такъ хорошо въ душѣ. Утро это раннее...

Вѣра Павловна *(Помолчавъ, ей и Исленьеву)*. —Придете завтра?

Поздѣевъ.—Что-жъ, Глафира Ивановна, совсѣмъ ужъ день. Уходить пора. *(Всѣ возвращаются съ балкона.)*

Вѣра Павловна *(Поздѣеву)*.—Проводите меня?

Поздѣевъ.—А то какъ же?... Старый другъ лучше новыхъ двухъ... Прощайте, Глафира Ивановна, спасибо за все: отлично провелъ вечеръ. *(Исленьеву и Наташѣ.)* А вы, говорятъ, на Волгу?... Пожалуй, не увидимся до вашего отъѣзда,—будете въ Самарѣ, милости просимъ ко мнѣ.

Лапина *(оборачивается, бѣдная)*.—Кто уѣзжаетъ?

Исленьевъ.—Ненадолго, Глафира Ивановна.

Лапина.—Куда?... Вы мнѣ не сказали.

Костромской *(изъ-за ея плеча)*.—Зато я сказалъ.

Лапина *(громко вскрикиваетъ)*.—Что? Неправда, я вамъ не вѣрю...

(Общее смятеніе.)

Костромской.—Какъ угодно... Поспѣшу откланяться... *(Уходитъ.)*

Лапина *(въ изступленіи)*.—Не вѣрю...

Вѣра Павловна.—Глафира Ивановна... Ради Бога!... Что съ вами?

Лапина.—Онъ лжетъ... Онъ говоритъ, что... *(Глядитъ на Исленьева и Наташу)*. Такъ это правда?... Ха-ха-ха... *(Суматоха.)*

Маленькая курсистка.—Ой... Что съ ней? *(Шаховъ подбѣгаетъ къ Лапиной и хочетъ поддержать ее.)*

Лапина.—Не надо... Я не хочу... Уйдите... *(Всѣ кромѣ Вѣры Павловны торопливо уходятъ. Исленьевъ задерживается, ища шляпу)*. Нѣтъ, нѣтъ... Не вы... Постойте!... Боже мой, Боже мой... Нѣтъ, идите... *(Исленьевъ уходитъ.)*

Вѣра Павловна—Можетъ быть, и мнѣ уйти?...

Лапина *(задыхаясь)*.—Нѣтъ... вы должны мнѣ сказать... Меня обманываютъ...

Вѣра Павловна *(беря ее за плечо)*.—Глафира Ивановна, кто васъ обманываетъ?... Успокойтесь, это недостойно.

Лапина.—Мнѣ нужно знать правду.

Вѣра Павловна.—Правду?... Относительно Константина Сергѣевича и Натальи Алексѣевны?... Да, они уѣзжаютъ вмѣстѣ... Если это что-нибудь измѣняетъ для васъ...

Лапина *(закрывъ лицо руками)*.—А-а... а-а!...

Вѣра Павловна.—Если это что-нибудь мѣняетъ для васъ...

Лапина.—Да, да!... Зачѣмъ онъ скрывалъ?... Онъ долженъ былъ знать,—я готова была... на все... Я не знала...

Вѣра Павловна *(отстраняясь отъ нея)*.—А если бы вы знали?

Лапина *(рыдая)*.—О-о! Господи! Позоръ какой!... Что я сказала!... Спасите меня!... О, какая я низкая...

Вѣра Павловна *(крѣпко обнимая ее рукой)*. — Милая... покойтесь...Пойдемъ туда. *(Уводитъ ее на кушетку къ открытому ну.)*

Лапина *(не переставая дрожать)*.—Мнѣ душно, холодно... ѣра Павловна разстегиваетъ ей платье и укутываетъ ее пледомъ.) о не правда, что я сказала... Нѣтъ, это правда. Я не знаю... Боже , не думайте, что я такая... Я, я хотѣла выбраться... другой жизни...

(Съ ужасомъ.) Не говорите ему, умоляю васъ!... Боже мой, что я надѣлала!...

Вѣра Павловна *(успокаивая ее)*.—Ничего. Онъ пойметъ.

Лапина.—Нѣтъ!... теперь онъ все знаетъ... О,какой срамъ! Я убѣгу... Уѣду... какъ вы... Что я говорю? *(Съ истерической улыбкой.)* Вы видите?

Вѣра Павловна.—Что такое?

Лапина.—Вы не поняли?... Вы не знаете, что я думала?

Вѣра Павловна.—Нѣтъ. Оставьте это.

Лапина.—Нѣтъ, я скажу. Чтобъ вы знали! Потому что все равно, мнѣ ужъ не подняться... Я думала... замѣтила... Ха-ха! что послѣднее время передъ вашимъ отъѣздомъ... онъ измѣнился къ вамъ... И я была рада... надѣялась!... Нѣтъ, я путаю, это неправда, я никогда не надѣялась. Теперь кончено. Вотъ!... *(Бросается лицомъ въ подушку.)*

Вѣра Павловна *(тихо)*.—Вы... не все вѣрно понимаете.

Лапина *(тихо плачетъ)*.—Я ничего больше не понимаю. Это сонъ какой-то... Мнѣ страшно!... Что я теперь буду дѣлать? Я такъ одинока...

Вѣра Павловна *(кладетъ руку на ея голову)*. — Милая... перестаньте плакать. Вы не одиноки... Слышите!... И жизнь не такъ страшна, какъ вамъ кажется... *(Гладитъ ее по головѣ)*. Сонъ, вы говорите?.. Да... все какъ сонъ... Но за этимъ сномъ кроется какая-то правда...—высокая правда... И даже... восторгъ и радость... Но не такая радость, какъ мы иногда мечтаемъ—и не тамъ: чище, глубже. *(Задумывается.)*

Лапина *(приподнявшись, слушаетъ ее)*.—Говорите...

Вѣра Павловна *(тихо)*.—Надо только вѣрить, жарко вѣрить, что она есть, эта правда и эта радость—и искать ее, не боясь страданія... Надо любить жизнь и вѣрить ей... Жизнь любить—огромную, безпредѣльную... Мы не знаемъ сначала, что она безпредѣльна. Намъ кажется, что она вся—вотъ тутъ, въ нашей маленькой душѣ, въ нашихъ четырехъ стѣнахъ. Намъ дорого и понятно только то, что здѣсь, въ нихъ,—и когда это дорогое отъ насъ уходитъ, намъ кажется, что все кончено, что жизнь пуста...

Лапина.—Да.

Вѣра Павловна.—И намъ становится страшно отъ этой пустоты. Страшно и невыносимо... Душа наша разрывается и вмѣстѣ съ тѣмъ разрывается и покровъ, который скрывалъ отъ насъ правду. Мы вдругъ начинаемъ понимать, что жизнь не только въ нашемъ существѣ и въ нашихъ четырехъ стѣнахъ. Потому что, любя

жизнь, жарко стремясь къ радости, мы уже ищемъ ее тамъ, гдѣ раньше мы ее и не подозрѣвали... Душа наша начинаетъ чувствовать то, что далеко отъ насъ,—и видитъ передъ собой безконечный путь, по которому идутъ люди... Идутъ, страдая, о, какъ страдая—и стремясь къ легкому, прекрасному... Нѣтъ больше одиночества, потому что нѣтъ стѣнъ: люди кругомъ, живые люди—и небо надъ головой... Посмотрите!... посмотрите, какое небо... какія облака... *(Поднимается и, обнявъ рукой Лапину, смотритъ вмѣстѣ съ нею въ окно на цвѣтныя облака).* Солнце восходитъ!... *(За окномъ чирикаютъ птицы. Яркіе лучи солнца внезапно ударяютъ въ комнату и скользятъ по ея лицу. Издали доносится вдругъ хоръ молодыхъ голосовъ, поющихъ революціонную пѣсню).* Молодежь... Плывутъ на лодкѣ...

(Занавѣсъ.)

Л. Гуревичъ.

Въ день суда.

Я не тушилъ священнаго огня.
Книга Мертвыхъ.

Въ подземный міръ введетъ на судъ отца
Сынъ, Ястребъ-Горъ. Шакалъ-Анубисъ будетъ
Класть на вѣсы и взвѣшивать сердца:
Богъ Озирисъ, богъ мертвыхъ, строго судитъ.

Я погребенъ, какъ рабъ, въ пескѣ пустынь.
Пройдутъ вѣка—и Сиріусъ, надъ Ниломъ
Теперь огнемъ горящій, станетъ синь,
Да свѣтитъ онъ спокойнѣе могиламъ.

И міръ забудетъ, темнаго, меня.
И на вѣсахъ потянетъ сердце мало.
Но я имъ жилъ. Я не тушилъ огня—
И я взгляну безъ страха въ ликъ Шакала.

Иванъ Бунинъ.

Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.

Я не нахожу словъ достаточно сильныхъ, чтобы выразить свое сожалѣніе, что я не записывалъ своихъ бесѣдъ со Львомъ Николаевичемъ тотчасъ же. И я не могу даже припомнить, почему я не дѣлалъ этого: сознаніе ихъ важности не только для меня, но и для другихъ меня никогда не покидало. Разумѣется, свѣтлая сущность этихъ бесѣдъ, общее впечатлѣніе тепла, свѣта, величія сохранилось въ душѣ, но частности, за нѣкоторыми исключеніями, изъ памяти изгладились, много утратила въ воспоминаніи и самая рѣчь великаго старца, то величавая, отражающая немеркнущій свѣтъ вѣчности, то полная любви и безконечной доброты, то сверкающая тонкимъ, неподражаемымъ юморомъ, и всегда такая оригинальная, свѣжая, сильная...

Я помню тотъ суровый, осенній вечеръ—1 сентября 1901 г.—когда я съ рекомендательнымъ письмомъ отъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля кн. Д. И. Шаховского подъѣзжалъ къ бѣлѣвшимся въ сумракѣ башенкамъ у въѣзда въ яснополянскій паркъ. Мысль, что еще нѣсколько минутъ, и я увижу Льва Толстого, этого гиганта, этого безконечно дорогого мнѣ еще со школьной скамьи, родного учителя, приводила меня въ такое смущеніе, что я вотъ-вотъ готовъ былъ сказать ямщику, чтобы онъ повернулъ обратно на ст. «Ясенки». И не одинъ я испытывалъ такую робость, конечно. Такъ, когда нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого мы подходили къ этимъ башенкамъ съ женой, она улыбнулась и сказала: «не знаю, что больше мнѣ хочется: увидать его или убѣжать?» Но нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ со Львомъ Николаевичемъ, достаточно, чтобы почувствовать себя хорошо и тепло.

Только что оправившійся отъ тяжелой болѣзни, Левъ Николаевичъ вышелъ сильно похудѣвшимъ и усталымъ. И я не знаю, какъ передать ... первое, странное впечатлѣніе: я ждалъ встрѣтить что-то огромное, ...обыкновенное,—и вдругъ—сухенькій, сгорбленный, весь сѣдой старичокъ ... беззубымъ, шамкающимъ ртомъ! Особенно это старческое шамканье ...разило, помню, меня...

Онъ говорилъ о своей болѣзни, о близости смерти, и на лицѣ его была ...я, ясная улыбка.

— Вотъ сегодня, на прогулкѣ, чувствую вдругъ, что мнѣ что-то нехорошо, что сердце какъ будто останавливается,—это у меня теперь часто бываетъ. Присѣлъ на повалившуюся березу, сижу—вотъ-вотъ она, думаю. И сперва жутко стало, а потомъ хорошо такъ, легко. Но это была еще не смерть, а предупрежденіе только. Смерти я не зову,—сказалъ онъ потомъ,—но и не бѣгу отъ нея. Христіанинъ не долженъ, не можетъ бояться ея,—это только переходъ отъ временнаго къ вѣчному.

Я спросилъ Льва Николаевича, что онъ теперь пишетъ; онъ отвѣчалъ, что только что кончилъ небольшую статью о положеніи рабочаго народа.

— Я стараюсь въ ней показать, что рабочій, борясь противъ капиталиста и ненавидя его, самъ, въ сущности, въ душѣ капиталистъ: онъ готовъ перебить кусокъ хлѣба у товарища, готовъ раздавить его, стать надъ нимъ... Представится случай, и онъ самъ станетъ такимъ же, какъ и тотъ капиталистъ, котораго онъ ненавидитъ. Для того чтобы рабочимъ избавиться отъ зла, нужно, чтобы они воспитали въ себѣ другого человѣка, христіанина...

Во время нашей бесѣды Льву Николаевичу подали большую пачку писемъ. Тутъ были письма изъ Америки, Болгаріи, съ Сахалина, изъ Франціи, съ Кавказа—буквально, со всѣхъ концовъ земли! Было и нѣсколько заграничныхъ газетъ съ черными пятнами статей, замазанныхъ цензурой. Левъ Николаевичъ усмѣхнулся:

— Какъ замазали! Боятся, должно быть, чтобы я не испортился...

Среди писемъ было одно отъ молодого болгарина, отказавшагося изъ христіанскихъ убѣжденій отъ военной службы. На дурномъ русскомъ языкѣ онъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ тюрьмѣ—онъ и писалъ изъ тюремной больницы,—о своихъ душевныхъ страданіяхъ при видѣ тѣхъ страданій, которыя вызвалъ его поступокъ въ семьѣ: болѣзнь матери, умственное разстройство отца и пр. Но, несмотря на все это, онъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и заканчивалъ письмо теплыми пожеланіями Льву Николаевичу.

— А вотъ это отъ одного врача-профессора,—сказалъ Левъ Николаевичъ съ своей тонкой улыбкой.—Онъ убѣждаетъ меня, что безсмертіе это вздоръ, и что наша душа, въ концѣ-концовъ, сводится лишь къ химической формулѣ H_2O... или какъ тамъ? Онъ совѣтуетъ мнѣ, чтобы поправиться, ѣсть устрицъ, цыплятъ, пить мадеру... Вкусныя все вещи!...

Разнообразіе корреспонденціи Льва Николаевича превосходитъ все, что только можно вообразить. Ему пишутъ и китайцы, и персы, и американцы, и японцы, и французы, и индусы, и финны, и великіе князья, и крестьяне, и профессора, и маленькіе гимназистики, и священники, и солдаты—нѣтъ страны, нѣтъ общественнаго класса, нѣтъ возраста, которые остались бы непредставленными среди этой изумительной массы корреспондентовъ! Большею частью въ письмахъ этихъ затрогиваются и обсуждаются всевозможные важные вопросы жизни, сообщаются факты, которые могутъ интересовать Льва Николаевича, много писемъ съ просьбой о со-

вѣтѣ, съ выраженіями любви и глубокаго уваженія. Но, разумѣется, немало попадается и писемъ враждебныхъ, иногда крайне грубыхъ по формѣ.

Такъ же, какъ письма, разнообразны и посѣтители «Ясной Поляны»: тутъ бываютъ и крестьяне, и знаменитые европейскіе ученые, и усумнившійся священникъ, и кандидатъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, Брайанъ, и ищущая молодежь, и рабочіе, и репортеры, и духоборы, и революціонеры...

Не могу безъ улыбки вспомнить одного изъ курьезнѣйшихъ посѣтителей «Ясной Поляны», съ которымъ я случайно встрѣтился на «Засѣкѣ», ближайшей къ «Ясной Полянѣ» станціи. Это былъ молодой учитель одной изъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской губерніи, который только что вернулся отъ Льва Николаевича, совсѣмъ разочарованный и недовольный. Разговорившись какъ-то со мной, онъ разсказалъ мнѣ, что ему случилось какъ-то выдрать за ухо одного изъ своихъ питомцевъ, такъ, легонько, но родители зашумѣли, написали куда слѣдуетъ жалобу, что онъ надорвалъ ухо; ему грозила потеря мѣста, и вотъ онъ пріѣхалъ ко Льву Николаевичу съ просьбой о защитѣ.

— Ну, и что же Левъ Николаевичъ?—спросилъ я, невольно смѣясь.

Тотъ уныло махнулъ рукой.

— «Ничего не могу, говоритъ, идите къ архіерею»...—съ недоумѣніемъ сказалъ учитель.—Я опять: такъ и такъ, разсказываю, съ другой стороны захожу,—нѣтъ, бѣгаетъ этакъ по терасѣ: «ничего, ничего не могу!... Идите къ архіерею... Что же я могу тутъ сдѣлать?...» Такъ и ушелъ ни съ чѣмъ. И, главное, ни помыться съ дороги графиня не предложила, ни закусить...

Я спросилъ его, читалъ ли онъ хоть что-нибудь изъ написаннаго Львомъ Николаевичемъ.

— Нѣтъ, признаться, не доводилось,—отвѣчалъ онъ.—А только слышалъ, что есть, дескать, графъ Толстой, который... ну, стоитъ за правду и всѣхъ защищаетъ... Ну, и поѣхалъ... А тутъ вонъ какая исторія!...

Уѣзжая, я взялъ съ собой знаменитое письмо Льва Николаевича (къ итальянскому журналисту г. P. Mazzini) о франко-русскомъ союзѣ: русской почтѣ Левъ Николаевичъ не довѣряетъ, а я ѣхалъ какъ разъ за границу. Письмо это я отправилъ г. Mazzini изъ Константинополя и скоро былъ свидѣтелемъ огромнаго впечатлѣнія, которое оно произвело за границей, гдѣ къ голосу Льва Николаевича прислушиваются очень внимательно и имя его пользуется чрезвычайно широкой популярностью.

Разъ, помню, я ѣхалъ по Калабріи—глушь, вродѣ нашей Вологодской или Архангельской губерніи. Мои спутники, узнавъ, что я «компатріотъ истого», тотчасъ же начали разспрашивать меня о великомъ старцѣ. заключеніе одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, горячо поддержанный другими, сказалъ:

— Пожалуйста, передайте при случаѣ Толстому, что въ Италіи всѣ хорошо знаютъ и уважаютъ, а многіе и горячо любятъ...

Въ другой разъ, когда я завтракалъ въ небольшомъ отелѣ, въ Tremezzo, на берегу Комскаго озера, прислуживавшій за столомъ молодой парень, Perpino, таинственно спросилъ меня, не анархистъ ли я.

— Почему вы это предполагаете?—спросилъ я, удивленный.

— А какъ же, у signore въ комнатѣ портретъ Толстого на столѣ, а Толстой анархистъ,—отвѣчалъ Perpino.

— А почему вы знаете Толстого?

— А кто же его не знаетъ?—нѣсколько обиженно отвѣчалъ онъ.

Послѣ этого перваго посѣщенія Льва Николаевича мнѣ приходилось не разъ бывать въ «Ясной», а иногда и писать ему, и не было случая, чтобы онъ отнесся къ письму невнимательно или оставилъ его безъ отвѣта.

Привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ ко мнѣ, которые могутъ быть не только интересны, но и полезны для другихъ.

«Рѣшить вашего вопроса не могу. Знаю только, что ищущій духовнаго блага находитъ его: оно всегда въ нашей власти. Исканіе его есть уже обрѣтеніе его. А мнѣ кажется, что вы искренно ищете его. То, что вамъ кажется, что вы идете назадъ, лучше, чѣмъ если бы вамъ казалось, что вы быстро идете впередъ. Для меня есть только одна жизнь: служеніе Богу и людямъ черезъ совершенствованіе (себя) или совершенствованіе (себя) черезъ служеніе Богу и людямъ и потому, какъ бы далекъ я ни былъ отъ того, чѣмъ я хотѣлъ бы быть, я не могу не желать жить тою одной жизнью, которую я призналъ. То же и для всѣхъ людей, если они поймутъ, въ чемъ жизнь. Не робѣйте и не уставайте: сначала и опять сначала». (Сент., 1901 г.).

«...Хорошо то, что вы пишете о томъ, какъ люди начинаютъ быть лишаемы воздуха и солнца, но лучше всего то, что вы пишете про себя, про свое душевное состояніе. Это особенно радуетъ меня... это душевное состояніе я знаю, потому что испыталъ его; оно даетъ истинное, неотъемлемое благо...

«Вы спрашиваете, почему невозможно, по моему мнѣнію, исполненіе задуманной вами работы? *). Невозможно написать біографію, исторію, жизнь Іисуса потому, что то, что мы знаемъ изъ этой жизни, есть самое высокое въ духовной области изъ всего, что мы можемъ знать. Его слова, его ученіе есть то божественное откровеніе, которое черезъ него стало намъ доступно. Для того, чтобы описать его жизнь, надо объяснить источникъ, изъ котораго возникло это. Какъ же я могу сдѣлать это, когда я только еле-еле понимаю то, что онъ, сдѣлавъ это для меня доступнымъ, открылъ мнѣ? Я не только не желалъ бы прибавить подробности о жизни Христа, но желалъ бы откинуть и тѣ, которыя есть»... (1 ноября, 03 г.).

«Оба вопроса ваши... мнѣ очень близки. Я самъ себѣ отвѣтилъ на нихъ, и, можетъ быть, вы прочтете эти отвѣты когда-нибудь, теперь же

*) Большой трудъ о Христѣ.—*Е.*

отвѣчу кратко, надѣясь, что вы поймете и неполно выраженное. Все живо и во всемъ живетъ одно, и все отдѣлено одно отъ другого. Предки каждаго существа и насъ самихъ познаются нами, какъ вещество въ пространствѣ и движеніе во времени. Каждое существо есть органъ Бога и не только отдѣльно, но есть особенное, единственное въ своемъ родѣ существо и можетъ производить единственную, только ему свойственную работу. Отъ этого мы своимъ высшимъ существомъ и противимся убійству и тому, что ведетъ къ нему. Кромѣ того, когда мы страдаемъ за страданія другихъ мы большею частью невольно обманываемъ себя, думая, что страдаемъ за страдающихъ, а страдаемъ за заставляющихъ страдать. Мы страдаемъ за нарушеніе закона единенія, къ которому стремится все, и страданія указываютъ намъ на это нарушеніе и вызываютъ въ насъ борьбу съ нимъ для установленія единенія любви.

«Второй вопросъ я для себя разрѣшилъ такъ: законъ жизни есть уясненіе, расширеніе, просвѣтлѣніе сознанія того вѣчнаго начала, которое есть въ каждомъ существѣ. Съ болѣе высокихъ ступеней сознанія, наблюдая жизнь существъ, стоящихъ на низшей ступени, ихъ дѣйствія, представляющіяся для нихъ добрыми, для высшаго сознанія представляются злымъ. Борьба съ тѣмъ, что представляется зломъ, т.-е. съ болѣе темнымъ сознаніемъ, возможна только черезъ свѣтъ, черезъ все большее и большее просвѣтлѣніе своего сознанія. И потому справедливо, что если бы не было зла, т.-е. темноты, то не было бы добра, свѣта»... (19 янв. 04).

«...Какъ всегда радъ былъ получить ваше письмо, но, простите меня, письмо это ваше меня огорчило. Въ немъ я увидалъ недоброе отношеніе къ людямъ, осужденіе. И, кромѣ того, неясность и внутреннее противорѣчіе. Вы пишете о томъ, какъ должно быть исполнено ученіе Христа, а потомъ говорите, что самое важное то, что въ настоящемъ, въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вступаешь съ человѣкомъ, руководиться только любовью. Если это такъ (а я думаю, что это такъ), то нельзя впередъ опредѣлять форму христіанской жизни. Служеніе Богу и людямъ, любовь, это тотъ клубокъ, который въ сказкѣ волшебница даетъ юношѣ, чтобы онъ шелъ туда, куда, разматываясь, покатится клубокъ. Такъ и въ жизни идти надо туда, куда поведетъ разматывающійся клубокъ любви, а куда онъ приведетъ, мы знать не можемъ, а если будемъ воображать, что знаемъ, то собьемся съ дороги...» (27 февр. 04).

«...Я думаю, что вы ошибаетесь, полагая, что христіанство, т.-е религія, имѣетъ какія-либо внѣшнія цѣли, и что о немъ можно судить по мѣрѣ достиженія или недостиженія этихъ представляющихся намъ общихъ цѣлей. Христіанство, истинное христіанство, по моему мнѣнію, тѣмъ и отличается отъ религій, которыя можно назвать общественными, какъ католичество, православіе, магометанство, я думаю даже конфуціанство, что оно обращается къ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, для каждаго отдѣльнаго человѣка разрѣшаетъ его вопросъ жизни, указываетъ ему его назначеніе, состоящее въ исполненіи воли Бога, въ слiяніи съ ней своей

воли, въ служеніи для Бога Богу и людямъ, и тѣмъ даетъ ему спокойствіе и благо. Правда, что одно изъ невольныхъ подтвержденій христіанской истины и какъ бы маленькое поощреніе къ ней состоитъ въ томъ, что исполненіе воли Бога—лучшее, что можетъ сдѣлать для себя человѣкъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществляетъ царствіе Божіе (царствіе Божіе внутрь васъ есть). Но сущность христіанства и то, что привлекаетъ къ нему и даетъ истинное благо, не въ этомъ внѣшнемъ осуществленіи царства Божія, которое никогда вполнѣ не осуществится, а къ которому человѣчество всегда будетъ приближаться (какъ асимптота къ кривой), а въ томъ, что жизнь человѣка въ этомъ мірѣ, въ короткій срокъ этой жизни, получаетъ вѣчный радостный смыслъ.

«Такъ вотъ я и думаю, что человѣкъ, понимающій такъ христіанство, никакъ не будетъ думать о томъ, что дѣлаютъ другіе, хорошо ли это или дурно, приближаетъ ли это, на его близорукій взглядъ, осуществленіе царства Божія или отдаляетъ, а зная то, что его задача и смыслъ жизни состоитъ въ работѣ надъ той одной частью міра, которую составляетъ его тѣло, будетъ дѣлать всѣми силами это дѣло, вполнѣ увѣренный, что обѣщанное царство Божіе наступитъ, хотя и не такъ, какъ онъ воображаетъ (царство Божіе наступитъ невидимымъ образомъ), но непремѣнно наступитъ. Содѣйствовать же ускоренію этого наступленія онъ будетъ только работая надъ собой, гдѣ все въ его власти, и сердиться и упрекать никого не будетъ, кромѣ себя, которому всѣ упреки всегда во благо (17 марта 04).

«...О забываніи въ себѣ Бога я не огорчаюсь, потому что, поглядѣвъ назадъ, вижу, что было время, когда я никогда даже и не вспоминалъ Его. Вѣдь въ этомъ жизнь, чтобы замѣнять сознаніе своей личной жизни сознаніемъ Бога. И потому этимъ огорчаться не надо...

«...О воспитаніи можно много сказать, но мнѣ очень понравилось то, что сказалъ объ этомъ, кажется, Эмерсонъ, что самое важное вызвать въ ребенкѣ сознаніе его божественной природы, заставить наклюнуться этотъ ростокъ»... (2 марта 05).

«Спасибо вамъ... за письмо и за трогательныя свѣдѣнія о Куртышѣ*). Не могу жалѣть его. Могу только радоваться и бояться...

«То, что вы недовольны своей жизнью, только хорошо. Когда истинно хочешь идти по прямой и видитъ свое уклоненіе отъ нея, то неизбѣжно выйдешь опять на нее. Романъ вашъ, вѣроятно, много мѣшалъ и я радъ, что вы его кончили. Я давно уже думалъ, что эта форма отжила,—не вообще отжила, а отжила, какъ нѣчто полезное. Если мнѣ есть что сказать, то не стану я описывать гостиную, закатъ солнца и т. п. Какъ

*) Ив. Куртышъ, прослуживъ уже 2 года въ артиллеріи, попалъ въ военную тюрьму. Тамъ онъ сталъ читать Евангеліе, слѣдствіемъ чего былъ его отказъ продолжать военную службу, какъ несовмѣстимую съ ученіемъ Христа.

Б.

забава, невредная для себя и для другихъ,—да. Я люблю эту забаву. Но прежде на это смотрѣлъ, какъ на что-то важное»... (25 сент. 06).

«Спасибо вамъ..., что помните обо мнѣ и сообщаете такія радостныя извѣстія. Помогай имъ *) Богъ. Впрочемъ, всѣ слова, которыя сказаны Куртышомъ, суть выраженія не мыслей и чувствъ Куртыша, а проявленіе Бога. (Заключенный въ тюрьму Куртышъ сказалъ, что онъ не только не сердится за это на начальниковъ, но жалѣетъ ихъ, какъ темныхъ, и будетъ молиться, чтобы и ихъ Богъ просвѣтилъ также, какъ его. Б.)

«Все яснѣе и яснѣе сознаю послѣднее время, что жизнь не счастливая, а блаженная, какъ это вѣрно подраздѣляетъ Фихте, достигается только замѣной своей воли волей Бога, предоставленіемъ Ему жить черезъ тебя. Испытываю это временами и чаще, чѣмъ старше и ближе становлюсь къ тому таинственному, новому состоянію, которое мы называемъ смертью. Желаю вамъ этого единаго блага. Только держите себя открытымъ и чистымъ для прохожденія чрезъ васъ воли Бога и вы перестанете быть недовольнымъ собой... (Окт., 06).

«...Только отрѣшиться хорошенько отъ славы человѣческой, установить твердыя, всегда чувствуемыя отношенія съ Богомъ, съ хозяиномъ моей жизни, хорошенько, вполнѣ отказаться отъ осуществленія какихъ бы то ни было желаній, хорошенько проникнуться великимъ словомъ: «fais ce que doit, advienne que pourra» или, по-русски: «человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ», и не будетъ заботы о томъ, Закхей я или Будда. Я, Толстой или Б., хочу только одного, истинно хочу дѣлать Его волю, а что выйдетъ изъ моего хотѣнія, не мое дѣло. Все это ясно, когда есть полная искренность. Если же я не только Закхей, но фарисей въ глазахъ людей, то это только тѣмъ лучше, чтобы я устанавливалъ свое отношеніе съ однимъ Богомъ. Не представляйте себѣ никакого своего внѣшняго положенія, а только какъ можно чаще, особенно при сношеніяхъ съ людьми, отъ жены до генералъ-губернатора и нищаго, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вамъ истинно хорошо для вашего блага дѣлать, и вы будете совершенно спокойны: можетъ быть, вырѣжете свое мясо для голодной тигрицы, а можетъ быть будете сажать яблони и ѣсть яблоки въ своемъ саду. Говорю вамъ отъ всей души, по опыту, милый другъ. Главное, хорошенько отрѣшиться отъ заботы о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ»... (14 ноябр. 06).

По этимъ немногимъ отрывкамъ можно судить, каковъ Левъ Николаевичъ въ письмахъ. Таковъ же онъ и въ бесѣдахъ, и наединѣ, и въ кругу своей семьи.

Въ кругу семьи я видѣлъ Льва Николаевича и веселымъ, и сильно настроеннымъ (какъ послѣ ужаснаго 9 января), и нездоровымъ, но всегда, неизмѣнно въ его обращеніи со всѣми была ласка, теплота, терпимость.

*) А. И. Иконникову и Ив. Куртышу, заключеннымъ въ тюрьму за отказъ отъ военной службы.

Б.

Ясно, рѣзко чувствуешь два совершенно различныхъ міра: міръ богатой великосвѣтской семьи и міръ мудреца-христіанина, но черезъ пропасть, раздѣляющую эти два міра, видишь перекинутый золотой мостъ любви. Только разъ, помню, Левъ Николаевичъ погорячился немного во время оживленнаго разговора о Генри Джорджѣ и, волнуясь, замѣтилъ одному изъ спорщиковъ, что чѣмъ больше человѣкъ говоритъ, тѣмъ меньше онъ знаетъ и наоборотъ. Но тутъ же, быстро спохватившись, Левъ Николаевичъ какъ-то притихъ весь и, когда общій разговоръ перешелъ на другой предметъ, тихонько, со своей милой, кроткой улыбкой сказалъ мнѣ:

— Вотъ видите, и ошибся!... И поневолѣ вспомнишь Паскаля, который носилъ всегда поясъ съ гвоздями: какъ только почувствуетъ, что идетъ не туда, прижметъ его локтемъ, гвозди уколятъ тѣло и боль сейчасъ же отрезвитъ и напомнитъ, что надо дѣлать...

И весь вечеръ послѣ этого онъ былъ со всѣми особенно мягокъ и ласковъ...

Но, оставаясь мягкимъ, терпимымъ, Левъ Николаевичъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ вести *свою* линію, быть самимъ собой, не оставляетъ ни своего вегетаріанства, ни своей простой одежи, ни своего простого, искренняго языка, ни всей своей прекрасной мужиковатости.

Разъ, помню, пріѣхалъ я въ «Ясную» съ моимъ другомъ І. К. Д., живущимъ верстахъ въ 17 отъ «Ясной». У него только что предъ этимъ сгорѣлъ въ его отсутствіе домъ со всѣмъ, что въ немъ было, такъ что осталось только то, что на немъ было.

— Надо вамъ дать что-нибудь на погорѣлое мѣсто,—сказалъ Левъ Николаевичъ, выходя въ столовую, гдѣ сидѣли за столомъ дамы.—У васъ, поди, и бѣлья нѣтъ? Ну такъ подштаники и сапоги я вамъ могу дать, это у меня есть... Сейчасъ...

Своей обычной быстрой походкой онъ ушелъ въ свою комнату и скоро вернулся оттуда съ подштаниками и сапогами.

Въ другой разъ, за общимъ обѣдомъ, онъ разсказывалъ намъ, какъ разъ зашелъ къ нему, еще въ Москвѣ, сынъ извѣстнаго В. К. Сютаева, тверского крестьянина, имѣвшаго, по словамъ самого Льва Николаевича, на него большое вліяніе.

— Потомъ сталъ собираться онъ домой... А было уже поздно,—разсказывалъ Левъ Николаевичъ.—Я оставляю его ночевать, тотъ жмется, отказывается. Что такое, почему? Да признаться, говоритъ, Левъ Николаичъ, въ банѣ давно не былъ, вошь замучила, говоритъ. Ну, вотъ, говорю, пустяки какіе! Оставайся, оставайся!... Я буду очень радъ, если въ моемъ домѣ рабочая вошь заведется...

Разскажу здѣсь кстати еще одинъ случай, бывшій со Львомъ Николаевичемъ.

Стоитъ онъ разъ какъ-то на перронѣ тульскаго вокзала,—разсказывали мнѣ.—Подлетаетъ курьерскій поѣздъ. Изъ вагона I класса выскакиваетъ какой-то господинъ и торопливо бѣжитъ въ буфетъ. За нимъ и

площадкѣ вагона показывается молодая дама и кричитъ ему вслѣдъ: «Жоржъ! Жоржъ!...» Жоржъ не слышитъ. «Дѣдушка, сбѣгай, пожалуйста, вороти того господина,—обращается барыня ко Льву Николаевичу.—Я тебѣ на чаекъ дамъ»... Ни слова не говоря, Левъ Николаевичъ возвращаетъ Жоржа дамѣ и получаетъ пятачокъ. «Смотрите, смотрите: Толстой!»—слышитъ дама шепотъ на площадкѣ сосѣдняго вагона. «Гдѣ, гдѣ Толстой?»—спрашиваетъ она торопливо. Ей показываютъ. Моментально соскакиваетъ она съ площадки: «ради Бога, графъ, простите... Мнѣ такъ совѣстно, право... Пожалуйста, простите!»... И, сконфуженная, проситъ возвратить ей пятачокъ. «Э-э, нѣтъ, пятачка не отдамъ!—засмѣялся Левъ Николаевичъ.—Я его заработалъ»... Тутъ раздается третій звонокъ и, совсѣмъ смущенная, барыня исчезаетъ въ вагонѣ...

И никто такъ не любитъ мужика, какъ этотъ «великій мужикъ», какъ зовутъ его за границей, никто столько не думаетъ о немъ, никто такъ не болѣетъ о немъ душой, никто такъ не уважаетъ его *). Помню какъ-то разъ я бесѣдовалъ съ нимъ о религіозной жизни народа и объ отношеніи къ этимъ религіознымъ движеніямъ образованныхъ людей.

— Отношеніе это похоже на отношеніе лакея къ своему хозяину, ученому математику,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Хозяинъ пишетъ на доскѣ какія-то цифры, буквы, ставитъ радикалы, знаки равенства, плюсы, минусы, а лакей смотритъ сзади и думаетъ: «какъ нескладно все это у него выходитъ, я напишу куда лучше!» И вотъ, когда хозяинъ, рѣшивъ задачу, достигнувъ цѣли, которую онъ все время имѣлъ въ виду, уходитъ, лакей стираетъ все написанное имъ съ доски и самъ начинаетъ старательно выводить и буквы, и плюсы, и радикалы, и цифры. Все это выходитъ у него много красивѣе, чѣмъ у хозяина, но—лишено всякаго смысла...

Помню, когда мы жили неподалеку отъ «Ясной», въ «Овсянникахъ», на хуторѣ, принадлежащемъ дочери Льва Николаевича, Татьянѣ Львовнѣ, я получилъ письмо отъ одного политическаго ссыльнаго изъ Сибири, который, отбывъ срокъ, просилъ помочь ему вернуться въ Россію, говоря, что ему нужно на проѣздъ семьи и провозъ, кажется, 40 пудовъ багажа рублей что-то 100.

---

*) И поэтому, кажется мнѣ, глубоко неправы тѣ артисты, которые въ „Плодахъ просвѣщенія“ дѣлаютъ изъ мужиковъ какихъ-то шутовъ гороховыхъ. Пусть мужики эти говорятъ „макроба“, пусть они обходятся безъ носовыхъ платковъ, но, по мысли Толстого, они являются носителями дорогой ему деревенской правды, и отношеніе къ нимъ артистовъ поэтому должно быть глубоко-серьезное, тѣмъ болѣе, что жизнь ъ и на сценѣ и за сценой не веселая комедія, а мучительная драма („куренка гнать некуда“). Точно также неправы и тѣ заграничные критики, которые въ имѣ („Власть тьмы“) видятъ какого-то идіота. Виной этому, я думаю, переводки, которые знаменитое „taë“ перевели, какъ „taë“, т.-е. сдѣлали его совсѣмъ смысленнымъ. „Taë“ это испорченное „того„, слово, которое часто употребляется ьми, затрудняющимися въ выраженіи своей мысли, и по-французски, наприм., надо было передать, какъ „comment dirais-je?“ или „pour ainsi dire“, а не какъ ‘“... *Б.*

Я послалъ, что могъ, и показалъ письмо Льву Николаевичу.

— Нѣтъ, я ничего не могу тутъ сдѣлать,—сказалъ, слегка нахмурившись, Левъ Николаевичъ.—Да меня и вы удивляете,—прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы.—Вѣдь вы знаете крестьянъ.—Въ любой избѣ, и въ Скуратовѣ, и въ Овсяникахъ, и вездѣ, нуждаются въ вашей помощи несравненно больше... Если есть чѣмъ помогать, *или* помогайте! А тутъ *40 пудовъ багажа...*

Изъ всѣхъ посѣщеній «Ясной» мнѣ особенно помнится одно, бывшее дня два, кажется, спустя послѣ 9 января, Мы—жена, Н. В. Орловъ, извѣстный художникъ-народникъ, одинъ изъ милѣйшихъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ, и я,—застали Льва Николаевича одного за завтракомъ. На столѣ стояла печеная картошка, печеная рѣпа и размазня изъ гречневой крупы—меня всегда поражало, какъ поразительно мало ѣстъ Левъ Николаевичъ.

Онъ уже слышалъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ, и былъ, видимо, очень разстроенъ. Со мной было письмо изъ Петербурга отъ одного изъ близкихъ участниковъ этого ужаснаго событія. Я прочелъ его Льву Николаевичу, разсказалъ, что слышалъ дорогой... И вдругъ у старика задрожали губы и впалые старческіе глаза покраснѣли и быстро наплились слезами, въ которыхъ было и тяжелое страданіе, и невольное негодованіе какъ на тѣхъ, кто, угорѣвъ отъ безумной власти, съ такой легкостью проливаетъ человѣческую кровь, такъ и на тѣхъ, кто, зная, что его ждетъ, все-таки поднимаютъ рабочій народъ на такія безумныя, по мнѣнію Льва Николаевича, предпріятія...

Рѣзко отрицательное отношеніе Льва Николаевича къ современному освободительному движенію извѣстно. Благодаря этому, многіе до самаго послѣдняго времени считали его чуть ли не какимъ-то крѣпостникомъ, и только очень недавно стали понемногу узнавать истинное отношеніе Льва Николаевича къ данному вопросу, стали понимать, что относится онъ отрицательно къ этому движенію не потому, что оно освободительное, а потому, что оно, по его мнѣнію, совсѣмъ не освободительное: дѣло не въ томъ,—говоритъ онъ,—чтобы мѣнять палки, которыя тебя бьютъ, одна на другую, а въ томъ, чтобы *никакой* палки надъ человѣкомъ не было, будь это палка указка самодержавная, конституціонная, совѣта рабочихъ депутатовъ или бомба террориста. Онъ не хочетъ никакой власти человѣка надъ человѣкомъ, никакого насилія, съ какой бы стороны оно ни исходило и какія бы цѣли ни преслѣдовало,—пусть надъ человѣкомъ будетъ только Богъ и Его воля, т.-е. единый, общій для всѣхъ, нравственный законъ, которому человѣкъ можетъ подчиняться, разумѣется, только добровольно.

До сихъ поръ еще очень многіе говорятъ о «толстовствѣ», но и самъ Левъ Николаевичъ говоритъ, и всякій, серьезно изучавшій его писанія, знаетъ, что никакого «толстовства» нѣтъ и никогда не было, что то, что проповѣдуетъ неустанно великій старецъ, старо, какъ сознательная жизнь

человѣчества. Возьмите составленную имъ книгу «Кругъ чтенія», и вы увидите, что на страницахъ ея, въ свѣтѣ вѣчной истины, встрѣтились Будда, и русскій мужикъ Бондаревъ, и освободитель земли, еще непонятый и неоцѣненный Генри Джорджъ, и апостолъ новой, прекрасной жизни, Рёскинъ, и евангелисты, и императоръ Маркъ Аврелій, и рабъ Эпиктетъ, и Сократъ, и талмудисты, и Конфуцій, и Цицеронъ, и Аміель, и Іоаннъ Златоустъ, и арабы, и Шопенгауэръ, и индусы, и Руссо, и Магометъ, и Паскаль, и Лессингъ, и сербскіе и венгерскіе сектанты-мужики, назарены, и Кантъ,—словомъ, нѣтъ народа, нѣтъ эпохи, которая не была бы представлена въ этой книгѣ, въ этой сокровищницѣ мудрости всего человѣчества! И надъ всей этой несмѣтной, свѣтлой толпой мудрецовъ сіяетъ немеркнущимъ свѣтомъ дивно-прекрасный образъ Христа, который, по мнѣнію Толстого, лучше и полнѣе другихъ выразилъ эти вѣчныя, свѣтлыя истины.

Такъ вотъ эти-то вѣчныя истины и проповѣдуетъ съ такой необыкновенной силой великій старецъ, и назвать ихъ «толстовствомъ», разумѣется, можетъ только тотъ, кто не далъ себѣ труда хорошо познакомиться ни съ тѣмъ, чему учитъ онъ, ни съ тѣмъ, чему учили до него тѣ, которыхъ человѣчество признало своими учителями, свѣтильниками...

Видя, что Левъ Николаевичъ такъ волнуется, такъ огорченъ, мы понемногу заняли разговоръ о событіи 9 января; старикъ овладѣлъ собой и наружно успокоился и, когда мы кончили завтракъ, позвалъ насъ на свою обычную послѣ завтрака прогулку...

Мы ходили часа два по прекраснымъ лѣсистымъ и холмистымъ окрестностямъ «Ясной Поляны»; въ концѣ прогулки Левъ Николаевичъ подвергъ меня экзамену.

— А ну, бывшій охотникъ,—проговорилъ онъ, вдругъ останавливаясь среди лѣса,—гдѣ нашъ домъ?

Все мое вниманіе было, разумѣется, поглощено тѣмъ, что говорилъ Левъ Николаевичъ, дороги я совсѣмъ не замѣтилъ и сказалъ поэтому, что не знаю, гдѣ домъ.

— Ну, какой же вы охотникъ!... Посмотрите, сообразите...

Я посмотрѣлъ, сообразилъ и указалъ, ко всеобщему смѣху, какъ разъ въ противоположную сторону...

Когда мы пошли, я сказалъ ему, что съ тѣхъ поръ, какъ, ставъ вегетаріанцемъ, я бросилъ охоту, я никогда больше не испытывалъ того чувства жизни заодно съ природой, какое испытывалъ раньше на охотѣ, никогда не видалъ жизни природы такъ близко, такъ подробно.

— Да, да...—проговорилъ Левъ Николаевичъ.—Но я потомъ снова нашелъ эту связь, когда началъ работать на землѣ, пахать, сѣять, косить... А вотъ это, смотрите, колодезь Куденяра...—сказалъ онъ, указывая въ сторону отъ дороги на небольшой ключъ.—А тамъ, дальше, замѣтны какіе слѣды, какъ будто земляныхъ укрѣпленій, гдѣ будто бы жилъ Кучеръ...

Мы остановились и замолчали. Кругомъ неподвижный, весь въ снѣгу, лѣсъ, и безконечная зимняя тишина, и среди этой тишины слышно лишь, какъ Кудеяровъ ключъ плететъ свое нѣжное безконечное кружево изъ хрустально-звонкихъ, хрустально-прозрачныхъ звуковъ...

— Я часто прохожу здѣсь одинъ и всякій разъ остановившись и послушаешь...—тихо и мягко проговорилъ Левъ Николаевичъ, и въ моемъ воображеніи вдругъ сама по себѣ встала картина: лѣсная пустыня, небо, тишина и среди всего этого одинокая фигура великаго старца, чутко, сердцемъ прислушивающагося къ дыханію природы, проникающаго въ самую ея сущность и подъ эти прелестные, нѣжные, хрустальные звуки теряющагося въ ней, сливающагося съ ней въ одно...

Помню и другой свой пріѣздъ въ «Ясную». Мнѣ было тогда очень не по себѣ и, не поднимаясь наверхъ, я послалъ Льву Николаевичу тутъ же написанную карандашомъ записку, что мнѣ очень хотѣлось бы поговорить съ нимъ наединѣ. Чрезъ нѣсколько мгновеній послышались знакомые торопливые шаги, и наверху лѣстницы показался Левъ Николаевичъ. И, какъ сейчасъ, помню, слышу это милое, участливое восклицаніе:

— И. Ф!... Что такое?... Съ вами случилось что-нибудь?...

— Нѣтъ, особеннаго ничего не случилось, только хотѣлось бы поговорить съ вами,—отвѣчалъ я, поднимаясь ему навстрѣчу.

— А-а, ну, слава Богу, слава Богу... Здравствуйте...

Я обнялъ любимаго учителя.

— Ну, идемте, идемте, вотъ сюда, ко мнѣ...

И сразу отъ такого пріема на душѣ полегчало, посвѣтлѣло...

За стѣной слышалась музыка — то графиня Софья Андреевна играла съ кѣмъ-то въ четыре руки одну изъ симфоній Бетховена, — а тутъ, въ мягко освѣщенной лампой комнатѣ, слышалась мягкая, тихая рѣчь великаго учителя о самыхъ высокихъ, вѣчныхъ вопросахъ человѣческой жизни...

Бесѣда зашла о тѣхъ черныхъ, иногда только пугающихъ, а иногда просто страшныхъ низахъ всякой человѣческой души, тѣхъ низахъ, гдѣ до поры до времени спитъ всякій грѣхъ, всякое преступленіе, и откуда, какъ отвратительные гады, ползутъ и оскверняютъ все твое существо черныя желанія, то гадкія, преступныя, то просто глупыя, угнетающія своей глупостью мысли.

— Я въ такихъ случаяхъ стараюсь какъ можно скорѣе и какъ можно ярче вспомнить о смерти,—сказалъ я.

— Да, это хорошо,—отвѣчалъ Левъ Николаевичъ.—Но, наблюдая, вы скоро замѣтите, что одно и то же оружіе въ борьбѣ съ этимъ скоро притупляется и нужно найти другое, перемѣнить его. Я иногда въ такихъ случаяхъ вспоминаю, что я, человѣкъ, посланъ на землю Богомъ по дѣлу: какъ, тебя послали съ такимъ важнымъ, такимъ великимъ порученіемъ, а ты позволяешь себѣ унижать и себя, и порученное тебѣ дѣло?!..

Левъ Николаевичъ всегда говоритъ о себѣ—о своихъ слабостяхъ, ошиб

какъ, сбиваніяхъ съ пути—съ поразительной откровенностью и простотой; никогда я не только не слыхалъ, но не чувствовалъ душой, чтобы онъ превозносилъ себя надъ людьми хотя въ чемъ-нибудь, напротивъ, всегда неизмѣнно чувствуешь, что это говоритъ съ тобой не геній, не великанъ, а твой горячо любимый братъ или еще лучше—твой безконечно дорогой тебѣ отецъ. И эта простота, эта открытость сердца для меня въ немъ одна изъ наиболѣе чарующихъ, драгоцѣнныхъ чертъ.

— ...Любить дальнихъ, желать имъ добра—не хитрое дѣло,—говорилъ онъ нѣкоторое время спустя. — Нѣтъ, ты вотъ ближнихъ-то, ближнихъ полюбить сумѣй, тѣхъ, съ которыми ты встрѣчаешься каждый день, которые иногда надоѣдаютъ, иногда мѣшаютъ, раздражаютъ тебя, — вотъ ихъ-то люби, имъ-то дѣлай добро! Вотъ это очень трудно. Чуть только позабудешься—глядишь, и уже сбился съ дороги. Вотъ на-дняхъ, иду я тутъ по парку, думаю. Гляжу, идетъ за мной какая-то баба и что-то проситъ, а мнѣ какъ разъ пришла въ голову нужная для работы мысль. «Ну, что тебѣ нужно?.. Что тебѣ нужно?»—говорю бабѣ нетерпѣливо.— «Что ты пристала?» Но хорошо, что сейчасъ же и спохватился и поправился. А то бываетъ и не спохватишься совсѣмъ, а то и спохватишься, да ужъ поздно. Вотъ тоже недавно ѣду верхомъ по шоссе и думаю... И чувствую, что что-то точно мѣшаетъ мнѣ, что что-то не такъ. Что не такъ? Остановился, припомнилъ—оказалось не такъ то, что нѣсколько минутъ тому назадъ я проѣхалъ мимо знакомаго мнѣ нищаго-калѣки, которому всегда подаю, и въ задумчивости только разсѣянно поклонился ему. Повернулъ лошадь, поскакалъ, его уже не было, и я, можетъ быть, упустилъ дѣло, несравненно болѣе важное, чѣмъ всѣ мои писанія. Писанія это такъ, пустяки, а тутъ живой человѣкъ... Да, въ сношеніяхъ съ людьми надо постоянное строгое вниманіе къ себѣ; чуть ослабѣетъ оно, и ошибся, и согрѣшилъ...

— ...Надо дѣлать добро и не только не ждать себѣ никакихъ похвалъ за это,—говорилъ онъ,—но напротивъ, быть готовымъ къ тому, что тебя будутъ ругать, гнать, презирать. Это всегда такъ было и такъ должно быть, а то ты добро дѣлаешь, да еще чтобы тебя всѣ хвалили—это ужъ очень много!..—улыбнулся онъ.—И очень хорошо дѣлать такъ нарочно, чтобы добро твое не встрѣчало одобренія, какъ тотъ человѣкъ, который, притворяясь юродивымъ, дурачкомъ, дѣлалъ видъ, что сердится на нищихъ, и кидалъ въ нихъ серебряными рублями. Они подбирали его рубли и смѣялись надъ его глупостью. Такъ и намъ надо дѣлать...

Въ мартѣ прошлаго года московской полиціи пришла въ голову чудесная мысль выслать насъ изъ Москвы. Жена моя еврейка; докторъ медицины Казанскаго университета, она нарочно спѣшно держала экзаменъ на повивальную бабку, чтобы имѣть право повсемѣстнаго жительства. Въ ноябрѣ 1905 г. мы случайно очутились въ Москвѣ и довольно благополучно прожили тамъ до марта, хотя не проходило, кажется, недѣли, чтобы полиціи не понадобились какія-нибудь свѣдѣнія и справки о женѣ. Особенно

назойлива, груба и дерзка стала она послѣ подавленія декабрьскаго возстанія. Случайные гости въ Москвѣ, мы сами уже очень тяготились городомъ, тѣмъ болѣе, что солнышко грѣло по весеннему, прилетѣли грачи, жаворонки, и все думали, куда бы намъ уѣхать въ деревню. Какъ вдругъ жену вызываютъ въ участокъ. Вмѣсто нея отправляюсь я и получаю приказаніе немедленно, въ тотъ же день выѣхать изъ Москвы, — приказаніе отвратительно грубое по формѣ, подкрѣпленное угрозами объ употребленіи силы и пр.: всякое промедленіе въ Москвѣ моей жены—вполнѣ раздѣляющей мои взгляды, т.-е. человѣка самаго мирнаго, — очевидно, грозило неисчислимыми общественными бѣдствіями, которыя надо было во что бы то ни стало немедленно предотвратить... Редакторъ-издатель *Посредника*, Ив. Ив. Горбуновъ, радушно предложилъ намъ поселиться въ его избушкѣ въ «Овсянникахъ», на хуторѣ Т. Л. Сухотиной, верстахъ въ 3 отъ «Ясной Поляны». Въ ту же ночь мы выѣхали туда, а на утро слушали въ поляхъ, надъ первыми проталинами жаворонковъ и благодарили отъ всего сердца и градоначальника, по *телеграммѣ* котораго (вотъ на что тратятся народные трудовые гроши!) жену выслали, и хамовническую полицію, такъ добросовѣстно и энергично исполнившую приказаніе своего главы, и Ив. Ив. Горбунова...

Утро мы провели съ жаворонками и милой старушкой, М. А. Ш.—одной изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ, какихъ я когда-либо встрѣчалъ, — днемъ я былъ уже въ «Ясной», а на другой день къ намъ пріѣхалъ дорогой гость, Левъ Николаевичъ.

О М. А. необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ,—это рѣдкій человѣкъ. Родомъ она изъ мѣстной небогатой помѣщичьей семьи. Она была классной дамой въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, когда лѣтъ двадцать тому назадъ ей случайно попались писанія Льва Николаевича, запрещенныя въ Россіи, и разомъ произвели въ ней полный душевный переворотъ. Она бросила свою прежнюю жизнь и стала жить, въ потѣ лица добывая хлѣбъ свой. Одно время она жила вдвоемъ съ своей подругой на кавказскомъ побережьѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сочи, вызывая въ туземцахъ удивленіе своимъ безстрашіемъ: на Кавказѣ, въ уединенной мѣстности жить лишь вдвоемъ, двумъ женщинамъ,—на это рѣшится далеко не всякій. Здѣсь, въ Овсянникахъ, она живетъ въ крохотной двухъ-оконной избенкѣ, крытой соломой, и кормится отъ своихъ двухъ коровъ и небольшого огорода. Лѣтомъ здѣсь живетъ Ив. Ив. Горбуновъ съ семьей, но съ осени до весны старушка живетъ лишь въ обществѣ своей работницы, которую она принуждена была взять, благодаря своему преклонному возрасту (ей за 60) и частому нездоровью, и несчастной Шавочки, собаки съ отмороженными передними лапами, которая такъ привязана къ своей хозяйкѣ, что, когда та изрѣдка уѣзжаетъ въ «Ясную» навѣстить Льва Николаевича, Шавочка отказывается отъ ѣды и все время лежитъ на дорогѣ, глядя въ ту сторону, откуда должна появиться М. А. Иногда забѣжитъ къ ней посидѣть какая-нибудь баба изъ Овсянниковъ или Ску-

ратова или зайдетъ по дѣлу крестьянинъ. Необходимо, однако, замѣтить, что окрестные крестьяне, находящіеся подъ благотворнымъ вліяніемъ близкаго города, отхожихъ промысловъ и развеселой жизни помѣщиковъ и дачниковъ, въ большинствѣ случаевъ не понимаютъ ни Марьи Александровны, ни Льва Николаевича...

Навѣщаетъ старушку иногда и Левъ Николаевичъ, который относится къ ней съ большимъ уваженіемъ и теплотой.

И эта трудовая, суровая, полная лишеній, высоко честная жизнь не только совсѣмъ не тяготитъ старушку, напротивъ: «ахъ, какъ хорошо!..— часто повторяетъ она. — Прямо рай!» Трогательно бываетъ смотрѣть на ея встрѣчи со Львомъ Николаевичемъ.

— Ну, что?.. Умираемъ, М. А.?—поздоровавшись, но не выпуская ея руки, съ мягкой, милой улыбкой радостно говоритъ Левъ Николаевичъ.

— Умираемъ, Левъ Николаевичъ...

— Ну, что, хорошо?

— Хорошо, Левъ Николаевичъ...

И оба, старенькіе, радостные, смѣются тихимъ счастливымъ смѣхомъ.

Рѣдкую недѣлю не заглядываетъ къ намъ на хуторъ Левъ Николаевичъ, то верхомъ пріѣдетъ, то пѣшкомъ придетъ, посидитъ немного, поговоритъ и опять къ дому.

— Вотъ сегодня какой случай со мной былъ, — разсказываетъ онъ, сидя среди насъ въ крохотной избенкѣ М. А.—Приходятъ ко мнѣ сегодня утромъ двѣ бабы за помощью, мужья у обѣихъ на войнѣ, дѣти, а коровы ни у той, ни у другой нѣтъ... Ну, разспросилъ, какъ и что, далъ имъ кое-что, а насчетъ коровы, говорю, на-дняхъ самъ пріѣду и посмотрю. Ну, только онѣ простились и ушли, какъ является крестьянинъ, который обѣихъ хорошо знаетъ; разспрашиваю, онъ все подтверждаетъ: коровъ нѣтъ у обѣихъ, но у одной восемь человѣкъ дѣтей, а у другой трое. Я попросилъ его тотчасъ же воротить ту, у которой 8 человѣкъ дѣтей, чтобы дать ей 30 рублей: мнѣ недавно группа какихъ-то русскихъ, живущихъ въ Шанхаѣ, прислала для помощи семьямъ, пострадавшимъ отъ войны, рублей 400, изъ которыхъ и осталось какъ разъ 30 рублей. Я наказалъ ему вернуть только одну, а то, думаю, будутъ эти косые взгляды, неудовольствіе, жадность разыграется, а онъ не дослышалъ, должно быть, и воротилъ обѣихъ. Хоть и непріятно было, но дѣлать нечего, даю той 30 рублей, а другой говорю, что больше пока нѣту, что пусть она не зави-
тъ, и вдругъ...—голосъ старика осѣкся,—и вдругъ...—повторилъ онъ
убы его запрыгали и глаза налились слезами,—и вдругъ та, другая-то,
ъ и... расцвѣла вся... отъ радости! «Вотъ, говоритъ, и слава Богу...
хорошо!.. Зачѣмъ завидовать, что ты?!.. Слава Богу!..» Надо знать
жизнь, чтобы понять все это!..

, совсѣмъ растроганный, Левъ Николаевичъ замолчалъ. Сколько разъ
ъ я такъ слезы на милыхъ, глубоко впавшихъ глазахъ его: какъ только

покажется, мелькнетъ въ людяхъ что-нибудь доброе, святое, Божье, такъ Левъ Николаевичъ уже весь радость и умиленіе...

Онъ всталъ, прощаясь. Наша девятимѣсячная Мирка, дичившаяся людей, благодаря нашей замкнутой, уединенной жизни, вдругъ подарила Льва Николаевича улыбкой — маленькій цвѣточекъ улыбнулся огромному сверкающему солнцу...

— Ишь ты, а намъ-то такъ не улыбаешься! — пошутилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— А это потому, что у васъ такой бѣлой бороды нѣтъ...—улыбнулся Левъ Николаевичъ. — Ишь, какъ съ своими ногами-то обходится... — засмѣялся онъ, глядя, какъ Мирка тащитъ свои ноженки чуть не къ самому носу.—Я вотъ такъ ужъ не могу...

Онъ простился, вышелъ и, легко, несмотря на свои 78 лѣтъ, вскочивъ на сѣдло, сопровождаемый общими привѣтствіями, тронулъ лошадь и быстрой, красивой рысью скрылся изъ вида.

Въ маѣ мы должны были уѣхать изъ «Овсянниковъ» и съ тѣхъ поръ мы Льва Николаевича не видали больше и только письма друзей изъ тѣхъ краевъ и изрѣдка его самого доносили до насъ оттуда теплое дыханье любви и немеркнущій, вѣчный свѣтъ, которымъ исполненъ великій старецъ...

Ив. Булановскій.

Революція и религія *).

X.

Страхъ Антихриста, испытанный Вл. Соловьевымъ незадолго передъ смертью, происходилъ не только отъ личныхъ переживаній, но и отъ общихъ явленій, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Послѣднее философское произведеніе его «Оправданіе добра» направлено противъ Ницше-«антихриста». Соловьевъ не только не побѣдилъ Ницше, но и не коснулся подлиннаго существа его.

Вовсе не парадоксальное утвержденіе демоническаго зла вмѣсто человѣческаго добра, а совершенно истинное, съ точки зрѣнія самого Вл. Соловьева, утвержденіе высшихъ, «сверхчеловѣческихъ» или «богочеловѣческихъ», по слову Соловьева, религіозныхъ цѣнностей, которыя находятся «по ту сторону» человѣческаго добра и зла—такова подлинная сущность Ницше. И сущность эта неимовѣрно приближаетъ его къ Соловьеву, между прочимъ черезъ Достоевскаго, которому они одинаково близки, хотя и съ двухъ противоположныхъ сторонъ, одинъ съ «крайней правой», другой—съ «крайней лѣвой». Соловьевъ возражаетъ весьма неудачно на новую религію Ницше старою нравственностью; но ни на какую вообще религію нельзя возражать нравственностью: это два несоизмѣримые порядка. Тутъ, впрочемъ, все дѣло не въ оправданіи или осужденіи добра, а въ оправданіи или осужденіи Бога,—въ двухъ противоположныхъ теодицеяхъ. Ницше проклинаетъ Бога, котораго Соловьевъ благословляетъ. Откуда же произошло это различіе двухъ глубочайшихъ мистическихъ опытовъ, одинаково

*) *Русская Мысль*, кн. II, 1905 г.

*) Редакція считаетъ своимъ долгомъ, не замыкаясь въ какіе-либо шаблоны, вводить читателей журнала съ тѣми глубокими религіозно-философскими теченіями, которыя въ настоящее время все болѣе и болѣе назрѣваютъ и оформливаются у насъ въ Россіи. Сама редакція къ богословскому содержанію и мистическому характеру этихъ теченій относится совершенно отрицательно. Въ плеядѣ новѣйшихъ русскихъ религіозныхъ мыслителей Д. С. Мережковскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Редакція *Русской Мысли*.

подлинныхъ,—вотъ вопросъ, который, повидимому, Соловьеву не приходитъ въ голову. Слишкомъ легко и даже легкомысленно раздѣлался онъ съ Ницше. Тотъ могъ возразить ему: плохо добро, которое нуждается въ оправданіяхъ; мое добро, мое благородство, моя высшая сверхчеловѣческая цѣнность не оправдывается, а оправдываетъ.

Глубже и острѣе, чѣмъ въ этомъ большомъ сочиненіи, Соловьевъ коснулся Ницше въ маленькой критической замѣткѣ «О сверхчеловѣкѣ», напечатанной въ «декадентскомъ» журналѣ *Міръ Искусства*. Это была единственная и мгновенная попытка его сблизиться съ декадентами; онъ потомъ отвернулся отъ нихъ и раздѣлался съ ними такъ же легко, какъ съ Ницше, посмѣявшись надъ этимъ глубокимъ и донынѣ мало понятымъ явленіемъ русскаго духа, не столько злымъ, сколько злобнымъ смѣхомъ. Въ замѣткѣ *Міра Искусства* онъ указываетъ на то, что въ идеѣ сверхчеловѣчества заключается положительная религіозная истина; всѣ заблужденія Ницше происходятъ, будто бы, лишь отъ того, что онъ «послѣ Колумба открываетъ Америку»,—ищетъ найденное, ибо праведно чаемое явленіе сверхчеловѣчества уже совершилось: сверхчеловѣкъ и есть не кто иной, какъ неузнанный Богочеловѣкъ, Христосъ. Почему же Ницше не узналъ Христа? Неужели только по злонравію или недомыслію? Разумѣется, своего «распятаго Діониса» не могъ не узнать онъ въ распятомъ Христѣ; но не хотѣлъ,—а когда всетаки узналъ, то сошелъ съ ума отъ ужаса. Откуда же этотъ ужасъ, откуда эта ненависть ко Христу, которая заставила Ницше объявить себя «антихристомъ»? Вотъ вопросъ, который, кажется, опятьтаки Соловьеву не приходитъ въ голову.

А между тѣмъ если бы онъ пристальнѣе вглядѣлся въ то, что происходитъ рядомъ съ нимъ, уже не въ Европѣ, а въ Россіи, среди тѣхъ самыхъ русскихъ декадентовъ, съ которыми онъ раздѣлался такъ легко или такъ легкомысленно, ему помогло бы отвѣтить на этотъ вопросъ явленіе антихристіанства, болѣе страшное, чѣмъ Ницше. Это явленіе—В. В. Розановъ.

Подобно Соловьеву, вышелъ Розановъ изъ «крайней правой» Достоевскаго; но, въ концѣ-концовъ, послѣ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ переворотовъ, очутился въ «крайней лѣвой», болѣе крайней, чѣмъ даже Ницше. Достоевскій ужаснулся бы, увидѣвъ, кого произвелъ на свѣтъ въ лицѣ этого ученика своего. Началъ Розановъ, какъ самая кроткая овечка славянофильскаго стада. Глубочайшій консерватизмъ, смиреннѣйшая покорность всѣмъ «предержащимъ властямъ», въ особенности «тремъ незыблемымъ русскимъ началамъ»: самодержавію, православію, народности,—такова исходная точка его. Кажется, не было человѣка съ большею, чѣмъ онъ, готовностью жить по преданію, идти по хорошо протореннымъ путямъ, и съ меньшимъ вкусомъ къ открытію новыхъ дорогъ, къ личной отвѣтственности, которую предполагаетъ всякая, въ особенности, религіозная революція. И ежели всетаки дошелъ онъ до такихъ метафизическихъ крайностей бунта, которыя и не снились революціонерамъ-позитивистамъ, то въ этомъ

не его вина: не столько онъ самъ дошелъ, сколько его довели до этихъ крайностей; онъ революціонеръ поневолѣ. Въ глазахъ простодушныхъ русскихъ революціонеровъ до сихъ поръ еще тяготѣетъ на Розановѣ неизгладимое клеймо реакціи. Впрочемъ, бывшій сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*, нынѣшній сотрудникъ *Новаго Времени*, самъ отчасти даетъ къ этому поводъ, высказывая иногда революціоннѣйшія мысли съ консервативнѣйшимъ видомъ; вообще внѣшній видъ, наружность всегда вредили ему.

— Во мнѣ есть Акакій Акакіевичъ,—замѣтилъ однажды Розановъ, стоя передъ зеркаломъ.—Вы не можете себѣ представить, до чего повредила мнѣ въ жизни моя мизерабельная наружность!..

«Мизерабельный»—словечко Достоевскаго, у котораго, такъ же какъ у Гоголя, призрачно-исполинское, апокалипсическое выростаетъ иногда изъ будничнo-пошлаго.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, противоположность этихъ двухъ лицъ, Вл. Соловьевъ—съ его иконописнымъ ликомъ Іоанна Предтечи, и Розанова—съ обыкновеннымъ лицомъ «рыжеватаго господина въ очкахъ», мелкаго контрольнаго чиновника или провинціальнаго гимназическаго учителя изъ поповичей. Но, по мѣрѣ того, какъ вглядываешься въ это лицо, открывается удивительная смѣсь безстрашной и почти безстыдной, циническої пытливости, какъ бы бездоннаго углубленія тысячелѣтней мудрости—съ дѣтскимъ простодушіемъ и невинною хитростью—смѣсь Акакія Акакіевича съ Великимъ Инквизиторомъ.

Какъ произошла эта смѣсь? Какъ мирная овечка превратилась въ хищнаго льва, въ неистоваго богоборца или, вѣрнѣе, христоборца, ибо не съ Богомъ-Отцомъ, а только съ Сыномъ Божьимъ, со Христомъ борется Розановъ? Это—тотъ же вопросъ, какъ о Ницше, но поставленный глубже, потому что реальнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, метафизичнѣе, острѣе.

Прежде всего, надо понять, что христоборчество Розанова есть нѣчто небывалое, не имѣющее себѣ подобнаго во всемъ историческомъ христіанствѣ. Ибо всѣ донынѣ бывшія отступленія отъ Христа имѣли въ послѣднемъ основаніи одно изъ двухъ: или демонизмъ, религіозное извращеніе, которое ставитъ абсолютное зло на мѣсто абсолютнаго блага, дьявола—на мѣсто Бога; или раціонализмъ, возмущеніе разума человѣческаго противъ *Креста*. Въ отступленіи Розанова нѣтъ ни того, ни другого.

Никогда не прельщало его познаніе «такъ называемыхъ глубинъ сатанинскихъ». Онъ страдаетъ не избыткомъ, а скорѣе недостаткомъ этого познанія. Зло соблазняетъ его только эмпирически, а величайшій для него соблазнъ метафизическій—возвращеніе къ потерянному раю, къ золотому вѣку, къ той дѣтской невинности, которая не хочетъ зла, потому что зла не знаетъ. Онъ и грѣшитъ именно тѣмъ, что не столько преодолѣваетъ, сколько не видитъ всей темной демонической стороны міра, отворачивается отъ нея и жмурится, какъ маленькія дѣти—отъ того, что ихъ пугаетъ. Есть добро, нѣтъ зла,—вотъ во что хотѣлось бы ему повѣрить окончa-

тельно. Не видитъ онъ и собственнаго демона или «чорта», потому что «низерабельный» чортъ ему болѣе свойственъ, чѣмъ «великолѣпный» демонъ; а если бы онъ увидѣлъ его, то испугался бы, какъ опять-таки маленькія дѣти пугаются, и убѣжалъ бы къ первому «доброму Боженькѣ», все равно, языческому идолу или христіанской «иконкѣ», только бы въ уютномъ домашнемъ уголкѣ и со «святою лампадочкою».

— Я человѣкъ добрый, люблю добраго Бога и терпѣть не могу всей вашей чертовщины,—отвѣтилъ бы Розановъ на метафизическія искушенія демонизма, и этотъ самый простой отвѣтъ для него самый глубокій.

Раціонализмъ чуждъ ему въ той же мѣрѣ, какъ демонизмъ. Если кто-нибудь понялъ, то это, конечно, онъ, что всѣ возраженія человѣческаго разума на «безуміе Креста» происходятъ отъ философскаго недомыслія или отъ религіозной пошлости. Credo quia absurdum,—готовъ онъ воскликнуть, можетъ быть, съ чрезмѣрною легкостью. Если же все-таки отступаетъ отъ Христа, то вовсе не потому, что вѣритъ въ него мало, а потому, что слишкомъ вѣритъ во что-то иное. Въ своемъ отношеніи къ раціонализму, такъ же какъ къ демонизму, онъ впадаетъ въ противоположную крайность—грѣшитъ не избыткомъ, а скорѣе недостаткомъ религіозной трезвости: иногда жертвуетъ безумію божественному не менѣе божественнымъ разумомъ, Логосомъ, который вѣдь все-таки долженъ господствовать и служить непреложнымъ доказательствомъ религіозной подлинности этого безумія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не повѣрить искренности Розанова, когда онъ признаетъ, что ни разу въ жизни не случалось ему читать Евангелія безъ яснаго и неотразимаго ощущенія, что это—книга, не имѣющая не только ничего себѣ равнаго, но и подобнаго среди всѣхъ созданій человѣческихъ, что каждое слово ея—какъ бы зіяющій просвѣтъ въ иные міры, непрестанное чудо: *никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ Этотъ Человѣкъ*. Ни разу въ жизни Розановъ не усомнился въ томъ, что человѣкъ Іусусъ—не только человѣкъ, но что есть въ Немъ Существо несоизмѣримое ни съ чѣмъ въ порядкѣ человѣческомъ. Говоря о Христѣ и даже противъ Христа, никогда не теряетъ онъ чувства этой несоизмѣримости. Кажется, никто изъ отступниковъ не приступалъ снова такъ близко, такъ вплотную ко Христу, какъ Розановъ, не всматривался такъ пристально въ то именно нечеловѣческое, что̀ заставило міръ поклониться «Сыну плотника», какъ Сыну Божьему; никто изъ противниковъ Его такъ не испытывалъ на себѣ той неодолимой прелести, которою *Вознесенный на древо привлекъ къ себѣ міръ*. И еще кажется, что вотъ-вотъ не выдержитъ онъ, до того прельстится этою прелестью, что, падая къ ногамъ Христа, воскликнетъ: «Господь мой и Богъ мой!»

— Послушайте-ка, Василій Васильевичъ,—замѣтилъ ему кто-то послѣ яростныхъ нападокъ его на Христа, которыя могли бы казаться кощунственными въ другихъ устахъ, ибо Розановъ никогда не кощунствуетъ,—ну, а что, если бы вы увидѣли передъ собою живого Христа, вѣдь вы и посмѣли бы посмотрѣть ему прямо въ глаза?

— Посмѣлъ бы, видитъ Богъ, посмѣлъ бы! Я и Ему въ лицо сказалъ бы все, что вамъ говорю,—воскликнулъ онъ, и такая сила была въ этихъ словахъ, что собесѣдникъ подумалъ: кто знаетъ, вѣдь, пожалуй, съ него сталось бы.

— Я знаю,—признался однажды Розановъ въ очень глубокой и сердечной бесѣдѣ,—я знаю, что какъ бы я ни нагрѣшилъ, чего бы ни надѣлалъ, Богъ меня всетаки любитъ и никогда не покинетъ.

— За что же Богъ васъ такъ любитъ?

— За то, что я—простой и добрый человѣкъ.

— А Христа вы не любите?

— Не люблю.

— Почему?

— Потому именно, что Онъ мнѣ кажется не простымъ и не добрымъ...

Чтобы понять опять-таки страшную силу этихъ словъ, надо было видѣть «святую простоту», съ какой они были сказаны. Даже не овечка, а божья коровка, вдругъ вырастающая въ яростнаго льва, въ того апокалипсическаго звѣря, о которомъ говорится: кто подобенъ звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?

Нѣкоторыя обстоятельства жизни заставили его задуматься объ отношеніи сначала православной церкви, затѣмъ всего христіанства, затѣмъ Евангелія и, наконецъ, самого Христа—къ браку.

Бракъ есть таинство, самъ Христосъ благословилъ бракъ—таково общее мѣсто христіанства, подобное той казенной надписи, которая имѣется на всѣхъ кредитныхъ бумажкахъ: размѣнивается на чистое золото. Но тутъ-то и начинаются сомнѣнія Розанова,—сомнѣнія, повторяю, не отъ маловѣрія, а отъ вѣры въ *иное*.

Если бы, дѣйствительно, Христосъ благословилъ бракъ, то почему же предѣльною святостью христіанскою оказался всетаки не бракъ, а дѣвство? Физическому закону непроницаемости, по которому два тѣла не могутъ быть одновременно въ одномъ и томъ же пространствѣ, соотвѣтствуетъ законъ метафизическій, по которому двѣ абсолютныя святыни не могутъ существовать въ одной и той же религіи: святостью дѣвства уничтожается святость брака и наоборотъ. Вотъ почему христіанство, несмотря на словесное принятіе брака, только что переходитъ отъ слова къ дѣлу, неудержимо скользитъ по уклону безбрачія, до совершеннаго вытравленія пола, до скопчества: *есть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами, ради царствія Божія*. Въ сторону скопчества и направлены всѣ откры-
ı возможности, всѣ «вмѣщенія», мистическая емкость христіанства: *ущій вмѣстить да вмѣстить*. Не даромъ же слово это отнесено къ
збрачію съ такою увѣренностью, что никому въ голову не пришло, что кно бы отнести его и къ браку. Состояніе мірское, брачное—minimum, ашеское, безбрачное—maximum христіанской святости. И все ея движеніе совершается отъ этого minimum къ этому maximum, потому что ъ больше и двигаться некуда. «Кто женится, поступаетъ хорошо, а

кто не женится—лучше». Но лучше и хуже, меньше и больше существуютъ лишь въ порядкѣ относительномъ, эмпирическомъ; а въ метафизическомъ, абсолютномъ—или абсолютное утвержденіе, или абсолютное отрицаніе. Это и значитъ, что бракъ утверждается христіанствомъ только въ порядкѣ эмпирическомъ, а въ метафизическомъ—отрицается.

Сравнивая Новый Завѣтъ съ Ветхимъ, Розановъ приходитъ къ заключенію, что въ первомъ—«кредитныя бумажки», а во второмъ—чистое золото брака; въ первомъ говорится о бракѣ одно, а дѣлается другое; во второмъ, что говорится, то и дѣлается. Во главу угла Библіи, этой «книги бытія», по преимуществу, поставленъ завѣтъ Отчій: *плодитесь и множитесь*—и пророчество о послѣдней побѣдѣ бытія надъ небытіемъ, Бога надъ діаволомъ силою святого сѣмени: *сѣмя Жены сотретъ главу Змія*. Ветхій завѣтъ и всѣ восходящія къ нему ступени, всѣ древнія религіи востока суть религіи святого пола, святого сѣмени. Общее имъ всѣмъ, обрѣзаніе указываетъ на физическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, метафизическую точку этого завѣта, соединенія человѣка съ Богомъ,—именно здѣсь, въ полѣ, въ предѣльной «крайней плоти», откуда сѣмя изливается и гдѣ мужское сѣмя прикасается къ женскому. Метафизическое отрицаніе сѣмени, *безсѣмянное зачатіе*, поставлено во главу угла Евангелія, «книги небытія», по преимуществу, какъ утверждаетъ Розановъ; по этому новозавѣтному пророчеству, не «сѣмя жены», а жена безъ сѣмени «сотретъ главу Змія». *Блаженны утробы не рождавшія и сосцы не питавшіе*—таково, по мнѣнію Розанова, единственно подлинное изъ всѣхъ евангельскихъ «блаженствъ». Отчій завѣтъ отмѣненъ сыновнимъ; между Евангеліемъ и Библіей разверзается бездна, въ которую и проваливается весь христіанскій міръ.

Для того чтобы сдѣлать ощутительнымъ, до какой степени христіанствомъ принимается только идеальная видимость, а не реальное существо пола, Розановъ предполагаетъ, что чета новобрачныхъ, послѣ совершенія таинства, замедлила въ церкви, провела въ ней первую ночь и то, что благословляется на словахъ, совершилось на дѣлѣ—«двое стали въ одну плоть», въ одну кровь тамъ, гдѣ совершается таинство Плоти и Крови. Мерзость изъ мерзостей, ужасъ изъ ужасовъ! Прикосновеніе одного изъ двухъ мистическихъ полюсовъ къ другому—человѣческаго сѣмени къ плоти и крови Христовой—есть то, чего не только нельзя вынести, но о чемъ и подумать нельзя безъ неимовѣрнаго кощунства, безъ представленія о сатанинскомъ шабашѣ, о черной мессѣ. Сѣмя, величайшая святыня Ветхаго Завѣта, становится въ христіанствѣ величайшею скверною. Такъ словами прикрывается непримиримая антиномія перваго религіознаго опыта перваго Богоощущенія въ обоихъ Завѣтахъ.

Но если полъ—самая огненная точка, самое реальное и въ то же время мистическое утвержденіе бытія въ Богѣ, то отрицаніе пола есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое реальное и, въ то же время мистическое отрицаніе бытія «міра сего», міра явленій, земли, плоти. *Царство Мое не от-*

міра сего.—Не любите міра, ни того, что въ мірѣ, ибо все, что въ мірѣ, есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. Вотъ почему всѣ попытки включить въ христіанство плоть міра съ ея ростомъ и цвѣтомъ—культурою, наукою, искусствомъ, общественностью—никогда ни къ чему не приводятъ. Возвращаясь къ міру, человѣчество естественно уходитъ отъ христіанства, становится языческимъ; и наоборотъ, возвращаясь къ христіанству, уходитъ отъ міра.

Внѣшняя видимость совершенно противоположна внутренней сущности Евангелія: извнѣ слово становится плотью; внутри плоть становится словомъ, безплотною отвлеченною духовностью; извнѣ—побѣда жизни надъ смертью, внутри—побѣда смерти надъ жизнью; извнѣ царствіе Божіе—брачный пиръ; внутри—постъ безбрачный, скопчество ради царствія Божія; на словахъ—любовь, уму и сердцу человѣческому непостижная, а на дѣлѣ—то новое христіанское жестокосердіе, которое «варитъ козленка въ молокѣ матери». Недаромъ въ самомъ Евангеліи предсказывается, что при концѣ міра *охладѣетъ любовь*, а въ Апокалипсисѣ является передъ престоломъ Агнца нѣкое *стеклянное море*. Розанову кажется, что пророчество исполняется: весь міръ застываетъ, какъ въ ледяной корѣ, въ этой страшной, отвлеченно-словесной, «стеклянной», «охладѣлой» любви.

Отсюда послѣдній ужасающій выводъ объ отступленіи отъ Христа, котораго не дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, не высказываетъ Розановъ, но котораго нельзя не сдѣлать изъ его посылокъ. Вывода этого не дѣлаетъ онъ отчасти по той «мизерабельности», которая у него не только въ наружности,—по самой обыкновенной житейской робости, закоренѣлой консервативной привычкѣ не выходить изъ предѣловъ дозволеннаго русскою цензурой. Великій Инквизиторъ снова превращается въ Акакія Акакіевича, яростный левъ въ смиренную овечку или даже божью коровку, которая, при малѣйшей опасности, притворяясь мертвою, заваливается ножками вверхъ.

Но послѣдняя причина того, что Розановъ не дѣлаетъ этого вывода,—не робость, а что-то болѣе глубокое и подлинно религіозное. Онъ смутно чувствуетъ, что, сдѣлавъ этотъ выводъ, тотчасъ бы погибъ, провалился бы окончательно, если не въ безуміе, какъ Ницше, то въ благоразуміе, въ позитивную плоскость, пошлость и скуку, въ ту метафизическую скуку, когда вѣчность дѣлается какъ для Версилова, однообразнымъ шарманочнымъ «мотивомъ изъ Лучіи», какъ для Свидригайлова «закоптѣлой баней съ пауками по угламъ». Розановъ отрицаетъ Христа, но этимъ отрицаніемъ только и живетъ, и дышитъ, и движется. Хочетъ уйти, отступить отъ Него навсегда, порвать съ Нимъ послѣднюю связь, но не можетъ, и опять возвращается, приступаетъ, пристаетъ къ Нему, вглядывается въ его все пристальнѣе, какъ будто чего-то ждетъ отъ Него, какъ будто чувствуетъ, что есть въ Немъ какая-то загадка, которую ему, Розанову, дано разгадать. «Меня всю жизнь Богъ мучилъ»,—говоритъ одинъ изъ героевъ Достоевскаго. Меня всю жизнь Христосъ мучилъ,—могъ бы ска-

зать Розановъ. И каждый разъ, когда онъ готовъ отречься отъ Христа окончательно, безвозвратно, въ послѣднюю минуту слышитъ онъ знакомый и чуждый зовъ: *Савлъ, Савлъ, зачѣмъ ты гонишь Меня? Трудно тебѣ прать противъ рожна.* Умомъ претъ онъ противъ рожна, отрицаетъ и ненавидитъ Христа, а сердцемъ влечется къ Нему неодолимо и кажется, повторяю, вотъ-вотъ упадетъ къ ногамъ Его и воскликнетъ: Господь мой, Богъ мой!

Всякое слово и хула, которое произнесутъ люди на Сына Человѣческаго, простится имъ,—не сказано ли это о такихъ именно отступникахъ, какъ Розановъ? Вѣдь онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ,—не во имя свое и не по волѣ своей; и не столько самъ это дѣлаетъ, сколько это дѣлается съ [illegible]. Вотъ почему не съ него спросится, а съ тѣхъ, кто довелъ его до [illegible].

Отступленіе Розанова, неизбѣжное слѣдствіе всего историческаго христіанства, обнаруживая скрытую, но всегда существовавшую въ христіанствѣ антиномію Ветхаго и Новаго Завѣта, Отчей и Сыновней Ипостаси, показало его непереступаемые мистическіе предѣлы. Не во имя свое, а во имя Отца, Розановъ возсталъ на Сына. Но ежели нѣкогда Отецъ возлюбилъ тѣхъ, кто возставалъ на Него, какъ Іовъ, боролся съ Нимъ, какъ Іаковъ, можетъ быть, во имя Сына Грядущаго,—то и Сынъ Пришедшій не возлюбитъ ли тѣхъ, кто возстаетъ на Него и борется съ Нимъ, во имя Отца и, можетъ быть, Духа Грядущаго?

Не даромъ Вл. Соловьевъ не кому другому, какъ именно Розанову, открылъ свою самую святую и несказанную тайну о «религіи Св. Духа»; и не даромъ Розановъ, хотя самъ не понялъ этихъ словъ, но запомнилъ и передалъ ихъ намъ, какъ самое глубокое и загадочное въ своемъ великомъ противникѣ.

Розановъ не могъ бы войти ни въ одну изъ настоящихъ историческихъ помѣстныхъ церквей христіанскихъ; но въ грядущую, апокалипсическую, вселенскую церковь Отца, Сына и Св. Духа онъ долженъ войти.

Почему Апокалипсисъ, какъ признается самъ Розановъ, есть возвращеніе Новаго Завѣта къ Ветхому, конца къ началу—откровеніе не только Сыновней, но и Отчей Ипостаси,—величайшее утвержденіе міра, плоти, земли? Почему предсказано въ Апокалипсисѣ не только «новое небо», но и «новая земля»? Почему грядущій Іерусалимъ сходитъ съ неба на землю? Почему будетъ «царство святыхъ на землѣ»? На всѣ эти вопросы ничего не могъ бы отвѣтить Розановъ. А между тѣмъ отвѣтъ на нихъ примирилъ бы его со Христомъ.

Отступленіе Розанова—не только неизбѣжный выводъ изъ прошлаго но и необходимая предпосылка для будущаго. Если бы не отступилъ онъ или, вѣрнѣе, не оступился на великомъ рубежѣ, отдѣляющемъ христіанство отъ Апокалипсиса, то не было бы и тѣхъ, которые переступятъ этотъ рубежъ. Если бы не раздѣлилъ онъ Отца и Сына послѣднимъ раздѣленіемъ, то не было бы и тѣхъ, кто соединитъ ихъ послѣднимъ сое[illegible]

меніемъ, кто исповѣдаетъ нераздѣльную и несліянную Троицу,—Единаго въ Трехъ и Трехъ во Единомъ.

Казнь Розанова въ томъ, что огромная религіозная сила его остается почти бездѣйственной. Друзьямъ церкви онъ кажется отступникомъ, врагамъ ея—изувѣромъ, а большинству равнодушному—просто юродивымъ.

Единственные люди въ Россіи, которые поняли и приняли его, какъ великаго, можетъ быть, величайшаго изъ современныхъ русскихъ писателей,—такъ называемые «декаденты».

XI.

Декадентство въ Россіи имѣло значеніе, едва ли не большее, чѣмъ гдѣ-либо въ Западной Европѣ. Тамъ оно было явленіемъ по преимуществу эстетическимъ, т.-е. отъ реальной жизни отвлеченнымъ; въ Россіи—глубоко жизненнымъ, хотя пока еще подземнымъ—однимъ изъ тѣхъ медленныхъ переворотовъ, осѣданій почвы, которыя производятъ иногда большее дѣйствіе, чѣмъ внезапныя землетрясенія.

Можно сказать съ увѣренностью, что если когда-либо суждено зародиться самобытной русской культурѣ, то она выростетъ изъ русскаго декадентства, изъ этого малаго горчичнаго зерна.

Русскіе декаденты—первые русскіе европейцы, люди всемірной культуры, достигшіе тѣхъ крайнихъ вершинъ ея, съ которыхъ открываются невѣдомыя дали будущаго; первые, вышли они изъ тупика, образуемаго двумя глухими стѣнами—западничествомъ, рабскою покорностью Европѣ, и славянофильствомъ—рабскимъ бунтомъ противъ Европы; первые, пріобрѣли свободу по отношенію къ Европѣ.

Донынѣ существовали въ Россіи лишь отдѣльныя явленія высшей культуры, такія одинокія личности, какъ Пушкинъ, Гоголь, Л. Толстой, Достоевскій; но почти никакой культурной среды, никакой культурной преемственности не было. Свѣтъ просвѣщенія передавался тайно, изъ рукъ въ руки, какъ огонь весталокъ или факелоносцевъ въ сокровенныхъ мистеріяхъ. Русская политика съѣдала русскую культуру, какъ соленый вѣтеръ—тощія растенія на морскихъ прибрежьяхъ. Образовалось политическое подвижничество, своего рода монашескій орденъ для борьбы съ самодержавіемъ. Въ наукѣ, искусствѣ, философіи, религіи, отметалось все, что не соотвѣтствовало прямымъ цѣлямъ этой борьбы, всякая попытка стоять отъ нея осуждалась, какъ измѣна и предательство. Выросли двѣ противоположныя цензуры—одна правительственная, реакціонная, довольно ѣная, неуклюжая; другая—общественная, революціонная, очень зоркая мѣткая,—обѣ одинаково безпощадныя. И русское просвѣщеніе оказалось жду двумя огнями: нельзя было двинуться ни вправо, ни влѣво, а только назадъ—въ тину реакціи, или впередъ—въ пасть звѣря.

Русскіе декаденты, первые, освободились отъ этого гнета двойной туры. Правда, они купили свободу, можетъ быть, слишкомъ дорогою

цѣною: совсѣмъ ушли изъ общественности въ послѣднее одиночество, зарылись въ подземную тьму и тишь, спустились въ страшное «подполье» Достоевскаго;—то, что ему грезилось въ «человѣкѣ изъ подполья» воплотилось въ русскихъ декадентахъ.

«Подполье» есть предѣльный анархическій бунтъ личности не только противъ общественнаго, но и противъ мірового порядка, метафизическое «непринятіе міра». Но здѣсь-то именно, въ послѣдней глубинѣ «подполья», открылся неожиданный просвѣтъ,—далеко впереди, въ самой черной тьмѣ засіяла, какъ ослѣпительная точка, отверстіе изъ каменныхъ толщъ позитивизма въ новое небо. Русскіе декаденты—первые въ русскомъ образованномъ обществѣ, внѣ всякаго преданія церковнаго, *самозародившіеся мистики*, первое поколѣніе русскихъ людей, взыскавшее тайны—какой именно свѣтлой или темной, Божеской или діавольской—это вопросъ, который рѣшается уже по выходѣ изъ декадентскаго подполья, изъ старой, *теперь* уже старой, безсознательной мистики въ новое религіозное сознаніе.

Та же великая и, кажется, послѣдняя, завершающая борьба свѣта съ тьмою, Бога со Звѣремъ, которая совершается въ русской революціи—въ общественности,—происходитъ пока еще только стихійно и безсознательно и въ личности—именно здѣсь въ русскомъ декадентствѣ, въ глубочайшемъ переломѣ стараго—и первой точки новаго сознанія.

Вл. Соловьевъ, когда въ академическомъ *Вѣстникѣ Европы* смѣялся надъ участниками перваго въ Россіи декадентскаго журнала *Міръ Искусства*, какъ надъ глупыми и дерзкими школьниками,—не подозрѣвалъ, какая мудрость въ этомъ безуміи, какая сила въ этой немощи: *въ немощи сила Моя совершается*. Съ русскими декадентами повторилось то же, что съ декабристами: отъ разумныхъ и премудрыхъ утаенное открылось младенцамъ.

Ежели теперь вся Россія—сухой лѣсъ, готовый къ пожару, то русскіе декаденты—самыя сухія и самыя верхнія вѣтки этого лѣса: когда ударитъ молнія, онѣ вспыхнутъ первыя, а отъ нихъ—весь лѣсъ.

XII.

Однажды ко Л. Толстому пришелъ незнакомый молодой человѣкъ въ крестьянскомъ платьѣ. Во время долгой бесѣды на обычныя для такихъ посѣщеній темы—о вѣрѣ, о Богѣ, о Евангеліи—Толстой, великій знатокъ народа, принялъ его за крестьянина-сектанта. Оказалось, что это извѣстный поэтъ Александръ Добролюбовъ. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, тогда еще гимназистъ, почти мальчикъ, и уже крайній декадентъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, подражатель Бодлэра и Свинборна, отравленный всѣми ядами «искусственныхъ эдемовъ», проповѣдникъ сатанизма, соблазнявшій молодыхъ дѣвушекъ къ самоубійству (пусть это—легенда, любопытно и то, что она могла сложиться), онъ вдругъ опомнился, «покаялся», бросилъ все и бѣжалъ въ народъ, немножко вродѣ того, какъ ру-

скіе мальчики, начитавшіеся Майнъ-Рида и Купера, бѣгали въ Америку. Но тѣ возвращались, а онъ пропалъ безслѣдно, точно въ воду канулъ. Потомъ начали о немъ доходить слухи, похожіе опять на легенду, но это была уже дѣйствительность, одна изъ тѣхъ русскихъ дѣйствительностей, которыя неимовѣрнѣе всякихъ легендъ. Онъ исполнилъ завѣтъ евангельскій: покинулъ семью, домъ, имѣніе и долго странствовалъ нищимъ, питаясь милостыней; въ Соловецкомъ монастырѣ былъ послушникомъ, хотѣлъ постричься въ монахи, но рѣшивъ, что православная церковь—не истинная, отрекся отъ нея, ушелъ изъ монастыря; опять скитался, исходилъ пѣшкомъ всю Россію отъ Бѣломорскихъ тундръ до степей Новороссіи; служилъ въ батракахъ у крестьянина, сходился съ духоборами, штундистами, молоканами; за совращеніе двухъ казаковъ, которыхъ уговорилъ отказаться отъ присяги и военной службы, задержали его, должны были судить и приговорить къ арестантскимъ ротамъ, но, по прошенію матери, признали душевно-больнымъ и посадили въ сумасшедшій домъ; онъ просидѣлъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ; наконецъ, принуждены были выпустить его, потому что онъ былъ здоровъ. Кажется, полиція убѣдилась, что съ нимъ дѣлать нечего; его постоянно задерживаютъ и выпускаютъ, и снова задерживаютъ. Такъ онъ и странствуетъ, проповѣдуя всюду Евангеліе Царствія Божія. Кто знаетъ, гдѣ-то онъ сейчасъ, когда я о немъ пишу, въ какихъ бурныхъ пучинахъ великаго моря народнаго? Выплыветъ ли еще или совсѣмъ потонетъ,—какъ дождевая капля въ океанѣ, опустится на дно, куда никакія бури не досягаютъ, и сдѣлается тамъ невидимой жемчужиной?

Въ одинъ петербургскій зимній день, когда вьюга выла, заметая снѣгомъ улицы и въ три часа дня такъ стемнѣло, что надо было зажигать лампы, вошла ко мнѣ въ комнату неслышными шагами, какъ мышь или привидѣніе, Дашенька, старая няня и доложила тоже неслышнымъ, какъ сухіе листья, шелестящимъ шопотомъ:

— Тамъ на кухнѣ двое мужичковъ пришло, спрашиваютъ васъ...

— Какіе мужички?

— Кажется, не здѣшніе, изъ далека пришли,—хорошіе, на хулигановъ не похожи...—шелестѣла Дашенька.

Я пошелъ на кухню и увидѣлъ двухъ нездѣшнихъ мужичковъ: одинъ—маленькій, косолапый и чрезвычайно безобразный, похожій на калмыка или татарина; другой—самый обыкновенный русскій парень, въ тулупѣ, въ рукавицахъ и валенкахъ, съ краснымъ отъ мороза, очень здоровымъ и покойнымъ лицомъ.

— Не узнаешь меня, братъ Дмитрій?

— Не узнаю.

— Я братъ твой Александръ.

— Какой Александръ?

— Въ міру звали меня Добролюбовымъ.

— Александръ Михайловичъ? Это вы? Неужели?...

Онъ поднялъ на меня опущенные глаза съ длинными рѣсницами и посмотрѣлъ пристально съ тихой улыбкой. Я никогда не забуду этого взгляда: если бы мертвый воскресъ, онъ долженъ бы такъ смотрѣть.

— А это братъ Степанъ,—указалъ онъ на спутника.

Татаринъ, магометанинъ,—несмотря на христіанское имя, едва ли Степанъ былъ крещеный, во всякомъ случаѣ, отъ православія отрекся и вѣровалъ въ новую истинную церковь Христову, которая «будетъ скоро»,—на Добролюбова смотрѣлъ, какъ на пророка.

Они остались у меня обѣдать. Оба не ѣли мяса, и для нихъ сварили молочную кашу. Иногда, во время бесѣды, братъ Александръ вдругъ обращался ко мнѣ со своей дѣтской улыбкой.

— Прости, братъ, я усталъ, помолчимъ...

И наступало долгое молчаніе, нѣсколько жуткое, по крайней мѣрѣ, для меня; тогда онъ опускалъ глаза свои съ длинными рѣсницами, и простое лицо, какъ будто изнутри освѣщенное тихимъ свѣтомъ, становилось необычайно прекраснымъ. Я не сомнѣвался, что вижу передъ собою святого. Казалось, вотъ-вотъ засіяетъ, какъ на иконахъ, золотой вѣнчикъ надъ этою склоненною головою, достойною фра Бэато Анжелико. Въ самомъ дѣлѣ, за пять вѣковъ христіанства, кто третій между этими двумя—св. Францискомъ Ассизскимъ и Александромъ Добролюбовымъ? Одинъ прославленъ, другой неизвѣстенъ, но какое въ этомъ различіе передъ Богомъ?

Л. Толстой говорилъ, но не дѣлалъ того, о чемъ говорилъ. Достоевскій испыталъ отреченіе невольное и потомъ всю жизнь вспоминалъ о немъ съ ужасомъ. А жалкій, смѣшной декадентъ, немощный ребенокъ сдѣлалъ то, что было не подъ силу титанамъ. *Въ немощи сила Моя совершается.*

XIII.

Добролюбовъ былъ у меня незадолго до 9 января 1905 г., шествія петербургскихъ рабочихъ къ Зимнему дворцу. Осенью 1906, во время второго севастопольскаго бунта, пришелъ ко мнѣ бѣглый матросъ черноморскаго флота, А. Б. Этого Дашенька испугалась; онъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ видъ зловѣщій, «каторжный»,—того и гляди выхватитъ браунингъ и закричитъ: руки вверхъ! Но А. оказался смирнѣе овечки. Тоже пришелъ поговорить о Богѣ; въ Бога, однако, не вѣрилъ: «во имя Бога слишкомъ много крови человѣческой пролито—этого простить нельзя». Вѣрилъ въ человѣка, который станетъ Богомъ, Сверхчеловѣка. Первобытно-невѣжественный, почти безграмотный, зналъ по наслышкѣ Ницше и хорошо зналъ всѣхъ русскихъ декадентовъ. Любилъ ихъ, какъ друзей, какъ сообщниковъ. Не отдѣлялъ себя отъ нихъ. По словамъ его, цѣлое маленькое общество, севастопольскихъ солдатъ и матросовъ,—большинство изъ нихъ участвовало впослѣдствіи въ военныхъ

бунтахъ,—выписывало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *Міръ Искусства*, *Новый Путь*, *Вѣсы*—самые крайніе декадентскіе журналы. Онъ долго пролежалъ въ госпиталѣ; казался и теперь больнымъ: глаза съ горячечнымъ блескомъ, взоръ тупой и тяжелый, какъ у эпилептиковъ; говорилъ, какъ въ бреду, торопливо и спутанно, коверкая иностранныя слова, такъ что иногда трудно было понять. Но, насколько я понялъ, ему казалось, будто бы декаденты составляютъ что-то вродѣ тайнаго общества и что они обладаютъ какимъ-то очень страшнымъ, но дѣйствительнымъ способомъ, «секретомъ» или «магіей»—онъ употреблялъ именно эти слова,—для того, чтобы «сразу все перевернуть» и сдѣлать человѣка Богомъ. Сколько я ни убѣждалъ его, что ничего подобнаго нѣтъ, онъ не вѣрилъ мнѣ и стоялъ на своемъ, что секретъ есть, но мы не хотимъ сказать.

— Ну, что же, и не надо, — посмотрѣлъ вдругъ на меня печальнымъ и покорнымъ взоромъ,—значитъ, время еще не пришло, вы отъ людей и таитесь. Но когда придетъ, не забудьте меня, позовите,—я къ вамъ приду отовсюду и все, что скажете, сдѣлаю...

По той спокойной рѣшимости, съ какой онъ говорилъ, видно было, что онъ, дѣйствительно, сдѣлаетъ все, что прикажутъ. Я почувствовалъ ужасъ власти, на которую не имѣешь права—и вспомнилось: горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ.

Прямо отъ меня пошелъ въ участокъ, чтобы донести на себя, какъ на бѣглаго, а оттуда въ тюрьму: вѣдь пока, все равно, ему нечего было дѣлать и некуда дѣться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ тюрьмы написалъ мнѣ письмо, которое могло бы служить будущему историку русской революціи очень цѣннымъ документомъ,—наполовину религіозный бредъ, наполовину революціонное воззваніе; все вмѣстѣ—неистовый вопль одержимаго. Видно по этому письму, что ему не сносить головы своей: или сойдетъ съ ума, или погибнетъ въ вооруженномъ возстаніи.

Александръ Добролюбовъ и А. Б. — двѣ противоположныя и сходящіяся крайности, два полюса единой силы: въ одномъ движеніе сверху внизъ, отъ высшей культуры въ стихію народную; въ другомъ—снизу вверхъ, отъ стихіи въ культуру. Когда-нибудь эти два движенія столкнутся, и отъ ихъ столкновенія родится та искра, которая зажжетъ сухой лѣсъ послѣднимъ пожаромъ. Впрочемъ, и теперь уже одна точка соединяетъ эти противоположности: отрицаніе всякой государственности, та безпредѣльная анархія, которая, кажется, и есть тайная, *ночная душа* ской революціи.

XIV.

Бесѣда съ А. Б. напомнила мнѣ бесѣду съ раскольниками и гантами въ нижегородскихъ лѣсахъ, за Волгою, на Свѣтломъ озе- куда каждый годъ, на Иванову ночь, сходятся пѣшкомъ изъ-за

сотенъ верстъ тысячи «алчущихъ и жаждущихъ правды», говоритъ о вѣрѣ, и гдѣ, по преданію, находится «невидимый градъ Китежъ», въ которомъ живутъ святые угодники и будутъ жить, не умирая, до второго пришествія. Кого сподобитъ Богъ, тотъ видитъ въ ясной водѣ озера отраженіе града съ безчисленными золотыми главами церквей и слышитъ звонъ колоколовъ. Въ березовой рощѣ, полной огоньками восковыхъ свѣчей передъ иконами, въ бездыханномъ сумракѣ іюльской ночи, мы, я и мой спутникъ, сидѣли на утоптанной травѣ, окруженные тѣсною, душною, напирающей толпою бабъ и мужиковъ. Пахло кожей, дегтемъ, воскомъ, человѣческимъ потомъ и лѣсною сыростью. Мы говорили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ, о грядущей церкви Іоанновой.

— А что знаменуютъ седьмъ роговъ звѣря?

— А что есть число 666?

Когда я пустился было въ отвлеченную мистику, меня остановилъ вовремя строгій старикъ:

— Ну, о семъ престани...

— Исполняется пророчество Исаіи: левъ ляжетъ рядомъ съ ягненкомъ,—шепнулъ мнѣ кто-то на ухо.

— Ну, полноте, какіе тутъ львы? Тѣ же овцы безъ пастыря...

— Вы-то не львы, да часть ваша львиная, а какъ львиное съ агничимъ совокупится, то и придетъ царствіе Божье... А что, баринъ милый, оставайтесь-ка жить съ нами!

Первый разъ въ жизни мы чувствовали, какъ самыя личныя, тайныя, одинокія мысли наши могли бы сдѣлаться всеобщими, всенародными. Не только средній русскій интеллигентъ, поклонникъ Максима Горькаго, но и такіе русскіе европейцы, какъ почтеннѣйшій Максимъ Максимовичъ Ковалевскій или Милюковъ, ничего не поняли бы въ этихъ мысляхъ; а простые мужики и бабы понимали. Все, съ чѣмъ шли мы къ нимъ изъ глубины всемірной культуры, отъ Есхила до Леонардо, отъ Платона до Ницше, было для нихъ самое нужное не только въ идеальномъ, но и въ жизненномъ смыслѣ,—нужное для первой нужды, для «земли и воли», ибо «вся воля» надо «всею землею» есть для народа «новое небо надъ новою землею». Съ двухъ противоположныхъ концовъ міра мы пришли къ одному и тому же. Съ какимъ безконечнымъ и безнадежнымъ усиліемъ цѣлыя поколѣнія русскихъ интеллигентовъ хотѣли соединиться съ народомъ, «шли въ народъ», но какая-то стеклянная стѣна отдѣляла ихъ отъ него, и они бились, какъ мухи, объ это стекло. Намъ не зачѣмъ было идти къ народу: онъ самъ шелъ не къ намъ, а къ нашему; онъ былъ сами мы, въ нашей первой религіозной стихіи; мы были онъ, въ его послѣднемъ религіозномъ сознаніи. Ни онъ безъ насъ (я разумѣю «насъ», конечно, не въ смыслѣ отдѣльныхъ личностей), ни мы безъ него ничего не сдѣлаемъ. Мы какіе же, какъ онъ, жалкія дѣти безъ матери, заблудшія овцы безъ пастыря, такіе же бездомные странники, «настоящаго града не имѣющіе будущаго града взыскующіе».

Декадентство, которое кажется концомъ старой одинокой личности, страшнымъ «подпольемъ», глухимъ тупикомъ, есть на самомъ дѣлѣ начало новой соборной общественности, узкій, подземный ходъ въ темное звѣздное небо всенародной, вселенской стихіи.

Тамъ, подъ звѣзднымъ небомъ, надъ Свѣтлымъ озеромъ, на мѣстѣ невидимаго града Китежа, мы дали обѣтъ искать для этихъ ищущихъ и, если найдемъ, вернуться къ нимъ навсегда, а если суждено найти не намъ, то другіе, нашедшіе, все-таки исполнятъ нашъ обѣтъ.

XV.

Въ Петербургѣ, на Шпалерной улицѣ, у церкви Всѣхъ Скорбящихъ, и дома предварительнаго заключенія, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ находился нѣкогда дворецъ сына Петра Великаго, царевича Алексѣя, въ четвертомъ этажѣ огромнаго новаго дома, въ квартирѣ Василія Васильевича Розанова, лѣтъ пять тому назадъ, по воскреснымъ вечерамъ происходили любопытныя собранія. Изъ незанавѣшенныхъ оконъ столовой видны были звѣздно-голубыя снѣжныя дали Невы съ мерцающею цѣпью огоньковъ до самой Выборгской. Здѣсь, между Леонардовой Ледой съ лебедемъ, многогрудою фригійскою Кибелой и египетской Изидою съ одной стороны, и неизмѣнно-теплящеюся въ углу, передъ старинным образомъ, лампадкою зеленаго стекла—съ другой, за длиннымъ чайнымъ столомъ, подъ уютно-семейною висячею лампою, собиралось удивительное, въ тогдашнемъ Петербургѣ, по всей вѣроятности, единственное общество: старые знакомые хозяина, сотрудники *Московскихъ Вѣдомостей* и *Гражданина,* самые крайніе реакціонеры и столь же крайніе, если не политическіе, то философскіе и религіозные революціонеры; профессора духовной академіи, синодальные чиновники, священники, монахи—и настоящіе «люди изъ подполья», анархисты-декаденты. Между этими двумя сторонами завязывались апокалипсическія бесѣды, какъ будто выхваченныя прямо изъ «Бѣсовъ» или «Братьевъ Карамазовыхъ». Конечно, нигдѣ въ современной Европѣ такихъ разговоровъ не слышали. Это было въ верхнемъ слоѣ общества отраженіе того, что происходило на Свѣтломъ озерѣ, въ глубинѣ народа.

У нѣкоторыхъ участниковъ этихъ собраній явилась мысль сдѣлать ихъ общественными. Получить разрѣшеніе для подобнаго общества въ то время было трудно, почти невозможно.

Тѣмъ не менѣе, собранія, подъ именемъ Религіозно-философскихъ, были рѣшены, или, вѣрнѣе, полуразрѣшены, терпимы подъ вѣчной угрозой рещенія, и происходили въ теченіе двухъ зимъ въ залѣ Географиче-го общества, подъ предсѣдательствомъ епископа Сергія, ректора пе-ургской духовной академіи.

Первые русская церковь, и, можетъ быть, не только русская, но и вообще историческая христіанская церковь, встрѣчалась лицомъ къ со свѣтскимъ обществомъ, съ культурою, съ міромъ, не для внѣшняго,

насильственнаго, а для внутренняго свободнаго общенія; впервые ставились передъ церковью вопросы, которые никогда, за всѣ вѣка монашескаго отдѣленія христіанства отъ міра, съ такою остротою сознанія и съ такою жизненною мукою не ставились: вопросъ о духѣ и плоти, о религіозной личности; вопросъ о бракѣ и дѣвствѣ, о религіозномъ полѣ; вопросъ о церкви и царствѣ, о религіозной общественности;—всѣ тѣ вопросы, которые возникли у русскихъ искателей Града Божьяго—отъ хлыстовъ до декадентовъ, отъ Новикова до Вл. Соловьева. Какъ будто стѣны зала раздвигались, открывая безконечныя дали, и это маленькое собраніе становилось преддверіемъ вселенскаго собора. Произносились рѣчи, подобныя молитвамъ и пророчествамъ. Рождалась та огненная атмосфера, въ которой кажется все возможнымъ: вотъ-вотъ совершится чудо, раздѣляющіе льды растаютъ, рушатся, и произойдетъ соединеніе—дѣти найдутъ свою мать.

Должно отдать справедливость представителямъ русской іерархіи: они шли навстрѣчу міру съ открытымъ сердцемъ, съ глубокой простотой и смиреніемъ, со святымъ желаніемъ понять и помочь, «взыскать погибшее». Они сдѣлали все, что могли. Какъ люди, какъ отдѣльныя личности, они оказались лучше, чѣмъ о нихъ думало свѣтское общество. Съ такимъ же открытымъ сердцемъ шло и оно къ нимъ. Но они не могли не только отвѣтить, но даже услышать тѣхъ вопросовъ, съ которыми къ нимъ обращались...

Тутъ-то и обнаружилось, что черта раздѣляющая проходитъ неизмѣримо глубже, чѣмъ это сначала казалось обѣимъ сторонамъ. Между ними зіяла бездна не историческая, а метафизическая, черезъ которую никакихъ мостовъ перекинуть нельзя,—можно только перелетѣть на крыльяхъ; но ни у нихъ, ни у насъ еще крылья не выросли. Мы рыли туннели другъ къ другу, которые могли сблизиться, но не встрѣтиться, потому что мы рыли ихъ въ двухъ различныхъ мистическихъ плоскостяхъ. Для того чтобы церковь отвѣтила на поставленные вопросы, нужна была не религіозная реформація, а революція, не новое разумѣніе, а новое откровеніе, не продолженіе Второго, а начало Третьяго завѣта, не возвращеніе ко Христу Пришедшему, а устремленіе ко Христу Грядущему.

Получалось недоразумѣніе безвыходное. По старой привычкѣ, церковь видѣла въ насъ, свѣтскихъ людяхъ, только невѣрующихъ, которыхъ должно обратить къ вѣрѣ. Но мы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ насъ, именно тѣ, кто вопрошалъ церковь, вѣрили не меньше, чѣмъ всѣ эти монахи и священники. Для насъ вѣра была удивленіемъ, для нихъ—почти скукою; для насъ—глубиною мистики, для нихъ—позитивною плоскостью; для насъ—праздникомъ, для нихъ—буднями; для насъ—бѣлою ризою, которую мы не смѣли облечься, для нихъ—старымъ домашнимъ халатомъ. Слова Священнаго писанія, въ которыхъ слышались намъ «голоса семи громовъ», звучали для нихъ, въ лучшемъ случаѣ, какъ затверженные тексты Катехизиса, а въ худшемъ, какъ мертвыя костяшки лавочныхъ счетовъ или деревянные молоточки безструнныхъ клавишей. Намъ хот

лось, чтобы Ликъ Христа былъ какъ «солнце сіяющее въ силѣ своей»; а они довольствовались чернымъ пятномъ подъ вѣнчикомъ старой иконы, въ которой уже нельзя ничего разобрать.

Они, впрочемъ, уступали намъ во всемъ; готовы были на всякія примирительныя сдѣлки съ «міромъ, лежащимъ во злѣ»; готовы были простить всю нашу грѣшную плоть и не могли понять, что намъ нужно, чтобы церковь согласилась не простить грѣшную, а благословить святую плоть. Они были мягки, какъ вата, но этою безкостною мягкостью окутывался камень, и остріе всѣхъ нашихъ мыслей или ломалось объ этотъ камень, или уходило въ эту мякоть, какъ остріе ножа въ подушку.

Соединеніе церкви съ міромъ не удалось; но все-таки сдѣланъ былъ опытъ, который никогда еще не дѣлался и никогда не забудется. Впервые новое религіозное сознаніе, пройдя до конца всю православную церковь, вошло въ Церковь Вселенскую; пройдя все историческое христіанство, вошло въ Апокалипсисъ; пройдя все откровеніе первыхъ двухъ Ипостасей, Отчей и Сыновней, вошло въ откровеніе Ипостаси Третьей.

XV.

Такъ осуществилась въ Россіи, наканунѣ политической революціи, первая точка революціи религіозной: конецъ православія предшествовалъ концу самодержавія.

Я здѣсь разумѣю подъ концомъ православія не нарушеніе, а исполненіе историческаго христіанства, ибо вся полнота заключенной въ немъ истины—свидѣтельство о Христѣ, пришедшемъ во плоти—не отвергнута, а воспринята новымъ религіознымъ сознаніемъ; отвергнута только ложь православія и всего историческаго христіанства—самодержавіе, все равно русскаго царства или римскаго папства, кесаря, который становится первосвященникомъ, или первосвященника, который становится кесаремъ, ибо въ обоихъ случаяхъ совершается равная подмѣна Царства Божьяго царствомъ человѣческимъ, происходитъ то отступленіе Петра, о которомъ сказано: *Отойди отъ Меня, сатана, ибо ты думаешь не о томъ, что Божье, но о томъ, что человѣческое.*

Кесарь и папа—два неизбѣжныя, хотя и вѣчно безплодныя, устремленія всего историческаго христіанства, раздѣленнаго на Восточное и Западное, къ тому вселенскому единству, отъ котораго отказавшись, Церковь мѣнила бы главному призванію своему: *да будетъ едино стадо, единъ стырь.* Ежели не царь всемірнаго царства, имперіи—глава, восточной ркви, или церквей, то вселенскій патріархъ; но предѣлъ патріаршества, ъ единства вселенскаго, и есть опять-таки папство. Въ этихъ двухъ осторонникъ, потому и неудачныхъ, попыткахъ теократіи, священнаго ства и царственнаго священства, въ этихъ двухъ человѣческихъ ли-ахъ, которыми подмѣняется единый Божественный Ликъ Христа, Царя вященника, до такой степени истина смѣшана съ ложью, Богочеловѣ-

чество съ Человѣкобожествомъ, что распутать ихъ или разсѣчь доселѣ оказывалось невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ, не случайное совпаденіе, повторяю, то, что русскою революціей послѣднія судьбы самодержавія и отдѣленіемъ церкви отъ государства во Франціи послѣднія судьбы папства рѣшаются одновременно: это двѣ половины одного всемірнаго переворота, два начала одного великаго конца.

Когда разбита будетъ политическая оболочка и обнажится мистическое ядро самодержавія, тогда передъ религіозною совѣстью народа встанетъ вопросъ: что такое самодержавіе? Теперешніе сознательные вожди революціи ничего не смогутъ отвѣтить народу на этотъ религіозный вопросъ, потому что для нихъ революція—внѣ религіи, для нихъ такъ же легко сказать—нѣтъ Бога, какъ—нѣтъ царя.

Но согласится ли народъ съ тою легкостью?

Въ настоящее время едва ли возможно представить себѣ, какую всесокрушающую силу пріобрѣтетъ въ глубинахъ народной стихіи революціонный смерчъ. Въ послѣднемъ крушеніи русской церкви съ русскимъ царствомъ не ждетъ ли гибель Россію, если не вѣчную душу народа, то смертное тѣло его—государство? И не наступятъ ли тогда тѣ дни, о которыхъ сказано: *если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть; но сократятся ради избранныхъ.*

Избранные есть уже и теперь какъ въ русскомъ народѣ, такъ и въ русскомъ обществѣ—это всѣ «настоящаго града не имѣющіе, грядущаго Града взыскующіе», всѣ мученики революціоннаго и религіознаго движенія въ Россіи. Когда эти два движенія сольются въ одно, тогда Россія выйдетъ изъ православной церкви и самодержавнаго царства во вселенскую церковь Единаго Первосвященника и во вселенское царство Единаго Царя—Христа. Тогда скажетъ весь русскій народъ вмѣстѣ со своими избранными:

Да пріидетъ царствіе Твое.

Д. Мережковскій.

Примѣчаніе. Нѣкоторые мѣста въ заключительной части этой статьи не могли въ настоящее время появиться въ Россіи, по условіямъ русской такъ называемой «свободы печати». Эти мѣста, очень важныя для основной мысли автора, будутъ возстановлены въ сборникѣ статей на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Le Tsar et la Révolution,* который появится осенью текущаго года въ Парижѣ.

Д. М.

Какъ современное земство облагаетъ мѣстное населеніе.

Одной изъ важнѣйшихъ задачъ россійскаго парламента явится, несомнѣнно, преобразованіе современнаго узко-сословнаго земства на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Какъ для государства, такъ и для земства вопросъ о финансовыхъ рессурсахъ, о способахъ полученія съ населенія денежныхъ средствъ является дѣломъ самой первѣйшей важности, ибо всякія начинанія и мѣропріятія на пользу населенія можно предпринимать, только имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстныя значительныя денежныя средства.

Въ послѣднее время земскіе финансы переживаютъ большой кризисъ. Причину этого обстоятельства нельзя видѣть только въ революціонныхъ событіяхъ, переживаемыхъ Россіей со времени 9 января 1905 г. Несомнѣнно, эти событія не могли не отразиться неблагопріятно на земскихъ финансахъ; но также несомнѣнно и то, что, если бы земство въ дѣлѣ установленія земскаго обложенія было *одинаково справедливо* къ помѣщику и къ крестьянину, финансовый кризисъ въ земствахъ ощущался бы въ настоящій моментъ не такъ остро.

Причина указанной несправедливости въ земскомъ обложеніи коренится въ томъ, что современное россійское земство представляетъ собою интересы только крупно-и средне-состоятельныхъ элементовъ населенія.

Эта плутократическая основа земскаго самоуправленія отразилась на всѣхъ сферахъ земской дѣятельности. Но, быть можетъ, ни въ одной области земскаго дѣла не проявилась такъ сильно классовая структура земства, какъ въ различномъ обложеніи помѣщичьей земли (частно-владѣльческой) и земли крестьянской, или, говоря точнѣе, бѣднѣйшихъ, съ одной стороны, и средне- и крупно-состоятельныхъ слоевъ населенія—съ другой.

Казалось бы безспорнымъ, что, если А владѣетъ 2—10 десятинами земли, а Б 2—10 сотнями десятинъ, то нѣтъ никакого основанія обла[га]ть десятину земли А, скажемъ, по 10—20 коп., а десятину Б по 8 коп.... А между тѣмъ *такъ* было и есть въ дѣйствительности въ [об]ложеніи земскаго обложенія.

Упомянемъ здѣсь, кстати, также и о томъ, что въ сказанной области земскаго хозяйства проявился, кромѣ того, и извѣстный антагонизмъ между промышленнымъ и землевладѣльческимъ капиталами; въ результатѣ чего представители послѣдняго, какъ хозяева земства, никогда не упускали случая свалить съ себя ту или иную толику земскихъ платежей и на лицъ торгово-промышленнаго класса.

Какъ справедливо говоритъ г. Іорданскій, «изученіе земскаго обложенія, которое составляетъ еще задачу будущаго, откроетъ поучительную картину борьбы классовыхъ интересовъ въ современномъ земствѣ. Землевладѣльцы употребляли и употребляютъ всѣ усилія, чтобы облегчить платежи съ собственныхъ земель и перенести центръ тяжести земскихъ сборовъ на торгово-промышленныя заведенія и крестьянское хозяйство» *).

В. Ю. Скалонъ въ своей работѣ «Земскіе вопросы» приводитъ слѣдующія любопытнѣшія цифры, которыя лучше всякихъ словъ и аргументовъ говорятъ о той «справедливости», съ какой облагаются земствомъ владѣльческія и крестьянскія земли: по свѣдѣніямъ о земскихъ сборахъ за 1869—77 гг. оказывается, что на десятину земли по всѣмъ губерніямъ приходилось земскихъ сборовъ:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1782 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.**)
Помѣщичьей . .	6,5 к.	7,0 к.	5,3 к.	5,7 к.	5,7 к.	6,2 к.	6,2 к.	6,3 к.	6,5 к.
Крестьянской .	10,3 „	11,3 „	10,6 „	11,5 „	12,2 „	12,7 „	14,5 „	13,9 „	14,8 „

Изъ этихъ цифръ видно, что крестьяне платили земскихъ налоговъ вдвое и даже болѣе, чѣмъ частные собственники, которые притомъ не несутъ особенныхъ казенныхъ и мірскихъ платежей, лежащихъ на крестьянахъ.

Интересныя также данныя сгруппированы въ цѣнной, по своему цифровому матеріалу, статьѣ г. И—а: «Крестьянскіе платежи и мірскіе расходы въ Черниговской губерніи», помѣщенной въ №№ 4 и 8 *Саратовской Недѣли* за 1904 г. Какъ мы сейчасъ увидимъ, цифры, приводимыя авторомъ въ этой статьѣ, взятыя частью изъ офиціальныхъ, частью изъ земскихъ и другихъ изданій, свидѣтельствуютъ, что россійскій «коняга» *вообще* несетъ *больше* другихъ лицъ и сословій платежей—какъ земскихъ, такъ и казенныхъ. Но,—что особенно интересно отмѣтить, и въ чемъ сказывается неуклонная послѣдовательность классовыхъ явленій въ общественной жизни,—это, что и въ предѣлахъ обложенія *собственно* крестьянскихъ земель повторяется та же самая исторія: и здѣсь *менѣе* состоятельные элементы крестьянскаго населенія платятъ земству *больше*, чѣмъ *болѣе* состоятельные.

Обратимся къ самой статьѣ г. И—а. На основаніи данныхъ о поступленіи всѣхъ сборовъ съ крестьянъ за трехлѣтіе 1897—99 гг. авторъ

---

*) *Образованіе*, 1904 г., № 12, стр. 38. „Зем. либерализмъ".

**) За неимѣніемъ подъ руками книги Скалона, цифры взяты частью у Іорданскаго, частью у Веселовскаго „Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ".

приходитъ къ слѣдующему заключенію: «у одиннадцати губерній, или 5-й части всей Россіи, процентное отношеніе недоимокъ къ окладу выше 50, и у 15-ти губерній, т.-е. $^1/_3$—это отношеніе больше 100 и 150. Процентное отношеніе недоимокъ къ окладу по всей Россіи, въ среднемъ за трехлѣтіе 1897—99 гг., будетъ 84,3. Такимъ образомъ, изъ каждаго рубля прямыхъ налоговъ крестьяне въ состояніи были внести только 15,7 к. *). Что касается Черниговской губерніи, то приводимыя г. И—ъ данныя за 1892—99 гг. показываютъ, что крестьянскія недоимки изъ года въ годъ постоянно росли; въ среднемъ же за указанныя 8 лѣтъ недоимки, по отношенію къ окладу, составляли: для земскихъ сборовъ—36,1%, для мірскихъ (чисто-крестьянскихъ)—15,1%; для казеннаго же сбора—лишь 1,1%; такимъ образомъ казенныя недоимки были въ 36 разъ меньше земскихъ и въ 15 разъ—мірскихъ.

Разбирая причины такого накопленія и роста земскихъ недоимокъ на крестьянахъ, авторъ указываетъ на слѣдующія: 1) самая главная причина названнаго явленія это—неравномѣрное распредѣленіе окладовъ на земельныя имущества между различными классами земскихъ плательщиковъ; 2) несоотвѣтствіе между доходностью крестьянской земли и сборами, взимаемыми съ нея; 3) наконецъ, авторъ касается еще одной причины, указываемой нѣкоторыми, а именно: «нерадѣнія начальства» при взысканіи сборовъ; на основаніи свѣдѣній изъ офиціальныхъ изданій о количествѣ описей и продажъ крестьянскаго имущества, произведенныхъ для взысканія казенныхъ и земскихъ сборовъ, причина эта должна быть отвергнута: «очевидно—заключаетъ г. И—ъ—администрація не бездѣйствовала: она реализовала всѣ предоставленныя ей закономъ права (а еще больше—не предоставленныя І. Др.), и не въ «нерадѣніи начальства» лежитъ причина роста недоимокъ» (Ibidem, стр. 69). Слѣдуетъ къ этому добавить, что меньшее количество казенныхъ недоимокъ, въ сравненіи съ земскими, объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что *свои* сборы казна взыскивала усерднѣе другихъ.

Переходя къ неравномѣрности чисто земскаго обложенія въ Черниговской губерніи, авторъ на основаніи многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

«Земскій сборъ съ десятины частновладѣльческой земли болѣе высокій, чѣмъ казенный. *Первый* составляетъ съ десятины 27,9 к. (1897—99), т.-е. 77% всего оклада, а второй—8,2 к.—23%. Сравнивая казенный и земскій сборы съ десятины частновладѣльческой земли съ тѣми же сбора— съ десятины надѣльной земли, получимъ: казенный сборъ съ десятины слѣдней (за то же трехлѣтіе) въ 61,9 к.—въ 7,5 раза больше, чѣмъ съ тновладѣльческой; земскій же сборъ на 5,4 к. больше съ десятины, е. на 19%. Что касается недоимокъ съ частновладѣльческихъ земель, въ среднемъ, за вышеуказанный періодъ, по казенному сбору онѣ

*) *Сарат. Вед.*, № 4, стр. 67.

будутъ 0,6 к. съ десятины—7,3% оклада, а по земскому—20,3 к., 73% оклада. Всѣ эти недоимки, при сравненіи съ недоимками съ надѣльныхъ земель, окажутся болѣе высокими. Казенныя недоимки съ десятины надѣльной земли составляютъ 1,3% оклада, т.-е. почти въ 7 разъ меньше, а земскія—36% оклада—въ 2 раза меньше недоимокъ съ земли частныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, десятина частновладѣльческой земли обложена сборами, въ среднемъ за время 97—99 гг., въ 36,2 к., а за ней числится недоимокъ 20,8 к., т.-е. 57% оклада. Съ десятины же надѣльной земли причитается въ среднемъ за то же трехлѣтіе *всѣхъ* сборовъ 1 р. 23 к., а недоимки—19 к., 15% оклада. Въ результатѣ получаемъ: платежи съ крестьянской земли на 34% выше, чѣмъ съ земель частныхъ владѣльцевъ; и въ то же время недоимки съ земель послѣднихъ почти въ 4 раза больше, чѣмъ съ надѣльной земли» (стр. 71).

Итакъ, въ Черниговской губерніи земскій сборъ съ десятины крестьянской земли на 19% выше того же сбора съ некрестьянской, недоимки же съ земель послѣдняго рода, наоборотъ, въ 2 раза выше недоимокъ крестьянскихъ. Если же взять *всѣ* сборы, платимые крестьянами Черниговской губерніи, то они превысятъ такіе же сборы съ земель частновладѣльческихъ на 34%, въ то же время какъ недоимки съ земель послѣднихъ превышаютъ недоимки крестьянскія почти въ 4 раза. Такова «справедливость»...

Подобное обремененіе крестьянской земли въ Черниговской губерніи сборами нельзя оправдывать и доходностью земли: по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, въ то время какъ частновладѣльческая земля давала, въ среднемъ, за вычетомъ издержекъ производства и налоговъ, 6,3% прибыли, въ это самое время надѣльная крестьянская земля приносила убытокъ—0,9%.

Но любопытнѣе всего, что и въ сферѣ собственно крестьянскихъ земель Черниговской губерніи наблюдается та же неравномѣрность въ несеніи существующихъ окладныхъ сборовъ (включая туда и земскіе). Такъ, казаки, владѣющіе 1,7 десят. на одну наличную душу, несли окладныхъ платежей въ среднемъ за трехлѣтіе 95—97 г. 10,9 коп. съ десятины; бывшіе же помѣщичьи крестьяне, владѣющіе 0,9 десят. на одну наличную душу, несли тѣхъ же платежей и за то же время 1 р. 2,8 к., т.-е. больше, чѣмъ въ 10 разъ.

«Итакъ,—заключаетъ г. И—ъ,—налоги, установляемые государствомъ, земствомъ и міромъ, съ неодинаковой силой давятъ на разные группы и классы плательщиковъ. Далѣе, налоговая тяжесть распредѣляется и на крестьянское сословіе неравномѣрно: съ большей силой давленія она падаетъ на земли крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ (менѣе состоятельная группа. I. Д.), съ наименьшей—на земли казаковъ» (болѣе состоятельная I. Д.) (стр. 75).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что земство, являясь по отношенію мѣстному населенію въ роли узко-классоваго хозяина, не представля-

собою въ этомъ смыслѣ исключенія: отношенія и государства и крестьянскаго міра отмѣчены тѣми же чертами.

Подобную же неравномѣрность въ обложеніи земствомъ разныхъ классовъ земскихъ плательщиковъ можно наблюдать и въ другихъ губерніяхъ.

Такъ, юрьевскій (Владимирской губерніи) земскій гласный С. В. Бунинъ помѣстилъ въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за 1905 г. открытое письмо къ владимирскому губернскому предводителю дворянства князю А. Б. Голицыну», гдѣ разсказываетъ, между прочимъ, о своихъ многолѣтнихъ хлопотахъ для устраненія «вопіющей неравномѣрности земскаго обложенія въ Юрьевскомъ уѣздѣ, при которой плательщиками земскихъ сборовъ являются de facto почти одни только крестьяне и мелкіе землевладѣльцы, не имѣющіе лѣсныхъ дачъ». Но всѣ его хлопоты оказались напрасными. И вотъ онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству—«суду общественной совѣсти посредствомъ открытаго письма» (стр. 208).

Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, приводятся такія данныя: «По смѣтѣ 1901 г., за частными землевладѣльцами числилось 104,212 десятинъ, съ окладомъ уѣзднаго земскаго сбора въ 14,731 руб. 64 коп., а у крестьянъ—141,653 десят., и уѣздный земскій сборъ исчисленъ за то же время въ 43,695 р. 38 к. Иначе говоря, у крестьянъ, противъ частныхъ владѣльцевъ, земли болѣе почти въ $1^1/_2$ раза, а уѣздный земскій сборъ болѣе частновладѣльческаго уже не въ $1^1/_2$ раза, а въ цѣлыхъ 3 раза. Внѣ сомнѣнія,—продолжаетъ г. Бунинъ,—что крестьянскія земли и земли помѣщичьи, по ихъ достоинству, не поддаются сравненію, и для кого теперь тайна качество полученныхъ крестьянами надѣльныхъ земель? Слѣдовательно, о худшемъ качествѣ земель по ихъ грунту въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи».

По словамъ г. Бунина, въ Юрьевскомъ уѣздѣ лѣса «оцѣнены *въ 10 разъ менѣе* противъ земель пахотныхъ». Оцѣнка лѣсовъ равна—50 коп., 1 руб., 2 руб. и 3 руб. за десятину; оцѣнка пашни—5 руб., 10 руб., 20 руб. и 30 руб. Оцѣнка эта, не соотвѣтствовавшая дѣйствительности и 40 лѣтъ тому назадъ, теперь, когда доходы отъ пашень въ Юрьевскомъ уѣздѣ уменьшились, а продажная стоимость разнаго лѣса дошла до 400—500 и 1,000 руб. за десятину, указанная оцѣнка эта стала, по выраженію г. Бунина, «еще болѣе грандіозна по несправедливости». Но почему же такъ низко оцѣнены лѣса? Да потому, что лѣсами въ уѣздѣ владѣютъ преимущественно помѣщики: изъ 63 т. дес. имъ принадлежитъ до 52 т. дес. А между тѣмъ пахотныя земли крестьянъ обложены прямо-таки чудовищно высоко въ сравненіи съ пахотными землями гг. помѣщиковъ. Бунинъ приводитъ такія, напр., цифры: имѣніе кн. Голицына обложено по $^1/_2$ коп. за десятину; земля предводителя дворянства С. И. Красенскаго $2^2/_5$ к., а предсѣдатель уѣздной земской управы А. И. Красенскій платитъ только $1^1/_5$ коп. А въ это время съ крестьянъ тоже земство не стыдится взимать въ 6—30 разъ больше (есть деревни, платящія 46 и даже

47 к. съ десятины), что составитъ разницу въ пользу помѣщиковъ до 600—3000%... Да, Буниnъ правъ, когда говоритъ, что «вся тяжесть» земскихъ сборовъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимирской губ. «лежитъ» на бѣднѣйшихъ плательщикахъ...»

Явленія неравномѣрности въ земскомъ обложеніи крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель наблюдаются, конечно, не только въ указанныхъ выше мѣстностяхъ.

Такъ, г. Б. Веселовскій въ своей книгѣ «Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ» приводитъ слѣдующія цифры:

Въ *Самарской* губ. крестьянскія земли, по десятинному разсчету, обложены въ $1^1/_2$ и 2 раза выше земель владѣльческихъ *).

Въ Перемышльскомъ уѣздѣ, *Калужской* губ., помѣщичьи земли были оцѣнены въ 25 руб. за десятину, а крестьянскія—66 руб.; въ Жиздринскомъ уѣздѣ тѣ же цифры соотвѣтственно равны 9 и 10 руб.; въ Лихвинскомъ уѣздѣ помѣщики, въ среднемъ, платятъ 8 коп. съ десятины, а крестьяне—11 коп. **).

Въ *Костромской* губ. Юрьевецкое земство оцѣнило крестьянскія земли, въ среднемъ, въ 24 руб. за дес., а владѣльческія — 12 р. и 17 р.; при чемъ землевладѣльцы имѣли... смѣлость находить, что земли ихъ обложены слишкомъ высоко, и только по настоянію крестьянъ эта оцѣнка была принята; Кологривское земство той же губ. взимало съ владѣльческой земли по $1^5/_6$ коп. съ десят., а съ крестьянской — по $3^1/_{12}$ коп.; Буйское земство отнесло крестьянскія земли всѣхъ угодій и качествъ къ первому разряду и обложило ихъ вдвое выше противъ земель частновладѣльческихъ, отдаваемыхъ въ аренду, не обращая вниманія на ихъ производительность; арендныя же земли, въ свою очередь, обложило опять-таки вдвое выше противъ тѣхъ земель, которыми пользовались сами помѣщики. Нерехтское земство («самое либеральное въ Костромской губ.») въ 1872 г. слѣдующимъ образомъ опредѣлило доходъ съ 1 десятины земли:

	1 разр.	2 разр.	3 разр.
Владѣльческой	1 р. 90 к.	1 р. 20 к.	1 р.
Крестьянской	2 „ — „	1 „ 75 „	1 „ 60 к.

Причемъ $^2/_5$ владѣльческой земли во второмъ разрядѣ и $^2/_3$—въ третьемъ были признаны вовсе бездоходными.

Наконецъ, въ Ветлужскомъ земствѣ той же Костромской губ. владѣльцы платили съ десятины менѣе 1 коп.; а крестьяне почти 4 коп. ***). Это уже составитъ разницу ни больше, ни меньше какъ въ 300%.

Всѣ только что приведенныя цифры говорятъ такъ громко и краснорѣчиво, что пояснять ихъ совершенно излишне.

А вотъ цифры изъ той же области уже не для отдѣльныхъ губерній а почти для всей Европейской Россіи.

---

*) *Вѣстникъ Европы*, 1868 г.

**) *Вѣстникъ Европы*, 1870 г.

***) *Отеч. Записки*, 1878 г.

По свидѣтельству В. Ю. Скалона, извѣстнаго знатока земскихъ вопросовъ, «земли сельскихъ обществъ облагаются выше земель частныхъ владѣльцевъ. Дѣйствительно, въ среднемъ выводѣ, *по всѣмъ губерніямъ замѣчается рѣзкое различіе* (курсивъ нашъ) между обложеніемъ тѣхъ и другихъ. Уже въ 1869 г. по 28 губ. средній окладъ на десятину крестьянской земли равнялся 10,3 к., а прочей — только 6,5 к.; въ 1890 г. соотвѣтствующіе оклады равнялись 17,9 к. и 9,7 к.». Такимъ образомъ, обложеніе крестьянскихъ земель съ 1869 по 1890 г. возросло на 73%, а прочихъ владѣльцевъ — на 33% (безъ малаго). Любопытную табличку приводитъ тотъ же авторъ изъ данныхъ департамента окладныхъ сборовъ за 1885 г.: «въ 34 земскихъ и 14 неземскихъ губерніяхъ поземельные сборы падали на десятину земли разныхъ категорій владѣльцевъ въ такимъ размѣрахъ (въ копейкахъ):

	Зем. губ.	Неземск. губ.
Сельскихъ обществъ	17,7	7,1
Частныхъ владѣльцевъ	12,9	6,8
Удѣла	8,0	2,8
Городовъ	19,2	7,7
Казны	4,0	0,5 *).

Изъ этой таблички видно, что изъ всѣхъ категорій владѣльцевъ больше всего обложены земли крестьянскихъ обществъ и города, меньше всего — казны и удѣла: какъ земцы въ земскихъ губерніяхъ, такъ и правительственные чиновники въ неземскихъ *одинаково* понимаютъ интересы мѣстнаго населенія,—какъ дѣятели современнаго земскаго самоуправленія, такъ и самодержавные бюрократы *одинаково* неравнодушны къ мужицкому карману... Интересно также, что, какъ показываетъ та же табличка, въ неземскихъ губерніяхъ замѣчается болѣе равномѣрное обложеніе земель, исключая земель казенныхъ и удѣла: очевидно гг. правители не хотятъ обижать себя...

А вотъ болѣе поздніе свѣдѣнія. По офиціальному подсчету, въ 1903 г. земскіе налоги падали на десятину помѣщичьей и крестьянской земли въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Губерніи.	Крест.	Помѣщ.	Въ %% больше или меньше.
Сѣверныя	24 коп.	14 коп.	+ 71,4
Восточныя	21 »	11 »	+ 90,9
Средне-промышленныя . .	31 »	20 »	+ 55,0
Средне-черноземныя . . .	37 »	34 »	+ 8,8
Малороссійскія	45 »	46 »	— 2,2
Сѣверо-западныя	12 »	9 »	+ 33,3
Южныя	28 »	27 »	+ 3,7
Прибалтійскія	7 »	9 »	— 22,2
Юго-западныя	17 »	16 »	+ 6,3
Въ среднемъ . . .	26 коп.	20 коп.	+ 30% **).

*) Земскіе финансы". Словарь Брокгауза, т. 24, стр. 528.

**) *В. Веселовскій*, стр. 99—100.

Все это — *среднія* цифры, и, какъ всякія среднія величины, долженствующія говорить о жизни, онѣ скрадываютъ дѣйствительныя явленія, скрашиваютъ «непріятную» рѣзкость жизненныхъ фактовъ, дѣлаютъ дѣйствительность не столь мрачной,—вообще *среднія* цифры никогда не могутъ отражать факты общественной жизни во всей ихъ жизненной правдѣ и неподкрашенности. Но онѣ цѣнны для *общей* характеристики даннаго явленія, для выясненія его *тенденціи*. Но, несмотря и на только что указанное ограничительное значеніе среднихъ величинъ, вышеприведенныя среднія цифры взимаемыхъ земствомъ съ населенія налоговъ все-таки говорятъ не въ пользу классовой «справедливости» современныхъ земскихъ дѣятелей.

Въ частности, по существу нѣкоторыхъ цифръ только что приведенной таблицы замѣтимъ слѣдующее.

Въ таблицѣ этой обращаютъ на себя вниманіе двѣ группы губерній: малороссійскія, къ которымъ министерство финансовъ относитъ Черниговскую, Харьковскую и Полтавскую, и Прибалтійскія. *Только* въ этихъ двухъ районахъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, помѣщичьи земли обложены земскими налогами выше крестьянскихъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько официальныя цифры земскихъ налоговъ для этихъ районовъ отвѣчаютъ дѣйствительности. Но по одной изъ Малороссійскихъ губ.—Черниговской—у насъ имѣются самыя точныя цифры за цѣлые четыре года о томъ, *какъ* были обложены земли помѣщичьи (частновладѣльческія) и *какъ*—крестьянскія (надѣльныя).

Вотъ эти данныя, взятыя нами изъ Черниговской казенной палаты:

Одна десятина земли была обложена земскими сборами въ копейкахъ:

Годы:	Помѣщичья (частновл.).	Крестьянская (надѣльныя).	Превышеніе въ %% крестьян. земли надъ облож. помѣщ. земли.
1902 . . .	33	38	15,1
1903 . . .	33	39	18,1
1904 . . .	34	39	14,7
1905 . . .	36	41	13,8

Такимъ образомъ, оказывается, что въ Черниговской губ. помѣщичьи земли не только не были обложены земствомъ выше крестьянскихъ, но, напротивъ, крестьяне постоянно платили больше помѣщиковъ на 13—18%. Въ частности, это превышеніе (18,1%), самое высокое за всѣ приведенные четыре года, падаетъ какъ разъ на тотъ годъ (1903), свѣдѣнія за который приведены въ официальныхъ данныхъ выше цитированной таблички Получается, такимъ образомъ, нѣкоторое противорѣчіе цифръ... Повторяемъ, цифры, приведенныя нами за 4 года для Черниговской губ., вполнѣ точныя, ибо итогъ ихъ по губерніи полученъ на основаніи подсчета цифръ обложенія, доставленныхъ, такъ сказать, изъ первоисточника, т.-е. уѣздными земскими управами.

Только что указанная разница въ цифрахъ земскаго обложенія заставляетъ усомниться въ вѣрности цифръ земскаго обложенія, приведенныхъ въ министерскихъ данныхъ для малороссійскихъ губерній. Скажутъ, что вѣдь, кромѣ Черниговской губ., въ группу малороссійскихъ губерній входятъ еще двѣ губерніи—Полтавская и Харьковская. Хотя, къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ для провѣрки официальныхъ цифръ двухъ малороссійскихъ губ., тѣмъ не менѣе мы всетаки не можемъ не оставить эти цифры подъ сомнѣніемъ: для того чтобы для всѣхъ трехъ малороссійскихъ губерній получилось превышеніе обложенія помѣщичьихъ земель надъ обложеніемъ крестьянскимъ на 2,2% (см. офиц. табличку), для этого вѣдь нужно, чтобы то же самое превышеніе по губерніямъ Полтавской и Харьковской было довольно значительно (ибо это послѣднее превышеніе должно прежде всего покрыть *минусъ 18,1%* въ обложеніи по Черниговской губ.), что представляется какъ-то трудно допустимымъ. И вотъ по какому соображенію.

Если превышеніе обложенія помѣщичьихъ земель надъ обложеніемъ крестьянскихъ въ Прибалтійскихъ губ. можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что помѣщичьи хозяйства въ этихъ губ., вслѣдствіе ихъ раціональной постановки, даютъ *настолько* очевидный, несравненно болѣе высокій доходъ, чѣмъ хозяйства крестьянскія, *что* даже жадность Прибалтійскихъ россійскихъ юнкеровъ заставляетъ послѣднихъ мириться съ болѣе высокимъ обложеніемъ помѣщичьихъ земель,—если, говоримъ мы, можно *такое* объясненіе допустить къ обложенію земель въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, то едва ли *подобное* же объясненіе можно приложить къ губерніямъ Полтавской и Харьковской: вѣдь условія веденія тамъ помѣщичьихъ хозяйствъ въ общемъ *такія же,* какъ и въ Черниговской губ.: тѣ же отсталыя системы хозяйства, та же эксплоататорская отдача помѣщиками земли на условіяхъ отработочной, испольной и др. кабальныхъ арендъ. Едва ли также можно допустить существованіе какого-либо различія между гг. земцами и помѣщиками Полтавской и Харьковской губерній—съ одной стороны и тѣми же элементами Черниговской губ. и въ отношеніи «разумѣнія» своихъ «пользъ и нуждъ», своихъ классовыхъ интересовъ: крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губ. 1902 года, гдѣ отличились, въ качествѣ усмирителей, губернаторы Бельгардъ и въ особенности Оболенскій, достаточно показали, какой эксплоатаціи подвергались тамъ крестьяне и какъ вообще умѣли гг. помѣщики проявлять свои аппетиты...

Впрочемъ, даже и по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ цифры земельнаго обложенія крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель, приводимыя официальнымъ источникомъ, также не могутъ не внушать къ себѣ недовѣрія: когда были написаны вышеприведенныя строки объ обложеніи земель въ губерніяхъ—Прибалтійскихъ, Полтавской и Харьковской, мы прочли въ *№ Товарища* отъ 22 августа 1906 г. весьма обстоятельную корреспонденцію изъ Прибалтійскаго края, гдѣ, между прочимъ, по интересующему

насъ вопросу корреспондентъ приводитъ такія данныя: «до 1895 г. казенный земельный сборъ для помѣщиковъ равняется 16 коп. съ десятины, а крестьяне, *кромѣ своихъ выкупныхъ суммъ* (курсивъ нашъ), того же сбора платили 81 коп. съ десятины», т.-е., иначе говоря, крестьянскія земли въ Прибалтійскомъ краѣ обложены казенными сборами въ *пять* разъ выше помѣщичьихъ. Если такова «справедливость» въ области казенныхъ сборовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, то можно себѣ представить, какова тамъ разница въ пользу помѣщиковъ въ чисто земскомъ земельномъ обложеніи, гдѣ ужъ вполнѣ своя (т.-е. помѣщичья) рука владыка. Это косвенно подтверждается слѣдующими данными изъ той же корреспонденціи: «совершенно въ ненормальномъ положеніи находится распредѣленіе волостныхъ сборовъ; какъ, наприм., въ нѣкоторыхъ волостяхъ изъ общей суммы податей въ 7,695 руб. домовладѣльцы и арендаторы уплачиваютъ только 1,645 руб., остальныя—6,000 руб. взыскиваются съ *неимущихъ батраковъ* (курсивъ нашъ), несовершеннолѣтнихъ парней (sic!) и стариковъ. Помѣщики же совсѣмъ освобождены отъ податей и натуральныхъ повинностей въ пользу волости».

Итакъ, цифры земскаго обложенія, приводимыя офиціальнымъ источникомъ для Малороссійскихъ губ. въ 1903 г. и даже для Прибалтійскихъ, не могутъ быть признаны достовѣрными: онѣ должны быть значительно исправлены въ сторону плюса къ процентной разницѣ въ обложеніи между крестьянскими и помѣщичьими землями. И тогда получимъ ту *однообразную* картину, достовѣрно установленную изслѣдователями земской жизни, что *всюду*, во всѣхъ губерніяхъ, крестьянинъ платитъ больше сборовъ за землю, чѣмъ помѣщикъ.

Но классовый характеръ земскаго обложенія проявился не только въ самомъ принципѣ обложенія,—въ неравномѣрности его распредѣленія между различными слоями населенія, но также и въ фактѣ отношенія представителей земскаго самоуправленія къ *самому поступленію* земскихъ сборовъ. Здѣсь въ полной мѣрѣ практиковался извѣстный принципъ—quod licet Iovi, non licet bovi: если можетъ задерживать земскіе платежи крупный и средній землевладѣлецъ, то сіе не полагается рядовому крестьянину.

И, дѣйствительно, мы уже отчасти видѣли, какъ велики бываютъ недоимки съ частновладѣльческихъ земель и насколько крестьяне неизмѣримо исправнѣе помѣщиковъ, каковая исправность, разумѣется, болѣзненно-дорого достается крестьянскимъ плательщикамъ: тутъ, въ дѣлѣ взысканія сборовъ, «все позволено», здѣсь создался даже терминъ «выколачиваніе» сборовъ и недоимокъ и т. п. Между тѣмъ какъ помѣщикъ можетъ даже по нѣсколько лѣтъ не платить земскихъ сборовъ и ему какимъ-то образомъ «терпятъ». Въ этой области земской жизни имѣются-таки прямо невѣроятнѣйшіе «шедевры»: такъ, нарышкинское имѣніе въ 80,000 дес. не уплатило земству, со дня его основанія, ни одной копейки; одинъ изъ главнѣйшихъ «столповъ отечества», П. Н. Дурново накопилъ земскихъ недоимокъ 12,418 руб.; гр. Шереметевъ—20,979 руб.; кн. Гагаринъ—

10,000 р. *). Такъ исполняютъ требованія закона высшіе представители россійскаго бюрократическаго правительства,—сочинители тѣхъ самыхъ законовъ, исполнять которые они не считаютъ для себя должнымъ...

Въ началѣ настоящей статьи мы замѣтили, что, если бы земство, въ области земскихъ сборовъ, было одинаково справедливо и къ помѣщикимъ, и къ крестьянамъ, финансовый кризисъ земствъ въ настоящій моментъ ощущался бы не такъ остро. И, дѣйствительно, посмотрите, какая масса земскихъ недоимокъ,—образцы которыхъ мы привели выше,—накопилась на частновладѣльческихъ имуществахъ: по свѣдѣніямъ самого же мин. внутр. дѣлъ (см. извѣстный циркуляръ губернаторамъ о земскихъ недоимкахъ), къ 1 января 1906 года цифра земскихъ недоимокъ за частными владѣльцами равнялась 35 милл. рублей. Вѣдь это колоссальнѣйшая сумма денегъ!... А $2^1/_2$ милл. недоимокъ въ саратовскомъ земствѣ,—вѣдь лишиться земству такой суммы денегъ, это все равно, что оставить государство безъ бюджета.

Въ Черниговскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи осенней сессіи прошлаго года, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о земскихъ недоимкахъ; при этомъ нѣкоторые гласные пытались указать, что крестьяне, подъ вліяніемъ выборгскаго воззванія, не платятъ налоговъ. Тогда одинъ гласный предложилъ разобраться, кто же именно больше всего накопляетъ земскія недоимки: помѣщики или крестьяне? Лишь только вопросъ былъ поставленъ на *такую* почву, тотчасъ сами гласные должны были признать, что именно гг. помѣщики, выражаясь словами вышеупомянутаго циркуляра мин. внутр. дѣлъ, «намѣренно пренебрегаютъ своими податными обязанностями»,—и тутъ же былъ названъ помѣщикъ С—кій, какъ блистающій въ первомъ ряду земскихъ недоимщиковъ по Черниговскому уѣзду.

Итакъ, говоря снова словами того же циркуляра, въ то время когда господа Дурново, Шереметевы, Гагарины, Нарышкины и другіе помѣщики,—ихъ же число въ 34 земскихъ губерніи достигаетъ крупной величины,—«уклоняются и даже прямо отказываются отъ платежа налоговъ», въ это время земства, истощивъ весь свой бюджетъ, закрываютъ школы, больницы, прекращаютъ уплату земскихъ страховыхъ премій (напримѣръ, саратовское земство) и вообще сокращаютъ, а то и вовсе прекращаютъ свою дѣятельность! Для кого же мин. внутр. дѣлъ пишетъ свои грозные циркуляры о «понужденіи населенія къ исполненію лежащихъ на немъ денежныхъ повинностей»: для всѣхъ ли земскихъ плательщиковъ или только для однихъ...крестьянъ? «Населеніе,—строго предписываетъ министръ внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ,—должно быть приведено къ повиновенію тому, упорство недоимщиковъ должно быть сломлено всѣми законными мѣрами, сколь бы суровы и рѣшительны онѣ ни были». Что-жъ! Требованіе рѣшительное! Но пусть-ка мѣстная администрація попытается «сломить упорство» сіятельныхъ Шереметевыхъ, высокопревосходительныхъ

*) „Рѣчь“ за сентябрь 1906 года.

Дурново и болѣе «простыхъ» помѣщиковъ! Не даромъ же самъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ добавляетъ: «правительство требуетъ отъ представителей власти *мужественнаго исполненія служебнаго долга*» (курсивъ нашъ). Это для взысканія-то земскихъ недоимокъ съ гг. помѣщиковъ требуется наличность «мужественности»!! Да, строгость циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ о взысканіи земскихъ недоимокъ не для помѣщиковъ писана!... Вѣдь сообщался же въ газетахъ фактъ, когда одинъ губернаторъ, не рѣшаясь прямо потребовать отъ помѣщиковъ внесенія числящихся на нихъ крупныхъ недоимокъ, пригласилъ этихъ помѣщиковъ къ себѣ *подъ какимъ-то предлогомъ*, и только такимъ образомъ рѣшился *просить* гг. помѣщиковъ не отказать въ уплатѣ накопившихся на нихъ земскихъ недоимокъ... Да! Гг. Дурново et tuti quanti, подобно римскимъ авгурамъ, могутъ лишь улыбаться, читая столыпинскій циркуляръ о томъ, что «земское дѣло есть государственное дѣло», что «мѣстныя власти обязаны настойчиво и послѣдовательно противодѣйствовать всѣмъ явленіямъ, подтачивающимъ основы самоуправленія...» И *такое* отношеніе представителей землевладѣльческой бюрократіи къ требованію,—исправно вносить земскіе платежи,—имѣетъ свой raison d'être, ибо и эти Столыпины, и эти Дурново, и эти Шереметевы,—развѣ они не повторяютъ авгуровъ, когда пишутъ «для всего населенія» законы, циркуляры и др. распоряженія... Quod licet Iovi, non licet bovi...

Разумѣется, когда земство будетъ построено на чисто-демократическихъ началахъ, т.-е. на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, всякимъ помѣщичьимъ повадкамъ въ области земскаго самоуправленія будетъ положенъ конецъ... Но пока приходится констатировать достаточный просторъ для классоваго эгоизма гг. землевладѣльцевъ.

Но мало того, что землевладѣльцы платятъ меньше крестьянъ, мало того, что они пользуются привилегіей и эти меньшіе сборы вносить самымъ неисправнымъ образомъ,—оказывается и этого мало: за все это приходится отдуваться все тому же всевыносящему мужичку... «Ёнъ достанетъ...»

Какъ извѣстно, въ 1900 г. были изданы «правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи земскихъ смѣтъ и раскладокъ». Правила эти, между прочимъ, позволяютъ земству сбрасывать тѣ недоимки, которыя оно само признаетъ «неблагонадежными» къ поступленію. По словамъ Гр. Шрейдера, указанныя правила «оказались только удобнымъ легальнымъ средствомъ къ еще большему обремененію плательщиковъ, но притомъ обремененію не равномѣрному, а падающему главной своей тяжестью на одну группу ихъ и, въ концѣ-концовъ, сводящемуся собственно къ переложенію земскаго налога»*). Земство, слагая «безнадежныя», по его мнѣнію, недоимки,—нетрудно понять, на кого эта «милость» земскихъ дѣятелей наибольше всего распространилась,—должно было повышать оклады

*) *Р. Б.* 1898 г. Цитировано по Веселовскому, стр. 117.

въ результатѣ чего получалось слѣдующее: «земство,—говоритъ тотъ же авторъ,—при посредствѣ повышеннаго оклада, получаетъ съ исправныхъ плательщиковъ (т.-е., по преимуществу, крестьянъ, ибо самыми исправными плательщиками земскихъ сборовъ, какъ мы видѣли, являются именно крестьяне І. Д.) тѣ средства, которыя оно недополучаетъ съ недоимщиковъ», а такъ какъ «внесеніе въ смѣту одного и того же невыполненнаго расхода можно практиковать 5—6 лѣтъ подъ рядъ, то, очевидно, что съ одного вола можно содрать не только 2, но и 5—6 шкуръ. И, къ несчастью, это не только отвлеченный примѣръ, не только маловѣроятное предположеніе, не только гипотетическая возможность, а самая реальная, живая и непосредственная дѣйствительность». Въ концѣ-концовъ, Гр. Шрейдеръ долженъ былъ констатировать ни больше, ни меньше, какъ «*превращеніе владѣльческой недоимки въ крестьянскій окладъ*» *).

Будущее демократическое земство построитъ земское обложеніе на иныхъ началахъ; оно въ корнѣ уничтожитъ существующіе недостатки земскаго механизма въ дѣлѣ земскаго обложенія,— и только тогда земство сможетъ вполнѣ развернуть свою культурно-просвѣтительную работу въ интересахъ *всего* населенія, чего теперь нѣтъ, ибо все, что дѣлается для «мѣстныхъ пользъ и нуждъ» современнымъ земствомъ, дѣлается лишь постольку, поскольку *это* не противорѣчитъ классовымъ интересамъ крупныхъ и среднихъ слоевъ мѣстнаго населенія, т.-е. тѣхъ элементовъ населенія, которые дѣйствительно представлены современнымъ земствомъ.

І. Д—р—въ.

---

*) Ibidem, стр. 120—121.

Судебное преслѣдованіе должностныхъ лицъ.

(Порядокъ возбужденія дѣлъ и преданія суду).

I.

Токвиль въ своей «Американской демократіи» разсказываетъ: «Когда я пытался растолковать американцамъ или англичанамъ, что во Франціи король, повелѣвъ сперва одному изъ слугъ своихъ, именуемому префектомъ, совершить неправомѣрное дѣяніе, можетъ приказать другому слугѣ своему, именуемому членомъ государственнаго совѣта, чтобъ онъ воспрепятствовалъ наказанію перваго; когда я изображалъ имъ, какъ гражданинъ, пострадавшій по приказу государя, принужденъ просить у государя разрѣшенія добиваться правосудія,—они отказывались вѣрить въ существованіе столь чудовищныхъ порядковъ и подозрѣвали меня въ недобросовѣстности и невѣжествѣ» *).

Изображенная Токвилемъ система чиновничьяго произвола и обывательскаго безправія, стыдливо прикрываемая названіемъ «административной гарантіи», отошла во Франціи въ область исторіи. Отдѣлались отъ нея и другія государства, которыя нѣкогда заимствовали французскіе порядки. Административная гарантія сохранилась и понынѣ въ Испаніи и Россіи.

Систему административной гарантіи наше законодательство усложнило, запутало и расширило въ сторону возможно болѣе надежнаго огражденія чиновника отъ судебной отвѣтственности за содѣянное имъ, возможно болѣе полнаго лишенія обывателя судебной охраны правъ его отъ нарушенія ихъ со стороны органовъ администраціи. Область примѣненія административной гарантіи очерчена у насъ шире, чѣмъ въ прежнемъ французскомъ правѣ; въ отличіе отъ послѣдняго, у насъ лишь преданіе суду возложено на коллегіальные органы административнаго надзора, возбужденіе же преслѣдованія предоставлено по общему правилу единоличной власти начальства; судебная власть лишена не только права самостоятельно возбуждать формальное уголовное преслѣдованіе противъ должностного лица

*) *Tocqueville*: „De la démocratie en Amérique", 13 изд., 1850 г., I, стр. 124.

какъ это было и во Франціи,—она не можетъ даже производить первоначальное изслѣдованіе служебнаго преступленія, констатировать слѣды его.

Право возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностного лица за преступленіе по службѣ принадлежитъ тому начальству, отъ коего зависитъ опредѣленіе обвиняемаго къ должности; лишь для нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ мѣсто этого начальства заступаетъ первый департаментъ сената (ст. 1085 уст. угол. судопр.). Начальство требуетъ отъ обвиняемаго должностного лица объясненій по поводу взведенныхъ на него обвиненій и, когда это по обстоятельствамъ дѣла окажется нужнымъ, производитъ предварительное изслѣдованіе чрезъ одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ (ст. 1086). Отъ того же начальства, которому ввѣрено возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, зависитъ и прекращеніе его или дальнѣйшее направленіе дѣла къ преданію суду (ст. 1087). Предаются суду должностныя лица административныхъ вѣдомствъ за служебныя преступленія, если оставить въ сторонѣ цѣлый рядъ исключеній, въ зависимости отъ занимаемой ими должности, либо губернскими правленіями, либо утвержденными министрами постановленіями состоящихъ при нихъ коллегіальныхъ учрежденій, либо первымъ департаментомъ сената *), либо Высочайше утвержденными постановленіями перваго департамента государственнаго совѣта (ст. 93 учр. гос. сов.).

Существующій у насъ порядокъ преслѣдованія должностныхъ лицъ не только совершенно преграждаетъ частнымъ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ служебнаго преступленія, непосредственный доступъ къ суду и судебнымъ органамъ предварительнаго слѣдствія,—онъ лишаетъ и прокуратуру всякаго дѣйствительнаго вліянія на преслѣдованіе должностныхъ преступленій. Лишь для нѣкоторыхъ дѣлъ законъ предписываетъ, чтобъ кромѣ предварительнаго административнаго изслѣдованія было произведено предварительное слѣдствіе общесудебными органами его (ст. 1089). Вотъ въ этихъ дѣлахъ прокуратурѣ принадлежитъ право протеста противъ прекращенія дѣла (ст. 1092); сенатская же практика еще нѣсколько расширяетъ полномочія прокуратуры, признавая за нею право въ дѣлахъ этой группы требовать отъ начальства привлеченія должностного лица и назначенія предварительнаго слѣдствія. Но и это право на дѣлѣ не имѣетъ существеннаго значенія, «потому что никто не обязанъ доводить до свѣдѣнія прокурорскаго надзора о совершонномъ должностномъ преступленіи или о производящемся предварительномъ административномъ изслѣдованіи. Даже если прокуратурѣ и донесли о самомъ фактѣ преступленія, то устраненъ отъ производства дознанія, лишенная какихъ-либо стредствъ для того, бы собирать улики, прокуратура лишена возможности сколько-нибудь дительно настаивать на преслѣдованіи виновнаго. Всякое пререканіе съ

*) Ст. 1088 уст. уг. суд. Рѣш. соед. прис. 1 и уг. деп. 1889 г. № 2570. Согласно къ ст. 1088 „опредѣленія прав. сената о преданіи губернаторовъ суду приятся въ исполненіе не иначе, какъ по испрошеніи Высочайшаго на сіе разрѣ-ія".

начальствомъ, у котораго въ рукахъ всѣ нити дѣла, въ громадномъ большинствѣ случаевъ явится для прокуратуры слишкомъ неравнымъ споромъ»*).

Преслѣдованіе должностного лица за служебное преступленіе зависитъ, такимъ образомъ, на дѣлѣ всецѣло отъ разныхъ административныхъ властей. Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія ввѣрено тому начальству обвиняемаго, съ благословенія котораго, быть можетъ, подчиненный совершилъ преступленіе, начальству, которое въ очень и очень многихъ случаяхъ заинтересовано не въ раскрытіи дѣла, а въ томъ, чтобъ замять его. Первоначальное изслѣдованіе дѣла, если оно вообще возбуждено, попадаетъ въ руки чиновника того же вѣдомства, лишеннаго необходимыхъ для того знаній, подготовки, опыта, чиновника-сослуживца обвиняемаго, своего человѣка, у котораго, быть можетъ, и самого рыльце въ пуху, чиновника, который нерѣдко будетъ стремиться не столько къ разоблаченію преступленія, сколько къ тому, чтобъ помочь обвиняемому спрятать концы въ воду. Функціи обвинительной камеры исполняютъ коллегіальные административные органы; степень знанія членовъ ихъ опредѣляется тѣмъ, что они, по общему правилу, не юристы; степень независимости—тѣмъ, что они не пользуются несмѣняемостью; степень безпристрастія—тѣмъ, что, сообразно всей пройденной ими службѣ, они по своимъ симпатіямъ очень далеки отъ потерпѣвшаго обывателя и очень близки къ обвиняемому чиновнику.

Что можно сказать въ защиту подобной системы?

Доводы, выставлявшіеся въ пользу сохраненія административной гарантіи, могутъ быть сведены къ слѣдующему. Допущеніе преслѣдованія должностныхъ лицъ безъ особаго разрѣшенія административныхъ органовъ, говорятъ сторонники гарантіи, теоретически неправильно, практически нецѣлесообразно и неудобно. Неправильно потому, что оно противорѣчитъ принципу раздѣленія властей. Нецѣлесообразно потому, что административные органы могутъ лучше, нежели судебные опредѣлить, дѣйствовалъ ли обвиняемый чиновникъ должнымъ образомъ, и оцѣнить вѣроятность виновности его. Неудобно потому, что, при облегченіи доступа къ суду, органамъ администраціи пришлось бы постоянно терпѣть отъ неосновательныхъ обвиненій.

Первый доводъ,—противорѣчіе принципу раздѣленія властей, даже если бы онъ по существу былъ основателенъ, не могъ бы разрѣшить вопроса: желательно ли сохраненіе административной гарантіи. Принципомъ раздѣленія властей мы дорожимъ потому, что раздѣленіе властей обезпечиваетъ закономѣрное функціонированіе государственной машины. Но если бы въ данномъ случаѣ строгое раздѣленіе властей способствовало напротивъ того господству произвола—никакія соображенія не могли бы, конечно, убѣдить въ томъ, что для этого случая не слѣдуетъ отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія принципа раздѣленія властей.

*) *Лазаревскій*: „Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами“, 1905 г., стр. 547.

На самомъ дѣлѣ административная гарантія не только не вытекаетъ изъ принципа раздѣленія властей, но прямо противорѣчитъ этому принципу. Необходимо весьма своеобразное, первобытное пониманіе раздѣленія властей, для того чтобъ обосновать съ помощью его какія бы то ни было препятствія къ судебному преслѣдованію должностныхъ лицъ.

Въ московскомъ государствѣ каждый приказъ вѣдалъ и судилъ тѣхъ, кто къ нему относился. Стрѣлецкій, иноземный, аптекарскій приказъ не только завѣдывали военнымъ или врачебнымъ дѣломъ,—они управляли стрѣльцами, служилыми нѣмцами, аптекарями и лѣкарями и вѣдали судъ надъ ними. Дворцовые приказы или приказъ конюшенный не только завѣдовали отдѣльными частями дворцоваго хозяйства или государевыми конюшнями, они управляли и приписанными къ данному приказу городами и селами, сбирали съ нихъ доходы, судили приписанныхъ къ приказу людей *). Въ этомъ было раздѣленіе властей, свое, особенное, устранявшее постороннее вмѣшательство въ дѣла приказа, дававшее приказнымъ чиновникамъ возможность извлечь изъ данной части населенія всю ту выгоду, какую она только могла доставить.

Позднѣе principium divisionis измѣняется. Но сущность «раздѣленія властей» все та же. Различныя вѣдомства, въ томъ числѣ и судебныя, вѣдаютъ уже не отдѣльныя группы людей, а разныя отрасли управленія и суда. Но они вѣдаютъ каждое свое дѣло, безъ посторонняго вмѣшательства. Они извлекаютъ уже не изъ людей, а изъ «дѣла» всю ту выгоду, какую оно можетъ доставить чиновнику. Казенный пирогъ подѣленъ нѣсколько иначе—и только.

Раздѣленіе властей, какъ принципъ, которымъ проникнута организація конституціоннаго государства, имѣетъ въ виду нѣчто совершенно иное. Не люди и не дѣла размежевываются имъ, имъ выдѣляются и обособляются функціи верховной государственной власти въ цѣляхъ возможно болѣе полнаго обезпеченія правового характера государственнаго властвованія. Законодательная власть издаетъ законы, согласно конституціи страны; исполнительная—осуществляетъ ихъ, руководствуясь, въ предоставленныхъ ей предѣлахъ, соображеніями цѣлесообразности; судебная власть истолковываетъ и примѣняетъ законы, разрѣшая споръ сторонъ о правѣ. «Никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ»,—на этомъ началѣ основывается выдѣленіе судебной власти, имъ опредѣляются границы вѣдомства ея. Между кѣмъ бы споръ ни происходилъ, кто бы ни были стороны,—разъ рѣчь идетъ не о вопросахъ цѣлесообразности, а о правахъ спорящихъ, рѣшеніе спора принадлежитъ всецѣло и исключительно власти судебной. Можно одобрять или порицать столь полное, послѣдовательное проведеніе принципа раздѣленія властей, но нельзя отрицать того, что принципъ этотъ, строго проведенный, неизбѣжно приводитъ къ американской

*) См. *Сергѣевичъ*: „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права", изд. 1899 г., стр. 214—215.

системѣ, гдѣ судебная власть повѣряетъ законность дѣйствій не только администраціи, но и легислатуры, т.-е. конституціонность законовъ. И, во всякомъ случаѣ, отдѣленіе власти судебной отъ административной должно, казалось бы, устранить самое мысль о возможности какого-либо участія органовъ администраціи въ разрѣшеніи спора о закономѣрности какихъ-либо дѣйствій. Пока рѣчь идетъ о соображеніяхъ цѣлесообразности, исполнительная власть является, въ указанныхъ ей предѣлахъ, полновластнымъ вершителемъ дѣла, и принципъ раздѣленія властей не дозволяетъ суду контролировать соображенія и дѣйствія администраціи. Но какъ только споръ переходитъ на почву истолкованія и примѣненія закона, онъ, согласно тому же принципу раздѣленія властей, попадаетъ въ руки суда, органамъ же администраціи можетъ принадлежать лишь роль стороны въ дѣлѣ. Всякое стѣсненіе судебной власти въ отправленіи правосудія, между кѣмъ бы то ни было или надъ кѣмъ бы то ни было, изъ-за чего бы то ни было, явно нарушаетъ принципъ раздѣленія властей. Административная гарантія, представляющая собою подобное стѣсненіе судебной власти, поэтому не только не вытекаетъ изъ принципа раздѣленія властей, но, напротивъ того, находится въ рѣзкомъ и непримиримомъ съ нимъ противорѣчіи.

Второй доводъ въ пользу административной гарантіи—бо́льшая компетентность административныхъ органовъ. Очевидно, что о преимуществахъ ихъ по сравненію съ представителями судебной власти и чинами прокуратуры могла бы идти рѣчь лишь въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, администрація въ лицѣ начальства обвиняемаго несомнѣнно обладаетъ солидными средствами для раскрытія и изслѣдованія фактической стороны преступленія. Во-вторыхъ, органы судебной власти, говорятъ, недостаточно освѣдомлены для опредѣленія одного изъ элементовъ состава должностного преступленія, а именно для рѣшенія вопроса о томъ, заключаетъ ли въ себѣ данный актъ превышеніе ввѣренной чиновнику власти, неисполненіе возложенной на него обязанности.

Ни то, ни другое соображеніе не обусловливаетъ необходимости сохраненія административной гарантіи. Если начальство обвиняемаго чиновника въ состояніи содѣйствовать отправленію правосудія въ области преступленій по должности, то желательно, чтобы ему было предоставлено и право оказывать именно такое содѣйствіе, но отнюдь не право противодѣйствовать отправленію правосудія. Между тѣмъ характерная черта особаго порядка преслѣдованія должностныхъ лицъ заключается именно въ томъ, что порядокъ этотъ можетъ служить исключительно ослабленію репрессіи за служебныя преступленія. Въ нашемъ уставѣ уголовнаго производства лишь вторая часть ст. 1090, согласно которой въ случаѣ производства предварительнаго слѣдствія «начальство обвиняемаго можетъ командировать къ слѣдствію своего чиновника, для указанія слѣдователю на тѣ обстоятельства дѣла, изслѣдованіе коихъ, по мнѣнію его, имѣетъ особенную важность и значеніе»,—даетъ администраціи возможность ок-

зать *содѣйствіе* правосудію. Но опредѣленіе это не стоитъ ни въ какой внутренней связи съ системой административной гарантіи. Все же, что имѣетъ къ ней отношеніе, даетъ администраціи лишь право *противодѣйствовать* правосудію въ борьбѣ его со служебными преступленіями.

Необходимость административной гарантіи не вытекаетъ и изъ того соображенія, что административные органы—здѣсь обыкновенно имѣются въ виду уже не начальства обвиняемаго, а представители такъ называемой административной юстиціи—могутъ лучше, чѣмъ общіе суды, рѣшать вопросъ о законности или незаконности дѣйствій даннаго должностного лица. Правильно ли подобное утвержденіе или нѣтъ—другой вопросъ; мы къ нему еще вернемся. Но даже если бы оно было правильно, изъ него, очевидно, вытекала бы лишь желательность передать органамъ администраціи или административной юстиціи для преюдиціальнаго разсмотрѣнія тотъ вопросъ, въ которомъ они, какъ утверждаютъ, особенно компетентны, но отнюдь не всю процедуру преданія суду, а тѣмъ менѣе и возбужденіе преслѣдованія.

Третье и главное соображеніе, выдвигаемое противъ распространенія на должностныя преступленія общаго порядка преслѣдованія—опасеніе, что, съ отмѣной административной гарантіи, на чиновниковъ посыплются уголовныя обвиненія, нерѣдко безъ всякаго къ тому основанія. Отсюда и названіе административной гарантіи: недопущеніе судебнаго преслѣдованія безъ особаго разрѣшенія со стороны различныхъ административныхъ властей должно гарантировать должностныхъ лицъ отъ легкомысленныхъ преслѣдованій.

При разсмотрѣніи этого весьма серьезнаго соображенія у противниковъ административной гарантіи, къ сожалѣнію, отсутствуетъ необходимая принципіальная постановка вопроса. Аргументація ихъ сводится обыкновенно къ тому, что и при отмѣнѣ административной гарантіи должностныя лица будутъ ограждены отъ неосновательныхъ преслѣдованій, ибо, какъ замѣчаетъ г. Лазаревскій, «опасаться черезчуръ рьяныхъ обвиненій должностныхъ лицъ со стороны прокуратуры, вообще подлежащей по самому существу своему всякаго рода административнымъ воздѣйствіямъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Иное дѣло судъ, учрежденіе по существу своему независимое и склонное къ нѣкоторой прямолинейности. Но прокуратура состоитъ изъ чиновниковъ, подчиненныхъ указаніямъ и приказамъ начальства, а думать, что со стороны министра юстиціи будутъ систематическія поблажки неосновательнымъ обвиненіямъ должностныхъ лицъ, казалось бы, ъ ни малѣйшихъ основаній» *).

Н. И. Лазаревскій исходитъ, очевидно, изъ того предположенія, что, отмѣной административной гарантіи, право возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ должно принадлежать единственно исключительно чинамъ прокурорскаго надзора; а прокуратуру, какъ органъ

---

* *Лазаревскій*, ук. соч., стр. 554.

исполнительной власти, лишенный всякой независимости, можно будетъ надлежащимъ воздѣйствіемъ удержать отъ предъявленія неосновательныхъ обвиненій противъ должностныхъ лицъ. Но, очевидно, что, коль скоро данный органъ вообще доступенъ «воздѣйствіямъ» со стороны какого-либо начальства, такія «воздѣйствія» могутъ примѣняться и для воспрепятствованія возбужденію вполнѣ основательнаго уголовнаго преслѣдованія, которое лишь «не соотвѣтствуетъ видамъ правительства».

Неосновательныя обвиненія—неизбѣжная оборотная сторона всякой системы, не преграждающей обвинителю доступа къ суду. Немыслимо создать такую систему, которая давала бы возможность возбудить каждое основательное уголовное преслѣдованіе и въ то же время безусловно гарантировала бы отъ «недѣльныхъ исковъ». Весь уголовный процессъ является въ сущности компромиссомъ между интересами обвиненія, требующими возможно большаго облегченія условій судебнаго преслѣдованія, и интересами обвиняемаго, требующими возможно болѣе полнаго огражденія его противъ грозящей ему опасности быть безвинно привлеченнымъ къ суду и слѣдствію или даже безвинно осужденнымъ.

На томъ же общемъ основаніи должно быть произведено разграниченіе сталкивающихся другъ съ другомъ интересовъ обвиненія по должностнымъ преступленіямъ—съ одной стороны, и обвиняемаго должностнаго лица—съ другой стороны. Подчиняя дѣла о служебныхъ преступленіяхъ общему порядку судопроизводства, мы несомнѣнно облегчаемъ возникновеніе неосновательныхъ обвиненій по должностнымъ преступленіямъ и ставимъ даже добросовѣстнаго чиновника въ менѣе удобное, чѣмъ прежде, положеніе. Но это отрицательное послѣдствіе съ избыткомъ искупается тѣмъ, что облегченіе преслѣдованія должностныхъ лицъ создаетъ для обывателя болѣе надежную охрану правъ его противъ нарушенія ихъ со стороны органовъ администраціи. *Мы жертвуемъ административной гарантіей для того, чтобъ создать гарантіи личной свободы и неприкосновенности гражданина.* Если уничтоженіе особаго порядка судопроизводства по должностнымъ преступленіямъ хоть сколько-нибудь ослабитъ возможность повторенія Одессы, Твери, Бѣлостока, Сѣдлеца, то результатъ этотъ не будетъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною, сколько бы обвиненій ни посылалось въ то же время на головы ни въ чемъ неповинныхъ чиновниковъ.

Такая сравнительная оцѣнка выгодъ для обывателя и невыгодъ для чиновника обусловливается тѣмъ, что не обыватель существуетъ для чиновника, а чиновникъ для обывателя. Чиновникъ существуетъ для обывателя—это положеніе признавало, по крайней мѣрѣ въ теоріи, и полицейское государство. Просвѣщенный выразитель взглядовъ его даже о монархѣ говорилъ: «Der König ist der erste Domestique seines Staates». Но, съ точки зрѣнія полицейскаго государства, огражденіе интересовъ обывателя являлось лишь обязанностью власти и ея органовъ; обыватель не имѣлъ права требовать ея. Онъ былъ, въ теоріи полицейскаго государства, лишь десятинатаріемъ правительственной дѣятельности, подобно тому какъ нын

является дестинатаріемъ суммъ, раздаваемыхъ благотворительнымъ обществомъ. И какъ нищій не имѣетъ права на милостыню, такъ обыватель не имѣлъ правоохраненнаго притязанія къ власти объ огражденіи его интересовъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Правовое государство превращаетъ обывателя въ гражданина, дестинатарія въ субъекта публичныхъ правъ. Прежде всего оно признаетъ за гражданиномъ право требовать невмѣшательства въ опредѣленную индивидуальную сферу; это право на невмѣшательство даетъ содержаніе понятію политическихъ свободъ; ибо, какъ говоритъ Еллинекъ, «всякая свобода—не что иное, какъ свобода отъ противозаконнаго принужденія *). Далѣе, во все болѣе и болѣе широкомъ объемѣ признается право гражданина на положительную дѣятельность государства въ интересахъ индивида; культурно-политическое развитіе государствъ непрерывно сопровождается расширеніемъ области, въ которой подобное притязаніе со стороны гражданина пріобрѣло правовой характеръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ создаются гарантіи того, что эти права гражданина не останутся на бумагѣ. Единственно дѣйствительную форму юридической защиты субъективныхъ публичныхъ правъ, какъ той, такъ и другой группы, представляетъ судебная защита ихъ, т.-е. возможность добиваться въ судебномъ порядкѣ исполненія лежащей на государствѣ и органахъ его въ отношеніи гражданина обязанности или устраненія противозаконнаго вмѣшательства, возможность отыскивать по суду убытки за противозаконное бездѣйствіе или противозаконныя дѣйствія власти, возможность возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ должностного лица, виновнаго въ преступномъ бездѣйствіи или дѣяніи, и обвинять его передъ судомъ.

«Принадлежащее субъекту А. право личной свободы,—говоритъ Дайси,—не что иное, какъ право его на то, чтобъ Иксъ не напалъ на него, не арестовалъ его; или (если взглянуть на дѣло съ другой точки зрѣнія) это—право его, въ случаѣ нападенія со стороны Икса, предъявить искъ къ Иксу или добиваться уголовнаго наказанія Икса» **). Всякое ограниченіе свободнаго доступа къ суду, для предъявленія иска или обвиненія къ кому бы то ни было и изъ-за чего бы то ни было, равносильно частичному лишенію всѣхъ гражданъ правовой защиты ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Въ правовомъ государствѣ подобнымъ ограниченіямъ не можетъ быть мѣста.

II.

Простѣйшій и вѣрнѣйшій способъ воспрепятствовать преслѣдованію должностного лица—неосновательному ли или основательному—это фактически устранить такое неосновательное или нежелательное правительству преслѣдованіе его агента.

*) *Jellinek*: „System der subjektiven öffentlichen Rechte“, 1892 г., стр. 98; ср. VII—IX.

**) *Dicey*: „Introduction to the study of the law of the constitution“, 5 изд. 1897, 267.

Къ этому простѣйшему средству прибѣгаетъ власть, опирающаяся не на право, а на силу. Дореволюціонная Франція обходилась безъ административной гарантіи потому, что даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло доходило до суда, правительство именемъ короля всегда могло изъять дѣло изъ судебнаго разсмотрѣнія. Этой возможностью оно пользовалось въ широкихъ размѣрахъ даже для огражденія маленькихъ чиновниковъ. «Тотъ, кто имѣлъ хотя бы малѣйшую связь съ администраціей,—говоритъ Токвиль,—могъ не бояться никого, кромѣ администраціи. Крестьянинъ возбудилъ преслѣдованіе за жестокое съ нимъ обращеніе противъ надзирателя надъ дорожными работами. Государственный совѣтъ вытребовалъ къ себѣ дѣло, и, въ конфиденціальномъ письмѣ къ мѣстному интенданту, главный инженеръ по этому поводу говоритъ: Въ сущности надзиратель вполнѣ достоинъ порицанія, но это не основаніе для того, чтобъ допустить, чтобъ дѣлу былъ данъ ходъ; ибо для управленія дорогами крайне важно, чтобъ общія судебныя мѣста не разсматривали и не принимали жалобъ со стороны отбывающихъ барщину на надзирателей надъ работами. Если бы примѣръ крестьянина встрѣтилъ подражаніе, работы эти стали бы тормозиться постоянными процессами, вызывающимися той общей враждою, которую питаютъ къ этимъ чиновникамъ» *).

Въ сущности и у насъ, въ условіяхъ беззастѣнчиваго произвола и беззаконія, административная гарантія являлась едва ли не излишней роскошью. Правительство, не стѣсняющееся дѣйствовать противозаконно, охраняетъ своихъ слугъ *фактическимъ* недопущеніемъ преслѣдованія ихъ по суду. Только тамъ, гдѣ правительство считаетъ нужнымъ соблюдать хоть внѣшній decorum законности, оно можетъ испытывать потребность въ *юридическихъ* преградахъ, которыя препятствовали бы судебному преслѣдованію слугъ его.

Попытку создать такія преграды знаетъ и англійская исторія. Время послѣднихъ Тюдоровъ и Стюартовъ было эпохой наибольшаго развитія автократическихъ тенденцій въ Англіи. Стремленіе сдѣлать исполнительную власть сильной—явно превалировало надъ заботой о томъ, чтобъ она оставалась законномѣрной. Этотъ «духъ времени» проявился между прочимъ въ попыткѣ Бэкона изъять, при помощи стараго Writ de non procedendo Rege inconsulto, изъ рукъ судей всѣ дѣла, въ которыхъ заинтересована корона. «Если бы Бэконъ добился своей цѣли,—говоритъ англійскій историкъ Гардинеръ,—получилось бы нѣчто аналогичное правилу, включенному во многія французскія конституціи, согласно которому ни одинъ правительственный агентъ безъ особаго разрѣшенія со стороны государственнаго совѣта можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности за дѣйствія, совершонныя имъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Правда, въ Англ изъятіе было бы менѣе широкимъ, такъ какъ оно распространялось лишь на случаи, затрагивавшіе самого короля, все же принципъ, на ко

*) *Tocqueville*: „L'ancien régime et la révolution", гл. IV (4 изд., 1859 г., стр. 1

ромъ это изъятіе покоилось бы, былъ бы равно скверенъ». Впрочемъ, какъ указываетъ Дайси, принципъ этотъ допускалъ широкое распространеніе, и Бэконъ понималъ это. «Writ de non procedendo,—писалъ онъ королю,—представляетъ средство для того, чтобъ изъять всякое дѣло, касающееся выгодъ или могущества вашего величества, изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и передать его на разсмотрѣніе канцлеру Англіи. А какъ извѣстно вашему величеству, вашъ канцлеръ является главнымъ совѣтникомъ и орудіемъ монарха и находится въ непосредственной зависимости отъ короля, поэтому онъ былъ бы надежнымъ и внимательнымъ хранителемъ королевскихъ правъ» *).

Попытка Бэкона не удалась. Она слишкомъ противорѣчила идеѣ равенства всѣхъ предъ закономъ, которой издавна были проникнуты англійскія учрежденія. Во Франціи же, пропитанной насквозь вѣковымъ произволомъ и неравенствомъ, системѣ законнаго недопущенія преслѣдованій должностныхъ лицъ удалось укрѣпиться на долгіе годы, и остатки ея сохранились во французской республикѣ до нашихъ дней.

Франція наканунѣ революціи тяжко, слишкомъ тяжко чувствовала, выражаясь словами m-me Сталь, «постоянный произволъ и перемежающійся деспотизмъ» правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ сознавалъ, что чиновничья безотвѣтственность является основой царящаго въ странѣ беззаконія и произвола **).

Наказы 1789 г. единодушно требуютъ установленія дѣйствительной, серьезной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ, отъ министровъ до низшихъ правительственныхъ агентовъ. «Генеральные штаты,—пишетъ третье сословіе Тулона,—должны будутъ позаботиться о способахъ суда и наказанія всѣхъ безъ исключенія представителей государя, которые злоупотребляютъ своею властью». Въ тѣхъ же или подобныхъ выраженіяхъ то же требованіе выставляется цѣлымъ рядомъ наказовъ. «Отвѣтственность всѣхъ органовъ власти,—заявляетъ въ національномъ собраніи комиссія по составленію проекта конституціи,—составляетъ общее требованіе наказовъ» ***).

Но рядомъ съ такой широкой формулировкой отвѣтственности должностныхъ лицъ уже съ самаго начала революціоннаго времени проявляется болѣе узкое пониманіе ея. Въ наказѣ третьяго сословія города Парижа сказано: «министры, распорядители и главные управители всѣхъ департа-

---

*) *Dicey*, стр. 333—334. Hatschek: „Englisches Staatsrecht", II, 1906, стр. 653—657.

**) Приходскій наказъ деревни Vaux-sur-Yonne (Bourgogne) говоритъ: „...l'administration despotique (des intendants) est une source de vexations et d'injustices d'autant plus révoltantes qu'il n'existe ni défenseur pour s'y opposer, ni tribunaux pour arrêter". (*Ардашевъ*: „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю эпоху стараго порядка", II, 1906, стр. 688).

***) *Saint Girons*. „Essai sur la séparation des pouvoirs", 1881, стр. 393—394. *Buchez et Roux*. „Histoire parlementaire de la révolution française", 1835, т. I, стр. 325, т. II, стр. 171 и 175.

ментовъ будутъ отвѣтственны *предъ народомъ, представленнымъ въ генеральныхъ штатахъ*, за всякое лихоимство, злоупотребленіе властью и дурное пользованіе средствами». Объ обще-судебной отвѣтственности здѣсь нѣтъ рѣчи. Въ проектѣ декларацiи правъ, предложенномъ національному собранію 27 іюля 1789 г., ст. 15 гласила: «Всѣ лица должны имѣть возможность прибѣгнуть къ законамъ и найти въ нихъ немедленную помощь при всѣхъ убыткахъ или обидахъ, причиненныхъ ихъ имуществу или личности, или при препятствіяхъ, которыя они испытывали бы въ пользованіи свободою». Но ст. 7 «Основъ управленія», составлявшихъ вторую, слѣдующую за декларацiей, главу проекта конституцiи, опредѣляла: «Министры и прочіе агенты королевской власти отвѣтственны за всякое нарушеніе законовъ, каковы бы ни были полученныя ими приказанія; и они должны быть за это наказаны *на основаніи преслѣдованія, возбужденнаго представителями народа*» *). Правда, здѣсь право парламентскаго обвиненія какъ будто лишь дополняетъ право гражданина на судебную защиту противъ чьихъ бы то ни было незаконныхъ дѣйствій. Но затѣмъ идея контроля народнаго представительства надъ администрацiей совершенно заслоняетъ принципъ судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ, и безцвѣтная ст. 15 окончательной редакцiи «Декларацiи правъ человѣка и гражданина» гласитъ: «Общество имѣетъ право требовать отчетъ въ управленіи отъ каждаго органа власти» **).

Рядомъ съ этимъ, уже въ національномъ собраніи проявлялась тенденція оградить вновь создаваемую администрацію отъ вмѣшательства судебной власти. Принципъ раздѣленія властей, неправильно истолкованный, послужилъ для этого внѣшнимъ облаченіемъ, нѣсколько скрывавшимъ неприглядное существо дѣла. Это «существо» представляло собою не что иное, какъ пережитокъ дореволюціонныхъ идей. Къ тому же, примѣръ старыхъ парламентовъ съ ихъ частымъ—подчасъ полезнымъ, подчасъ вреднымъ—вмѣшательствомъ въ дѣла управленія, создавалъ опасенія, какъ бы и новые суды не стали тормозить дѣятельность новой администрацiи.

Въ рѣчи, произнесенной въ національномъ собраніи 24 марта 1790 г., при открытіи преній по вопросу о судебной реформѣ, депутатъ Турэ настаивалъ на томъ, что соединеніе въ рукахъ представителей судебной власти функцій ей свойственныхъ съ функціями другихъ властей представляетъ собою важнѣйшій недостатокъ въ старой организацiи судебной власти во Франціи. «Соперница законодательной власти—судебная власть пересматривала, измѣняла или отвергала законы; соперница власти административной—она мѣшала ея дѣятельности, тормозила ея работу и безпокоила ея представителей. Не будемъ вдаваться, говорилъ онъ, въ изслѣдованіе тѣхъ условій, которыя прежде побуждали терпѣть этотъ политическій безпорядокъ; не будемъ разбирать, разумно ли было не давать

*) *Buches et Roux*, I, стр. 339, II, стр. 178 и 180.

**) „La société a le droit de demander compte à tout agent public de son administration".

народу никакой иной защиты правъ его противъ произвольной власти правительства—кромѣ аристократической власти судейскихъ корпорацій, которыхъ личный интересъ побуждалъ то подниматься во имя народа надъ правительствомъ, то соединяться съ правительствомъ противъ народной свободы. Какъ бы то ни было, коль скоро народъ самъ избираетъ своихъ правителей, слуги правосудія ни коимъ образомъ не должны вмѣшиваться въ дѣла управленія, забота о которыхъ имъ отнюдь не ввѣрена» *).

Правда, въ томъ же національномъ собраніи нѣсколько дней спустя, 30 марта 1790 г., депутатъ Шабру объяснялъ: «Муниципальнымъ должностнымъ лицамъ и административнымъ учрежденіямъ должно быть предоставлено право дѣлать постановленія относительно просьбъ гражданъ... Здѣсь не къ чему еще создавать трибуналы. Но какъ только... возникло разногласіе,—это уже тяжба, которая не подлежитъ вѣдѣнію чиновъ администраціи, ибо они не судьи; и если нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобъ изъять такую тяжбу изъ компетенціи общихъ судовъ, то не къ чему создавать другіе суды... Я полагаю, закончилъ Шабру, что по конституціи ничто не должно быть изъято изъ вѣдомства общихъ судовъ» **).

Слова эти остались, однако, гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Противоположныя идеи начали, уже съ декабря 1789 г., воплощаться въ рядѣ законовъ, воспрещающихъ суду вмѣшиваться въ дѣла управленія и контролировать правильность дѣйствій администраціи ***). «Любопытно,—замѣчаетъ по этому поводу Боркъ въ своихъ «Размышленіяхъ о французской революціи», что административные органы тщательно изъяты изъ юрисдикціи новыхъ судовъ. Такимъ образомъ изъ-подъ власти законовъ изъяты именно тѣ лица, которыхъ надлежало бы особенно сильно подчинить власти закона... Если вы не имѣли въ виду—обращается Боркъ къ французскимъ законодателямъ—превратить административныя учрежденія въ настоящія суверенныя, независимыя государства, одну изъ первыхъ вашихъ заботъ должно было составить учрежденіе мощнаго трибунала, подобно вашимъ прежнимъ парламентамъ или нашему суду королевской скамьи, гдѣ всѣ должностныя лица могли бы найти защиту при законномъ исполненіи своихъ обязанностей и гдѣ они встрѣтили бы преграду, еслибъ они нарушили долгъ, возложенный на нихъ закономъ» ****).

---

*) „*Buchez et Roux*“, т. V, стр. 83.

**) *Dareste:* „La justice administrative“, 2 изд., 1898 г., стр. 154—155.

***) См. *Laferrière:* „Traité de la juridiction administrative“, 2 изд., 1896, т. I, p. 181—183. *Duguit:* „La séparation des pouvoirs et l'Assemblée Nationale“, 1893, p, 104—106. Ст. 3 конст. 3 сент. 1791 г. опредѣляетъ: „Les tribunaux ne peuvent... reprendre sur les fonctions administratives ou citer devant eux les administrateurs ur raison de leurs fonctions“. Поправка Durand de Maillane: „il est toujours loisible réclamer contre les corps administratifs, contre la nation elle-même, l'exécution de loi devant les tribunaux“ была отвергнута національнымъ собраніемъ.

*) *Burke:* „Reflections on the Revolution in France“, изд. Selby, 1892 г., стр. 235.

Продуктомъ стремленія изъять администрацію изъ-подъ судебнаго контроля явилось между прочимъ и требованіе предварительнаго разрѣшенія для судебнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ. Такое требованіе выставляетъ уже законъ о муниципалитетахъ 14 декабря 1789 г. Его повторяютъ законы 16 августа и 7 октября 1790 г. и, отчасти, конституція третьяго года республики. Наконецъ, ст. 75 конституціи VIII года республики гласитъ: «Агенты правительства, за исключеніемъ министровъ, могутъ быть преслѣдуемы за дѣйствія, относящіяся къ ихъ служебнымъ обязанностямъ, лишь въ силу опредѣленія государственнаго совѣта; въ этомъ случаѣ преслѣдованіе производится въ общихъ судебныхъ мѣстахъ» *).

Статья эта пережила и конституцію VIII года и цѣлый рядъ позднѣйшихъ конституцій. Административная гарантія просуществовала во Франціи до паденія второй имперіи **). Декретъ правительства національной обороны 19 сентября 1870 года опредѣляетъ: «Ст. 75 конституціи VIII года отмѣняется. Равнымъ образомъ отмѣняются всѣ постановленія общихъ или спеціальныхъ законовъ, стѣсняющія преслѣдованіе какихъ-либо должностныхъ лицъ» ***).

Несмотря на это категорическое опредѣленіе закона, преслѣдованіе должностныхъ лицъ во Франціи и нынѣ далеко не свободно отъ стѣсненій.

Дѣйствія административныхъ органовъ подлежатъ, по основному положенію французскаго права, разсмотрѣнію спеціальныхъ административныхъ судовъ; и если общіе суды, уголовные и гражданскіе, при рѣшеніи какого бы то ни было дѣла, вошли въ разсмотрѣніе вопроса, который, по мнѣнію заинтересованныхъ административныхъ властей относится къ вѣдѣнію административныхъ судовъ, то эти заинтересованныя административныя власти могутъ возбудить пререканіе о подсудности. Пререканіе это разрѣшаетъ Tribunal des conflits. Во многихъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ судъ, для того чтобъ опредѣлить, подлежитъ ли должностное лицо отвѣтственности, долженъ предварительно разобрать, были ли данныя дѣйствія администраціи правомѣрны или противозакон-

---

*) „Les agents du Gouvernement autres que les ministres ne peuvent être poursuivis pour des faits relatifs à leurs fonctions qu'en vertu d'une décision du Conseil d'Etat. En ce cas, la poursuite a lieu devant les tribunaux ordinaires".

**) Объ объемѣ примѣненія административной гарантіи во Франціи и борьбѣ противъ нея см. *Муравьевъ*: „Объ уголовномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ", въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* за 1879 г., т. II. *Фойницкій*: „О судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ по французскому праву". (Докл. чит. въ Спб. юрид. общ. Протоколы уголовн. отд. за 1878 г., прил. къ „Журн. гражд. и угол. права" за 1878 г.)

***) „L'article 75 de la Constitution de l'an VIII est abrogé. Sont également abrogées toutes les lois générales ou spéciales ayant pour objet d'entraver les poursuites dirigées contre les fonctionnaires publics de tout ordre.—Il sera ultérieurement statué sur les peines civiles qu'il peut y avoir lieu d'édicter, dans l'intérêt public, contre ceux qui auraient dirigé des poursuites téméraires contre les fonctionnaires".

ны. Въ началѣ девятнадцаго вѣка подлежащая административная власть могла во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возбудить прекаціе о подсудности. Право возбужденія прекаціи существовало рядомъ съ административной гарантіей. Оно давало администраціи возможность распространить свое вмѣшательство далеко за предѣлы служебныхъ преступленій. Но и въ этой области оно имѣло нѣкоторое практическое значеніе, несмотря на наличность административной гарантіи. Посредствомъ возбужденія прекаціи администрація могла не только затруднять преслѣдованіе должностныхъ лицъ, но и вліять на исходъ дѣла, какъ въ пользу, такъ и во вредъ преслѣдуемому должностному лицу. Преюдиціальный вопросъ передавался на разсмотрѣніе органовъ административной юстиціи, и съ постановленнымъ ими рѣшеніемъ уголовный или гражданскій судъ обязанъ былъ считаться. Подобный порядокъ былъ особенно неудобенъ въ дѣлахъ о тяжкихъ преступленіяхъ (crimes), подсудныхъ суду присяжныхъ. Законъ 1 іюня 1828 года отмѣнилъ право возбужденія прекаціи для дѣлъ этой высшей категоріи *), но сохранилъ его для преступленій (délits), подсудныхъ коронному суду, и для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ.

Декретъ 70-го года отмѣнилъ административную гарантію. Огромное практическое значеніе получилъ теперь вопросъ о томъ, можетъ ли администрація попрежнему претендовать на то, чтобъ правильность дѣйствій администраціи подлежала преюдиціальному разсмотрѣнію органовъ административной юстиціи. Утративъ ту несравненно болѣе надежную защиту, которую давала ей ст. 75 конституціи VIII года, администрація стала стремиться къ тому, чтобъ сохранить ту меньшую и далеко не полную защиту, которую могло дать право возбужденія прекаціи о подсудности по преюдиціальнымъ административнымъ вопросамъ. Но декретъ 1870 г. отмѣнилъ не одну лишь административную гарантію, онъ отмѣнилъ и всѣ другія постановленія, стѣсняющія преслѣдованіе должностныхъ лицъ. Практика придерживалась поэтому первое время того взгляда, что отнынѣ не можетъ быть больше рѣчи и о правѣ на преюдиціальное разсмотрѣніе административными судами какихъ-либо вопросовъ, относящихся къ преслѣдованію должностныхъ лицъ. «Декретъ 19 сентября 1870 г.,—говоритъ кассаціонный судъ въ рѣш. по дѣлу ген. Майера (3 іюня 1872 г.),—отмѣняя ст. 75 конституціи VIII года, а также всѣ прочія постановленія общихъ и особенныхъ законовъ, тѣмъ самымъ ввѣряетъ (общимъ) судамъ разсмотрѣніе и оцѣнку поступковъ, приписываемыхъ правительственному агенту; если бы суды должны были откладывать разсмотрѣніе дѣла по существу до тѣхъ поръ, пока указанные поступки не будутъ изслѣдованы

*) Воспрещеніе прекаціи по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ практика ограничила тѣми случаями, гдѣ уголовное преслѣдованіе возбуждено прокуратурой; если слѣдователь дѣйствуетъ ex officio, по жалобѣ потерпѣвшаго,—прекаціе о подсудности допускается. *Laferrière*, стр. 628 сл. Практику эту осуждаютъ м. п. *Garraud* („Précis de droit criminel", 8 изд., 1903, стр. 601) и *Poittevin* и *Garçon* („Sénat et la société générale des prisons" въ *Revue pénitentiaire* за 1906 г. №№ 4 и 5.)

административною властью, то такимъ путемъ была бы возстановлена въ пользу должностныхъ лицъ въ иной формѣ административная гарантія, полную отмѣну которой имѣлъ въ виду декретъ 1870 г.» *). Но, какъ откровенно замѣчаетъ даже далеко не безпристрастный Лаферіеръ, «правительство вскорѣ усмотрѣло возрастаніе преслѣдованій противъ разныхъ должностныхъ лицъ, вызванныхъ такими дѣйствіями ихъ, которымъ былъ несомнѣнно присущъ характеръ актовъ государственной власти. Оно рѣшило поэтому предложить вопросъ о компетенціи судовъ при преслѣдованіи должностныхъ лицъ на разсмотрѣніе Tribunal des conflits» **). Результатъ получился такой, какъ желало правительство. Tribunal des conflits разъяснилъ, что декретъ 1870 г. лишь возвращаетъ общимъ судамъ полную свободу дѣйствій въ предѣлахъ ихъ компетенціи, но не расширяетъ границы ихъ юрисдикціи, не устраняетъ воспрещенія судамъ разсматривать дѣйствіе администраціи ***). Декретъ 1870 г., утверждаютъ французская практика и доктрина ****), устранилъ необходимость разрѣшенія для преслѣдованія *личности* правительственнаго агента, но онъ не затрагиваетъ правилъ компетенціи, ограждающихъ *дѣйствія* администраціи.

Такимъ образомъ на практикѣ уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ поставлено во Франціи слѣдующимъ образомъ:

1. Разрѣшенія на возбужденіе преслѣдованія не требуется ни для какихъ дѣлъ.

2. Дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ (crimes) должностныхъ лицъ могутъ возбуждаться на общемъ основаніи чинами прокурорскаго надзора, и въ такомъ случаѣ они разсматриваются уголовнымъ судомъ во всемъ объемѣ, въ томъ же порядкѣ, какъ и всѣ другія дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ. Но въ случаѣ, если предварительное слѣдствіе начато слѣдователемъ по жалобѣ потерпѣвшаго, административная власть можетъ, до тѣхъ поръ, пока прокуратура не вступила въ дѣло, потребовать, чтобъ вопросъ о законномѣрности дѣйствій власти былъ предварительно разсмотрѣнъ и разрѣшенъ административнымъ судомъ. Тогда вопросъ этотъ переходитъ въ руки коллегіальнаго административнаго учрежденія, которое состоитъ изъ лицъ, не входящихъ въ составъ активной администраціи, но и не пользующихся несмѣняемостью.

3. Въ дѣлахъ о преступленіяхъ (въ тѣсномъ смыслѣ, délits) должностныхъ лицъ требованіе о такомъ преюдиціальномъ административномъ

---

*) *Laferrière*, стр. 642—643.

**) Тамъ же, стр. 643.

***) Тамъ же, стр. 644—645.

****) *Leferrière* ук. соч. *Berthélemy*: „Traité élémentaire de droit administratif", 2 изд., 1902, стр. 20. *Hanriou*. Précis de droit administratif, 1901, стр. 271. Contra: *Ducrocq*. Cours de droit administratif, изд. 7., III, стр. 346. *Jacquelin*. Les principes dominants du contentieux administratif, 1829, стр. 135 сл. Ср. ст. *В. Ѳ. Матвѣева*, „Отвѣтственность должностныхъ лицъ и ея современная постановка во Франціи, *Вѣстникъ Права*, 1905 г., № 7.

разсмотрѣнія всегда можетъ быть предъявлено. Кромѣ того, по отношенію къ этимъ дѣламъ, преслѣдованіе противъ префектовъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ должностныхъ лицъ можетъ, на основаніи спеціальнаго закона 1810 года, быть возбуждено лишь прокуроромъ апелляціоннаго суда *).

4. Дѣла о проступкахъ (contraventions) должностныхъ лицъ возбуждаются и разсматриваются уголовнымъ судомъ на общемъ основаніи, безъ всякихъ изъятій. Но надо имѣть въ виду, что низшіе судьи (juges de paix), разсматривающіе такія дѣла, во Франціи не выбираются, а назначаются и не пользуются несмѣняемостью.

Въ дѣлѣ преслѣдованія должностныхъ лицъ *Франція*, такимъ образомъ, давно оставила за собою первую стадію, стадію грубаго, основаннаго на силѣ, вырыванія преступнаго чиновника изъ рукъ правосудія. Покончила она и съ административной гарантіей, составляющей вторую стадію, стадію основаннаго на законѣ правительственнаго укрывательства должностныхъ преступленій. Но старыя тенденціи сильны во Франціи; система административной преюдиціальности и требованіе участія прокуратуры все еще существенно затрудняютъ возможность добиться того, чтобъ должностное лицо было по приговору независимаго уголовнаго суда наказано за совершонное имъ служебное преступленіе.

Система административной преюдиціальности сохранилась, въ смягченномъ и улучшенномъ видѣ, и въ нѣкоторыхъ *нѣмецкихъ государствахъ*.

Наканунѣ установленія общегерманскихъ процессуальныхъ законовъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ существовала и занесенная изъ Франціи административная гарантія и система административной преюдиціальности. Пруссія занимала среднее мѣсто: административная власть могла лишь потребовать преюдиціальнаго разсмотрѣнія правильности дѣйствій должностного лица, но порядокъ этого разсмотрѣнія существенно сближалъ прусскую систему съ институтомъ административной гарантіи. Административный судъ (онъ состоялъ изъ чиновниковъ, не пользовавшихся, какъ и во Франціи, несмѣняемостью)—при преюдиціальномъ разбирательствѣ могъ руководствоваться не только соображеніями юридическими, но и соображеніями цѣлесообразности; онъ высказывался не о законности дѣйствій должностного лица, а вообще объ умѣстности возбужденія преслѣдованія.

---

*) Loi du 20 avril 1810, art. 10: „Lorsque de grands officiers de la Légion d'honneur, des généraux commandant une division ou un département, des archevêques, des évêques, des présidents de consistoires, des membres de la cour de cassation, de la [illegible] des comptes et des cours impériales, et des préfets, seront prévenus de délits de [illegible]ce correctionelle, les cours impériales en connaîtront de la manière prescrite par [illegible]. 479 du Code d'instruction criminelle".

Art. 479 C. instr. crim.: „Lorsqu'un juge de paix, un membre de tribunal correctionnel ou de première instance, ou un officier chargé du ministère public près l'un de tribunaux, sera prévenu d'avoir commis, hors de ses fonctions, un délit emportant peine correctionnelle, le procureur général près la cour d'appel le fera citer de[illegible]vant cette cour, qui prononcera sans qu'il puisse y avoir appel".

Германскій рейхстагъ *) въ 1876 г., при обсужденіи законопроектовъ объ имперскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, рѣшилъ покончить со всѣми существовавшими въ отдѣльныхъ государствахъ препятствіями и преградами къ преслѣдованію должностныхъ лицъ, въ чемъ бы препятствія и преграды эти ни заключались. «Требованіе, выставленное коммиссіей рейхстага, формулировалъ депутатъ Гнейстъ (извѣстный государствовѣдъ), крайне просто: въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ нормальные суды должны функціонировать и противъ чиновниковъ; чиновники не должны быть изъяты изъ-подъ власти закона». Предложеніе коммиссіи было во второмъ чтеніи принято парламентомъ почти единогласно. Но между вторымъ и третьимъ чтеніемъ Бисмаркъ послалъ президенту рейхстага отъ имени союзнаго совѣта заявленіе о томъ, что новые германскіе судебные уставы не будутъ утверждены, если рейхстагъ будетъ настаивать на сохраненіи нѣкоторыхъ своихъ постановленій. Въ числѣ ихъ былъ указанъ параграфъ, касающійся порядка преслѣдованія должностныхъ лицъ. Парламентское большинство пошло на компромиссъ, и въ законъ вошло слѣдующее опредѣленіе (Einführungsgesetz zum Gerichtsverfassungsgesetz, 27 января 1877 г., § 11):

«Мѣстные законы, устанавливающіе особыя условія для уголовнаго или гражданскаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за дѣянія, совершонныя ими при исполненіи или по поводу исполненія служебныхъ обязанностей,— отмѣняются.

«Остаются въ силѣ тѣ предписанія мѣстныхъ законовъ, согласно которымъ преслѣдованіе должностныхъ лицъ ставится—въ случаѣ если того потребуетъ ихъ начальство или же безусловно—въ зависимость отъ предварительнаго разсмотрѣнія особаго органа, съ тѣмъ, чтобъ соблюдались слѣдующія правила:

«1. предварительное разсмотрѣніе ограничивается установленіемъ того, было ли со стороны должностного лица допущено превышеніе или бездѣйствіе власти;

2) предварительное разсмотрѣніе ввѣряется высшему административному суду—въ тѣхъ государствахъ, гдѣ таковой существуетъ, а для остальныхъ— высшему имперскому суду».

Этимъ предписаніемъ закона создано такое положеніе:

Въ виду того, что имперское законодательство само не устанавливаетъ никакихъ особыхъ условій для преслѣдованія должностныхъ лицъ, имперскіе чиновники подлежатъ суду на общемъ основаніи. Что же касается чиновниковъ отдѣльныхъ государствъ, то разрѣшенія на преслѣдованіе ихъ и по мѣстнымъ законамъ нигдѣ не требуется, ибо такое требованіе противорѣчило бы имперскому закону. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Германі сохранилась допущенная имперскимъ закономъ система административно

*) Ср. *Hahn*: „Die gesammten Materialien zu dem Gerichtsverfassungsgesetz 2 изд., 1883, II, стр. 1453 сл., 1484 сл., 1496, 1535 сл., 1543 сл., 1622 сл.

преюдиціальности. Но она почти утратила черты, сближавшія ее съ административной гарантіей. Предварительному разсмотрѣнію подлежитъ исключительно вопросъ о правомѣрности дѣйствій должностного лица. Органами предварительнаго административнаго разсмотрѣнія являются: для Эльзаса-Лотарингіи и для Мекленбурга—высшій имперскій судъ; для Пруссіи и великихъ герцогствъ гессенскаго и баденскаго—мѣстный высшій административный судъ. Въ Пруссіи онъ состоитъ наполовину изъ членовъ, имѣющихъ право на занятіе судейскихъ должностей, наполовину изъ членовъ, имѣющихъ право на занятіе административныхъ должностей; всѣ члены несмѣняемы и не подлежатъ общему дисциплинарному производству. Однородную организацію имѣютъ высшіе административные суды и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Разбирательство происходитъ публично въ присутствіи сторонъ. Въ Баваріи, Вюртембергѣ, Саксоніи и большинствѣ мелкихъ германскихъ государствъ для уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ не существуетъ никакихъ изъятій изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства *).

Въ остальной Европѣ безусловно преобладаетъ система полнаго уравненія порядка преслѣдованія должностныхъ лицъ съ общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства.

Административная гарантія сохранилась въ полномъ объемѣ, кромѣ Россіи, лишь въ *Испаніи*. Но затѣмъ въ *Италіи*—гдѣ съ 1865 года должностныя лица преслѣдуются, по общему правилу, въ общемъ порядкѣ—префекты, ихъ помощники, мэры и ихъ замѣстители могутъ подвергнуться уголовному преслѣдованію и преданію суду за преступленія по должности не иначе, какъ съ разрѣшенія короля, который постановляетъ свое рѣшеніе по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта **).

Въ *Бельгіи* административная гарантія, перенесенная изъ Франціи, устранена конституціей 1831 г. Нынѣ Бельгія не знаетъ никакихъ изъятій и отступленій отъ общаго порядка; преслѣдованіе за преступленія по службѣ возбуждается на общемъ основаніи, и уголовный судъ разрѣшаетъ безъ посторонняго вмѣшательства также вопросъ о закономѣрности дѣйствій обвиняемаго должностного лица ***). Эта же система дѣйствуетъ нынѣ и въ *Нидерландахъ*. Въ *Люксембургѣ* съ 1848 года также не существуетъ

---

*) Reichsbeamtengesetz v. 31 März 1873 Art. 13. Gesetz betreffend die Verfassung der Verwaltungsgerichte und das Verwaltungsstreitverfahren v. 3 Juli 1875—2 August 1880. *Nadbyl*: „Konflikt" u *Bornhak*: „Rechtsweg", въ Stengels „Wörterbuch des deutschen V—waltungsrechts", 1889—1890. *Lippmann*: „Die Vorentscheidung bezüglich der Ver-ung öffentlicher Beamter", въ „Annalen des Deutschen Reichs" за 1885 годъ.

*) *Laferrière*, I, стр. 36 и 83. *Brusa*: „Das Staatsrecht des Königreichs Italien", ., стр. 69, 72, 281—282.

**) Const. de 1831, Art. 24: „Nulle autorisation préalable n'est nécessaire pour exer-des poursuites contre les fonctionnaires publics pour faits de leur administration, ce qui est statué à l'égard des ministres".

rt. 107: „Les cours et tribunaux n'appliqueront les arrêtés et règlements géné-provinciaux et locaux qu'autant qu'ils seront conformes aux lois".

болѣе никакихъ спеціальныхъ преградъ и препятствій для преслѣдованія должностныхъ лицъ *).

Въ *Австріи* преслѣдованіе должностныхъ лицъ производится также всецѣло на общемъ основаніи.

Въ *Швеціи* право преслѣдованія должностныхъ лицъ принадлежитъ лишь органамъ публичнаго обвиненія; но въ случаѣ бездѣйствія ихъ потерпѣвшій можетъ жаловаться не только королю и королевскому канцлеру, но и особому уполномоченному парламента, спеціально имъ для того избираемому, который имѣетъ право и обязанность возбуждать преслѣдованіе по всѣмъ должностнымъ преступленіямъ. Въ *Норвегіи* право частныхъ лицъ привлекать должностныхъ лицъ къ уголовной отвѣтственности со времени конституціи 1814 г. ничѣмъ не стѣснено **). Такъ же и въ *Даніи*, гдѣ кромѣ того по отношенію къ полицейскимъ чинамъ существуетъ особая privilegia odiosa: противъ нихъ обязательно возбуждается публичное преслѣдованіе, если того требуетъ частное лицо, считающее себя потерпѣвшимъ ***).

III.

Административная гарантія по самому существу своему заключаетъ въ себѣ отказъ въ правосудіи противъ должностныхъ лицъ. Система административной преюдиціальности, напротивъ того, представляетъ собою лишь форму, въ которую можетъ быть вложено содержаніе весьма разнообразнаго качества. «Административно-правовой вопросъ о законности дѣйствій администраціи подлежитъ разсмотрѣнію административнаго суда»—такова сущность системы административной преюдиціальности. Для оцѣнки системы главное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, гарантируетъ ли она, поскольку это возможно, безпристрастное и вдумчивое разсмотрѣніе уголовнаго дѣла о должностномъ преступленіи во всемъ его объемѣ. И если намъ говорятъ, что часть работы, необходимой для постановки уголовнаго приговора, выполняетъ не уголовный судъ, а кто-то другой, то мы еще не можемъ судить о томъ, какъ такая передача части работы въ другія руки отразится на качествѣ всей работы. Мы должны для этого прежде всего знать, кто этотъ «другой», которому ввѣряется исполненіе части судейской работы. Поскольку административный судъ обладаетъ меньшей степенью безпристрастія, чѣмъ судъ уголовный, поскольку онъ болѣе доступенъ правительственному вліянію и болѣе проникнутъ односторонними административными симпатіями,—постольку передача такого административному суду на предварительное разсмотрѣніе вопроса о з

*) *Eyschen:* „Das Staatsrecht des Grossherzogtums Luxemburg", 1890, стр. 140, 207

**) *Aschehoug:* „Das Staatsrecht der vereinigten Königreiches Schweden und Norwegen", 1886, стр. 107, 110—111, 195.

***) *Goos und Kausen:* „Das Staatsrecht des Königreichs Dänemark", 1889 стр. 89.

конности дѣйствій должностного лица заключаетъ въ себѣ, по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, замаскированную и болѣе или менѣе смягченную административную гарантію. И чѣмъ менѣе независимъ, самостоятеленъ и безпристрастенъ административный судъ, тѣмъ болѣе система административной преюдиціальности приближается къ системѣ, не допускающей преслѣдованія должностныхъ лицъ безъ особаго на то разрѣшенія со стороны административныхъ органовъ.

На практикѣ система административной преюдиціальности направлена къ огражденію чиновника и затрудняетъ, въ большей или меньшей степени, предъявленіе обвиненій какъ неосновательныхъ, такъ и основательныхъ. Теоретически, однако, система эта могла бы быть вполнѣ освобождена отъ такого «охранительнаго» привкуса. Нашему разсмотрѣнію подлежалъ бы тогда единственно вопросъ о томъ, гдѣ практически цѣлесообразно провести границу между компетенціей двухъ разнородныхъ, но равноцѣнныхъ судовъ. Но и въ этихъ условіяхъ обязательное преюдиціальное административное разсмотрѣніе должно быть признано нежелательнымъ.

Въ пользу системы административной преюдиціальности приводятъ то соображеніе, что она ввѣряетъ разсмотрѣніе предварительнаго вопроса суду, особенно компетентному въ административныхъ дѣлахъ. Но насколько мало убѣдителенъ этотъ доводъ, видно уже изъ того, что точь въ точь тѣ же административные вопросы, какіе возникаютъ при обвиненіи въ служебномъ преступленіи, возбуждаются и при разсмотрѣніи другихъ уголовныхъ дѣлъ, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ даже рѣчи о передачѣ ихъ административному суду. Когда частное лицо, указывалъ въ германскомъ рейхстагѣ депутатъ Штрукманъ, обвиняется въ сопротивленіи власти и представляетъ въ свое оправданіе то возраженіе, что должностное лицо вышло за предѣлы компетенціи, а потому онъ, обвиняемый, имѣлъ право сопротивляться,—уголовный судъ самъ безпрепятственно разрѣшаетъ вопросъ о законности дѣйствій должностного лица. Логично ли лишать тотъ же судъ права разрѣшать тотъ же вопросъ только потому, что обвиняемымъ является должностное лицо *).

«Основанія полнаго выдѣленія нѣкоторыхъ вопросовъ гражданскаго права изъ вѣдомства уголовныхъ судовъ,—говоритъ проф. Фойницкій,—лежатъ въ томъ, что въ гражданской области есть событія, которыя удостовѣряются исключительно формальными актами; предоставить уголовному суду разрѣшеніе ихъ было бы равносильно колебанію правилъ гражданскаго законодательства о предустановленныхъ доказательствахъ, суду уголовному неизвѣстныхъ; отъ этого могли бы пострадать интересы тверсти гражданскихъ отношеній» **). Въ области государственнаго управле-

*) *Hahn*, II, стр. 1461. Тѣ же замѣчанія въ рѣчи депутата Клотца, тамъ же, стр. 1625.

**) *Фойницкій:* „Курсъ уголовнаго судопроизводства“, 2-е изданіе, 1899 г., II, 50.

нія нѣтъ такихъ специфическихъ пріемовъ для установленія фактовъ; нѣтъ поэтому и основаній для выдѣленія административно-правовыхъ вопросовъ изъ вѣдѣнія уголовнаго суда *).

Преюдиціальное административное разбирательство не только безполезно, оно,—крайне вредно. Оно усложняетъ веденіе дѣла и тѣмъ сильно замедляетъ и затрудняетъ уголовное преслѣдованіе за служебныя преступленія, въ особенности для частныхъ лицъ. Недостаточно, чтобъ преслѣдованіе должностныхъ лицъ было на бумагѣ допущено; необходимо, чтобъ оно было на дѣлѣ осуществимо. Эта фактическая осуществимость ставится подъ большимъ сомнѣніемъ, если въ условіяхъ, при которыхъ потерпѣвшій имѣлъ бы, по общему порядку, предположимъ, право непосредственно поддерживать обвиненіе передъ мѣстнымъ мировымъ судьею, его принуждаютъ предварительно добиваться рѣшенія другого трибунала, находящагося къ тому же въ отдаленномъ мѣстѣ. Крайнее усложненіе и замедленіе всей процедуры возбужденія и поддержанія обвиненія по должностнымъ преступленіямъ можетъ фактически привести почти къ той же чиновничьей безнаказанности, которую по самому существу своему призвана насаждать система такъ называемой административной гарантіи.

Разсмотрѣнная нами система административной преюдиціальности передаетъ, въ огражденіе интересовъ чиновника и въ ущербъ интересамъ правосудія, часть судейской работы изъ рукъ обычныхъ органовъ уголовнаго суда въ другія руки. Очевидно, однако, что затрудненіе преслѣдованія должностныхъ лицъ можетъ быть достигнуто не только особымъ препарированіемъ органовъ суда, но и передачей функцій обвиненія въ особо выбранныя, достаточно мягкія и послушныя руки. Система административной гарантіи соединяетъ оба эти момента, ввѣряя административнымъ органамъ не только преданіе суду должностныхъ лицъ, но и возбужденіе, и направленіе уголовнаго преслѣдованія. По дѣйствующему законодательству органы администраціи исполняютъ у насъ роль судей, органы администраціи же монополизируютъ права, присущія по общему правилу прокуратурѣ и частнымъ лицамъ.

Боязнь прокурорскаго вмѣшательства въ царство произвола и насилія опредѣлялась у насъ въ значительной мѣрѣ междувѣдомственными распрями и ссорами. При единствѣ же управленія, администрація не имѣетъ никакихъ основаній бояться прокуратуры, являющейся отпрыскомъ той же исполнительной власти, отъ нея зависимымъ, ей подчиненнымъ. Во Франціи, какъ мы видѣли, преслѣдованіе должностныхъ лицъ затрудняютъ

*) Надо имѣть въ виду, что даже по отношенію къ гражданско-правовымъ вопросамъ доктрина и законодательство все болѣе высказываются противъ обязательности преюдиціальнаго разбирательства. Германскій уставъ уголовнаго судопроизводства предоставляетъ уголовному суду право самостоятельно разрѣшить любой предварительный вопросъ; но уголовный судъ можетъ также отложить разсмотрѣніе дѣла до тѣхъ поръ, пока гражданскій судъ вынесетъ рѣшеніе по предварительному вопросу.

именно путемъ предоставленія права возбужденія уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ исключительно чинамъ прокуратуры. Эта система прокурорской монополіи лишаетъ частныхъ лицъ доступа къ органамъ суда, и ставитъ возбужденіе преслѣдованія въ зависимость отъ безконтрольнаго усмотрѣнія прокуратуры.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что элементъ прокурорской монополіи вообще присущъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, уголовному процессу континентальной Европы. Прокуратура является въ болѣе важныхъ дѣлахъ нормальнымъ органомъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія и единственнымъ органомъ обличенія обвиняемаго передъ судомъ. Это неизбѣжно ведетъ къ безнаказанности многихъ преступленій, которыя по закону влекутъ за собою наказаніе. Судъ можетъ и долженъ быть независимъ отъ правительства; если онъ не независимъ—онъ не удовлетворяетъ своему назначенію и требуетъ коренныхъ реформъ. Прокуратура по самому существу своему не можетъ быть независимой отъ правительства; въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, при совершеннѣйшемъ строѣ, она неизбѣжно должна находиться подъ правительственнымъ вліяніемъ. Смотря на вещи глазами правительства, прокуратура остается бездѣятельной, когда это отвѣчаетъ «видамъ правительства». Такое невмѣшательство проявляется, какъ указываетъ Гнейстъ *), кромѣ служебныхъ преступленій, особенно замѣтно въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: во-первыхъ, въ преступленіяхъ печати: «свои» газеты не преслѣдуются, что бы онѣ ни писали; во-вторыхъ, въ нарушеніяхъ правилъ о союзахъ и собраніяхъ: коль скоро они поддерживаютъ правительство, ихъ не трогаютъ, чтобы они ни вытворяли; въ-третьихъ, въ преступленіяхъ противъ избирательнаго права. Этотъ перечень,—замѣчаетъ Гнейстъ,—данъ опытомъ Германіи. «Но при внутренней борьбѣ правительственный характеръ обвиненія можетъ сказаться въ значительно большихъ размѣрахъ. Неугодная правительству партія можетъ оказаться лишенной правовой охраны противъ смутъ и безпорядковъ, противъ насилій, противъ любого уголовнаго преступленія». Мы лучше нѣмецкихъ читателей Гнейста поймемъ и оцѣнимъ эти слова.

Правда, вліяніе прокуратуры на возбужденіе преслѣдованія и поддержаніе обвиненія ослабляется правомъ потерпѣвшаго обращаться непосредственно или въ порядкѣ обжалованія къ органамъ судебной власти и правамъ гражданскаго истца поддерживать на судѣ свои требованія. Въ общемъ порядкѣ уголовнаго процесса и во Франціи, и у насъ—въ Германіи въ меньшей степени—потерпѣвшій имѣетъ доступъ къ суду. Но только терпѣвшій. Между тѣмъ, такое ограниченіе практически вредно и теоретически несостоятельно. Есть много преступленій, гдѣ потерпѣвшими являются всѣ и никто. Распространеніе черносотенныхъ воззваній къ убійствамъ и насиліямъ, общегосударственная организація погромовъ, по Гурко-Лидваля: кто здѣсь формально потерпѣвшій? Но и тамъ, гдѣ

*) *Gneist*: „Vier Fragen zur Deutschen Strafprozessordnung", 1874, стр. 24—28.

такой потерпѣвшій имѣется налицо,—можемъ ли мы утверждать, что онъ одинъ заинтересованъ въ томъ, чтобы преступленіе не осталось безнаказаннымъ? «Une injustice faite à un seul est une menace envers tous»,—говоритъ Монтескье. По отношенію къ должностнымъ преступленіямъ правильность этого замѣчанія особенно ощутительна. Обыватель не можетъ чувствовать себя спокойнымъ, когда по городу разгуливаютъ облеченные властью преступники.

Уголовный законъ служитъ не частнымъ, а публичнымъ интересамъ. Но на стражѣ ихъ должны стоять не одни лишь государственные чиновники, а всѣ граждане. Всѣмъ гражданамъ должно быть предоставлено право слѣдить за тѣмъ, чтобъ публичный интересъ не оказывался неохраненнымъ, чтобъ уголовный законъ не оставался на бумагѣ. Предоставленіе каждому совершеннолѣтнему правоспособному гражданину—cuivis ex populo—права возбуждать и поддерживать любое публичное обвиненіе—таково единственное практически-цѣлесообразное и принципіально-правильное рѣшеніе вопроса.

Actio popularis, народное обвиненіе—невзамѣнъ, конечно, государственнаго, а лишь въ дополненіе къ нему—было предметомъ обстоятельнаго обсужденія и оживленнаго обмѣна мнѣній при составленіи германскаго устава уголовнаго судопроизводства. Корифеи нѣмецкой юридической науки—Гнейстъ, Гольцендорфъ, Баръ, высказались за actio popularis *). Указывалось при этомъ и на тѣ мѣры, которыя могутъ предохранить отъ злоупотребленія ею. Таково, во-первыхъ, предварительное обезпеченіе обвинителемъ всѣхъ издержекъ производства, и, во-вторыхъ, требованіе, чтобы обвиненіе было формулировано и подписано членомъ присяжной адвокатуры. При этомъ было обращено вниманіе и на то, что опасность отъ вымогательства и шантажа отнюдь не возрастаетъ при допущеніи народнаго обвиненія; доносчику и нынѣ ничто не мѣшаетъ ловить рыбу въ мутной водѣ; положеніе его не улучшится, если ему предложатъ публично поддерживать заявленное имъ обвиненіе. Опасенія же, что правомъ народнаго обвиненія будутъ вообще злоупотреблять, ни на чемъ не основаны; люди весьма мало склонны вмѣшиваться въ дѣла, которыя не задѣваютъ ихъ непосредственно. Actio popularis всегда останется явленіемъ рѣдкимъ и исключительнымъ; но рѣдкое пользованіе правомъ народнаго обвиненія отнюдь не можетъ умалить его огромнаго значенія. Предохранительный клапанъ необходимъ, какъ бы мало пара ни проходило чрезъ него.

Право народнаго обвиненія лежитъ принципіально и нынѣ въ основѣ англійскаго уголовнаго процесса. Стифенъ такъ формулируетъ его: «Каждый имѣетъ право представить любому большому жюри биль, обвиняющій кого бы то ни было въ какомъ бы то ни было (публичномъ) преступленіи, не заявляя о томъ предварительно обвиняемому и не возбуждая никакого

*) *Gneist*, ук. соч. гл. I: Die Staatsanwaltschaft und die Privatanklage. *Holtzendorff*, въ Verhandlungen des XII deutschen Juristentages, 1874, I. *Bar*: Kritik der Prinzipien des Entwurfs einer Deutschen Strafprozessordnung, 1878, гл. I.

предварительнаго производства у судьи или коронера» *). Фактически и въ Англіи подавляющее большинство обвиненій возбуждается и поддерживается органами государственнаго или общиннаго обвиненія. Но когда они бездѣйствуютъ или чуть только англичанину кажется, что они бездѣйствуютъ, на сцену тотчасъ выступаетъ то, что судья лордъ Кэмбль назвалъ «великимъ конституціоннымъ правомъ англичанина собственной властью привести въ дѣйствіе уголовный законъ». Англичане, замѣчаетъ Франквиль, «чувствуютъ, что несправедливость, причиненная одному гражданину, затрагиваетъ всѣхъ остальныхъ; они понимаютъ, что, говоря словами аббата Галіани, свободны лишь тѣ люди, которые вмѣшиваются въ то, что ихъ лично не касается» **).

Общія правила судопроизводства примѣняются въ полной мѣрѣ къ преслѣдованію должностныхъ лицъ ***). Каждый англичанинъ имѣетъ право привлечь къ уголовной отвѣтственности любого человѣка, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ. Лордъ Сольсбери, будучи первымъ министромъ, долженъ былъ предстать предъ манчестерскимъ судомъ присяжныхъ. Въ 1889 г. произошелъ такой казусъ. Его королевское высочество, герцогъ Кэмбриджскій, двоюродный братъ королевы Викторіи и главнокомандующій всей британской арміей, толкнулъ поваго журналиста мистера Симса. Разгнѣванный мистеръ Симсъ привлекъ его къ суду. Но городской судья отказалъ ему въ вызовѣ герцога, въ виду отсутствія серьезныхъ основаній для жалобы на него. Тогда мистеръ Симсъ обратился къ верховному суду съ просьбой предписать судьѣ вызвать обвиняемаго и разсмотрѣть дѣло. Судъ удовлетворилъ эту просьбу; и, объявляя рѣшеніе, верховный судья Англіи заявилъ: «Чрезвычайно важно, чтобъ народъ видѣлъ и зналъ, что предъ лицомъ закона всѣ подданные ея величества, каково бы ни было ихъ званіе, безусловно равны, и что всѣ судьи, засѣдаютъ ли они въ высшихъ или въ низшихъ судахъ, не въ правѣ отказывать въ правосудіи и обязаны отправлять его безпристрастно» ****).

---

*) Stephen, Digest of the law of criminal procedure in indictable offences, 1883, ст. 191. Главный адвокатъ короны (Attorney General) имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ право прекратить возбужденное преслѣдованіе путемъ заявленія: Nolle prosequi. Во времена Карла II это право являлось средствомъ устранить примѣненіе карательнаго закона, но нынѣ оно служитъ совершенно инымъ цѣлямъ. Оно примѣняется 1) для того чтобъ дать обвинителю возможность допросить въ качествѣ свидѣтеля со стороны обвиненія одного изъ нѣсколькихъ лицъ, привлеченныхъ по одному и тому же дѣлу, 2) въ дѣлахъ о проступкахъ, когда по поводу того же дѣянія уже предъявленъ искъ въ гражданскомъ порядкѣ, 3) когда обвиненіе не подкрѣплено доказательствами и 4) когда преслѣдованіе, возбужденное частнымъ лицомъ, явно умѣстно и носитъ сутяжническій характеръ, напр., когда оно направлено противъ иностраннаго дипломатическаго агента. Nolle prosequi примѣняется крайне рѣдко. Encyclopaedia of the Laws of England, ed. Renton, IX, 1898, стр. 153).

**) Franqueville, Le système judiciaire de la Grande Bretagne, 1893, II, стр. 649.

***) Нѣкоторое отступленіе отъ общаго порядка судопроизводства представляетъ стимѣсячная давность преслѣдованія, установленная первоначально по отношенію отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ и распространенная закономъ 1893 года (Public horities protection act, 56—57 Vict., c. 61) на всѣхъ представителей власти.

****) *Franqueville*, I, стр. 62—63.

Принципъ равенства всѣхъ предъ закономъ проявляется не только въ подобныхъ фейерверкахъ, при свѣтѣ которыхъ въ сказочной красотѣ вырисовывается грандіозное зданіе англійской свободы; яркимъ и ровнымъ свѣтомъ освѣщаетъ этотъ принципъ и повседневную будничную жизнь страны. Въ истекшемъ году въ Société générale des prisons происходили весьма любопытныя пренія по вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Французская система подверглась безпощадной критикѣ; указывалось на огромное превосходство англійскихъ порядковъ. Но нашлись и защитники французской системы, повторявшіе обычныя въ такихъ случаяхъ разсужденія о томъ, что и въ Англіи преслѣдованіе чиновниковъ не такъ-то ужъ легко и т. д. Въ отвѣтъ на это академикъ Жоржъ Пико разсказалъ о случаѣ у одного изъ лондонскихъ городскихъ судей, очевидцемъ котораго онъ былъ. Полисмэнъ привелъ къ судьѣ человѣка, котораго онъ задержалъ за проступокъ, совершонный имъ на улицѣ; изъ препирательствъ между задержаннымъ, полисмэномъ и свидѣтелями ясно обнаружилось, что полисмэнъ грубо обошелся съ задержаннымъ. И вотъ произошло слѣдующее: судья приговорилъ полисмэна къ штрафу и возмѣщенію убытковъ. Французъ былъ изумленъ. Какой безпорядокъ! Какое нарушеніе всѣхъ основъ! Гдѣ принципъ раздѣленія властей? гдѣ охрана должностныхъ лицъ? Тогда судья обернулся къ иностранцу, котораго онъ любезно усадилъ рядомъ съ собою, и, видя его удивленіе, сказалъ: «Полисмэнъ пользуется въ Лондонѣ именно потому общимъ уваженіемъ, что всѣ знаютъ, что какъ только онъ, въ видѣ исключенія, позволитъ себѣ нѣчто подобное, онъ будетъ наказанъ по заслугамъ». На отвѣтственности должностного лица зиждется авторитетъ его *).

IV.

Послѣ небольшой экскурсіи въ царство свободы нелегко окунуться въ душную атмосферу административнаго произвола и заняться разсмотрѣніемъ бюрократическаго творчества, направленнаго къ огражденію этого произвола.

Порядокъ преслѣдованія должностныхъ лицъ рѣзко дисгармонировалъ съ первоначальнымъ обликомъ судебныхъ уставовъ. Именно поэтому печальной памяти муравьевская коммиссія, проектируя коренную ломку уставовъ, бережно охраняла созданный ими порядокъ преслѣдованія должностныхъ лицъ. Не станемъ останавливаться на трудахъ этой коммиссіи. По содержанію они лишены всякой цѣнности: Н. И. Лазаревскій въ своемъ изслѣдованіи объ отвѣтственности за убытки, причиняемые должностными лицами, указалъ на чрезвычайную недоброкачественность ссылокъ на западно-европейское законодательство, содержащихся въ объяснительной запискѣ 1900 года, и выяснилъ всю несостоятельность ея аргументаціи. О

*) *Revue pénitentiaire*, 1906, стр. 681—682.

практическомъ же значеніи проектовъ муравьевской комиссіи ужъ давно не можетъ быть болѣе рѣчи. Не будемъ тревожить ихъ мертвый покой.

Въ началѣ минувшаго года, ведя борьбу съ идеей бойкота Думы, правительство сочло нужнымъ облечь ее въ форму огражденія свободы выборовъ. Но, защищая права гражданъ, очевидно необходимо было разстаться съ административной гарантіей. Ст. 11 закона 8 марта 1906 г. объ огражденіи свободы и правильности выборовъ гласитъ: «Дѣла о предусмотрѣнныхъ настоящимъ указомъ преступныхъ дѣяніяхъ, учиненныхъ служащими, возбуждаются въ общемъ порядкѣ судопроизводства, съ преданіемъ виновныхъ суду безъ участія ихъ начальства».

Но одна ласточка еще не дѣлаетъ весны. Проектъ, внесенный министерствомъ въ Государственную Думу, не идетъ по пути, указанному закономъ 8 марта.

Краткая объяснительная записка къ законопроекту начинается весьма велерѣчиво и широковѣщательно. «Условія современной чрезвычайно осложнившейся государственной жизни,—читаемъ мы здѣсь,—выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о правильной постановкѣ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ. Можно безошибочно утверждать, что всякое служебное преступленіе, помимо своихъ ближайшихъ, вполнѣ осязаемыхъ послѣдствій, производитъ въ общемъ крайне разрушительное дѣйствіе въ области государственнаго управленія... Колебля авторитетъ власти въ общественномъ мнѣніи, преступленія по службѣ содѣйствуютъ образованію въ народѣ убѣжденія, что законъ и законность вовсе не такія положенія, нарушеніе которыхъ обязательно влечетъ отвѣтственность; если сама власть, нарушая законъ и свой долгъ, остается безнаказанною, то, значитъ, законъ и долгъ не суть непререкаемыя требованія. Самый порядокъ уголовной отвѣтственности служащихъ за преступленія по должности, въ виду отмѣченныхъ особыхъ свойствъ и значенія этихъ преступленій, долженъ, по возможности, приближаться къ общему порядку уголовнаго преслѣдованія, ибо въ быстрой и справедливой ихъ репрессіи заинтересованы не только частныя лица, потерпѣвшія отъ преступленія по службѣ, но и государство и само общество».

Parturient montes-nascetur ridiculus mus. Гора родила мышь. Общему порядку проектируется подчинить преслѣдованіе писарей, курьеровъ и сторожей. По отношенію къ остальнымъ должностнымъ лицамъ обыватель остается безправнымъ, какъ и нынѣ.

Дѣйствующій нынѣ законъ послѣдовательно проводитъ, для всѣхъ ступеней служебной лѣстницы, одинъ принципъ административной гарантіи. Проектъ не отличается такимъ единствомъ основного принципа; это какой-то винегретъ изъ всѣхъ возможныхъ и совершенно невозможныхъ системъ.

Система уравненія съ общимъ порядкомъ преслѣдованія представлена проектѣ, какъ уже указано, весьма слабо. Она примѣняется только къ ѣлярскимъ служителямъ, къ лицамъ, занимающимъ низшія служительскія должности, и къ служащимъ по вольному найму (ст. 1066 проекта).

По отношенію къ лицамъ, занимающимъ должности не выше пятаго класса, и къ нижнимъ полицейскимъ чинамъ проектируется система административной преюдиціальности съ примѣсью элементовъ административной гарантіи въ связи съ системой прокурорской монополіи. Права прокурорскаго надзора по отношенію къ этой категоріи лицъ проектомъ несомнѣнно существенно расширяются по сравненію съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Получивъ свѣдѣнія о преступномъ дѣяніи по службѣ, прокуроръ въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ имѣетъ право непосредственно предложить о производствѣ предварительнаго слѣдствія. Но по общему правилу онъ предварительно обращается къ начальству должностного лица съ требованіемъ доставить необходимыя разъясненія о приписываемомъ этому должностному лицу преступленіи. Если въ семидневный срокъ такія разъясненія не будутъ получены или если обвиненіе ими не опровергнуто, прокуроръ предлагаетъ о производствѣ предварительнаго слѣдствія на общемъ основаніи (ст. 1087). О началѣ предварительнаго слѣдствія прокуроръ вновь увѣдомляетъ начальство служащаго. Если это начальство несогласно съ мнѣніемъ прокурора, то оно можетъ въ семидневный срокъ потребовать, чтобъ дѣло было представлено на разсмотрѣніе особаго присутствія окружнаго суда или судебной палаты, смотря по классу должности, занимаемой обвиняемымъ (ст. 1091 и 1098). Это присутствіе состоитъ изъ трехъ судей—членовъ суда или палаты и трехъ административныхъ чиновниковъ, въ число которыхъ обязательно входитъ начальникъ подсудимаго. Такимъ образомъ половина судей не пользуются несмѣняемостью и состоятъ въ рядахъ активной администраціи. Компетенція судебно-административнаго присутствія не ограничена преюдиціальнымъ разсмотрѣніемъ административно-правового вопроса о законномѣрности дѣйствій органа власти. Оно постановляетъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла или о прекращеніи его или о направленіи къ дослѣдованію (ст. 1101). Это не система административной преюдиціальности въ ея чистомъ видѣ, а нѣчто несравненно худшее. Постановленія судебно-административнаго присутствія могутъ быть обжалованы въ палату или въ соединенное присутствіе перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената (ст. 1106). Палата разсматриваетъ дѣло въ чистомъ судейскомъ составѣ—это свѣтлая точка на темномъ фонѣ проекта. Но и она омрачается тѣмъ, что засѣданія палаты, какъ и судебно-административнаго присутствія, происходятъ не публично, въ отсутствіи сторонъ (ст. 1100 и 1106). Преданіе суду происходитъ въ общемъ порядкѣ.

Несомнѣнно, что по проекту прокуроръ могъ бы во многихъ случаяхъ гдѣ это нынѣ невозможно, добиться, противъ воли начальства, суда надъ преступнымъ чиновникомъ. Но частныя лица и по проекту не смогутъ достигнуть этого безъ содѣйствія прокуратуры. Правда, проектъ предоставляетъ потерпѣвшему, наравнѣ съ прокуроромъ, право обжалованія опредѣленій судебно-административнаго присутствія въ палату или сенат

(ст. 1105). Но для этого, очевидно, необходимо, чтобъ дѣло вообще дошло до особаго присутствія, т.-е. чтобъ между прокуратурой и начальствомъ возникло разномысліе. Если же они, въ трогательномъ единодушіи рѣшатъ, что дѣло надо замять, то потерпѣвшему закрытъ доступъ въ судъ. Ибо, въ отличіе отъ ст. 297 уст. уг. суд., по проекту «предварительныя слѣдствія возбуждаются предложеніями прокурора, состоящаго при томъ судѣ, которому обвиняемый подсуденъ» (ст. 1112).

Право возбужденія преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшей властью на должности не выше четвертаго класса, и право преданія ихъ суду проектъ попрежнему сохраняетъ за первымъ департаментомъ сената (ст. 1086) *). «Подчиненіе указанныхъ дѣлъ правительствующему сенату,—читаемъ мы по этому вопросу въ объяснительной запискѣ,—не будетъ ни въ какой мѣрѣ стоять въ противорѣчіи съ проектируемой нынѣ отмѣной административной гарантіи должностныхъ лицъ, такъ какъ предварительное разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности должностного лица въ высшемъ государственномъ учрежденіи, въ которомъ сосредоточивается «повсемѣстное наблюденіе за правосудіемъ», а также «общій высшій надзоръ за дѣйствіями разныхъ мѣстъ и управленій и происходящія отъ сего мѣры взысканія», не можетъ быть приравнено къ существующему нынѣ исключительному праву начальства обвиняемаго должностнаго лица на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія». Разсужденія эти звучатъ жестокой насмѣшкой не только надъ русскимъ обывателемъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ на собственной шкурѣ хорошо извѣдалъ всѣ прелести «административной юстиціи», творимой первымъ департаментомъ; они звучатъ насмѣшкой и надъ наукой, которая привыкла оцѣнивать пригодность того или другого учрежденія для отправленія судейскихъ функцій не на основаніи болѣе или менѣе безсодержательныхъ фразъ, хотя бы онѣ заключались и въ законѣ, а сообразно тому, насколько данный органъ по составу своему отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ и должны быть предъявлены къ представителямъ судебной власти. Сенаторы перваго департамента не пользуются несмѣняемостью. По своему образованію они часто—не юристы. По своей прежней службѣ они, призванные разсматривать жалобы на губернаторовъ и директоровъ департаментовъ, сами наполовину бывшіе губернаторы и директора департамента полиціи. Первый департаментъ — органъ административный, совершенно непригодный для отправленія судейскихъ функцій. Ввѣряя ему возбужденіе преслѣдованія и преданіе суду нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, проектъ сохраняетъ по ношенію къ нимъ административную гарантію, и никакая фразеологія ясни тельной записки не можетъ устранить этого факта.

По отношенію къ чиновникамъ первыхъ трехъ классовъ проектъ открыто

*) Единственная проектируемая здѣсь реформа заключается въ устраненіи необходимости Высочайшаго разрѣшенія на преданіе суду губернаторовъ.

О Кнутѣ Гамсунѣ.

Современный читатель нерѣдко испытываетъ странное чувство сожалѣнія, что все истинно великое въ литературѣ уже не разъ прочитано, извѣдано, знакомо; звѣзды первой величины зажигаютъ свѣтъ свой на горизонтѣ литературы не часто, появленіе ихъ—событіе, а читатель живетъ изо дня въ день, довольствуясь въ быту своемъ литературной повседневностью, свѣтомъ меркнущимъ, колеблющимся отъ второстепенныхъ, третьестепенныхъ свѣтоисточниковъ. Русскому читателю минутами грустно отъ того, что великія произведенія Толстого и Достоевскаго *уже* давно и много разъ прочитаны, что онъ слишкомъ знаетъ Тургенева, Гоголя, Пушкина. Для такого русскаго читателя, часто не знающаго языковъ, съ новѣйшей иностранной литературой знакомаго изъ пятаго въ десятое, появленіе такихъ переводовъ, какъ собраніе сочиненій Кнута Гамсуна—цѣлое откровеніе, праздникъ души, тоскующей по великому-неизвѣданному, жаждущей свѣта подлиннаго творчества первозданной силы.

Странное чувство испытывается въ отдаленіи отъ подлиннаго величія жизни. Въ восьмидесятые годы и въ началѣ девяностыхъ годовъ русскій человѣкъ, волею судебъ живущій въ какой-то исторической впадинѣ, представлялъ себѣ огромность былого въ исторіи, какъ чужое, невиданное, почти не реальное, не ощутимое въ живомъ чувствѣ. «Все это было, но было какъ будто во снѣ». Изъ исторіи, изъ мемуаровъ, разсказовъ, воспоминаній онъ зналъ, конечно, что была какая-то огромность въ жизни, было и бываетъ подлинно большое, великое въ ней, но временами какъ бы терялась вѣра въ эту быль, какъ будто ея и не было никогда; реальность ея разумомъ, конечно, никоимъ образомъ не могла быть заподозрѣна, ну а чувство, сложное живое чувство часто капризничало. Есть мимолетно-странное ощущеніе, доступное людямъ медвѣжьихъ угловъ, не видавшихъ никогда, напримѣръ, Петербурга, Парижа, Америки, Монблана или Везувія,—мгновенное подозрѣніе, такъ въ капризномъ моментѣ чувства, и дозрѣніе, что и нѣтъ никакого Петербурга, никакого Парижа, Монблана или Везувія,—все, что извѣстно о нихъ, вдругъ обращается въ какую-то всеобщую сказку, ненужную, чуждую, мертвую.

Отдаленная дѣйствительность, далекая быль въ минуты уединенно

оставленности, опустѣлости жизни—кажется безжизненнымъ вымысломъ, не правдашней правдой, миѳомъ, сказкой, сномъ. Хоть и знаешь, что есть и было, но не ощущаешь. Какъ чрезмѣрность исторіи мертвитъ, убиваетъ жизнь, такъ, съ другой стороны, и мертвенная пустота и завороженная неподвижность жизни мертвитъ исторію, обезсиливаетъ, обезцвѣчиваетъ ее въ чувствѣ жизни, исторія нѣмѣетъ въ жизнеощущеніи. Только тогда, когда исторія сливается съ *нашей* жизнью, мы видимъ ее лицомъ къ лицу, не заподозривая ея подлинности. Теперь, въ переживаемое нами время—былые капризы чувствъ—кажутся непростительнымъ невѣріемъ, страшнымъ оптическимъ обманомъ...

Зато другое далекое—безжизненно, чуждо и мертво.

И многое ужъ невозможно нынѣ:
Цари на небо больше не глядятъ,
И пастыри не слушаютъ въ пустынѣ,
Какъ ангелы про Бога говорятъ...

Искусство тоже воистину ощутимо только въ живомъ дыханіи его величія, только тогда слово это произносится вживь, взаправду. Читая Гамсуна, читатель вновь понимаетъ реальность искусства, чувствуетъ, что жива его великая душа, подлинная въ подлинной огромности.

Въ Кнутѣ Гамсунѣ зажглась новая сѣверная звѣзда, свѣтъ ея достигаетъ теперь русскаго читателя, сочиненія Гамсуна выходятъ въ русскомъ переводѣ сразу въ двухъ изданіяхъ *). Эта новая звѣзда сіяетъ въ великомъ созвѣздіи сѣверной, норвежской литературы, которое стало извѣстнымъ міру въ сіяніи его звѣздъ первой величины: Бьернсона и Ибсена. И вотъ новый сѣверный богатырь вырисовывается намъ въ сіяніи горныхъ снѣговъ, дитя величественно-мрачныхъ, скандинавскихъ стихій, прозрачныхъ, то спокойно-спящихъ, то падающихъ водъ, скалистыхъ глыбъ, угрюмыхъ гранитныхъ утесовъ и ласково зеленѣющихъ лѣсовъ, обвѣянный задумчивой тишиной сонныхъ фіордовъ, съ душою влажною и чаще облачной, какъ и самая природа страны, съ рѣчью цѣломудренно простой, какъ бы связанною какою-то проникновенно-вѣщею дремотою, или можно бы сказать, молчаливой рѣчью, словно вырубленной изъ камня, живою и выразительною, какъ рѣзьба безчисленныхъ скалистыхъ шхеръ норвежскихъ береговъ.

Норвегія и природа Скандинавіи живетъ въ душѣ Гамсуна, національная стихія сильна и дѣйственна въ немъ, но въ творческомъ горѣніи своемъ онъ соприкасается вѣчности, роднится съ нею въ касаніи «мірамъ нымъ», «стихіи чуждой, запредѣльной».

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

*) Отдѣльными произведеніями уже давно выпускаются книгоиздательствомъ „Ориіонъ“, „Полнымъ собраніемъ сочиненій“ теперь выходятъ въ изданіи Саблина.

Кнутъ Гамсунъ смотрится въ зеркальную гладь спокойно спящихъ водъ жизни, проникаетъ черезъ боль и муку, черезъ тревогу исканій въ эту запредѣльную зовущую глубь ихъ, туда, гдѣ они всегда величаво-спокойны въ своей вѣчной подвижности, цѣломудренно чисты въ своей тайну хранящей мглистости, прозрачны и ясны въ своей бездонности, близки и родственны въ своей стихійной чуждости. Въ произведеніяхъ Гамсуна вѣетъ преображающее дыханіе истиннаго творчества, въ глубочайшихъ проникновеніяхъ его художественнаго созерцанія жизни какъ бы останавливается, застывая въ таинственно-темнѣющихъ бездонныхъ глубинахъ своихъ.

Въ лучшемъ, самомъ цѣльномъ и мощномъ произведеніи Кнута Гамсуна, въ своеобразномъ романѣ «Панъ», лирика космоса сливается съ субъективной лирикой одинокой души въ волшебной музыкѣ пантеистическихъ настроеній, «въ чарующихъ пѣсняхъ про древній хаосъ, про родимый». Лейтенантъ Томасъ Гланъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ живетъ въ сѣверной Норвегіи, въ маленькой хижинѣ, за хижиной огромный лѣсъ, съ нимъ его Эзопъ, вѣрная собака, онъ одинъ, самъ съ собой, съ сѣверной природой, слушаетъ голоса ея жизни, смутный шопотъ ея стихій. Лейтенантъ Гланъ и самъ весь во власти этихъ стихій, или вѣрнѣе, на вольной волѣ ихъ. Съ звѣринымъ взглядомъ, съ душою, послушной прихотямъ природы, нервно вздрагивающей отъ малѣйшихъ прикосновеній ея, отъ самыхъ тончайшихъ движеній ея, онъ—самъ природа, и около нея кажется какимъ-то красиво уродливымъ сколкомъ съ громадной каменной глыбы или, быть можетъ, снѣжнымъ изваяніемъ, слѣпкомъ съ огромной снѣжной горы. Лицо его—лицо стихій, смутное, темное, всегда въ мглистомъ туманѣ, что-то скрывающее, таящее въ себѣ, и вмѣстѣ дѣтски-простое, понятное. Полудѣтская, полузвѣриная душа, какъ и лицо, чуждая мудрящей сознательности, выдуманности, непосредственная, всегда влажная отъ живого, животнаго тепла... Замѣчательно, что Гланъ, какъ и всѣ дѣйствующія въ произведеніяхъ Гамсуна лица,—говоритъ очень мало и какъ-то странно-задумчиво, словно въ разсѣянности, невнятно, но понятно, ну вотъ какъ играетъ истинный артистъ, чуть задѣвая клавиши, но производя именно тѣ, тонкіе, едва уловимые звуки, которые нужны, и кажется, что онъ создаетъ свои волшебныя сочетанія звуковъ просто изъ ничего—*такъ*. Въ этомъ *такъ*—страшная сила художественнаго цѣломудрія. Рѣчь льется словно нехотя, случайно, но течетъ въ пѣвучей плавности, гармонически сочетаясь съ внутренней музыкой настроеній, тоже плавныхъ, тоже пѣвучихъ, въ высокой степени музыкальныхъ. Часто кажется, что заговариваетъ все не о томъ, нескладно, безсвязно, но именно поэтическое впечатлѣніе, внутренняя гармонія рѣчи и создается этой видимою нескладностью и безсвязностью, капризы и прихоти заплетаются в тончайшіе узоры изящнаго, художественнаго рисунка, и оказывается, ч отсюда нельзя уже изъять ни одной изогнутой или прямой линіи, сотканной изъ словъ, простыхъ и сильныхъ.

Вообще у Гамсуна его дѣйствующія лица говорятъ, не какъ *можно*

говоритъ, а какъ *хочется сказать*, здѣсь не рѣчь, а внутренній смыслъ ея, музыка души. И самъ Гамсунъ пишетъ такъ, что не замѣчаешь его рѣчи, и кажется, что онъ безъ словъ говоритъ, потому что совершенно владѣетъ словомъ. Между движеніемъ души и выраженіемъ его въ словѣ всегда есть разстояніе времени и еще какое-то разстояніе иного измѣренія, дѣлающее словесное выраженіе, даже самое совершенное—не вполнѣ адэкватнымъ смыслу душевнаго переживанія. Вотъ отчего моменты своихъ самыхъ интимныхъ сложныхъ настроеній мы чаще всего не выливаемъ въ слова, а передаемъ, поскольку передаемъ, иначе, безъ словъ, быть можетъ, молчаливымъ взглядомъ, выраженіемъ лица... У Кнута Гамсуна разстояніе между словомъ и душою порою безконечно мало, и передаетъ онъ имъ порою ту неуловимо-движущуюся душевную глубь, которая обычно не выливается въ словѣ, вотъ отчего и кажется, что онъ пишетъ какъ бы безъ словъ, сильнѣе словъ, непосредственно обнимая самыя нѣдры душевныхъ переживаній, смѣняющихся настроеній. Бываютъ люди, всегда охваченные внутренней душевной работой, разсѣянные, словно они смотрятъ сквозь всего окружающаго ихъ, внѣшняя эмпирическая личность въ нихъ почти совершенно не ощущается. Бываютъ беллетристы-художники, у которыхъ почти незамѣтно, невидимо то, «*какъ*» они передаютъ свое внутреннее, открывается прямо «*что*». Здѣсь высшее развитіе «какъ», совершенство формы, когда она дѣлается нечувствительной, божественно-легкой и порою даже какъ бы забываешь—что читаешь ли романъ, видишь ли живопись, ваяніе, слышишь ли музыку. Гамсунъ пишетъ именно такъ. Онъ пишетъ, словно бредитъ, и втягиваетъ читателя въ этотъ свой творческій бредъ, художественно выразительный, поэтически красивый. Этотъ бредъ отъ великаго хмеля искусства, у Гамсуна онъ безъ болящихъ выкриковъ, безъ горячечной мятежности, тихій, задумчивый, дремотный и вѣщій, это—думы вслухъ, но думы не отравленныя ядомъ сознательной, слишкомъ сознательной напряженности, а вольныя думы, вольно рождающіяся изъ стихійной душевной глуби, бездумныя думы, но мудрыя, великій древній панъ нашептываетъ скандинавскому богатырю эти думы, и онъ чутко улавливаетъ и передаетъ ихъ тоже тихимъ шопотомъ, словно не выговаривая. Душа поэта сливается съ душою космоса, такою же живою, какъ и она. Все вокругъ оживлено, одухотворено, и во всемъ чувствуется одно.

«...Я знаю мѣста, по которымъ прохожу; деревья и камни стоятъ тамъ, какъ прежде въ своемъ одиночествѣ, листья шуршатъ у меня подъ ногами. Знакомый шелестъ и знакомыя деревья и камни очень много значатъ для меня, меня переполняетъ какое-то особенное чувство благодарности, *согласается со мной, я люблю все.* Я поднимаю сухую вѣтку и держу въ рукахъ и смотрю на нее, пока сижу и думаю о своихъ дѣлахъ; вѣтка почти сгнила, ея несчастная кора производитъ на меня впечатлѣніе, страданіе мелькаетъ въ моемъ сердцѣ. И когда я встаю и иду, я не бросаю вѣтки далеко отъ себя, а кладу ее на землю и стою, и думаю о ней;

наконецъ, смотрю на нее въ послѣдній разъ влажными глазами, прежде чѣмъ покинуть ее».

«Около моей хижины стоялъ камень, высокій сѣрый камень. *У него было выраженіе дружескаго расположенія ко мнѣ*; казалось, онъ смотрѣлъ на меня, когда я проходилъ мимо него, и узнавалъ меня. Я охотно направлялъ свой путь мимо этого камня, когда я утромъ выходилъ изъ дому, точно я оставлялъ тамъ добраго друга, который будетъ дожидаться моего возвращенія».

Пока Глапъ одинъ, наединѣ съ собой, съ душою земли, съ міровою душою, *«все соглашается съ нимъ, соединяется, онъ любитъ все»*. Если для героевъ Ибсена *быть самимъ собой*—призывъ, стремленіе, идеалъ, то для Гамсуна и его героевъ это безсознательная, живая данность, безумпая, безмысленная воля, просто фактъ. Панъ движется, дышитъ въ немъ, животворитъ, всегда присутствуетъ въ его крови, въ его душѣ. Здѣсь «я»—«все», «все»—«я».

«Все во мнѣ и я во всемъ».

И вотъ это мощно-влекущее обаяніе живой слiянности съ душою природы, пьянящее сознаніе, хмельная радость быть со всѣмъ, быть во всемъ, быть всѣмъ—охватываетъ лейтенанта Томаса Глана; одинъ съ природой тамъ, въ уединенномъ уголкѣ сѣверной Норвегіи, въ маленькой хижинѣ, среди лѣса, онъ царствуетъ душою, погруженною въ питательную влагу стихій, царствуетъ даже и въ «желѣзныя ночи». Вотъ что читаемъ въ «Панѣ» о настроеніи Глана въ эти извѣстныя «желѣзныя ночи» Норвегіи.

«Первая желѣзная ночь,—говорю я.—И безумная жгучая радость какъ-то странно потрясаетъ меня всего при мысли о времени и мѣстѣ...

«Вы, люди, звѣри и птицы, я пью съ вами за уединенную ночь въ лѣсу, въ лѣсу! Пью за мракъ и шопотъ бога среди деревьевъ; за нѣжное, простое благозвучіе, слышимое мной въ молчаніи; за зеленую листву и за желтую листву! Пью за звукъ жизни, который я слышу; за собаку, которая, съ фыркающей мордой въ травѣ, нюхаетъ землю! Съ бурною радостью пью за дикую кошку, которая вытянулась всѣмъ тѣломъ, высматриваетъ и готовится прыгнуть на воробья во мракѣ, во мракѣ! Пью за кроткую тишину въ земномъ царствѣ, за звѣзды и за полумѣсяцъ, да и за нихъ, и за него!...

«Я встаю и прислушиваюсь. Никто не слыхалъ меня. Я снова сажусь.

«Благодареніе за уединенную ночь, за горы, за мракъ и за шумъ моря, что шумитъ у меня въ сердцѣ! Благодареніе за жизнь, за дыханіе, за счастье жить ночью, я благодарю за это ото всего сердца! Послушай на востокъ и послушай на западъ, нѣтъ, послушай только! *Это вѣчный Богъ*. Эта тишина, что шепчетъ мнѣ на ухо,—кипучая кровь великой природы Богъ, пронизывающій міръ и меня. Я вижу блестящую нить паутины при свѣтѣ моего костра, я слышу плывущую по морю лодку, сѣверное сіяніе ползетъ вверхъ по небу на сѣверѣ. Клянусь своей безсмертною душой, какъ благодаренъ я и за то, что это я здѣсь сижу!...

«Тишина. Сосновая шишка глухо падаетъ на земь. Упала шишка!—думаю я.—Мѣсяцъ высоко, огонь мигаетъ на полусгорѣвшихъ полѣньяхъ и вотъ-вотъ погаснетъ»...

И еще:

«...Я ложусь поближе къ своему костру и разсматриваю пламя. Еловая шишка падаетъ съ вѣтки, вмѣстѣ съ ней падаетъ на землю одинъ-два сухихъ сучка. Глубокая ночь. Я закрываю глаза.

«Черезъ часъ мои чувства начинаютъ колебаться опредѣленнымъ ритмомъ, я образую одно созвучье съ великимъ безмолвіемъ, одно созвучіе. Я смотрю на полумѣсяцъ, онъ стоитъ на небѣ, словно какая бѣлая чешуя, и мнѣ кажется, что я его люблю; я чувствую, какъ я краснѣю. Вотъ онъ мѣсяцъ!—говорю я тихо и страстно,—вотъ онъ мѣсяцъ! И мое сердце бьется ему навстрѣчу въ сладостномъ трепетѣ. Это продолжается нѣсколько минутъ. Слабое дуновеніе; какой-то особенный вѣтеръ долетаетъ до меня, странное движеніе воздуха, что это такое? Я оглядываюсь кругомъ и никого не вижу. Вѣтеръ зоветъ меня, и моя душа покорно склоняется на зовъ, я чувствую себя выхваченнымъ изъ обыденной связи моихъ мыслей, прижатымъ къ чьей-то невидимой груди, мои глаза увлажняются, я дрожу,—Богъ стоитъ гдѣ-нибудь по близости и смотритъ на меня. Это продолжается опять нѣсколько минутъ. Я поворачиваю голову, странное движеніе воздуха прекращается, и я вижу что-то, какъ бы духа, обращеннаго ко мнѣ спиной, который беззвучно проходитъ черезъ лѣсъ...

«Нѣкоторое время я борюсь съ тяжелымъ оцѣпенѣніемъ, я совершенно обезсиленъ этимъ возбужденіемъ, смертельная усталость овладѣваетъ мной, и я засыпаю».

Эти желѣзныя ночи бываютъ въ Норвегіи послѣ сильныхъ жаровъ, онѣ губительны для всходовъ—но чарующую власть ихъ надъ собою испытываетъ чуткая поэтическая душа. Весною, которая въ Норвегіи быстролетна, вѣрнѣе раннимъ лѣтомъ бываютъ въ сѣверной Скандинавіи волшебныя, свѣтлыя ночи, солнце тогда совсѣмъ не заходитъ, ночью нѣтъ блеска его лучей, но луна и звѣзды также не свѣтятъ, царствуетъ блѣдный полусвѣтъ полуночнаго солнца. «Ночей больше не бывало, солнце окунало только въ море свой дискъ и вотъ опять всходило, красное, обновленное, какъ будто оно выпило вина во время своего пребыванія тамъ, внизу. Что за странности представлялись мнѣ по ночамъ; никто этому не повѣритъ. Что это Панъ сидѣлъ въ деревѣ и смотрѣлъ, что-то я стану дѣлать. И это его животъ былъ открытъ, и это онъ такъ скорчился, что залось, сидя, пилъ изъ своего собственнаго живота. Но все это онъ лалъ только для того, чтобы потихоньку смотрѣть на меня и не выскать меня изъ виду, и все дерево дрожало отъ его затаеннаго смѣха, да онъ замѣчалъ, что всѣ мои мысли бѣжали вмѣстѣ со мной. Вездѣ лѣсу было движеніе, животныя нюхали, птицы звали другъ друга, ихъ алы наполняли воздухъ. Появились майскіе жуки; ихъ жужжаніе пе-

ремѣшивалось съ порханіемъ ночныхъ бабочекъ; словно шопотъ возникалъ то тамъ, то здѣсь по всему лѣсу. Было что послушать! Я не спалъ три ночи, я думалъ о Дидерикѣ и Изелинѣ. Вотъ посмотри,—думалъ я,—они придутъ. И Изелина подманитъ Дидерика къ дереву и скажетъ: «Постой-ка здѣсь, Дидерикъ, да поглядывай, стереги Изелину; я попрошу этого охотника завязать мнѣ ремень у обуви».

И этотъ охотникъ—я, и она движеніемъ глазъ дастъ мнѣ понять это. И когда она подойдетъ, мое сердце пойметъ все, и оно перестанетъ биться, оно бурно забьетъ тревогу. А она—нагая съ головы до ногъ подъ своимъ покровомъ, и я касаюсь ее рукой.

«Завяжи мнѣ ремень!»—говоритъ она, и щеки у ней горятъ. И немного спустя она шепчетъ у самаго моего лица, у самыхъ губъ: «О, ты не завяжешь мнѣ ремня, мой милый, нѣтъ, ты не завяжешь... не завяжешь мнѣ»...

Но солнце окунаетъ свой дискъ въ море и вотъ снова восходитъ, красное, обновленное, какъ будто оно побывало тамъ внизу и выпило вина. А воздухъ наполненъ шопотомъ. Часъ спустя говоритъ она у самаго моего рта: «Теперь я должна покинуть тебя». И она киваетъ мнѣ, уходя, и ея лицо еще горитъ, ея лицо нѣжно и восторженно. И она снова оборачивается ко мнѣ и киваетъ. Но Дидерикъ отходитъ отъ дерева и говоритъ: «Изелина, что ты дѣлала? Я видѣлъ».

Она отвѣчаетъ: «Дидерикъ, что ты видѣлъ? Я ничего не дѣлала».

«Изелина, я видѣлъ, что ты дѣлала,—говоритъ онъ опять.—Я видѣлъ, Изелина».

Тутъ раздается по лѣсу ея громкій, веселый смѣхъ, и она идетъ съ Дидерикомъ дальше, ликующая и грѣшная съ головы до ногъ. А куда она идетъ? Къ ближайшему новому другу, въ лѣсъ, къ какому-нибудь охотнику.

Была полночь. Эзопъ отвязался и охотился самъ для себя, я слышалъ его лай въ горахъ, и когда, наконецъ, онъ вернулся обратно, былъ уже часъ. Показалась пастушка, она вязала чулокъ и напѣвала, и смотрѣла по сторонамъ. Но гдѣ же было ея стадо? И что это она шла по лѣсу въ полночный часъ? Просто такъ, просто такъ. Отъ безпокойства, можетъ, отъ радости, да. Я подумалъ: она слушала лай Эзопа и знала, что я въ лѣсу. Когда она подошла, я всталъ, стоялъ и смотрѣлъ на нее, какая она была тоненькая и молоденькая. Эзопъ также всталъ и смотрѣлъ на нее.

«Откуда ты идешь?»—спросилъ я ее.

«Съ мельницы»,—отвѣчала она.

Но что она могла дѣлать у мельницы такъ поздно ночью?

«Какъ это ты не боишься ходить по лѣсу такъ поздно ночью,—сказалъ я:—ты вѣдь такая слабенькая и молоденькая?»

Она засмѣялась и отвѣчала: «Я не такъ уже молода, мнѣ девятнадцать лѣтъ».

Но ей не могло быть девятнадцати лѣтъ, я увѣренъ въ томъ, что она

прилгала два года и ей было только семнадцать. Но зачѣмъ она такъ себя старила?

«Садись,—сказалъ я:—ты скажешь мнѣ, какъ тебя зовутъ».

И она сѣла, краснѣя, рядомъ со мной и сказала, что ее зовутъ Генріеттой.

Я спросилъ: «У тебя есть милый, Генріетта, и онъ обнималъ когда-нибудь тебя?»

«Да»,—отвѣчала она и засмѣялась, смущенная.

«Сколько уже разъ?»

Она молчитъ.

«Сколько разъ?»—переспрашиваю я.

«Два раза»,—потихоньку сказала она.

Я привлекъ ее къ себѣ и спросилъ: «Какъ онъ дѣлалъ это? такъ вотъ?»

«Да»,—прошептала она, вся дрожа.

И уже четыре часа».

Волшебный свѣтъ полуночнаго солнца, обаяніе свѣтлой ночи будитъ въ душѣ миѳъ, воскресаетъ легендарное сказаніе, и поэтическая греза сливается съ зовущей жизнью природы, оживаетъ въ ней, переходитъ въ правду, въ дѣйствительность, въ такую же сказочную быль, какъ она, и нельзя рѣшить, что чему даетъ жизнь, гдѣ подлинная реальность, все сливается въ прозрачномъ бѣломъ образѣ, какъ сама торжественно царствующая бѣлая ночь.

Гамсунъ чувствуетъ преображающее начало міровой жизни, плоть міра свѣтится и святится въ его творчески-озаренныхъ, пантеистическихъ настроеніяхъ, все обвѣяно божественнымъ бѣлымъ лучомъ и въ эѳирныхъ волнахъ его кажется загадочно страннымъ, волшебно прекраснымъ, все сіяетъ и чудятся великія возможности, дремлющія въ глубинахъ величественно спящей земли. Чувствуется, что живая эта земля и живъ ея Богъ въ человѣческой душѣ, слiянной съ космической душою, съ міровымъ хаосомъ въ какой-то послѣдней гармоніи. Простое, мелкое, незначительное въ своей отдѣльности, темное, эмпирически грубое, внѣшнее растворяется, таетъ и утопаетъ въ чемъ-то безконечно сложномъ, необъятно значительномъ, большомъ-большомъ, какъ міръ, глубокомъ, какъ море, какъ снѣгъ—чистомъ, какъ воздухъ, прозрачномъ и неудержимо влекущемъ, какъ зачарованныя золотыя дали. И кажется, вотъ-вотъ все вберетъ въ себя свѣтоносное, бѣлоснѣжное перистое облачко, кажется, вотъ-вотъ съ сказочной легкостью поднимется все и улетитъ, кружась въ небесной лазури, разбрасывая блестящую, золотистую пыль.

Все въ творчествѣ Гамсуна, въ образахъ и картинахъ, въ людяхъ и въ природѣ, проникнуто стыдливо-затаеннымъ, чутко насторожившимся ожиданіемъ чуда, тихою молитвою о немъ, о великомъ всеразрѣшающемъ дѣ; все насыщено ожиданіемъ этимъ, съ трепетомъ носитъ въ себѣ живую, изкую возможность его, все оживлено, одухотворено этой возможностью, дѣйственной въ скрытой глубокости своей.

Пока Глан одинъ съ собой—Панъ въ немъ, все соглашается съ нимъ, соединяется, онъ любитъ все, но вотъ онъ встрѣчается какъ-то, укрываясь отъ дождя, съ дѣвушкой; съ нею спутникъ, докторъ. Знакомятся, онъ знаетъ ее, эта дѣвушка—дочь владѣльца лавки г. Мака, тамъ лейтенантъ покупалъ для себя порохъ и хлѣбъ. Вотъ дѣвушка, Эдварда, съ докторомъ навѣщаетъ какъ-то страннаго охотника, отшельника, въ его одинокой хижинѣ въ лѣсу. Вошли, она сѣла на нарахъ, на одѣяло, докторъ—на скамьѣ, поболтали, ушли. Только и всего, но въ хижину Глана, въ душу его вносится какое-то смутное безпокойство, неясная тревога—уединенная тишь нарушена. «...Какъ трудно за что-нибудь приняться сегодня? Неподходящія мысли проносились у меня въ головѣ; мнѣ представилось, что я сдѣлалъ ошибку, позволивъ Эдвардѣ сидѣть все время на нарахъ, вмѣсто того чтобы предложить ей мѣсто на скамьѣ. Я увидалъ вдругъ передъ собой ея смуглое лицо и смуглую шею; она завязала передникъ немного ниже на животѣ, чтобы имѣть длинную талію, по модѣ; невинное дѣвическое выраженіе ея большого пальца дѣйствовало на меня болѣзненно, совершенно болѣзненно, и двѣ складки на сгибѣ руки такъ и дышали дружелюбіемъ. Ротъ у ней былъ большой, съ пылающими губами». Проводивъ гостей, Глан выходитъ опять, ему почему-то хочется догнать Эдварду; не находя предлога, онъ возвращается въ хижину. «Чье-то постороннее дыханіе повѣяло на меня при входѣ въ хижину, какъ будто я тамъ больше не былъ одинъ».

Романтическая сторона «Пана»—отношенія Глана и Эдварды, исторія ихъ любви. Любитъ ли она его? Да, она его очень любитъ сначала, но потомъ, словно потерявъ что-то, закрывается какою-то печальною дымкой, затуманивается своенравіемъ каприза, непослушной прихотью необъяснимо-измѣнчивыхъ настроеній. Глан любитъ ее, въ началѣ она—его, потомъ—не его, то близкая, то далекая, проясняется и тускнѣетъ, показывается и прячется, непонятная ему, непонятная себѣ, мучительная, тайная для него и для самой себя. Въ первыя минуты ихъ близости, когда она была съ нимъ, вотъ что сказала Эдварда. «Знаешь, что моя подруга говоритъ о тебѣ?—начала она.—У тебя звѣриный взглядъ, говоритъ она, и когда ты на нее смотришь, она совсѣмъ теряетъ разсудокъ. Такое ощущеніе, какъ будто ты прикасаешься къ ней, говоритъ она». Какая-то особенная радость промелькнула во мнѣ, когда я это услыхалъ, не за себя, а за Эдварду, и я подумалъ: до одной мнѣ только дѣло, что говоритъ эта одна о моемъ взглядѣ?»

Потомъ, когда даль выросла въ отношеніяхъ между ними, и Глан не знаетъ, какъ понять эту даль, докторъ говоритъ ему объ Эдвардѣ. «Вы думаете, это деревенская дѣвушка? Вы встрѣтились съ ней здѣсь на далекомъ сѣверѣ Норвегіи и сами видѣли, такъ ли это. Она ребенокъ, котораго не такъ давно еще пороли, и женщина съ безчисленными прихотями. Холодна? Не бойтесь этого. Пылкая натура? Ледъ, скажу я вамъ. Что же она тогда? Маленькая дѣвочка шестнадцати-семнадцати лѣтъ, и

правда ли? Но попытайтесь только повліять на эту маленькую дѣвочку, и она посмѣется надъ всѣми вашими усиліями. Самъ отецъ не можетъ сладить съ ней; она какъ будто повинуется ему, но въ дѣйствительности сама имъ помыкаетъ. Она говоритъ, что у васъ звѣриный взглядъ»... «...Когда вы смотрите на нее, производитъ это на нее такое и такое-то дѣйствіе, говоритъ она. Но вы думаете, станете вы отъ этого хоть на волосокъ ближе къ ней? Едва ли. Смотрите только на нее, не щадите своихъ глазъ; но стоитъ лишь ей замѣтить, что она для васъ не существуетъ, она скажетъ самой себѣ: вотъ тамъ стоитъ теперь этотъ человѣкъ, смотритъ на меня и думаетъ, что выигралъ игру! И однимъ взглядомъ или холоднымъ словомъ она удалитъ васъ на версту»... «...Нельзя сказать, чтобъ она была счастлива; въ ея маленькой головкѣ вѣчная борьба. Когда она стоитъ и смотритъ на горы и на море, и около ея рта образуются страдальческія складки, тогда она несчастна; но она слишкомъ горда и упряма, чтобы плакать. Она довольно-таки сумасбродна, у ней пылкая фантазія, она ждетъ принца».

«Нельзя всегда быть одинаковой,—говоритъ сама Эдварда Глану.— Помните, иные даютъ мало, и это много для нихъ, другіе отдаютъ все, и это не стоитъ имъ никакихъ усилій; такъ кто же далъ больше?»

Около Глана другая женщина, Ева, жена кузнеца; Гланъ долго считалъ ее дочерью кузнеца. Она любитъ Глана и вся принадлежитъ ему. Эта Ева погибла, пала жертвой сложныхъ отношеній Глана къ Эдвардѣ.

«Ева умерла. Ты помнишь ея маленькую дѣвичью головку съ волосами, какъ у монахини? Она появлялась такъ тихо, складывала на земь свою ношу и улыбалась. И ты видѣлъ, какъ эта улыбка кипѣла жизнью? Тише, Эзопъ, мнѣ припоминается странная сага, это было четыре человѣческихъ возраста тому назадъ, во времена Изелины, когда священнослужителемъ былъ Стамеръ.

Одна дѣвушка была заключена въ башню съ крѣпкими стѣнами. Она любила. Почему? Спроси у вѣтра и звѣздъ, спроси у Бога жизни; ибо никто другой не знаетъ про то. И онъ былъ ея другомъ и возлюбленнымъ; но время шло, и какъ-то разъ онъ увидалъ другую, и его чувства измѣнились. Какъ юноша любилъ онъ дѣвушку. Онъ называлъ ее часто своимъ благословеніемъ и своей голубкой, и у ней была горячая, трепещущая грудь. Онъ сказалъ: отдай мнѣ свое сердце! И она это сдѣлала. Онъ сказалъ: могу ли я тебя о чемъ-нибудь просить, возлюбленная? И она отвѣчала, опьяненная, да. Она все ему отдала, и онъ всетаки ее не благодарилъ. Другую онъ любилъ, какъ рабъ, какъ безумецъ и какъ нищій. Почему? Спроси дорожную пыль и листья, что падаютъ на землю, спроси садочнаго бога жизни; ибо никто иной не знаетъ про то. Она ему ничего не давала, нѣтъ, ничего она ему не давала, и онъ, однако, ее благодарилъ. Она сказала: отдай мнѣ твой покой и твой разумъ! И онъ пенился только о томъ, что она не попросила у него жизни.

И его дѣвушку посадили въ башню...

Что ты дѣлаешь, дѣвушка, ты сидишь и улыбаешься?

«Я думаю про то, что было десять лѣтъ тому назадъ. Тогда я его встрѣтила.—Ты его еще помнишь?—Я его еще помню.—А время идетъ.

«Что ты дѣлаешь, дѣвушка? И почему ты сидишь и улыбаешься?

«Я вышиваю его имя на платкѣ.

«Чье имя? Того, кто заключилъ тебя здѣсь?

«Да, того, кого я встрѣтила двадцать лѣтъ тому назадъ.

«Ты его еще помнишь?

«Я его помню, какъ прежде.

А время идетъ.

«Что ты дѣлаешь, узница?

«Я старѣю и мое зрѣніе больше мнѣ не позволяетъ шить, я выскребываю известку изъ стѣны. Изъ извести я лѣплю кувшинъ, посильный даръ для него.

«О комъ ты говоришь?

«О моемъ возлюбленномъ, что заперъ меня въ башню.

Ты улыбаешься тому, что онъ заперъ тебя здѣсь?

«Я думаю о томъ, что онъ теперь скажетъ. Смотрите-ка, скажетъ онъ, моя дѣвушка прислала мнѣ кувшинчикъ, она не забыла меня за эти тридцать лѣтъ.

А время идетъ.

«Что ты, узница, сидишь и ничего не дѣлаешь, и улыбаешься?

«Я старѣю, старѣю, глаза у меня ослѣпли, я только думаю.

«О томъ, кого ты встрѣтила сорокъ лѣтъ тому назадъ?

«О томъ, кого я встрѣтила, когда я была молода. Можетъ быть, тому и сорокъ лѣтъ.

«Такъ ты не знаешь, что онъ умеръ? Ты блѣднѣешь, старая, ты не отвѣчаешь, губы у тебя побѣлѣли, ты больше не дышишь.

Вотъ она, эта странная сага о дѣвушкѣ въ башнѣ. Подожди немного, Эзопъ, я что-то забылъ: разъ она услыхала на дворѣ голосъ своего возлюбленнаго, и она упала на колѣни и покраснѣла. Тогда ей было сорокъ лѣтъ.

Я погребаю тебя, Ева, и въ смиреніи цѣлую песокъ на твоей могилѣ. Густое, алое воспоминаніе проскальзываетъ внутри меня, при мысли о тебѣ; я весь какъ будто переполняюсь благословеніемъ, при воспоминаніи о твоей улыбкѣ. *Ты отдала все, все отдала ты, это тебѣ не стоило никакихъ усилій; ибо ты была опьяненное дитя самой жизни.* Но та, другая, что точно ведетъ счетъ даже каждому своему взгляду, можетъ владѣть всѣми моими мыслями. Почему? Спроси у двѣнадцати мѣсяцевъ и у кораблей на морѣ, спроси у загадочнаго бога сердца».

Ева, ясная и прозрачная—«опьяненное дитя самой жизни», она слишкомъ понятна, слишкомъ близка душѣ Глана, душѣ Гамсуна, какъ и въ природѣ; она соглашается съ нимъ, соединяется, онъ любитъ ее, какъ любитъ все. Она въ немъ, онъ самъ—«опьяненное дитя самой жизни

«Но та, другая, что ведетъ счетъ каждому своему взгляду», эта живая загадка владѣетъ всѣми мыслями Глана. Въ ней смутно вопрошающая тревога, что-то болящее, пытающее, мучительно-изнуряющее. Этотъ женскій образъ почти всюду преслѣдуетъ Кнута Гамсуна, повторяется съ той или иной силою изобразительности, съ тѣми или иными варіантами во многихъ большихъ его произведеніяхъ. Но Эдварда въ «Панѣ» слишкомъ просто, безхитростно зарисована; когда она впервые появляется въ хижинѣ лейтенанта, она совсѣмъ еще не видна въ своемъ темномъ; тревожное, грозовое почти не ощущается въ этомъ полуребенкѣ; слишкомъ сильна и у Глана, въ окружавшей его атмосферѣ сладкая, стихійная дремота, ясная успокоенная тишь. Эдварда не та великая инфернальница, къ изображенію которой всю жизнь снова и снова подходилъ Достоевскій, не Гедда Габлеръ Ибсена, озаренная зловѣще краснымъ огнемъ демонизма, вообще ее странно поставить въ рядъ съ извѣстными въ литературѣ демоническими женскими образами. Но въ этой простой деревенской дѣвушкѣ всетаки спятъ всѣ эти возможности, недостаетъ силы ихъ выраженія, и нѣтъ совсѣмъ картинности, эффектности драматизма.

И если Эдварда совсѣмъ еще не Гедда Габлеръ, то Ева очень напоминаетъ своимъ трогательнымъ, нѣжнымъ, правда, блѣднымъ, абрисомъ маленькую Тею въ «Геддѣ Габлеръ» Ибсена. Надъ «Эдвардой» въ «Панѣ» не пылаетъ еще красное зарево, еще не видно его и надъ другими параллельными женскими образами у Гамсуна, надъ Шарлотой въ «Редакторѣ Линге», надъ Викторіей въ повѣсти «Викторія», но въ «Драмѣ жизни» Терезита говоритъ, что «красный пѣтухъ поетъ въ ней», она говоритъ это и смѣется, ожидая гибели прохода по ея винѣ. Фрэкенъ Терезита любитъ кандидата философіи Карено такою странно-капризною, темною и непонятною для самой себя прихотью глубокаго, на все готоваго чувства: «Драма жизни» раскрываетъ эти душевные извивы болящей, мучительно израненой души Терезиты, инфернальные изгибы въ ней. «Я сама себя не понимаю»,—говоритъ фрэкенъ Терезита въ смутной тревогѣ о чемъ-то. Цинично-преслѣдующему ее телеграфисту Энсу Спиру она говоритъ: «Какъ вы скучны! *Вы только человѣкъ*. Вы мнѣ надоѣли.

Энсъ Спиръ. А Карено?

Терезита. Нѣтъ, нѣтъ, тотъ не отъ міра сего. Когда я иду ему навстрѣчу, я въ упоръ смотрю на него и говорю шепотомъ: «Да». Такъ какъ мнѣ кажется, что это луна идетъ ко мнѣ и чего-то хочетъ отъ меня».

Карено Терезита говоритъ: «Знаете, почему мнѣ хотѣлось бы быть ...ло васъ, Карено?... Потому, что вы не грѣшите. Да, вамъ ни разу приходило въ голову, *что вы имѣете право грѣшить*».

«Драма жизни»—символическая драма; за живыми образами, психологическими положеніями проступаютъ здѣсь водяные знаки, раскрывается тая, скрытая реальность тревожно-волнующихся символовъ, задумчиво ...ывающихъ въ загадочную даль, смутно-вопрошающую о чемъ-то. Такая ...ура, какъ древній старикъ Тю, совсѣмъ уже безъ плоти и крови жи... психологіи. «Иные думаютъ, что это вѣчный жидъ», «иные называ-

ють его справедливость», «онъ дурачокъ», говоритъ о немъ г. Отерманъ, отецъ фрэкенъ Терезиты. Тю говоритъ о себѣ людямъ: «Вы всѣ меня знаете и уклоняетесь отъ меня. Когда вы видите мои слѣды на снѣгу, то вы повертываетесь и идете другимъ путемъ». Онъ ходитъ между всѣми этими людьми, пытаясь сказать что-то, но его не слушаютъ, обходятъ, только терпятъ. Этотъ древній старикъ Тю случайно убиваетъ Терезиту, но не идетъ спасать горящую башню, въ которой гибнетъ сочиненіе Карено, стремящагося «учиться у вещей», чтобы открыть что-то, работая надъ стекломъ и свѣтомъ, «расширить земное познаніе». Тю загадочно молчащій появляется вездѣ, далекій всему.

Карено «не сознающій своего права грѣшить» и Терезита, грѣшная съ ногъ до головы, эти двѣ стихіи влекутся другъ къ другу, не проникая, быть можетъ, не видя, не понимая ничего одинъ въ другомъ.

Карено. «Мы ходимъ каждый день другъ около друга, *какъ двое невидимокъ, не встрѣчаясь.* Но я уже больше не прохожу мимо васъ. Вы постоянно впереди меня. Кто вы?

Терезита (съ затаенной радостью). Я ваша.

Карено. Я не знаю, я не знаю. Нѣтъ, вы не моя. Какъ вы можете объ этомъ спрашивать? Правда, что вы разъ осенью хотѣли пустить ко дну почтовый пароходъ?

Терезита. Этого я не знаю. Я думала только о васъ.

Карено. Вы не дрогнете ни однимъ мускуломъ. Вы творите зло прямо передъ лицомъ Господа и не испытываете въ этомъ никакихъ угрызеній совѣсти.

Терезита. Я могу чувствовать сразу только одно.

Карено. Красный пѣтухъ пѣлъ въ васъ, сказали вы.

Терезита. Это я не вамъ сказала.

Карено. Да, не мнѣ, я слышалъ это потомъ. Одинъ человѣкъ разсказывалъ объ этомъ. Но я все-таки не могъ забыть съ тѣхъ поръ, что красный пѣтухъ пѣлъ въ васъ».

Но какъ Эдварда обманулась въ звѣриномъ взглядѣ Глана, Терезита обманулась въ лунномъ свѣтѣ Карено.

«*Карено.* Это становится совершенно невыносимымъ для меня. Вы меня отталкиваете отъ себя и нарушаете весь мой покой.

Терезита. А вы тоже нарушили мой».

И вотъ, въ концѣ-концовъ «невидимки» не встрѣтились.

«*Терезита.* Вы не оказались, Карено, тѣмъ, за кого я васъ принимала. Я заявила это вамъ уже раньше. Вы человѣкъ, какъ всѣ люди, исполненный простого и глупаго грѣха. Вы мнѣ надоѣли.

Карено. Но когда-нибудь, когда-нибудь вы меня любили?

Терезита. Боже мой, ужъ не думаете ли вы, что я любила ваше лицо, ваши тонкія ноги? Ахъ, нѣтъ, вы не красавецъ. Но вы были такимъ тихимъ; я думала вы *были полны чѣмъ-то изъ иного міра,* потомъ что ваше лицо дѣйствовало на меня. И вотъ я разочаровалась въ васъ!

Карено. Почему вы разочаровались во мнѣ? Развѣ я не говорилъ какъ и прежде, о стеклахъ и о свѣтѣ.

Терезита. Каждый вечеръ вы приходили и смотрѣли на меня. Вотъ такъ. (Смотритъ на него, скосивъ глаза). И это что-то значило. И этимъ вы въ концѣ наскучили мнѣ.

Карено. Теперь я никогда больше не буду смотрѣть на васъ такъ.

Терезита (трясетъ головой). Теперь это уже поздно.

Карено (горячо). Но, странный вы человѣкъ, такъ чего же вы желали бы отъ меня?

Терезита. Чего бы я желала отъ васъ, Карено? Вѣтка склонялась въ моей рукѣ, когда я стояла передъ вами!

Карено. Какъ она склоняется теперь передъ инженеромъ.

Терезита. Да.

Карено. А что вы любите въ немъ?

Терезита. Быть можетъ, его горбъ, Богъ знаетъ, что моему сердцу угодно въ немъ любить?»

Въ «Драмѣ жизни» Терезита и Карено, какъ въ «Панѣ» Эдварда и лейтенантъ Гланъ, тоже, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Гамсуна, Шарлота и Лео Хайбро («Редакторъ Линге»), Викторія и Іоганнесъ («Викторія»), также и въ повѣсти «Голодъ»,—невидимками ходятъ около другъ друга, не встрѣчаясь, не находя того чуда, которое манитъ ихъ. Въ повѣсти «Викторія», несчастный учитель, что-то тоже потерпѣвшій въ своей жизни, совсѣмъ уже упрощенно говоритъ объ этомъ. «...Видали ли вы когда-нибудь, чтобы мужчина соединялся съ той, съ кѣмъ онъ хотѣлъ? Въ одной сказкѣ разсказывается объ одномъ человѣкѣ, мольбу котораго Богъ услышалъ и соединилъ его съ его первой и единственной любовью. Но онъ не былъ счастливъ. Почему? спросите вы, и я вамъ отвѣчу на это: по той простой причинѣ, что она сейчасъ же умерла,—слышите, тотчасъ же умерла, ха-ха-ха, сейчасъ же. Такъ всегда бываетъ. Обыкновенно, никто не соединяется съ женщиной, которую любитъ, но если это и случается, то она умираетъ. Счастье никогда не бываетъ совершенно».

Это простая, слишкомъ простая и плоская мысль несчастнаго учителя углублена въ произведеніяхъ Гамсуна до воистину трагической глубины, облечена въ живые цвѣты истинной поэзіи, въ образы и символы.

Поэзія Кнута Гамсуна—поэзія задумчивой природы и трагической любви. Мы приводили выше нѣсколько яркихъ страницъ изъ «Пана», но тамъ все дышитъ стихіей любви, когда оживаетъ далекій миѳъ о Изелинѣ и Дундасѣ. «Люль, люль! Что это: звенятъ колокольчики?...» Люль, люль! Слышится чей-то голосъ, какъ будто семизвѣздіе поетъ въ моей крови, голосъ Изелины: спи, спи я разскажу тебѣ о моей любви».

И льется въ нѣсколькихъ страницахъ сладкій звонъ колокольчика, это Изелина нашептываетъ спящему Глану о любви своей къ Дундасу. Яркихъ мѣнныхъ страницъ о любви, нѣжной, трогательной любви въ книгахъ суна много, онъ не устаетъ писать ей свои поэтическіе акаѳисты, находитъ цвѣтущія, дорогія краски, и все написанное имъ живо, плано и сильно неистощимою силой истиннаго художественнаго дарованія.

«Любовь,—пишетъ Гамсунъ въ «Викторіи»,—это первое слово, произнесенное Богомъ, первая мысль, осѣнившая Его. Когда онъ произнесъ: да будетъ свѣтъ!—появилась любовь. И все, что Онъ сотворилъ, было такъ прекрасно, что онъ ничего не хотѣлъ передѣлывать. И любовь была первоисточникомъ міра и его властелиномъ; но всѣ пути ея покрыты цвѣтами и кровью, цвѣтами и кровью».

Благостная гармоническая міровая душа въ любви раскрываетъ у Гамсуна таящуюся въ ней дисгармонію трагизма. Въ любви—цвѣты и кровь, цвѣты и кровь маленькой Евы, загадочной, влекущей Эдварды, наконецъ, Терезиты, въ душѣ которой поетъ пѣтухъ преступленія. Въ любви благостный ликъ жизни свѣтится и расцвѣтаетъ, но въ любви же онъ затуманивается темной тѣнью, заволакивается трагизмомъ, въ которомъ обнажается драма жизни, ея ужасъ. Въ любви живой и цѣлостный ликъ древняго бога, великаго пана, какъ бы раздваивается для Кнута Гамсуна, божественная природа, какъ символическая женщина Терезита,—«сама себя не понимаетъ», не видитъ, не знаетъ. «Въ иные дни,—говоритъ фрекенъ Терезита,—люди обречены на томительное страданіе; оно приходитъ къ нимъ, никто не знаетъ откуда. Тогда вся земля лежитъ и упорно смотритъ на тебя со враждою... Подумать только, весь огромный, необъятный земной шаръ лежитъ и упорно смотритъ на тебя съ безконечной враждой».

Источникъ этого ощущенія, этого томительнаго раздвоенія, рождающаго мучительный разрывъ въ глубокомъ художественномъ пантеизмѣ Гамсуна, религіозномъ въ основахъ своихъ, источникъ этой неугасимой боли—въ трагизмѣ любви. Любовь это—«первая мысль, осѣнившая Бога», но и послѣдняя Его мысль, въ которой ищетъ себѣ разрѣшенія въ томленіи своемъ о Божественности любви міровая душа, ищетъ себѣ успокоенія земля, плачущая о неразрѣшимомъ въ ней великомъ трагизмѣ, молящая о великомъ чудѣ, котораго она вѣчно ждетъ съ затаеннымъ дыханіемъ, со свѣтильникомъ зажженнымъ.

Мы дали здѣсь далеко не исчерпывающую характеристику Кнута Гамсуна, стараясь выяснить только основные мотивы его творчества, доминирующіе въ немъ. Многое совершенно не затрогивается здѣсь, совершенно обходимъ одно изъ сильнѣйшихъ послѣ «Пана» большихъ вещей Гамсуна—романъ «Голодъ». Здѣсь Гамсунъ тотъ же, но трагическая сторона его художественнаго міроощущенія выступаетъ рѣзче, острѣе. Мелкихъ разсказовъ Кнута Гамсуна также совсѣмъ не касаемся; иные изъ нихъ достигаютъ высокой степени художественной простоты и безпредна-мѣренности. Нѣкоторые слабы, особенно тѣ, гдѣ Гамсунъ смѣется,—смѣ его какой-то дѣтскій, наивный смѣхъ, который не всегда смѣшитъ. Вообі большія вещи, быть можетъ, болѣе отвѣчаютъ таланту норвежскаго п сателя, въ нихъ ему легче настроиться, развернуться, повѣдать стыдл вую глубь, зовущую даль своей пѣвучей, музыкальной души, цѣломудре ной души истиннаго поэта.

Волжскій.

Философскія предпосылки деспотизма.[1])

Есть только одинъ способъ покончить съ практическимъ абсолютизмомъ — это покончивъ съ абсолютизмомъ метафизическимъ, со всякимъ догматизмомъ—все равно, матеріалистическимъ или спиритуалистическимъ,—который претендуетъ на знаніе абсолютнаго блага.

Фуллье.

Политическіе интересы уже давно, благодаря важности и огромности политической задачи, требовавшей разрѣшенія, сосредоточивали на себѣ вниманіе русскаго общества. Никогда, однако, они не захватывали его съ такой всепоглощающей силой, какъ въ послѣдніе годы. Эта концентрація всѣхъ интересовъ и чувствъ на одной задачѣ, на одной сторонѣ многосложной культурной жизни, являясь психологически неизбѣжнымъ спутникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ страстной политической борьбы, начинаетъ, однако, уже переходить свои нормальные и общественно-необходимые предѣлы и грозитъ принять характеръ болѣзненной гипертрофіи. Въ процессѣ движенія къ извѣстной цѣли, какъ всегда, средства превращаются въ цѣли, относительныя цѣнности возносятся на высоту абсолютныхъ. Начинаетъ утрачиваться сознаніе *производнаго* значенія политическихъ задачъ, ихъ обусловленности и зависимости отъ культурныхъ и моральныхъ идеаловъ. Политика становится уже «отвлеченнымъ началомъ», доминирующимъ надъ всѣми остальными цѣнностями духовной жизни. Въ частности, забываютъ, что политическое міросозерцаніе, политическіе идеи и идеалы не суть нѣчто самодовлѣющее, не имѣютъ опоры въ самихъ себѣ, не могутъ быть обосновываемы и защищаемы изъ себя ихъ, въ предѣлахъ одной лишь политики; теряютъ изъ виду, что корни всегда глубоко заложены въ почвѣ общаго философскаго міровоззрѣнія, ихъ взглядовъ на задачи, смыслъ и условія человѣческой жизни. Если орятъ, что всѣ люди, помимо своего сознанія и часто противъ своей

[1]) Публичная лекція, прочитанная авторомъ въ пользу голодающихъ 14 февраля года въ Петербургѣ.

воли, суть философы, т.-е. такъ или иначе должны отвѣчать и отвѣчаютъ на основные вопросы человѣческаго бытія, именуемые «философскими», то это вдвойнѣ вѣрно относительно «политическихъ людей». Политики могутъ сколько угодно отмахиваться отъ всего, что называется «философіей» и что они считаютъ равносильнымъ праздному «умствованію», они могутъ всю жизнь повторять, что людямъ дѣла и практики некогда размышлять надъ ненужными, по ихъ мнѣнію, отвлеченностями, — но этимъ они не избавляются отъ философіи вообще, а только сохраняютъ въ неприкосновенности свою безсознательную и непровѣренную философію. Не будучи въ состояніи дѣйствительно игнорировать философскія проблемы, они кладутъ въ основу всей своей дѣятельности принятыя на вѣру и даже неосознанныя рѣшенія этихъ проблемъ. Всѣ они даютъ себѣ тѣ или иные отвѣты на вопросы о добрѣ и злѣ, объ отношеніи между личностью и обществомъ, о конечныхъ цѣляхъ и моральныхъ условіяхъ общественной дѣятельности и т. п. Можно даже замѣтить, что такая безсознательная, органически впитанная и превратившаяся въ инстинкты философія бываетъ гораздо крѣпче и могущественнѣе по своему практическому эффекту, чѣмъ теоретически продуманное и критически провѣренное міросозерцаніе. Это стоитъ въ связи съ удостовѣреннымъ современной психологіей фактомъ, что всѣ безсознательныя переживанія, болѣе близкія къ интимнымъ, внутреннимъ волевымъ сторонамъ психики, вообще интенсивнѣе и значительнѣе по своимъ дѣйствіямъ, чѣмъ раціональные мотивы, находящіеся въ зависимости отъ менѣе устойчивыхъ интеллектуальныхъ моментовъ. Однако, за эту крѣпость и силу безсознательныя идеи платятъ своей стихійной слѣпотой, которая часто приводитъ къ роковымъ для человѣка ошибкамъ и ложнымъ шагамъ. Во всякомъ случаѣ, никто не можетъ *сознательно* отстаивать позицію *безсознательности*. Кто разъ понялъ, что философскія основанія политическихъ идей суть не простая забава и не безполезная «ученость», а жизненный нервъ и руководящій двигатель всей общественной дѣятельности, тотъ неизбѣжно долженъ стремиться освѣтить эту темную основу свѣтомъ критическаго разума.

Современная политическая жизнь нашего общества всецѣло опредѣлена борьбой за политическую свободу и демократическое устройство общества. Врагъ, противъ котораго направлена эта борьба, есть деспотизмъ правительственной власти, неограниченное господство небольшой группы людей, именуемой «бюрократіей», надъ многомилліонннымъ великимъ народомъ. Борьба эта приняла въ настоящее время уже чисто практическій или, точнѣе говоря, техническій характеръ; въ *идейномъ* отношеніи реальныя политическія проявленія деспотизма настолько дискредитированы, авторитетъ ихъ такъ основательно потрясенъ, что преобладающему большинству общества всякая идейная борьба представляется уже излишней и вопрос ставится не о теоретической критикѣ, а только о практическомъ уничто женіи системы, несостоятельность и вредность которой всѣми признана Такое отношеніе къ идейной борьбѣ съ деспотизмомъ, думается намъ, н

вполнѣ правильно. Идейная критика деспотизма велась и закончилась побѣдоносно почти исключительно въ области прикладной политики; если достаточно выяснена практическая несостоятельность реальной политической системы, опирающейся на деспотизмъ, то не только не рѣшенъ, но даже почти не поднимался вопросъ о самихъ философскихъ принципахъ, лежащихъ въ основѣ этой системы. И хотя въ своихъ конкретныхъ проявленіяхъ этотъ деспотизмъ поражаетъ не столько своими принципами, сколько, наоборотъ, своей изумительной безпринципностью, тѣмъ не менѣе такіе принципы идеально существуютъ и могутъ при извѣстныхъ условіяхъ быть практически использованы; поэтому, пока они не выяснены и не отвергнуты общественнымъ сознаніемъ, нами всегда грозитъ возрожденіе деспотизма. Конкретно это сказывается въ томъ, что, поскольку борьба противъ политической системы не есть сознательная борьба противъ обосновывающей ее *идеи*, эта идея легко и незамѣтно можетъ закрасться въ сознаніе самихъ противниковъ данной политической системы. Философскія идеи вообще разрушимы лишь философскимъ же оружіемъ и не уничтожаются никакими политическими побѣдами и успѣхами. Ядъ ложныхъ идей, какъ и бальзамъ истинныхъ, дѣйствуетъ скрыто, въ умахъ людей; его не затрагиваютъ никакіе внѣшніе перевороты и потрясенія. Великая французская революція съ необычайной легкостью побѣдила деспотизмъ старой монархіи, но не уничтожила, а, наоборотъ, возродила политическій деспотизмъ вообще; идея деспотизма изъ отрубленной головы Людовика XVI тотчасъ же и безъ всякихъ препятствій перешла въ голову Робеспьера, а когда пала и эта голова, идея деспотизма нашла себѣ пріютъ у Наполеона, и на этотъ разъ ея возрожденіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и возрожденіемъ, въ новой формѣ, абсолютной монархіи. Не пускаясь въ туманныя догадки о нашемъ будущемъ и не основываясь на рискованныхъ аналогіяхъ, можно просто отмѣтить, какъ фактъ, что и у насъ самый принципъ деспотизма отнюдь не потрясенъ вмѣстѣ съ потрясеніемъ построеннаго на немъ политическаго порядка; напротивъ, онъ весьма преуспѣваетъ именно въ стихіи революціи. Поэтому его анализъ и критика даже практически отнюдь не могутъ быть признаны ненужными.

II.

Деспотизмъ есть господство человѣка надъ человѣкомъ, господство неограниченное и руководимое лишь произволомъ самого господствующаго. Въ этомъ, широкомъ смыслѣ деспотизмъ есть не исключительно политическое понятіе, а общая соціологическая и морально-правовая категорія. Деспотизмъ столь же возможенъ въ области личныхъ, семейныхъ, гражданскихъ отношеній, сколько въ сферѣ государственной жизни. Всюду онъ сохраняетъ неизмѣннымъ свое существо, всюду онъ означаетъ неограниченное, произвольное господство, предполагающее на другой сторонѣ безправность и слѣпое повиновеніе. Философское обоснованіе деспотизма со-

стоитъ въ установленіи тѣхъ принципіальныхъ морально-правовыхъ соображеній, изъ которыхъ вытекаетъ *право неограниченнаго господства* и *обязанность слѣпого повиновенія*; философская критика деспотизма сводится къ критикѣ этихъ соображеній *).

Всякое положительное право, каковы бы ни были его реальные корни и поддерживающія его фактическія силы, съ своей принципіальной, идейной стороны опирается на какое-либо соотвѣтствующее *естественное право*, мотивируется и оправдывается своей высшей, абсолютной правомѣрностью. Въ чемъ же усматривается правомѣрность деспотизма, чѣмъ можетъ быть обосновано естественное право одного человѣка на господство надъ другимъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представлялъ особыхъ трудностей въ прежнія эпохи, до идейнаго переворота XVIII вѣка. Господство и подчиненіе предполагаетъ неравенство между людьми, ихъ обоснованіе сводится къ уясненію правомѣрности неравенства въ распредѣленіи правъ и обязанностей. Для античнаго сознанія, для эпохи рабства и національной исключительности, идея неравенства обладаетъ такой непосредственной очевидностью и убѣдительностью, что вопросъ о правомѣрности деспотизма разрѣшается легко и просто ссылкой на естественное неравенство людей. Классическимъ образцомъ подобнаго обоснованія деспотизма является разсужденіе Аристотеля, для котораго право господства опредѣляется прирожденнымъ неравенствомъ между взрослымъ и ребенкомъ, мужчиной и женщиной, свободнымъ и рабомъ, эллиномъ и варваромъ. Одни рождены для того, чтобы повелѣвать, другіе — для того, чтобы повиноваться. Но уже христіанство, выставивъ, по крайней мѣрѣ, какъ общее моральное требованіе, идею универсальнаго братства и, слѣдовательно, равенства людей, раскололо цѣльность античнаго обоснованія господства. Съ того времени стало необходимымъ отыскивать нѣкоторый высшій принципъ, на который могло бы опереться господство и требуемое имъ неравенство. Этимъ принципомъ служитъ та идея власти, которая дается религіей. Богъ есть высшій и абсолютно неограниченный властелинъ, и Его власть распространяется на тѣхъ, кто является Его избранниками и представителями на землѣ. Всякая власть конструируется, какъ доля или частное отраженіе безконечной власти Бога; свѣтская и духовная власть одинаково строится на этомъ основаніи, и весь споръ о взаимномъ разграниченіи ихъ компетенцій сводится къ опредѣленію ихъ близости къ общему источнику власти — Богу. Общая христіанская идея братства и равенства не мѣшаетъ установленію, на почвѣ религіозной идеи власти, сложной іерархіи господст-

*) Философія деспотизма, какъ и вообще философія права или политическ философія, изслѣдуя и рѣшая проблему *правомѣрности* извѣстныхъ общественны отношеній, не имѣетъ ничего общаго съ соціологіей или психологіей права, кото изучаетъ фактическій составъ и причинную обусловленность правовыхъ отноше Попытку психологическаго анализа явленій власти и господства авторъ представ въ статьѣ „Проблема власти“ (*Вопросы Жизни*, 1905, № 3).

и подчиненія; и на каждой ступени этой іерархіи власть неограниченна, какъ неограниченна власть Бога.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Руссо возсталъ противъ этого обоснованія власти, произнеся дерзкія слова: «Всякая власть отъ Бога; но отъ него и всякая болѣзнь; значитъ ли это, что запрещено приглашать врача?»— съ тѣхъ поръ, какъ въ общественномъ сознаніи была утверждена истина, что «ни одинъ человѣкъ не имѣетъ естественной власти надъ себѣ подобнымъ»,—обоснованіе деспотическаго господства стало трудной и сложной проблемой. Принципіальное равенство людей и непосредственная недопустимость деспотизма стали основной предпосылкой морально-правовой вѣры, и идея деспотизма должна была взять на себя тяжелое «бремя доказыванія» своей правомѣрности. Съ этого времени былъ рѣшительно отрѣзанъ путь ко всѣмъ *непосредственнымъ* источникамъ деспотизма — будетъ ли то естественное неравенство людей, или божественное дарованіе имъ власти и, слѣдовательно, неравенство ихъ въ отношеніи близости къ метафизической основѣ власти; пригодными стали лишь *производные* источники деспотизма, обосновывающіе его, несмотря на принципіальное признаніе равенства и въ полномъ согласіи съ нимъ. «Никто не имѣетъ естественной власти надъ себѣ подобнымъ» ни въ силу личныхъ своихъ преимуществъ, ни въ силу какой-либо высшей санкціи, которая непосредственно, независимо отъ блага подчиненныхъ, давала бы такое право.

Міровоззрѣніе, исходящее изъ признанія равенства между людьми, недопускающее, чтобы одинъ человѣкъ самъ по себѣ могъ быть лишь слугой и орудіемъ другого, можетъ считать правомѣрнымъ источникомъ власти лишь соглашеніе, общій интересъ повинующихся, высшее благо не властителя, а подчиненныхъ. Съ этой точки зрѣнія деспотизмъ, т.-е. неограниченное господство, можетъ имѣть лишь смыслъ *опеки*, принудительнаго управленія и руководительства судьбою людей въ ихъ же собственныхъ интересахъ. Этотъ утилитарный мотивъ даетъ самый сильный и убѣдительный аргументъ въ пользу деспотизма,—аргументъ, которымъ въ сущности всегда, по крайней мѣрѣ, какъ дополнительнымъ доводомъ, защищался всякій деспотизмъ и который проступилъ на первый планъ, когда другіе доводы были отметены развившимся общественнымъ сознаніемъ.

Деспотизмъ, понимаемый какъ опека, какъ насильственное осуществленіе блага опекаемаго, является однимъ изъ самыхъ непреходящихъ и устойчивыхъ мотивовъ философско-политической мысли. Явленія, подводимыя подъ понятіе опеки, вообще неизбѣжны въ человѣческомъ общежитіи: опека взрослыхъ надъ дѣтьми, разумныхъ надъ безумными есть отношеніе ѣмъ понятное, цѣлесообразность и необходимость котораго очевидна. тъ аргументъ, который противопоставляется деспотизму защитниками ободнаго самоопредѣленія человѣка,—именно, что каждый точнѣе всего четъ свои собственные интересы и лучше всѣхъ можетъ ихъ осуще-ить—въ данномъ случаѣ неприменимъ. Очевидно, есть такія различія умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ людей, при которыхъ

это сужденіе перестаетъ быть истиной и когда необходимо, чтобы духовно сильный руководилъ поведеніемъ слабаго, хотя бы противъ его воли, но въ его собственныхъ интересахъ.

Но то, что въ частной жизни людей примѣнимо лишь въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ въ общественной жизни требовать гораздо болѣе широкаго примѣненія. Вѣдь задача общественной жизни состоитъ въ осуществленіи не личнаго, а общаго блага, и притомъ блага болѣе или менѣе отдаленнаго. Развѣ для этого дѣла человѣчество не нуждается въ руководителяхъ? Развѣ каждый въ одинаковой мѣрѣ знаетъ, въ чемъ общее благо и какъ его можно достигнуть? Въ отношеніи этой общей и отдаленной цѣли большинство людей—тѣ же дѣти, фатально вынужденные ввѣрять свою судьбу болѣе предусмотрительнымъ и разумнымъ наставникамъ. Такъ, на почвѣ идеала общаго блага, на почвѣ понятія прогресса, какъ постепеннаго движенія по пути къ этому идеалу, вырастаетъ новая могущественная опора идеи деспотизма.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество начало мыслить о своей судьбѣ и искать лучшаго будущаго, въ человѣческомъ сознаніи живетъ одна завѣтная, неистребимая мечта: мечта внести сознательность въ стихійный процессъ жизненнаго развитія, разумно и цѣлесообразно двинуть его по вѣрному пути, на мѣсто слѣпой анархіи установить порядокъ и организацію. Человѣчество, какъ неразумное стадо, безъ мысли о конечной цѣли, безъ знанія пути къ ней, ощупью бредетъ по дорогѣ жизни. Одинъ стремится направо, другой—налѣво, одинъ—впередъ, другой—назадъ; каждымъ движутъ его собственные интересы, страсти, упованія и идеалы; и изъ безпорядочнаго, неурегулированнаго столкновенія милліоновъ живыхъ существъ стихійно складывается строй общественной жизни, безсознательно пролагается путь движенія, не предуказанный ничьей разумной мыслью и сознательной волей. Этому состоянію анархіи человѣческая мысль противопоставляетъ идею подчиненія стихійныхъ силъ разумной волѣ человѣка, ту же великую идею, которая лежитъ въ основѣ всего техническаго прогресса. Подобно силамъ природы, слѣпыя силы общественной стихіи должны быть покорены и направлены къ благу человѣка; состояніе разброда и хаоса должно быть замѣнено состояніемъ порядка и организаціи, при которомъ люди могли бы сознательно творить свою исторію, слѣдуя совмѣстно указаніямъ своего разума. Эта идея организаціи и, такъ сказать, *раціонализаціи* общественной жизни, т.-е. полнаго подчиненія ея разуму и разумной волѣ руководителей, есть одна изъ глубочайшихъ и упорнѣйшихъ тенденцій соціально-философской мысли; въ разныхъ формахъ и въ различномъ контекстѣ идей она встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ мыслителей. Она образуетъ центральную мысль самой древней изъ извѣстныхъ намъ соціально-философскихъ системъ—системы Платона; она одинаково дорога и католицизму, который мечтаетъ объ организаціи человѣчества для осуществленія небеснаго блаженства, и соціализму, которому организація человѣчества нужна для осуществленія блаженства земного;

она составляетъ основной мотивъ революціоннаго якобинства и «просвѣщеннаго абсолютизма». Будучи формальнымъ соціологическимъ построеніемъ, она можетъ вмѣстить въ себя любое содержаніе, служить проводникомъ и союзникомъ самымъ разнороднымъ идеаламъ. Недаромъ одинъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ провозвѣстниковъ этой идеи, Огюстъ Контъ, предлагалъ католикамъ соединиться, несмотря на все разногласіе міровоззрѣнія, съ «позитивистами» въ одну великую партію «организаторовъ человѣчества» для совмѣстной борьбы со всѣми дезорганизующими соціальными тенденціями.

III.

Великая идея организаціи человѣческаго общежитія, замѣны хаотической анархіи сознательной планомѣрностью не только вполнѣ правомѣрна, но составляетъ одинъ изъ непреходящихъ философско-политическихъ идеаловъ. Однако взятая, какъ отвлеченное начало, безъ необходимыхъ ограниченій, вытекающихъ изъ другихъ нравственныхъ требованій, безъ сознанія трудностей, препятствующихъ ея осуществленію, она даетъ начало своеобразной и односторонней системѣ мыслей, логически приводящей къ деспотизму.

Идеалу организаціи и объединенія человѣчества противостоитъ фактъ разрозненности и противорѣчивости человѣческихъ воззрѣній и стремленій. Кто добросовѣстно, безъ предвзятой мысли вдумается въ этотъ фактъ, для того не останется сомнѣнія, что, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ образуетъ непреодолимую преграду для полнаго и болѣе или менѣе быстраго осуществленія идеала организаціи. Фактъ этотъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могли бы быть устранены какими-либо внѣшними пріемами или дѣйствіями; вытекая изъ самаго существа человѣческой природы, онъ въ извѣстной мѣрѣ, такъ сказать, имманентенъ самому человѣческому бытію; въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ исчезнуть или, по крайней мѣрѣ, ослабѣть лишь въ результатѣ долгаго и постепеннаго процесса культурнаго перевоспитанія въ духѣ солидарности и единомыслія. Но пока этого нѣтъ—кто можетъ съ абсолютной и для всѣхъ убѣдительной достовѣрностью указать людямъ общій идеалъ и повести ихъ по вѣрному пути къ нему? А между тѣмъ, вѣдь именно это единомысліе необходимо для того, чтобы идеалъ организаціи могъ получить осуществленіе. Если бы какой-либо высшій духъ открылъ истину такъ, чтобы всѣ люди ясно увидѣли [illegible] и твердо увѣровали въ нее, разногласія и споры исчезли бы, и люди могли бы объединиться на одной общей цѣли. Къ несчастію, правда дается менѣе вѣрными и скорыми путями, и у человѣчества нѣтъ никакихъ внѣшнихъ, очевидныхъ гарантій или критеріевъ для ея опредѣленія и распознаванія. Конечно, каждый имѣетъ опредѣленную вѣру, каждый [illegible]ъ думать, что нашелъ истину, и убѣждать всѣхъ другихъ примкнуть [illegible]му и слѣдовать за нимъ. Такъ это всегда было и есть, но это еще

не внесло въ судьбы человѣчества того порядка и той цѣлесообразности, о которой мечтаетъ идея организаціи. Вѣдь именно потому, что *каждый* считаетъ свои воззрѣнія истинными, соглашенія между людьми нѣтъ, и всѣ бредутъ различными путями. Какъ ни трагична такая слѣпота, какъ ни тягостенъ разбродъ мнѣній и стремленій, получающійся въ результатѣ ея—они суть неизбѣжные факты, которыхъ нельзя ни уничтожить, ни обойти. И пока мы остаемся на почвѣ этихъ фактовъ, мы должны за каждымъ признавать право искать истину на своемъ пути; единственнымъ средствомъ, которое можетъ приблизить насъ къ вѣрной цѣли — оказывается не неосуществимое объединеніе, а свобода личной иниціативы и стихійное соперничество разнородныхъ тенденцій и направленій. Лишь коллективное и неорганизованное творчество людей, въ которомъ могутъ свободно сказаться всѣ силы и всѣ направленія духа, можетъ внести хотя бы нѣкоторый свѣтъ въ тьму, окутывающую путь къ идеалу.

Конечно, идея организаціи и объединенія человѣчества не лишается, благодаря этому, своего принципіальнаго значенія; она остается идеаломъ, практическое осуществленіе котораго зависитъ отъ естественнаго роста солидарности между людьми, отъ неизбѣжнаго, хотя и медленнаго, укрѣпленія нѣкоторыхъ основныхъ идей въ сознаніи всѣхъ. Сохраняется надежда, что именно въ результатѣ свободной борьбы мнѣній и воззрѣній кристаллизуется нѣкоторый запасъ признанныхъ всѣми истинъ, который, какъ цементъ, сольетъ людей въ одно солидарное цѣлое и дастъ имъ возможность дѣйствовать единодушно и потому сознательно. Во всякомъ случаѣ, однако, осуществленіе идеи организаціи переносится на отдаленное будущее и ставится само въ зависимость отъ не подчиненнаго человѣческой волѣ стихійнаго процесса культурнаго развитія.

Однако, фанатическіе и страстные сторонники идеи организаціи отнюдь не склонны откладывать ея осуществленіе до того времени, когда естественно установится единомысліе между людьми; напротивъ, они считаютъ возможнымъ и необходимымъ немедленно разрѣшить эту задачу, такъ какъ они отнюдь не довѣряютъ стихійному процессу соціальной жизни, а именно и хотятъ положить ему конецъ. Но какъ это возможно сдѣлать? Возможность планомѣрной организаціи и руководительства людьми предполагаетъ знаніе истинной цѣли и вѣрнаго пути къ ней. Кто признаетъ относительность всѣхъ человѣческихъ знаній и, слѣдовательно, принципіальную равноправность всѣхъ направленій мысли, для того, какъ мы видѣли, разногласіе между людьми является абсолютной преградой для немедленнаго осуществленія идеала организаціи, ибо это разногласіе свидѣтельствуетъ объ отсутствіи перваго условія организаціи—точнаго и бесспорнаго знанія конечнаго идеала. Но это соображеніе совершенно неубѣдительно и лишено всякой силы для того, кто считаетъ себя *обладающимъ абсолютной истиной*. Для человѣка, сознательно или безсознательно признающаго себя или свой идеалъ *непогрѣшимымъ и абсолютно вѣрнымъ*, исчезаютъ всякія сомнѣнія и колебанія; всѣ разногласія меж-

людьми лишаются въ его глазахъ своего принципіальнаго значенія, обосновывающаго свободу мнѣнія, и сводятся къ простому факту противорѣчія между истиной и ложью, между сознательностью и невѣжествомъ или предразсудкомъ. Съ этой точки зрѣнія подобныя разногласія должны быть преодолѣны всѣми средствами и притомъ чисто механически. Когда я вижу слѣпого, идущаго по направленію къ пропасти, я постараюсь словами убѣжденія предупредить грозящую ему опасность; но если это мнѣ не удается, я силой поставлю его на правильный путь. Не такъ же ли, по отношенію къ слѣпой людской толпѣ, должны поступать ея зрячіе, сознательные руководители? Можно ли спокойно смотрѣть на гибель или даже безцѣльныя блужданія людей, когда знаешь путь къ ихъ счастью, можно и нужно ли ждать, пока люди добровольно и самостоятельно придутъ къ его сознанію? Нѣтъ, необходимо властно вмѣшаться въ ихъ судьбу и, волей или неволей, заставить ихъ слѣдовать за собой!

Несомнѣнно и можетъ быть фактически доказано, что всѣ соціальныя системы, руководимыя идеей организаціи, открыто или молчаливо опираются на *догматъ непогрѣшимости*. Изъ доктрины непогрѣшимости открыто исходитъ католицизмъ, эта наиболѣе грандіозная и относительно успѣшная попытка организаціи человѣчества; ибо весь планъ спасенія человѣчества католической церковью держится на признаніи ея (или ея главы—папы) представителемъ Бога на землѣ, непогрѣшимымъ носителемъ абсолютной истины; и если догматъ непогрѣшимости былъ установленъ сравнительно недавно, то по существу онъ всегда служилъ формально предпосылкой всего католическаго міросозерцанія. Впрочемъ, всякая церковь, исповѣдующая, что она есть единственная и совершенная представительница Святого Духа на землѣ, въ этомъ смыслѣ «католична», неизбѣжно должна считать себя непогрѣшимой и, слѣдовательно, обладающей правомъ на деспотическое господство надъ людьми. Если мы возьмемъ теперь такую теорію организаціи, которая представлена въ соціализмѣ, то мы увидимъ, что и здѣсь молчаливой предпосылкой служитъ идея непогрѣшимости. «Анархія производства», при которой всякій производитъ продукты наугадъ, не зная общественной потребности ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи, и которая приводитъ къ кризисамъ и потрясеніямъ хозяйства, должна, по мнѣнію соціализма, смѣниться планомѣрной хозяйственной организаціей, въ которой власть изслѣдовала бы общественныя потребности и предписывала, сообразно съ ними, количество и качество необходимыхъ обществу продуктовъ. Если исходить изъ (признаваемой соціализмомъ) универсальности этой хозяйственной организаціи, то есть должна опредѣлить производство не только хлѣба и одежды, но и книгъ, картинъ, статуй и т. д. Очевидно, это предполагаетъ, что руководители хозяйственной жизни въ точности знаютъ нужды и потребности общества, не только матеріальныя, но и духовныя, что они являются непогрѣшимыми цѣнителями всего, что нужно для человѣческой жизни. Остановимся, наконецъ, къ аналогичной по основной идеѣ «мечтѣ» скепти-

ческаго философа Ренана. Каста мудрецовъ, владѣющая секретомъ могущественныхъ разрушительныхъ орудій и веществъ, съ помощью этой силы держитъ въ слѣпомъ повиновеніи невѣжественную толпу, руководитъ ею и направляетъ ее по пути развитія человѣчности и культуры. Всѣ споры и раздоры прекращены, исчезло и вліяніе на общественную жизнь глупцовъ, честолюбцевъ, исчезла всякая случайность, и человѣчество твердой и мудрой рукой направлено къ вѣрной цѣли. Очевидно, что и эта «мечта», поражающая своей жестокостью и презрѣніемъ къ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекающая своей простотой и логичностью, покоится на одной молчаливой предпосылкѣ: на допущеніи, что «каста мудрецовъ» чужда недостатковъ, что она абсолютно непогрѣшима. Ибо во что конкретно обратилась бы эта мечта, если бы въ среду этихъ мудрыхъ деспотовъ закрались «человѣческія, слишкомъ человѣческія» явленія невѣжества, тщеславія, эгоизма и т. п.? Скептикъ Ренанъ сошелся тутъ съ католицизмомъ въ допущеніи возможности среди людей и людского общества нѣкоторой непогрѣшимой инстанціи; съ этимъ допущеніемъ стоитъ и падаетъ вся его «мечта».

Такимъ образомъ, подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма лежитъ въ *идеѣ непогрѣшимости*, въ своеобразномъ, по существу мистическомъ сознаніи обладанія абсолютной истиной. Простая убѣжденность, увѣренность въ своей правотѣ не даетъ обоснованія деспотизму; ибо убѣжденность не противорѣчитъ признанію за другими людьми права имѣть иныя убѣжденія. Только та вѣра, которая состоитъ въ сознаніи безусловнаго, сверхраціональнаго, мистическаго проникновенія въ абсолютную истину, устраняетъ равноправіе между людьми и даетъ вѣрующему внутреннее право на деспотическое господство надъ людьми. При этомъ нѣтъ надобности, чтобы мистическій характеръ этой вѣры былъ сознанъ самимъ вѣрующимъ; онъ долженъ только фактически присутствовать въ сознаніи, хотя бы и въ безотчетной формѣ. Всякій *фанатизмъ* по существу сводится къ такой мистической вѣрѣ; фанатикъ можетъ увѣрять себя и другихъ, что убѣжденія его обоснованы на чисто раціональныхъ аргументахъ, и тѣмъ не менѣе психологически его убѣжденія стоятъ выше всѣхъ этихъ аргументовъ и внѣ ихъ; не они подчиняются раціональнымъ доводамъ и зависятъ отъ нихъ, а, напротивъ, сама ирраціональная вѣра подыскиваетъ себѣ соотвѣтствующіе аргументы. Ибо никакіе аргументы, какъ бы сильны и убѣдительны они ни были, не даютъ человѣку сознанія непогрѣшимости, непоколебимой увѣренности въ обладаніи абсолютной и универсальной истиной. Это сознаніе можетъ быть только вѣрой, неразложимымъ на раціональные мотивы первичнымъ мистическимъ чувствомъ *откровенія* и *прозрѣнія*.

Всякій деспотизмъ, если онъ вообще ищетъ идейнаго оправданія, опирается въ конечномъ счетѣ на идею непогрѣшимости; всякая непогрѣшимость, съ другой стороны, съ логической неизбѣжностью приводитъ къ деспотизму, къ нравственному оправданію принудительной опеки мудрыхъ

надъ безумными, зрячихъ надъ слѣпыми. Непогрѣшимость, такъ сказать, подводитъ къ деспотизму съ двухъ сторонъ: человѣкъ, сознающій себя непогрѣшимымъ, съ такимъ же правомъ считаетъ себя призваннымъ насильственно руководить людьми, какъ люди, признающіе эту его непогрѣшимость, считаютъ себя обязанными слѣпо ему повиноваться. Право власти и обязанность повиновенія съ одинаковой остротой и силой сознаются тамъ, гдѣ находится какая-либо непогрѣшимая инстанція. Слѣпая вѣра и слѣпое повиновеніе суть только различныя стороны, различныя проявленія одного общаго начала—чувства *авторитета*, возведенія какого-либо человѣка, человѣческаго дѣла, ученія, партіи, религіи на абсолютную и сверхчеловѣческую высоту. На исторіи античнаго міра можно было бы эмпирически, фактъ за фактомъ, прослѣдить, какъ развитіе деспотизма и упадокъ свободы идетъ рука объ руку съ развитіемъ чувства авторитета. Средневѣковый деспотизмъ, какъ уже было отмѣчено, цѣликомъ опирается на высшій, сверхчеловѣческій авторитетъ церкви и божественной власти. Но если мы обратимся къ наиболѣе типичному міровоззрѣнію новаго времени и притомъ въ его наиболѣе обоснованной и глубокой формѣ—къ идеѣ народовластія, абсолютнаго верховенства народа или большинства, какъ она выражена у Руссо—то и тутъ совершенно явно дана связь между деспотизмомъ и идеей непогрѣшимости. Ибо все обоснованіе демократическаго деспотизма у Руссо открыто опирается на утвержденіе, что «общая воля», воля большинства всегда *непогрѣшима*. Законность деспотизма, какъ системы *принудительнаго осуществленія абсолютной правды*, была весьма точно выражена физіократами: «Естественные законы» должны быть осуществляемы деспотически, ибо они опираются на «авторитетъ очевидности». «Эвклидъ настоящій деспотъ, и тѣ геометрическія истины, которыя онъ намъ передалъ, представляютъ собой настоящіе деспотическіе законы» (Mercier de la Riv ère) [1]. Оставляя въ сторонѣ наивное смѣшеніе закона, какъ теоретическаго сужденія, съ закономъ, какъ нормой или правиломъ поведенія, можно сказать, что въ этомъ указаніи дѣйствительно вскрыто философское основаніе деспотизма. Если бы нормы и идеалы общественнаго сознанія обладали такой же очевидностью, какъ геометрическія аксіомы, то, быть можетъ, деспотизмъ былъ бы единственно раціональной формой общественнаго устройства; и поскольку вѣра въ эти идеалы достигаетъ ясности и убѣдительности математическаго сознанія—что возможно только для ирраціонально-мистической вѣры—деспотизмъ является для нея простымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ [2].

---

[1]) Цитир. у *Анри Мишеля*. Идея государства, русск. пер., стр. 19.

[2]) Впрочемъ, даже въ этой области исключительно точнаго и достовѣрнаго знанія истина тоже не дана людямъ въ абсолютной формѣ; физіократы не подозрѣвали, то возможно и, слѣдовательно, законно *возстаніе даже противъ Эвклида*; Лобачевскій, отказавшись признать извѣстную 11-ю аксіому, совершилъ это возстаніе и тѣмъ расширилъ и исправилъ столь, повидимому, непогрѣшимое геометрическое сознаніе людей.

IV.

Связь между деспотизмомъ и идеей непогрѣшимости можетъ быть уяснена нѣкоторыми болѣе общими морально-философскими соображеніями.

Система нравственныхъ отношеній и моральнаго міросозерцанія опредѣляется двумя основными мотивами, которые выражены въ двухъ евангельскихъ заповѣдяхъ *любви къ Богу* и *любви къ ближнему*. Существуютъ двѣ принципіально различныя области нравственности, изъ которыхъ одна опредѣляетъ отношенія человѣка къ Богу или высшей святынѣ, другая—отношенія людей между собой. Не нужно думать, что только у вѣрующихъ, у религіозныхъ людей, въ обычномъ и тѣсномъ смыслѣ слова, имѣются обѣ указанныя сферы нравственности, что только для сознанія, открыто исповѣдующаго Бога, примѣнимы *обѣ* евангельскія заповѣди, тогда какъ для «невѣрующихъ» сохраняетъ силу лишь послѣдняя заповѣдь, и его нравственность сводится всецѣло къ нормамъ отношенія между людьми. Напротивъ, въ заповѣдяхъ любви къ Богу и любви къ ближнему выражены два вѣчныхъ, имманентныхъ и универсальныхъ мотива человѣческой нравственности, дѣйствующихъ во всѣхъ людяхъ независимо отъ особенностей ихъ философскаго или религіознаго міросозерцанія. Если подъ Богомъ понимать идеалъ, высшую моральную цѣнность или абсолютную святыню, то у каждаго человѣка, вообще признающаго нравственные идеалы, есть свой Богъ и свое отношеніе къ Богу—на ряду съ отношеніемъ къ людямъ и независимо отъ него, есть свои обязанности къ Богу, кромѣ обязанностей къ людямъ, и, такимъ образомъ, нравственное сознаніе каждаго человѣка раздѣлено по своему содержанію на двѣ отдѣльныя и самостоятельныя сферы.

Строй моральныхъ отношеній и понятій въ этихъ двухъ сферахъ совершенно различенъ.

Моральныя отношенія между людьми основаны на принципѣ *равноправія* (возлюби ближняго, какъ самого себя). Принципъ этотъ состоитъ въ устраненіи всякаго неравенства, всякаго преимущества «я» передъ «ты». Въ морали отношеній между людьми, взятой въ чистомъ видѣ, не существуетъ никакихъ градацій, никакого различія между высшимъ и низшимъ. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ всѣ люди должны признаваться равноцѣнными и равноправными величинами. Всѣ различія между мудрыми и глупыми, добрыми и злыми не имѣютъ здѣсь значенія. Всѣ они выражаютъ различное положеніе людей въ отношеніи къ идеалу, различную цѣнность ихъ въ смыслѣ относительной близости къ идеалу, но не могутъ вліять на мораль отношеній между людьми, для которой всѣ люди, какъ таковые, равны.

Изъ этого равноправія вытекаетъ формула *справедливости* (которая есть лишь выраженіе равноцѣнности «ты» и «я»): я долженъ отвлечься отъ всѣхъ *моихъ личныхъ* интересовъ, симпатій, антипатій, не долженъ приписывать имъ какого-либо преимущественнаго значенія по сравненію

съ интересами и симпатіями всѣхъ другихъ людей, долженъ относиться ко всѣмъ людямъ одинаково, цѣнить и уважать ихъ независимо отъ ихъ близости или удаленности отъ меня, отъ ихъ согласія или разногласія со мной. Отсюда заповѣди любви къ врагамъ, миролюбія, кротости и т. п. Все это—лишь проявленія общаго начала равноправія, признанія равной обязательности для каждаго человѣка правъ всѣхъ другихъ людей. Что бы я ни дѣлалъ, къ чему бы ни стремился, какія бы цѣли ни преслѣдовалъ, передо мной, какъ абсолютная преграда, стоятъ права другихъ, которыя я долженъ чтить и которымъ долженъ, слѣдовательно, уступать въ случаѣ ихъ конфликта съ моими интересами.

На совсѣмъ иномъ мотивѣ построена мораль отношенія человѣка къ Богу или высшей святынѣ. Здѣсь основной принципъ есть *подчиненіе,* общій складъ моральной жизни имѣетъ характеръ отношенія между низшимъ и высшимъ, полной отдачи своей личности на служеніе верховной власти идеала. Это подчиненіе человѣка Богу или идеалу можетъ принимать самые различные оттѣнки—начиная отъ человѣческихъ жертвоприношеній передъ идоломъ, олицетворяющимъ грозное, мстительное божество, и кончая добровольной отдачей своей личности на служеніе свободно и радостно признанному идеалу; тѣмъ не менѣе основнымъ мотивомъ его остается отношеніе подчиненія и служенія. Отсюда вытекаетъ весь характерный строй этой сферы нравственности. Здѣсь нѣтъ равноправія, здѣсь, наоборотъ, царитъ абсолютное неравноправіе. Это—прежде всего неравноправіе между Богомъ и человѣкомъ, т.-е. между властителемъ и слугой, между абсолютной цѣлью и единичнымъ, частнымъ орудіемъ. Кромѣ того, здѣсь развивается своеобразный дуализмъ, совершенно неизвѣстный морали отношеній между людьми. Богъ противопоставляется не только человѣку, но и своему антиподу—дьяволу. Понятіе добра немыслимо безъ противоположнаго понятія зла, понятіе абсолютной святыни—безъ соотвѣтственнаго понятія грѣховности. Поэтому отношеніе любви къ Богу и служенія ему есть тѣмъ самымъ отношеніе ненависти ко злу и борьбы съ нимъ. Добро должно всѣми средствами осуществляться, зло—искореняться. Служеніе идеалу или Богу неизбѣжно принимаетъ характеръ вражды къ противоположнымъ ему силамъ и борьбы съ ними. Такимъ образомъ, на ряду съ мотивомъ власти и подчиненія, опредѣляющимъ строй отношенія человѣка къ Богу, на почвѣ этого же отношенія, какъ составная его часть, развивается мотивъ вражды и борьбы.

Ясно, насколько различны руководящіе принципы морали въ этихъ ея областяхъ. Если въ морали отношенія между людьми центральнымъ этическимъ понятіемъ является идея равноцѣнности и равноправія, въ морали отношенія человѣка къ Богу дѣйствуетъ противоположный принципъ неравенства, и притомъ въ двухъ смыслахъ: принципъ неравенства между Богомъ и человѣкомъ, выражающійся въ отношеніи власти и служенія, и принципъ неравенства между добромъ и зломъ, святыней и греховностью, выражающійся въ совершенно различныхъ отношеніяхъ къ

этимъ двумъ началамъ—въ служеніи добру и въ борьбѣ со зломъ. Если въ морали отношенія между людьми вражда и борьба всегда безнравственны и недопустимы, то здѣсь, напротивъ, вражда ко злу и борьба съ нимъ суть высшія обязанности. Если тамъ должны дѣйствовать мотивы кротости, миролюбія и уступчивости, то здѣсь, наоборотъ, человѣкъ обязанъ быть непреклоннымъ въ своемъ служеніи идеалу, непримиримымъ и нетерпимымъ въ отношеніи къ враждебнымъ этому идеалу силамъ. Если тамъ соглашеніе между людьми нравственно цѣнно, то тутъ соглашеніе и уступчивость могутъ быть измѣной Богу.

Взятые чисто отвлеченно, эти два основныхъ и противоположныхъ мотива морали могутъ мирно существовать совмѣстно, именно потому, что они относятся къ совершенно различнымъ сферамъ: одинъ руководитъ отношеніемъ человѣка къ живымъ людямъ, другой опредѣляетъ его отношеніе къ отвлеченнымъ идеямъ, къ категоріямъ добра и зла. Однако, фактически въ жизни нѣтъ той раздѣльности, которая такъ легко можетъ быть установлена въ теоріи. Отношенія къ Богу и отношенія къ человѣку тѣсно переплетены между собой и потому легко могутъ вступать въ столкновенія. Вѣдь служеніе Богу или идеалу есть не уединенное личное дѣяніе, оно не совершается, такъ сказать, въ безвоздушномъ пространствѣ, а осуществляется совмѣстно съ другими людьми и въ ихъ средѣ. Кромѣ того, въ содержаніе самаго идеала, подлежащаго осуществленію, входитъ, какъ одна изъ важнѣйшихъ его частей, и извѣстное общественное устройство, воплощающее благо и устраняющее зло. Поэтому конфликты между двумя родами обязанностей естественны и неизбѣжны. Тотъ человѣкъ, котораго я, какъ человѣка, долженъ уважать, права и интересы котораго я долженъ свято соблюдать во имя любви къ ближнему, есть одновременно противникъ моего дѣла, моего идеала, моей святыни, и во имя моего отношенія къ Богу я долженъ съ нимъ бороться, долженъ быть непримиримымъ къ нему и упорнымъ въ отстаиваніи моего дѣла. Такъ возникаютъ столь частыя трагическія встрѣчи и столкновенія обязанностей. Какъ бы ни разрѣшались такіе конфликты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ бы трудно ни было иногда найти вѣрный примиряющій исходъ для нихъ—во всякомъ случаѣ ясно, что тутъ сталкиваются два самостоятельныхъ и одинаково первичныхъ, т.-е. абсолютныхъ нравственныхъ мотива, и что, слѣдовательно, ни одинъ не можетъ быть просто пожертвованъ или устраненъ ради другого, а оба должны быть равно приняты во вниманіе и учтены на моральныхъ вѣсахъ сознанія. Именно такое ясное сознаніе раздѣльности и самостоятельности этихъ двухъ мотивовъ служитъ единственной гарантіей безпристрастнаго рѣшенія конфликта между ними.

Тутъ-то и обнаруживается роковое значеніе идеи непогрѣшимости для всей системы моральныхъ понятій и отношеній. Сознаніе непогрѣшимости или обладанія абсолютной правдой состоитъ въ томъ, что Божество, высшій идеалъ, отождествляется съ какимъ-либо конкретнымъ человѣкомъ

учрежденіемъ, съ какой-либо отдѣльной вѣрой, церковью, партіей—словомъ, съ какой-либо земной, человѣческой инстанціей. Разъ это совершено, разъ Богъ сведенъ съ неба на землю и отожествленъ съ какимъ-либо земнымъ явленіемъ, которое признается его абсолютнымъ и универсальнымъ представителемъ и олицетвореніемъ—весь механизмъ нормальнаго нравственнаго сознанія сразу искажается. Тогда разрушается и теряетъ всякое значеніе та мораль равноправія и равноцѣнности людей, которая, какъ самостоятельное и первичное начало, противостоитъ всей морали отношенія къ Богу. Тогда въ области отношеній между людьми начинаютъ дѣйствовать тѣ принципы и нормы, которые законны лишь въ отношеніяхъ людей къ Богу. Въ предѣлахъ человѣческихъ отношеній уже не человѣкъ противостоитъ тогда равноправному человѣку, а всемогущее Божество—покорному и повинующемуся человѣку; или—такъ какъ въ отношеніи къ Богу все, что не солидарно съ нимъ, есть его противникъ—Богъ противостоитъ сатанѣ. Непримиримость ко злу дѣлается непримиримостью къ людямъ, человѣчество разбивается на два разряда, отдѣленные между собой непроходимой пропастью, на сторонниковъ Бога и Его противниковъ, на духовъ истины и духовъ лжи, и всѣ отношенія между ними строятся на мотивѣ вражды и борьбы. И одновременно мотивъ власти и подчиненія, дѣйствующій въ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ, также переносится на отношенія между людьми. Высшая, идеальная власть святыни или Божества надъ человѣкомъ становится реальной властью человѣка, признаваемаго за его выразителя, надъ человѣкомъ; принудительность и безусловность господства идеала надъ человѣкомъ превращается въ деспотизмъ человѣческихъ отношеній.

Такимъ образомъ, общее и наиболѣе глубокое отношеніе между деспотизмомъ и сознаніемъ непогрѣшимости состоитъ въ томъ, что идея непогрѣшимости есть какъ бы нить, переброшенная черезъ принципіальную пропасть, которая отдѣляетъ отношенія между людьми отъ отношеній человѣка къ Богу. Богъ низводится ею на землю, отождествляется съ человѣкомъ или человѣческой инстанціей, и тѣмъ самымъ отношенія безусловнаго подчиненія Богу превращаются въ отношенія слѣпого повиновенія человѣка человѣку. Деспотъ есть всегда земной богъ; и всякій земной богъ неизбѣжно есть деспотъ. «Не сотвори себѣ кумира!» — эта заповѣдь предостерегаетъ именно отъ отождествленія человѣческаго и божескаго; и сила деспотизма будетъ дѣйствительно побѣждена, лишь когда будутъ низвергнуты всѣ кумиры и исчезнетъ всякое идолопоклонство.

Изъ этихъ соображеній уясняется также истинный смыслъ пресловутой формулы: «цѣль оправдываетъ средство». Это — одна изъ тѣхъ формъ, которыя всѣми осуждаются въ теоріи и имѣютъ большой успѣхъ практикѣ. Было бы неправильно видѣть въ ней дерзкое провозглашеніе полютной безнравственности. Напротивъ, для многихъ она является длиннымъ выраженіемъ ихъ нравственнаго міросозерцанія, своего рода егорическимъ императивомъ, отступленіе отъ котораго считается при-

знакомъ нравственной трусости, непослѣдовательности и слабодушія. Въ самомъ дѣлѣ, если не признавать двухъ, намѣченныхъ выше, самостоятельныхъ рядовъ или сферъ морали, если полагать, что осуществленіе идеала есть единственный моральный мотивъ, изъ котораго вытекаютъ *всѣ* человѣческія обязанности и на-ряду съ которымъ нѣтъ никакихъ иныхъ мотивовъ, ограничивающихъ его,—то формула «цѣль оправдываетъ средство» будетъ простымъ и безспорнымъ выраженіемъ принципа цѣлесообразности, согласно которому значеніе средства опредѣляется только его пригодностью для служенія цѣли. Подъ «цѣлью» въ этомъ афоризмѣ разумѣется вѣдь абсолютное благо или высшій нравственный идеалъ. Если вся мораль строится на принципѣ осуществленія этого идеала, то откуда могутъ взяться какіе-либо иные моральные критеріи, которые запрещали бы прибѣгать къ дѣйствіямъ, полезнымъ для осуществленія идеала? Не будетъ ли, напротивъ, воздержаніе отъ такихъ дѣйствій безнравственностью, неисполненіемъ обязанности передъ Богомъ, т.-е. идеаломъ? Такимъ образомъ, эта іезуитская формула есть прямой и добросовѣстный выводъ изъ той морали, которая не признаетъ, на-ряду съ служеніемъ Богу, никакихъ абсолютныхъ обязанностей. Когда люди и людскія отношенія разсматриваются только какъ средства или матеріалъ для задачи осуществленія идеала,—тогда все на свѣтѣ цѣнится только съ точки зрѣнія своей пользы или вреда для этой задачи. Иначе это и не можетъ быть, и правиломъ «цѣль оправдываетъ средство» руководятся не безнравственные люди, а, напротивъ, люди наиболѣе послѣдовательные и смѣлые въ проведеніи своего нравственнаго міросозерцанія. Это возможно, конечно, только на почвѣ сознанія непогрѣшимости, которое человѣка или человѣческое дѣло признаетъ божествомъ. Божество не связано нравственными законами, ибо оно само есть мѣрило нравственности: хорошо все, что служитъ ему, дурно то, что идетъ противъ него. Іезуитизмъ есть логическій выводъ изъ католицизма.

Въ одной изъ своихъ недавнихъ публицистическихъ статей кн. Е. Н. Трубецкой, осуждая тактику крайнихъ партій, замѣтилъ: «понятія добра и зла замѣнились у насъ понятіями лѣваго и праваго». Это сужденіе, обличающее въ текущей политической жизни дѣйствіе іезуитической морали, констатируетъ, конечно, безспорный фактъ; но, къ счастію или къ несчастію, мотивомъ такого искаженія нормальной и общечеловѣческой нравственности является не простая разнузданность, безнравственность или ничѣмъ не оправдываемый партійный эгоизмъ, а нѣчто гораздо болѣе глубокое и прочное—именно своеобразная нравственность, цѣлая специфическая морал ная философія. Эта философія могла бы открыто поднять перчатку, бр шенную ей кн. Трубецкимъ. Она сказала бы: «да, понятія добра и тожественны съ понятіями лѣваго и праваго. Ибо для насъ, вѣрующи. и доподлинно знающихъ, что все «лѣвое» полезно и служитъ для осущ ствленія высшаго блага, а все «правое» вредно ему и задерживаетъ е осуществленіе—для насъ дѣйствительно нѣтъ иныхъ мѣрилъ нравств

ности, кромѣ содѣйствія всѣму «лѣвому» и истребленія всего «праваго». Когда партія Бога противостоитъ партіи сатаны, то надъ ихъ споромъ нѣтъ никакой высшей инстанціи, и всѣ средства въ этой борьбѣ святы и благи, разъ они полезны Богу». Такъ разсуждалъ католицизмъ, такъ—открыто или молчаливо—разсуждаютъ и современные католики демократической религіи. Это разсужденіе вообще можетъ съ одинаковымъ формальнымъ правомъ относиться къ любому содержанію, связываться съ любымъ идеаломъ; напр. для фанатика «праваго» Богъ находится тамъ, гдѣ «лѣвый» видитъ сатану, а сатана есть то, что для «лѣваго» есть Богъ; но разсужденіе, какъ таковое, остается въ силѣ, а съ нимъ и его практическіе выводы. Противъ самаго разсужденія нельзя ничего возразить; съ точки зрѣнія логики оно безупречно. Можно возражать только противъ его основной посылки—противъ отождествленія какого-либо человѣческаго идеала, стремленія, направленія съ абсолютной святыней. Только признавъ, что человѣку не дано знать сполна и цѣликомъ высшей правды, что въ человѣческой жизни нѣтъ непогрѣшимой инстанціи, которая указала бы, гдѣ Богъ и гдѣ сатана,—можно опровергнуть это искаженіе морали. Кто отвергъ эту основную предпосылку, тому ясно, что служеніе Богу всегда болѣе или менѣе субъективно, всегда зависитъ отъ недостовѣрнаго человѣческаго пониманія Бога и потому не даетъ человѣку права игнорировать свои обязанности по отношенію къ людямъ. Эти обязанности кладутъ преграду не только его личнымъ, эгоистическимъ побужденіямъ, но и его высшимъ стремленіямъ къ идеалу. Сознаніе непогрѣшимости, справедливо замѣчаетъ Фулье, на практикѣ тождественно съ эгоизмомъ: если эгоизмъ состоитъ въ томъ, что единственнымъ реальнымъ благомъ человѣкъ считаетъ свой личный интересъ, то сознаніе непогрѣшимости также отождествляетъ абсолютное благо съ волей и желаніями человѣка, проникнутаго вѣрой въ свое знаніе этого блага.

Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ проблема деспотизма есть чисто *философская* или даже *религіозно-философская проблема*. Оцѣнка деспотизма зависитъ отъ пониманія отношенія между *Богомъ*, т.-е. *высшей правдой*, и *человѣческой жизнью*, и рѣшеніе проблемы деспотизма опредѣляется воззрѣніемъ на *воплощеніе Бога*. Задача человѣческой жизни—стремиться къ воплощенію Божества, къ реализаціи высшаго и абсолютнаго добра. Кто думаетъ, что эта правда уже реализовалась, что Богъ уже воплотился—если не въ жизни и бытѣ, то въ мысли и вѣрѣ,—кто вѣритъ, что чья-либо мысль, вѣра, ученіе обладаютъ абсолютной правдой, тотъ будетъ проповѣдывать мораль деспотизма. Ибо деспотизмъ есть лишь практическій выводъ изъ догматизма, его моральное отраженіе и проявленіе. Наоборотъ, кто знаетъ, что воплощеніе Божества, осуществленіе высшей правды—даже въ религіи или человѣческомъ сознаніи—никогда не закончено, всегда неполно и несовершенно, что всѣ наши сужденія объ идеалѣ, всѣ оцѣнки и нравственныя требованія лишь неполно, односторонне и субъективно отражаютъ абсолютную правду, что постиженіе правды совершается лишь, какъ без-

конечный процессъ соборнаго просвѣщенія и воспитанія всего человѣчества, тотъ преодолѣлъ деспотизмъ и утвердилъ мораль свободы. Ибо для него невозможно отождествленіе человѣка или человѣческаго дѣла съ Богомъ, какъ и отождествленіе его съ сатаной. Всякаго человѣка онъ будетъ уважать, какъ возможное орудіе Бога, всякую мысль и всякое стремленіе онъ допуститъ, какъ пособниковъ правды. «По отношенію къ нравственности есть только одинъ абсолютный законъ—это предписаніе никогда не поступать такъ, какъ будто владѣешь абсолютной истиной». Фулье, который на этомъ законѣ построилъ свою «мораль сомнѣнія», справедливо добавляетъ: «Если главный грѣхъ, символически приписываемый сатанѣ, есть *гордость*, которая, пренебрегая границами познанія, приближается къ абсолютному, то можно сказать, что на землѣ всѣ папы и деспоты, какъ бы это ни противорѣчило ихъ желаніямъ, являются вѣрнымъ олицетвореніемъ сатаны».

Можно сказать, что *деспотизмъ столь же адэкватенъ догматизму*, сколь *свобода адэкватна критицизму*. Единственная подлинная опора деспотизма есть сознаніе непогрѣшимости, дающее право на насильственную опеку; единственная твердая и прочная опора свободы есть критицизмъ, сознаніе относительности всѣхъ человѣческихъ вѣрованій и стремленій, налагающее обязанность уважать всѣхъ людей и ихъ свободу.

V.

Идея общественной морали, построенной на принципѣ критицизма и противопоставленной деспотизму, который вытекаетъ изъ догматизма, даетъ также, какъ намъ думается, единственное прочное обоснованіе идеалу демократическаго устройства общества.

Главное и, съ извѣстной точки зрѣнія, вполнѣ основательное возраженіе противъ демократіи состоитъ въ томъ, что она отдаетъ власть и руководительство обществомъ въ руки неразумной, слѣпой и одержимой страстями толпы. Для той доктрины, которая исходитъ изъ мысли, что добро и зло въ общественной жизни уже найдены и установлены разъ навсегда, и что задача власти—неукоснительно осуществлять какой-либо общепризнанный и безспорный идеалъ — приведенное возраженіе противъ демократіи совершенно неопровержимо. Если смотрѣть на политическое устройство, какъ на *организацію опеки*, если выборъ формы власти означаетъ выборъ лучшаго *опекуна*, то, конечно, рѣшеніе окажется не въ пользу демократіи. Всѣ мыслители, высказывавшіеся противъ демократіи, возражали именно съ этой точки зрѣнія,—начиная съ Платона и кончая Ренаномъ. Понятно, что руководительство народомъ скорѣе умѣстно передать лучшимъ и мудрѣйшимъ, чѣмъ толпѣ. Несовершенство человѣческой природы, неизбѣжное господство въ массѣ слѣпыхъ предразсудковъ и пристрастій, неспособность большинства возвыситься до пониманія истинныхъ нуждъ и потребностей общества являются вѣскими аргументами противъ отдачи власти въ руки всѣхъ безъ разбору.

Противъ этихъ аргументовъ можетъ быть выставлено только одно соображеніе — но вполнѣ достаточное, чтобы лишить ихъ почвы. Оно состоитъ въ томъ, что внѣ самихъ людей и ихъ коллективнаго самоопредѣленія нѣтъ никакой иной, высшей или лучшей инстанціи, могущей съ непогрѣшимой достовѣрностью указывать тѣхъ избранныхъ, которымъ надлежитъ отдать власть надъ людьми и руководительство ими. Если бы лучшіе и мудрѣйшіе носили на своемъ челѣ явную и для всѣхъ безспорную печать избравшей ихъ высшей силы, если бы не было сомнѣнія, что они и они одни суть носители разума и правды, то было бы естественно и просто предпочесть ихъ неразумной толпѣ. Но тутъ опять обнаруживаетъ свою силу основной аргументъ критицизма: у насъ нѣтъ точныхъ критеріевъ абсолютнаго добра и абсолютной истины. И именно потому, что такихъ критеріевъ нѣтъ, нашъ единственный исходъ — это предоставить выборъ всѣмъ, коллективной мысли и волѣ народа. Всеобщая подача голоса — не только въ узкомъ, техническомъ своемъ значеніи, а въ широкомъ философскомъ смыслѣ вліянія всѣхъ мнѣній на общественную жизнь — есть единственное средство обезпечить выборъ истиннаго пути или лучшихъ умовъ для его отысканія. Конечно, истина не появляется въ готовомъ видѣ, какъ механическій продуктъ всеобщаго голосованія, но она вѣдь вообще не можетъ быть добыта и утверждена *никакими* механическими средствами. За невозможностью произвести отборъ между лучшими и худшими, разумными и безумными не остается ничего иного, какъ *дать вліяніе всѣмъ* и предоставить истинѣ вырабатываться въ результатѣ естественнаго взаимодѣйствія и тренія всѣхъ воззрѣній, характеровъ, способностей и духовныхъ силъ. Несовершенство человѣческой природы есть аргументъ не противъ демократіи, а въ ея пользу, ибо оно лишаетъ силы всѣ планы политическаго устройства въ формѣ опеки и призываетъ все общество къ рѣшенію непосильной для отдѣльнаго лица задачи осуществленія общественнаго блага.

Изъ этого слѣдуетъ, что цѣнность демократіи не въ томъ, что она есть *власть всѣхъ*, а въ томъ, что она есть *свобода всѣхъ*. Смыслъ ея — преимущественно отрицательный: демократія означаетъ освобожденіе отъ опеки, уничтоженіе привилегіи немногихъ на господство, отмѣну различія между «активными» и «пассивными» гражданами. Истинное значеніе демократіи состоитъ не въ передачѣ власти въ руки всѣхъ или большинства, а въ *ограниченіи* каждой индивидуальной воли волею всѣхъ остальныхъ членовъ общества. Поэтому, если демократія, основанная на свободѣ, есть наилучшая изъ возможныхъ формъ политическаго устройства, демократія якобинская или основанная на деспотизмѣ должна быть призна наиболѣе несостоятельной его формой. Ибо демократическая деспотія ержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе двухъ антагонистическихъ й — идеи деспотизма или опеки и идеи самоопредѣленія, и это противоіе исторически проявляется въ томъ, что деспотизмъ большинства ается всегда лишь переходной ступенью къ деспотизму немногихъ или

одного. Практически власть всегда принадлежитъ немногимъ руководителямъ, какъ это весьма тонко замѣтилъ Пушкинъ. «Роковымъ образомъ, при всѣхъ видахъ правленія, люди подчинялись меньшинству или единицамъ, такъ что слово демократія, въ извѣстномъ смыслѣ, представляется мнѣ безсодержательнымъ и лишеннымъ почвы» *). Масса, большинство не можетъ реально властвовать или руководить; поэтому демократическій деспотизмъ содержитъ нѣкоторую внутреннюю фальшь, которая рано или поздно обнаруживается. Лишь демократія, понимаемая и осуществляемая, какъ самоопредѣленіе или самоограниченіе всѣхъ отъ власти меньшинства, есть реальный и прочный фактъ огромной политической и моральной цѣнности. Демократія не можетъ быть основана на *вѣрѣ въ непогрѣшимость большинства*; для этой вѣры нѣтъ никакихъ основаній, и она еще менѣе убѣдительна, чѣмъ всякая иная вѣра. Демократія опирается, напротивъ, на *отрицаніе всякой непогрѣшимости*, будетъ ли то непогрѣшимость одного, или немногихъ, или большинства; всякой непогрѣшимости она противопоставляетъ право каждой человѣческой личности на соучастіе въ рѣшеніи вопроса объ общественномъ благѣ.

Такимъ образомъ, переходъ отъ деспотіи къ демократіи есть не просто внѣшнее событіе политической исторіи; прочно и окончательно такой переходъ можетъ совершиться лишь на почвѣ внутренней, духовной эволюціи, на почвѣ развитія нравственно-философскаго міросозерцанія и умонастроенія. Только общество, которое не поклоняется болѣе никакимъ идоламъ, которому чужда фанатическая вѣра, приводящая къ обожествленію однихъ человѣческихъ дѣлъ и стремленій и къ деспотическому подавленію и истребленію противоположныхъ,—только такое общество навсегда освободилось отъ деспотизма, и только строй жизни, основанный на внутреннемъ моральномъ уваженіи ко всѣмъ мнѣніямъ и вѣрамъ, на терпимости, истекающей изъ независимаго критическаго мышленія, образуетъ прочную твердыню свободнаго демократическаго устройства.

С. Франкъ.

---

*) Воспоминанія Смирновой.

Какъ осуществить единое народное представительство?

Вопросъ объ одной или двухъ палатахъ народныхъ представителей до сихъ поръ ставится и рѣшается обыкновенно чисто раціоналистически. Сторонники каждой изъ двухъ системъ стараются подыскать аргументы, которые доказывали бы, что болѣе разумна именно отстаиваемая ими система. Однако чисто раціоналистически этотъ вопросъ былъ вполнѣ опредѣленно рѣшенъ въ пользу одной палаты еще раціоналистами XVIII столѣтія. Вѣдь большинство аргументовъ отъ разума, несомнѣнно, говоритъ за единство народнаго представительства, а не за его двойственность.

Но неудачи, постигшія первыя попытки осуществить единое народное представительство, оказались довольно вѣскимъ аргументомъ противъ однопалатной системы. Тогда подъ впечатлѣніемъ ихъ и въ силу ассоціаціи представленій по контрасту естественно было обращено вниманіе на чрезвычайную прочность двухпалатной системы въ Англіи, гдѣ народное представительство создалось путемъ медленнаго историческаго процесса. Наконецъ, новыя формы государственнаго быта въ видѣ федералистическихъ государствъ доставили обильный матеріалъ въ пользу двухпалатнаго народнаго представительства. Всѣ эти факты обыкновенно раціонализируются и приводятся въ качествѣ доказательствъ большей цѣлесообразности двухпалатной системы. Сторонники двухпалатной системы при защитѣ ея всецѣло слѣдуютъ методамъ раціоналистовъ XVIII столѣтія, хотя и приходятъ къ прямо противоположнымъ выводамъ. Вліяніемъ идей XVIII столѣтія и стремленіемъ чисто раціоналистически доказать преимущества двухпалатной системы объясняется и то обстоятельство, что большинство доказательствъ въ пользу двухпалатной системы основывается на теоріи раздѣленія властей—этомъ наиболѣе характерномъ продуктѣ раціоналистическаго вѣка по имуществу.

Замѣчательнымъ примѣромъ такой постановки вопроса является «Тактика законодательныхъ собраній» Бентама. Когда Бентамъ въ 1791 году писалъ этотъ трактатъ, онъ былъ безусловнымъ сторонникомъ однопалатного народнаго представительства. Поэтому онъ привелъ только доводы въ пользу него. Сторонникомъ однопалатнаго народнаго представительства

Бентамъ остался до конца своихъ дней. По крайней мѣрѣ и въ письмахъ къ Торено въ 1822 году по поводу испанскихъ и португальскихъ дѣлъ, и въ письмѣ о реформѣ въ 1830 году по поводу іюльской революціи онъ опредѣленно выступаетъ противъ верхнихъ палатъ. Но въ 1815 году переводчикъ и истолкователь Бентама Дюмонъ переработалъ и издалъ его «Тактику» по французски. При этомъ онъ внесъ въ нее все, что давалъ политическій опытъ послѣдней четверти столѣтія. Между прочимъ къ доказательствамъ въ пользу одной палаты онъ присоединилъ и доказательства въ пользу двухъ, сообщивъ послѣднимъ перевѣсъ надъ первыми. Тѣмъ не менѣе, строго придерживаясь методовъ Бентама, онъ придалъ всѣмъ доказательствамъ въ пользу двухпалатной системы чисто раціоналистическій характеръ.

Но именно раціоналистическіе аргументы въ пользу двухпалатной системы чрезвычайно слабы. Двухпалатное народное представительство создалось и развилось не въ силу велѣній разума, а чисто историческимъ путемъ. Поэтому оно имѣетъ по преимуществу ирраціональный характеръ. Попытки раціонализировать эту систему и доказать ея разумность всегда страдаютъ извѣстными натяжками и очень мало убѣдительны. Какъ ни стараются ея сторонники, имъ не удается съ полной очевидностью доказать, что она дѣйствительно разумна. Обыкновенно получается даже нѣсколько обратное впечатлѣніе и это вполнѣ понятно. Все разумное должно быть въ высшей степени проникнуто логическими принципами и прежде всего строгою послѣдовательностью. Но двухпалатная система болѣе всего страдаетъ отсутствіемъ послѣдовательности. Она всегда является выраженіемъ извѣстнаго компромисса. А компромиссъ не есть слѣдствіе или выводъ изъ извѣстныхъ логическихъ посылокъ, а лишь примиреніе между данными фактическими соотношеніями.

Чтобы избѣжать голословности, намъ приходится пересмотрѣть всѣ аргументы въ пользу двухпалатной системы и вскрыть ихъ внутреннюю несостоятельность постольку, поскольку они претендуютъ доказать ея разумность. Въ то же время однако намъ не разъ придется убѣждаться въ томъ, что она представляетъ необходимый компромиссъ, который на извѣстной стадіи историческаго развитія даже при самыхъ различныхъ политическихъ условіяхъ является наилучшимъ исходомъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, судьба двухпалатной системы вполнѣ аналогична судьбѣ самаго народнаго представительства и всего современнаго парламентаризма. Вѣдь для изслѣдователя не можетъ подлежать сомнѣнію, что весь строй современнаго конституціоннаго государства построенъ на компромиссѣ.

Но, конечно, нельзя удовлетвориться лишь критикой раціоналистическихъ аргументовъ въ пользу двухпалатной системы и оправданіемъ ея какъ необходимаго компромисса при данныхъ условіяхъ. Естественно такая поставить вопросъ, какъ осуществить болѣе раціональную форму народнаго представительства, которая должна заключаться въ полномъ единствѣ ея Рѣшеніе этого вопроса, несомнѣнно, представляетъ наибольшій интересъ

Оно болѣе всего будетъ способствовать всестороннему освѣщенію самаго вопроса о двухпалатной системѣ. Въ виду важности этого вопроса онъ и послужилъ заглавіемъ для всего предлагаемаго изслѣдованія, несмотря на то, что ему посвящена только послѣдняя часть его.

I.

Теоретически вопросъ объ одной или двухъ палатахъ, повидимому, окончательно рѣшенъ въ пользу одной палаты. Кто признаетъ, что государство хоти бы въ идеѣ должно выражать въ себѣ національное единство и единство народныхъ интересовъ, тотъ долженъ также признать, что и народное представительство должно отражать это единство, т.-е. что оно должно быть единымъ. Общіе интересы всего народа должны быть необходимо представлены въ одномъ законодательномъ собраніи. При двойственности представительства, т.-е. при существованіи двухъ палатъ, по необходимости будутъ представлены групповые и классовые, а не общенародные интересы. Образованіе одной палаты несомнѣнно наиболѣе соотвѣтствуетъ и всеобщему, равному и прямому избирательному праву, такъ какъ нѣтъ основанія дѣлить депутатовъ, избранныхъ одинаковымъ способомъ, и организовывать ихъ въ два различныхъ собранія. Если же способъ избранія въ одно изъ законодательныхъ собраній измѣнить, то надо отказаться по крайней мѣрѣ отъ прямого избирательнаго права и обратиться къ системѣ косвенныхъ выборовъ. Понятно поэтому, что всѣ радикально-демократическія и республиканскія, а слѣдовательно и всѣ соціалистическія партіи требуютъ созданія народнаго представительства, состоящаго изъ одной палаты. Тамъ гдѣ существуютъ двѣ палаты, они настаиваютъ на уничтоженіи другой палаты. Съ другой стороны, извѣстно также, что большинство консервативныхъ и буржуазно-конституціонныхъ партій являются сторонниками верхнихъ палатъ, такъ какъ верхнія палаты вездѣ оказываются сдерживающей и консервативной силой.

Но этому теоретическому рѣшенію вопроса не соотвѣтствуетъ практическое. Можно положительно утверждать, что еще не найдена такая организація народнаго представительства, при которой единое народное представительство могло бы быть осуществлено въ обширномъ государствѣ, какъ прочное и нормально функціонирующее учрежденіе. Во всѣхъ современныхъ самыхъ крупныхъ и значительныхъ европейскихъ и американскихъ государствахъ пока существуетъ двѣ палаты народныхъ представителей. Въ одну палату народное представительство организовано только въ самыхъ мелкихъ и въ нѣкоторыхъ изъ среднихъ государствъ европейскаго континента и отчасти Америки. Одна палата существуетъ въ тѣхъ кантонахъ швейцарскаго союза, въ которыхъ государственное устройство представительное, а не непосредственно-демократическое; одна палата является также какъ бы отличительнымъ признакомъ мелкихъ государствъ германской имперіи въ противоположность среднимъ и крупнымъ государствамъ;

одинаковое государственное устройство съ мелкими германскими государствами имѣетъ въ этомъ отношеніи и Люксембургъ, когда-то входившій въ германскій союзъ, а теперь представляющій изъ себя самостоятельное государство и попрежнему примыкающій лишь къ нѣмецкому таможенному союзу; наконецъ, въ одну палату народное представительство организовано въ Балканскихъ государствахъ, за исключеніемъ Румыніи, и въ трехъ колоніяхъ Канады.

Какъ-то даже странно ставить названныя государства рядомъ, настолько они разнятся по своему государственному строю, соціально-политической организаціи и историческимъ судьбамъ. Въ одной и той же рубрикѣ мы видимъ и демократическія республики Швейцаріи, наиболѣе послѣдовательно и полно осуществляющія всѣ демократическія учрежденія, и мелкія государства Германіи, большинство которыхъ конституціонныя монархіи, сохранившія очень широкія прерогативы за монархической властью, съ цензовымъ представительствомъ и иногда съ отдѣльными членами, назначаемыми верховной властью, въ единичныхъ случаяхъ даже съ представительствомъ сословнымъ, а меньшинство которыхъ составляютъ республики—три вольныхъ ганзейскихъ города Бременъ, Гамбургъ и Любекъ, строго аристократически организованныя и потому мало отличающіяся по своимъ политическимъ учрежденіямъ отъ монархіи, и наконецъ, въ той же рубрикѣ мы находимъ молодыя балканскія государства, очень демократическія по своему соціальному составу и по статьямъ конституцій, но на практикѣ очень далекія отъ истинныхъ конституціонно-демократическихъ формъ правленія. По историческимъ судьбамъ эти государства отличаются другъ отъ друга не менѣе, чѣмъ по соціально-политической организаціи и государственному строю. Къ нимъ принадлежатъ и одни изъ наиболѣе древнихъ государствъ въ Европѣ, какъ нѣкоторые кантоны Швейцаріи и нѣкоторыя княжества и вольные города Германіи, и государства, едва отпраздновавшія двадцатипятилѣтіе своего существованія, какъ Болгарія или не существующія еще и столѣтія, какъ Греція и Сербія, наконецъ, среди нихъ мы видимъ не только европейскія государства, но и нѣсколько колоній въ Сѣверной Америкѣ. Въ одну и ту же группу ихъ объединяютъ только два признака—всѣ они приняли систему однопалатнаго народнаго представительства и всѣ они очень небольшія государства. На основаніи этихъ двухъ признаковъ ихъ противопоставляютъ всѣмъ крупнымъ государствамъ и нѣкоторымъ мелкимъ, усвоившимъ себѣ систему двухпалатнаго народнаго представительства.

Такое распредѣленіе системъ двухпалатнаго и однопалатнаго народнаго представительства между различными государствами въ зависимос отъ ихъ величины побудило нѣмецкихъ государствовѣдовъ половины про лаго столѣтія Роберта фонъ-Моля и особенно Блюнчли выставить правил по которому однопалатное народное представительство подходитъ толь къ мелкимъ государствамъ, крупнымъ же государствамъ болѣе соотвѣтствуе двухпалатная система представительства. Но навряд ли можно призна

основательнымъ превращеніе этого факта въ правило и приданіе ему такимъ образомъ нѣкотораго обязательственнаго значенія.

Что касается мелкихъ государствъ, то къ нимъ не столько подходитъ однопалатное народное представительство, сколько абсолютно неприложима двухпалатная система представительства. Темпъ и строй общественной и политической жизни въ маленькихъ государствахъ естественно совершенно иной, чѣмъ въ крупныхъ, такъ какъ всѣ государственно-правовые вопросы въ нихъ имѣютъ болѣе ограниченное, частное и такъ сказать мѣстное значеніе. Въ государствѣ, которое по пространству и населенію равняется среднему уѣзду центральной Россіи, общественная и государственная жизнь должна, конечно, носить очень скромный характеръ по сравненію съ общественной и политической жизнью, напримѣръ, въ великихъ державахъ. Между тѣмъ большинство кантоновъ Швейцаріи и большинство мелкихъ государствъ германской имперіи, а также Люксембургъ, какъ по пространству, такъ и по населенію даже меньше средняго уѣзда центральной Россіи. Даже самые обширные изъ нихъ по пространству, какъ, напримѣръ, Бернъ, Валлисъ и Граубюнденъ въ Швейцаріи, Ольденбургъ и Брауншвейгъ въ Германіи, могутъ быть приравнены лишь къ крупнымъ уѣздамъ той же части Россіи. По населенію изъ всѣхъ этихъ государствъ только Бернъ и Гамбургъ, имѣющіе болѣе полумилліона жителей, послѣдній исключительно благодаря городу Гамбургу, а также Цюрихъ, Брауншвейгъ и Ольденбургъ, имѣющіе около полумилліона жителей, больше средняго уѣзда. Остальныя государства этой категоріи по большей части имѣютъ меньше ста тысячъ жителей и только нѣсколько изъ нихъ имѣютъ до полутораста и больше двухсотъ тысячъ жителей. Слѣдовательно, они имѣютъ меньшее населеніе, чѣмъ средній русскій уѣздъ. Исключительное положеніе среди германскихъ государствъ занимаетъ Мекленбургъ-Шверинъ, который по территоріи можетъ быть приравненъ къ одной изъ губерній Царства Польскаго, хотя и имѣетъ меньшее населеніе, чѣмъ большинство изъ нихъ. Вмѣстѣ съ Макленбургомъ-Стрелицомъ Мекленбургъ-Шверинъ имѣетъ одну палату представителей, но представительство это не современное выборное, а старое сословное; оба эти государства даже не имѣютъ конституціи въ современномъ смыслѣ слова. Надо еще прибавить, что всѣ кантоны Швейцаріи, великогерцогства, герцогства, княжества и республики—города, какъ и всѣ вообще государства Германіи, а также колоніи Канады не составляютъ вполнѣ самостоятельныхъ государствъ, а ...дятъ въ качествѣ составныхъ частей въ болѣе крупныя государ...а, имѣющія двухпалатное народное представительство. Исключеніе со...вляетъ лишь одно вполнѣ самостоятельное великое герцогство Люксем...гъ. Понятно, что государственное устройство въ такихъ маленькихъ ...ударствахъ должно быть болѣе или менѣе упрощеннымъ. Сложная и ...оздкая система учрежденій съ двухпалатнымъ народнымъ представи...ствомъ для нихъ совершенно не годится. Двѣ палаты были бы для ... большою роскошью, которая не оправдывалась бы ни количествомъ

и объемомъ государственныхъ дѣлъ, ни наличными средствами населенія и страны. При крайне ограниченной территоріи и весьма небольшомъ количествѣ населенія народное представительство въ маленькихъ государствахъ естественно имѣетъ другой характеръ, чѣмъ въ большихъ; оно стоитъ гораздо ближе къ населенію, такъ какъ народные представители находятся въ постоянной и непосредственной связи съ своими избирателями. Ниже мы увидимъ, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для рѣшенія вопроса объ одной или двухъ палатахъ народныхъ представителей. Здѣсь мы только замѣтимъ, что, благодаря близости къ населенію, однопалатное народное представительство въ маленькихъ государствахъ гарантировано отъ увлеченій и ошибокъ, на возможность которыхъ обыкновенно указываютъ какъ на аргументъ въ пользу двухпалатной системы народнаго представительства. Въ Швейцаріи кромѣ того существуетъ непосредственный контроль населенія надъ дѣятельностью народнаго представительства въ видѣ прямого народнаго законодательства, осуществляемаго путемъ референдума, veto и инициативы. Всѣ эти учрежденія, несомнѣнно, совершенно исключаютъ возможность того положенія, при которомъ дѣятельность народнаго представительства рѣзко расходилась бы съ интересами большинства населенія.

Совершенно особое положеніе занимаютъ государства Балканскаго полуострова. Не принадлежа къ крупнымъ государствамъ, они въ то же время далеко не относятся къ серіи очень маленькихъ государствъ. Самое небольшое изъ нихъ Сербія имѣетъ гораздо большую территорію, чѣмъ Бельгія, Голландія, Данія и Швейцарская федерація, самое же большое Болгарія превышаетъ по своей территоріи два послѣднихъ государства болѣе, чѣмъ вдвое, а Бельгію и Голландію болѣе, чѣмъ втрое. Наконецъ, Болгарія больше по своей территоріи не только Саксоніи, Вюртемберга, Бадена, Гессена, но и второго по величинѣ германскаго государства Баваріи, и даже Португаліи, если брать послѣднюю такъ же, какъ Голландію и Данію, безъ колоній. По населенію всѣ эти три балканскихъ государства, правда, далеко уступаютъ Бельгіи, Голландіи, Саксоніи, Баваріи и Португаліи. Но они имѣютъ болѣе многочисленное населеніе, чѣмъ Данія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ, а Болгарія по своему населенію больше даже Швейцаріи. Во всякомъ случаѣ населеніе каждаго изъ нихъ исчисляется въ нѣсколько милліоновъ—Сербія и Греція имѣютъ до трехъ милліоновъ жителей, а Болгарія до четырехъ. Поэтому они далеко оставляютъ за собой самыя маленькія европейскія государства, разсмотрѣнныя нами въ первой рубрикѣ, изъ которыхъ ни одно не имѣетъ и милліона жителей и не занимаетъ территоріи въ десять тысячъ квадратныхъ километровъ. По территоріи и населенію ихъ надо отнести къ типу только тѣ названныхъ западно-европейскихъ государствъ средняго размѣра. Обращая къ вышепринятому сравненію съ русскими территоріальными дѣленіями этотъ типъ государствъ по территоріи и по количеству населенія можно вполнѣ сопоставить съ губерніями центральной Россіи.

Но въ то время какъ западно-европейскія государства этого объема

т.-е. Бельгія, Голландія, Данія, Швейцарія, Португалія, а также Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Саксонія и Гессенъ имѣютъ двѣ палаты народныхъ представителей, три балканскихъ государства—Болгарія, Сербія и Греція имѣютъ единое народное представительство. Четвертое балканское государство, Румынія, послѣдовало западно-европейскимъ образцамъ и ввело у себя систему двухъ палатъ. Ясно, что однопалатное народное представительство въ балканскихъ государствахъ не находится ни въ какой связи съ относительно небольшой территоріей и немногочисленнымъ населеніемъ этихъ государствъ. Его надо признать вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ очень демократическаго состава, которымъ отличается ихъ населеніе. При отсутствіи рѣзкихъ различій и противоположностей среди ихъ населенія они представляютъ изъ себя болѣе или менѣе цѣльную и единую народную массу, а потому въ нихъ нѣтъ никакой почвы для отступленія отъ единства народнаго представительства. Демократическій характеръ состава населенія былъ причиной и другого сравнительно легко имъ доставшагося конституціоннаго учрежденія—всеобщаго избирательнаго права, которое принято въ Греціи и Болгаріи и къ которому приближается Сербія. Но эти демократическія учрежденія, существующія въ балканскихъ государствахъ de jure, далеко еще не привились въ жизни и не принесли соотвѣтственныхъ демократическихъ плодовъ. Ихъ конституціи постоянно нарушаются, причемъ кромѣ мелкихъ нарушеній конституцій, которыя составляютъ обыденное явленіе, въ нихъ отъ времени до времени подвергалась отмѣнѣ и конституція въ цѣломъ. Достаточно вспомнить, что Болгарія за двадцать пять лѣтъ своего существованія пережила уже полную отмѣну конституціи, произведенную въ 1881 году княземъ Александромъ, и диктаторскій режимъ Стамбулова съ 1887 по 1894 годъ, равносильный такой отмѣнѣ. Въ Сербіи короли Миланъ и Александръ Обреновичи въ концѣ восьмидесятыхъ и въ теченіе девяностыхъ годовъ произвели цѣлый рядъ государственныхъ переворотовъ, сопровождавшихся отмѣной конституціи. Въ обыкновенное время и при нормальныхъ условіяхъ въ этихъ государствахъ господствуетъ не народная воля, выраженная черезъ народныхъ представителей, какъ слѣдовало бы на основаніи ихъ демократическихъ конституцій, а личный режимъ ихъ верховнаго главы государства, т.-е. того или другого князя или короля. Послѣднее достигается тѣмъ легче, что выборы въ парламентъ происходятъ въ нихъ при страшномъ давленіи администраціи, и потому правительственная партія почти всегда побѣждаетъ и оказывается въ большинствѣ. Что касается спеціально единства народнаго представительства, то и оно не является въ нихъ безусловно прочнымъ и никѣмъ не оспариваемымъ учрежденіемъ. Въ Греціи съ 1864 года существовало двѣ палаты, а послѣ послѣдней войны съ Турціей возникла сильная партія, стремящаяся снова возстановить верхнюю палату. Въ Болгаріи попытку создать верхнюю палату сдѣлалъ князь Александръ въ 1883 году, а въ Сербіи король Александръ неоднократно учреждалъ сенатъ въ качествѣ верхней палаты.

Какъ бы то ни было, но единство народнаго представительства въ трехъ балканскихъ государствахъ, съ одной стороны, и система двухъ палатъ въ западно-европейскихъ государствахъ одинаковой съ ними величины—съ другой,—несомнѣнно опровергаютъ мнѣніе Р. фонъ-Моля и Блюнчли, что пригодность однопалатной или двухпалатной системы народнаго представительства находится въ зависимости отъ величины того или другого государства. Опроверженіе это дано исторіей, такъ какъ названные ученые не могли еще принимать во вниманіе балканскихъ государствъ. Ихъ или не существовало еще, какъ Болгаріи, или конституціонное развитіе ихъ еще не опредѣлилось, какъ Греціи и Сербіи. Такъ же точно нѣтъ никакого основанія признать правильнымъ мнѣніе Р. фонъ-Моля и Блюнчли относительно того, что для крупныхъ государствъ болѣе пригодна система двухъ палатъ. Правда, необходимость двухпалатнаго народнаго представительства въ большихъ государствахъ можно аргументировать доводами противоположными тѣмъ, которые приводились въ примѣненіи къ самымъ маленькимъ государствамъ, относительно которыхъ очевидно, что въ нихъ нѣтъ абсолютно никакой почвы для образованія двухъ палатъ. Можно указывать на то, что чрезвычайная сложность государственныхъ вопросовъ и политическихъ задачъ, что особое разнообразіе въ мѣстныхъ условіяхъ и въ характерѣ населенія, а также крайняя противоположность между различными группами населенія въ крупныхъ государствахъ требуютъ и болѣе сложной государственной организаціи. Но нѣтъ никакого повода рѣшать, что эта сложность государственной организаціи должна выразиться въ отказѣ отъ единства народнаго представительства и въ дѣленіи его на двѣ палаты. Вполнѣ возможно, что она требуетъ образованія и развитія другихъ промежуточныхъ учрежденій, напримѣръ, широкаго развитія и обширныхъ полномочій для органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Въ концѣ-концовъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ аргументовъ противъ осуществимости единаго народнаго представительства является фактъ существованія системы двухъ палатъ во всѣхъ большихъ современныхъ государствахъ. Но какъ бы ни казался сильнымъ этотъ аргументъ, какъ аргументъ факта, именно его нельзя считать вполнѣ убѣдительнымъ возраженіемъ противъ единства народнаго представительства. Этотъ фактъ можетъ также служить лишь доказательствомъ общей политической отсталости всѣхъ государствъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта. Политическій прогрессъ, можетъ быть, и будетъ заключаться въ упраздненіи верхней палаты и въ переходѣ отъ двухпалатной къ однопалатной системѣ представительства. Если бы указаніе на отсутствіе какого-нибудь учрежденія могло служить аргументомъ противъ него, то тогда надо было бы признать, что сторонники абсолютной монархіи и полицейскаго государства въ первой половинѣ XVIII столѣтія отстаивали правильную точку зрѣнія, защищая абсолютно-монархическое и полицейское государство какъ единственно раціональное и возможное государство. На ихъ сторонѣ былъ тогда могущественный аргументъ факта, такъ какъ въ ихъ время

другого государства кромѣ абсолютно-монархическаго и полицейскаго не существовало, если не считать одинокой, въ сторонѣ стоявшей Англіи. Этотъ же аргументъ могъ быть выдвигаемъ въ свое время и противъ каждаго даже самаго необходимаго учрежденія современнаго государства, такъ какъ оно когда-то возникло, и было время, когда его не существовало.

Не подлежитъ сомнѣнію, что естественнѣе и справедливѣе всего объяснить существованіе двухъ палатъ во всѣхъ современныхъ большихъ государствахъ ихъ политической отсталостью. Верхняя палата является какъ бы лишь переживаніемъ старыхъ политическихъ формъ, однимъ изъ традиціонныхъ учрежденій, остаткомъ былыхъ прерогативъ и привилегій отдѣльныхъ лицъ, сословій и группъ населенія, сохранившихся отчасти отъ феодальныхъ временъ, а отчасти отъ эпохи господства абсолютной монархіи. Этотъ характеръ отсталаго, чисто-реакціоннаго учрежденія особенно присущъ всѣмъ верхнимъ палатамъ англійскаго типа. Система двухъ палатъ народныхъ представителей возникла и развилась въ Англіи—классической конституціонной странѣ, послужившей образцомъ при выработкѣ конституціонныхъ формъ другихъ государствъ. У Англіи она была заимствована большинствомъ другихъ европейскихъ и американскихъ государствъ. Какъ и все въ Англіи, система двухъ палатъ создалась путемъ медленнаго и постепеннаго историческаго развитія, а не путемъ сознательнаго творчества, руководимаго теоріей. Только одинъ разъ и то на самое короткое время въ эпоху англійской революціи верхняя палата была упразднена актомъ долгаго парламента въ 1649 году, но уже въ 1657 году она снова была возстановлена. Составъ англійской палаты лордовъ вполнѣ опредѣленно обнаруживаетъ и ея характеръ. Она состоитъ изъ пожизненныхъ и наслѣдственныхъ членовъ, которыми являются преимущественно потомки старыхъ феодаловъ. Участіе въ ней составляетъ даже одну изъ самыхъ важныхъ, сохранившихся до нашего времени привилегій старыхъ феодальныхъ родовъ. На-ряду съ ними въ палату лордовъ попали, правда, и представители новой аристократіи плутократическаго происхожденія, которая тоже успѣла запастись титулами и высокими званіями. Но это нисколько не измѣнило характера палаты лордовъ, а только укрѣпило и упрочило привилегіи англійской аристократіи, благодаря притоку новыхъ свѣжихъ силъ въ ея среду. Англійскій король можетъ назначать новыхъ пэровъ или членовъ палаты лордовъ въ неограниченномъ количествѣ, однако каждый новоназначенный пэръ обязательно становится пожизненнымъ и наслѣдственнымъ пэромъ. Понятно, что король пользуется своимъ правомъ только въ очень ограниченныхъ предѣлахъ; обыкновенно право быть членомъ палаты лордовъ дается только за особыя заслуги. Но право короля ограниченно увеличивать число лордовъ является могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ правительства противъ самой палаты лордовъ въ случаѣ упорнаго отклоненія ею законопроектовъ, принятыхъ правительственнымъ большинствомъ палаты депутатовъ. Кромѣ наслѣдственныхъ пэровъ въ англійской палатѣ лордовъ засѣдаютъ еще двадцать шесть пожизненныхъ

пэровъ по должности, какими являются высшія духовныя лица—архіепископы и епископы, а съ 1887 года къ нимъ присоединены еще четыре пожизненныхъ лорда-судьи. Наконецъ шестнадцать шотландскихъ пэровъ и двадцать восемь ирландскихъ пэровъ избираются, первые на каждую законодательную сессію, а вторые пожизненно. [1])

При такомъ составѣ англійскую палату лордовъ нельзя даже назвать народнымъ представительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Она является представительствомъ не народа, а лишь небольшой группы аристократіи. Кромѣ консервативной, реакціонной, антидемократической и вообще враждебной народу политики отъ нея нельзя ничего ожидать. Если она часто бываетъ безвредна, то только потому, что, во-первыхъ, она отличается значительной долей пассивности, а во-вторыхъ, право короля назначать неограниченное число членовъ ея можетъ служить могущественнымъ средствомъ обезвреживать ее. Право это фактически находится въ рукахъ министерства, тождественнаго при послѣдовательно проведенномъ парламентаризмѣ съ представительствомъ большинства въ нижней палатѣ. Обыкновенно одной угрозы бываетъ достаточно для того, чтобы палата лордовъ измѣнила свое мнѣніе и дала свое согласіе на требуемую реформу.

Именно благодаря своему строго консервативному и реакціонному характеру англійская палата лордовъ пользуется большой симпатіей всѣхъ сторонниковъ традиціонныхъ учрежденій и прежде всего сторонниковъ абсолютной монархіи. Носители короны въ абсолютныхъ монархіяхъ, отказываясь отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ въ пользу народнаго представительства, обыкновенно сокращали эти уступки путемъ учрежденія верхней палаты англійскаго типа. Первая попытка созданія верхней палаты аналогичной англійской палатѣ лордовъ была сдѣлана во Франціи при реставраціи. Хартіей 1814 года во Франціи была учреждена палата пэровъ, состоявшая изъ наслѣдственныхъ пэровъ. Она была сравнительно недолговѣчна; уже въ іюльскую революцію 1830 года была отмѣнена наслѣдственность пэрства, и пэрство сдѣлано пожизненнымъ, а назначеніе пэровъ предоставлено всецѣло королю; революція же 1848 года совсѣмъ уничтожила палату пэровъ. Затѣмъ въ Баваріи и Баденѣ конституціями 1818 года, въ Вюртембергѣ конституціей 1819, а въ Гессенѣ конституціей 1820 года на-ряду съ нижними палатами были учреждены и верхнія подъ различными названіями. Изъ этихъ верхнихъ палатъ баварская и вюртембергская состоятъ только изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ. Въ баденской и гессенской верхнихъ палатахъ почти половина членовъ избираются учрежденіями, университетами и землевладѣльцами, а назначаемые великими герцогами назначаются не пожизненно, а только на законодательныя сессіи. Въ Саксоніи консти

---

[1]) Въ русской литературѣ есть превосходная работа о палатѣ лордовъ. См. М. Брунъ, „Палата лордовъ въ Англіи". Историко-политическій этюдъ. „Вѣстникъ Европы", 1906 г., май.

туціей 1831 года тоже была создана на-ряду съ нижней палатой и верхняя изъ принцевъ крови и главъ высшихъ дворянскихъ родовъ въ качествѣ наслѣдственныхъ членовъ, изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ, и нѣсколькихъ членовъ, избираемыхъ привилегированными учрежденіями. Тотъ же строго аристократическій характеръ носятъ и верхнія палаты Пруссіи и Австріи, получившія характерное названіе палаты господъ. Прусская палата господъ была учреждена королевскимъ ордонансомъ 1854 года, изданнымъ въ качествѣ дополненія къ конституціи 1850 года. Она состоитъ главнымъ образомъ изъ наслѣдственныхъ членовъ—изъ принцевъ крови, призываемыхъ королемъ, главъ медіатизированныхъ княжескихъ и другихъ дворянскихъ родовъ, и изъ наслѣдственныхъ пэровъ, назначаемыхъ королемъ, но въ ней есть также пожизненные члены, назначаемые королемъ или избираемые крупными землевладѣльцами, евангелическими корпораціями, университетами и нѣкоторыми городами. Австрійская палата господъ создана конституціей 1861 года и сохранена въ преобразованной конституціи 1867 года; члены ея или наслѣдственны или пожизненны, послѣдніе исключительно назначаются австрійскимъ императоромъ. Такъ какъ число ихъ не было ограничено, а правительство для устраненія оппозиціи часто прибѣгало къ назначенію новыхъ членовъ палаты господъ, то въ результатѣ оказалось, что большинство ея составляютъ пожизненные и назначенные члены. Въ противоположность этимъ искусственно созданнымъ верхнимъ палатамъ Венгрія уже имѣла исторически сложившееся учрежденіе соотвѣтственнаго характера въ Столѣ Магнатовъ, возникновеніе котораго относится къ XIII столѣтію. Въ революцію 1848 года, а особенно послѣ нея, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ періодъ конституціонныхъ конфликтовъ, его дѣятельность была приспособлена къ современнымъ конституціоннымъ формамъ, а составъ его подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ; послѣ этого Столъ Магнатовъ пересталъ быть учрежденіемъ, состоявшимъ исключительно изъ наслѣдственныхъ членовъ, и король венгерскій получилъ право назначать пятьдесятъ пожизненныхъ членовъ по представленію министра президента; число наслѣдственныхъ членовъ его было также сокращено, такъ какъ для наслѣдственныхъ членовъ былъ введенъ цензъ—3,000 флориновъ годового дохода съ земли.

Нѣкоторыя отклоненія отъ обычнаго типа заключаютъ въ себѣ верхнія палаты трехъ романскихъ государствъ—Испаніи, Португаліи и Италіи. Въ Испаніи послѣ цѣлаго ряда очень недолговѣчныхъ конституцій съ одной или двумя палатами въ 1876 году была наконецъ выработана и нынѣ дѣйствующая конституція. На основаніи ея верхняя палата или сенатъ состоитъ изъ постояннаго числа—360 членовъ. Изъ нихъ ровно половину, 180 человѣкъ, составляютъ сенаторы по праву или сенаторы, назначенные пожизненно королемъ, а другая половина сенаторовъ избирается. Сенаторами по праву являются сыновья короля или наслѣдственнаго принца по достиженіи совершеннолѣтія, испанскіе гранды, имѣющіе опредѣленный

имущественный цензъ, и высшія духовныя, гражданскія и военныя должностныя лица. Назначаться королемъ или избираться сенаторами могутъ только лица, принадлежащія къ двѣнадцати строго опредѣленнымъ имущественнымъ и сословнымъ категоріямъ. Правомъ избирать сенаторовъ пользуются только нѣкоторыя учрежденія и лица, наиболѣе обложенныя налогами. Избранные сенаторы обновляются въ половинномъ составѣ каждыя пять лѣтъ и въ полномъ составѣ, когда король распускаетъ выборную часть сената. Такимъ образомъ при нормальныхъ условіяхъ каждый избранный сенаторъ избирается на десять лѣтъ. Въ Португаліи 39 статья нынѣ дѣйствующей конституціи опредѣляетъ, что палата пэровъ состоитъ изъ ста членовъ, назначаемыхъ пожизненно королемъ, пятидесяти избираемыхъ членовъ, и пэровъ по праву, которыми являются королевскіе принцы по достиженіи двадцатилѣтняго возраста и высшія духовныя лица. Избираемые члены избираются на основаніи приблизительно тѣхъ же принциповъ, какъ и въ Испаніи, но на шесть, а не на десять лѣтъ. Наконецъ по конституціи Сардинскаго королевства 1848 года, которая послѣ объединенія Италіи была превращена въ итальянскую конституцію, сенатъ состоитъ только изъ членовъ, назначенныхъ пожизненно королемъ въ неограниченномъ числѣ изъ лицъ, достигшихъ сорокалѣтняго возраста и принадлежащихъ къ 21-й строго опредѣленнымъ имущественнымъ и профессіональнымъ группамъ.

Всѣ эти верхнія палаты, какъ созданныя искусственно, за исключеніемъ, впрочемъ, венгерской палаты магнатовъ, отличаются, конечно, по своему составу и по нѣкоторымъ чертамъ своей организаціи и отъ англійской палаты лордовъ, и другъ отъ друга. Надо признать, что въ общемъ ихъ составъ еще менѣе благопріятенъ для демократіи и прогресса, чѣмъ составъ палаты лордовъ. Число наслѣдственныхъ членовъ въ нихъ обыкновенно меньше числа пожизненныхъ, назначаемыхъ монархомъ. Только въ нѣкоторыя изъ нихъ введены члены, избираемые крупными собственниками и корпораціями пожизненно или на извѣстный срокъ. Въ качествѣ назначаемыхъ пожизненныхъ членовъ въ нихъ занялъ видное мѣсто элементъ, совершенно неизвѣстный англійской государственной жизни—представители высшей бюрократіи. Какъ извѣстно, это элементъ, въ своемъ большинствѣ возводящій въ принципъ угодливость передъ правительствомъ. Такимъ образомъ, состоя въ значительной своей части изъ лицъ, просто услуживающихъ правительству, они лишены даже той доли самостоятельности и независимости, которая свойственна до нѣкоторой степени палатѣ лордовъ. Понятно, что всѣ онѣ не только не уступаютъ палатѣ лордовъ въ консерватизмѣ и реакціонности, но часто даже оставляютъ ее позади себя въ этомъ отношеніи.

Самымъ несовершеннымъ типомъ верхней палаты является палата, сплошь назначаемая монархомъ или главою исполнительной власти. Такою палатою была палата пэровъ во Франціи при іюльской монархіи, а теперь такимъ же собраніемъ является итальянскій сенатъ. О томъ, какое значеніе имѣ

ла палата пэровъ іюльской монархіи, мы предоставимъ высказать мнѣніе извѣстному нѣмецкому государствовѣду середины прошлаго столѣтія Роберту фонъ-Молю. «Ненависть ко всѣмъ наслѣдственнымъ прерогативамъ,—говоритъ онъ,—была такъ велика, что наслѣдственность пэрства, созданная реставраціей, была отмѣнена іюльской монархіей. Такимъ образомъ была учреждена верхняя палата, состоявшая изъ только пожизненныхъ членовъ, произвольно назначаемыхъ королемъ. Очевидно, это былъ самый превратный исходъ, какой только можно было избрать. Если бы въ виду, дѣйствительно, неизбѣжнаго упраздненія наслѣдственности пэрства было бы рѣшено замѣнить палату пэровъ выборнымъ сенатомъ, хотя бы по образцу бельгійскаго, то была бы, по крайней мѣрѣ, достигнута послѣдовательность, такъ какъ представительный элементъ былъ бы усиленъ. Кто знаетъ, не завоевало ли бы себѣ такое собраніе благотворный кругъ дѣятельности? Напротивъ, даже новичокъ въ государственныхъ дѣлахъ долженъ былъ видѣть, что при системѣ, созданной іюльской монархіей, съ одной стороны, правительству было предоставлено совсѣмъ не соотвѣтствующее формальное вліяніе на народное представительство путемъ назначенія членовъ палаты пэровъ, которое исходило отъ одного главы государства, но, съ другой стороны, созданіемъ такого собранія правительственныхъ лицъ не было рѣшительно ничего выиграно для укрѣпленія монархіи. Конечно, не могло быть и рѣчи о мужественномъ поведеніи подобнаго собранія. Въ концѣ-концовъ все свелось къ тому, что на-ряду съ собраніемъ народныхъ представителей существовалъ еще многолюдный государственный совѣтъ, обладавшій приблизительно равными правами. Но онъ былъ лишенъ возможности придать значеніе и вѣсъ тому положенію, которое было предоставлено ему конституціей, какъ вслѣдствіе противозаконныхъ захватовъ палаты депутатовъ, напримѣръ, при рѣшеніи бюджетныхъ вопросовъ, такъ и вслѣдствіе давленія могущественнаго общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, реформу палаты пэровъ, произведенную іюльской монархіей, можно приводить, какъ примѣръ черезчуръ хитрой эксплоатаціи необдуманныхъ народныхъ страстей. Даже если бы она была осуществлена у менѣе остроумнаго и политически опытнаго народа, то это должно было бы вызвать справедливое удивленіе. Но что она дала? Вѣдь представительная система была ею испорчена въ своей основѣ, а правительство нисколько не было укрѣплено» *). Не лучше дѣло обстоитъ и съ итальянскимъ сенатомъ. Такъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ изслѣдователь итальянской конституціи Бруза писалъ: «съ нѣкотораго времени и до настоящаго момента мысль о реформѣ состава итальянскаго ната все больше распространяется, такъ что она пріобрѣла сторонниковъ даже среди сенаторовъ и сдѣлалась предметомъ обсужденія очень ной группы сенаторовъ, составившей для этой цѣли частный комитетъ.

*) Ср. Rob. v. Mohl: „Staatsrecht, Völkerrecht und Politik.“ Tübingen, 1860, Bd. 1, 7—48.

Поводомъ для этого послужило расширеніе избирательнаго права на основаніи закона 1882 г., такъ какъ можно было опасаться, что въ сравненіи съ авторитетомъ палаты депутатовъ, избираемой почти всеобщимъ голосованіемъ, авторитетъ сената окажется ничтожнымъ. Впрочемъ, даже сенатъ въ цѣломъ и тогда и позже довольно ясно показывалъ, что онъ самъ считаетъ, что его значеніе и сила подвергнутся вліянію со стороны этихъ новыхъ фактовъ» *).

Для насъ эти мнѣнія Брузы и особенно Р. фонъ-Моля полны животрепещущаго интереса. Закономъ 20 февраля нашъ Государственный Совѣтъ превращенъ въ верхнюю палату, приближающуюся по своему типу къ назначаемымъ палатамъ. Правда, половина нашего новаго Государственнаго Совѣта состоитъ изъ избираемыхъ членовъ. Но изъ нихъ только представители земствъ могутъ разсчитывать на поддержку и сочувствіе всего населенія, особенно, если земства будутъ реорганизованы на демократическихъ началахъ. Что же касается назначаемыхъ членовъ, то учрежденіе Государственнаго Совѣта 20 февраля не гарантировало даже ихъ относительной независимости признаніемъ ихъ назначенія пожизненнымъ. Такъ какъ назначаемые члены раздѣляются на присутствующихъ и неприсутствующихъ, и списокъ присутствующихъ членовъ ежегодно опубликовывается, то правительство произвольно можетъ удалять отдѣльныхъ членовъ Государственнаго Совѣта изъ его состава, не включая ихъ въ число присутствующихъ членовъ. Все, конечно, будетъ зависѣть отъ толкованія статьи 9 учрежденія Государственнаго Совѣта, на основаніи которой члены Государственнаго Совѣта могутъ быть увольняемы только по прошенію. Во всякомъ случаѣ какъ составъ нынѣшняго Государственнаго Совѣта, такъ и связь его съ прежнимъ—не внушаетъ къ нему никакого довѣрія. Но еще меньше онъ вызываетъ къ себѣ уваженія въ широкихъ слояхъ русскаго народа.

Верхняя палата англійскаго типа совершенно несовмѣстима съ чисто демократическимъ строемъ. Принципы демократизма требуютъ по меньшей мѣрѣ примѣненія выборнаго начала ко всѣмъ разрядамъ народныхъ представителей. Соотвѣтственно этому во всѣхъ наиболѣе демократическихъ европейскихъ государствахъ, а также во всѣхъ государствахъ Америки, за исключеніемъ федераціи Канады, верхнія палаты избираемы. Въ Европѣ избираемыя верхнія палаты имѣютъ Франція, Бельгія, Голландія, Швеція, Норвегія и отчасти Данія, въ которой изъ 66 членовъ верхней палаты-ландстинга только 12 назначаются пожизненно королемъ и притомъ обязательно изъ бывшихъ депутатовъ одной изъ палатъ. Самою демократическою изъ этихъ верхнихъ палатъ является французскій сенатъ. Онъ избирается на основѣ всеобщаго избирательнаго права, но не прямыми выборами. Коллегію выборщиковъ, избирающихъ сенаторовъ, составляютъ

*) Ср. Brusa: „Das Staatsrecht des Königreichs Italien.“ S. 120—121, Marquardsens Handbücher des öffentlichen Rechts, Bd. 4.

представители органовъ мѣстнаго самоуправленія и особые делегаты отъ городскихъ и сельскихъ коммунъ. Несмотря на то, что система выборовъ въ сенатъ поставлена въ связь съ органами мѣстнаго самоуправленія, французскій сенатъ не является представительствомъ отъ самоуправляющихся коммунъ. Теоретики французскаго конституціоннаго права считаютъ сенатъ такимъ же общенаціональнымъ представительствомъ, какъ и палату депутатовъ. Въ противоположность французскому сенату верхнія или первыя палаты въ Нидерландахъ и Швеціи прямо организованы, какъ представительство единицъ мѣстнаго самоуправленія. Въ Нидерландахъ первая палата является представительствомъ провинціальныхъ штатовъ, а въ Швеціи—провинціальныхъ совѣтовъ и муниципальныхъ совѣтовъ тѣхъ городовъ, которые не представлены въ провинціальныхъ совѣтахъ. Представительство отъ этихъ единицъ самоуправленія въ обоихъ государствахъ не уравнено, а приспособлено къ величинѣ и количеству населенія ихъ. Переходъ къ этой системѣ представительства въ верхней палатѣ намѣченъ въ послѣднее время и въ Бельгіи. До 1893 года сенаторы избирались въ Бельгіи тѣми же избирателями, которые избирали и членовъ палаты депутатовъ. Для права быть избраннымъ сенаторомъ требовалось, однако, очень высокій имущественный цензъ—уплата 1,000 флориновъ прямыхъ налоговъ и сорокалѣтній возрастъ. Послѣ избирательной реформы 1893 г. къ этимъ сенаторамъ присоединены еще сенаторы, избираемые провинціальными совѣтами. Каждая провинція, смотря по количеству народонаселенія, избираетъ отъ двухъ до четырехъ сенаторовъ, и для этихъ сенаторовъ никакого ценза не требуется. Совершенно своеобразно организовано избраніе верхней палаты въ Норвегіи. Тамъ единое общенародное представительство—стортингъ выдѣляетъ изъ своей среды четвертую часть членовъ, которые образуютъ верхнюю палату или лагтингъ. Остальныя три четверти членовъ стортинга образуютъ нижнюю палату или одельстингъ.

Всѣ эти избираемыя верхнія палаты, несомнѣнно, оказали своимъ странамъ большія политическія услуги. Онѣ всегда проявляютъ большую стойкость и энергію въ защитѣ конституціонныхъ учрежденій и правъ народнаго представительства. Можно положительно утверждать, что онѣ удваиваютъ силы народнаго представительства въ борьбѣ со всякими покушеніями на его естественныя и конституціонныя права. Но нельзя также отрицать, что въ общемъ онѣ одержимы болѣе консервативнымъ духомъ, чѣмъ нижнія палаты, и проявляютъ особую враждебность ко всѣмъ экономическимъ и соціальнымъ реформамъ. Большая консервативность избираемыхъ верхнихъ палатъ по сравненіи съ нижними палатами условливается не только ихъ избраніемъ путемъ косвенныхъ выборовъ, а также и меньшимъ количествомъ ихъ членовъ, болѣе почтеннымъ ихъ возрастомъ, частичнымъ обновленіемъ ихъ состава и относительно большею продолжительностью полномочій ихъ членовъ. Въ той или иной комбинаціи всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ условій устанавливаются во всѣхъ

конституціяхъ для образованія верхнихъ палатъ. Всѣ эти свойства избираемыхъ верхнихъ палатъ естественно создаютъ двойственное отношеніе къ нимъ. Тамъ, гдѣ важнѣе всего охранять неприкосновенность конституціи, защищать уже завоеванную политическую свободу и отстаивать полноту правъ народнаго представительства, тамъ никто не сомнѣвается въ пользѣ избираемой верхней палаты, и она пользуется всеобщимъ сочувствіемъ народа. Наоборотъ, тамъ, гдѣ необходимо проводить соціальныя и экономическія реформы, гдѣ онѣ давно назрѣли, и гдѣ тормозомъ для ихъ проведенія является враждебное отношеніе къ нимъ верхней палаты, тамъ даже демократическая верхняя палата считается вреднымъ учрежденіемъ и подвергается самымъ жестокимъ нападкамъ. Очевидно, что въ одной и той же странѣ въ различныя эпохи отношеніе къ избираемой верхней палатѣ сильно мѣняется.

Но на-ряду съ этими двумя типами верхнихъ палатъ въ государственной жизни цивилизованныхъ народовъ выработался еще и третій типъ, возникшій благодаря совершенно особеннымъ политическимъ условіямъ въ федеративныхъ государствахъ. Верхнія палаты въ федеративныхъ государствахъ удовлетворяютъ своеобразнымъ запросамъ и нуждамъ этихъ государствъ, обусловленнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что они состоятъ не только изъ гражданъ, но и изъ отдѣльныхъ государствъ. Поэтому въ нихъ на-ряду съ общенаціональнымъ представительствомъ должно существовать и представительство отъ отдѣльныхъ государствъ. Впервые представительныя собранія были организованы согласно съ этими принципами въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Несмотря, однако, на то, что конституція Соединенныхъ Штатовъ была выработана еще учредительнымъ конвентомъ въ 1787 г., проведенные въ ней принципы народнаго представительства начали завоевывать себѣ признаніе лишь съ половины XIX столѣтія. Прежде всего они были окончательно утверждены въ швейцарской федераціи въ 1848 году послѣ побѣды надъ такъ называемымъ особымъ союзомъ (Sonderbund) кантоновъ, желавшихъ выдѣлиться изъ общей федераціи. Одновременно они встрѣтили полное сочувствіе со стороны франкфуртскаго парламента, который выработалъ проектъ объединенія Германіи въ федеративное государство, построенный на аналогично организованномъ народномъ представительствѣ. Но общеевропейская реакція задержала превращеніе Германіи въ федеративное государство. Притомъ въ самихъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ принципы, отличающіе федеративное или союзное государство отъ союза государствъ, окончательно выяснились только послѣ гражданской войны 1861—65 гг., закончившейся побѣдой сѣверныхъ штатовъ надъ южными. Федеральное устройство и соотвѣтствующее ему двухпалатное народное представительство заимствовано у Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ большинствомъ американскихъ государствъ, какъ напримѣръ Мексикой, Аргентиной, Чили, Перу, Бразиліей и Канадой. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, въ Мексикѣ и Аргентинѣ, были сдѣланы

пытки установить федеративный строй и двойное представительство еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, однако прочно водворяться въ американскихъ государствахъ эти принципы начали только съ шестидесятыхъ годовъ. Шестидесятые годы принесли съ собой и осуществленіе въ центральной Европѣ сѣверо-нѣмецкой федераціи, расширившейся въ 1871 г. на южно-нѣмецкія государства и принявшей титулъ Германской имперіи. Наконецъ, на рубежѣ XX столѣтія въ 1900 г. была создана австралійская федерація, охватившая цѣлый материкъ.

Задача верхнихъ палатъ въ федеративныхъ государствахъ заключается въ томъ, чтобы дать представительство отдѣльнымъ государствамъ, составляющимъ союзное государство. Такъ какъ вступая въ союзное государство, отдѣльныя государства относятся очень ревниво къ своимъ правамъ, то они и должны обладать голосомъ въ наиболѣе авторитетномъ государственномъ учрежденіи, т.-е. въ законодательныхъ палатахъ. По выработанной въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ системѣ верхняя палата или сенатъ состоитъ только изъ представителей отдѣльныхъ государствъ или штатовъ. При этомъ каждый штатъ представленъ одинаковымъ числомъ—двумя сенаторами независимо отъ величины его территоріи и количества его населенія. Эта система принята во всѣхъ федераціяхъ-республикахъ. Въ Швейцаріи двадцать два кантона также посылаютъ по два представителя въ Совѣтъ Кантоновъ и нельзя признать уклоненіемъ отъ принципа равенства то обстоятельство, что шесть полукантоновъ, на которые распадаются три кантона—Унтервальдъ, Базель и Аппенцель, посылаютъ по одному представителю. Въ австралійской федераціи, которая состоитъ только изъ шести штатовъ, каждый штатъ посылаетъ по шести сенаторовъ. Рѣзкое отклоненіе отъ принципа равенства при представительствѣ государствъ проведено въ монархической федераціи Германской имперіи. Въ союзномъ совѣтѣ Германской имперіи двадцать пять составляющихъ ее государствъ имѣютъ 58 представителей. Изъ нихъ Пруссія имѣетъ 17 представителей, Баварія—6, два королевства: Саксонія и Вюртембергъ—по четыре, два великихъ герцогства: Баденъ и Гессенъ—по три, великое герцогство Мекленбургъ-Шверинъ—два, герцогство Брауншвейгъ—два и остальныя семнадцать государствъ—по одному представителю. Впрочемъ, германскій совѣтъ, какъ состоящій изъ назначаемыхъ членовъ, по своему типу относится къ аристократическимъ или, вѣрнѣе, къ бюрократическимъ верхнимъ палатамъ. Всѣ его члены назначаются правительствами отдѣльныхъ государствъ, притомъ на неопредѣленный срокъ, ъ какъ они всегда могутъ быть отозваны. Кромѣ того они подаютъ оса не на основаніи своихъ убѣжденій, какъ это принято въ верхнихъ чатахъ республиканскихъ федерацій, а на основаніи получаемыхъ ими правительствъ инструкцій.

При оцѣнкѣ значенія верхнихъ палатъ въ федеративныхъ государахъ надо имѣть въ виду, что только онѣ даютъ возможность мелкимъ чарствамъ вступать въ союзное государство безъ боязни нарушенія

своихъ правъ. Но такъ какъ образованіе федеративныхъ государствъ, несомнѣнно, является культурнымъ пріобрѣтеніемъ, то и верхнія палаты въ нихъ способствуютъ осуществленію этой культурной миссіи. Вообще федеративное государство принадлежитъ къ политическимъ завоеваніямъ недавняго прошлаго. Оно является еще развивающеюся и совершенствующеюся формою государственнаго быта. Пока созданныя имъ основы народнаго представительства скорѣе будутъ укореняться, чѣмъ атрофироваться. Онѣ, вѣроятно, будутъ вліять на организацію народнаго представительства и въ унитарныхъ государствахъ, какъ объ этомъ можно судить по вышеприведеннымъ примѣрамъ Нидерландъ и Швеціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ обширныхъ государствахъ единое центральное представительство, въ которомъ стираются всѣ провинціальныя различія, нельзя признать чѣмъ-то безусловно идеальнымъ. Когда цѣлыя области стремятся къ тому, чтобы ихъ своеобразные интересы были представлены въ законодательныхъ учрежденіяхъ, то это стремленіе нельзя сопоставлять съ той узостью кругозора, которая характеризуется желаніемъ, чтобы были представлены интересы «своей колокольни». Здѣсь дѣло идетъ о представительствѣ вполнѣ реальныхъ интересовъ, затушевываніе и подавленіе которыхъ чрезвычайно вредно даже съ точки зрѣнія общегосударственныхъ и общенародныхъ нуждъ. Напротивъ, внимательное отношеніе какъ къ общегосударственнымъ, такъ и къ провинціальнымъ нуждамъ требуетъ на-ряду съ общенароднымъ представительствомъ также и представительства провинціальнаго, организованнаго по образцу сенатовъ въ федеративныхъ государствахъ *).

Но какія бы важныя функціи ни выполняли верхнія палаты въ федеративныхъ государствахъ, нѣтъ основанія утверждать, что онѣ являются единственной формой, обезпечивающей выполненіе этихъ функцій. Скорѣе нужно предположить, что эта форма есть также результатъ приспособленія и компромисса, созданная притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ англійскихъ государственныхъ учрежденій, считавшихся въ XVIII в. образцовыми. Если пока она и обнаруживаетъ живучесть и устойчивость, то все-таки въ будущемъ она можетъ быть замѣнена и болѣе совершенными учрежденіями. Уже теперь въ прямомъ народномъ законодательствѣ, получившемъ такое широкое развитіе въ Швейцаріи и примѣняющемся въ большинствѣ штатовъ Сѣверной Америки, заключаются, какъ мы увидимъ ниже, такія свойства, которыя могутъ удовлетворить разностороннія и сложныя нужды политической жизни въ федеративныхъ государствахъ.

Чрезвычайно важенъ вопросъ о полномочіяхъ каждой изъ двухъ па

*) Въ защиту необходимости для Россіи особаго представительства отъ облас тей выступилъ особенно опредѣленно еще въ 1884 г. Драгомановъ въ своемъ проек тѣ конституціи „Вольный союзъ“. Ср. М. Драгомановъ: „Собраніе политическихъ сочиненій“, Парижъ, 1905 г., т. I, стр. 326 и сл. Повидимому, независимо отъ нег ту же идею отстаивалъ С. Котляревскій „Система двухъ палатъ“ (*Вопросы Жизни* 1905 г., №№ 7 и 8).

лать. Конституціонною жизнью различныхъ народовъ было создано два противоположныхъ рѣшенія этого вопроса—англійское и французское. Въ другихъ странахъ конституціонная практика или усваиваетъ то или другое рѣшеніе, или приближается къ одному изъ нихъ. Англійское рѣшеніе этого вопроса заключается въ томъ, что полномочія обѣихъ палатъ не равны. Въ Англіи нижняя палата обладаетъ гораздо большими полномочіями, чѣмъ верхняя. Прежде всего полномочія англійской верхней палаты были ограничены по отношенію къ финансовымъ биллямъ. Это ограниченіе находится въ связи съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣло право обложенія въ исторіи англійскаго парламента. Право обложенія, присвоенное парламенту, всегда понималось какъ право самообложенія. А такъ какъ палата лордовъ не представляетъ плательщиковъ, то ея права по отношенію къ распоряженію финансовыми средствами страны ограничены только контролемъ и не распространяются на рѣшеніе принципіальныхъ вопросовъ. Окончательно этотъ принципъ былъ установленъ еще въ XVII столѣтіи при Карлѣ II. Практически онъ теперь выражается въ томъ, что палата лордовъ не можетъ вносить финансовыхъ биллей и дѣлать поправки въ биллях, уже принятыхъ палатой общинъ. Послѣ 1832 г., когда палата лордовъ противъ своей воли должна была принять первый билль объ избирательной реформѣ, создалась еще новая теорія объ ограниченіи компетенцій палаты лордовъ. Теорія эта заключается въ томъ, что палата лордовъ не можетъ безгранично пользоваться своимъ правомъ veto по отношенію къ законодательнымъ биллямъ. Всѣ теоретики англійскаго конституціоннаго права и среди нихъ особенно Беджготъ и Дайси утверждаютъ, что палата лордовъ должна уступить, если палата общинъ неоднократно настаиваетъ на какомъ-нибудь законодательномъ биллѣ. Въ этой теоріи сказывается англійскій обычай создавать на основаніи прецедентовъ правило. Но недостатокъ ея заключается въ томъ, что она не даетъ никакихъ указаній на то, когда и при какихъ условіяхъ палата лордовъ должна уступать настоятельнымъ требованіямъ палаты общинъ. Наконецъ, полномочія палаты лордовъ совсѣмъ не распространяются на опредѣленіе направленія дѣятельности министерствъ и ихъ смѣну. Это естественно вытекаетъ изъ того обстоятельства, что палата лордовъ есть учрежденіе, которое не измѣняется по своему составу. Между тѣмъ министерство и его направленіе приспособляется къ перемѣнѣ общественнаго мнѣнія страны. Такъ какъ эта перемѣна отражается только въ палатѣ депутатовъ, то она вліяетъ на составъ и направленіе министерства.

Въ противоположность Англіи палата депутатовъ и сенатъ во Франціи ..ютъ почти одинаковыя полномочія. Правда, финансовые законопроекты ..жны быть внесены и вотированы сперва палатой депутатовъ, и потому ..ы ея отрицаютъ за сенатомъ право вносить въ нихъ поправки. Но ..тъ часто съ успѣхомъ настаиваетъ на этомъ своемъ правѣ. Теоретики фран..каго конституціоннаго права, какъ Эсменъ, указывали на опасность при..ія за сенатомъ одинаковыхъ компетенцій съ палатой депутатовъ по отноше-

нію къ составу и направленію министерства. Въ случаѣ рѣзкаго разногласія между обѣими палатами относительно направленія политики министерства во Франціи вообще нельзя будетъ составить министерство. Тѣмъ не менѣе пока факты показывали, что французскій сенатъ можетъ оказывать воздѣйствіе на направленіе и составъ министерства. Такъ, напримѣръ, въ 1896 г. неутвержденіемъ цѣлаго ряда денежныхъ кредитовъ онъ принудилъ неугодное ему министерство Буржуа выйти въ отставку.

Разница между англійскимъ способомъ устанавливать компетенціи обѣихъ палатъ и французскимъ сказывается не только въ опредѣленіи компетенцій верхнихъ палатъ въ данный моментъ, но и въ самомъ развитіи этихъ учрежденій. Въ Англіи составъ палаты лордовъ ни разу не былъ реформированъ, такъ какъ тѣ незначительныя измѣненія, которымъ онъ подвергся въ 1707 и 1800 гг. благодаря объединенію Англіи съ Шотландіей и Ирландіей нельзя считать реформой его. Напротивъ, компетенціи ея, хотя и путемъ обычнаго права, постепенно ограничивались. Поэтому въ Англіи многіе настаиваютъ на томъ, что реформа палаты лордовъ должна касаться только ея компетенцій, т.-е. ограниченія ея законодательнаго veto. Напротивъ, они считаютъ вреднымъ реформировать ея составъ, такъ какъ это сообщитъ ей большій авторитетъ. Такъ какъ въ данный моментъ снова возникъ конфликтъ между палатой общинъ и палатой лордовъ и снова выдвинутъ вопросъ о реформѣ послѣдней, то ближайшее будущее рѣшитъ, останется ли Англія вѣрна уже намѣченной политикѣ обезвреживать палату лордовъ путемъ ограниченія ея полномочій, или же она вступитъ на новый для нея путь реформы самаго состава палаты лордовъ. Въ противоположность Англіи во Франціи сенатъ, учрежденный конституціонными законами 1875 г., подвергся уже радикальной реформѣ въ 1884 г., благодаря которой составъ ея былъ сильно демократизованъ. Очень вѣроятно, что и въ будущемъ конституціонное развитіе Франціи будетъ складываться въ направленіи демократизаціи состава сената, а не ограниченія его компетенцій. Впрочемъ, въ конституціонной жизни нѣкоторыхъ народовъ уже установленъ вполнѣ конституціонный способъ рѣшенія всѣхъ конфликтовъ между обѣими палатами. Способъ этотъ заключается въ временномъ объединеніи обѣихъ палатъ въ одно законодательное собраніе. Въ Норвегіи этотъ способъ, установленный еще въ первоначальномъ текстѣ ея конституціи 1814 г., вполнѣ естественно вытекаетъ изъ того обстоятельства, что обѣ ея палаты, какъ было указано выше, образуются изъ одного и того же собранія народныхъ представителей-стортинга и составляютъ лишь отдѣленія его. Поэтому въ томъ случаѣ когда верхняя палата—ландтингъ дважды отвергаетъ законопроектъ, принятый нижней палатой—одельстингомъ, обѣ палаты собираются въ общее собраніе—стортингъ и рѣшаютъ вопросъ большинствомъ двухъ третей голосовъ. Такой же способъ рѣшенія конфликтовъ установленъ въ конституціи молодой австралійской федераціи. На основаніи ея въ случаѣ двукратнаго отклоненія сенатомъ законопроектовъ, принятыхъ палатой д

путатовъ, генералъ-губернатору или вѣрнѣе парламентскому министерству предоставляется право распустить обѣ палаты. Если послѣ этого разногласіе между обѣими палатами по поводу той же мѣры продолжается, то обѣ палаты должны собраться въ соединенное засѣданіе и рѣшить вопросъ простымъ большинствомъ.

Что однако представляютъ изъ себя двѣ палаты? Есть ли это двойное представительство? Нужно ли считать эти два собранія чѣмъ-то безусловно отдѣльнымъ другъ отъ друга? На эти вопросы всѣ теоретики государственнаго права единогласно отвѣчаютъ, что въ идеѣ и принципѣ народное представительство всегда едино, и потому двѣ палаты составляютъ лишь два отдѣленія единаго народнаго представительства. Притомъ именно сторонники двухпалатной системы, какъ напримѣръ Блюнчли, являются особенно ревностными защитниками единства народнаго представительства, какъ такового. Та же идея единства народнаго представительства, несмотря на его раздѣленіе на двѣ палаты, проводится и во всѣхъ конституціяхъ. Это единство особенно выражается въ общемъ названіи, которымъ объединяются обѣ палаты. Такъ, въ Англіи парламентомъ называется не какая-либо одна изъ палатъ, а обѣ палаты, взятыя вмѣстѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки обѣ палаты называются конгрессомъ, во Франціи—законодательнымъ корпусомъ, въ Швеціи и Даніи—риксдагомъ, въ Норвегіи—стортингомъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ конституціяхъ народное представительство обозначается историческимъ названіемъ, которое указываетъ на его былой коллективный составъ сословнаго характера. Такъ, въ Нидерландахъ обѣ палаты называются генеральными штатами, въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ—сословными чинами, въ Испаніи и Португаліи—кортесами. Единство народнаго представительства выражается также въ томъ, что во всѣхъ конституціяхъ о нихъ говорится, какъ о параллельно функціонирующихъ учрежденіяхъ.

Но чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ дѣленіе народнаго представительства на двѣ палаты? Отчего единое въ идеѣ народное представительство должно быть выражено въ двойственномъ учрежденіи? Теоретики государственнаго права, какъ, напримѣръ, Блюнчли, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ ссылкой на то, что народное представительство своимъ составомъ должно отражать соціальную структуру самаго общества. Но несостоятельность этого аргумента очевидна сама собой, такъ какъ въ обществѣ нигдѣ не проявляется того рѣзкаго дѣленія на двѣ половины, которое составляетъ характерную особенность двухпалатной системы. Несостоятельной должна оказаться и какая бы то ни была попытка объяснить раціональными основаніями двуединство народнаго представительства. Такія попытки имѣютъ много общаго съ усиліями средневѣковыхъ схоластиковъ дать логическую конструкцію христіанскаго догмата тріединства.

Выше мы указали, что дѣленіе народнаго представительства на двѣ палаты обусловлено не раціональными основаніями, а историческими признаками. Теперь знакомство съ примѣненіемъ двухпалатной системы въ

различныхъ странахъ должно было насъ убѣдить въ справедливости этого предположенія. Относительно чисто-историческаго происхожденія англійской палаты лордовъ и венгерскаго стола магнатовъ, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія. Но и во всѣхъ другихъ государствахъ, въ которыхъ конституціонныя формы государственнаго быта и организація народнаго представительства создавались по извѣстному плану и продуманно, двухпалатная система есть всетаки результатъ историческихъ причинъ. Тамъ она явилась слѣдствіемъ уступки старому режиму. Побѣда принциповъ правового государства надъ старымъ режимомъ нигдѣ не была и не могла быть пока полной. Представители стараго режима, даже отстраненные отъ власти, вездѣ располагали значительною частью силъ и средствъ. Поэтому тамъ, гдѣ было создано единое народное представительство, которое лишало всякой власти сторонниковъ стараго режима, оно не могло быть прочнымъ. Напротивъ, двухпалатное народное представительство, основанное на компромиссѣ между старымъ и новымъ режимомъ, естественно пріобрѣло относительно устойчивое положеніе.

Будучи результатомъ уступки старому режиму, верхнія палаты своимъ составомъ отражаютъ въ каждой странѣ относительное значеніе тѣхъ элементовъ, которые являются опорой этого режима. Наслѣдственныя и назначаемыя верхнія палаты состоятъ, какъ мы видѣли, изъ представителей феодальнаго дворянства, крупной промышленности и высшей бюрократіи. При этомъ въ различныхъ странахъ участіе или неучастіе каждаго изъ этихъ трехъ элементовъ опредѣляется той ролью, которую онъ игралъ въ предконституціонную эпоху. Составъ избираемыхъ верхнихъ палатъ нѣсколько демократичнѣе, но и онѣ составляются по преимуществу изъ верховъ общества.

Большинство верхнихъ палатъ могутъ быть признаваемы частью народнаго представительства только въ силу юридической фикціи. Только относительною молодостью представительныхъ учрежденій въ большинствѣ конституціонныхъ странъ приходится объяснять существованіе этого чуждаго широкимъ народнымъ массамъ придатка къ дѣйствительному представительству. Но вызванныя чисто-историческими причинами верхнія палаты носятъ на себѣ черты какъ бы временнаго учрежденія. Все говоритъ о томъ, что это учрежденіе, созданное компромиссомъ, имѣетъ характеръ переходнаго явленія. Историческое развитіе естественно должно идти по пути развитія и укрѣпленія дѣйствительнаго представительства. Оно необходимо должно привести къ замѣнѣ наслѣдственныхъ и назначаемыхъ палатъ избираемыми и къ превращенію двойственнаго представительства въ единое, дѣйствительно выражающее интересы единой націи.

Б. Кистяковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Герценъ и Западъ.

(Глава изъ біографіи А. И. Герцена.)

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ государства, т.-е. со временъ отдаленнѣйшей древности, существуютъ и международныя отношенія правительствъ; съ тѣхъ поръ, какъ за спиною правительствъ стали пробуждаться народы, возникаетъ общеніе демократій.

Старое слово, что насиліе разъединяетъ, свобода соединяетъ, оправдалось и здѣсь. Можетъ быть, нигдѣ природа государства не обнаруживается такъ обнаженно, какъ въ области международной политики. Въ ней все—мерзость и зло: ея цѣль—корысть, средства дѣйствія—едва прикрытыя ложь и хитрость въ мирѣ, и голый цинизмъ силы въ войнѣ. Полную противоположность ей представляетъ та новая, демократическая международность, коренящаяся въ общемъ стремленіи національностей къ свободѣ и праву. Ея синонимъ—солидарность народовъ; это—раціоналистическая сторона того же вселенскаго идеала, который на религіозной почвѣ проводится христіанствомъ.

Я говорю здѣсь, разумѣется, не о томъ стихійномъ процессѣ сближенія и смѣшенія націй, который идетъ, непрерывно усиливаясь, на всемъ протяженіи исторіи, который въ наши дни достигъ колоссальныхъ размѣровъ и въ которомъ участвуютъ тысячи слѣпыхъ силъ,—личныя сношенія людей, умственное и литературное общеніе народовъ, торговля, биржа, пути сообщенія и т. п. Я говорю только объ одномъ изъ рычаговъ этого невидимаго всечеловѣческаго механизма—о сознательныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ созданію международной солидарности.

Основатели религій, мыслители и поэты во всѣ времена проповѣдовали единство человѣчества, пророчествовали «о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ единую семью соединятся», но широкое активное движеніе, ставящее себѣ эту цѣль, возникло лишь въ XIX вѣкѣ, въ тѣснѣйшей связи съ революціоннымъ броженіемъ, волновавшимъ Европу всю первую половину этого столѣтія.

Для насъ, русскихъ, спеціальный интересъ представляетъ вопросъ о томъ, какъ вошла въ эту вольную семью европейскихъ демократій русская демократическая интеллигенція. Этому вопросу и посвящены предлагаемыя страницы. Отвѣтить на него—значитъ разсказать отрывокъ изъ біографіи Герцена.

Эта сторона дѣятельности Герцена еще совсѣмъ неизвѣстна. Между тѣмъ, если изучать его дѣятельность не въ ея развитіи, а въ ея проявленіи, она естественно распадается на три части: Герценъ долженъ быть изученъ 1) какъ мыслитель, 2) какъ общественный дѣятель въ Россіи, 3) какъ посредникъ между Россіей и Западомъ. Всего лучше извѣстна у насъ его русская дѣятельность, въ послѣднее время начинаютъ знакомиться и съ его философіей, но третью сторону, неотдѣлимую отъ тѣхъ двухъ, совсѣмъ проглядѣли, хотя онъ самъ настойчиво ставилъ ее на видъ.

II.

Я хочу показать, какимъ образомъ Герценъ сталъ первымъ и донынѣ непревзойденнымъ посредникомъ между демократической Европой и русской интеллигенціей. Онъ занялъ это мѣсто въ силу исключительно благопріятныхъ условій двоякаго рода — обще-историческихъ и личныхъ.

1848-й годъ былъ *геджрой* въ исторіи европейской международной демократіи. Что самая революція, прокатившаяся тогда волною по всей Западной Европѣ, носила яркій отпечатокъ международности, что и послѣдовавшая за ней реакція съ небывалой силой засвидѣтельствовала солидарность деспотическихъ правительствъ,—это общеизвѣстные факты. Но дѣло собственно не въ нихъ; эти вспышки международности погасли вмѣстѣ съ самымъ пожаромъ, и въ дальнѣйшемъ и народы, и власть надолго разобщились между собою. Гораздо важнѣе самихъ фактовъ оказались ихъ моральные результаты, тѣ, если можно такъ выразиться, сѣмена международности, которыми революція 1848—49 гг. оплодотворила въ Европѣ тысячи и десятки тысячъ индивидуальныхъ сознаній. Въ этой революціи были такъ тѣсно переплетены интересы различныхъ странъ и народностей,—Франціи и Италіи, Италіи и Австріи, Австріи и Пруссіи, Польши и всѣхъ другихъ,—что, когда схлынула революціонная волна и все стало на прежнія мѣста, въ представленіяхъ передовой части европейскаго общества идея свободы оказалась нераздѣльно слитой съ понятіемъ круговой поруки народовъ. Самымъ ходомъ борьбы, въ пылу побѣдъ и пораженій, былъ выкованъ своего рода международно-демократическій идеалъ, и его, какъ святыню, унесли въ изгнаніе тысячеголовыя разноязычныя полчища эмигрантовъ, которыя въ 1849 году наводнили Швейцарію и потомъ Англію. Эта текучая община взыскующихъ свободы просуществовала лѣтъ десять-пятнадцать; и если мысль и чувство ея членовъ были съ самаго начала силы окрашены интернаціонализмомъ, то совмѣстная жизнь въ эмиграціи, в

безпрестанное общеніе людей, принадлежавшихъ къ разнымъ національностямъ, но объединенныхъ въ чужой странѣ общностью участи и стремленій, развили эту тенденцію въ нихъ до крайней степени.

Можно безошибочно сказать, что никогда ни раньше, ни потомъ чувство международной демократической солидарности не расцвѣтало такъ пышно, какъ въ этихъ эмигрантскихъ кружкахъ въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ послѣ 1848 года. Атмосфера была до такой степени насыщена космополитизмомъ, что избѣгнуть его вліянія было рѣшительно невозможно: онъ окрасилъ мышленіе даже такихъ умовъ, гдѣ для него, казалось, не было никакой почвы. Лучшій примѣръ—Прудонъ. Этотъ крѣпкій и трезвый мужицкій умъ, весь сосредоточенный въ положительномъ, былъ безконечно далекъ отъ романтической мечтательности и, конечно, никто не заподозрѣлъ бы его въ склонности къ утопіямъ. И дѣйствительно, въ вопросахъ дня, въ области тактики, онъ остается самымъ ярымъ «реальнымъ политикомъ»; въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полный контрастъ съ большинствомъ эмигрантовъ, которые стремились сдѣлать элементъ международности орудіемъ самой борьбы. Его письма конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ полны рѣзкихъ нападокъ на этихъ космополитовъ, на Маццини, Кошута и др. Своимъ нелѣпымъ фантазерствомъ они, по его мнѣнію, нанесли непоправимый вредъ своимъ странамъ и революціи. Если бы,—пишетъ онъ однажды [1]),—Кошутъ думалъ побольше о своей родинѣ, ввѣрившей ему свою судьбу, и поменьше о всемірной республикѣ, царь никогда не вмѣшался бы и Венгрія была бы свободна: «интересы революціи требуютъ болѣе узкой, пожалуй даже болѣе эгоистической политики, но примѣняемой съ умомъ и во-время».

И однако по общему своему міровоззрѣнію Прудонъ—такой же космополитъ, какъ Маццини, съ той только разницей, что идею солидарности демократій онъ выводитъ не изъ апріорныхъ положеній, а изъ фактовъ. Въ 1851 году онъ пишетъ бѣжавшему изъ Франціи Шарлю Эдмонду въ отвѣтъ на его письмо изъ Ниццы, принадлежавшей тогда пьемонтскому королю: «Ваши злоключенія доказали намъ то, что вообще нетрудно замѣтить,—что полиція разныхъ правительствъ соединилась теперь противъ всемірной демократіи и что, слѣдовательно, гуманитарное единство Европы получило свое первое посвященіе отъ самой реакціи. Съ тѣхъ поръ, какъ короли, капиталисты и попы признали себя солидарными и, значитъ, рабочіе и свободомыслящіе также стали солидарны,—границы національностей исчезли, и въ Европѣ остался одинъ народъ, какъ со временемъ одинъ народъ ...етъ на всемъ земномъ шарѣ. Надо вычеркнуть изъ Гражданскаго уложенія параграфы 1-й и 2-ой о французскомъ подданствѣ. Право гражданства принадлежитъ всякому человѣку во всякой культурной странѣ, гдѣ ... находится»,—и, увлеченный логичностью своей мысли, Прудонъ справедливо восклицаетъ: «Понимаете, какъ это просто? — Говорю вамъ тор-

[1]) P.-J. Proudhon, *Correspondance*, t. IV, Paris, 1875, стр. 93.

жественно: до этого не дошли еще ни Маццини, ни Ледрю-Ролленъ» *). А въ августѣ 1852 г., въ дни наибольшаго торжества реакціи, Прудонъ съ увѣренностью рисуетъ картину лучезарнаго будущаго: революція идетъ и идетъ, ея ничто не остановитъ, ей служитъ все—смѣшное и великое; «она все вовлечетъ въ себя, и въ результатѣ будетъ то, о чемъ я всегда говорилъ вамъ: народы смѣшаются, государства исчезнутъ, воцарится экономическая гарантія или взаимность, и личность освободится совершенно. Одинъ невидимый организмъ, вмѣщающій въ себѣ и оживляющій весь человѣческій муравейникъ,—такимъ представляется мнѣ будущее» **).

Если идейно даже такой непокорный умъ, какъ Прудонъ, былъ захваченъ общимъ влеченіемъ, то въ нервной обстановкѣ эмиграціи оно претворялось въ чувство, въ страсть, и при всякомъ удобномъ поводѣ стремилось выказаться на дѣлѣ. Здѣсь международность была настроеніемъ, которое направляло мысль, пропитывало чувство, опредѣляло поступки. Ею окрашена вся исторія тогдашней эмиграціи, не только офиціальная (потому что эмиграція имѣла и свою внѣшнюю политику), но и внутренняя, бытовая. Я приведу нѣсколько наудачу взятыхъ примѣровъ, которые могутъ дать наглядное представленіе объ этой космополитической атмосферѣ; такихъ эпизодовъ можно набрать въ тотъ періодъ тысячи.

12 іюня 1849 года въ Café Lamblin въ Парижѣ собрались эмигранты разныхъ странъ съ цѣлью выработать текстъ протеста отъ лица европейской демократіи противъ занятія Рима французскими войсками; на слѣдующій день, въ знаменитой демонстраціи 13 іюня, кончившейся такъ плачевно, кучка эмигрантовъ шла непосредственно за вождями толпы. Что въ попыткахъ національныхъ возстаній принимало участіе тогда множество иностранцевъ, это достаточно извѣстно; еще въ польской экспедиціи Лапинскаго, въ 1863 г., участвовали—кромѣ 164 поляковъ—22 француза, 16 итальянцевъ, 3 англичанина, 3 нѣмца, 2 швейцарца, 2 русскихъ, 2 бельгійца, 2 венгра, 1 голландецъ и 1 кроатъ, а на собраніи у Герцена, гдѣ обсуждался планъ этой экспедиціи, были — кромѣ Герцена и Огарева, Лапинскаго и Цвѣрчакевича — еще Маццини, Ледрю-Ролленъ и Марксъ. Когда въ началѣ Крымской войны у поляковъ явилась мысль воспользоваться этой войною для возстанія, и, чтобы добиться отъ союзниковъ хотя бы только моральной поддержки, Ворцель выступилъ въ цѣломъ рядѣ англійскихъ городовъ съ рѣчами, стараясь повліять въ этомъ смыслѣ на общественное мнѣніе Англіи,—его сопровождалъ въ этой поѣздкѣ, на-ряду съ нимъ агитируя за Польшу, Кошутъ; и тотъ же Ворцель на смертномъ одрѣ потребовалъ отъ Маццини торжественной клятвы что Польша не будетъ забыта при пробужденіи народовъ, и Маццини написалъ клятву на листѣ бумаги и прочелъ умирающему.

Передъ внѣшнимъ міромъ эта разноплеменная эмиграція старается вы-

*) Ibid., t. IV, стр. 89.

**) Ibid., стр. 316 (письмо къ Герцену).

ступать какъ одно цѣлое. Она имѣла и свое представительство: таковъ былъ Центральный европейскій комитетъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ Лондонѣ, состоявшій изъ Маццини, Арнольда Руге, Ледрю-Роллена, Кошута, Ворцеля и Братіано, таковъ былъ Международный комитетъ 1855 года тамъ же, и т. д. Эти комитеты выступали съ манифестами, обращенными то къ европейской демократіи, то къ обществу той или другой страны, устраивали митинги и банкеты международно-демократическаго характера. Такъ (и это одинъ примѣръ изъ многихъ), въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 года въ передовыхъ лондонскихъ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе: «Въ память великаго революціоннаго движенія 1848 года. Солидарность народовъ. Во вторникъ, 27 февраля 1855 г., въ St. Martin's Hall, Long-Acre, состоится международный банкетъ въ связи съ публичнымъ митингомъ. Къ участію приглашены слѣдующіе видные представители европейской демократіи: *Франція*—Луи-Бланъ, Викторъ Гюго, Барбесъ, Феликсъ Піа, Ледрю-Ролленъ, Распайль, Эйженъ Сю, Пьеръ Леру. — *Германія* — Кинкель, Марксъ, Руге, Шапперъ.—*Италія*—Пьянчани, Саффи, Маццини, Телеки.—*Венгрія* — Кошутъ. *Польша* — Ворцель, Зено Свентославскій.— *Россія*—Герценъ.—*Англія* (чартисты)—У. Кёнингемъ, Дж. Финленъ, Куперъ, Майнъ-Ридъ и др.» И въ рѣчи, произнесенной на этомъ банкетѣ, Герценъ говорилъ: «Посмотрите на эту залу, посмотрите на эти обломки всѣхъ бурь, изгнанниковъ всѣхъ странъ, старыхъ бойцовъ и молодыхъ ратниковъ противъ всѣхъ тираннствъ, сошедшихся праздновать страницу изъ лѣтописи революціи...» и т. д. Для служенія дѣлу всемірной свободы возникаетъ рядъ газетъ. Еще въ 1848 г. въ Парижѣ на деньги Ксаверія Браницкаго основывается газета *La Tribune des Peuples*—во множественномъ числѣ—«международный Монитёръ движенія и прогресса», и на первомъ редакціонномъ ужинѣ были представлены, по словамъ Герцена, всѣ европейскія націи «отъ Сициліи до кроатовъ»; другой такой же органъ международной демократіи, но уже на трехъ языкахъ, основали въ 1849 г. въ Женевѣ Струве и Гейнценъ; въ *Voix du Peuple*, который издавали въ 1849—50 гг. Прудонъ и Герценъ, иностранный отдѣлъ носилъ заглавіе: «Всеобщая политика.—Солидарность народовъ». Можно было бы собрать немало примѣровъ въ доказательство того, что и внѣшній міръ признавалъ единство европейской демократіи; однимъ изъ самыхъ курьезныхъ былъ обѣдъ, устроенный въ 1854 году американскимъ консуломъ въ Лондонѣ изгнанникамъ всѣхъ странъ, на которомъ присутствовали Герценъ, Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Гарибальди, Орсини, Ворцель и Цульскій; это былъ «дипломатическій обѣдъ врагамъ всѣхъ существующихъ правительствъ».

Внутри своего круга эмиграція держалась, разумѣется, какъ одна большая семья или какъ колонія соотечественниковъ въ чужой странѣ, и этому не мѣшали ни безконечныя сплетни, ни обиды, ни теоретическое разногласіе. Болѣе состоятельные эмигранты по мѣрѣ силъ поддерживали матеріально неимущихъ товарищей безъ всякаго различія національности, и

то же чувство родства въ общемъ стремленіи часто давало нуждающимся смѣлость *требовать* помощи у богатыхъ. Когда въ 1851 году въ Ниццѣ умерла мать Гарибальди, нести покойницу были приглашены эмигранты разныхъ странъ; тутъ было нѣсколько итальянцевъ, два француза, полякъ и русскій. Подъ протестомъ противъ пущеннаго одной англійской газетой слуха, будто Бакунинъ былъ шпіономъ, подписались, кромѣ Герцена и Головина, еще Ворцель и Маццини; это было какъ-бы общее дѣло, задѣвавшее честь всей семьи. Одну семью видѣлъ въ эмиграціи и Гарибальди, мечтавшій собрать всѣхъ этихъ разноплеменныхъ изгнанниковъ на три-четыре корабля и образовать «плавучую революцію, готовую пристать къ тому или другому берегу». Эти мелкіе факты всего лучше характеризуютъ настроеніе эмиграціи. В. Гюго обыкновенно начинаетъ свои письма къ Герцену словами: «дорогой согражданинъ!» — и однажды онъ пояснилъ это обращеніе: «Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня—одна мысль: будущее, и подъ ногами одна почва—единеніе человѣчества».

III.

Въ эту-то вольную общину людей, страстно преданныхъ каждый собственной національности и вмѣстѣ съ тѣмъ до мозга костей проникнутыхъ чувствомъ демократической солидарности народовъ, въ самый разгаръ эмиграціи вступилъ Герценъ. Онъ провелъ въ этомъ кругу, исключительно въ немъ, лѣтъ семь (1849—1855), до пріѣзда въ Лондонъ Огарева и начала своей широкой журнальной дѣятельности, когда русскіе интересы, русскія знакомства и сношенія всецѣло поглотили его. Эти семь лѣтъ онъ волей-неволей жилъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ всесвѣтной эмиграціей. Слѣдуя общему потоку, онъ изъ Парижа, ея первоначальнаго центра, послѣ 13 іюня 1849 г. перебрался въ Швейцарію и затѣмъ отсюда въ Англію. Онъ узналъ ее, какъ никто; во второй половинѣ «Былого и Думъ» онъ далъ настоящую физіологію эмиграціи во всѣхъ ея національныхъ, идейныхъ и бытовыхъ разновидностяхъ, такъ что эти главы являются, вѣроятно, наилучшимъ въ литературѣ источникомъ для изученія эмиграціи 50-хъ годовъ.

Все способствовало тому, чтобы Герценъ занялъ въ этомъ обществѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его открытая, симпатичная личность съ перваго взгляда располагала къ нему всякаго; что плѣняло въ немъ больше всего, это—самая задушевная доброта въ соединеніи съ сильнымъ умомъ и неистощимымъ остроуміемъ. Онъ былъ интереснѣйшій собесѣдникъ съ глазу на глазъ и увлекательный causeur въ многолюдномъ обществѣ: онъ, повидимому, любилъ говорить и любилъ блеснуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было и тѣни благерства. Подъ легкой шуткой, за быстрымъ каламбуромъ всякому была видна въ немъ богато-одаренная, внутренно свободная натура, а въ серьезномъ разговорѣ или въ писаніяхъ

выказывалъ такую высоту полета и такую мощь остраго, глубоко-оригинальнаго ума, которыя внушали иностранцамъ почтеніе, граничившее съ поклоненіемъ. О знаніяхъ нечего и говорить: по широтѣ образованности онъ стоялъ на уровнѣ самыхъ передовыхъ умовъ своего времени. И ко всему этому присоединялась рѣдкая въ русскомъ человѣкѣ общительность. Герценъ разговорится со всякимъ—это видно даже изъ его собственныхъ разсказовъ,—онъ любитъ людей и чувствуетъ себя съ ними легко, какъ и они съ нимъ; у него тьма знакомыхъ, пропасть друзей, и онъ мастерски держится на границѣ между фамильярностью и самоуваженіемъ. Онъ любитъ людей съ терпимостью, поэтому кругъ его знакомствъ вмѣщаетъ въ себѣ элементы, противоположные между собою и съ нимъ самимъ; но эта терпимость—такъ явно плодъ добраго сердца, а не равнодушія, что она никого не оскорбляетъ, напротивъ, она импонируетъ и обязываетъ къ уваженію.

Однихъ этихъ душевныхъ качествъ было бы достаточно, чтобы выдвинуть Герцена и сдѣлать его однимъ изъ центровъ во всякомъ обществѣ; но на-ряду съ ними онъ располагалъ еще и нѣкоторыми внѣшними данными, спеціально важными въ томъ кругу, гдѣ ему пришлось вращаться. Герценъ былъ и остался московскимъ бариномъ, аристократомъ; онъ вынесъ изъ дому ту культурную благовоспитанность и ту манеру спокойнаго самоутвержденія, которыя даются только воспитаніемъ. Въ пестрой толпѣ эмигрантовъ это было не малымъ преимуществомъ. Притомъ онъ былъ человѣкъ со средствами; это давало ему возможность жить открытымъ домомъ, принимать у себя въ опредѣленные дни множество гостей, устраивать при случаѣ званые обѣды (какъ, напримѣръ, по поводу пріѣзда въ Лондонъ Гарибальди или по случаю освобожденія крестьянъ). Мало того: онъ могъ широко помогать неимущей эмигрантской братіи—и этому обстоятельству онъ въ значительной степени былъ обязанъ своей популярностью среди эмиграціи; письма къ нему корифеевъ эмиграціи полны просьбъ о помощи тому или другому изгнаннику, пострадавшему за свободу своей страны,—тутъ и французскій торговецъ винами, и піанистка-итальянка, и венгерскій артиллеристъ, не говоря уже о полякахъ. Онъ и прямо поддерживаетъ матеріально освободительное движеніе во Франціи, въ Италіи: въ 1849 г. онъ далъ 20.000 франковъ Прудону на изданіе газеты *Voix du Peuple*, въ 1852-мъ—Маццини на итальянское дѣло около 200 фунт. стерл. и т. д., и т. д.—Наконецъ, немалую услугу оказала Герцену и его необыкновенная способность къ ученію языковъ: онъ совершенно свободно владѣлъ, устно и письменно, ѣми главными европейскими языками. Юліусъ Роденбергъ дивясь разазываетъ, что въ одномъ салонѣ (въ Лондонѣ) Герценъ при немъ въ инъ вечеръ разговаривалъ сряду по-русски, французски, англійски, нѣцки, итальянски и испански. Это характеризуетъ, между прочимъ, и ставъ самого салона.

Очень естественно, что при такихъ данныхъ Герценъ не только быстро

и совершенно акклиматизировался въ эмигрантской средѣ, но и сдѣлался однимъ изъ ея центровъ. Вотъ живая картина его жизни, показаніе очевидца; рѣчь идетъ о первыхъ годахъ пребыванія Герцена за границей. «Домъ его, — разсказываетъ Густавъ Рашъ, — который онъ пріобрѣлъ въ одной изъ аллей Елисейскихъ полей, былъ открытъ изгнанникамъ самыхъ различныхъ національностей: тамъ можно было встрѣтить нѣмцевъ, итальянцевъ, поляковъ, румынъ, сербовъ, венгровъ. Каждый день столъ накрывался на двадцать приборовъ для бѣдняковъ, которые садились за него, быть можетъ, потому, что у нихъ не было средствъ пообѣдать въ ресторанѣ. Чтобы получить доступъ въ домъ Герцена, не нужно было никакой рекомендаціи, никакихъ представленій. На вспомоществованіе этимъ изгнанникамъ Герценъ истратилъ въ 1848 и 1849 гг. много тысячъ. Черезъ мои руки прошли значительныя суммы, которыя онъ выдавалъ мнѣ для вѣнскихъ эмигрантовъ, которыхъ онъ зналъ только по имени, причемъ я не имѣлъ даже права, при передачѣ этихъ суммъ по назначенію, сказать, отъ кого онѣ идутъ. Многіе содержались исключительно на его счетъ; жены двухъ австрійскихъ эмигрантовъ разрѣшились отъ бремени въ его домѣ, потому что дома у нихъ не было для этого надлежащихъ удобствъ». Въ 50-хъ годахъ, въ Лондонѣ, жизнь въ домѣ Герцена уже не носила этого цыганскаго характера, была и болѣе замкнута, и болѣе упорядочена; для пріема былъ отведенъ одинъ день въ недѣлю—воскресенье, и въ этотъ день, по свидѣтельству Н. А. Огаревой-Тучковой, домъ съ утра начиналъ наполняться эмигрантами, изъ которыхъ иные проводили здѣсь весь день. Въ Лондонѣ Герценъ съ самаго начала занялъ мѣсто въ первомъ ряду эмиграціи, въ числѣ ея корифеевъ, какъ Маццини, Кошутъ, Ворцель, Ледрю-Ролленъ, Луи-Бланъ. Эти люди, являвшіеся признанными вождями освободительнаго движенія въ своихъ странахъ, не смѣшивались съ рядовой эмиграціей и, вовсе не будучи близки другъ другу, тѣмъ не менѣе составляли какъ бы одну группу, именно въ силу своей принадлежности къ высшему рангу европейской демократіи. Герценъ былъ безпрекословно принятъ въ этотъ тѣсный кружокъ просто ради своихъ личныхъ данныхъ, и онъ вступилъ въ него съ полнымъ сознаніемъ своего права. Онъ сразу сталъ на равную ногу съ генералами революціи и своей личностью, своимъ поведеніемъ, своими писаніями сумѣлъ внушить имъ всѣмъ симпатію и уваженіе, а многимъ изъ нихъ—удивленіе и горячую дружбу. Его переписка свидѣтельствуетъ о такой силѣ обаянія, которая можетъ считаться безпримѣрной. Все, что было выдающагося въ европейской демократіи, дружески протягивало ему руку. Его любили Гарибальди, Маццини и Саффи, Квадріо, Медичи, Пизакане, Козенцъ, Піанчіани изъ итальянцевъ, Ворцель, Гюго, Карлъ Шурцъ, Карлейль, Фогтъ, Джемсъ Фази, Фридрихъ Каппъ, Луи-Бланъ, Кинэ, Мишле, Пьеръ Леру, Прудонъ и множество другихъ; общій тонъ ихъ писемъ къ нему, при всемъ несходствѣ пишущихъ,—неоспоримое признаніе въ немъ прекраснаго, добраго человѣка и замѣчательнаго мыслителя, писателя, борца за свободу. Пе-

редовая фаланга Европы признала его своимъ, и его рѣчамъ среди нея было обезпечено самое серьезное вниманіе.

IV.

Самымъ фактомъ своего вступленія въ генеральный штабъ европейской революціи Герценъ былъ, такъ сказать, рукоположенъ въ представители русской демократіи. Пусть еще никто изъ его новыхъ товарищей не подозрѣвалъ существованія таковой, но они всѣ были революціонными вождями въ своихъ земляхъ, въ ихъ кругу каждый былъ зачисленъ по своей національности,—значитъ, та же таксировка распространилась на Герцена. Въ общихъ чертахъ, конечно, знали, что въ Россіи неблагополучно, помнили имена Пестеля и Рылѣева. Притомъ Герценъ явился въ Европу изъ «тюрьмы и ссылки» и сразу заговорилъ самымъ радикальнымъ языкомъ о европейскихъ и русскихъ дѣлахъ, а по переѣздѣ въ Лондонъ основалъ на собственныя средства вольную русскую типографію; вокругъ него толпился своего рода штабъ изъ Сазонова, Савича, Головина и проч.: слишкомъ достаточно основаній, чтобы признать его такимъ же выразителемъ думъ русскаго передового общества, какими сами они чувствовали себя по отношенію къ своимъ родинамъ. Еще въ 1850 г. Маццини приглашаетъ Герцена войти представителемъ Россіи въ Европейскій комитетъ; въ Лондонѣ Герценъ неизмѣнно исполняетъ эту роль на всѣхъ эмигрантскихъ манифестаціяхъ,—какъ, напримѣръ, на томъ февральскомъ митингѣ 1855 г., о которомъ выше была рѣчь; въ 1861 году Гарибальди, желая выразить свое негодованіе по поводу варшавскихъ убійствъ, обращается съ открытымъ письмомъ къ Герцену, и т. д., и т. д. Онъ сдѣлался какъ бы олицетвореніемъ Россіи въ глазахъ радикальныхъ людей Запада.

А съ тѣмъ вмѣстѣ для ихъ сознанія это означало, что въ кругъ западно-европейскихъ демократій вступаетъ новый членъ — русская демократія. До сихъ поръ они не видѣли никого, кто могъ бы навести ихъ на мысль о существованіи въ Россіи такой передовой группы. Изъ людей большого калибра Герцену предшествовали Николай Ивановичъ Тургеневъ и Бакунинъ. Но первый отсталъ отъ движенія радикальной политической мысли, да и держался вдали отъ боевыхъ круговъ; Бакунинъ же все время, что они его знали, былъ всецѣло поглощенъ западной освободительной борьбой, и если не совсѣмъ сливался съ ними, то только потому, что мечталъ о будущемъ свободномъ славянствѣ. Только Герценъ, вступивъ въ ихъ ряды, олицетворилъ для нихъ новую Россію.

Это былъ капитальный фактъ, но только фактъ, и не больше. Останься рценъ симпатичнымъ и щедрымъ русскимъ бариномъ или ограничься ъ одною русской дѣятельностью, — этотъ фактъ оказался бы безплодмъ. Какъ ни блистательна была эта его дѣятельность, западные люди могли бы оцѣнить ни ея содержанія, ни ея роли въ Россіи и, главное, алисъ бы въ прежней неизвѣстности относительно существованія въ сіи сознательнаго общественнаго слоя.

Но если стеченіемъ исключительно-счастливыхъ обстоятельствъ Герценъ былъ поставленъ въ самое выгодное положеніе между Европой и Россіей, то надо и ему воздать справедливость: онъ сознательно использовалъ это положеніе, затративъ большую долю своей энергіи на сближеніе западной демократіи съ русской. Онъ самъ позднѣе дѣлилъ свою заграничную дѣятельность на два періода: до 1857 года — русская пропаганда на западѣ; затѣмъ, по смерти Николая, когда русское общество, пробуждаясь, стало искать свободной рѣчи, мы, говоритъ онъ, «оставляя Западъ, обратили наше слово къ Россіи».

V.

Когда Герценъ явился за границу, въ дѣлѣ ознакомленія З. Европы съ Россіей еще почти ничего не было сдѣлано. Правда, на западныхъ языкахъ уже существовали, и имѣли довольно широкое распространеніе, двѣ прекрасныя книги о Россіи—Кюстина (1842 г.) и Гакстгаузена (1847 г.); но обѣ онѣ давали только частичные вертикальные разрѣзы—первая чрезъ правящій классъ, вторая—чрезъ сельскую общину. Цѣлой же картины, и, главное, картины *движенія* народной жизни, не только не было, но отсутствовали даже элементарныя свѣдѣнія хотя бы только объ основномъ характерѣ этого движенія,—а безъ нихъ и данныя Кюстина и Гакстгаузена оставались какъ бы висящими въ воздухѣ.

Въ 1851 году человѣкъ сильнаго ума и обширныхъ знаній, историкъ Мишле, написалъ сравнительную характеристику польской и русской народностей. Его цѣль была—ободрить порабощенную Польшу, указавъ ей ея историческую миссію; для этого и понадобилась ему Россія. Онъ отнесся къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно: перечиталъ, по его собственнымъ словамъ, все, что было написано о Россіи на европейскихъ языкахъ, не исключая, разумѣется, Кюстина и Гакстгаузена; слѣдовательно, больше, чѣмъ онъ, не могъ знать о Россіи ни одинъ европеецъ. И вотъ, безошибочно можно сказать, что въ настоящее время средній европейскій журналистъ имѣетъ болѣе правильное представленіе о движеніи боксеровъ въ Китаѣ, нежели какое составилъ себѣ Мишле о современной ему Россіи. Я изложу вкратцѣ его характеристику русскаго народа въ «Легендѣ о Косціушко», чтобы показать всю глубину этого типичнаго для тогдашней Европы невѣжества.

Его основная мысль, выраженная сразу во введеніи, состоитъ въ томъ, что на сѣверѣ есть только одинъ живой народъ—поляки, Россія же почти не существуетъ, она мертва. Дѣло въ томъ, что русскій народъ былъ призванъ осуществить идею патріархальной власти, но подъ гнетомъ своего жестокаго правительства онъ утратилъ эту идею, не пріобрѣтя ни одной взамѣнъ ея того, что составляетъ основу существованія европейскихъ народовъ,—идеи закона; теперь Россію можетъ воскресить только ея сестра Польша, олицетворяющая синтезъ обоихъ этихъ началъ (патріархально-

и закона). Поэтому Польша должна жить, объ этомъ умоляютъ ее всѣ культурные народы; на ней великая всемірно-историческая миссія—спасти несчастный русскій народъ отъ окончательной моральной гибели, и чѣмъ онъ падаетъ ниже, тѣмъ священнѣе, нужнѣе и предопредѣленнѣе ея существованіе.

Въ особой главѣ, озаглавленной: «Все въ Россіи—призракъ и ложь», Мишле развиваетъ свое сужденіе о Россіи. У русскихъ, говоритъ онъ, много хорошихъ качествъ, но людьми ихъ все-таки трудно признать: они лишены того, что составляетъ главное отличіе человѣка,—нравственнаго чувства и понятій правды и добра. Сверху донизу вся Россія обманываетъ и лжетъ; это какая-то фантасмагорія, миражъ, царство призраковъ. Русская душа абсолютно лишена устойчивости; вы хотите приневолить ее — она скользнетъ и увернется. Да и чѣмъ ее можно принудить? администраціей?— но русскій чиновникъ такъ же безсовѣстенъ, легкомысленъ и жаденъ, какъ подданные. Здѣсь вообще все — ложь и иллюзія: община только кажется общиной, помѣщикъ—отцомъ крестьянъ, священникъ—служителемъ Бога, царь — самодержцемъ; это какое-то crescendo обмана. Люди ли это? или песокъ? или вода? — Нѣтъ, песокъ устойчивѣе и вода менѣе обманчива. Отравленная сама, Россія растлѣвающимъ образомъ дѣйствуетъ на другіе народы: она распространяетъ вокругъ себя тонкій ядъ лжи, она вполнѣ оправдываетъ чье-то глубокое изреченіе: «Россія—это холера».

Мишле отказывается признать какое бы то ни было различіе между офиціальной Россіей и русскимъ народомъ; они для него — одно, и онъ заявляетъ это формально. Интеллигенціи онъ не видитъ въ Россіи. Онъ самъ зналъ высоко образованныхъ и благородной души русскихъ, но всѣ они, говоритъ онъ, такъ много жили жизнью и книгами Запада, что совершенно утратили свой первоначальный обликъ: это — блестящіе французы, но не русскіе. То же самое онъ долженъ сказать о декабристахъ: они были больше всемірными, нежели русскими гражданами, и дѣло ихъ было не революціей, а мятежомъ. Даже въ русской литературѣ (въ 1851 году!) онъ отказывается видѣть что-либо другое, кромѣ простой подражательности.

Изъ этихъ посылокъ онъ выводитъ такой прогнозъ. На Западѣ, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ скептикъ, это никогда нельзя понимать буквально: скептикъ въ исторіи, онъ остается твердо вѣрующимъ въ химіи, въ физикѣ и т. под. На Западѣ всякій человѣкъ во что-нибудь вѣритъ, душа никогда не остается пустою. У русскихъ же, въ этомъ невѣжественномъ, варварскомъ мірѣ, гдѣ власть зорко блюдетъ за пустотою душъ, что не удерживаетъ человѣка на покатой плоскости сомнѣнія, такъ что, ли это положеніе дѣлъ продлится, Россія явитъ міру страшное зрѣлище магогіи безъ чувства, безъ мысли, безъ принциповъ. Ее и міръ можетъ асти отъ этого только Польша.

Такъ писалъ о Россіи — уже послѣ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго — воклассный европейскій ученый. И этотъ жестокій приговоръ надъ цѣ-

лымъ народомъ свидѣтельствовалъ не только о незнаніи, но и о злобѣ, и эта злоба противъ Россіи была такъ же повсемѣстна въ Европѣ, какъ и это незнаніе о ней.

Усмиреніе Венгріи русскимъ оружіемъ ошеломило западный міръ. Русскій царь, издавна бывшій оплотомъ абсолютизма въ Европѣ, доказалъ наглядно свою готовность перевести въ случаѣ надобности эту моральную поддержку на языкъ картечи и штыковъ. Случилось то, что никому и не мерещилось: въ разгарѣ западной борьбы на боевую арену Запада шагнулъ и сталъ между домашними врагами чужой, ужасный, непонятный восточный Калибанъ; русскій царь, «первый жандармъ вселенной», сдѣлался первостепеннымъ и очень реальнымъ факторомъ внутренней жизни Запада. И не только короли заискивали передъ Николаемъ, не только мѣщане, по выраженію Герцена, «становились на свои жирныя колѣнки и звали русскія пушки на защиту собственности и религіи»: такъ велико было моральное дѣйствіе этого факта, что сама демократія была готова признать въ русскомъ штыкѣ верховнаго рѣшителя западныхъ судебъ. Одни, какъ Мишле, съ ужасомъ предвидѣли день, когда русскія полчища смерчемъ пройдутъ по Европѣ и истребятъ всѣ ростки свободы и человѣчности; другіе, напротивъ, пророчили старой, феодальной Европѣ гибель отъ русскаго меча, которому-де предназначено очистить почву для новаго строительства. Но и тѣ, и другіе, и весь западный міръ вообще, до ободренныхъ королей и мѣщанъ включительно, равно видѣли въ Россіи только грубую, кромѣшную силу. Для нихъ, какъ для Мишле, Николай, его войско и Россія сливались въ одно. Отсюда—ненависть и злоба противъ Россіи всѣхъ сознательныхъ элементовъ европейскаго общества.

И въ этомъ отношеніи моментъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ пропагандѣ Герцена. Западный человѣкъ слишкомъ занятъ, онъ плохо слушаетъ, когда ему говорятъ о томъ, въ чемъ онъ не заинтересованъ лично и сейчасъ. Но въ 1849—55 гг. мысль о Россіи, какъ кошмаръ, давила западную демократію, психическая почва была разрыхлена для воспріятія ненавистью и страхомъ, и потому, когда Герценъ заговорилъ о Россіи, западные люди стали дѣйствительно слушать.

VI.

Въ томъ письмѣ, озаглавленномъ «Прощайте!», которымъ Герценъ 1 марта 1849 г. изъ Парижа сообщалъ своимъ русскимъ друзьямъ, что рѣшилъ остаться на чужбинѣ, онъ выставилъ двѣ задачи, какъ объективный смыслъ своего рѣшенія. Изъ нихъ главною было, конечно, желаніе ускорить силою свободнаго слова русское освободительное движеніе. Высказавъ это, Герценъ продолжаетъ: «Для русскихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ, и больше ничего... Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда; они его только боятся,—надобно имъ знать, чего они боятся».

Герценъ потомъ многократно повторялъ эту мысль о настоятельной необходимости познакомить Западъ съ Россіей. Какой пользы онъ ждалъ отъ этого? У него были, очевидно, какія-то реальныя соображенія, и очень вѣскія, судя по страстности его тона въ этихъ случаяхъ; спрашивается—какія?

Рѣчь шла, какъ разумѣется само собою, о сближеніи передовой Европы съ передовой Россіей, западной интеллигенціи съ русскою. По мнѣнію Герцена, это сближеніе представляетъ одинаковый жизненный интересъ для обѣихъ сторонъ, прежде всего потому, что у нихъ общій врагъ—реакція, главнымъ же столпомъ реакціи является русскій абсолютизмъ. Онѣ естественныя союзницы; побѣда европейской демократіи надъ реакціей могущественно двинетъ впередъ дѣло русскаго освобожденія, и, наоборотъ, прочность самовластія въ Россіи парализуетъ силу западной революціи. «Европа никогда не станетъ свободной иначе, какъ чрезъ освобожденіе Россіи»: одного этого было бы достаточно, чтобы для Европы стало важно знать, каковы шансы и условія освобожденія Россіи. А русскому народу нужно выйти изъ его одиночества, перестать быть пугаломъ для западныхъ народовъ; узнавъ его, передовая Европа не откажетъ ему въ своей симпатіи и моральной поддержкѣ, и это придастъ бодрости русскимъ борцамъ.

Но это не все. У европейской демократіи и русской—не только одинъ врагъ, но и общая цѣль: эта цѣль — соціализмъ въ широкомъ смыслѣ, т.-е. разрушеніе всего соціально-экономическаго строя, выросшаго на почвѣ мультурной антропофагіи, и созданіе разумныхъ человѣческихъ отношеній и логическихъ формъ общежитія. Тутъ-то оказывается, что Россія и Западъ—не только попутчики, но что русскій народъ призванъ отчасти сыграть для всего человѣчества роль вожатая къ цѣли, такъ что знакомство съ Россіей является для Запада и положительно дѣломъ первостепенной важности.

Нужна была, конечно, большая смѣлость, чтобы выступить передъ Европой съ такимъ страннымъ заявленіемъ. Россія, эта чума народовъ,—укажетъ имъ путь? варварская, полуживотная, топущая въ деспотизмѣ,—она колыбель разума и правды? Самъ Герценъ не сразу рѣшился высказать всю свою мысль: въ его первомъ обращеніи къ западнымъ людямъ (это было его открытое письмо къ Гервегу, 1849 года) его голосъ звучитъ еще робко,—онъ указываетъ только на *общія* преимущества русскаго народа—на необремененность наслѣдственную и свѣжесть русской психики. Только годъ или больше спустя онъ впервые заявитъ, что русская сельская община—ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса. Съ тѣхъ поръ онъ орно, въ теченіе 20 лѣтъ, повторяетъ это вслухъ Европы. Въ 1865 году ъ писалъ Эдгару Кинэ: «До сихъ поръ на Россію смотрятъ какъ на зину, угрожающую паденіемъ. Мы хотимъ показать, что подъ снѣгомъ ъ земля, владѣемая иначе, чѣмъ историческая земля стараго міра. Та а была причина, которая заставила меня въ 1851 г. написать длинное ьмо къ знаменитому другу вашему (теперь и моему, скажу я) Мишле.

Вообще, послѣ неудачи февральской революціи я только объ одномъ этомъ и проповѣдую...» На русской общинѣ Европа для Герцена отождествлялась съ Россіей, здѣсь западная революція и русское освободительное движеніе сливались для него въ одномъ руслѣ, чтобы далѣе течь широкимъ историческимъ потокомъ разумной, гуманной жизни—къ новымъ общечеловѣческимъ цѣлямъ.

Важно указать на то, что, при всей своей странности по содержанію, формула прогресса, провозглашенная Герценомъ, была чрезвычайно удобопонятна для западнаго человѣка: она была выражена въ терминахъ его собственнаго міропониманія. Герценъ недаромъ прошелъ школу западнаго мышленія. Когда послѣ 1848 года онъ произвелъ переоцѣнку цѣнностей,—критеріи остались у него тѣ же, онъ только перемѣнилъ объекты цѣнности. Онъ мыслилъ въ категоріяхъ Запада, и даже можно сказать, что, благодаря чрезвычайной отчетливости, а также послѣдовательности и безстрашію его мысли, его міросозерцаніе донынѣ остается непревзойденнымъ образцомъ европейскаго позитивнаго мышленія XIX столѣтія. Формула прогресса, предложенная имъ (русское общинное владѣніе, какъ прообразъ будущаго соціальнаго строя), имѣла въ своемъ основаніи двѣ идеи: идею соціализма и идею національно-исторической миссіи. Обѣ эти идеи принадлежали, такъ сказать, къ постоянному инвентарю тогдашняго мышленія въ передовыхъ кругахъ Европы, особенно въ томъ кругу, гдѣ пришлось вращаться Герцену, — въ эмиграціи. Что значила тогда идея соціализма, нѣтъ надобности объяснять; она была молода и лучезарна, она всходила надъ Европой, какъ побѣдное солнце; люди молились ей и пѣли ей гимны. Идея національной миссіи имѣла не меньшую власть надъ умами; какъ извѣстно, съ Запада заимствовали ее и наши славянофилы. Въ частности для эмиграціи она являлась незамѣнимой опорой: въ ней національная задача оправдывалась и освящалась общечеловѣческимъ идеаломъ. Неудивительно, что сильнѣйшіе умы несли ей дань покорности. «Маццини мечталъ Италіей освободить человѣчество, Ледрю-Ролленъ хотѣлъ его освободить въ Парижѣ»,—это съ грустной насмѣшкой разсказываетъ самъ Герценъ,—и даже Прудонъ безъ разсужденій принималъ, что центръ міровой революціи—Парижъ.

VII.

Между тѣмъ представленіемъ о Россіи, которое имѣла тогдашняя Европа (мы видѣли его на примѣрѣ Мишле), и тѣмъ новымъ, которое хотѣлъ внушить ей Герценъ, была пропасть. Черезъ эту пропасть Герценъ перекинулъ стройный мостъ изъ фактовъ и идей; намъ нужно взглянуть, какъ онъ это сдѣлалъ.

Его аргументація была основана на нѣсколькихъ положеніяхъ, тѣсно связанныхъ между собою. Онъ исходитъ изъ той мысли, что у Европы нѣтъ никакихъ основаній съ презрѣніемъ смотрѣть на Россію: не только

не подобаетъ ей, въ виду торжествующей всюду реакціи, нивать на русскій деспотизмъ, но и въ цѣломъ, на пути къ идеалу свободы и равноправія, она нисколько не опередила Россію. Тамъ и здѣсь царитъ феодально-монархическій строй, въ западномъ правѣ не больше справедливости, чѣмъ въ русскомъ безправіи, а въ западной нравственности не больше гуманности и гораздо больше лицемѣрія, чѣмъ въ русской. Главное же, ни Западъ, ни Россія не рѣшили основной антиноміи между личностью и государствомъ; передъ этимъ вопросомъ начинается ихъ равенство. Иными словами—они равны передъ соціализмомъ, которому принадлежитъ будущее; только на этой почвѣ ихъ можно сравнивать.

Это—первая, общая посылка Герцена; вторая имѣетъ своимъ предметомъ уже только Россію.

Онъ начинаетъ съ установленія кардинальнаго факта—коренного различія между Россіей официальной и Россіей народной. Европейцы знаютъ только первую и отожествляютъ съ нею всю страну; но это — глубочайшее заблужденіе.

Что же такое русскій народъ? Это, прежде всего, народъ безъ культурнаго прошлаго: полная чуждость цивилизаціи и политическимъ движеніямъ Европы характеризуетъ его тысячелѣтнюю исторію. Отсюда, разумѣется, невѣжество, грубость нравовъ и неустроенность во всѣхъ отношеніяхъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ это странное и печальное прошлое надѣлило русскій народъ двумя драгоцѣнными дарами. Первый изъ нихъ—дѣвственная свѣжесть, необремененность русской психики; и это есть первое преимущество русскаго народа передъ Западомъ съ точки зрѣнія общей задачи. Современный строй, неправедный и неразумный, держится не матеріальной своей прочностью, а тѣми корнями, которые онъ на протяженіи столѣтій пустилъ въ психику западнаго человѣка,—этими навыками, традиціями, предразсудками, комплексами чувствъ и настроеній, съ которыми человѣку тѣмъ труднѣе бороться, что обыкновенно онъ даже не сознаетъ ихъ. Русскій человѣкъ свободенъ отъ этихъ пристрастій, онъ варварски непредубѣжденъ; ему легче, чѣмъ кому-нибудь, идти логически до конца въ разрушеніи стараго міра.

Второй кладъ, вынесенный русскимъ народомъ изъ его прошлаго, это его сельская община, которую цивилизація конечно разрушила бы, какъ она повсюду разрушила общину на Западѣ. Община же русская—это неупорядоченный, но все-таки коммунизмъ въ приложеніи къ землѣ. Такимъ образомъ, до чего Западъ только дошелъ теоретической мыслью, то въ ссіи—дѣйствительность. Русскій аграрный соціализмъ и отвлеченный соализмъ Запада должны слиться; на пути практическаго осуществленія ·ской народъ указываетъ тотъ выходъ, котораго тщетно ищетъ Западъ. омѣ того, такъ какъ задача будущаго — соединить общинный строй съ чной свободой, то только совмѣстными усиліями Европа и Россія могутъ тигнуть этой цѣли, потому что первая выработала идеалъ личной сво- вторая сохранила у себя общину.—Роль русской интеллигенціи Гер-

ценъ опредѣляетъ такъ: «Мы, русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію, мы не больше, какъ средство, какъ закваска, какъ *посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европою*». Этими словами онъ опредѣлилъ свое собственное мѣсто въ строю.

Изложенные сейчасъ тезисы Герценъ 20 лѣтъ твердилъ европейцамъ на всевозможные лады, то освѣщая ими настоящее и будущее Запада, то наполняя ихъ, какъ рамку, картиной историческаго развитія Россіи; и даже тамъ, гдѣ онъ не выставлялъ ихъ формально,—все равно ими было пропитано рѣшительно каждое слово, обращенное имъ за эти годы къ Европѣ. Это была правильная и настойчивая осада на общественное мнѣніе передовой Европы. Я назову только главные этапы этой кампаніи:

1849 г., осень,—обширная статья о Россіи въ трехъ нумерахъ прудоновской *Voix du Peuple*.

1850 г., начало,—изданіе *Vom andern Ufer* съ приложеніемъ той же статьи по-нѣмецки.

Въ томъ же году—изданіе *Briefe aus Frankreich und Italien*.

1851 г. — *Du développement des idées révolutionnaires en Russie* по-нѣмецки въ *Deutsche Jahrbücher*.

— Та же книга по-французски (она выдержала затѣмъ еще два изданія—въ 1853 и 1858 гг.).

— Письмо къ Мишле («*Le peuple russe et le socialisme*». 2-е изд. въ 1855 г.).

1854 г.—Письмо къ Линтону («*La Russie et le vieux monde*»).

— Изданіе *Russlands sociale Zustände*.

1857 г.—Письмо къ Маццини, *Sulle presenti condizioni della Russia*, въ *Italia del Popolo*, № 18.

1858 г.—*La France ou l'Angleterre?*

1859 г.—*La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'emancipation des Paysans en Russie* (а также по-нѣмецки).

1864 г.—*Nouvelle phase de la littérature russe* *).

1868 г.—*Колоколъ* по-французски, 15 нумеровъ, и въ первыхъ нумерахъ—пространная, страницъ въ 25, статья «Prolégomènes», съ неутомимымъ упорствомъ повторяющая тѣ же тезисы, которые впервые сполна были изложены Герценомъ 17 лѣтъ назадъ, въ «Du développement des idées révol.».

Сюда надо прибавить изданные самимъ Герценомъ или подъ его наблюденіемъ многочисленные переводы «Былого и Думъ», «Camicia rossa», «Записокъ Екатерины» и проч., и проч. Онъ не только *объяснялъ* европейцамъ Россію,—онъ хотѣлъ и *показать* имъ ее такою, какъ она есть. Французскій переводъ «Былого и Думъ», выходившій при близкомъ уч

*) 1862 г. Огаревъ, *Essai sur la situation russe* (въ видѣ письма къ Д. С. Миллю).—Въ 1863—65 гг. выходила въ Брюсселѣ французская *La Cloche* подъ ред. La Fontaine'a (переводъ статей изъ русскаго *Колокола*).

стіи Герцена, такъ и былъ озаглавленъ, во свидѣтельство показательнаго характера книги: «Le Monde Russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzen».—*La Révolution*—это значило здѣсь: «всемірная революція».

VIII.

Всѣ эти годы Герценъ держится какъ официальный посланникъ народной, не-правительственной Россіи при европейской демократіи. Онъ не ограничивается писаніемъ систематическихъ статей и книгъ, цѣль которыхъ, какъ онъ однажды выразился,—«учить Европу Россіи»: онъ пользуется также всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы разсѣять въ западномъ обществѣ предубѣжденія противъ Россіи. Его «Le peuple russe et le socialisme» было отвѣтомъ на ту «Легенду о Косціушко» Мишле, гдѣ русскій народъ провозглашался умершимъ. Придравшись къ вопросу Линтона: «какова, по вашему мнѣнію, будущность Россіи», онъ пишетъ «Le vieux monde et la Russie». Когда Кине въ своей книгѣ о революціи указалъ на только что совершившееся освобожденіе русскихъ крестьянъ съ землею какъ на шагъ антикультурный, ибо посягательство на принципъ собственности, по его мнѣнію,—гибель личной свободы, Герценъ поспѣшилъ написать ему письмо все на ту же безсмѣнную тему: «мы представляемъ починъ *иного* отношенія человѣка къ почвѣ», и т. д. Въ концѣ 1863 года, въ разгаръ муравьевскихъ звѣрствъ, усмирявшихъ мятежную Польшу, Герценъ обращается къ Гарибальди съ открытымъ письмомъ-статьею. И дѣйствительно, онъ не могъ молчать. Послѣ стольнихъ усилій объяснить Европѣ коренное различіе между русскимъ правительствомъ съ одной стороны, и русской интеллигенціей—съ другой, все грозило погибнуть: какъ могла теперь Европа вѣрить этому различію, видя отношеніе къ Польшѣ русскихъ газетъ и общества? Развѣ Россія не оказалась вполнѣ солидарной со своимъ правительствомъ? «Свирѣпости правительства, крикъ развратнаго и подлаго журнализма, рукоплесканія толпы растлѣнной или обманутой заставляютъ думать, что вообще *русское движеніе* было или преднамѣреннымъ обманомъ, или мечтой больного воображенія. Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ для того, чтобъ свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе [русское вовсе не подавлено и вообще по сущности своей *неподавляемо*».—И дальше слѣдовалъ опять очеркъ русскаго народнаго соціализма и хода русской освободительной борьбы.

Онъ не ограничивался и одной литературою. Мы уже говорили о томъ, го онъ выступалъ въ качествѣ представителя Россіи на разныхъ митинхъ, банкетахъ и пр. Извѣстна исторія посѣщенія его дома Гарибальди есною 1864 года. Приглашая къ себѣ итальянскаго героя, пріѣздъ кораго сводилъ съ ума весь Лондонъ, всю Англію, устраивая у себя въ чѣ примиреніе Гарибальди съ Маццини, которое завтра должно было ть извѣстнымъ всему міру, Герценъ имѣлъ въ виду и Россію; онъ

такъ и сказалъ Гарибальди: «въ эту черную полосу для Россіи ваше посѣщеніе будетъ имѣть особое значеніе, вы посѣтите не одного меня, но друзей нашихъ, заточенныхъ въ тюрьмы, сосланныхъ на каторгу». И онъ могъ быть доволенъ результатомъ: оба—и Гарибальди, и Маццини—въ своихъ тостахъ у него, воспроизведенныхъ затѣмъ всѣми газетами Европы, послали привѣтъ той Россіи, которой онъ былъ представителемъ. Гарибальди сказалъ: «Выпьемъ за *юную* Россію, которая страдаетъ и борется, какъ мы, и побѣдитъ, какъ мы,—за новый народъ, который, освободившись и одолѣвъ Россію царскую, очевидно, призванъ играть великую роль въ судьбахъ Европы»; и Герценъ, глубоко взволнованный, отвѣтилъ ему благодарностью отъ имени будущей Россіи, живущей въ сознаніи народа и интеллигенціи.

Точно также, приступая къ изданію *Полярной Звѣзды*, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы вызвать на этой почвѣ международную демократическую манифестацію въ пользу Россіи. Онъ очень хорошо зналъ, что тѣ корифеи западнаго революціоннаго движенія, которыхъ онъ пригласилъ къ сотрудничеству, не будутъ присылать ему статей, но онъ зналъ также, что всѣ они напишутъ ему «открытыя» письма, а ему только это и было нужно. Онъ достигалъ этимъ двухъ цѣлей: лишній разъ торжественно доказать европейскому обществу демократическую солидарность Запада и юной Россіи, и импонировать западными авторитетами русскому читателю. Онъ не ошибся: они всѣ отвѣтили «для печати»,—Мишле, Прудонъ, Таландье, В. Гюго, Маццини; и во всѣхъ этихъ письмахъ выражалась та же мысль, которую такъ ревностно пропагандировалъ онъ самъ: идея революціонной солидарности всѣхъ народовъ, *включая Россію*. «Круговая порука связуетъ наши цѣли,—писалъ ему Прудонъ,—надежды наши смѣшиваются. Съ одного конца Европы до другого та же мысль, какъ молнія, озаряетъ всѣ свободныя сердца. Не говоря другъ съ другомъ, не переписываясь, хотимъ мы того или нѣтъ, мы другъ другу сотрудники». А Мишле выразился еще опредѣленнѣе: «Теперь,—писалъ онъ,—самые простѣйшіе люди начинаютъ догадываться, что освобожденіе Россіи необходимо для всемірнаго освобожденія».—И сообразно своей двоякой цѣли Герценъ тотчасъ напечаталъ эти письма—для европейцевъ въ *Athenaeum*'ѣ, для русскихъ—въ первой книжкѣ *Полярной Звѣзды*.

IX.

Какъ же отнеслись западные люди къ пропагандѣ Герцена?

Самъ Герценъ подъ конецъ жизни оглядывался на *эту* свою дѣятельность съ тяжелымъ, почти безнадежнымъ чувствомъ; ему казалось, что онъ ничего не достигъ, что старое непониманіе Россіи и старая ненависть къ ней стоятъ незыблемо. Этому предмету посвящено его пятое «Письмо къ путешественнику» въ *Колоколѣ* 1865 года. Онъ приводитъ здѣсь, между прочимъ, письмо, написанное имъ года три назадъ къ одной его прія-

тельницѣ-англичанкѣ. «Позвольте мнѣ напомнить начало нашего знакомства. Вы протянули мнѣ руку, не зная меня лично, и протянули ее во имя дѣла, которое я дѣлалъ, и во имя міра, о которомъ я свидѣтельствовалъ. Не знаю, какимъ вдохновеніемъ, какимъ наитіемъ вы почувствовали живые всходы подъ нашими снѣгами и отгадали, что мрачный и нѣмой міръ нашъ не отходилъ, а нарождался. Вы привѣтствовали его во мнѣ, когда я случайно попался на вашей дорогѣ, и я безконечно вамъ благодаренъ за это,—но что сдѣлали другіе? Что сдѣлала *старая гвардія* цивилизаціи, съ которой я сблизился на ея Ватерлооскомъ полѣ, что сдѣлали покрытые сѣдинами и шевронами колонновожатые рода людского, которые завели его въ болото и потеряли путь?—Сначала они меня слушали съ тѣмъ молчаніемъ, съ которымъ слушаютъ, находясь не въ авантажѣ, даже безвредныхъ сумасшедшихъ. Потомъ, когда половина предсказаннаго стала осуществляться, они, какъ римскіе сенаторы въ дѣлѣ Сципіона, закрыли глаза...»

Онъ говоритъ, что не разъ спрашивалъ своихъ западныхъ друзей: «Что вамъ нравится въ моихъ статьяхъ? Дайте себѣ отчетъ, и вы увидите, что мы стоимъ на противоположныхъ полюсахъ. Вы или увлекаетесь дружбой ко мнѣ, или моимъ слогомъ; сущность моей мысли не принята вами и скорѣе противна вамъ, чѣмъ симпатична. Для меня это безконечно печально, печально за васъ и за вашихъ, и я васъ прошу: не восхищайтесь моими статьями или поймите ихъ. Въ 1848 году вы сдѣлали fiasco—затѣмъ реакція, апатія: на землѣ имперія порядка, на небѣ воздушный шаръ соціальныхъ теорій, плавающій по воздуху безъ вожжей, руля и почвы, куда бы спуститься. Вы всѣ говорите, что видите прошлыя ошибки, что ищете новыхъ рѣшеній, вы всѣ жалуетесь, что старинныя стѣны и развалины вамъ не даютъ ступить шага, вы ждете въ раздумьи и не можете ума приложить, что дѣлать. Являются какіе-то люди, которые приносятъ вамъ вѣсть о странѣ, въ которой существуютъ искони задатки иного соціальнаго устройства, на поляхъ которой нѣтъ развалинъ, а есть только что поставленные острожные частоколы, нѣтъ устарѣлыхъ правъ, а есть надоѣвшее безправіе, нѣтъ консервативныхъ вѣрованій, а есть силой удерживающіяся цѣпи и веревки. Что же вы сдѣлали съ этими вѣстями? Изслѣдовали ли вы—справедливы или ложны показанія этихъ людей и въ чемъ состоитъ это *естественное* рѣшеніе вопроса?—Нѣтъ».

На этомъ исполненномъ горечи «нѣтъ» мы можемъ оборвать цитату. Горечь Герцена очевидно была результатомъ ошибки: непринятіе западноі ократіей его *мысли* о Россіи онъ счелъ за глухоту ко всему, что онъ повѣдовалъ.

Въ русской пропагандѣ Герцена за границей мы естественно должны личать двѣ стороны: во-первыхъ, ея ядро—идею Герцена о предстоя- роли русскаго народа во всемірной революціи, и, во-вторыхъ, всю тупность этой пропаганды, начиная съ общаго духа, проникавшаго ее, нчая той массой конкретныхъ фактовъ по внутренней исторіи Россіи,

которую Герценъ, стремясь обосновать свою идею, попутно вводилъ въ сознаніе европейцевъ. Они не взяли ядра, но пропаганда сдѣлала свое дѣло. Имъ было невозможно вслѣдъ за Герценомъ признать въ русской общинѣ ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса: мы знаемъ теперь, что эта славянофильская идея не оправдалась и для самой Россіи. Между тѣмъ Герценъ, для котораго будущность Европы, соціализмъ и русская община представляли одно логическое цѣлое, Герценъ «понявшими русскій вопросъ» считалъ только тѣхъ, кто принялъ его евангеліе, его ученіе о русской общинѣ. Мы скорѣе должны удивляться, что такіе люди все-таки нашлись среди европейской демократіи, хотя и въ маломъ числѣ: такова была, какъ видно, та англичанка, таковъ былъ французскій радикальный журналистъ Торэ, написавшій въ 1852 году Герцену замѣчательное письмо по поводу «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».

И тѣмъ не менѣе западные демократы слушали рѣчи Герцена о Россіи съ большимъ вниманіемъ. Имъ дѣйствительно открывалось здѣсь что-то новое: не какое-нибудь лѣкарство противъ соціальнаго зла, нѣтъ!—имъ почувствовалось вѣяніе какого-то новаго духа и обрисовались черты неизвѣстнаго имъ до тѣхъ поръ освободительнаго движенія.

Когда Кинэ писалъ Герцену, что каждый номеръ французскаго *Колокола* былъ для него «лучезарнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи», когда Мишле писалъ ему по прочтеніи его «Le peuple russe et le socialisme»: «вы, очевидно, въ извѣстномъ смыслѣ—авангардъ человѣчества», они не имѣли въ виду ничего конкретнаго, ничего логическаго: въ ихъ словахъ сказалось только общее впечатлѣніе мощи и своеобразности русскаго духа; въ писаніяхъ Герцена они впервые услыхали свѣжій и терпкій запахъ того, что Мишле однажды мѣтко назвалъ темнымъ океаномъ народной Россіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ фактахъ, которые сообщалъ имъ Герценъ, они впервые начали различать на русской равнинѣ слѣды знакомаго и дорогого имъ движенія къ свободѣ и правдѣ. Оказывалось, что этотъ варварскій народъ, которымъ пугаютъ Европу, самъ томится, самъ подавленъ деспотизмомъ; оказывалось, что меньшинство его заодно съ европейской демократіей борется во имя свободы. Въ 1863 году Гарибальди писалъ Герцену: «Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы... знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго». Если европейская демократія стала не только вѣрить въ это, но и *знать*, знать, какъ нѣчто, что есть и что можно ощупать, то это была заслуга Герцена, этого он добился своимъ неутомимымъ повѣствованіемъ о русской пѣснѣ, о Пушкинѣ и Гоголѣ, декабристахъ и петрашевцахъ, Петрѣ Великомъ и т. д. И—last, not least—это *знаніе* явилось въ значительной мѣрѣ результатомъ знакомства передовой Европы съ нимъ самимъ. Онъ заложилъ въ сознаніи западныхъ людей основы знакомства съ подлинной Россіей, вниманія нуждъ и стремленій русскаго народа, и на этомъ фонѣ его сл-

ственная дѣятельность осмыслилась для нихъ въ своей русской перспективѣ,—и, наоборотъ, его личное обаяніе и блескъ его несравненнаго таланта съ самаго начала подкупили мыслящую Европу въ пользу русской интеллигенціи.

Его личность во всѣхъ отношеніяхъ послужила живымъ звеномъ между западной демократіей и русской. Въ такомъ *физіологическомъ* дѣлѣ, какъ національная рознь, ежедневныя личныя впечатлѣнія являются, безъ сомнѣнія, самымъ сильнымъ реактивомъ; живое общеніе людей всего вѣрнѣе разрушаетъ окаменѣлые навыки вражды и непониманія. Мы видѣли, какъ благопріятно былъ поставленъ Герценъ на Западѣ для такого общенія, и видѣли, какія прочныя симпатіи онъ завоевалъ себѣ среди передовой фаланги европейскаго революціоннаго движенія. Но и внѣ эмиграціи, въ кругу людей, съ которыми онъ не сталкивался лично, его имя пріобрѣло почетную извѣстность въ Европѣ; мы говоримъ, разумѣется, о демократическинастроенныхъ кругахъ. Въ 1868 году онъ посѣтилъ Эльзасъ, побывалъ въ Кольмарѣ и Мюльгаузенѣ, осмотрѣлъ знаменитый пансіонъ Жана Масэ въ Бебленгеймѣ,—и вотъ что онъ писалъ тогда Огареву: «Радушіе вездѣ большое, и Шофуръ правъ; онъ въ отвѣтъ на мою просьбу о рекомендаціи къ Масэ написалъ: «вотъ вамъ записка, mais je m'en garde bien de me donner le ridicule de vous recommander—votre nom suffit en France»,—и безъ хвастовства—оно выходитъ такъ». Это подтверждается подробнымъ разсказомъ Н. А. Огаревой-Тучковой, сопровождавшей его въ этомъ путешествіи. И такъ какъ онъ былъ русскій человѣкъ и русскій дѣятель, то съ симпатіей къ нему въ душу западнаго человѣка безсознательно входила нѣкоторая близость къ русскому вообще,—къ самому представленію о русскихъ вещахъ и русскомъ человѣкѣ.

И его же личность, его умъ и талантъ внесли первыя вѣрныя *созидательныя* черты въ это ихъ представленіе. Онъ во многихъ отношеніяхъ явился передъ ними живой иллюстраціей тѣхъ свойствъ русскаго человѣка, которыя онъ такъ упорно ставилъ имъ на видъ. Одно изъ основныхъ положеній его западной пропаганды заключалось въ томъ, что образованный русскій — самый независимый человѣкъ въ мірѣ, что онъ одинъ способенъ идти до конца въ разрушеніи стараго неразумнаго строя, его идеологіи и его нравственности. И онъ блестяще доказалъ это свое положеніе личнымъ примѣромъ,—ибо кто изъ западныхъ людей его времени такъ сполна осудилъ на смерть старую Европу? Вотъ нѣсколько строкъ изъ одного его неизданнаго письма (къ Е. Ѳ. Коршу изъ Лондона, 27 декабря 1855 г.)—характеристика положенія дѣлъ на Западѣ: «Жизнь здѣсь скучна—въ родѣ того положенія, которое имѣютъ черви въ сырѣ; сыры, тѣни здороваго, могучаго, обѣщающаго нѣтъ. Гюго прекрасно характеризовалъ какъ-то, говоря объ Англіи,—c'est un grand peuple-bête. Консерваторы и радикалы—все дрянь, да дрянь посредственная еще. Эмиграція не лучше—отъ нихъ тоже ничего не ждите: мертвые, погребающіе сами себя. Послѣдняя надежда на французскихъ пролетаріевъ и хлѣбо-

пащевъ; изъ ихъ союза подъ знаменемъ коммунизма не выйдетъ никакого построенія—но они покончатъ старыя формы, въ которыхъ нельзя дышать. Формы эти однѣ и тѣ же у васъ и у насъ, только у васъ онѣ, какъ Камаринскій мужикъ, цинически голы, пахнутъ кулакомъ и сивухой, а у насъ здѣсь гуманно-противны (вы знаете превосходное выраженіе: humanaille), отравляютъ, какъ стрихнинъ, безъ знака, душатъ съ бархатцемъ,—да еще одно, что впрочемъ мнѣ нравится: здѣсь намъ, какъ гладіаторамъ въ Римѣ, позволяютъ передъ смертью публично побороться—«ну, оно и лестно», какъ говорилъ Языковъ».—Передъ этимъ «нигилизмомъ» отшатнулись бы въ страхѣ самые крайніе изъ западныхъ разрушителей; и эту правду, хотя и не въ такой рѣзкой формѣ, Герценъ неустанно твердилъ въ лицо Европѣ. И кто еще такъ безпощадно разоблачалъ иллюзіи, предразсудки, внутреннія противорѣчія западнаго радикализма? Мишле, обвинявшему русскій народъ въ равнодушіи къ истинѣ и правдѣ, онъ отвѣчалъ: о *какой* истинѣ и правдѣ вы говорите? истина и правда старой Европы для насъ—неправда и ложь. Когда Карлейль написалъ ему, что чтитъ въ Россіи *талантъ повиновенія*, «талантъ, необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ», Герценъ отвѣтилъ: «Талантъ повиноваться въ согласіи съ нашей совѣстью—добродѣтель, но талантъ борьбы, который требуетъ, чтобы мы не повиновались противъ нашей совѣсти,—тоже добродѣтель». Иконоборецъ Прудонъ, не смѣющій внести свободу въ бракъ, Кинэ, не смѣющій внести разумъ въ собственность, Луи-Бланъ, революціонеръ на поверхности и консерваторъ въ основахъ міровоззрѣнія, и т. д., и т. д.,—они всѣ были очень робки въ сравненіи съ его скептицизмомъ и его независимостью. Онъ говорилъ имъ все это въ лицо, и развѣ они могли отрицать его правоту? Они были физіологически связаны и не могли вырвать изъ себя старыхъ привычекъ чувства и мышленія, но это не мѣшало имъ очень хорошо видѣть его варварскія преимущества—свѣжесть и смѣлость въ исканіи истины. Такимъ образомъ, онъ явился для нихъ первымъ наглядньмъ воплощеніемъ русской психики, съ которою потомъ глубже, но въ томъ же направленіи, познакомитъ ихъ русскій романъ,—въ смыслѣ неподкупной, беззавѣтной провѣрки освященныхъ культурою цѣнностей, сначала въ предѣлахъ позитивизма, а потомъ и съ точекъ зрѣнія, лежащихъ внѣ его.

Въ обращеніи «Къ нашимъ», которымъ Герценъ заканчивалъ первую книжку «Полярной Звѣзды», онъ писалъ: «...Если бы когда-нибудь мы могли сказать себѣ, что мы сколько-нибудь способствовали къ основанію русск пропаганды за границей и взаимному пониманію вашему съ революціонн Европой,—цѣлая жизнь, пожертвованная одной мысли, была бы заплачена Мы скажемъ теперь, что онъ сторицей оплатилъ свою жизнь на други поприщахъ—какъ мыслитель и какъ дѣятель въ русской освободительн борьбѣ,—но, безъ сомнѣнія, при оцѣнкѣ его исторической роли не долж быть забыта и эта его дѣятельность, международно-демократическая.

Свободная Россія не забудетъ, что онъ вспахалъ и посѣялъ на европейской нивѣ первый сѣвъ пониманія русской народности и впервые возбудилъ въ европейцахъ интересъ къ ней и теплое братское чувство. Доказать объективными данными успѣшность его западной пропаганды, конечно, невозможно: многое ли вообще можно доказать въ области широкихъ умственныхъ вліяній?—здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ общій характеръ картины. Объективно удостовѣрить можно одно—что при жизни своей Герценъ достигъ большой и почетной извѣстности въ передовыхъ кругахъ европейскаго общества; объ этомъ свидѣтельствуютъ письма къ нему иностранцевъ, ихъ воспоминанія о немъ, статьи, посвященныя ему въ европейской печати и въ энциклопедическихъ словаряхъ, современные отзывы о его произведеніяхъ и пр. Но то поколѣніе западныхъ людей, которое знало его и внимало ему, умерло, а его вліяніе, т.-е. дѣйствіе его пропаганды и его личности, исторически продолжаетъ жить, распылившись въ западной атмосферѣ и тысячью невѣсомыхъ частицъ насытивъ западную журналистику, вообще психику западнаго общества въ его отношеніи къ Россіи. Когда пришелъ на Западъ И. С. Тургеневъ, ему уже было нетрудно: онъ сталъ дѣйствовать въ этой атмосферѣ, подготовленной Герценомъ. И всѣ дальнѣйшія явленія этого порядка: громадное вліяніе русскаго романа на Западѣ (Тургеневъ, Достоевскій, Толстой и вплоть до новѣйшихъ), острое, хотя и неширокое вліяніе ученій Толстого, все это было лишь продолженіемъ дѣла, начатаго Герценомъ. И надо прибавить: стихійнымъ продолженіемъ дѣла, начатаго имъ сознательно, потому что, въ отличіе и отъ Тургенева, Герценъ былъ донынѣ единственнымъ русскимъ, который сознательно поставилъ себѣ цѣлью сблизить западную демократію съ новой Россіей и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи активно и методически.

Какъ объективная цѣль, идея сліянія народовъ неизмѣнна, но въ своихъ субъективныхъ воплощеніяхъ она развивается во времени, мѣняя формы, подобно всѣмъ извѣчнымъ началамъ нравственности. Въ эпоху Герцена она носила чисто-демократическій характеръ и была сильно окрашена утопизмомъ; съ тѣхъ поръ она отлилась въ другую форму. Демократическая солидарность народовъ и теперь дорога всякому мыслящему человѣку, но она отступила на второй планъ передъ другой, ближе осуществимой идеей—международной солидарности соціализма. И если мы уже теперь видимъ Россію полноправнымъ членомъ этой новой лиги народовъ, то—какъ это ни кажется спорнымъ на первый взглядъ — нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея свободному принятію въ это международное братство очень много способствовали предшествовавшіе этапы сближенія Россіи съ Западомъ, и въ первой линіи—Герценъ.

М. Гершензонъ.

Письма изъ Таврическаго дворца.

19 марта.

Изъ стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы и изъ другихъ газетныхъ сообщеній читатели знакомы со всѣми отдѣльными перипетіями думской жизни. Хроникеру ежемѣсячнаго журнала нѣтъ надобности повторять этихъ всѣмъ уже извѣстныхъ фактовъ, тѣмъ болѣе, что въ тотъ моментъ, когда настоящая книга будетъ лежать передъ читателемъ, эти факты успѣютъ заслониться новыми событіями думской жизни, а—кто знаетъ?—можетъ быть и какъ разъ наоборотъ: въ залахъ Таврическаго дворца снова уже будетъ мертво и пусто на радость врагамъ народнаго представительства и во славу 87 ст. Основныхъ Законовъ... Тревожныя сомнѣнія въ прочности существованія второй Думы неотвязно вьются надъ кровлей Таврическаго дворца и окружаютъ работу народныхъ представителей атмосферой удручающихъ волненій.

Но что бы ни предстояло впереди второй Государственной Думѣ—упроченіе и дальнѣйшее развитіе ея дѣятельности или быстрый насильственный конецъ,—ея хотя бы и кратковременное существованіе останется неизгладимымъ изъ нашей исторіи событіемъ жизни народной. Естественно и понятно, что все вниманіе общества приковывается къ отдѣльнымъ перипетіямъ политической борьбы, разыгрывающейся въ стѣнахъ Думы. Но да будетъ позволено на-ряду съ этимъ отмѣтить и нѣкоторыя общія черты, характеризующія нашу вторую Думу и своеобразно отличающія ее отъ первой. Такая задача удобнѣе можетъ быть выполнена при обозрѣніи думской жизни сразу за болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ при ежедневной хроникѣ ея отдѣльныхъ явленій. И въ этомъ отношеніи ежемѣсячный журналъ можетъ и долженъ восполнить работу ежедневной прессы.

Служа орудіемъ политической борьбы, представительныя учрежденія получаютъ важное значеніе и въ другомъ отношеніи: какъ зеркало политическаго состоянія страны.—Съ этой точки зрѣнія глубокій интересъ возбуждаетъ прежде всего самый составъ народнаго представительства. В отношеніи своего состава вторая Дума отличается отъ первой двумя чертами: бо́льшей дробностью и бо́льшей организованностью своихъ отдѣ

ныхъ частей. Что мы видѣли въ первой Думѣ? Тамъ была многочисленная фракція партіи народной свободы, прекрасно сорганизованная и во всѣхъ отношеніяхъ приспособленная къ настоящей парламентской борьбѣ и работѣ. Эта именно фракція естественнымъ образомъ и получила руководящее значеніе въ направленіи дѣятельности первой Думы.—Весь остальной составъ первой Думы отличался значительной безформенностью.

На правомъ крылѣ находилась небольшая группа октябристовъ. Но эта группа не выступала и не дѣйствовала, какъ правильно организованная фракція. Достаточно указать на то, что самый видный и самый дѣятельный ораторъ изъ среды этой группы гр. Гейденъ быстро началъ отдѣлять свою личную позицію отъ позиціи своихъ сосѣдей и уже тамъ, въ Думѣ—если не формально, то фактически—преобразился изъ октябриста въ мирнообновленца. Впрочемъ, и формально онъ уже тогда началъ предпринимать нѣкоторые шаги для образованія новой самостоятельной группы, которая однако такъ и не успѣла сложиться до роспуска первой Думы.

А съ отдѣленіемъ гр. Гейдена правое крыло осталось безъ опредѣленнаго руководителя, безъ всякой правильной организаціи и по этой причинѣ во время парламентскихъ сраженій оно уже не могло представлять собою сплоченной тактической единицы. Оно не могло наложить на ходъ парламентской жизни даже того отпечатка, который накладывается планомѣрными дѣйствіями хотя бы и незначительнаго по численности, но правильно дисциплинированнаго и ставящаго себѣ ясныя и опредѣленныя цѣли меньшинства.

Налѣво отъ фракціи народной свободы сложилась группа «трудовиковъ». И это была *группа*, но не *фракція*. Она сложилась наспѣхъ, уже въ стѣнахъ самой Думы, въ разгаръ начавшейся парламентской борьбы. Въ странѣ не было политической партіи, которая бы могла считать думскую группу «трудовиковъ» своимъ парламентскимъ органомъ и которая дала бы этой группѣ опредѣленныя директивы на почвѣ заранѣе выработанной политической программы. Въ Думѣ группа складывалась на почвѣ не положительныхъ, а отрицательныхъ признаковъ: въ нее вступали тѣ, кто не желалъ примкнуть ни къ правымъ, ни къ кадетамъ, ни къ соціалъ-демократамъ и въ то же время чувствовалъ потребность общенія и понималъ всѣ невыгоды изолированности парламентскихъ «дикихъ».—Въ началѣ своего существованія группа «трудовиковъ» первой Думы, быть можетъ, на $^2/_3$ своего состава представляла собою въ сущности «партію безпартійныхъ».—Не даромъ и за стѣнами Думы эта группа встрѣчала нравственную поддержку главнымъ образомъ со стороны «безпартійныхъ лѣвыхъ», предпочитавшихъ оставаться, по ихъ собственному выраженію, «безъ знамя».—Совокупныя усилія отдѣльныхъ энергичныхъ депутатовъ, ставшихъ во главѣ этой группы, и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, не вошедшихъ въ составъ Думы,—были направлены къ тому, чтобы перестроить группу «трудовиковъ» въ настоящую парламентскую фракцію: составить для нея законченную «программу» и придать ей правильную организацію.

За время существованія первой Думы кое-что въ этомъ направленіи дѣйствительно было достигнуто.—Но все же группа такъ и не превратилась въ настоящую фракцію. Крестьянскіе депутаты, привлеченные къ группѣ, не объединились въ органическое цѣлое съ своими интеллигентными руководителями, не чувствовали себя членами одной партіи и къ концу существованія первой Думы въ средѣ «трудовиковъ» вскрылся глубокій расколъ. Только роспускъ Думы помѣшалъ обнаруженію этого раскола, впрочемъ, уже оставившаго свои слѣды въ нѣкоторыхъ документахъ.—Лѣвѣе «трудовиковъ» дѣйствовала соціалъ-демократическая фракція.—Ея позиція была, конечно, вполнѣ опредѣленной. Но и крайняя малочисленность фракціи и самая исключительность ея позиціи не давали ей возможности сыграть сколько-нибудь важную положительную роль въ ходѣ думской жизни. Наконецъ, для окончательной обрисовки политической физіономіи первой Думы важно отмѣтить обиліе вошедшихъ въ ея составъ безпартійныхъ депутатовъ.—Таковы особенности состава первой Думы: на фонѣ обширной парламентской «равнины» (безпартійныхъ) подымалось не болѣе четырехъ группъ (правые, народная свобода, трудовики, соціалъ-демократы), но изъ нихъ лишь двѣ группы, рѣзко непропорціональныя по численности,—фракція народной свободы и фракція соціалъ-демократическая, представляли собой настоящія парламентски-сорганизованныя фракціи; двѣ другія группы въ большей или меньшей степени приближались къ «равнинѣ» по своей недостаточной оформленности. Я не назвалъ еще одной группы: польскаго «коло».—Конечно, у нея не было недостатка ни въ сплоченности, ни въ опредѣленности задачъ. Но это была прежде всего національная группа и въ качествѣ таковой она не поддавалась сопоставленію съ вышеперечисленными группами первой Думы.

Теперь бросимъ взглядъ на новую Думу, посланную страной въ Таврическій дворецъ послѣ тяжелаго семимѣсячнаго кошмара бездумнаго управленія, висѣвшаго надъ Россіей съ того момента, когда замолкли благородно-негодующія рѣчи первыхъ народныхъ представителей.—Достаточно бѣглаго взгляда на составъ второй Думы, чтобы убѣдиться въ томъ, что и на этотъ разъ «исторія не повторилась».—Вторая Дума явитъ собою совершенно иную комбинацію общественныхъ силъ, нежели первая. И только что пережитый страшный рецидивъ правительственныхъ репрессій, и вопіющая по своей беззаконности обстановка предвыборной кампаніи, и самихъ выборовъ, и, наконецъ, отказъ крайнихъ партій отъ прежней тактики бойкота выборовъ—все это вело и привело къ одному результату: вторые выборы усилили два противоположныя крайнія крыла палаты и ослабили ея центръ.—Эта характерн
особенность второй Думы уже достаточно выяснилась по мѣрѣ хода вы
ровъ, о ней достаточно говорилось въ печати, и я не вижу надобно
еще разъ задерживать вниманіе читателя на ея разсмотрѣніи.—Но тепе
съ началомъ дѣятельности второй Думы, открывается возможность оп
дѣлить, какое конкретное выраженіе получила эта черта въ политичес
физіономіи второй Думы. И въ этомъ отношеніи приходится отмѣтить, ч

на-ряду съ большей *дробностью* состава второй Думы выпукло выразилась и его большая партійная *организованность*. И если усиленіе *крайнихъ* элементовъ въ составѣ народнаго представительства было непосредственно вызвано политикой правительственныхъ репрессій, то большая оформленность и организованность всѣхъ думскихъ группъ на всемъ протяженіи думскаго полукружія должна быть поставлена на счетъ уже иного источника: въ этой особенности сказались успѣхи политическаго воспитанія народныхъ массъ. Количество аморфныхъ политическихъ элементовъ въ русскомъ обществѣ неуклонно сокращается.—Жизнь дѣлаетъ свое дѣло. Подъ гнетомъ злобныхъ вспышекъ умирающаго, но еще не умершаго стараго порядка, среди тягчайшихъ народныхъ испытаній, потрясенная и измученная страна цѣною жертвъ и страданій проходитъ суровую школу политическаго развитія и незримо для поверхностнаго взора, но упорно и неуклонно достигаетъ новыхъ и новыхъ результатовъ. Первая Дума не выжила болѣе 72 дней. Но ея работа не прошла безслѣдно. Народная мысль всколыхнулась. Роспускъ Думы отнялъ у нея свободу открытаго выраженія, но загасить однажды зажженный огонь политическаго мышленія уже не оказалось возможнымъ. Народъ глубоко передумалъ смыслъ пережитыхъ испытаній и учелъ ихъ горькіе уроки.—Вторая Дума уступаетъ первой богатствомъ силъ, спеціально приспособленныхъ для парламентской борьбы. Но это—результатъ установленной правительствомъ «свободы выборовъ». Лучшій цвѣтъ первой Думы варварски скошенъ произвольнымъ примѣненіемъ обвиненія по 129 ст. къ депутатамъ, подписавшимъ выборгское воззваніе. Многіе выдающіеся кандидаты въ Думу не изъ среды ея перваго состава—подъ тѣми или другими предлогами устранены отъ выборовъ.—Недостатокъ индивидуальныхъ парламентскихъ силъ—если онъ скажется во второй Думѣ—составитъ не вину народа, но вину правительства.—Зато народъ съ своей стороны проявилъ недюжинныя усилія къ тому, чтобы уравновѣсить недостатокъ выдающихся отдѣльныхъ парламентаріевъ сплоченностью, сорганизованностью и сознательностью цѣлыхъ парламентскихъ группъ. Во второй Думѣ гораздо меньше безпартійныхъ депутатовъ, нежели въ первой, и въ ней почти совсѣмъ нѣтъ такихъ малооформленныхъ, полусложившихся, зачаточныхъ группъ, какія были въ первой Думѣ. Дѣленіе на группы довольно дробно. Но эти группы, какъ бы иногда малочисленны онѣ ни были, представляютъ собою опредѣленныя тактическія единицы. Во второй Думѣ, за немногими сравнительно исключеніями, каждый знаетъ, съ кѣмъ онъ идетъ, почему онъ примыкаетъ къ данной именно группѣ, на чемъ онъ можетъ и на чемъ не можетъ сойтись съ другими группами. Конечно, и во второй Думѣ возможно и, можетъ быть, даже неизбѣжно частичное перераспредѣленіе отдѣльныхъ депутатовъ между группами,—это будутъ частные эпизоды, которые не опровергнутъ общаго смысла набросанной выше картины.

Кратковременный опытъ перваго мѣсяца думскихъ занятій уже показалъ преимущества диференцированной организованности передъ безфор-

менной однородностью. Конечно, дробленіе на различныя фракціи вызывается существенными программными и тактическими разногласіями; но опредѣленное формулированіе этихъ разногласій только облегчаетъ выясненіе и того круга вопросовъ и дѣйствій, въ предѣлахъ котораго возможна согласная и дружная работа, а спокойныя и правильно поставленныя взаимныя сношенія организованныхъ группъ быстро обнаруживаютъ, насколько еще значительна арена возможной совмѣстной дѣятельности для разныхъ группъ, несмотря на всѣ раздѣляющіе ихъ оттѣнки.

Правильная диференціація организованныхъ группъ все болѣе и болѣе устанавливается на всемъ протяженіи думскаго полукружія. Фракція народной свободы, польское коло и фракція соціалъ-демократическая сохранили свою прежнюю оформленность, хотя и измѣнились въ численности. Между этими фракціями расположились три группы народническаго оттѣнка: маленькая группа народныхъ соціалистовъ, старающаяся держаться самостоятельно, но по своей крайней малочисленности не могущая играть замѣтной роли среди прочихъ партій, соціалъ-революціонеры и трудовики. Группа «трудовиковъ» не похожа на прошлогоднюю: она стала сплоченнѣе и однороднѣе; она обязана этимъ тому обстоятельству, что ея составъ въ нынѣшнемъ году въ гораздо большей мѣрѣ—подлинно-крестьянскій. Крестьяне-трудовики принимаютъ активное участіе во внутренней жизни своей группы и съ ихъ мнѣніями приходится считаться лидерамъ группы, которые и сами по себѣ гораздо ближе стоятъ къ крестьянской массѣ, чѣмъ вожди «трудовиковъ» прошлаго года. Все это накладываетъ на дѣятельность группы здоровый реалистическій отпечатокъ и помогаетъ установленію близости между трудовиками и партіей народной свободы.

Отдѣльно, но также весьма близко къ партіи народной свободы стоятъ группы мусульманская и казачья.

Правая сторона первоначально держалась цѣльнымъ кускомъ. Но вызывающая и въ высшей степени непріятная линія поведенія крайней правой вызвала и здѣсь дальнѣйшее расчлененіе. Октябристы обособились въ отдѣльную группу подъ руководствомъ симпатичнаго и представляющаго собою октябризмъ высшаго сорта проф. Капустина. Можно надѣяться, что при всѣхъ разногласіяхъ съ партіей народной свободы проф. Капустинъ, пока онъ останется во главѣ своей группы, не дастъ ей сойти съ конституціонной почвы. Наконецъ, на лѣвой окраинѣ праваго крыла мелькнулъ было зародышъ еще одной маленькой группы: деп. Иващенко, объявившій съ трибуны о ея нарожденіи, назвалъ ее *народно-конституціонной*. Повидимому, матеріалъ для этой группы должна была составить небольшая кучка правыхъ крестьянъ, за которыми весьма охотятся крайніе правые монархисты. Впрочемъ, планъ г. Иващенка не осуществился, а усидятъ ли въ будущемъ названные крестьяне на правыхъ скамьяхъ, это покажетъ предстоящее обсужденіе аграрнаго вопроса.

Таковъ партійный составъ второй Думы, какъ онъ опредѣлился къ тому моменту, когда я набрасываю эти строки. Организованная расчле-

ненность всего состава этой Думы несомнѣнно представляетъ собою шагъ впередъ сравнительно съ безформенностью наибольшей части состава первой Думы. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что излишне дробный характеръ этой расчлененности въ свою очередь знаменуетъ собою молодость и элементарность нашей нарождающейся парламентской жизни. Обиліе мелкихъ парламентскихъ группъ наблюдается нерѣдко при первыхъ шагахъ только что возникшихъ представительныхъ учрежденій. Не отголосокъ ли это предшествующей поры, когда господство абсолютизма дѣлало невозможнымъ образованіе настоящихъ политическихъ партій, и политическіе единомышленники группировались въ небольшіе тѣсные кружки, въ атмосферѣ которыхъ люди привыкали чрезмѣрно дорожить всякой мелочью своихъ особенныхъ воззрѣній, нерѣдко изъ-за второстепенныхъ частныхъ разногласій упорно закрывая глаза на точки взаимнаго соприкосновенія своихъ идеаловъ и стремленій. Только широкій политическій опытъ постепенно сглаживаетъ навыки, унаслѣдованные отъ былой «кружковщины», расшатываетъ перегородки, нѣкогда воздвигнутыя кружковымъ фанатизмомъ и, направляя мысль на болѣе обширныя перспективы, пріучаетъ человѣка поступаться частными разногласіями и во имя болѣе крупныхъ задачъ примыкать къ болѣе крупнымъ партійнымъ организаціямъ. Несомнѣнно и намъ предстоитъ пережить въ будущемъ процессъ переверстки современнаго партійнаго дѣленія. Думается, однако, что этотъ процессъ начнется не ранѣе того, какъ въ странѣ будутъ осуществлены начала правильнаго конституціоннаго строя. Но уже и теперь текущія потребности политической борьбы вызываютъ къ жизни временные тактическіе союзы между различными партіями.

Первые же шаги второй Государственной Думы обнаружили два основныхъ тактическихъ теченія, которыя пересѣкли собою всѣ партійныя группировки: одно изъ этихъ теченій направлено на то, чтобы придать всѣмъ дѣйствіямъ Думы агитаціонно-демонстративный характеръ, другое—продиктовано противоположнымъ лозунгомъ—беречь Думу, тщательно обходить всякаго рода провокаціонные вызовы, откуда бы они ни исходили, и настойчиво и упорно копить силу народнаго представительства. Я сказалъ, что эти два теченія пересѣкли собою всѣ партійныя дѣленія. И въ самомъ дѣлѣ, достаточно указать на то, что въ первомъ изъ этихъ теченій неожиданно для самихъ себя сходятся обѣ противоположныя крайности: и крайніе правые и соціалъ-демократы. Первые относятся съ ненавистью къ самой идеѣ народнаго представительства, вторые—нисколько не доро-
ъ той формой его, какую мы имѣемъ въ настоящее время. И тѣ и
гіе поэтому готовы на всякую рѣзкую демонстрацію, ставящую на
ту самое существованіе Думы. И уже были случаи совмѣстныхъ голо-
аній соціалъ-демократовъ съ представителями крайней правой въ пользу
пеній чисто-демонстративнаго свойства. Соціалъ-демократамъ нужны де-
страціи ради ихъ агитаціоннаго дѣйствія на страну, а крайніе правые
тствуютъ тѣ же демонстраціи ради тѣхъ роковыхъ послѣдствій для

Думы, которыя могутъ отъ нихъ получиться. Крайніе правые ненавидятъ народное представительство, крайніе лѣвые не цѣнятъ его, и потому и тѣ и другіе не берегутъ его и не дорожатъ имъ. Всѣ прочія думскія группы одинаково отликаются на призывъ «беречь Думу». О, конечно, это не значитъ, что онѣ готовы беречь Думу какою угодно цѣной. Народные представители не могутъ отказаться отъ выполненія обязанностей, вытекающихъ изъ самаго существа ихъ званія, они не могутъ отказаться отъ пользованія правами, принадлежащими имъ и по закону и по внутреннему смыслу конституціонныхъ учрежденій. И если правительство обусловитъ сохраненіе Думы превращеніемъ народныхъ избранниковъ въ безличныхъ статистовъ,—это условіе будетъ отвергнуто, хотя бы и цѣною роспуска Думы. Дума не можетъ ради самосохраненія обходить жгучіе вопросы, выдвигаемые жизнью, иначе,—сохранившись физически,—она уничтожитъ себя морально. И вторая Дума доказала, что она это понимаетъ, какъ нельзя лучше. Въ самомъ началѣ своихъ занятій она поставила ребромъ жгучій вопросъ о военно-полевыхъ судахъ, и въ замѣчательныхъ рѣчахъ представителей партіи народной свободы блестяще было доказано, какъ характерно это антигосударственное средство для всей системы современной правительственной политики. Конечно, и выдвиганіе такихъ острыхъ вопросовъ можетъ повлечь за собою распущеніе Думы. При современномъ соотношеніи политическихъ силъ вообще у страны нѣтъ средствъ застраховать себя отъ новаго разгона народныхъ представителей. Но отсюда не слѣдуетъ, что народные представители должны наложить на свои уста печать молчанія или ограничить предметъ своихъ рѣчей комплиментами по адресу министерскихъ декларацій. Нѣтъ, они скажутъ все, что повелѣваетъ имъ чувства долга передъ своей совѣстью и передъ своими избирателями. И если за это будетъ распущена Дума, то такое распущеніе только подчеркнетъ со всей силой и наглядностью антиконституціонную сущность современнаго правительства.

Итакъ, «беречь Думу» не значитъ добровольно суживать ея права. «Беречь Думу» значитъ заботливо предохранять ее отъ такихъ шаговъ, которые могли бы доставить врагамъ народнаго представительства формальныя основанія для оправданія ея возможнаго роспуска. Дума хочетъ жить и работать для родины. И если ей суждено преждевременно прервать нить своей работы, пусть будетъ ясно для всѣхъ и каждаго, что ея роспускъ былъ вызванъ не противозаконностью ея шаговъ, а солидностью ея работы и нежеланіемъ правящей бюрократіи пойти навстрѣчу производимому этой работой всестороннему обновленію русской жизни. Иначе говоря, «беречь Думу» не значитъ всецѣло застраховать ее от роспуска; это значитъ сдѣлать все для того, чтобы вина возможнаго р спуска легла на тѣхъ, кто его задумаетъ. Вотъ мысли, объединившія и противовѣсъ двумъ противоположнымъ крайностямъ цѣлый рядъ оппози ціонныхъ фракцій: народной свободы, трудовиковъ, соціалистовъ-револю ціонеровъ, польское коло, мусульманскую и казачью группы. Всѣ эти на

тѣи пошли на первыхъ шагахъ рука объ руку, одинаково руководимыя изложенной выше общей тактической задачей. И съ несомнѣнностью можно сказать, что вся дальнѣйшая судьба думской работы въ значительной мѣрѣ будетъ зависѣть отъ того, насколько прочнымъ окажется это тактическое единеніе. Разнообразныя вліянія будутъ его подтачивать. Выходки правыхъ разжигаютъ страсти. Демонстративныя предложенія соціалъ-демократовъ вводятъ въ соблазнъ: не всѣ группы сразу нащупываютъ тѣ подводные камни, которыми эти предложенія грозятъ Думѣ. Наконецъ, поведеніе нѣкоторыхъ министровъ какъ будто сознательно разсчитано на то, чтобы вызвать часть оппозиціи на болѣе радикальныя рѣшенія. Такъ, наприм., тотъ повышенный тонъ, рѣзкій и крикливый, совершенно несоотвѣтствующій достоинству «высокаго мѣста», которымъ говорилъ министръ торговли и промышленности по вопросу о помощи безработнымъ, несомнѣнно толкнулъ часть оппозиціоннаго центра влѣво при окончательномъ баллотированіи. Впрочемъ, въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, еще можно надѣяться, что эти частичныя расчлененія объединившейся оппозиціи при голосованіи отдѣльныхъ вопросовъ носятъ случайный характеръ и вызываются главнымъ образомъ недостаточной взаимной освѣдомленностью различныхъ группъ о принятыхъ рѣшеніяхъ.

Дума только что приступаетъ къ своей работѣ.

Немудрено, если намѣчающіяся въ ней соотношенія различныхъ элементовъ не успѣли отвердѣть и укрѣпиться. Но несомнѣнно, что въ серьезномъ и сдержанномъ настроеніи большинства думскихъ партій имѣется достаточно благопріятныхъ условій для жизнеспособности второй Думы.

Правительство, искренне расположенное къ насажденію въ странѣ конституціонныхъ началъ, сумѣло бы завязать съ такой Думой нормальныя отношенія. Но здѣсь-то мы и наталкиваемся на главный подводный камень, о который можетъ снова разбиться корабль народнаго представительства. Дума засѣдаетъ въ атмосферѣ непрекращающихся тревогъ за прочность своего существованія. Къ ней обращаютъ свои рѣчи представители правительства, выставляющіе себя глашатаями законности и приглашающіе Думу къ совмѣстной съ собою работѣ. Но вѣдь Дума такъ же, какъ и вся страна, знаетъ не по словамъ, а по дѣламъ этихъ министровъ истинную степень ихъ любви къ законности; а что касается совмѣстной работы, то возможна ли она для такихъ двухъ органовъ, которые не питаютъ другъ къ другу ни капли взаимнаго довѣрія? Вѣдь это отсутствіе взаимнаго довѣрія—секретъ полишинеля. И предсѣдатель совѣта министровъ самъ выдалъ этотъ секретъ, безусловно отказавшись присоединиться къ думскому законопроекту объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Правительство, согласно заявленію перваго министра—хочетъ казаться сильнымъ, а принятіе смѣлой истинно-государственной мѣры оно считаетъ оказательствомъ слабости. Можетъ ли установиться на почвѣ такой политической философіи не только взаимное довѣріе, но даже и мирное пониманіе кабинета и Думы? Стоитъ только поставить эти во-

просы, чтобы понять, почему призракъ новаго роспуска Думы неотвязно стоитъ передъ народными представителями и передъ всѣмъ русскимъ обществомъ. Не буду гадать о будущемъ, но думаю, что на основаніи всего предшествующаго изложенія я получаю право придти къ слѣдующему выводу: своими первыми шагами Дума доказала свою сорганизованность и выдержку, иначе говоря—свою жизнеспособность.

Роспускомъ Думы—если таковой произойдетъ—правительство обнаружитъ только лишній разъ всю неискренность своего показного конституціонализма. Правительство боится выказать слабость. О, если бы оно больше заботилось о томъ, чтобы научиться выказывать политическую мудрость!

А. Кизеветтеръ.

Общественное движеніе въ Россіи.

(Замѣтки публициста.)

Окончаніе выборовъ въ Государственную Думу и большевистскій фарсъ, поставленный въ Петербургѣ.—Что могла дать и что дала россійская соціалъ-демократія.—Два лозунга: „берегитеДуму!“ и „берегитесь провокаціи!“—Партійный составъ второй Думы.—Отказъ въ легализаціи партіи „народной свободы“.

Выборы въ Государственную Думу закончились выборами отъ С.-Петербурга, происходившими 17 февраля. А петербургскіе выборы закончились фарсомъ. Въ роли актеровъ, какъ и можно было предполагать, выступили «большевики» со своимъ пророкомъ Г. Алексинскимъ, весьма скоро постигшимъ тайну успѣха политикановъ-карьеристовъ. «Шумимъ, братецъ, шумимъ»—въ этомъ г. Алексинскій съ товарищами усмотрѣлъ альфу и омегу политической дѣятельности и г. Мартовъ въ меньшевистской *Русской Жизни* (№ 48) съ полнымъ основаніемъ заклеймилъ ихъ прозвищемъ «политикановъ». Петербургскіе рабочіе избрали около 260 уполномоченныхъ, которымъ предстояло выбрать 14 выборщиковъ. Среди уполномоченныхъ было около 110 соціалистовъ-революціонеровъ, 104 соціалъ-демократа, остальные—безпартійные. Соціалъ-демократы, у которыхъ слова военно-полевого жаргона никогда не сходятъ съ устъ, рѣшили, что необходимо «дать рѣшительный бой мелкобуржуазной демократіи», подъ которой разумѣлись соціалисты-революціонеры. Когда въ Москвѣ большевики, выступивъ на выборахъ противъ кадетовъ и потерпѣвъ пораженіе, потребовали себѣ все-таки двухъ мѣстъ, они оправдывали свои претензіи ссылкой на процентное отношеніе между городскими избирателями и московскимъ пролетаріатомъ, который въ ихъ представленіи отождествился съ большевиками. Въ Петербургѣ всякіе разговоры о пропорціональности были отброшены. Казалось бы ясно для всѣхъ, что соціалисты-революціонеры, по меньшей мѣрѣ, представляютъ петербургскій пролетаріатъ въ такой же степени, какъ и соціалъ-демократы. По элементарной справедливости изъ 14 выборщиковъ шесть должны были во всякомъ случаѣ принадлежать соціалистамъ-революціонерамъ. Но петербургскіе большевики, перетянувъ на свою сторону часть безпартійныхъ, совершенно забыли рѣчи своихъ

московскихъ товарищей о справедливости и пропорціональности. Использовавъ до конца свой десятокъ голосовъ, дававшихъ имъ перевѣсъ, они лишили соціалистовъ-революціонеровъ всякаго представительства въ рабочей куріи. Имѣлъ ли этотъ шагъ большевиковъ какой-либо практическій смыслъ? Никакого. Провести своего кандидата голосами одной рабочей куріи большевики не могли, согласіе «буржуазныхъ кадетовъ» для того было необходимо. Указать же кадетамъ на своего избранника соціалъ-демократы могли бы и въ томъ случаѣ, если бы они дали въ рабочей куріи нѣсколько голосовъ своимъ равносильнымъ соперникамъ. Большевики проявили въ этомъ случаѣ только голое, безсмысленное насиліе, имѣвшее единственной цѣлью демонстрировать свою власть, растоптать съ презрѣніемъ побѣжденнаго. Кто внимательно слѣдилъ за литературой и дѣятельностью большевиковъ, тотъ не разъ могъ съ удивленіемъ констатировать, какъ худшія свойства насильниковъ стараго режима оживаютъ въ этой партіи, усердно выдающей себя за самый лѣвый флангъ движенія...

Провести своего депутата, «рабочаго» г. Алексинскаго, большевики не могли безъ голосовъ партіи «народной свободы». Петербургскіе кадеты обѣщали дать одно мѣсто рабочей куріи по ея выбору. Кадетскіе голоса большевики приняли не безъ удовольствія и отъ «позора» быть проведенными голосами «предательской либеральной буржуазіи» не уклонились. Взамѣнъ того они устроили кадетамъ нѣсколько мальчишескихъ скандаловъ, необыкновенно гармонирующихъ съ общей физіономіей этихъ политическихъ дѣятелей. Когда кадеты послали Добровольскаго переговорить кое о чемъ съ рабочей куріей, ему отвѣтили, что съ «кадетами разговаривать не желаютъ». Теперь такимъ языкомъ не говорятъ даже самодержавные министры и губернаторы. Когда послѣ выборовъ депутаты и выборщики пожелали сняться, г. Алексинскій и его выборщики демонстративно отказались сниматься вмѣстѣ съ кадетами и снялись отдѣльно. Они боялись, какъ предположила одна газета, «чтобы солнечный лучъ на фотографической пластинкѣ не затемнилъ классоваго самосознанія». Л. Мартовъ увѣряетъ, что когда Н. Ленинъ, большевистскій папа, узналъ объ этой исторіи, то онъ «поцѣловалъ за этотъ поступокъ въ лобъ товарища Алексинскаго и сказалъ: «молодецъ!» Картина, совершенно напоминающая героическіе разговоры николаевскихъ отцовъ-командировъ со своими солдатами!

Этимъ фарсомъ кончились петербургскіе выборы и началась думско-политическая жизнь петербургскихъ соціалъ-демократовъ. Такое начало наложило свою печать и на послѣдующіе шаги этой группы. Такъ какъ мнѣ въ своихъ обзорахъ придется, быть можетъ, очень часто останавливаться на дѣятельности россійскихъ соціалъ-демократовъ и отмѣчать ихъ ошибки, то да будетъ мнѣ позволено теперь же разъяснить, почему я считаю необходимымъ такъ много мѣста отводить соціалъ-демократамъ, такъ внимательно слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ.

Кому много дано, съ того много и спросится. Россійскимъ соціалъ-демократамъ, если дано не много, то могло быть дано очень много, и они сами виноваты въ томъ, что не взяли всего того, что имъ безъ всякаго труда давалось въ руки. Безконечно велики ихъ ошибки передъ русской исторіей и тяжела ихъ вина передъ русскимъ народомъ. Спросится съ нихъ очень много...

Главное несчастье русской жизни въ томъ, что, выдѣливъ изъ своей среды громадную военно-бюрократическую машину, она не создала въ противовѣсъ ей никакихъ серьезныхъ общественныхъ силъ. Отъ этого происходили всѣ наши бѣды; этимъ въ значительной мѣрѣ объясняются и нынѣшніе ужасы переходнаго времени, этотъ страшный кризисъ, который вѣдь можетъ закончиться и распаденіемъ нашей родины, какъ государственнаго цѣлаго. Дворянство, игравшее главную роль въ дворцовыхъ переворотахъ пьянаго и безпутнаго «петербургскаго періода», со временъ Екатерины II удалилось въ деревни и охотно промѣняло общественно-политическія права на болѣе реальное крѣпостное право. Со своей стороны и царизмъ, выковывая и усиливая бюрократическую машину, элементы для которой брались также изъ дворянства, довольно мудро до поры до времени не трогалъ дворянства, какъ общественно-политической силы, не вызывалъ его на борьбу, а слѣдовательно, и не создавалъ стимуловъ для болѣе тѣсной боевой организаціи этого первенствующаго сословія. Въ 1861 году правительство, опираясь на глухое недовольство разрозненно бунтовавшаго крѣпостного люда, на требованія внутренней промышленности и внѣшняго кредита, на силы рожденнаго работой правительства слоя разночинцевъ и прогрессивной бюрократіи, подрѣзало въ значительной степени жизненный нервъ дворянства и навсегда обезсилило это сословіе. Къ этому времени относится едва ли не единственное въ нашей исторіи столкновеніе бюрократическаго царскаго правительства съ реакціоннымъ дворянствомъ, заговорившимъ о конституціи. Но политическое безсиліе дворянства было очевидно. Къ тому же при проведеніи въ жизнь манифеста 19 февраля «интересы дворянъ» были «приняты во вниманіе». Умѣлымъ отводомъ земель, надлежащимъ распредѣленіемъ угодій крестьяне были поставлены въ тѣсную зависимость отъ помѣщиковъ и принудительный трудъ былъ возстановленъ въ формѣ отработковъ, арендъ и проч. Во всякомъ случаѣ дворянство въ экономическомъ отношеніи было всецѣло отдано въ руки бюрократическаго правительства, подачками и милостями котораго оно кормилось. Политическая роль дворянства была кончена. Послѣ освобожденія крестьянъ съ національной точки зрѣнія существованіе первенствующаго дворянскаго сословія представляло сплошной позоръ, достойно заковѣченный Щедринымъ и Атавой. Необразованный, жадный холопъ, раболѣпствивый передъ сильнымъ и богатымъ и вызывающе-наглый передъ слабымъ и слабымъ—таковъ типъ пореформеннаго дворянина, завѣтнымъ идеаломъ котораго было войти винтомъ или колесомъ въ бюрократическую машину.

Послѣ освобожденія крестьянъ Россія рѣшительно вступила на общеміровой путь развитія, отъ натуральнаго къ денежному и капиталистическому хозяйству. Но соотвѣтствующее ему соціальное разслоеніе совершалось у насъ при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ Европѣ. Нарождавшіеся общественные слои, въ силу множества причинъ, не могли у насъ ни пріобрѣсти столь большой силы, какъ на Западѣ, ни сложиться въ столь прочныя организаціи. Традиціи, игравшія въ Европѣ немалую организаторскую роль, у насъ безслѣдно исчезали при первомъ дуновеніи культуры. Недаромъ глубокій знатокъ русской жизни Щедринъ возмущался ея «киселеобразностью». Ровная, тягучая, безформенная поверхность. Ничего опредѣленнаго, кристаллизованнаго. На эту поверхность сыплются тысячи ударовъ, причиняютъ боль, проводятъ борозды, но послѣднія идутъ не глубоко и черезъ нѣкоторое время все снова приходитъ въ прежній видъ. Киселеобразная масса. Все, что проявляло склонность выкристаллизоваться изъ этой массы, было крайне слабо и всецѣло зависѣло отъ правительства. При нѣкоторомъ усиліи правительства всѣ эти новообразованія не трудно было искоренить, при попустительствѣ—они жили, при покровительствѣ—процвѣтали. Но прочности не было ни тутъ, ни тамъ. Искорененное вчера, сегодня возникало снова, чтобы завтра опять претерпѣть искорененіе. Сказка о бѣломъ бычкѣ—примѣры можно почерпнуть изъ исторіи нашей литературы, земствъ, высшей школы. Жизнь походила только на прозябаніе. А процвѣтаніе исключительно милостью начальства—искажало здоровый ростъ общественныхъ явленій и давало совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ждали (крупная промышленность, господствующая церковь, дворянское хозяйство).

И вдругъ показалось, что среди этой киселеобразной массы выкристаллизовывается одно тѣло, обнаруживающее огромныя потенціальныя силы, способное поднять дѣйствительную борьбу противъ главнаго зла русской жизни, самодержавія, и не только устранить его, но и замѣнить демократическимъ укладомъ жизни, который можетъ развиваться только при наличности живыхъ общественныхъ силъ. Открыли это «тѣло» интеллигенты-марксисты, заимствовавшіе изъ Запада свои основныя идеи и удачно примѣнившіе ихъ къ русской дѣйствительности. Обязанности пѣстуна по отношенію къ новой растущей силѣ взяли на себя соціалъ-демократы. Сила эта была промышленный пролетаріатъ. Техническія и соціальныя условія, особенно въ обстановкѣ русской жизни, дѣлали изъ него силу сугубо общественную. Въ то время, какъ обыкновенные обыватели представляли «отдѣльныхъ посѣтителей», сидящихъ по своимъ кельямъ и органически не связанныхъ другъ съ другомъ, рабочіе въ силу уже техническихъ условій производства превращались въ цѣльный организмъ. Они не только работали вмѣстѣ съ другими людьми и приноравливали свою работу къ работѣ товарищей, но и легко вступали со своими сосѣдями въ товарищеское общеніе. Техническая близость порождала общественную. Знакомство съ современнымъ производствомъ, построеннымъ на выводахъ науки, как

то само собою измѣняло духовный складъ рабочаго. Русскій крестьянинъ, недавно оторвавшійся отъ сохи, сохранившій въ неприкосновенности свое трехъ-китовое міросозерцаніе, у станка въ короткое время преображался. Преображался онъ, какъ извѣстно, и на военной службѣ. Но казарменная обстановка, казарменные пороки и атмосфера произвола и насилія, пропитывающая нашу солдатчину, почти совершенно уничтожали тѣ прогрессивныя культурно-общественныя черты, которыя пріобрѣтались и на военной службѣ. Крупная промышленность, казалось, давала другіе результаты. Среди рабочихъ на-ряду съ развитіемъ солидарности и товарищескаго общенія, распространялись знанія и культурные навыки. Пропасть между «интеллигенціей» и «народомъ», какъ бы непереходимая въ крестьянскомъ быту, въ обычной, будничной жизни крестьянина,—въ рабочей средѣ быстро исчезала. Русскій интеллигентъ сравнительно легко и скоро находилъ дорогу къ уму и сердцу рабочаго, а рабочій тянулся къ интеллигенту. Какъ будто найденъ былъ мостъ, парализующій вліяніе двухвѣкового разрыва. Опираясь на свой трудъ, только на свои мускулистыя руки и на свой разумъ, рабочій непосредственно не зависѣлъ отъ правительства, не нуждался въ его подачкахъ. Растущая солидарность давала ему средства борьбы съ предпринимателями. Отъ правительства рабочій требовалъ не подачекъ, а свободы, демократическаго устройства государства и уваженія къ человѣческимъ правамъ.

Возникала крупная общественная сила, способная переустроить варварское государство, внести въ него европейскія начала. Вотъ чѣмъ объясняется этотъ замѣчательный оптимизмъ, которымъ, несмотря на мрачную политическую реакцію, была проникнута часть нашей прогрессивной интеллигенціи въ 90-хъ годахъ. Просматривая теперь статьи тогдашнихъ «марксистовъ», поражаешься ихъ жизнерадостностью, ликующимъ тономъ. За этотъ тонъ ихъ болѣе всего и не любили «народники», называвшіе ихъ, вѣжливо—именинниками, а въ худую минуту—и мѣдными лбами. Но этотъ радостный тонъ былъ естественъ и понятенъ. Измучившіеся люди усмотрѣли «съ высокихъ вершинъ науки» зарю освобожденія; вѣчные скитальцы ступили, казалось, на твердую почву, гдѣ могли прочно обосноваться.

Заботу объ организаціи и направленіи пролетаріата взяли на себя соціалъ-демократы. Пора подвести итоги ихъ работѣ. Что они сдѣлали? Чего они достигли?

Сорганизовали ли они прочно рабочій классъ даже на почвѣ его непосредственныхъ интересовъ?—Нѣтъ, русскій рабочій классъ безсиленъ, какъ профессіональная организація, и за немногими исключеніями, касающимися еврейскихъ и польскихъ рабочихъ, не способенъ къ длительной, культурной борьбѣ. У него нѣтъ даже кассъ, безъ которыхъ немыслимо и приступить къ такой борьбѣ. Теперь, вѣроятно, меньшевики не разъ вспоминаютъ о той травлѣ въ стихахъ и въ прозѣ, которую они, будучи еще «искровцами», вели противъ всѣхъ, настаивавшихъ на первостепен-

номъ значеніи этихъ кассъ. Образовали ли соціалъ-демократы изъ пролетаріата ту крупную общественную силу, которая могла бы стать во главѣ національнаго движенія за освобожденіе и либо на себя взять творческую перестройку стараго государства, либо помочь всякой другой группѣ, способной выполнить эту колоссальную задачу?—Нѣтъ! Какъ увидимъ, съ этой точки зрѣнія соціалъ-демократы совершили и совершаютъ, по признанію наиболѣе благоразумныхъ изъ нихъ, прямое преступленіе.

Вмѣсто широкой организаціи пролетаріата россійскіе соціалъ-демократы создали мелкіе сектантскіе интеллигентскіе кружки съ ихъ обычными недостатками. Нетерпимо замкнувшись въ догму, они отрѣзали себя отъ хода развитія европейской мысли, отъ широкихъ идейныхъ движеній человѣчества. Они не пріумножили и не обогатили Марксова наслѣдства, а превратили его въ безплодный камень. Они оттолкнули отъ себя интеллигенцію, которая массами шла къ нимъ и готова была работать подъ ихъ знаменемъ, если бы оно стало дѣйствительно національнымъ освободительнымъ знаменемъ, объемлющимъ интересы огромнаго большинства народа. Но соціалъ-демократы не только не привлекали къ себѣ этой интеллигенціи, они всячески отталкивали ее отъ себя, клеймили позорными прозвищами, всегда вносили расколъ туда, гдѣ требовалось единство. Мечта о необходимости вездѣ утвердить свое господство, болѣзненное партійное честолюбіе—къ этому въ конечномъ счетѣ и сводятся всѣ «директивы» нашей соціалъ-демократіи. Какъ всегда бываетъ, административные пріемы, примѣняемые «побѣдителями» по отношенію къ «инородцамъ», неизбѣжно переносятся и на самихъ «побѣдителей». Та полемика, которой соціалъ-демократы угощали «инакомыслящихъ», была очень скоро импортирована и внутрь самой партіи. Ожесточенная борьба самолюбій и честолюбій, инквизиціонный сыскъ, грубая ругань, «демагогическая травля»—все это было перенесено во внутреннія партійныя «товарищескія» отношенія. «Ни въ какой другой рабочей партіи,—пишетъ меньшевикъ Л. Мартовъ по поводу работы Алексинскаго и его друзей,—не была бы возможна такая дезорганизаторская работа нѣсколькихъ политикановъ, словно задавшихся цѣлью помѣшать работѣ избранниковъ пролетаріата путемъ внесенія въ малосознательныя массы яда темныхъ намековъ и заподозриваній».

Отогнавъ отъ себя интеллигенцію, наши партійные соціалъ-демократы начали отпугивать и рабочихъ, какъ «сознательныхъ», такъ и «безсознательныхъ». Споры меньшевиковъ съ большевиками, ведущіеся вдобавокъ на какомъ-то русско-нѣмецкомъ, для рабочихъ совершенно непонятномъ жаргонѣ, не могли, конечно, удовлетворить умственные запросы массъ. А между тѣмъ на эти споры и уходили главныя силы соціалъ-демократовъ. Гдѣ тутъ было думать о воспитательной, организаторской работѣ среди рабочихъ массъ, о дѣйствительномъ, не митинговомъ, прояснѣніи ихъ сознанія, о внимательномъ отношеніи къ ихъ средѣ съ цѣлью выдѣленія изъ нея лучшихъ, способнѣйшихъ? Когда надо было воздѣйствовать на массы, примѣнялись болѣе упрощенные и легкіе пріемы, пріемы демагогіи

ческіе. Самая грубая лесть толпѣ, восхваленіе и преклоненіе передъ ея физической силой, ложь и клевета по адресу противниковъ, ничѣмъ не отличающаяся отъ черносотенной лжи,—такими средствами большевики, когда надо было, добивались временнаго успѣха среди массъ и срывали аплодисменты разгорячившейся толпы. Болѣе культурные меньшевики, не находившіе въ себѣ силъ для примѣненія «безсовѣстныхъ пріемовъ борьбы» (выраженіе Л. Мартова), были отстранены и лишились воздѣйствія на массы. Аплодисменты пожинали только большевики.

Что поражаетъ наблюдателя въ средѣ петербургскихъ рабочихъ—это сочетаніе самаго крайняго революціоннаго экстаза съ пьянымъ хулиганствомъ. Идетъ по улицѣ рабочій, горланитъ рабочую марсельезу и тутъ же вперемежку изрыгаетъ самую отвратительную матерную брань. И это не единичные факты, это—чрезвычайно распространенное явленіе, опасный симптомъ вырожденія, некультурности рабочихъ массъ. Борются ли съ рабочимъ пьянствомъ соціалъ-демократы, осмѣливаются ли соціалъ-демократы на рабочихъ собраніяхъ указывать на эту язву, разъѣдающую русскій рабочій классъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. А между тѣмъ, изъ рабочихъ кварталовъ, отъ женъ рабочихъ несутся вопли отчаянія. «Сильно развившійся за послѣднее время алкоголизмъ среди рабочихъ за Невской заставой,—пишутъ въ № 5 соц.-дем. *Новаго Луча*,—принимаетъ ужасающій характеръ, ставя семейства въ концѣ испившихся рабочихъ въ крайне тяжелое положеніе. Семьи пропившихъ послѣдніе гроши отцовъ принуждены по цѣлымъ днямъ сидѣть безъ куска хлѣба... Женамъ приходится закладывать, а то и продавать послѣднее одѣяло... По этому поводу 21 февраля за Невской заставой состоялся митингъ женъ рабочихъ. Послѣ цѣлаго ряда обличительныхъ рѣчей, съ безпощадной рѣзкостью раскрывшихъ тяжелое положеніе семей рабочихъ-алкоголиковъ, собраніе единогласно постановило выработать адресъ для преподнесенія его народнымъ представителямъ; въ адресѣ, указавъ на громадное зло, причиняемое алкоголемъ, просить о закрытіи винныхъ лавокъ за Невской заставой, а пока рѣшено обратиться ко всѣмъ вліятельнымъ сознательнымъ рабочимъ съ просьбой помочь несчастнымъ семействамъ тѣмъ, что произведя свое авторитетное давленіе на товарищей, удержать ихъ отъ пьянства. На-ряду съ этимъ рѣшено также обратиться къ администраціямъ фабрикъ и заводовъ съ просьбой заработокъ мужей-алкоголиковъ выдавать женамъ на руки». Должны ли соціалъ-демократы, выдающіе себя за единственныхъ представителей рабочаго класса, придти въ этомъ дѣлѣ на помощь несчастнымъ женщинамъ и хотя бы растолковать имъ, что закрытіе и открытіе винныхъ лавокъ за Невской заставой зависитъ не отъ Государственной Думы? Но соціалъ-демократы вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе пролетаріата на разъѣдающія его язвы, предпочитаютъ до одури толковать ему о его роли, превосходствѣ надъ всѣми остальными людьми, о его призваніи къ диктатурѣ надъ всѣмъ обществомъ. При томъ уровнѣ культурнаго разви-

омъ значеніи этихъ кассъ. Образовали
ріата ту крупную общественную силу,
аціональнаго движенія за освобожденіе
перестройку стараго государства, либо
особной выполнить эту колоссальную
этой точки зрѣнія соціалъ-демократы
знанію наиболѣе благоразумныхъ изъ
Вмѣсто широкой организаціи про
создали мелкіе сектантскіе интелли
достатками. Нетерпимо замкнувшись
развитія европейской мысли, отъ
ства. Они не пріумножили и не
тили его въ безплодный камень.
которая массами шла къ нимъ
немъ, если бы оно стало дѣйст
знаменемъ, объемлющимъ инте
соціалъ-демократы не только
они всячески отталкивали ее
всегда вносили расколъ туда,
димости вездѣ утвердить сво
біе—къ этому въ конечном
соціалъ-демократіи. Какъ
мѣняемые «побѣдителями»
переносятся и на самихъ
демократы угощали «ина
внутрь самой партіи.
инквизиціонный сыскъ.
было перенесено во
ъ какой другой ра
оводу работы Алек
езорганизаторская
ью помѣшать
лосознательныя

...о порокахъ буржуазіи и правительства; а «про-
...ское населеніе должны слушать рѣчи и кричать
...и приходить въ негодованіе. Старая, печальная
...го живого дѣла—бойкотистская пассивность, вмѣсто
...ности—громкое «ура!» Застарѣлый, мертвенный бой-
...тактика революціонной фразеологіи и реакціоннаго
...вѣрно и сильно сказано. Но вѣдь это сказано въ
...тому же только интеллигентами. На улицѣ, на ми-
...толпѣ меньшевики этого почти не говорятъ и въ
...слей не претворяютъ. Вѣдь ни для кого же не секретъ,
...рроризируютъ меньшевиковъ однимъ словомъ: «кадето-
...ъ показаться похожимъ на кадета заставляетъ мень-
...е, что онъ говоритъ въ газетѣ, и дѣлать такъ, какъ
...ьшевикъ.

...ліе меньшевиковъ и потеря ими вліянія среди рабочихъ
...етъ, черезъ нѣкоторое время меньшевики и вытѣснятъ
...ернутъ себѣ вліяніе на рабочихъ и «оздоровятъ» соціалъ-
...партію, но тогда возможность для русскаго рабочаго
...еликую роль общенаціональнаго освободителя отъ само-
...та отойдетъ въ область преданій. Рабочій классъ останется
...ъ относительно слабымъ численно, слабымъ культурными
...силами...

...ля открылись засѣданія Государственной Думы, и трагическая
...надъ Россіей. Разсуждая съ точки зрѣнія правительства,
Вѣдомости, пожалуй, и правы, когда утверждаютъ, что пока
...умы, было спокойнѣе. Сколько времени можно было еще про-
...ть безъ Думы—это, конечно, вопросъ спорный, но несомнѣнно,
...ій день бездумья былъ днемъ отсрочки разрѣшенія назрѣвавшаго
...а люди слабонервные, не видящіе впереди никакого хорошаго
...клонны цѣпляться за каждую отсрочку. Если можно было пробыть
...мы семь мѣсяцевъ, то неужели нельзя было потерпѣть еще семь
...тамъ еще и еще... вплоть до... новаго Мукдена, новой Цусимы?..
...ьзя не писать о Думѣ, но и трудно писать о ней. Быть можетъ,
...время, когда читатели *Русской Мысли* получатъ мартовскую
...у въ свои руки, Думы уже не будетъ. Кн. Е. Н. Трубецкой считаетъ
...печати о предстоящемъ роспускѣ Думы вредными. «Внутренняя
...доподобность самаго факта роспуска Думы,—говоритъ онъ,—и усилен-
...толки объ этомъ со стороны печати подготовляютъ страну къ этой
...астрофѣ, внушаютъ обществу убѣжденіе въ ея неизбѣжности и создаютъ
...ругъ правительства атмосферу гипноза, облегчающаго его рѣшимость
...этотъ тяжелый, ужасный по своимъ послѣдствіямъ шагъ» (см. № 50
...Едва ли взглядъ уважаемаго общественнаго дѣятеля справедливъ.
...ое лицо изъ правительственнаго міра можетъ дѣйствовать подъ

тѣмъ или инымъ гипнозомъ. Но какъ равнодѣйствующая многихъ гипнозовъ, переживаемыхъ различными правительственными лицами, получается рѣшеніе, соотвѣтствующее не гипнозу, а интересамъ и группы лицъ, захватившихъ въ свои руки власть, и тѣхъ общественныхъ слоевъ, у которыхъ она думаетъ найти поддержку. И нашъ народъ не долженъ обманывать себя и тѣшить иллюзіями. Надо смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза. Дѣло идетъ не о психологіи того или иного отдѣльнаго лица, мѣняющаго свои взгляды въ зависимости отъ газетныхъ статей. Идетъ борьба интересовъ. Преобразованію Россіи изъ полицейско-самодержавнаго государства въ правовое, конституціонное препятствуютъ не измѣнчивыя личныя настроенія, а сильные и прочные интересы. Надо думать, что около милліона людей (на стосорокамилліонное населеніе) заинтересовано въ сохраненіи стараго порядка, кормившаго ихъ алчность, прикрывавшаго ихъ подлость и бездарность. И эти люди даромъ не откажутся отъ своихъ привилегій. Они не то что распустятъ двѣ, три, четыре Думы, они не откажутся привести въ движеніе и воды Ахерона, даже предчувствуя, что онѣ могутъ поглотить и ихъ самихъ. При такой серьезности положенія есть ли основаніе пугаться газетныхъ статей и не говорить правды, того, что дѣйствительно думаешь? Въ настоящій моментъ, какъ мнѣ кажется, такая правда обязательна для уважающаго себя публициста. Общество и народъ должны знать, что̀ ихъ ожидаетъ, и готовиться ко всему. Заклинанія, что Думу невозможно разогнать, что это немыслимо и т. д., мало помогли первой Думѣ и скорѣе туманили, чѣмъ проясняли сознаніе массъ.

Возможно, что трагедія, чуть-чуть не разыгравшаяся 2 марта въ зданіи Таврическаго дворца, отсрочила на нѣкоторое время роспускъ Думы. Непростительная небрежность бюрократіи, изъ-за которой въ день восшествія на престолъ Александра III, признаваемаго въ реакціонныхъ кругахъ идеальнымъ носителемъ бюрократическаго самодержавія, въ залѣ Таврическаго дворца едва не погибли сотни народныхъ представителей, созванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, въ народномъ сознаніи очень быстро претворилась въ легенду о чудовищномъ преступномъ замыслѣ. Распустить Думу вскорѣ послѣ этого «скверная анекдота» значило бы дать черезчуръ обильную пищу толкамъ на тему, что сначала хотѣли депутатовъ перебить, сваливъ все дѣло на «руку Божію», а когда это не удалось, то просто разогнали. Катастрофа съ потолкомъ произвела на депутатовъ-крестьянъ потрясающее впечатлѣніе и вызвала у нихъ рѣзкое недовѣріе къ Петербургу. Вызванные для великаго народнаго дѣла, вызванные царскимъ манифестомъ, депутаты-крестьяне въ этомъ огромномъ гранитномъ городѣ почувствовали, что ихъ жизни грозитъ опасность. Нуженъ большой художественный талантъ, чтобы передать наглядно ту сложную цѣпь чувствованій и мыслей, которыя родились тогда въ душѣ крестьянъ-депутатовъ съ извѣстнымъ благоговѣніемъ относящихся къ порученному имъ дѣлу. Многіе крестьяне, сообщая на родину о своемъ чудесномъ избавленіи, прибавляли въ телеграммахъ и письмахъ: «дѣло темное!» Интеллигентны

депутатамъ стоило огромнаго труда убѣдить крестьянъ въ томъ, что паденіе потолка обусловливается случайностью, небрежностью строителей, но не преступленіемъ. «Толкуйте,—возражали крестьяне, скептически покачивая головой,—а почему надъ министрами потолокъ не обрушился, изъ другого, онъ, что ли, матеріала? сами видимъ, что одинаковъ?» Сѣмена недовѣрія къ чиновничеству, да и къ господамъ вообще, щедро посѣянныя въ крестьянской душѣ, дали пышный плодъ въ роковой моментъ этой тяжелой случайности.

Понятно поэтому, что такое стеченіе обстоятельствъ могло временно спутать карты и помѣшать планамъ, быть можетъ, вполнѣ обдуманнымъ и надлежаще обставленнымъ. Но вѣдь это только отсрочка. Вопросъ о судьбѣ Думы есть въ концѣ-концовъ вопросъ общественной силы, причемъ въ составъ послѣдней мы вводимъ не только физическіе, но и моральные элементы. Въ настоящее время—и это надо безбоязненно признать—перевѣсъ силы на сторонѣ правительства, и судьба Думы, болѣе или менѣе долгое ея существованіе зависитъ всецѣло отъ воли министерства Н. А. Столыпина. Поэтому мы не можемъ сочувственно отнестись къ тому кличу «берегите Думу!», которымъ встрѣчала печать каждый шагъ Думы. Беречь надо было и надо конституціонную идею, идею о Думѣ, развивать и упрочивать въ массахъ представленіе о ней, какъ о единственномъ мирномъ способѣ общественной борьбы. Но беречь самое вторую Думу—это задача непосильная ни для всей Думы, ни для отдѣльныхъ ея членовъ. Вѣдь предлагали же нѣкоторые реакціонеры разогнать Думу за одно то, что она не встала по приказу бессарабскаго помѣщика Крупенскаго... Развѣ есть какая-либо возможность предусмотрѣть, за что именно П. А. Столыпинъ захочетъ распустить оппозиціонную Думу? Въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ различать поводъ и причину...

И министерство П. А. Столыпина соглашалось нѣкоторое время терпѣть «лѣвую Думу», но на одномъ условіи, чтобы она не портила работы министерства, въ особенности главной ея части, той, которая касается земельнаго вопроса, мѣръ, принятыхъ для спасенія дворянскаго и крупнаго землевладѣнія. Обнаружилось это, благодаря неумѣлости министерской газеты *Россіи*. Уже вскорѣ послѣ собранія Думы *Россія* выступила съ ультиматумомъ по адресу народныхъ представителей. Газета заявляла, что если Дума отвергнетъ en bloc министерскіе земельные законы, изданные въ силу ст. 87-ой «основныхъ законовъ», то этимъ она докажетъ свою неработоспособность и, слѣдовательно, будетъ подлежать разгону. Газета ...лкодушно предоставляла дѣлать депутатамъ, какія они хотятъ, поправки, отверженія этихъ законовъ не допускала. Впослѣдствіи, заметая слѣды, ...сія пыталась увѣрить, будто она возставала противъ отверженія законъ «безъ всякаго разсмотрѣнія». Но это, во-первыхъ, фактическая невѣда, во-вторыхъ, безсмыслица, ибо газета отлично знала, что Дума ...ается предварительно подвергнуть министерскіе законы жестокой кри... и только затѣмъ отвергнуть ихъ. Газета ясно и опредѣленно пре...

[illegible], дозволяя депутатамъ вносить вся-
[illegible] смыслъ закона.

[illegible] такое странное требованіе ми-
[illegible] не очень замысловатымъ. Достаточ-
[illegible] «основныхъ законовъ», чтобы понять
[illegible] хотѣло воспользоваться мини-
[illegible]

[illegible] въ порядкѣ ст. 87-ой, «прекращается,
[illegible] главноуправляющимъ отдѣльною частью
[illegible] Думу въ теченіе первыхъ двухъ
[illegible] Думы соотвѣтствующій принятой
[illegible] Государственная Дума или Го-
[illegible] внести своихъ законовъ въ Думу ми-
[illegible] мѣсяца они утратятъ свою силу. Не
[illegible] Дума «не приняла» внесеннаго соотвѣт-
[illegible] будетъ, если Дума приметъ законы, хотя
[illegible] мѣняющія ихъ смыслъ? Законо
[illegible] Совѣтъ; тамъ, вѣрнѣе всего, его
[illegible] внесутъ свои поправки; придется на-
[illegible] пока Дума и Совѣтъ придутъ къ со-
[illegible] мѣсяцъ. А что же будетъ въ теченіе этого
[illegible] въ силу ст. 87-ой? Благодаря неясности
[illegible] можетъ утверждать, что на это
[illegible] не пріостанавливается. Она, слѣдова-
[illegible] въ жизнь и подрывать условія
[illegible] плана, который составленъ оппозиціей.
[illegible] съ Думой будутъ препираться, Думу можно
[illegible] въ порядкѣ ст. 87-ой, вновь продолжаетъ
[illegible] и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ
[illegible] сенцовъ, третьей Думѣ придется считаться
[illegible] или иначе приноровиться къ самодер-
[illegible] дабы не нарушать пріобрѣтен-
[illegible] неосторожно выданный *Россіей*.
[illegible] путемъ мѣропріятій, проведен-
[illegible] въ извѣстномъ остроуміи. Кромѣ
[illegible] планъ этотъ доставлялъ и
[illegible] дискредитировать Думу, указывать на без-
[illegible] за спину полу-бюрократическаго Госу-
[illegible] министерство собирается бороться съ Думой
[illegible] пріемовъ, нѣсколько странно твердить:
[illegible] народныхъ представителей зависитъ сбе-

[illegible] въ всемъ интеллигентномъ обществѣ
[illegible] болѣе серьезная, да и болѣе испол-

нимая. Надо и въ Думѣ и внѣ Думы беречься провокаціи. Въ Думѣ правые открыто говорятъ, что считаютъ своей задачей «ставить кадетамъ ловушки», и на кадетахъ лежитъ обязанность не только не попадаться въ эти ловушки, но и пронести съ собой конституціонную идею, не скомпрометировавъ ее ни вынужденнымъ, лицемѣрнымъ раболѣпіемъ, ни неискреннимъ и безпринципнымъ заигрываніемъ съ интеллигентскимъ революціонаризмомъ.

Внѣ Думы, на улицѣ провокаціи приходится бояться еще больше, чѣмъ въ залѣ Таврическаго дворца. Есть основанія предполагать, что въ умахъ нѣкоторыхъ господъ, считающихъ себя «государственными людьми», зрѣетъ планъ опять «вскрыть нарывъ», какъ его вскрывали въ Москвѣ въ декабрѣ 1905 года, вызвать буржуазную реакцію, пробудивъ въ среднемъ городскомъ населеніи настоящій страхъ передъ революціей. «Революція еще не ушибла, какъ слѣдуетъ, нашей буржуазіи»—такъ объяснилъ вождь «Союза 17 октября» А. И. Гучковъ свой провалъ на выборахъ. Отсюда до мысли о томъ, что необходимо содѣйствовать такому проясненію сознанія—одинъ шагъ. Вызвать революціонный или яко бы революціонный взрывъ у насъ не составляетъ никакого труда. Стоитъ только «освободить» нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, что при настроеніи предпринимателей, съ одной стороны, и при верховенствѣ большевиковъ въ рабочей средѣ, съ другой,—особаго труда не представляетъ. Одновременно можно легко добиться и прекращенія занятій въ учебныхъ заведеніяхъ. Образовавшійся, такимъ образомъ, «матеріалъ» нетрудно обработать въ теченіе одной недѣли, предоставляя ему видимую свободу дѣйствій, искусно демонстрируя мнимое безсиліе власти и пробуждая въ молодыхъ, горячихъ головахъ иллюзію собственной силы... Когда все это подготовлено, малѣйшій пустячный поводъ можетъ послужить прологомъ къ ужасной, кровавой трагедіи... Берегите отъ нея молодежь и рабочихъ!...

Уже около двухъ недѣль существуетъ Государственная Дума, а до сихъ поръ ея составъ не выяснился окончательно, не опредѣлилось, возможно ли разсчитывать въ Думѣ на образованіе центральнаго большинства. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ и судьба самой Думы. Если паролъ «берегите Думу!» имѣетъ какое-либо реальное содержаніе, то оно сводится только къ мысли возможно скорѣе сорганизовать этотъ центръ, далекій какъ отъ бюрократическаго самодержавія, такъ и отъ революціонной диктатуры.

Насколько можно судить по даннымъ, имѣющимся до 1 марта, партійный составъ Думы рисуется въ такихъ главныхъ чертахъ. Партія «народной свободы» насчитываетъ 97 членовъ (изъ нихъ человѣкъ семь пока не официально во фракцію не записались, хотя и посѣщаютъ всѣ засѣданія), въ трудовой группѣ записанныхъ членовъ 58, въ соединившемся съ нею крестьянскомъ союзѣ—14. Около 15—20 крестьянъ посѣщаютъ и правую группу и другія организаціи, не исключая и правыхъ. Это, такъ

называемые, чистые лѣвые безпартійные. Парламентская фракція соціалистовъ-революціонеровъ, по словамъ органа этой партіи «Благо Народа», просуществовавшаго только одинъ день, насчитываетъ 38 членовъ, въ томъ числѣ 6 «сочувствующихъ». Народныхъ соціалистовъ считается 13. Соціалъ-демократы утверждаютъ, что въ ихъ группѣ 52 депутата, но чисто партійныхъ товарищей едва ли наберется болѣе 35, остальные «примыкаютъ». Численность польскаго кола съ сочувствующими ему поляками изъ другихъ губерній доходитъ до 45. Наконецъ, мусульманская группа, если выключить изъ нея депутатовъ, входящихъ въ другія партіи, объемлетъ депутатовъ 20—25. Таковъ составъ оппозиціи. Что касается правой, то сила ея огуломъ опредѣляется во сто депутатовъ. Но составъ этой «правой» очень разнообразенъ. Настоящихъ форменныхъ черносотенцевъ, какъ утверждаютъ, не болѣе 30. Партійныхъ октябристовъ человѣкъ 26, остальные 50 правыхъ, изъ которыхъ большинство—крестьяне, являются правыми — безпартійными съ несомнѣннымъ тяготѣніемъ по нѣкоторымъ пунктамъ къ прогрессивному центру. Повторяемъ, приведенныя нами цифры ни въ коемъ случаѣ не могутъ претендовать на точность. Это—только приблизительныя, а по отношенію къ правымъ даже гадательныя величины. Но для общихъ грубыхъ выводовъ годятся и онѣ.

Для того чтобы думскій центръ могъ дѣйствовать смѣло и увѣренно, не боясь случайностей и постоянныхъ колебаній, онъ долженъ насчитывать, по меньшей мѣрѣ, 250 человѣкъ. Изъ приведенныхъ выше цифръ явствуетъ съ математической достовѣрностью, что *для творческой работы* въ Думѣ никакого большинства помимо партіи «народной свободы» образовать нельзя. Правые, соединяясь съ лѣвыми, могутъ проваливать предложенія кадетовъ, но, конечно, нелѣпо думать, что такой противоестественный союзъ можетъ что-либо создать. Естественный думскій центръ составляютъ кадеты (97) съ примыкающими къ нимъ мусульманской (25) и польской (45) группами. Но этого блока въ 167 человѣкъ недостаточно для образованія прочнаго большинства. Достаточную опору онъ можетъ получить или слѣва, если трудовики, крестьянскій союзъ и поддерживающіе ихъ крестьяне рѣшатся отколоться отъ крайнихъ лѣвыхъ, или справа, если октябристы и умѣренные безпартійные крестьяне отдѣлятся отъ черносотенцевъ. Возможны, конечно, и промежуточныя, смѣшанныя комбинаціи. Не подлежитъ сомнѣнію одно, что на вождяхъ трудовиковъ лежитъ теперь огромная отвѣтственность. Отъ нихъ, главнымъ образомъ, зависитъ характеръ будущаго думскаго большинства (предполагаемъ, что Дума будетъ существовать). Если трудовики, не боясь интеллигентскихъ нападокъ слѣ рѣшатся вступить съ партіей «народной свободы» въ прочныя отношен характеръ думской работы получитъ рѣзко демократическій и въ то время дѣловой, практическій характеръ. Будетъ преступленіемъ, если изъ доктринерства неотвѣтственныхъ, внѣ Думы стоящихъ руководителей, т довики откажутся отъ предстоящей имъ почетной роли. Къ сожалѣн отсутствіе среди трудовиковъ большого контингента интеллигентныхъ с

заставляетъ ихъ прибѣгать очень часто къ услугамъ внѣ-думскихъ теоретиковъ, изъ той породы, которая извѣстна подъ именемъ людей, «лѣвѣе кадетъ» стоящихъ...

Что касается «народныхъ соціалистовъ», то, несмотря на весь ихъ «кадетовидный соціализмъ», на нихъ при построеніи творческаго большинства разсчитывать едва ли возможно. Объясняется это причинами, имѣющими мало общаго съ программами или политической тактикой. Среди группъ лѣвѣе кадетъ стоящихъ народные соціалисты являются самой богатой интеллигентными силами. Въ сравненіи съ кадетами интеллигентные народные соціалисты являются величинами второго порядка. На фонѣ же относительнаго безлюдья крайнихъ лѣвыхъ группъ народные соціалисты могутъ показаться замѣтной фигурой. Партійный разсчетъ заставляетъ ихъ, такимъ образомъ, держаться какъ можно дальше отъ кадетовъ и какъ можно ближе къ крайнимъ лѣвымъ, доставляя послѣднимъ въ нужныя минуты нужныхъ людей. Если сюда прибавить еще спекуляцію на расколъ среди партіи «народной свободы», котораго ждутъ-не дождутся какъ правые, такъ и лѣвые, одинаково желающіе замѣнить физической свалкой конституціонное разрѣшеніе нависшаго надъ Россіей кризиса, то планы народныхъ соціалистовъ выяснятся вполнѣ. Если партія «народной свободы» расколется—мечтаютъ народные соціалисты—«лѣвые кадеты» отойдутъ къ намъ, и мы станемъ господами положенія. Когда при выборахъ президіума большевики строили планы о лишеніи кадетовъ мѣстъ товарища предсѣдателя и секретаря Думы, то всѣ ихъ разсчеты опирались лишь на то, что народные соціалисты «достанутъ нужныхъ интеллигентныхъ людей». Когда обсуждался вопросъ, какъ отвѣтить на декларацію Столыпина, народные соціалисты, ко всеобщему изумленію, выступали рука объ руку съ соціалъ-демократами. Трудовики и даже соціалисты-революціонеры рѣшили отвѣтить молчаніемъ и простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, а народные соціалисты постановили говорить и выразить министерству порицаніе и только по настоянію крестьянъ отказались отъ своего рѣшенія. Разсчетъ, руководившій ими, понятенъ. Кадеты будутъ молчать, почему же народнымъ соціалистамъ, пользуясь этимъ, не пріобрѣсти дешевыхъ лавровъ? Большинства они не составляютъ, рѣшеніе ихъ Думы не свяжетъ, почему же не воспользоваться столь благодарной безотвѣтственной ролью, почему не попытаться пріобрѣсти въ странѣ популярность? На фонѣ кадетскаго молчанія голосъ народныхъ соціалистовъ будетъ раздаваться особенно громко...

Каждое представительное собраніе для плодотворности своихъ работъ ...жно выдвинуть естественныхъ вождей. Вторая Дума работала еще такъ ...ало, что не могла выполнить и этой необходимой обязанности. Но все же ...ое-какія личности уже выдвигаются и какъ будто претендуютъ на званіе ...ждей, хотя возможно, что черезъ нѣкоторое время, если Дума упрочится ...ступитъ къ настоящей работѣ, выдвинувшіяся лица должны будутъ ...тупить мѣста другимъ, болѣе достойнымъ. Соціалъ-демократы, хотя офи-

номъ значеніи этихъ кассъ. Образовали ли соціалъ-демократы изъ пролетаріата ту крупную общественную силу, которая могла бы стать во главѣ національнаго движенія за освобожденіе и либо на себя взять творческую перестройку стараго государства, либо помочь всякой другой группѣ, способной выполнить эту колоссальную задачу?—Нѣтъ! Какъ увидимъ, съ этой точки зрѣнія соціалъ-демократы совершили и совершаютъ, по признанію наиболѣе благоразумныхъ изъ нихъ, прямое преступленіе.

Вмѣсто широкой организаціи пролетаріата россійскіе соціалъ-демократы создали мелкіе сектантскіе интеллигентскіе кружки съ ихъ обычными недостатками. Нетерпимо замкнувшись въ догму, они отрѣзали себя отъ хода развитія европейской мысли, отъ широкихъ идейныхъ движеній человѣчества. Они не пріумножили и не обогатили Марксова наслѣдства, а превратили его въ безплодный камень. Они оттолкнули отъ себя интеллигенцію, которая массами шла къ нимъ и готова была работать подъ ихъ знаменемъ, если бы оно стало дѣйствительно національнымъ освободительнымъ знаменемъ, объемлющимъ интересы огромнаго большинства народа. Но соціалъ-демократы не только не привлекали къ себѣ этой интеллигенціи, они всячески отталкивали ее отъ себя, клеймили позорными прозвищами, всегда вносили расколъ туда, гдѣ требовалось единство. Мечта о необходимости вездѣ утвердить свое господство, болѣзненное партійное честолюбіе—къ этому въ конечномъ счетѣ и сводятся всѣ «директивы» нашей соціалъ-демократіи. Какъ всегда бываетъ, административные пріемы, примѣняемые «побѣдителями» по отношенію къ «инородцамъ», неизбѣжно переносятся и на самихъ «побѣдителей». Та полемика, которой соціалъ-демократы угощали «инакомыслящихъ», была очень скоро импортирована и внутрь самой партіи. Ожесточенная борьба самолюбій и честолюбій, инквизиціонный сыскъ, грубая ругань, «демагогическая травля»—все это было перенесено во внутреннія партійныя «товарищескія» отношенія. «Ни въ какой другой рабочей партіи,—пишетъ меньшевикъ Л. Мартовъ по поводу работы Алексинскаго и его друзей,—не была бы возможна такая дезорганизаторская работа нѣсколькихъ политикановъ, словно задавшихся цѣлью помѣшать работѣ избранниковъ пролетаріата путемъ внесенія въ малосознательныя массы яда темныхъ намековъ и заподозриваній».

Отогнавъ отъ себя интеллигенцію, наши партійные соціалъ-демократы начали отпугивать и рабочихъ, какъ «сознательныхъ», такъ и «безсознательныхъ». Споры меньшевиковъ съ большевиками, ведущіеся вдобавокъ на какомъ-то русско-нѣмецкомъ, для рабочихъ совершенно непонятномъ жаргонѣ, не могли, конечно, удовлетворить умственные запросы массъ. А между тѣмъ на эти споры и уходили главныя силы соціалъ-демократовъ. Гдѣ тутъ было думать о воспитательной, организаторской работѣ среди рабочихъ массъ, о дѣйствительномъ, не митинговомъ, прояснении ихъ сознанія, о внимательномъ отношеніи къ ихъ средѣ съ цѣлью выдѣленія изъ нея лучшихъ, способнѣйшихъ? Когда надо было воздѣйствовать на массы, примѣнялись болѣе упрощенные и легкіе пріемы, пріемы демагоги

ческіе. Самая грубая лесть толпѣ, восхваленіе и преклоненіе передъ ея физической силой, ложь и клевета по адресу противниковъ, ничѣмъ не отличающаяся отъ черносотенной лжи,—такими средствами большевики, когда надо было, добивались временнаго успѣха среди массъ и срывали аплодисменты разгорячившейся толпы. Болѣе культурные меньшевики, не находившіе въ себѣ силъ для примѣненія «безсовѣстныхъ пріемовъ борьбы» (выраженіе Л. Мартова), были отстранены и лишились воздѣйствія на массы. Аплодисменты пожинали только большевики.

Что поражаетъ наблюдателя въ средѣ петербургскихъ рабочихъ—это сочетаніе самаго крайняго революціоннаго экстаза съ пьянымъ хулиганствомъ. Идетъ по улицѣ рабочій, горланитъ рабочую марсельезу и тутъ же вперемежку изрыгаетъ самую отвратительную матерную брань. И это не единичные факты, это—чрезвычайно распространенное явленіе, опасный симптомъ вырожденія, некультурности рабочихъ массъ. Борются ли съ рабочимъ пьянствомъ соціалъ-демократы, осмѣливаются ли соціалъ-демократы на рабочихъ собраніяхъ указывать на эту язву, разъѣдающую русскій рабочій классъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. А между тѣмъ, изъ рабочихъ кварталовъ, отъ женъ рабочихъ несутся вопли отчаянія. «Сильно развившійся за послѣднее время алкоголизмъ среди рабочихъ за Невской заставой,—пишутъ въ № 5 соц.-дем. *Новаго Луча*,—принимаетъ ужасающій характеръ, ставя семейства въ концѣ испившихся рабочихъ въ крайне тяжелое положеніе. Семьи пропившихъ послѣдніе гроши отцовъ принуждены по цѣлымъ днямъ сидѣть безъ куска хлѣба... Женамъ приходится закладывать, а то и продавать послѣднее одѣяло... По этому поводу 21 февраля за Невской заставой состоялся митингъ женъ рабочихъ. Послѣ цѣлаго ряда обличительныхъ рѣчей, съ безпощадной рѣзкостью раскрывшихъ тяжелое положеніе семей рабочихъ-алкоголиковъ, собраніе единогласно постановило выработать адресъ для преподнесенія его народнымъ представителямъ; въ адресѣ, указавъ на громадное зло, причиняемое алкоголемъ, просить о закрытіи винныхъ лавокъ за Невской заставой, а пока рѣшено обратиться ко всѣмъ вліятельнымъ сознательнымъ рабочимъ съ просьбой помочь несчастнымъ семействамъ тѣмъ, что произведя свое авторитетное давленіе на товарищей, удержать ихъ отъ пьянства. На-ряду съ этимъ рѣшено также обратиться къ администраціямъ фабрикъ и заводовъ съ просьбой заработокъ мужей-алкоголиковъ выдавать женамъ на руки». Должны ли соціалъ-демократы, выдающіе себя за единственныхъ представителей рабочаго класса, придти въ этомъ дѣлѣ на помощь несчастнымъ женщинамъ и хотя бы растолковать имъ, что закрытіе и открытіе винныхъ лавокъ за Невской заставой зависитъ не отъ Государственной Думы? Но соціалъ-демократы вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе пролетаріата на разъѣдающія его язвы, предпочитаютъ до одури толковать ему о его дѣлѣ, превосходствѣ надъ всѣми остальными людьми, о его призваніи къ диктатурѣ надъ всѣмъ обществомъ. При томъ уровнѣ культурнаго разви-

тія, на которомъ находится россійскій рабочій, большевистская лесть только является общественной отравой и политическимъ преступленіемъ.

Неудивительно, что разъ ступивъ на демагогическую дорогу, большевики вынуждены были главное свое оружіе обратить не на правительство и стоящія за нимъ силы, а на конституціоналистовъ, борющихся за государственную реформу. Уже цитированный нами меньшевикъ Л. Мартовъ произноситъ такой жестокій, но заслуженный приговоръ надъ большевистской политической тактикой. «За ихъ фразами,—пишетъ онъ въ № 48 *Русской Жизни*—«скрывается то жгучее желаніе большевиковъ «скрыть» отъ народа необходимость борьбы съ черной сотней, которое ихъ,—ультра-революціонеровъ, дѣлаетъ подчасъ прямой помѣхой въ этой борьбѣ. Но народъ избиралъ соціалъ-демократовъ вовсе не для того, чтобы они, ведя односторонне борьбу съ одной изъ фракцій буржуазіи, съ кадетами, тѣмъ облегчали и безъ того въ данный моментъ слишкомъ комфортабельное положеніе реакціи».

Въ политической борьбѣ большевики «облегчаютъ положеніе реакціи»,—вотъ самое страшное обвиненіе противъ сильнѣйшей фракціи нашей соціалъ-демократіи, и высказано оно не «кадетомъ», а очень виднымъ дѣятелемъ самой соціалъ-демократической партіи. Вотъ къ чему привели горделивыя мечты стоять въ авангардѣ революціи, «вести» всѣхъ за собою, «толкать» ихъ куда вздумается и проч., и проч. Соціалъ-демократы негодуютъ, почему многіе бывшіе марксисты ушли изъ партіи и обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ и въ прочихъ смертныхъ грѣхахъ. Но вѣрнѣе сказать, что измѣнили не ушедшіе, а измѣнила россійская соціалъ-демократія, обѣщавшая такъ много и давшая лишь фракціонныя дрязги и «безсовѣстную», «демагогическую агитацію», «облегчающую положеніе реакціи». А вѣдь безспорно, что при слабости остальныхъ нашихъ классовъ, при неорганизованности общественныхъ силъ, сорганизованный пролетаріатъ, сознательно поднявшійся на высоту общенаціональной точки зрѣнія, могъ бы сыграть въ Россіи огромную роль, упрочить въ ней конституціонный строй, дать народу свободу. Тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ уже нѣтъ у бюрократіи, такъ мало у буржуазіи,—ихъ могъ бы дать рабочій классъ. Рабочіе реальные политики скоро пріобрѣли бы вліяніе среди крестьянъ и соединенными силами дали бы Россіи свободу. Народъ всегда пошелъ бы за людьми, добывшими для него свободу. Но эти блестящія перспективы были разбиты совмѣстными усиліями «педантовъ» (какъ называетъ Ленинъ Плеханова) и «политикановъ», «демагоговъ» (какъ зоветъ Мартовъ Алексинскаго, Ленина и другихъ).

Указываютъ на меньшевиковъ, какъ на здоровое ядро россійской соціалъ-демократической партіи. Безспорно, меньшевики смѣло критикуютъ въ газетахъ дѣйствія своихъ товарищей по партіи. Не далѣе какъ въ № 49 *Русской Жизни* тактика московской соціалъ-демократіи получила такую характеристику: «Бойкотистскіе комитетчики должны произносить пламенныя рѣчи, вскрывающія «половинчатость и проч.», и писать сокрушитель-

ные нелегальные листки о порокахъ буржуазіи и правительства; а «пролетаріатъ и бѣдное городское населеніе должны слушать рѣчи и кричать «ура!» Читать листки и приходить въ негодованіе. Старая, печальная исторія. Вмѣсто большого живого дѣла—бойкотистская пассивность, вмѣсто широкой самодѣятельности—громкое «ура!» Застарѣлый, мертвенный бойкотизмъ. Безжизненная тактика революціонной фразеологіи и реакціоннаго бездѣйствія». Все это вѣрно и сильно сказано. Но вѣдь это сказано въ газетѣ, читаемой къ тому же только интеллигентами. На улицѣ, на митингахъ, въ рабочей толпѣ меньшевики этого почти не говорятъ и въ дѣйствія своихъ мыслей не претворяютъ. Вѣдь ни для кого же не секретъ, что большевики терроризируютъ меньшевиковъ однимъ словомъ: «кадетообразный», и страхъ показаться похожимъ на кадета заставляетъ меньшевика забыть все, что онъ говорилъ въ газетѣ, и дѣлать такъ, какъ приказываетъ большевикъ.

Отсюда и безсиліе меньшевиковъ и потеря ими вліянія среди рабочихъ массъ. Быть можетъ, черезъ нѣкоторое время меньшевики и вытѣснятъ большевиковъ, вернутъ себѣ вліяніе на рабочихъ и «оздоровятъ» соціалъ-демократическую партію, но тогда возможность для русскаго рабочаго класса сыграть великую роль общенаціональнаго освободителя отъ самодержавнаго гнета отойдетъ въ область преданій. Рабочій классъ останется только классомъ относительно слабымъ численно, слабымъ культурными и умственными силами...

---

20 февраля открылись засѣданія Государственной Думы, и трагическая тѣнь повисла надъ Россіей. Разсуждая съ точки зрѣнія правительства, *Московскія Вѣдомости,* пожалуй, и правы, когда утверждаютъ, что пока не было Думы, было спокойнѣе. Сколько времени можно было еще просуществовать безъ Думы—это, конечно, вопросъ спорный, но несомнѣнно, что каждый день бездумья былъ днемъ отсрочки разрѣшенія назрѣвавшаго кризиса, а люди слабонервные, не видящіе впереди никакого хорошаго исхода, склонны цѣпляться за каждую отсрочку. Если можно было пробыть безъ Думы семь мѣсяцевъ, то неужели нельзя было потерпѣть еще семь дней, а тамъ еще и еще... вплоть до... новаго Мукдена, новой Цусимы?..

Нельзя не писать о Думѣ, но и трудно писать о ней. Быть можетъ, въ то время, когда читатели *Русской Мысли* получатъ мартовскую книжку въ свои руки, Думы уже не будетъ. Кн. Е. Н. Трубецкой считаетъ толки печати о предстоящемъ роспускѣ Думы вредными. «Внутренняя вѣроподобность самаго факта роспуска Думы,—говоритъ онъ,—и усиленіе толки объ этомъ со стороны печати подготовляютъ страну къ этой катастрофѣ, внушаютъ обществу убѣжденіе въ ея неизбѣжности и создаютъ вокругъ правительства атмосферу гипноза, облегчающаго его рѣшимость сдѣлать этотъ тяжелый, ужасный по своимъ послѣдствіямъ шагъ» (см. № 50 «Рѣчи»). Едва ли взглядъ уважаемаго общественнаго дѣятеля справедливъ. Какое-либо лицо изъ правительственнаго міра можетъ дѣйствовать подъ

тія, на которомъ находится россійскій рабочій, большевистская лесть толпѣ является общественной отравой и политическимъ преступленіемъ.

Неудивительно, что разъ ступивъ на демагогическую дорогу, большевики вынуждены были главное свое оружіе обратить не на правительство и стоящія за нимъ силы, а на конституціоналистовъ, борющихся за государственную реформу. Уже цитированный нами меньшевикъ Л. Мартовъ произноситъ такой жестокій, но заслуженный приговоръ надъ большевистской политической тактикой. «За ихъ фразами,—пишетъ онъ въ № 48 *Русской Жизни*—«скрывается то жгучее желаніе большевиковъ «скрыть» отъ народа необходимость борьбы съ черной сотней, которое ихъ,— ультрареволюціонеровъ, дѣлаетъ подчасъ прямой помѣхой въ этой борьбѣ. Но народъ избиралъ соціалъ-демократовъ вовсе не для того, чтобы они, ведя односторонне борьбу съ одной изъ фракцій буржуазіи, съ кадетами, тѣмъ облегчали и безъ того въ данный моментъ слишкомъ комфортабельное положеніе реакціи».

Въ политической борьбѣ большевики «облегчаютъ положеніе реакціи»,— вотъ самое страшное обвиненіе противъ сильнѣйшей фракціи нашей соціалъ-демократіи, и высказано оно не «кадетомъ», а очень виднымъ дѣятелемъ самой соціалъ-демократической партіи. Вотъ къ чему привели горделивыя мечты стоять въ авангардѣ революціи, «вести» всѣхъ за собою, «толкать» ихъ куда вздумается и проч., и проч. Соціалъ-демократы негодуютъ, почему многіе бывшіе марксисты ушли изъ партіи и обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ и въ прочихъ смертныхъ грѣхахъ. Но вѣрнѣе сказать, что измѣнили не ушедшіе, а измѣнила россійская соціалъ-демократія, обѣщавшая такъ много и давшая лишь фракціонныя дрязги и «безсовѣстную», «демагогическую агитацію», «облегчающую положеніе реакціи». А вѣдь безспорно, что при слабости остальныхъ нашихъ классовъ, при неорганизованности общественныхъ силъ, сорганизованный пролетаріатъ, сознательно поднявшійся на высоту общенаціональной точки зрѣнія, могъ бы сыграть въ Россіи огромную роль, упрочить въ ней конституціонный строй, дать народу свободу. Тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ уже нѣтъ у бюрократіи, такъ мало у буржуазіи,—ихъ могъ бы дать рабочій классъ. Рабочіе реальные политики скоро пріобрѣли бы вліяніе среди крестьянъ и соединенными силами дали бы Россіи свободу. Народъ всегда пошелъ бы за людьми, добывшими для него свободу. Но эти блестящія перспективы были разбиты совмѣстными усиліями «педантовъ» (какъ называетъ Ленинъ Плеханова) и «политикановъ», «демагоговъ» (какъ зоветъ Мартовъ Алексинскаго, Ленина и другихъ).

Указываютъ на меньшевиковъ, какъ на здоровое ядро россійской соціалъ-демократической партіи. Безспорно, меньшевики смѣло критикуютъ въ газетахъ дѣйствія своихъ товарищей по партіи. Не далѣе какъ въ № 49 *Русской Жизни* тактика московской соціалъ-демократіи получила такую характеристику: «Бойкотистскіе комитетчики должны произносить пламенныя рѣчи, вскрывающія «половинчатость и проч.», и писать сокрушитель-

ные нелегальные листки о порокахъ буржуазіи и правительства; а «пролетаріатъ и бѣдное городское населеніе должны слушать рѣчи и кричать «ура!» Читать листки и приходить въ негодованіе. Старая, печальная исторія. Вмѣсто большого живого дѣла—бойкотистская пассивность, вмѣсто широкой самодѣятельности—громкое «ура!» Застарѣлый, мертвенный бойкотизмъ. Безжизненная тактика революціонной фразеологіи и реакціоннаго бездѣйствія». Все это вѣрно и сильно сказано. Но вѣдь это сказано въ газетѣ, читаемой къ тому же только интеллигентами. На улицѣ, на митингахъ, въ рабочей толпѣ меньшевики этого почти не говорятъ и въ дѣйствія своихъ мыслей не претворяютъ. Вѣдь ни для кого же не секретъ, что большевики терроризируютъ меньшевиковъ однимъ словомъ: «кадетообразный», и страхъ показаться похожимъ на кадета заставляетъ меньшевика забыть все, что онъ говорилъ въ газетѣ, и дѣлать такъ, какъ приказываетъ большевикъ.

Отсюда и безсиліе меньшевиковъ и потеря ими вліянія среди рабочихъ массъ. Быть можетъ, черезъ нѣкоторое время меньшевики и вытѣснятъ большевиковъ, вернутъ себѣ вліяніе на рабочихъ и «оздоровятъ» соціалъ-демократическую партію, но тогда возможность для русскаго рабочаго класса сыграть великую роль общенаціональнаго освободителя отъ самодержавнаго гнета отойдетъ въ область преданій. Рабочій классъ останется только классомъ относительно слабымъ численно, слабымъ культурными и умственными силами...

---

20 февраля открылись засѣданія Государственной Думы, и трагическая тѣнь повисла надъ Россіей. Разсуждая съ точки зрѣнія правительства, *Московскія Вѣдомости,* пожалуй, и правы, когда утверждаютъ, что пока не было Думы, было спокойнѣе. Сколько времени можно было еще просуществовать безъ Думы—это, конечно, вопросъ спорный, но несомнѣнно, что каждый день бездумья былъ днемъ отсрочки разрѣшенія назрѣвавшаго кризиса, а люди слабонервные, не видящіе впереди никакого хорошаго исхода, склонны цѣпляться за каждую отсрочку. Если можно было пробыть безъ Думы семь мѣсяцевъ, то неужели нельзя было потерпѣть еще семь дней, а тамъ еще и еще... вплоть до... новаго Мукдена, новой Цусимы?..

Нельзя не писать о Думѣ, но и трудно писать о ней. Быть можетъ, въ то время, когда читатели *Русской Мысли* получатъ мартовскую книжку въ свои руки, Думы уже не будетъ. Кн. Е. Н. Трубецкой считаетъ толки печати о предстоящемъ роспускѣ Думы вредными. «Внутренняя вѣроподобность самаго факта роспуска Думы,—говоритъ онъ,—и усиленные толки объ этомъ со стороны печати подготовляютъ страну къ этой катастрофѣ, внушаютъ обществу убѣжденіе въ ея неизбѣжности и создаютъ вокругъ правительства атмосферу гипноза, облегчающаго его рѣшимость сдѣлать этотъ тяжелый, ужасный по своимъ послѣдствіямъ шагъ» (см. № 50 *сія*). Едва ли взглядъ уважаемаго общественнаго дѣятеля справедливъ. Или иное лицо изъ правительственнаго міра можетъ дѣйствовать подъ

тѣмъ или инымъ гипнозомъ. Но какъ равнодѣйствующая многихъ гипнозовъ, переживаемыхъ различными правительственными лицами, получается рѣшеніе, соотвѣтствующее не гипнозу, а интересамъ и группы лицъ, захватившихъ въ свои руки власть, и тѣхъ общественныхъ слоевъ, у которыхъ она думаетъ найти поддержку. И нашъ народъ не долженъ обманывать себя и тѣшить иллюзіями. Надо смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза. Дѣло идетъ не о психологіи того или иного отдѣльнаго лица, мѣняющаго свои взгляды въ зависимости отъ газетныхъ статей. Идетъ борьба интересовъ. Преобразованію Россіи изъ полицейско-самодержавнаго государства въ правовое, конституціонное препятствуютъ не измѣнчивыя личныя настроенія, а сильные и прочные интересы. Надо думать, что около милліона людей (на стосорокамилліонное населеніе) заинтересовано въ сохраненіи стараго порядка, кормившаго ихъ алчность, прикрывавшаго ихъ подлость и бездарность. И эти люди даромъ не откажутся отъ своихъ привилегій. Они не то что распустятъ двѣ, три, четыре Думы, они не откажутся привести въ движеніе и воды Ахерона, даже предчувствуя, что онѣ могутъ поглотить и ихъ самихъ. При такой серьезности положенія есть ли основаніе пугаться газетныхъ статей и не говорить правды, того, что дѣйствительно думаешь? Въ настоящій моментъ, какъ мнѣ кажется, такая правда обязательна для уважающаго себя публициста. Общество и народъ должны знать, что̀ ихъ ожидаетъ, и готовиться ко всему. Заклинанія, что Думу невозможно разогнать, что это немыслимо и т. д., мало помогли первой Думѣ и скорѣе туманили, чѣмъ проясняли сознаніе массъ.

Возможно, что трагедія, чуть-чуть не разыгравшаяся 2 марта въ зданіи Таврическаго дворца, отсрочила на нѣкоторое время роспускъ Думы. Непростительная небрежность бюрократіи, изъ-за которой въ день восшествія на престолъ Александра III, признаваемаго въ реакціонныхъ кругахъ идеальнымъ носителемъ бюрократическаго самодержавія, въ залѣ Таврическаго дворца едва не погибли сотни народныхъ представителей, созванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, въ народномъ сознаніи очень быстро претворилась въ легенду о чудовищномъ преступномъ замыслѣ. Распустить Думу вскорѣ послѣ этого «сквернаго анекдота» значило бы дать черезчуръ обильную пищу толкамъ на тему, что сначала хотѣли депутатовъ перебить, сваливъ все дѣло на «руку Божію», а когда это не удалось, то просто разогнали. Катастрофа съ потолкомъ произвела на депутатовъ-крестьянъ потрясающее впечатлѣніе и вызвала у нихъ рѣзкое недовѣріе къ Петербургу. Вызванные для великаго народнаго дѣла, вызванные царскимъ манифестомъ, депутаты-крестьяне въ этомъ огромномъ гранитномъ горонѣ почувствовали, что ихъ жизни грозитъ опасность. Нуженъ большой художественный талантъ, чтобы передать наглядно ту сложную цѣпь чувствованій и мыслей, которыя родились тогда къ душѣ крестьянъ-депутатовъ съ извѣстнымъ благоговѣніемъ относящихся къ порученному имъ дѣлу. Многіе крестьяне, сообщая на родину о своемъ чудесномъ избавленіи, прибавляли въ телеграммахъ и письмахъ: «дѣло темное!» Интеллигентны

депутатамъ стоило огромнаго труда убѣдить крестьянъ въ томъ, что паденіе потолка обусловливается случайностью, небрежностью строителей, но не преступленіемъ. «Толкуйте,—возражали крестьяне, скептически покачивая головой,—а почему надъ министрами потолокъ не обрушился, изъ другого, онъ, что ли, матеріала? сами видимъ, что одинаковъ?» Сѣмена недовѣрія къ чиновничеству, да и къ господамъ вообще, щедро посѣянныя въ крестьянской душѣ, дали пышный плодъ въ роковой моментъ этой тяжелой случайности.

Понятно поэтому, что такое стеченіе обстоятельствъ могло временно спутать карты и помѣшать планамъ, быть можетъ, вполнѣ обдуманнымъ и надлежаще обставленнымъ. Но вѣдь это только отсрочка. Вопросъ о судьбѣ Думы есть въ концѣ-концовъ вопросъ общественной силы, причемъ въ составъ послѣдней мы вводимъ не только физическіе, но и моральные элементы. Въ настоящее время—и это надо безбоязненно признать—перевѣсъ силы на сторонѣ правительства, и судьба Думы, болѣе или менѣе долгое ея существованіе зависитъ всецѣло отъ воли министерства П. А. Столыпина. Поэтому мы не можемъ сочувственно отнестись къ тому кличу «берегите Думу!», которымъ встрѣчала печать каждый шагъ Думы. Беречь надо было и надо конституціонную идею, идею о Думѣ, развивать и упрочивать въ массахъ представленіе о ней, какъ о единственномъ мирномъ способѣ общественной борьбы. Но беречь самое вторую Думу—это задача непосильная ни для всей Думы, ни для отдѣльныхъ ея членовъ. Вѣдь предлагали же нѣкоторые реакціонеры разогнать Думу за одно то, что она не встала по приказу бессарабскаго помѣщика Крупенскаго... Развѣ есть какая-либо возможность предусмотрѣть, за что именно П. А. Столыпинъ захочетъ распустить оппозиціонную Думу? Въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ различать поводъ и причину...

И министерство П. А. Столыпина соглашалось нѣкоторое время терпѣть «лѣвую Думу», но на одномъ условіи, чтобы она не портила работы министерства, въ особенности главной ея части, той, которая касается земельнаго вопроса, мѣръ, принятыхъ для спасенія дворянскаго и крупнаго землевладѣнія. Обнаружилось это, благодаря неумѣлости министерской газеты *Россіи*. Уже вскорѣ послѣ собранія Думы *Россія* выступила съ ультиматумомъ по адресу народныхъ представителей. Газета заявляла, что если Дума отвергнетъ en bloc министерскіе земельные законы, изданные въ силу ст. 87-ой «основныхъ законовъ», то этимъ она докажетъ свою неработоспособность и, слѣдовательно, будетъ подлежать разгону. Газета никодушно предоставляла дѣлать депутатамъ, какія они хотятъ, поправки, отверженія этихъ законовъ не допускала. Впослѣдствіи, заметая слѣды, *ссія* пыталась увѣрить, будто она возставала противъ отверженія законъ «безъ всякаго разсмотрѣнія». Но это, во-первыхъ, фактическая невда, во-вторыхъ, безсмыслица, ибо газета отлично знала, что Дума ирается предварительно подвергнуть министерскіе законы жестокой кри- и только затѣмъ отвергнуть ихъ. Газета ясно и опредѣленно пре-

достерегала отъ отверженія законовъ, дозволяя депутатамъ вносить всякія поправки, даже радикально искажающія смыслъ закона.

Въ чемъ же секретъ? Чѣмъ объяснить такое странное требованіе министерской газеты? Секретъ оказался не очень замысловатымъ. Достаточно внимательно прочесть ст. 87-ую «основныхъ законовъ», чтобы понять тотъ юридическій кунстштокъ, которымъ хотѣло воспользоваться министерство.

Дѣйствіе мѣропріятія, принятаго въ порядкѣ ст. 87-ой, «прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ». Итакъ, не внести своихъ законовъ въ Думу министерство не можетъ: черезъ два мѣсяца они утратятъ свою силу. Не можетъ оно и допустить, чтобы Дума «не приняла» внесеннаго соотвѣтствующаго законопроекта. Но что будетъ, если Дума приметъ законы, хотя бы внеся въ нихъ поправки, радикально мѣняющія ихъ смыслъ? Законопроектъ поступитъ въ Государственный Совѣтъ; тамъ, вѣрнѣе всего, его не примутъ въ думской редакціи, а внесутъ свои поправки; придется назначить согласительную коммиссію; пока Дума и Совѣтъ придутъ къ соглашенію, пройдетъ не одинъ мѣсяцъ. А что же будетъ въ теченіе этого времени съ мѣрой, принятой въ силу ст. 87-ой? Благодаря неясности закона, министерство не безъ основанія можетъ утверждать, что на это время дѣйствіе означенной мѣры не пріостанавливается. Она, слѣдовательно, продолжаетъ вносить сумятицу въ жизнь и подрывать условія осуществленія того земельнаго плана, который составленъ оппозиціей. Пока Государственный Совѣтъ съ Думой будутъ препираться, Думу можно распустить. Мѣра, принятая въ порядкѣ ст. 87-ой, вновь продолжаетъ дѣйствовать и во время выборовъ, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ созыва третьей Думы. Въ концѣ-концовъ, третьей Думѣ придется считаться съ совершившимся фактомъ и такъ или иначе приноровиться къ самодержавному министерскому законодательству, дабы не нарушать пріобрѣтенныхъ правъ... Таковъ былъ разсчетъ, неосторожно выданный *Россіей*. Этому плану, какъ при Думѣ управлять путемъ мѣропріятій, проведенныхъ помимо Думы, нельзя отказать въ извѣстномъ остроуміи. Кромѣ укрѣпленія самодержавнаго законодательства, планъ этотъ доставлялъ и другое удобство: онъ дозволялъ дискредитировать Думу, указывать на безплодность ея работъ и прятаться за спину полу-бюрократическаго Государственнаго Совѣта. Когда министерство собирается бороться съ Думой при помощи такихъ іезуитскихъ пріемовъ, нѣсколько странно твердить: берегите Думу! Да развѣ отъ народныхъ представителей зависитъ судьба рѣчь ее!

На народныхъ представителяхъ, на всемъ интеллигентномъ обществѣ лежитъ другая задача, болѣе важная, болѣе серьезная, да и болѣе ис

нимая. Надо и въ Думѣ и внѣ Думы беречься провокаціи. Въ Думѣ правые открыто говорятъ, что считаютъ своей задачей «ставить кадетамъ ловушки», и на кадетахъ лежитъ обязанность не только не попадаться въ эти ловушки, но и пронести съ собой конституціонную идею, не скомпрометировавъ ее ни вынужденнымъ, лицемѣрнымъ раболѣпіемъ, ни неискреннимъ и безпринципнымъ заигрываніемъ съ интеллигентскимъ революціонаризмомъ.

Внѣ Думы, на улицѣ провокаціи приходится бояться еще больше, чѣмъ въ залѣ Таврическаго дворца. Есть основанія предполагать, что въ умахъ нѣкоторыхъ господъ, считающихъ себя «государственными людьми», зрѣетъ планъ опять «вскрыть нарывъ», какъ его вскрывали въ Москвѣ въ декабрѣ 1905 года, вызвать буржуазную реакцію, пробудивъ въ среднемъ городскомъ населеніи настоящій страхъ передъ революціей. «Революція еще не ушибла, какъ слѣдуетъ, нашей буржуазіи»—такъ объяснилъ вождь «Союза 17 октября» А. И. Гучковъ свой провалъ на выборахъ. Отсюда до мысли о томъ, что необходимо содѣйствовать такому проясненію сознанія—одинъ шагъ. Вызвать революціонный или яко бы революціонный взрывъ у насъ не составляетъ никакого труда. Стоитъ только «освободить» нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, что при настроеніи предпринимателей, съ одной стороны, и при верховенствѣ большевиковъ въ рабочей средѣ, съ другой,—особаго труда не представляетъ. Одновременно можно легко добиться и прекращенія занятій въ учебныхъ заведеніяхъ. Образовавшійся, такимъ образомъ, «матеріалъ» нетрудно обработать въ теченіе одной недѣли, предоставляя ему видимую свободу дѣйствій, искусно демонстрируя мнимое безсиліе власти и пробуждая въ молодыхъ, горячихъ головахъ иллюзію собственной силы... Когда все это подготовлено, малѣйшій пустячный поводъ можетъ послужить прологомъ къ ужасной, кровавой трагедіи... Берегите отъ нея молодежь и рабочихъ!...

Уже около двухъ недѣль существуетъ Государственная Дума, а до сихъ поръ ея составъ не выяснился окончательно, не опредѣлилось, возможно ли разсчитывать въ Думѣ на образованіе центральнаго большинства. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ и судьба самой Думы. Если пароль «берегите Думу!» имѣетъ какое-либо реальное содержаніе, то оно сводится только къ мысли возможно скорѣе сорганизовать этотъ центръ, далекій какъ отъ бюрократическаго самодержавія, такъ и отъ революціонной диктатуры.

Насколько можно судить по даннымъ, имѣющимся до 1 марта, партійный составъ Думы рисуется въ такихъ главныхъ чертахъ. Партія «народной свободы» насчитываетъ 97 членовъ (изъ нихъ человѣкъ семь пока не офиціально во фракцію не записались, хотя и посѣщаютъ всѣ засѣданія), въ трудовой группѣ записанныхъ членовъ 58, въ соединившемся съ нею крестьянскомъ союзѣ—14. Около 15—20 крестьянъ посѣщаютъ и правую группу и другія организаціи, не исключая и правыхъ. Это, такъ

называемые, чистые лѣвые безпартійные. Парламентская фракція соціалистовъ-революціонеровъ, по словамъ органа этой партіи «Благо Народа», просуществовавшаго только одинъ день, насчитываетъ 38 членовъ, въ томъ числѣ 6 «сочувствующихъ». Народныхъ соціалистовъ считается 13. Соціалъ-демократы утверждаютъ, что въ ихъ группѣ 52 депутата, но чисто партійныхъ товарищей едва ли наберется болѣе 35, остальные «примыкаютъ». Численность польскаго кола съ сочувствующими ему поляками изъ другихъ губерній доходитъ до 45. Наконецъ, мусульманская группа, если выключить изъ нея депутатовъ, входящихъ въ другія партіи, объемлетъ депутатовъ 20—25. Таковъ составъ оппозиціи. Что касается правой, то сила ея огуломъ опредѣляется во сто депутатовъ. Но составъ этой «правой» очень разнообразенъ. Настоящихъ форменныхъ черносотенцевъ, какъ утверждаютъ, не болѣе 30. Партійныхъ октябристовъ человѣкъ 26, остальные 50 правыхъ, изъ которыхъ большинство—крестьяне, являются правыми — безпартійными съ несомнѣннымъ тяготѣніемъ по нѣкоторымъ пунктамъ къ прогрессивному центру. Повторяемъ, приведенныя нами цифры ни въ коемъ случаѣ не могутъ претендовать на точность. Это—только приблизительныя, а по отношенію къ правымъ даже гадательныя величины. Но для общихъ грубыхъ выводовъ годятся и онѣ.

Для того чтобы думскій центръ могъ дѣйствовать смѣло и увѣренно, не боясь случайностей и постоянныхъ колебаній, онъ долженъ насчитывать, по меньшей мѣрѣ, 250 человѣкъ. Изъ приведенныхъ выше цифръ явствуетъ съ математической достовѣрностью, что *для творческой работы* въ Думѣ никакого большинства помимо партіи «народной свободы» образовать нельзя. Правые, соединяясь съ лѣвыми, могутъ проваливать предложенія кадетовъ, но, конечно, нелѣпо думать, что такой противоестественный союзъ можетъ что-либо создать. Естественный думскій центръ составляютъ кадеты (97) съ примыкающими къ нимъ мусульманской (25) и польской (45) группами. Но этого блока въ 167 человѣкъ недостаточно для образованія прочнаго большинства. Достаточную опору онъ можетъ получить или слѣва, если трудовики, крестьянскій союзъ и поддерживающіе ихъ крестьяне рѣшатся отколоться отъ крайнихъ лѣвыхъ, или справа, если октябристы и умѣренные безпартійные крестьяне отдѣлятся отъ черносотенцевъ. Возможны, конечно, и промежуточныя, смѣшанныя комбинаціи. Не подлежитъ сомнѣнію одно, что на вождяхъ трудовиковъ лежитъ теперь огромная отвѣтственность. Отъ нихъ, главнымъ образомъ, зависитъ характеръ будущаго думскаго большинства (предполагаемъ, что Дума будетъ существовать). Если трудовики, не боясь интеллигентскихъ нападокъ слѣва, рѣшатся вступить съ партіей «народной свободы» въ прочныя отношенія, характеръ думской работы получитъ рѣзко демократическій и въ то же время дѣловой, практическій характеръ. Будетъ преступленіемъ, если изъ-за доктринерства неотвѣтственныхъ, внѣ Думы стоящихъ руководителей, трудовики откажутся отъ предстоящей имъ почетной роли. Къ сожалѣнію, отсутствіе среди трудовиковъ большого контингента интеллигентныхъ силъ

заставляетъ ихъ прибѣгать очень часто къ услугамъ внѣ-думскихъ теоретиковъ, изъ той породы, которая извѣстна подъ именемъ людей, «лѣвѣе кадетъ» стоящихъ...

Что касается «народныхъ соціалистовъ», то, несмотря на весь ихъ «кадетовидный соціализмъ», на нихъ при построеніи творческаго большинства разсчитывать едва ли возможно. Объясняется это причинами, имѣющими мало общаго съ программами или политической тактикой. Среди группъ лѣвѣе кадетъ стоящихъ народные соціалисты являются самой богатой интеллигентными силами. Въ сравненіи съ кадетами интеллигентные народные соціалисты являются величинами второго порядка. На фонѣ же относительнаго безлюдья крайнихъ лѣвыхъ группъ народные соціалисты могутъ показаться замѣтной фигурой. Партійный разсчетъ заставляетъ ихъ, такимъ образомъ, держаться какъ можно дальше отъ кадетовъ и какъ можно ближе къ крайнимъ лѣвымъ, доставляя послѣднимъ въ нужныя минуты нужныхъ людей. Если сюда прибавить еще спекуляцію на расколъ среди партіи «народной свободы», котораго ждутъ-не дождутся какъ правые, такъ и лѣвые, одинаково желающіе замѣнить физической свалкой конституціонное разрѣшеніе нависшаго надъ Россіей кризиса, то планы народныхъ соціалистовъ выяснятся вполнѣ. Если партія «народной свободы» расколется—мечтаютъ народные соціалисты—«лѣвые кадеты» отойдутъ къ намъ, и мы станемъ господами положенія. Когда при выборахъ президіума большевики строили планы о лишеніи кадетовъ мѣстъ товарища предсѣдателя и секретаря Думы, то всѣ ихъ разсчеты опирались лишь на то, что народные соціалисты «достанутъ нужныхъ интеллигентныхъ людей». Когда обсуждался вопросъ, какъ отвѣтить на декларацію Столыпина, народные соціалисты, ко всеобщему изумленію, выступали рука объ руку съ соціалъ-демократами. Трудовики и даже соціалисты-революціонеры рѣшили отвѣтить молчаніемъ и простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, а народные соціалисты постановили говорить и выразить министерству порицаніе и только по настоянію крестьянъ отказались отъ своего рѣшенія. Разсчетъ, руководившій ими, понятенъ. Кадеты будутъ молчать, почему же народнымъ соціалистамъ, пользуясь этимъ, не пріобрѣсти дешевыхъ лавровъ? Большинства они не составляютъ, рѣшеніе ихъ Думы не свяжетъ, почему же не воспользоваться столь благодарной безотвѣтственной ролью, почему не попытаться пріобрѣсти въ странѣ популярность? На фонѣ кадетскаго молчанія голосъ народныхъ соціалистовъ будетъ раздаваться особенно громко...

Каждое представительное собраніе для плодотворности своихъ работъ должно выдвинуть естественныхъ вождей. Вторая Дума работала еще такъ мало, что не могла выполнить и этой необходимой обязанности. Но все же кое-какія личности уже выдвигаются и какъ будто претендуютъ на званіе вождей, хотя возможно, что черезъ нѣкоторое время, если Дума упрочится приступитъ къ настоящей работѣ, выдвинувшіяся лица должны будутъ уступить мѣста другимъ, болѣе достойнымъ. Соціалъ-демократы, хотя офи-

ціально и не раскололись, но и въ Думѣ представлены двумя фракціями, немногочисленной большевистской съ Алексинскимъ во главѣ, и большей меньшевистской, руководимой Церетели, Джапаридзе и Озолемъ. Среди соціалистовъ-революціонеровъ выдвигаются Горбуновъ, Успенскій, Ширскій и Фокѣевъ. Лидеромъ народныхъ соціалистовъ является какъ будто Волкъ-Карачевскій. Среди трудовиковъ кромѣ Березина и Караваева пока не выдвинулся никто. Лидеры партіи «народной свободы» болѣе или менѣе общеизвѣстны. Октябристы выступаютъ подъ предводительствомъ Капустина. Крайніе правые выдвигаютъ Крупенскаго, Крушевана и гр. Бобринскаго. У польскаго кола есть естественные вожди въ лицѣ Дмовскаго и Новодворскаго. Среди мусульманской группы выдвигается фигура Максютова. Одиноко стоятъ пока М. А. Стаховичъ и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, которые несомнѣнно въ тѣни не останутся. Очень много суетится и хлопочетъ г. Иващенко, организовавшій даже особую народно-конституціонную партію. Въ настоящее время мы еще не рѣшаемся дѣятельность г. Иващенка отнести исключительно къ области думскихъ курьезовъ, но какъ будто дѣло на то похоже...

Въ тотъ самый день, когда въ Таврическомъ дворцѣ чуть-чуть не разразилась катастрофа, петербургское особое объ обществахъ присутствіе спѣшно выполняло возложенную на него еще наканунѣ миссію. Уже трижды разсматривало оно представленный ему для регистраціи уставъ общества подъ названіемъ «партія народной свободы». Трижды указывались формальныя упущенія, которыя согласно указаніямъ и исправлялись. Наконецъ, весь уставъ былъ составленъ точь въ точь такъ, какъ и уставы утвержденныхъ ранѣе «союза 17 октября» и «мирнаго обновленія». Когда формальныя причины были уже исчерпаны, тогда только особое присутствіе обратило вниманіе на существо дѣла и въ четвертый разъ нашло, что общество, о которомъ идетъ рѣчь, ни болѣе ни менѣе, какъ угрожаетъ общественному спокойствію и безопасности.

Какъ передаетъ газета *Рѣчь*, присутствіе нашло, что въ уставѣ наряду съ указаніемъ на желаніе общества добиваться улучшенія положенія трудящихся классовъ «законнымъ порядкомъ», не указано способовъ достиженія другой цѣли, состоящей въ укрѣпленіи и развитіи государственнаго строя на основахъ конституціонныхъ и демократическихъ. Изъ такого «умолчанія» присутствіе вывело, что, «слѣдовательно, уставъ не исключаетъ возможности примѣненія и способовъ незакономѣрныхъ», и что «такимъ образомъ по неопредѣленности способовъ достиженія поставленныхъ обществомъ цѣлей, нельзя не признать общество—угрожающимъ общественному спокойствію и безопасности». На указаніе, что въ § 2 устава способы дѣйствія перечислены исчерпывающимъ образомъ, присутствіе не обратило никакого вниманія... Какъ характеренъ этотъ сравнительно мелкій фактъ для всего режима «азіатскаго лукавства», прочно водворившагося у насъ послѣ роспуска первой Думы!...

Изъ всѣхъ признаковъ, свидѣтельствовавшихъ (до обвала потолковъ) о твердомъ рѣшеніи министерства П. А. Столыпина распустить Думу, отказъ въ легализаціи партіи «народной свободы» мы считаемъ самымъ доказательнымъ. Чѣмъ вызванъ этотъ отказъ? Какая преслѣдуется имъ цѣль? Для думской работы онъ безразличенъ. Думской фракціи партіи «народной свободы» отказъ въ легализаціи ничѣмъ повредить не можетъ. Въ Думѣ П. А. Столыпинъ вынужденъ считаться не только съ соціалъ-демократами, но даже съ соціалистами-революціонерами. Очевидно, отказъ въ легализаціи имѣетъ въ виду только страну и знаменуетъ близость новой избирательной кампаніи. Г. Столыпинъ не желаетъ, чтобы конституціонно-демократическая партія могла укрѣпиться въ странѣ, чтобы на третьихъ выборахъ она предстала передъ страной, какъ легальная общественная сила. Онъ знаетъ, что тогда, несмотря ни на какое административное давленіе, ни октябристы, ни черносотенцы ничего подѣлать не смогутъ.

П. А. Столыпинъ вѣренъ себѣ. Съ прежнею энергіей онъ борется за осуществленіе своей утопіи, за установленіе въ Россіи конституціи руками враговъ этой конституціи и сторонниковъ павшаго самодержавно-бюрократическаго строя. Съ прежнею энергіей онъ отталкиваетъ отъ конституціоннаго строительства единственную крупную истинно-конституціонную силу, подготовленную къ этой роли всей исторіей Россіи. Удивительное невѣжество и еще болѣе удивительное ослѣпленіе! Рѣдкій примѣръ государственнаго дѣятеля, направляющаго всѣ свои усилія не на то, чтобы революціонныя партіи ввести въ лоно мирной общественной борьбы въ предѣлахъ, допускаемыхъ общими государственными законами, а на то, чтобы мирную конституціонную партію непремѣнно толкнуть на революціонный путь, хотя бы насильно, но затащить въ революціонный лагерь! Поистинѣ для этой якобы государственной политики не сыщешь другого названія, кромѣ какъ «провокація». День-изо-дня министерская печать дѣлаетъ то же самое дѣло, что и революціонеры. Какъ тѣ очередную свою задачу видятъ въ томъ, чтобы «толкнуть» партію «народной свободы» влѣво, такъ и министерская печать во что бы то ни стало хочетъ навязать ей ярлыкъ: революціонная. Кадеты-революціонеры—этимъ возгласомъ правительственныя рептиліи прожужжали всѣмъ уши. Проф. Вернадскій неодобрительно отозвался о скороспѣлой казни четырехъ юношей, убившихъ городового—«кадеты науськиваютъ студентовъ убивать полицію»—нагло лжетъ *Россія*. Газета *Рѣчь* высказала нѣсколько вполнѣ основательныхъ сомнѣній въ правильности обыска въ Петербургскомъ политехникумѣ—«кадетская газета защищаетъ храненіе бомбъ въ высшихъ школахъ!» День изо дня министерская печать упражняется въ этой наглой клеветнической травлѣ и, съ бы вторя ей, наперерывъ стараются администраторы, разыскивая и рывая «кадетское жало». Во имя конституціи и во славу ея истребляются ституціоналисты. Какъ и большевики, г. Столыпинъ жаждетъ, чтобы цеты исчезли съ лица Россіи, а поле брани осталось бы только за чер- ми и красными. Тогда при помощи пулеметовъ, по мнѣнію министер-

тія, на которомъ находится россійскій рабочій, большевистская лесть только является общественной отравой и политическимъ преступленіемъ.

Неудивительно, что разъ ступивъ на демагогическую дорогу, большевики вынуждены были главное свое оружіе обратить не на правительство и стоящія за нимъ силы, а на конституціоналистовъ, борющихся за государственную реформу. Уже цитированный нами меньшевикъ Л. Мартовъ произноситъ такой жестокій, но заслуженный приговоръ надъ большевистской политической тактикой. «За ихъ фразами,—пишетъ онъ въ № 48 *Русской Жизни*—«скрывается то жгучее желаніе большевиковъ «скрыть» отъ народа необходимость борьбы съ черной сотней, которое ихъ, — ультрареволюціонеровъ, дѣлаетъ подчасъ прямой помѣхой въ этой борьбѣ. Не народъ избиралъ соціалъ-демократовъ вовсе не для того, чтобы они, ведя односторонне борьбу съ одной изъ фракцій буржуазіи, съ кадетами, тѣмъ облегчали и безъ того въ данный моментъ слишкомъ комфортабельное положеніе реакціи».

Въ политической борьбѣ большевики «облегчаютъ положеніе реакціи»,— вотъ самое страшное обвиненіе противъ сильнѣйшей фракціи нашей соціалъ-демократіи, и высказано оно не «кадетомъ», а очень видномъ дѣятелемъ самой соціалъ-демократической партіи. Вотъ къ чему привели горделивыя мечты стоять въ авангардѣ революціи, «вести» всѣхъ за собою, «толкать» ихъ куда вздумается и проч., и проч. Соціалъ-демократы негодуютъ, почему многіе бывшіе марксисты ушли изъ партіи и обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ и въ прочихъ смертныхъ грѣхахъ. Но вѣрнѣе сказать, что измѣнили не ушедшіе, а измѣнила россійская соціалъ-демократія, обѣщавшая такъ много и давшая лишь фракціонныя дрязги и «безсовѣстную», «демагогическую агитацію», «облегчающую положеніе реакціи». А вѣдь безспорно, что при слабости остальныхъ нашихъ классовъ, при неорганизованности общественныхъ силъ, сорганизованный пролетаріатъ, сознательно поднявшійся на высоту общенаціональной точки зрѣнія, могъ бы сыграть въ Россіи огромную роль, упрочить въ ней конституціонный строй, дать народу свободу. Тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ уже нѣтъ у бюрократіи, такъ мало у буржуазіи,—ихъ могъ бы дать рабочій классъ. Рабочіе реальные политики скоро пріобрѣли бы вліяніе среди крестьянъ и соединенными силами дали бы Россіи свободу. Народъ всегда пошелъ бы за людьми, добывшими для него свободу. Но эти блестящія перспективы были разбиты совмѣстными усиліями «педантовъ» (какъ называетъ Ленинъ Плеханова) и «политикановъ», «демагоговъ» (какъ зоветъ Мартовъ Алексинскаго, Ленина и другихъ).

Указываютъ на меньшевиковъ, какъ на здоровое ядро россійской соціалъ-демократической партіи. Безспорно, меньшевики смѣло критикуютъ въ газетахъ дѣйствія своихъ товарищей по партіи. Не далѣе какъ въ № 49 *Русской Жизни* тактика московской соціалъ-демократіи получила такую характеристику: «Бойкотистскіе комитетчики должны произносить пламенныя рѣчи, вскрывающія «половинчатость и проч.», и писать сокрушитель-

ные нелегальные листки о порокахъ буржуазіи и правительства; а «пролетаріатъ и бѣдное городское населеніе должны слушать рѣчи и кричать «ура!» Читать листки и приходить въ негодованіе. Старая, печальная исторія. Вмѣсто большого живого дѣла—бойкотистская пассивность, вмѣсто широкой самодѣятельности—громкое «ура!» Застарѣлый, мертвенный бойкотизмъ. Безжизненная тактика революціонной фразеологіи и реакціоннаго бездѣйствія». Все это вѣрно и сильно сказано. Но вѣдь это сказано въ газетѣ, читаемой къ тому же только интеллигентами. На улицѣ, на митингахъ, въ рабочей толпѣ меньшевики этого почти не говорятъ и въ дѣйствіи своихъ мыслей не претворяютъ. Вѣдь ни для кого же не секретъ, что большевики терроризируютъ меньшевиковъ однимъ словомъ: «кадетообразный», и страхъ показаться похожимъ на кадета заставляетъ меньшевика забыть все, что онъ говорилъ въ газетѣ, и дѣлать такъ, какъ приказываетъ большевикъ.

Отсюда и безсиліе меньшевиковъ и потеря ими вліянія среди рабочихъ массъ. Быть можетъ, черезъ нѣкоторое время меньшевики и вытѣснятъ большевиковъ, вернутъ себѣ вліяніе на рабочихъ и «оздоровятъ» соціалъ-демократическую партію, но тогда возможность для русскаго рабочаго класса сыграть великую роль общенаціональнаго освободителя отъ самодержавнаго гнета отойдетъ въ область преданій. Рабочій классъ останется только классомъ относительно слабымъ численно, слабымъ культурными и умственными силами...

---

20 февраля открылись засѣданія Государственной Думы, и трагическая тѣнь повисла надъ Россіей. Разсуждая съ точки зрѣнія правительства, *Московскія Вѣдомости,* пожалуй, и правы, когда утверждаютъ, что пока не было Думы, было спокойнѣе. Сколько времени можно было еще просуществовать безъ Думы—это, конечно, вопросъ спорный, но несомнѣнно, что каждый день бездумья былъ днемъ отсрочки разрѣшенія назрѣвавшаго кризиса, а люди слабонервные, не видящіе впереди никакого хорошаго исхода, склонны цѣпляться за каждую отсрочку. Если можно было пробыть безъ Думы семь мѣсяцевъ, то неужели нельзя было потерпѣть еще семь дней, а тамъ еще и еще... вплоть до... новаго Мукдена, новой Цусимы?..

Нельзя не писать о Думѣ, но и трудно писать о ней. Быть можетъ, въ то время, когда читатели *Русской Мысли* получатъ мартовскую книжку въ свои руки, Думы уже не будетъ. Кн. Е. Н. Трубецкой считаетъ толки печати о предстоящемъ роспускѣ Думы вредными. «Внутренняя вѣроподобность самаго факта роспуска Думы,—говоритъ онъ,—и усиленные толки объ этомъ со стороны печати подготовляютъ страну къ этой катастрофѣ, внушаютъ обществу убѣжденіе въ ея неизбѣжности и создаютъ въ кругу правительства атмосферу гипноза, облегчающаго его рѣшимость на этотъ тяжелый, ужасный по своимъ послѣдствіямъ шагъ» (см. № 50 «Рѣчи»). Едва ли взглядъ уважаемаго общественнаго дѣятеля справедливъ. Или иное лицо изъ правительственнаго міра можетъ дѣйствовать подъ

просы, чтобы понять, почему призракъ новаго роспуска Думы неотвязно стоитъ передъ народными представителями и передъ всѣмъ русскимъ обществомъ. Не буду гадать о будущемъ, но думаю, что на основаніи всего предшествующаго изложенія я получаю право придти къ слѣдующему выводу: своими первыми шагами Дума доказала свою сорганизованность и выдержку, иначе говоря—свою жизнеспособность.

Роспускомъ Думы—если таковой произойдетъ—правительство обнаружитъ только лишній разъ всю неискренность своего показного конституціонализма. Правительство боится выказать слабость. О, если бы оно больше заботилось о томъ, чтобы научиться выказывать политическую мудрость!

А. Кизеветтеръ.

Общественное движеніе въ Россіи.

(Замѣтки публициста.)

Окончаніе выборовъ въ Государственную Думу и большевистскій фарсъ, поставленный въ Петербургѣ.—Что могла дать и что дала россійская соціалъ-демократія.—Два лозунга: „берегитеДуму!“ и „берегитесь провокаціи!“—Партійный составъ второй Думы.—Отказъ въ легализаціи партіи „народной свободы“.

Выборы въ Государственную Думу закончились выборами отъ С.-Петербурга, происходившими 17 февраля. А петербургскіе выборы закончились фарсомъ. Въ роли актеровъ, какъ и можно было предполагать, выступили «большевики» со своимъ пророкомъ Г. Алексинскимъ, весьма скоро постигшимъ тайну успѣха политикановъ-карьеристовъ. «Шумимъ, братецъ, шумимъ»—въ этомъ г. Алексинскій съ товарищами усмотрѣлъ альфу и омегу политической дѣятельности и г. Мартовъ въ меньшевистской *Русской Жизни* (№ 48) съ полнымъ основаніемъ заклеймилъ ихъ прозвищемъ «политикановъ». Петербургскіе рабочіе избрали около 260 уполномоченныхъ, которымъ предстояло выбрать 14 выборщиковъ. Среди уполномоченныхъ было около 110 соціалистовъ-революціонеровъ, 104 соціалъ-демократа, остальные—безпартійные. Соціалъ-демократы, у которыхъ слова военно-полевого жаргона никогда не сходятъ съ устъ, рѣшили, что необходимо «дать рѣшительный бой мелкобуржуазной демократіи», подъ которой разумѣлись соціалисты-революціонеры. Когда въ Москвѣ большевики, выступивъ на выборахъ противъ кадетовъ и потерпѣвъ пораженіе, потребовали себѣ все-таки двухъ мѣстъ, они оправдывали свои претензіи ссылкой на процентное отношеніе между городскими избирателями и московскимъ пролетаріатомъ, который въ ихъ представленіи отождествился съ большевиками. Въ Петербургѣ всякіе разговоры о пропорціональности были отброшены. Казалось бы ясно для всѣхъ, что соціалисты-революціонеры, по меньшей мѣрѣ, представляютъ петербургскій пролетаріатъ въ такой же степени, какъ и соціалъ-демократы. По элементарной справедливости изъ 14 выборщиковъ шесть должны были во всякомъ случаѣ принадлежать соціалистамъ-революціонерамъ. Но петербургскіе большевики, перетянувъ на свою сторону часть безпартійныхъ, совершенно забыли рѣчи своихъ

стороны, конституція болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь вошла въ плоть и кровь народа, а съ другой—и монархическій принципъ, и особа монарха составляютъ предметы традиціоннаго культа, настолько неприкосновеннаго, что, несмотря на полную свободу въ Англіи всякихъ политическихъ взглядовъ и мнѣній, почти никто тамъ не объявляетъ себя республиканцемъ. Гораздо большее проявленіе неуваженія къ монархіи можно видѣть въ отрицаніи существующей ея законной формы и въ требованіи уничтоженія «подлой конституціи», какъ не стѣсняясь выражаются разные Крушеваны и К°, стараясь притомъ всѣхъ увѣрить въ своей солидарности съ монархомъ, т.-е., другими словами, наводя на мысль о неискренности подписаннаго монархомъ манифеста. И что вноситъ еще большую смуту и сомнѣніе въ умы—это то, что подобныя мысли находятъ себѣ поддержку въ офиціальныхъ и офиціозныхъ органахъ правительства. Не удивительно, что все это вноситъ въ народное сознаніе такую путаницу, что слово «монархисты» уже и теперь сплошь и къ ряду употребляется какъ синонимъ слова «реакціонеры» и чуть ли не «черносотенцы». Но выигрываетъ ли отъ этого престижъ монархіи?

Отношеніе петербургской публики къ открытію Думы было болѣе сдержанное, чѣмъ въ прошломъ году. Такое настроеніе было, конечно, обусловлено отчасти внутреннимъ, психологическимъ причинамъ: на этотъ разъ не было прежней увѣренности въ томъ, что Дума въ скоромъ времени можетъ дать удовлетвореніе всѣмъ народнымъ желаніямъ. Теперь въ общество проникло сознаніе, что Думѣ предстоитъ долгая и трудная борьба, которая еще неизвѣстно когда и чѣмъ кончится. Впечатлѣніе отъ разгона первой Думы и послѣдовавшаго затѣмъ террора покрыло темнымъ флеромъ прежнія розовыя надежды. Тѣмъ не менѣе оживленіе на улицахъ въ день открытія Думы было не меньше прошлогодняго. Часовъ уже съ 10 утра окрестности Таврическаго дворца были переполнены народомъ. Полиція не пропускала ко дворцу никого, не имѣющаго билета; она пыталась закрыть движеніе и въ близъ лежащихъ улицахъ, но толпа прорвалась черезъ цѣпь. Толпа состояла частію изъ интеллигенціи, учащихся, чиновниковъ, частію изъ рабочихъ и торговцевъ; въ ней было довольно много и офицеровъ, преимущественно артиллеристовъ. Первые депутаты были встрѣчены громкими криками «ура». Рабочіе шумно привѣтствовали депутатовъ соціалъ-демократовъ, отличавшихся красными гвоздиками въ петлицахъ. Слышались также привѣтствія депутатамъ первой Думы: Петрункевичу, Набокову, Винаверу. Проѣздъ депутата въ рясѣ, который былъ ошибочно принятъ за священника Петрова, тоже вызвалъ овацію по его адресу. Слышны были многочисленные возгласы, требовавшіе амнистіи, причемъ бывшіе въ толпѣ офицеры махали фуражками въ знакъ сочувствія. Кареты министровъ встрѣчены были недружелюбными восклицаніями, а иностраннымъ посламъ кричали: «не давайте денегъ безъ Думы!» Нѣкоторые депутаты-рабочіе обращались къ народу съ рѣчами, призывая къ поддержкѣ Думы и народныхъ требованій; изъ толпы слышались отвѣты: «поддержимъ, поддержимъ».

лиція старалась не давать депутатамъ много говорить и оттѣснить ихъ отъ толпы. Но, вообще говоря, утромъ полиція, жандармы и войска, которыхъ было собрано очень много, вели себя сравнительно корректно и избіеній не было. Къ полудню толпа стала расходиться, но въ 4-мъ часу вечера, въ ожиданіи возвращенія депутатовъ изъ Таврическаго дворца, снова возросла до десятковъ тысячъ человѣкъ и снова привѣтствовала проѣзжавшихъ депутатовъ. Часть ея затѣмъ отдѣлилась и пошла съ пѣніемъ и красными флагами къ дому предварительнаго заключенія, гдѣ всѣ обнажили головы и стали пѣть: «Вы жертвою пали». Изъ оконъ дома заключенные посылали свои привѣтствія толпѣ. Въ это время на Литейномъ проспектѣ и на Фурштадтской улицѣ конными жандармами было сдѣлано нѣсколько нападеній на толпу, причемъ жандармы, безъ всякаго видимаго повода, съ криками врѣзались на всемъ скаку и били нагайками, въ результатѣ чего было нѣсколько человѣкъ избитыхъ и израненыхъ. Бывшіе въ толпѣ депутаты пытались остановить избіенія; кое-гдѣ это удавалось, и жандармы поворачивали назадъ, въ другихъ случаяхъ на увѣщанія получались отвѣты: «не твое дѣло» и нагайки продолжали дѣйствовать. Такимъ образомъ полиція и администрація наглядно доказывали петербургскому населенію, что открытіе Думы нисколько не повліяло на ихъ обычный образъ дѣйствій, и это, конечно, еще болѣе укрѣпляло общество въ убѣжденіи, что для измѣненія существующаго положенія вещей потребуется много времени и много энергіи и осторожности. Такой же взглядъ высказанъ былъ и органами печати, отозвавшимися на открытіе Думы. «Государственная Дума,—говорилось въ *Рѣчи*,—открыта безъ того подъема, безъ прежняго одушевленія, которое увѣковѣчило въ исторіи день 27 апрѣля 1906 года. Въ этотъ день улица громко требовала амнистіи, о ней раздались въ Думѣ первыя слова, и формализмъ процедуры посторонился передъ этимъ неудержимымъ напоромъ народныхъ желаній. Теперь старый лозунгъ слабо раздавался на улицѣ и совсѣмъ не прозвучалъ въ Думѣ. Не штурмъ, а правильная осада, не безнадежное требованіе, а систематическое завоеваніе позиціи, занятой сильнымъ врагомъ,—этотъ лозунгъ сталъ теперь общимъ и обѣ стороны готовятся къ встрѣчѣ, заранѣе съ нимъ считаясь». Раньше всего эта встрѣча должна была произойти тотчасъ по провѣркѣ правъ депутатовъ по поводу декларація предсѣдателя совѣта министровъ объ общемъ характерѣ внутренней политики правительства и о вносимыхъ имъ въ Государственную Думу законопроектахъ. Но засѣданія Думы пришлось отложить по совершенно невѣроятному случаю: 2 марта, рано утромъ, когда въ залѣ засѣданій Думы никого не было, въ ней провалился потолокъ, такъ что продолжать тамъ засѣданія сдѣлалось невозможнымъ. Случай этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе во всей Россіи, какъ по громадности бѣдствія, которое могло бы произойти, если бы обвалъ потолка случился нѣсколькими часами позже,—судя по величинѣ произведеннаго разрушенія, несомѣнно, что погибла бы, по крайней мѣрѣ, половина депутатовъ,—такъ и потому, что онъ послужилъ еще новымъ наглядымъ доказательствомъ

Послѣ освобожденія крестьянъ Россія рѣшительно вступила на общеміровой путь развитія, отъ натуральнаго къ денежному и капиталистическому хозяйству. Но соотвѣтствующее ему соціальное разслоеніе совершалось у насъ при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ Европѣ. Нарождавшіеся общественные слои, въ силу множества причинъ, не могли у насъ ни пріобрѣсти столь большой силы, какъ на Западѣ, ни сложиться въ столь прочныя организаціи. Традиціи, игравшія въ Европѣ немалую организаторскую роль, у насъ безслѣдно исчезали при первомъ дуновеніи культуры. Недаромъ глубокій знатокъ русской жизни Щедринъ возмущался ея «киселеобразностью». Ровная, тягучая, безформенная поверхность. Ничего опредѣленнаго, кристаллизованнаго. На эту поверхность сыплются тысячи ударовъ, причиняютъ боль, проводятъ борозды, но послѣднія идутъ не глубоко и черезъ нѣкоторое время все снова приходитъ въ прежній видъ. Киселеобразная масса. Все, что проявляло склонность выкристаллизоваться изъ этой массы, было крайне слабо и всецѣло зависѣло отъ правительства. При нѣкоторомъ усиліи правительства всѣ эти новообразованія не трудно было искоренить, при попустительствѣ—они жили, при покровительствѣ—процвѣтали. Но прочности не было ни тутъ, ни тамъ. Искорененное вчера, сегодня возникало снова, чтобы завтра опять претерпѣть искорененіе. Сказка о бѣломъ бычкѣ—примѣры можно почерпнуть изъ исторіи нашей литературы, земствъ, высшей школы. Жизнь походила только на прозябаніе. А процвѣтаніе исключительно милостью начальства—искажало здоровый ростъ общественныхъ явленій и давало совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ждали (крупная промышленность, господствующая церковь, дворянское хозяйство).

И вдругъ показалось, что среди этой киселеобразной массы выкристаллизовывается одно тѣло, обнаруживающее огромныя потенціальныя силы, способное поднять дѣйствительную борьбу противъ главнаго зла русской жизни, самодержавія, и не только устранить его, но и замѣнить демократическимъ укладомъ жизни, который можетъ развиваться только при наличности живыхъ общественныхъ силъ. Открыли это «тѣло» интеллигенты-марксисты, заимствовавшіе изъ Запада свои основныя идеи и удачно примѣнившіе ихъ къ русской дѣйствительности. Обязанности пѣстуна по отношенію къ новой растущей силѣ взяли на себя соціалъ-демократы. Сила эта была промышленный пролетаріатъ. Техническія и соціальныя условія особенно въ обстановкѣ русской жизни, дѣлали изъ него силу сугубо общественную. Въ то время, какъ обыкновенные обыватели представляли «отдѣльныхъ посѣтителей», сидящихъ по своимъ кельямъ и органически не связанныхъ другъ съ другомъ, рабочіе въ силу уже техническихъ условій производства превращались въ цѣльный организмъ. Они не только работали вмѣстѣ съ другими людьми и приноравливали свою работу къ работѣ товарищей, но и легко вступали со своими сосѣдями въ товарищеское общеніе. Техническая близость порождала общественную. Знакомство съ современнымъ производствомъ, построеннымъ на выводахъ науки, какъ

лѣе тѣмъ достаточныхъ данныхъ для уясненія его дѣйствительныхъ намѣреній. Пользуясь этими данными, можно, конечно, сдѣлать довольно вѣрный переводъ туманно-либеральныхъ фразъ декларацiи на языкъ реальныхъ фактовъ произвола и реакцiи. «Въ странѣ съ установившимся правительственнымъ строемъ,—говорится въ декларацiи,—отдѣльные законопроекты являются въ общемъ укладѣ законодательства естественнымъ выраженiемъ новыхъ назрѣвшихъ потребностей и находятъ себѣ готовое мѣсто въ общей системѣ государственнаго распорядка. Въ такомъ случаѣ, законъ, прошедшiй всѣ стадiи естественнаго созрѣнiя, является настолько усвоеннымъ общественнымъ самосознанiемъ, что задача правительственной защиты его сильно упрощается. Не то, конечно, въ странѣ, находящейся въ перiодѣ постройки, а слѣдовательно и броженiя». Къ числу послѣдняго рода странъ авторъ декларацiи относитъ очевидно, и Россiю. «Тутъ... необходимо связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенiя одной общей мыслью и мысль эту выяснить, положивъ ее въ основанiе всего строительства и защиты ея, поскольку она проявляется въ томъ или другомъ законопроектѣ. Затѣмъ слѣдуетъ войти въ оцѣнку той мысли, которая противополагается мысли законопроектовъ, и добросовѣстно рѣшить, совмѣстима ли она, по мнѣнiю правительства, съ благомъ государства, съ его укрѣпленiемъ и возвеличенiемъ и потому пріемлема ли она. Если это разсужденiе имѣетъ какое-нибудь реальное содержанiе, то оно можетъ значить только то, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ основы государственнаго строя прочно коренятся въ народномъ сознанiи, правительство, при внесенiи каждаго новаго закона не нуждается въ высказыванiи своего общаго profession de foi; въ Россiи же это нужно.—Это, пожалуй, вѣрно, но чѣмъ же обусловлено это различiе? Не тѣмъ ли, что тамъ, въ нерусскихъ странахъ, никто не сомнѣвается ни въ томъ, что всякiй вносимый правительствомъ законъ выражаетъ дѣйствительныя его намѣренiя, ни въ томъ, что эти намѣренiя не могутъ расходиться съ общимъ строемъ законодательства, который въ свою очередь не можетъ не отвѣчать общему стремленiю страны. У насъ же, когда правительство вноситъ какой-нибудь законъ, то ему приходится усиленно доказывать, что оно это дѣлаетъ ради осуществленiя общихъ началъ свободы, права и т. п., а не ради сохраненiя за собой того безконтрольнаго положенiя, какимъ оно пользуется въ настоящее время; и несмотря на всѣ словесныя доказательства мало кто этому вѣритъ, такъ какъ эти доказательства опровергаются ежедневными фактами. И теперь, въ декларацiи, внося въ Думу новые законы, или доказывая необходимость тѣхъ, которые имъ были изданы безъ Думы, правительство принуждено говорить, что въ основу всѣхъ правительственныхъ законопроектовъ положена одна руководящая мысль: «Мысль эта—создать тѣ матерiальныя нормы, въ которыхъ должны воплотиться новыя правоотношенiя, возникающiя изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ пока писаный законъ не опредѣлитъ

номъ значеніи этихъ кассъ. Образовали ли соціалъ-демократы изъ пролетаріата ту крупную общественную силу, которая могла бы стать во главѣ національнаго движенія за освобожденіе и либо на себя взять творческую перестройку стараго государства, либо помочь всякой другой группѣ, способной выполнить эту колоссальную задачу?—Нѣтъ! Какъ увидимъ, съ этой точки зрѣнія соціалъ-демократы совершили и совершаютъ, по признанію наиболѣе благоразумныхъ изъ нихъ, прямое преступленіе.

Вмѣсто широкой организаціи пролетаріата россійскіе соціалъ-демократы создали мелкіе сектантскіе интеллигентскіе кружки съ ихъ обычными недостатками. Нетерпимо замкнувшись въ догму, они отрѣзали себя отъ хода развитія европейской мысли, отъ широкихъ идейныхъ движеній человѣчества. Они не пріумножили и не обогатили Марксова наслѣдства, а превратили его въ безплодный камень. Они оттолкнули отъ себя интеллигенцію, которая массами шла къ нимъ и готова была работать подъ ихъ знаменемъ, если бы оно стало дѣйствительно національнымъ освободительнымъ знаменемъ, объемлющимъ интересы огромнаго большинства народа. Но соціалъ-демократы не только не привлекали къ себѣ этой интеллигенціи, они всячески отталкивали ее отъ себя, клеймили позорными прозвищами, всегда вносили расколъ туда, гдѣ требовалось единство. Мечта о необходимости вездѣ утвердить свое господство, болѣзненное партійное честолюбіе—къ этому въ конечномъ счетѣ и сводятся всѣ «директивы» нашей соціалъ-демократіи. Какъ всегда бываетъ, административные пріемы, примѣняемые «побѣдителями» по отношенію къ «инородцамъ», неизбѣжно переносятся и на самихъ «побѣдителей». Та полемика, которой соціалъ-демократы угощали «инакомыслящихъ», была очень скоро импортирована и внутрь самой партіи. Ожесточенная борьба самолюбій и честолюбій, инквизиціонный сыскъ, грубая ругань, «демагогическая травля»—все это было перенесено во внутреннія партійныя «товарищескія» отношенія. «Ни въ какой другой рабочей партіи,—пишетъ меньшевикъ Л. Мартовъ по поводу работы Алексинскаго и его друзей,—не была бы возможна такая дезорганизаторская работа нѣсколькихъ политикановъ, словно задавшихся цѣлью помѣшать работѣ избранниковъ пролетаріата путемъ внесенія въ малосознательныя массы яда темныхъ намековъ и заподозриваній».

Отогнавъ отъ себя интеллигенцію, наши партійные соціалъ-демократы начали отпугивать и рабочихъ, какъ «сознательныхъ», такъ и «безсознательныхъ». Споры меньшевиковъ съ большевиками, ведущіеся вдобавокъ на какомъ-то русско-нѣмецкомъ, для рабочихъ совершенно непонятномъ жаргонѣ, не могли, конечно, удовлетворить умственные запросы массъ. А между тѣмъ на эти споры и уходили главныя силы соціалъ-демократовъ. Гдѣ тутъ было думать о воспитательной, организаторской работѣ среди рабочихъ массъ, о дѣйствительномъ, не митинговомъ, прояснѣніи ихъ сознанія, о внимательномъ отношеніи къ ихъ средѣ съ цѣлью выдѣленія изъ нея лучшихъ, способнѣйшихъ? Когда надо было воздѣйствовать на массы, примѣнялись болѣе упрощенные и легкіе пріемы, пріемы демагоги

чество. Самая грубая лесть толпѣ, восхваленіе и преклоненіе передъ ея физической силой, ложь и клевета по адресу противниковъ, ничѣмъ не отличающаяся отъ черносотенной лжи,—такими средствами большевики, когда надо было, добивались временнаго успѣха среди массъ и срывали аплодисменты разгорячившейся толпы. Болѣе культурные меньшевики, не находившіе въ себѣ силъ для примѣненія «безсовѣстныхъ пріемовъ борьбы» (выраженіе Л. Мартова), были отстранены и лишились воздѣйствія на массы. Аплодисменты пожинали только большевики.

Что поражаетъ наблюдателя въ средѣ петербургскихъ рабочихъ—это сочетаніе самаго крайняго революціоннаго экстаза съ пьянымъ хулиганствомъ. Идетъ по улицѣ рабочій, горланитъ рабочую марсельезу и тутъ же вперемежку изрыгаетъ самую отвратительную матерную брань. И это не единичные факты, это—чрезвычайно распространенное явленіе, опасный симптомъ вырожденія, некультурности рабочихъ массъ. Борются ли съ рабочимъ пьянствомъ соціалъ-демократы, осмѣливаются ли соціалъ-демократы на рабочихъ собраніяхъ указывать на эту язву, разъѣдающую русскій рабочій классъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. А между тѣмъ, изъ рабочихъ кварталовъ, отъ женъ рабочихъ несутся вопли отчаянія. «Сильно развившійся за послѣднее время алкоголизмъ среди рабочихъ за Невской заставой,—пишутъ въ № 5 соц.-дем. *Новаго Луча*,—принимаетъ ужасающій характеръ, ставя семейства въ концѣ испившихся рабочихъ въ крайне тяжелое положеніе. Семьи пропившихъ послѣдніе гроши отцовъ принуждены по цѣлымъ днямъ сидѣть безъ куска хлѣба... Женамъ приходится закладывать, а то и продавать послѣднее одѣяло... По этому поводу 21 февраля за Невской заставой состоялся митингъ женъ рабочихъ. Послѣ цѣлаго ряда обличительныхъ рѣчей, съ безпощадной рѣзкостью раскрывшихъ тяжелое положеніе семей рабочихъ-алкоголиковъ, собраніе единогласно постановило выработать адресъ для преподнесенія его народнымъ представителямъ; въ адресѣ, указавъ на громадное зло, причиняемое алкоголемъ, просить о закрытіи винныхъ лавокъ за Невской заставой, а пока рѣшено обратиться ко всѣмъ вліятельнымъ сознательнымъ рабочимъ съ просьбой помочь несчастнымъ семействамъ тѣмъ, что произведя свое авторитетное давленіе на товарищей, удержать ихъ отъ пьянства. На-ряду съ этимъ рѣшено также обратиться къ администраціямъ фабрикъ и заводовъ съ просьбой заработокъ мужей-алкоголиковъ выдавать женамъ на руки». Должны ли соціалъ-демократы, выдающіе себя за единственныхъ представителей рабочаго класса, придти въ этомъ дѣлѣ на помощь несчастнымъ женщинамъ и хотя бы растолковать имъ, что закрытіе и открытіе винныхъ лавокъ за Невской заставой зависитъ не отъ Государственной Думы? Но соціалъ-демократы вмѣсто того, чтобы обращать вниманіе пролетаріата на разъѣдающія его язвы, предпочитаютъ до одури толковать ему о его дѣлѣ, превосходствѣ надъ всѣми остальными людьми, о его призваніи къ диктатурѣ надъ всѣмъ обществомъ. При томъ уровнѣ культурнаго разви-

тія, на которомъ находится россійскій рабочій, большевистская лесть только является общественной отравой и политическимъ преступленіемъ.

Неудивительно, что разъ ступивъ на демагогическую дорогу, большевики вынуждены были главное свое оружіе обратить не на правительство и стоящія за нимъ силы, а на конституціоналистовъ, борющихся за государственную реформу. Уже цитированный нами меньшевикъ Л. Мартовъ произноситъ такой жестокій, но заслуженный приговоръ надъ большевистской политической тактикой. «За ихъ фразами,—пишетъ онъ въ № 48 *Русской Жизни*—«скрывается то жгучее желаніе большевиковъ «скрыть» отъ народа необходимость борьбы съ черной сотней, которое ихъ, — ультрареволюціонеровъ, дѣлаетъ подчасъ прямой помѣхой въ этой борьбѣ. Но народъ избиралъ соціалъ-демократовъ вовсе не для того, чтобы они, ведя односторонне борьбу съ одной изъ фракцій буржуазіи, съ кадетами, тѣмъ облегчали и безъ того въ данный моментъ слишкомъ комфортабельное положеніе реакціи».

Въ политической борьбѣ большевики «облегчаютъ положеніе реакціи»,— вотъ самое страшное обвиненіе противъ сильнѣйшей фракціи нашей соціалъ-демократіи, и высказано оно не «кадетомъ», а очень виднымъ дѣятелемъ самой соціалъ-демократической партіи. Вотъ къ чему привели горделивыя мечты стоять въ авангардѣ революціи, «вести» всѣхъ за собою, «толкать» ихъ куда вздумается и проч., и проч. Соціалъ-демократы негодуютъ, почему многіе бывшіе марксисты ушли изъ партіи и обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ и въ прочихъ смертныхъ грѣхахъ. Но вѣрнѣе сказать, что измѣнили не ушедшіе, а измѣнила россійская соціалъ-демократія, обѣщавшая такъ много и давшая лишь фракціонныя дрязги и «безсовѣстную», «демагогическую агитацію», «облегчающую положеніе реакціи». А вѣдь безспорно, что при слабости остальныхъ нашихъ классовъ, при неорганизованности общественныхъ силъ, сорганизованный пролетаріатъ, сознательно поднявшійся на высоту общенаціональной точки зрѣнія, могъ бы сыграть въ Россіи огромную роль, упрочить въ ней конституціонный строй, дать народу свободу. Тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ уже нѣтъ у бюрократіи, такъ мало у буржуазіи,—ихъ могъ бы дать рабочій классъ. Рабочіе реальные политики скоро пріобрѣли бы вліяніе среди крестьянъ и соединенными силами дали бы Россіи свободу. Народъ всегда пошелъ бы за людьми, добывшими для него свободу. Но эти блестящія перспективы были разбиты совмѣстными усиліями «педантовъ» (какъ называетъ Ленинъ Плеханова) и «политикановъ», «демагоговъ» (какъ зоветъ Мартовъ Алексинскаго, Ленина и другихъ).

Указываютъ на меньшевиковъ, какъ на здоровое ядро россійской соціалъ-демократической партіи. Безспорно, меньшевики смѣло критикуютъ въ газетахъ дѣйствія своихъ товарищей по партіи. Не далѣе какъ въ № 49 *Русской Жизни* тактика московской соціалъ-демократіи получила такую характеристику: «Бойкотистскіе комитетчики должны произносить пламенныя рѣчи, вскрывающія «половинчатость и проч.», и писать сокрушитель-

ные нелегальные листки о порокахъ буржуазіи и правительства; а «пролетаріатъ и бѣдное городское населеніе должны слушать рѣчи и кричать «ура!» Читать листки и приходить въ негодованіе. Старая, печальная исторія. Вмѣсто большого живого дѣла—бойкотистская пассивность, вмѣсто широкой самодѣятельности—громкое «ура!» Застарѣлый, мертвенный бойкотизмъ. Безжизненная тактика революціонной фразеологіи и реакціоннаго бездѣйствія». Все это вѣрно и сильно сказано. Но вѣдь это сказано въ газетѣ, читаемой къ тому же только интеллигентами. На улицѣ, на митингахъ, въ рабочей толпѣ меньшевики этого почти не говорятъ и въ дѣйствія своихъ мыслей не претворяютъ. Вѣдь ни для кого же не секретъ, что большевики терроризируютъ меньшевиковъ однимъ словомъ: «кадетообразный», и страхъ показаться похожимъ на кадета заставляетъ меньшевика забыть все, что онъ говорилъ въ газетѣ, и дѣлать такъ, какъ приказываетъ большевикъ.

Отсюда и безсиліе меньшевиковъ и потеря ими вліянія среди рабочихъ массъ. Быть можетъ, черезъ нѣкоторое время меньшевики и вытѣснятъ большевиковъ, вернутъ себѣ вліяніе на рабочихъ и «оздоровятъ» соціалъ-демократическую партію, но тогда возможность для русскаго рабочаго класса сыграть великую роль общенаціональнаго освободителя отъ самодержавнаго гнета отойдетъ въ область преданій. Рабочій классъ останется только классомъ относительно слабымъ численно, слабымъ культурными и умственными силами...

---

20 февраля открылись засѣданія Государственной Думы, и трагическая тѣнь повисла надъ Россіей. Разсуждая съ точки зрѣнія правительства, *Московскія Вѣдомости,* пожалуй, и правы, когда утверждаютъ, что пока не было Думы, было спокойнѣе. Сколько времени можно было еще просуществовать безъ Думы—это, конечно, вопросъ спорный, но несомнѣнно, что каждый день бездумья былъ днемъ отсрочки разрѣшенія назрѣвавшаго кризиса, а люди слабонервные, не видящіе впереди никакого хорошаго исхода, склонны цѣпляться за каждую отсрочку. Если можно было пробыть безъ Думы семь мѣсяцевъ, то неужели нельзя было потерпѣть еще семь дней, а тамъ еще и еще... вплоть до... новаго Мукдена, новой Цусимы?..

Нельзя не писать о Думѣ, но и трудно писать о ней. Быть можетъ, въ то время, когда читатели *Русской Мысли* получатъ мартовскую книжку въ свои руки, Думы уже не будетъ. Кн. Е. Н. Трубецкой считаетъ толки печати о предстоящемъ роспускѣ Думы вредными. «Внутренняя вѣроподобность самаго факта роспуска Думы,—говоритъ онъ,—и усиленіе толки объ этомъ со стороны печати подготовляютъ страну къ этой катастрофѣ, внушаютъ обществу убѣжденіе въ ея неизбѣжности и создаютъ вокругъ правительства атмосферу гипноза, облегчающаго его рѣшимость сдѣлать этотъ тяжелый, ужасный по своимъ послѣдствіямъ шагъ» (см. № 50 *Руси*). Едва ли взглядъ уважаемаго общественнаго дѣятеля справедливъ. Или иное лицо изъ правительственнаго міра можетъ дѣйствовать подъ

Царя» значитъ sit pro ratione voluntas, то ни о какихъ доказательствахъ, ни о какомъ обсужденіи и говорить нечего. Но въ такомъ случаѣ для чего же и вносить такіе законы въ Думу, для чего же и сама 87 ст. основныхъ законовъ, изданныхъ тоже съ согласія и отъ имени Царя и требующая внесенія такого рода законовъ на обсужденіе Думы? Такимъ образомъ, подобныя указанія являются не только противоконституціонными, дѣлая изъ особы безотвѣтственнаго монарха щитъ для покрытія отвѣтственности правительства, но и противологичными, ставя законодателя какъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Наконецъ, третья часть декларація заключаетъ въ себѣ перечисленіе законопроектовъ, вносимыхъ въ обыкновенномъ порядкѣ въ Думу различными министерствами. Перечисленіе это довольно бѣглое и не всегда даетъ вполнѣ ясное представленіе о содержаніи всѣхъ этихъ законопроектовъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ число вносимыхъ законопроектовъ очень велико. Нѣкоторыя иностранныя газеты видятъ въ этомъ изобиліи проектовъ поводъ сомнѣваться въ серьезномъ отношеніи къ нимъ правительства. «Русское правительство,—говоритъ, наприм., *Berliner Tageblatt*,—хочетъ многаго сразу и тѣмъ заранѣе возбуждаетъ противъ себя подозрѣніе, что оно ничего не хочетъ въ серьезъ... Личность должна быть неприкосновенна, административныя ссылки должны быть упразднены, юстиція должна быть переформирована... Все это звучитъ хорошо, но это пустой звукъ. Это знаетъ самъ Столыпинъ; то же знаетъ и Дума». *Frankfurter Zeitung* говоритъ, что всѣ обѣщанія декларація слишкомъ неопредѣленны и что, «несмотря на словоохотливость правительства и длину его декларація, въ ней совсѣмъ не упоминается объ очень важныхъ вопросахъ, которые глубоко волнуютъ всѣ русскія партіи и народъ. Ни слова не говорится ни о полевыхъ судахъ, ни объ амнистіи, ни объ автономіи окраинъ, ни объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ другими жителями Имперіи». Еще бо́льшее недовѣріе къ намѣреніямъ правительства высказываетъ лондонская *Daily News*. «Эта рѣчь,—говоритъ она о декларація,—была предназначена не столько для Думы, сколько для Европы. Она изобразила русское правительство какой-то благодѣтельной силой, охваченной лихорадочнымъ стремленіемъ къ реформамъ. Зрѣлище красивое для тѣхъ, кто можетъ забывать факты,—но пустой миражъ для того, кто помнитъ ужасную исторію послѣднихъ двухъ лѣтъ, съ ея разстрѣлами и юридическими убійствами, съ ея предательствами, кровавымъ воскресеньемъ и военными судами, съ ея созывомъ и роспускомъ Думы». Такъ судятъ о заявленіи правительства и о значеніи этого заявленія безпристрастные наблюдатели со стороны. Мы поэтому не будемъ перечислять упомянутые въ декларація законопроекты. О нихъ будетъ время говорить тогда, когда будутъ какіе-нибудь шансы на возможность серьезнаго и всесторонняго разсмотрѣнія ихъ Думой и проведенія разсмотрѣнныхъ ею проектовъ въ жизнь.

Декларація была встрѣчена молчаніемъ большинства Думы. Только со-

депутатамъ стоило огромнаго труда убѣдить крестьянъ въ томъ, что паденіе потолка обусловливается случайностью, небрежностью строителей, но не преступленіемъ. «Толкуйте,—возражали крестьяне, скептически покачивая головой,—а почему надъ министрами потолокъ не обрушился, изъ другого, онъ, что ли, матеріала? сами видимъ, что одинаковъ?» Сѣмена недовѣрія къ чиновничеству, да и къ господамъ вообще, щедро посѣянныя въ крестьянской душѣ, дали пышный плодъ въ роковой моментъ этой тяжелой случайности.

Понятно поэтому, что такое стеченіе обстоятельствъ могло временно спутать карты и помѣшать планамъ, быть можетъ, вполнѣ обдуманнымъ и надлежаще обставленнымъ. Но вѣдь это только отсрочка. Вопросъ о судьбѣ Думы есть въ концѣ-концовъ вопросъ общественной силы, причемъ въ составъ послѣдней мы вводимъ не только физическіе, но и моральные элементы. Въ настоящее время—и это надо безбоязненно признать—перевѣсъ силы на сторонѣ правительства, и судьба Думы, болѣе или менѣе долгое ея существованіе зависитъ всецѣло отъ воли министерства П. А. Столыпина. Поэтому мы не можемъ сочувственно отнестись къ тому кличу «берегите Думу!», которымъ встрѣчала печать каждый шагъ Думы. Беречь надо было и надо конституціонную идею, идею о Думѣ, развивать и упрочивать въ массахъ представленіе о ней, какъ о единственномъ мирномъ способѣ общественной борьбы. Но беречь самое вторую Думу—это задача непосильная ни для всей Думы, ни для отдѣльныхъ ея членовъ. Вѣдь предлагали же нѣкоторые реакціонеры разогнать Думу за одно то, что она не встала по приказу бессарабскаго помѣщика Крупенскаго... Развѣ есть какая-либо возможность предусмотрѣть, за что именно П. А. Столыпинъ захочетъ распустить оппозиціонную Думу? Въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ различать поводъ и причину...

И министерство П. А. Столыпина соглашалось нѣкоторое время терпѣть «лѣвую Думу», но на одномъ условіи, чтобы она не портила работы министерства, въ особенности главной ея части, той, которая касается земельнаго вопроса, мѣръ, принятыхъ для спасенія дворянскаго и крупнаго землевладѣнія. Обнаружилось это, благодаря неумѣлости министерской газеты *Россіи*. Уже вскорѣ послѣ собранія Думы *Россія* выступила съ ультиматумомъ по адресу народныхъ представителей. Газета заявляла, что если Дума отвергнетъ en bloc министерскіе земельные законы, изданные въ силу ст. 87-ой «основныхъ законовъ», то этимъ она докажетъ свою неработоспособность и, слѣдовательно, будетъ подлежать разгону. Газета лкодушно предоставляла дѣлать депутатамъ, какія они хотятъ, поправки, отверженія этихъ законовъ не допускала. Впослѣдствіи, заметая слѣды, ссія пыталась увѣрить, будто она возставала противъ отверженія законъ «безъ всякаго разсмотрѣнія». Но это, во-первыхъ, фактическая неъда, во-вторыхъ, безсмыслица, ибо газета отлично знала, что Дума грается предварительно подвергнуть министерскіе законы жестокой кри- и только затѣмъ отвергнуть ихъ. Газета ясно и опредѣленно пре-

работа Думы,—дѣло не серьезное; напротивъ даже и эта организаціонная цѣль по мнѣнію этихъ партій лучше всего достигается не деклараціями и воззваніями, а именно законодательной работой Думы, для которой народъ послалъ въ нее своихъ представителей и которая лучше всякихъ воззваній способна сосредоточить вокругъ себя сочувствіе народныхъ массъ и уяснить имъ на реальныхъ примѣрахъ разницу отношенія къ его интересамъ правительства и разныхъ общественныхъ слоевъ и партій.

Какъ бы то ни было, выступленіе соціалъ-демократовъ вызвало цѣлую бурю со стороны правыхъ. Еще во время рѣчи Церетели оттуда слышались крики: «ложь» и требованія прекращенія рѣчи. Послѣ окончанія ея и слѣдовавшихъ за ней нѣсколькихъ рѣчей другихъ представителей той же партіи, не отличавшихся ни большой содержательностью, ни внѣшней эффектностью, правые излили весь свой запасъ черносотенныхъ заявленій, изъ которыхъ большая часть несомнѣнно была разсчитана на скандалъ и на то, чтобы раздразнить Думу и заставить ее выйти изъ своей сдержанности. Цѣль эта однако не была достигнута. Большинство Думы продолжало молчать.

Наконецъ, послѣ внесенія членами лѣвыхъ партій, кромѣ с.-д., предложеній о простомъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, снова выступилъ съ рѣчью премьеръ-министръ. На этотъ разъ онъ, повидимому, не выдержалъ того безстрастнаго тона, какой имѣло чтеніе декларацій. Поэтому рѣчь его вышла гораздо откровеннѣе и хотя она была обращена какъ будто преимущественно къ тѣмъ партіямъ, представителемъ которой явился Церетели, но изъ нея вытекало ясно то общее заключеніе, обращенное ко всей Думѣ, что правительство считаетъ себя полнымъ хозяиномъ положенія и, становясь подъ защиту имени Монарха, вовсе не видитъ надобности считаться съ мнѣніемъ народнаго представительства: «Я утверждаю, что Государственной Думѣ волею монарха не дано права выражать правительству неодобренія, порицанія или недовѣрія». Я долженъ сказать, и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ волею Монарха нѣтъ ни суда, ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (скамьи министровъ)—не скамьи подсудимыхъ; это мѣста правительства». Невозможно лучше и энергичнѣе выразить мысль о своей безотвѣтственности. И если ораторъ тутъ же говорилъ о томъ, что правительство не бѣжитъ отъ отвѣтственности, то тотчасъ же пояснилъ, что это отвѣтственность... передъ исторіей. Сказавши далѣе, что правительство ничего не имѣетъ противъ разоблаченія злоупотребленій, но что оно иначе должно относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе, ораторъ закончилъ эффектной фразой: «этими нападками разсчитываютъ на то, чтобы вызвать у правительства, у власти, параличъ воли и мысли; всѣ они сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: «руки вверхъ». На эти слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты можетъ отвѣтить тоже двумя словами: «не запугаете!»—Эт

уже не любезное заявленіе о готовности къ совмѣстной работѣ. Это окрикъ человѣка, увѣреннаго въ своей силѣ и въ безсиліи тѣхъ, по адресу кого направленъ этотъ окрикъ. Представитель правительства становится въ боевую позу и прямо заявляетъ, что никакія противорѣчія и неодобренія не заставятъ его сойти съ того пути, которымъ оно продолжаетъ идти. Вѣрное своей установленной раньше тактикѣ, большинство Думы оставило безъ отвѣта этотъ боевой выпадъ, такъ что послѣднее слово въ засѣданіи осталось за премьеръ-министромъ. Въ обществѣ и въ литературѣ было потомъ много разговоровъ по поводу этого засѣданія. Кто оказался побѣдителемъ на этомъ словесномъ турнирѣ? Какое въ окончательномъ результатѣ долженъ онъ былъ произвести впечатлѣніе на общество? Кто, наконецъ, былъ болѣе правъ въ своей тактикѣ: соціалъ-демократы, выступившіе одни, безъ поддержки другихъ лѣвыхъ партій, или эти партіи, оставшіяся, несмотря ни на что, при своемъ обѣтѣ молчанія? Если смотрѣть на Думскіе дебаты 6 марта лишь съ внѣшней стороны, то можно, пожалуй, признать, что побѣда осталась на сторонѣ Столыпина и правыхъ. Таково, вѣроятно, будетъ впечатлѣніе той части публики, которая ищетъ по преимуществу внѣшнихъ эффектовъ и которая смотритъ на Думу, какъ на арену, на которой происходитъ борьба болѣе или менѣе сильныхъ и ловкихъ борцовъ. Въ этомъ смыслѣ соціалъ-демократы не проявили особенныхъ ораторскихъ талантовъ, тогда какъ рѣчь Столыпина, говорятъ, была въ самомъ дѣлѣ эффектна. И если бы цѣлью выступленія соціалъ-демократовъ былъ только ораторскій тріумфъ, то конечно такое выступленіе съ недостаточными силами и безъ надежды на дѣятельную поддержку большинства Думы слѣдовало бы признать неудачнымъ. Но если смотрѣть на сущность дѣла, отбросивъ заботу объ эффектахъ, и если съ этой точки зрѣнія оцѣнивать результаты засѣданія 6 марта и какъ оно должно отразиться на народномъ пониманіи взаимоотношеній правительства и Думы, то нельзя не сказать, что въ этомъ отношеніи засѣданіе 6 марта принесло свою долю пользы. Правительство сбросило свою маску, и въ народномъ сознаніи еще болѣе должна была уясниться та мысль, что на искреннее, дѣйствительное его сочувствіе и содѣйствіе тѣмъ реформамъ, которыя бы могли удовлетворить народное требованіе «земли и воли», надежды нѣтъ. Съ другой стороны, правительство чувствуетъ себя сильнымъ, его «не запугаешь», не то, что полтора года тому назадъ, и потому нѣтъ вѣроятности, чтобы оно и изъ страха пошло на уступки. Эта оцѣнка правительствомъ своей силы могла бы быть ошибочной, если бы она дѣлалась съ точки зрѣнія прочнаго государственнаго строительства, или хотя бы успѣшной борьбы съ революціонными проявленіями; но она, пожалуй, вѣрна, если дѣло идетъ лишь о силѣ, нужной теперешнему правительству для собственнаго самосохраненія. Въ этомъ смыслѣ оно прочно, а съ нимъ пока проченъ и тотъ порядокъ, который оно поддерживаетъ и который, съ другой стороны, обусловливаетъ эту прочность правительства. Поэтому наиболѣе цѣлесообразной тактикой для Думы является

не быстрое наступленіе, а медленное, постепенное занятіе позицій, которыя должны тотчасъ же укрѣпляться, прежде чѣмъ будетъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ. Многія изъ этихъ позицій не дадутъ, можетъ быть, непосредственнаго удовлетворенія народнымъ нуждамъ, но онѣ дадутъ Думѣ и народу лучшія условія для дальнѣйшаго движенія впередъ. Къ числу такихъ позицій, имѣющихъ не только значеніе непосредственнаго практическаго улучшенія условій народной жизни, но и этапа на пути дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія, относится реформа мѣстнаго самоуправленія, въ особенности реформа земства.

Въ первой Думѣ и въ нынѣшней много разъ высказывалась мысль о необходимости установленія тѣсной связи между центральнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, съ одной стороны, и мѣстными людьми, мѣстной жизнью—съ другой. Говорилось объ этомъ и въ видѣ общаго, принципіальнаго сужденія и въ видѣ прямыхъ, практическихъ предложеній послать въ провинцію особыхъ Думскихъ уполномоченныхъ или устроить на мѣстахъ комитеты, которые бы служили посредниками между Думой и населеніемъ. Возражавшіе противъ этихъ предложеній указывали на формальную незаконность такихъ дѣйствій, имѣющихъ исполнительный характеръ, тогда какъ Дума есть и по закону и по идеѣ своей учрежденіе законодательное. Казалось бы, такими посредствующими звеньями между Думой и населеніемъ естественнѣе всего было бы явиться уже существующимъ и дѣйствующимъ на основаніи закона мѣстнымъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Къ несчастію, въ послѣднее время для этого явились серьезныя препятствія не только формальныя, состоящія въ слишкомъ ограниченной по закону компетенціи земскихъ учрежденій и въ слишкомъ большой зависимости ихъ отъ администраціи, но и внутреннія, обусловленныя составомъ земскихъ собраній, основаннымъ на сословности и высокомъ цензѣ, вслѣдствіе чего земскія собранія получили исключительно дворянскій характеръ и совершенно перестали быть представительствомъ мѣстнаго населенія, далеко отставши въ этомъ отношеніи даже и отъ Думы, несмотря на все несовершенство Думскаго избирательнаго закона и на всѣ стѣснительныя мѣры, принимавшіяся правительствомъ на послѣднихъ выборахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ земство привлекало къ себѣ наиболѣе интеллигентныхъ и энергическихъ общественныхъ дѣятелей, прежде всего, конечно, уже потому, что оно являлось единственнымъ въ то время путемъ для проявленія общественной самодѣятельности. Участіе этихъ людей придало земской работѣ прогрессивное, культурное значеніе. Въ то же время эта работа послужила и для выясненія и группировки различныхъ политическихъ направленій. Извѣстно, что земскіе и земско-городскіе съѣзды были по преимуществу тѣмъ источникомъ, изъ котораго сформировалась первая чисто-конституціонная партія въ Россіи, партія народной свободы занимавшая первенствующее мѣсто въ первой Думѣ и продолжающая играть весьма важную роль и во второй. По существу своего дѣла земство

большинствѣ случаевъ не проявляло сословныхъ или классовыхъ тенденцій и хотя не сближалось съ народомъ, но по своему разумѣнію дѣйствовало на пользу народа. Привлекая на земскую службу врачей и учителей, земство въ значительной мѣрѣ способствовало развитію начальнаго образованія и мѣстной медицины, при чемъ даже можно сказать, что и земскими школами и врачебной помощью пользовались почти исключительно крестьяне, тогда какъ въ расходахъ на нихъ въ значительной мѣрѣ участвовали и другія сословія. Въ настоящее время общее настроеніе земства замѣтно измѣнилось. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго года во многихъ губерніяхъ произведены были новые выборы гласныхъ, при чемъ прежніе либеральные земцы замѣнены были реакціонерами. Отчасти это произошло вслѣдствіе устраненія отъ выборовъ многихъ изъ наиболѣе способныхъ и энергичныхъ земскихъ дѣятелей, по обвиненію ихъ въ подписаніи выборгскаго воззванія или въ силу принадлежности ихъ къ нелегализованнымъ политическимъ партіямъ, отчасти вслѣдствіе общаго усиленія въ земской средѣ политической партійности. Партійныя различія существовали и въ прежнемъ земствѣ, но прежніе земскіе либералы и консерваторы различались другъ отъ друга главнымъ образомъ по своему отношенію къ земскому дѣлу. Либералы стремились къ расширенію дѣятельности земства въ сферѣ народнаго образованія, народнаго здравія и улучшенія экономическихъ условій крестьянства, внося въ земскія смѣты болѣе значительныя ассигновки на эти предметы. Консерваторы же, защищая интересы землевладѣльцевъ и прежде всего свои собственные, старались сокращать всякія земскія ассигновки. Были и другія различія: съ одной стороны, въ отношеніяхъ къ администраціи либералы были меньше угодливы и проявляли больше самостоятельности, не отступая иногда передъ борьбой за права земства, если эти права слишкомъ ужъ нарушались вмѣшательствомъ администраціи, переходившимъ за рамки законности; съ другой стороны, они иначе относились къ такъ называемому «третьему элементу», т.-е. лицамъ, бывшимъ непосредственными исполнителями предначертаній земства: учителямъ, врачамъ и другимъ служащимъ; либеральные земцы признавали ихъ своими товарищами въ земскомъ дѣлѣ, консерваторы считали себя хозяевами и начальствомъ, а ихъ своими подчиненными. Но всѣ эти различія не влекли за собой такой рѣзкой враждебности, которая появилась въ земской средѣ въ послѣднее время, когда въ нее проникла общая партійная политика.

Теперь земцы разныхъ направленій не суть только люди, имѣющіе разные взгляды на общественное дѣло; это суть члены враждебныхъ политическихъ партій, ведущихъ между собою непримиримую борьбу не только сравнительно небольшой аренѣ мѣстныхъ интересовъ, но и на гораздо болѣе широкой общегосударственной аренѣ. Этимъ же по преимуществу объясняется и тотъ фактъ, что въ послѣднее время многія земства, даже можно сказать большая часть ихъ, значительно поправѣли и даже прямо получили реакціонную окраску. Въ сущности составъ земскихъ избирателей

остался почти тотъ же, да и составъ земскихъ собраній не такъ ужъ радикально измѣнился. И раньше преобладающую роль въ земствѣ играло дворянство; но дворянство тогда еще не было напугано движеніемъ, угрожавшимъ его аграрнымъ интересамъ, и не бросалось почти поголовно въ реакцію. Поэтому оно довольно безстрастно относилось къ мелкимъ, безопаснымъ проявленіямъ земскаго либерализма. А такъ какъ на либеральной сторонѣ въ земствѣ находились преимущественно люди болѣе талантливые и работоспособные, то естественно вся активная дѣятельность и въ собраніяхъ, и коммиссіяхъ, и въ земскихъ управахъ выпадала преимущественно на ихъ долю, черезъ что и создавалось совершенно искусственное либеральное направленіе многихъ земствъ. Въ настоящее время эта искусственная иллюзія разсѣялась. Дворянство, въ силу своихъ классовыхъ интересовъ, примкнуло къ реакціоннымъ партіямъ и рѣзко отграничило себя отъ болѣе лѣвыхъ партій, а затѣмъ перенесло это же отношеніе и въ земство, котораго искусственный, а потому и непрочный, либерализмъ замѣнился явно реакціоннымъ настроеніемъ, соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей, обусловленному земской выборной системой, основанной на сословности и высокомъ имущественномъ цензѣ.

Во всѣхъ земствахъ, гдѣ произошла такая перемѣна, результатомъ ея было, кромѣ измѣненія личнаго состава земскихъ управъ, еще сокращеніе расходовъ на всякаго рода культурныя мѣропріятія, закрытіе вслѣдствіе этого такихъ отдѣловъ при управахъ, какъ отдѣлы текущей статистики и внѣшкольнаго образованія, закрытіе также нѣкоторыхъ земскихъ періодическихъ изданій, и въ связи съ этими сокращеніями удаленіе работавшихъ въ этихъ отдѣлахъ лицъ. Наибольшія сокращенія произведены были въ курскомъ губернскомъ земствѣ, гдѣ было удалено около 200 служащихъ. Во многихъ земствахъ главнымъ мотивомъ этихъ сокращеній являлся недостатокъ средствъ, что часто было и справедливо, такъ какъ дѣйствительно финансовое положеніе большинства земствъ въ послѣднее время было очень печально. По нѣкоторымъ уѣздамъ земскіе сборы почти совершенно перестали поступать,—отъ крестьянъ частью вслѣдствіе истощенія средствъ самихъ крестьянъ, частью вслѣдствіе нежеланія ихъ отдавать свои деньги въ распоряженіе людей, которымъ они не вѣрятъ. Крупные землевладѣльцы тоже не платятъ земскихъ сборовъ, такъ что почти повсюду состоящія за ними недоимки превышаютъ даже недоимки, состоящія за крестьянами. Отсутствіе средствъ привело нѣкоторыя земства, какъ, напримѣръ, череповецкое, къ совершенному банкротству, такъ что вызвало постановленіе земскаго собранія о передачѣ земскихъ школъ сельски обществамъ. Помимо внутренней неурядицы, нѣкоторыя земства пострад и отъ произвола администраціи. Напримѣръ, вятскій губернаторъ про велъ полный разгромъ земскихъ учрежденій въ своей губерніи, отлич шейся до сихъ поръ прогрессивнымъ направленіемъ и широкой культурн дѣятельностью своего земства. При такой дезорганизаціи внѣшней и в нней, теперешнее земство не можетъ, конечно, играть сколько-нибь

дѣятельную и живую роль въ общей политической жизни страны; не можетъ оно и явиться той связью между общенароднымъ представительствомъ и мѣстнымъ населеніемъ, въ которой такъ нуждается и то и другое. И тѣмъ болѣе, и съ этой точки зрѣнія, такъ же какъ и въ силу давно уже назрѣвшей потребности привлечь все мѣстное населеніе къ ближайшему участію въ завѣдываніи своими мѣстными дѣлами, необходимо въ самомъ близкомъ будущемъ приступить къ реформѣ земскаго положенія на демократическихъ началахъ. Мысль объ этомъ проникла въ самые широкіе слои населенія и неоднократно высказывалась и на земскихъ собраніяхъ: на требованіе земской реформы крестьянскимъ населеніемъ было указано въ докладѣ управы балахнинскому (Нижегородской губерніи) собранію. Такія же указанія были сдѣланы въ нѣкоторыхъ собраніяхъ Костромской и Владимірской губерній. Скопинское (Рязанской губерніи) собраніе единогласно постановило ходатайствовать о немедленной земской реформѣ на основахъ всесословности и равноправности всѣхъ плательщиковъ земскаго сбора и о сохраненіи правительственнаго надзора надъ земствомъ только со стороны законности его дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что, если дѣятельность Думы не прервется неожиданно, то однимъ изъ первыхъ предметовъ ея обсужденія будетъ реформа мѣстнаго самоуправленія. Изъ министерской декларацiи видно, что правительство вноситъ свой законопроектъ объ учрежденіи мелкой земской единицы, о городской и земской реформѣ и, наконецъ, о реформѣ мѣстнаго губернскаго и уѣзднаго управленія, т.-е. мѣстной администрацiи и полиціи, и объ отношеніи ихъ къ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Въ связи съ этими реформами въ Думу вносятся и законопроекты уставовъ общественнаго призрѣнія, дорожный и продовольственный, врачебный и строительный. Продовольственное дѣло предполагается снова передать въ завѣдываніе земства. Вообще предполагается расширить компетенцію земства какъ въ смыслѣ предоставленія его завѣдыванію бо́льшаго числа предметовъ, такъ и въ смыслѣ бо́льшей его самостоятельности, такъ какъ отношеніе къ нему администрацiи будетъ ограничено надзоромъ за законностью его дѣйствій. Конституціонно-демократическая партія со своей стороны вноситъ въ Думу проектъ земской и городской реформы, согласно которому мѣстное самоуправленіе должно быть построено на чисто-демократическомъ принципѣ всеобщаго участія въ земскихъ выборахъ всего взрослаго мѣстнаго населенія, въ томъ числѣ и женщинъ. Коммиссія к.-д. партіи о реформѣ мѣстнаго самоуправленія установила такую очередь внесенія въ Думу выработанныхъ ею законопроектовъ: 1) о пріостановкѣ земскихъ выборовъ до утвержденія новаго закона о нихъ, 2) о земскомъ избирательномъ законѣ, 3) о городскомъ избирательномъ законѣ, 4) объ измѣненіи порядка надзора за органами самоуправленія въ связи съ реформой земскаго положенія. Надо думать, что этотъ вопросъ не вызоветъ со стороны правительства такого сильнаго противодѣйствія, какое могутъ вызвать другіе вопросы, или затрогивающіе самымъ чувствительно жизненные интересы правящихъ классовъ, какъ

аграрный вопросъ, или имѣющіе въ настоящее время особенно жгучій боевой характеръ, вродѣ вопроса объ уничтоженіи военныхъ судовъ или исключительнаго положенія. Поэтому возможно, что на этомъ пунктѣ Думѣ и удалось бы занять одну изъ тѣхъ передовыхъ позицій, занятіе и укрѣпленіе которыхъ поставило бы дальнѣйшее движеніе впередъ въ лучшія и болѣе надежныя условія. Введеніе всего народа въ сферу легальной правовой дѣятельности и практической работы, хотя бы и въ сравнительно узкихъ границахъ земской жизни, необходимо будетъ имѣть и большое политически-воспитательное значеніе. Тѣ права, пользованіе которыми будетъ непосредственно отражаться на ближайшихъ интересахъ всего населенія, будутъ имъ защищаться, можетъ быть, съ большею энергіей, чѣмъ права болѣе широкія, но касающіяся предметовъ болѣе отдаленныхъ отъ повседневной жизни. Съ формально-правовой стороны нельзя не имѣть въ виду еще и того обстоятельства, что земству по закону предоставлено право избирать значительную часть членовъ Государственнаго Совѣта; въ настоящее время это учрежденіе не способно ни къ чему иному, какъ подкладывать палки въ колеса Думы; но если бы въ немъ удалось образовать, рядомъ съ академической, другую болѣе многочисленную прогрессивную земскую группу, то это могло бы имѣть довольно важное, если не прямо практическое, то моральное значеніе и, можетъ быть, до извѣстной степени способствовало бы упроченію положенія и самой Думы, а вмѣстѣ съ ней и всей государственной машины.

А пока что, никакой прочности нѣтъ ни въ чемъ. Никто не можетъ съ опредѣленной вѣроятностью предвидѣть, что̀ принесетъ завтрашній день какъ для всего общества и государства, такъ даже и для каждаго человѣка въ отдѣльности. Каждый можетъ быть убитъ, ограбленъ, арестованъ, высланъ, сосланъ, хотя бы для этого не было никакихъ поводовъ. То же и въ общихъ дѣлахъ, начиная со сравнительно мелкихъ, касающихся лишь интересовъ извѣстной мѣстности или извѣстной группы лицъ и до самыхъ крупныхъ, касающихся всей Россіи,—все неустойчиво и непрочно. Такъ, напримѣръ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ не можетъ наладиться правильно ходъ жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣднее время казалось, что съ установленіемъ университетской автономіи дѣло пошло наладъ: началось довольно правильное чтеніе лекцій и другія занятія какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но все время положеніе дѣлъ оставалось неустойчивымъ и въ послѣднее время стало окончательно портиться. Въ самомъ дѣлѣ, по-
женіе университетовъ и не могло быть прочнымъ. Не могли они ос
ваться замкнутыми оазисами, огражденными отъ царящей во всей Рос
общей атмосферы произвола и беззаконія, съ одной стороны, и партій
борьбы—съ другой. Положеніе автономнаго профессорскаго управленія бы
совершенно невозможнымъ: съ одной стороны, администрація, градонача
ники, полицейскія власти не могли себѣ представить, что ихъ воля и
чается у воротъ университета, съ другой—студенты считали себя въ п

пользоваться своей относительной безопасностью въ университетѣ отъ полиціи для проведенія своихъ партійныхъ политическихъ цѣлей. Кончилось тѣмъ, что внѣшняя сила перешагнула черезъ границу, охраняемую лишь моральной силой,—автономія была нарушена; въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были произведены обыски, аресты и разгоны собравшихся студентовъ. Послѣдняя сцена этого рода была на-дняхъ въ московскомъ университетѣ, который пересталъ функціонировать. И по отношенію къ Государственной Думѣ каждый день приноситъ противорѣчивыя извѣстія: то роспускъ Думы уже рѣшенъ и произойдетъ въ самомъ скоромъ времени, то Думѣ будетъ предоставлена возможность работать въ теченіе еще долгаго времени, конечно, при осторожности съ ея стороны. И то и другое одинаково возможно; и судьба учрежденія, отъ котораго въ значительной мѣрѣ зависитъ судьба всей Россіи, продолжаетъ висѣть на волоскѣ.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Англія.

Въ концѣ 1906 года произошло событіе, которое вновь поставило на очередь вопросъ, столько разъ уже поднимавшійся въ конституціонной исторіи Англіи. Палата лордовъ отвергла законопроектъ министра народнаго просвѣщенія въ настоящемъ кабинетѣ Бирреля о народномъ образованіи, законопроектъ, принятый огромнымъ большинствомъ палаты общинъ. Собственно это не было полное отверженіе, но лорды внесли въ высшей степени существенныя поправки, которыя исказили весь характеръ билля, и хотя Биррель согласился на нѣкоторыя уступки подъ условіемъ, если лорды откажутся отъ главныхъ своихъ поправокъ, послѣдніе 27 ноября окончательно отказались взять свои рѣшенія назадъ, и билль, такимъ образомъ, не получилъ законной силы, такъ какъ общины отказались въ свою очередь принять измѣненный билль. Создавался конфликтъ между двумя законодательными собраніями, аналогичный знаменитымъ конфликтамъ—1831 г. передъ избирательной реформой и 1860 г. во время уничтоженія пошлинъ на бумагу. Теперь, какъ и тогда, всталъ вопросъ: насколько традиціонныя рамки англійской государственной организаціи оказываются достаточно гибкими и позволяютъ удовлетвореніе новыхъ общественныхъ потребностей или онѣ неспособны вмѣстить въ себя новыя силы и подлежатъ капитальной передѣлкѣ?

Прежде всего замѣтимъ, что столкновеніе касалось вопроса, который, конечно, по его политической важности нельзя сравнивать съ избирательной реформой 1832 г., но который психологически, такъ сказать, занималъ чрезвычайно выдающееся мѣсто въ общественномъ мнѣніи. Въ пораженіи консервативной партіи одной изъ главныхъ причинъ былъ въ высшей степени непопулярный школьный билль (Education Bill) 1902 г., п веденный министерствомъ Бальфура и давшій конфессіональнымъ школа денежныя субсидіи изъ мѣстныхъ налоговъ. Всѣмъ памятны попытки ф нансоваго бойкота, предпринятаго послѣ этого билля особенно въ круга по своимъ религіознымъ взглядамъ враждебныхъ высокой церкви. Мин стерство Кэмпбель-Баннермана не исполнило бы своего обязательства пере

избирателями, если бы не внесло школьнаго законопроекта, по своему духу противоположнаго биллю 1902 г.

Надо сказать, что новый проектъ Биррела далеко не отличался чрезмѣрнымъ радикализмомъ. Главный его смыслъ сводился къ тому, что съ конца 1907 г. школы, которыя не будутъ подчинены общественному контролю въ дѣлѣ преподаванія, должны потерять всякое общественное вспомоществованіе. Однако, были введены всякія оговорки съ намѣреніемъ обезоружить и предупредить возраженія съ точки зрѣнія конфессіональныхъ интересовъ. Открывался кредитъ въ 1 милл. фунтовъ ст. съ цѣлью вознаградить представителей англиканскаго и католическаго клира, въ случаѣ если бы послѣдніе захотѣли передать свои школы въ свѣтскія руки. Два дня въ недѣлю въ этихъ школахъ должно происходить преподаваніе религіи. Наконецъ, если $^4/_5$ родителей этого требовали, въ школѣ сохранялось преподаваніе лишь того вѣроученія, которое велось, когда школа была чисто конфессіональной.

Какъ видно, здѣсь не было никакого агрессивнаго антиклерикализма во французскомъ стилѣ; однако, палата лордовъ, въ которую, какъ извѣстно, входятъ представители англиканскаго епископата, этимъ не удовлетворилась. Благодаря внесеннымъ ею измѣненіямъ, церковь должна была получить крупное возмѣщеніе за передачу школъ и въ то же время онѣ оставались, какъ и раньше, въ ея рукахъ, и отъ этихъ измѣненій лорды, несмотря на уступчивость правительства, не отступились. Верхняя палата выступила, такимъ образомъ, наперекоръ вполнѣ опредѣлившемуся теченію общественнаго мнѣнія, наперекоръ требованіямъ нонъ-конформистовъ, наперекоръ всѣмъ тѣмъ, кто отстаивалъ секуляризацію народной школы.

Здѣсь до извѣстной степени можно было вспомнить слова, произнесенныя въ 1869 году лордомъ Кэрнсомъ, когда онъ убѣждалъ своихъ коллегъ согласиться на реформу ирландской церкви: «иногда всплываютъ извѣстные вопросы, которые до такой степени возбуждали вниманіе къ себѣ страны, вызывали въ ней такое напряженное ожиданіе, что всѣ подробности становятся обществу знакомы, и оно беретъ свое дѣло, такъ сказать, изъ рукъ палаты лордовъ и палаты общинъ и даетъ понять обоимъ законодательнымъ собраніямъ свою волю».

Палата лордовъ вступила въ конфликтъ не только съ этимъ «давленіемъ извнѣ» (pression from without), указаніямъ котораго англійскіе государственные люди умѣютъ обычно уступать во-время; она шла противъ палаты общинъ, которая имѣла за собой весь авторитетъ только что высказавшейся за нее на выборахъ 1906 г. страны; она шла противъ правительства, признаннаго этими выборами; она шла противъ великой побѣды демократической Англіи, которая выдвинула къ власти такихъ людей, какъ Джонъ Бёрнсъ и Лойдъ Джорджъ. Здѣсь ясно сталкивались двѣ историческія культуры, и чѣмъ болѣе широкіе горизонты открывались для Англіи въ дѣлѣ соціальнаго законодательства, тѣмъ тяжелѣе должны быть послѣдствія столкновенія.

Уже первое отверженіе лордами школьнаго закона вызвало естественно крайнее раздраженіе. Правительство высказывалось, что оно не отступитъ и ожидаетъ поддержки отъ своей политической партіи. Въ письмѣ къ генеральному комитету національно-либеральной федераціи, которая засѣдала въ Вестминстерѣ, премьеръ писалъ: «каждому либералу было хорошо извѣстно, что палата лордовъ не удовлетворится пассивной ролью, которую она играла въ теченіе долгаго времени, когда власть принадлежала уніонистамъ, но что, напротивъ, она поспѣшитъ выказать себя орудіемъ уніонизма, какъ только страна выскажется противъ уніонистскаго правительства и уніонистской политики. Однако, дѣйствительность превзошла наши ожиданія. Школьный законъ въ томъ видѣ, какъ онъ прошелъ въ нижней палатѣ, соотвѣтствовалъ требованіямъ, которыя весьма недвусмысленными выраженіями были высказаны страной на общихъ выборахъ. Палата лордовъ внесла въ законопроектъ поправки, закрѣплявшія, если не усиливавшія, недостатки, которые имѣлъ прежній школьный законъ 1902 г. Въ этомъ исправленномъ видѣ школьный законопроектъ ни на что не нуженъ ни намъ, ни странѣ. Повидимому, лорды полагаютъ, что они лучше знаютъ мнѣніе страны, чѣмъ сама страна, и правильнѣе истолковываютъ его, чѣмъ палата общинъ. Въ одномъ вы можете быть увѣренными, что мы не поступимся ни на іоту главными принципами, на которыхъ основанъ нашъ школьный билль. Если въ этихъ границахъ намъ удастся достигнуть соглашенія безъ всякаго ущерба для школьнаго дѣла, мы будемъ довольны; если нѣтъ, то намъ придется подумать о томъ, какъ въ школьномъ и другихъ вопросахъ обезпечить торжество желаніямъ народа». Въ послѣднихъ словахъ выражалась явная угроза по адресу палаты лордовъ, и она повторялась въ резолюціи комитета, приглашавшей правительство до истеченія срока полномочій нынѣшняго парламента «сдѣлать шаги къ разрѣшенію вопроса, слѣдуетъ ли сохранить за палатой наслѣдственныхъ законодателей право налагать veto на волю народа, выраженную черезъ посредство его выборныхъ представителей въ палатѣ общинъ».

Не менѣе энергично выражался на либеральномъ митингѣ въ Бедфордѣ военный министръ Гольдэнъ, одинъ изъ способнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ кабинета. «Нашъ конфликтъ съ палатой лордовъ произошелъ не изъ-за словъ или подробностей, а изъ-за великихъ принциповъ. Лорды отказываютъ намъ въ правѣ осуществить то, что поручило намъ большинство избирателей. Они считаютъ себя въ правѣ намъ бросить вызовъ, мы считаемъ себя въ правѣ принять его». Другой, не менѣе выдающійся членъ кабинета, Лойдъ Джорджъ, со всѣмъ жаромъ своего политическаго радикализма началъ кампанію противъ учрежденія, давно ему глубоко антипатичнаго. Отвѣчая на предложеніе Бальфура—распустить парламентъ и обратиться къ народу въ конфликтѣ двухъ законодательныхъ органовъ, Лойдъ Джорджъ рѣшительно протестовалъ противъ такой мѣры: «какъ будто бы мнѣніе народа не выяснилось совершенно на выборахъ 1906 г. если бы лорды были въ правѣ требовать распущенія по поводу каждаго

билля, это фактически было бы отрицаніемъ демократіи». Во всякомъ случаѣ, будутъ ли эти выборы раньше или позже, на нихъ уже долженъ быть поднятъ не школьный вопросъ, а другой гораздо болѣе важный: «должны ли править страной король и лорды или король и народъ». Еще гораздо рѣзче выражался тотъ же членъ кабинета въ своей январской ньюкестльской рѣчи: «либералы должны быть готовы принять битву на вопросѣ, постановку котораго считалъ неминуемой уже Гладстонъ: какой палатѣ принадлежитъ верховенство. Время палліативовъ прошло. Я вполнѣ понимаю того, кто относится съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ искренности всей агитаціи противъ верхней палаты. Я вполнѣ схожусь съ Кейръ Гарди въ томъ, что борьба съ лордами должна быть борьбой до конца, и что подымать вопросъ и не рѣшать его это хуже, чѣмъ разыгрывать фарсъ. Будемъ же стремиться къ тому, чтобы, поскольку дѣло зависитъ отъ насъ, вопросъ былъ разрѣшенъ окончательно и чтобы мы могли отдаться дѣлу соціальной реформы, не отвлекаясь отъ нея періодическими остановками. Палата лордовъ является прибѣжищемъ и надеждою всѣхъ силъ, стоящихъ между народомъ и продуктами его труда. Легализованная жадность и соціальный эгоизмъ во всѣхъ видахъ и формахъ имѣютъ свою лейбъ-гвардію въ лицѣ лордовъ».

Нѣтъ надобности пояснять, какой тонъ господствовалъ въ либеральной прессѣ. Всюду выражалась полная увѣренность, что пересмотръ отношеній между общинами и лордами неминуемъ. Выставляя на видъ удивительное политическое безразсудство лордовъ, которые напомнили о себѣ въ ту минуту, когда имъ особенно слѣдовало бы не обнаруживать своихъ антидемократическихъ притязаній, *Daily News* прилагаетъ къ нимъ пословицу: quem Jupiter perdere vuet, dementat.

Что отвѣчали на эти предостереженія и угрозы лорды? Они прежде всего старались свести конфликтъ съ конституціонной почвы и ввести его въ рамки школьнаго законопроекта. Бальфуръ, предшественникъ Кемпбель Баннермана по президентству въ совѣтъ министровъ, представитель партіи, потерпѣвшей такое пораженіе на выборахъ 1906 г., рѣшительно утверждалъ, что обращеніе къ народу для лордовъ не страшно: «если министерство осмѣлится апеллировать къ народу, то оно будетъ свидѣтелемъ такого поворота, такого взрыва негодованія противъ сектантскаго и несправедливаго билля о школьной реформѣ, который поразитъ его авторовъ». Лордъ Ландсдоунъ, стоя на конституціонной традиціи, рѣшительно отвергалъ необходимость для палаты лордовъ идти на компромиссъ: «и мы были бы ды избѣгнуть конфликта, но во всякомъ случаѣ лорды не намѣрены латить слишкомъ дорого, чтобы покончить его». Однако, при обсужденіи конопроекта о рабочихъ союзахъ и стачкахъ тотъ же лордъ Ландсдоунъ ъ понять, что, каковы бы ни были его недостатки, палата лордовъ въ стоящую минуту не можетъ отказать ему въ своей санкціи: въ противъ случаѣ это значило бы кинуть въ агитацію противъ верхней палаты рабочій классъ: не слѣдуетъ слишкомъ натягивать струны.

Во всякомъ случаѣ къ началу сессіи 1907 года этотъ вопросъ сталъ едва ли не важнѣйшимъ въ политической жизни Англіи. Это признавали и тѣ, которые, подобно лорду Розбери, считая постановку его въ извѣстномъ смыслѣ своевременной, тѣмъ не менѣе не желали чрезмѣрно обострять дѣла. Естественно политическая мысль страны работала въ двухъ направленіяхъ: прежде всего отыскивали въ прошломъ Англіи прецедентовъ подобныхъ столкновеній, а затѣмъ создавали планъ, хотя бы въ общихъ очертаніяхъ, конституціонной реформы, которая ихъ предупредила бы на будущее время.

Такіе прецеденты можно открыть въ англійской исторіи безъ труда. Страна, гдѣ двухпалатная система имѣетъ наиболѣе глубокіе корни, гдѣ дифференціація лордовъ и общинъ восходитъ къ XIV вѣку, въ то же время создала традицію, которая рѣшительно противорѣчитъ обычному взгляду на равноправіе двухъ палатъ. Никто не станетъ оспаривать того, что палата лордовъ въ настоящее время не имѣетъ политическаго положенія, равнаго съ палатой общинъ: вопросъ только идетъ о степени и характерѣ этого неравенства. Послѣдній можетъ быть всего лучше установленъ при разборѣ тѣхъ основныхъ полномочій, которыя принадлежатъ каждому парламенту. Таковыми мы должны признать функцію законодательную, функцію бюджетную и функцію надзора за исполнительной властью.

Что касается до третьей, то дѣло здѣсь наиболѣе безспорно. Нѣкогда этотъ контроль дѣлался такимъ образомъ, что нижняя палата обвиняла министровъ, а лорды ихъ судили. Въ настоящее время все это отошло въ область конституціонныхъ преданій; судебная отвѣтственность цѣликомъ замѣнена политической, impeachment—парламентарнымъ режимомъ. Палата лордовъ не есть органъ представительный, не подлежитъ распущенію и на сохраненіе министерства у власти не вліяетъ. Пальмерстонъ оставался, когда лорды энергично вотировали ему неодобреніе; лордъ Дэрби долженъ былъ дважды покинуть министерство, несмотря на повторяемое выраженіе довѣрія лордовъ, когда онъ оставался въ меньшинствѣ у общинъ. Современный англійскій кабинетъ, имѣющій въ своихъ рядахъ Джона Бёрнса и Лойда Джорджа, конечно, въ самой высокой степени пользуется недовѣріемъ лордовъ, которое его, однако, можетъ оставлять вполнѣ хладнокровнымъ. Въ Англіи вовсе не существуетъ даже того вопроса, который былъ поднятъ во Франціи послѣ конфликтовъ между сенатомъ и министерствомъ Буржуа и Тирара и гдѣ оба раза министерство уступило сенату—вопросъ, насколько правительство должно пользоваться довѣріемъ верхней палаты. Конечно, это связано прежде всего съ глубокимъ различіемъ въ строеніи англійской палаты наслѣдственныхъ лордовъ и французскаго сената, восходящаго, хотя и не прямо, ко всеобщему избирательному праву.

Почти столь же малы предѣлы компетенціи лордовъ въ вопросахъ бюджета. Это исконное право англійскихъ коммонеровъ, признанное з

ними въ эпоху, когда еще они не осуществляли законодательной власти, а могли обращаться къ королю только съ простыми петиціями и оно связалось глубокими психологическими ассоціаціями съ самой идеей народнаго представительства въ Англіи. Поэтому уже въ XVII вѣкѣ была твердо установлена въ глазахъ палаты общинъ ея финансовая инпціатива. Рѣшеніе палаты 1671 г. гласило, что лорды ни въ какомъ случаѣ не могутъ измѣнить суммъ, ассигнуемыхъ коронѣ прежней палатой. Другое рѣшеніе, принятое въ 1689 г. въ минуту, когда билль о правахъ открывалъ періодъ парламентскаго верховенства, настаиваетъ на обязанности лордовъ принимать или отвергать всѣ суммы en bloc (without diminoution or alteration). Въ XVIII вѣкѣ это правило признано было какъ незыблемый принципъ англійской государственной организаціи; такъ его изобразилъ Монтескье, такъ онъ перешелъ въ сѣверо-американскую конституцію 1787 г. и въ законодательные акты французскаго національнаго собранія. Была, однако, извѣстная неяспость: лишены ли лорды вообще всякаго права вліять на бюджетъ? Какова ихъ компетенція въ законодательныхъ вопросахъ, связанныхъ съ новыми финансовыми затратами? Послѣдній рѣшительный конфликтъ произошелъ въ 1860 г., когда лорды отвергли отмѣну пошлинъ на бумагу, принятую общинами; нижняя палата посмотрѣла на это дѣйствіе какъ на узурпацію своихъ правъ и по предложенію Гладстона приняла резолюцію, что право отвергать отдѣльныя статьи бюджета принадлежитъ исключительно ей: лорды могутъ отвергать лишь бюджетъ въ его цѣломъ. На слѣдующій годъ общій бюджетъ былъ составленъ съ исключеніемъ пошлины на бумагу, и лорды уже не протестовали. Право отвергнуть бюджетъ только en bloc есть, очевидно, право совершенно недѣйствительное. Съ этой стороны можно сказать, что бюджетныя права общинъ достаточно обезпечены отъ посягательствъ лордовъ. Борьба можетъ происходить лишь по поводу законопроектовъ, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ бюджетными измѣненіями. При извѣстномъ истолкованіи можно самымъ существеннымъ образомъ ограничить здѣсь самую законодательную функцію лордовъ. Въ своей весьма рѣзкой статьѣ, посвященной настоящему конфликту между двумя палатами, Массингамъ напоминаетъ, напримѣръ, что поправки, внесенныя въ школьный билль лордами, должны привести къ значительному отягченію мѣстныхъ средствъ: такимъ образомъ, по его взгляду, позиція, занятая лордами, противорѣчитъ конституціи съ двухъ сторонъ—со стороны присвоенія не принадлежащаго верхней палатѣ бюджетнаго права и со стороны нарушенія опредѣленно высказавшейся воли избирателей («The Independent Review», Dec., 1906. «The coming battle with the lords»).

Мы подходимъ къ третьей функціи, гдѣ дѣло обстоитъ сложнѣе. Нельзя отвергать, что англійская конституціонная традиція сохраняетъ за лордами извѣстное участіе въ законодательной власти, и нельзя сказать, что практика XIX вѣка создала изъ этого участія такую же формальность, какой была королевская санкція. Тѣмъ не менѣе и здѣсь по существу функція

палаты лордовъ — болѣе отсрочивающая законодательное рѣшеніе, чѣмъ окончательно рѣшающая; даже тѣ, кто энергично отстаиваетъ равенство обѣихъ палатъ въ законодательныхъ правахъ, не могутъ отрицать, что послѣднее слово должно оставаться за всей массой избирателей, а не за этой наслѣдственной корпораціей. Если проектъ гомъ-руля для Ирландіи, отвергнутый лордами, оказался на долгое время похороненнымъ, то причины здѣсь надо искать въ послѣдовавшихъ за тѣмъ выборахъ, которые дали большинство уніонистамъ. Страна въ спорѣ двухъ палатъ стала на этотъ разъ на сторону лордовъ.

Нѣсколько разъ въ теченіе XIX вѣка лорды встрѣчались съ биллями нижней палаты, которые кореннымъ образомъ противорѣчили ихъ воззрѣніямъ и интересамъ, степень сопротивленія была различна, но всегда въ концѣ-концовъ лорды уступали опредѣлившемуся мнѣнію избирателей. Такъ было въ 1832 и 1884 гг. во время реформы избирательнаго права для палаты общинъ, въ 1868 г. при уничтоженіи привилегій церкви въ Ирландіи, въ 1871 г. при уничтоженіи продажи патентовъ на чины въ арміи. Въ сущности поворотный пунктъ былъ пройденъ во дни реформы 1832 г., которая раскрыла дверь палатѣ общинъ передъ болѣе широкими слоями избирателей и приблизила ее къ типу всенароднаго представительства. Отнынѣ лордамъ оставалась лишь роль задерживать и отсрочивать тѣ рѣшенія нижней палаты, въ которыхъ могло предполагаться противорѣчіе съ болѣе глубокими и непоколебленными народными взглядами. Въ такомъ смыслѣ высказывался послѣ избирательной реформы 1832 оплотъ торизма герцогъ Веллингтонъ. Такъ понималъ дѣло одинъ изъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, наиболѣе высоко цѣнившій функціи политическаго и соціальнаго консерватизма, осуществленіе котораго составляло миссію палаты лордовъ, такъ опредѣлялъ его Дизраэли. «Все заставляетъ лордовъ,—говорилъ онъ,—изучать общественное мнѣніе и уступать ему, когда они это признаютъ нужнымъ: они знаютъ, что если ихъ сословіе будетъ въ хроническомъ противорѣчіи съ общественнымъ мнѣніемъ, они рискуютъ не передать своего достоинства потомству».

Извѣстно классическое средство давленія на пэровъ—угроза введенія въ верхнюю палату людей противоположныхъ взглядовъ. Парламентскій строй позволяетъ здѣсь использовать королевскую прерогативу въ интересахъ побѣды общинъ надъ лордами. Классическую характеристику этого права короны, которое въ дѣйствительности является правомъ народнаго представительства, мы находимъ въ письмѣ Грея къ Вильгельму IV въ моментъ наибольшаго напряженія конфликта изъ-за избирательной реформ «Надо допустить, что бывали случаи, когда упорство палаты лордовъ, идущей противъ общихъ пожеланій націи и опредѣлившагося настроенія палаты общинъ, заставляло бы опасаться величайшихъ опасностей, если бы не было никакого средства положить конецъ подобнымъ столкновеніямъ. Продолженіе ихъ привело бы несомнѣнно къ великимъ несчастіямъ и могъ бы имѣть роковыя послѣдствія какъ для общественной свободы, такъ и

власти и безопасности правительства. Именно въ предвидѣніи этого рода опасностей конституція дала коронѣ власть распускать палату общинъ и увеличивать палату лордовъ, осуществляя высокую прерогативу созданія пэровъ, которая для этого и была признана за королемъ. Въ первомъ случаѣ, если есть разногласіе между двумя палатами и палату общинъ ея избиратели не поддерживаютъ, появленіе депутатовъ, которые раздѣляютъ общественное мнѣніе, можетъ сохранить эту гармонію, столь необходимую для общественной безопасности. Второй случай—увеличеніе состава палаты лордовъ можетъ быть употребленъ лишь съ цѣлью заставить верхнюю палату измѣнить свою линію поведенія, когда общественное мнѣніе ясно высказалось за мнѣніе данныхъ народныхъ представителей и не остается другой надежды разрѣшить конфликтъ. Только въ этомъ крайнемъ случаѣ можетъ, по мнѣнію правительства Его Величества, оправдываться примѣненіе королевской прерогативы въ созданьи новыхъ членовъ палаты лордовъ». Достигнутъ ли этотъ крайній случай теперь?

Это примѣненіе всегда вызываетъ извѣстныя сомнѣнія конституціоннаго ригоризма. Несмотря на успокоительный отвѣтъ лучшихъ авторитетовъ, какъ Бэджготъ и Дайси, многіе боятся прибѣгнуть къ этой королевской прерогативѣ, которая, по словамъ Спенсера, не можетъ быть страшна, когда она спасаетъ прерогативу народа. («The Contemporary Review». 1907. Februar.) Во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе страны не особенно склоняется, повидимому, въ настоящую минуту къ этому выходу, многократно испытанному. Создавать новыхъ наслѣдственныхъ лордовъ—не значитъ ли вливать новую жизнь въ это архаическое учрежденіе и въ то же время не измѣнять его сущности? Не указываютъ ли уроки прошлаго, что такъ или иначе Англія не можетъ уйти отъ необходимости реформировать свою верхнюю палату?

Этотъ вопросъ несомнѣнно въ настоящее время поставленъ. Насколько онъ является простой угрозой, результатомъ политическаго раздраженія, или мы стоимъ дѣйствительно передъ крупной конституціонной реформой? Въ консервативныхъ кругахъ относятся къ этому общественному возбужденію съ большимъ скептицизмомъ. Вотъ какъ выражается объ этомъ Standard: «самое разнообразіе министерскихъ угрозъ дѣлаетъ очевиднымъ, что сэръ Генри Кэмпбель Баннерманъ еще не открылъ пути къ тому, чтобы воля народа брала верхъ. Его товарищи, находящіеся въ кабинетѣ и внѣ его, тянутъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Пока агитація противъ палаты лордовъ сводится къ словеснымъ угрозамъ, ее будутъ поддерживать многіе ...ренные либералы. Но иное наступитъ, когда отъ словъ нужно будетъ ...ейти къ дѣлу. Къ концу года съ платформъ будутъ раздаваться филиппики противъ верхней палаты, но страна не откликнется на нихъ. Мы не ...нѣваемся, что Кэмпбель Баннерманъ не вырабатывалъ бы своего ирландского билля, если бы не зналъ, что страна его отвергнетъ».

...ельзя оспаривать, что въ этихъ словахъ есть доля истины. Если бы ...ъ лежалъ между сохраненіемъ верхней палаты въ ея настоящемъ

видѣ или полнымъ ея уничтоженіемъ, то многіе сторонники Кемпбеля Баннермана предпочли бы первое. Но на эту почву вопросъ и не ставился; какъ бы ни разрѣшился конфликтъ въ ближайшіе годы, еще долго во всякомъ случаѣ Англія не перейдетъ къ однопалатной системѣ.

Намъ требуется извѣстное усиліе воображенія, чтобы понять, какъ среди этой демократизаціи Англіи, которая происходитъ по всей линіи такъ сказать, палата лордовъ остается нетронутой. Этотъ прирожденный націи психологическій консерватизмъ, который несомнѣнно цѣлой пропастью отдѣляется отъ косности и своекорыстія мысли и который съ удивительной способностью приспособляется къ новымъ требованіямъ жизни, представляетъ для насъ что-то загадочное. Между тѣмъ достаточно прочесть страницы «Тактики» Бэнтама, посвященной вопросу о палатѣ лордовъ,—Бэнтама, котораго никто не упрекнетъ за неспособность освободиться отъ власти обветшалой традиціи, который полонъ математическаго яснаго раціонализма, чтобы понять это отношеніе къ палатѣ лордовъ.

Съ того времени жизнь Англіи измѣнилась до неузнаваемости; много разъ палата общинъ принимала рѣшенія, проникнутыя глубокой враждебностью къ лордамъ, и всетаки движеніе въ пользу однопалатности, которое запечатлѣно въ нѣкоторыхъ конституціяхъ англійскихъ колоній, напримѣръ, въ провинціальныхъ конституціяхъ канадскаго Dominion, не затронуло достаточно чувствительнымъ образомъ Англію.

Итакъ, рѣчь идетъ лишь о реформѣ. Англія находится въ настоящую минуту въ положеніи, аналогичномъ съ Венгріей 1885 г., гдѣ графъ Тисса, встрѣтивъ сопротивленіе своему законопроекту о гражданскомъ бракѣ въ венгерской верхней палатѣ, такъ называемомъ «столѣ магнатовъ», предпринялъ реформу этой палаты, основанной, какъ и англійская, на началѣ наслѣдственности. Онъ ввелъ назначеніе пожизненныхъ членовъ, а для наслѣдственныхъ установилъ высокій имущественный цензъ. Послѣднее, очевидно, непримѣнимо для англійскихъ лордовъ, которые являются самой богатой корпораціей. Въ чемъ можно искать способовъ преобразованія состава палаты?

Здѣсь приходится напомнить, что не всѣ члены англійской палаты лордовъ получили свое достоинство по наслѣдственному праву. Кромѣ такъ называемыхъ лордовъ соединеннаго королевства, въ палатѣ сидятъ духовные лорды—архіепископы, епископы; представители шотландскихъ пэровъ, въ числѣ 16, избранные на 7 лѣтъ всѣмъ сословіемъ, представители ирландскихъ пэровъ въ числѣ 28, избранныхъ сословіемъ пожизненно; наконецъ, 4 судебныхъ лорда, введенные по необходимости, такъ какъ палатѣ оставленъ характеръ высшаго апелляціоннаго судилища, пользующіеся правомъ общей съ остальными судьями несмѣняемостью. Очевидно, реформа палаты лордовъ могла бы осуществиться по типу этихъ дополнительныхъ категорій.

Наиболѣе обычны двоякаго рода проекты. Одни предлагаютъ мѣру, которая уже выставлялась многократно, но всегда встрѣчала рѣзкое сопротивленіе со стороны лордовъ,—уничтожить ихъ наслѣдственность и сд

лять ихъ достоинство пожизненнымъ, которое даруется за особыя заслуги короной. Такимъ образомъ англійская палата лордовъ стала бы подобной итальянскому сенату или верхней палатѣ въ Канадѣ. Этотъ способъ особенно отстаивается тѣми, кто не желалъ бы усиливать вліяніе верхней палаты.

Другіе проекты предлагаютъ примѣнить систему, которая имѣетъ мѣсто для шотландскихъ и ирландскихъ лордовъ, т.-е. допускаетъ въ палату лишь представителей англійскаго пэрства. Такіе представители должны бы избираться на болѣе или менѣе долгій срокъ, быть можетъ болѣе долгій, чѣмъ шотландскіе пэры, и получать въ силу избранія пожизненное достоинство. Не трудно видѣть, что эта система, вѣроятно, качественно повыситъ составъ верхней палаты но поставитъ ея наиболѣе одіозныя для демократіи черты, характеръ представительства наслѣдственной, привилегированной корпораціи. Можетъ быть, подобная реформа лишь усилила бы возможность для лордовъ идти наперекоръ общинамъ. Поэтому тѣ, которые хотѣли бы сдѣлать палату лордовъ выборной, гораздо чаще предлагаютъ самые выборы построить болѣе демократично.

Среди подобныхъ проектовъ заслуживаетъ вниманія планъ Уоллеса, изложенный имъ въ февральской книгѣ «Fortnightly Review». Знаменитый мыслитель не желалъ бы полнаго уничтоженія верхней палаты, онъ хотѣлъ бы видѣть въ ней квалифицированное представительство высшихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ цѣнностей націи. Для этого онъ предлагаетъ связать право пребыванія въ верхней палатѣ съ особыми условіями: 45-лѣтнимъ возрастомъ и прохожденіемъ извѣстныхъ должностей—гражданскихъ или военныхъ—и съ пріобрѣтеніемъ извѣстной репутаціи въ научномъ и литературномъ мірѣ. Коллегія выборщиковъ составляется изъ двухъ представителей, посылаемыхъ каждымъ изъ 120 графствъ, Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Уэльса ихъ органами самоуправленія. Сверхъ того при каждой перемѣнѣ министерства коронѣ должно быть предоставлено право назначать извѣстное ограниченное число членовъ въ верхнюю палату, дабы предупредить и ослабить возможность ея конфликта съ нижней. Лорды избираются и назначаются на 15 лѣтъ, и каждыя 5 лѣтъ одна треть ихъ выбываетъ и замѣняется новыми. Это довольно искусственный проектъ, въ которомъ есть черты, глубоко чуждыя англійской политической традиціи, наприм., двухстепенные выборы, но онъ характеренъ, какъ иллюстрація того направленія, въ которомъ политическая мысль англичанъ ищетъ выхода изъ конфликта.

Практически, можетъ быть, было бы наиболѣе вѣрнымъ подходить къ просу не съ точки зрѣнія реформы состава верхней палаты, а ея компетенціи и опредѣлить эту компетенцію, указавъ, напримѣръ, что лордамъ жетъ принадлежать лишь отсрочивающее veto. Мы знаемъ, что нераство компетенціи, даже законодательной, получаетъ иногда выраженіе конституціи, какъ, наприм., въ нидерландскомъ Grondwet. Но здѣсь и ляется то великое препятствіе, что англійская конституція не есть пись-

менный законодательный памятникъ, а гибкая традиція конституціонныхъ прецедентовъ. Какъ бы то ни было, вопросъ о реформѣ поставленъ серьезно, и едва ли лордамъ удастся его снова снять. Сопротивленіе же ихъ этой реформѣ въ концѣ-концовъ можетъ быть сломлено указаннымъ обычнымъ способомъ—примѣненіемъ королевской прерогативы, въ силу которой могутъ быть назначены новые лорды, болѣе сговорчивые. Быть можетъ, это будетъ послѣдній случай, когда подобное примѣненіе потребуется. Но вѣроятнѣе, что и здѣсь скажется справедливо признанная мудрость англійскихъ консерваторовъ, которые всегда умѣли прекращать свое сопротивленіе требованіямъ демократической Англіи, когда это сопротивленіе начинало становиться безполезнымъ и опаснымъ.

Открытіе сессіи палаты общинъ ожидалось съ напряженнымъ нетерпѣніемъ: какъ поставитъ правительство этотъ важный вопросъ о конституціонной реформѣ? Это ожиданіе, однако, встрѣтило значительное разочарованіе. Въ тронной рѣчи говорилось о реформѣ, но говорилось въ такихъ общихъ выраженіяхъ, которыя можно было истолковать въ безконечно разнообразныхъ смыслахъ. «Вслѣдствіе прискорбныхъ разногласій между двумя палатами возникъ серьезный вопросъ, касающійся функціонированія нашей представительной системы. Министры обсуждаютъ этотъ важный вопросъ съ цѣлью разрѣшенія затрудненій». Кемпбель-Баннерманъ выражается болѣе энергично, хотя также далеко не особенно опредѣленно. «Представительная система и представительная палата являются самой основой британской конституціи. Я, пожалуй, предпочелъ бы конституцію, ставящую народное представительство подъ непосредственный контроль монарха, нашей конституціи, при которой представительное собраніе находится подъ контролемъ другой палаты. Нынѣшнее положеніе вещей опасно. Оно дискредитируетъ и деморализуетъ нашу выборную палату. Мы должны измѣнить отношенія между двумя палатами такимъ образомъ, чтобы воля народа могла осуществляться».

Слова «отношенія между двумя палатами» какъ будто намекаютъ на намѣренія правительства измѣнить не составъ, но компетенцію палаты лордовъ, но они могутъ быть поняты и въ болѣе общемъ смыслѣ. Очевидно, опредѣленнаго отвѣта у министерства не существуетъ. Тѣмъ не менѣе все заставляетъ думать, что этотъ вопросъ не сойдетъ на нѣтъ: требованія демократіи растутъ вмѣстѣ съ ростомъ самой демократіи. Нечего и говорить, что выборъ пути, которымъ политическій геній англійскаго народа приспособитъ свое вѣковое конституціонное наслѣдіе къ нов запросамъ жизни, имѣетъ интересъ всемірно историческій.

С. Котляревскій

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ **1907 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.— Политическая экономія.— Философія.— Исторія. — Юридическія книги.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Александръ Блокъ. Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ.

Александръ Блокъ. Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ. Виньетки въ текстѣ Вас. Миліоти. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ „Прекрасной дамы“ въ „Нечаянной радости“ открываетъ свой образъ грядущаго міра. Древняя земля и ея „мохнатыя, крѣпкія малыя твари“ испуганы магической силой возникающихъ чудовищъ-городовъ. Растутъ и ширятся города, желѣзными наростами терзаютъ они и давятъ дѣвственную грудь земли-праматери. Нѣтъ примиренія вѣковѣчному спору. Но молчаливая дѣвушка всю ночь ткетъ перстень-страданье; пѣснями покорности отвѣтствуетъ ей тихій поэтъ. Въ ясности и высотѣ свѣтлой осени безконечно небо, необозрима земля. И тогда свободной душѣ близка „Нечаянная радость“. Скоро встрѣтится она съ міромъ лицомъ къ лицу—и кончится тогда неразрѣшимый споръ. Объединится міръ въ единомъ стремленіи. Взвоютъ корабельныя сирены, призывая людей къ узкому мысу, откуда неожиданно появятся большіе корабли.

„Нечаянной радостью“ въ творчествѣ поэта открылись новые, широкіе пути, которые были лишь слегка намѣчены въ „Пѣсняхъ о Прекрасной дамѣ“. Мечта поэта вылетѣла изъ окна очарованнаго замка, гдѣ при лунномъ свѣтѣ грустилъ онъ о несравненной, склонясь надъ лирой; прежніе звуки чаще заглушаются новыми, кое-гдѣ звучитъ уже отдаленное гудѣнье сиренъ, мягкое сіянье луны ослѣпляется иногда вспышками электричества. Прежній юноша, пажъ прекрасной дамы, предсталъ предъ нами инымъ; но онъ не измѣнился,—можно сказать, что пажъ теперь нашелъ самого себя. Не оторваться отъ этой юной книги, пѣнящейся поэзіей, какъ кубокъ съ виномъ. Изумительны по красотѣ весенніе напѣвы,—этотъ своеобразный таинственный міръ весеннихъ зорь, мохнатыхъ кувыркающихся чертенятъ на синеватомъ фонѣ березоваго лѣска, гдѣ вѣнчалась весна съ колдуномъ. „Вербная суббота“, „Въ весеннемъ пути въ теремокъ“, „Твари весеннія“, „Она веселой вѣстой была“, „Умолкаетъ свѣтлый вѣтеръ“, „Бѣлый конь чуть стучитъ усталой ногой“ и др.—все это жемчужины блоковской поэзіи. Передать всего очарованія ихъ таинственной красоты,—очарованія, дыхающаго святыми зорями, вдаль зовущаго, весь міръ великою радугой облекающаго.

Борисъ Садовской.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Грагамъ. Соціализмъ новый и старый. Перев. И. Е. Слеблина-Каменскаго.

В. Грагамъ. Соціализмъ новый и старый. Переводъ съ англійскаго И. Е. Слеблина-Каменскаго. Спб. 1906 г. Стр. XX+394. Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Грагама переводчикъ объясняетъ цѣль перевода желаніемъ дать русскому обществу и въ особенности русской молодежи,—возможность разобраться въ сложныхъ вопросахъ современной общественной жизни. Врядъ ли однако книга Грагама можетъ много дать въ этомъ отношеніи. Она несомнѣнно значительно устарѣла какъ въ своей критической, такъ и еще больше въ своей положительной части. 20 лѣтъ, протекшія со времени ея появленія, успѣли нанести самый чувствительный ударъ этой книгѣ, которая еще при самомъ своемъ появленіи не отличалась ни оригинальностью, ни глубиною. За это время наиболѣе слабыя мѣста противниковъ Грагама до того измѣнились, что нападки Грагама совсѣмъ не затрогиваютъ насъ, а надежды, возлагавшіяся Грагамомъ на нѣкоторыя мѣропріятія въ области соціальной политики, успѣли обнаружить свою несбыточность. Помимо этой устарѣлости взглядовъ книга Грагама страдаетъ еще однимъ чувствительнымъ недостаткомъ: будучи по преимуществу компилятивною, она не можетъ однако похвастаться полнотою; врядъ ли она можетъ дать „всесторонюю картину развитія соціализма", на что разсчитывалъ переводчикъ. Хотя книга эта озаглавлена: „Старый и новый соціализмъ", но собственно о соціальномъ движеніи, о развитіи соціализма какъ жизненнаго явленія читатель въ ней найдетъ очень мало.

Государство должно своими законами бороться противъ растущаго неравенства классовъ и придти на помощь угнетеннымъ классамъ общества. Оно должно направить всю свою дѣятельность какъ законодательную, такъ и административную въ сторону защиты интересовъ низшихъ классовъ и вообще регулировать всю общественную жизнь общими нормами справедливости. Грагамъ полагаетъ, что только такая мудрая забота государства объ участи наиболѣе слабыхъ и беззащитныхъ элементовъ общества, и вынужденное, но отчасти также и добровольное самоотреченіе со стороны высшихъ классовъ отъ части выгодъ, предоставляемыхъ имъ ихъ соціальнымъ положеніемъ, въ пользу интересовъ низшихъ классовъ, предотвращало и предотвращаетъ наиболѣе острое проявленіе соціальныхъ конфликтовъ, и гарантируетъ ровное мирное теченіе общественной жизни. Въ интересахъ своего самосохраненія и въ цѣляхъ предотвращенія соціальной борьбы государство должно брать и фактически беретъ въ свои руки дѣло соціальныхъ реформъ. И поэтому соціализмъ такого рода, направленный на смягченіе общественныхъ противорѣчій и имѣющій своею цѣлью „увеличеніе справедливости или равенства въ соціальныхъ условіяхъ и положеніяхъ", старъ какъ міръ, и почти ни одно государство не обходилось безъ мѣропріятій такого соціалистическаго характера. Этотъ соціализмъ имѣетъ свою исторію и развитіе, и первый историческій примѣръ его представляетъ, по мнѣнію г. Грагама, земельное законодательство Моисея или авторовъ Второзаконія и Левита, направленное на предотвращеніе большого неравенства между евреями. Имѣя свое прошлое и настоящее, этотъ соціализмъ имѣетъ, по мнѣнію Грагама, и безсомнѣнное будущее.

Этому историческому, старому соціализму Грагамъ противополагает новый, доктринерскій соціализмъ, или коллективизмъ. Въ коллективи

Грагамъ видитъ такую экономическо-политическую систему, при которой производство богатства ведется только государствомъ, какъ коллективнымъ собственникомъ земли и орудій производства, вмѣсто частныхъ капиталистовъ-хозяевъ и компаній; вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе равнымъ образомъ производится государствомъ по принятымъ началамъ справедливости, а не опредѣляется, какъ теперь, въ широкой степени и непосредственно договорами,—окончательно же, законами о собственности и наслѣдованіи" (стр. 5).

Въ противоположность старому соціализму, этотъ новый соціализмъ не имѣетъ ни исторіи, ни развитія, а существуетъ только въ умахъ его основателей, какъ цѣль, какъ идеалъ (стр. 10). Этотъ соціализмъ имѣетъ только одну исторію и это—исторія своей доктрины. Но и эта исторія довольно немногосложна. Родоначальниками этой доктрины можно считать мыслителей 18 вѣка, какъ Руссо и Мабли, отрицавшихъ частную собственность и видѣвшихъ въ этомъ институтѣ основное зло современнаго общества. Но настоящими основателями и одновременно завершителями новаго соціализма Грагамъ считаетъ Сенъ-Симона и его учениковъ.

Заслугу Маркса по отношенію къ соціализму Грагамъ видитъ только въ томъ, что онъ „внесъ новую аргументацію въ данный споръ" (т.-е. въ споръ между капиталистами и рабочими С. М.), но онъ не создалъ новой системы".

Онъ полагаетъ, что „еслибъ Марксъ могъ въ самомъ дѣлѣ доказать свое положеніе, что капиталъ воровство, то онъ вызвалъ бы этимъ могущественное движеніе противъ существующей капиталистической системы". Въ доказательство Грагамъ цитируетъ мнѣніе проф. Сэджвика, что „заключенія экономической науки—какъ бы ихъ ни выражать—въ окончательномъ выводѣ всегда относились къ реальнымъ человѣческимъ существамъ, а послѣднія не будутъ постоянно мириться съ такимъ соціальнымъ порядкомъ, который осуждается обычнымъ нравственнымъ понятіемъ". Сверхъ того, думаетъ Грагамъ, если люди также христіане, дѣйствительно вѣрующіе въ свое исповѣданіе, то они не могутъ помириться съ системою организованнаго грабительства и корыстнаго притѣсненія; нельзя также предполагать, чтобы съ этимъ помирились ихъ духовные вожди. Если же настоящая система будетъ осуждена нравственно, и религія скажетъ противъ нея свое вѣское слово—она погибла" (стр. 120—121).

Но къ счастью для существующей капиталистической системы, прибыль капиталиста не осуждается нравственностью. Въ видѣ аргумента, что капиталистъ долженъ получать по справедливости извѣстное вознагражденіе за его капиталъ, Грагамъ приводитъ то, что „самъ предприниматель долженъ платить проценты за занимаемый имъ въ дѣлѣ капиталъ" (стр. 135).

Изложивъ такимъ образомъ исторію доктрины соціализма и реабилитировавъ современное общество отъ самыхъ злостнѣйшихъ нападокъ на него со стороны соціалистическихъ теоретиковъ, Грагамъ приступаетъ критикѣ самой схемы коллективизма. Эта критика начинается съ азанія на трудности коллективной организаціи производства. Все производство будетъ подвергнуто регламентаціи центральной власти и убьетъ корнѣ всякое проявленіе частной иниціативы, а контроль со стороны нтральной власти всѣхъ участниковъ производительной коопераціи будетъ очень сильно угрожать индивидуальной свободѣ каждаго. Еще ьше затрудненій встрѣтитъ коллективизмъ въ области распредѣленій.

Грагамъ несогласенъ съ Марксомъ, будто конкретный трудъ самыхъ различныхъ родовъ можно подвести подъ общій знаменатель абстрактнаго средняго труда. Коллективное государство не будетъ вслѣдствіе этого обладать справедливыми критеріями для оцѣнки труда каждаго изъ участниковъ кооперации и такимъ образомъ не будетъ въ состояніи распредѣлять на основахъ справедливости весь продуктъ труда между всѣми участниками производства. Наконецъ Грагамъ не можетъ себѣ разрѣшить вопроса, какъ будетъ совершаться обмѣнъ въ соціалистическомъ государствѣ. Все это вмѣстѣ взятое доказываетъ, по мнѣнію Грагама, всю неосуществимость коллективизма. „Коллективизмъ представляется несбыточнымъ средствомъ... Невозможна... всеобнимающая предпріимчивость государства въ промышленной области, уничтоженіе денегъ и процентовъ, распредѣленіе богатства сообразно часамъ работы, или всеобщее уравненіе заработной платы“ (стр. 248).

Мы думаемъ, что приведенное достаточно ясно характеризуетъ научную цѣнность книги „Старый и новый соціализмъ“. Ничто не можетъ быть такъ несправедливо по отношенію къ „новому соціализму“, какъ обвиненіе его въ неисторичности. Ни Сенъ-Симонъ, ни тѣмъ паче Марксъ не разсматриваютъ свой соціализмъ какъ цѣль, какъ идеалъ, который не имѣетъ ни начала, ни развитія, который не имѣетъ корней въ исторической дѣйствительности, а наоборотъ, они видятъ въ соціализмѣ неизбѣжное слѣдствіе историческаго развитія современнаго общества. Сенъ-Симонъ считалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ своей доктрины, что она впервые даетъ объясненіе и устанавливаетъ законы историческаго развитія человѣческаго общества.

Очевидно, что доказать невозможность коллективизма возможно только на основаніи критики всей экономической системы Маркса и всей соціологической концепціи соціалистическихъ теоретиковъ. Къ сожалѣнію, Грагамъ не дѣлалъ ни то, ни другое. Изъ всей экономической системы Маркса Грагамъ извлекъ только его исторію цѣнности въ ея наиболѣе абстрактномъ видѣ, какъ она изложена въ I т. „Капитала“, безъ тѣхъ необходимыхъ дополненій, которыя сдѣланы Марксомъ въ III томѣ“, а вся соціологическая концепція соціализма оставлена имъ совершенно безъ вниманія. Но даже и въ этой очень ограниченной части критика его не можетъ претендовать на особую глубину или оригинальность.

Грагамъ не только не стоитъ на высотѣ своей задачи въ области критики экономическихъ положеній современнаго соціализма, но онъ въ своей книгѣ обнаруживаетъ непониманіе самой проблемы соціализма или коллективизма.

Отмѣтимъ, что Грагамъ въ своей критикѣ коллективизма не считаетъ даже нужнымъ останавливаться ни на развитіи тредъ-юніонизма, ни на другихъ явленіяхъ рабочаго движенія. Онъ даже не замѣчаетъ, что заслуги новаго соціализма состоятъ не въ замѣнѣ менѣе совершенной схемы коллективизма болѣе совершенною, а именно въ указаніи на тѣ реальныя пружины современной общественной жизни, которыя должны привести въ окончательномъ счетѣ къ торжеству соціализма.

Въ одномъ только отношеніи Грагамъ проявляетъ настоящую ори нальность. Это въ законопроектѣ объ обложеніи большими налогами слѣдственныхъ имуществъ. Онъ вмѣстѣ съ Миллемъ принимаетъ тео сенъ-симонистовъ, что право наслѣдованія должно быть ограничено ществомъ. Онъ не идетъ такъ далеко, какъ сенъ-симонисты, котор требовали полной отмѣны права наслѣдованія, но онъ допускаетъ вольно сильное ограниченіе этого права въ особенности по отноше

въ крупнымъ наслѣдствамъ. Оригиналенъ онъ при этомъ въ своей мотивировкѣ этого права общества на часть богатствъ, оставшихся послѣ смерти собственниковъ. Такъ какъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на свободной конкурренціи частныхъ капиталистовъ предпринимателей, богатства каждаго предпринимателя составляются путемъ разоренія его противниковъ-соперниковъ, то—глубокомысленно разсуждаетъ Грагамъ,—эти предприниматели-соперники, потерпѣвшіе пораженіе въ промышленной войнѣ, имѣютъ право на часть богатства, которое накопилъ ихъ счастливый побѣдитель. Поэтому Грагамъ предлагаетъ, чтобы часть сборовъ, которые получатся отъ обложенія наслѣдственныхъ состояній, должна идти въ пользу несчастныхъ соперниковъ-предпринимателей. Справедливость, по мнѣнію Грагама, требуетъ, чтобы капиталистъ-побѣдитель добровольно завѣщалъ или былъ вынуждаемъ государствомъ оставлять часть своего капитала въ пользу разоренныхъ имъ соперниковъ. Гора родила мышь. Великая реформа Сенъ-Симона, имѣвшая своею цѣлью перемѣну существующаго строя, превратилась въ свою противоположность. Не орудіемъ прогресса, а средствомъ задерживающимъ, тормозящимъ процессъ общественнаго развитія служитъ это ограниченіе права наслѣдованія въ системѣ „справедливости“ Грагама. Очевидно, что какъ бы мы ни смотрѣли на причины прогресса въ области экономическихъ отношеній, мѣропріятіе, предполагаемое Грагамомъ, способно только ставить преграды на пути общественнаго развитія. Если этотъ общественный прогрессъ достигается по формулѣ laissez faire путемъ свободнаго движенія личныхъ интересовъ въ системѣ взаимной конкурренціи, то очевидно, что всякое мѣропріятіе, направленное на искусственное поддержаніе какихъ бы то ни было элементовъ общества, должно вызывать только всеобщее разстройство и нарушеніе гармоническаго развитія всей общественной жизни. Если же допустить необходимость соціальнаго регулированія общественной жизни, то очевидно также, то это регулированіе не должно быть направлено на искусственное поддержаніе и сохраненіе какъ разъ тѣхъ элементовъ общества, которые уже успѣли доказать свою непригодность и безполезность, и которые поэтому излишни и вредны съ точки зрѣнія общественнаго прогресса. Если Грагамъ заявляетъ о себѣ, что онъ занимаетъ серединное мѣсто между „двумя крайними точками“, между Адамомъ Смитомъ и Карломъ Марксомъ, между теоретиками индивидуализма и соціализма, то это „серединное мѣсто“ не есть высшій синтезъ, гармонически объединяющій въ себѣ оба эти противоположные принципы, а межеумочное положеніе, при которомъ ни одинъ изъ принциповъ не доведенъ до своего логическаго конца, не продуманъ, какъ слѣдовало бы.

С. Мартынъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Н. О. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма.

Н. О. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. Спб. 1906. Книга ...скаго первоначально печаталась въ *Вопросахъ Философіи и Психо...іи* и тогда носила заглавіе: „Обоснованіе мистическаго эмпиризма“. ...ръ хорошо сдѣлалъ, что измѣнилъ это двусмысленное заглавіе. ...тицизмъ—терминъ не только неопредѣленный (достаточно и этой ...чины, чтобы стараться избѣгать его въ философіи), но и захватан... ...чедобросовѣстными руками и потому вдвойнѣ подозрительный, какъ

показатель неотчетливости мышленія и обличитель недобросовѣстности его. Искреннимъ, серьезнымъ мыслителямъ давно пора уговориться между собой сдѣлать свой языкъ цѣломудреннымъ и подарить словесныя побрякушки, которыя внутри пусты—салоннымъ диллетантамъ и болтунамъ, выступающимъ на декадентскихъ журфиксахъ. Лосскій—человѣкъ искренній, и добросовѣстность его, какъ мыслителя, несомнѣнно стоитъ внѣ подозрѣній. Объявивъ себя возстановителемъ мистицизма, онъ добился бы дешевыхъ рукоплесканій со стороны толпы жалкихъ риторовъ, желающихъ казаться философами. Хорошо, что онъ не пожелалъ этой славы.

Въ книгѣ Лосскаго есть элементъ личнаго творчества, но она не стоитъ особнякомъ въ новѣйшей философской литературѣ. Она связана съ обширнымъ теченіемъ, стремящимся къ преодолѣнію критицизма. Повидимому, на нашихъ глазахъ, въ философіи подготовляется революція, и еще одна изъ предпосылокъ познанія, до сихъ поръ не возбуждавшая подозрѣній и наивно принимавшаяся на вѣру, будетъ сложена въ архивъ мысли. Первоначально человѣческій умъ весь опутанъ подобными предпосылками. Онѣ—фундаментъ нашихъ опытныхъ знаній, тѣ исходныя научныя истины, въ которыя мы безсознательно вѣруемъ, вѣруемъ такъ твердо и слѣпо, что даже не задаемъ себѣ вопроса, на чемъ основана такая увѣренность. Но тѣмъ и разнится гносеологія отъ эмпирики, что ея обѣтъ—de omnibus dubitandum и ея вѣчная, послѣдняя цѣль—добраться до исходнаго знанія, абсолютно огражденнаго отъ сомнѣній. Вся исторія развитія философіи, если брать ее съ гносеологической стороны, есть исторія единственнаго вопроса: что намъ извѣстно достовѣрно и несомнѣнно?

Критицизмъ есть та ступень этой лѣстницы, когда вѣра въ объективное бытіе замѣнена вѣрой въ субъективную дѣятельность, т.-е. въ то, что существуетъ нѣчто активное, какой-то механизмъ или дѣятель, вырабатывающій по своимъ законамъ познаніе. Предпосылка критицизма такая, что наши мысли—*результатъ дѣятельности*, продуктъ работы познавательнаго механизма. Кантъ видитъ этотъ механизмъ въ нашемъ разумѣ, Шопенгауэръ говоритъ прямо о мозгѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вѣра въ познавательный аппаратъ не основана на непосредственной очевидности, и скептицизму позволительно утверждать, что хотя въ существованіи нашихъ мыслей, въ тотъ моментъ, когда онѣ находятся передъ нами, нѣтъ никакой возможности усомниться, но процессъ выработки этихъ мыслей какимъ-то познавательнымъ аппаратомъ—называть ли его разумомъ или мозгомъ—есть не фактъ, а недоказанная гипотеза. Между тѣмъ на этой гипотезѣ покоится все зданіе критицизма и особенно его увѣренность въ томъ, что наши знанія насквозь относительны, потому что созданы нашимъ разумомъ и неизбѣжно отражаютъ его природу. Новѣйшія теченія въ философіи хотятъ преодолѣть критицизмъ, обнаруживъ, что и онъ догматиченъ, ибо выстроенъ на недоказанной предпосылкѣ,—на *гипотезѣ* о познавательномъ аппаратѣ и его творческой дѣятельности. Область очевиднаго суживается: теперь уже послѣдняя достовѣрность прилагается не къ существованію предметовъ (какъ дѣлаютъ наивные реалисты) и не къ существованію познавательной дѣятельности (какъ поступали позитивисты и критицисты), исключительно къ существованію тѣхъ „данныхъ"—ощущеній, чувствъ, мыслей—какія нами *непосредственно переживаются*. Въ этой новой углубленной гносеологіи и вопросъ объ относительности познанія долженъ быть внимательно пересмотрѣнъ. Для Канта эта относительность—аксіома

потому что всякое знаніе было для него субъективнымъ, обусловленнымъ природой ума. Но вотъ оказывается, что съ точки зрѣнія гносеологіи не умъ первѣе познанія, а познаніе первѣе ума, потому что и существованіе ума—не фактъ, а недоказанная гипотеза. Намъ сначала предстоитъ разобрать, каковы критеріи истинности, а потомъ уже съ точки зрѣнія этихъ критеріевъ оцѣнивать природу ума.

Анализъ догматической предпосылки, служащей фундаментомъ критицизму, произведенъ Лосскимъ блестяще. Въ Россіи это первая и единственная попытка (если не считать статьи пишущаго эти строки въ декабрьскомъ нумерѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи* отъ 1904 года). Превосходенъ историческій очеркъ о предпосылкахъ докантовской философіи, рисующій старинную тему (о спорѣ раціонализма и эмпиризма) въ новой, оригинальной перспективѣ. Здѣсь особенно хотѣлось бы подчеркнуть, что въ рѣзкой философской работѣ можно встрѣтить такое изложеніе, какъ у Лосскаго. Двѣ первыя главы его книги написаны такъ ясно и плавно, что ихъ можно было бы назвать „популярными“, если бы отъ популярныхъ писаній ихъ не отличала глубина мысли и полная серьезность ея.

Въ главѣ третьей Лосскій уже подходитъ къ тому, что составляетъ сущность его ученія, въ отличіе не только отъ критицизма, но и отъ новыхъ монистическихъ направленій (напр. имманентной философіи). Лосскій не ограничивается тѣмъ, что отрицаетъ относительность знанія. Онъ дѣлаетъ еще шагъ дальше: говоритъ, что всякое знаніе непосредственно содержитъ въ себѣ свой объектъ, такъ что въ нашихъ „субъективныхъ“ переживаніяхъ намъ даны и самыя вещи: „мы вовсе не думаемъ, будто, когда мы воспринимаемъ шаръ, мы имѣемъ въ сознаніи представленіе о шарѣ, а внѣ я находится дѣйствительный шаръ или какое-то нѣчто, которое своимъ дѣйствіемъ вызвало представленіе о шарѣ; мы полагаемъ, что шаръ, составляющій содержаніе нашего воспріятія, и есть именно часть міра не-я“. (стр. 81).

Границу между субъективнымъ и объективнымъ Лосскій видитъ не въ противоположности между вещью и состояніемъ сознанія, а въ различіи двухъ классовъ переживаній—объективныхъ, какъ бы навязанныхъ извнѣ, сопряженныхъ съ сознаніемъ „данности ихъ субъекту“ и субъективныхъ, отмѣченныхъ чувствованіемъ „принадлежности мнѣ“.

Нетрудно замѣтить, что такія различія между переживаніями въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Если передъ нами находится высокая бѣлая стѣна, рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ голубого неба, и если, смотря на нее, „мы станемъ припоминать, на какой выставкѣ была картина изъ итальянской жизни, воспроизводящая этотъ контрастъ между небомъ и стѣнами домовъ, то несомнѣнно *усилія припоминанія* окрашены совершенно инымъ чувствованіемъ, чѣмъ стѣна; стѣна переживается, какъ что-то чуждое мнѣ, навязанное мнѣ извнѣ, а усилія припоминанія живо ашены чувствованіемъ близости ко мнѣ; безъ всякихъ теорій, безъ кого изученія этихъ процессовъ, руководясь непосредственною отмѣтк, лежащею на нихъ, мы считаемъ одно переживаніе „моимъ“, а другое относимъ къ чуждому міру не-я, и навѣрное еще ни одному человѣку не приходило въ голову, что бѣлая стѣна входитъ въ составъ его я, усилія припоминанія принадлежатъ голубому небу“ *).... „Такимъ образомъ, знаніе о внѣшнемъ мірѣ, *что касается близости къ объекту* (курс. Л. Г.), ничѣмъ не отличается отъ знанія о внутреннемъ мірѣ. Про-

*) „Обоснованіе интуитивизма“, стр. 74.

цессъ въ я („мой" процессъ, напр. усиліе припоминанія) не просто совершается, а становится познаннымъ событіемъ, если я обращу на него вниманіе и путемъ сравненія выдѣлю его изъ другихъ переживаній; точно также и процессъ внѣ я („данный" мнѣ процессъ; напр. стремительное теченіе воды въ ручьѣ) не просто совершается, а становится познаннымъ событіемъ, если я отличу его отъ другихъ событій. Иными словами, *міръ не-я познается такъ же непосредственно, какъ и міръ я.* Разница только въ томъ, что въ случаѣ знанія о внутреннемъ мірѣ и объектъ знанія и процессъ сравниванія его находятся въ сферѣ я, а при познаніи внѣшняго міра объектъ находится внѣ я, а сравниваніе его происходитъ въ я; значитъ въ процессѣ познанія внѣшняго міра объектъ *трансцендентенъ въ отношеніи къ познающему я*, но несмотря на это онъ остается *имманентнымъ самому процессу знанія:* слѣдовательно, знаніе о внѣшнемъ мірѣ есть *процессъ*, одною своею стороною разыгрывающійся въ мірѣ не-я (матеріалъ знанія), а другою стороною совершающійся въ мірѣ я (сравниваніе") *).

Здѣсь Лосскій строитъ на почвѣ, подготовленной руками психологистовъ, особенно же Липпса и Джэмса. У Липпса, въ его маленькой „Логикѣ", уже проводится раздѣленіе переживаній на „зависимыя отъ субъективнаго произвола" и „насильственно навязываемыя извнѣ", и на этой непосредственной противоположности конструируются субъектъ и объектъ, міръ внутренній и міръ внѣшній; Джэмсъ же убѣжденъ въ томъ, что въ нашемъ непосредственномъ опытѣ содержатся не только свойства предметовъ, но и вся сумма ихъ взаимныхъ соотношеній (взаимодѣйствія, причинныя связи, измѣненія, послѣдовательность и т. д.), т.-е. не одни только качества, а качества, объединенныя въ вещи,—такъ что мы не *конструируемъ* внѣшній міръ, а непосредственно *переживаемъ* его. Лосскій нѣсколько измѣнилъ аргументацію (да и то больше съ формальной стороны), замѣнилъ чувство „зависимости отъ я" и чувство „независимости отъ я" чувствованіями „данности мнѣ" и „принадлежности мнѣ", но шелъ въ общемъ по пути Липпса и пришелъ къ выводамъ Джэмса, признавъ *вещи* — непосредственно-данными, имманентными наличнымъ переживаніямъ („внѣшній міръ трансцендентенъ познающему я, но имманентенъ самому процессу знанія"). „Такое ученіе о знаніи—поясняетъ онъ полученный результатъ—конечно, требуетъ, чтобы мы освободились отъ стараго представленія объ абсолютной субстанціальности я и допустили совершенную объединенность я и не-я (подобную той объединенности, какая существуетъ между различными душевными процессами въ самомъ я), благодаря которой жизнь внѣшняго міра дана познающему я такъ же непосредственно, какъ и процессъ его собственной внутренней жизни. Для краткости въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ называть это непосредственное сознаваніе внѣшняго міра терминомъ *интуиція*, а также терминомъ *мистическое воспріятіе*.... Это названіе оправдывается прежде всего слѣдующимъ соображеніемъ. Философскій мистицизмъ, имѣвшій до сихъ поръ обыкновенно религіозную окраску всегда характеризуется ученіемъ о томъ, что Богъ и человѣческое знаніе не отдѣлены другъ отъ друга непроходимою пропастью, что возможны по крайней мѣрѣ минуты полнаго сліянія человѣческаго существа съ Богомъ, минуты экстаза, когда человѣкъ чувствуетъ и переживаетъ Бога такъ же непосредственно, какъ свое я. Наша теорія знанія заключаетъ въ себѣ родственную этому ученію мысль, именно —

*) „Обоснованіе интуитивизма", стр. 82.

жденіе, что міръ не-я (весь міръ не-я, включая и Бога, если онъ есть) познается такъ же непосредственно, какъ міръ я" *).

Лосскій хочетъ освободить свою философію отъ всякихъ догматическихъ предпосылокъ. Онъ поэтому отбрасываетъ *гипотезу*, по которой всѣ объекты нашего знанія суть результатъ дѣятельности субъекта или воздѣйствія на него внѣшнихъ силъ, и исходитъ изъ наличныхъ переживаній. Но вѣдь наличныя переживанія—не предметы. Несомнѣненъ догматизмъ тѣхъ, кто подходитъ къ непосредственно-данному съ заранѣе сложившимся убѣжденіемъ, что это данное есть результатъ чьей-то дѣятельности или создано чьимъ-то воздѣйствіемъ на субъектъ. Но догматична и увѣренность въ томъ, что представленія о внѣшней реальности, какія мы находимъ въ себѣ, всецѣло совпадаютъ съ этой реальностью.

Не сомнѣваясь въ существованіи переживаній, отмѣченныхъ особымъ сознаніемъ „независимости отъ субъективнаго произвола", мы утверждаемъ, что не въ этомъ сознаніи состоитъ сущность предметности. Переживаніе, независимое отъ воли, далеко еще не есть вещь. Дерево не потому вещь, что его образъ мнѣ принудительно навязывается,—галлюцинація, иллюзія или рисунокъ обладали бы такою же „объективностью": но когда я отвернусь въ сторону, уйду или закрою глаза, когда образъ, видѣнный мною, перестанетъ существовать въ моемъ опытѣ, я все же буду продолжать вѣрить, что само-то дерево существуетъ, что стоитъ мнѣ вернуться къ нему, открыть глаза или повернуть голову и я снова его увижу и узнаю. Эта вѣра въ независимое существованіе—*независимое не отъ субъективнаго произвола, а отъ отдѣльнаго наличнаго впечатлѣнія*—и составляетъ сущность предметности или вѣрнѣе сознанія предметности. Независимость *отъ субъективнаго произвола* есть—какъ справедливо указываетъ Липпсъ—простое данное непосредственнаго сознанія (Лосскій говоритъ здѣсь о чувствованіи). Но независимость *отъ субъективнаго впечатлѣнія*—т.-е. отъ наличнаго опыта—никоимъ образомъ не можетъ быть *данной:* ее можно только *мыслить* и *постулировать*, но отнюдь не фактически *переживать*. Нельзя же переживать то, что, по самому своему опредѣленію, не можетъ быть дано въ настоящемъ, а только за чертою его.

„Интуитивизмъ" Н. О. Лосскаго, утверждающій (отчасти вслѣдъ за Джэмсомъ), что предметы и ихъ отношенія даны намъ въ непосредственномъ опытѣ и въ доказательство ссылающійся на то, что въ этомъ непосредственномъ опытѣ есть субъективныя и *объективныя* данныя—смѣшиваетъ *объективность* переживаній съ *предметностью* реальныхъ вещей,—т.-е. два вида независимости отъ субъекта, кореннымъ образомъ разнящіеся другъ отъ друга. Такимъ образомъ вопросъ о предметности—о нашемъ правѣ постулировать существованіе вещей—собственно говоря не рѣшается, а обходится. Въ этомъ, впрочемъ, повиненъ не одинъ Лосскій: вся новѣйшая монистическая философія не углубляется въ проблему предметности, какъ въ свое время углублялся нее Кантъ. Попытка Шуппе въ его „Гносеологической Логикѣ" остась единичной и обособленной. Остальные либо ограничиваются тѣмъ, о, какъ Джэмсъ, стираютъ всякую разницу между представленіемъ ъ отсутствующемъ объектѣ и непосредственнымъ переживаніемъ его, бо же, какъ Липпсъ, признаютъ, что сужденія о вещной реальности гда основаны на „примышленіи" и постулированіи, но старательно одятъ вопросъ, чѣмъ оправдывается такое постулированіе и что даетъ

*) „Обоснованіе интуитивизма", стр. 82—99—100.

намъ логическое право на него. Лосскій поступаетъ, какъ Джемсъ: для него существованіе вещей представляется не проблематическимъ постулатомъ, а такимъ же непосредственнымъ фактомъ, какъ переживаніе любого качества.

Собственно вопросъ о предметности—т.-е. о нашемъ правѣ постулировать существованіе вещей—есть только частный случай другого, болѣе общаго вопроса—о нашемъ правѣ вообще утверждать существованіе чего бы то ни было, что не дано намъ въ непосредственномъ опытѣ настоящаго наличнаго момента. Въ наличномъ сомнѣваться нельзя: здѣсь корень и оплотъ достовѣрности. Но уже въ томъ, что есть прошлое и будущее, что за чертою непосредственно-даннаго вообще что либо существуетъ,—сомнѣваться не только можно, но съ гносеологической точки зрѣнія и безусловно должно.

Не преодолѣвъ этого основного сомнѣнія—преодолѣвъ, конечно не замазываніемъ, а логическимъ его устраненіемъ—нельзя подвинуть гносеологію ни на шагъ.

Книгу Лосскаго я признаю очень цѣнной, поскольку она ясно и убѣдительно доказываетъ, что критическія и позитивистическія утвержденія о неизбѣжной относительности знанія основаны на догматической предпосылкѣ и потому могутъ быть приравнены къ предразсудку. Очень цѣнна и логическая часть книги, посвященная проблемѣ абстракціи и синтезирующая номинализмъ съ реализмомъ. Что же касается самой теоріи интуитивизма, то я думаю, что въ ней есть крупный пробѣлъ—обходъ проблемы предметности—и что поэтому, хотя ея онтологическіе выводы могутъ оказаться справедливыми, сама она, по своей гносеологической конструкціи, едва-ли можетъ быть признана состоятельной.

Леонидъ Галичъ.

ИСТОРІЯ.

В. Либкнехтъ. **Къ юбилею мартовской революціи.—*Макс. Баэръ.*** **Австрія въ первую половину XIX в. Перев. подъ ред. Базарова и Степанова. Вып. II.**

В. Либкнехтъ. Къ юбилею мартовской революціи. Переводъ съ нѣм. Б. Александровой. Ц. 30 к. Изд. „Новый Міръ". Стр. 173. Книга Либкнехта посвящена исторіи революціи 48 г. въ Германіи. Цѣль ея—отчасти полемическая: она направлена противъ тѣхъ историковъ, которые придавали мартовской революціи значеніе только частнаго эпизода въ исторіи Германіи XIX вѣка, не имѣвшаго почти никакихъ послѣдствій. Самъ Либкнехтъ не склоненъ преувеличивать ея значенія: онъ видитъ въ ней революцію главнымъ образомъ политическую, но и политическія ея завоеванія—разрушеніе остатковъ феодальнаго строя и временное проведеніе въ жизнь принципа народнаго суверенитета—онъ считаетъ крупнымъ шагомъ впередъ. Главное же значеніе мартовской революціи Либкнехтъ видитъ въ томъ, что ея конецъ „былъ началомъ новой революціи," экономической, обострившей классовую борьбу и дѣйствовавшей въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, усиливавшей опору реакціи—крупный капитализмъ, съ другой—вызывавшей къ жизни ту силу, которой впослѣдствіи суждено смести и реакцію и капитализмъ—пролетаріатъ. Эта идея объ обостреніи классовыхъ контрастовъ придаетъ книгѣ Либкнехта вполнѣ опредѣленный марксистскій характеръ. Вообще она является талантливо составленной и съ интересомъ читающейся иллюстраціей къ марксистскому пониманію исторіи. Кромѣ указаннаго въ заголовкѣ перевода книги Либкнехта существуетъ и дру-

сдѣланный подъ редакціей г. Степанова, въ изданіи Е. Д. Мягкова „Колоколъ". Онъ озаглавленъ „Изъ исторіи Германіи XIX в." и отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ опущено патетическое обращеніе къ „мертвецамъ", павшимъ въ мартовскіе дни въ борьбѣ за свободу. Оба перевода вполнѣ удовлетворительны.

В. Перцевъ.

Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Выпускъ второй. Изданіе С. Скирмунта. Намъ уже приходилось давать отчетъ на страницахъ *Русской Мысли* (кн. I., 1906 г.) о первомъ выпускѣ книги Баха. Въ немъ были изложены событія трехъ первыхъ мѣсяцевъ австрійской революціи (отъ марта до іюня 1848 г.). Второй выпускъ охватываетъ время отъ начала іюня 1848 г. до осени 1849 г. Содержаніемъ перваго выпуска служитъ борьба реакціи и революціи внутри самой Вѣны, содержаніемъ второго—борьба реакціи, отчаявшейся „сломить революцію въ Вѣнѣ посредствомъ самой Вѣны", противъ австрійской столицы изъ провинціи и съ помощью провинціи. Поэтому во второмъ томѣ національному вопросу, который въ первомъ томѣ почти не затронутъ, удѣлено очень много мѣста, и отношенія Австріи къ венграмъ, хорватамъ, сербамъ и чехамъ изложены съ значительной полнотой. Авторъ—сторонникъ матеріалистическаго пониманія исторіи: „идеи тоже имѣютъ свою исторію, говоритъ онъ, и поворотные пункты въ исторіи ихъ развитія, какъ и въ исторіи вообще, отмѣчены экономическими моментами" (348 стр.), но нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія была имъ вполнѣ выдержана; противорѣчія классовыхъ интересовъ въ эпоху революціи представлены недостаточно ясно, и роль экономическихъ факторовъ недостаточно ярко выступаетъ изъ-за спокойнаго и подчасъ почти лѣтописнаго характера разсказа. При всемъ этомъ книга Баха по полнотѣ собраннаго матеріала, по живости характеристикъ отдѣльныхъ личностей, по увлекательности хотя и спокойныхъ описаній наиболѣе выдающихся положеній является лучшимъ на русскомъ языкѣ пособіемъ по исторіи австро-венгерской революціи.

В. Перцевъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Гаазе. Классовое правосудіе. Перев. Жбанковой и Витина.

Гаазе. Классовое правосудіе. Перев. съ нѣмецкаго Н. Жбанковой и Ал. Витина. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Ал. Витина. Со вступленіемъ и подъ редакц. П. Н. Малянтовича.—Изд. Гаврилова. Москва, 1907. Ц. 30 коп. Вопросы уголовнаго права до послѣдняго времени мало разрабатывались въ соціалистической литературѣ. Правда, еще со времени Томаса Мора соціалистическіе писатели одчеркиваютъ, что преступленіе есть продуктъ такого общественнаго троя, при которомъ лишь немногіе избранные могутъ удовлетворять ои потребности, а остальные—весь народъ—обреченъ на голодъ или ступленіе. Этотъ тезисъ они пытались обосновать статистическими ными (Колаяни), приводя факты зависимости преступныхъ дѣяній, ихъ та и качества отъ хлѣбныхъ цѣнъ, кризисовъ и т. д.

Но дальше этого „соціологическаго" изученія преступленія и факто-ъ, его обусловливающихъ, соціалистическая школа не шла. Она не лизировала детально дѣйствующее уголовное законодательство, чтобы ать его буржуазную сущность. Она не анализировала и практику

современныхъ судовъ, которые стремятся своимъ толкованіемъ законовъ оградить интересы предпринимателей въ ущербъ интересамъ рабочимъ. Правда, такой анализъ былъ отчасти данъ Менгеромъ (Новое ученіе о государствѣ), но и этотъ анализъ касался лишь нѣсколькихъ §§ германскаго уголовнаго уложенія.

Докладъ Гаазе, представленный имъ Мангеймскому партейтагу 1906 года, отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ въ соціалистической литературѣ. Правда, онъ останавливается, главнымъ образомъ, не на законодательствѣ, а на его толкованіи германскими судьями. Онъ ставитъ своей цѣлью доказать, что въ Германіи нѣтъ „суда праваго", а есть „классовое правосудіе", что судьи своимъ толкованіемъ обратили и безъ того не склонные къ защитѣ рабочихъ законы въ орудіе противъ нихъ. Впрочемъ, судьи и не скрываютъ своего отношенія къ рабочимъ, къ партіи, ихъ интересы охраняющей—къ соціалъ-демократіи. „Такъ какъ со злодѣевъ соціалъ-демократовъ снята теперь смирительная рубаха драконовскихъ исключительныхъ законовъ, то дѣйствующее право должно придти на помощь для желательнаго обузданія ихъ. Но такъ какъ наше уголовное уложеніе не приноровлено спеціально къ тому, чтобы служить орудіемъ противъ соціалъ-демократіи, то нужно превратить его въ это орудіе путемъ *тонкаго и изящнаго* толкованія дѣйствующихъ нормъ, то распространяя значеніе этихъ нормъ, то ограничивая ихъ"... такъ говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ германскихъ судей и криминалистовъ.

Гаазе приводитъ и примѣры такого „тонкаго и изящнаго толкованія" законовъ:

1) Если антисемитическая пресса ежедневно подстрекаетъ къ борьбѣ съ евреями, то автору *не* предъявляется обвиненія „въ публичномъ возбужденіи одного класса противъ другого". Если же ученый пишетъ статью противъ крупнаго землевладѣнія, призывая къ борьбѣ съ аграріями, онъ попадаетъ въ тюрьму.

2) Если штрейкбрехеръ безъ всякой причины *убиваетъ* стачечника, то судъ его оправдываетъ, презумируя „возможность необходимой обороны". „Былъ ли хоть одинъ случай, когда судъ отнесся бы такъ же къ рабочему, не пользующемуся покровительствомъ начальства?! Былъ ли оправданъ хоть одинъ рабочій, утверждавшій, что онъ дѣйствовалъ въ состояніи необходимой обороны, такъ какъ ему показалось, что на него нападаютъ"... (стр. 45).

Очевидно, существуетъ „двойное измѣреніе"—двойная справедливость у германскихъ судей...

Кромѣ ѣдкой, уничтожающей „классовое правосудіе" критики, въ докладѣ Гаазе обоснованы отдѣльныя требованія, выставляемыя германской соціалъ-демократіей въ области уголовнаго права и процесса. Требованія эти приложены къ докладу Гаазе въ формѣ резолюціи мангеймскаго партейтага. Нѣкоторыя изъ нихъ совпадаютъ съ новѣйшими положеніями уголовной политики: тутъ говорится и объ условномъ осужденіи, о замѣнѣ краткосрочнаго тюремнаго заключенія денежнымъ штрафомъ, объ условномъ освобожденіи, объ особыхъ судахъ для малолѣтнихъ преступниковъ и т. д. Затѣмъ выставляется рядъ требованій необходимыхъ исключительно для охраны интересовъ рабочихъ классовъ признаніе и обезпеченіе закономъ права „стачечныхъ постовъ", введенія защиты закономъ рабочей силы и т. д.

Мы можемъ усиленно рекомендовать читателю эту брошюру: она проливаетъ яркій свѣтъ на современное правосудіе.

Г. Закъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *Александръ Блокъ.* Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ. 51

Политическая экономія: *В. Грагамъ.* Соціализмъ новый и старый. Перев. И. Е. Стеблина-Каменскаго. 52

Философія: *Н. О. Лосскій.* Обоснованіе интуитивизма. 55

Исторія: *В. Либкнехтъ.* Къ юбилею мартовской революціи.—*Макс. Бахъ.* Австрія въ первую половину XIX в. Перев. подъ редакціей Базарова и Степанова. Вып. II. 60

Юридическія книги: *Гаазе.* Классовое правосудіе. Перев. Жбанковой и Витина. 61

БОЛЬНЫМЪ!!!

„Да будетъ всѣмъ извѣстно, что секаровская жидкость есть возстановитель силъ, укрѣпляющее, а не возбуждающее средство. Эта жидкость, возвращая больному силу, заставляетъ исчезнуть всякій недугъ самимъ собою. Это своего рода узда, совершенно безвредная, назначеніе которой—задержать роковые шаги человѣка къ старости. Однимъ словомъ, это источникъ жизни, болѣе могущественный, чѣмъ переливаніе крови и всѣ остальные способы, примѣняемые въ борьбѣ съ человѣческою слабостью въ цѣляхъ задержанія ея печальныхъ послѣдствій" (д-ръ медиц. Гаузэ, основат. Броунъ-Секаровскаго инст. въ Парижѣ).

Французскій врачъ профессоръ Броунъ-Секаръ, 72-лѣтній старикъ, вынужденъ былъ старческимъ ослабленіемъ силъ къ отказу отъ врачебной практики и чтенія лекцій. Въ ослабѣвшемъ тѣлѣ профессора еще работала мысль и, понятно, особенно сильно надъ тѣмъ, какъ бы возвратить себѣ энергію молодости. Растеревъ железы только что убитаго здороваго кролика въ солоноватой водѣ и процѣдивъ черезъ батистъ полученную въ ступѣ жидкость, Броунъ-Секаръ впрыснулъ себѣ подъ кожу и послѣ перваго же впрыскиванія почувствовалъ себя бодрѣе. Послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній онъ сталъ снова работать и читать лекціи, увлекая ясностію изложенія своихъ слушателей-студентовъ. Въ лабораторію свою, находившуюся въ 3-мъ этажѣ, помолодѣвшій профессоръ сталъ подниматься съ прежнею легкостью, и когда поразившее всѣхъ улучшеніе здоровья оказалось не временнымъ, а прочнымъ, онъ сообщилъ о своемъ открытіи ученому міру. Съ тѣхъ поръ врачи установили, что вытяжки изъ железъ животныхъ незамѣнимы: при упадкѣ силъ отъ старости, малокровія (анэміи, блѣдной немочи, рахита) или тяжкихъ заболѣваній, при разстройствѣ нервной системы отъ умственнаго и физическаго переутомленія, половыхъ излишествъ, онанизма, при сухоткѣ и параличахъ, при мужскомъ слабосиліи, при водянкѣ, отъ неправильной дѣятельности сердца, сахарномъ мочеизнуреніи и для очистки организма при золотухѣ, не вполнѣ излѣченномъ сифилисѣ и подагрѣ. и пр.

Выдержки изъ отзывовъ больныхъ о получ. отъ Калениченко вытяжкахъ.

Премногоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Прямо не знаю, какъ благодарить васъ. Я теперь совершенно здоровъ; подъемъ силъ *громадный*, веселость прямо *необыкновенная*, работоспособность хорошая, отсутствіе дрожанія рукъ при писаніи по утрамъ, на занятіе иду съ охотой, работаю скоро и ловко, мысли ясныя, аппетитъ хорошій, отправленія тоже. Какъ хорошо жить! Большое спасибо Вамъ. Всегда буду Вамъ благодаренъ, *а равно и всѣмъ тѣмъ, кто способствовалъ распространенію этого единственнаго средства.* 19—20/10—06 г. Смоленскъ. Съ уваж. къ Вамъ *В. Масловъ.*

Глубокоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Результаты пріема 2-хъ флаконовъ вытяжекъ превосходятъ всѣ самыя радужныя ожиданія мои. Два флакона вытяжекъ сдѣлали то, чего не могли сдѣлать два сезона на Кавказѣ, за что приношу свою горячую благодарность за вытяжки, буквально вернувшія меня къ жизни. Готовый къ услугамъ *П. В. Селивановъ.* Г. Липецкъ, Маріинскій заводъ, 25-го сентября 1906 г.

Уважаемый г. *Калениченко!* Мой мужъ болѣлъ ревматизмомъ нѣсколько лѣтъ, былъ истощенъ и слабъ, и онъ не оставлялъ постели. Аппетитъ и сонъ отсутствовали. Но какъ только началъ употреблять ваши вытяжки, то сталъ сейчасъ же поправляться, появились аппетитъ и сонъ, страданія прекратились, сталъ веселъ и теперь совершенно здоровъ. Вѣсъ тѣла увеличился на 11 фунтовъ. *Съ почтеніемъ А. В—цель. Рига, Перновская ул., д. № 7, кв. 7.*

Г. Калениченко, Д. К. Я заболѣлъ сифилисомъ, получилъ 35 уколовъ, послѣ чего всегда чувствовалъ себя слабымъ, апатію къ жизни; аппетитъ и сонъ были дурны. Года два до заболѣванія сифил. я занимался онанизмомъ. Послѣ принятія 2-хъ флакон. вытяжекъ я себя чувствую прекрасно: вѣсъ тѣла увеличился, въ лицѣ пополнѣлъ, порозовѣлъ, настроеніе веселое, бодрое, аппетитъ и сонъ хорошіе. *Г. М. К.* Москва, 26-го іюля 1906 г.

„Продленная жизнь".

Научно-популярное сочиненіе д-ра Гаузэ, какъ возстановить (продлить) по способу знамен. проф. Броунъ-Секара жизненныя силы, ослабленныя болѣзнями или старостью, грѣхами молодости, чрезмѣрнымъ умственнымъ или физическимъ трудомъ и проч. Въ книгѣ „Факты, факты, снова факты, вѣчно факты, силою фактовъ я заставлю слѣпыхъ видѣть, глухихъ слышать, нѣмыхъ говорить" (Гаузэ). Даже скептики убѣдятся фактами въ томъ, что всякій можетъ поддержать свои физич. и умств. силы и испытать счастье здороваго человѣка. Цѣна 1 р., перес. 25 к. изъ конторы Д. Калениченко.

Зубное средство Денсъ.

Д. Калениченко (жидк. и порош.) успокаиваетъ мучительную зубную боль, укрѣпляетъ шатающіеся зубы, обезвреживаетъ всосавшіеся и гніющіе между искусствен. и естествен. зубами пищевые соки, уничтожаетъ дурной изо рта запахъ, придаетъ зубамъ бѣлый блестящій цвѣтъ.

Вытяжки Д. К. Калениченко

для внутренняго употребленія (спорминъ) собств. лаб., бывш. д-ра Тельнихина, изгот. подъ наблюден. врачей. Фирма Д. К. Калениченко удостоена высшихъ наградъ на выстав. въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ и самыхъ лестныхъ отзыв. отъ массы больныхъ за вытяжки. На этикетѣ вытяжекъ изображена та марка Калениченко въ видѣ женщины съ лавр. вѣнкомъ, два grand prix и 4 стороны двухъ боль. золот. медалей. Поддѣлывателя будутъ преслѣдоваться по закону. Цѣна 1 флак. вытяжекъ Пересыл. 1—4 предм. 50 к. Высыл. и налож. платеж. (аптек. скидка). **2 р. 50**

Брошюра о вытяж. и Денсѣ высылается безплат.

ДЕНСЪ—1 руб., кор. порош.—80 к.

Адресъ Д. КАЛЕНИЧЕНКО: Москва, Петровск. бу д. № 182 („Эрмитажъ").

Фабрика существуетъ съ 1833 г.

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха СОФІЙКА.

Основной капиталъ общества 3.000.000 р.

ЧУЛКИ дамскіе и дѣтскіе, носки, фуфайки, вязаныя кальсоны шелковые, фильдекосовые, бумажные и шерстяные.

Большой выборъ чулокъ фантази.

Изящный выборъ моднаго мужского вязанаго бѣлья разныхъ цвѣтовъ.

Для мужского бѣлья получены въ громадномъ выборѣ послѣднія новости заграничныхъ **ЗЕФИРОВЪ.**

МАГАЗИНЪ

КАНЦЕЛЯРСКИХЪ И ПИСЧЕБУМАЖНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

МОСКВА, Никольская, д. Чижовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ на исполненіе типографскихъ работъ, конторскихъ книгъ, доставку всевозможныхъ канцелярскихъ принадлежностей въ учебныя и общественныя учрежденія.

Обширный выборъ НОВОСТЕЙ.

XXXIX г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки. **5 руб.** съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ.

(„Дѣтское Чтеніе".)

Вышла мартовская книга журнала „Юной Россіи" за 1907 г.

Содержаніе: I. Оковы съ природы лучъ солнца сорвалъ. Стихотвореніе. Ел. Буланиной. Съ рисункомъ. II. Волчья падь. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисунками художника В. В. Спасскаго. Продолженіе. III. Бахчисарай. Стихотвореніе. Павла Россіева. IV. Красная отмѣтка. Съ англійскаго Вега. Съ рисунками. Окончаніе. V. На зарѣ. Евгенія Шведера. VI. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. Джека Лондона. Переводъ съ англійскаго. Р. Рубиновой. Часть II-я. Глава II.—Логовище. Глава III.—Сѣрый волчонокъ. Глава IV.—Внѣшній міръ. Продолженіе. VII. Къ солнцу. Очеркъ. VII.—„Надо подчиняться обстоятельствамъ. VIII.—Терзанія.—Другъ. Ивана Шмелева. Продолженіе. VIII. Безсмертная любовь. (Индійская сказка.) Съ англійск. Проф. А. Л. Погодина. Продолженіе. IX. Самый богатый король. (Изъ Кернера.) Стихотвореніе. Анатолія Добролюбова. X. Зимнія забавы въ Норвегіи. В. Францовой. Съ рисунками. XI. Передъ весной. Стихотвореніе. А. Бѣльскаго. XII. На Балхашѣ. Съ рисунками. Проф. А. М. Никольскаго. Продолженіе. XIII. Набѣгъ. (Абхазское преданіе.) В. Гатцука. XIV. Барбаруссо. Стихотвореніе. Н. Новича. XV. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна.) III.—Логъ-гаузъ опустѣлъ. Ал. Алтаева. Съ рисунками художника Гарнака. Продолженіе. XVI. О нелетающихъ птицахъ. С. Покровскаго. Съ рисункомъ. Окончаніе. XVII. Изъ исторіи общества и государства. Очеркъ первый.—Исторія трудового народа. III.—Тучные и тощіе. Я. А. Берлина. Съ рисунками. Продолженіе. XVIII. Смѣсь. XIX. По бѣлу свѣту. XX. Объявленія.

При этой книжкѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ книжка безплатнаго иллюстрированнаго приложенія: Я. А. Берлинъ. Старшіе братья въ семьѣ народовъ. Очеркъ первый. Хозяева земли.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

---

1 р. 75 к. безъ перес. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 Г.** **2 р.** съ перес.

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Вышла мартовская книга журнала „Педагогическій Листокъ" за 1907 г.

Содержаніе: I. Моя жизнь. Записки. Н. Ѳ. Буланова. Продолженіе.—II. Л. Н. Толстой о воспитаніи. Позднѣйшіе взгляды Толстого. Переводъ съ англійскаго. Продолженіе.—III. Ложь у дѣтей. Окончаніе. И. Алешинцева.—IV. Народное образованіе въ Германіи. Бориса Флита.—V. Подъ впечатлѣніемъ „Бранда" Ибсена. Стихотворенія. Ел. Буланиной.—VI. Великій Новгородъ. Ел. Буланиной.—VII. Наша школа. Н. А. Скворцова. VIII. Среди журналовъ и газетъ. В.—IX. Земскіе общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Д. В.—Библіографія: Новая народная школа. Первая послѣ букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и дома. Составлена кружкомъ учителей подъ редакціей Ѳ. Борисова и Н. Лаврова. Т.—Всеволодъ Флеровъ. Новый русскій букварь для обученія и письму. Т.—XI. Приложеніе. Какъ постепенно дошли люди до настоящей ариѳметики. Общедоступные очерки для любителей ариѳметики. Листъ одиннадцатый. В. Беляустина.

Подписная цѣна:

„Дѣтское Чтеніе" безъ „Педагогическаго Листка".	„Педагогическій Листокъ" безъ „Дѣтскаго Чтенія".	„Дѣтское Чтеніе" съ „Педагогическ. Листкомъ".
Безъ пер. на 1 г. 4 р. 50 к.	Безъ пер. на 1 г. 2 р. — к.	Безъ пер. на 1 г. 5 р. — к.
Съ перес. „ 1 „ 5 „ — „	Съ перес. „ 1 „ 2 „ — „	Съ перес. „ 1 „ 6 „ — „

Адресъ редакціи: Москва, Вольная Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ

1907 годъ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XVIII.

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

НА 1907 ГОДЪ.

Вышла I (январь—февраль) книга 1907 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Великій инквизиторъ. Н. Бердяева.—Бернардъ Мандевиль и его „Басня о пчелахъ". Н. Виноградова.—Въ защиту научно-философскаго идеализма. Б. Кистяковскаго.—О любви къ Богу и любви къ ближнимъ. С. Аскольдова.—Генрихъ Риккертъ. М. Рубинштейна.—Критика и библіографія.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1907 г. по 1 января 1908 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ—6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкою въ 2 руб.

ПОДПИСКА на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: Новаго времени, Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторъ Л. М. Лопатинъ.

Отъ комитета по организаціи празднованія 25-тилѣтняго юбилея гимназіи М. Н. Стоюниной.

25 октября 1906 года въ С.-Петербургѣ русское общество чествовало 25-тилѣтіе частной женской гимназіи М. Н. Стоюниной. Неустанный трудъ и борьба въ теченіе четверти вѣка за тѣ педагогическіе идеалы, которые были возвѣщены крупнымъ русскимъ педагогомъ В. Я. Стоюнинымъ и осуществлялись въ гимназіи М. Н. Стоюниной, не могли не вызвать живого отклика въ обществѣ, принявшемъ горячее участіе въ чествованіи М. Н. Стоюниной въ день юбилея. Среди близкихъ сотрудниковъ ея возникла мысль увѣковѣчить имена этихъ общественныхъ дѣятелей какимъ-нибудь реальнымъ дѣломъ. Рѣшено было собрать средства для устройства народной школы имени В. Я. и М. Н. Стоюниныхъ въ мѣстности, которую укажетъ сама М. Н. Стоюнина. Въ настоящее время сборъ денегъ далъ четыре съ половиною тысячи (4,500) рублей, собрать же желательно до 7,000 руб., чтобы можно было обезпечить школу хорошей классной мебелью и хорошими учебными пособіями.

Организовавшійся по сбору этихъ средствъ комитетъ обращается ко всѣмъ почитателямъ и друзьямъ, сочувствующимъ дѣятельности М. Н. Стоюниной, чтящимъ память В. Я. Стоюнина, съ предложеніемъ принять посильное участіе въ осуществленіи намѣченной цѣли. Комитетъ надѣется, что идея народной школы найдетъ откликъ въ сердцахъ тѣхъ, кто вѣритъ въ лучшее будущее родины, вѣритъ, что лучи знанія согрѣютъ и облагородятъ народную массу.

Пожертвованія на народную школу имени Стоюниныхъ принимаются слѣдующими ...ами комитета: А. А. Бѣлозеровой (Спб., Загородный пр., д. 28, кв. 38), Н. А. ...убовской (Спб., Троицкая, 11, кв. 19) или же пожертвованія могутъ доставляться ...мя тѣхъ же лицъ черезъ гимназію Стоюниной (Кабинетская, 20).

...Въ настоящее время комитетомъ изданъ юбилейный сборникъ, доходъ съ котого поступитъ въ фондъ народной школы имени Стоюниныхъ. Сборникъ содержитъ ...себѣ: „Историческій очеркъ гимназіи", составленный А. А. Каменской, рѣчь ...З. Гиппіуса: „Педагогическія идеи Стоюнина въ исторіи нашего общества", всѣ ...са, привѣтствія, извлеченія изъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ въ день ...лея гимназіи. При сборникѣ помѣщены портреты В. Я. и М. Н. Стоюниныхъ. ...а сборника 50 коп. Желающіе получить сборникъ могутъ выписывать его отъ ... Колубовской (адресъ указанъ выше).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету

НОВЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

проф. В. И. Вернадскаго, кн. Павла Д. Долгорукова, Н. М. Жданова, пр.-д. Ф. Ф. Кокошкина, пр.-д. С. А. Котляревскаго, проф. С. А. Муромцева, проф. П. И. Новгородцева, И. И. Попова и проф. Г. Ф. Шершеневича.

Въ составъ сотрудниковъ газеты вошли:

проф. А. С. Алексѣевъ, Ф. К. Арнольдъ, Н. Н. Баженовъ, Д. Д. Бекаревковъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, А. Вергежскій, А. Э. Вормсъ, Л. И. Гальберштадтъ, В. А. Ганейзеръ, М. И. Ганфманъ, П. М. Головачевъ, М. І. Гольдштейнъ, Н. А. Гредескулъ, пр.-д. Н. В. Давыдовъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, Д. Н. Егоровъ, А. А. Зубриланъ, А. С. Изгоевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. А. Кауфманъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Б. А. Кистяковскій, И. А. Кистяковскій, проф. В. О. Ключевскій, А. А. Корниловъ, А. М. Колюбакинъ, проф. А. Е. Крымскій, А. Р. Ледницкій, Я. И. Лисицынъ, кн. Г. Е. Львовъ, Ф. Н. Лянды, М. Л. Мандельштамъ, В. А. Маклаковъ, Ф. В. Миллеръ, В. Д. Набоковъ, Пандъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, проф. Л. І. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, проф. Д. М. Петрушевскій, Д. Д. Плетневъ, Т. П. Полнеръ, К. М. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ, В. В. Пржевальскій, А. Ф. Рубинчикъ, А. В. Смирновъ, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, Н. В. Тесленко, А. А. Тимофеевъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, пр.-д. М. И. Фриланъ, проф. М. П. Чубинскій, пр.-д. А. А. Чупровъ, кн. Д. И. Шаховской, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, М. П. Щепканъ, Н. Н. Щепкинъ, А. С. Ященко и др.

Редакція помѣщается на Большой Никитской, въ домѣ Пѣнкиной.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ:	на 6 мѣс.	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
Въ Москвѣ съ доставкой	10 р.—к.	5 р. 50 к.	3 р.—к.	1 р.—к.
Въ города съ пересылкой	11 „ „	6 р.—к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
За границу	18 „ „	9 „ „	4 „ 80 „	1 „ 90 „

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ — 20% скидки. Допускается разсрочка. Цѣна объявленій за строку петита впереди текста—50 к., позади текста—25 к.

Подписка принимается въ конторѣ газеты: Кузнецкій Мостъ, д. Юнкеръ, у Н. Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ.

Издатель Н. Г. Смирновъ.
Редакторъ Л. М. Родіоновъ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

Телеграфный адресъ: Москва, „ТИПОКУШ.“

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

ПЕЧАТНАГО ДѢЛА И ТОРГОВЛИ

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
ЛИТОГРАФІЯ, ФОТОТИПІЯ,
ЦИНКОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ КІЕВѢ, Караваевская ул., домъ № 5,
въ ПЕТЕРБУРГѢ (Минист. Пут. Сообщ.),
Фонтанка, домъ № 117.

МАГАЗИНЪ

конторскихъ книгъ и писчебумажныхъ принадлежностей.

Москва, Никольская ул., домъ бр. Чижовыхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

для продажи изданій собственныхъ и отпечатанныхъ въ типографіяхъ Т-ва.

Подробный каталогъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.

Открыта подписка на 1907 г.

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изюева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	**12 р.**	**9 р. — к.**	**6 р.**	**3 р. — к.**	**1 р. — к.**
За границу	**14 „**	**10 „ 50 „**	**7 „**	**3 „ 50 „**	**1 „ 25 „**

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Русскую Мысль» безъ перерыва благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.

Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

1-го [illegible]
БИБЛІОТЕКА
САПЕРНАГО БАТАЛІОНА.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	МЫ ПЛЫВЕМЪ.—Осипа Дымова	1
II.	СѢРЫЕ... Разсказъ.—О. Руновой	7
III.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ѳедора Сологуба	24
IV.	ПЛАМЯ.—Анны Соколовой	27
V.	ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ.—Н. М. Катаева	52
VI.	ОПАСНЫЕ ЛЮДИ.—Нанда	97
VII.	ИЗЪ МЕЛКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ А. ФРАНСА. Садовникъ Петуа.—Странный случай.—Христосъ съ хора.—Перев. Ал. Чеботаревской	124
VIII.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Василевскаго	146
IX.	АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЖИЗНИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.—А. А. Чупрова	1
X.	КРЕСТЬЯНСКІЕ ПРИГОВОРЫ 1905 ГОДА.—К. Сивкова	24
XI.	КАКЪ ОСУЩЕСТВИТЬ ЕДИНОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО?—Б. А. Кистяковскаго. *Продолженіе*	49
XII.	ФРАНЦУЗСКІЙ ПРОЕКТЪ ЗАКОНА О РАБОЧЕМЪ ДОГОВОРѢ.—Л. Таля	72
XIII.	ВОЛЬТЕРЪ И ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ. Георга Брандеса. Перев. съ датск.—В. С.	99
XIV.	КОНЕЦЪ ГОРЬКАГО.—Д. В. Философова	122
XV.	I. В. Э. БОРИСОВЪ-МУСАТОВЪ. II. ТВОРЧЕСТВО М. В. НЕСТЕРОВА.—П. П. Муратова	142
XVI.	ПРЕДПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.—Л. Шестова	159
XVII.	ПИСЬМА ИЗЪ ТАВРИЧЕСКАГО ДВОРЦА.—А. А. Кизеветтера	190
XVIII.	ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ. (Замѣтки публициста).—А. С. Изгоева	200
XIX.	ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	210
XX.	ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго	227
XXI.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Политическая экономія.—Исторія.—Юридическія книги.—Публицистика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 апрѣля 1907 г.	63
XII.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Книжный складъ при типографіи

Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

МОСКВА, Пименовская ул., собств. д.

Изданія, состоящія на складѣ Т-ва:

BEDE, DONALD. Самодѣйствующіе фонтаны. Съ 3-мя таблиц. рисунковъ. Ц. 50 к.

БЕККЕРЛЕДЖЪ, О. Простѣйшій фонографъ и его изготовленіе. Ц. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Простѣйшій телескопъ и его изготовленіе. Ц. 65 к.

ЕГО ЖЕ. Простой микроскопъ и его изготовленіе. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Объ устройствѣ (простѣйшихъ) акваріумовъ прѣсноводнаго и морского. Руков. для любителей. Ц. 35 к.

ЕГО ЖЕ. Спектроскопъ и его изготовленіе. Ц. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Полярископъ и его изготовленіе. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Воздушный (пневматическій) насосъ и его изготовленіе. Руководство для любителей. Ц. 40 к.

BENNETT, R. A. Фотографія въ декоративномъ дѣлѣ, руководство для любителей ремесла и искусства, съ 20 политипажами въ текстѣ. Ц. 50 к.

БРІОНЪ, ДЖОНЪ. Подновленіе старыхъ гравюръ, рисунковъ, чертежей и подклеиваніе ихъ. Предохраненіе и подновленіе живописи масляными красками (съ табл. чер.). Ц. 60 к.

WALKER, F. Устройство электрическаго органа. Руководство для любителей электротехниковъ. (Со многими политипажами). Ц. 40 к.

ГАММОНДЪ и Э. БИ. Электрическое освѣщеніе въ домашнемъ быту. Изд. 2-е, переработанное и значительно увеличенное. Съ 14 политипажами и 2 табл. чертежей. Ц. 75 к.

ДУБОВСКІЙ, Ю. Живопись по маіоликѣ и глинѣ эмалевыми красками, съ 10-ю политипажами. Ц. 65 к.

ДЮМОНЪ и ФИЛИППОНЪ. Начала ручного труда. Лѣпныя и гипсовыя работы. Ц. 40 к.

ИХЪ ЖЕ. Начала ручного труда. Работы изъ картона и бумаги. Ц. 40 к.

ИХЪ ЖЕ. Начала ручного труда. Тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги. Ц. 40 к.

ИХЪ ЖЕ. Начала ручного труда. Складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги. Ц. 40 к.

ИХЪ ЖЕ. Начала ручного труда. Построенія—наклеиванія. Ц. 40 к.

ИХЪ ЖЕ. Начала ручного труда. Работы изъ проволоки. Ц. 50 к.

ДЮМУЛЕНЪ. Цвѣтная фотографія. Способы Бекереля, Кроса, Дюкоса, Липмана и др. (Воспроизведеніе красокъ фотографіей.) Ц. 70 к.

ЛАДВЕЗЪ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руков. для любителей-фотограф. Ц. 35 к.

LANNEK, D-r. Fr. Живопись по дереву (акварельными красками) съ замѣткой о лакировкѣ. Руководство для любителей ремесла и искусства. Изд. 2-е. Ц. 65 к.

LELAND, C. Рѣзьба по дереву. Руководство для любителей, со многими политипажами въ текстѣ и 150 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 2 р.

ЛЁППЕ, Р. Электрическіе аккумуляторы. Обработалъ и дополнилъ **Ю. Г. Еленковскій**, инженеръ-электрикъ. Съ 50 чертежами въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

ЛУКАСЕВИЧЪ, Г. Подборъ шестеренъ при нарѣзкѣ винтовъ на самоточкѣ. (Рѣзаніе винтовъ и разсчетъ смѣнныхъ шестеренъ.) Практическое руководство для лицъ, имѣющихъ дѣло съ самоточкою. Переводъ съ нѣмецкаго инжен.-механика **А. К. Бессель.** Ц. 1 р. 50 к.

MARISSIAUX, L. & E. R. HAMDRAH. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ, съ 15 рис. на отдѣльной таблицѣ. Ц. 35 к.

MARISSIAUX, L. Праксиноскопъ (зеркальный стробоскопъ) и его приготовленіе. Руководство для любителей. Ц. 40 к.

SOWARD, ALFRED. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними, съ описаніемъ устройства для сбора дождевой воды и способовъ испытанія ея. Руководство для мастеровъ-любителей. Ц. 75 к.

СТОКСЪ, Л. Л. Живопись на стеклѣ, съ 4-мя литографированными таблицами. Руков. для любителей. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Искусство и секреты золоченія. Перев. съ англійскаго Эпифаніи. Руков. для любител. ремесла. Ц. 70 к.

ФЕРРЕ. Легкое и дешевое фотогравированіе. Ц. 75 к.

ЕГО ЖЕ. Фотогравированіе безъ фотографіи. (Цинкографія.) Ц. 75 к.

FLATHER, J. Канатныя передачи. Съ атласомъ чертежей въ 15 таблицъ. Ц. 2 р. 60 к.

ФРЭПОНЪ, Ѳ. Акварель. Цвѣты и плоды. Ц. 1 р. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. Ц. 1 р. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Акварель. Морскіе виды. Ц. 1 р. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Акварель. Пейзажъ, со многими рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 1 р. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Акварель. Головки, лица и фигуры. Искусство писать фигуры акварелью. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Акварель. Натюръ-мортъ. Ц. 1 р. 20 к.

FOURNIER, W. & CANTER. Электрическіе звонки, ихъ устройство и условія правильнаго дѣйствія, съ 53 политипажами въ текстѣ. Руководство для любителей ремесла и научныхъ примѣненій. Ц. 1 р.

ЭДВИНСОНЪ, Г. Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машинку. Съ 25 политипажами въ текстѣ. 6-е исправ. изданіе. Ц. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. Съ 15 политипаж. въ текстѣ. Изд. 4-е, исправленное. Ц. 40 к.

ЭДВИНСОНЪ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ приложеніемъ отдѣльной статьи „О паяніи свинца". Сост. по Эдвинсону, Шмидту и др. источн. инж. **М. Блокъ.** Съ 177 политипажами въ текстѣ. **Вошелъ 2-го изданія.** Ц. 1 р. 70 к.

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

НОВАЯ КНИГА:

СТИХОТВОРЕНІЯ

С. Д. ДРОЖЖИНА (1866—1888).

Третье, значительно исправленное и дополненное, изданіе, съ предисловіемъ, фототипическимъ портретомъ автора и записками его о своей жизни и поэзіи. Изданіе Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1907 г. Стр. 53

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская улица собств. домъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1907.

Slav 30.11

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. МЫ ПЛЫВЕМЪ.—Осипа Дымова	1
II. СѢРЫЕ... Разсказъ.—О. Руновой	7
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ѳедора Сологуба	24
IV. ПЛАМЯ.—Анны Соколовой	27
V. ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ.—Н. М. Катаева	52
VI. ОПАСНЫЕ ЛЮДИ.—Нанда.	97
VII. ИЗЪ МЕЛКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ А. ФРАНСА. Садовникъ Пипуа.—Странный случай.—Христосъ съ моря.—Перев. съ франц. Ал. Чеботаревской	124
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Василевскаго	146
IX. АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЖИЗНИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.—А. А. Чупрова	1
X. КРЕСТЬЯНСКІЕ ПРИГОВОРЫ 1905 ГОДА.—К. Сивкова.	24
XI. КАКЪ ОСУЩЕСТВИТЬ ЕДИНОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО?—Б. А. Кистяковскаго. *Продолженіе*	49
XII. ФРАНЦУЗСКІЙ ПРОЕКТЪ ЗАКОНА О РАБОЧЕМЪ ДОГОВОРѢ.—Л. Таля	72
XIII. ВОЛЬТЕРЪ И ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ. Георга Брандеса.—Перев. съ датск.—В. С.	99
XIV. КОНЕЦЪ ГОРЬКАГО.—Д. В. Философова	122
V. І. В. Э. БОРИСОВЪ-МУСАТОВЪ. II. ТВОРЧЕСТВО М. В. НЕСТЕРОВА.—П. П. Муратова	142
VI. ПРЕДПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.—Л. Шестова	159
II. ПИСЬМА ИЗЪ ТАВРИЧЕСКАГО ДВОРЦА.—А. А. Кизеветтера.	190

Стр.

XVIII. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ. (Замѣтки публициста).—А. С. Изгоева 200

XIX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда. 210

XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 227

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Политическая экономія.—Исторія.—Юридическія книги.—Публицистика—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 апрѣля 1907 г. 68

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

МЫ ПЛЫВЕМЪ.

Къ Евгеніи Сомовой.

Мы плывемъ, и въ общей каютѣ, мѣрно позвякивая, вздрагиваютъ стеклышки канделябровъ. Тихо перестраиваясь текутъ берега—зеленые лѣса и красный песокъ. И неподвижно одно только небо съ бѣлыми іюльскими облаками, въ которыхъ похоронено наше дѣтство.

На пароходѣ мы еще не всѣ перезнакомились. Вдоль лѣваго борта очень вѣтрено, но тамъ, какъ и вчера, стоитъ женщина, и голова ея окутана черной косынкой. Она ни съ кѣмъ не разговариваетъ, смотритъ на берегъ. Мимо оконъ черезъ правильные промежутки появляется вчерашняя пара: молодой судебный слѣдователь и гимназистка въ короткомъ коричневомъ платьѣ. Они кружатъ по пароходу, словно въ странномъ обрядѣ... Въ столовой пьютъ чай старикъ лѣсничій въ синихъ очкахъ, его жена и еще одна женщина, видимо крестьянка. Лѣсничій наклоняется и пальцемъ сбрасываетъ съ подбородка жены приставшія крошки хлѣба.

Мѣрно позвякиваютъ стеклышки канделябровъ, мягко стучитъ въ рамѣ тяжелое шлифованное стекло, текутъ, перестраиваясь, ряды деревьевъ и—вотъ дохнулъ вечеръ.

Его узнать сразу. Вода въ рѣкѣ рѣзко дѣлится на двѣ части какъ разъ здѣсь, у парохода: впереди, свѣтлая ясная поверхность, ровная, какъ вечернее поле; поглядѣть назадъ—темная сердитая глубина, вода стучитъ о пароходъ... На капитанской вышкѣ появляются два татарина; снимаютъ калоши, аккуратно ставятъ ихъ, какъ танцмейстеръ, въ первую позицію, разстилаютъ передъ собою бѣлые платки поднявъ лица къ небу, неслышно молятся.

Назади все болѣе темнѣетъ, рѣка словно дѣлается глубже, кажет- наше прошлое уплываетъ. Отъ постояннаго движенія деревья на ѣгу устали за день и такъ какъ мы далеко—совсѣмъ перестаютъ ѣсняться: они останавливаются и всѣ вмѣстѣ сливаются въ темно-летовую сплошную массу. Чего ужъ тутъ—думаютъ деревья:— ча, такъ мы спимъ...

Татаре скрылись, потухло солнце... Весь пароходъ освѣщенъ электричествомъ и сіяющимъ легкимъ призракомъ уносится къ свѣтлымъ безмятежнымъ пространствамъ, гдѣ, распластавшись, ждетъ новаго неизжитаго неба завтрашній день.

И вотъ встаетъ завтра подъ новымъ, никогда не бывшимъ небомъ. Раннее утро. Мы гдѣ-то стоимъ. Стучатъ, вкатываясь, тяжелыя упругія отъ переполненія бочки. Голоса. Въ звукѣ ихъ—лѣто и солнце и долгій золотой день. Кто-то говоритъ длинную назойливую фразу о соли и шестистахъ рубляхъ: видите, деньги чуть не вернули, но былъ праздникъ воскресенье и потому... Но уже приходитъ сонъ, утренній сонъ, утренній молодой сонъ—счастливѣе и радостнѣе котораго нѣтъ въ мірѣ. Въ эти послѣдніе полтора часа въ нашемъ организмѣ все достраивается, отдѣлывается, и запасъ жизненныхъ силъ, который будетъ израсходованъ за день, приходитъ въ стройное легкое прочное равновѣсіе. Налетаетъ сонъ и съ нимъ утреннія видѣнія сквозь закрытое сознаніе, образы и ощущенія спускающіяся глубоко до самаго сердца. Кто знаетъ? Можетъ быть, именно они—забытая причина нашихъ дневныхъ поступковъ, нашихъ чувствъ и страстей, тѣхъ, что прикрѣпляются къ внѣшнимъ фактамъ только какъ къ случайному предлогу...

...Десять часовъ. Пристань далеко позади—Богъ съ ней. Словно вчерашній день вернулся, но, гдѣ-то побывавъ ночью, сталъ еще легче, радостнѣе. По сіяющей золотой лѣстницѣ поднялись мы на слѣдующую ступень, гдѣ въ зеленомъ дыму росисто и прозрачно и гдѣ душа растворяется въ золотомъ озерѣ. Судебный слѣдователь ходитъ по палубѣ, заглядываетъ въ оконца каютъ, думаетъ: гдѣ же гимназистка? Старый лѣсничій съ женой и деревенской бабой пьютъ чай; у жены лѣсничаго умный сердечный взглядъ—кажется, вся ея безхитростная жизнь—на ладони. Сидятъ два коммивояжера полысѣвшихъ, потертыхъ; съ ними смуглая статная женщина, которой видимо все равно. Въ утреннемъ воздухѣ, безъ конца ныряя, купается длинный цвѣтной флагъ, и кажется, что это странный приборъ, который добываетъ, выманиваетъ изъ воздуха счастье, притягиваетъ его, какъ шпицъ башни—молнію.

И вотъ счастье наступило въ 12 часовъ съ минутами. Оно прильнуло къ самому сердцу, открыло всѣ его входы, вошло и оттуда разнеслось по тѣлу, захватывая мозгъ, закрывая мокрые отъ чудесныхъ слезъ глаза.

Счастье ждетъ насъ въ опредѣленномъ мѣстѣ—въ зимней комнатѣ, въ лѣсу, на сушѣ или на водѣ. Какъ это можно знать гд

Ждетъ неподвижно цѣлыми годами, и, носясь въ пространствѣ, мы въ извѣстный часъ, въ извѣстную, точно и заранѣе опредѣленную минуту должны очутиться въ этомъ мѣстѣ. Какъ? Длинная цѣпь причинъ и слѣдствій, какъ долгая дорога, приведетъ насъ. Мы бродимъ въ темнотѣ, чья-то рука около насъ, сбиваетъ съ пути, мнетъ наши планы и приводитъ къ опредѣленному мѣсту гдѣ, давно, притаившись, залегло наше счастье и ждетъ.

Нельзя предчувствовать этого мѣста даже за минуту—такъ странно. Кажется: сколько разъ проходили и не замѣчали. Но это не такъ. Просто: не наступило еще время, т.-е. не вся дорога нами пройдена...

...Мы не предчувствовали ничего. Относило назадъ темные строгіе утренніе берега, впереди разстилался день, какъ неизслѣдованная страна, и вдругъ снизу черезъ палубу просочились звуки музыки. И въ то же мгновеніе насъ, какъ теплымъ воздухомъ, охватило необъяснимое счастье.

Въ трюмѣ у самой кормы на гармоникѣ игралъ слѣпой. Ему двадцать лѣтъ, у него длинное лицо, рыжіе волосы, безъ шапки, съ нимъ сестра-дѣвочка. Его обступили крестьяне, татаре и бабы. Слѣпой сидя раскачивается широкимъ движеніемъ впередъ и назадъ, и однообразно стонетъ гармоника. Зрѣетъ мотивъ; въ длинномъ речитативѣ онъ спрятанъ, какъ зерно въ скорлупѣ, наливается силой въ темныхъ басахъ, пробуетъ излиться въ перебоѣ дисканта.

Слѣпой раскачивается, свѣтитъ солнце, обливаетъ насъ, край длиннаго свисшаго флага въ водѣ, и такъ мы плавно движемся мимо темныхъ лѣтнихъ береговъ.

Онъ все раскачивается, вызывая пѣсню, и она рождается. Колдовство! Она прорвала одежду аккомпанемента и выглянула, высунувъ голову.

А-а—и разскажу вамъ про удалаго...

...увидѣла солнце и воду и берега и насъ всѣхъ—наши лица...

Про путеводителя Макарова...

...Пѣсня поднялась выше, перекинулась черезъ бортъ, и ее отнесло назадъ вмѣстѣ съ дымомъ.

Но тутъ настигаетъ ее аккомпанементъ упорный, темный, закрываетъ ее, какъ плащомъ, гаситъ, убиваетъ оттѣнки, дробитъ крикъ тихимъ стономъ плыветъ вмѣстѣ съ нами.

Плыветъ и вотъ оно—счастье. Въѣхали въ него. Здѣсь, здѣсь! кій счастливый вѣтеръ, тихое движеніе, кончикъ флага въ водѣ, рное раскачиваніе слѣпца и строгія простыя лица вокругъ. Весь оходъ съ буфетомъ, судебнымъ слѣдователемъ, піанино и стек-

лышками канделябровъ вошелъ въ полосу голубого счастья, какъ въ мирный туманъ... Ахъ, неужели скоро проѣдемъ?

Слѣпой началъ слѣдующій куплетъ.

Нѣтъ, еще не проѣхали. Что за удивительныя минуты! Обѣдали и потомъ спали—въ счастьѣ стояли у пристани, выгружали утромъ соль въ голубомъ счастьѣ; низкое крыло вечера уже овѣяло наши лица, а оно все тянется... часы проходятъ, мы не проѣзжаемъ. Гдѣ же кончается?... Хорошо стоять и смотрѣть, какъ на далекихъ баркахъ зажигаются высоко на мачтахъ огоньки. Еще свѣтло, и потому кажется, что эти блѣдные кроткіе огоньки висятъ въ воздухѣ. И далѣе впереди все тотъ же зачарованный ритмъ жизни, который влечетъ насъ и весь пароходъ.

Снова молятся татаре, дѣлится рѣка на двѣ части, и тихо въ счастливомъ ритмѣ выплываетъ надъ рѣкой медленная луна — «вотъ я»!

— Вотъ я,—говоритъ луна и останавливается посереди всей ночи и ждетъ: что-то теперь будетъ.

И начинается... Гимназистка съ блѣднымъ измученнымъ лицомъ поднимается на палубу, подходитъ къ каютѣ; странно, но вѣдь здѣсь спитъ судебный слѣдователь. Вдругъ рядомъ появляется капитанъ; онъ говоритъ ей что-то сурово, она смущенно отступаетъ, уходитъ. Капитанъ дотрагивается до ея плеча, гимназистка усмѣхается, и капитанъ, наклонивъ голову, идетъ за ней. Исчезаютъ.

Прислонившись къ желѣзному пруту, стоитъ женщина; лицо ея окутано. Поэтъ подходитъ къ ней. Она говоритъ:

— Я подняла въ коридорѣ листокъ бумаги. Я сразу догадалась, что это вы писали. Вы поэтъ?

У нея все лицо въ мелкихъ ямкахъ отъ оспы. Но теперь при лунѣ не видно. Каждый годъ она изъ Нижняго ѣдетъ въ Пермь и обратно тѣмъ же пароходомъ въ той же каютѣ. Все время у нея закрыто лицо, она открываетъ его только ночью при лунѣ, если къ ней подойдетъ поэтъ свечеру.

Проѣхали ночью, во снѣ, и никто не замѣтилъ какъ. Полоса счастья шириной почти въ два лѣтнихъ дня окончилась, осталась позади. Мы спали, не знали этого, не догадывались. Въ темнотѣ въ общей каютѣ такъ же тихо звенѣли стеклышки канделябровъ, и чрезъ окна глядѣлъ поблескивая бѣлый глазъ предразсвѣтной воды. Мы спали. Какъ колдовство свершались наши жизни, кто-то ве

строгій счетъ нашему существованію, срывались и падали въ бездну минуты, какъ мѣрныя капли—мы плыли—насъ уносило куда-то.

И вотъ проснулись. Тихо вздрагивая, несется пароходъ, деревья на берегу порѣдѣли, и сами берега раздвинулись. Исчезъ слѣпой пѣвецъ. Гимназистка странно усмѣхается, совсѣмъ не по дѣтски—положительно, она чахоточная. Все это было когда-то... вотъ-вотъ вспомнишь. Было подъ этимъ небомъ, сплошь затянутымъ облаками, какъ глазъ бѣльмомъ... Какъ странно. Старый лѣсничій глядитъ на жену—ну-да, она сумасшедшая, за ней присматриваетъ баба... Два коммивояжера сидятъ въ пальто, щурятъ глаза, думаютъ о товарахъ; это они наняли вдвоемъ высокую смуглую женщину, которой все равно. А женщина изъ Нижняго съ рябымъ лицомъ не показывается, заперлась въ каютѣ.

Въ воздухѣ чувствуется что-то строгое, враждебное, злое. Нѣтъ, мы не одни—вокругъ насъ всюду, всюду, не занимая мѣста—вопреки всѣмъ законамъ физики дрожитъ, напрягается, роится странная жизнь будущаго. Чувствуете? Она торопитъ насъ. Мы мѣшаемъ, мы не освободили атомовъ матеріи, мы гости, мы занимаемъ чужое мѣсто—мѣшаемъ—насъ торопятъ, торопятъ, и въ строгомъ зломъ воздухѣ, срываясь, какъ зрѣлыя капли, упадаютъ въ бездну минуты, и мы плывемъ...

...Строгіе ровные голые берега—какъ широко разлилась вода. Солнце не показывается и въ этотъ день. Чахоточная гимназистка гуляетъ съ наглой улыбкой на устахъ. Нѣтъ, это вовсе не гимназистка; капитанъ не ошибся,—она раскрылась вся, какъ болотный цвѣтокъ на мохнатомъ стеблѣ. Судебный слѣдователь ходитъ за ней, говоритъ о чемъ-то, оба громко смѣются, близко глядятъ другъ другу въ глаза. А глаза у всѣхъ насъ измѣнились. Должно быть, что-то видно сквозь нихъ, какъ въ окна, потому что на пароходѣ становится жутко, молчаливо, задушенъ смѣхъ, закрыто піанино. Люди бродятъ, какъ загадки, оторванные другъ отъ друга,—и въ заколдованныхъ разрозненныхъ кругахъ свершаются ихъ жизни.

Сумерки сгущаются. Въ ушахъ реветъ вѣтеръ, замираетъ сердце; кое впечатлѣніе, что гдѣ-то совершено страшное преступленіе. Мы одиноки, одиноки подъ небомъ. Сзади на кормѣ извивается въ судорогахъ флагъ—теперь черный. Онъ хлопаетъ, словно выбрасываетъ изъ своихъ складокъ куски вѣтра, комья вѣтра, который кричитъ въ ушахъ о кровавыхъ гдѣ-то совершонныхъ преступленіяхъ. Мы одиноки. Наверху стоятъ татаре, вѣтеръ развѣваетъ ихъ платья... Молятся они или проклинаютъ?

Внизу въ трюмѣ жмутся къ теплой машинѣ темные голодные люди. Мы несемся, несемся чему-то навстрѣчу, и это неотвратимо. И у насъ лѣсничій съ сумасшедшей женой, чахоточная проститутка въ платьѣ гимназистки, поэтъ, два коммивояжера, нанявшіе общую женщину. Какъ насъ встрѣтятъ? Что мы скажемъ?

Ночь. Реветъ вода, грохочетъ, ударяя по сердцу, кровавый вѣтеръ...

Мы несемся. Навстрѣчу холодъ, какъ жестокая старость. Исчезла земля, растенія и птицы, грохочетъ вода, вѣтеръ дурманитъ мозгъ... вотъ раздается страшный безумный крикъ.

Кажется, что прошли тысячелѣтія и легли на глаза тяжестью временъ. Вѣки полуопущены, ихъ невозможно поднять. Словно долгій сонъ спустился, и въ цѣпенѣющемъ сознаніи вся жизнь кажется чернымъ кошмаромъ, и въ ней по замкнутымъ кругамъ въ молчаніи свершаются погасая чьи-то существованія...

Мы плывемъ...

Осипъ Дымовъ.

СѢРЫЕ.

(Разсказъ).

Всю ночь въ огромномъ, торговомъ селѣ Распольи производили обыски. Шелъ мокрый снѣгъ съ вѣтромъ. Кое-гдѣ желтѣли, какъ зерна разсыпавшагося ожерелья, рѣдкіе фонари. Было холодно и пустынно въ широкихъ, бѣлѣющихъ пространствахъ-улицахъ между безмолвными, словно вымершими домами. Безшумно, въ крутящейся сѣткѣ снѣга, подъѣзжали къ дому люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, скакали стражники, казавшіеся мутными и огромными. Всѣ выходы занимались вооруженными людьми. И на утро около домовъ, въ которые они входили, дѣвственный, только что выпавшій снѣгъ былъ взъерошенъ и истоптанъ множествомъ слѣдовъ. Кучами лежали мусоръ и навозъ. Люди вели себя, какъ животныя, и ихъ противные слѣды кругло желтѣли около самыхъ крылецъ. Жизнь въ селѣ началась, какъ и всегда, съ разсвѣтомъ влажнаго, сѣраго дня. Говорили, однако, не какъ всегда, а вполголоса. На базаръ по случаю вьюги почти никто не вышелъ. Изъ устъ въ уста передавалась по селу новость, что схватили и увезли Андрея Яковлевича, молодого учителя, съ добрымъ, дѣтскимъ лицомъ и заразительнымъ смѣхомъ. Называли еще двухъ-трехъ увезенныхъ. Число обысканныхъ домовъ и подробности обысковъ переплетались и множились. Страхъ за собственное существованіе разслаблялъ тѣло. Боялись выйти, провѣдать ысканныхъ. Во многихъ домахъ не отворили ставней. И казалось, о жизни нѣтъ. А есть только сѣрыя, вооруженныя фигуры, вьюга запятнанные, загрязненные дома и подъѣзды.

Между рядами столиковъ съ замерзшими, разрубленными вродѣ мутовъ тушами и грудами мороженой рыбы прошла, извиваясь узкомъ и кривомъ проходѣ, полурота солдатъ. Лица, всѣ бритыя, вѣтренныя, странно похожія другъ на друга, торчащіе кверху

штыки и сѣрыя, плотно прилегающія къ фигурамъ шинели, дѣлали полуроту похожей на какого-то страннаго, безпощаднаго и грязнаго звѣря, медленно ползущаго, замершими отъ ужаса пустыми улицами. Торговки тесемками и пуговицами, съ красными, припухшими отъ мороза лицами, низко наклонились надъ своими столиками. Онѣ чувствовали, что если будутъ продолжать смотрѣть на вытягивающагося и приближающагося щетинистаго звѣря, то не выдержатъ и убѣгутъ.

Самъ Никита Трефильевичъ Узморцевъ молча тронулъ своего кучера за плечо, и тотъ, понимая каждое движеніе хозяина, повернулъ тысячнаго рысака въ занесенный снѣгомъ переулокъ.

Никита Трефильевичъ ѣхалъ взглянуть на окончательную погрузку пшеницы, гужомъ отправляемую имъ въ уѣздный городъ. Въ этомъ голодномъ, небывало голодномъ году онъ наживалъ, благодаря своей выдержкѣ и дѣловитости, больше полутора милліоновъ рублей чистаго.

Съ августа раскрылись его амбары, стоявшіе вдоль берега рѣки рядомъ неприступныхъ, ревниво оберегаемыхъ крѣпостей, и какъ золото, какъ награбленное со всего свѣта золото, текло оттуда тяжелое, отборное зерно и увозилось въ баржахъ. Люди останавливались передъ нимъ и долго стояли въ нѣмомъ созерцаніи, не будучи въ силахъ оторваться отъ этого источника силы и жизни. Встрѣчаясь потомъ на улицахъ, на базарѣ они говорили другъ другу съ жаднымъ блескомъ въ глазахъ: «Хлѣба-то, хлѣба-то у Узморцева! Возьми его теперь и вывали въ Волгу—Волгу перепрудишь!»

Состояніе Узморцева оцѣнивалось десятками милліоновъ; его земли и хутора разбѣгались во всѣ стороны отъ Полѣсья, цѣлая армія управляющихъ, приказчиковъ, довѣренныхъ и «покупателей» готова была исполнить малѣйшій знакъ его воли. Къ этому всѣ привыкли. Но полтора милліона однимъ глоткомъ было черезчуръ даже для Узморцева, тѣмъ болѣе, что, кромѣ него, только одинъ еще изъ десяти хлѣбныхъ королей Полѣсья наживался на триста тысячъ. И дѣлая уступку общественному мнѣнію, Никита Трефильевичъ пожертвовалъ на постройку бѣгло-поповской церкви шестьдесятъ тысячъ и роздалъ сельской бѣднотѣ семьсотъ билетовъ на полученіе печенаго хлѣба. Съ шести часовъ утра толпились люди около его литыхъ, выписныхъ воротъ, подъ высокими золоченными фонарями его дома, просторнаго, съ лѣпными украшеніями, съ башнями и смѣло повисшими террасами. Слабые и хилые приплетались, ведомые подъ руки, дѣтей привозили въ «сидобкахъ», ящикахъ на четырехъ колесикахъ, а позже—въ санкахъ. Народъ впускали на огромный, приме-

кающій къ конюшнямъ, дворъ и оттуда уже выпускали людей по одиночкѣ.

Шестеро узморцовскихъ служащихъ, здоровые крѣпыши въ длинныхъ сапогахъ и короткихъ теплыхъ курткахъ, рѣзали и раздавали куски хлѣба. Работали отъ шести часовъ утра до девяти во всякую погоду. Роптать никто не смѣлъ. Узморцевъ платилъ хорошее жалованье, давалъ пенсіи; у него жилось сытно и привольно, но онъ не терпѣлъ, чтобы его распоряженія исполнялись иначе, какъ съ радостнымъ, улыбающимся лицомъ.

Нынче, уѣзжая къ амбарамъ, онъ прошелъ конюшеніимъ дворомъ—взглянуть, все ли въ порядкѣ. Онъ шелъ, окидывая все кругомъ зоркими, острыми темными глазами. Старухи падали ему въ ноги, стараясь, однако, не загромождать прохода; мужчины снимали шапку и кланялись, упираясь пальцами правой руки въ снѣгъ и распрямляясь долгое время спустя, послѣ того какъ хозяинъ уже прошелъ.

Всѣ замѣтили, что Никита Трефильевичъ сердитъ. Онъ ни съ кѣмъ не сказалъ ни одного слова и въ отвѣтъ на поклоны лишь изрѣдка подносилъ два пальца къ бобровой опушкѣ своей высокой шапки.

Мысли его, когда онъ ѣхалъ широкими, пустынными улицами, были ѣдкія и тревожныя, какъ то неясное, волнующее безпокойство, которое розлито было въ сумеркахъ едва рожденнаго и уже готоваго умереть дня.

Онъ думалъ о томъ, что Ксенія, молодая дѣвушка, вотъ уже полтора года жившая у него на хуторѣ подъ неусыпнымъ присмотромъ его старой двоюродной сестры, все еще не беременна.

Ксенія свѣжая, какъ раннее яблоко, крѣпкая, молодая. Онъ привозилъ къ ней какъ-то акушера-спеціалиста, и тотъ сказалъ, что она совершенно здорова. У матери она—восьмая. Сестры ея—кругомъ въ дѣтяхъ. Неужели это онъ виноватъ, что у него и отъ покойной, два года тому назадъ умершей жены, только одинъ мальчикъ и тотъ хилый, узкогрудый, съ жалобнымъ выраженіемъ большихъ черныхъ глазъ? Эта мысль была самой главной. Около нея тяжело подымались другія, давнишнія, но вдругъ освѣщенныя новымъ, пронзительнымъ свѣтомъ.

До тридцати пяти лѣтъ Никита Трефильевичъ былъ холостъ. Были у него любовницы и немало, но особыхъ излишествъ онъ себѣ не позволялъ. Была, между прочимъ, жена с—скаго вице-губернатора. Ее Никита Трефильевичъ взялъ такъ, почти безъ увлеченія, чтобы послушать, какъ эта тоненькая, утопающая въ газовыхъ кружевахъ, дамочка, княжна по отцу, будетъ увѣрять въ своей

любви его, внука мужика, для самыхъ парадныхъ выѣздовъ не снимавшаго поддевки... Два года на одномъ изъ хуторовъ прожила француженка. Какъ разъ послѣ француженки онъ рѣшилъ жениться. Взялъ невѣсту въ Москвѣ, въ строгой, раскольничьей семьѣ. Степанида Ареѳьевна была настоящая красавица, высокая, сильная, съ необыкновенно пышными и густыми волосами и холоднымъ, пронизывающимъ взглядомъ. Вмѣстѣ съ нею въ домъ Узморцева вошла непреклонная, сверкающая, какъ остріе ножа на солнцѣ, непоколебимая воля. Казалось, что всѣ сомнѣнія бытія разрѣшены для нея, заранѣе на всѣ случаи жизни готовы слова и жесты. Со стороны окружающихъ она признавала только одно отношеніе—поклоненіе. Къ Никитѣ Трефильевичу относилась съ безмолвнымъ, внѣшнимъ послушаніемъ.

Важность узморцевскаго дома поставила она на необыкновенную высоту. О днѣ и часѣ своего пріѣзда къ кому-нибудь изъ польскихъ дамъ извѣщала заранѣе. Никогда и нигдѣ ничего не ѣла. Никита Трефильевичъ возилъ ее въ Ялту, въ Петербургъ, за границу. Она любила наряды и одѣвалась странно и пышно. Ее возили по достопримѣчательностямъ европейскихъ городовъ, на скачки въ Парижѣ, на Шаляпина и Собинова. Мужъ покупалъ ей подарки по сто тысячъ и одно время, когда занимался казенными подрядами, привозилъ обѣдать къ ней дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ. Она смотрѣла на все равнодушными, строгими глазами. Ничто ее особенно не трогало, не привлекало. Говорила она не много и неохотно и въ своихъ длинныхъ, расшитыхъ жемчугомъ и изумрудами платьяхъ, казалась сошедшей съ картины византійской царицей, съ прямыми, негнущимися членами и застывшимъ лицомъ. Дома, у себя въ Польѣ, она входила во всѣ мелочи огромнаго хозяйства; днемъ вышивала аналои и воздухи для моленной, послѣ обѣда проѣзжала нѣсколько разъ на бѣшеныхъ рысакахъ по главной улицѣ Польи, а вечеромъ молилась въ образной долго, со свѣчей въ рукахъ, съ земными и поясными поклонами.

Самъ Никита Трефильевичъ какъ-то робѣлъ передъ ней. Она влекла его какъ сила, какъ красавица и какъ женщина, которая должна была осуществить его мечту. Онъ зналъ, что всесиленъ, что до глубокой старости для него будетъ и красота, и молодость, власть, но... онъ хотѣлъ дѣтей. Пять-шесть сыновей. Еще лучше десять, двѣнадцать. Пусть работаютъ по всей Россіи, пусть в Россію отъ Архангельска до Баку и отъ Лодзи до Иркутска захватятъ они въ свои руки. Братья Узморцевы. Пусть это имя будет такимъ, передъ которыми все и всѣ низко и покорно склонятся

И родился только одинъ Арочка, худенькій, чахлый, съ большими, грустными глазами, похожій на мать Никиты Трофильевича, запуганную, кроткую и ничтожную женщину. Двухъ лѣтъ отъ роду Степанида Ареѳьевна не давала Арочкѣ въ постные дни скоромнаго; съ пяти—онъ стоялъ съ ней на молитвѣ и читалъ ей псалтирь. Другихъ дѣтей къ нему не пускали, чтобы не было дурного примѣра. Онъ не смѣлъ ни шумѣть, ни кричать.

Никита Трефильевичъ не былъ особенно богомоленъ. Онъ глубоко чувствовалъ, однако, что безъ религіи его богатство утрачивало бы половину своего значенія. Принималъ поэтому на праздникъ причтъ всѣхъ православныхъ церквей, жертвовалъ на школы и церкви. Церковная служба ему нравилась; въ ней онъ чувствовалъ себя особенно отличеннымъ и иногда, во время херувимской или за всенощной, на него сходило тихое, умиленное настроеніе, которое онъ очень цѣнилъ. И самое лучшее въ религіи, въ длинныхъ, утомительныхъ службахъ и крупныхъ иной разъ расходахъ на поддержаніе благочестія,—было то, что все это поддерживало въ Никитѣ Трефильевичѣ чувство превосходства и согласія съ высшей, обще-принятой правдой. Но рисковать здоровьемъ ребенка—это было черезчуръ.

Въ первый разъ за всю совмѣстную жизнь Никита Трефильевичъ сдѣлалъ замѣчаніе женѣ:

— Не слишкомъ ли ты изнуряешь Арочку? Младенецъ... Господь проститъ.

Степанида Ареѳьевна посмотрѣла на мужа взглядомъ, отъ котораго онъ почувствовалъ себя какъ будто раздѣтымъ и, не торопясь, возразила, тоже въ первый разъ:

— Господь пожелаетъ—и постъ пойдетъ въ пользу, не пожелаетъ—и самое лучшее кушанье—въ погибель.

Около дома Узморцева, за его электрической станціей и садомъ, обнесеннымъ пятиаршинной каменной стѣной съ желѣзными рѣшетками внизу для воздуха, ютились вросшія въ землю, покачнувшіяся, съ радужными стеклами, осклизлыя хибарки. И изъ нихъ пришла страшная гостья—оспа.

Степанида Ареѳьевна похворала три дня. Выписанный по телеграфу московскій профессоръ могъ только непогрѣшимо заявить, что смерть произошла вслѣдствіе паралича сердца, послѣдовавшаго отъ высокой температуры.

На нѣкоторое время смерть жены ошеломила Узморцева. Потомъ онъ началъ ее забывать и съ такой легкостью, которая самого его удивила. Новое чувство жизни вливалось въ Никиту Трефильевича. Онъ уже рѣшилъ, что если у Ксеніи будетъ ребенокъ, то онъ его

усыновитъ. Любовницу въ свой домъ не введетъ, а женится на дочери именитаго распольскаго купца, Машенькѣ Ивохиной. Ему нравились такія высокія, тоненькія дѣвушки, какъ она. У сестры ея—каждый годъ дѣти. И долго еще, безконечно долго онъ будетъ жить въ своемъ домѣ, гдѣ только и можно жить по настоящему, въ домѣ, гдѣ все приспособлено по его вкусу, и въ образныхъ, съ узкими старинными кіотами, горятъ неугасимыя лампады, навѣвая на душу сознаніе своей правоты и торжественно-тихо-увѣренное настроеніе... Но... вотъ уже прошло полтора года, время идетъ. Онъ не отпускаетъ Ксенію и не женится. А вся радость его жизни, вся надежда—Арочка, хилый, плохой... Съ нимъ уже было два какихъ-то странныхъ припадка. Первый, когда его хотѣли подвести насильно къ больной матери, второй—въ большомъ губернскомъ городѣ около года тому назадъ. Узморцевъ съ сыномъ проѣзжали съ вокзала улицами, гдѣ уже начался погромъ. Только рѣзвость высланныхъ за нимъ изъ гостиницы лошадей спасла его отъ нападенія.

Минутами Никита Трефильевичъ самъ не зналъ, безумно ли онъ любитъ Арочку, или начинаетъ ненавидѣть этого блѣднаго, жалкаго ребенка за свое чувство страшной зависимости отъ него.

— Вотъ еще какъ съ этимъ пройдетъ, съ Андреемъ... Ахъ ты, Господи, Господи,—почти вслухъ пробормоталъ Никита Трефильевичъ, вздыхая.

Рысакъ убавилъ шагу. Выѣзжали на площадь передъ амбарами. Вся она занята была лошадьми и верблюдами. Издали еще слышался смутный говоръ и шумъ, ревущій стонъ и ржаніе животныхъ. Длинный передовой рядъ верблюдовъ уже стоялъ на дорогѣ. Огромные, двугорбые, съ роскошной, ниспадающей бахромой шерсти подъ шеей и подъ колѣнами, съ выгнутыми лебедиными шеями и плоскими, змѣиными головами, съ презрительно оттопыренной нижней губой, они казались какими-то чуждыми призраками на сѣромъ, одноцвѣтномъ небѣ; другіе ряды лежали, согнувъ переднія ноги. И все неподвижно застыло и ждало лишь волшебнаго слова владыки, чтобы ожить и задвигаться. Показался рысакъ, и на площади стало тихо, какъ на царскомъ смотру. Къ Никитѣ Трефильевичу подбѣжалъ одинъ изъ довѣренныхъ. Почти не слушая его доклада, Узморцевъ сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ распоряженій; посмотрѣлъ двѣ-три увязки, махнулъ рукой. Раздался характерный крикъ, зашевелились тысячи живыхъ существъ, и передовой верблюдъ зашагалъ, колыхаясь, горделиво и осторожно ступая круглымъ, увѣреннымъ копытомъ.

Никитѣ Трефильевичу хотѣлось скорѣе быть дома. Тревога за Арочку копошилась въ его сердцѣ и, какъ сильный морозъ, не

мѣтно, но властно заползала во всѣ уголки его души. На поворотѣ одной изъ улицъ онъ встрѣтилъ въ трехъ саняхъ околоточнаго и нарядъ городовыхъ.

«Откуда это они,—подумалъ Узморцевъ съ неудовольствіемъ.— Какъ будто съ Ашанинскаго завода. Чего имъ тамъ надо было? Чего досматривали?» Было время, вспоминать которое Никита Трефильевичъ терпѣть не могъ, когда видъ полицейскихъ и солдатъ его радовалъ, время животнаго страха, незаслуженной обиды и ужаса передъ разрушающейся жизнью. Но теперь все это прошло давнымъ давно. Никита Трефильевичъ вновь чувствовалъ себя сильнымъ, непобѣдимымъ, жизнь его и тѣхъ, кого онъ считалъ за людей, попрежнему держалась твердо, непоколебимо и красиво. Все происходившее недавно казалось ему постыднымъ, смѣшнымъ кошмаромъ. А отъ сѣрыхъ шинелей онъ отворачивался съ тѣмъ брезгливымъ и досадливымъ чувствомъ, которое испытываютъ унизившіеся до одолженія отъ неравныхъ.

Гувернантокъ, боннъ и учителей Степанида Арефьевна въ домъ не допускала. Ихъ, по традиціи, не приглашали и послѣ ея смерти. Когда Арочкѣ исполнилось восемь лѣтъ, его начала учить языкамъ Каролина Карловна Канцеръ, аптекарша, а «русскимъ предметамъ» Андрей Яковлевичъ. И Арочка блестяще сдалъ весною экзаменъ за первый классъ реальнаго училища.

Двери подъѣзда раскрылись передъ Никитой Трефильевичемъ, прежде чѣмъ онъ позвонилъ. Отбросилъ шубу на руки «услужающаго» Максимыча и отрывисто спросилъ:

— Арефій Никитичъ?

Раздавшійся гдѣ-то наверху, въ аванзалѣ тонкій жалобный крикъ: «папочка», поспѣшный топотъ маленькихъ ногъ, испуганное, поблѣднѣвшее лицо слуги—дѣлали отвѣтъ излишнимъ.

— Я наказывалъ до меня молчать! Кто сказалъ?—тихо съ надвигающейся бурей въ голосѣ обратился Узморцевъ къ Максимычу.

— Уроку время, Андрей Яковлевичъ не пришли... Арефій Никитичъ вышли съ няней на дворъ погулять, захотѣли взглянуть на опѣляемыхъ. Изъ нихъ кто-то тамъ наболталъ...

— Сказать Никанору Павловичу, чтобы узналъ—кто. Отобрать ѣты!—отрывисто приказалъ Узморцевъ.

Когда-то Арочка очень любилъ отца, его широкую, крѣпкую у, мягкій, теплый бокъ, къ которому прижимался во время ка-ья, надвое расчесанную, темную, душистую бороду, кое-гдѣ низанную сѣдиной. Въ послѣдніе же два года отецъ пересталъ ться мальчику свѣтлымъ, легкимъ пятнышкомъ въ длинной, то-

мительной, черной дорогѣ, которой Арочка представлялъ свою жизнь. И отецъ становился, какъ мать: мрачнымъ, подавляющимъ, тяжелымъ. Изъ-подъ его взгляда хотѣлось выкарабкаться, какъ изъ-подъ груды душащихъ обломковъ. Но теперь Арочка бросился къ отцу, какъ звѣрекъ бросается къ единственному выходу. Нянька, старая, съ слѣдами замѣчательной красоты на добромъ, морщинистомъ лицѣ, въ бѣломъ чепцѣ и въ фартукѣ съ широкими завязками, стояла возлѣ съ покорнымъ и убитымъ видомъ.

— Папочка! Поѣзжайте, велите! Увезли Андрея Яковлевича!— закричалъ Арочка, всхлипывая и прижимаясь лицомъ къ поддевкѣ отца.—Увезли Андрея Яковлевича!

Никита Трефильевичъ положилъ руку на круглую, черненькую голову сына.

— Нехорошо такъ кричать!—произнесъ онъ внушительно.— Увезли,—стало быть, онъ того и стоилъ. Напрасно человѣка трогать не станутъ. Да я заѣду, спрошу... Ну, подыми голову, подыми. Не люблю я этого!

Арочка поднялъ блѣдненькое, тонкое личико.

— Кататься хочешь?—смягченно спросилъ отецъ.

Ребенокъ, молча, отрицательно покачалъ головой.

— Можетъ быть, пойдешь голубей погонять съ Максимычемъ?

Тотъ же знакъ.

— Давно ты на пони не катался. Поѣдешь? Можетъ быть, за Леней Жуковымъ послать? Тоже не хочешь?

Голосъ Никиты Трефильевича звучалъ все суше и строже. И въ глазахъ Арочки разлился тоскливый, смятенный испугъ. Съ такимъ выраженіемъ онъ ходилъ всегда къ матери. Плечи его и нижняя губа замѣтно вздрагивали. Онъ не отводилъ глазъ отъ строгаго лица отца, и тоска въ его взглядѣ переходила въ трепещущее и покорное ожиданіе удара. Узморцевъ съ острой болью въ сердцѣ слѣдилъ за сыномъ.

«И меня ненавидѣть сталъ!»—мелькнула у него мысль, злобой прорѣзавшая тяжелое, длительное молчаніе.

— Каролина Карловна нынче что-то рано приходили... должно быть, по случаю...—начала нянька оправдывающимся, заискивающимъ голосомъ.—Плакали все Арочка... даже до безчувствія. Вышмы на дворъ просвѣжиться... И не смахнулись...

Никита Трефильевичъ прервалъ ее нетерпѣливымъ движеніе руки.

— Ступай! Займите его тамъ... развлеките...

Нянька увела Арочку, стараясь ступать какъ можно легче. Узморцевъ прошелъ въ свой кабинетъ и тяжело опустился въ крес

«Доктора, что ли, выписать изъ С.?—раздумывалъ онъ мрачно.—Здѣшняго позвать—некого...» Большіе, черные глаза Арочки, испуганные, полные покорнаго ужаса, встали въ его воображеніи, и все внутри него перевернулось отъ боли, досады, жалости и злобы.

Въ Расположѣ было три врача. Одинъ, земскій, старый холостякъ, лѣчившій всѣхъ настоемъ ипекакуаны и фенацетиномъ, любитель винта, пріятель среднихъ торговцевъ и поповъ. Про себя онъ говорилъ, въ особенности, когда съ судорогой ожиданія въ щекахъ, наливалъ большую рюмку водки: «Мы что! Мы черносотенцы! Безъ партій: по старинушкѣ, на манеръ боговой скотинушки...» Два другихъ были вольнопрактикующіе. Чтобы пригласить одного изъ нихъ, еврея, и рѣчи быть не могло. Еврей не долженъ былъ переступать порога узморцевскаго дома. Никита Трефильевичъ ненавидѣлъ евреевъ, какъ опасныхъ и непобѣдимыхъ враговъ. Онъ убѣжденъ былъ, что если имъ дадутъ равноправіе, то съ своей ловкостью, пронырливостью, умомъ, взаимной поддержкой, способностью работать по восемнадцати часовъ подъ рядъ, евреи все захватятъ въ свои руки. Кромѣ того онъ искренно считалъ ихъ расой низшей, проклятой Богомъ, и испытывалъ къ нимъ настоящее отвращеніе. Другой вольнопрактикующій врачъ былъ русскій, Балуевъ, молодой хирургъ, имѣвшій собственную небольшую больничку. И этого человѣка Узморцевъ ненавидѣлъ больше, чѣмъ всѣхъ евреевъ вмѣстѣ. Слава Балуева, какъ талантливаго врача, гремѣла далеко. Одно время, два года тому назадъ, онъ лѣчилъ Арочку. Мальчикъ какъ-то странно привязался къ Балуеву. Тотъ разъ безъ спросу увезъ его съ собой весной покататься.

Степанида Ареѳьевна сдѣлала доктору ѣдкое, сухое замѣчаніе, и тогда этотъ псаломщицкій сынъ, нищій, наговорилъ имъ обоимъ такихъ вещей, что Никиту Трефильевича всего передергивало при одномъ воспоминаніи объ этомъ весеннемъ вечерѣ, далекомъ ревѣ пароходовъ, открытыхъ окнахъ и дерзкомъ, нагломъ, холодномъ голосѣ доктора, не побоявшагося смѣшать ихъ, Узморцевыхъ, съ грязью.

Во время болѣзни Степаниды Ареѳьевны Балуева не позвали, хотя этомъ настаивали и старый земскій докторъ и вызванный изъ ѣднаго города мѣстный лучшій врачъ.

А когда, словно ураганъ, налетѣла на Расположе пора сходокъ, ми-нговъ, демонстрацій, выборовъ, торжествующихъ, шумныхъ но-, когда Никитѣ Трефильевичу показалось, что почва подъ его но-и начинаетъ колебаться и онъ впервые въ жизни испыталъ уни-льное чувство страха,—то во всемъ происходящемъ онъ обви-

нилъ Валуева, хотя тотъ нигдѣ не выступалъ, и только фигуру его молодую, крѣпкую, съ ясными глазами и насмѣшливыми, твердо-сложенными губами, видалъ кое-гдѣ...

Въ серединѣ августа исправникъ явился къ Узморцеву на поклонъ. Никита Трефильевичъ слегка намекнулъ ему о своихъ соображеніяхъ.

— Конечно... И я такъ думаю... но знаете, никакихъ уликъ, ни мал-лѣйшей прицѣпочки!—отвѣтилъ тотъ.

И когда онъ это говорилъ, рука его съ бриллiантомъ на мизинцѣ такъ нервно гладила длиннѣйшіе усы, а желто-каріе, наигранные глаза приняли такое жадное, сообщническое выраженіе, что Никитѣ Трефильевичу стало противно и досадно на дурака, не умѣющаго справиться съ своимъ лицомъ и полагающаго, что Узморцевъ можетъ съ кѣмъ-либо вступать въ торгъ! Исправникъ немного обидѣлся за рѣзко прерванный разговоръ и за обѣдомъ провозгласилъ тостъ:

— «За сѣрую братью, вѣрныхъ защитниковъ честнаго капитала и честнаго труда!»

Никита Трефильевичъ сидѣлъ и думалъ. Брови его сдвигались. «Воспитателя, что ли, опытнаго пригласить изъ докторовъ или швейцарцевъ?. Вотъ, если профессоръ велитъ—приглашу...»

Старшій бухгалтеръ, принесшій почту, которую долженъ былъ обыкновенно разбирать съ хозяиномъ, взялъ приготовленную телеграмму. Вызывался немедленно и за очень крупное вознагражденіе извѣстный с—кій дѣтскій врачъ.

Арочка ушелъ съ нянькой въ свою дѣтскую, состоявшую изъ трехъ большихъ комнатъ.

— Скучно, няня! Какъ мнѣ скучно!

— А ты, батюшка, займись чѣмъ-нибудь и не будетъ скучно!—отвѣтила няня пѣвучимъ, издавна выработаннымъ голосомъ. Она рада была, что гроза прошла и ей не придется уйти съ мѣста.—Комнаты у тебя такія, что у иного королёнка такихъ нѣтъ. Папочка васъ любятъ... Въ книжечку почитайте. Вотъ зачѣмъ Каролинѣ Карловнѣ отказалъ? Все бы часочка два прошло...

— Боленъ я, няненька!—жалобно и грустно протянулъ Арочка.—Не знаю, поѣдетъ ли папочка!

— Что ты, милый?! Сказалъ, такъ обязательно поѣдутъ. Развѣ папочку твоего не послушаютъ? Его всякій послушаетъ.

— Ой, головѣ тѣсно, головѣ жарко! Мозгъ у меня трясется!—прервалъ Арочка.

— Чего-жъ тебѣ? Водички святой? Или, можетъ, скушаешь что? Я апельсинчиковъ принесу?

— Ничего. Нич-чего! На диванъ!—выкрикнулъ мальчикъ, судорожно двигаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ну, Христосъ съ тобой, ну, на диванъ!—встревоженно лепетала нянька.—Ну, садись! Вотъ подушка твоя!

Арочка подхватилъ вышитую подушку подъ мышку, плотно зажмурилъ глаза и забился въ уголъ широкаго, съ высокой спинкой, бархатнаго, темно-краснаго дивана. Это было мѣсто, гдѣ онъ жилъ. Отъ длинныхъ путешествій у него осталось лишь впечатлѣніе тоски, неловкаго сидѣнья, гортаннаго, громкаго говора незнакомыхъ людей съ черными, яркими глазами и жаркой постели. Игрушекъ онъ не любилъ. Книгъ тоже. Одна только у него была любимая: старинныя сказки Буслаева. Онъ перечитывалъ ихъ по десяти разъ. И каждый вечеръ, засыпая, онъ видѣлъ себя на коврѣ-самолетѣ, въ прозрачномъ, весеннемъ сумракѣ. Огромныя, радостныя звѣзды съ нимъ, и внизу кресты церквей, рѣки, сады, шумящій океанъ-море. Онъ былъ Иваномъ-Царевичемъ и Булатомъ-молодцомъ. Онъ отдавалъ все людямъ и погибалъ въ борьбѣ съ морскимъ чудомъ. Въ пятницу утромъ онъ думалъ, ходила ли Пятница по домамъ, сѣрая, высокая, прямая Пятница, и бѣлила ли холсты у забывчивыхъ бабъ. И были злыя минуты, когда ему хотѣлось воткнуть ножикъ въ окошко остріемъ вверхъ, чтобы объ него изрѣзалось Фениско-Ясно-Соколъ-Перышко. Арочка садился на диванъ, подминалъ подъ себя красную вышитую подушку и звалъ, жадно звалъ къ себѣ свѣтлыя, струящіяся полосы своей жизни.

Ихъ было немного. Николай Пафнутьичъ Балуевъ, докторъ... Это былъ даже и не докторъ. Это былъ особенный, никому не извѣстный царевичъ, тихонько зачѣмъ-то живущій въ Распольѣ. Онъ взялъ разъ Арочку кататься. Они ѣхали по разливу. Вода голубѣла и шумѣла подъ лодкой. Пристали къ гривѣ. Арочка нашелъ палку и билъ по прошлогоднимъ камышамъ. Это были враги, и онъ ихъ всѣхъ побѣдилъ! Всѣхъ до одного! И кричалъ побѣдно и ликующе. Солнце и небо надвигались на Арочку веселыми, буйными товарищами. Онъ
ъ какъ пьяный. Груди становилось тѣсно оттого, что туда вторся весь міръ съ шумомъ, блескомъ и пѣньемъ. Потомъ: техникъ анинскаго завода, Петръ Тимоѳеевичъ Панютинъ, и его жена, Нина ерьяновна... Цѣлый годъ всѣ въ Распольѣ говорили про Петра оѳеевича, а Арочка видѣлъ его только разъ на именинахъ двоюнаго дяди, на дачѣ. Арочкѣ понравились его очки, голосъ и доб- губы. А Нина Валерьяновна была, какъ ангелъ; голосъ ея зву-

чалъ лучше пѣсни и никто бы не могъ увѣрить Арочку, что она — обыкновенное, каждый день встрѣчающееся существо. Они ходили вмѣстѣ гулять. Арочка подалъ ей платокъ. Она поклонилась съ чудеснымъ, какъ звонъ колокольчика, смѣхомъ, и поцѣловала Арочку въ губы. И мальчику показалось, что горячіе и нѣжные уголья посыпались съ его губъ на плечи, до кончиковъ пальцевъ на ногахъ... У Нины Валерьяновны оторвался во время прогулки бѣлый замшевый бантикъ отъ туфли. Арочка нашелъ его, но не отдалъ, а замирая передъ блаженствомъ преступленія, спряталъ въ карманъ. Онъ никогда съ нимъ не разставался, перекладывая его изъ одного костюмчика въ другой. И, сидя на диванѣ, плотно зажмуривъ глаза, собравшись въ комочекъ, онъ прижималъ сжатой рукой бантикъ къ губамъ, отдаваясь какимъ-то запретнымъ, влекущимъ волнамъ. Счастливое напряженіе овладѣвало всѣмъ его существомъ, откуда-то доносился сладкій, одуряющій запахъ, выплывало лицо Нины Валерьяновны, нѣжное, розовое, продолговатое, ея золотые, пышные волосы и каріе глаза съ чуть очерченными бровями. На губахъ Арочки загорались скользящія угли, и онъ весь вздрагивалъ отъ нестерпимаго ощущенія блаженства.

Онъ уже зналъ, что это грѣхъ, и на другой день накладывалъ самъ на себя эпитемью: не ѣлъ горячаго, молчалъ, особенно аккуратно складывалъ, раздѣваясь на ночь, свой костюмчикъ и, задыхаясь отъ усталости и боли въ поясницѣ, клалъ по пятидесяти и семидесяти земныхъ поклоновъ передъ тѣмъ неумолимымъ, всезнающимъ и всеосуждающимъ, котораго онъ считалъ Богомъ. Но бросить бантикъ Арочка не могъ. И поклоны его представлялись ему какой-то ужасной, изступленной погоней. Стóило ему бросить бантикъ—и между нимъ и его преслѣдователями легли бы горы и забушевали рѣки...

Но онъ не могъ, не могъ этого сдѣлать...

Было и еще третье, свѣтлое. Это учитель Андрей Яковлевичъ съ его веселыми глазами и веселымъ, раскатистымъ смѣхомъ. Арочка училъ для него уроки на память. Учитель приносилъ ему съ собой запахъ воли и простора. Андрей Яковлевичъ похожъ былъ на горы, крутыя, съ зелеными, круглыми деревьями и на блещущую около нихъ синюю воду... Ихъ видѣлъ Арочка весной изъ оконъ высокой башенки... Зачѣмъ-то на урокахъ всегда сидѣла Фисанька, племянница Степаниды Ареѳьевны, плоская, сухая, въ черномъ узкомъ платьѣ. Она вязала и смотрѣла на Арочку безцвѣтными черными глазами... А онъ пользовался всякимъ промежуткомъ между уроками, чтобы задавать Андрею Яковлевичу посторонніе вопросы. То

отвѣчалъ мальчику серьезно, разбираясь во всякомъ словѣ, но иногда не выдерживалъ и начиналъ звонко хохотать. Арочка вскакивалъ съ мѣста, хватался за край своей парты и прыгалъ, визжа отъ радости, на одномъ мѣстѣ.

А теперь вотъ нѣтъ и Андрея Яковлевича!

Арочка, совсѣмъ ослабѣвшій отъ слезъ, сидѣлъ въ уголкѣ дивана.

Нянька, довольная тишиной и тѣмъ, что ребенокъ успокоился, дремала на креслѣ. Мысли о свѣтломъ не прилетали къ Арочкѣ. Онъ старался думать, что̀ сдѣлаетъ для Андрея Яковлевича, когда надѣнетъ шапку-невидимку и сядетъ на коверъ-самолетъ, а въ головѣ у него было тѣсно и душно. Тоска большая, черная, съ когтями, какъ у чертовки, спускалась на него откуда-то изъ-за угла и точила: «я здѣсь, клюю... я здѣсь, клюю...» И Арочка чувствовалъ, что вотъ сейчасъ придетъ то ужасное, отчего онъ не могъ безъ содроганія и ненависти видѣть людей въ сѣромъ, со свѣтлыми, симметричными пуговицами и три мѣсяца кричалъ каждую ночь подрядъ. Звѣрскій гулъ. Дрожатъ дома и стекла, чей-то отдѣльный голосъ, выдѣлившійся хриплымъ ревомъ, рядъ сѣрыхъ людей, ощетинившихся штыками и тѣло человѣка на землѣ съ окровавленной головой...

И вотъ страшное, желанное и съ ужасомъ гонимое и неотступно прямо идущее—пришло. Арочка услышалъ гулъ, увидѣлъ страшныхъ, неумолимыхъ дьяволовъ... На мостовой, съ темными, пленкой покрытыми пятнами, лежалъ съ окровавленной головой Андрей Яковлевичъ...

Рѣзкій, пронзительный крикъ разрѣзалъ тишину узморцевскаго дома. Нянька, съ сбившимся на-бокъ чепцомъ, бросилась къ Арочкѣ. Онъ смотрѣлъ на нее непонимающимъ, разбѣгающимся взглядомъ. Грудь его трепетала подъ частымъ, рвущимся дыханіемъ. Онъ ничего не отвѣтилъ на встревоженные разспросы старухи, затихъ и уже не закрывалъ глазъ. Онъ боялся теперь закрыть ихъ.

Нянька ушла обѣдать. Ея мѣсто заняла Фисанька. Арочка сидѣлъ на диванѣ, стараясь какъ можно шире раскрыть глаза. Черная тоска уже сидѣла на его плечахъ. Онъ боялся оглянуться, боялся ошевельнуться, чтобы она не перепрокинулась и не стала передъ имъ. Она душила его и заставляла низко-низко сгибать голову. Онъ скалъ помощи и глядѣлъ неподвижно на Фисаньку. Она всегда была ъ его матерью. А приближеніе матери Арочка чувствовалъ всегда, акъ дуновеніе холоднаго, тяжелаго вѣтра.

Мучительные вечера, строчки псалтыря на желтоватомъ фонѣ съ

красными буквами посрединѣ и вначалѣ, какъ съ каплями крови. И эти строчки встаютъ. Онѣ, какъ мертвецы, длинные, худые, черные, съ желтыми лицами, съ пятнами крови на бѣлыхъ платкахъ кругомъ головы. Вотъ Фисанька подымается, вытягивается, вытягивается. И она такой же мертвецъ, черный, худой, съ гладкимъ желтымъ лицомъ. И всѣ они, всѣ мертвецы неколеблющимся ровнымъ рядомъ идутъ на него. Сзади всѣхъ мать, гнѣвная, неумолимая, съ протянутыми впередъ желѣзными руками.

И снова рѣжущій, пронизанный ужасомъ крикъ... Фисанька уменьшилась, одѣлась плотью, и Арочка, стуча зубами и не сводя съ нея неподвижнаго, остановившагося взгляда, прошепталъ хрипло и отрывисто заплетающимся, костенѣлымъ языкомъ:

— Чего я кричу? Это развѣ я кричу? Развѣ ты не видѣла ихъ? А сама ты развѣ... не была... съ ними?

Пришла няня, и ея ласковый ровный говоръ далъ передохнуть Арочкѣ. Взглядъ ребенка попрежнему оставался неподвижнымъ, стекляннымъ.

Обѣдали всѣ вмѣстѣ, внизу,—Никита Трефильевичъ, старшій бухгалтеръ, управляющій, Фисанька и еще двѣ старыхъ родственницы Узморцева. Арочка ничего не ѣлъ. Неразрѣшенный ужасъ стоялъ въ его глазахъ; высокія, темныя портьеры колебались и по большой комнатѣ проходило дыханіе холоднаго, тяжелаго вѣтра. Его насильно одѣли и повезли кататься.

— Да что ты, Арочка, проснись, одумайся. Грѣхъ такъ убиваться!—наставительно говорила Фисанька.—Папочка обижаются. Вѣдь они уже сказали, обѣщали, что все сдѣлаютъ... По тетенькѣ покойной такъ не убивался. Да ты что такъ глядишь? Правду я говорю. Одиннадцатый годъ тебѣ. Понимать надо!

Улицы Располья были пусты. И только узморцевскій рысакъ бѣшено носился изъ конца въ конецъ.

Арочка молчалъ. Черная тоска сидѣла на его плечахъ. Все въ его глазахъ мѣшалось; въ головѣ было тѣсно; въ груди душно, жарко. Ему хотѣлось выскочить изъ саней, броситься на снѣгъ и завыть, хотѣлось кинуться на Фисаньку и укусить ее въ щеку. Десны его ныли отъ подавляемаго, бурнаго желанія; окровавленная голова тяжело дышала въ лицо, и онъ не зналъ—чья это: его или чужая и чьи это бѣлые зубы сверкаютъ и грозятъ. Въ крутящейся мгле сухого снѣга проскакало нѣсколько стражниковъ. У нихъ у всѣхъ были острые, бѣлые зубы и дышащія жаромъ окровавленныя, волчьи морды. Ненависть и жажда мщенія влились въ душу Арочки, ка

расплавленная, палящая мѣдь. Она схватила его за горло и заставила содрогнуть все тѣло.

Дома Фисанька съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ передала Арочку нянькѣ.

— Не знаю ужъ Божье попущеніе, не знаю ужъ капризы!—замѣтила она вполголоса.

— Можетъ, въ башенку хочешь?—заботливо спросила старуха.

— Ну, въ башенку!—пробормоталъ мальчикъ, трясясь.

Наверху въ круглой, очень высокой комнатѣ, гдѣ окна шли кругомъ всей стѣны, а простѣнки расписаны были лѣсными пейзажами, Арочка немного пришелъ въ себя. Башенка была любимой его комнатой. Оттуда далеко, далеко видно было во всѣ стороны. Весной—разливъ, лѣтомъ—луга и серебряные осколки озеръ и прорановъ. Больше всего Арочка любилъ смотрѣть изъ башенки зимой, когда заходило солнышко. Крыши амбаровъ свѣтились огненными розами, ближнія горы синѣли, а дальнія, днемъ едва замѣтныя, загорались пустынными, пылающими снѣгами. И въ голубоватомъ, морозномъ свѣтѣ далекія деревья у подножія горъ рзскидывались золотисто-коричневыми, прозрачными вѣерами, а снѣгъ съ сверкающими бѣлизной, разрыхленными слѣдами, покрывался длинными, синими, холодными тѣнями...

Сегодня солнца не было. Небо сливалось съ землей. Снѣгъ падалъ и кружился, наполняя весь міръ бездоннымъ, крутящимся водоворотомъ. И бѣлыя, жгучія мухи звенѣли и жалили Арочку прямо въ мозгъ, туда, гдѣ на тоненькихъ ниточкахъ были прикрѣплены его глаза. Вдругъ онъ встрепенулся. Хотѣлъ крикнуть: «няня!» и не могъ. Огромное, ощетинившееся животное спѣшно ползло къ ашанинскому заводу. Впереди скакали какіе-то черные всадники. Вотъ чудовище остановилось. Отъ него отрывались части и становились другъ около друга. Сѣрая змѣя съ торчащими кверху безчисленными жалами охватывала заводъ плотнымъ, душащимъ кольцомъ. Было въ ея движеніяхъ что-то тихое, зловѣщее, сливавшееся съ преступно-молчащимъ низкимъ, сѣрымъ небомъ... Свѣтлая полоса повисла передъ Арочкой. Онъ понялъ, что идутъ взять Петра Тимофеевича, что бочіе не захотятъ его отдать, и изъ сѣраго, змѣинаго кольца въ хъ посыплется губительный, мертвящій огонь... Свѣтлая полоса чнулась и померкла. Арочка услышалъ гулъ...

На кровавомъ снѣгу лежалъ съ окровавленной головой Андрей Яковичъ и рядомъ съ нимъ виднѣлось изъ-подъ кровянаго, склизкаго дня чье-то другое лицо съ добрыми, мягкими губами. Тоска черъ, жгучимъ клювомъ ударила прямо въ грудь Арочки. Въ третій

разъ узморцевскій домъ огласился пронзительнымъ крикомъ. И съ этимъ крикомъ Арочка скатился съ лѣстницы.

— Убили, убили! Сѣрые. Сѣрая змѣя... ползетъ... здѣсь!... Андрея Яковлевича убили, Петра Тимофеевича убили!

Ломая ногти и трясясь, мальчикъ отворялъ запертый ящикъ буфета.

Безумный, тонкій, пронзительный крикъ его не прерывался. Узморцевъ, блѣдный, не совсѣмъ проснувшійся послѣ обычнаго послѣобѣденнаго сна, обнялъ его сзади.

— Доктора!—крикнулъ онъ, задыхаясь.—Того... Балуева!

Сбѣжался весь домъ, безтолково толпясь и толкаясь. Смотрѣли растерянно, съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, которое влечетъ за собой необычное, сглаживающее всѣ различія между людьми.

— Холодный компрессикъ бы!—громкимъ шепотомъ посовѣтовалъ Никаноръ Павловичъ, управляющій.

Арочка гибкимъ, неестественно сильнымъ движеніемъ вырвался изъ рукъ отца, голубыя жилки на его блѣденькихъ вискахъ надулись, глаза неподвижно и странно стояли въ сплошной кровавой сѣткѣ. Онъ схватилъ тяжелый пестикъ, который одна изъ тетокъ несла зачѣмъ-то въ свою комнату и оставила впопыхахъ на столѣ. Съ небывалой ловкостью и силой онъ бросилъ его въ голову Никанора Павловича, едва успѣвшаго отклониться. Трое служащихъ и Фисанька, забывъ все на свѣтѣ, кинулись на ребенка. Онъ крутился съ ними по комнатѣ, выбиваясь (они все еще боялись сдѣлать ему больно), и, улучивъ мгновеніе, съ торжествующимъ рычаніемъ, глубоко вонзилъ зубы въ руку Фисаньки.

— Вяжите его! Веревку!— закричала Фисанька отчаяннымъ, злобнымъ голосомъ. Кто-то ужъ несъ полотенце.

Никита Трефильевичъ растолкалъ людей, повиновавшихся прежде одному движенію его бровей, и взялъ ребенка за плечи.

— Арочка, Арочка мой! Что ты?—произнесъ онъ, захлебываясь чужимъ, для всѣхъ новымъ, потрясающимъ голосомъ.

Головка Арочки запрокинулась назадъ, раскрылись блѣдныя, искусанныя губы со сбившейся въ углахъ пѣной, и онъ упалъ на руки отца. Кругомъ присмирѣли, отошли на почтительное разстояніе.

Колыхнулась портьера, и въ нихъ показалась молодая, энергичная голова Балуева. Арочка сжался, какъ пружина, и вырвался изъ объятій Никиты Трефильевича.

— Мать!—крикнулъ онъ нечеловѣческимъ голосомъ. И, наклонивъ голову и дико воя, онъ кинулся на Фисаньку и впился зубами въ ея плечо. Его едва оторвали.

— Докторъ! все... — прерывающимся голосомъ заговорилъ Никита Трефильевичъ.

На него шелъ, вѣя хóлодомъ, сметая и ломая всю его жизнь, призракъ неизбѣжной гибели... старости... нищеты. И словно земля рушилась и проваливалась подъ его ногами.

— Докторъ... что это? Ради всего... ради вашей...

Балуевъ обнялъ одной рукой Арочку, другой онъ поглаживалъ его руку и, не сводя взгляда съ глазъ ребенка, говорилъ ему что-то тихо, ласково, съ убѣдительными и нѣжными интонаціями.

— Докторъ, что же это?

— Везите Арочку немедленно въ Москву съ двумя людьми, которыхъ бы онъ любилъ,—холодно отвѣтилъ Балуевъ, отойдя въ сторону.—Я дамъ адресъ...

— Боже, Боже нашъ!

Такъ никогда не произносилось имя Божье въ узморцевскомъ домѣ.

Докторъ съ фельдшеромъ и няней понесли Арочку. Ребенокъ бился въ надѣтой на него бѣлой рубахѣ съ длинными, болтающимися, еще не связанными рукавами.

И пронзительный, нечеловѣческій крикъ его:—«убили, убили... змѣя сѣрая!... Прогоните птицу съ чернымъ клювомъ!... Не сажайте меня въ колодезь!»—несся по всему узморцевскому дому. Имъ, этимъ крикомъ, полны были улицы Располья, вплоть до выѣзда, до ашанинскаго завода, гдѣ въ сгущающихся сумеркахъ щелкали затворы и звенящая тишина ждала стоновъ, проклятій и крови.

О. Рунова.

Стихотворенія Ѳедора Сологуба.

I.

Дышу дыханьемъ раннихъ росъ,
Зарею ландышей невинныхъ;
Вдыхаю влажный запахъ длинныхъ
Русалочьихъ волосъ.

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосокъ;
Я слышу звонкій голосокъ
Погибшаго ребенка.

Она стонала надъ водой,
Когда ее любовникъ бросилъ.
Ея любовникъ молодой
На шею камень ей повѣсилъ.

Заслышавъ шорохъ въ камышахъ
Его ладьи и скрипъ отъ веселъ,
Она низверглась, вся въ слезахъ,
А онъ еще былъ буйно веселъ.

И вотъ она передо мной,
Все та же, но совсѣмъ другая,
Надъ озаренной глубиной
Качается нагая.

Рукою вѣтку захвативъ,
Водою заревою плещетъ.
Забыла темные пути
Въ сіяньи утреннемъ, и блещетъ.

И я дышу дыханьемъ росъ,
Благоуханіемъ невиннымъ,
И влажнымъ запахомъ пустыннымъ
Русалкиныхъ волосъ.

II.

Прозрачный сокъ смолистый,
Застывшій на корѣ.
Пронизанъ воздухъ иглистый
Мечтаньемъ о зарѣ.

Скамейка у забора,
Далекій плескъ рѣки.
Разстаться надо скоро...
Пожатіе руки...

Ты скрылась въ тѣнь густую
Въ замолкнувшемъ саду.
Гляжу во мглу ночную,
Одинъ въ поляхъ иду.

Застѣнчивой весною,
Стыдяся бѣлыхъ ногъ,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорогъ.

Но только ноги тронетъ
Едва-едва загаръ,
Твой легкій стыдъ утонетъ
Въ дыханьи вешнихъ чаръ.

И въ поле ты, босая,—
Въ платочкѣ голова,—
Пойдешь, цвѣткамъ бросая
Веселыя слова.

III.

Близъ одинокой избушки
Молча глядимъ въ небеса.
Глупыя стонутъ лягушки,
Мочитъ намъ платье роса.

Всѣ отсырѣли дороги,—
Ты не боишься ничуть,
И загорѣлыя ноги
Такъ и не хочешь обуть.

Сердце торопится биться,—
Твой ожидающій взглядъ
Радъ бы ко мнѣ обратиться,—
Я ожиданію радъ.

ПЛАМЯ.

Что ветхо, что вяло,—пусть искрой живой
Спалитъ сокрушительный зной!

I.

Евгеній Ивановичъ сидѣлъ въ своей провинціальной, уютной комнаткѣ у горящей печи съ широкимъ жерломъ и, глядя на огонь, думалъ:

«Въ общемъ—хорошо! Правда, жутко иногда бываетъ, что ужъ 40 лѣтъ стукнуло и личной жизни—крышка!... Личная жизнь... И что такое эта личная жизнь!—Любовь и воспроизведеніе самого себя въ дѣтяхъ. Иначе вѣдь не опредѣлишь. И вотъ на эту-то личную жизнь нужно поставить крестъ... Но семья у меня всетаки есть: мама, Соня съ Женькой, Саша и Ваня. Всѣ они держатся мною, всѣ видятъ во мнѣ главу семьи и отца. Что бы дѣлала безъ меня Соня, когда въ двадцать четыре года осталась вдовой съ грднымъ Женькой на рукахъ? А мама развѣ могла бы поднять Сашу и Ваню со своей пятидесятирублевой пенсіей?... Теперь же всѣ сыты, обуты, одѣты, всѣ помаленьку воспитываются... Это—одно! Съ другой стороны—дѣло! Правда, дѣло не самое любимое, не то, о которомъ я мечталъ съ дѣтства (Евгеній Ивановичъ мечталъ когда-то о медицинѣ), но при моемъ добросовѣстномъ отношеніи къ службѣ я все же могу сказать, что приношу пользу и что, занимай мое мѣсто другой, громадномъ большинствѣ случаевъ, было бы хуже. Къ тому же—йдетъ еще 5—8 лѣтъ, и я могу стать директоромъ корпуса, а это в безспорно полезная и интересная дѣятельность. Правда, при суствующихъ условіяхъ эта дѣятельность стѣснена, но если вести твердо и съ тактомъ... Нѣтъ, я не вѣрю, не вѣрю, чтобы нельбыло дѣлать свое дѣло по-своему, не становясь ни отверженнымъ мъ общества, ни оппортюнистомъ. А педагогическая жилка у

меня есть... Это видно по нашимъ мальчикамъ: всѣ они безусловно подъ моимъ вліяніемъ, всѣмъ имъ полезно имѣть передъ глазами примѣръ моей жизни, всетаки полной самоотреченія и чистой... да... чистой»...

Евгеній Ивановичъ быстро пробѣжалъ внутреннимъ взоромъ всю свою прошлую жизнь отъ юности и до сей минуты, быстро, какъ можетъ бѣжать только острая мысль человѣческая.

«Вотъ этотъ, этотъ только періодъ, этотъ самумъ, этотъ вихрь, подхватившій меня и метавшій три года... Танинъ періодъ... сколько блаженства вначалѣ, сколько чудныхъ дней свѣтлаго, хрустальнопрозрачнаго счастія... Сколько муки потомъ... Ея беременность и все, что послѣдовало за ней неизбѣжно. ..Потомъ ея болѣзнь, происшедшая именно вслѣдствіе этого... и вдали отъ меня. Потомъ ея отреченіе и изиѣна... Наши встрѣчи потомъ... Эти ужасныя деньги, которыхъ я не могъ тотчасъ же выплатить... ужасъ... ужасъ...»

«И всетаки въ концѣ-концовъ нравственная сила (моя сила!) восторжествовала: я нашелъ въ себѣ силы уйти, я противостоялъ всѣмъ ея покушеніямъ на новое сближеніе... Въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ я кончалъ академію (убійственный трудъ, отъ котораго и въ нормальныхъ-то условіяхъ офицеры чуть буквально съ ума не сходили). Наконецъ, я искупилъ свои ошибки (главную ошибку: эту ея беременность и все!), искупилъ своими страданіями и вотъ этимъ своимъ одиночествомъ въ сорокъ лѣтъ... Да, одиночествомъ, потому что всю жизнь мечталъ я именно о своей семьѣ... одиночествомъ...»

Евгеній Ивановичъ заволновался, взялъ кочергу и помѣшалъ дрова въ печкѣ.

«Искупилъ, и теперь это далекое, бурное прошлое является въ моей памяти въ видѣ чего-то отвлеченнаго, какой-то грани, переломившей всю мою жизнь на двѣ различныхъ эпохи, тѣмъ болѣе, что переломъ совпалъ со смертью отца, поставившей меня въ положеніе главы и кормильца семьи... искупилъ!»

Онъ посмотрѣлъ на себя со стороны. Полковникъ генеральнаго штаба, сорокъ лѣтъ, благообразная внѣшность, несмотря на длинный носъ, на плѣшь и сѣдые волосы на вискахъ,—благообразная, изящная и симпатичная; умъ—не то чтобы практическій, а живой и въ то же время широкій; уживчивый, скромный и вмѣстѣ сильный характеръ. И при всемъ томъ—самоотверженіе въ пользу матери, братьевъ, сестры и племянника.

«Хорошо!...»

Въ комнату вбѣжалъ Женька.

— Дядя Женя! телеграмма тебѣ!

Къ телеграммамъ Евгеній Ивановичъ привыкъ. Онъ не спѣша взялъ ее изъ рукъ мальчика, ласково потрепалъ его по щекѣ и полюбовался отраженіемъ пламени въ его глазахъ.

Эти глаза,—синіе, честные, опушенные линіей короткихъ, но густыхъ рѣсницъ,— совершенно его глаза,—часто заставляли Евгенія Ивановича рѣшать про себя, что ему нечего горевать объ отсутствіи у него дѣтей его собственныхъ: родной сынъ не могъ уродиться въ него больше, чѣмъ Женька-племянникъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ столу, зажегъ лампу, вытащилъ бланкъ, расписался на немъ, досталъ изъ кошелька гривенникъ и подалъ и то, и другое мальчику, говоря:

— Отдай тому, кто принесъ, а когда готовъ будетъ чай, приходи за мной.

— Значитъ, къ чаю у тебя что-нибудь есть? да?—лукаво улыбнулся мальчикъ.

— Ерунда! ничего нѣтъ.

— Не правда, не правда! Вижу: смѣешься.

Женька замахалъ листкомъ и кулакомъ, въ которомъ зажатъ былъ гривенникъ, запрыгалъ и прыжками выскочилъ изъ комнаты.

Евгеній Ивановичъ открылъ телеграмму.

«Ради Бога пріѣзжай умираю Таня».

— Что такое, Боже мой?!

Какой-то тяжелый, тяжелый рычагъ повернулся въ душѣ Евгенія Ивановича, и точно все вмѣстѣ съ тѣмъ опрокинулось или мучительно вывернулось въ немъ наизнанку.

Онъ провелъ рукой по головѣ и пожалъ плечами, потомъ сѣлъ, закрылъ лицо руками и постарался сосредоточиться. Чтобы разобраться, ему необходимо было перенестись въ это далекое прошлое, покрытое пепломъ бытія. Неужели еще не все въ немъ угасло? Неужели этотъ залитый костеръ опять грозитъ разгорѣться?

Въ головѣ его съ быстротою молніи замелькали вопросы:

«А можетъ быть это—не правда? Уловка женщины, стремящейся во что бы то ни стало завладѣть утереннымъ чувствомъ мужчины?... ...особна ли она на это?... Какъ знать! Ея желанія выражаются ...тно, противостоять имъ она не въ силахъ, можетъ быть, она ...ма готова вѣрить себѣ?... Правда, слухи о ней за послѣднее вре- ...такіе тревожные: говорили о чахоткѣ, о неврастеніи, грозящей ... не безумiемъ. Да и мудрено ли—при ея-то образѣ жизни! Вѣдь, ...лько можно судить по разсказамъ,—это какое-то бѣшеное кру- ...то на балахъ, то въ какихъ-то политическихъ обществахъ, то

въ кружкахъ актрисъ и актеровъ. Вѣдь она даже хотѣла на сцену. И въ концѣ-концовъ—бѣдность и эти меблированныя комнаты, которыя она взялась содержать. Ну, можно ли ее представить себѣ хозяйкой меблированныхъ комнатъ?!...»

И вдругъ онъ вздрогнулъ: надъ самымъ лицомъ его, обдавая его теплымъ дуновеніемъ ласки, склонилась когда-то дорогая головка: золотистая, растрепанная, «декадентская» головка... Передъ глазами засіяли улыбающіеся зеленовато-каріе глазки, заманчивые, лукавые и вмѣстѣ милые, безупречно-правильной, миндалевидной формы, съ жесткими, блестящими, золотыми рѣсницами и бровями. Въ ушахъ прозвучалъ легкій, прерывистый смѣхъ, обаяніе котораго было когда-то всесильно надъ нимъ, къ губамъ словно приблизились свѣжія губки съ двумя рядами нѣжныхъ, острыхъ зубовъ.

«Нѣтъ! она не можетъ лгать. Никогда она не прибѣгала со мною ко лжи, а если и лгала, то невольно и никакъ не съ разсчетомъ. Тяжело. а не ѣхать нельзя! Трусомъ я никогда не бывалъ и не буду... Надо тотчасъ же разсчитать все и собраться».

Евгеній Ивановичъ досталъ путеводитель. Поѣздъ отходитъ въ одиннадцать, теперь восемь. Три часа.

Онъ въ волненіи закурилъ папиросу и сталъ готовиться къ отъѣзду. Онъ подумалъ обо всемъ: написалъ необходимыя письма по службѣ, заготовилъ папиросъ, уложился, взявъ съ собою все только необходимое—вѣдь не дольше недѣли придется пробыть тамъ!—и стоя надъ маленькимъ, запертымъ уже чемоданомъ, задумался.

Ему не хотѣлось сообщать о цѣли своего отъѣзда роднымъ. Почему? онъ и самъ не зналъ. Сначала ему пришло даже въ голову сказать, что вызываютъ въ Москву по службѣ. Потомъ онъ вспомнилъ, что адресъ Тани извѣстенъ только Сашѣ,—студенту. Саша сохранилъ съ ней какія-то отношенія тамъ, въ Москвѣ, хотя Евгеній Ивановичъ и просилъ брата оградить лично его отъ всякой возможности встрѣчи. Теперь Саша какъ разъ дома, придется обратиться къ нему, а потому и скрывать неудобно.

Евгеній Ивановичъ сначала позвалъ денщика, далъ ему необходимыя наставленія по поводу писемъ и на случай могущихъ возникнуть недоразумѣній по службѣ, потомъ отпустилъ его и снова задумался.

«Какъ взволнуются мама и Соня! Мы всѣ такъ привыкли къ ней... Кто бы могъ ожидать?... Кажется, готовъ бы былъ на все только бы не сообщать имъ объ этомъ».

Однако, Евгеній Ивановичъ взялъ себя въ руки, преодолѣлъ ...

смущеніе и съ серьезнымъ лицомъ вышелъ въ столовую, не дождавшись появленія Женьки.

Ему было необъяснимо неловко, когда ему пришлось заговорить объ отъѣздѣ.

— Получилъ телеграмму отъ Татьяны Евграфовны,—садясь за столъ, сказалъ онъ съ неумѣстной улыбкой,—пишетъ, что больна, умоляетъ пріѣхать...

Мать потянула за бровями кверху свои усталыя, нависшія вѣки и остановила на немъ взглядъ, полный тревожнаго недоумѣнія. На лицѣ Сони мелькнуло упорное, недовѣрчивое, скрытное выраженіе. Старшихъ мальчиковъ еще не было, а Женька насторожился и съ огорченіемъ соображалъ, что дядя Женя забылъ о сластяхъ, которыя навѣрно у него приготовлены къ чаю, напомнить же теперь ужъ нельзя: пожалуй разсердится.

— Больна,—такъ что-жъ дѣлать?... Развѣ ты докторъ?—наконецъ, словно невольно выронила мать и потупилась, схватившись за чайникъ.

— Что-жъ ты: поѣдешь?—послѣ паузы спросила сестра.

— Ѣду, да, невозможно не съѣздить,—заявилъ онъ рѣшительно, и ему стало легче, только поскорѣй захотѣлось выбраться изъ дому.

Теперь потупились обѣ женщины.

Когда «мальчики» пришли, Евгеній Ивановичъ спросилъ адресъ у Саши. Саша торопливо записалъ его на клочкѣ бумажки, стараясь не показать и тѣни удивленія. Ваня, гимназистъ, изъ подражанія ему, тоже отвертывался.

Евгеній Ивановичъ взялъ записку, спряталъ ее въ бумажникъ, и въ комнатѣ водворилось неловкое молчаніе.

«Да неужто опять возобновится это безуміе?»—съ ужасомъ соображала мать и, горько чувствуя свое безсиліе, осыпала далекую виновницу нехорошею бранью.

«Что изъ этого выйдетъ?—съ не меньшимъ ужасомъ думала сестра, и воображеніе подсказывало ей картины, одну другой безотраднѣе.—Опять подпадетъ подъ ея власть, женится, броситъ насъ, и тогда дѣлать мнѣ съ Женькой?!... Все было такъ хорошо, такъ спокойно!...»

Перекинувшись нѣсколькими незначительными фразами съ братьями, Евгеній Ивановичъ быстро допилъ свой стаканъ, по обыкновенію, съ ласковой улыбкой поклонился въ сторону матери, сидѣвшей у самовара, и удалился къ себѣ, сказавъ:

— Ну, пойду, соберу кое-что въ дорогу...

Мать и дочь устремили тогда другъ на друга откровенно выразительный взглядъ, полный ужаса и сомнѣнія.

— Что же это дядя Женя? обѣщалъ сладенькаго къ чаю... и вотъ!...—со слезами на глазахъ сказалъ Женька.

— Не до того теперь дядѣ Женѣ, оставь, видишь: онъ уѣзжаетъ,—возразили въ одинъ голосъ мать и бабушка, и обѣ ушли къ себѣ въ спальню, какъ рѣшилъ про себя Женька, «секретничать».

II.

На вокзалѣ, когда Евгеній Ивановичъ, съ папиросой въ зубахъ, уже передъ третьимъ звонкомъ, въ раздумьи ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ, ему вдругъ бросилась въ глаза фигура робко подходившаго къ нему брата Саши.

— А-а! ты что? Что-нибудь нужно? или просто проводить надумалъ?—ласково обратился къ нему Евгеній Ивановичъ, чтобы вывести его изъ затрудненія.

Саша покраснѣлъ и помялся.

— Я, собственно, просто хотѣлъ попросить тебя кланяться «ей» отъ меня и пожелать выздоровленія и все такое... А главное хотѣлъ тебя попросить извѣстить меня... Какъ-то не хочется вѣрить, что она безнадежна...

Дали третій звонокъ.

Евгеній Ивановичъ пожалъ руку брата и вскочилъ на площадку вагона. Саша опять протянулъ ему руку съ кривой, смущенной улыбкой и вдругъ нерѣшительно сказалъ, когда поѣздъ ужъ тронулся:

— Ты попытайся, въ случаѣ чего, ободрить ее, Женя... Она вѣдь нервная... на нее можно воздѣйствовать... и именно ты, мнѣ кажется, можешь...

Евгеній Ивановичъ въ смущеніи отвелъ глаза и кивнулъ головой.

Поѣздъ пошелъ быстрѣе. Онъ поднялъ фуражку, поклонился еще разъ и машинально двинулся въ свое купэ съ тягостнымъ чувствомъ какой-то заботы.

Онъ устроился удобно въ спальномъ вагонѣ второго класса; мѣсто досталось ему внизу, сосѣди спокойные, вагонъ на мягкихъ р сорахъ, но ему не удавалось заснуть.

«Что теперь ждетъ меня тамъ? Что я переживу?... Нѣтъ, не м представить ее себѣ ясно, ни больной, ни здоровой...»

И вдругъ она опять явилась ему, но явилась въ моментъ у ный, истерическій, незабвенный именно по своему ужасу...

Это было вскорѣ послѣ ея болѣзни, когда онъ сдалъ, наконе

послѣдній экзаменъ и совершенно измученный пріѣхалъ въ Москву, измученный экзаменами, измученный тревогою за нее, неизвѣстностью, угрызеніями, сомнѣніемъ, ея странными, необъяснимыми письмами... Ужинъ... Большое и—какъ всегда въ безпорядочномъ и противномъ ему домѣ ея родителей, не то купеческомъ, не то артистическомъ,—смѣшанное общество за столомъ... Много ея родныхъ и знакомыхъ... Многимъ уже извѣстна его роль въ ея жизни, но пока не выяснилось, какъ обернется дѣло съ ея мужемъ, всѣ дѣлаютъ видъ, что ничего не подозрѣваютъ... Она,—похудѣвшая, поблѣднѣвшая, какая-то новая для него—капризная, требовательная, порывистая и загадочная,—но еще поразительнѣе прекрасная, чѣмъ прежде,—весь вечеръ дразнила его: то явно кокетничала съ милліонеромъ-кущомъ, старымъ другомъ дома, увлекавшимся ею еще до ея свадьбы, то съ подчеркнутымъ благоговѣніемъ выслушивала крикливыя разглагольствованія пошляка-писателя.

На душѣ его—адъ! Онъ одинаково готовъ ненавидѣть ее, задушить или зарѣзать собственными руками съ сладострастною яростью, или обожать ее на колѣняхъ, въ добровольномъ уничиженіи цѣлуя ея ноги и обливая ихъ слезами умиленія и отчаянія... Онъ слѣдитъ за ней съ неослабнымъ вниманіемъ птички, загипнотизированной змѣею-чудовищемъ.

Вдругъ она встаетъ, обходитъ уголъ стола, раздѣляющій ихъ и сама подаетъ ему тарелку съ кускомъ жареной индѣйки и салатомъ. Ея глаза блистаютъ непроницаемымъ блескомъ, какой-то сверхъестественный душевный вывертъ заставляетъ ее *такъ* улыбаться ему.

И вотъ,—совершенно нечаянно для себя самого—онъ говоритъ ей какую-то ѣдкую вещь, въ которой осуждаетъ ее, клеймитъ милліонера, издѣвается надъ литераторомъ...

«Что такое я сказалъ тогда? не помню! Вѣдь говорилось только такъ, потому что молчать было не въ моготу».

И вдругъ... страшно вспомнить!—Индюшечья лапа полетѣла прямо ему въ лицо, мокрые листья салата прилипли къ мундиру, по лицу потекла подливка, объ полъ звякнула и разбилась тарелка....

— Святой!... Безупречный!... Угодникъ!... Лампадное масли-!... ха! ха! ха!...—наполнилась голова его рѣзкими восклицаніями, потомъ, когда онъ, весь дрожа и отмахиваясь отъ сочувственныхъ зъ и ужимокъ, накидывалъ въ передней шинель и не могъ по-ть ногами въ калоши,—ея истерическій хохотъ, пронзительный, пный...

Евгеній Ивановичъ выпрямился на своемъ ложѣ.

«И зачѣмъ я туда ѣду? Какъ она можетъ звать меня! Къ чему это? къ чему!...»

Опять на память ему пришло ея ядовитое письмо съ напоминаніемъ о деньгахъ, задолженныхъ ей его матерью, вспомнилось содроганіе, потрясавшее его каждый разъ при встрѣчѣ послѣ разрыва, высокомѣрный, язвительный взглядъ, которымъ она окинула его тогда, при встрѣчѣ въ театрѣ, надменное движеніе косматой головки на стройныхъ плечахъ.

Правда, потомъ, много времени спустя, она не разъ пробовала объясняться, то властно, бурно, съ возмущеніемъ и упреками, то кротко и нѣжно... Онъ видѣлъ опять ея слезы, она говорила о дружбѣ, говорила на «ты», осторожно гладила его руки своими руками... но душа его мучительно потрясалась подобно аккордамъ разбитой, нестройной гитары... Выболѣло все въ немъ! не было мѣста ничему, кромѣ холоднаго страха!...

«Зачѣмъ, зачѣмъ она вызываетъ меня?!..»

Евгеній Ивановичъ мучительно понялъ, что ему не заснуть въ эту ночь: теперь «она» уже не покинетъ его... Истлѣвшій мертвецъ прошлаго оживалъ, и это неожиданное воскресеніе томительно волновало всю его душу.

«И какъ нарочно приходится ѣхать ночью, нельзя ни читать, ни развлечься разговоромъ съ сосѣдями»...

Не даромъ, однако, Евгеній Ивановичъ всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ проповѣдовать бодрое отношеніе къ жизни. Онъ безропотно всталъ, обулся, накинулъ пальто, вышелъ въ сѣнцы вагона и, вставъ у окна, опять закурилъ.

Поѣздъ шумно мчался въ черномъ пространствѣ, какъ въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ не чувствовалось ни земли, ни воздуха и ничего осязательнаго.

Вдругъ мимо окна понеслись золотыя искры огня... Онѣ растягивались полосами, какъ стрѣлы, или извивались, какъ змѣи съ горящими головками, но все это было—золото...

— Помнишь твою сказку о гномѣ, который все золото земли на свою голову собралъ?...

«Она задала мнѣ этотъ вопросъ въ одну изъ позднихъ попытог сближенія. Въ ея голосѣ дрожала печаль, по лицу блуждала надо ванная улыбка, глаза глядѣли съ кроткимъ упрекомъ... Ахъ, Бож мой, Боже мой!... Зачѣмъ же она разрушила все? Зачѣмъ покры позоромъ и грязью это святое, чудное, незабвенное время!...

Въ первый разъ во весь этотъ вечеръ Евгеній Ивановичъ почу ствовалъ не простую тревогу, а настоящую, живую боль, тос

вымъ, протяжнымъ эхо отозвавшуюся во всѣхъ уголкахъ его сердца. Въ головѣ замелькали туманно-нѣжныя, весеннія картинки перваго сближенія и расцвѣта.

Вотъ сидитъ онъ невиднымъ, маленькимъ офицерикомъ съ первымъ визитомъ у ея же родителей... люди, свѣтъ, картины и вещи— все кажется ему такъ интересно и... чисто!... Все существо внимаетъ и пьетъ впечатлѣнія жизни... И ее онъ видитъ впервые, и она интересуетъ его только такъ... какъ объектъ...

«Красотка и гномъ! вотъ какъ опредѣлилъ я ее тогда же...»

«Рѣчь зашла о новомъ театрѣ... Она горячится, восторженно машетъ руками, трясетъ золотой головой на стройномъ, хоть согнутомъ станѣ... Всѣ одобряютъ, сочувствуютъ... но входитъ почетный гость, авторитетъ и профессоръ.

— Развѣ это искусство? это—кривлянье, профанація, попраны всѣ традиціи сцены...

«Всѣ уже мнутся, молчатъ, соглашаются...

«И вдругъ ея голосъ:

«— Восхитительно! Въ пять минутъ всѣ присутствующіе развились до міросозерцанія господина профессора! Поздравляю!...

«Сцена вышла комичная, и я улыбнулся.

«— Господинъ поручикъ, вы согласны со мною?

«Я всталъ, поклонился.

«— Господинъ поручикъ, вы или храбры, какъ левъ, или легкомысленны, какъ бабочка.

«Вотъ съ этого-то и *началось*... Божественная ниточка протянулась, и мы жили другъ въ другѣ... О, моя любовь была безукоризненно-гладкимъ зеркаломъ, въ которомъ, въ сверкающихъ красками отражалась она и весь міръ вмѣстѣ съ нею... Она сама оплевала, сама своими собственными руками исказила, исцарапала, исковеркала безупречную поверхность этого зеркала, и теперь—все разбито!... А какъ все могло бы быть хорошо, какъ все близко уже подходило къ осуществленію полнаго, полнаго счастья!...»

«Я, разумѣется, виноватъ, да! конечно, конечно!... Я не долженъ былъ поддаваться соблазну, я обязанъ былъ ждать, добиться свободы и только тогда... Но развѣ не сама она виновата?!.. Подгать меня такимъ испытаніямъ, искушать меня каждымъ взглядомъ, улыбкой, движеніемъ, роптать, обижаться на меня за мою холодность, когда я съ нечеловѣческимъ усиліемъ уходилъ въ себя, завался въ свои занятія, боролся съ собою, какъ мученикъ!... Нѣтъ! какой бы святой не выдержалъ...»

«...И вотъ пришлось вынести весь ужасъ преступленія... Вп-

дить Богъ, я его не хотѣлъ, вся душа возмущалась... я боялся ея, я не чувствовалъ себя въ правѣ противиться... Одинъ ея тоскующій, вопросительный взглядъ, когда она прибѣгла ко мнѣ за совѣтомъ! «Какъ хочешь!»—сказалъ я, языкъ не повернулся настаивать... Не сама ли она бывала такъ малодушна?... О, я бы вывелъ ее изъ лабиринта, если бы она разрѣшила мнѣ дѣйствовать!... Вотъ хоть бы тогда съ ея мужемъ: вѣдь все уже было налажено, соглядатай напалъ на слѣдъ, мы бы накрыли его въ кутежахъ и добились развода!... И что же?... Мужъ какъ-то разъ показался ей жалкимъ, убитымъ, довѣрчивымъ... и она возмутилась!

«— Какая гадость! какая низость!... Ловить, шпіонить, выслѣживать, пользоваться довѣріемъ, беззащитностью человѣка!... Какіе мы негодяи, мерзавцы!... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что, ни за что!...

«Что было дѣлать?—Пришлось уступить и весь этотъ планъ пошелъ прахомъ...»

«Вѣдь надо было видѣть ее!... Эти пылающія щеки, эти глаза! она схватилась за лобъ, откинула волосы...»

Евгенію Ивановичу предстала живою она,—вдохновенная, сама богиня негодованія!—и вновь горячая волна забытой любви хлынула къ сердцу.

Онъ облокотился о подоконникъ, закрылъ лицо рукой и покачалъ головой.

«Да! я боялся ея малодушія... И вотъ беременная, полупотерянная, нервная она уѣхала въ Москву. Она,—такая молодая, неустойчивая, хрупкая,—должна была все пережить одна!... Ужасно!... Тогда тоже ко мнѣ въ Петербургъ пришла телеграмма, что она больна и въ опасности... Я зналъ, что это значитъ!.. А у меня шли экзамены, я не могъ отлучиться! Я обязанъ былъ думать о будущемъ... Не для будущаго ли я и пошелъ въ академію?...

«Но едва освободившись (и покончивъ все съ честью!), я все же бросился къ ней! Всѣ душевныя силы были направлены къ тому, чтобы все вернуть, все поправить... А что же нашелъ я въ отвѣтъ? Загадочный вывертъ во всемъ, временами какое-то возмутительно-неумѣстное, оскорбительное кокетство, временами злобный холодъ скрытность... А я все терпѣлъ... я все ждалъ и надѣялся... и во наконецъ—этотъ ужинъ!...»

Мысли Евгенія Ивановича вертѣлись въ безвыходномъ кругѣ в поминаній, но все теперь окрашивалось въ этихъ воспоминанія проснувшейся въ немъ, непрестанно-ноющей болью... Боль увел лась еще отъ необыкновенной живости представленій... Каждый фа

каждая сцена и забытое впечатлѣніе вспыхивали въ его мозгу, словно пламя, и сама она въ его памяти являлась въ видѣ колеблющагося яркаго огня, то вспыхивающаго, то замирающаго и манящаго и грѣющаго, и порою мучительно жгучаго... Онъ уже не пытался заглушить работу мысли, а напротивъ мужественно отдался въ ея тяжелую власть.

Только за два часа до Москвы усталость взяла свое, онъ вернулся въ вагонъ, легъ и заснулъ, какъ убитый.

III.

Передъ самой Москвой его разбудили сосѣди.

Въ окно вагона лился тусклый свѣтъ сырого осенняго дня.

Евгеній Ивановичъ сѣлъ и тотчасъ же вспомнилъ все пережитое имъ наканунѣ. Только странно: все, что вчера казалось ему такъ полно значенія, теперь было пусто и тускло въ его глазахъ, какъ пейзажи, мелькавшіе въ окнахъ вагона.

«Ужъ не лучше ли было бы вовсе не ѣздить? не откликаться на зовъ? Все равно ничего изъ этого не выйдетъ, въ какомъ бы состояніи я ее ни засталъ...»

— А вы, кажется, всю ночь почти не спали?—аккуратно складывая свой плэдъ, ласково обратился къ нему его нижній сосѣдъ,— чистенькій, румяненькій, сѣденькій старичокъ, типъ нѣмецкаго пастора.

— Да,—отвѣчалъ Евгеній Ивановичъ съ любезной улыбкой,— намъ, военнымъ, приходится выносить и не такія невзгоды.

Онъ до самой Москвы шутливо бесѣдовалъ со своими сосѣдями, а когда пріѣхалъ, вышелъ изъ вокзала на площадь, нанялъ извозчика и назвалъ ему адресъ Тани, ему стало прямо дико подумать, что онъ ѣдетъ именно къ ней и увидитъ ее, увидитъ живою или мертвою.

Потянулись кривыя московскія улицы, наполовину пустыя и сонныя въ утренній часъ; нескладный московскій извозчикъ чмокалъ, размахивалъ локтями и зѣвалъ по сторонамъ.

«Все здѣсь попрежнему и мой пріѣздъ не интересенъ ни для кого. Ужели «она» дѣйствительно ждетъ меня?...»

И вдругъ мелькнуло еще одно далекое воспоминаніе, но только этотъ разъ мелькнуло тускло, чуть видимо, не задѣвая души.

Такъ же вотъ осеннимъ утромъ ѣхалъ онъ къ ней на свиданье. а пріѣхала въ Петербургъ, остановилась въ гостиницѣ и вызывает его. Онъ торопился, предвкушалъ наслажденіе встрѣчи, мечталъ о , какъ она вся, до послѣдняго помысла отдастся ему... А ее онъ

засталъ возбужденной, взволнованной: въ вагонѣ столкнулась она съ нищетой... Кажется, вдова съ ребятишками, положеніе крайнее. И всѣмъ существомъ своимъ она была уже тамъ, а ему ничего не досталось... Свиданіе не вышло. Онъ остался обиженный, ревнующій, злой и душевно голодный. А она въ два-три дня разыскала знакомаго литератора, подзадорила его пустить замѣтку въ газетахъ, летала по какимъ-то знакомымъ съ этой газетой въ рукахъ, собрала значительный кушъ, прибавила все, что у нея было съ собою, заложила даже его любимыя жемчужныя серьги и на обратную дорогу взяла у него же.

«Да, странный характеръ! Вѣдь вотъ и Саша уже послѣ, бывало, разсказывалъ, какъ она веселится, наряжается, пляшетъ, и вдругъ, вернувшись съ какого-нибудь маскарада, не спитъ, отдается тоскѣ, клянетъ свою жизнь, швыряетъ съ себя драгоцѣнности на полъ!...»

Только подъѣзжая совсѣмъ уже близко къ незнакомому дому, обозначенному въ адресѣ «домомъ вдовы Пѣтуховой», Евгеній Ивановичъ почувствовалъ, что сердце его бьется сильно и новый холодъ,—холодъ тайнаго волненія,—медленно обнимаетъ усталую душу.

— Тпрррру!...

Евгеній Ивановичъ соскочилъ съ дрожекъ, расплатился съ извозчикомъ и вошелъ во дворъ, стараясь не думать, а отдаться непосредственному чувству, которое всегда вѣрнѣе разума подскажетъ, какъ и что надо говорить въ критическомъ случаѣ.

«Въ адресѣ сказано: квартира Ульяновой во дворѣ».

Никого не видя, Евгеній Ивановичъ перешелъ черезъ дворъ и вошелъ въ первую попавшуюся дверь. Деревянная грязноватая лѣстница привела его къ сѣнямъ, въ которыя выходили подъ рядъ двѣ обитыя клеенкой двери. На одной изъ этихъ дверей, въ числѣ другихъ прибитыхъ къ ней карточекъ, онъ увидѣлъ цвѣтную, яркую, причудливой формы карточку, на которой значилось: «Татьяна Евграфовна Ульянова».

Короткимъ движеніемъ онъ дернулъ звонокъ и прислушался.

Дверь открыли почти тотчасъ же, но не совсѣмъ: на порог держа ручку этой двери и любопытно заглядывая впередъ, въ пол тьмѣ передней показался худой, кудлатый юноша, повидимому, с дентъ, но не въ формѣ, а въ сильно потертомъ пиджакѣ.

Онъ быстро оглядѣлъ Евгенія Ивановича суровымъ и неодоб тельнымъ взглядомъ, отъ котораго Евгенію Ивановичу стало сты чего-то.

— Заряиновъ?—мрачно спросилъ этотъ молодой человѣкъ, не давая Евгенію Ивановичу времени заговорить.

— Да. Я, собственно, къ Татьянѣ Евграфовнѣ. Какъ ея здоровье?

— Войдите, сами увидите,—отвѣчалъ студентъ, оставляя ручку двери и уже не обращая больше вниманія на вошедшаго, повернулъ спину и удалился.

— Вотъ въ эту дверь, прямо напротивъ!—прибавилъ онъ, не оглядываясь, и исчезъ за дверью налѣво.

Евгеній Ивановичъ поставилъ въ уголъ свой чемоданчикъ, медленно снялъ верхнее платье, вытеръ платкомъ маленькіе усы и бородку и даже заглянулъ на себя мелькомъ въ ясеневое зеркало надъ желтенькимъ столикомъ.

Синіе глаза, которые всегда самому ему нравились на его лицѣ, да и самое лицо показалось ему растереннымъ, и потому отталкивающимъ.

«Просто хоть вонъ бѣги!»—съ раздраженіемъ подумалъ онъ, но вмѣсто того, чтобъ бѣжать, подошелъ къ «двери прямо напротивъ» и прислушался.

Какой-то монотонный голосъ глухо читалъ за стѣной.

«Неужели она ужъ въ гробу и это читаютъ надъ нею?»—подумалъ Евгеній Ивановичъ, и сердце его упало, но вдругъ знакомый, хотя измѣнившійся голосъ капризно простоналъ:

— Все равно! посмотрите: не онъ ли?

Евгеній Ивановичъ осторожно постучался.

— Войди, войди! вѣдь я знала!—произнесъ тотъ же знакомый голосъ, но опять ужъ другой, окрѣпшій и радостный.

Онъ отворилъ дверь и вошелъ, стараясь не шумѣть и не звякать шпорами. Ему казалось, что онъ дѣйствуетъ въ какомъ-то нелѣпомъ и тягостномъ снѣ.

Въ первую минуту это впечатлѣніе продолжалось и послѣ того, какъ онъ вошелъ въ большую, но тоже какую-то нелѣпую комнату.

Прежде всего его непріятно поразило и смутило то, что въ комнатѣ было не только два лица, какъ онъ ожидалъ, т.-е. не только она и чтецъ, котораго онъ принялъ за псаломщика, а цѣлая компанія, человѣкъ въ шесть или семь, мужчинъ и женщинъ, разнообразныхъ по типу, но все молодыхъ, бѣдно или неряшливо одѣтыхъ.

Всѣ эти люди устремили на него пристальный, недоброжелательный взглядъ, подобный тому, которымъ смѣрилъ его юноша, впустившій его въ переднюю.

Одна только «она», съ высоты своего устланнаго подушками

ложа, глядѣла на него большими, восторженно-сіяющими глазами, все время говорила что-то, чего онъ не понималъ, и протягивала ему худыя руки изъ широкихъ и странныхъ кружевныхъ рукавовъ.

Всѣ присутствующіе стали тотчасъ же удаляться. Одинъ изъ нихъ—ея мужъ! это жалкое, ничтожное существо, съ которымъ Евгенію Ивановичу когда-то такъ трудно и такъ мучительно было считаться,—подошелъ къ нему, крѣпко пожалъ его руки, жалобно потрясъ своей банальной бѣлокурой головой и удалился, указывая ему на нее театрально-скорбнымъ движеніемъ.

Но какъ только Евгеній Ивановичъ остался съ нею одинъ, какъ только онъ подошелъ къ ней, вглядѣлся въ ея новое, худое, угловатое, постарѣвшее личико, какъ только растрепанная головка на ребячески-тонкой шеѣ стала тянуться къ нему, а слезы одна за другой закапали изъ ея глазъ на покрытую кружевомъ грудь, и слова, непрерывнымъ потокомъ лившіяся изъ ея запекшихся губъ, стали дѣлаться для него все понятнѣе и понятнѣе,—тяжелый сонъ исчезъ, а взамѣнъ его явилась какая-то поразительная, сладкая и вмѣстѣ страшная дѣйствительность.

Отъ всей ея худой, худой, гибкой фигурки, напомнившей ему надломленную вѣтку плакучей березы, отъ лихорадочнаго трепета тѣла, приводившаго въ движеніе милыя старинныя жемчужныя серьги «грушками», отъ знакомаго запаха грэбъ-эпля (свѣжій весенній запахъ цвѣтущей яблони!...), отъ каждой пряди перепутанныхъ легкихъ волосъ и каждой складочки кружевъ вѣяло на него неотразимымъ тепломъ, искренностью, нѣжностью, довѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такой безнадежностью, такой болѣзненной слабостью, что онъ совершенно растерялся... Голова у него закружилась, и онъ буквально почувствовалъ на мгновеніе, что почва колеблется у него подъ ногами...

— Ну, да! Все такой же! Конечно! Я знала... И «васильки» (такъ она называла его глаза) все тѣ же, и тотъ же «замкнутый» ротъ и даже «святыя движенія» тѣ же... я знала!... Ты, конечно, не могъ не пріѣхать... Да!... Вѣдь это все было—такъ? Вѣдь душа твоя все же моя? Ты вѣдь не разставался со мною?... А я-то!—замѣть: и грэбъ-эпль, и твои любимыя серьги, послѣдній остатокъ прежняго величія, и—видишь?—твой портретъ на столѣ!...

Какимъ-то страннымъ, веселымъ движеніемъ длинной, прозрачно-блѣдной руки она махнула надъ своей головой, восторженно засмѣялась, закрыла глаза и закинула голову на подушки.

— Какъ глупо!... какъ глупо... какъ глупо...

Она взяла его руку, положила ее на свою щеку и, все еще

открывая глазъ, словно нѣжась въ счастьѣ этого прикосновенія, тихо спросила:

— Дядя Ваня?... Я тебя теперь «дядей Ваней» зову... Чеховскимъ? помнишь?... Дядя Ваня... Дядя Ваня, тебѣ жаль меня? Ты меня любишь?

Евгеній Ивановичъ опять почувствовалъ приступъ леденящаго холода, но теперь онъ холодѣлъ отъ сознанія чего-то до того ужаснаго, до того жестокаго и непоправимаго, готоваго стрястись надъ нимъ и стрястись совершенно внезапно, что руки у него задрожали, онъ пожалъ плечами и сдѣлалъ слабое движеніе, словно собираясь уйти: ему безсознательно хотѣлось бѣжать отъ непосильнаго испытанія, или по крайней мѣрѣ хоть для того, чтобы дать себѣ отчетъ во всемъ и опомниться.

Почувствовавъ, что онъ хочетъ отнять у нея свою руку, она мгновенно измѣнилась въ лицѣ, открыла глаза и посмотрѣла на него такъ, точно ожидала увидѣть передъ собою что-то слишкомъ ужасное.

— Что ты: уходишь?... Ахъ, повѣрь: тебѣ недолго придется...

Болѣзненныя спазмы сдавили Евгенію Ивановичу грудь и горло. Онъ хотѣлъ сказать только одно: «не уйду!», но эти спазмы не давали ему.

Увидавъ его жалкое лицо, она опять просіяла, подняла свои до странности худыя и длинныя руки ему на шею и возобновила свой лихорадочно-довѣрчивый лепетъ:

— Не горюй! не надо!... Это все хорошо... Такъ должно было быть!... Я знаю: я недостойная, гадкая... Я сама виновата во всемъ... Но и оба мы *тогда* еще не были *готовы*... Жизнь пересилила насъ...

Вдругъ она задумчиво покачала головой и заговорила другимъ, измѣнившимся голосомъ, невыразимо мягкимъ, нѣжнымъ, печальнымъ:

— Это все за то, что мы погубили тогда нашу дѣтку... *Твою* милую дѣтку, которую мнѣ такъ хотѣлось имѣть... Мы погубили ее, даже не зная, какая она будетъ, но я такъ ясно ее представляла ѣ!... Я такъ была увѣрена, что она—дѣвочка съ васильками въ ахъ... Мы погубили ее...

Вдругъ рѣзкій, тяжелый звукъ вырвался изъ груди Евгенія Ива-ича. Дрожащей рукой онъ сталъ шарить платокъ въ карманѣ.

Она подняла брови и посмотрѣла на него удивленнымъ, участливымъ взглядомъ:

— Не плачь, не плачь, это—такъ! Что дѣлать? Такъ должно

было быть... И теперь уже все равно: вѣдь мы нашли же другъ друга!...

Она утѣшала его весело, какъ добрая няня—ребенка, но Евгеній Ивановичъ опустился на колѣни, уткнулся въ кружева ея рукавовъ и рыдалъ. Словно несознаваемая имъ, долго-долго накоплявшаяся боль нашла, наконецъ, выходъ въ этихъ рыданіяхъ...

А она горячей рукой гладила его по волосамъ и по лысинѣ, роняла на его голову рѣдкія слезы и все говорила: вспоминала, разсказывала, шутила, смѣялась, разсуждала о горѣ, о счастьѣ, о любви, о смерти, о Богѣ... Говорила безсвязно, но для него такъ понятно и такъ глубоко значительно.

IV.

Продолжительное возбужденіе и напряженіе голоса вызвали сильное кровотеченіе горломъ и обморокъ.

Евгеній Ивановичъ бросился къ докторамъ, созвалъ консиліумъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ и спеціалистовъ, кинулся въ банкъ, перевелъ по телеграфу всѣ деньги, скопленныя имъ и отложенныя про черный день за послѣдніе годы, и среди этого метанія не успѣвалъ заглянуть въ свою душу.

Къ вечеру у нея остался глубокій упадокъ силъ, она дремала подъ свѣтомъ заслоненной лампы, и густыя тѣни все глубже и глубже ложились на ея лицѣ.

Временами она металась, тяжело дышала, стонала и бредила...

Она капризно волновалась и безпокоилась каждый разъ, какъ кто-нибудь другой, и въ особенности ея мужъ, входилъ въ комнату. Мужа ея уговорили уѣхать совсѣмъ, а Евгенія Ивановича на ночь оставили съ ней одного, объяснивъ, когда и что ей давать и какъ ухаживать за ней въ разныхъ случаяхъ.

Замѣтивъ его разстроенный видъ и наблюдая за его хлопотами, вся пестрая компанія, окружавшая ее, стала мягче къ нему и довѣрчивѣе.

Какая-то красивая, хотя страннаго вида брюнетка, съ волосами, зачесанными на самыя уши, оказалась предполагавшейся дежурн[ой] при ней на предстоящую ночь. Она принесла Евгенію Иванов[ичу] чью-то блузу, такъ какъ его военное платье было слишкомъ стѣс[нительно] для ночевки на креслѣ; потомъ указала ему подушку съ [ко]лородомъ, тряпки на голову для компресса на случай головной бо[ли], питье и пр., объяснила, что со всѣмъ этимъ дѣлать, а уходя, по[жа]ла ему руку и вдругъ укоризненно покачала на него головой.

— Потерявши, плачемъ? — тихо шепнула она, грустно улыбаясь большими глазами.

Потомъ она быстро отвернулась, прислушалась къ дыханію больной, оглянулась, все ли въ порядкѣ, и вышла.

Ошеломленный, растерянный, Евгеній Ивановичъ опустился въ большое кресло у ногъ кровати, сталъ смотрѣть въ лицо Тани, и тутъ, когда прошло нѣсколько минутъ въ полу-тьмѣ и безмолвіи, поневолѣ прислушался къ тому, что происходитъ въ душѣ.

Въ ней все ежилось, ныло и корчилось отъ невыразимыхъ страданій.

Совершенно внезапно онъ почувствовалъ себя разбитымъ, униженнымъ, потерпѣвшимъ самое позорное, самое страшное пораженіе. Ему казалось, что всей своей жизнью онъ съ какой-то нелѣпою гродостью торжественно раздавилъ все, что выпало на его долю самаго прекраснаго, самаго цѣннаго, самаго завѣтнаго и святого—и въ первый разъ въ жизни чувствовалъ къ себѣ безграничное презрѣніе. У него уже не было надежды вернуть свое счастье, потому что ея жизнь и была однимъ его счастьемъ. Все роковымъ образомъ должно было рухнуть, и теперь уже ничѣмъ не поможешь...

«И знать, что все было въ моихъ рукахъ, что, быть можетъ-годъ-два назадъ я еще могъ бы вернуть!»...

Онъ корчился, стискивалъ зубы, чтобы не завыть, какъ животное, и лицо его морщилось, а руки ломали одна другую.

Она шевельнулась, застонала, повернула къ нему голову и очнулась. Ея глаза изъ темныхъ впадинъ тускло глянули на него. Онъ вскочилъ и приблизился. На лицѣ его выражалось обожаніе и мука. Глядѣла она съ робкой мольбою, вопросительно, тоскливо и зашептала ослабѣвшимъ и хриплымъ голосомъ:

— Женя! Я хочу жить!... Неужели ты не можешь спасти меня?...

Подбородокъ и губы его затряслись, лицо еще больше сморщилось, и изъ глазъ опять покатились слезы.

Онъ не въ силахъ былъ сказать ей что-нибудь утѣшительное.

Она закрыла глаза и горестно застонала.

— Ахъ! Какъ хочется жить!—черезъ минуту послышалось ему ь ея вздохѣ.

Не открывая глазъ, она подняла свои длинные пальцы, въ знакъ ого, чтобы онъ держалъ ее за руку.

Онъ подкатилъ свое кресло вплотную, взялъ ея руку въ свою и лъ тихо покрывать ее поцѣлуями.

— А какъ теперь-то мы бы зажили! — продолжала она едва слыш-

но, тяжелымъ прерывистымъ шопотомъ.—Ты теперь важный полковникъ, у насъ былъ бы особнякъ съ огородомъ и садикомъ... Я ходила бы въ «декадентскихъ» капотахъ, рожала бы и кормила бы дѣвочекъ съ васильками въ глазахъ и варила бы варенье въ саду... А ты сидѣлъ бы подъ деревомъ и курилъ... и смотрѣлъ бы на меня... А на другихъ я бы не позволяла тебѣ смотрѣть... И ты ужъ не былъ бы «дядя Ваня», а былъ бы «мой Женька», мой мужъ... И когда у насъ подавалась бы индюшка къ столу, ты грозно указывалъ бы мнѣ на лапу указательнымъ пальцемъ, а я бы смѣялась и дѣлала бы видъ, что прицѣливаюсь ею въ тебя...

Слезы текли у Евгенія Ивановича по носу, стекали на усы, на бороду, на костлявую ручку, къ которой онъ приникъ, а съ нея скатывались на полосатое одѣяло...

Лампа тускло мерцала за листомъ газетной бумаги, въ большой и нелѣпой комнатѣ съ печкой, выступавшей чуть не до середины, было тихо. Безнадежная тоска невидимкой томилась во всѣхъ ея темныхъ углахъ...

А Евгеній Ивановичъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы продлить такія тоскливыя ночи, потому что за ними открывалась лишь темная и пустая бездна...

Но время шло своимъ чередомъ, и каждый часъ былъ воромъ его необъятныхъ сокровищъ...

Временами она томилась и тосковала, умоляя спасти ее, временами впадала въ экстазъ, благословляла все и всѣхъ и любовно смѣялась надъ смертью, временами теряла послѣднія силы и казалась ко всему равнодушной.

Евгеній Ивановичъ не отходилъ отъ нея, спалъ и ѣлъ лишь урывками, почти того не сознавая, и даже во снѣ его не покидало сознаніе его страшнаго горя и его горькаго счастья...

Бывали минуты, когда она чувствовала подъемъ силъ, и ихъ обоихъ охватывала безумная надежда... Зато слѣдующій приступъ болѣзни оставлялъ за собою уныніе еще болѣе глубокое, безнадежность еще болѣе пустую и страшную...

Наконецъ, она стала уже такъ слаба, что не въ силахъ была по нять голову отъ подушки. Пульсъ бился часто, слабо и сбивчи Безупречно-правильные глаза стали еще больше, впадины ихъ е темнѣе и глубже. На ввалившихся щекахъ угасъ даже лихорадочн румянецъ чахотки.

Все притихло вокругъ, все принизилось передъ близостью сме Въ несуразной комнатѣ съ ея странною печкой всюду уже вит

скорбные духи... Какая-то тяжесть налегла на плечи всѣхъ окружающихъ и давила къ землѣ...

Горестный часъ наступалъ...

Въ одно воскресное, ясное утро, въ первый сухой и морозный осенній день ей вдругъ стало значительно лучше.

Она потребовала, чтобы ее переодѣли въ розовый, новый капотикъ на лебяжьемъ пуху, недавно подаренный ей Евгеніемъ Ивановичемъ. Онъ теперь постоянно покупалъ ей что-нибудь, что могло ее хоть немного порадовать: цвѣты, наряды, духи, какія-нибудь бездѣлушки...

Заставивъ переодѣть и повыше устроить себя на подушкахъ, она пожелала причаститься.

— Всѣ вы безбожники, я знаю, — говорила она, съ высоты своихъ подушекъ оглядывая присутствующихъ со своей прежней, лукавой ужимкой, все еще живой на полумертвомъ лицѣ, — но я — церковница и хочу причаститься.

Евгеній Ивановичъ боялся, какъ бы исповѣдь ее не разстроила, и вся церемонія не слишкомъ ее утомила. Но исповѣдалась она коротко, чуть ли не весело. Послѣ причастія она всѣхъ позвала къ себѣ, велѣла всѣмъ поздравлять ее какъ можно торжественнѣе, а когда кто-нибудь изъ ея жильцовъ и знакомыхъ студентовъ протестовалъ или не вкладывалъ, по ея мнѣнію, должной искренности въ поздравленіе, она бранила его, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и заставляла повторять за собою слова, въ которыя вкладывала все свое чувство:

— Поздравляю васъ, Татьяна Евграфовна, съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ не въ судъ и не во осужденіе, а во исцѣленіе души...

О тѣлѣ она умалчивала.

Покончивъ съ этой церемоніей, она съ удовольствіемъ поѣла бульону и свѣжей икры, потомъ отпустила всѣхъ, кромѣ Евгенія Ивановича, и, держа его руку въ своей, тихо и спокойно уснула.

Прямо въ окна, на которыхъ она не позволяла спускать шторы, ударяло солнце; оно играло на полу, на стѣнахъ, на уродливой печкѣ и всему придавало видъ невыразимо заманчивый, отрадный и праздничный; оно робко скользнуло и на розовый капотъ на лебяжьемъ пуху; его яркіе отблески причудливыми отраженіями упали и на спящее лицо; острыя, чистыя черты этого лица прозрачно и нѣжно сквозили въ воздухѣ, напоенномъ лучами...

Но солнце уже склонялось къ закату. Вотъ оно зашло за сосѣдскую крышу... вотъ—закатилось... вотъ стали сгущаться раннія зимнія сумерки.

Все похолодѣло вокругъ. Сѣрыя вечернія тѣни стали тихо слетаться и плести по угламъ свои зловѣщія сѣти, предвѣстницы ночи.

Теплая рука въ рукахъ Евгенія Ивановича стала тоже холодѣть. Холодѣть стало и его безнадежное сердце.

Когда только послѣдній невѣрный свѣтъ еще слѣпо боролся съ наступленіемъ ночи, она проснулась и устремила на Евгенія Ивановича взглядъ широкій, таинственный, полный новаго откровенія.

— Женя! поближе!... поближе!...—прохрипѣла она, хотя лицо его было у самаго ея лица,—слушай!... я сейчасъ спала и узнала... Мы живемъ не одни... Кто-то живетъ вокругъ насъ и ихъ много!... Пока мы живемъ, мы не знаемъ, не видимъ... Они съ нами говорятъ, а мы ихъ не слышимъ... Ахъ, Женичка, душечка!... какъ мнѣ жаль тебя, ты остался одинъ!... Но когда я умру, я тебя не оставлю, ищи меня только!... Ахъ, милый мой, милый мой! какъ ужасно!... Я умру, и ты долженъ мнѣ вѣрить!... Кто они—я не знаю, но они вокругъ насъ и наполняютъ пространство... Если слушать внимательно... Ахъ, что это?... Вѣрь мнѣ!... Ахъ, милый!...

Голосъ ея прервался, и она покачнулась головой въ его сторону. Онъ охватилъ ее руками, ея легкая головка медленно спустилась съ подушекъ къ нему на грудь... Въ горлѣ что-то захрипѣло и слабо свиснуло.

Она умерла.

V.

Пока ее еще не похоронили, пока онъ могъ ѣздить по цвѣточнымъ и инымъ магазинамъ, осыпать ее цвѣтами, обставлять кругомъ зеленью, пальмами, наряжать ее, покупать и заказывать все самое дорогое, самое лучшее для ея послѣдняго поселенія, Евгеній Ивановичъ и не думалъ болѣе ни о чемъ.

Но когда вся эта красота серебра, атласа, цвѣтовъ, кружевъ и прекраснаго, блѣднаго трупа была опущена и зарыта въ грязную землю, когда онъ вернулся въ пустую; нелѣпую комнату и понялъ, что ему больше *некуда идти* и *нечего дѣлать,* волосы стали медленно шевелиться у него на головѣ отъ настоящаго ужаса.

Онъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ, какъ бы въ удивлен нѣсколько разъ пожалъ плечами, опустилъ голову на руки и хотѣ разсуждать. Но сознаніе страшнаго крушенія и безнадежнаго сир ства мѣшало ему.

«Ну, что же теперь будетъ? Что можетъ теперь быть?—безп станно вставалъ передъ нимъ вопросъ и падалъ, не получая отвѣта

Что еще можетъ быть съ человѣкомъ, надъ которымъ стряслось то, что стряслось надо мною? Въ такихъ случаяхъ кончаютъ жизнь какъ-нибудь особенно: убиваютъ себя или идутъ въ монастырь, ходятъ по тюрьмамъ, сходятъ съ ума, наконецъ. Что же будетъ со мною? Въ монахи я не пойду, потому что недостаточно вѣрю, въ благотворительность тоже не вѣрю, убить себя—не хочу!... Что же? Опять ѣхать домой?... О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!... Опять видѣть ихъ лица, слышать вопросы и знать... О, нѣтъ, только не это»...

Евгеній Ивановичъ представилъ себѣ, какъ «онѣ» будутъ скрывать отъ него, что онѣ рады (рады!) ея смерти—и отвращеніе и ненависть тошнотой всколыхнули всю его душу.

Мелькнула передъ нимъ и его ежедневная жизнь, мелькнули знакомыя лица начальства, солдатъ, сослуживцевъ... Мундиры... формы, формы и формы... дисциплина, душа его дѣла... условные знаки, условныя рѣчи... условная совѣсть...

«О, нѣтъ, *туда,* въ это убожество жизни я не вернусь никогда. Можетъ быть, мнѣ такъ и нужно бы было... но *жить* опять такъ же—не могу я, не въ силахъ!... не могу дышать однимъ воздухомъ съ «ними»... Однако всетаки... что же, что же мнѣ дѣлать съ собою?... Она говорила: «ищи меня только».

Евгеній Ивановичъ оглянулся. Вотъ—столъ, на которомъ лежала она; вотъ ея кровать, комодъ съ ея же вещами. Все это—холодное, пустое и мертвое.

Онъ всталъ, подошелъ къ платяному шкафу, открылъ его.

Вмѣстѣ съ запахомъ грэбъ-эпля, волной исходившимъ оттуда, душа его сразу наполнилась «ею». Знакомыя кружева халата, въ которомъ онъ засталъ ее тогда, въ первый разъ, розовый капотъ на лебяжьемъ пуху, красный теплый платокъ, мѣховыя сѣрыя туфельки...

Онъ сталъ трогать, гладить эти вещи, прижимать ихъ къ лицу и къ губамъ. Онѣ были холодны—да! но онѣ бередили душу такой терзающей болью, которая тоже была частицей «ея»!... Лаская ихъ, Евгеній Ивановичъ словно дѣйствительно чувствовалъ, что она тутъ, рядомъ съ нимъ, за невидимой и потому особенно непобѣдимой стѣ-
[illegible], «ея же не прейдеши». Ему хотѣлось оглянуться, идти куда-то,
[illegible]ать. И только разумомъ убѣждалъ онъ себя, что идти некуда,
[illegible]мѣ развѣ могилы, а могила такъ же чужда и ужасна, какъ міръ.

И онъ продолжалъ ласкать пустыя, холодныя вещи.

Вдругъ въ глаза ему бросился уголокъ исписанной бѣлой бумаги,
[illegible]ащей изъ стараго чемодана внизу. Онъ наклонился и вытащилъ.
было письмо къ Танѣ, подписанное незнакомымъ ему женскимъ

именемъ. Какія-то изліянія, какіе-то отзывы о людяхъ и событіяхъ неизвѣстныхъ ему.

Онъ раскрылъ чемоданъ. Чемоданъ оказался туго набитымъ старыми письмами, написанными многими, разнообразными почерками, какими-то бумажками съ обрывками стиховъ, выписками изъ какихъ-то мыслителей. То тутъ, то тамъ узналъ онъ и Танину руку.

«Ищи меня только».

Сердце его забилось ожиданіемъ и страхомъ. Онъ сталъ перебирать одно за другимъ эти письма, обрывки.

Вотъ—пламенное воззваніе какого-то влюбленнаго, какія-то надежды, какіе-то упреки и сѣтованія. Вотъ—измятый листокъ, окропленный слезами и мелко исписанный: «Вы сами никогда не поймете и не оцѣните, что вы сдѣлали для меня. Если бы не вы, Богъ знаетъ, была ли бы я жива теперь, думаю, что нѣтъ. Спасибо, спасибо вамъ, милая, добрая!... Этотъ мѣсяцъ, который вы провели со мной, вернулъ меня къ жизни!..» А вотъ—письмо въ стихахъ... какая-то хвалебная ода... «Perpetuum mobile», такъ обращается къ ней авторъ... Блестки остроумія, намеки на что-то, очевидно, извѣстное ей, можетъ быть, ею же сказанное... Чья подпись?... Ахъ, это извѣстный поэтъ съ громкимъ именемъ, кумиръ молодежи. А вотъ и пошлыя, назойливыя признанія какой-то плоской души, циничный гимнъ нахала, конечно, видѣвшаго въ ней только соблазнительность женщины.

Въ глазахъ у Евгенія Ивановича рябило и сердце его все сильнѣе и сильнѣе горѣло и билось.

«Цѣлая жизнь, цѣлая жизнь безъ меня... Ни руля, ни парусовъ, ни компаса... Плыла, какъ умѣла... А я?... Я «спасалъ» себя!... Идіотъ!... Цѣлый міръ!... Цѣлый міръ!... Я могъ бы слѣдить каждый шагъ, защитить, поддержать... пить изъ чистаго источника чистой души... По дѣломъ!... Каждый пошлякъ получилъ хоть полушку, а ты?... О, ничтожество!»

Евгеній Ивановичъ углубился въ себя, и для него ужъ ничего не осталось въ мірѣ, кромѣ него и этихъ пестрыхъ бумажекъ. Онъ сидѣлъ на полу, перебиралъ ихъ одну за другой, терзался, горѣлъ и забылъ все на свѣтѣ. Онъ «искалъ»...

А кругомъ уже тѣснилась жизнь. Она готова была хлынуть къ нему, не считаясь съ тѣмъ, что ему не по силамъ былъ ея стихійный напоръ.

Въ дверь постучались, и каждый ударъ отозвался въ душѣ какимъ-то болѣзненнымъ ужасомъ.

Домовая хозяйка пришла узнать, что будетъ съ квартирой.

Евгеній Ивановичъ рѣшилъ, что съ жизнью надо развязаться

скорѣе. Онъ не убить себя хотѣлъ, а «развязаться». Развязаться со всѣмъ, что могло составлять его лично узы съ окружающимъ, развязаться съ русломъ своей личной жизни.

Что будетъ съ нимъ дальше, онъ не зналъ, да это и не интересовало его. Чемоданъ, набитый отрывками писемъ—вотъ что въ данную минуту сосредоточивало на себѣ весь его интересъ и всѣ помыслы. «Искать»—это было вяжно, священно, а остальное... на что?

Со свойственной ему отчетливостью дѣйствій, несмотря на то, что самъ онъ чувствовалъ себя автоматомъ, онъ все сдѣлалъ энергично и быстро: покончилъ несложныя дѣла Тани съ жильцами, съ родными, съ хозяйкой. Эти дѣла были самыя мучительныя, но и самыя сладкія, потому что они касались «ея».

Онъ взялъ себѣ кружевной халатъ и лебяжьяго пуха капотикъ, но и ихъ рѣшилъ вечеромъ сжечь, оставшись одинъ и затопивъ безобразную печку.

Пламя жадно хватало и дрожащими струйками уносило вверхъ нѣжныя кружева, пухъ и блестящіе переливы атласа.

Такъ сгорѣла и нѣжная, блестящая жизнь съ ея переливами чувствъ, настроеній, исканій.

«Я хочу горящихъ зданій!
Я хочу кричащихъ бурь!»

Такъ, смѣясь, любила она восклицать въ минуты восторга.

Евгеній Ивановичъ сидѣлъ у самой печки на корточкахъ, близко, близко къ огню, горячившему лицо, почти палящему кожу, и его охватывало чувство жуткаго вдохновенія.

«Пусть горитъ, пусть горитъ»!—безсознательно шепталъ онъ сухими губами.

Но вотъ все сгорѣло, угасло, остался лишь пепелъ. Уже стало темнѣть.

Въ душу вернулась вся тяжесть горя, снова раскинулась злая пустыня. «Искать» нужно было, «искать»!

Оставалось покончить свои личные счеты. Это было тяжелѣе всего, но неизбѣжность была ему очевидна.

Онъ телеграммой выписалъ Сашу. Этотъ братъ былъ единственъ существомъ, легкимъ Евгенію Ивановичу: онъ сочувствовалъ нѣ.

Свиданіе братьевъ было кратко и по внѣшности холодно.

Евгеній Ивановичъ передалъ брату почти всѣ деньги, оставшіяся его на рукахъ; поручилъ ему заранѣе написанное имъ прошеніе отставкѣ; разсказалъ, гдѣ и какъ поступить и что предпринять

на первое время и съ какимъ-то разсѣяннымъ, задумчивымъ видомъ, словно онъ объявлялъ ему самую простую, обыкновенную вещь, объяснилъ ему, что на него имъ теперь ужъ разсчитывать нечего.

— Устраивайтесь такъ, какъ будто я умеръ. Я и самъ не знаю, что будетъ со мною.

Во все время бесѣды Саша слушалъ дѣловито-внимательно. На его юномъ лицѣ, съ кудрявымъ пушкомъ вокругъ рта и съ глазами сѣрыми, хотя похожими на глаза старшаго брата, выражались робкая скорбь и сочувствіе.

Послѣ долгаго молчанія, когда со стороны Евгенія Ивановича, повидимому, все было сказано, Саша медленно поднялся и, сильно краснѣя, сказалъ дрожащими отъ волненія губами:

— Ты, Женя, всетаки помни: если тебѣ что-нибудь будетъ нужно... Ну, мало ли что, иногда просто пустякъ: просто высказаться передъ кѣмъ-нибудь хочется... словомъ... знай: я всегда готовъ и тебя понимаю!... А теперь прощай! Я поѣду...

Евгеній Ивановичъ выслушалъ это все съ тѣмъ же разсѣяннымъ видомъ. Только всталъ и сталъ оглядываться, ища свою шляпу.

Еще не дождавшись отставки, онъ сталъ носить партикулярное платье: простую потертую пару, пальто и широкополую шляпу, купленныя имъ случайно у одного изъ жильцовъ, студента, отданнаго въ военную службу.

— Я поѣду, провожу тебя на вокзалъ. Вѣдь ты ѣдешь домой?— спросилъ онъ, одѣваясь.

— Да, да... я очень радъ... поѣдемъ, поѣдемъ!...

Саша заторопился, видимо обрадованный и польщенный тѣмъ, что братъ ѣдетъ съ нимъ до вокзала.

Черезъ полчаса они уже стояли на платформѣ у вагона третьяго класса и молчали, ничего не умѣя сказать.

Евгеній Ивановичъ и не искалъ ничего, зато у Саши въ душѣ кипѣла цѣлая буря.

Онъ чувствовалъ, что если не выскажется теперь, то никогда уже не удастся ему *такъ* открыть свою душу. Но тяжелая стѣна стыдливости чувства, такая мучительная и непобѣдимая въ юности, мѣшала ему.

— Такъ ты мнѣ напишешь, куда выслать твои бумаги?—наконецъ, угрюмо спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да. Вышли сюда же, на ея же квартиру, я здѣсь буду пок Да, пожалуйста, вышли.

Во всемъ тонѣ Евгенія Ивановича, въ его понурой фигурѣ, въ привычномъ для него статскомъ пальто съ чужого плеча, въ разсѣя

номъ и въ то же время на чемъ-то внутреннемъ глубоко-сосредоточенномъ взглядѣ синихъ глазъ, окруженныхъ красными вѣками (отъ слезъ ли, отъ безсонныхъ ли ночей у него заболѣли глаза), въ новыхъ скорбныхъ морщинахъ на лбу и щекахъ—сквозило что-то до того жалкое, до того «конченное» и въ то же время загадочное, неразрѣшенное, новое, что молодое сердце Саши не выдержало: стѣна пошатнулась и рухнула.

— Женя, послушай!... Я только объ одномъ хочу попросить тебя, Женя: извѣщай меня только всегда о томъ, гдѣ ты. Приставать къ тебѣ я не буду. Я хочу только знать... И еще: если когда-нибудь... не теперь, а когда-нибудь тебѣ нужно будетъ... если я не буду лишній тебѣ, черкни только слово, я брошу все и пріѣду.

Онъ волновался, краснѣлъ. Страстный порывъ и величайшая робость сквозили во всей его рѣчи.

Въ глазахъ Евгенія Ивановича въ первый разъ промелькнуло выраженіе жизни: вниманія къ тому, что ему говорятъ. Онъ оробѣлъ и сжался, словно настигнутый заяцъ.

И лицо, и фигура, и голосъ его отразили на себѣ смятеніе и безпомощность.

— Хорошо, хорошо, не будемъ говорить... Я еще ничего самъ не знаю... я еще не могу... не будемъ, не будемъ,—безтолково замахалъ онъ руками и вдругъ полѣзъ въ карманъ за платкомъ,—не будемъ, не будемъ...

Звякнулъ третій звонокъ; Саша коротко обнялъ брата и вскочилъ на площадку вагона. Поѣздъ тронулся тяжело, потомъ сталъ расходиться быстрѣе.

Фигура юнаго студента съ вдохновеннымъ лицомъ, перегнувшагося черезъ желѣзныя перильца вагона, постепенно умалялась и исчезала изъ глазъ Евгенія Ивановича. Такъ же умалялась и постепенно исчезала изъ глазъ младшаго брата узкая фигура въ потертомъ пальто и измятой шляпѣ, съ похудѣвшимъ сухимъ лицомъ, обрамленнымъ запущенными волосами, бородой и усами, съ воспаленными вѣками, лицомъ, полнымъ того особеннаго безсознательнаго достоинства и той скромной, хотя строгой красоты, которыми, какъ загадочною печатью, тѣчаютъ своихъ избранниковъ страданье и горе...

Анна Соколова.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

(Разсказъ.)

Вѣра проснулась рано. Лучъ майскаго солнца прокрался къ ней въ комнату. Она ощутила свѣтлое прикосновеніе и открыла глаза. Да, это солнце... хочетъ приласкать ее. Сегодня день ея рожденія. Ей исполнилось 20 лѣтъ.

20 лѣтъ!

Она широко открыла сѣро-синіе лучистые глаза и оглянулась вокругъ, точно желая увидѣть все новое и себя новой. Но нѣтъ, все—какъ вчера, какъ прежде. Правда, вчера вечеромъ она сидѣла у окна и смотрѣла въ темный садъ, и у ней въ головѣ и въ сердцѣ были странныя, раздвоенныя чувства и мысли, которыя она пыталась сдѣлать отчетливыми—такъ, чтобы остановиться на чемъ-нибудь одномъ, но не могла. Сегодня солнце,—и веселый солнечный зайчикъ бѣгаетъ вверху по стѣнкѣ.

— Ахъ!

Она, сама еще не зная о чемъ, вздохнула, улыбнулась, слѣдя глазами за зайчикомъ. И какъ зайчикъ, въ ней вдругъ мысль затрепетала. И чувство вспыхнуло, такъ что краска прилила къ щекамъ. Ея лицо отъ крѣпкаго сна и такъ было теплое, розовое, нѣжное, какъ атласная подушечка. Она приложила руки къ щекамъ.

И то, о чемъ она думала вчера вечеромъ, нахлынуло на нее съ новой силой, но отчетливѣе, чѣмъ вчера. Предъ утромъ она видѣла сонъ: будто она сидитъ у окна, и за стѣной раздаются жесткіе ша Антонина Павлыча, и она ждетъ чего-то,—и было ей жутко; слог черезъ стѣну, тайкомъ она взглянула въ глаза Антонина Павлыча они были глубокіе, темные, нѣжные и печальные,—ей стало слад и снова жутко, и она какъ бы прячется отъ него. А въ саду на п щадкѣ веселая компанія играетъ въ лаунъ-теннисъ.

— В... вѣра! В... вашъ мячъ!—крикнулъ ей оттуда Миш

Онъ ей разсмѣялся. Съ его веселаго лба сдвинута на затылокъ фуражка, и узенькая талья его стянута бѣлымъ поясомъ.

— Р... разъ—д... два!

Онъ звякнулъ шпорами. И она также весело рванулась къ нему—и проснулась. Лучъ солнца ее ласкалъ.

— Какое ребячество!—про себя произнесла Вѣра.

Ей стало чего-то стыдно. Подъ одѣяломъ она свернулась калачикомъ и затихла. Такой маленькой она почувствовала себя—маленькой дѣвочкой, маленькимъ человѣчкомъ. Если бы все было хорошо на свѣтѣ,—и ей было бы легко, и она бы всѣхъ ласкала, и ее бы всѣ ласкали и жалѣли. И жить, не думая ни о чемъ, и безъ конца радоваться солнцу... Какъ кошечка...

Она сжалась еще тѣснѣй, какъ кошечка, и сладкая истома прошла по молодому, розовому тѣлу. Она встала бы, смѣясь, и смѣялась и играла бы цѣлый день.

Но внезапно она отдернула одѣяло и порывисто, не смѣясь, спрыгнула съ теплой постели.

— Нѣтъ! Что же это?!

Морщинка явилась на ея ровномъ, прекрасномъ, спокойномъ лбу, и лицо было серьезно. Точно тѣнь грусти, какъ живое осязаемое существо, мелькнула въ ея лицѣ и въ комнатѣ, и въ уголкахъ комнаты.

Она выпрямилась, полуобнаженная, съ голыми, крѣпкими ногами, съ высокой горячей грудью, съ матовыми, еще узенькими и неразвившимися, плечами, потянулась, взмахнула руками, расправила морщину на лбу и подняла и расправила и отвела назадъ плечи.

Вотъ она!

Ея взглядъ упалъ на нее—въ зеркалѣ. Вотъ она! Она—двадцатилѣтняя женщина, которая не хочетъ прозябать, которая хочетъ схватить всю жизнь, какая есть, хочетъ быть человѣкомъ, взойти на высоту, какая только есть. Бѣлокурая, гибкая, бѣлорозовая, пылающая. Очень хороши ея глаза—они, дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ сіяютъ, какъ звѣзды. Ей сказалъ это Антонинъ Павлычъ на[illegible]ихъ, когда они гуляли въ полѣ. Сказалъ онъ, смѣясь, въ мгновеніи смущенія, какъ бы мимоходомъ, но такъ серьезно. Чудакъ! Она улыбнулась, и ея глаза блеснули, какъ звѣздочки. Глаза съ осолнымъ чутко-нѣжнымъ, но и пристальнымъ, и манящимъ, и въ же время чистымъ выраженіемъ. На головѣ тяжелые съ мимолетмъ золотымъ отливомъ волосы—ихъ нужно откидывать назадъ,—такіе непокорные.

Она снова потянулась порывисто и жутко.

Сегодня день ея рожденія. Сегодня Антонинъ Павлычъ назначилъ ей свиданіе въ рощѣ, надъ прудомъ, въ 12 часовъ.

— Чудакъ—онъ! Славный—онъ!

Но какъ все странно. Вчера она сказала Антонину Павлычу, что у нихъ сегодня въ 12 часовъ дня будутъ гости: Аполлонъ Сергѣичъ и Мишель. Привезутъ ей букеты. И Антонинъ Павлычъ вдругъ измѣнился въ лицѣ. Она его никогда раньше не видала такимъ. Онъ всегда былъ спокоенъ, задумчиво-ясенъ, можетъ быть, печально-ясенъ, но спокоенъ и величавъ, какъ принцъ.

— Какъ принцъ! — Она разсмѣялась легкимъ, прозрачнымъ смѣхомъ.

Въ томъ-то и дѣло, что Антонинъ Павлычъ былъ всегда словно на какой-то высотѣ надъ ней, надъ Вѣрой. Онъ былъ простодушно и безконечно ласковъ съ ней. Но не такова бывала она съ нимъ. Она чувствовала не разъ, что, несмотря на всю ихъ ясную близость, бывали моменты, когда они были точно враги. Точно вражда и борьба были между ними, борьба двухъ міровъ, двухъ гордостей, двухъ существованій, изъ которыхъ каждое какъ бы незамѣтно, но на самомъ дѣлѣ хочетъ покорить себѣ другое. Антонинъ Павлычъ какъ бы не замѣчалъ этой борьбы между ними двумя.

Нѣтъ, онъ замѣчаетъ, онъ знаетъ, только не хочетъ подать вида, что замѣчаетъ!

Съ виду между ними искренняя, ничѣмъ невозмутимая дружба. Но на самомъ дѣлѣ были вѣчныя столкновенія и перемирія,—столкновенія съ отчужденностью и тайнымъ холодомъ, перемирія—съ пораженіемъ и покорностью. Но только то была покорность Вѣры и никогда—Антонина Павлыча. Она шла на капитуляцію, шла охотно, нѣжно, растроганная, самоотверженная—онъ принималъ это, какъ будто такъ и должно было быть—мягко, нѣжно, спокойно и величаво. А вотъ онъ передъ ней никогда не шелъ на капитуляцію. А она хотѣла бы этого!

Такъ что же было вчера?

Онъ странно измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ, потомъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ глухо, звонко и рѣшительно, но неизмѣнно страданіе прозвучало въ его голосѣ.—Нѣтъ, Вѣра, завтра 12 часовъ вы придите ко мнѣ... туда... въ рощу!

— Нельзя же!—возразила она.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Придите!

— Нельзя же!—снова она сказала.—Вы придете также къ на

— Нѣтъ! Придите! Мы поговоримъ, походимъ... Я скоро уѣ

Онъ смотрѣлъ на нее нѣжно, настойчиво, робко, сильно и упрямо, и спокойно, и величаво, какъ принцъ.

— Несмотря ни на что!

И она обѣщала придти.

Какъ понять его? Что онъ думаетъ? Что онъ думаетъ о ней? Любитъ онъ ее? Любитъ она его? Она думаетъ о немъ часто. Любить—значитъ постоянно-постоянно думать о немъ и желать быть съ нимъ. Любить—значитъ никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ него! Кромѣ нея! Она—все. Онъ—все. Нѣтъ, такъ любятъ, должно-быть, только простые, безхитростные люди, которые живутъ такъ, какъ живется, чувствуютъ такъ, какъ имъ жизнь велитъ чувствовать. Ахъ, и она была бы такой же! Антонина Павлыча она иногда боится. Да! Боится?? Нѣтъ!

Милый—онъ! Бѣдный—онъ!

— Бѣдный—онъ!—Она сказала громко, и ея голосъ прозвенѣлъ, какъ колокольчикъ, и она покраснѣла.

Бѣдный, несмотря на то, что нѣтъ людей сильнѣе его.

Вѣра такъ задумалась, такъ долго стояла, что солнце поднялось выше, и цѣлый снопъ свѣта уже падалъ въ окно и облилъ ее жаркимъ теплом.

— Да!

Румянецъ, однако, не сходилъ съ ея щекъ. Лицо было смуглобѣлое, замѣчательно правильное, съ нѣжными линіями. Она гладко причесала волосы—и ея лицо теперь, какъ личико мадонны, грустно-задумчивое и грустно-кроткое.

Кроткое и грустное! Она кроткая и грустная! Ей сдѣлалось смѣшно—и глаза вдругъ такъ удивительно прищурились и такой молодой задоръ въ нихъ засверкалъ, и носъ и губы сжались въ такую комическую гримасу, что отъ лица мадонны не осталось ничего. Хороша мадонна, да не она.

Говорятъ, она похожа на бабушку.

— Ахъ-ахъ!—Опять она вздохнула, но уже тихо и чуть слышно.

— Быть человѣкомъ! Быть человѣкомъ прежде всего!—какъ бы беззвучно сказала она сама себѣ.

И снова она выпрямилась во весь ростъ и оглянулась серьезнымъ глубокимъ взглядомъ.

Она медленно и задумчиво одѣлась и открыла окно. Чудесное ро. Масса свѣта, свѣжесть душистаго сада, шелестъ затихающаго терка, бѣгущія облака въ лазурномъ небѣ, луга, поля, лѣса внизу. ь окна было видно далеко. Выпорхнуть бы и улетѣть, какъ птица, по крайней мѣрѣ, побѣжать бы, какъ бѣжитъ вотъ Матрена,

босоногая, проворная, за ключевой водой подъ гору. Пустыя ведра весело громыхаютъ, а босыя, крѣпкія ноги для нея, какъ крылья...

Но она сбѣжала сверху только въ столовую. Ей не за чѣмъ бѣжать подъ гору. Здѣсь еще не подняты шторы, былъ безпорядокъ и противный табачный запахъ. Вчера отецъ накурилъ. Вѣра подняла шторы, распахнула окна и грустно оглянулась. Эта высокая, большая, «подъ дубъ», комната, можетъ быть, когда-то, когда еще хорошенькая, шикарная бабушка по ней двигалась легкими, граціозными шажками, и когда въ ней обиталъ крѣпкій крѣпостной духъ барства,—была уютна. Она была бы, можетъ быть, уютной и теперь, если бы ее держать такъ чисто, чтобы она вся блистала, и чтобы въ ея буфетѣ и на громадномъ столѣ, на бѣлоснѣжной скатерти, сіяли обильныя, веселыя яства. Но въ послѣдніе годы она очень запущена и выглядитъ уныло, особенно въ сумерки, какъ склепъ, въ которомъ витаетъ лишь унылый, отжившій духъ былыхъ временъ. И струи табачнаго дыма, какія вечеромъ пускаетъ здѣсь унылый отецъ, кажется, иногда напоминаютъ какія-то похоронныя волны.

Здѣсь по вечерамъ Вѣра сидитъ съ отцомъ. У нихъ почти никогда нѣтъ дѣлъ, интересовъ и даже разговоровъ. Отецъ ее очень любитъ, но онъ уже давно мрачный, какъ туча, или скорѣе—окутанный своимъ табачнымъ дымомъ, тусклый, какъ пыльное облако въ сѣрый вечеръ на пустынной дорогѣ. Именно, какъ пыльное облако, потому что онъ весь опустился, сталъ неряшливъ, бродитъ вяло въ запыленномъ, въ пятнахъ, пальтишкѣ и непрестанно мигаетъ отчего-то, какъ бы покраснѣвшими глазами. Точно даже его пышная шевелюра стала пыльной и тусклой. Его жаль, а между тѣмъ онъ еще въ сущности красивый, высокій, особенно стройный, съ стройными плечами, не старый человѣкъ, съ блѣднымъ изящнымъ лицомъ, съ удлиненнымъ изящнымъ разрѣзомъ темныхъ глазъ, съ движеніями мягкими и легкими, съ шикарной шевелюрой черныхъ, безъ блеска, волосъ. Онъ бываетъ хорошъ во фракѣ и бѣлоснѣжномъ бѣльѣ. Ему, казалось бы, суждено весь вѣкъ быть франтомъ. Но теперь онъ часто странно выпучиваетъ глаза и глядитъ на нее пристально, но безъ выраженія. И тогда Вѣрѣ дѣлается скучно. Прежде она ему много читала, но теперь онъ ея не слушаетъ. Ему все равно,—читаетъ ли она вслухъ или про себя.

Онъ зачѣмъ-то изъ гостиной перенесъ въ столовую и развѣсилъ по стѣнамъ старые портреты. Должно быть, онъ хотѣлъ оживить этимъ столовую. Гостиная все равно стоитъ пустая. Старый, но старый лакей Семенъ помогъ ему развѣшивать. Этотъ же Семенъ

посвятилъ и Вѣру въ историческія данныя о родѣ дворянъ Буерасовыхъ, фамилію которыхъ она носитъ. Отецъ однажды заинтересовался романомъ Золя «Докторъ Паскаль» и долго пересматривалъ всѣ старые портреты своего рода, что-то бормоталъ, хихикалъ и улыбался. Потомъ онъ сказалъ Вѣрѣ, что на генеалогическомъ древѣ рода Буерасовыхъ онъ—ея отецъ—представляетъ верхній засыхающій сучокъ—родъ съ нимъ кончается, и что она, Вѣра, послѣдній цвѣтокъ на этомъ сучкѣ.

— Ты прекрасный цвѣтокъ!...—сказалъ онъ ей вдругъ неожиданный комплиментъ, такъ что она вспыхнула.—Послѣдній цвѣтокъ!... Хоть верхній сучокъ засыхаетъ, но въ тебѣ оживутъ всѣ лучшіе соки нашего рода. Только ужъ ты не будешь Буерасовой... А впрочемъ, и лучше! Богъ съ нимъ—съ родомъ Буерасовыхъ! Довольно!...

— А если я не выйду замужъ!...—возразила, покраснѣвши, Вѣра.—Я буду Буерасовой... Буду новой зеленой вѣточкой... Поѣду на курсы... И все пойдетъ по новому!...

— Ахъ, ты!...—весело и изящно, какъ давно съ нимъ не бывало, расхохотался отецъ.

Потомъ онъ задумался.

— Я могъ бы добиться,—сказалъ онъ съ мгновенной важностью, наивно воскресшей въ его запущенной фигурѣ,—чтобы твой будущій мужъ присоединилъ фамилію—Буерасовъ... Но... Но... Ахъ, да чортъ съ ней—съ фамиліей!...

Отецъ раздраженно вскочилъ, страшно разсердился и ушелъ въ кабинетъ.

Почему? Она—послѣдній цвѣтокъ въ родѣ Буерасовыхъ... Въ ней оживутъ его лучшіе соки—этого когда-то большого, блестящаго и живого рода...

Да полно! Какіе такіе живые «соки» въ немъ были?! Вѣра въ свою очередь призадумалась.

Будущій мужъ...—встали передъ ней другія торжественныя слова. Она вспыхнула.

— Кокоринъ—Буерасовъ!...

Эти двѣ фамиліи сверкнули—одна рядомъ съ другой—въ необыйно-смѣшномъ и фантастическомъ сопоставленіи.

И Вѣра внутренно расхохоталась неудержимо, весело.

Эта сцена припомнилась ей, когда свѣжая, умытая, гладко причесанная, еще въ коротенькой юбкѣ, она остановилась среди столо.. Ахъ, сиди тутъ, когда эти сильныя ноги хотятъ бѣгать, ходить

далеко... Она часто ощущала въ себѣ—въ мысли, въ крови—удивительную, непобѣдимую внутреннюю подвижность. Хотѣлось бы или прыгать, смѣяться, или какое-нибудь дѣло дѣлать. Словно каждая жилка бьется. Не даромъ и ея походка была легкая и порывистая. И вся эта живость потомъ гаснетъ, не находя исхода...

Скучно! Сиди и смотри на фамильные портреты... Много ихъ. Еще цѣлый альбомъ карточекъ лежитъ на столѣ. Болѣе старые портреты смѣшны, аляповаты, но оригинальны. Можетъ быть, въ тѣхъ прежнихъ людяхъ были свѣжіе «соки». Послѣдующіе по времени портреты были изящнѣе, но лица все болѣе становились ординарными,—и только немногіе изъ нихъ снова блистали тонкой, уже выхоленной оригинальностью.

Есть изящныя и нѣжныя женскія лица, какъ цвѣты. Вотъ мать Вѣры. Вотъ тетки. Но среди нихъ и на портретѣ, и въ легендахъ ярче всѣхъ блистала бабушка. Вѣра пристально и долго на нее посмотрѣла. Въ шикарной атласной, но уже постарѣвшей и отрепавшейся рамѣ бабушка во весь ростъ красовалась, какъ картинка. Портретъ былъ сдѣланъ хорошимъ мастеромъ. Темный фонъ какъ нельзя лучше,—такъ писали только въ старину—оттѣнялъ ея розово-смуглое, тонко-овальное, «мадоннистое» личико, свѣтлый трехугольникъ корсажа, поблѣднѣвшую гирлянду незабудокъ, узенькую полоску тальи, лазурныя складки кринолина и кокетливый кончикъ носка башмачка. Она стояла, чуть-чуть прислонившись къ какому-то фантастическому трельяжу съ фантастическими цвѣтами, и наивно изображенный лучъ южнаго солнца сверху, изъ-за колоннъ падалъ на ея гладкіе, но пышные, длинными волнами, по старинному, вьющіеся волосы и смугло-бѣлый, выточенный, выпуклый маленькій лобъ. Особенностью ея лица было то нѣчто аристократическое, что каждая черта—носъ, щеки, лобъ, подбородокъ, губки, шея—каждая въ отдѣльности была совершенствомъ, и каждую можно было разсматривать, какъ совершенство,—такъ каждая сама по себѣ выдѣлялась и блистала,—и всѣ вмѣстѣ давали то, что называется красотой. Сбоку, на заднемъ планѣ, между двухъ блѣдно-красныхъ колоннъ, было нарисовано синее море. И она стояла такъ, какъ будто тотчасъ порхнетъ
какъ вѣтерокъ съ моря. Улыбалась свѣтло, мило, свято, какъ
донна. Губки сердечкомъ, но и это не портило впечатлѣнія,—о
были изящны и серьезны. Умница была бабушка, что умѣла та
улыбаться. Или на самомъ дѣлѣ она была такъ умна, мила, серьез
весела и счастлива, и блестяща? Все вмѣстѣ одновременно. Ка
красота! Нѣжная, тепличная, тонкая и, пожалуй, умная. И ея г
были хороши—по старинному, большіе, бархатные, съ поволок

съ огонькомъ. Сквозь мечтательную поволоку сверкаетъ огонекъ. И какой огонекъ!... «Наслажденья рай»... И всетаки своеобразно умный и острый. Такіе въ старину бывали люди-цвѣтки. Нынѣ, должно-быть, нѣтъ такихъ. Только глубоко, если долго пристально всмотрѣться, въ глубинѣ глазъ, за этимъ огонькомъ, что-то было и жестокое, жуткое и упрямое, какъ кожа змѣи. А если вдуматься, то не покажется ли этимъ жестокимъ и жуткимъ тотъ самый огонекъ?

Удивительная была исторія бабушки. Она жила-была въ Италіи рыбачкой. И была рыбачкой не прежде, чѣмъ сдѣлалась генеральшей, а послѣ, когда уже была генеральшей. О ней сохранились странныя и темныя, наивно-чудесныя легенды. Старый Семенъ съ недомолвками и съ оглядкой разсказывалъ ихъ Вѣрѣ. Славянка—въ итогѣ откормленныхъ барскихъ поколѣній—бабушка была, должно быть, натура страстная и пылкая, порывистая и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно замкнутая. Если мужчины тѣхъ поколѣній служили, ходили на войны, тратили силы на охоты и распутство, то женщины въ старинныхъ усадьбахъ, выхоленныя, чистоплотныя, полнокровныя, или жирѣли глупо, какъ овцы, или скопляли въ душѣ, въ глазахъ, въ улыбкѣ такой запахъ таинственной полуживотной силы, что ихъ взглядъ обжигалъ, и улыбка завораживала. Бабушка была такая. Ея взглядъ обжигалъ. Съ ея ароматныхъ устъ, казалось, вотъ слетятъ слова, исполненныя тайны и жгучей ласки; но словъ не было, потому что и въ душѣ ихъ не было, а слетали только волшебныя улыбки. Зато какія улыбки! Точно лучше словъ,—таинственнѣй, многообѣщающе-неопредѣленнѣй, какъ музыка.

Бабушка была изъ рода Архаровыхъ. Это былъ родъ сыщиковъ-варваровъ, ставшихъ аристократами. Павловскій Архаровъ, попавъ въ опалу и будучи сосланъ въ глушь, однако, получилъ въ подарокъ 30 тысячъ десятинъ съ деревнями.

Бабушкѣ, одной изъ богатыхъ наслѣдницъ, принадлежащихъ къ одной изъ вѣтвей архаровскаго дерева, когда она заневѣстилась, долго не находилось избранника, и некому ей было дарить чудесныхъ улыбокъ. На архаровской почвѣ въ Россіи расцвѣтали эти старинныя райскія улыбки. Одна въ усадьбѣ, хорошенькая какъ ангелъ, а томилась въ ожиданіи, одѣвалась какъ кукла и по старинному съ скуки била горничныхъ по щекамъ. Но была она и очень доброй, никто, какъ она, не умѣла такъ приласкать обиженную судьбой сочку или бѣднаго сиротку. Дѣлать ей нечего. Только солнце лѣниво ласкало ея щечки, и дни проходили за днями.

Бѣдняжка, наконецъ, дождалась героя. Это былъ одинъ изъ Буе-

расовыхъ, которому тогда, благодаря николаевскому походу для усмиренія венгровъ, возставшихъ за свою независимость, выпало на долю на самомъ дѣлѣ попасть на часъ въ герои. Поколѣніе Буерасовыхъ давно бездѣльничало, но этотъ Буерасовъ гдѣ-то, на какой-то траншеѣ, отличился и былъ удостоенъ улыбки государя. Былъ онъ уже полусѣдъ и старъ, какъ Мазепа, но, гордый своимъ геройствомъ, несъ голову еще высоко и побѣдно и тѣмъ плѣнилъ бабушку. Надъ нимъ-то первымъ она и захотѣла испытать силу волшебныхъ улыбокъ. И сѣдой герой былъ покоренъ. Да и пора уже ему было быть покореннымъ. Узы Гименея должны были увѣнчать посеребренную главу. И онъ отвѣчалъ ей любовными улыбками. Томный блескъ андреевской ленты скрасилъ предъ бабушкой генеральскіе глаза и геройскія влюбленныя улыбки. Хорошенькая, какъ ангелъ, она выскочила замужъ, мечтая пройтись подъ руку съ храбрымъ героемъ по петербургскимъ заламъ и блеснуть, какъ звѣздочка, на Ривьерѣ.

Мечты исполнились, но зато въ день свадьбы, предъ брачной ночью, она въ первый разъ увидала другого героя—взрослаго сына своего супруга. Онъ молодой, сіяющій всѣми красками молодости, кавалергардъ—также несъ высоко и побѣдно свою голову, только не какъ Мазепа, а какъ Анатоль въ романѣ Толстого; и его голова была на самомъ дѣлѣ молодая, бѣлокурая, на самомъ дѣлѣ въ извѣстномъ смыслѣ побѣдная. Съ высоты ея онъ улыбнулся ей анатольевской улыбкой съ вызовомъ и призывомъ. И темные глаза ей улыбнулись горячо и жутко. Но онъ былъ ей пасынокъ. Прелестная maman въ отвѣтъ послала было ему одну изъ дивныхъ улыбокъ, но вдругъ растерялась. И даже забыла, что ея обаянье—лишь обаянье для обаянья. Какъ виноватая, она оцѣпенѣла, повиснувъ на пухлой рукѣ Мазепы. Бѣдное глупое сердце захолонуло страхомъ. Что она думала, что она чувствовала—Богъ вѣдаетъ. Только въ это сердце проникли улыбка и взглядъ пасынка. Для нихъ однихъ оно хотѣлось бы биться. Бросить бы старую руку и опереться на его молодую.

А впрочемъ, бабушка и не была пушкинской Татьяной. «Другому отдана—и буду вѣкъ ему вѣрна!—мелькнуло у ней въ душѣ, лишь какъ надъ ней насмѣшка.—Ахъ, не стоитъ думать! Жить такъ, какъ хочется!»

По послѣ первой брачной ночи она уже ни разу въ жизни не улыбнулась супругу. Ему на долю выпалъ только тотъ жестокій и жуткій, упрямый огонекъ въ глазахъ. Даже не находила нужнымъ улыбнуться. Супругъ-герой передъ ней спасовалъ. Но все равно они всетаки были скованы крѣпкой цѣпью. И двое, эта удивительная чета, они долго блуждали по свѣту—тамъ, здѣсь, и вездѣ бы

конечно, непріютно. Не радовали ни солнце, ни море, ни шелкъ, ни цвѣты. Въ тѣ годы бабушка спустила очень много буерасовыхъ и архаровскихъ душъ, и при ней родъ Буерасовыхъ обѣднѣлъ. Въ буерасовскихъ имѣніяхъ тогда даже были бунты ободранныхъ мужиковъ. Ободрала ихъ очаровательная бабушка. Тогда-то и взглядъ бабушки сталъ загадочнымъ и томнымъ и улыбка жутко-прекрасной, какъ ночи Италіи,—она ихъ любила. Но отсутствовалъ тотъ, кому хотѣлось бы дарить тѣ улыбки, и неудовлетворенная, и замкнутая, она скопляла всю силу ихъ обаянья для какого-то неизвѣстнаго будущаго.

Въ ту пору она и была изображена на портретѣ. Художникъ-итальянецъ ее рисовалъ, а рядомъ съ ней, какъ тѣнь проклятая, сидѣлъ старый сычъ,—такое названіе получилъ Мазепа. Когда ея взглядъ падалъ на сыча, ея лицо жестко каменѣло; когда позировала, на ея губкахъ зажигалась эта святая ароматная улыбка. Кому она предназначалась—было неизвѣстно. Или то была просто улыбка для улыбки.

Но нѣтъ. Оказалось, что бабушка подарила ту улыбку рыбаку въ Италіи. Черноглазому, лѣнивому. Съ нимъ она исчезла отъ мужа и поселилась гдѣ-то на бережку, какъ рыбачка. Не въ виллѣ, а въ лачугѣ. И жила тамъ, гдѣ-то, годъ. Потомъ ее нашли загорѣлую, смѣшную, погрубѣвшую. Но вернувшись къ мужу, она стала еще прелестнѣй, чѣмъ была. Улыбка стала мягче и еще обаятельнѣй.

Сынъ-итальянецъ у ней умеръ. Ну, и чудачила съ тѣхъ поръ бабушка на весь свѣтъ. Второй ея ребенокъ, впослѣдствіи отецъ Вѣры, приходился ей внучкомъ. Тотъ молодой Анатоль, ея пасынокъ, такъ и не женился и, когда поссорился съ бабушкой, умеръ въ Японіи. И сама бабушка вскорѣ затѣмъ умерла, еще молодая. Она отравилась неизвѣстно почему. Можетъ быть, жизнь паскучила, несмотря на то, что до послѣдняго дня на ея губахъ сіяла та же неизмѣнная улыбка. Не спасли улыбки, взрощенныя на архаровской почвѣ. Она умерла здѣсь, въ деревнѣ, отравилась въ этой столовой. На погостѣ, надъ ея могилой, старый сычъ построилъ мавзолей. Въ часовнѣ, подъ готическимъ сводомъ, посреди стояла мраморная бабушка въ колѣ-
преклоненной позѣ, съ поднятымъ вверхъ личикомъ, безъ улыбки, какъ бы молилась и плакала. Но казалось страннымъ и неестественнымъ это лицо... Лучше бы оно вновь улыбнулось.

Вѣра часто забиралась въ ту часовню, пряталась за колонны и разсѣянныхъ мечтахъ глядѣла на каменное лицо.

Говорятъ, она, Вѣра, удивительно похожа на бабушку. Имя ба-

бушки было также Вѣра. Да нѣтъ, куда ей! Да нѣтъ, она не хочетъ быть ей!

Странныя мысли нерѣдко посѣщали молодую дѣвушку.

Однажды она привела въ ту часовню Антонина Павлыча.

День былъ свѣтлый, щебетали птицы вокругъ, въ старыхъ деревьяхъ. Въ склепъ проникали ихъ веселые голоса. Половинка верхняго окна была открыта. Солнечный лучъ падалъ широкой полосой сверху въ смутно бѣлое уединенное пространство и позолотилъ головку бабушки и квадратики пола. Внѣ солнечныхъ линій, подъ сводомъ и въ углахъ, было холодно и бѣло. Полоса свѣта оживила только частичку надгробнаго пространства: безконечныя группы пылинокъ извивались и трепетали, какъ потревоженные призраки. И было пріятно видѣть впереди въ низкой маленькой нишѣ ясный огонекъ лампадки и въ мирномъ его отблескѣ на иконѣ, въ живыхъ, розовыхъ и смуглыхъ тонахъ,—сіяющую фигурку святой. То было изображеніе св. мученицы. Она на какомъ-то обширномъ древнемъ форумѣ стояла, выпрямившись, тонкая и величавая, въ свѣтлой, длинной рубашкѣ, наивной, какъ крылья голубки, съ перекинутымъ черезъ плечо плащомъ, и протягивала худенькую, прозрачную руку вверхъ, въ небо. И ея лицо, удачно написанное, было тонко, строго, съ большими глазами, вдохновенно. И въ лицо ей смѣялись рожи палачей.

— Это св. Вѣра!—произнесла Вѣра, замѣтивъ, что Антонинъ Павлычъ смотритъ на изображеніе мученицы. Ея голосъ, смягченный Богъ знаетъ какимъ настроеніемъ, прозвучалъ въ могильной тишинѣ, какъ нѣжная мелодія.

Идея этой Вѣры ее привлекала и трогала.

Антонинъ Павлычъ, какъ принцъ, прищуривъ большіе, темные глаза, благосклонно смотрѣлъ на ясный и почему-то казавшійся мирнымъ образъ мученицы, а потомъ удивительно сурово и пренебрежительно взглянулъ на колѣнопреклоненную бабушку, исторію которой онъ зналъ. Былъ онъ въ сущности еще столь молодой фантазеръ, что могъ переносить любовь и ненависть даже на мраморныя статуи.

— Исторія повторяется! — сказалъ онъ своимъ низкимъ, мягкимъ и замедленно-звонкимъ голосомъ, настолько искреннимъ чистымъ, что одинъ звукъ его уже какъ будто увлекалъ Вѣру в высоту его, Антонина Павлыча, фантазій. Она знала его идеи.

— Міръ язычниковъ,—пояснилъ онъ уже спѣша,—дошедш въ рабствѣ и насиліи до предѣловъ возможнаго, и противъ н

возставшій героизмъ христіанства! А здѣсь эта бабушка и все это старое барство, которымъ давно пора стоять на колѣняхъ, и...— онъ вдругъ улыбнулся и взглянулъ на Вѣру съ неясной и тайной мыслью.

Она въ то мгновеніе, ступивъ шагъ впередъ, попала въ солнечную полосу. Ужъ не видѣлъ ли онъ въ ней въ сіяньи ореола новую мученицу?

Онъ помолчалъ.

— Тамъ засвѣтилъ идеалъ равенства и братства, — сказалъ онъ ясно,—и вотъ она стоитъ и смѣло говоритъ о немъ... И пойдетъ на смерть! Но не осуществились равенство и братство...

— Почему?—произнесла Вѣра.

— Видите! Она, эта Вѣра, она только *мечта* о Богѣ правды... О Богѣ, далекомъ отъ людей! И потому ее легко могли обмануть...

— Кто?

— Кто? Насильники! О, они прикрылись новой маской...

— Постойте, постойте!—возражала, горячась, Вѣра.—Ея идея была не Богъ, далекій отъ людей, а Богъ внутри людей!... И если бы ея Богъ былъ въ каждомъ...

— Да, да!—въ свою очередь разгорячился Антонинъ Павлычъ.— Если бы ея Богъ былъ въ каждомъ... Но, во-первыхъ, Онъ не въ каждомъ... А, во-вторыхъ, не Богъ управляетъ государствомъ, а государство, какъ историческая сила, управляетъ людьми и даже, до извѣстной степени, Богомъ въ людяхъ...

— Постойте, постойте!—смутилась Вѣра.—Пусть государство сила, но идея—высшая сила... вы говорили! А идея Бога была великая идея...

Она научилась такъ говорить у него же, у Антонина Павлыча.

— Да. Идея—сила!—сказалъ онъ спокойно.—Но тогда, когда она зоветъ на борьбу. Помните картину Дорэ—«Марсельеза»?... Вотъ она, молодая, огненная, съ знаменемъ и мечомъ въ рукахъ, идетъ и ведетъ съ собою толпы людей-рабовъ, почувствовавшихъ себя свободными! Вотъ она—сила идеи и вмѣстѣ съ тѣмъ сила необходимости!

Онъ самъ выпрямился, повелъ плечами, и его глаза загорѣлись. Какъ будто, если бы его окружить рабами, почувствовавшими я свободными,—и онъ былъ бы огненный молодой вождь, готовый идти и вести тѣхъ всѣхъ къ смерти или къ счастью.

Но на Вѣру налетѣло то странное настроеніе упрямства, которое не разъ и прежде охватывало ее въ присутствіи Антонина Павлыча, именно тогда, когда особенно, казалось, его мысль взле-

тала высоко и пыталась увлечь за собою высоко и Вѣру... Она было вспыхнула, какъ будто искра экстаза отъ него передалась и ей, но вдругъ сказала странно, почти съ усмѣшкой:

— Никуда, однако, еще не привела она, огненная... Марсельеза!

Сказала и покраснѣла.

Антонинъ Павлычъ вспыхнулъ.

— Приведетъ!—отвѣтилъ онъ пылко, но еще тверже и звонче, чѣмъ прежде.—Приведетъ! Если тогда не привела, то потому, что *они* чувствовали свободу, да не понимали ея!... *Понимать* надо идею свободы. И заставить всѣхъ *понять* ее!

Онъ нервно и сильно постучалъ кулакомъ по краю балюстрады.

Но Вѣра промолвила тихо, какъ бы вскользь:

— Такъ же, какъ во времена св. Вѣры нужно было всѣмъ понять ея Бога!

Тогда Антонинъ Павлычъ взглянулъ на нее съ мгновеннымъ и пытливымъ недоумѣніемъ. Они примолкли на минуту.

— Вы умны, Вѣра!—сказалъ онъ, наконецъ.—Но... Если бы только у васъ было горячее и ясное убѣжденіе, то...

— То что?

— Вы могли бы совершать чудеса.

Онъ улыбнулся ей съ необычайной лаской.

Потомъ онъ задумчиво взглянулъ на св. Вѣру и старую бабушку.

— Только дальше, дальше отъ этой бабушки и всего этого стараго барства! Взгляните сверху на нихъ, какъ св. Вѣра на міръ язычниковъ! Отрясите прахъ отъ ногъ своихъ, какъ апостолы!... Помните, въ Евангеліи Христосъ даетъ заповѣдь...

Онъ говорилъ, а Вѣра, какъ не разъ прежде, снова почувствовала себя маленькой и отчужденной отъ него. Этотъ плебей могъ идти въ толпѣ оборванныхъ людей, но не она, должно быть... Но и она хотѣла бы идти съ нимъ.

И обоимъ стало жутко и скучно въ холодномъ, бѣломъ, замкнутомъ отъ солнца могильномъ ящикѣ. А прежде Вѣра одна здѣсь съ отрадой подолгу отдавалась неяснымъ и теплымъ мечтамъ. Одна, одинокая, отчужденная отъ жизни. Напрасно она сюда привела Антонина Павлыча. Онъ, съ его темпераментомъ и крѣпкой волей, а лающій войти въ самое пекло жизни, внесъ и сюда съ собой эту п бейскую жажду жизни, и Вѣра увидѣла, что здѣсь, надъ бабушкин могилой, въ самомъ дѣлѣ холодно и скучно.

— Ахъ, Вѣра Александровна,—сказалъ онъ,—идемте отсю

— А я здѣсь, бывало, часто по цѣлымъ часамъ сижу, думаю, возразила она съ улыбкой сожалѣнія.

Въ это мгновеніе и Антонину Павлычу она показалась такъ похожей на бабушку. И она, мечтая и улыбаясь невѣдомо чему, можетъ прожить всю жизнь безцѣльнымъ и лѣнивымъ цвѣткомъ, до тѣхъ поръ, пока морозъ не убьетъ. Но нѣтъ же! Не будетъ этого!

— Нѣтъ!—сказалъ онъ ей, твердо и настойчиво заглянувъ ей въ глаза.—Нѣтъ! Изъ васъ выйдетъ новый человѣкъ!

Она покраснѣла и улыбнулась задумчиво и загадочно.

Они вышли, и масса свѣта и тепла ихъ ослѣпила. Но въ сіяніи дня все казалось такъ деревенски просто.

Антонина Павлыча Вѣра увидѣла въ первый разъ въ селѣ на ярмаркѣ.

Въ солнечное утро оттолоски человѣческаго муравейника долетали до ихъ усадьбы. Она съ отцомъ сидѣла дома на террасѣ, и было у нихъ тихо и скучно.

— Пойдемъ, папа, посмотримъ!—сказала она отцу.

Подъ руку съ отцомъ они спустились къ деревнѣ. Большое село съ массой уличекъ раскинулось по лощинѣ у рѣчки. Старая желтая церковь наивно, какъ старый памятникъ на могилѣ, возвышалась надъ кучками сѣрыхъ хатенокъ. Такъ казалось иногда Вѣрѣ. Въ этомъ году въ ихъ мѣстности былъ голодъ. Зима и ранняя весна для крестьянъ были ужасны. Покойниковъ отпѣвали въ этой церкви и зарывали на кладбищѣ.

Но много еще оставшихся въ живыхъ... Вся площадь и прилегающія къ ней дороги и улицы запружены шумной, движущейся тысячеголовой толпой, телѣгами, лохматыми лошаденками, балаганами. Вѣра съ отцомъ вошли на площадь въ гущу толпы. Словно въ половодье мутныя и пестрыя весеннія воды... Такъ мутныя и пестрыя волны мужичьяго царства ихъ охватили со всѣхъ сторонъ. Текутъ, кипятъ, шумятъ. Есть лица убогія и выцвѣтшія, но и они живутъ общей, всѣхъ захватывающей жизнью милліоновъ однородныхъ существъ-людей. Есть между ними пауки и мухи, задыхающіяся въ тенетахъ, но все вмѣстѣ одинъ потокъ—жизнь массы.

Потокъ, какъ родникъ ключевой воды, бьющей изъ земли, еще
[illegible]акъ давно былъ задѣланъ и запертъ наглухо крѣпостнымъ раб-
[illegible]омъ. Здѣсь ключъ отъ родника былъ у Буерасовыхъ. Буерасов-
[illegible]ъ родовое дерево росло надъ этимъ родникомъ. И на вѣткахъ де-
[illegible]ъ расцвѣтали странные ядовитые архаровскіе цвѣты. Но родникъ
[illegible]ылъ затворы, вышелъ на свѣтъ, и буерасовское дерево падаетъ и
[illegible]етъ. Вотъ ужъ теперь ея отецъ—послѣдній засыхающій сучокъ,
Вѣра, послѣдній цвѣтокъ. И жалкій же она цвѣтокъ!...

Лучше ли роднику на свободѣ? Свѣтлыя воды побѣгутъ и разольются. Что еще онѣ встрѣтятъ на своемъ пути? Новыя плотины? Новые овраги? Только первая цѣпь разбита. И среди осколковъ все хаотично и опасно. Засуха, зной, голодъ, болѣзни, гнетъ. Воды родника замутились.

Кто расчиститъ русло для нихъ? Кто поведетъ впередъ?

Оглядывая всѣ эти лица, Вѣра у балагана съ книгами увидала интереснаго человѣка. Онъ сразу приковалъ ея вниманіе. Онъ былъ, положительно, изящный и величавъ, какъ принцъ, и сіялъ въ этомъ царствѣ плебеевъ, какъ принцъ.

Высокій и стройный, одѣтый небрежно, поднявъ голову, онъ смотрѣлъ прекрасными, задумчивыми глазами на движущуюся толпу. Его лицо было одно изъ тѣхъ, которыя подчиняютъ себѣ особенной мягкой и нѣжной силой. Неизвѣстно почему,—но кажется, что эти рѣдкіе люди на цѣлую голову выше другихъ.

— Ну, братецъ, Антонинъ Павлычъ!—услыхала затѣмъ Вѣра слова какого-то тщедушнаго мужика съ очень неглупымъ лицомъ, обратившагося съ шутливой усмѣшкой на тонкихъ безкровныхъ губахъ къ заинтересовавшему ее принцу.

— Книжечекъ-то много, да никакъ толковой не подберешь!...

Принцъ наклонился къ мужику съ добродушной улыбкой:

— Эге, есть хорошія книжечки, да не здѣсь!—сказалъ онъ своимъ удивительнымъ чистымъ и искреннимъ голосомъ.

— А-ахъ! Таковская доля мужичья,—подхватилъ мужикъ,—своими мозгами ворочать!...

Въ это мгновеніе Антонинъ Павлычъ взглянулъ на Вѣру. Ихъ взгляды встрѣтились. Точно искра новаго, совсѣмъ особеннаго настроенія внезапно передалась отъ него Вѣрѣ. И Богъ знаетъ отчего—она вспыхнула. И вдругъ ей все на нѣсколько мгновеній показалось свѣтлѣе и милѣе вокругъ. И эти мужики—милѣе. Впереди къ нимъ подходила толпа молодежи. Разодѣтыя дѣвицы улыбались широкими улыбками. Какой-то парень наигрывалъ на гармоникѣ. Призракъ голода виталъ надъ толпой. Но куда ни шло!... Живи не тужи, умрешь не въ убытокъ! Нѣтъ, даже и не такъ. Просто: живи, человѣкъ! Будь лучше!

Только она, Вѣра, и ея отецъ въ этой толпѣ, должно быть, про[из]водятъ странное впечатлѣніе. Зачѣмъ они здѣсь? Ея отецъ как[ъ] [то] очень смутно и скучно поглядывалъ по сторонамъ. О чемъ онъ ду[маетъ]? Не о буерасовскомъ ли деревѣ? Не о томъ ли, что прежде [онъ] шелъ бы здѣсь всевластнымъ господиномъ этихъ душъ? Не ул[ыб]нулся ли съ насмѣшкой этотъ самозванецъ-принцъ, глядя на н[ихъ]?

И не отдавая хорошенько отчета въ движеніяхъ, Вѣра невольно подтянулась и приняла ту свою горделивую «бабушкину» осанку, которая иногда внезапно у ней являлась. Свободнымъ жестомъ поднявъ плечи и голову, она съ высоты, прищуривъ глаза, съ какимъ-то вызовомъ вновь взглянула на Антонина Павлыча. Но онъ уже смотрѣлъ на нее задумчивымъ и далекимъ взоромъ—и былъ выше нея.

Кто онъ—этотъ принцъ?

Онъ былъ просто сынъ здѣшняго мужика. Его дѣдъ былъ когда-то извѣстный Буерасовымъ своей строптивостью мужикъ Ѳаддѣй Кокора. Антонинъ Павлычъ—его фамилія была Кокоринъ—былъ недавно кончившій курсъ медикъ и былъ сейчасъ здѣсь въ селѣ временно завѣдующимъ медицинско-продовольственнымъ пунктомъ.

Въ то время Вѣра какъ разъ читала и перечитывала Тургенева. Передъ ней открывался новый міръ—міръ нѣжныхъ и тонкихъ чувствъ прекрасныхъ женщинъ, ихъ неясныхъ, но страстныхъ порывовъ къ свѣтлому счастью, вѣрнѣе, къ свѣтлой жизни, которая дастъ или не дастъ счастье—все равно, счастья же какъ будто пока и нѣтъ на землѣ. Счастье уже въ томъ, чтобъ были сила и умѣнье бороться за счастье всѣхъ. Чудесные образы.

Вѣра счастлива уже тѣмъ, что ихъ узнала. Но въ этомъ есть и несчастье: жизнь послѣ нихъ, когда оглянешься кругомъ, кажется темнѣе. Вошла она и въ новый міръ героевъ—какъ будто уже все понимающихъ и все знающихъ и сильныхъ Базаровыхъ. Но Вѣра ихъ не совсѣмъ понимала. Герой Елены—Инсаровъ былъ и ей ближе. Борьба за родину—великое дѣло. Есть ли Инсаровы въ Россіи? Въ «Нови» она о нихъ прочитала. Но, бѣдные, они еще сами такъ слабы! Почему? Отвѣта не было.

Кокоринъ наяву передъ ней явился, какъ Инсаровъ, по крайней мѣрѣ, для нея какъ Инсаровъ.

Только обстановка была слишкомъ странная. Что дѣлать среди этихъ сѣрыхъ и голодныхъ мужиковъ? Не кормить же ихъ вѣчно въ столовыхъ для голодающихъ? Здѣсь быть героемъ—вотъ трудная задача.

Но Кокоринъ, повидимому, былъ героемъ. Вѣра встрѣтилась съ нимъ въ столовой. Она рѣшилась придти туда, какъ добрая дѣвушка, желающая помочь.

— Я хочу быть дежурной,—сказала она Антонину Павлычу.

— Люди намъ нужны!

И лучистый взглядъ Антонина Павлыча наполнилъ ея душу свѣтомъ. Она весело и легко улыбнулась, тотчасъ же надѣла на себя

клеенчатый передникъ и принялась горячей водой отмывать засалѣнные некрашенные столы. Отъ работы ли, отъ свѣтлаго ли чувства кровь прилила къ ея щекамъ—и весь день ей было необычайно отрадно. Пришли эти голодающіе—широкіе, но глубоко-морщинистые и обезсилѣвшіе старики, согнувшіяся, темно-блѣдныя старухи съ заостренными и угловатыми чертами, застѣнчивыя и робкія дѣти. Природная веселая игривость въ нихъ сверкала лишь искорками—въ нихъ было мало крови. Но милыя эти дѣти! Они привлекли къ себѣ все вниманіе Вѣры. Она брала ихъ своими нѣжными руками за плечики и усаживала по скамейкамъ. Дѣти отвѣчали ей улыбками, она имъ улыбалась и съ той же улыбкой, въ которой трепетало отраженіе дѣтской души, взглядывала на Антонина Павлыча. Онъ своими большими глазами какъ бы мимоходомъ слѣдилъ за ней.

Ложки мелькали между ртами и чашками. Былъ тихій разговоръ. И блѣдное солнце смотрѣло въ тусклыя окошечки хаты. Какая-то беззубая старуха, вдругъ чихнувъ, обдала наклонившуюся къ столу Вѣру брызгами слюны и похлебки. Вѣра отшатнулась, но разсмѣялась, мгновенно встрѣтившись съ взглядомъ Антонина Павлыча.

О, этотъ день! Точно день обновленія! Ничего, кромѣ горя и нищеты, въ этотъ день она не видѣла, а онъ для нея былъ какъ праздникъ.

И на другой день было такъ же хорошо. А потомъ Вѣра пошла къ больнымъ въ хаты. Дѣлала перевязки. И такъ дальше и дальше. Дѣла накопилось масса. Вѣра дежурила, возилась съ дѣтьми. Устроились дѣтскія ясли. И среди всѣхъ бѣдъ глаза Вѣры пріобрѣли чудесное выраженіе доброты, какого прежде у ней не было. Въ силу безконечныхъ, загадочныхъ контрастовъ въ жизни—участіе къ чужимъ страданіямъ придало ей новую и высшую красоту. Она хлопотала безъ конца. Дѣти ее любили. Съ ними она возилась по цѣлымъ днямъ. Голодъ, холодъ, а она здѣсь фея, принесшая съ собой ласку и тепло. Не наоборотъ ли? Не она ли здѣсь нашла себѣ тепло и ласку? Всѣмъ изгибамъ молодой души нѣтъ границъ.

Такъ продолжалось мѣсяцъ—больше, пока тѣнь бабушки въ ней снова не воскресла. Утомленіе ли сказалось, только въ одно солнечное утро, гдѣ-то въ уголкѣ души Вѣры снова встали мысль ли, чу ство ли: она аристократка—цвѣтокъ, которому не здѣсь бы цвѣс Или же: если отказаться отъ безконечныхъ радостей—такъ, по кра ней мѣрѣ, чтобъ дѣло было большое, захватывающее духъ. Дѣ спасенія. Великія жертвы. Если ужъ отдаться, если ужъ жертвоват такъ чтобы было за что. Да и нельзя же медлить, и нельзя же вы сить все это зло, которое возмущаетъ душу!

Но не одна ли она переживаетъ такую душевную бурю? Испытываетъ ли ее Антонинъ Павлычъ? Онъ какъ будто слишкомъ ясенъ и спокоенъ. Иногда онъ какъ будто страшно грустный, тамъ, въ глубинѣ души, но всетаки ясенъ и спокоенъ. И онъ молчитъ. Не говоритъ ей многаго. Чего? Чего-то неизвѣстнаго, но существующаго и важнаго.

Молчитъ! Такъ, можетъ быть, ему и нечего больше сказать? И иногда Вѣра уже взглядывала на Антонина Павлыча сверху внизъ, какъ взглянула бы на него когда-то бабушка, хотя и по другимъ, болѣе элементарнымъ мотивамъ. Иногда онъ казался ей ужъ слишкомъ простымъ. И все было въ сущности слишкомъ просто и жалко—не по ней.

— Ахъ, скучно все это!—вскричала она однажды темнымъ вечеромъ, когда они вдвоемъ шли по глухой деревенской улицѣ, провозившись цѣлый день съ больными.—Жалкая канитель! Когда она кончится? Вся эта жизнь канитель. Нужно думать не о ней, а о томъ, когда все оживетъ и поднимется! А такъ, какъ сейчасъ... Никогда ничего не выйдетъ!

— Вамъ скучно?—возразилъ какъ будто съ вызывающей насмѣшкой Антонинъ Павлычъ, и эта насмѣшка сказалась въ немъ, въ ясномъ и величаво-ласковомъ голосѣ, неожиданно и странно.

Она вспыхнула.

— Вы не понимаете, о чемъ я говорю,—отвѣтила она тихо, но такъ горячо и печально, что Антонинъ Павлычъ вздрогнулъ.

На душѣ ей налегла тяжесть.

— Теперь я понялъ,—сказалъ онъ, наконецъ, мягко и нѣжно.

Онъ помолчалъ, но вдругъ, самъ вспыхнувъ, крикнулъ:

— Только вы-то какъ не понимаете, что эта канитель потому такъ длинна и скучна, что ваши бабушки и Архаровы прежде слишкомъ весело жили!

— Вотъ что!

Кровь залила ея щеки, и слезы—глаза. Онъ высказалъ, наконецъ, это обвиненіе. Оно, должно быть, давно просилось съ его губъ.

Но выкрикнувъ это обвиненіе, онъ тотчасъ же похолодѣлъ отъ страха и жалости къ этой дѣвушкѣ. Было темно, но онъ заглянулъ ей въ глаза и увидѣлъ слезы.

— Ахъ, Вѣра Александровна!—произнесъ онъ столь задушевнымъ и трогательнымъ тономъ, что ей стало легче.—Плачьте, но не злитесь! Что было, то было. Только намъ нужно жить иначе!

И онъ заговорилъ увлекательно. И голосъ его теперь былъ те-

плый и зовущій. Его планы и надежды были смѣлы, такъ что въ самомъ дѣлѣ духъ захватывало.

Она взяла его за руку. Они шли по грязной дорогѣ, намокшей отъ дождя, во тьмѣ глухого вечера и, смотря впередъ, какъ будто видѣли далекій и близкій свѣтъ. А по сторонамъ дороги лишь тускло мерцали огоньки въ крестьянскихъ хатенкахъ.

Въ этой все окружающей тьмѣ Вѣра хотѣла бы прильнуть душой къ нему, смѣлому и кроткому, съ чистой и завлекательной лаской.

И насколько могла, она прильнула къ его душѣ. Смирилась передъ обѣщаннымъ имъ торжественнымъ царствомъ свѣта. Какъ у женщины, у ней не было діалектики:—могли быть только желаніе и увѣренность; но будутъ нужны жертвы—она пойдетъ на эти жертвы.

Но съ тѣхъ поръ раздвоенность въ ней не кончилась, а усилилась. Начала добра и зла обострились и врѣзались одно въ другое. Она Инсаровская Елена и не Елена. Она бабушкина внучка—она и родилась на виллѣ въ Италіи, на берегу лазурнаго моря, но она и страшно далека отъ бабушки. Времена бабушки миновали. И Вѣра новый человѣкъ. Да и хотѣла бы она или не хотѣла повторить бабушку—она не повторитъ ея. Во-первыхъ, у ней нѣтъ виллы въ Италіи, даже остатки буерасовскаго имѣнія еле держатся. Если она будетъ сидѣть сложа руки и ждать погоды, ее погонятъ изъ теплаго гнѣзда въ шею. Ихъ продадутъ съ молотка. Это такъ и будетъ. Буерасовы уже отжили свой вѣкъ. Во-вторыхъ, у Вѣры нѣтъ и бабушкиной улыбки, святой и, несмотря ни на что, непогрѣшимой и побѣдоносной. Если она и улыбается, то улыбается уже безъ всякой таинственной святости, а просто потому, что она молода и есть что-то хорошее на свѣтѣ. А чаще взамѣнъ улыбки у ней на лбу является рѣзкая морщинка—отчего,—Вѣра сама иногда хорошенько не знаетъ. Новыя ли мысли вызываютъ эту морщинку? Бабушка обдирала и ободрала мужиковъ, но не задумывалась надъ этимъ. Вѣра же ходитъ въ ихъ хаты и ухаживаетъ за ними, но мучится, что еще слишкомъ мало дѣлаетъ и что нужны самоотверженныя жертвы. Пока не потребуется отъ нея подвига, она пойдетъ въ земскія учительницы. будетъ она деревенской учительницей, а не бабушкой и не рыбачк въ Италіи. Боже! Конечно! Въ-третьихъ, она иначе смотритъ на ве свѣтъ. Въ-четвертыхъ, другъ ея—Кокоринъ!

Ахъ! Ахъ! Широко вздохнуть! Взлетѣть на высоту, взгляну на весь міръ и войти сильнымъ человѣкомъ туда, гдѣ людямъ я ветъся плохо... и сдѣлать все, что можно. Она, ея товарищи, р

сыплютъ всѣмъ цвѣты и счастье. Она идетъ съ знаменемъ въ рукахъ, какъ та, прекрасная, у Дорэ.

Да... Но... но вѣдь этимъ оборваннымъ людямъ нуженъ хлѣбъ, а не цвѣты. Пока не до цвѣтовъ. Слишкомъ много было ядовитыхъ цвѣтовъ. Вредные они, и сами для себя и для всѣхъ, какъ бабушка, были несчастьемъ. Лучше, чтобы грубыя ноги пока затоптали всѣ цвѣты, чтобы потомъ, когда все измѣнится, выросли новые, лучше старыхъ. Такъ однажды сказалъ Кокоринъ.

Вѣра въ глубокой задумчивости взглянула опять на свои старые портреты. Есть лица, точно тѣ лица прекрасныхъ героинь Тургенева. Но нѣтъ, не тѣ. Почти все это были дикіе и ядовитые цвѣтки. И странно, они цвѣли сами для себя и для немногихъ, а въ сущности какъ незавидна ихъ судьба.

Если вникнуть хорошенько, можетъ быть, таковы же были и тургеневскіе цвѣты. И они росли въ той же атмосферѣ. Вотъ мать Вѣры. Бѣлокурая, съ очень нѣжнымъ матовымъ, словно сливочнымъ, удивительно миловиднымъ лицомъ, но и удивительно неопредѣленнымъ лицомъ, съ круглыми изящными плечиками въ кружевныхъ складочкахъ кисейнаго платья. Отъ всего ея личика вѣетъ чѣмъ-то незаконченно-прекраснымъ, но и странно-грустнымъ.

Взглядъ чуть-чуть прищуренныхъ голубыхъ глазъ недоумѣвающій, нерѣшительный—и чистый, и лукавый, и пугливый одновременно. Взглядъ рабы, несмотря на барство, въ общемъ не столько покорно спокойный, сколько грустный. Губки чувственныя. На нихъ замерла, какъ у бабушки, врожденно-вышколенная улыбка, только уже не побѣдоносная, а недоговоренная и смутная. Улыбка, ничего собою не выражающая. Напротивъ, въ уголкахъ рта замѣтно крылась печальная тѣнь безсилія, и губки какъ будто хотѣли что-то сказать, но нѣтъ, своихъ словъ у этой хорошенькой женщины не было, точно такъ же, какъ не было и свободныхъ и отчетливыхъ мыслей. И она была цвѣтокъ, можетъ быть, болѣе нѣжный, чѣмъ бабушка, но безполезный, какъ сонъ, вредный, какъ отрава въ рядѣ поколѣній.

Вышла замужъ за Александра Никитича она не рано, 22 лѣтъ, и все-таки почти ребенкомъ. Ребяческія были ея мысли и фантазіи. Чужъ разбудилъ и культивировалъ въ ней только не ребяческую чувственность, и она заполнила ея жизнь—въ этой раздражающей атмосферѣ бездѣлья, солнца и цвѣтовъ. Самъ Александръ Никитичъ въ первой молодости былъ граціозенъ, мечтателенъ, изященъ и любилъ досугъ. Съ женой онъ объѣхалъ Европу, и послѣ Европы опять досугъ. А потомъ досугъ перешелъ въ распущенность. Университетъ, знакомства, разнаго рода дворянскія и земскія собранія по немъ толь-

ко скользнули безъ слѣда; интереснѣе было преслѣдовать горничныхъ и крестьянскихъ дѣвокъ. Между ними есть недурныя. Настроенная на тотъ же ладъ мужемъ, мать Вѣры и не замѣтила сначала, какъ и когда Александръ Никитичъ безнадежно опустился. Онъ сталъ грубъ, золъ, а разъ она его застала съ горничной. И такъ далѣе. Досугъ оказался болѣзнью. Она было пробудилась, оглянулась, заплакала, но сбитой съ толку,—что ей было дѣлать?

Дочь Вѣра, куколка, цвѣтокъ для нея была лишь то же, что другіе цвѣты среди бездѣлья. Ни одной мысли надъ ея воспитаніемъ, конечно, не являлось. Растетъ, вырастетъ цвѣтикомъ и пойдетъ обычной дорожкой. Каждый живетъ самъ для себя. Жизнью пользуйся живущій!

Но жизнь—грязь ее заливала и пачкала. И она стала задыхаться. Улыбка становилась жалкой. И она попробовала было найти исходъ отъ нахлынувшей на нее растерянности въ авантюрахъ бабушки, но и на нихъ у ней уже не хватило ни умѣнья, ни силы. Въ авантюрахъ она тотчасъ же попалась мужу глупо и безобразно. И съ тѣхъ поръ вся жизнь семьи стала безобразной.

Плохо кончилъ и этотъ нѣжный надломленный цвѣтокъ. Она такъ и задохлась въ грязи. Ударъ сердца, какъ майскій заморозокъ, ее прикончилъ, когда Вѣрѣ было 10 лѣтъ.

Но Вѣра запомнила мать. Только ея трагическій конецъ для Вѣры надолго оставался загадкой. И во снѣ по ночамъ его отголоски давили Вѣру кошмаромъ. Дорогое слово мать—мило, но и таинственно мрачно и больно. Нѣжная улыбка, нѣжная ласка, нѣжная рука матери—и воспоминаніе удивительно-непонятныхъ злобныхъ вспышекъ между матерью и отцомъ. Темный узелъ, котораго не распутать.

И безотчетное ощущеніе трагизма жизни охватывало молоденькую дѣвушку—и тогда сердце стукало въ грудь тревожно и неровно, съ непонятной болью.

Фантастическія тѣни точно выступили среди свѣта дня.

Иногда какія-то смутныя грязныя догадки вдругъ вставали въ головѣ ли, или гдѣ-то внутри всего тѣла. Отецъ?... Чѣмъ онъ занятъ? Что отдѣляетъ его отъ Вѣры? Что?

Безконечно-мрачная тѣнь разврата какъ будто мелькаетъ углахъ комнаты. Въ нахальномъ свѣтѣ встаетъ въ воображеніи ли этой странной... «бабы», что теперь живетъ у нихъ въ домѣ. прошломъ году были другая, третья. Въ третьемъ году четверт Что это за лица?

О!...

Вѣра вдругъ зарыдала. Она бросилась на стулъ у чайнаго сто

кинула руки на столъ, голова упала, и она тряслась и плакала. Боже мой! Какая тоска!

Но о чемъ она плачетъ!

Лучъ солнца пробрался въ столовую и приласкалъ Вѣру. О чемъ она плачетъ? Она подняла покраснѣвшее лицо, омытое слезами.

— Жизнь! Жизнь!

Такъ точно въ самой глубинѣ души, со дна души она крикнула, безъ словъ, безъ движенія, но громче, чѣмъ словами. Вся душа всколыхнулась.

Она вскочила, выпрямилась, подняла грудь, взмахнула руками, какъ крыльями, и улыбнулась. И заплаканные глаза улыбнулись. Небо и земля были въ этой улыбкѣ.

Отбросить бы все, что мѣшаетъ человѣку быть человѣкомъ!

На подоконникъ въ открытое окно слетѣла какая-то сѣрая птичка съ тонкими и крѣпкими, какъ сталь, ножками. Что-то чистое и ясное, какъ воздухъ и солнце, прощебетала, взглянула на Вѣру глазами другого міра, взмахнула крылышками и полетѣла. Смѣлыми, порывистыми зигзагами поднялась вверхъ.

Притаившись, Вѣра смотрѣла на птичку.

За нею раздались шаги. Вѣра мгновенно ощутила какое-то острое непріятное прикосновеніе, точно передавшееся ей черезъ воздухъ. Она медленно и искоса оглянулась. На столъ ставила чайный приборъ низенькая полная женщина, въ платьѣ съ синими по бѣлому полю цвѣточками, съ широкой спиной и грудью. Черные волосы, намазанные чѣмъ-то блестящимъ, низко и плотно лежали на круглomъ и гладкомъ лоснящемся лбу. И все ея лицо, бѣлое, круглое и гладкое, лоснилось. И на красныхъ губкахъ была усмѣшечка. Было ли въ этой усмѣшкѣ что-нибудь противное, только Вѣра вся съежилась, когда женщина взглянула на нее глазами черной кошки.

— Добраго утра, барышня!—сказала женщина густымъ маслянистымъ голоскомъ.

— Здравствуйте!—пробурчала Вѣра.

— Папочка сегодня всю ночь тревожился, все, вишь, не спится у! Курить все!

Вѣра задумчиво съ высоты на нее смотрѣла.

— А какъ ужъ онъ любитъ васъ, барышня! Вы и не подумаете!— ... ухмыльнулась женщина.—Поздравить васъ хочетъ и изъ ...ьменнаго стола досталъ фермуаръ съ изумрудами. Будто бабуш... А вотъ мнѣ не подаритъ!

И она засмѣялась гладко-дребезжащимъ, откуда-то изъ живота звучащимъ смѣхомъ.

Вѣру передернуло. А женщина двиталась проворными ныряющими движеніями и гремѣла чашками. Въ столовую вошла старая няня. Ея желтое, высохшее лицо было мрачно, и блѣдные глаза глядѣли остро-непріязненно.

— Марѳа!—крикнула она съ шамкающей злостью.—Тебѣ я говорила, чтобъ ты не трогала персиковаго варенья! Все слакала, а сегодня гости будутъ, что подашь?

— Ну, ты!—съ необычайной свирѣпостью огрызнулась женщина, и ея черные глаза сверкнули.

Она съ шумомъ стукнула сахарницей и, въ одно мгновеніе отстранивъ сильнымъ локтемъ старуху, вышла изъ комнаты.

— Няня!—съ растерянным упрекомъ сказала Вѣра.

— Ахъ, Вѣронька! Ангелочекъ мой! Тебя-то я не замѣтила!—испуганно заспѣшила старуха.

Она согнулась, опустила голову, но потомъ старческой походкой подошла къ дѣвушкѣ. Она, наконецъ, рѣшилась поднять лицо и взглянула на Вѣру съ пугливымъ выраженіемъ.

— Вѣронька! Солнышко! Будь здорова, умница! Поздравить тебя надо! Живи не тужи, расти, касатикъ! На меня не сердись. Што ужъ я?... Старая.

Нянька гладила рукой плечо Вѣры и заглядывала ей въ глаза. И лицо няньки было доброе и жалкое.

Въ глазахъ блѣднѣли капельки слезъ.

— Ну, няня!—сказала Вѣра и поцѣловала ея старыя морщинистыя губы.

Но и ласка няни ее тяготила. Ахъ, лучше бы, если бы ничего того, что ее окружаетъ, не было на свѣтѣ. Если бы она одна сегодня летала по голубому небу и одна спустилась на землю, и чтобы на землѣ было, какъ на небѣ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—говорила между тѣмъ нянька.—Богъ не проститъ много грѣховъ... Святыя мученицы, угодники за насъ молятся—одно спасенье... Молилась ли ты сегодня, Вѣронька?—голосъ старухи прозвучалъ съ необычайною нѣжностью, робкой и т - петной, но и съ тайной внутренней силой убѣжденія.

— Нѣтъ, няня!—сказала Вѣра.

— Охъ, Вѣронька, Вѣронька!—молиться Богу, и Богъ все сд - лаетъ, обо всемъ позаботится!... Чтобъ грѣха не было. Вотъ грѣ - то насъ губитъ!... Бѣдныя мы, бѣдныя! Вотъ бабушка Вѣра Вла - міровна была ангелъ, а грѣхъ-то съ ней былъ... Вотъ мамашеч а

твоя... какая ласточка была, а грѣхъ и ее сгубилъ... Грѣхъ-то, грѣхъ сторожитъ насъ... Молись почаще Богу! Давно я тебѣ хотѣла сказать.

И нянька осторожно и нѣжно трогала руку Вѣры.

Вѣра вытянулась и потянулась, закинувъ и сжавъ руки, такъ что хрустнули пальцы

— Няня! Да!—произнесла она громко, нарочно такъ громко, чтобы отогнать отъ себя всѣ тѣни и тяжесть томленья. Я знаю... Я все помню! И за меня не бойся! И мнѣ бояться нечего!

И снова потянувшись, какъ бы желая сбросить съ себя мрачную пелену, она подошла къ окну и, высунувшись далеко головой, взглянула вверхъ и вокругъ, напѣвая:

Вчера я отворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей...

— Няня!—сказала она громко—не охай и не плачь! Вѣдь можно же безъ грѣха прожить жизнь. Вѣдь никому пути не заказаны—идти туда, гдѣ жить хорошо.

— Ахъ ты, ласточка!—вздохнувъ, разсмѣялась старуха.—Нѣтъ, каждому свой путь заказанъ! Барской дѣточкѣ и барскій путь.

— Нѣтъ, няня!—Ласточка летитъ, куда хочетъ.

И Вѣра, сдѣлавъ прыжокъ, схвативъ шляпу и хлопнувъ по плечу няньку, вышла изъ комнаты.

— Вѣронька, Вѣронька!—кричала вслѣдъ нянька.—Чай готовъ... Папенька встаетъ... Да и одѣться ужъ тебѣ пора... Голубенькое новое платье!...

Но Вѣра ужъ выбѣжала изъ дома во дворъ, въ калитку—въ садъ. Веселыя липы ей улыбнулись. Утренній вѣтерокъ еще не стихъ. Она пробѣжала аллеей и вышла въ поле. Зелень посѣвовъ такъ мирно сіяла. Дальше темнѣли перелѣски. И Вѣра стремительно шла дорожкой черезъ поле, затуманившимся взоромъ слѣдя, какъ все вокругъ жило какой-то ясной жизнью. Свѣжесть полей проникла въ нее.

— Вѣдь можно же прожить безъ грѣха!—какъ будто шептали ея губы.

Въ это время Александръ Никитичъ, сморщенный и желтый, шлелъ въ туфляхъ, дымилъ сигарой въ своемъ кабинетѣ, закопченомъ ерху до низу за многіе десятки лѣтъ. Когда этотъ кабинетъ былъ ѣжей и чистой комнатой—Александръ Никитычъ даже забылъ. гда онъ самъ былъ молодъ, словно и кабинетъ казался свѣжѣе. годами, какъ Александръ Никитичъ въ томительномъ безсиліи

спускался со ступеньки на ступеньку куда-то, въ какую-то скучную и безнадежную пропасть, и кабинетъ его становился тусклѣе и безнадежнѣе. То была большая комната съ поломъ, затянутымъ полинялымъ съ цвѣтами ковромъ, со всякаго рода оттоманками, креслами, со столами и столиками и шкафами съ затѣйливой инкрустаціей. Широкія тяжелыя драпри закрывали ее отъ всѣхъ входовъ, выходовъ и оконъ,—и потому еще больше казалось, что та особая барская атмосфера, какая образовалась за многія поколѣнія изъ смѣси дыма сигаръ, винныхъ испареній, дворянскихъ вожделѣній и разсчетовъ, и скабрезныхъ разговоровъ и эпизодовъ, здѣсь сгустилась и висѣла надъ головой, какъ неумирающій наслѣдственный духъ, отъ котораго никуда не убѣжишь, который связываетъ, туманитъ голову, настраиваетъ на свой ладъ, велитъ дѣлать то, что дѣлали предки. То было какъ бы воплощеніе своего рода крѣпкаго дворянскаго «устоя»—по аналогіи съ народнымъ «устоемъ», воспѣтымъ русскими народниками. Былъ крѣпокъ «устой»—были крѣпки и веселы его адепты. Пошатнулся «устой»,—пошатнулись сыны благороднаго сословія.

И въ кабинетѣ Александра Никитича тотъ царственный духъ, должно быть, былъ боленъ, изнемогалъ отъ старости ли, отъ излишествъ ли, отъ пороковъ ли. Царственный духъ превращался въ духъ вырожденія.

Вошедшая Марѳа отдернула драпри на большомъ итальянскомъ окнѣ, и масса свѣта проникла въ кабинетъ, но и свѣтъ мгновенно въ этихъ стѣнахъ, въ этой атмосферѣ сталъ тусклъ. И странное впечатлѣніе какъ бы заплеванности производили и этотъ коверъ съ цвѣтами на полу, и эти порыжѣвшія, когда-то темно-коричневыя драпри, и эти оттоманки, и даже прекрасныя статуэтки Шиллера и Гёте.

И Александръ Никитичъ казался такимъ же тусклымъ человѣчкомъ.

Во рту изжога и въ животѣ какое-то наслѣдственное нытье,—и его тошнило.

— Кофе! Живѣй! Марѳа!—крикнулъ онъ и сплюнулъ.

— Скажите: Марѳинька... тогда дамъ! — хихикнула Марѳ Сузившимися глазками-вишнями она сверкнула на Александра Н китича и съ шутливой ужимочкой по утиному подошла къ нем

Она внезапно отскочила, потому что Александръ Никити вдругъ едва не ударилъ ее ногой. И въ ту же минуту съ дива вскочилъ рыжій понтеръ и съ свирѣпымъ лаемъ бросился на Мар

— Ну, тебя! ну, тебя!—кричала въ бѣшенствѣ Марѳа.

— Эжень! Маршъ!

Схвативъ палку, Александръ Никитичъ стучалъ ею объ полъ и замахивался на Эженя.

Эжень свирѣпѣлъ.

Наконецъ, Марѳа съ шумомъ распахнула дверь и выбѣжала изъ кабинета. Лай Эженя разнесся по всему дому.

Эжень былъ любимецъ Александра Никитича, но теперь, пнувъ его ногой, онъ нервно сжалъ кулаками бьющіеся виски и застоналъ отъ боли. Гдѣ эта боль? въ душѣ ли, въ тѣлѣ ли—онъ самъ бы не сказалъ. Можетъ быть, въ душѣ. Его душа съ годами дѣлалась точно рана. Онъ чувствовалъ противный запахъ, вкусъ душевнаго разложенія. Разрѣзать бы эту рану!... Ахъ, обновленный, онъ тогда легче бы вздохнулъ. Иначе его задушитъ гной, скопившійся въ душѣ...

И Александръ Никитичъ, бѣгая, дымя и сплевывая, шлепалъ по кабинету, и мысли и воспоминанія безпорядочной толпой кружились въ разгоряченной головѣ. Онъ былъ молодъ когда-то, красивъ, изященъ, весело блуждалъ по Европѣ. Ему прелестныя улыбки дарили красивыя женщины. И не нужно было заботиться о хлѣбѣ насущномъ.

Не нужно было заботиться о хлѣбѣ насущномъ... Да... Такъ ли? Да, ему не нужно было добывать себѣ хлѣбъ насущный, но забота была—боязнь его лишиться. И этотъ страхъ стоилъ многихъ тяжелыхъ минутъ. Тѣ, которые сами зарабатываютъ себѣ хлѣбъ насущный, можетъ быть, во сто кратъ спокойнѣе, чѣмъ онъ. И потомъ—эта свобода отъ труда дала ли ему счастье? Ахъ, нѣтъ.

Его вся жизнь была досугъ. Но и досугъ нужно чѣмъ-нибудь наполнить. Пока былъ молодъ, онъ наполнялъ его изящно и красиво. А впрочемъ, слишкомъ условны понятія изящно и красиво!... Развратничать-то онъ вѣдь началъ съ дѣтства.

У него была прелестная, какъ мечта, жена, но онъ не переставалъ грязнить и себя, и ее. И онъ совсѣмъ загрязнилъ себя. Это грязь, а не гной засквернила его душу такъ, что онъ задыхается.

А при всемъ томъ вырывать хлѣбъ изъ чужихъ рукъ, хотя бы и съ собственной земли,—развѣ не трудъ? Развѣ не нужны напряженіе и терзаніе нервовъ? Идея жить трудомъ своихъ рукъ и ему не чужда.

Побрякушки не дадутъ оправданія, не успокоятъ, не наполнятъ жизни.

Александръ Никитичъ распахнулъ окно. Солнечной теплой свѣтью на него пахнуло. Изъ окна онъ видѣлъ тотъ же, знакомый всѣхъ подробностяхъ, милый ландшафтъ, какой видѣлъ и въ дѣт-

ствѣ, когда его глаза были ясны и чисты. За холмомъ, на которомъ стоялъ домъ, за паркомъ, въ лугахъ, протекала капризная рѣчка, то кроясь въ кустахъ ветелъ, то переливами сверкая на солнцѣ. Дальше темные перелѣски и поля ржи, пшеницы. Задумчивая линія небосклона.

Все то же. И какъ сегодня ясно. Почему же онъ здѣсь стоитъ—вялый, скверный, желтый, кислый?

Вонъ тамъ рига и въ ней двигаются люди. Это овесъ вѣютъ на продажу. Что-то шумятъ. Захохотали. Надъ нимъ, навѣрно, хохочутъ. Черти! Скоты!

Вошла Марѳа съ кофе.

— Акимъ давно спрашиваетъ,—пробурчала она сердито.

— Пусть войдетъ!—также сердито окрикнулъ Александръ Никитичъ.—Гдѣ Вѣра?

— Убѣжала!

— Что?! А, ступай!

Въ дверь бокомъ осторожно пролѣзъ Акимъ съ широкимъ, рыжимъ лицомъ, съ презрительно и затаенно-плутовато-шмыгающими глазками. Не везетъ Александру Никитичу въ приказчикахъ. Всегда приходится держать такихъ плутовъ и, всетаки, имѣнье еле держится, еще 3—4 такихъ года, какіе были,—и съ молотка.

— Ну, что?—брезгливо кинулъ Александръ Никитичъ и сталъ къ Акиму спиной.

— Што-жъ? Все какъ слѣдуетъ...—съ удивительно-серьезной и въ то же время безпечно-насмѣшливой миной, густымъ басомъ доложилъ Акимъ.—Вѣютъ... дешево: дѣвки по гривеннику, мужики по двугривенному! На ихъ хлѣбу... Я тоже спуску не дамъ.

Онъ помолчалъ и вдругъ состроилъ сочувствующую рожу. Александръ Никитичъ искоса на него взглянулъ.

— Только вотъ... Вишь ты! Баринъ, хомутъ кожаный да вожжи синія съ сарая стащили... Песъ-е знаетъ кто!... Лови—не наловишься.

Александръ Никитичъ пожелтѣлъ.

— А у тебя, чортъ, опять было не заперто?

— Запирай—не назапираешься!—олимпійски снисходительно возразилъ Акимъ.

— Чортъ!

— Да Ѳомка, лѣшій, сбѣжалъ...—продолжалъ еще серьезнѣе Акимъ.—Паршивый мужиченко! Говорилъ вамъ я: не давайте ему впередъ... небось, красненькую дали?... Отецъ съ матерью, говорятъ, умираютъ?... Хе! Ну и сбѣжалъ. Ищи теперь—не найдешь.

— Ха! Черти! Мошенники!—вдругъ завопилъ Александръ Никитичъ.

Въ ярости, съ округлившимися глазами, онъ затопалъ ногами. Кровь прилила къ лицу. Слюнявыя брызги летѣли изо рта.

— Воры! И ты... прочь!

Эжень залаялъ и забѣсновался. Только Акимъ стоялъ спокойно, опустивъ глаза.

Въ ту минуту за окномъ раздался звонъ колокольчиковъ. Веселый, малиновый.

— А, гости, баринъ! Пойти!—также весело скороговоркой произнесъ Акимъ и очень легко своимъ широкимъ туловищемъ скользнулъ въ дверь.

Александръ Никитичъ поспѣшилъ къ окну. Налѣво во дворъ въѣхала щегольская наборная тройка карихъ. Пристяжныя лихо и устало крутили головами. Красныя ленточки вились въ черныхъ гривахъ. Покачивались туго подтянутые хвосты. Колокольчики и бубенчики еще тихо и мелодично позванивали. Но секундами громкій звонъ наполнялъ весь дворъ, когда тройка, усталая, взмыленная, вздрагивала отъ нервной истомы. Новенькая коляска также блистала, пятна пыли на ней лежали, какъ тучки. Бравый, пышный, съ тоненькой таліей кучеръ въ плисовой безрукавкѣ и пунцовой рубашкѣ, съ павлиньимъ перомъ на лаковой шляпѣ, соскочилъ лихо и сталъ у подножки. Изъ коляски выскочилъ тонкій бѣлокурый офицерикъ съ прямой фуражкой на затылкѣ и, художественно изогнувшись, съ выраженіемъ угодливой готовности, также всталъ у подножки.

И тогда между кучеромъ и офицеромъ изъ коляски съ медлительной важностью поднялся Аполлонъ Сергѣичъ—крупный мужчина съ широкой грудью, въ какомъ-то замысловатомъ пестромъ макинтошѣ. Ступая на землю, онъ такъ тяжело налегъ рукой на плечо офицера, что тотъ пригнулся. Но зато Аполлонъ Сергѣичъ милостиво улыбнулся, и офицеръ съ готовностью припрыгнулъ.

Когда Вѣра вернулась съ поля, она еще издали услышала доносившееся со двора прерывистое, малиновое позваниваніе бубенчиковъ. Оно было весело и пріятно и говорило о чемъ-то вкусномъ и веселомъ. Пышный кучеръ-франтъ, торжественно осклабившись, отдалъ честь. И точно каріе, сіяющіе рысаки ей поклонились своими красивыми головами съ нарядными гривами и матово-синими глазами, махнувъ тонкими ушами.

— У-у, славные!—сказала Вѣра, подойдя къ тройкѣ и погладивъ пристяжку по черной гривѣ.

Холеный конь ей улыбнулся и положилъ на ея руку мягкія, дрожащія, теплыя губы.

— Отчего не выпрягаешь, Семенъ?—обратилась она къ кучеру.

— Выпряжемъ, дай срокъ!

— Ты ихъ заморилъ, такъ шибко гоняешь!

— На то они и холены, чтобъ на нихъ гонять!

И кучеръ стегнулъ по пристяжкѣ кнутомъ. Бѣлая, взмыленная полоска выступила на гладкой влажной шерсти. Дрожа, припрыгнувъ, лошадь съ жалобнымъ недоумѣніемъ оглянулась.

— Зачѣмъ бьешь!—протестовала Вѣра.

— Не бойтесь, барышня! У насъ все въ аккуратѣ!

И Вѣра видѣла, что въ тройкѣ и въ кучерѣ, дѣйствительно, все аккуратно. Взять бы вотъ такую тройку и ускакать на край свѣта. Вѣра вздохнула.

Она пробралась въ свою комнату и задумчиво, и улыбаясь, и напѣвая, одѣлась въ новое голубенькое платье. Въ корсажъ и въ волосы она прикрѣпила пучокъ незабудокъ. Незабудки любила бабушка. Русая, туго-стянутая коса тяжело легла на спинѣ. Она подошла къ зеркалу.

Какъ она хороша!

И какая-то волна сладкаго легкомыслія на нее напала.

Она сбѣжала внизъ, но остановилась передъ дверью въ столовую. Ахъ, оттуда изъ столовой слышны этотъ скрипучій, развинченный гусиный голосъ Аполлона Сергѣича и похохатыванье Мишеля. Холодная струйка непріязни на мгновенье прошла въ Вѣрѣ.

Она отворила дверь. Двое мужчинъ стремительно вскочили съ мѣстъ при ея появленіи—самъ Аполлонъ Сергѣичъ, слишкомъ широкій и тяжеловѣсный, однако, не менѣе поспѣшно и легко, чѣмъ Мишель. Онъ схватилъ съ угольнаго столика душистый, нарядный букетъ, сдѣлалъ шагъ къ Вѣрѣ, но потомъ, внезапно повернувшись, передалъ букетъ Мишелю, мигнувъ ему глазомъ. И стоило полюбоваться на Мишеля. Онъ съ своей тоненькой въ парчевомъ поясѣ таліей и острыми и прямыми плечиками въ нашивкахъ изогнулся галантно, какъ пристяжная въ давешней тройкѣ, щелкнулъ нога объ ногу, слегка склонилъ набокъ жидкую, бѣлокурую, клинообразну голову, сдѣлалъ сладкую торжествующую улыбочку, высоко обн живъ желтоватые зубы и блѣдно-красныя десны, приблизился к дѣвушкѣ сѣменящими шажками, держа букетъ передъ собой в обѣихъ рукахъ. А Аполлонъ Сергѣичъ у стола, какъ коренникъ выпрямилъ грудь и плечи и въ нетерпѣливомъ ожиданіи ласково-кисл величественно улыбался.

«Пусть его подноситъ!—думалъ онъ о Мишелѣ.—Букетъ-то мой! А онъ не опасенъ. А недурна Вѣрочка».

И онъ облизнулся.

Какъ ни смѣшно все это показалось Вѣрѣ, но и она заразилась непобѣдимой торжественностью Мишеля. И она выступала торжественно и медлительно, съ празднично порозовѣвшими щеками и даже застѣнчиво-смущенно опустила глаза и сдѣлала нѣчто вродѣ парадиаго бабушкина реверанса.

— Ап-пп-поллонъ Сер-гѣичъ и я имѣемъ ч-честь пр-принесть, В-вѣр-ла Ал-лександр-ловна, вамъ сер-дечныя поздр-лавленія съ дрл-лагоцѣннымъ днемъ в-вашего р-ложденія!...—пролепеталъ, заикаясь, Мишель и ловко звякнулъ шпорами.

— Да здравствуетъ дѣвица!—шутливо прокричалъ Александръ Никитичъ и, вскочивъ, потрепалъ по плечу Мишеля и, взявъ у него букетъ, сунулъ въ руки Вѣрѣ вмѣстѣ съ бархатнымъ ящичкомъ, который онъ вытащилъ изъ кармана.

— Eviva!—крикнулъ и Аполлонъ Сергѣичъ.

— Мерси! Здравствуйте! Здравствуй, папа!

И Вѣра, покраснѣвъ, какъ институточка, поцѣловала отца и открыла ящичекъ: тамъ сверкнулъ старинный изумрудный фермуаръ. Потомъ пожала руку Мишеля, и только тогда тотъ выпрямилъ станъ, сдѣлавъ на правомъ каблукѣ мгновенный полукругъ. И, наконецъ, подошла къ Аполлону Сергѣичу. Съ легкой ловкостью, какой отъ него трудно было ожидать, онъ схватилъ и поцѣловалъ у ней руку.

— Ахъ, ну!—вздохнула облегченно Вѣра и разсмѣялась. Спрятала лицо въ душистые цвѣты и потомъ, внезапно кокетливо коснувшись ими щеки Аполлона Сергѣича, подняла вверхъ лицо и, взглянувъ на всѣхъ, улыбнулась очаровательной бабушкиной улыбкой.

— Букетъ хорошъ!—сказала она.—Ну, что-жъ будемъ дѣлать?... И чувствуя себя легко-возбужденно, она подбѣжала къ столу, принявшись за роль хозяйки.

А на пухло-желтоватой щекѣ Аполлона Сергѣича, въ томъ мѣстѣ, какого коснулась букетомъ Вѣра, было большое розовое пятно. Кончикъ языка, подмывающимъ образомъ скалилъ зубы и десны.

Вѣра давно не только не уважала Аполлона Сергѣича, но была зла на него, потому что онъ ей принесъ зло. Онъ всегда поддразнивалъ отца и настраивалъ его такъ, что по отъѣздѣ Аполлона Сергѣича Александръ Никитичъ становился циниченъ, грубъ и золъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалокъ и несчастенъ. И въ ней самой онъ будилъ тем-

ные инстинкты,—какъ будто манилъ ее въ чудесныя страны съ синимъ моремъ, знойнымъ солнцемъ, бѣломраморными виллами и жемчужными фонтанами, но путь въ эти страны сопряженъ съ какимъ-то безконечнымъ, ѣдкимъ, какъ дымъ, униженіемъ... И мрачная, и пошлая тѣнь униженія будетъ витать надъ ней даже тамъ, въ тѣхъ странахъ, если даже она ихъ получитъ! Осадокъ униженія ощущала она въ себѣ каждый разъ, какъ думала объ Аполлонѣ Сергѣичѣ, а думала она о немъ противъ своей воли часто. Мысль о немъ, какъ ядъ, распространялась въ ея душѣ и тѣлѣ. Въ грубые моменты, когда словно чья-то дерзкая рука срывала съ души чистые покровы, она сама съ собой разсуждала, какъ торговка, беззастѣнчиво и обнаженно: она бы вышла за него замужъ, если онъ возьметъ ее... А онъ хочетъ ея... О, этотъ гусакъ...

Этотъ гусакъ богатъ... Его сестра, бывшая замужемъ за банкиромъ Гольдштейномъ, умерла и оставила все ему—брату. Онъ адвокатъ, но что теперь для него практика... Онъ въ ней не нуждается.

Гусакъ... такъ его зовутъ. Неуклюжій, съ угреватымъ и красновато-рыхлымъ лицомъ, съ рыжеватыми вихрами, напомаженными и насильно прилизанными, онъ, однако, по-своему чѣмъ-то импонируетъ; онъ не ничтожность,—онъ можетъ смотрѣть на другихъ сверху внизъ. Водянистые, прищуренные глаза, но въ ихъ щелки проглядываютъ своеобразный умъ и полнокровный темпераментъ, и такое желаніе все съѣсть, всѣмъ воспользоваться, что этимъ настроеніемъ,—настроеніемъ, подмывающимъ къ чему-то, если и «не очень чистоплотному», зато веселому и вкусному, онъ заражаетъ всѣхъ другихъ. Именно, къ вкусному... Когда иногда неожиданно онъ широко раскрывалъ глаза, мгновенно обнаруживалось—какой обширный аппетитъ умѣстился въ этомъ человѣкѣ. «Все бы съѣсть!...» И онъ подчинялъ себѣ всѣхъ другихъ этимъ непреодолимымъ, заражающимъ аппетитомъ. И голосъ его, странный, развинченный, скрипучій, какъ несмазанная телѣга, тягучій, былъ также выразителенъ, выражалъ собою то же, что—глаза, и былъ такъ же подмывающій къ чему-то, какъ и блескъ глазъ. Голосъ его, когда онъ говорилъ даже пустяки, на самомъ дѣлѣ наполнялъ собою всю комнату, весь домъ. Онъ проникалъ отчетливо въ уши и въ душу присутствующи—, хотя бы тѣ и не хотѣли слушать. Даже Антонинъ Павлычъ, к ь ни старался третировать этого безконечно ему противнаго челов , слушалъ и втягивалъ въ себя этотъ голосъ и то, что заключал ь въ его скрипучихъ, гусиныхъ и пронзительныхъ интонаціяхъ.

Его походка и манера протягивать впередъ цѣпкія руки б и такъ характерны.

И на Вѣру онъ смотрѣлъ, какъ лапчатый гусь. Вѣра это чувствовала и, всетаки, не могла бы отпарировать ему, его гусинымъ замашкамъ и вожделѣніямъ. Бывали моменты, когда она какъ бы инстинктивно совсѣмъ смирялась передъ нимъ, какъ въ другое время иначе, съ иными чувствами и съ инымъ настроеніемъ смирялась передъ Антониномъ Павлычемъ. О, если бы не Антонинъ Павлычъ, «гусакъ», можетъ быть, уже давно бы ее съѣлъ!...

Эта комедія продолжается давно. И даже несмотря на униженіе, какое она теперь ощущаетъ при мысли объ Аполлонѣ Сергѣичѣ, тогда, когда бы онъ ее съѣлъ, ей, можетъ статься, уже не было бы ни стыдно, ни больно. По крайней мѣрѣ, опредѣленный конецъ. А также и то, что у Аполлона Сергѣича такая живучая натура, такая жирная «подоплека», что и тѣмъ, кого онъ съѣстъ, не будетъ плохо. Съѣденные сами такъ и прилипнутъ къ «подоплекѣ» гусака, съ ней сравняются,—онъ охватитъ ихъ своими щупальцами, какъ спрутъ, какъ насѣкомоядное, и они будутъ себя чувствовать, очень можетъ быть, такъ же недурно, какъ и самъ гусакъ. Въ немъ много жизни, крови—и это заразительно. И Вѣра съ нимъ спустится со ступеньки на ступеньку до самыхъ глубинъ паденія и даже, можетъ быть, и не замѣтитъ, какъ достигнетъ этихъ глубинъ.

Да неужели? Нѣтъ! Нѣтъ! Не правда! Нѣтъ, правда!

Такія странныя мысли проносились въ головѣ Вѣры, когда изъ серебрянаго кофейника въ формѣ лиліи она разливала кофе, и Аполлонъ Сергѣичъ, съ горячимъ, притягивающимъ блескомъ водянистыхъ глазъ, неотступно смотрѣлъ на нее, на ея незабудки, на ея косу, когда она повертывала голову, на ея плечи, грудь. И въ самомъ дѣлѣ, горячее ощущеніе этого гипноза какъ будто проникало черезъ платье къ ея тѣлу. Какъ будто то теплыя, то холодныя брызги воды прикасались къ тѣлу.

Эти зловѣщія подозрѣнія и ощущенія!...

Бѣжать бы отъ нихъ, искать бы защиты у Антонина Павлыча!

Иногда Вѣрѣ—бывало—чудилось, что если бы Аполлонъ Сергѣичъ вдругъ обнялъ ея талію и прижалъ къ себѣ—и, если бы не Антонинъ Павлычъ, она не сдѣлала бы ни одного движенія, чтобы его оттолкнуть. Она безпомощно закрыла бы глаза—и пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ!... Неужели? Словно горячая волна поднималась въ ней изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ прошлаго,—пробѣгала по тѣлу и сдавливала мозгъ.

Такъ нѣтъ же! Не съѣлъ бы ее гусакъ, если бы даже не было Антонина Павлыча!

Она тряхнула головой, отогнавъ отъ себя всѣ эти непраздничныя

мысли. Надоѣли уже онѣ ей. Слишкомъ часто въ послѣднее время онѣ тяготятъ голову, несмотря на свѣтлое успокоительное вліяніе Антонина Павлыча.

И она улыбнулась, но улыбнулась опять бабушкиной улыбкой. Аполлонъ Сергѣичъ это тотчасъ же замѣтилъ и весь оживился.

— Мартъ провелъ я въ Альпахъ...—говорилъ онъ своимъ скрипучимъ, полнокровнымъ тономъ, посмѣиваясь водянистыми глазами.—Какой чудесный край! Мы жили въ одной небольшой снѣжной равнинкѣ—высоко среди горъ. Представьте себѣ: чистые, дѣвственные глубокіе снѣга—и, несмотря на снѣгъ, полная весна!... Солнце, теплый, прозрачный, какъ ключевая вода, воздухъ... Его пьешь полной грудью... Солнце, а мы катались съ горъ на лыжахъ...

— Ха! ха! ха!—безсильно и непроизвольно хохоталъ Александръ Никитичъ, хлопнувъ его по плечу.—Вы—на лыжахъ!... Ха-ха!

Его красные глаза слезились.

— Я?...—какъ бы въ шутку обидѣлся Аполлонъ Сергѣичъ.—Я?! А вы за кого меня считаете? Въ Альпахъ получилъ я призъ на норвежскомъ дерби. Прыжокъ чуть не съ отвѣснаго утеса...

— Къ низу головой?... И голова цѣла?

— Какъ видите!

— Ха-ха!

— А п...п... подъ снѣг...гомъ ф...фіалки... коп...п...нешь, а тамъ пах...ху...учія ф...фіалки!—играя глазами и усиками, серьезнѣйшимъ тономъ пролепеталъ Мишель.

— Ну, это ужъ ты врешь!—не мигнувъ глазомъ, спокойно отпарировалъ Аполлонъ Сергѣичъ.

— Ха-ха-ха!—заливался Александръ Никитичъ.

— П...право!—увѣрялъ Мишель.

— А я такъ готова бы прыгнуть въ снѣга съ отвѣснаго утеса и безъ лыжъ!—съ загорѣвшимся взглядомъ заявила Вѣра.

— Ха-ха! И кстати тутъ же достала бы изъ-подъ снѣговъ фіалки...

— В...Вѣра Ал...ександровна п...плыг...нула бы п...подъ лучку съ Ап...полономъ Сергѣичемъ!—оскаливъ зубы и десны подмигнулъ Мишель.

— Ха! Ха!

Съ высокой стѣны красавица-бабушка улыбалась мило, загадочно, свято. Такія ли рѣчи и шутки вызывали нѣкогда ея улыбки? С другого портрета мать Вѣры широко-открытыми голубыми глазам смотрѣла нерѣшительно и лукаво-пугливо. Ея выдавшіяся губки ка

будто хотѣли сказать что-то, но и при жизни и по смерти ничего не скажутъ.

А вверху надъ развеселившейся компаніей сурово безмолвствовалъ старинный, потемнѣвшій, высокій лѣпной потолокъ. Тамъ одиноко виталъ отжившій духъ былыхъ временъ. Эта компанія ему не нравилась.

Компанія закусила и выпила. Щеки порозовѣли... Тягучій и скрипучій голосъ Аполлона Сергѣича crescendo заполнялъ комнату, домъ и души сочленовъ компаніи. «На свѣтѣ все можно ...»—эта основная въ немъ нота заражала всѣхъ.

— Р...разъ-два!

Сдвинувъ лихо фуражку на затылокъ и съ самозабвеніемъ изгибаясь и подшибая шаръ, кричалъ Мишель, когда всѣ вышли и устроились на боковомъ дворикѣ въ лаунъ-теннисъ. Сохранившаяся отъ парадныхъ временъ площадка съ лаунъ-теннисомъ была гордостью Александра Никитича.

Солнце за полдень. Въ сіяющемъ небѣ таяли легкія тучки. На красноватомъ и бѣлокуромъ лицѣ Мишеля проступили капельки пота, и блуждала широкая улыбка, оскалившая зубы и блѣдныя десны.

Онъ кокетничалъ и кружился въ легкихъ полуоборотахъ и подпрыгивалъ, позванивая шпорами, и покрикивалъ: «Р-разъ-два!» и поглядывалъ на Вѣру безконечно-замаслившимися глазками и украдкой за спинами другихъ и даже такъ, чтобы сама Вѣра и не видала и видала, посылалъ ей ручкой воздушные поцѣлуи.

Вѣра поймала его на такомъ преступленіи и, покраснѣвъ, погрозила пальцемъ. Мишель состроилъ уморительно-растерянную и испуганную рожу, и дѣвушка должна была только разсмѣяться.

— Дурачокъ! — шепнула она ему, когда онъ подскочилъ съ мячомъ.

— Мерси!—щелкнулъ онъ шпорами.

Зато Аполлонъ Сергѣичъ былъ великолѣпенъ. Онъ снялъ свою широкую жакетку и былъ превосходенъ въ широчайшихъ панталонахъ, торжественно облекавшихъ его крупное тѣло въ широкомъ, поверхъ бѣлоснѣжной сорочки, поясѣ, стягивавшемъ крутую грудь и мощную спину. Онъ съ чувствомъ расправлялъ эту грудь и плечи и ловко подпрыгивалъ, посылая мячъ Вѣрѣ. И прыжки не умаляли его достоинства. На Вѣру онъ посматривалъ почтительно-нѣжно и благосклонно и только иногда подмигивалъ, какъ бы говоря, что будетъ время, когда...

— А ну его!—про себя иногда моментально сердилась дѣвушка,

и тогда на лбу у ней являлась морщинка, и всѣ черты лица дѣлались строгими и чистыми.

Но не даромъ у ней пылали и розовѣли щеки. За завтракомъ и она выпила ликера. Она любитъ выпить... Стыдно это... Но... пусть...

И у ней улыбка глупая и беззастѣнчивая ширилась и расплывалась, и она бѣгала и подскакивала, кокетливо повертываясь, и, вскидывая плечи, отважно выпрямлялась. И у ней иногда внезапно прорывался странный, звенящій, неровный хохотъ, словно бѣсъ ея прошлыхъ поколѣній подавалъ свой мефистофельскій голосъ. И ее пошатываютъ изъ стороны въ сторону противорѣчивые и противоположные, томительные и жуткіе вѣтерки.

— Play!—взялъ необычайно-аппетитную и подмывающую ноту Аполлонъ Сергѣичъ.

Мячъ улетѣлъ черезъ Вѣру далеко за кусты сирени. Захохотали.

— Экъ—съ вашимъ норвежскимъ дерби!—крикнулъ Александръ Никитичъ. Онъ съ посоловѣвшимъ лицомъ и мутными глазами все время похихикивалъ и путалъ мячи.

Вѣра побѣжала за кусты. Мячъ былъ въ глубокой лощинкѣ, за густыми вѣтками. Вѣра нагнулась, встала на колѣно, какъ почувствовала на своей щекѣ горячее дыханіе человѣка.

— Pardon!—раздалось за ней.

Она хотѣла вскочить, но Аполлонъ Сергѣичъ одной рукой схватилъ мячъ, другой мгновенно, какъ бы желая помочь встать, сжалъ ея локоть. Они столкнулись, разсмѣялись въ глаза другъ другу растерянно и жутко.

— Божество мое!—шепнулъ Аполлонъ Сергѣичъ.

Вѣра остановилась передъ нимъ.

— Ха-ха! M...messieurs! M...medames!—изъ-за кустовъ выскочилъ Мишель и хохоталъ имъ въ лицо.

— Часъ!...

Сердце стукнуло и сказало Вѣрѣ. Она внезапно вспыхнула и, вытащивъ часики, взглянула.

Да, часъ!... Какое затменіе на нее нашло? Какъ она могла забыть Антонина Павлыча?... Онъ давно ждетъ тамъ, у пруда!

Она даже похолодѣла отъ стыда. Горечь раскаянія залила ея лицо душу.

Она пробормотала что-то гостямъ и убѣжала въ домъ. Войдя въ полутемный коридоръ, она прислонилась горячимъ лбомъ к влажной стѣнкѣ и замерла на мгновенье. Вся она точно прислуш

лась къ чему-то... къ тому, что было въ ея душѣ—назадъ тому пять минутъ и сейчасъ. Назадъ тому пять минутъ она была... Боже!...—была такой, какой дѣйствительно она, значитъ, можетъ быть!... Какая бездна кроется въ человѣкѣ... Сейчасъ она вся внутренно плачетъ.

И въ самомъ дѣлѣ ѣдкія слезы наполнили глаза.

Быстро и тихонько, чтобы не обратить ничьего вниманія, она прокралась черезъ диванную въ дверь въ садъ и, лишь вступила въ густую аллею липъ, побѣжала.

Снявъ шляпу, помахивая ей, она бѣжала, точно ея ноги не касались земли, миновала калитку, глухую площадку за садомъ, гдѣ жужжали пчелы, нашла тропинку въ начинавшейся отсюда рощѣ. Солнце скрылось за густой листвой. Здѣсь было прохладно.

На полминуты безотчетно она остановилась, сбѣжавъ внизъ въ глубину дикаго оврага, засыпаннаго сухими вѣтками и иглами. Выше, по краямъ оврага, вздымались вверхъ полуобнаженныя строгія сосны. Онѣ что-то шумѣли. Ихъ шумъ смутно и загадочно и нерѣшительно-торжественный проникалъ насквозь въ Вѣру. Пріостановившись, она подняла вверхъ лицо. Тамъ небо безъ солнца было глубоко и далеко. Тамъ было чистое сіянье...

— Далеко и глубоко небо...—пролетали мысли въ головѣ Вѣры и тотчасъ же обратились къ ней самой.—А, такъ вотъ какъ!... Такъ вотъ какъ!...

Не только головой, но уже вся—всѣмъ тѣломъ, всей душой—она чувствовала, что значатъ эти восклицанія. Она произносила надъ собой приговоръ.

— Такъ будешь ли?... Такъ будешь ли?

Она давала клятву быть иной.

И небо ей сіяло, и сосны что-то прошумѣли. Небесно-торжественные аккорды, какъ далекій хоралъ, какъ дыханіе Бога, ей почудились гдѣ-то въ пространствѣ. Они зовутъ, поднимаютъ... Упасть бы на колѣни, молиться и встать потомъ сильной и непобѣдимой.

И точно рѣшивъ что-то твердо, она быстро пошла вверхъ и дальше по тропинкѣ. Вотъ и просвѣтъ—конецъ рощи.

Она выбѣжала. Здѣсь было солнце. Сумракъ рощи остался поза-

Ослѣпленная, закрывъ глаза рукой, она всмотрѣлась впередъ.

а хотѣла бы крикнуть Антонину Павлычу—«здравствуй!...»

Она стояла вверху прибрежнаго холма. Внизу тихо лежалъ прудъ, ный и золотистый и спокойно-зеркальный. У узенькаго мостика ія лодочка. Направо въ ветлахъ темнѣла старая-престарая, запу-чая мельница. И солнце ударяло въ ея полуразрушенный фасъ.

По берегу, между ветлами и повыше, между одинокихъ дубовъ, вилась та тропинка, по которой они вдвоемъ часто хаживали. И вотъ тамъ подъ дубомъ скамейка. И скамейка пуста. Никого нѣтъ.

Еще нѣсколько шаговъ—и Вѣра крикнула тревожно:

— Антонинъ Павлычъ!...

Голосъ отдался глухо и звонко. И откликнулось эхо. И снова было тихо и пустынно.

— Ау...у!

Собака откуда-то залаяла.

Пусто. Лишь солнце заполняетъ все яркимъ свѣтомъ.

Вѣра подошла къ скамейкѣ, оглянула и внимательно и чутко, точно у ней спрашивая отвѣта. На скамейкѣ вырѣзаны ея буквы и какое-то число какого-то года. Какого года?... Что она тогда здѣсь думала?... И какъ жила?...

Она для чего-то вспоминала. Да, она тогда одна здѣсь сидѣла вечеромъ, читала «Орлеанскую дѣву» и, задумавшись, вырѣзала эти буквы и число... О чемъ тогда думала? О чемъ-то неопредѣленномъ, туманномъ и страшно загадочномъ...

Но о чемъ сейчасъ она думаетъ? Она вздрогнула и вновь оглянулась. Солнце, свѣтъ, тихая тропинка... Но глухая тревога въ нее проникла и, наростая съ каждымъ мгновеніемъ, бурлила, какъ волна.

Она побѣжала по тропинкѣ туда, откуда онъ приходитъ. Но вотъ и та лѣсная, ведущая въ надвинувшуюся въ этомъ мѣстѣ къ берегу рощу, дорожка, по которой онъ приходитъ. Дорожка углубляется въ дремучій полусумракъ. Вѣра остановилась передъ ней и поглядѣла въ темно-зеленый молчаливый полумракъ. Какая-то большая черная птица прошумѣла тамъ въ вѣтвяхъ.

Вѣра почувствовала усталость и бросилась на траву. Она прижалась лицомъ къ травѣ—и такъ замерла на нѣсколько мгновеній, успокаиваясь, безотчетно вдыхая влажный запахъ земли и травъ. Сейчасъ она уже не думала ни о чемъ и ждала. Жгучее, тихое и странное ощущеніе сердца, крови, движущейся въ тѣлѣ. Поднявъ лицо, она увидѣла всѣ стебельки травъ, желтые цвѣтки, задумавшіеся надъ самими собою, блестящихъ букашекъ, скользящихъ въ стебелькахъ выше—крѣпкія, зеленыя вѣтки. Смѣющееся щебетанье птицъ пр летѣло откуда-то сверху. Жизнь течетъ во всѣхъ разнообразныхъ формахъ подъ горячимъ солнцемъ.

И по неясной ассоціаціи идей передъ нею встала въ отчетливыхъ образахъ другая жизнь. Бѣдныя деревни... Этотъ народъ... жалкіе которыхъ всѣ бьютъ... которые истекаютъ кровью... истощенны

и умирающія дѣти, глядящія на Божій міръ недоумѣвающими глазками... Люди, покорно ждущіе смерти, какъ отрады и забвенія...

Надъ всѣмъ этимъ Богъ, вселюбящій и всемогущій?... Богъ любви и правды? Но если такъ, то... зачѣмъ... для чего... откуда весь ужасъ жизни? Зачѣмъ и она—Вѣра—ниже, хуже, порочнѣе, чѣмъ она должна бы быть... Вотъ она вся здѣсь! Если бы въ ея силахъ и въ ея власти—она все измѣнила бы по новому.

Богъ—и... она!...

Она вновь прижалась лицомъ къ землѣ.

Если нѣтъ Бога, то кто же можетъ замѣнить Бога?... Человѣкъ не можетъ быть Богомъ... И если такъ, то значитъ безконечно люди будутъ томиться подъ горячимъ, свѣтлымъ солнцемъ,—несчастные и жалкіе?... Тогда и ей зачѣмъ стремиться быть чистой и лучшей?... Не все ли равно?...

Но нѣтъ, солнце горячо и свѣтло. И вся природа цвѣтетъ и дышитъ надеждой...

Но вѣдь придетъ осень съ ея смертью?...

Но за осенью—весна...

Такъ, можетъ быть, осень и весна вѣчно смѣняются и среди людей?

Или же надѣяться и стремиться, какъ надѣется и стремится Антонинъ Павлычъ, къ вѣчной веснѣ людей?... Всѣ порабощенные, соединившись вмѣстѣ, какъ братья, сами себѣ завоевавъ свободу, добьются счастія! Безъ Бога?... Сами себѣ?...

Вѣра чувствовала, какъ ея голова горѣла. Ея мысли отчетливы—и всетаки ей тяжко,—точно мозгъ сдавленъ, и помѣшательство найдетъ на нее взамѣнъ этихъ ясныхъ, но жгучихъ мыслей. Такъ чего же она хочетъ?... Душа притихла и замолкла.

Но, наконецъ, образъ Антонина Павлыча всталъ въ ея памяти неотвратимо притягательный. Вотъ онъ взглянулъ на нее своимъ твердымъ и глубокимъ взоромъ. Какъ будто здѣсь онъ стоитъ—передъ ней... Онъ прекрасенъ. Она его любитъ. Она чувствуетъ, какъ сердце горячо забилось. Какъ все вокругъ теперь залито свѣтомъ,—все прекрасно или достойно глубокой жалости—до слезъ!... Онъ стоитъ въ центрѣ. Она прильнетъ къ нему. Она чувствуетъ, какъ его надежды передаются ей, его вѣра—ей. Назадъ она уже не вернется!... Вотъ онъ! Она поднялась къ нему навстрѣчу.

Его не было. И все стало блѣднѣе. Вокругъ легли тѣни. То выросли въ небѣ первыя тучки, еще полупрозрачныя, и изъ нихъ одна, кудымчатая, разорванная, боролась съ солнцемъ.

Она ощутила страшное одиночество, словно всѣ ее бросили. Она опять присѣла и закрыла лицо руками, чтобы ничего вокругъ не видѣть. Въ ней самой, какъ въ небѣ, боролись свѣтъ и тѣни.

Почему-то она вспомнила, между прочимъ, какъ не такъ давно ѣхала съ Аполлономъ Сергѣичемъ въ коляскѣ въ Гнѣвышево къ обѣднѣ. Онъ заѣхалъ за ней. Она въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлой съ лентами шляпѣ—была хороша. Былъ ясный день. Аполлонъ Сергѣичъ, не скрываясь, ею любовался. Рысаки бѣжали крупной, сильной рысью, и коляска летѣла и покачивалась такъ плавно, такъ прочно-легко, что безотчетно, должно быть, чувствовалось, что хорошо бы всю жизнь разъѣзжать въ такихъ прочныхъ и благоустроенныхъ коляскахъ, не думая и не печалясь о томъ, что подъ ногами и что на пути и по сторонамъ. Сѣрыя деревушки по сторонамъ, какъ картинки. Тройка пронесетъ мимо—не успѣешь ихъ пристально разсмотрѣть. Зато ласковый встрѣчный вѣтерокъ непрерывно подуваетъ въ лицо. И она покачивалась на подушкахъ и улыбалась, сама не зная чему.

Но вдругъ по дорогѣ, на поворотѣ, за перелѣскомъ они встрѣтили Антонина Павлыча, шедшаго навстрѣчу съ какимъ-то мужиченкомъ. Кучеръ свистнулъ.

— Э... эй, братъ!

Такъ неожиданно и мгновенно Антонинъ Павлычъ показался и исчезъ, что Вѣра даже не успѣла при видѣ его сбросить съ своихъ губъ той улыбки... Только потомъ, черезъ мгновенье, когда уже его не было, она тяжело вспыхнула. Но Антонинъ Павлычъ успѣлъ на нее взглянуть... Его взглядъ сверкнулъ, широкій, глубокій и ревниво и гнѣвно-жуткій. Онъ врѣзался въ ея мозгъ.

Что за улыбка была на ея губахъ тогда, до встрѣчи съ нимъ? Въ самомъ дѣлѣ, чему, кому она тогда улыбалась? Почему этотъ горячій стыдъ потомъ?

Послѣ встрѣчи подушки коляски стали жестче, и вѣтерокъ ужъ не былъ такъ ласковъ.

Но тогда, черезъ нѣсколько минутъ у ней, помнитъ она, явилась, однако, попытка протеста противъ насилія. Если бы Антонинъ Павлычъ ее дѣйствительно страстно любилъ, его взглядъ для не всегда былъ бы сладкой отрадой; онъ чувствовалъ и дорожилъ всѣмъ, что для нея можетъ быть пріятно... Не однимъ же горе жизни дышать!

Но и за эту попытку протеста ей потомъ стало стыдно.

На другой день была пасмурная погода. Съ сѣраго неба накр пывалъ дождикъ. Она встрѣтилась съ Антониномъ Павлычемъ въ г

ревнѣ, въ столовой. Убогіе люди въ этотъ день, въ самомъ дѣлѣ, казались несчастны... Бѣдность вокругъ... И Антонинъ Павлычъ необычайно замкнутъ и хмуръ. Можетъ быть, онъ и на нее «дулся?...»

Ей стало стыдно, однако, и за это слово. Весь тотъ день у ней слезы были близки. Вечеромъ, подъ какимъ-то дырявымъ навѣсомъ, крытымъ полусгнившей соломой, они стояли одни. Деревня утопала въ сгущающемся сумракѣ. Въ окошкахъ зажигались тусклые огоньки. Свѣтъ отъ нихъ пересѣкалъ дорогу улицы, и было видно, какъ угрюмо капли дождя плескались въ темныя лужи. Скорчившись, пробиралась сморщенная старуха, таща на рукахъ пятилѣтняго ребенка. Въ полосѣ свѣта плачущіе глаза мальчика блеснули недоумѣвающе-широко.

— Бѣдный крошка!...—сказала Вѣра.

Антонинъ Павлычъ молчалъ.

— Вы на меня сердитесь?...—вдругъ смутно и, какъ бы игриво улыбнувшись, произнесла она, и ея голосъ прозвучалъ столь странными нотами, что Антонинъ Павлычъ, вздрогнувъ, со страхомъ заглянулъ ей въ глаза.

— За что?

— Не знаю. Можетъ быть, за то, что я ѣхала съ Аполлономъ Сергѣичемъ.

И она почему-то снова внутренно жутко улыбнулась. Его ревность была бы своего рода капитуляціей.

Они мгновеніе помолчали, загадочно въ полумракѣ смотря въ глаза другъ друга. Душа каждаго изъ двухъ—темнѣй этой ночи.

— Ахъ!...— вдругъ простоналъ Антонинъ Павлычъ,— и это было такъ на него не похоже.—Что вы!... Могу ли я на васъ сердиться? Во-первыхъ, человѣкъ свободенъ... Во-вторыхъ... Да что тутъ! Каждый идетъ своимъ путемъ!

— Да?...—протянула Вѣра.

А онъ не искренъ.

Они опять замолкли.

— Что вы хотите сказать?...—не вытерпѣла Вѣра, несмотря на то, что гордость ее заставляла молчать.—Каждый идетъ своимъ путемъ? То-есть—на меня можно махнуть рукой?

Ей было страшно досадно, что въ ея голосѣ зазвенѣли слезы. Слезы,—значитъ, она сдалась на капитуляцію.

— О, милая!—потрясенный, воскликнулъ Антонинъ Павлычъ, и онъ хотѣлъ взять ея голову и осушить глаза поцѣлуями.—Не Не то! Нѣтъ, нѣтъ! Человѣкъ свободенъ, но вы-то выберете свѣтъ путь! Въ васъ-то душа, на самомъ дѣлѣ, свободная! И отбрось-

те далеко всю плѣсень, съѣдающую душу. Но вамъ уйти нужно отсюда. Здѣсь эта старая плѣсень такъ близко отъ васъ.

Куда уйти? Онъ не сказалъ.

Куда?

Этотъ робкій и настойчивый вопросъ теперь, какъ тогда, въ тѣ минуты, выросъ изъ самой глубины души.

Вѣра взглянула въ небо, гдѣ боролись тучи, и на лѣсъ, глухо шумѣвшій.

И вдругъ отвѣтъ, самый точный, заблисталъ передъ ней во всей ясной простотѣ, какъ истина. Рѣшеніе просто. Конечно, идти туда, гдѣ путь ведетъ къ спасенію народа!

И такъ же ясно, что̀ сейчасъ ей сдѣлать.

Какъ она ничтожна, задавая себѣ постоянно тотъ вопросъ: куда?

Всѣ прегрѣшенія, слабости, низкія поползновенія встали упрекомъ и залили всю стыдомъ.

Ни о чемъ не жалѣя, она оторвется отъ гнилого дерева. Идеалъ, какъ Богъ, ей близокъ. Она чувствуетъ его, какъ нѣчто живое, реальное, безконечно-родное. Настоящій день придетъ. И для того, чтобы онъ пришелъ скорѣй, она пожертвуетъ жизнью. Почему-то ей вспомнился тотъ плачущій взглядъ пятилѣтняго ребенка. И эту силу пожертвовать жизнью она отчетливо ощутила.

Гдѣ Антонинъ Павлычъ?

Она вскочила и почти бѣгомъ пошла по лѣсной дорогѣ въ село. Въ лѣсу уже шумѣлъ вѣтеръ. Въ небѣ, надъ верхушками деревъ бѣжали разорванныя, съ огнистымъ отблескомъ тучки. Широкими стрѣлами ихъ пронизывало затуманенное солнце.

Вѣра раздвинула послѣднія вѣтки. Поле ржи. Дорога, и тамъ, въ лощинѣ, село. Подъ тучей наивно стоитъ желтая колокольня. И дальше, въ степи, за селомъ, вьется дорога и по ней скачутъ на тройкахъ съ колокольчиками какіе-то люди. Точно чуть-чуть слышный звонъ.

Вѣра минуту смотрѣла, пока не исчезли тройки.

Кто тамъ?

Она побѣжала.

— Вѣра Александровна! Вѣринька!—вдругъ окликнули ее тоненькіе голоса.

Налѣво, по зеленой лощинкѣ, тянувшейся отъ самаго села къ лѣсу, пробиралась кучка ребятъ. Какъ грибы, выглядывали русыя и темныя и въ цвѣтныхъ платочкахъ головки.

Вѣра сбѣжала въ лощинку.

— Здравствуйте!

— Куда вы?

— По ягоды... Зелены еще!

Дѣти совали ей заскорузлыя ручонки. Ихъ лица были худы, но ясность глазокъ скрашивала ихъ, какъ лѣсные цвѣты.

— Къ намъ идешь?

— Къ вамъ...

Вѣра внутренно улыбнулась такъ ярко, что теплыя слезинки смочили глаза. Вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, она хочетъ уйти отъ нихъ, но для нихъ и за нихъ.

И ей пришла странная мысль: она уйдетъ для нихъ и за нихъ, но вотъ съ ними-то, съ этими дѣтками, которыхъ она уже такъ знаетъ, она вѣдь разстанется, можетъ быть, навсегда... Тамъ, гдѣ бушуетъ вѣтеръ борьбы, близъ нея ужъ не будетъ милыхъ ребятъ.

— О чемъ ты, Вѣрунька?—вдругъ спросила ее худенькая брюнетка Аниюта, необычайно чутко слѣдившая за ней взоромъ. Она тотчасъ же подмѣтила слезы Вѣры.

— О!—улыбнулась Вѣра.—Что-то съ нами будетъ впереди!?

И она, взявъ за плечики, прижала съ себѣ Аниюту.

— Гдѣ Антонинъ Павлычъ? Видали его?

Дѣти страшно встревожились.

— Го... а!—смутно произнесли нѣсколько голосовъ.

Аниюта сурово посмотрѣла на своихъ спутниковъ и, помолчавъ мгновеніе, обѣими руками взяла руку Вѣры и взглянула на нее удивительнымъ нѣжнымъ взглядомъ.

— Вѣринька!...—вдругъ заспѣшила она.—Ты видѣла, тройки скакали?... Это жандары были...

— Охъ!

— Ну... И Антонина Павлыча...

И Аниюта громко зарыдала. И дѣти потупили головки.

— ...увезли!...

— Все перешуровали...

— Въ столовой-то такую хмуру подняли...

Вѣра, какъ подстрѣленная птица, опустилась въ траву.

— Когда это было?...

— Въ полдень наѣхали!...

Краснѣя, она смотрѣла въ дѣтскіе глаза.

Въ усадьбѣ Вѣру долго ждали къ обѣду. Компанія, еще разъ заѣвъ и выпивъ, бродила по двору, смотрѣла лошадей, разобравъ тонкости ихъ генеалогію, забрела на ригу, гдѣ дѣвушки вѣяли

овесъ. Здѣсь дали волю игривому настроенію. Дѣвушки, похихикивая и перебѣгая съ мѣста на мѣсто, повизгивали отъ щипковъ, какими въ особенности щедро всѣхъ дарилъ Мишель. Аполлонъ Сергѣичъ, благосклонно ухмыляясь, обратилъ вниманіе лишь на одну избранную. Зато избранная и раскраснѣлась, какъ піонъ.

— А ты-жъ приходи ко мнѣ на работы!—шепнулъ онъ ей мимоходомъ, улучивъ благопріятную минуту.

Избранная потупилась.

А Александръ Никитичъ, помаргивая посовѣлыми и покраснѣвшими глазами, что-то болталъ и хихикалъ, пока вдругъ не разсердился, увидавъ дырявый мѣшокъ. Вспыхнувъ отъ гнѣва, затопалъ ногами.

— Акимъ! Акимъ! Что за м... мѣшокъ?!—кричалъ онъ, къ отсутствующему Акиму.

— А ну, добрѣйшій Александръ Никитичъ,—поспѣшилъ къ нему на помощь Аполлонъ Сергѣичъ,—плюньте вы на мѣшокъ ради такого дня.

И подхвативъ подъ руку, вывелъ его изъ риги. Къ нимъ уже торопилась, запыхавшись, переваливаясь, какъ утка, Марѳа.

— Баринъ, миленькій, не сердитесь!... Имъ вредно волноваться,—шепнула она фамильярно Аполлону Сергѣичу.—Баринъ, уже кушать давно готово. Пожалуйте!

— Гдѣ Вѣра?—раздраженно окрикнулъ Александръ Никитичъ.

— А нѣтъ барышни...—Марѳа непріязненно ухмыльнулась.—Убѣжали... Должно, на деревню... Онѣ голодающихъ кормятъ.

— Гм... Ну, давай обѣдать. Живо!

— Я отправилъ голодающимъ десять мѣшковъ муки,—говорилъ Аполлонъ Сергѣичъ, усѣвшись за столъ и раскрывая широкій ротъ надъ ароматно дымящейся тарелкой супа.—Какъ ни какъ,—все-жъ-таки братья наши—помочь слѣдуетъ.

— Н... ну, еще бы,—В... Вѣра Александр...ловна пр... просила,—съ невиннымъ видомъ подмигнулъ Мишель.

— Да-а, братья во Христѣ...—сердито пробурчалъ, вытирая мокрый ротъ бѣлоснѣжной салфеткой, Александръ Никитичъ. Онъ все еще не успокоился.—Помогай имъ, пока самъ съ ними нищи не станешь.

— А и драть этихъ братьевъ-то слѣдуетъ тоже!—почтитель хихикнувъ, вмѣшалась въ разговоръ Марѳа, съ необычайно ласковымъ видомъ суетившаяся вокругъ стола.

— Начиная съ мягонькой Марѳы?—проскрипѣлъ Аполлонъ Сергѣичъ, но поперхнулся ложкой супа.

Веселая волна на нихъ снова нашла; Аполлонъ Сергѣичъ изрекалъ шуточки. Марѳа прыскала, подгибаясь къ животу. Мишель вскакивалъ и въ восторгѣ позванивалъ шпорами и потомъ спѣшилъ съ новой энергіей наверстать потерянныя минуты, уплетая за обѣ щеки. И Александръ Никитичъ похихикивалъ, потягивая ликеръ.

Вошла Вѣра. Блѣднымъ и далекимъ взглядомъ она окинула собесѣдниковъ.

— В...вѣр...ла Ал...лександр...ловна!

— Вѣра Александровна!

Закричали Мишель и Аполлонъ Сергѣичъ.

— Какой вѣтеръ васъ унесъ?

— Всѣ г...глаза в...выглядѣли, всѣ с...слезы в...выплакали!— залюбезничалъ Мишель. И, вскочивъ, такъ художественно изогнулся, что Марѳа не могла налюбоваться.

Молча, не отвѣчая, Вѣра подошла къ окну. Въ вазѣ стоялъ букетъ, наполняя комнату сладкимъ ароматомъ увядающихъ цвѣтовъ. Раскрывшіеся бутоны обнаженно рдѣли. Вѣра наклонила лицо къ букету, но мгновенно отпрянула назадъ, точно искра ее толкнула. Эти цвѣты противны!

— Гдѣ была?—раздраженно буркнулъ Александръ Никитичъ.

Вѣра молчала.

— Гдѣ была?—крикнулъ онъ снова, уже не владѣя собой, съ трясущейся челюстью и побагровѣвъ.

— Александръ Никитичъ! Добрѣйшій, успокойтесь!—плавно и величаво протягивая руку, пытался его остановить Аполлонъ Сергѣичъ.—Вѣра Александровна благоразумная дѣвица и...

— И... и кос...сматая пор...рода, вѣроятно, В...вѣрѣ Александровнѣ не по с...сердцу!—вдругъ дерзко и игриво, оскаливъ десны, вставилъ Мишель.

Его взглядъ на мгновеніе заблисталъ нахальствомъ. Это было каплей, переполнившей чашу. Аполлонъ Сергѣичъ поджалъ губы и презрительно посмотрѣлъ сверху внизъ на Мишеля. Тотъ виновато, какъ заяцъ, спрятался въ тарелку. Александръ Никитичъ вспыхнулъ и, шатаясь, вскочивъ со стула, сдѣлалъ шагъ къ Вѣрѣ.

— Я говорю!—крикнулъ онъ визгливо.

Глаза Вѣры потемнѣли. Спокойно сложивъ на груди руки, она повернулась къ отцу.

Они смѣряли другъ друга глазами. Александръ Никитичъ жалко моргалъ вѣками. Ужасная муть залила ему душу. Его тѣло было безсильно, но необходимо было сдѣлать какое-нибудь движеніе, чтобы побить это безсиліе, иначе сердце лопнетъ.

— Будетъ... Довольно!—произнесла Вѣра тихимъ, чужимъ, точно усмиреннымъ голосомъ, и только на мгновеніе въ немъ прозвенѣла одна далекая, странно-странно звонкая нота.

Она обвела взглядомъ всѣхъ, бывшихъ передъ ней. И не столько негодованіе, сколько чувство безграничнаго отвращенія лилось волною изъ ея глазъ.

Они всѣ встали.

И такъ прошла минута. Такъ много было въ обоюдномъ молчаніи, что казалось невыносимо.

Вѣра была выше нихъ цѣлою головой. Такого спокойствія, величаваго презрѣнія она сама не вынесла.

Ахъ! Противный ароматъ цвѣтовъ до нея донесся. И вдругъ горячее негодованіе ее заполнило. Она вспыхнула и, съ гнѣвомъ взглянувъ на эти лица, схватила вазу съ букетомъ и бросила на полъ. Шумъ разбитой вазы прогремѣлъ здѣсь въ комнатѣ, какъ гроза.

Лишь Марѳа и Мишель бросились поднимать осколки.

Вѣра опомнилась. Она посмотрѣла на нихъ, на толстую спину Марѳы, и ей стало опять противно, но и стало легче. Снова спокойное презрѣніе дало ей силу овладѣть собой.

— Что я!—сказала она и провела рукой по лицу.

Ея глаза внезапно сдѣлались влажны. Она взглянула на отца. Тотъ былъ жалокъ. Легкій румянецъ пятнами выступилъ на ея блѣдномъ лицѣ,—и станъ согнулся.

— Я совсѣмъ не хочу тебя напрасно огорчать, папа!—промолвила она и сдѣлала шагъ къ отцу.—Я сейчасъ уѣзжаю въ С...

Тотъ замахалъ на нее рукой.

Она отвернулась и вышла.

Она не уѣхала въ этотъ день. Черезъ пять часовъ сухой сучокъ на буерасовскомъ деревѣ сломился. Въ кабинетѣ, держа въ рукахъ стаканъ съ виномъ и ругая Марѳу, Александръ Никитичъ вдругъ упалъ. Случилось кровоизліяніе въ мозгъ.

Поздней ночью Вѣра вышла въ садъ. Влажный, свѣжій и теплый, смутно-серебристый полумракъ ее обнялъ. Деревья шептали что-то. Она подняла лицо къ звѣздамъ—онѣ ей что-то говорили. Въ таинственной дали пѣлъ что-то соловей. И внимая звукамъ, полнымъ жажды и надеждъ, раскрывались для новой жизни бутоны цвѣтовъ

Гдѣ-то Антонинъ Павлычъ? Какъ счастливо будетъ увидѣть его

Н. Катаевъ.

ОПАСНЫЕ ЛЮДИ.

(Изъ русско-японской войны).

I.

Батарея стояла уже на позиціи. Дѣлались послѣднія приготовленія. Орудійная прислуга возилась около пушекъ, носили на батарею снаряды и прятали ихъ въ особыя ямы—«ниши». Подноска снарядовъ была самой трудной работой, такъ какъ батарея стояла на горѣ, а зарядные ящики укрыты были за горой въ кустарникѣ, верстахъ въ двухъ отъ батареи.

Настроеніе было тревожное и вмѣстѣ съ тѣмъ праздничное, какъ будто батарея готовилась къ смотру, но исходъ обыкновеннаго смотра интересуетъ болѣе всего начальство, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, теперь же взволнованы были всѣ, до послѣдняго конюха, но хозяевами положенія были наводчики, лучшіе люди батареи. Наводчикъ знаетъ свое орудіе и нерѣдко привязывается къ нему, какъ къ одушевленному предмету; онъ машинистъ около орудія, и работа его отвѣтственна и требуетъ солидной подготовки, тогда какъ остальные «номера» исполняютъ черную работу. Теперь, въ виду боя, наводчики распоряжались, приказывали, приказывали даже фейерверкерамъ, людямъ, назначеніе которыхъ—угнетать батарею, а участь—быть развращенными властью, которую имъ, какъ унтеръ-офицерамъ, даетъ дисциплинарный уставъ и которую условія казарменной жизни дѣлаютъ неограниченной. Привилегированное положеніе, занимаемое ими въ батареѣ, не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ работой производимой ими, и потому естественно, что съ того момента, какъ дисциплинарный уставъ, въ виду близости непріятеля, утратилъ свою дѣйствительную силу и люди эти, носители власти, сдѣлались лишними,—они это чувствовали и мучились, стараясь придумать себѣ какое-либо занятіе. Особенно скверно было самочувствіе стараго сверхсрочно служащаго фельдфебеля, никакъ не могшаго понять, что такое

сдѣлалось съ батареей? Недоумѣвающій ходилъ онъ по батареѣ, отдавая приказанія, но въ большинствѣ случаевъ приказанія эти запаздывали или же не исполнялись вовсе, какъ не соотвѣтствовавшія тому, что дѣйствительно необходимо было сдѣлать. Ради удовлетворенія себя онъ «набилъ морду» коренному ѣздовому Боеву подъ предлогомъ, что у него амуниція не чищена, но на Боева это не произвело желаемаго впечатлѣнія; получивъ «по мордѣ», Боевъ торопливо вытеръ рукавомъ мундира сочившуюся изъ носу кровь и, какъ ни въ чемъ не бывало, ловко бросилъ себѣ на спину два, одинъ на другой, ящика съ патронами и, подхвативъ ихъ снизу руками, рысью побѣжалъ на гору къ батареѣ. Носить патроны не входило въ кругъ его обязанностей и дѣлалось очевидно отъ излишняго усердія. Старика фельдфебеля это взорвало.

— Куда отъ лошадей побѣжалъ!... дубина!...—закричалъ онъ.

— Симинихинъ приказалъ патроны носить,—не оборачиваясь, отвѣтилъ Боевъ.

«Распустились, сволочи»—подумалъ фельдфебель и, тяжело сопя, сталъ подниматься на гору.

Подойдя къ батареѣ, онъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что люди дѣйствительно распустились. Боевъ стоялъ около четвертаго орудія и смотрѣлъ куда-то черезъ прицѣлъ; наводчикъ Симинихинъ стоялъ тутъ же съ папироской въ зубахъ и громко объяснялъ собравшимся слушателямъ, что «онъ не иначе какъ за той горкой снимется, другой позиціи нѣтъ ему»...

Старикъ собрался было накричать на всѣхъ и на Симинихина въ особенности, но почувствовалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ и что, пожалуй, Симинихинъ отвѣтитъ ему дерзостью. Тогда онъ рѣшилъ идти съ докладомъ къ командиру батареи.

Командиръ, еще молодой человѣкъ, изъ гвардейскихъ офицеровъ, сухой и черствый отъ природы и окончательно одеревенѣвшій послѣ того, какъ, окончивъ академію генеральнаго штаба по второму разряду, онъ увидѣлъ себя обогнаннымъ нѣсколькими товарищами, былъ безпощадно жестокъ съ солдатами, за малѣйшую провинность отдавалъ ихъ подъ судъ, самъ не дрался, но требовалъ отъ фейерверкеровъ и фельдфебеля, чтобы они били. Его ненавидѣли одинаково и солдаты, и офицеры и называли въ батареѣ «сухаремъ». Одинъ только старикъ фельдфебель, фактически захватившій въ свои руки все хозяйство батареи, думалъ, что лучше командира и не надо. Командиръ въ свою очередь чувствовалъ къ фельдфебелю нѣчто вродѣ пріязни и по вечерамъ, послѣ обычнаго доклада о всеобщемъ въ батареѣ благополучіи, они подолгу бесѣдовали. Тема была неисчерпае

ма, такъ какъ этотъ высокомѣрный человѣкъ, державшій себя такъ, какъ будто онъ на десять головъ выше окружающей его жизни, очень интересовался всѣми батарейными и бригадными сплетнями.

«Ну, сухарь покажетъ ему!»—думалъ фельдфебель, подразумѣвая Симинихина, на которомъ рѣшилъ сорвать накопившееся раздраженіе.

Симинихинъ, высокій и стройный блондинъ, происходилъ изъ мастеровыхъ и былъ необычайно для солдата смѣлъ и находчивъ,—какъ выражались солдаты, былъ смекалистый парень, и потому былъ любимцемъ прежняго командира батареи, который сдѣлалъ бы его и фейерверкеромъ, если бы не секретный циркуляръ, запрещавшій посылать въ учебную команду мѣщанъ и жителей городовъ вообще, какъ людей развращенныхъ. Благодаря такимъ своимъ качествамъ Симинихинъ, хотя и былъ всего бомбардиромъ-наводчикомъ, имѣлъ большое вліяніе на товарищей, держался независимо и даже осмѣливался подсмѣиваться надъ грубыми и неотесанными унтеръ-офицерами «изъ землепашцевъ»; въ послѣднее же время онъ «вовсе отъ рукъ отбился», какъ думалъ фельдфебель, своего взводнаго ни во что не ставилъ, и взводный тѣмъ менѣе могъ съ нимъ справиться, что былъ сравнительно еще молодой солдатъ, тогда какъ Симинихинъ отслужилъ уже срокъ обязательной службы и лишь мобилизація задержала его въ батареѣ. Выслужившіе срокъ солдаты вообще смотрѣли на себя особенно: они вполнѣ примирялись съ необходимостью служить еще по случаю войны, но думали, что заниматься пустяками—напримѣръ, маршировкой—имъ не къ лицу, и всему этому коноводъ былъ Симинихинъ, рѣшительно отрицавшій пользу и надобность муштры. Противъ Симинихина фельдфебель уже давно имѣлъ зубъ и лишь выжидалъ благопріятнаго момента, чтобы расправиться съ нимъ. Теперь, когда съ минуты на минуту могъ начаться бой и Симинихинъ былъ нуженъ батареѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ наводчиковъ, не время было докладывать на него; старикъ фельдфебель смутно понималъ это, но, съ другой стороны, ему казалось необходимымъ водворить порядокъ въ батареѣ, осадить людей, въ особенности Симинихина, напомнить имъ, что японцы японцами, а уставъ уставомъ!

Командиръ стоялъ въ сторонѣ отъ батареи, разсматривалъ впе[ре]д лежащую мѣстность въ подзорную трубу и дѣлалъ въ то же вре[мя] указанія офицерамъ. Офицеры слушали, поддакивали и думали п[ро] себя, что въ указаніяхъ этихъ они не нуждаются, и когда увид[ѣли] и подходившаго фельдфебеля, обрадовались возможности перемѣн[ить] разговоръ.

— Къ вамъ, Николай Платоновичъ, фельдфебель,—почтительно,

приложивъ руку къ козырьку, доложилъ старшій офицеръ, капитанъ съ длинными, рыжими баками.

— Ты, Семенычъ?—продолжая смотрѣть въ трубу, спросилъ командиръ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— Что такое?

— Такъ что, ваше в—діе, боюсь, чтобы не вышло чего въ батареѣ,—понизивъ голосъ, отвѣтилъ Семенычъ.

Это пониженіе голоса, онъ зналъ, дѣйствовало на командира магически, такъ какъ допускалось лишь въ особо важныхъ случаяхъ. Николай Платоновичъ дѣйствительно вздрогнулъ и, оставивъ свою трубу, обернулся. Онъ строго смотрѣлъ прямо въ глаза своему фельдфебелю, какъ бы предупреждая его, что если онъ вздумалъ безпокоить его по пустякамъ, то это ему не простится.

— Въ батареѣ не ладно, ваше в—діе... Симинихинъ всѣхъ мутитъ и вообще неподходяще выражается...

— Говори яснѣе, что значитъ выражается?—рѣзко оборвалъ его командиръ.

— Говоритъ, ваше в—діе, что война эта ни къ чему,—еще болѣе понизивъ голосъ докладывалъ Семенычъ,—что русскому, дескать, народу ничего отъ нея не будетъ, что и царь будто не хотѣлъ воевать, а что будто чиновники...

Семенычъ остановился, какъ бы не рѣшаясь повторить все, что говорилъ Симинихинъ.

Нѣкоторое время всѣ молчали.

— И давно онъ началъ это говорить?—спросилъ Николай Платоновичъ тихо и серьезно, такимъ тономъ, что Семенычъ сразу сообразилъ, что дѣло его выиграно.

— Всегда онъ такой былъ, вотъ и господа офицеры знаютъ, а теперь вовсе отъ рукъ отбился... Опасный человѣкъ...

— Что-жъ ты молчалъ, старый хрѣнъ!—закричалъ командиръ.

— Виноватъ, ваше в—діе, думалъ, что старый солдатъ... такъ было... виноватъ...—бормоталъ Семенычъ, торжествуя въ душѣ.

Николай Платоновичъ взволновался. Ему вспомнилось, какъ во время бытность его капитаномъ во время стрѣльбы въ Красномъ Селѣ при присутствіи начальства кто-то изъ наводчиковъ пустилъ, очевидно умышленно желая испортить стрѣльбу, нѣсколько гранатъ не по тѣмъ прицѣломъ, что былъ скомандованъ. Кто именно сдѣлалъ это такъ и осталось невыясненнымъ, но Николай Платоновичъ былъ тогда увѣренъ, что сдѣлано это было неспроста. Обыкновенный, нормальный солдатъ долженъ былъ любить своего начальника, и не просто,

съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ обоготворенія,—такъ представлялъ себѣ отношеніе солдатъ къ офицеру Николай Платоновичъ, уѣренный, что исключеніе составляютъ лишь люди совершенно испорченные, развращенные, о которыхъ говорилось въ секретныхъ циркулярахъ, что они соціалисты и о которыхъ извѣстно, что они подкуплены жидами и англичанами. Только такой въ конецъ потерянный человѣкъ могъ рѣшиться испортить смотровую стрѣльбу и кому? ему—Николаю Платоновичу! Теперь, во время войны, люди эти сдѣлались вдвойнѣ опасными, какъ гласили все тѣ же циркуляры, и Николай Платоновичъ имѣлъ полное основаніе испугаться.

— Всю карьеру мнѣ испортятъ,—думалъ онъ, и взглядъ его, злой и непріязненный, остановился на офицерахъ.

Онъ зналъ, что офицеры его не любятъ, считаютъ выскочкой и фазаномъ. Зналъ отъ фельдфебеля, что офицеры даже въ присутствіи нижнихъ чиновъ не всегда были корректны по отношенію къ нему, и ему уже казалось, что офицеры умышленно не только не предупредили его о неблагонадежности Симинихина, но даже рекомендовали его, какъ лучшаго наводчика.

Капитанъ съ висячими баками, десятки разъ слышавшій разсказъ объ испорченной въ Красномъ Селѣ стрѣльбѣ, угадалъ мысли своего начальника и счелъ необходимымъ вмѣшаться.

— Съ этими мерзавцами нужно расправляться безпощадно, они на все способны... возьмутъ и ахнутъ по своимъ же... вѣдь ничего святого у нихъ нѣтъ!—говорилъ онъ, хотя объ «этихъ мерзавцахъ» онъ зналъ только по наслышкѣ; что же касается Симинихина, то его онъ даже жалѣлъ и прекрасно понималъ, что онъ «по своимъ не ахнетъ», но заступиться за него считалъ не безопаснымъ,—вѣдь вся карьера его зависѣла отъ секретныхъ атестацій, какія давалъ о немъ командиръ. «Чортъ его знаетъ, что онъ тамъ напишетъ! Безъ ножа зарѣжетъ,—и не узнаешь»! думалъ онъ.

Младшіе же офицеры, относившіеся безразлично ко всему на свѣтѣ, заинтересовались Симинихинымъ, но показать этого не смѣли.

Послѣ нѣкотораго раздумья Николай Платоновичъ рѣшилъ, что сейчасъ арестовать Симинихина неудобно, нехорошо какъ-то выходитъ: «держали, держали человѣка въ батареѣ и только передъ самымъ боемъ узнали, что онъ за человѣкъ! Самое лучшее,—думалъ Николай Платоновичъ,—поставить его наблюдателемъ къ трубѣ, испортить не можетъ (Николай Платоновичъ надѣялся исключительно на себя), а легко могутъ убить,—тогда и дѣлу конецъ».

Распорядись немедленно поставить къ орудію запаснаго на-

водчика, а Симинихина къ трубѣ наблюдателемъ,—приказалъ онъ фельдфебелю.

Черезъ минуту Симинихинъ стоялъ навытяжку передъ командиромъ и, видимо, недоумѣвая, что сіе могло бы значить, смотрѣлъ на командира вопросительно.

«Недостаетъ только, чтобы этотъ негодяй сталъ со мной объясняться,—подумалъ Николай Платоновичъ, глядя на открытое и смѣлое лицо Симинихина.—Нужно быть осторожнымъ, такой способенъ даже на убійство»...

— Ты мнѣ нуженъ, какъ наблюдатель,—сказалъ онъ Симинихину,—это трудная и опасная работа, но я на тебя надѣюсь.

Живое, подвижное лицо Симинихина прояснилось,—онъ понялъ, чего отъ него хотятъ.

— Слушаюсь, ваше в-діе, можете быть спокойны, я не сробѣю,—весело отвѣтилъ онъ.

Николай Платоновичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, довольный тѣмъ, что его поняли, а самъ думалъ о томъ, какъ это онъ раньше не замѣтилъ, что человѣкъ этотъ совершенно недисциплинированный.

— Поставлю его подальше отъ себя,—рѣшилъ онъ и указалъ Симинихину мѣсто шагахъ въ двухстахъ отъ батареи.

— Неудобно будетъ, ваше в-діе... далеко, за выстрѣлами и не услышишь ничего! Разрѣшите поставить трубу здѣсь,—возразилъ Симинихинъ.

Николая Платоновича коробило отъ этихъ разговоровъ, но такъ какъ никакого разумнаго довода за свое предложеніе привести онъ не могъ, то согласился.

«На всякій случай поставлю возлѣ себя фейерверкера»,—думалъ онъ, вспоминая разсказы объ офицерахъ, убитыхъ во время боя своими же солдатами.

Вдругъ кругомъ все замерло. Солдаты, ковырявшіе лопатами и кирками землю, кипятившіе воду для чая, просто бесѣдовавшіе, перестали заниматься своимъ дѣломъ и стали слушать.

Гдѣ-то далеко на лѣвомъ флангѣ трещали винтовочные выстрѣлы. Сначала нѣсколько первыхъ отдѣльныхъ выстрѣловъ... Но уже черезъ нѣсколько мгновеній выстрѣлы слились, какъ будто гдѣ-то далеко гремѣлъ громъ. Минуты двѣ раскаты грома не прекращались и мгновеніями чувствовалась въ этомъ клокотаніи бѣшеная, стихійная сила.

— По мѣстамъ!—испуганно кричали офицеры, за минуту передъ тѣмъ съ нетерпѣніемъ ждавшіе начала боя.

Люди, такъ долго готовившіеся къ бою, были застигнуты в с-

плохъ, и казалось, что вотъ-вотъ налетитъ шквалъ, схватитъ, закружитъ и понесетъ батарею такъ, что батарея не успѣетъ и опомниться... Но это еще не была буря, и вихрь, такъ неожиданно налетѣвшій, также неожиданно и оборвался. Наступила мертвая тишина.

Прислуга торопливо, обмѣниваясь замѣчаніями вполголоса, спѣшила занять свои мѣста. Санитары, ѣздовые, застрявшіе на батареѣ, опрометью бросились внизъ подъ гору. Семенычъ, блѣдный, стараясь сохранить осанку человѣка, занятаго дѣломъ, тоже сталъ спускаться.

Тишина дѣйствительно длилась недолго.

На сосѣдней батареѣ наблюдатель нечеловѣческимъ голосомъ закричалъ:

— Непріятельская батарея!

И хотя онъ не обозначилъ мѣста батареи, но на всѣхъ нашихъ батареяхъ, куда донесся крикъ, ее сразу увидѣли.

Черезъ нѣсколько минутъ весь нашъ центръ былъ въ огнѣ.

Какъ только Николай Платоновичъ увидѣлъ цѣль, по которой долженъ былъ стрѣлять, онъ сдѣлался спокойнымъ и совершенно такимъ же голосомъ, какъ на ученіи, скомандовалъ прицѣлъ. Взводные командиры повторили, но въ этомъ не было надобности,—наводчики уже ставили...

Непріятельская батарея, выѣхавшая открыто, была быстро приведена къ молчанію, и невооруженнымъ глазомъ даже было видно, какъ люди убѣгали отъ орудій и прятались въ кустахъ. Но за эти нѣсколько минутъ японцы успѣли поставить скрытно нѣсколько батарей, и на нашу позицію откуда-то посыпались снаряды.

Горка, на которую указывалъ солдатамъ Симинихинъ, была покрыта кустарникомъ, и Николай Платоновичъ замѣтилъ, какъ по этому кустарнику забѣгали зеленоватые, фосфорическіе огоньки. Огоньки вспыхивали и тотчасъ же гасли, капризно перепрыгивая съ мѣста на мѣсто,—такъ въ теплую, лѣтнюю ночь блещутъ въ кустахъ свѣтлячки, волнуя и возбуждая нервы.

Николай Платоновичъ съ напряженіемъ вглядывался, ловилъ эти огни, стараясь опредѣлить, стоитъ ли батарея прямо на горкѣ или она спрятана подъ горой. Въ это время послышалось шипѣніе, перешедшее постепенно въ рѣзкій свистъ. Съ могучимъ, грознымъ ревомъ, отъ котораго трясся воздухъ, стонала земля и безсильно гнулись колѣни у людей, прошелъ снарядъ надъ батареей и разорвался сзади, саженяхъ въ двухстахъ.

«Опоздаю»,—мелькнуло въ головѣ у Николая Платоновича, и онъ рѣшилъ начать стрѣльбу.

Пока прислуга съ лихорадочной быстротой готовила орудія, снова послышалось шипѣніе, потомъ свистъ, который все повышался въ тонѣ и, дойдя до высшаго напряженія, оборвался оглушительнымъ взрывомъ. На этотъ разъ шимоза упала прямо на батарею, и два номера у третьяго орудія было убито. Прислуга, на мгновеніе припавшая къ землѣ, поднялась и съ удвоенной энергіей принялась за работу.

Черезъ минуты двѣ батареи, наша и непріятельская, были прочно соединены стальными канатами. Эти канаты, протянутые черезъ все пространство въ нѣсколько верстъ, раздѣлявшее батареи, звенѣли и гудѣли отъ напряженія, все болѣе и болѣе увеличивавшагося. Крѣпко, насмерть схватились батареи и понеслись въ какой-то сказочный, фантастическій міръ, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни страданій, гдѣ люди не знаютъ страха... Со стороны это походило на борьбу школьниковъ, которые, взявшись за концы длинной веревки, стараются перетянуть другъ друга. Такъ же люди на батареѣ, взрослые, сильные, съ раскраснѣвшимися отъ возбужденія лицами, сосредоточенные и озлобленные, молча возятся около своихъ орудій, изрѣдка обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями и тратя гораздо больше энергіи, чѣмъ то требуется для работы. Болѣе слабая сторона тотчасъ же чувствуетъ свое безсиліе, но сознать безплодность борьбы не можетъ и бьется дальше до полнаго истощенія.

Выпустивъ нѣсколько десятковъ снарядовъ, Николай Платоновичъ почувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то ошибку и перемѣнилъ прицѣлъ. Потомъ перемѣнилъ еще разъ. Потомъ еще и еще... и съ каждой командой уходила отъ него часть того, чѣмъ былъ онъ, командиръ батареи... и скоро ничего не осталось... Николай Платоновичъ кричалъ изо всѣхъ силъ, желая, чтобы его слышала вся батарея, но голосъ его безслѣдно тонулъ въ хаосѣ звуковъ, и его не слышали даже ближайшіе. Онъ сталъ бѣгать по батареѣ, хваталъ отдѣльныхъ солдатъ и отдавалъ имъ приказанія, и тѣ пытались ихъ исполнить, но сейчасъ же бросали и продолжали свое дѣло.

Прислуга уже поняла, что дѣло проиграно,—«ихъ беретъ!» сидѣло гвоздемъ въ головѣ у каждаго, но всѣ работали на своихъ мѣстахъ, работали съ еще бо́льшимъ напряженіемъ, бо́льшимъ озлобленіемъ...

А людей становилось все меньше и меньше...

Уже два офицера выбыло изъ строя,— одинъ норучикъ былъ убитъ, капитанъ съ висячими баками, тяжело раненый въ голову, сидѣлъ на землѣ и смотрѣлъ впередъ тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Третье орудіе уже не стрѣляло вовсе... раненые ползали по

БИБЛІОТЕКА

батареѣ со стономъ и плачемъ, на нихъ никто не обращалъ вниманія, подбирать ихъ было некому, такъ какъ два санитара, взявшіеся было съ носилками, бросили носилки и убѣжали.

— Не стрѣлять!—въ отчаяніи закричалъ Николай Платоновичъ, самъ не вѣря тому, что батарея исполнитъ команду.

А батарея исполнила.

Вой и трескъ рвавшихся снарядовъ не помѣшалъ солдатамъ услышать приказаніе, и батарея замерла, какъ на ученіи. Ошеломленный Николай Платоновичъ собирался съ мыслями, а люди, унесенные вихремъ событій куда-то въ пространство между небомъ и землей, покорно ждали, и чѣмъ больше ждали, тѣмъ больше проникались увѣренностью, что послѣдуетъ приказаніе, которое выведетъ батарею изъ критическаго состоянія. Увѣренность эта и готовность снова броситься въ бой и начать поединокъ были такъ велики, что если случалось оставшимся въ живыхъ участникамъ боя разсказывать о немъ, они неизмѣнно прибавляли, что вотъ еще чуточку, не будь раненъ батарейный командиръ—и была бы побита непріятельская батарея! Но въ этотъ-то моментъ Николай Платоновичъ былъ раненъ. Шрапнельная пуля ударила его въ пахъ, онъ побѣжалъ, сдѣлалъ шаговъ десять и упалъ. Нѣсколько человѣкъ бросились къ нему.

Непріятельская батарея тотчасъ же почувствовала, что наша окончательно потеряла способность сопротивляться и съ дикимъ торжествующимъ воемъ потянула ее къ себѣ. Въ паническомъ страхѣ люди заметались по батареѣ, не зная на что рѣшиться. Одинъ изъ двухъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ нашелся.

— Прислуга назадъ!—закричалъ онъ.

Всѣ, кто могъ бѣжать, побѣжали, и хотя никто не сговаривался, но побѣжали всѣ къ промоинѣ неглубокой, но съ крутыми берегами, проходившей сзади батареи. Только четыре человѣка осталось около раненаго командира, Симинихинъ былъ тутъ же и распоряжался переноской.

Люди, успѣвшіе спрятаться въ промоину, съ ужасомъ прислушивались къ тому, что дѣлается наверху. Снаряды падали десятками въ теченіе одной минуты; съ злобнымъ ревомъ, вздымая цѣлыя столбы земли и густого чернаго дыма, рвались шимозы; тысячи шрапнельныхъ пуль сыпались на батарею, проникая въ самые укромные уголки цемента. Черезъ нѣсколько минутъ тамъ не осталось раненыхъ, ни...е труповъ! Отдѣльные куски человѣческаго тѣла валялись тамъ и сѣ...ть и были такъ заворочены въ грязь и пыль, что никакъ нельзя бы... узнать, что это такое. Но бѣшеный звѣрь, завладѣвшій батареей, бы... взъяренъ тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ ускользнуло отъ него,

и метался онъ изъ стороны въ сторону, въ безсильной ярости съ ревомъ бился о землю, стараясь отнять у нея свои жертвы. Иногда одной или двумя шрапнелями онъ заглядывалъ въ самую промонну, неожиданно появляясь тамъ бѣлымъ клубомъ дыма, который въ то же мгновеніе прорѣзался цѣлымъ роемъ маленькихъ, жадныхъ пулекъ. И люди припадали къ землѣ, умоляя ее о пощадѣ, а она, стонущая и дрожащая отъ негодованія, не имѣла силъ оттолкнуть ихъ и, прощая имъ все, крѣпко, крѣпко прижимала къ себѣ. Вдругъ звѣрь сдѣлалъ скачокъ куда-то въ сторону,—непріятельская батарея перенесла огонь на другую цѣль. Еще нѣсколько минутъ дрожалъ воздухъ, стонала земля, но потомъ все замерло, и чудный лѣтній день вошелъ въ свои права. Гдѣ-то бухали орудійные выстрѣлы, трещала ружейная стрѣльба, но это было гдѣ-то очень далеко, потому что кругомъ все было мертво и тихо,—такъ тихо, что слышно было, какъ мухи толпами перелетали съ мѣста на мѣсто. Цѣлыми потоками горячаго свѣта спустилось солнце на землю, и все поддалось очарованію, все замерло, наслаждаясь нѣгой и счастіемъ. Замерла и батарея. Восемь грозныхъ, стальныхъ пушекъ... нѣкоторыя были даже заряжены, но такъ и остались стоять, разинувъ пасть и вперивъ взоръ куда-то на югъ,—такъ сказочный богатырь, уже занесшій мечъ, уже готовый поразить врага, вдругъ окаменѣваетъ, пораженный невѣдомымъ волшебникомъ.

И кругомъ на много верстъ было мертво и безлюдно, какъ будто двѣ арміи, сошедшіяся съ цѣлью истребить другъ друга, ушли глубоко подъ землю и тамъ, не осмѣливаясь нарушить торжественнаго покоя лѣтняго дня, дѣлали свое черное дѣло.

Люди, лежавшіе на землѣ и молившіе о пощадѣ, люди, на мгновеніе понявшіе свое ничтожество и ту условную ложь, которая дѣлала ихъ великими въ ихъ собственныхъ глазахъ, люди, принесшіе себѣ и землѣ, спасшей ихъ, тысячи разныхъ клятвъ, поднялись, и неугомонный человѣческій духъ, духъ лжи и лицемѣрія, сталъ пробуждаться въ нихъ. Собравшись въ кучку вокругъ двухъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ, они, какъ шайка заговорщиковъ, обмѣнивались вполголоса фразами, непонятными постороннему. Въ общемъ выходило такъ, что только слѣпое счастіе позволило непріятелю одержать побѣду, и тому же «ему» помогали китайцы. Далеко сзади наши обозные жгли солому; высокій столбъ бѣлаго дыма поднимался кверху; и на каждой нашей батареѣ и офицеры, и солдаты были увѣрены, что этотъ дымъ помогъ японцамъ найти именно ихъ батарею. Разсказывали даже, что китайцы сыплютъ въ огонь особый составъ, который и поднимаетъ дымъ такъ высоко кверху. «Такого правила нѣтъ, чтобы втор[illegible] снарядомъ въ цѣль бить, извѣстно—китаецъ помогаетъ». И лоц[illegible]он-

кая, сладкая проникала все существо людей, дѣлая ихъ способными на новыя и новыя безумства, но предложить возобновить поединокъ никто не рѣшался, пока не появился Симинихинъ съ ѣздовыми. Симинихинъ отнесъ раненаго командира къ передкамъ, сдалъ его на попеченіе фельдшера, набралъ человѣкъ десять ѣздовыхъ и, нагрузивъ ихъ патронами, привелъ на батарею.

— А-а, патроны принесли, это хорошо!—воскликнулъ поручикъ Желваковъ такимъ тономъ, какъ будто остановка только и была что за патронами.—Тащи еще!

Прислуга сама, не справляясь съ мнѣніемъ офицеровъ, стала распредѣлять себя по орудіямъ. На шесть орудій пришлось по три человѣка, два орудія остались вовсе безъ прислуги.

Симинихинъ подошелъ къ поручику Желвакову.

— Ваше благородіе, теперь на батарею выходить не слѣдуетъ... поставить бы одного наблюдателя на случай, если непріятельская пѣхота въ атаку пойдетъ...

Желваковъ поморщился.

— Не пойдутъ они сегодня въ атаку... такъ безъ дѣла и простоимъ до вечера,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ.

Нелѣпость новой попытки состязаться съ непріятельской артиллеріей и необходимость беречь людей и снаряды для отбитія атаки были очевидны, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и Желваковъ не устоялъ.

— Прислуга, къ орудіямъ!—скомандовалъ онъ.

Затаивъ дыханіе, номера ползутъ къ своимъ орудіямъ и заряжаютъ. Желваковъ, воображающій уже себя побѣдителемъ, волнуется, самъ обѣгаетъ всѣ орудія и провѣряетъ наводку.

Раздается залпъ.

Непріятель естественно удивленъ видѣть батарею эту вновь ожившей. Онъ посылаетъ нѣсколько стальныхъ щупальцевъ провѣрить расположеніе батареи.

Провѣрено, вѣрно!—и десятки снарядовъ, какъ концы гигантскаго бича, разсѣкаютъ воздухъ и начинаютъ стегать батарею, прикованную къ своей позиціи ложементами, громоздкостью снаряженія, а главное недогадливостью и глупостью начальниковъ.

Непріятельская артиллерія понимаетъ, что этотъ противникъ ей не опасенъ, и старается поскорѣе покончить съ нимъ. Для нашей батареи это уже не борьба, а ужасная агонія. При страшномъ напряженіи всѣхъ силъ, посылаетъ она нѣсколько десятковъ снарядовъ, которые въ безпорядкѣ, обгоняя другъ друга, идутъ на югъ, въ сторону невидимаго врага. Нѣсколько минутъ батарея бьется, въ судо-

рогахъ выбрасывая пламя и желѣзо. Но на упорный, систематическій бой батарея уже не способна, и скоро отчаяніе наполняетъ людей. Одни въ ужасѣ бѣгутъ отъ своихъ орудій, другіе машинально все еще заряжаютъ, стрѣляютъ... но придя въ себя, бѣгутъ, оглушенные, ослѣпленные пылью, ошалѣвшіе отъ дыма и запаха крови.

Изъ двадцати человѣкъ, принявшихъ участіе въ послѣдней схваткѣ, выскочило изъ огня лишь шесть, причемъ трое были легко ранены. Однимъ изъ первыхъ упалъ поручикъ Желваковъ, и смерть наступила такъ быстро, что онъ не успѣлъ придти въ себя и умеръ побѣдителемъ, осыпанный орденами, обласканный начальствомъ, окруженный почетомъ, а главное отомстивши ненавистному «сухарю».

Симинихинъ, тяжело раненый осколкомъ шимозы въ плечо—истекалъ кровью, не имѣя силъ уйти съ батареи. Ѣздовой его орудія, по прозвищу «Магометка», казанскій татаринъ, который не ушелъ съ другими ѣздовыми къ передкамъ, а остался въ промоинѣ и отсюда, лежа на брюхѣ и высунувъ голову, хищными глазами слѣдилъ за работавшими у орудій товарищами, упиваясь видомъ этой кровавой игры, увидѣвъ Симинихина раненымъ, бросился къ нему, схватилъ поперекъ тѣла и, перебросивъ черезъ плечо, бѣгомъ понесъ къ передкамъ.

II.

Пока Николая Платоновича укладывали на носилки, пока несли, пока раздѣвали, чтобъ осмотрѣть и перевязать рану, онъ успѣлъ пережить всю свою жизнь съ начала до конца. Упавъ, онъ вообразилъ, что вотъ-вотъ умретъ, и мысль эта не только его не испугала, но даже растрогала, и онъ заплакалъ, умиленный всеобщимъ сочувствіемъ къ нему, погибшему геройской смертью, но когда, слѣдя за своими мыслями, онъ сталъ представлять себѣ своихъ товарищей, сослуживцевъ, знакомыхъ, то сразу почувствовалъ, что никто изъ нихъ оплакивать его не станетъ, быть можетъ, никто не пожалѣетъ, а нѣкоторые будутъ даже довольны. Эта мысль больно поразила его. Онъ съ усиліемъ сталъ припоминать своихъ знакомыхъ женщинъ; ихъ было много, дамъ изъ общества, просто женщинъ и дѣвушекъ, но остановиться было не на комъ,—всѣ онѣ были ему чужія, и что особенно больно поразило его, это—сознаніе того, что чѣмъ ближе былъ онъ той, либо другой женщинѣ, тѣмъ враждебнѣе въ концѣ-концовъ стали ихъ отношенія. Происходило это потому, что онъ бывалъ милъ и любезенъ съ женщиной лишь до того, пока она не отдавалась ем

послѣ чего все вниманіе его обращалось на то, чтобы оградить себя отъ какихъ бы то ни было поползновеній на свою свободу, отношенія становились все холоднѣе и холоднѣе и обрывались всегда жестко и грубо; во всѣхъ этихъ случаяхъ Николай Платоновичъ бывалъ безпощаденъ и очень гордился тѣмъ, ставя себѣ въ заслугу твердость характера. Теперь онѣ проходили передъ его глазами, и каждая по-своему колола его, а когда онъ вспомнилъ единственную женщину, до конца любившую его, семнадцатилѣтнюю дѣвушку, соблазненную имъ, которая кончила тѣмъ, что по его требованію устроила себѣ выкидышъ и умерла гдѣ-то въ больницѣ, благословляя его имя, онъ протяжно не то застоналъ, не то завылъ.

— Ну, чего тутъ не видали! маршъ по мѣстамъ!—услышалъ Николай Платоновичъ голосъ Семеныча.

Николай Платоновичъ открылъ глаза. Ѣздовые медленно вразбродъ отходили отъ носилокъ, нѣкоторые оглядывались, но, замѣтивъ, что командиръ уже очнулся и смотритъ на нихъ, прибавляли шагу, торопясь уйти отъ его глазъ.

— Я вамъ, ваше в-діе, тутъ компресикъ наложу,—стараясь говорить мягко, сказалъ фельдшеръ.

Оказалось, что хотя сюртукъ и брюки Николая Платоновича были разорваны пулей, но въ паху раны не было, а былъ большой синякъ,—очевидно пуля ударила на излетѣ. Открытіе это немножко сконфузило фельдшера и солдатъ, толпившихся вокругъ носилокъ, поэтому-то Семенычъ и разогналъ ихъ, но самъ Николай Платоновичъ не удивился и не обрадовался этому. Несмотря на сильную головную боль, мысль его работала усиленно. Замѣтивъ, что солдаты боятся его, онъ старался глядѣть на нихъ ласково, но изъ этого ничего не выходило, и солдаты продолжали прятаться отъ него куда-нибудь за передокъ или за лошадь.

— Прикажете, ваше в-діе, отвезти васъ на вокзалъ?—спросилъ его вполголоса фельдфебель,—тамъ санитарный поѣздъ стоитъ, поѣдете, ваше в-діе, въ Ляоянъ, отдохнете...

Николай Платоновичъ внимательно посмотрѣлъ въ глаза Семенычу, и ему стало ясно, что этотъ хитрый старикъ считаетъ его притворяющимся.

— Я останусь при батареѣ,—отвѣтилъ онъ и закрылъ глаза, давая понять, что желаетъ остаться одинъ.

Фельдфебель и фельдшеръ отошли.

Николай Платоновичъ думалъ, что, оставшись наединѣ, онъ легче разберется въ своихъ мысляхъ и пойметъ происшедшее, но оказалось не такъ. Мысли копошились и возились у него въ головѣ, и ему

никакъ не удавалось отдѣлить одну отъ другой. Непріятельская батарея въ кустахъ, солдаты, ненавидѣвшіе его, а теперь и презиравшіе за неудачную стрѣльбу, взволнованное лицо Симинихина, укладывавшаго его на носилки, а рядомъ лицо Наташи съ большими, карими, широко раскрытыми отъ испуга глазами—все перепуталось и мѣшалось въ одинъ общій клубокъ, который все росъ, причиняя Николаю Платоновичу чисто физическую боль. Ему хотѣлось кричать такъ, какъ кричатъ маленькія дѣти, но онъ не рѣшался и только стоналъ, съ усиліемъ ворочался на носилкахъ, то поджимая, то вытягивая ноги; тупая ноющая боль въ паху раздражала, но не облегчала его.

Шумъ около передковъ обратилъ на себя его вниманіе. Ѣздовые съ грохотомъ отворяли дверцы передковъ и зарядныхъ ящиковъ, вынимали оттуда ящики съ патронами, а стрѣляныя гильзы вкладывали обратно. Нѣсколько человѣкъ, нагрузившись патронами, рысью побѣжали на гору, къ батареѣ. Николай Платоновичъ сразу не понялъ, къ чему эти приготовленія, но какъ только понялъ, что батарея готовится стрѣлять, такъ тотчасъ же мысль его приняла привычное направленіе.

— Рады, что меня нѣтъ и хотятъ отличиться... потомъ будутъ разсказывать, что ушелъ съ батареи, а они... нужно остановить эту суетню...—рѣшилъ онъ и громко позвалъ фельдфебеля.

— Кто это тамъ распоряжается?—съ раздраженіемъ спросилъ онъ подбѣжавшаго Семеныча.

Семенычъ сразу понялъ, что командиръ недоволенъ.

— Все этотъ хлопочетъ, ваше в-діе, Симинихинъ.

— Симинихинъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Николай Платоновичъ,—да вѣдь ты же самъ докладывалъ, что Симинихинъ не хочетъ въ бой идти.

— Никакъ нѣтъ, ваше в-діе, насчетъ боя онъ ничего не говорилъ, а говорилъ, что война непутевая, неправильная...

Николай Платоновичъ даже приподнялся на носилкахъ,—онъ ничего не понималъ.

— Разъ война неправильная, значитъ, и въ бой идти нельзя,—не такъ развѣ?

— Насчетъ этого разговора не было, а сказывалъ, что, дескать, дерись—не дерись, все единственно ничего не выйдетъ...

— Ты путаешь, Семенычъ, что-нибудь да не такъ!

— Да, чортъ его тамъ разберетъ, что онъ говорилъ, нешто такого поймешь!—съ сердцемъ отвѣтилъ Семенычъ, раздраженный в

просами, которыхъ онъ не понималъ. «Вставалъ бы самъ, собачій сынъ», думалъ онъ про командира.

— Когда придетъ Симинихинъ, пошли его ко мнѣ, а пока иди,— приказалъ Николай Платоновичъ.

Семенычъ ушелъ, а Николай Платоновичъ, почувствовавшій себя гораздо лучше, сталъ смотрѣть. Прямо передъ нимъ стояли два коня Ровный и Гладкій,—дышловые перваго передка. Пригрѣтые солнцемъ, оба сладко дремали, причемъ голова Ровнаго безсильно повисла, Гладкій же, любившій очевидно комфортъ, положилъ свою голову на шею сосѣду и даже похрапывалъ. Николаю Платоновичу хотѣлось смѣяться, глядя на эту глупо-довольную физіономію съ отвисшей нижней губой и приплюснутыми ноздрями, но Ровный былъ другого мнѣнія объ этомъ и, когда пріятель, окончательно заснувъ, всей тяжестью навалился на него, онъ сердито сбросилъ голову Гладкаго со своей шеи. Нѣкоторое время кони стоятъ спокойно, и Ровный опять начинаетъ дремать, голова постепенно опускается все ниже и ниже... сосѣдъ внимательно слѣдитъ за нимъ, и Николаю Платоновичу кажется, что онъ даже подмигиваетъ ему, кладя опять свою голову на шею Ровнаго, медленно, осторожно, чтобъ не потревожить его. Сначала онъ держитъ свою голову навѣсу, но мало-по-малу становится нахальнѣе и, наконецъ, засыпаетъ и снова всей тяжестью наваливается на Ровнаго. Ровный сердится не на шутку и нѣсколько разъ кусаетъ сосѣда въ шею, и зубы его при этомъ такъ щелкаютъ, что Николая Платоновича морозъ подираетъ по кожѣ. Оба коня высоко взматываютъ головами, щелкая зубами, но Гладкій, чувствующій себя виноватымъ, только угрожаетъ. Такъ какъ исторія эта повторяется сначала, то Ровный, выведенный изъ себя, начинаетъ бить задомъ.

— Балуй, балуй у меня!—закричалъ ѣздовой Боевъ, который считаетъ необходимымъ вмѣшаться, хотя кони эти не его.

Потомъ Боевъ медленно, въ развалку подходитъ и начинаетъ поправлять сбившуюся сбрую, все время разговаривая съ лошадьми.

— Боевъ,—позвалъ Николай Платоновичъ.

Боевъ, непріятно пораженный тѣмъ, что командиръ не спитъ, старается придать своему лицу выраженіе испуга, что по его мнѣнію необходимо при разговорѣ съ начальствомъ, но круглое, загорѣлое лицо его, вмѣсто того чтобы казаться испуганнымъ, казалось идіотски-недоумѣвающимъ. Маленькаго роста, не въ мѣру широкій въ плечахъ, съ выпученными, дисциплины ради, глазами, онъ выглядѣлъ идіотомъ,—грубый, тяжелый обрубокъ мяса, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ столь же ловокъ, какъ и силенъ, и очень неглупый отъ природы человѣкъ, большой пріятель Симинихина.

— Что прикажете, ваше в-діе? — тараща глаза, спрашиваетъ Боевъ.

— Вотъ что, голубчикъ, подойди поближе... опусти руку... да подойди же поближе!—уже раздражаясь, повторяетъ Николай Платоновичъ.

Съ Боевымъ былъ какъ-то случай, что больной офицеръ, не будучи въ состояніи подняться съ постели, приказалъ ему подойти поближе, наклониться и сталъ больными, слабыми руками бить по лицу его, здороваго и сильнаго мужчину. Теперь ему показалось, что командиръ хочетъ продѣлать съ нимъ то же самое. Хотя вины за собой онъ никакой не зналъ, но онъ вообще считалъ, что офицеры деруться не потому, что солдатъ въ чемъ-либо провинился, а просто такъ, чтобъ покуражиться.

— Драться не позволю, ваше в-діе,—задыхающимся голосомъ сказалъ онъ, и въ глазахъ его было столько злобы и ненависти, что Николай Платоновичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и откинулся назадъ на подушку.

— Да я ничего... что ты?—испуганно пробормоталъ онъ.

Понявъ, что онъ ошибся, Боевъ въ свою очередь испугался.

— Виноватъ, ваше в-діе, водички испейте... я сейчасъ позову фельдшера...

— Не нужно фельдшера... садись здѣсь... не бойся, садись...

Но Боевъ сѣсть не посмѣлъ, а опустился передъ носилками на колѣни.

— Я хочу спросить тебя,—началъ Николай Платоновичъ,—ты знаешь вѣдь Симинихина?

— Такъ точно, знаю, ваше в-діе.

— Объясни мнѣ, что такое онъ говоритъ насчетъ войны?

«Вонъ онъ куда закидываетъ», подумалъ Боевъ и тотчасъ сталъ опять таращить глаза.—Не могу знать, ваше в-діе, ничего не слышалъ...

— Какъ же ты ничего не слышалъ, вотъ фельдфебель говоритъ, что онъ разсуждаетъ о войнѣ, съ солдатами разговариваетъ.

— Я, ваше в-діе, около лошадей... ничего не слыхалъ...

Николай Платоновичъ уже понялъ, что онъ ничего не добьется отъ Боева, но ему хотѣлось поговорить, чувствовать около себя человѣка.

— Ты не бойся, отвѣчай прямо... ну, какъ ты самъ думаешь, нужна эта война или нѣтъ?

— Не могу знать... начальству виднѣе,—нехотя отвѣчалъ Боевъ, не понимая, что хочетъ отъ него командиръ.

— Я знаю, что думаетъ начальство, но я хочу знать, что ты думаешь. Что такое война по-твоему?

— Война извѣстно... народъ губятъ...

— Народъ губятъ?... а зачѣмъ?

— Богъ его знаетъ... насъ не спрашиваютъ,—отвѣтилъ Боевъ, начавшій уже сердиться.

Николай Платоновичъ задумался.

— Да, людей жалко,—сказалъ онъ про себя.

— Людей не жалко! Народа хватитъ! Было-бъ за что, да за кѣмъ!—отвѣтилъ Боевъ.

«Меня не считаютъ за хорошаго начальника», мелькнуло въ головѣ у Николая Платоновича, и ему страшно захотѣлось спросить объ этомъ Боева, но онъ стѣснялся, не зная, въ какой формѣ задать вопросъ.

— Разрѣшите идти, ваше в—діе?—спросилъ Боевъ.

— Да, иди,—отвѣтилъ Николай Платоновичъ и тотчасъ же добавилъ:—Такъ ты отъ Симинихина ничего о войнѣ не слышалъ? Не говорилъ онъ, что драться не нужно?»

«Ну, и сволочь же ты»,—подумалъ Боевъ и громко отвѣтилъ:—Никакъ нѣтъ, ничего такого не говорилъ... онъ и по сейчасъ на батареѣ...

— А говорилъ, что война не справедливая?

— Что всѣ говорятъ, то и говорилъ... А такого, чтобъ не драться, ничего не говорилъ...

— А солдаты-то что говорятъ о войнѣ?—допытывался Николай Платоновичъ.

— Извѣстно, что говорятъ!—китайца ругаютъ!...

— Китайца? За что же китайца?

— А что-жъ онъ, сволочь, смотритъ?—вдругъ съ озлобленіемъ заговорилъ Боевъ,—вопросъ о «китайцѣ» видимо задѣлъ его за живое,—на его землѣ вѣдь воюемъ, а онъ хоть бы что! Выгналъ бы и ихъ, и насъ, такъ не было бы войны!... Намедни я одного китайца дулъ, дулъ,—продолжалъ онъ разсказывать,—ужъ я его дулъ! А за что? Потому тутъ народъ калѣчатъ, а онъ стоитъ себѣ и улыбается! его бью, а онъ все свое—«шанго солдата, шанго» и улыбается,—ъ проклятущій народъ!

Николай Платоновичъ, пораженный этой логикой, молчалъ, а Бо-ь, принявъ, повидимому, молчаніе за знакъ согласія, продолжалъ:

— Вотъ теперь наши ребята сказываютъ, что, дескать, китаецъ нцу помогаетъ, сигнализируетъ и все такое, а я такъ разсуждаю, онъ и ни японцамъ, и ни намъ, а только стравливаетъ, у самого-

то ничего нѣтъ, вотъ онъ и давай травить! А мы какъ дурни бьемся! Это нешто можно? Пришли и бьемся на чужой землѣ!...

У Боева накипѣло на душѣ, и онъ хотѣлъ говорить еще, но вдругъ замѣтилъ, что съ командиромъ творится что-то неладное. Разговоръ съ Боевымъ дѣйствительно подѣйствовалъ на Николая Платоновича. Послѣ китайца, котораго «дулъ» Боевъ и который въ отвѣтъ на это только присѣдалъ и улыбался, Николай Платоновичъ увидѣлъ другого китайца,—рикшу, везшаго его отъ Ляоянскаго вокзала въ городъ; ѣхать на человѣкѣ было непривычно и непріятно, но онъ преодолѣлъ себя и сѣлъ въ экипажикъ, а потомъ, для того чтобы окончательно подавить въ себѣ чувство смущенія и стыда, онъ нѣсколько разъ ударилъ молодого, сильнаго китайца, впрягшагося въ оглобли, палкой по головѣ, обвязанной грязнымъ, мокрымъ платкомъ, и китаецъ не только не обидѣлся, но, повидимому, обрадовался чему-то,— онъ оглянулся и весело заржалъ, сверкая на солнцѣ своими бѣлыми, крѣпкими зубами и галопомъ потащилъ экипажикъ по пыльной, ухабистой дорогѣ; скоро онъ выбился изъ силъ, бѣжалъ со страшнымъ напряженіемъ, но часто оглядывался на Николая Платоновича и улыбался ему радостно и весело, какъ будто онъ понималъ ощущеніе Николая Платоновича и старался ободрить его... Потомъ другой китаецъ, котораго ляоянскій фу-ду-тунъ въ угоду русскимъ офицерамъ, обѣдавшимъ у него, приказалъ пытать; это былъ сильный, рослый мужчина, казавшійся красавцемъ, несмотря на то, что давно небритая голова безобразила его; совершенно голаго его поставили на колѣни на толстую желѣзную цѣпь, сложенную въ нѣсколько разъ, а подъ колѣно подложили длинную бамбуковую палку; чтобъ было вѣрнѣе, два солдата, съ безстрастными, бронзовыми лицами надавили ему на плечи и посадили такъ, что бамбукъ оказался зажатымъ въ колѣняхъ; фу-ду-тунъ, стараясь показаться сердитымъ, что послѣ плотнаго обѣда ему плохо удавалось, сказалъ что-то по-своему «хунхузу», на что тотъ отвѣтилъ злобнымъ, сверкающимъ взглядомъ и улыбнулся холодно и жестоко; тогда фу-ду-тунъ, хихикая и потирая маленькими, выхоленными ручками, сложенными на животѣ, обернулся къ нашимъ офицерамъ, приглашая ихъ полюбоваться; еще два солдата стали на концы бамбуковой палки и начали раскачиваться; всѣмъ было весело: фу-ду-тунъ хихикалъ, солдаты, давившіе плечи, сверкали своими бѣлыми зубами, два другихъ, качавшіеся бамбукѣ, какъ на качеляхъ, отчего у «хунхуза» крошились кос еле удерживались на ногахъ отъ смѣха и комично балансировали ками; «хунхузъ» сопѣлъ, глаза его вертѣлись и наливались кров но верхняя губа была поднята, зубы сверкали, какъ слоновая кос

и лицо обезображено было подобіемъ улыбки. Николай Платоновичъ не выдержалъ и ушелъ, и потомъ долго стыдился чувства, заставившаго его уйти.

За этими китайцами пошли опять батарея за горкой, Симинихинъ, Наташа... Николай Платоновичъ хотѣлъ побороть себя, хотѣлъ встряхнуть головой, но голова безсильно моталась на плечахъ, и мысли, образы помимо его воли вползали въ голову съ висковъ, съ затылка, особенно съ затылка, медленно ползали подъ черепомъ, щевеля мозгами, что причиняло ему невыносимую тупую боль.—«Я долженъ улыбаться, какъ улыбался хунхузъ», мелькнуло у него въ головѣ и тотчасъ же, испугавшись этой мысли, онъ вообразилъ, что сошелъ уже съ ума, и, дико вскрикнувъ, вскочилъ.

— Голова моя! голова!—закричалъ онъ и сжалъ голову обѣими руками, какъ если бы она должна была разлетѣться на куски.

Боевъ, фельдшеръ, нѣсколько нижнихъ чиновъ бросились къ нему. Его подхватили, предлагали воду, нашатырь, а онъ, совершенно ослабѣвъ, повисъ на рукахъ и все тише, и тише говорилъ: «голова моя... бѣдная голова»... потомъ потекли слезы, и сознаніе стало возвращаться ему.

— Подавай линейку! На вокзалъ командира!—закричалъ фельдшеръ.

Подали линейку. Николая Платоновича бережно усадили. По обѣимъ сторонамъ сѣли фельдшеръ и другой солдатъ, котораго Николай Платоновичъ ни разу прежде не видѣлъ въ батареѣ. Видѣть передъ собой эти юношескія, напуганныя лица, сознавать себя объектомъ попеченія и заботъ этихъ славныхъ, хорошихъ людей было невыразимо пріятно, и Николаю Платоновичу хотѣлось продлить этотъ моментъ, сказать что-нибудь.

— Стой,—приказалъ онъ кучеру.

— Стой! куда прешь!—кричали на кучера солдаты, хотя кучеръ и не думалъ трогать съ мѣста.

— Братцы, я хочу вамъ сказать, не поминайте лихомъ,—сказалъ Николай Платоновичъ, и солдаты, понявъ его, радостно и дружно отвѣчали—«будьте здоровы, ваше в—діе, выздоравливайте»... Но Николай Платоновичъ продолжалъ дальше:—Я знаю, братцы, что я съ вами не хорошо поступалъ... сегодня я много понялъ... теперь я вижу вещи въ новомъ свѣтѣ... я жилъ до сихъ поръ только для себя и не замѣчалъ никого... я ѣхалъ сюда, васъ привелъ сюда, но не только не объяснилъ вамъ, зачѣмъ мы здѣсь, но и для себя не интересовался этимъ... анализируя себя...— уже упавшимъ голосомъ договаривалъ Николай Платоновичъ, такъ какъ замѣтилъ, что рѣчь его

производитъ на слушателей странное впечатлѣніе: физіономіи у солдатъ вытягивались, глаза выпучивались и лица, только что участливыя и ласковыя, дѣлались деревянными; фейерверкеры уже вошли въ свою роль и угрожающе подмигивали, Семенычъ оглядывался и, скрививъ ротъ, шипѣлъ: «отвѣчай дружнѣй!»—Николай Платоновичъ почувствовалъ опять, что силы покидаютъ его, до того больно ему было сознать, что онъ безсиленъ не только сдѣлать, но даже сказать что-нибудь хорошее этимъ людямъ.

— Прощайте, братцы,—сказалъ онъ.

Семенычъ обвелъ солдатъ грознымъ взглядомъ и еле замѣтнымъ движеніемъ головы далъ сигналъ.

— Счастливо оставаться, ваше в—діе,—отвѣтили солдаты по уставу.

Линейка тронулась. Пришлось ѣхать по камнямъ, устилавшимъ дно рѣки; сидящихъ подбрасывало, толкало, и боль, которую Николай Платоновичъ чувствовалъ при этомъ въ паху, повидимому, дѣйствовала на него благотворно; онъ овладѣлъ собой, понялъ, что сдѣлалъ промахъ со своей рѣчью, и упрекалъ себя.

«Нѣсколькими сладкими словами хотѣлъ искупить все свое прошлое», думалъ онъ.

Въ этомъ направленіи мысль его работала непрерывно, и потому онъ мало интересовался окружающимъ. Онъ не замѣтилъ, что врачъ, осматривавшій его, очень иронически отнесся къ синяку въ паху и сдѣлался серьезнымъ лишь послѣ того, какъ фельдшеръ пошептался о чемъ-то съ нимъ. Его накормили, напоили и повели на перронъ. Очутившись среди колыхающейся толпы, Николай Платоновичъ съ интересомъ сталъ наблюдать окружающее.

Сотни людей съ забинтованными головами, руками, ногами, опираясь на костыли, на палки или другъ другу на плечо, стояли и терпѣливо ждали очереди. Десятки тяжело раненыхъ лежали на носилкахъ и слабо стонали. Тутъ же стояли носильщики, бородатые, угрюмые солдаты изъ запасныхъ. Обычнаго для толпы шума и гама не было, всѣ заняты своими мыслями, всѣ подавлены чѣмъ-то. Если какой-нибудь молоденькій солдатикъ, легко раненый въ руку, гогоча и радуясь своему счастію, протискивался впередъ, его тотчасъ же обр · вали. Хриплый голосъ врача, распоряжавшагося погрузкой, и выр · вавшійся время отъ времени дикій вопль раненаго, котораго санита неосторожно впихнули въ вагонъ, сообщали этой сценѣ торжествен · мрачный характеръ.

По лицамъ, по манерѣ держаться видно было, что всѣ эти лю толпившіеся на перронѣ, придавали громадное значеніе порядку

которомъ ихъ сажали въ вагоны, каждому хотѣлось сѣсть скорѣе, но никто не лѣзъ впередъ, понимая, что вопросъ этотъ одинаково важенъ для всѣхъ, и нахала все равно не пропустятъ. И они терпѣливо стояли, искалѣченные, обезсиленные, цѣпляясь руками за первый попавшійся предметъ, и жадными, завистливыми глазами слѣдили за счастливцами, которыхъ очередь наступала. Голодные, они не рѣшались отойти на нѣсколько шаговъ въ сторону, чтобы попить, поѣсть, изъ боязни потерять мѣсто, единственною мыслью ихъ было поскорѣе сѣсть въ вагонъ и ѣхать, ѣхать не сѣверъ. Окружающая природа давила и пугала этихъ и безъ того напуганныхъ людей. Все было необычно, выглядѣло мрачно и подозрительно. Невысокія, но крутыя скалистыя горы, сжавшія станцію съ двухъ сторонъ; рѣзкіе контуры, яркія, густыя краски, съ которыми не могли бы состязаться картины Бёклина, своеобразныя, фантастическія формы окружающей жизни—все это понималось людьми, случайно попавшими въ эту обстановку, какъ чуждая и враждебная стихія, каждую минуту готовая отмстить за свое поруганіе. Даже станціонныя постройки, маленькіе домики въ европейскомъ стилѣ, своими вывороченными рамами, развороченными крышами, загаженныя и запустѣлыя, гнали отъ себя людей. И люди бѣжали. Бѣжали и радовались, хотя бы право на это куплено было цѣною искалѣченной жизни. Тѣмъ болѣе страшно было, вслѣдствіе какой-либо случайности, лишиться этого права, такъ дорого купленнаго, а кругомъ все было случайно и все случайное враждебно. И толпа волновалась, глухо роптала и дышала напряженно, подавлено. Это настроеніе передавалось Николаю Платоновичу, онъ почувствовалъ, какъ сердце его болѣзненно сжимается отъ страха передъ невѣдомой опасностью, и тоска, безмѣрная тоска наполнила все существо его. Чтобы развлечься, онъ сталъ наблюдать окружающихъ. Всѣ кругомъ были въ такомъ же тревожномъ состояніи: врачъ волновался, кричалъ, торопился, какъ будто опасаясь, что вотъ-вотъ и случится что-нибудь такое, что помѣшаетъ ему погрузить всѣхъ людей. Комендантъ станціи, пьяный, грязный офицеръ, видимо утратившій всякое представленіе о времени и мѣстѣ, тѣмъ не менѣе боялся чего-то и, поминутно выскакивая на перронъ, съ тревогой вглядывался въ силуэты горъ, ожидая, очевидно, отъ нихъ чего-то плохого.

Кто-нибудь вспомнитъ о боѣ.

— Въ штабѣ сказываютъ, наши впередъ пошли.

— Далъ бы Богъ,—разсѣянно отвѣчаетъ сосѣдъ, занятый совсѣмъ другимъ.

Одинъ только японецъ, раненый въ ногу и тоже ожидавшій очереди для отправки на сѣверъ, видимо чувствовалъ себя отлично;

жестикулируя, онъ что-то горячо говорилъ, наши лѣниво слушали. Иногда кто-нибудь ткнетъ японца пальцемъ въ бокъ или въ животъ, чтобы убѣдиться, что это не манекенъ, а живой человѣкъ; японецъ не обижался и продолжалъ говорить, обращаясь преимущественно къ санитару, здоровому мужику съ грязной, всклокоченной бородой.

— Вѣрно, вѣрно!—отвѣтилъ ему санитаръ,—что и говорить! Извѣстно, и вашъ братъ не по своей охотѣ идетъ!

Ему видимо надоѣла горячая рѣчь японца. И о чемъ тутъ говорить, онъ и такъ зналъ все, что могъ сказать ему этотъ японецъ, онъ самъ передумалъ и перечувствовалъ все «это», а если японецъ говорилъ не о томъ, что занимало его и всѣхъ окружающихъ, то не стоило и говорить! Николай Платоновичъ такъ и понялъ его и къ величайшему своему изумленію увидѣлъ, что и японецъ понялъ бородатаго санитара, похлопалъ его по плечу и, повернувшись, сталъ смотрѣть—скоро ли его очередь.

Погрузка затягивалась, такъ какъ не было никакихъ приспособленій и раненыхъ сажали прямо съ насыпи. Это былъ одинъ изъ тѣхъ антисанитарныхъ поѣздовъ, въ которыхъ вывезены были изъ Манчжуріи десятки тысячъ раненыхъ.

Въ товарныхъ вагонахъ образовалась каша изъ человѣческихъ тѣлъ, грязной ветоши и аммуниціи. Не было ни цыновокъ, ни ведеръ, ни прислуги. Когда поѣздъ, наконецъ, тронулся, и вагоны запрыгали по разбитому пути, въ каждомъ вагонѣ образовался маленькій адъ. Вопли, молитвы и проклятія... кровь, рвота, испражненія... къ тому же не было ни свѣта, ни тепла, и раненые въ темнотѣ жали и давили другъ друга. Нѣсколько человѣкъ, обезумѣвъ, выбросилось на ходу изъ вагоновъ. Цѣлую ночь люди боролись за жизнь съ природой и другъ съ другомъ, и къ утру многіе были побѣждены. Трупы ѣхали дальше — некому было ихъ вытаскивать. Днемъ сдѣлалось жарко и душно. Собравъ послѣднія силы, раненые вопили, умоляя дать имъ воды, и, когда, наконецъ, небо ихъ услышало и послало дождь, они обрадовались, но задулъ вѣтеръ, и несчастные мокли и дрогли.

Къ вечеру прибыли въ Ляоянъ. Поѣздъ подали къ самому вокзалу, и такъ какъ это были первые раненые съ юга, то на перронѣ собралась толпа любопытныхъ. Началась выгрузка раненыхъ.

— Въ ногу иди, мерзавцы! Въ лужу не ставь носилки... в лужу!—кричалъ на санитаровъ какой-то генералъ.

Этотъ генералъ завѣдывалъ санитарной частью всей манчжурской арміи, т.-е. всѣми госпиталями, поѣздами, эвакуаціонными всякими другими коммиссіями. Онъ пользовался случаемъ показа свою дѣловитость и способность завѣдывать этимъ сложнымъ

ломъ,—удобные случаи не часто представляются! На врачей, чтобъ они не сомнѣвались въ его правѣ приказывать, онъ кричалъ такъ же грубо, какъ на санитаровъ, и лишь для сестеръ милосердія дѣлалъ исключенія,—на женщинъ кричать неудобно, а кромѣ того большинство сестеръ, происходя изъ такъ называемаго «общества», было такъ же мало способно къ какой-либо серьезной работѣ и такъ же, какъ и онъ, онѣ радовались удобному случаю «поработать для народа», и потому естественно генералъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ ними во время этой хлопотни вокругъ раненыхъ, хлопотни, мѣшавшей врачамъ и санитарамъ дѣлать свое дѣло.

Когда двѣ сестры поссорились изъ-за единственнаго японца, прибывшаго съ этимъ поѣздомъ, генералъ вмѣшался съ видомъ человѣка серьезнаго, но умѣющаго прощать женщинамъ ихъ слабости,—вѣдь онъ хорошо знаетъ женщинъ.

— Это мой раненый, я нашла его въ поѣздѣ,—жаловалась сквозь слезы миніатюрная, хорошенькая блондинка.

— Простите, милая, вы прекрасно знаете, что первую перевязку сдѣлала я, слѣдовательно, раненый мой,—грубо отвѣчала полная, рыхлая женщина съ раскраснѣвшимся и возбужденнымъ лицомъ.

Генералъ хорошо зналъ эту разъяренную фурію, съ которой уже имѣлъ нѣсколько столкновеній. Это была извѣстная филантропка, завѣдывавшая какимъ-то санитарнымъ отрядомъ, ходила она въ мужскихъ сапогахъ, сморкалась въ кулакъ и приводила въ отчаяніе генераловъ и даже полковниковъ, но была терпима, такъ какъ женщины этого сорта своимъ присутствіемъ санкціонировали ужасы, творившіеся кругомъ во имя и для, будто бы, русскаго народа. Своей роли онѣ, конечно, понять не могли и искренно считали себя героинями.

Генералъ принялся успокаивать блондинку, что было ему вдвойнѣ пріятно.

— Это ужасно!... Я хотѣла ему шоколадъ дать,—голосомъ исполненнымъ отчаянія говорила блондинка.

— Шоколадъ онъ получитъ и безъ васъ,—отвѣтила пухлая женщина, меча молніеносные взгляды на генерала и на блондинку.

Японецъ улыбался ей вѣжливой, дѣланной улыбкой, такъ же ыбался онъ толпѣ, жадно разглядывавшей его.

Симинихинъ, тоже привезенный съ этимъ поѣздомъ, самъ отка-ся отъ услугъ санитаровъ, такъ какъ видѣлъ, что другіе больше о нуждаются въ носилкахъ, и хотя сильно ослабѣлъ отъ потери ви, но пошелъ. Каждый шагъ доставлялъ ему невыразимыя стра-ія, и онъ быстро слабѣлъ. Онъ остановился и съ тоской смотрѣлъ

вокругъ, надѣясь, что ему какъ-нибудь помогутъ, но на него никто не обращалъ вниманія. Врачи были раздражены безтолковщиной, царившей вокругъ, которую они не въ силахъ были устранить, такъ какъ не пользовались ни вліяніемъ, ни авторитетомъ. Санитары были озлоблены окриками и руганью, сыпавшимися на нихъ изъ устъ разныхъ генераловъ и завѣдующихъ, какъ изъ рога изобилія. Толпа здоровыхъ людей смѣялась, шутила, ѣла, и Симинихинъ ясно чувствовалъ, что во всѣхъ нихъ онъ возбуждаетъ только чувство брезгливости.

— Пошелъ, чего стоишь на дорогѣ,—закричалъ на него санитаръ.

Симинихинъ пошелъ, но пройдя нѣсколько шаговъ, опять остановился. Ему хотѣлось ѣсть и хотѣлось именно чего-нибудь сладкаго, вкуснаго, и остановился онъ потому, что увидѣлъ, какъ двѣ сестры спорили изъ-за того, изъ чьихъ рукъ долженъ ѣсть шоколадъ раненый японецъ.

— Проходи, проходи, братецъ, тутъ и безъ тебя много хлопотъ,—сказалъ ему генералъ дѣланно-ласковымъ тономъ.

Генералъ вступилъ въ разговоръ съ сестрами, а Симинихинъ, оскорбленный и озлобленный, зашагалъ дальше; но возбужденіе быстро смѣнилось полнымъ упадкомъ силъ, и онъ съ громаднымъ трудомъ прошелъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее вокзалъ отъ госпиталя. Тамъ его раздѣли и уложили.

Николай Платоновичъ тоже самъ пошелъ въ госпиталь и, хотя прошелъ мимо жадной толпы, стоявшей у дверей буфета, не останавливаясь и не вступая въ разговоръ, но тотчасъ почувствовалъ, что ни одинъ изъ этихъ сытыхъ и полупьяныхъ людей не пойметъ его.

«Имъ нужна кровь, зіяющія раны. Они считаютъ раненыхъ и убитыхъ, и эта ариѳметика навѣрно доставляетъ имъ удовольствіе,—думалъ онъ.—Неужели и я былъ такимъ? да, я былъ такимъ! самъ я долженъ былъ остаться цѣлымъ, но раненые и убитые, не Петръ, не Иванъ, а цифра,—она была мнѣ необходима!»

Да, вѣдь онъ все время жилъ не съ людьми, а съ цифрами; каждый день рапортъ: цифра—состоящихъ налицо, цифра—подъ арестомъ, цифра—больныхъ, и онъ никогда не зналъ, кто и чѣмъ -
ленъ, а если интересовался этимъ, то для того только, чтобы зна ,
кого и кѣмъ нужно замѣнить на работѣ! Были цифры еще бо е
страшныя: трое отдано подъ судъ, изъ нихъ одинъ въ арестантск ь
ротахъ, а двое въ дисциплинарномъ батальонѣ! Николай Платонов ь
остановился и сталъ припоминать фамиліи, чтобы замѣнить ци и
лицами, но оказалось, что фамиліи онъ давно забылъ! и снова ь

затылка, съ висковъ, со лба поползли подъ черепъ... снова мозги зашевелились...

Китаецъ, несшій ему навстрѣчу на длинномъ и широкомъ коромыслѣ воду въ двухъ жестяныхъ банкахъ изъ-подъ нефти, остановился, посмотрѣлъ на Николая Платоновича и, бросивъ свою воду, пустился бѣжать. Изъ ближайшаго домика выскочили писаря и стали смотрѣть, и смотрѣли такъ, пока высунувшаяся изъ окна баба не закричала имъ; тогда они подбѣжали и подхватили Николая Платоновича, который протяжно стоналъ и каждую минуту готовъ былъ упасть. Его отвели въ госпиталь.

Вечеромъ госпиталь обходилъ генералъ. Онъ разспрашивалъ раненыхъ, нѣкоторымъ, преимущественно тяжело раненымъ, давалъ кресты. Сначала Симинихинъ нехотя отвѣчалъ на вопросы, но серьезные, задумчивые глаза генерала расшевелили его; ему показалось, что этотъ строгій человѣкъ пойметъ его, и онъ сталъ говорить самъ; онъ хотѣлъ разсказать генералу все—и то, какъ только благодаря случаю непріятель побилъ ихъ батарею, что если бы еще немного, то они бы навѣрно уничтожили батарею за горкой, и то, какъ потомъ они еще разъ вышли на бой и дрались до послѣдней возможности, но изъ этого ничего не вышло и не могло выйти, потому что все благопріятствовало японцамъ, все было и есть противъ насъ; онъ боялся, что не успѣетъ сказать генералу самое важное и торопился, но чѣмъ больше торопился, тѣмъ яснѣе чувствовалъ, что не сумѣетъ передать то, что нужно, то, что онъ чувствовалъ и сознавалъ всѣмъ своимъ существомъ, что они, солдаты, готовы драться съ людьми, но не могутъ бороться со стихіей и будутъ побѣждены; кончилось тѣмъ, что онъ началъ всхлипывать, такъ что генералъ совсѣмъ пересталъ его понимать.

— Чего же ты плачешь?—спросилъ генералъ.

— Мы сраженіе проиграли, а тутъ смѣются.

— Успокойся, никто не смѣется, и боя мы не проиграли,—строго и громко, чтобъ всѣ слышали, сказалъ генералъ,—отъ командующаго отрядомъ еще не получено точныхъ свѣдѣній.

И генералъ, положивъ на одѣяло, прикрывавшее Симинихина, крестъ, повернулся, чтобъ идти дальше.

— Не нужно мнѣ вашего креста,—сказалъ Симинихинъ и здоровой рукой сбросилъ крестъ на землю.

Генералъ слегка поблѣднѣлъ, но притворился, что не видѣлъ, и пошелъ дальше. Слѣдующимъ оказался молоденькій солдатикъ, раненый въ грудь; поздно и плохо наложенная перевязка дѣлала его положеніе безнадежнымъ, но онъ не думалъ о смерти, не слышалъ, о

чемъ говорилъ генералъ, котораго онъ «ѣлъ» глазами. Когда генералъ поздоровался съ нимъ, онъ собралъ всѣ силы, чтобы во весь голосъ закричать «здравія желаю», такъ какъ боялся, что если онъ этого не сдѣлаетъ, то ему потомъ побьютъ морду, но прокричать отвѣтъ ему не удалось: грудь не выдержала напряженія—и густая, черная кровь хлынула горломъ. Генералъ слабо махнулъ рукой и пошелъ къ слѣдующему, а солдатикъ испуганно провожалъ его глазами.

«Осерчалъ»,—думалъ онъ

Слѣдующимъ былъ сорокалѣтній мужчина, сибирякъ, уже трижды отрывавшійся отъ дома по мобилизаціи. Онъ ненавидѣлъ китайцевъ и японцевъ, дрался съ ожесточеніемъ и теперь умиралъ ожесточенный и озлобленный на всѣхъ. Съ генераломъ онъ не пожелалъ разговаривать, а когда тотъ положилъ ему на грудь крестъ, онъ молча сбросилъ его на землю.

Въ офицерскомъ отдѣленіи, куда потомъ прошелъ генералъ, онъ тоже видѣлъ вокругъ озлобленныя лица. Чѣмъ тяжелѣе былъ раненъ человѣкъ, тѣмъ меньше считалъ онъ нужнымъ стѣсняться въ выраженіяхъ. Нѣкоторые офицеры называли своего корпуснаго командира измѣнникомъ и требовали преданія его суду. Это были все простые, армейскіе, почти исключительно пѣхотные офицеры, они такъ же мало были способны разобраться въ происшедшемъ, какъ и ихъ солдаты. Большинство изъ нихъ было искренно преданы своему дѣлу и теперь они негодовали, не будучи въ состояніи понять, какъ могло случиться, что дѣло ихъ, которымъ они такъ гордились, вдругъ является источникомъ несчастія и позора не только для нихъ, но и для тысячъ другихъ людей. До боя они не были увѣрены въ побѣдѣ, а теперь были увѣрены въ ней и пораженіе объясняли стеченіемъ случайностей и тѣмъ, что начальникъ никуда не годился и къ тому же былъ нѣмецъ. Генералъ старался успокоить ихъ, говорилъ, что объ исходѣ боя еще достовѣрно ничего не извѣстно, что офиціальнаго донесенія еще нѣтъ. Но офицеры безусловно вѣрили слуху о пораженіи, распространившемуся по линіи желѣзной дороги.

Пока генералъ разговаривалъ съ офицерами, Николай Платоновичъ рѣшалъ вопросъ, вернуться ли ему въ батарею, или эвакуироваться въ Россію, и рѣшилъ вернуться. Поэтому, когда генералъ о ратился къ нему, онъ, продолжая свои мысли, доложилъ ему, что в вращается къ батареѣ.

— Мы исполнимъ свой долгъ до конца, ваше превосходите ство,—сказалъ онъ.

— Мы и теперь, полковникъ, исполняемъ свой долгъ,—стр сказалъ генералъ.

— Нѣтъ, теперь не то... еще никто не понимаетъ... умирать мы умѣемъ, но жить мы не умѣемъ,—живемъ съ цифрами, а не съ людьми, и людей не знаемъ...

— Я васъ не понимаю, полковникъ.

— Вѣдь вы, ваше превосходительство, не знаете, что армія драться не хочетъ?

Генералъ, который стоялъ, заложивъ руки назадъ и слегка наклонившись впередъ, выпрямился и переложилъ правую руку за бортъ сюртука. Собравшись съ мыслями, онъ сказалъ:

— Вы противорѣчите себѣ, полковникъ; вы сами сказали, что долгъ вы выполните до конца, а долгъ вашъ повиноваться,—слѣдовательно...

— Да мы будемъ драться, но изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ...

— Повѣрьте, полковникъ, что если вы исполните вашъ долгъ до конца, но только именно до конца, то, кромѣ хорошаго, отъ этого ничего не выйдетъ.

— Одно сознаніе исполненнаго долга чего стоитъ!—вставилъ другой генералъ, состоявшій въ свитѣ перваго генерала.

— Но когда люди спрашиваютъ меня, во имя чего они должны исполнить свой долгъ до конца, что я долженъ имъ отвѣтить?—волнуясь, спросилъ Николай Платоновичъ.

— Напомните имъ, полковникъ,—важно сказалъ генералъ,—что русскій солдатъ безпрекословно исполняетъ волю пославшаго его.

— Только?

Воцарилось молчаніе. Свита съ ужасомъ смотрѣла на человѣка, сказавшаго слово «только». Одинъ генералъ не измѣнился и не считалъ нужнымъ измѣнять выраженіе лица; все тѣми же спокойными и проницательными глазами, по которымъ нельзя было угадать, понялъ ли онъ дѣйствительно Николая Платоновича, или только притворился, что понялъ, онъ смотрѣлъ на говорившаго.

— Успокойтесь, полковникъ; когда успокоитесь и оправитесь, прежде чѣмъ ѣхать въ батарею, явитесь ко мнѣ.

Но Николаю Платоновичу не пришлось являться. Доктора нашли необходимымъ отправить его въ Россію, въ больницу. А Симинихинъ, который тоже рвался въ батарею, умеръ отъ зараженія крови, и когда умеръ, ему на грудь прикололи крестъ, который при жизни онъ не хотѣлъ носить.

Нандъ.

ИЗЪ МЕЛКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ А. ФРАНСА.

(Съ французскаго.)

Садовникъ Пютуа.

I.

— Нашъ садъ, который мы помнимъ съ дѣтства и который можно было пройти весь въ двадцать шаговъ, былъ для насъ, дѣтей, огромнымъ, безконечнымъ міромъ, полнымъ радостей и ужасовъ.

— Помнишь ли ты, Люсьенъ, садовника Пютуа?—спросила Зоя, улыбаясь, по обыкновенію, сжатыми губами и низко клоня голову надъ шитьемъ.

— Еще бы не помнить Пютуа! Изо всѣхъ лицъ, прошедшихъ передо мною, когда я былъ ребенкомъ, образъ Пютуа сохранился въ моей памяти всего ярче. Я какъ сейчасъ вижу каждую черту его лица, припоминаю каждую особенность его характера. У него была голова толкачемъ...

— Низкій лобъ,—прибавила Зоя.

И братъ, и сестра монотонно и съ необыкновенною важностью стали перечислять его примѣты:

— Низкій лобъ.

— Глаза разнаго цвѣта.

— Бѣгающій взглядъ.

— Гусиныя лапки на вискахъ.

— Выдающіяся скулы, красныя и блестящія.

— Край уха не былъ завернутъ внутрь.

— Черты лица безъ опредѣленнаго выраженія.

— Его руки, вѣчно въ движеніи, однѣ выдавали его мысли

— Худой, немного сгорбленный, тщедушный на видъ.

— Въ дѣйствительности онъ обладъ рѣдкою силой.

— Онъ легко ломалъ пятифранковую монету большимъ и указательнымъ пальцами...

— Большой палецъ былъ у него огромный.

— Голосъ протяжный...

— А рѣчь вкрадчивая, сладкая.

Внезапно г. Бержере воскликнулъ:

— Зоя, мы позабыли «желтые волосы и рѣдкую бородку». Надо начать сызнова.

Полина, слушавшая съ удивленіемъ это странное перечисленіе, спросила у отца и у тетки, какъ заучили они наизусть этотъ кусочекъ прозы, и почему они его такъ читали.

Г. Бержере отвѣтилъ торжественно:

— Полина, ты только что выслушала текстъ, освященный преданіемъ въ семьѣ Бержере. Необходимо и тебѣ заучить его, чтобы онъ не погибъ съ твоею теткой и со мной. Твой дѣдъ, дитя мое, твой дѣдъ Элоа Бержере, не любившій пустяковъ, относился къ этому отрывку съ уваженіемъ, главнымъ образомъ изъ-за его возникновенія. Онъ называлъ его «анатоміей Пютуа» и часто говорилъ, что, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпочитаетъ анатомію Пютуа анатоміи Кармепренана. «Если описаніе, которымъ мы обязаны Ксеноманесу,—говорилъ онъ,—болѣе научно и изобилуетъ рѣдкими опредѣленіями, то описаніе Пютуа значительно превосходитъ его и ясностью мысли и чистотою стиля». Онъ разсуждалъ такъ, ибо докторъ Ледубль, изъ Тура, не закончилъ еще толкованія главы тридцатой, тридцать первой и тридцать второй четвертой книги Рабле.

— Я ничего не понимаю,—сказала Полина.

— Это отъ того, что ты не знаешь Пютуа, дочка. Ты должна знать, что Пютуа былъ для насъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей, когда я и тетя Зоя были дѣтьми. Въ домѣ дѣдушки Бержере о Пютуа говорили безпрестанно. Каждый, по очереди, былъ убѣжденъ въ томъ, что видѣлъ его.

— Кто это былъ Пютуа?—спросила Полина.

Вмѣсто отвѣта Бержере засмѣялся; засмѣялась также и мадемуазель Бержере, поджавъ губы.

Полина смотрѣла то на одного, то на другого. Она удивлялась ну, что тетка смѣется отъ души, а еще болѣе тому, что тетка отецъ смѣются вмѣстѣ. Это было въ самомъ дѣлѣ странно, ибо ать и сестра смотрѣли на вещи далеко не одинаково.

— Пана, разскажи мнѣ, кто былъ этотъ Пютуа. Ты говоришь, я должна это знать, такъ скажи же мнѣ.

— Пютуа, моя дѣвочка, былъ садовникъ. Сынъ почтенныхъ

земледѣльцевъ, онъ занимался въ Сентъ-Омерѣ разведеніемъ молодыхъ деревьевъ. Но не сумѣлъ угодить публикѣ, и дѣла его пошли плохо. Тогда онъ сталъ работать поденно. Хозяева, нанимавшіе его, не всегда оставались имъ довольны.

При этихъ словахъ мадемуазель Бержере засмѣялась и сказала:

— Помнишь, Люсьенъ, когда отецъ не находилъ на своемъ письменномъ столѣ чернильницы, перьевъ, сургуча или ножницъ, то онъ говорилъ: «Я подозрѣваю, что здѣсь былъ Пютуа».

— О,—сказалъ г. Бержере—у Пютуа была очень плохая репутація.

— Это все?—спросила Полина.

— Нѣтъ, дочка, это не все. Пютуа былъ замѣчателенъ тѣмъ, что мы его знали, что онъ былъ близокъ намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ...

— Онъ не существовалъ вовсе,—сказала Зоя.

Г. Бержере взглянулъ на сестру съ упрекомъ:

— Что за выраженіе, Зоя? И зачѣмъ разрушать очарованіе?... Пютуа не существовалъ! Можешь ли ты сказать это, Зоя? Осмѣлишься ли ты это утверждать? Увѣряя, что Пютуа никогда не жилъ, достаточно ли ты вникла въ условія существованія и въ различные виды бытія? Пютуа жилъ, сестра. Но это было совсѣмъ особое существованіе.

— Я понимаю все менѣе и менѣе,—сказала Полина въ отчаяніи.

— Истина сейчасъ предстанетъ передъ тобою, дочь моя. Знай, что Пютуа родился уже въ зрѣломъ возрастѣ. Я былъ еще ребенкомъ, твоя тетка была дѣвочкой-подросткомъ. Мы жили въ маленькомъ домикѣ, въ предмѣстьи Сентъ-Омера. Наши родители вели тихую, уединенную жизнь, пока ихъ не разыскала пожилая дама, по имени Корнулье. Она проживала въ своемъ замкѣ Монплезиръ, въ пяти верстахъ отъ города и приходилась теткой по бабушкѣ моей матери. Пользуясь правами родственницы, она потребовала, чтобы отецъ и мать пріѣзжали каждое воскресенье къ обѣду въ Монплезиръ, гдѣ они терпѣли невѣроятную скуку. Она говорила, что люди благороднаго рожденія должны обѣдать по воскресеньямъ въ кругу родныхъ, и что этотъ древній обычай не соблюдается лишь людьми никаго происхожденія. Отецъ плакалъ съ тоски въ Монплезирѣ. На ея отчаніе бывало тяжело смотрѣть. Но госпожа Корнулье этого не замѣчала. Она ничего не видѣла. У матери было больше мужества. Она страдала такъ же, какъ отецъ, а можетъ быть и сильнѣе, и улыбалась.

— Женщины созданы для страданій,—сказала Зоя.

— Все живущее на свѣтѣ, создано для страданій, Зоя! Тщетно отказывались родители отъ этихъ роковыхъ посѣщеній. Карета г-жи Корнулье пріѣзжала за ними каждое воскресенье, около полудня. Приходилось ѣхать въ Монплезиръ; уклоняться отъ этой повинности безусловно запрещалось. Этотъ обычай могъ быть нарушенъ только путемъ возстанія. Отецъ наконецъ возмутился и поклялся, что не поѣдетъ больше къ г-жѣ Корнулье, предоставивъ матери придумывать для отказовъ приличные поводы и причины, на что та была менѣе всего способна. Она не умѣла лгать.

— Скажи, Люсьенъ, что она не хотѣла. Иначе она могла бы лгать, не хуже другихъ.

— Справедливость требуетъ отмѣтить, что она охотнѣе выставляла уважительныя причины, вмѣсто того чтобы придумывать неправдоподобныя. Помнишь, сестра, какъ однажды за обѣдомъ мать сказала: «У Зои, къ счастью, коклюшъ: мы долго не поѣдемъ въ Монплезиръ».

Это правда!—подтвердила Зоя.

— Ты выздоровѣла, Зоя. И госпожа Корнулье пріѣхала и сказала матери: «Я разсчитываю, моя крошка, что вы съ мужемъ пріѣдете къ обѣду въ воскресенье въ Монплезиръ». Мать, на которую мужъ возложилъ спеціальное порученіе представлять г-жѣ Корнулье уважительныя причины для отказа, придумала поводъ, несогласный съ истиной:

— Я сожалѣю, дорогая госпожа Корнулье, но это невозможно. Въ воскресенье я жду къ себѣ садовника.

При этихъ словахъ госпожа Корнулье взглянула сквозь стеклянную дверь гостиной на маленькій заросшій садикъ, гдѣ бересклетъ и сирень, казалось, никогда не были знакомы и не собирались знакомиться ни съ ножомъ, ни съ ножницами.

— Вы ожидаете садовника? Для чего?

— Чтобы работать въ саду.

Переведя невольно взоръ на этотъ квадратъ, заросшій дикими травами и растеніями, который она только что назвала садомъ, мать съ ужасомъ признала неправдоподобіе своей выдумки.

— Этотъ садовникъ,—сказала г-жа Корнулье,—можетъ придти ботать въ вашемъ... саду въ понедѣльникъ или во вторникъ.

— Онъ занятъ въ будни.

Я часто замѣчалъ, что самыя нелѣпыя отговорки вызываютъ го меньше возраженій: онѣ приводятъ въ отчаяніе противника. пожа Корнулье противилась менѣе, чѣмъ можно было ожидать

отъ особы, которая такъ любила настаивать на своемъ. Поднимаясь съ кресла, она спросила:

— Какъ зовутъ вашего садовника, моя дорогая?

— Пютуа,—отвѣтила мать безъ колебанія.

Пютуа былъ названъ. Съ этой минуты онъ началъ существовать. Госпожа Корнулье удалялась, бормоча:

— Пютуа! Мнѣ кажется, что я слышала это имя... Пютуа?... Пютуа! Я его отлично знаю. Только не помню... Гдѣ онъ живетъ?

— Онъ работаетъ поденно. Когда онъ бываетъ нуженъ, то объ этомъ сообщаютъ тому или другому.

— Ахъ, я такъ и думала: лѣнтяй, бродяга, бездѣльникъ. Остерегайтесь его, моя дорогая.

Съ этихъ поръ Пютуа обладалъ особымъ характеромъ.

II.

Когда пришли гг. Губэнъ и Жанъ Марто, Бержере посвятилъ ихъ въ суть разговора:

— Мы бесѣдовали о томъ лицѣ, которое моя мать превратила нѣкогда въ садовника въ Сентъ-Омерѣ и которому она дала имя. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ жить и вліять на людей.

— Угодно вамъ будетъ повторить, дорогой профессоръ?—сказалъ Губэнъ, вытирая стекло своего пенснэ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ г. Бержере. — У насъ не было садовника. Его не существовало. Мать сказала: «Я ожидаю садовника». Садовникъ тотчасъ же явился и сталъ дѣйствовать.

— Дорогой учитель,—спросилъ г. Губэнъ, — какъ могъ онъ дѣйствовать, если онъ не существовалъ?

— У него было своеобразное существованіе, — отвѣтилъ г. Бержере.

— Вы хотите сказать: воображаемое существованіе?—спросилъ г. Губэнъ съ презрѣніемъ.

— Развѣ воображаемое существованіе—ничто?—воскликнулъ учитель.—Развѣ миѳическія личности не способны вліять на людей? Поразмыслите надъ миѳологіей, г. Губэнъ, и вы увидите, что не реальныя, а именно воображаемыя существа оказываютъ на души людей самое глубокое и длительное вліяніе. Вездѣ и всегда существа отличавшіяся не бо́льшею реальностью, чѣмъ Пютуа, внушали людямъ ненависть и любовь, ужасъ и надежду, двигали ихъ преступленія, требовали жертвъ, устанавливали обычаи и законы. Г. Губэнъ, подумайте о вѣчной миѳологіи. Пютуа—миѳологическое лицо изъ наименѣе извѣстныхъ, я согласенъ, и притомъ низ-

происхожденія. Грубый сатиръ, сидѣвшій нѣкогда за однимъ столомъ съ нашими сѣверными крестьянами, былъ найденъ достойнымъ появиться на одной изъ картинъ Іордэнса и въ одной изъ басенъ Лафонтэна. Косматый сынъ Сикоракса вступилъ въ возвышенный міръ Шекспира. Пютуа, менѣе счастливый, чѣмъ они, будетъ всегда презираемъ художниками и поэтами. Ему нехватаетъ величія, загадочности и типичности. Онъ явился на свѣтъ среди лицъ, черезчуръ положительныхъ, въ умахъ людей, умѣвшихъ читать и писать, и не обладавшихъ очаровательною фантазіей, разсыпающей сказки. Я думаю, господа, что я сказалъ достаточно для того, чтобы познакомить васъ съ истиннымъ характеромъ Пютуа.

— Я его понимаю,—сказалъ г. Губэнъ.

И г. Бержере продолжалъ свою рѣчь:

— Пютуа жилъ. Я беру смѣлость это утверждать. Онъ существовалъ. Вдумайтесь, милостивые государи, и вы убѣдитесь въ томъ, что «быть» не предполагаетъ какого-либо содержанія, а означаетъ лишь связь сказуемаго съ подлежащимъ, выражаетъ отношеніе.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ Жанъ Марто,—но не имѣть сказуемаго почти равносильно тому, чтобы «не быть». Не помню, кто сказалъ: «Я есмь существующій». Извините мой недостатокъ памяти. Нельзя все упомнить. Но неизвѣстный, сказавшій это, совершилъ неосторожность. Давая понять этимъ опрометчивымъ выраженіемъ, что онъ не имѣетъ сказуемыхъ и лишенъ всякихъ отношеній, онъ заявилъ тѣмъ самымъ, что не существуетъ, и легкомысленно уничтожилъ самого себя. Держу пари, что о немъ болѣе никто не слыхалъ.

— Вы проиграли,—отвѣтилъ г. Бержере.—Онъ исправилъ дурное впечатлѣніе этихъ эгоистическихъ словъ, примѣнивъ къ себѣ цѣлую кучу сказуемыхъ, и о немъ много говорили, но всего чаще безъ всякаго здраваго смысла.

— Не понимаю,—сказалъ г. Губэнъ.

— Понимать не необходимо,—отвѣтилъ Жанъ Марто.

И попросилъ г. Бержере продолжать свой разсказъ о Пютуа.

— Вы очень любезны, прося меня объ этомъ,—сказалъ учитель.

«Пютуа родился во второй половинѣ XIX вѣка въ Сентъ-Омерѣ. учше было бы родиться ему нѣсколькими вѣками раньше въ лѣсу рденнъ или Броселіандъ. Тогда онъ былъ бы злымъ духомъ, изумильнымъ по ловкости.

— Не прикажете ли чашку чаю, господинъ Губэнъ?—сказала нина.

— Но развѣ Пютуа былъ злой духъ?—спросилъ Жанъ Марто.

— Онъ былъ злой,—отвѣчалъ г. Бержере; онъ былъ золъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но онъ не былъ золъ безусловно.—Съ нимъ дѣло обстоитъ, какъ съ дьяволами, которыхъ считаютъ злыми, но въ которыхъ открываютъ и хорошія стороны, когда знакомятся съ ними поближе. И я склоненъ думать, что къ Пютуа были неправы. Госпожа Корнулье, будучи предубѣждена противъ него, заподозрѣла въ немъ тотчасъ же лѣнтяя, пьяницу и вора, но заключила о томъ, что если его нанимала мать, человѣкъ небогатый, то онъ довольствовался, по всей вѣроятности, малымъ; она спросила себя, не будетъ ли ей выгодно замѣнить имъ своего садовника, пользовавшагося лучшей славой, но зато и гораздо болѣе требовательнаго. Наступало время подстригать тисовыя деревья. Она подумала, что если г-жа Элоа Бержере, которая была бѣдна, платитъ Пютуа дешево, то она, будучи богатой, могла платить ему еще дешевле, такъ какъ вошло въ обычай, что богатые платятъ дешевле бѣдныхъ. Она видѣла уже, какъ ея тисовыя деревья подстрижены стѣною, шарами и пирамидами, и безъ особыхъ на то затратъ. «Я буду слѣдить,—говорила она себѣ,—за тѣмъ, чтобы Пютуа не лѣнился и не обкрадывалъ меня. Я ничѣмъ при этомъ не рискую, и это будетъ для меня чистый барышъ. Бродяги работаютъ иногда съ большимъ искусствомъ, нежели честные работники». Она порѣшила сдѣлать опытъ и сказала нашей матери: «Душечка, пришлите мнѣ Пютуа. Я дамъ ему работу въ Монплезирѣ». Мать обѣщала. Она охотно исполнила бы обѣщаніе. Но на самомъ дѣлѣ это оказалось невозможнымъ. Госпожа Корнулье ждала Пютуа въ Монплезирѣ, и ждала его напрасно. Она была послѣдовательна въ мысляхъ и постоянна въ планахъ. Увидѣвшись снова съ матерью, она пожаловалась ей на то, что не имѣетъ никакихъ извѣстій о Пютуа. «Душечка, вы не сказали ему, должно быть, что я его жду?»

— Разумѣется,—сказала! Но онъ такой странный...

— О, я знаю этихъ людей. Я знаю наизусть вашего Пютуа. Едва ли, однако, найдется такой безумный рабочій, который отказался бы придти работать въ Монплезиръ. Мой домъ, я думаю, пользуется извѣстностью. Пютуа долженъ поступить въ мое распоряженіе какъ можно скорѣе, душечка. Скажите мнѣ только, гдѣ онъ живетъ, и я сама его разыщу.

Мать сказала, что не знаетъ, гдѣ живетъ Пютуа, что у него нѣтъ жилища, нѣтъ ни кола, ни двора. «Я давно не видѣла его, сударыня. Я предполагаю, что онъ скрывается». Могла ли она сказать что-либо иное?

Госпожа Корнулье выслушала ее съ недовѣріемъ; она заподозрѣла, что мать обманываетъ ее относительно Пютуа, ограждаетъ его отъ поисковъ, боясь потерять его или позже считаться съ повышенными требованіями съ его стороны. Она сочла ее на самомъ дѣлѣ чрезчуръ эгоистичной. Многіе приговоры, освященные исторіей, столь же хорошо обоснованы, какъ этотъ.

— А между тѣмъ это—правда,—сказала Полина.

— Что—правда?—спросила Зоя, почти засыпая.

— Что приговоры исторіи бываютъ часто несправедливы. Я помню, папа, какъ ты сказалъ: «Госпожа Роланъ была наивна, когда взывала къ безпристрастному потомству, и не замѣчала того, что если ея соотечественники были злыми обезьянами, то и потомство ихъ будетъ состоять изъ злыхъ обезьянъ».

— Полина,—строго спросила мадемуазель Зоя—какое отношеніе имѣетъ исторія Пютуа къ тому, что ты сейчасъ говоришь?

— Весьма большое, тетя.

— Я этого не нахожу.

Г. Бержере, не бывшій врагомъ отступленій, сказалъ дочери:

— Если бы всѣ несправедливости въ концѣ-концовъ исправлялись въ этой жизни, то нечего было бы выдумывать для этого другой жизни. Какъ вы хотите, чтобы потомство одинаково справедливо судило всѣхъ покойныхъ? Какъ можно разспросить ихъ въ томъ мракѣ, куда они всѣ исчезаютъ? Въ ту минуту, когда къ нимъ могли бы отнестись справедливо, ихъ забываютъ. Но можно ли вообще быть когда-либо справедливымъ? Госпожа Корнулье, по крайней мѣрѣ, должна была признать въ концѣ-концовъ, что моя мать ея не обманывала, и что найти Пютуа невозможно.

Однако она не отказалась отъ этой мысли. Она опросила всѣхъ родныхъ, друзей, сосѣдей, слугъ и поставщиковъ, не зналъ ли кто-нибудь изъ нихъ Пютуа. Двое или трое отвѣтили, что никогда о немъ не слыхали. Большинству же казалось, что они знали или видѣли его.

— Я слыхала это имя,—сказала кухарка,—но не могу вспомнить, кто его носитъ.

— Пютуа! да я его отлично знаю,—сказалъ желѣзнодорожный сторожъ, почесывая у себя за ухомъ. Но я не смогу сказать, кто онъ.

Самыя точныя свѣдѣнія были получены отъ г. Блэза, взимальщика пошлинъ при совершеніи документовъ; онъ заявилъ, что Пютуа кололъ у него дрова между 17 и 23 октября, въ тотъ годъ, когда была видна комета.

Однажды утромъ госпожа Корнулье, запыхавшаяся, влетѣла въ рабочую комнату моего отца:

— Я сейчасъ видѣла Пютуа!

— А-а!

— Я его видѣла.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣрена. Онъ подстригалъ стѣну у г. Таншана. Затѣмъ онъ свернулъ въ улицу Аббессъ и пошелъ быстро. Я потеряла его изъ виду.

— Вы увѣрены, что это былъ онъ?

— Безъ сомнѣнія. Человѣкъ лѣтъ пятидесяти, худой, сгорбленный, видъ бродяги, блуза грязная.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ отецъ,—эти примѣты могутъ быть отнесены къ Пютуа.

— Вотъ видите! Сверхъ того, я его окликнула. Я закричала: «Пютуа!», и онъ обернулся.

— Такой пріемъ,—сказалъ отецъ,—употребляется агентами охраны, когда они хотятъ убѣдиться въ тожественности злодѣевъ, которыхъ разыскиваютъ.

— Говорю вамъ, что то былъ онъ!... Я сумѣла его найти, вашего Пютуа! Ну, и недобрый у него видъ. Вы были неосторожны, вы и ваша жена, когда пользовались его услугами. Я умѣю разбираться въ людяхъ, и хотя видѣла только его спину, могу поклясться, что онъ—воръ, а быть можетъ и убійца. Край уха у него не загнутъ внутрь, а это—вѣрный признакъ, который никогда не обманываетъ.

— А! вы замѣтили, что край уха у него не завернутъ?

— Отъ меня ничто не укроется. Милый Бержере, если вы не хотите быть убитымъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, не пускайте Пютуа въ домъ. Еще совѣтъ: перемѣните у себя всѣ замки.

Нѣсколько дней спустя у госпожи Корнулье изъ огорода украли три дыни. Такъ какъ вора не нашли, то она стала подозрѣвать Пютуа. Въ Монплезиръ были приглашены жандармы, и ихъ утвержденія подкрѣпили подозрѣнія госпожи Корнулье. Толпы грабителей опустошали въ то время сады въ округѣ. Но на этотъ разъ кража бы а совершена, повидимому, однимъ человѣкъ и съ необычайною л - костью. Никакихъ слѣдовъ, хотя бы въ видѣ оттисковъ сапогъ а сырой землѣ. Воръ не могъ быть никѣмъ инымъ, кромѣ Пютуа. Та - во было мнѣніе бригадира, который хорошо зналъ Пютуа и ручался, - о въ концѣ-концовъ поймаетъ эту птицу.

Газета Сентъ-Омера посвятила статью тремъ дынямъ госп а

Корнулье и описала, согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, наружность Пютуа. «У него,—писала газета,—низкій лобъ, глаза разнаго цвѣта, бѣгающій взоръ, гусиныя лапки на вискахъ, выдающіяся красныя, блестящія скулы. Край уха не загнутъ внутрь. Худощавый, нѣсколько сгорбленный, тщедушный съ виду, онъ на самомъ дѣлѣ необычайно силенъ: легко ломаетъ въ рукѣ пятифранковую монету между большимъ и указательнымъ пальцами».

Существуютъ серьезныя основанія, утверждала газета, приписывать ему цѣлый рядъ кражъ, совершонныхъ съ удивительною ловкостью.

Весь городъ былъ занятъ Пютуа. Разнесся слухъ, что его арестовали и посадили въ тюрьму. Но вскорѣ узнали, что человѣкъ, котораго приняли за него, былъ продавецъ календарей, по имени Ригоберъ. Такъ какъ противъ него нельзя было выставить никакого обвиненія, то его, послѣ четырнадцати мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, освободили. А Пютуа попрежнему невозможно было найти. Госпожа Корнулье сдѣлалась жертвой еще одной кражи, болѣе дерзкой, чѣмъ первая. У нея изъ буфета похитили три серебряныхъ ложечки.

Она узнала въ этомъ руку Пютуа, повѣсила цѣпь на дверь своей комнаты и перестала спать.

III.

Въ десять часовъ вечера, когда Полина ушла въ свою комнату, мадемуазель Бержере сказала брату:

— Не забудь разсказать о томъ, какъ Пютуа соблазнилъ кухарку госпожи Корнулье.

— Я имѣлъ это въ виду, сестра,—отвѣчалъ г. Бержере.—Пропустить это, значило бы потерять самое прекрасное въ этой исторіи. Но во всемъ нуженъ порядокъ. Пютуа тщательно разыскивался правосудіемъ, которое однако его не нашло. Когда распространилась вѣсть о томъ, что найти его невозможно, то для каждаго стало вопросомъ самолюбія разыскать его; людямъ хитрымъ это удавалось. ... такъ какъ въ Сентъ-Омерѣ и его окрестностяхъ было немало хи... ыхъ людей, то Пютуа видѣли одновременно и на улицахъ, и въ ... ляхъ, и въ лѣсахъ. Къ его характеристикѣ прибавилась такимъ обра... ъ новая черта. Ему приписали даръ вездѣсущія, которымъ обла... отъ многіе народные герои. Человѣкъ, способный переходить въ ... ту минуту огромныя разстоянія и появляющійся внезапно въ томъ ... тѣ, гдѣ его всего менѣе ждутъ, наводитъ на людей законный

страхъ. Пютуа сдѣлался предметомъ ужаса въ Сентъ-Омерѣ. Госпожа Корнулье, убѣжденная въ томъ, что Пютуа укралъ у нея три дыни и три чайныхъ ложечки, жила, погруженная въ страхъ и забаррикадированная въ Монплезирѣ. Засовы, рѣшотки и замки уже не внушали ей спокойствія. Пютуа былъ въ ея глазахъ существомъ способнымъ проникать сквозь дверныя щели. Одно событіе интимнаго характера удвоило ея ужасъ. Ея кухарку соблазнили, и наступила минута, когда та не могла уже скрывать своей ошибки, но упорно отказалась назвать соблазнителя.

— Звали ее Гудулой,—подсказала мадемуазель Зоя.

— Ее звали Гудулой и считали застрахованной отъ любви длинною бородою, росшею у нея на подбородкѣ. Госпожа Корнулье побуждала Гудулу назвать человѣка, обманувшаго и затѣмъ бросившаго ее въ столь затруднительномъ положеніи. Гудула заливалась слезами, но хранила молчаніе. Мольбы, угрозы, ничто не оказывало дѣйствія. Госпожа Корнулье произвела длинное и тщательное слѣдствіе. Она искусно выспросила сосѣдей, сосѣдокъ, поставщиковъ, садовника, желѣзнодорожнаго сторожа и жандармовъ; ничто не навело ея на слѣды виновнаго. Она сдѣлала новую попытку добиться отъ Гудулы полнаго признанія. «Ради васъ самихъ, Гудула, скажите мнѣ, кто онъ»? Гудула была нѣма. Внезапно лучъ свѣта пронзилъ мозгъ госпожи Корнулье: «Это—Пютуа!» Кухарка плакала и не отвѣчала. «Это—Пютуа! Какъ я объ этомъ раньше не догадалась? Это—Пютуа! Несчастная! Несчастная! Несчастная!»

Госпожа Корнулье осталась въ убѣжденіи, что Пютуа подарилъ ребенкомъ ея кухарку. Всѣ обитатели Сентъ-Омера, начиная съ предсѣдателя суда и кончая шавкою фонарщика, знали Гудулу и ея корзину. При извѣстіи о томъ, что Пютуа соблазнилъ Гудулу, городъ преисполнился удивленія, восторга и веселости. Пютуа прославляли. Пользуясь легкими признаками, ему приписали еще пять-шесть ребятъ, родившихся на свѣтъ въ этомъ году. Между прочимъ называли служанку торговца Марешаля, булочницу, разносившую хлѣбъ, и маленькую горбунью съ Понъ-Бике; послушавшись Пютуа, всѣ онѣ получили по малюткѣ.

— Чудовище!—восклицали кумушки.

И Пютуа, невидимый сатиръ, грозилъ непоправимыми бѣдствіями всѣмъ дѣвушкамъ Сентъ-Омера, которыя, по словамъ старожило[illegible], до тѣхъ поръ были необычайно спокойны и добродѣтельны.

Блуждая такимъ образомъ по городу и его окрестности[illegible], Пютуа оставался, однако, особенно тѣсно привязаннымъ къ нашему дому. Онъ проходилъ мимо нашихъ воротъ, и есть основаніе

мать, что иногда перелѣзалъ черезъ ограду нашего сада. Никто никогда не видѣлъ его въ лицо. Но мы ежеминутно встрѣчали его тѣнь, слышали его голосъ, видѣли слѣды его ногъ. Не разъ встрѣчалась намъ его фигура въ сумеркахъ, на поворотѣ дороги. Для меня и для сестры, онъ измѣнялъ нѣсколько свой характеръ. Оставаясь злымъ и недоброжелательнымъ, онъ пріобрѣталъ ребячливую наивность. Онъ становился менѣе реальнымъ и, смѣю сказать, болѣе поэтичнымъ. Онъ входилъ въ кругъ нашихъ дѣтскихъ преданій. То превращался въ щелкуна, то въ старика съ кнутомъ или въ торговца пескомъ, засыпавшимъ по вечерамъ глаза маленькимъ дѣтямъ. Онъ не былъ домовымъ, путавшимъ по ночамъ въ конюшнѣ хвосты жеребятамъ, но зато подрисовывалъ чернильные усы сестринымъ куклямъ. Въ постеляхъ, прежде чѣмъ уснуть, мы прислушивались къ нему: онъ плакалъ на крышѣ вмѣстѣ съ кошками, лаялъ съ собаками, наполнялъ стонами кормушки и подражалъ на улицѣ пѣснѣ запоздалыхъ гулякъ.

Пютуа сталъ для насъ живымъ человѣкомъ и интересовалъ насъ именно тѣмъ, что память о немъ была связана со всѣми предметами, насъ окружавшими. Куклы Зои, мои школьныя тетради, страницы которыхъ онъ столько разъ заливалъ чернилами, стѣна, шедшая, вокругъ сада, надъ которою мы видѣли въ сумеркахъ его горящіе красные глаза, голубой фаянсовый горшокъ, разбитый имъ однажды зимнею ночью (если только то не былъ морозъ); деревья, улицы, скамейки—все напоминало намъ Пютуа, нашего Пютуа, дѣтскаго Пютуа, мѣстное миѳическое существо. Онъ не могъ равняться въ красотѣ и поэзіи демону или дикому фавну Сициліи или Ѳессаліи. Но тѣмъ не менѣе, онъ всетаки былъ полубогъ.

Что касается нашего отца, то въ его глазахъ Пютуа носилъ совсѣмъ иной, эмблематическій и философскій характеръ. Отецъ любилъ и жалѣлъ людей. Онъ не считалъ ихъ черезчуръ разумными; ихъ заблужденія, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были тяжки, забавляли его и заставляли его смѣяться. Вѣра въ Пютуа занимала его, какъ образецъ человѣческихъ вѣрованій вообще. Будучи полонъ ироніи, онъ говорилъ о Пютуа, какъ о живомъ существѣ. Онъ вносилъ въ это такъ много настойчивости и отмѣчалъ обстоятельства съ такою точностью, что мать приходила въ полное изумленіе и замѣчала ему простодушно:

— Можно подумать, что ты говоришь серьезно, мой другъ, а между тѣмъ ты отлично знаешь...

Онъ отвѣчалъ съ важностью:

— Весь Сентъ-Омеръ вѣритъ въ существованіе Пютуа. Я не

былъ бы добрымъ гражданиномъ, если бы сталъ его отрицать. Слѣдуетъ десять разъ подумать, прежде чѣмъ уничтожить предметъ общей вѣры.

Только безусловно честная душа можетъ отличаться такою добросовѣстностью. Отецъ старался согласовать свое личное чувство съ чувствомъ общественнымъ, вѣря, подобно остальнымъ обитателямъ города, въ существованіе Пютуа, но не допуская его прямого участія въ кражѣ дынь и въ обольщеніи кухарокъ. Словомъ, онъ заявлялъ свою вѣру въ существованіе Пютуа, желая остаться хорошимъ гражданиномъ; но обходился безъ него при толкованіи городскихъ событій. Такимъ образомъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни, отъ оставался благороднымъ и умнымъ человѣкомъ.

Что касается матери, то она нѣсколько упрекала себя въ появленіи на свѣтъ Пютуа, и не безъ повода. Ибо въ концѣ-концовъ Пютуа родился изъ лжи нашей матери, какъ Калибанъ родился изъ лжи поэта. Безъ сомнѣнія, проступки были неравны, и мать была менѣе виновна, чѣмъ Шекспиръ. Однако, она испугалась и смутилась, увидѣвъ, что ея маленькая ложь выросла до огромныхъ размѣровъ, и что легкомысленная выдумка пользовалась успѣхомъ, который все росъ, распространялся на весь городъ и грозилъ охватить всю страну. Однажды даже она поблѣднѣла, думая, что ея ложь предстанетъ передъ нею. Въ этотъ день ея прислуга, служившая недавно, и взятая издалека, пришла доложить, что барыню хочетъ видѣть какой-то человѣкъ. Ему нужно, по его словамъ, говорить съ барыней.

— Что это за человѣкъ?

— Онъ одѣтъ въ блузу. У него видъ сельскаго рабочаго.

— Сказалъ ли онъ свое имя?

— Да, сударыня.

— Ну, какъ же его зовутъ?

— Пютуа.

— Онъ вамъ сказалъ, что его зовутъ...?

— Пютуа, такъ точно, сударыня.

— Онъ еще здѣсь?...

— Да, сударыня. Онъ дожидается на кухнѣ.

— Вы его видѣли?

— Да, сударыня.

— Что ему нужно?

— Онъ этого не говоритъ. Онъ хочетъ сказать только барынѣ

— Пойдите и спросите у него.

Когда служанка вернулась на кухню, Пютуа тамъ уже не было. Эта встрѣча прислуги съ Пютуа никогда не была разъяснена. Но съ этого дня мать стала думать, что Пютуа могъ дѣйствительно существовать, и что она, быть-можетъ, и не солгала.

Странный случай.

Мы оканчивали обѣдъ въ ресторанѣ, когда Лабулэ сказалъ мнѣ:

— Я согласенъ, что всѣ эти факты, относящіеся къ мало изслѣдованнымъ еще состояніямъ организма, какъ двойное зрѣніе, внушеніе на разстояніи, правдивыя предчувствія, не наблюдаются съ достаточною строгостью, которая могла бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ научной критики. Всѣ они покоятся на показаніяхъ, которыя, будучи даже искренними, не даютъ увѣренности относительно характера явленія. Эти факты еще недостаточно изучены: я съ тобою согласенъ. Но ихъ возможность несомнѣнна для меня съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ одного такого факта. Благодаря счастливой случайности я могъ соединить всѣ элементы наблюденія. Ты можешь мнѣ повѣрить, если я скажу тебѣ, что я дѣйствовалъ методически и старался устранить всѣ поводы для ошибокъ.

Произнося эту фразу, молодой докторъ Лабулэ обѣими руками ударилъ себя по впалой груди, набитой брошюрами, и наклонилъ ко мнѣ черезъ столъ свою задорную и лысую голову.

— Да, мой милый,—прибавилъ онъ,—благодаря исключительному случаю, одинъ изъ фактовъ этого рода, занесенный гг. Мейеръ и Подморъ въ рубрику «явленій живыхъ людей», развернуло свои стадіи на глазахъ человѣка науки. Я все видѣлъ, все отмѣтилъ.

— Я слушаю.

— Факты,—продолжалъ Лабулэ,—относятся къ лѣту 91 года. Мой другъ Поль Бюке, о которомъ ты часто отъ меня слышалъ, жилъ тогда со своею женою въ маленькой квартиркѣ на улицѣ Гренель, противъ фонтана. Ты не знавалъ Бюке?

— Я видѣлъ его разъ или два. Высокій малый, съ бородой отъ ...ыхъ глазъ. Его жена была блѣдная, съ темными волосами, съ ...пными чертами лица и продолговатыми сѣрыми глазами.

— Именно: желчный и нервный характеръ, довольно уравновѣ...лный. Но когда женщина живетъ въ Парижѣ, нервы у нея берутъ ...хъ... и... пошло писать!... Ты видалъ Адріенну?

— Я встрѣтилъ ее однажды на улицѣ де-ла-Пэ; она стояла съ ...емъ передъ лавкою ювелира, устремивъ жадный взглядъ на сап-

фиры. Красивая женщина и необычайно изящная для жены бѣдняка, погруженнаго въ основы промышленной химіи. Ему не везло, этому Бюке?

— Бюке работалъ въ теченіе пяти лѣтъ въ домѣ Якоба, торгующаго на бульварѣ Мажента продуктами и приборами для фотографіи. Со дня на день его должны были принять въ число компаньоновъ. Не получая тысячъ, онъ занималъ, однако, хорошее положеніе. У него было будущее. Онъ былъ терпѣливъ, простъ и усердный работникъ. Въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ обезпечить себѣ успѣхъ. Въ ожиданіи этого жена его не обременяла его. Какъ истая парижанка, она умѣла изощряться и находила всегда необыкновенные «случаи» для покупки бѣлья, платьевъ, кружевъ и драгоцѣнностей. Она изумляла мужа своимъ умѣньемъ одѣваться на гроши, и Полю льстило то, что она была всегда хорошо одѣта и имѣла роскошное бѣлье. Но это мало занимательно для тебя.

— Это меня очень интересуетъ, дорогой Лабулэ.

— Во всякомъ случаѣ, эта болтовня отвлекаетъ насъ въ сторону. Мы были, какъ ты знаешь, школьными товарищами съ Полемъ Бюке. Мы подружились съ нимъ во второмъ классѣ и не переставали видѣться другъ съ другомъ и послѣ того, какъ двадцати-шести лѣтъ, безъ всякаго положенія, онъ женился на Адріеннѣ по любви и не имѣя гроша за душой. Его женитьба не помѣшала нашей дружбѣ. Адріенна относилась ко мнѣ благосклонно, и я часто ходилъ къ молодымъ обѣдать. Я, какъ тебѣ извѣстно, пользую актера Ларошa и посѣщаю артистовъ, которые время отъ времени даютъ мнѣ билеты въ театръ. Адріенна и ея мужъ очень любили театръ. Когда у меня бывала на вечеръ ложа, я отправлялся къ нимъ обѣдать, а потомъ увозилъ ихъ во Французскую Комедію. Я былъ всегда увѣренъ, что застану въ минуту обѣда Бюке, приходившаго съ фабрики ровно въ шесть съ половиною часовъ, его жену и ихъ друга Жеро.

— Жеро,—спросилъ я,—Марселя Жеро, служившаго въ банкѣ и носившаго такіе прекрасные галстуки?

— Его самаго; онъ былъ хорошъ съ ними. Холостякъ и любезный собесѣдникъ, онъ ежедневно у нихъ обѣдалъ. Онъ привозилъ омары, паштеты и всякаго рода лакомства. Онъ былъ изященъ, любезенъ и говорилъ мало. Бюке не могъ безъ него жить, и мы брали его съ собою въ театръ.

— Сколько ему было лѣтъ?

— Жеро? Не знаю... Между тридцатью и сорока... Итакъ, однажды, когда Ларошъ предложилъ мнѣ ложу, я отправился, по обыкновенію, въ улицу Гренель, къ Бюке. Я немного опоздалъ, и при

засталъ обѣдъ на столѣ. Поль жаловался на голодъ; но Адріенна не хотѣла садиться за столъ безъ Жеро.

— Дѣти мои!—воскликнулъ я.—У меня есть ложа во Французскую Комедію! Сегодня идетъ *Дениза*!

— Поспѣшимъ съ обѣдомъ,—сказалъ Бюке,—чтобы не пропустить перваго акта.

Прислуга подавала на столъ. Адріенна казалась озабоченной и видно было, что каждая проглоченная ложка супа поднимала въ ней отвращеніе. Бюке глоталъ вермишель, ловя языкомъ ея нити, повисшія у него на усахъ.

— Женщины—удивительный народъ,—воскликнулъ онъ.—Вообрази, Лабуле, Адріенна безпокоится отъ того, что Жеро не пришелъ обѣдать. Ей приходятъ въ голову разныя мрачныя предположенія. Скажи ей, что это нелѣпо. Жеро могли помѣшать. У него свои дѣла. Онъ холостъ; онъ не обязанъ никому давать отчета въ своемъ времени. Наоборотъ меня удивляетъ, что онъ посвящаетъ намъ почти всѣ свои вечера. Это любезно съ его стороны. Но справедливость требуетъ того, чтобы дать ему немного свободы. У меня правило: никогда не заниматься тѣмъ, что дѣлаютъ мои друзья. Но женщины не таковы.

— Я непокойна,—сказала госпожа Бюке измѣнившимся голосомъ.—Боюсь, чтобы съ господиномъ Жеро не случилось какого-либо несчастія.

Между тѣмъ Бюке торопилъ обѣдъ.

— Софья!—кричалъ онъ служанкѣ.—Мясо! Салатъ! Софья, сыру! Кофе!

Я замѣтилъ, что госпожа Бюке ничего не ѣла.

— Скорѣй,—сказалъ ей мужъ,—иди одѣваться. Не заставляй насъ, пожалуйста, пропустить первый актъ. Пьеса Дюма не оперетка, изъ которой достаточно услыхать одну, двѣ аріи. Это логическій рядъ слѣдствій, изъ которыхъ не слѣдуетъ пропускать ни одного. Иди, моя дорогая. Мнѣ же стоитъ надѣть только сюртукъ.

Она встала и пошла въ свою комнату, медленно и нехотя.

Ея мужъ и я сидѣли за кофе и курили папиросы.

— Досадно всетаки,—сказалъ Поль,—что этотъ славный Жеро не пришелъ сегодня. Ему было бы интересно посмотрѣть *Денизу*. Но какъ понять тревогу Адріенны по поводу его отсутствія? Я тщетно намекаю ей, что у этого превосходнаго малаго могутъ быть дѣла, въ которыя онъ насъ не посвящаетъ... почемъ я знаю, быть можетъ любовныя дѣла. Она не понимаетъ. Передай-ка мнѣ папиросу.

Въ ту минуту, какъ я протянулъ ему портсигаръ, мы услыхали

въ сосѣдней комнатѣ протяжный крикъ ужаса, а затѣмъ что-то тяжелое и мягкое съ шумомъ упало на полъ.

— Адріенна?—воскликнулъ Бюке. И бросился въ спальню.

Я послѣдовалъ за нимъ. Мы увидѣли Адріенну, лежавшую во весь ростъ на полу, неподвижную, съ бѣлымъ лицомъ и закатившимися глазами. Случай не имѣлъ никакого сходства съ припадкомъ эпилепсіи. На губахъ не было пѣны. Члены были вытянуты, но безъ окоченѣлости. Пульсъ неровный и короткій. Я помогъ мужу посадить ее въ кресло. Почти тотчасъ же кровообращеніе возстановилось, лицо, обычно матово-блѣдное, залила розовая краска.

— Тамъ!—произнесла она, указывая на зеркальный шкафъ,—тамъ я его видѣла! Когда я застегивала лифъ, я увидала его въ зеркалѣ. Я обернулась, думая, что онъ стоитъ сзади меня. Но не видя никого, я поняла и упала.

Тѣмъ временемъ я хотѣлъ убѣдиться, не причинило ли ей паденіе какихъ-либо поврежденій, но ничего не нашелъ. Бюке предлагалъ ей глотнуть мелиссовой настойки съ сахаромъ.

— Ну же, моя милая,—говорилъ онъ ей,—оправься! Кого ты тамъ видѣла? Что ты разсказываешь?

Она снова поблѣднѣла.

— О, я видѣла Марселя.

— Она видѣла Жеро! Это удивительно!—воскликнулъ Бюке.

— Да, я его видѣла,—продолжала Адріенна серьезно.—Онъ взглянулъ на меня, ничего не сказавъ, вотъ такъ.

И она сдѣлала строгое лицо. Бюке бросилъ на меня вопросительный взглядъ.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ я ему;—эти разстройства не серьезны; они могутъ зависѣть отъ болѣзни желудка. Этимъ мы займемся на досугѣ. Въ настоящую же минуту ими некогда заниматься. Я зналъ въ больницѣ желудочного больного, которому подъ каждымъ стуломъ чудилось по кошкѣ.

Когда черезъ нѣсколько минутъ госпожа Бюке совершенно оправилась, мужъ вынулъ часы и сказалъ:

— Если вы думаете, Лабуле, что спектакль не принесетъ ей вреда, то пора ѣхать. Я прикажу Софьѣ позвать карету.

Адріенна быстро надѣла шляпу.

— Поль! Поль! Докторъ! Послушайте: заѣдемъ сначала къ господину Жеро. Я непокойна, я тревожусь сильнѣе, чѣмъ могу выразить.

— Ты сошла съ ума!—воскликнулъ Бюке.—Что, по-твоему, могло случиться съ Жеро? Мы видѣли его вчера совершенно здоровымъ.

Она бросила на меня молящій взглядъ, который, какъ огнемъ, опалилъ мнѣ сердце.

— Лабулэ, другъ мой, мы заѣдемъ къ господину Жеро немедленно, не правда ли?

Я обѣщалъ. Она такъ молила объ этомъ! Поль ворчалъ; ему хотѣлось застать первый актъ. Я сказалъ ему:

— Заѣдемъ всетаки къ Жеро. Это небольшой крюкъ.

Карета ждала насъ. Я крикнулъ кучеру: «5, улица Лувръ, и поскорѣе».

Жеро занималъ на улицѣ Лувръ, неподалеку отъ своего банка, маленькую квартирку въ три комнаты, наполненную галстуками. То была роскошь, которую позволялъ себѣ этотъ славный малый. Едва извозчикъ остановился у его дома, какъ Бюке выскочилъ и, просунувъ голову въ окно привратницы, спросилъ:

— Какъ здоровье г. Жеро?

— Г. Жеро вернулся въ пять часовъ,—отвѣчала привратница,— и забралъ свои письма. Съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ. Если вамъ угодно его видѣть, то лѣстница въ глубинѣ, четвертый этажъ, направо.

Но Бюке уже кричалъ у дверцы кареты:

— Жеро у себя дома. Ты видишь, что твоя тревога была напрасна, моя милая. Кучеръ, во Французскую Комедію!

Тогда Адріенна едва не выпрыгнула изъ экипажа.

— Поль, умоляю тебя, поднимись къ нему. Взгляни на него. Повидай его, это необходимо.

— Подниматься на четвертый этажъ!—сказалъ онъ, пожимая плечами.—Адріенна, ты заставишь насъ пропустить спектакль. Впрочемъ, если женщина заберетъ себѣ что-нибудь въ голову...

Я остался одинъ въ каретѣ съ госпожею Бюке, глаза которой сверкали въ темнотѣ, устремленные на дверь дома. Наконецъ Поль появился:

— Ей-Богу,—сказалъ онъ,—я звонилъ три раза. Онъ мнѣ не отвѣтилъ. Въ концѣ-концовъ, моя милая, у него, безъ сомнѣнія, свои причины желать, чтобы его не безпокоили. У него, можетъ быть, въ гостяхъ женщина. Что въ этомъ удивительнаго?

Взглядъ Адріенны принялъ такое трагическое выраженіе, что я самъ ощутилъ чувство безпокойства. Затѣмъ, мнѣ показалось не совсѣмъ естественнымъ, чтобы Жеро, никогда не обѣдавшій дома, оставался у себя съ пяти до семи съ половиною часовъ вечера.

— Подождите меня здѣсь,—сказалъ я господину и госпожѣ Бюке,—я поговорю съ привратницей.

Она нашла также страннымъ, что Бюке не выходилъ и не пошелъ по обыкновенію обѣдать. Она вела хозяйство этого жильца, и у нея былъ ключъ отъ его квартиры. Она сняла его съ вѣшалки и предложила пойти вмѣстѣ съ нею. Когда мы поднялись на площадку, она отперла дверь и изъ прихожей три-четыре раза позвала: «Господинъ Жеро!» Не получивъ отвѣта, она отважилась войти въ слѣдующую комнату, служившую Жеро спальней. Она окликнула еще разъ: «Господинъ Жеро! Господинъ Жеро!» Ни звука въ отвѣтъ, въ комнатѣ было темно. У насъ не было спичекъ.

— Коробка шведскихъ спичекъ должна быть на ночномъ столикѣ,—сказала привратница, дрожа, и не въ состояніи ступить ни шагу.

Я началъ шарить по столику и почувствовалъ, что мои пальцы прикоснулись къ чему-то липкому.

«Это мнѣ знакомо,—подумалъ я.—Это—кровь».

Когда, наконецъ, намъ удалось зажечь свѣчу, мы увидѣли Жеро, лежавшаго на кровати съ раздробленной головой. Его рука свѣсилась на коверъ, куда упалъ и револьверъ. На столѣ лежало письмо, забрызганное кровью, написанное его рукой; оно было обращено къ господину и госпожѣ Бюке и начиналось такъ: «Мои дорогіе друзья, вы были радостью и очарованіемъ моей жизни». Далѣе онъ сообщалъ имъ о своемъ рѣшеніи умереть, не открывая, однако, причинъ. Но давалъ понять, что къ самоубійству его привели денежныя затрудненія. Я опредѣлилъ, что смерть послѣдовала часъ тому назадъ; итакъ, онъ убилъ себя въ ту самую минуту, когда госпожа Бюке видѣла его въ зеркалѣ.

— Не видишь ли ты въ этомъ случаѣ, мой милый, вполнѣ яснаго факта двойного зрѣнія, или, выражаясь точнѣе, примѣра этихъ удивительныхъ одновременныхъ психическихъ состояній, которыя наука изучаетъ сейчасъ съ большимъ рвеніемъ, нежели успѣхомъ?

— Это могло быть и нѣчто иное,—сказалъ я.—Вполнѣ ли ты увѣренъ, что между Марселемъ Жеро и госпожей Бюке ничего не было?

— Но... я никогда не замѣчалъ чего-либо подобнаго. А затѣмъ, какое могло имѣть это отношеніе?...

Христосъ съ моря.

(Преданіе).

Въ тотъ годъ многіе изъ жителей Сенъ-Валери, отправляясь рыбную ловлю, потонули въ морѣ. Ихъ тѣла выбрасывались вол-

на песокъ вмѣстѣ съ обломками лодокъ; въ теченіе девяти дней по утесистой дорогѣ, ведущей къ церкви, только и дѣлали, что носили гроба, за которыми, плача, шли вдовы въ длинныхъ черныхъ покрывалахъ, какъ женщины въ библіи.

Жанъ Леноэль и его сынъ Дезирэ были также принесены въ церковь и поставлены подъ тѣмъ самымъ сводомъ, въ которомъ нѣкогда они повѣсили въ видѣ дара Пресвятой Дѣвѣ корабль со всѣми его снастями. То были праведные и богобоязненные люди. И священникъ Сенъ-Валери—г. Трюфемъ, послѣ разрѣшенія грѣховъ, сказалъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы:

— Никогда еще не опускали мы въ землю, въ ожиданіи суда Божія, такихъ честныхъ людей и добрыхъ христіанъ, какими были Жанъ Леноэль и его сынъ Дезирэ.

Въ то время, какъ лодки съ ихъ хозяевами гибли у береговъ, большія суда тонули въ открытомъ морѣ, и не проходило дня, чтобы океанъ не выбрасывалъ обломковъ. Однажды утромъ дѣти, плывшія въ лодкѣ, увидѣли фигуру, державшуюся на волнахъ. То была фигура Іисуса Христа, въ человѣческій ростъ, вырѣзанная изъ дерева и раскрашенная,—повидимому, древней работы. Христосъ носился по водѣ, съ распростертыми руками. Дѣти вытащили его на берегъ и отнесли въ Сенъ-Валери. Голова его была охвачена терновымъ вѣнцомъ; руки и ноги были проткнуты, но гвоздей не было, равно какъ и креста. Руки, простертыя какъ бы для дара или для благословенія, дѣлали его такимъ, какимъ его видѣли Іосифъ Аримаѳейскій и жены мироносицы передъ погребеніемъ.

Дѣти передали его священнику Трюфему, который сказалъ имъ:

— Этотъ образъ Спасителя весьма древней работы, и тотъ, кто его дѣлалъ, безъ сомнѣнія, умеръ. Хотя торговцы Амьена и Парижа и продаютъ теперь за сто франковъ превосходныя статуи, но надо признать, что древніе работники были также весьма искусны. Я особенно радуюсь при мысли о томъ, что Іисусъ Христосъ прибылъ съ простертыми руками въ Сенъ-Валери, словно, чтобы благословить столь тяжко испытываемый приходъ и изъявить свою жалость къ б[illegible]някамъ, которые должны съ опасностью для жизни отправляться н[illegible] рыбную ловлю. Онъ Богъ,—ходившій по водамъ и благословлявшій с[illegible]ти рыбаковъ.

И священникъ Трюфемъ, положивъ Христа въ церкви, на пе[illegible]у главнаго престола, пошелъ заказать плотнику Леммеру прекрасн[illegible] крестъ изъ дуба.

Когда крестъ былъ готовъ, то на немъ новенькими гвоздями

укрѣпили изображеніе Христа и поставили крестъ въ церкви, вблизи престола.

Тутъ увидали, что глаза его были полны милосердія и словно увлажнены небесною жалостью.

Церковный староста, присутствовавшій при водруженіи креста, видѣлъ, какъ по божественному лику текли слезы. На слѣдующее утро, когда священникъ вошелъ въ церковь, онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ пустой крестъ; образъ Христа лежалъ на престолѣ.

Тотчасъ послѣ обѣдни онъ приказалъ позвать плотника и спросилъ, зачѣмъ тотъ снялъ образъ Іисуса съ креста. Но плотникъ отвѣтилъ, что онъ не дотрогивался до креста; разспросивъ церковныхъ сторожей, г. Трюфемъ убѣдился въ томъ, что никто не входилъ въ церковь съ той минуты, какъ Христосъ былъ укрѣпленъ на крестѣ.

Тогда онъ подумалъ о чудѣ, и началъ относиться къ этимъ вещамъ съ осторожностью. Въ ближайшее воскресенье онъ сказалъ объ этомъ проповѣдь прихожанамъ и пригласилъ ихъ посильными дарами содѣйствовать воздвиженію новаго креста, болѣе прекраснаго, чѣмъ первый, и болѣе достойнаго поддерживать образъ Искупителя міра.

Бѣдные рыбаки Сенъ-Валери собрали сколько могли денегъ, вдовы принесли свою лепту. Г. Трюфемъ могъ тотчасъ же отправиться въ Аббевиль и заказать тамъ крестъ изъ чернаго дерева, блестящій, со свиткомъ и надписью *INRI* золотыми буквами. Два мѣсяца спустя онъ былъ водруженъ на мѣсто прежняго, и къ нему прикрѣпили Христа, между копьемъ и губкой.

Но Христосъ покинулъ его, какъ покинулъ и первый, и въ ту же ночь очутился снова на алтарѣ.

Священникъ, найдя его тамъ утромъ, упалъ на колѣни и долго молился. Слухъ объ этомъ чудѣ распространился въ округѣ, и амьенскія дамы устроили сборъ въ пользу образа Христа въ Сенъ-Валери. Г. Трюфемъ получилъ изъ Парижа деньги и драгоцѣнности, а супруга морского министра, г-жа Гидъ де-Невиль, прислала ему алмазное сердце. Получивъ въ свое распоряженіе эти драгоцѣнности, ювелиръ въ улицѣ Сенъ-Сюльписъ въ два года сдѣлалъ крестъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, который и былъ съ большою торжественностью поставленъ въ церкви Сенъ-Валери, во второе воскресенье по[сл]ѣ Пасхи въ 18.. г. Но тотъ, кто не отказался отъ креста страданій, о[т]шелъ съ этого богатаго креста и легъ снова на бѣлую пелену [а]лтаря.

Боясь прогнѣвить его, священникъ оставилъ его тамъ на [ц]ѣлый разъ. Болѣе двухъ лѣтъ покоился онъ тамъ, когда Пьеръ [Ш]

Кальу, пришелъ къ г. Трюфему и сказалъ, что онъ нашелъ на берегу моря настоящій крестъ Спасителя.

Пьеръ былъ дурачокъ и такъ какъ онъ не могъ зарабатывать, то рыбаки давали ему хлѣба изъ милости; его любили, ибо онъ никому не вредилъ. Но онъ безъ умолку произносилъ длинныя рѣчи, которыхъ никто не слушалъ.

Между тѣмъ г. Трюфемъ, не переставшій думать о чудѣ Христа съ моря, былъ пораженъ словами дурачка. Онъ отправился вмѣстѣ съ церковнымъ старостой на то мѣсто, гдѣ, по разсказамъ ребенка, послѣдній видѣлъ крестъ, и нашелъ тамъ двѣ доски съ гвоздями, повидимому, долго носившіяся по морю и дѣйствительно составлявшія крестъ.

То были обломки кораблекрушенія; на одной изъ этихъ досокъ стояли буквы, написанныя черною краской: Ж. и Л.; нельзя было сомнѣваться въ томъ, что то были обломки судна Жана Леноэля, погибшаго въ морѣ пять лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ сыномъ Дезирэ.

При видѣ этого, церковный староста и сторожа стали смѣяться надъ дурачкомъ, принявшимъ сломанныя доски судна за крестъ Спасителя. Но священникъ остановилъ ихъ. Онъ много размышлялъ и много молился съ тѣхъ поръ, какъ среди рыбаковъ появился Христосъ съ моря, и передъ нимъ мало-по-малу раскрывалось чудо безконечной любви. Онъ преклонилъ колѣни, прочелъ заупокойную молитву за умершихъ вѣрующихъ, затѣмъ приказалъ старостѣ и сторожамъ взвалить доски на плечи и отнести ихъ въ церковь. Когда это было исполнено, онъ поднялъ Христа съ престола, положилъ его на доски и самъ пригвоздилъ его гвоздями, ржавыми отъ морской воды.

По его приказанію этотъ крестъ со слѣдующаго дня занялъ мѣсто креста изъ золота и драгоцѣнностей. Христосъ съ моря остался на немъ и никогда съ него не сходилъ. Онъ пожелалъ быть пригвожденнымъ къ дереву, на которомъ умирали люди, съ Его именемъ и именемъ Его матери на устахъ. И кажется, что съ высоты этого креста, полуоткрывая свои строгія страдальческія уста, Онъ говоритъ: «Мой крестъ сдѣланъ изъ всѣхъ человѣческихъ страданій, ибо Я самомъ дѣлѣ—Богъ бѣдныхъ и несчастныхъ».

Перев. Ал. Чеботаревская.

Въ Страстной четвергъ.

Огоньки... огоньки
И склоненныя дѣвичьи лица надъ ними...
Міръ, обманутый снами пустыми,
Отдыхаетъ отъ зла и тоски.
Снова дѣтствомъ пахнуло мнѣ нынѣ
И, вдыхая его невозвратную даль,
Я несу—не любовь, а печаль,
Не моей, но прекрасной святынѣ...

Л. М. Василевскій.

Аграрный вопросъ въ жизни соціалистическихъ партій Западной Европы.

Наше отечество стоитъ передъ грандіознымъ переворотомъ въ хозяйственномъ и соціальномъ строѣ его жизни. Многіе милліоны десятинъ земли перемѣнятъ въ недалекомъ будущемъ владѣльцевъ и перейдутъ изъ рукъ ихъ нынѣшнихъ собственниковъ въ мозолистыя руки трудового крестьянства. Въ какія формы облечется эта, почти безпримѣрная по размаху, мобилизація земельной собственности, какіе порядки установятся въ русской деревнѣ въ двадцатомъ вѣкѣ, зависитъ, разумѣется, прежде всего, отъ тѣхъ неуловимыхъ для нашего предвидѣнія политическихъ конъюнктуръ, въ рамки которыхъ дѣло реформы будетъ поставлено исторіей. Но въ нѣкоторой мѣрѣ наложатъ свой отпечатокъ на результаты происходящихъ перемѣнъ и тѣ взгляды на задачи аграрной политики, которые господствуютъ въ русскомъ обществѣ. При широкой распространенности у насъ соціалистическихъ настроеній, особенно сильныхъ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ претворяются въ осязательныя формы мечты и требованія народныхъ массъ, то, въ чемъ наше поколѣніе усмотритъ наиболѣе вѣрные пути приближенія къ соціализму, способно въ значительной степени повліять на очертанія, какія приметъ земледѣльческая Россія послѣ реформы. Въ чемъ же можетъ найти себѣ выраженіе побѣда соціалистическихъ идей при грядущихъ преобразованіяхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы многое опредѣлить въ перестройкѣ сельскохозяйственныхъ отношеній, которую мы переживаемъ. Къ сожалѣнію, яснаго отвѣта у русскихъ соціалистовъ нѣтъ. Нѣтъ одного всѣмъ общаго, всѣми дружно отстаиваемаго рѣшенія, а выдвигаются отдѣльными партіями и фракціями партій другъ друга исключающіе проекты. Ведетъ ли путь къ соціализму чрезъ признаніе права ѣхъ на землю или чрезъ обезземеленіе крестьянской массы? Должны ли едставители соціализма стремиться къ передачѣ земли государству или, ротивъ, немедленное огосударствленіе земли нежелательно, съ точки нія сознательнаго соціалиста, и предпочтителенъ раздѣлъ земли въ полю собственность мелкихъ хозяевъ? Таковы предѣлы, въ которыхъ колются взгляды русскихъ соціалистовъ на задачи и пути аграрной реомы!

Такое положеніе дѣлъ стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ кризисомъ соціалистической доктрины. Старая марксистская догма отмираетъ на нашихъ глазахъ. Ученія же, идущія на смѣну, еще не оформились настолько, чтобы служить ея замѣной. Они не выставили глашатаевъ, подобныхъ Марксу, пророковъ, способныхъ приковать къ своей мысли умы и сердца милліоновъ адептовъ. Критическая работа идетъ своимъ чередомъ, но новаго синтеза соціализмъ еще ждетъ. Естественнымъ спутникомъ перелома доктрины является повсемѣстный разбродъ взглядовъ по важнѣйшимъ вопросамъ программы и тактики. Тѣ же споры, тѣ же противорѣчія, что у насъ, встрѣчаемъ мы повсюду на Западѣ. Это близкое сходство, свидѣтельствуя о неслучайности разногласій, выдвигаетъ вопросъ о тѣхъ факторахъ, которые обусловливаютъ собою закономѣрное наростаніе программныхъ и тактическихъ конфликтовъ въ средѣ соціалистическихъ партій Европы,—вопросъ, интересный не только для историка: съ нимъ связано и выясненіе того, что въ сталкивающихся взглядахъ имѣетъ за себя будущее и что представляется лишь отголоскомъ уже пережитой нами эпохи.

За послѣднее время русская литература обогатилась рядомъ сочиненій, позволяющихъ прослѣдить процессъ перелома доктрины на вопросѣ объ эволюціи аграрной программы соціалистическихъ партій, игравшемъ видную роль въ этомъ процессѣ. Обстоятельное изслѣдованіе Конштедта, ярко написанное историческое введеніе къ извѣстной работѣ Давида, выборки изъ отчетовъ партейтаговъ Германской соціалъ-демократіи, посвященныя аграрному вопросу, и, наконецъ, полные литературнаго блеска очерки В. Чернова («Марксизмъ и аграрный вопросъ», ч. I) даютъ возможность основательно познакомиться съ развитіемъ аграрной программы въ научной литературѣ международнаго соціализма, а также съ исторіей аграрной политики соціалистовъ въ Германіи. Менѣе доступны для русскаго читателя данныя о положеніи дѣлъ внѣ Германіи. Въ виду этого, я использую въ настоящей статьѣ для иллюстрацій преимущественно матеріалы изъ исторіи соціалистическаго движенія въ странѣ, во многихъ отношеніяхъ къ намъ близкой,—въ Италіи. Сильное вліяніе марксизма, стремленіе соціалистовъ въ деревню, встрѣча съ малоземельнымъ обнищалымъ крестьянствомъ, бьющимся въ тискахъ окрестныхъ крупныхъ собственниковъ, дѣлаютъ примѣръ Италіи для насъ особенно интереснымъ.

I.

Соціализмъ, какъ научная система, соціализмъ, какъ общественная си тѣснѣйшимъ образомъ связаны въ своемъ зарожденіи и въ своемъ ро съ крупной обрабатывающей промышленностью и ея судьбами. Наблюде надъ обрабатывающей промышленностью привели Маркса къ его схе исторической необходимости соціализма, какъ стадіи хозяйственнаго раз тія, идущей на смѣну капитализму въ силу естественныхъ законовъ э номической эволюціи. Эта схема,—чарующая схема коммунистическаго

нифеста—стала символомъ вѣры того промышленнаго пролетаріата, въ которомъ она привѣтствовала избранника судьбы, освободителя рода людского отъ вѣковой эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Распространяясь по лицу земли, капитализмъ несъ ее съ собою. Съ каждымъ новымъ его завоеваніемъ, вызывавшимъ къ жизни новыя массы фабрично-заводскаго пролетаріата, марксизмъ торжествовалъ новыя побѣды на пути къ безраздѣльному господству надъ сердцами трудящихся массъ. Всѣ встрѣчныя теченія отступали передъ нимъ. Казалось, его успѣхамъ не будетъ конца; марксизмъ и соціализмъ почти сливались, почти становились синонимами. Но на склонѣ XIX вѣка начинаетъ наростать сильная оппозиція въ средѣ самихъ марксистовъ и подавить ея на этотъ разъ уже не удается, несмотря на весь жаръ, съ которымъ выступаютъ на бой защитники старыхъ ученій. Ядъ «ревизіонизма» постепенно проникаетъ въ соціалистическія партіи всѣхъ странъ, и мѣстами (Голландія, съѣздъ въ Утрехтѣ 1906 года) новое теченіе уже одерживаетъ верхъ.

Въ сложной сѣти обстоятельствъ, которыми обусловленъ этотъ поворотъ судьбы, выдвигается на видное мѣсто необходимость считаться съ аграрной проблемой, обострившейся для соціалистическихъ партій къ концу вѣка. Соціалистическое движеніе стало лицомъ къ лицу съ деревней, съ трудовымъ крестьянствомъ, и традиціонный марксизмъ очутился передъ неразрѣшимой задачей. Въ схему, выведенную изъ наблюденій надъ обрабатывающей промышленностью, сельскія отношенія отказывались укладываться. Попытки приспособиться къ обстоятельствамъ путемъ частичныхъ поправокъ не увѣнчались успѣхомъ. Чтобы выбиться изъ заколдованнаго круга, волей-неволей приходится ломать все построеніе.

II.

Крупное производство, технически болѣе совершенное и экономически болѣе сильное, вытѣсняетъ повсемѣстно мелкое. Классъ самостоятельныхъ трудовыхъ производителей обреченъ на гибель ходомъ экономической эволюціи. Отстаивать его интересы, поддерживать его въ борьбѣ съ капиталистической организаціей производства—это идти наперекоръ естественному ходу исторіи и играть въ руку хозяйственной, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и соціальной реакціи. Внѣ роста производительныхъ силъ страны не должно быть упованій для трудящихся классовъ, а на той ступени экономическаго развитія, на которой человѣчество нынѣ стоитъ, ростъ производительныхъ силъ неразрывно связанъ съ концентраціей производства. Утрата орудій тр да самостоятельными производителями, сосредоточеніе средствъ произво ства въ рукахъ немногихъ счастливыхъ избранниковъ судьбы, пролетари ація трудящихся массъ не должны страшить насъ. Это лишь преходяща фаза на пути общественнаго развитія. Концентрація средствъ произво ства дойдетъ постепенно до своихъ естественныхъ предѣловъ; капиталис ическія формы хозяйства начнутъ, въ свою очередь, связывать ростъ пр изводства; пролетаріатъ, въ которомъ къ тому времени сольются всѣ

трудовые элементы общества, сознаетъ свою силу и свои интересы. Историческая миссія капитализма будетъ тогда выполнена; станетъ возможенъ и необходимъ дальнѣйшій шагъ къ иному строю общественныхъ отношеній. Экспропріаторы будутъ экспропріированы; средства производства будутъ возвращены тѣмъ, кто прилагаетъ къ нимъ свой трудъ. Эта обратная передача орудій труда рабочему населенію страны осуществится, однако, уже не въ формѣ снабженія каждаго отдѣльнаго работника всѣмъ тѣмъ, что ему необходимо для самостоятельнаго хозяйства. Средства производства, сосредоточенныя повсемѣстно въ крупныхъ предпріятіяхъ, могутъ быть переданы лишь обществу, какъ цѣлому, въ цѣляхъ общественной организаціи народнаго труда: обобществленіе средствъ производства и обобществленіе самаго производства — вотъ естественный исходъ капиталистическаго развитія. Мелкій самостоятельный производитель докапиталистической эпохи, убитый мощью капиталистическаго крупнаго предпріятія, не воскреснетъ въ соціалистическомъ строѣ. Мелкое предпріятіе осуждено безповоротно. Это — фактъ, непреложно установленный научнымъ анализомъ. На этомъ фактѣ покоится естественная необходимость конечнаго торжества соціализма. Не вычеркнетъ его и переустройство общества на соціалистическихъ началахъ.

Это построеніе, провѣренное на опытѣ обрабатывающей промышленности, было безъ колебаній перенесено на область сельскохозяйственнаго производства. Первоначально въ коммунистическомъ манифестѣ — безъ подчеркиванія, путемъ одного лишь упоминанія о крестьянинѣ наряду съ ремесленникомъ, какъ о вымирающихъ классахъ прошлаго, уступающихъ въ современномъ обществѣ мѣсто пролетарію. Позднѣе—путемъ прямого отождествленія хода развитія сельскаго хозяйства съ ходомъ эволюціи обрабатывающей промышленности. «Мелкое крестьянское хозяйство стоитъ въ томъ же отношеніи къ современному крупному сельскохозяйственному производству, въ какомъ ручное пряденіе и ткачество находятся къ машинному»—провозглашалъ Марксъ устами Эккаріуса, произведеніе котораго («Возраженія рабочаго Дж. Ст. Миллю»), просмотрѣнное Марксомъ, пользовалось долгое время большимъ авторитетомъ въ литературѣ соціализма по аграрному вопросу. «Принимая во вниманіе, что условія производства и примѣненіе научныхъ законовъ агрономіи требуютъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства и дѣлаютъ необходимыми введеніе машинъ и организацію сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и что вообще современное экономическое развитіе идетъ въ направленіи къ крупному сельскохозяйственному производству»,—брюссельскій конгрессъ Интернаціонала высказывался въ 1868 году, въ первомъ по времени принципіальномъ постановленіи рабочей партіи по аграрному вопросу, «за обращеніе земли въ общественную собственность», а Штутгартскій съѣздъ марксистскаго крыла рабочаго движенія въ Германіи дополняетъ въ 1870 году мотивировку указаніемъ на то, что «въ земледѣліи, какъ и въ промышленности происходитъ постепенное вытѣсненіе мелкихъ и среднихъ собственниковъ крупны-

Такая постановка вопроса крайне облегчала построеніе аграрной программы. Точнѣе: она дѣлала особую аграрную программу излишней. Если между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ нѣтъ, съ точки зрѣнія движенія къ соціализму, существенныхъ различій, то выводъ ясенъ и безспоренъ: программа и тактика соціализма въ деревнѣ должны быть тѣ же, что на фабрикѣ. Во имя роста производительныхъ силъ страны и конечнаго торжества соціализма, какъ завершителя процесса капиталистическаго развитія, соціалисты должны привѣтствовать проникновеніе капитализма въ деревню. Обезземеленіе, пролетаризація крестьянъ не должны ихъ смущать. «Пусть тотъ, кто любитъ попятное движеніе, такъ какъ находитъ въ немъ свою выгоду, радуется, что этотъ слой сельскохозяйственнаго населенія еще держится; прогрессъ человѣчества требуетъ, чтобы онъ исчезъ» (Бебель). Мелкое крестьянство—элементъ враждебный культурѣ. Его исчезновеніе слѣдуетъ привѣтствовать съ точки зрѣнія сельскохозяйственной техники, такъ какъ крупное капиталистическое предпріятіе выгоднѣе для народнаго производства, нежели мелкое мужицкое. Его слѣдуетъ привѣтствовать и съ точки зрѣнія прямыхъ интересовъ соціализма, такъ какъ, сметая трудовое крестьянство, крупное производство расчищаетъ соціалистическимъ идеямъ дорогу въ деревню: оно воспитываетъ въ массахъ сознаніе, что передача всѣхъ средствъ производства въ руки общества представляетъ единственный исходъ изъ капиталистической эксплоатаціи. Что касается соціалистической пропаганды въ деревнѣ, то она, прежде всего, должна быть обращаема къ сельскому пролетаріату, къ тѣмъ лицамъ, занятымъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя, работая по найму въ чужомъ предпріятіи, не обладаютъ сковывающей ихъ разумъ мелкой собственностью и чувствуютъ себя—или, по крайней мѣрѣ, должны почувствовать, какъ только прояснится ихъ сознаніе,—товарищами по судьбамъ городскихъ рабочихъ. Имъ долженъ быть предложенъ идеалъ обобществленія земли; во имя этого идеала они должны быть организованы, на почвѣ его должно быть пробуждено въ нихъ сознаніе солидарности всѣхъ трудящихся классовъ и убѣжденіе въ необходимости общей организаціи всего пролетаріата. Крестьянину же собственнику, хотя бы онъ и не эксплоатировалъ въ своемъ хозяйствѣ чужого труда, соціализмъ можетъ лишь предложить отречься отъ своей жалкой собственности во имя идеала обобществленія всѣхъ средствъ производства, «добровольно экспропріировать себя ради общаго блага», какъ приглашало въ 1870 году обращеніе къ крестьянамъ нѣмецкаго центральнаго
и итета Интернаціонали въ Женевѣ. Благо крестьянству, если оно пой
д ъ навстрѣчу этой проповѣди; оно ускоритъ тѣмъ ростъ соціализма и
п риблизитъ часъ коренныхъ преобразованій, которыя освободятъ и кре
с янъ отъ неравной борьбы съ капиталомъ. Но если даже, въ своей
з оснѣлой заинтересованности, крестьянинъ будетъ упираться, это дѣла
н изменитъ: ходъ экономическаго развитія научитъ его понимать свои

дѣйствительные интересы; крестьянинъ станетъ поневолѣ соціалистомъ, когда крупное капиталистическое производство экспропріируетъ его и обратитъ въ наемнаго батрака.

III.

Съ такою проповѣдью соціализмъ идетъ въ деревню. Мѣстами онъ встрѣчаетъ откликъ. Наибольшій успѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, агитація имѣетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе ведется на капиталистическихъ началахъ, гдѣ преобладаетъ крупная земельная собственность и крупное хозяйство, опирающееся на наемный трудъ безземельныхъ батраковъ и поденщиковъ. Всѣмъ извѣстны успѣхи соціалистической пропаганды среди рабочихъ венгерскихъ латифундій. Еще, пожалуй, эффектнѣе результаты соціалистической агитаціи въ Италіи, гдѣ первые годы двадцатаго вѣка ознаменовались небывало быстрымъ ростомъ соціалистическихъ организацій въ сельскохозяйственной средѣ и безпримѣрными успѣхами трудового населенія деревни въ борьбѣ съ собственниками земли за лучшія условія жизни и труда. Здѣсь соціалистической пропагандѣ удалось пустить корни даже въ массѣ мелкаго крестьянства, стоящаго на рубежѣ между собственникомъ и батракомъ и извлекающаго средства къ существованію отчасти изъ работы по найму въ чужомъ хозяйствѣ, отчасти изъ обработки собственной земли. «Долой нашу собственность», восторженно провозглашали въ Италіи распропагандированные крестьяне, собираясь на конгрессы. Массами подавали они свои голоса за соціалистовъ на парламентскихъ выборахъ: по признанію итальянскихъ соціалистовъ, ихъ кандидаты обязаны своими успѣхами на выборахъ въ значительной мѣрѣ поддержкѣ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ.

Но успѣхи соціалистической пропаганды въ деревнѣ были скорѣе внѣшніе. Соціалистическая масса сельскаго люда обоготворяетъ своихъ вождей, слѣпо подчиняется ихъ вліянію, рьяно поддерживаетъ на выборахъ, но не вникаетъ глубже въ ихъ идеалы. Не перспективы грядущихъ соціалистическихъ порядковъ увлекаютъ ее, а непосредственная борьба за жизненные интересы. «Крестьянинъ говоритъ на выборахъ «Фольмаръ»—иронизировалъ на Франкфуртскомъ съѣздѣ партіи Ауэръ—«какъ онъ говоритъ «Зигль» (извѣстный баварскій клерикальный демагогъ). Но никогда не говоритъ онъ «соціалъ-демократія». Не иначе обстояло дѣло и въ Италіи. Не проповѣдь коллективизма, а проповѣдь классовой борьбы и классоваго единенія, какъ залога успѣховъ въ борьбѣ, воодушевляла обывателей деревни, примыкавшихъ къ соціализму. Гдѣ съ тѣми же пріемами агитаціи къ нимъ [illegible] носители иныхъ идеаловъ, крестьяне и сельскіе рабочіе съ немень[illegible]ей отзывчивостью воспринимали иные лозунги. Молодая христіанская де[illegible]ократія не безъ успѣха соперничала съ соціалистами въ дѣлѣ организа[illegible]ія сельскаго пролетаріата на защиту его классовыхъ интересовъ, пока запр[illegible]ты Ватикана не подрѣзали ея стараній. Сознательные дѣятели соціализма [illegible]е могли долго закрывать себѣ глаза на то, что проповѣдь коллектив[illegible]ма

находитъ слабый отзвукъ въ средѣ, разбуженной ихъ агитаціей, что порою она претворяется въ головѣ соціалиста-мужика въ идею «чернаго передѣла»—раздѣла между трудовыми земледѣльцами помѣщичьихъ земель,—а чаще вовсе проходитъ мимо его сознанія. «Подайте крестьянину лучъ надежды, внушите ему идею, выходящую за прозаическіе предѣлы его повседневныхъ заботъ,—заботъ почти исключительно лишь о кускѣ хлѣба,—и за эту идею, за эти надежды онъ будетъ терпѣливо подвергать себя мукамъ голода, вмѣстѣ съ своими товарищами по нуждѣ, покупая своими страданіями право мечтать для своихъ дѣтей о будущемъ, менѣе печальномъ и не столь невѣрномъ». Такъ характеризуютъ психологію соціалистическаго движенія въ крестьянской средѣ видные дѣятели соціалистической пропаганды въ итальянской деревнѣ, Бономи и Вецціани, въ своемъ интересномъ очеркѣ исторіи пролетарскаго движенія въ провинціи Мантуѣ. «Если вы,—поясняетъ другой итальянскій соціалистъ, противникъ агитаціи въ деревнѣ,—изъ факта, что крестьяне подаютъ свои голоса за соціалистическихъ кандидатовъ, заключаете, что эти крестьяне сами стали соціалистами, что они мыслятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ должны были бы мыслить и какъ дѣйствовали бы на ихъ мѣстѣ пролетаріи, то вы—простите за откровенность—глубоко заблуждаетесь. Такой крестьянинъ знаетъ и отлично знаетъ, что положеніе пролетарія зло и что нѣтъ зла болѣе горькаго; онъ борется, чтобы не упасть въ это положеніе, а чтобы удержаться, онъ хватается за всякое средство, за всякую форму оппозиціи и сопротивленія. Въ нашихъ рѣчахъ и въ нашихъ разсужденіяхъ онъ видитъ лишь свою испольщину, свою аренду, свой клочокъ земли, хозяиномъ котораго, хотя и номинальнымъ, онъ продолжаетъ оставаться и чувствовать себя; за свое хозяйство онъ держится какъ за доску, которая не даетъ ему пойти ко дну въ грозящихъ захлестнуть его волнахъ. Съ точки зрѣнія интереса самосохраненія, внѣ котораго у нихъ и нѣтъ иныхъ интересовъ, крестьяне и расцѣниваютъ ваши идеалы; они истолковываютъ ихъ по-своему, и въ то время, какъ вы толкаете крестьянъ впередъ, они хоть по виду и помогаютъ вамъ, но въ сущности желаютъ не то что остаться на мѣстѣ, а даже попятиться назадъ». Чувство классовой солидарности, энергія и выдержка въ классовой борьбѣ—вотъ несомнѣнные результаты соціалистическаго воспитанія деревни, тамъ, гдѣ соціалистическая пропаганда дошла до нея. Но отчетливаго воспріятія марксистскихъ ученій, сознательнаго объединенія съ промышленнымъ пролетаріатомъ на почвѣ коллективистическаго идеала нѣтъ даже тамъ, гдѣ сельское населеніе откликается на призывъ соціалистовъ. Въ большинствѣ же случаевъ марксистская проповѣдь оставляетъ деревню глухой, если не вызываетъ прямого раженія. «Нашъ долгъ пойти къ приходящему въ отчаяніе крестьянству и казать ему, исходя изъ его положенія, что это положеніе не является ходящимъ, а, напротивъ, вытекаетъ въ силу естественной необходимо- изъ условій капиталистическаго производства, и что помочь ему можетъ ть преобразованіе общества на соціалистическихъ началахъ» (Каутскій

на съѣздѣ въ Бреславлѣ). «Долгъ нашей партіи,—разсуждаетъ Энгельсъ,—постоянно и неуклонно разъяснять крестьянину полную безнадежность его положенія при существованіи капиталистическаго строя, полную невозможность для него сохранить свою собственность, какъ собственность мелкаго клочка земли, полную несомнѣнность того, что капиталистическое крупное производство такъ же устранитъ безсильное, отжившее свой вѣкъ мелкое крестьянское хозяйство, какъ устранилъ желѣзнодорожный поѣздъ ручную телѣжку. Если мы будемъ такъ поступать, то будемъ дѣйствовать въ духѣ экономическаго развитія, а оно уже научитъ крестьянъ внимать нашимъ рѣчамъ». «Очень принципіально,—замѣчаетъ Фольмаръ на Франкфуртскомъ съѣздѣ партіи по поводу подобныхъ разсужденій,—одно лишь плохо: съ такими разговорами къ мужику и не подступайся». Перспектива обобществленія орудій труда и общественной организаціи производства воодушевляетъ городского пролетарія. Но мужика ею не увлечешь. Сколько ни соблазняй его картинами грандіозныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій съ полями, обрабатываемыми стройными арміями земледѣльцевъ, какъ ни увѣряй, что въ подобныхъ условіяхъ «онъ съ одной заработной платы будетъ жить лучше, нежели нынѣ съ заработной платы и съ своей мелкой собственности, вмѣстѣ взятыхъ» (Цеткина на съѣздѣ въ Бреславлѣ) и будетъ въ состояніи вести болѣе культурный образъ жизни въ качествѣ работника, нежели теперь въ качествѣ собственника (тамъ же), онъ, тѣмъ не менѣе, упорно держится за идеалъ *своего* хозяйства хотя бы и на небольшомъ клочкѣ земли. Во что выливается пропаганда коллективизма въ деревнѣ? Картинно и живо разсказываетъ намъ объ этомъ Бономи: «Разумѣется, наша пропаганда не забываетъ о конечныхъ цѣляхъ и не идетъ съ ними вразрѣзъ; напротивъ, она чувствуетъ потребность опереться на нихъ для того, чтобы слить въ общемъ стремленіи къ счастью и справедливости въ одно гармоническое цѣлое разнообразные и отчасти противорѣчивые интересы той громадной народной массы, которую она увлекаетъ. Но проповѣдь въ деревнѣ не можетъ выдвигать конечныя цѣли какъ неизбѣжныя и неотвратимыя: онѣ не могутъ принимать здѣсь того характера, который получаютъ тамъ, гдѣ идетъ горячая борьба между двумя лишь общественными классами, ясно обособленными и вполнѣ сформировавшимися. Въ деревнѣ еще отсутствуютъ тѣ историческія предпосылки, изъ которыхъ соціалистическій строй вытекаетъ съ логической неизбѣжностью; представленіе о немъ оказывается оторваннымъ отъ современной дѣйствительности, и соціалистическое общество вырисовывается гдѣ-то вдали въ видѣ капители колонны, отъ которой мы едва еще видимъ основаніе. Но чѣмъ болѣе отходитъ соціалистическая организація общества отъ современной, къ которой она на первый взглядъ ничѣмъ и не привязана, тѣмъ болѣе расплывчатыя, но чарующія и яркія формы принимаютъ мечты о ней, тѣмъ сильнѣе захватываютъ они сознаніе мелкаго собственника-ремесленника, облекаясь въ немъ въ контуры естественнаго права. Когда бесѣдуешь съ этими соціалистами, такъ и кажется, что передъ тобою

всей разницѣ умственныхъ силъ, разсуждаетъ Жанъ Жакъ Руссо. Этимъ объясняется тотъ идеализмъ, тотъ расцвѣтъ наивной и твердой вѣры, который мы видимъ въ мантуанской и эмиліанской деревнѣ, гдѣ, можно сказать, громадныя толпы мечтателей напряженно ожидаютъ восхода возвѣщенной имъ зари. Обиліе символовъ, знамена, музыка, самый характеръ образныхъ и полныхъ страсти рѣчей ораторовъ могли бы свидѣтельствовать, если бы въ томъ была нужда, о мистической окраскѣ, какую принимаютъ здѣсь соціалистическія идеи».

Оставимъ, однако, крестьянъ-собственниковъ съ ихъ фантастической привязанностью къ насиженному клочку земли. Соціализмъ долженъ, вѣдь, говорятъ намъ, идти къ безземельному пролетарію—батраку и поденщику. Имъ нечего терять при замѣнѣ индивидуальной собственности общественною; они не будутъ такъ глухи къ пропагандѣ. Жизнь разбиваетъ и эти упованія. Въ мѣстностяхъ мелкаго земледѣлія и сельскій рабочій мало воспріимчивъ къ проповѣди коллективизма. Пока имъ не утеряна надежда обзавестись когда-либо клочкомъ своей земли, онъ ближе подходитъ въ своихъ мечтахъ къ своему работодателю-мужику, чѣмъ къ городскому пролетарію. Коллективизмъ, какъ идеалъ,—плодъ капиталистической концентраціи. Пока держится мелкое самостоятельное предпріятіе, идеалъ обобществленія производства не находитъ себѣ почвы даже среди тѣхъ тружениковъ, которые не стоятъ на верхнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. При цеховомъ строѣ подмастерье мечтаетъ не объ обобществленіи орудій производства, а о томъ, чтобы стать мастеромъ. Тѣ отрасли обрабатывающей промышленности, въ которыхъ сравнительно высокому проценту рабочихъ удается самостоятельно устроиться, и сейчасъ слабо поддаются соціалистическому вліянію. «Тѣсная связь соціализма съ капитализмомъ выражается, между прочимъ, въ томъ, что среди членовъ соціалъ-демократической партіи мы въ громадномъ большинствѣ (ganz überwiegend) встрѣчаемъ представителей тѣхъ круговъ рабочаго населенія, которымъ капиталистическая концентрація закрываетъ всякую надежду завести когда-либо впослѣдствіи самостоятельное дѣло» (R. Michels, Die deutsche Sozialdemokratie, Archiv für Sozialwiss. und Sozialpolitik, Bd. XXIII, S. 515). То же наблюдается и въ земледѣліи. Тамъ, гдѣ сильно мелкое крестьянское хозяйство, сельскій рабочій раздѣляетъ крестьянскую идеологію, а не идеологію фабрично-заводскаго рабочаго. Если онъ и повторяетъ за вождями «обобществленіе средствъ производства», какъ повторяетъ порою и крестьянинъ-собственникъ, то лишь потому, что во имя этого лозунга его организуютъ для классовой борьбы, обѣщающей ему выгоды теперь же, при современномъ строѣ. Но даже на почвѣ классовой организаціи пропаганда, не считающаяся съ крестьянствомъ, терпитъ въ деревнѣ неудачи. Какъ показываетъ опытъ, классовая борьба сельскаго пролетаріата почти не мыслима безъ поддержки крестьянства—въ тѣхъ мѣстностяхъ, разумѣется, гдѣ крестьянство сильно. Въ Италіи это фактъ общепризнанный, которымъ считаются всѣ. Не будетъ ли измѣной соціалистическимъ

принципамъ, если къ участію въ организаціяхъ сельскихъ рабочихъ привлекать мелкихъ собственниковъ? На конгрессѣ въ Болоньѣ въ 1901 году этотъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ. На конгрессѣ было представлено 704 лиги сельскихъ рабочихъ и крестьянъ. Марксистовъ, щепетильныхъ по части догматовъ вѣры, не мало и въ Италіи. Не мало ихъ было и на конгрессѣ. Говорились горячія рѣчи; весьма убѣдительно доказывалось, что, сливая въ общей организаціи пролетарія и собственника, хотя бы и мелкаго, соціалисты затемняютъ классовое самосознаніе и сами роютъ себѣ яму. Но верхъ взяли соображенія практической необходимости. Безъ поддержки крестьянъ лига рабочихъ обречена на неуспѣхъ,—указывали дѣятели аграрнаго движенія. Притомъ, если не включать крестьянъ въ наши лиги, крестьянство организуется безъ насъ, и тогда оно организуется противъ насъ, попадетъ подъ вліяніе клерикальной пропаганды и крупныхъ земельныхъ собственниковъ.

Выводъ ясенъ. Для тѣхъ мѣстностей, гдѣ сильно трудовое крестьянство, соціалистическая агитація, вычеркивая крестьянъ, тѣмъ самымъ ставитъ крестъ и на сельскомъ пролетаріатѣ.

IV.

Результаты попытокъ соціалистовъ вести въ деревнѣ пропаганду тѣми же пріемами, какъ въ городѣ, своею наглядностью били въ глаза. Въ городахъ блестящія побѣды, головокружительный ростъ числа голосовъ, подаваемыхъ на выборахъ за соціалистическихъ кандидатовъ; въ деревнѣ полный застой за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ рьяные пропагандисты поступаются въ своемъ усердіи строгостью доктрины. Такой контрастъ не могъ не производить впечатлѣнія. Проповѣдывать соціализмъ крестьянамъ въ современной деревнѣ дѣло безнадежное,—были вынуждены признать марксисты. «Это все равно что искать оранжерейныхъ цвѣтовъ на глетчерахъ»; «ухаживая за крестьянами въ надеждѣ привлечь ихъ на сторону пролетаріата, мы теряемъ не только время, но и репутацію добросовѣстныхъ людей» — такъ формулировали свои впечатлѣнія болѣе прямолинейные изъ числа представителей марксизма въ Италіи,—въ странѣ, гдѣ проповѣдь соціализма въ деревнѣ все же имѣла значительный успѣхъ.

Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Горячія головы пробовали искать утѣшенія въ томъ, что можно обойтись и безъ деревни. Пролетаріатъ и самъ по себѣ достаточно силенъ, чтобы добиться побѣды. «Если сельское хозяйство не пойдетъ по стопамъ промышленности, то деревню поведетъ силою къ соціализму торжествующій пролетаріатъ». На подобныя мечтанія Либкнехтъ сурово возражалъ: «Мы не нуждаемся въ крестьянахъ, чтобы сдѣлать революцію, но никакая революція не устоитъ, если крестьянство будетъ противъ нея»; «безъ сельскихъ рабочихъ и крестьянъ борьба на безнадежна; съ ними наша побѣда несомнѣнна».

Правовѣрному марксисту оставалось лишь возложить упованіе на

что капитализмъ постепенно проникнетъ въ деревню, вытѣснитъ трудовое крестьянство и положитъ, наконецъ, и тамъ основу безземельному пролетаріату. Мощный своею численностью, классъ наемныхъ сельскихъ рабочихъ проникнется сознаніемъ полной солидарности своихъ интересовъ съ интересами пролетаріата промышленнаго, пойметъ, что при грядущемъ переворотѣ и ему нечего терять кромѣ цѣпей, а пріобрѣсти предстоитъ весь міръ, и протянетъ руку своимъ городскимъ товарищамъ. Правда, не быстро идетъ деревня къ этому желанному состоянію обезземеленія крестьянства. Но что же подѣлаешь! «Странный, право, народъ соціалисты. Они установили научный законъ поглощенія мелкой собственности крупною,—законъ, непоколебимый въ своихъ основахъ, какъ теорема Евклида. А затѣмъ, видя, что эта мелкая собственность упирается и медлитъ исчезать съ лица земли, они въ нетерпѣніи негодуютъ и даже начинаютъ сомнѣваться въ справедливости самаго закона. Развѣ колеблетъ естествоиспытателя въ вѣрѣ въ законы эволюціи тотъ фактъ, что онъ не видитъ со дня на день появленія новыхъ видовъ растительныхъ и животныхъ. Развѣ геологъ начинаетъ отрицать, что путемъ постепенныхъ отложеній осадочныхъ слоевъ образуются скалы, изъ-за того одного, что ему не дано въ концѣ каждаго года видѣть новыя скалы, образовавшіяся подобнымъ путемъ! Терпѣніе, терпѣніе» (Де-Мартини).

V.

Трудно было марксизму разставаться съ убѣжденіемъ въ полной аналогіи путей развитія земледѣлія и обрабатывающей промышленности. Съ вѣрой въ повсемѣстное торжество крупнаго производства выпадалъ краеугольный камень всего ученія: пролетаріатъ переставалъ быть единственнымъ жизнеспособнымъ трудовымъ классомъ общества; классовая борьба пролетаріата за его идеалы переставала охватывать собою стремленія всѣхъ сознательныхъ представителей труда въ современномъ обществѣ. Но жизнь съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ научно-описательнымъ изслѣдованіемъ все нагляднѣе показывала, что пора проститься съ той упрощенной схемой, которая, возникнувъ въ срединѣ вѣка, такъ долго лежала въ основѣ соціалистической доктрины. Техническія отличія земледѣлія отъ обрабатывающей промышленности выяснялись все рельефнѣе; все нагляднѣе обнаруживался фактъ, что мелкое производство въ земледѣліи не уступаетъ передъ натискомъ крупнаго, а, напротивъ, во многихъ случаяхъ беретъ надъ нимъ верхъ; все отчетливѣе обрисовывались тѣ условія, которыя способствуютъ нынѣ въ земледѣліи успѣхамъ мелкаго хозяйства, и все яснѣе становилось, что нѣтъ основаній ждать крупныхъ перемѣнъ и въ будущемъ. Новые факты, неизвѣстные творцу «Капитала», требовали пересмотра системы.

Сознаніе необходимости проститься съ старыми догмами, поскольку онѣ захватывали область сельскаго хозяйства, рано начало просыпаться

въ тѣхъ углахъ Германіи, гдѣ соціальный строй покоится на крѣпкомъ крестьянствѣ. Югъ и юго-западъ — Фольмаръ (Баварія) и Давидъ (Гессенъ) — сдѣлались центромъ новаго движенія въ нѣдрахъ марксистской соціалъ-демократіи. Не выжидая благословенія партіи, соціалъ-демократы этихъ частей Германіи вступили въ мѣстныхъ парламентахъ и въ своей агитаціи на путь поддержки крестьянскихъ требованій. Соціализмъ не долженъ быть партіей одного лишь фабрично-заводскаго пролетаріата, онъ долженъ охватить всѣ трудовые элементы народа—стало здѣсь лозунгомъ. Привлечь къ соціализму трудовое крестьянство стало ближайшей задачей. Былъ моментъ, когда казалось, что окрыленные успѣхами южане увлекутъ на новый путь всю партію. Но ортодоксальный марксизмъ, сильный своимъ перевѣсомъ на промышленномъ сѣверѣ, спохватился и далъ отпоръ. Послѣ минутнаго торжества на захваченномъ врасплохъ Франкфуртскомъ съѣздѣ партіи (въ 1894 году) южане были на-голову разбиты на съѣздѣ слѣдующаго года въ Бреславлѣ. Проекты аграрной комиссіи, выбранной во Франкфуртѣ, вызвали въ партіи бурю негодованія. На съѣздѣ преобладали противники новаго теченія. Горячіе, длительные дебаты закончились полнымъ торжествомъ старой доктрины. Съѣздъ принялъ резолюцію Каутскаго, вождя ортодоксальной группы. «Проектъ аграрной программы, предложенный аграрной комиссіей,—гласила резолюція,—долженъ быть отвергнутъ. Ибо эта программа сулитъ крестьянству улучшеніе его положенія... Ибо она вступается за интересы сельско-хозяйственнаго производства при современномъ общественномъ строѣ, признавая заинтересованнымъ въ нихъ пролетаріатъ, тогда какъ въ нихъ заинтересованы лишь владѣльцы средствъ производства—эксплоататоры пролетаріата». Никакихъ мѣръ поддержки крестьянства! Никакихъ мѣръ къ подъему сельскаго хозяйства! «Германская соціалъ-демократическая партія, какъ была, такъ и остается партіей неимущаго пролетаріата; она беретъ назадъ возвѣщенное во Франкфуртѣ рѣшеніе выступить на поддержку крестьянства; она отклонитъ попытки привлечь крестьянство на свою сторону путемъ какихъ-либо экономическихъ и соціальныхъ уступокъ». Такъ формулируетъ Конштедтъ логическій выводъ изъ резолюціи Каутскаго,—выводъ, который, несомнѣнно, и имѣлся въ виду ея составителемъ. Въ области сельскаго хозяйства упованія партіи продолжаютъ покоиться на торжествѣ капитализма въ деревнѣ, на обезземеленіи мелкихъ собственниковъ и общей пролетаризаціи сельскаго населенія. Правда, резолюція признаетъ, что «сельское хозяйство имѣетъ свои особые законы развитія, отличные отъ законовъ развитія промышленности», но эта оговорка, на которую 1895 году ни могъ не пойти и Каутскій, еще не означаетъ признанія жизнеспособности мелкаго производства въ земледѣліи. Напротивъ, только авторъ резолюціи въ своемъ комментаріи къ ней энергично подчеркиваетъ, что, несмотря на эти особые законы, крупное предпріятіе въ земледѣліи сильнѣе мелкаго, но даже защитники аграрной комиссіи становятся на ту почву, на которой только и возможно было бы пр

принципіально отстаивать ея предложенія. Либкнехтъ, который вмѣстѣ съ Бебелемъ стоялъ на сторонѣ новаго теченія, заявляетъ категорически: «Дѣло вообще идетъ не о принципахъ, а о вопросахъ практическихъ; никто вѣдь среди насъ не думаетъ, чтобы мелкое производство могло вѣчно держаться въ борьбѣ съ капиталистическимъ крупнымъ предпріятіемъ и процвѣтать при этомъ; для того чтобы провозглашать подобныя истины, давно вошедшія всѣмъ намъ въ плоть и кровь, нечего было собираться на обще-партійный съѣздъ». Самъ д-ръ Давидъ предпочелъ не ставить спора на опасную почву и, обходя щекотливые пункты, не рѣшился высказаться въ пользу мелкаго хозяйства хотя бы съ тою осторожностью, съ какою вступался за него годъ тому назадъ Фольмаръ во Франкфуртѣ. Фольмаръ же въ Бреславль не пріѣхалъ.

VI.

Въ Бреславлѣ марксизмъ побѣдилъ. Но это была Пиррова побѣда. Сколько ни подтверждай большинствомъ голосовъ справедливость доктрины, опровергаемой жизнью, она не станетъ отъ этого сильнѣе. Представители крестьянскаго юга, выслушавъ выговоръ съѣзда, остались при своемъ и продолжали дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ ранѣе. Соціалъ-демократическіе депутаты южно-германскихъ ландтаговъ, пишетъ Давидъ, «сдѣлали самое разумное, что они только могли сдѣлать: они не сложили своихъ мандатовъ, они не отреклись отъ своей прежней дѣятельности; они просто игнорировали бреславльскія постановленія. И они должны были поступить такъ, чтобъ не нанести непоправимаго ущерба престижу партіи и ея успѣхамъ въ деревнѣ. Партія же благодушно зажмурила оба глаза, чтобы не видѣть такого нарушенія дисциплины». Несмотря на рѣшительный тонъ постановленій, большинство партіи уже не чувствовало полной увѣренности; почва колебалась подъ ногами у самыхъ правовѣрныхъ. Перепись сельскохозяйственныхъ предпріятій 1895 года нанесла имъ новый ударъ. Самъ Каутскій началъ подготовлять отступленіе. Не рѣшаясь ни категорически отвергнуть тѣхъ фактовъ, на которые опирались новые взгляды, ни разстаться со старою вѣрой въ повсемѣстное торжество капитализма, онъ дѣлаетъ попытку привести капитализмъ къ торжеству въ деревнѣ окольными путями. Пусть мелкое земледѣліе само по себѣ способно держаться въ борьбѣ противъ крупнаго. Это не спасетъ его отъ гибели. Капитализмъ тѣмъ не менѣе покоритъ себѣ деревню. Мелкій земледѣлецъ запутывается въ долгахъ и попадаетъ въ зависимость отъ городского капитала; выплачивая проценты по гипотекѣ, онъ лишь на видъ остается самостоятельнымъ собственникомъ; на дѣлѣ онъ такой же наемникъ на службѣ у капиталиста, какъ и послѣдній батракъ. Мелкій земледѣлецъ не можетъ, съ другой стороны, обойтись безъ подсобныхъ промысловъ; чрезъ нихъ онъ [illegible]ять-таки становится рабомъ капиталиста, по мѣрѣ того, какъ капиталъ вытѣсняетъ домашнее мелкое производство. Мелкое хозяйство, мелкая

собственность, что далѣе, то болѣе, становятся одной личиной. Мелкій собственникъ-крестьянинъ въ дѣйствительности такой же объектъ капиталистической эксплоатаціи, какъ и городской пролетарій. Торжествуя въ обрабатывающей промышленности, капитализмъ опутываетъ своими цѣпями и деревню. Не мытьемъ, такъ катаньемъ—но онъ беретъ и земледѣльца.

Это построеніе, безспорно, не только остроумно, но и имѣетъ подъ собою почву реальныхъ фактовъ. Случаи, когда земледѣлецъ попадаетъ въ зависимость отъ капитала подобными окольными путями, не рѣдки, и сознаніе такой зависимости, дѣйствительно, способно вести крестьянина-собственника навстрѣчу соціалистической пропагандѣ. Въ Ломбардіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ распространено шелководство, крестьянинъ, выкармливающій червя, находится, напримѣръ, часто въ не меньшей зависимости отъ фабрики, на которую сбываетъ коконы, нежели кустарь отъ раздаточной конторы. Та же зависимость, тотъ же гнетъ, и крестьянинъ, продолжая оставаться земельнымъ собственникомъ, начинаетъ чувствовать и сознавать себя такою же жертвою капиталистическаго строя, какъ городской рабочій, и такъ же объединяется подъ знаменемъ соціализма для классовой борьбы.

Но если бы даже подобные факты были гораздо многочисленнѣе, если бы способность капитализма подбираться къ самостоятельному земледѣльцу окольными путями была несравненно выше, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности, построеніе Каутскаго, тѣмъ не менѣе, не въ силахъ было бы спасти позиціи правовѣрнаго марксизма. Пусть ломбардскій крестьянинъ въ своихъ сношеніяхъ съ шелкопрядильной фабрикой и чувствуетъ себя пролетаріемъ, пусть исповѣдуетъ соціалистическіе принципы и провозглашаетъ необходимость обобществленія средствъ производства. Это не значитъ, что онъ готовъ привѣтствовать обобществленіе земли. Фабрики—одно дѣло; онъ охотно согласится, чтобы фабрики перешли изъ рукъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ въ общественную собственность. Но чтобы сдать въ общественную собственность принадлежащій ему участокъ земли, чтобы работать въ полѣ не на себя, а на все общество, до этого еще далеко. Зависимость отъ промышленнаго капитала втягиваетъ крестьянина въ общую классовую борьбу рука объ руку съ городскимъ пролетаріемъ. Но отъ частичной общности интересовъ до полной общности идеала путь не близкій. Въ итальянской деревнѣ на сторонѣ сельскихъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ землевладѣльцами стоятъ нерѣдко сельскіе ремесленники и лавочники. Повышеніе заработной платы выгодно для нихъ, такъ какъ рабочій расходуетъ, что получаетъ здѣсь же, на мѣст а крупный собственникъ проживаетъ свои доходы въ городѣ. «Вот почему мелкіе лавочники мантуанской провинціи относятся съ сим патіей къ пролетарскому движенію, которое не только поднимаетъ рабочій классъ и ведетъ его къ болѣе человѣческимъ условіямъ существованія, но также питаетъ и укрѣпляетъ мелкую буржуазію, занятую въ торговлѣ; эта мелкая буржуазія, объединявшаяся доселѣ съ пролетаріа-

томъ лишь на полѣ сраженій политическихъ, начинаетъ подавать ему руку также и на полѣ болѣе суровыхъ экономическихъ битвъ»,—повѣствуютъ знакомые намъ историки пролетарскаго движенія въ мантуанской провинціи, Бономи и Вецціани. Но будемъ ли мы отсюда заключать, что мелкій ремесленникъ и сельскій торговецъ, какъ представители класса, пріобщаются къ коллективистическому идеалу? Пора оставить подобную игру понятіями и словами. Нѣтъ! Если крупное производство не одолѣетъ мелкаго въ самомъ земледѣліи, то соціализмъ не внѣдрится въ деревню,—поскольку онъ, разумѣется, нуждается въ расцвѣтѣ капитализма, какъ необходимой предпосылкѣ своихъ успѣховъ.

Каутскій понимаетъ и самъ, что, вводя капитализмъ въ деревню обходными путями, онъ мало помогаетъ дѣлу. Безнадежность позиціи начинаетъ становиться ясной и ему. «Если бы мы составляли Эрфуртскую программу сегодня,—заявляетъ онъ на съѣздѣ партіи въ Ганноверѣ (въ 1899 году),—то я, пожалуй, иначе формулировалъ бы то, что касается аграрнаго вопроса». Еще дальше идетъ онъ въ предисловіи къ пятому изданію своего комментарія къ Эрфуртской программѣ: «въ одномъ лишь пунктѣ,—признается онъ—«я вынужденъ былъ нѣсколько смягчить то, что говорилось въ предшествующихъ изданіяхъ: въ предсказаніи постепеннаго паденія мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Разложеніе мелкаго крестьянскаго хозяйства идетъ послѣднія два десятилѣтія не съ тою быстротой, какъ раньше, а мѣстами мелкое хозяйство даже беретъ верхъ. Въ 1892 году (годъ перваго изданія) это было еще не такъ ясно».

VII.

Въ 1892 году, утверждаетъ Каутскій, еще не было ясно, въ какой мѣрѣ жизнеспособно мелкое хозяйство въ земледѣліи. Пусть такъ, но теперь это ясно. Теперь ясно, что ставить свои надежды на карту побѣды крупнаго производства въ земледѣліи — значитъ идти «наперекоръ стихіямъ», дѣйствовать по буквѣ, но противъ духа марксизма, всю силу свою полагающаго въ приспособленіи соціалистическаго идеала и соціалистической тактики къ научно устанавливаемымъ законамъ естественнаго развитія хозяйственнаго строя. Трудовое крестьянское хозяйство живетъ и будетъ жить; оно не обнаруживаетъ наклонности уступить мѣсто крупнымъ сельско-хозяйственнымъ предпріятіямъ. Откладывать осуществленіе ціалистическихъ идеаловъ до той поры, когда крестьянство исчезнетъ лица земли, равносильно отказу отъ соціализма, замѣнѣ обѣщаннаго агополучія земного перспективами царствія небеснаго. Разумно ли такъ ушать терпѣніе пролетаріата? Не больше ли это, чѣмъ оно способно ержать?

Какъ же, однако, быть? Мечтать о томъ, чтобы провести обобществле-средствъ производства, включая и землю, противъ крестьянъ? Даже

въ странахъ съ сильно развитою промышленностью мало кто предается такимъ мечтамъ. Остается два исхода. Или радикальный пересмотръ программы въ виду «новаго факта»—жизнеспособности мелкаго производства въ обширнѣйшей сферѣ хозяйственной дѣятельности, въ земледѣліи; или тактическія уступки крестьянству съ цѣлью, если не привлечь его симпатій полностью на сторону соціализма, то добиться его сочувствія соціалистамъ и такъ или иначе ослабить его сопротивленіе. «Мы должны принять мѣры къ тому, чтобы подбитые гвоздями сапоги мужиковъ и ихъ сыновей не обратились противъ насъ; мы должны примирить крестьянъ съ собою, нейтрализовать ихъ»,—взываетъ Шенланкъ на съѣздѣ во Франкфуртѣ. И эти подбитые гвоздями сапоги не даютъ покоя самымъ правовѣрнымъ марксистамъ.

Намъ необходимы сельскіе рабочіе и трудовое крестьянство—не устаетъ повторять Либкнехтъ. Иначе всѣ наши усилія безнадежны. «Тотъ день, когда сельскій рабочій и мелкій крестьянинъ протянутъ руку рабочему городскому и ремесленнику, будетъ днемъ освобожденія ихъ всѣхъ». Въ Италіи, вторитъ Бономи, соціализмъ или будетъ продолжать проникать въ деревню, или вынужденъ будетъ объявить себя банкротомъ.

VIII.

Примѣръ тактическихъ уступокъ крестьянамъ подаютъ французы. Французское рабочее движеніе и ранѣе долго сопротивлялось провозглашенію коллективизма основою всей программы. Отчасти подъ вліяніемъ идей Прудона, горячаго защитника мелкаго самостоятельнаго производства, отчасти подъ непосредственнымъ давленіемъ крестьянской психологіи, французскіе делегаты на конгрессахъ Интернаціонали упорно голосовали противъ обобществленія земли. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ французская партія склонилась, однако, предъ коллективизмомъ; обобществленіе всѣхъ средствъ производства, включая и землю, было провозглашено ея лозунгомъ. Но какъ же быть съ крестьянствомъ? Не считаться съ его настроеніями не могли въ крестьянской Франціи даже самые рѣшительные изъ марксистовъ. И вотъ открывается эра попытокъ совмѣстить признаніе неизбѣжной гибели трудового крестьянства съ требованіемъ защиты мелкой крестьянской собственности. Нантскій конгрессъ 1894 года, стоящій подъ вліяніемъ яраго марксиста Геда, «принимая во вниманіе, что крестьянская собственность обречена на неизбѣжную гибель», признаетъ обязанностью соціалистовъ сохранить землю трудов[ому] крестьянству и требуетъ цѣлаго ряда мѣръ къ поддержанію этой са[мой] обреченной на гибель крестьянской собственности. Не задача соціалисто[въ], поясняетъ конгрессъ, отдѣлять собственность отъ труда; напротивъ, [со]ціализмъ стремится къ тому, чтобы объединить ихъ вновь въ рук[ахъ] трудящагося населенія, повергнутаго фактомъ ихъ раздѣленія въ рабс[тво] и нищету, обращеннаго имъ въ пролетаріатъ; въ обрабатывающей [про]

мышленности средства производства достигли такой степени концентраціи, что возвратить ихъ рабочему можно лишь обобществляя ихъ; въ сельскомъ же хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи въ настоящее время, этого нѣтъ въ такой мѣрѣ; здѣсь средства производства, земля, находятся еще въ индивидуальной собственности тѣхъ, кто прилагаетъ къ нимъ свой трудъ. А гдѣ, добавляетъ Гедъ, «средства производства, какъ, напримѣръ, земля, находятся еще во владѣніи трудящагося, тамъ мы должны защищать индивидуальную собственность, предохраняющую мужика отъ того, чтобы сдѣлаться пролетаріемъ или наемнымъ рабочимъ».

Французскій соціализмъ, начавъ съ тактическихъ уступокъ, немедленно сбивается, какъ мы видимъ, на путь противорѣчій въ программѣ; не рѣшаясь отбросить догматъ о нежизнеспособности крестьянства, онъ, тѣмъ не менѣе, стремится примѣнить свои программныя требованія къ факту широкой распространенности мелкаго хозяйства во Франціи. Германія, подъ эгидою Энгельса, склоняется къ иному исходу. Рѣзко осуждая французовъ за ихъ непослѣдовательность, Энгельсъ пишетъ: «Ростъ капитализма уничтожаетъ мелкую крестьянскую собственность, и для нея нѣтъ спасенія. Наша партія это ясно видитъ, но она не имѣетъ повода ускорять этотъ процессъ собственнымъ вмѣшательствомъ. Нельзя, слѣдовательно, принципіально возражать противъ правильно выбранныхъ мѣропріятій, которыя могли бы сдѣлать для мелкаго крестьянства менѣе болѣзненною его неизбѣжную гибель; но если идти далѣе, если стремиться къ тому, чтобы сохранить мелкое крестьянство навѣки, то это, на мой взглядъ, значитъ стремиться къ экономически невозможному, жертвовать принципомъ, играть въ руку реакціи». «Привлечь на свою сторону мелкое крестьянство мы можемъ, лишь давая обѣщанія, которыхъ, какъ мы сами знаемъ, мы не въ силахъ сдержать». «Но мы должны принять всевозможныя мѣры, чтобы сдѣлать участь мелкаго крестьянства менѣе тяжкой, чтобы облегчить крестьянину переходъ къ товарищеской обработкѣ земли, если онъ на это рѣшится, и даже, если у него еще нехватаетъ рѣшимости, чтобы открыть ему возможность поразмыслить объ этомъ подолѣе на собственномъ клочкѣ земли». Такимъ образомъ, по замѣчанію Конштедта, «желать сохранить мелкое крестьянство навѣки — это реакція; дать же мелкому крестьянству возможность поразмыслить подолѣе, сидя на собственномъ клочкѣ земли — это соціализмъ. Гдѣ здѣсь граница? Теоретически такое искусственное разграниченіе — софизмъ; на практикѣ это удобный компромиссъ».

IX.

Путь компромиссовъ, на который марксистовъ влечетъ необходимость тататься съ настроеніями деревни, путь удобный, но скользкій. Компросъ компромиссу рознь. Есть «компромиссы дѣловые»,—частичныя конныя уступки представителямъ иныхъ интересовъ и требованій ради ва, безъ котораго нѣтъ силъ добиться и меньшаго. Кто не мирится

съ такими компромиссами, тому мѣсто въ монастырскомъ скиту; «на міру» онъ не работникъ. Нѣкоторые представители марксизма и ограничиваютъ уступки крестьянству такими тактическими компромиссами. Пусть крестьянство органически чуждо соціализму. Изъ этого не вытекаетъ, что соціалисты не должны дорожить союзомъ съ нимъ, его поддержкой въ борьбѣ за тѣ хотя бы немногія цѣли, которыя имъ общи съ крестьянами, или которыя не затрогиваютъ специфическихъ интересовъ крестьянства. Не мечтая о томъ, чтобы совратить крестьянъ въ свою вѣру, соціалисты могутъ обѣщать имъ свою помощь въ томъ, что имъ дорого, поскольку это не идетъ вразрѣзъ съ собственными задачами соціалистовъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ можно даже поступиться кое-чѣмъ изъ своихъ цѣлей, если этимъ выигрывается большее. Крестьяне требуютъ земли. Обѣщать имъ «отрѣзки»! обѣщать всю землю, если нужно! Пусть только въ минуту рѣшительныхъ столкновеній они идутъ рука объ руку съ промышленнымъ пролетаріатомъ. Но, предлагая крестьянамъ и землю и все, чего они требуютъ, не надо обольщать себя мечтами, будто этимъ крестьянство привлекается подъ знамя соціализма. За призракомъ крестьянскаго соціализма нечего и гнаться. Соціалисты покупаютъ поддержку крестьянъ, но не становятся черезъ то крестьянской партіей; въ принципахъ они не должны поступаться ни іотою. «Партія должна оставаться классовой партіей пролетаріата и воздерживаться отъ кооптаціи элементовъ, находящихся въ другой соціальной плоскости»,—отчетливо формулируетъ эту точку зрѣнія г. Бернацкій (Къ аграрному вопросу, стр. 81). «Выставленіе особой аграрной программы въ пользу крестьянства» явилось бы «актомъ несовмѣстимымъ съ основными задачами пролетарской партіи, разрушающимъ цѣльное и стройное зданіе ея идеологіи».

Эта открытая, дѣловая точка зрѣнія трезваго разсчета можетъ не удовлетворять, но для критики она неуязвима. Въ ней нѣтъ неясности, нѣтъ половинчатости, нѣтъ внутреннихъ противорѣчій. Противорѣчія же съ дѣйствительностью ее не страшатъ. Крестьянство не вымираетъ. C'est un fait? Je le méprise — классическая формула Ройе-Коллара служитъ для нея бронею.

Но на-ряду съ подобными дѣловыми компромиссами приведенныя выше слова Энгельса открываютъ путь компромиссамъ иного рода. Отъ имени соціализма, получающаго въ свои руки власть, Энгельсъ предлагаетъ крестьянству мораторіумъ. Теоретики марксизма, не считавшіе возможнымъ махнуть на деревню рукой до тѣхъ поръ, пока побѣдоносный капитализмъ не перестроитъ ея на свой образецъ, подхватили эту мысль. Не будемъ грозить крестьянамъ немедленной экспропріаціей при наступленіи соціалистическихъ порядковъ; обѣщаемъ не трогать ихъ, оставить до поры времени такими же собственниками ихъ клочковъ земли, какъ нынѣ. Пусть себѣ держатся за землю, пока сами не увидятъ, что выгоднѣе сдать ее обществу и на равныхъ съ прочими правахъ вступить въ общественную организацію производства.

Такой ходъ мыслей мы встрѣчаемъ и у Каутскаго, и даже у Вандервельде. Сохраняя неприкосновеннымъ привычное построеніе соціалистическаго идеала, покоящееся на вѣрѣ въ техническую мощь крупнаго производства, это разсужденіе пытается приблизить моментъ перехода къ соціалистическому строю въ обрабатывающей промышленности путемъ разрыва съ той областью народной жизни, гдѣ крупное хозяйство такъ плохо оправдываетъ упованія марксистовъ. Тщетныя старанія! Теорія и жизнь съ равною силой отвергаютъ эту половинчатую схему. Самостоятельный крестьянинъ-собственникъ, не стоящій въ органической связи со всей системой соціалистическихъ отношеній въ преобразованномъ обществѣ и терпимый лишь, какъ инородное тѣло, не слишкомъ мѣшающее жить,— мыслимо ли такое состояніе даже для переходной эпохи? Какъ будетъ складываться жизнь въ такомъ полусоціалистическомъ обществѣ? Соціализмъ промышленнаго пролетаріата торжествуетъ побѣду и осуществляетъ обобществленіе производства во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, кромѣ земледѣлія. Земля, напротивъ, остается въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ. Крестьянство продолжаетъ быть самостоятельнымъ производителемъ хлѣба, мяса и т. д. Общественная организація, находящаяся въ рукахъ соціалистовъ, лишена права распоряжаться продуктами крестьянскаго труда. Рабочіе, занятые въ обрабатывающей промышленности, могутъ получать ихъ не иначе, какъ вымѣнивая на продукты индустріи. Какія формы долженъ принять этотъ обмѣнъ? Какъ будутъ устанавливаться цѣны? Государственною властью? На свободномъ рынкѣ? Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мирное существованіе невозможно, если крестьянство не раздѣлитъ соціалистическихъ идеаловъ пролетаріата. Если цѣны будутъ устанавливаться рынкомъ, то въ странахъ, гдѣ вся земля останется въ рукахъ крестьянъ, соціалистамъ придется плохо: трудовое крестьянство не замедлитъ организоваться для защиты своихъ классовыхъ интересовъ и прижметъ промышленныхъ рабочихъ не хуже, чѣмъ нынѣшній капиталистъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ большая доля земли, какъ собственность крупныхъ владѣльцевъ въ моментъ переворота, подвергнется обобществленію, придется проливать слезы земледѣльцамъ. Пусть, съ другой стороны, цѣны будутъ устанавливаться государствомъ. Дѣло мира не много выиграетъ отъ этого. Жизнь сведется къ борьбѣ за власть между организованнымъ фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ и организованнымъ крестьянствомъ. Вспомнимъ, какъ далеки отъ идилліи отношенія между крестьянствомъ и пролетаріатомъ въ демократической Швейцаріи. Въ обоихъ случаяхъ, неминуемо, кончится тѣмъ, что либо соціалистически организованные члены общества экспропріируютъ, несмотря на теперешніе полномочія, мелкую собственность, либо весь соціализмъ пойдетъ на смарку, и противъ крестьянскихъ «сапогъ» не устоитъ и эта революція.

Теоретически противорѣчивая, концепція эта оказывается практически безплодной. На удочку отсрочки гибели крестьянство не идетъ. Время для такихъ отговорокъ прошло. Потребности въ пересмотрѣ программы ими

уже устранить нельзя. Видя это, Каутскій меланхолически утѣшаетъ себя (въ предисловіи къ пятому изданію комментарія на Эрфуртскую программу) мыслью, что старой доктрины все равно нечѣмъ замѣнить: Эрфуртская программа покоится на «Капиталѣ» Маркса. «Пока не удастся поставить на мѣсто «Капитала» иное теоретическое обоснованіе соціализма, до тѣхъ поръ не потребуетъ и Эрфуртская программа пересмотра своихъ основъ».

X.

Эрфуртская программа въ своихъ частяхъ, касающихся аграрныхъ отношеній, не отвѣчаетъ современной дѣйствительности; но пока новый Марксъ не напишетъ новаго «Капитала», оставимъ ее въ покоѣ,— приглашаетъ соціалистовъ Каутскій. Не всѣ соціалисты Западной Европы склонны, однако, даровать Эрфуртской программѣ ту Galgenfrist, о которой взываетъ ея творецъ. Признаніе жизнеспособности мелкаго предпріятія въ земледѣліи приводитъ къ мысли, что «сельское хозяйство врастетъ въ соціалистическое общество своими путями» (Фольмаръ на съѣздѣ во Франкфуртѣ). Прослѣдить эти пути, установить тѣ перемѣны, которыя приходится внести въ привычное настроеніе,— этимъ очереднымъ задачамъ соціалистической теоріи, давно уже поднятымъ у насъ въ Россіи нашей народнической литературой, начинаетъ удѣлять вниманіе и западно-европейская соціалистическая мысль. Попытки не приводятъ пока къ удовлетворяющимъ результатамъ, но быстрыхъ успѣховъ нельзя было и ожидать: приходится считаться не только съ чрезвычайной объективной сложностью проблемы, но и съ почти непреодолимыми субъективными трудностями; приходится бороться съ привычками мысли, въѣвшимися въ плоть и въ кровь. Правовѣрный марксистъ вынужденъ или упорно отрицать жизнеспособность мелкаго производства, или проститься съ своими идеалами, признать соціализмъ безпочвенной утопіей и выступить на защиту частной собственности въ ея современныхъ формахъ. Марксъ училъ, и Каутскій настойчиво за нимъ повторялъ, что соціализмъ дитя крупнаго производства. «Земельная собственность столь же необходима для полнаго развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства, какъ необходима собственность на орудія производства для свободнаго развитія ремесла». «Свободная собственность самостоятельнаго крестьянства, очевидно, представляется наиболѣе нормальной формой собственности для мелкаго сельскохозяйственнаго предпріятія». «Ремесло такъ же, какъ и мелкое хозяйство въ земледѣліи, требуетъ частной собственности на орудія труда и на производимые продукты, дабы развернуть въ полной мѣрѣ свои производительныя силы. Въ мелкомъ предпріятіи производительность труда зависитъ отъ личности рабочаго, отъ его ловкости, отъ его прилежанія, отъ его выдержки. Въ силу этого рабочій и является притязаніе на продуктъ, какъ на свою личную собственность. онъ не можетъ дать своей личности полнаго простора въ производст если онъ не является лично свободнымъ и если онъ не распоряж-

свободно орудіями производства, если, другими словами, орудія производства не находятся въ его частной собственности». «Соціалъ-демократія это постигла и открыто признала въ своей программѣ въ словахъ: «частная собственность на орудія производства образуетъ основу мелкаго предпріятія». Но она тутъ же добавляетъ, что «экономическое развитіе буржуазнаго общества ведетъ съ естественной необходимостью къ гибели мелкаго предпріятія» (Каутскій, Эрфуртская программа). Численность мелкихъ капиталистовъ или, точнѣе, мелкихъ предпринимателей убываетъ рѣшительнымъ образомъ. «Не будь этого, вся наша борьба была бы безнадежной. Ибо, что означалъ бы сравнительно болѣе быстрый ростъ числа мелкихъ предпріятій нежели населенія? Лишь, что убываютъ въ числѣ неимущіе. А если неимущіе убываютъ въ числѣ, то откуда возьмется у насъ сила, чтобы экспропріировать имущихъ? Задачей соціализма является вѣдь обратить всѣхъ въ имущихъ, а такъ какъ мы не можемъ выполнить этого на основѣ частной собственности, то мы и стремимся сдѣлать это на основѣ собственности общественной. Если же число имущихъ и нынѣ уже постоянно растетъ, если мы и такъ идемъ навстрѣчу такому положенію дѣлъ, когда всѣ обратятся въ имущихъ, то къ чему тогда соціализмъ? Въ такихъ условіяхъ будущее соціализма представляюсь бы безнадежнымъ» (Каутскій на съѣздѣ въ Ганноверѣ).

Или мелкое производство, а вмѣстѣ съ нимъ и весь современной строй частной собственности со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, или соціализмъ—въ гипнозѣ этой дилеммы марксисту остается лишь опустить руки передъ фактами современной сельскохозяйственной дѣйствительности. Но вѣрно ли, что tertium non datur? Нѣтъ ли такихъ промежуточныхъ формъ отношенія рабочаго къ орудіямъ производства и къ создаваемому съ ихъ помощью продукту, которыя мирятся и съ идеалами соціализма и съ организаціей производства въ мелкихъ самостоятельныхъ предпріятіяхъ? Мы видѣли, что въ головахъ французскихъ марксистовъ дилемма утрачиваетъ значительную долю своей остроты. «Мелкое крестьянство страстно привязано къ своей землѣ, и съ полнымъ правомъ привязано, такъ какъ для него нѣтъ въ настоящее время свободы внѣ его собственности. Наша партія съ самаго начала дѣлала различіе между индивидуальной собственностью на орудія производства, которыми пользуется самъ работникъ, и капиталистической собственностью, служащей для извлеченія прибыли нетрудящимися. Коллективизмъ не только не стремится къ тому, чтобы экспропріировать крестьянина, но, напротивъ, желаетъ освободить его отъ всякаго рода гнета... Тамъ, гдѣ благодаря силѣ пара и машинамъ средства производства достигли такой степени развитія, что индивидуальное владѣніе ими стало невозможнымъ, тамъ единственнымъ рѣшеніемъ вопроса является передача средствъ производства обществу. Тамъ же, гдѣ при существующихъ условіяхъ средства производства, какъ, напримѣръ, земля, не находятся и нѣкоторое время будутъ, предположительно, находиться во владѣніи трудящихся, мы должны защищать индивидуальную форму соб-

ственности, которая ограждаетъ Жака Бонома отъ того, чтобы сдѣлаться пролетаріемъ или наемнымъ батракомъ. Соціалистическая партія не предается мечтамъ и утопіямъ; она слѣдуетъ экономической эволюціи и приспособляется къ ней; она не требуетъ отъ сегодня большого, нежели можетъ быть взято, и предоставляетъ завтрашнему дню вырабатывать рѣшенія тѣхъ новыхъ проблемъ, которыя онъ принесетъ съ собою» (Гедъ). Столь же ясно высказывается и другой вождь французскаго марксизма, Лафаргъ. Онъ говоритъ: «Поле—орудіе труда мужика, какъ рубанокъ—орудіе столяра, какъ скальпель—орудіе хирурга. Мужикъ, столяръ, хирургъ никого не эксплуатируютъ при помощи своихъ орудій производства; имъ, въ силу этого, не приходится бояться, что соціалистическая революція вырветъ орудія производства изъ ихъ рукъ, ибо задачей соціалистической революціи является лишь экспропріировать экспропріаторовъ... Если соціалистическая партія получитъ въ свои руки государственную власть, ей и въ голову не придетъ лишить крестьянина мирнаго обладанія участкомъ земли, который воздѣлывается имъ въ потѣ лица. Напротивъ, она постарается облегчить крестьянину существованіе».

Поскольку эти рѣчи Лафарга и Геда диктуются не соображеніями тактики, въ нихъ звучитъ духъ Маркса въ противоположность буквѣ марксизма, заѣдающей Каутскаго. Въ нихъ намѣчаются основныя линіи тѣхъ концепцій, которыя изъ области аграрныхъ отношеній начинаютъ идти на смѣну шаблонному схематизму старыхъ ученій. Индивидуальная соціалистическая собственность—это парадоксальное словосочетаніе уже начинаетъ встрѣчаться въ соціалистическомъ словарѣ Западной Европы. Правда, въ понятіи, отвѣчающемъ этому термину, нѣтъ еще устойчивости. Но вѣдь и коллективисты разныхъ толковъ покрываютъ терминомъ «обобществленіе» далеко не всегда одно и то же содержаніе. Эволюція соціалистической мысли въ области аграрнаго вопроса, несомнѣнно, идетъ въ этомъ направленіи. Сюда жизнь толкаетъ тѣхъ, кто не желаетъ отдѣлываться игрою словъ отъ сложныхъ проблемъ, выдвигаемыхъ современной дѣйствительностью. Въ извѣстныхъ областяхъ хозяйственной дѣятельности мелкое предпріятіе не вымираетъ. Соціалистическая теорія должна такъ же учесть этотъ фактъ, какъ примѣнилась она въ системѣ Маркса къ факту торжества капиталистическаго предпринимателя надъ мелкимъ самостоятельнымъ труженикомъ. Крупное капиталистическое производство приводитъ въ своемъ развитіи соціалистовъ къ той модификаціи института собственности, которая выливается въ требованіе строгаго коллективизма. Но развѣ постулаты соціализма не могутъ быть примѣнены къ инымъ формамъ хозяйственн эволюціи? Необходимо для этого, чтобы въ условіяхъ существованія ме кихъ предпріятій были найдены психологическіе устои, на которыхъ, вдаваясь въ утопіи, можно возводить зданіе соціалистическаго строя. ядро соціализма, несомнѣнно, кроется въ исконномъ лозунгѣ трудов крестьянства, остающемся и понынѣ его боевымъ кличемъ: когда Г пряла, а Адамъ пахалъ, скажи, гдѣ былъ тогда дворянинъ. Вопросъ

достаточно ли оно крѣпко. Вопросъ также, въ какія формы должна облечься соціалистическая собственность, чтобы отвѣчать идеологіи мелкаго самостоятельнаго производителя. Въ попыткахъ отвѣта на эти вопросы, безспорно, еще много незрѣлаго. Усилія оторвать соціалистическую доктрину отъ даннаго ей Марксомъ основанія крупнаго производства уводятъ порою совсѣмъ въ сторону отъ соціализма, увлекаютъ въ русло анархизма, всегда воздававшаго должное мелкому трудовому хозяйству. Пройдетъ, вѣроятно, не мало времени, прежде нежели установится ясная и цѣльная концепція такого строя, при которомъ идеалы соціализма найдутъ воплощеніе въ хозяйственной организаціи, охватывающей одновременно въ одномъ органическомъ цѣломъ и гигантскія предпріятія обрабатывающей промышленности и мелкія трудовыя хозяйства земледѣльцевъ. Но сложность проблемы не снимаетъ ея съ очереди. Hic Rhodus hic salta!—взываетъ жизнь къ теоретикамъ соціализма на Западѣ Европы, какъ и у насъ.

А. А. Чупровъ.

Крестьянскіе приговоры 1905 года.

I.

Въ исторіи русской революціи день 18 февраля 1905 г. долженъ быть отмѣченъ вдвойнѣ: этимъ числомъ, съ одной стороны, помѣченъ рескриптъ на имя бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ г. Булыгина, а съ другой,— указъ правительствующему сенату, дававшій какъ будто русскимъ гражданамъ такъ называемое «право петицій». Этотъ указъ явился, собственно говоря, совершеннымъ сюрпризомъ: въ то время русское общество, занятое рѣшеніемъ болѣе коренныхъ вопросовъ, не выставляло на своемъ знамени этого права, обыкновенно оговариваемаго во всѣхъ конституціяхъ. Если появленіе рескрипта г. Булыгину можно объяснить желаніемъ власти пойти навстрѣчу единодушно выраженнымъ требованіямъ народа, то обнародованіе указа 18 февраля съ этой точки зрѣнія является совсѣмъ необъяснимымъ. Надо надѣяться, что будущій историкъ этихъ дней будетъ имѣть возможность выяснить всю ту обстановку, въ которой возникла мысль объ этомъ указѣ.

Явился онъ какъ будто неожиданнымъ и для самихъ агентовъ власти: по крайней мѣрѣ г. Булыгинъ только въ первой половинѣ марта выпустилъ свой извѣстный циркуляръ, стремившійся подрѣзать въ корнѣ все значеніе этого указа. Провинціальные агенты власти сейчасъ же почувствовали почву подъ ногами и... «пошла писать губернія!» Всѣ усилія провинціальной администраціи были направлены на то, чтобы отбить всякую охоту у «радѣющихъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ» обнаруживать свои «виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія».

Несмотря на это, русское общество въ довольно широкихъ размѣр использовало предоставленное ему право. Города, земства, различныя об ства одно за другимъ единодушно высказывались за немедленный соз народныхъ представителей для коренного переустройства отживающей г дарственной системы. Но что особенно важно, такъ это то, что указ 18 февраля воспользовалась деревня. Несмотря на всѣ ухищренія с

скихъ властей, «мужички» раздобывали указъ и составляли приговоры. Эти крестьянскіе приговоры, составленные на основаніи указа 18 февраля, представляютъ чрезвычайно важный источникъ для сужденія о настроеніи деревни наканунѣ изданія Положенія о Думѣ 6 августа 1905 г., а также для характеристики тѣхъ политическихъ и соціальныхъ идей, которыя тогда обращались среди крестьянства. Большинство этихъ приговоровъ, вѣроятно, погребено теперь въ канцеляріи комитета министровъ и трудно сказать, увидитъ ли когда-нибудь свѣтъ, въ настоящее же время является совершенно недоступнымъ для обыкновеннаго смертнаго. Приходится поэтому довольствоваться пока тѣмъ, что въ свое время различными путями попало въ частную печать. Газеты въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ позапрошлаго года удѣляли довольно много мѣста вопросу о крестьянскихъ приговорахъ и благодаря этому даютъ довольно значительный и очень цѣнный матеріалъ.

Пишущій эти строки имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія газеты: *Русскія Вѣдомости*—съ марта до сентября 1905 г., *Наша Жизнь*—май—сентябрь того же года, *Сынъ Отечества*—за то же время, *Новости*—за то же время, и журналъ *Южныя Записки*, №№ 10—30. Разумѣется, ограничившись просмотромъ этихъ періодическихъ изданій, я не могу сказать, что имѣю въ своихъ рукахъ все, появившееся въ печати относительно крестьянскихъ приговоровъ. Думаю однако, что это почти все, такъ какъ только что указанныя газеты постоянно дѣлали перепечатки изъ провинціальныхъ изданій.

Въ результатѣ своихъ поисковъ я имѣю въ рукахъ 49 крестьянскихъ приговоровъ, составленныхъ въ теченіе весны и лѣта 1905 г. [1]). Пользуясь этимъ матеріаломъ, и попытаемся выяснить настроеніе русской деревни наканунѣ изданія Положенія 6 августа.

Но прежде чѣмъ приступить къ анализу самаго текста приговоровъ, я считаю необходимымъ предварительно освѣтить ту обстановку, въ которой крестьянамъ приходилось осуществлять свое право «быть непосредственно услышанными» Верховной властью.

II.

Провинціальная администрація пустила въ ходъ всѣ имѣвшіяся въ ея распоряженіи средства (какъ законныя, такъ и незаконныя), лишь бы не допустить крестьянъ до составленія приговора. Если же это не удавалось, «зачинщиковъ» сажали подъ арестъ.

Въ первое время администрація и полиція всячески старались скрыть отъ крестьянъ самое существованіе указа. Земскіе начальники, являясь на сходы, читали вмѣсто него манифестъ отъ 18 февраля. Если же крестьяне,

[1]) Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о Кавказѣ, такъ какъ имѣющихся у меня данныхъ слишкомъ мало для того, чтобы судить о своеобразномъ движеніи, развивавшемся тамъ въ это время.

уже стороной прослышавшіе про указъ, заставляли въ концѣ-концовъ прочесть и его, то земскіе начальники не только читали его, но и «разъясняли». Особенно характерный въ этомъ отношеніи случай произошелъ въ с. Хоромлѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи [1]). Земскій начальникъ, вынужденный въ концѣ-концовъ сходомъ прочитать указъ 18 февраля, читалъ его такъ, что ничего разобрать нельзя было: «еле шевеля губами» и «не отдѣляя слова отъ слова». Окончивъ «чтеніе», земскій начальникъ заявилъ, что «этотъ указъ данъ только *правительствующему сенату и до крестьянъ не касается*». Когда черезъ нѣсколько времени крестьяне все-таки составили приговоръ, сельскій староста сталъ обходить село и объявлять, что вызваны казаки, которые будутъ *пороть* тѣхъ, кто подписалъ заявленіе.

Не менѣе глубокомысленное «разъясненіе» было сдѣлано крестьянамъ д. Федотовой и с. Санникова, Ковров. уѣзда, Владим. губ. [2]). Явившійся на сходъ членъ губернскаго присутствія г. Федосѣевъ (въ сопровожденіи земскаго начальника, станового, жандарма и урядника) заявилъ крестьянамъ, что хотя Царскій указъ 18 февраля и существуетъ, но что, если каждое крестьянское общество будетъ подавать петицію, то правительство *будетъ не въ силахъ разобраться въ нихъ*, а потому пусть крестьяне подаютъ петиціи не въ совѣтъ министровъ, а ему, г. Федосѣеву, который и позаботится, чтобы нужды крестьянскія были удовлетворены.

Мы не знаемъ, убѣдились ли крестьяне названныхъ селеній доводами г. Федосѣева и довѣрили ли ему свой приговоръ, но въ другихъ губерніяхъ крестьяне избрали другой путь для передачи по назначенію своихъ петицій—черезъ земство. Такъ поступали крестьяне Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо предсѣдателя земской управы г. М. Литвинова. О томъ же явленіи въ Херсонской губ. свидѣтельствуетъ циркуляръ херсонскаго губернатора земскимъ управамъ [3]), запрещающій управамъ «принимать петиціи, подаваемыя на Высочайшее имя, а въ случаѣ ихъ присылки», предписывающій «возвращать ихъ подателямъ, какъ ненадлежаще направленныя». Поступали приговоры и въ казанскую земскую управу [4]).

Что петиціи, направленныя «надлежаще», т.-е. черезъ земскаго начальника, далеко не всегда достигаютъ цѣли, въ этомъ крестьянъ могъ убѣдить случай въ д. Захарово, Осташков. уѣзда, Тверск. губ., гдѣ приставъ отобралъ у крестьянъ текстъ прошенія и наотрѣзъ отказался вернуть его или отправить по назначенію [5]).

Любопытное явленіе наблюдалось въ Саратовской губерніи: по словамъ циркуляра губернатора (П. А. Столыпина) земскимъ начальникамъ [6]), [illegible]

---

[1]) *Русскія Вѣдомости*, № 146.
[2]) *Наша Жизнь*, № 204.
[3]) *Русскія Вѣдомости*, № 217.
[4]) *Сынъ Отечества*, № 197.
[5]) *Сынъ Отечества*, отъ 15 іюня.
[6]) *Наша Жизнь*, № 161.

нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ крестьяне собираются тайно *въ лѣсахъ*, обсуждаютъ тамъ свои нужды, по большей части въ присутствіи лицъ, совершенно постороннихъ обществу, и тайно записываютъ приговоры и постановленія для отсылки ихъ въ высшія правительственныя учрежденія». Далѣе г. Столыпинъ говоритъ въ своемъ циркулярѣ, что «на сборищахъ этихъ обсуждаются часто вопросы и дѣла совершенно *незаконные*—о нарушеніи права собственности землевладѣльцевъ, объ измѣненіи основныхъ законовъ имперіи» и т. п. Въ заключеніе г. Столыпинъ призывалъ крестьянъ высказывать свои *законныя* нужды открыто на установленныхъ для того закономъ сходахъ. Можно себѣ представить, какіе «законные» приговоры составлялись бы на этихъ сходахъ.

Таковы наиболѣе типичные примѣры, характеризующіе отношеніе провинціальной администраціи къ попыткамъ крестьянъ высказать свое мнѣніе по вопросамъ государственнаго благоустройства.

III.

Несмотря на такое рвеніе властей, крестьянскіе приговоры—и притомъ самаго нежелательнаго для нихъ направленія—продолжали составляться. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что «лица, совершенно постороннія обществу», о которыхъ говоритъ въ своемъ циркулярѣ г. Столыпинъ, въ деревню все-таки проникали и агитацію вели. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу о томъ, кто является дѣйствительнымъ авторомъ крестьянскихъ приговоровъ?

Имѣющійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ такимъ образомъ. Въ однихъ случаяхъ и иниціаторами и исполнителями идеи подачи петиціи являются сами крестьяне того или другого общества [1]). Въ другихъ случаяхъ иниціатива составленія приговора, а иногда и авторство его, принадлежала мѣстнымъ интеллигентамъ, земскимъ служащимъ, не преслѣдовавшимъ при этомъ, однако, никакихъ партійныхъ цѣлей. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ составленіе петиціи являлось результатомъ партійной пропаганды, занесенной извнѣ.

Это,—что касается адресовъ такъ называемаго передового направленія. Относительно адресовъ «патріотическихъ» я не нашелъ ни *одного* указанія, чтобы они составлялись по иниціативѣ самихъ крестьянъ: ихъ иниціаторами и авторами являлись мѣстныя сельскія власти.

Для мѣстной интеллигенціи всякое соприкосновеніе съ крестьянами на почвѣ составленія приговоровъ оканчивалось обыкновенно очень печально-къ, когда балашевское земское собраніе приняло постановленіе, чтобы вѣдомить деревенское населеніе черезъ гласныхъ и другихъ лицъ, которыхъ оно найдетъ нужнымъ привлечь къ разъясненіямъ крестьянамъ на

---

1) *Наша Жизнь*, № 102, 88; *Русскія Вѣдомости*, № 112; *Сынъ Отечества*, 115 и др.

сходахъ смысла и значенія указа 18 февраля и отвѣтныхъ словъ Государя депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей, то саратовскій губернаторъ г. Столыпинъ увѣдомилъ земскихъ начальниковъ [1]), «что никакихъ разъясненій посторонними лицъ крестьянамъ на сходахъ, во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій ихъ, которыя неизбѣжно они вызовутъ, отнюдь допущено быть не должно». Что такое «нежелательныя послѣдствія»—всякій россійскій обыватель знаетъ хорошо.

Нѣчто подобное случилось въ Херсонской губерніи. По словамъ губернаторскаго циркуляра [2]), «исполнительные органы херсонскаго земства распространяютъ въ населеніи печатныя изданія и являются посредниками по передачѣ различнаго рода ходатайствъ и петицій, подаваемыхъ на Высочайшее имя», «а зачастую являются въ роли иниціаторовъ по составленію сельскимъ населеніемъ петицій о государственномъ благоустройствѣ». Губернаторъ считалъ нужнымъ прекратить такой порядокъ вещей «во избѣжаніе могущихъ возникнуть осложненій».

Такое «осложненіе» испыталъ на себѣ учитель с. Славяносербки, Тирасп. уѣзда, Херсон. губ., г. Волковъ [3]), за чтеніе крестьянамъ газетъ и по подозрѣнію въ составленіи адреса. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Тверск. губ., былъ уволенъ учитель А. М. Горшечниковъ [4]) «за недозволенную общественную дѣятельность», состоявшую, какъ оказывается, въ томъ, что онъ читалъ крестьянамъ газеты, разъяснялъ Высочайшіе указы и по просьбѣ крестьянъ одной деревни составилъ приблизительную форму (а не содержаніе) приговора, пользуясь для этого приговоромъ, опубликованнымъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*.

Текстъ приговора с. Гусарки, Екатеринославск. губ., составлялся писаремъ (*Южн. Зап.*, № 14).

Въ Акмолинской области главными *агитаторами* губернаторъ г. Романовъ считалъ переводчиковъ изъ киргизъ [5]). Онъ приказалъ отобрать отъ нихъ подписки съ обязательствомъ не заниматься «агитаціей» и составленіемъ петицій подъ угрозой административной высылки [6]).

Но въ с. Архангельскомъ, Ставропольской губ. дѣло кончилось уже совсѣмъ трагически. Священникъ этого села о. Александръ Лавровъ былъ заподозрѣнъ администраціей въ томъ, что подъ его вліяніемъ крестьяне с. Архангельскаго (насчитывающаго болѣе 10 тыс. жит.) отказались подписать адресъ, предложенный земскимъ начальникомъ и составили свой. О. Лавровъ былъ вызванъ въ Ставрополь и здѣсь получилъ такое внушеніе отъ свѣтскаго и духовнаго начальства, что, вернувшись въ гостиницу, принялъ растворъ сулемы и послѣ четырехдневныхъ мученій скончался.

---

[1]) *Наша Жизнь*, № 152.
[2]) *Русскія Вѣдомости*, № 217.
[3]) *Наша Жизнь*, № 88.
[4]) *Русскія Вѣдомости*, № 167.
[5]) *С. От.*, № 173.
[6]) *Н. Ж.*, № 114.

Такъ администрація всевозможными средствами старалась оберечь крестьянъ отъ вреднаго, съ ея точки зрѣнія, вліянія частныхъ лицъ и уполномоченныхъ общественныхъ учрежденій. Положеніе земскихъ служащихъ въ данномъ случаѣ было тѣмъ болѣе затруднительно, что сами крестьяне обращались къ земствамъ съ просьбой «познакомить ихъ съ предстоящими перемѣнами печатнымъ путемъ или же путемъ устнымъ». Такое прошеніе получила, напр., орловская губернская управа [1]).

Что касается партійной пропаганды въ деревняхъ въ то время, то учесть ея вліяніе довольно затруднительно. Изъ приведеннаго выше циркуляра г. Столыпина видно, что она была довольно распространеннымъ явленіемъ въ Саратовской губерніи. Затѣмъ имѣются такого рода указанія. По сообщенію *Южн. Зап.* (№ 24), «подъ прошеніемъ, представленнымъ въ совѣтъ министровъ крестьянами Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи подписалось 10,870 крестьянъ изъ *125* селъ и деревень» (идетъ перечень). Въ этомъ случаѣ, очевидно, дѣйствовала по опредѣленному плану какая-либо организація. То же надо сказать о прошеніи крестьянъ *70* селеній Кирюшинской волости, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ. [2]). Въ Каракалинскомъ уѣздѣ, Степной обл., киргизы устроили въ іюнѣ мѣсяцѣ съѣздъ, на которомъ и составили записку о своихъ нуждахъ [3]); подъ ней подписалось потомъ 14,500 киргизъ.

Я не знаю, какая политическая организація дѣйствовала въ Степной области, но въ Европейской Россіи не мало было сдѣлано, повидимому, крестьянскимъ союзомъ, въ это время уже, насколько я знаю, сорганизовавшимся: въ серединѣ лѣта въ Москвѣ состоялся съѣздъ крестьянъ (въ печать о немъ почти не проникло никакихъ извѣстій). Въ Курскѣ въ половинѣ іюня состоялось засѣданіе крестьянъ изъ восьми уѣздовъ губерніи, на которомъ, между прочимъ, было рѣшено [4]) «организовать союзъ крестьянъ Курской губерніи и присоединиться къ всероссійскому крестьянскому союзу». Почти одновременно аналогичное же рѣшеніе было принято въ засѣданіи экономическаго совѣта петровскаго уѣзднаго земства (Саратовской губ.), на которомъ присутствовало до 200 крестьянъ изъ различныхъ угловъ Петровскаго уѣзда [5]). Къ приговору с. Кирпичнаго, Области Войска Донского [6]) сдѣлана такая приписка: «Для осуществленія изложенныхъ нами требованій въ законодательномъ порядкѣ мы вступаемъ въ общероссійскій крестьянскій союзъ». Эти факты, повторяю, позволяютъ предполагать довольно широкое участіе крестьянскаго союза въ составленіи крестьянами петицій на основаніи ук. 18 февраля. Такое предположеніе, какъ увидимъ дальше, находитъ подтвержденіе и съ другой стороны—

---

[1]) *Н. Ж.*, № 161.
[2]) *С. От.*, № 92.
[3]) *С. От.* № 173.
[4]) *Рус. Вѣд.*, № 185.
[5]) Ibid.
[6]) *Рус. Вѣд.*, № 177.

въ анализѣ самаго текста крестьянскихъ приговоровъ. Но тотъ же анализъ покажетъ намъ, что въ очень многихъ случаяхъ крестьянство приступало къ составленію петиціи безъ всякихъ толчковъ извнѣ; многіе приговоры отличаются такой непосредственностью въ изложеніи крестьянской нужды, что исключаютъ всякую возможность предположенія о вмѣшательствѣ въ ихъ составленіе лицъ «посторонннихъ».

Зато приговоры, свидѣтельствующіе, что въ деревнѣ все обстоитъ благополучно, не только не имѣютъ характера непосредственности, но носятъ на себѣ ясную печать канцелярскаго краснорѣчія. Какъ факты, сообщавшіеся корреспондентами газетъ, такъ и самый текстъ ихъ ясно свидѣтельствуютъ о ихъ происхожденіи изъ-подъ пера гг. земскихъ начальниковъ и имъ подобныхъ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

По сообщенію корреспондента *Н. Ж.* (№ 114), ставропольская администрація, желая отличиться, надумала заставлять сельскія общества составлять приговоры съ выраженіемъ готовности громить «крамольниковъ» и проч. во вкусѣ гг. Грингмутовъ. Исполненіе этой миссіи было возложено на гг. земскихъ начальниковъ, а для руководства начавшеюся кампаніею были командированы въ село два непремѣнныхъ члена губернскаго присутствія, которые развезли земскимъ начальникамъ и «образцовые» адреса, которые должны были принимать сельскія общества. Въ большинствѣ случаевъ гг. земскіе начальники достигли желаемаго, тѣмъ болѣе, что въ средствахъ при этомъ они не стѣснялись. Получился однако курьезъ: земскіе начальники въ большинствѣ случаевъ не сумѣли даже варіировать адресовъ, и огромнѣйшее большинство ихъ вышло удивительно похоже, даже прямо тожественно съ «образцовыми» адресами, присланными для руководства. По выраженію одного изъ членовъ мѣстной администраціи, адреса оказалось даже «стыдно» посылать въ Петербургъ.

Въ Рождественской волости, Царскосельскаго уѣзда, земскій начальникъ г. Мякининъ предписалъ собрать волостной сходъ на 1 мая для составленія всеподданнѣйшаго адреса; самъ онъ на сходъ не пріѣхалъ, а прислалъ такую бумагу [1]): «Къ рождественскому волостному старшинѣ. При семъ прилагаю образецъ всеподданнѣйшаго адреса». «Но,—прибавляетъ земскій начальникъ,—можно составить и другой адресъ *въ этомъ же родѣ*». На сходѣ присутствовалъ жандармскій унтеръ-офицеръ, и адресъ, составленный земскимъ начальникомъ, былъ послѣ нѣкотораго сопротивленія принятъ. По предписанію того же земскаго начальника были собраны сходы и въ другихъ волостяхъ уѣзда, причемъ въ нѣкоторыя изъ нихъ была послана вышеуказанная бумага.

Нѣчто подобное разыгралось на печенкинскомъ волостномъ сход Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. [2]). По прочтеніи патріотическа адреса волостной писарь обратился къ крестьянамъ: «Кто не хочетъ бун

---

[1]) *Рус. Вѣд.*, № 177.

[2]) *Н. Ж.*, № 115.

вать, такъ подписывайся къ этой бумагѣ. Такъ царь велитъ». И стали подписываться...

Болѣе дипломатично дѣйствовалъ земскій начальникъ одесскаго уѣзда г. Волчанецкій [1]). Черезъ волостного старшину и писаря онъ обѣщалъ сходу выхлопотать въ собственность сельскаго общества сосѣднюю казенную землю (около 7,000 дес.), если постановятъ два приговора: одинъ «одобрительный», касающійся его полезной для крестьянъ дѣятельности, а другой—въ совѣтъ министровъ. Сходъ единогласно отказался дать первый, а второй пожелалъ составить самостоятельно, безъ участія земскаго начальника.

Во многихъ мѣстахъ въ качествѣ помощниковъ земскихъ начальниковъ выступило духовенство. Громя съ церковной каѳедры интеллигенцію и призывая бить «крамольниковъ», сельское духовенство сплошь и рядомъ дѣйствовало заодно съ администраціей и полиціей въ смыслѣ воздѣйствія на крестьянъ при составленіи ими приговоровъ на основаніи указа 18 февраля. Не всегда однако и ихъ вмѣшательство имѣло успѣхъ. Такъ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., крестьяне даже избили двухъ священниковъ [2]), предлагавшихъ на сходахъ подписать адресъ, выражающій вѣрноподданническія чувства; одинъ изъ нихъ двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ. Адресъ имѣлъ цѣлью все ту же пресловутую борьбу съ интеллигенціей и былъ присланъ священникамъ отъ мѣстнаго архіерея, который передъ этимъ разъѣзжалъ по епархіи и говорилъ вездѣ проповѣди въ томъ же духѣ.

Ясно такимъ образомъ, что такъ называемые «патріотическіе» адресы не могутъ служить показателями настроенія деревни въ теченіе весны и лѣта 1905 года. Конечно, въ ней были элементы консервативные и даже реакціонные, но они составляли меньшинство и самостоятельно, безъ поддержки мѣстныхъ властей, выступать, повидимому, не рѣшались. Преобладающимъ элементомъ въ деревнѣ былъ элементъ прогрессивный, и только общія условія нашей жизни не дали ему проявиться со всей присущей ему силой.

Скажутъ, что и крестьянскіе приговоры прогрессивнаго направленія не всѣ могутъ быть признаны выразителями настроенія рядового русскаго крестьянства, какъ составленные подъ вліяніемъ внѣшней партійной пропаганды. Да, конечно, нельзя отрицать, что крестьянскіе приговоры, составленные на основаніи указа 18 февраля, носятъ на себѣ печать давленія какъ «справа», такъ и «слѣва». Но едва ли нужно доказывать, сколь велика разница между этими двумя видами давленій: первое держится на пограничной власти однихъ надъ другими, второе—только на нравственномъ вліяніи и силѣ убѣжденія. Никакой «агитаторъ» не могъ бы *заставить* крестьянъ подписать приговоръ, если бы онъ не соотвѣтствовалъ

---

[1]) *С. От.*, № 134.
[2]) *Н. Ж.*, № 202.

ихъ нуждамъ и желаніямъ. Можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ крестьяне даже не вполнѣ ясно понимали значеніе какихъ-либо словъ или выраженій предложеннаго для подписи приговора, но они въ то же время ясно видѣли, что онъ выражаетъ дѣйствительныя желанія и чаянія русскаго крестьянства, и потому вполнѣ свободно и добровольно давали свои подписи. Не «ихъ» была только внѣшняя форма приговора, но существо его принадлежало имъ.

IV.

Было бы чрезвычайно интересно установить, такъ сказать, территоріальное распредѣленіе крестьянскихъ приговоровъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, не все русское крестьянство въ одинаковой мѣрѣ воспользовалось своимъ новымъ правомъ петицій: въ однихъ губерніяхъ и областяхъ составленіе приговоровъ приняло бо́льшіе размѣры, въ другихъ—меньшіе. Но, къ сожалѣнію, имѣющійся въ моихъ рукахъ матеріалъ позволяетъ дѣлать только очень приблизительные выводы. Неполнота газетныхъ свѣдѣній здѣсь чувствуется особенно ощутительно.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что особенно широкое примѣненіе составленіе приговоровъ нашло въ губерніяхъ Саратовской и Херсонской. Въ первой особенно энергично дѣйствовалъ, повидимому, крестьянскій союзъ и нѣкоторыя уѣздныя земства, напр., балашовское, петровское, распространяя среди крестьянства какъ указъ и рескриптъ отъ 18 февраля, такъ и отвѣтную рѣчь Государя на слова кн. С. Н. Трубецкого, сказанныя 6 іюня отъ лица земской депутаціи. Такъ же энергично дѣйствовало херсонское губернское земство и нѣкоторыя уѣздныя этой губерніи, напр., елизаветградское, созывавшее представителей сельскихъ обществъ для совмѣстнаго обсужденія крестьянскаго вопроса [1]).

Затѣмъ довольно широкіе размѣры приняло составленіе адресовъ въ Тверской губ. и въ частности въ Новоторжскомъ уѣздѣ, что надо отнести на счетъ энергичной дѣятельности мѣстнаго земства, устраивавшаго, какъ и елизаветградское, собесѣдованія съ крестьянами.

Довольно дѣятельнымъ оказалось владимирское земство, тоже стремившееся освѣдомить крестьянъ относительно указа 18 февраля.

Потомъ, какъ уже сказано выше, имѣется петиція крестьянъ *70* селеній Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ. Въ Донецкомъ округѣ, Донской области, были составлены приговоры 18 сельскими обществами [2]). Довольно широко «петиціонное» движеніе захватило Курскую губернію, въ частности—Суджанскій уѣздъ. Наконецъ, чрезвычайно многочисленны подписями покрыты петиціи киргизъ Степной и Семипалатинской област.

Вотъ все, что болѣе или менѣе значительно выдѣляется изъ общ массы губерній и областей на основаніи имѣющагося у меня матеріала.

---

[1]) *Н. Ж.*, № 124.

[2]) *Рус. Вѣд.*, № 216.

Что касается распредѣленія по губерніямъ имѣющихся у меня крестьянскихъ приговоровъ, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ. На Херсонскую губ. приходится 8 приговоръ; на Тверскую—6; на области Степную и Семипалатинскую (приговоры киргизъ)—4; на губерніи Прибалтійскія—4; на Владимірскую губ.—3; на Саратовскую губ.—3; на Петербургскую—3; на обл. Войска Донского и губ. Курскую и Воронежскую—по 2; наконецъ, на губерніи: Витебскую, Екатеринославскую, Казанскую, Кіевскую, Ковенскую, Костромскую, Новгородскую, Ставропольскую, Уфимскую, Харьковскую и Черниговскую приходится—по 1 приговору. Кромѣ того имѣются довольно многочисленныя указанія на попытки различныхъ сельскихъ обществъ только что перечисленныхъ губерній составить приговоры,—попытки, не приведенныя въ исполненіе по «независящимъ обстоятельствамъ». Такія же указанія имѣются относительно губерній: Архангельской, Орловской, Полтавской и Ярославской, относительно которыхъ я не располагаю ни однимъ текстомъ крестьянскихъ приговоровъ.

V.

Не всѣ крестьянскіе приговоры, находящіеся въ моемъ распоряженіи, извѣстны мнѣ въ ихъ подлинныхъ выраженіяхъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ корреспонденты газетъ ограничивались лишь передачей содержанія того или другого приговора; приговоровъ этой категоріи у меня имѣется 14. Такимъ образомъ подлиннымъ текстомъ приговоровъ я располагаю въ 35 случаяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ приговоровъ только *2* носятъ такъ называемый «патріотическій» характеръ; всѣ же остальные (47) самымъ рѣшительнымъ образомъ критикуютъ существующій строй и ставятъ обширныя и, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ опредѣленныя требованія относительно будущаго.

Патріотическіе приговоры весьма незамысловаты по содержанію и очень кратки по размѣрамъ, такъ что чтеніе ихъ не затруднило бы гг. министровъ, чего такъ опасался членъ владимирскаго губернскаго присутствія г. Федосѣевъ (см. выше). Шаблонность и отсутствіе какой-либо оригинальности—ихъ отличительная черта. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ отъ крестьянъ Рождественской волости, Царскосельскаго уѣзда [1]) (дѣйствительнымъ авторомъ его, какъ было указано выше, является земскій начальникъ г. Мякининъ). «Великій Государь! Осчастливленные безпредѣльною милостью Твоею, мы, выборные отъ крестьянъ Рождественской волости, повергаемъ къ стопамъ Твоимъ чувства искреннѣйшей благодарности за то, что, не взирая на важныя и тяжкія заботы, Ты, отецъ нашъ и Царь нашъ, находишь время заботиться о насъ, вѣрноподданныхъ Твоихъ крестьянахъ. Позволь, Всемилостивѣйшій и Самодержавнѣйшій Государь, увѣрить Тебя въ безграничной нашей преданности и готовности служить по

[1]) *Р. В.*, № 177.

примѣру нашихъ предковъ жизнью и всѣмъ достояніемъ нашимъ къ одолѣнію враговъ Россіи какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Да продлитъ Всемогущій Богъ драгоцѣнную жизнь Твою на благо нашего отечества». Вотъ и все, что хотѣли сказать крестьяне Рождественской волости по вопросу объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства.

Не богаче содержаніемъ и приговоръ крестьянъ Печенкинской волости, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. [1]). Послѣ краткаго вступленія на тему о «тяжеломъ временн» для нашего мирнаго отечества, крестьяне пишутъ: «Мы, представители крестьянъ, отъ лица мѣстнаго населенія, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ высказать порицаніе своимъ собратьямъ-крестьянамъ, участвующимъ въ безпорядкахъ, которые сѣются не на пользу народную, а нашими недоброжелателями, жаждущими не величія, а посрамленія Россіи. Мы твердо вѣримъ, что Верховный Вождь русскаго народа, имѣя неустанное попеченіе о благѣ народномъ, Самъ озабоченъ улучшеніемъ народнаго быта, удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ и поднятіемъ крестьянства до полнаго благосостоянія! Единогласно постановили: повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества свои вѣрноподданническія чувства глубокой любви и преданности, и свою готовность на служеніе престолу и отечеству до послѣдней капли крови. Возлюбленный Монархъ нашъ! Царствуй силою самодержавія! Веди нашу могущественную Россію и христолюбивое воинство, въ силу оружія котораго мы вѣримъ и призываемъ на него Божье благословеніе, къ величію и славѣ»! (Исторія происхожденія этого адреса разсказана выше.)

VI.

Въ противоположность этимъ приговорамъ, являющимся какъ бы отпиской на запросъ правительства къ населенію въ указѣ 18 февраля, остальные 47 приговоровъ представляютъ замѣчательное богатство содержанія. Не всѣ они, разумѣется, съ одинаковой широтой взгляда смотрятъ на современное положеніе вещей; интересы нѣкоторыхъ не выходятъ за предѣлы околицы той деревни, къ которой принадлежатъ ихъ авторы. Такимъ характеромъ отличаются 2 приговора изъ сѣверо-западнаго края: крестьянъ Феллинскаго уѣзда, Лифляндской губ. [2]) и крестьянъ одной изъ волостей острова Моона [3]). Требованія первыхъ заключаются только въ отведеніи казенныхъ земель крестьянамъ, требованія вторыхъ заключаютъ четыре пункта,—три только «мѣстнаго» характера: 1) о раздѣлѣ мызныхъ земель и пастбищъ между крестьянами, 2) объ изданіи брошюръ по гигіенѣ на мѣстномъ языкѣ за счетъ казны, 3) о правѣ носить оруж[ие] и только четвертый пунктъ—объ отдѣленіи церкви отъ школы—носитъ, [по] видимому, нѣсколько болѣе общій характеръ, такъ какъ въ немъ, о[тъ]

[1]) *Н. Ж.*, № 115.
[2]) *Рус. Вѣд.*, № 170.
[3]) *Рус. Вѣд.*, № 174.

видно, имѣется въ виду реформа общая, касающаяся не только авторовъ приговора и ихъ ближайшихъ сосѣдей.

Такая же узость взглядовъ сказывается въ приговорахъ киргизъ Акмолинской [1]) и Семипалатинской [2]) областей и группы бурятъ Иркутской губ. [3]). И тѣ, и другіе просятъ только о томъ, что непосредственно ихъ касается, не задавая какъ будто себѣ вопроса, одни ли они терпятъ тѣ неудобства, о которыхъ они пишутъ. Такъ, акмолинскіе киргизы просятъ немедленно упразднить институтъ крестьянскихъ начальниковъ и урядниковъ и отмѣнить 17-ю статью дѣйствующаго Положенія, на основаніи которой киргизы высылаются административнымъ порядкомъ, не понимая какъ будто, что произволъ администраціи въ отношеніи киргизъ прекратится лишь тогда, когда вообще всѣ русскіе граждане освободятся отъ него, т.-е. съ проведеніемъ въ русскую жизнь «началъ дѣйствительной неприкосновенности личности». Семипалатинскіе киргизы просятъ, напримѣръ, объ изъятіи мусульманскихъ духовныхъ школъ изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и о назначеніи въ русскія учебныя заведенія, гдѣ учатся дѣти киргизъ, мусульманскихъ вѣроучителей на равныхъ правахъ съ православными священниками, ничего не говоря о томъ, на какихъ, по ихъ мнѣнію, основаніяхъ вообще должно быть построено дѣло начальнаго образованія народа. Иркутскіе буряты въ петиціи по поводу введенія земства въ Сибири говорятъ о необходимости разработки проекта земскихъ учрежденій мѣстными людьми, не поднимаясь какъ будто до понятія о необходимости того же для всей Россіи, а также о необходимости связать эту реформу съ коренной реформой всего государственнаго строя,—безъ чего невозможно въ Россіи существованіе истиннаго самоуправленія.

Зато всѣ остальные крестьянскіе приговоры обнаруживаютъ большую широту взглядовъ у ихъ составителей [4]). Эти приговоры наглядно показываютъ, что наши крестьяне уже почти два года тому назадъ могли не только разобраться въ причинахъ того гнета, отъ котораго они страдаютъ, но и понять, что недостаточно упразднить «земскаго», уменьшить кое-какіе налоги, а необходимо измѣнить *весь* правовой строй государства, заново передѣлать всю податную систему; наконецъ, они могли даже сказать, хотя бы и въ общихъ чертахъ, какъ сдѣлать и то, и другое. Крестьяне понимали, что реформа должна быть всеобъемлющей; что если, съ одной стороны, необходимо всѣми мѣрами и возможно скорѣе поднять матеріальное благосостояніе народа, то съ другой—также неотложно необходимы гражданская и политическая свобода.

---

[1]) *Сынъ Отч.*, № 173.

[2]) *Сынъ Отч.*, № 130.

[3]) *Сынъ Отч.*, № 98.

[4]) Это надо особенно сказать о приговорахъ литовскихъ крестьянъ (*Сынъ Отч.*, № 115) и киргизъ Степного края (*Сынъ Отч.*, № 173), авторы которыхъ свои чисто сословныя и національныя невзгоды приводятъ въ связь съ общимъ строемъ государства.

По большей части содержаніе крестьянскихъ приговоровъ распадается на двѣ половины: первая является вступленіемъ, въ которомъ крестьяне съ различныхъ сторонъ обрисовываютъ свое настоящее положеніе, а вторая—представляетъ программу тѣхъ измѣненій въ нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ, которыя, по мнѣнію крестьянъ, являются неотложно-необходимыми.

VII.

Первымъ долгомъ крестьяне считаютъ необходимымъ указать на свое тяжелое, а иногда—и совершенно безвыходное экономическое положеніе, и прежде всего—на недостатокъ земли... «Какъ исконныхъ земледѣльцевъ,—пишутъ крестьяне д. Каменской, Новоторжскаго уѣзда [1]),—обрабатывающихъ землю своими руками, больше всего насъ интересуетъ земельный вопросъ. Нехватки земли, нехватки покосовъ, выгоновъ и лѣса давали себя знать давно, чуть ли не со времени освобожденія нашего отъ крѣпостной зависимости». «Обсудивъ свое бѣдственное положеніе,—пишутъ крестьяне с. Чирикова, Саратовской губ. [2]),—мы пришли къ заключенію, что первая и самая главная причина нашего бѣдствія—малоземелье и высокая арендная плата помѣщичьихъ земель, совершенно недоступныхъ для крестьянъ, такъ какъ у насъ нѣтъ и такого количества, которое необходимо для прокормленія семьи, нѣтъ выгоновъ для скота, нѣтъ лѣсовъ и водопоевъ, вся земля и необходимыя для крестьянъ угодья находятся въ рукахъ помѣщиковъ, монастырей, церквей и удѣловъ, насъ обременяютъ высокими налогами и штрафами не только за скотъ, но даже и за куръ, зашедшихъ на помѣщичью землю». Крестьяне с. Бобрицы, Кіевск. губ. [3]), пишутъ такъ: «Первая такая нужда: облегчить намъ возможность трудиться на своей землѣ, дать намъ землю. Нашъ помѣщикъ продаетъ землю, но купить ее съ помощью крестьянскаго банка мы никакъ не можемъ, мы бѣдны, а чтобы купить землю съ банкомъ, нужно платить верхи»,т.-е. %. Крестьяне славяно-сербскаго общества Херсонск. губ. такъ рисуютъ свое положеніе [4]): «Велика у насъ нужда, Государь, очень велика! Веземъ мы кладь, которая становится намъ не по силамъ. Были у насъ силы—было покойно за нашей спиной Твое благоденствіе и благоденствіе всей Россіи. Теперь у насъ истощеніе силъ нашихъ подходитъ къ концу. Мы обременены непосильными налогами прямыми и косвенными. Размноженіе и тѣснота на нашихъ пятидесятилѣтнихъ надѣлахъ невѣроятная. Мы раздробились и обезземелѣли. Помоги, Государь! Внемли же ты нашему голосу, нашему вопію истрадавшейся души, истощеннаго тѣла». Приговоръ крестьянъ с. Ташина [5]), Одесскаго уѣзда, начинается такъ: «Велика у насъ

---

[1]) *Рус. Вѣд.*, № 215.
[2]) *Рус. Вѣд.*, № 174.
[3]) *Н. Ж.*, № 90.
[4]) *Юж. З.*, № 17.
[5]) *Рус. Вѣд.*, № 143.

нужда, Государь! Мы, крестьяне, многими столѣтіями выносили на своихъ плечахъ всѣ невзгоды, всѣ ошибки государства; наши предки проливали кровь за расширеніе Россіи, мы въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ несли на своихъ плечахъ рабство и тѣмъ давали возможность привилегированнымъ сословіямъ жить припѣвающи за нашей спиной, мы одни несли суровую солдатскую службу, мы многими вѣками несли и въ настоящее время несемъ непосильные для насъ подати и налоги. Получили же въ удѣлъ за свою вѣрную, тяжелую, вѣковую службу государству нищенскій надѣлъ земли съ большими выкупными платежами, безправіе и какъ коснѣли въ невѣжествѣ вѣками, такими остаемся и въ настоящее время».

Ужасомъ вѣетъ отъ слѣдующихъ строкъ приговора крестьянъ Витебской губ. [1]): «Если при такихъ обстоятельствахъ, какъ теперь, продолжится наша жизнь и дальше, то черезъ 15—20 лѣтъ мы станемъ вымирать съ голода. *Слава Богу, что впередъ не будетъ еще такого прироста населенія* среди насъ, какъ раньше, все же свободнѣе будетъ».

Очень часто крестьяне, указавъ на свою главнѣйшую нужду — малоземелье,—вслѣдъ за этимъ приводятъ въ приговорѣ и фактическія данныя, въ цифрахъ подтверждающія справедливость этого заявленія. Такъ поступаютъ, напр., крестьяне Воронежскаго уѣзда [2]), указывая, что у нихъ въ среднемъ надѣльной и пріобрѣтенной черезъ крестьянскій банкъ земли на душу приходится по 1,328 дес., а что аренды имъ приходится платить по 28 руб. за десятину. Другіе приводятъ цифры всей надѣльной и купленной земли, указывая при этомъ, сколько въ эти цифры входитъ земли неудобной.

Нѣкоторые крестьянскіе приговоры причину всѣхъ бѣдъ видятъ въ безправіи и беззащитности крестьянства. «Вся эта тяжесть—наша крестьянская нужда,—пишутъ крестьяне с. Байтерякова, Казанской губ. [3]),—происходитъ отъ того, что у насъ, крестьянъ, нѣтъ защитниковъ. Всѣми дѣлами народными вѣдаютъ чиновники неограниченно; что хотятъ, то и дѣлаютъ; деньги, собранныя съ народа, тратятъ безъ всякаго разсчета, никому не давая отчета въ своей дѣятельности; не позволяютъ правдиво говорить о народныхъ нуждахъ». Крестьяне Бузулукскаго уѣзда, Уфимской губ., говорятъ [4]): «Мы, крестьяне, какъ самые обездоленные въ правахъ, отданные подъ опеку чуждымъ намъ по жизни сословіямъ, мы, превосходя численностью въ шесть разъ всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ въ государствѣ остальныхъ сословій и несущіе на своихъ плечахъ всѣ тяготы государства, — въ то же время для своей жизни пользуемся крохами, падающими со стола [illegible]льныхъ міра сего, до настоящаго времени—въ продолженіе нѣсколькихъ [illegible]олѣтій, лишенные права устраивать жизнь по своему усмотрѣнію, а [illegible]лжны жить, какъ намъ прикажутъ другіе». Въ приговорѣ выборныхъ

---

[1]) *Новости*, № 120.
[2]) *Рус. Вѣд.*, № 186.
[3]) *С. От.*, № 197.
[4]) *С. От.*, № 77.

отъ сельскихъ обществъ всей Черниговской губерніи [1]) та же мысль выражена слѣдующимъ образомъ: «Наиглавнѣйшая наша нужда, отъ которой мы болѣе всего страдаемъ, это—выключеніе насъ въ особое низшее сословіе, права котораго не ограждены ни закономъ, ни судомъ, а вся наша общественная и личная жизнь отдана на усмотрѣніе земскихъ начальниковъ и полиціи».

Есть, затѣмъ, нѣсколько приговоровъ, авторы которыхъ главную причину всѣхъ крестьянскихъ золъ видятъ въ народномъ невѣжествѣ. Такъ, напр., крестьяне д. Захарово, Тверской губ., пишутъ [2]): «Мы сами понимаемъ, что прежде всего необходимо вывести насъ изъ темноты и невѣжества». Крестьяне д. Лобанова, Владимірской губ., пишутъ [3]), что нынѣшняя несчастная война съ Японіей» открыла имъ глаза на то, какъ важно просвѣщеніе для народа. «Мы—говорятъ они,—желая предстать сами и дать дѣтямъ участвовать въ избраніи выборныхъ отъ народа, какъ можно лучше, пришли къ убѣжденію, что безъ образованія мы никогда сознательно не можемъ участвовать въ земствѣ, въ избраніи выборныхъ отъ народа, никогда, кромѣ того, не будемъ въ состояніи поднять наше благосостояніе и хлѣбопашество до того, каково оно у крестьянъ на Западѣ или въ Японіи». Крестьяне с. Гусарки, Екатеринославской губ., выражаются такъ [4]): «Полагаемъ же мы, Государь, нашу главную нужду въ образованіи и просимъ предстательства Твоего, да признана будетъ нужда эта наша государственной потребностью, которая сдѣлаетъ нашъ трудъ на нивѣ болѣе производительнымъ, а силу въ ратномъ строю болѣе грозной».

Вотъ такимъ образомъ, по мнѣнію крестьянъ, три главныя причины всѣхъ невзгодъ русской деревни: малоземелье, безправіе и невѣжество. Въ признаніи этого сходятся всѣ приговоры; разница между ними только въ томъ, какую изъ этихъ трехъ причинъ тотъ или иной приговоръ выдвигаетъ на первое мѣсто. По большей части на первый планъ выдвигается малоземелье; слѣдующую—по численности—группу составляютъ тѣ приговоры, въ которыхъ первое мѣсто отводится безправію, а самую меньшую—тѣ, въ которыхъ во главѣ угла ставится невѣжество.

Изложивъ такимъ образомъ свои общія соображенія о причинахъ нестроенія русской жизни, крестьяне переходятъ въ своихъ приговорахъ къ выясненію своей программы реформъ. Тотъ порядокъ, въ которомъ излагаются послѣдовательно пункты этой программы, въ большинствѣ случаевъ надо признать не случайнымъ; обыкновенно онъ находится въ соотвѣтствіи съ общимъ взглядомъ составителей приговора на причину крестьянскихъ бѣдъ; въ тѣхъ приговорахъ, въ которыхъ эта причина усматривается въ малоземельи, и программа реформъ начинается съ вопросовъ экономи

[1]) *Рус. Вѣд.*, № 190.
[2]) *С. От.*, № 123.
[3]) *Н. Ж.*, № 197.
[4]) *Юж. З.*, № 14.

ческихъ; тѣ приговоры, въ которыхъ на первый планъ выдвигается крестьянское безправіе, и программу реформъ обыкновенно начинаютъ съ вопросовъ политическихъ. Среди этой группы приговоровъ особенно характеренъ приговоръ крестьянъ с. Писаревки, Воронежской губ. [1]). «Мы думаемъ,—пишутъ они,—что только выборные отъ всего народа и облеченные его довѣріемъ депутаты смогутъ вывести насъ, крестьянъ, изъ настоящаго невыносимаго положенія... Для того, чтобы выборщики и выборные могли безпрепятственно и свободно разбираться въ своихъ нуждахъ, правительству необходимо теперь же объявить полную свободу слова, печати, собраній и даровать освобожденіе всѣмъ лицамъ, пострадавшимъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія. *Только при вышеупомянутыхъ законодательныхъ условіяхъ* мы можемъ надѣяться, что крестьяне получатъ землю, права и образованіе».

То же соотвѣтствіе замѣчается и въ третьей указанной группѣ приговоровъ.

VIII.

Посмотримъ теперь, какова экономическая программа крестьянскихъ приговоровъ.

Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе умѣренность тона, въ которомъ говорятъ крестьяне: это тонъ не революціонеровъ, а вполнѣ лойяльныхъ вѣрноподданныхъ. Вотъ, напр., какъ излагаетъ эту часть крестьянской программы вышецитированный приговоръ с. Гусарки, Екатеринославской губ.: «Облегчи, Государь, намъ эту нужду и повели признать государственной обязанностью удовлетворять острую потребность въ землѣ сельскаго земледѣльческаго населенія изъ казеннаго земельнаго запаса, служащаго нынѣ казенной оброчной статьей съ колеблющейся доходностью. Повели, Государь, увеличить этотъ запасъ путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель или же и отчужденія въ томъ случаѣ, когда малоземельные крестьяне нуждаются въ отрѣзкѣ выгоновъ, выпасовъ и водопоевъ».

Крестьяне с. Бобрицы, Кіевской губ. [2]), пишутъ: «Мы все дѣлаемъ по своимъ силамъ. Крамолѣ мы чужды, не были мы никогда крамольниками. Но смута и у насъ есть и есть она давно уже. Да какъ ей и не быть? Земли у насъ мало, народъ множится, всякому хочется ѣсть... Слезно умилились мы, когда узнали, что Царь пожелалъ облегчить подданнымъ возможность быть услышанными, и спѣшимъ доложить о своихъ нуждахъ». Только въ одномъ приговорѣ крестьяне просятъ «приказать немедленно».

Этой умѣренности тона соотвѣтствуетъ и умѣренность способовъ рѣшенія вопроса о землѣ: мы ничего не слышимъ о захватѣ, конфискаціи и т. п.; крестьяне, очевидно, желали разрѣшить этотъ вопросъ мирнымъ путемъ.

---

[1]) *Н. Ж.*, № 90.

[2]) *С. Отм.*, № 143.

Всѣ приговоры сходятся на томъ, что необходимо увеличить площадь земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, но не во всѣхъ приговорахъ мы находимъ одинаково ясный отвѣтъ на вопросъ, какъ именно это сдѣлать. Крестьяне с. Селижарова, Тверской губ., напр., просто пишутъ, что «необходимо надѣлить всѣхъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землею, пользуясь землями казенными, удѣльными, монастырскими и частновладѣльческими», ничего не говоря, на какихъ же именно условіяхъ это надо сдѣлать. Такъ же неопредѣленно выражаются крестьяне Ивановскаго сельскаго общества Одесскаго уѣзда, признавая необходимымъ «надѣленіе землей всѣхъ желающихъ ее обрабатывать изъ земель, принадлежащихъ государству, монастырямъ и крупнымъ землевладѣльцамъ».

Не болѣе ясно и такое требованіе крестьянъ м. Курисово-Покровскаго, Одесскаго уѣзда: «Надѣлить насъ государственными, удѣльными или частновладѣльческими землями съ вознагражденіемъ нынѣшнимъ владѣльцамъ», такъ какъ неизвѣстно, допустимо ли принудительное отчужденіе, кто будетъ вознаграждать нынѣшнихъ владѣльцевъ и т. п., или требованіе крестьянъ Дмитровскаго общества, Воронежской губ.: «Надѣленіе въ потребномъ количествѣ землею посредствомъ отчужденія казенныхъ, церковныхъ и частновладѣльческихъ земель», такъ какъ изъ него не видно, напр., будутъ ли вознаграждены частные владѣльцы за отчужденную землю. Есть неопредѣленность и въ требованіи крестьянъ с. Гашина, Херсонской губ.: «Передача казенныхъ и частновладѣльческихъ земель посредствомъ выкупа на государственныя средства трудящимся крестьянамъ».

И такихъ приговоровъ большинство. Очевидно, большая часть крестьянъ не вполнѣ ясно представляла себѣ всѣ тѣ начала, на которыхъ должна быть проведена аграрная реформа, но два принципа въ этой группѣ приговоровъ опредѣляются вполнѣ ясно: это 1) признаніе, что реформа должна пройти мирнымъ, законодательнымъ путемъ, путемъ вмѣшательства въ аграрныя отношенія государственной власти, а 2) мысль, что государство должно на тѣхъ или другихъ основаніяхъ использовать при аграрной реформѣ не только казенныя и удѣльныя, но и частновладѣльческія земли. Характерно при этомъ еще то, что крестьяне просятъ надѣлить землей не только малоземельныхъ, но и *безземельныхъ*.

Въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ приговоровъ, въ которыхъ аграрная реформа имѣетъ болѣе опредѣленный, чѣмъ въ только что указанныхъ, очертанія, появляются уже незнакомые для разсмотрѣнной группы принципы; въ нихъ чувствуются болѣе или менѣе опредѣленно вліяніе партійной пропаганды. Такъ, напр., крестьяне с. Кирпичнаго, области Войска Донского, пишутъ[1]: «Необходимо уничтожить частную собственность на землю и передать ее частновладѣльческія, казенныя, удѣльныя, монастырскія и церковныя земли въ распоряженіе всего народа. Землею долженъ пользоваться только тотъ, кто своей семьей или въ товариществѣ, но безъ батрацкаго труда будетъ

[1]) *Рус. Вѣд.*, № 177.

ее обрабатывать, и въ такомъ количествѣ, сколько онъ въ силахъ обработать». Надо замѣтить, что въ концѣ этого приговора имѣется приписка, многое объясняющая въ его содержаніи: «Для осуществленія изложенныхъ нами требованій въ законодательномъ порядкѣ мы, нижеподписавшіеся, вступаемъ въ общероссійскій крестьянскій союзъ». То же теченіе, но въ менѣе яркой формѣ, обнаруживается въ приговорѣ крестьянъ с. Чирикова, Саратовской губ., постановившихъ ходатайствовать «о передачѣ земли въ пользованіе трудящихся лицъ, поскольку она имъ необходима, т.-е. столько, сколько каждый можетъ обрабатывать своимъ трудомъ».

Въ другихъ приговорахъ этой группы видное мѣсто занимаетъ установленіе minimum'а и maximum'а землевладѣнія. Такъ, напр., выборные отъ сельскихъ обществъ Черниговской губ. пишутъ: «Необходимо, чтобы не было ни крестьянскаго, ни дворянскаго банка (къ ихъ дѣятельности крестьянскіе приговоры вообще относятся отрицательно), а чтобы былъ одинъ казенный банкъ для пріобрѣтенія земли для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ обрабатывать ее своимъ трудомъ, причемъ нужно установить размѣръ земли, больше котораго никто не долженъ покупать, будь то съ помощью банка или безъ его помощи; тамъ же, гдѣ крупныя владѣнія стѣсняютъ пользованіе землею, принадлежащею мелкимъ владѣльцамъ, живущимъ земледѣліемъ, для расширенія мелкаго землевладѣнія должно быть сдѣлано принудительное отчужденіе съ уплатою владѣльцу стоимости земли по разсчету изъ чистой доходности, доходность же долженъ опредѣлить судъ».

Въ приговорѣ крестьянъ с. Ратислова, Владимірской губ., мы встрѣчаемъ и самую цифру maximum'а. Они пишутъ: «По нашему разумѣнію, казна должна купить у помѣщиковъ, даже хоть и противъ ихъ воли, всю землю, или можно оставить имъ 25—30 десятинъ; купленную землю казна продастъ крестьянамъ, а они будутъ выплачивать казнѣ ея стоимость; причемъ желательно было бы, чтобы казна зачла тѣ деньги, какія крестьяне переплатили за первые надѣлы. А гдѣ есть удѣльныя земли, тамъ ихъ раздать мужикамъ». Такой же maximum устанавливаютъ крестьяне с. Бобрицы, Кіевской губ. И только въ одномъ случаѣ въ приговорѣ крестьянъ Елисаветградскаго уѣзда maximum опредѣляется въ 500 дес.

Что касается minimum'а, то въ приговорахъ крестьянъ Елисаветградскаго и Петербургскаго уѣздовъ онъ опредѣляется въ 3 десятины, а въ приговорѣ крестьянъ Казанской губ.—въ 7 дес. Въ приговорѣ крестьянъ Владимірской губ. [1]) minimum опредѣляется въ 2 дес., а maximum—въ 5 дес. на каждаго жителя не моложе 10 лѣтъ мужского и женскаго пола.

Вотъ тѣ рѣшенія аграрнаго вопроса, которыя предлагались крестьянами въ ихъ приговорахъ $1^1/_2$ года тому назадъ. Знакомство съ ними ясно показываетъ, что преобладающимъ теченіемъ среди крестьянства было желаніе рѣшить этотъ вопросъ мирнымъ, законодательнымъ путемъ, съ соблюденіемъ принципа справедливости.

---

[1]) *Р. В.*, № 112.

Главною цѣлью реформы, по мнѣнію большинства крестьянскихъ приговоровъ, долженъ быть переходъ ея въ руки обрабатывающихъ ее лично; нѣкоторые приговоры даже совѣтуютъ установить запрещеніе покупать землю лицамъ, не обрабатывающимъ ее лично. Главнымъ средствомъ при этомъ считается вмѣшательство въ земельныя отношенія государственной власти.

Въ связи съ аграрнымъ вопросомъ въ нѣкоторыхъ приговорахъ затронутъ вопросъ объ общинѣ: именно, въ приговорѣ крестьянъ Елисаветградскаго уѣзда, въ приговорѣ крестьянъ Владимірской губ. и, наконецъ, въ приговорѣ крестьянъ Тверской губ. Въ первомъ говорится: «Принять возможныя мѣры къ уничтоженію общиннаго землепользованія надѣльными землями, такъ какъ общинный способъ владѣнія, давая отрицательные результаты въ дѣлѣ обезпеченія крестьянъ землею, вмѣстѣ съ тѣмъ понижаетъ производительность ея и вселяетъ въ населеніе самыя превратныя и неопредѣленныя понятія о правѣ собственности, и установить владѣніе подворное».

То же отрицательное отношеніе къ общинѣ проявляютъ и два другіе указанные приговора. Во второмъ крестьяне выставляютъ такое требованіе: «Объединеніе нашего землевладѣнія съ отдачею намъ въ частную собственность надѣльныхъ земель, съ полнымъ правомъ распоряженія оными, какъ съ купчими, и уничтоженіе общинныхъ законовъ и вообще связанныхъ съ общиннымъ землепользованіемъ постановленій». Наконецъ, въ третьемъ изъ перечисленныхъ приговоровъ крестьяне просятъ «предоставить свободный выходъ изъ общиннаго владѣнія».

Во всѣхъ остальныхъ приговорахъ вопросъ объ общинѣ обойденъ молчаніемъ.

Въ громадномъ большинствѣ приговоровъ рѣшеніе аграрнаго вопроса сводится къ одному пункту: къ прирѣзкѣ земли на тѣхъ или другихъ началахъ; лишь въ немногихъ указывается на неполноту такого рѣшенія. Необходимыя дополнительныя мѣры, по мнѣнію составителей этихъ немногихъ приговоровъ, заключаются въ слѣдующемъ: въ урегулированіи арендныхъ отношеній, уничтоженіи черезполосицы, организаціи переселенія и разселенія, устройствѣ доступнаго для деревни и дешеваго кредита, наконецъ, въ распространеніи среди крестьянства спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ знаній путемъ устройства сельско-хозяйственныхъ школъ и складовъ. Еще болѣе рѣдки такія требованія: «содѣйствіе образованію союзовъ и артелей»—встрѣчаемъ только въ приговорѣ крестьянъ с. Гы-сарки, Екатерин. губ.,—и «пересмотръ и исправленіе закона о наймѣ [illegible] сельскія работы»—находимъ только въ приговорѣ крестьянъ Елисаветгр[illegible]-скаго уѣзда.

IX.

Не менѣе аграрнаго вопроса авторовъ крестьянскихъ приговоровъ и[illegible]-ресуетъ вопросъ налоговый. Всѣ они въ одинъ голосъ заявляютъ о т[illegible]-

ети современнаго налогового бремени, указываютъ на несправедливость существующей у насъ системы налоговъ. Такъ, наприм., выборные отъ сельскихъ обществъ Черниговской губ. пишутъ: «мы непосильно обременены разными налогами, а въ особенности косвенными, которыми обложены и такіе предметы, безъ которыхъ не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, даже самый бѣдный; послѣ же отдачи въ казну множества налоговъ у насъ не остается средствъ, чтобы завести для своихъ дѣтей школы, а изъ казны на это помощи не даютъ (церковно-приходскія школы мы не считаемъ за настоящія школы)». Крестьяне с. Ратислова, Владимірской г., пишутъ такъ: «Вторая наша бѣда—это подати (первая—малоземелье). Подати, выкупные платежи и разные налоги черезчуръ насъ обременяютъ. Иной разъ не только все, что получишь отъ земли, идетъ въ оброкъ, но приходится еще пополнять недохватку заработкомъ на сторонѣ. Несправедливость чрезмѣрныхъ налоговъ съ крестьянъ увеличивается еще тѣмъ, что собранныя съ насъ деньги идутъ не на наши нужды, а куда-то въ другое мѣсто, намъ же удѣляется самая ничтожная часть ихъ».

Выходъ изъ этого тяжелаго положенія авторы приговоровъ видятъ прежде всего въ отмѣнѣ выкупныхъ платежей. «Сосчитавъ,—говорятъ крестьяне Чуриновской волости, Новгородской губ. [1]),—всѣ ежегодные выкупные платежи, произведенные нами до настоящаго времени, увидимъ, что стоимость земли покрыта съ избыткомъ». «Выкупные платежи пора совсѣмъ уничтожить,—пишутъ крестьяне Черниговской губ.,—потому что такихъ платежей уже заплачено втридорога противъ той стоимости земли, какая была при началѣ выкупа». Въ одномъ приговорѣ—с. Андреянова, Тверской губ.—крестьяне этимъ не довольствуются: они просятъ о *возвращеніи* ихъ сельскому обществу всѣхъ выкупныхъ платежей, изъ которыхъ они намѣрены «образовать комитетъ для разселенія въ сей нашей деревнѣ по своей надѣльной и купленной землѣ».

Вторымъ такимъ же единодушнымъ требованіемъ крестьянъ является введеніе подоходнаго прогрессивнаго налога. «По справедливости, по правдѣ нужно сдѣлать такъ, чтобы налоги брались прямо съ прибытка; кто богаче, у кого прибытокъ больше, тотъ и платитъ больше, а кто бѣденъ, тотъ или мало, или ничего не платитъ. Налоги же на чай, сахаръ, спички и другіе всего болѣе необходимые предметы нужно уничтожить» (приговоръ с. Ратислова, Владимірской губ.). «Необходимо измѣнить порядокъ уплаты налоговъ такъ, чтобы богатые платили больше бѣдныхъ, а не т ъ, какъ теперь у насъ заведено»—приговоръ д. Маркова, Тверской г. « ретья наша просьба,—пишутъ крестьяне с. Бобрицы, Кіевской губ.,—о легчить тяготы налоговъ, устроить такъ, чтобы никакихъ ни прямыхъ, и другихъ налоговъ не падало на тѣхъ, кто едва можетъ прокормить с бя и дѣтокъ своихъ, а чтобы платились налоги только съ избытковъ и ч обы платили тѣ, кто богаче, и чѣмъ богаче—тѣмъ больше».

---

[1]) *С. О.*, № 135.

Приведенные примѣры показываютъ, что крестьяне хорошо понимали значеніе словъ: «введеніе подоходнаго прогрессивнаго налога»; они не были для нихъ только ходячей, шаблонной фразой.

Такова экономическая программа крестьянскихъ приговоровъ. Говоря вообще, она сводится къ тремъ главнымъ пунктамъ: прибавка земли, отмѣна выкупныхъ платежей и введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога.

Характерно при этомъ то, что крестьяне, указывая на необходимость поднять экономическое благосостояніе народа, ничего не говорятъ объ улучшеніи быта фабрично-заводскихъ рабочихъ. Только въ двухъ приговорахъ удѣляется нѣкоторое вниманіе этому вопросу. Крестьяне Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губ., пишутъ: «Рабочему классу должны быть предоставлены одинаковыя права съ хозяевами отстаивать свои интересы при полномъ невмѣшательствѣ въ эти дѣла со стороны правительства и при гражданской отвѣтственности по договорамъ; рабочіе всякихъ наименованій—плоть отъ плоти нашей, и нѣтъ у насъ ни одной семьи, которая не имѣла бы у себя одного или нѣсколькихъ рабочихъ». Въ приговорѣ д. Каменной, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ., говорится слѣдующее: «Работая на фабрикѣ и зная условія фабричнаго труда, мы считаемъ необходимымъ измѣнить фабричные законы, главнымъ образомъ, относительно вознагражденія за увѣчье, болѣзни, страховки на случай старости, инвалидности и т. д., и такъ, чтобы эти законы больше, чѣмъ теперь, охраняли интересы рабочихъ».

Вотъ и все, что мы находимъ въ приговорахъ по «рабочему» вопросу.

X.

Посмотримъ теперь, какихъ перемѣнъ въ своемъ правовомъ положеніи требовали крестьяне въ ихъ приговорахъ.

Во-первыхъ, крестьяне требовали уравненія себя въ правахъ съ другими сословіями, во-вторыхъ, они требовали уничтоженія вообще всякихъ сословныхъ различій и, въ-третьихъ, требовали новыхъ правъ для всѣхъ гражданъ безъ всякихъ изъятій.

Такъ, наприм., крестьяне д. Храпугино, Новоторжскаго уѣзда, просятъ «сравнять крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, дать имъ равный для всѣхъ судъ, право управлять своими дѣлами, а главное уничтожить должности земскихъ начальниковъ и другихъ опекуновъ крестьянства». Крестьяне с. Бобрицы, Кіевской губ., указываютъ на необходимость «уравнять крестьянъ передъ закономъ со всѣми подданными, чтобы одни права были у крестьянъ, купцовъ, дворянъ во всемъ, какъ въ службѣ Царской, такъ и въ правѣ распоряжаться собой и своимъ имуществомъ, чтобы безъ суда никто не смѣлъ подвергнуть никакимъ карамъ». «До сихъ поръ,—пишутъ крестьяне с. Ратислова, Владимірской губ.,—смотрятъ на насъ, какъ на ребятъ, приставляютъ къ намъ нянекъ, и законы-то для насъ особые; а вѣдь всѣ мы члены одного и того же государства. — Съ

и другія сословія; къ чему же для насъ особое положеніе? Было бы гораздо справедливѣе, если бы законы были одинаковы какъ для купцовъ, дворянъ, такъ и для крестьянъ; равнымъ образомъ и судъ былъ бы одинаковъ для всѣхъ». Крестьяне Бузулукскаго уѣзда, Уфимской губ., на первое мѣсто среди реформъ выдвигаютъ «равенство въ правахъ всѣхъ гражданъ Россіи, безъ различія сословій и *вѣроисповѣданій*».

Во многихъ приговорахъ выставляется требованіе объ отмѣнѣ военнаго положенія, усиленной охраны и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на необходимость установить неприкосновенность личности и жилищъ, свободу слова, печати, собраній и союзовъ—для всѣхъ гражданъ безъ различія происхожденія, національности, вѣроисповѣданія и пола (послѣднее слово, впрочемъ, прибавляется далеко не всегда). Какихъ-либо, такимъ образомъ, юдофобскихъ тенденцій среди крестьянства не наблюдается.

Требуя для себя равенства въ правахъ съ другими сословіями и освобожденія отъ опеки земскихъ начальниковъ, нѣкоторые приговоры затрогиваютъ вопросъ объ организаціи мѣстнаго самоуправленія; именно, они предлагаютъ построить его на безсословныхъ началахъ; этимъ обыкновенно и исчерпывается вся программа по мѣстному самоуправленію. Большинство же приговоровъ совсѣмъ обходятъ молчаніемъ этотъ вопросъ.

XI.

Зато нѣтъ приговора, въ которомъ бы не былъ затронутъ третій больной вопросъ крестьянской жизни—вопросъ образованія. Мы видѣли выше, какое громадное значеніе придаютъ образованію крестьянскіе приговоры, и потому весьма естественно, что всѣ приговоры въ свою программу реформъ включаютъ пунктъ о народномъ образованіи.

Нѣкоторые приговоры выражаются очень кратко, наприм.: «общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ», или: «всеобщее и обязательное образованіе на государственный счетъ и увеличеніе среднихъ учебныхъ заведеній». Крестьяне Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ., просятъ «всеобщаго обязательнаго образованія, свободнаго учрежденія школъ, библіотекъ, читаленъ, безъ чего невозможно культурное развитіе». Крестьяне Воронежскаго уѣзда считаютъ необходимымъ «введеніе всеобщаго народнаго образованія крестьянъ съ тѣмъ, чтобы дѣти имѣли возможность продолжать образованіе какъ въ среднемъ, такъ и въ высшемъ учебномъ заведеніи на казенный счетъ».

Другіе приговоры болѣе подробно развиваютъ программу по народному образованію. Какъ бы сводкой всѣхъ этихъ разнообразныхъ программъ является приговоръ крестьянъ Юрьевскаго у., Владимірской губ. Они пишутъ: «Необходимо введеніе обязательнаго и безплатнаго народнаго образованія, какъ общаго, такъ и спеціальнаго, съ расширенной программой и увеличеннымъ курсомъ, такъ, чтобы изъ начальной школы всѣмъ желающимъ былъ открытъ свободный доступъ во всѣ казенныя среднія, потомъ и высшія учебныя заведенія, какъ платныя, такъ и безплатныя,

и чтобы при пріемѣ нашихъ дѣтей наравнѣ съ дѣтьми другихъ сословій руководствовались одной способностью дѣтей, а не знатностью ихъ происхожденія. Необходимо имѣть въ народныхъ библіотекахъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ и нами самими выбранныя. Необходимо самое широкое всякаго рода внѣшкольное образованіе».

XII.

Но излагая свои виды и предположенія по вопросамъ государственнаго благоустройства, крестьяне дѣлаютъ обыкновенно въ приговорѣ заключеніе такого рода: «Всѣ указанныя реформы могутъ быть проведены въ жизнь только съ созывомъ народныхъ представителей; чиновничество своими силами осуществить ихъ не можетъ». Скорѣйшій созывъ выборныхъ отъ народа—вотъ лейтмотивъ всѣхъ крестьянскихъ приговоровъ.

На какихъ же началахъ должно быть построено, по мнѣнію крестьянъ, народное представительство?

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы получаемъ такой отвѣтъ: «На основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ». Въ нѣкоторыхъ приговорахъ къ этимъ словамъ дѣлается еще такое добавленіе: «Безъ различія вѣроисповѣданій и національностей», и только въ одномъ (Области Войска Донского) сдѣлана оговорка относительно участія въ выборахъ женщинъ; всѣ остальные приговоры или ничего не говорятъ относительно пола избирателей, или прямо указываютъ, что выборнымъ правомъ пользуются только мужчины.

Въ нѣкоторыхъ приговорахъ высказывается опасеніе, что крестьяне будутъ выдѣлены на выборахъ въ особую курію, что ихъ представители будутъ имѣть меньше правъ, чѣмъ представители другихъ сословій; крестьяне настоятельно требуютъ поэтому свободныхъ, равныхъ, прямыхъ и тайныхъ выборовъ безъ какихъ-либо привилегій для богатыхъ и знатныхъ. Въ двухъ приговорахъ кромѣ того устанавливается возрастъ, дающій право участія въ выборахъ—именно, 21 годъ.

Не ясно ли изъ этого, какъ отнеслись составители приговоровъ къ избирательному закону по Положенію 6 августа 1905 г.

Возникаетъ затѣмъ еще другой, не менѣе важный вопросъ: каковымъ, по мнѣнію крестьянъ, должно быть представительное собраніе, каковы его права и функціи?

Содержаніе приговоровъ позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: крестьяне хотятъ не совѣщательнаго, а законодательнаго представительнаго собранія; оно должно не только совѣтовать Царю, но и *рѣшать* дѣла. Въ трехъ приговорахъ даже употребляется терминъ «учредительное собраніе», но въ одномъ изъ нихъ онъ поставленъ очевидно по недоразумѣнію; именно, въ приговорѣ с. Гашина, Одесскаго у., читаемъ: «...необходимо немедленно призвать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей въ учредительное собраніе, какъ *то, Государь, уже объявилъ* въ своемъ рескриптѣ отъ 18 февраля с. г.».

Два другихъ приговора съ требованіемъ учредительнаго собранія принадлежатъ: первый—крестьянамъ Петровск. у., Саратовск. г., объявившимъ въ этомъ же приговорѣ объ организаціи въ этомъ уѣздѣ крестьянскаго союза, а второй—крестьянамъ с. Чирикова, Балашовскаго уѣзда той же губерніи.

Что касается въ частности самыхъ функцій представительнаго собранія, то онѣ характеризуются въ крестьянскихъ приговорахъ такъ. «Мы обрадовались,—пишутъ крестьяне с. Байтерякова, Казанской губ.,—когда узнали, что рѣшено созвать Государственную Думу, т.-е. выборныхъ отъ народа, для того, чтобы они обсуждали законы, производили раскладку податей и назначали, сколько народныхъ денегъ нужно тратить на каждое въ отдѣльности государственное дѣло (на народное образованіе, на военное дѣло, на жалованье чиновникамъ и т. д.) и чтобы имъ, выборнымъ отъ народа, чиновники отдавали отчетъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, которыя они вершили». Въ приговорѣ крестьянъ Бузулукскаго у., Уфимской губ. читаемъ: «Намъ нужно, чтобы наши представители были не случайно приглашенные гости-совѣтники въ столицѣ, а наравнѣ съ другими сословіями, постоянные члены Государственной Думы, съ правомъ рѣшающаго голоса, имѣющаго издавать обязательные законы для всѣхъ жителей Россіи и контролировать государственные доходы и расходы, т.-е. участвовать въ народномъ хозяйствѣ и въ законодательствѣ». Въ приговорѣ с. Кирпичнаго, Области Войска Донского, находимъ такой отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ: «Народное представительство должно быть осуществлено въ формѣ постоянно дѣйствующаго самостоятельнаго учрежденія. Народнымъ представителямъ должно принадлежать право самостоятельной законодательной дѣятельности, не исключая законодательнаго почина, установленія государственной росписи и налоговъ и контроля надъ администраціей».

Но наиболѣе полный, охватывающій всѣ другіе отвѣтъ мы находимъ въ [illegible] приговорѣ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ Черниговской губ.: «Единственнымъ для себя спасеньемъ мы признаемъ, чтобы для выработки законовъ, [illegible] для составленія смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, раскладки [illegible] налоговъ и контроля за правильностью расходованія денегъ были избраны представители всѣми русскими подданными равно, посредствомъ прям[illegible]ого и тайнаго голосованія, и все, что они сдѣлаютъ, чтобы представлено было Царю на утвержденіе помимо министровъ и всяческихъ совѣтовъ, а одно[illegible] всѣ служащіе, начиная отъ самыхъ высшихъ министровъ и кончая мелкодон[illegible]ими, должны давать отвѣтъ народнымъ выборнымъ, потому что у батюш[illegible]шки Царя не хватитъ и силъ усмотрѣть, чтобы всѣ выполняли свою служ[illegible]у по закону».

[illegible]о, что авторы крестьянскихъ приговоровъ не могли удовлетвориться [illegible] Думой по закону 6 августа, а между тѣмъ правительство, выработавшее [illegible] его, сильно, должно быть, разсчитывало на сочувствіе крестьянства, [illegible] бствомъ, можетъ быть, оно, не желая утруждать себя, не читало приговоровъ, [illegible] добныхъ вышеприведеннымъ?

XIII.

Нѣсколько приговоровъ заканчиваются просьбой объ амнистіи пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія, или, какъ говорится въ одномъ приговорѣ «пострадавшимъ за мысли и дѣла, несогласныя съ видами администраціи».

Крестьяне ивановскаго сельскаго общества Одесскаго уѣзда просятъ объ освобожденіи «всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, а также крестьянъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, такъ какъ ихъ подвинула на это только крайняя нужда».

Въ приговорѣ крестьянъ славяно-сербскаго общества Херсонской губ. находимъ цѣлую защитительную рѣчь за аграрниковъ. «Мы слышали— пишутъ они,—что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ были безпорядки, крестьяне грабили чужое добро. Отпусти ихъ, Государь—ибо они сдѣлали это по своей «темнотѣ и нуждѣ». Царь, Государь! Ты долженъ знать, что голодъ и нужда затемняютъ и свѣтлыя головы. Не наказаніе имъ нужно, а сытый кусокъ, теплый уголъ и устраненіе отчаянія и заботы на завтрашній день. Имъ нужна школа, образованіе, Государь! Прости имъ, ибо «они не вѣдали, что творили и творятъ». Сотвори эту милость несчастнымъ. Ты самъ, Государь, знаешь: «развѣ найдется отецъ, который далъ бы сыну камень вмѣсто хлѣба, а змѣю вмѣсто рыбы». А ты—Царь батюшка!»

Вотъ, въ общихъ чертахъ, что̀ даютъ собранные мною крестьянскіе приговоры. Ихъ малочисленность не позволяетъ дѣлать очень широкихъ выводовъ и обобщеній, но всетаки, какъ мнѣ казалось, они даютъ цѣнный и не безынтересный матеріалъ для отвѣта на вопросы, поставленны въ началѣ статьи: каково было настроеніе русской деревни накан изданія Положенія о Думѣ 6 августа 1905 г. и каковы были тѣ сп но-экономическія и политическія идеи, которыя тогда обращались къ крестьянства. Кромѣ того эти приговоры показываютъ, что Пол августа, все построенное на разсчетахъ о патріархальности возз: како- скаго мужика, не могло удовлетворить и этого послѣдняго раніе, ка- удовлетворило и другіе слои народа. «*Енъ*» оказался дале простъ, какъ это воображали правители—да, кажется, вообр просъ такъ: и теперь.

дставитель-

К. Си *рьшать*

едительное

о недора-

емъ: «Не-

облечен-

іе,

Какъ осуществить единое народное представительство? *)

II.

Признавъ, что политическій прогрессъ долженъ заключаться въ ...праздненіи верхней палаты, мы еще далеко не рѣшили вопроса о ...омъ, какъ эта реформа произойдетъ, и какъ она должна произойти. ...менно въ виду того, что ни въ одномъ изъ современныхъ крупныхъ ...сударствъ народное представительство не организовано на основѣ одно... ...алатной системы, организація его въ одну палату является пока еще ...роблемой, которую надо рѣшить теоретически и практически. Прежде ...его мы не имѣемъ никакого основанія считать политическую отсталость, ...слѣдствіе которой во всѣхъ крупныхъ, даже самыхъ передовыхъ совре... ...енныхъ государствахъ существуетъ двѣ палаты народныхъ представите... ...й, чисто-внѣшнимъ явленіемъ, присущимъ только государственному ...тройству. Напротивъ мы должны предположить, что даже эти государ... ...въ культурномъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи не достигли ...степени развитія, которой соотвѣтствовало бы народное представи... ...законовластво, состоящее изъ одной палаты. Для рѣшенія занимающей насъ ...расклади мы надо, слѣдовательно, отвѣтить на вопросъ—при какой степени ...была избранаго, политическаго и соціальнаго развитія осуществимо единое ...ственное прямое представительство. Но и отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы еще ...представленог знать, какъ должно быть организовано народное представитель... ...совѣтовъ, а однопалатной системѣ. Будучи осуществлено чисто-механическимъ ...путемъ однопалатное народное представительство можетъ привести со... ...что у насъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ ожидаютъ его сторонники. Народ... ...ское представительство, состоящее изъ одной корпораціи представителей, ...Очевидно само по себѣ оказаться учрежденіемъ чрезвычайно склоннымъ ...творяться атиться и вырождаться. Кромѣ того, нѣкоторыя черты политической ...работывательной организаціи современныхъ государствъ могутъ даже прямо ...обствовать такому извращенію и вырожденію однопалатнаго народнаго

*) *Русская Мысль*, кн. III, 1907 г.

представительства. Въ исторіи уже не разъ случалось, что тотъ или другой институтъ частнаго или публичнаго права приводилъ къ прямо противоположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ хотѣли имъ достигнуть; а это происходило именно вслѣдствіе того, что не были приняты во вниманіе всѣ культурныя, политическія и соціальныя условія, среди которыхъ ему приходилось функціонировать. Поэтому рѣшить занимающую насъ проблему нельзя, не отвѣтивъ на другой вопросъ: въ какой формѣ осуществимо однопалатное народное представительство. Иными словами, какія измѣненія должны быть произведены во всемъ государственномъ строѣ современныхъ конституціонныхъ государствъ, и какъ должны быть реорганизованы отдѣльные органы государственной власти въ нихъ для того, чтобы однопалатное народное представительство соотвѣтствало бы ихъ организаціи, находило бы въ нихъ опору для своей дѣятельности и являлось бы устойчивымъ и плодотворнымъ учрежденіемъ?

Что касается перваго вопроса относительно того уровня культурнаго, политическаго и соціальнаго развитія, которому соотвѣтствовало бы однопалатное народное представительство, то это въ высшей степени сложный соціологическій вопросъ. Сложность его увеличивается для насъ еще благодаря тому, что намъ приходится имѣть дѣло не съ однимъ государствомъ, находящимся на извѣстной степени культурнаго, политическаго и соціальнаго развитія, а съ цѣлымъ рядомъ государствъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ развитія и далеко не одинаковыхъ по своей соціальной структурѣ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ съ соціологической точки зрѣнія намъ пришлось бы углубиться въ массу детальныхъ соціологическихъ вопросовъ, такъ какъ различія между отдѣльными государствами въ степени культурнаго, политическаго и соціальнаго развитія детальны, и самъ вопросъ объ уровнѣ культурнаго, политическаго и соціальнаго развитія, соотвѣтствующемъ однопалатной системѣ народнаго представительства, съ соціологической точки зрѣнія есть детальный вопросъ. Между тѣмъ углубившись въ соціологическія проблемы, мы уклонимся отъ нашей спеціальной задачи рѣшить вопросъ объ одной или двухъ палатахъ народныхъ представителей съ точки зрѣнія политики, государственнаго права и исторіи политическихъ ученій. Поэтому мы пока оставимъ этотъ вмѣстѣ и сложный, и детальный соціологическій вопросъ въ сторонѣ и перейдемъ прямо къ государственно-политическому и государственно-правовому вопросу о тѣхъ чисто-государственныхъ функціяхъ, которыя исполняетъ верхняя палата въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ, и о томъ функціональномъ положеніи, которое она занимаетъ среди другихъ органовъ высшей государственной власти. Ниже, когда мы будемъ разсматривать вопросъ о томъ процессѣ развитія, который необходимо должны будутъ пройти учрежденія высшей государственной власти для того, чтобы приспособиться къ однопалатному народному представительству, мы найдемъ также общій отвѣтъ на выше намѣченный соціологическій вопросъ о томъ уровнѣ культурнаго, общественно-политическаго и чисто-соціальнаго

наго развитія, который послужитъ основой для осуществленія единаго народнаго представительства. Такая перестановка вопросовъ вполнѣ оправдывается съ методологической точки зрѣнія. Въ своемъ «Общемъ ученіи о государствѣ» Г. Еллинекъ неопровержимо доказалъ, что соціальное ученіе о государствѣ не только можно, но и необходимо нужно отдѣлять отъ правового ученія о государствѣ, несмотря на то, что это двѣ стороны одного и того же реальнаго государства, которыя постоянно переплетаются и неразрывно связаны между собой *).

Для устраненія всякаго недоразумѣнія мы должны предупредить, что здѣсь мы будемъ изслѣдовать государственно-правовую роль верхнихъ палатъ только въ чисто-демократическихъ государствахъ. Только избираемыя верхнія палаты и притомъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, хотя бы и не прямого, представляютъ для насъ интересъ, такъ какъ только онѣ не находятся въ противорѣчіи съ основными принципами истиннаго представительства. Назначаемыя и наслѣдственныя палаты, какъ по своему происхожденію, такъ и по своему составу предназначены прежде всего охранять или конституціонныя прерогативы монархической власти, сохранившіяся отъ временъ господства абсолютной монархіи, или исключительное положеніе тѣхъ общественныхъ слоевъ, представительствомъ которыхъ они являются. Государственно-правовыя и законодательно-техническія функціи, которыя онѣ выполняютъ, оказываются при такихъ условіяхъ только второстепенной и прибавочной задачей ихъ. Напротивъ, въ чисто-демократическихъ государствахъ избираемыя верхнія палаты могутъ осуществлять настолько важныя государственно-правовыя, политическія и законодательно-техническія функціи, что ихъ тенденціи къ консерватизму и реакціонности особенно по отношенію къ соціальнымъ задачамъ государства, которыя, какъ мы видѣли выше, не могутъ подвергаться сомнѣнію, надо будетъ признать второстепеннымъ и при извѣстныхъ условіяхъ неизбѣжнымъ зломъ. Въ виду этого особенно важна правильная и безпристрастная оцѣнка государственно-правовой роли верхнихъ палатъ въ демократическихъ государствахъ, къ которой мы теперь и перейдемъ.

Всѣ аргументы въ пользу необходимости двухъ палатъ народныхъ представителей въ демократически-организованныхъ унитарныхъ государствахъ основываются на теоріи раздѣленія властей. Въ XVII и особенно въ XVIII ст., когда создавалось современное конституціонное государство, теорія раздѣленія властей признавалась непреложной истиной. Ея создатели Локкъ и Монтескьё считались непогрѣшимыми, поскольку они развивали это ученіе. Теперь напротивъ большинство историковъ политическихъ ученій признаетъ, что поводомъ къ созданію этой теоріи послужила не столько истинная природа современнаго конституціоннаго государства, сколько неправильное пониманіе государственныхъ учрежденій Англіи и

*) Ср. *Г. Еллинекъ*: „Право современнаго государства", Спб., 1903 г., особ. стр. 85—114.

того направленія, въ которомъ они развиваются. Кромѣ того, на созданіе этой теоріи повліяли также нѣкоторыя черты тогда еще не окончательно упраздненнаго средневѣкового государства и прежде всего его дуалистическій характеръ. Теперь никто не сомнѣвается въ томъ, что теорія раздѣленія властей находится въ прямомъ противорѣчіи съ принципомъ народнаго суверенитета и съ парламентскимъ образомъ правленія. Принципъ народнаго суверенитета пока еще не признанъ въ большинствѣ современныхъ конституціонныхъ государствъ, а гдѣ онъ формально признанъ, тамъ онъ осуществляется крайне неполно и непослѣдовательно. Онъ является еще идеаломъ, долженствующимъ быть осуществленнымъ. Поэтому теорія раздѣленія властей, которая, впрочемъ, осуждена остаться навсегда лишь голымъ принципомъ, а не превратиться въ реальность, пока еще въ состояніи состязаться съ нимъ по крайней мѣрѣ на теоретической почвѣ. Но парламентскій образъ правленія есть несомнѣнный фактъ государственнаго устройства, и передъ этимъ фактомъ теорія раздѣленія властей принуждена уже теперь стушевываться. Въ исторіи конституціоннаго развитія современныхъ государствъ всѣ попытки осуществить на практикѣ теорію раздѣленія властей оканчивались полной неудачей. Такихъ попытокъ было сдѣлано очень много; особеннаго вниманія заслуживаютъ попытки, произведенныя во Франціи, Испаніи и Норвегіи, когда въ этихъ странахъ впервые вводились конституціонныя учрежденія. На практикѣ эта теорія осуществлена только въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, какъ въ организаціи союзнаго правительства, такъ и въ организаціи правительствъ отдѣльныхъ штатовъ, но тамъ примѣненіе ея оказалось возможнымъ только благодаря федеративному строю, и оно было приведено въ исполненіе путемъ цѣлаго ряда уклоненій и обходовъ.

Теорія раздѣленія властей имѣетъ, несомнѣнно, громадное значеніе для подчиненнаго управленія. Проведеніе ея въ жизнь въ этой сферѣ является главнымъ признакомъ технически благоустроеннаго государства. Но по отношенію къ верховному управленію эта теорія не имѣетъ никакого примѣненія. Верховная власть въ конституціонномъ государствѣ едина въ гораздо большей степени, чѣмъ въ абсолютно-монархическомъ. Единство власти въ абсолютно-монархическомъ государствѣ обусловлено только тѣмъ, что источникомъ ея является индивидуальная воля абсолютнаго монарха. Но осуществляется эта власть путемъ такихъ же индивидуальныхъ волей—исполнителей верховной воли, пользующихся производною властью. Предполагается, что осуществленіе верховной воли исполнителями ея тождественно съ самой верховной волей, но фактически не никогда не бываетъ таковымъ. Тождественность эта ничѣмъ не гарантирована тѣмъ болѣе, что дуалистическій характеръ всякаго абсолютномонархическаго государства, проистекающій изъ рѣзкаго и безусловнаго противопоставленія всѣхъ носителей власти, какъ исполнителей верховной воли абсолютнаго монарха, подданнымъ, не допускаетъ никакого серіознаго контроля для установленія ея. Такимъ образомъ государ[illegible]ая

власть въ абсолютно-монархическомъ государствѣ, проистекая изъ единаго источника—индивидуальной воли абсолютнаго монарха, въ своемъ осуществленіи принимаетъ часто не согласованныя другъ съ другомъ и совершенно различныя направленія.

Въ противоположность этому въ современномъ конституціонномъ или правовомъ государствѣ всякая власть, а въ томъ числѣ и верховная власть безусловно подзаконна. Она осуществляется на основаніи строго опредѣленныхъ и обязательныхъ для всѣхъ носителей власти принциповъ, выраженныхъ въ законодательствѣ государства, какъ основномъ или конституціонномъ, такъ и общемъ. Закономѣрность и правомѣрность всякой конституціонной власти и придаетъ ей то единство, котораго недостаетъ власти въ абсолютно-монархическомъ государствѣ, такъ какъ въ послѣднемъ законы составляютъ лишь суррогатъ для опредѣленія индивидуальной воли абсолютнаго монарха, которая сама не подчинена законамъ и выше ихъ. Единство власти въ конституціонныхъ государствахъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую полноту и законченность, чѣмъ большій перевѣсъ получаетъ въ нихъ принципъ народнаго суверенитета. При господствѣ народнаго суверенитета оно гарантируется не только подзаконностью власти, но и единствомъ ея источника. Какъ все законодательство, такъ и всякое полномочіе носителей власти вытекаютъ тогда исключительно изъ общей воли народа, благодаря которой они получаютъ свою силу и значеніе. Несмотря однако на всѣ эти факты, доказывающіе единство верховной власти въ конституціонныхъ государствахъ, французскіе теоретики до сихъ поръ отстаиваютъ значеніе теоріи раздѣленія властей и для организаціи верховной власти. Правда, и они теперь не защищаютъ этой теоріи съ той послѣдовательностью, какъ ее понимали въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст., а признаютъ, что она имѣетъ лишь относительное значеніе. Но признаніе только относительнаго значенія за этой теоріей служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что эта теорія отражаетъ въ себѣ только нѣкоторыя черты организаціи верховной власти въ конституціонныхъ государствахъ въ современную переходную эпоху ихъ развитія.

Основаніемъ для защиты теоріи раздѣленія властей, какъ принципа организаціи верховной конституціонной власти, служитъ то обстоятельство, что въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ, которыя развились изъ абсолютно-монархическихъ государствъ, существуетъ нѣсколько независимыхъ по источнику своихъ полномочій носителей верховной государственной власти. Особенно рѣзко противопоставлены въ конституціонныхъ монархіяхъ наслѣдственный монархъ, получающій свои полномочія въ силу исторической традиціи, хотя и въ модифицированномъ видѣ и съ оговорками, и законодательное собраніе, состоящее изъ представителей народа осуществляющее свои полномочія отъ его имени. Въ республикахъ то же противопоставленіе создано искусственно по аналогіи съ монархіями; президентъ въ нихъ, какъ по своему положенію, такъ и по источнику сво-

ихъ полномочій, поставленъ обыкновенно болѣе или менѣе независимо отъ собранія народныхъ представителей. Въ виду совершенно различнаго историческаго происхожденія и характера этихъ полномочій ихъ и разсматриваютъ какъ отдѣльныя, обособленныя или самостоятельныя власти. Однако верховная государственная власть въ этомъ случаѣ нисколько не раздѣлена, такъ какъ всѣ законодательные, исполнительные и высшіе судебные акты верховной власти являются всегда результатомъ сотрудничества и согласованныхъ дѣйствій этихъ носителей государственной власти, которые не могутъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Каждый изъ нихъ не является исключительнымъ представителемъ какой-нибудь одной власти, а исполняетъ самыя разнообразныя функціи—законодательныя, исполнительныя и судебныя. Тѣмъ не менѣе у народнаго представительства по преимуществу сосредоточены законодательныя функціи, а у главы государства—монарха и президента—функціи исполнительной власти. Представителя третьей власти—судебной среди органовъ высшей государственной власти въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ нѣтъ. Исключеніе составляютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, которые въ согласіи съ теоріей раздѣленія властей создали у себя верховный судъ, надѣленный полномочіями слѣдить за согласованностью всѣхъ актовъ законодательной и исполнительной власти съ основными конституціонными законами государства. Но такъ какъ по теоріи Монтескье равновѣсіе властей основывается главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что ихъ именно три, то роль представителя третьей власти играетъ обыкновенно вторая или верхняя палата. Сама по себѣ верхняя палата является, несомнѣнно, представительницей законодательной власти. Она, какъ мы видѣли, составляетъ часть народнаго представительства и выполняетъ функціи одинаковыя съ нижней палатой, судебныя же функціи ея имѣютъ лишь второстепенное значеніе и притомъ осуществляются ею лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Являясь однако третьимъ носителемъ верховной государственной власти, она играетъ ту примиряющую и посредническую роль, которая по теоріи Монтескье предназначена верховной судебной власти.

Здѣсь мы имѣемъ очень яркое доказательство того, что вопросъ о равновѣсіи или вѣрнѣе о согласованности, которая необходимо должна существовать между органами верховной государственной власти, рѣшается совершенно независимо отъ теоріи о трехъ властяхъ и о правильномъ распредѣленіи ихъ между тремя носителями ихъ. Даже между главою государства и нижней палатой народныхъ представителей нѣтъ того распредѣленія властей, исполнительной съ одной стороны, и законодатель[ной] съ другой,—которое должно было бы существовать по теоріи Монтеск[ье]. Глава государства выполняетъ и законодательныя функціи, санкціониру[етъ] или хотя бы опубликовывая за своей подписью законы, а нижней пал[атѣ] присвоено также и вліяніе на исполнительную власть, такъ какъ она контро[лиру]етъ дѣятельность министерства. Въ государствахъ съ парламентарны[мъ]

образомъ правленія, къ которымъ принадлежитъ большинство современныхъ конституціонныхъ государствъ, министерство вполнѣ зависитъ отъ собранія народныхъ представителей, составляя лишь его комиссію. Но по отношенію къ этимъ двумъ органамъ верховной власти сохраняется по крайней мѣрѣ нѣкоторая видимость того, что каждый изъ нихъ обладаетъ отдѣльной и отличной отъ другой властью, что же касается третьей или судебной власти, то среди органовъ верховной власти совсѣмъ нѣтъ представителя ея, и ея роль исполняетъ верхняя палата только потому, что она вообще является третьимъ органомъ верховной власти. Все это неопровержимо доказываетъ, что теорія раздѣленія властей Монтескье имѣетъ значеніе для организаціи верховной государственной власти не постольку, поскольку три власти, дѣйствительно, распредѣлены между тремя представителями, а поскольку основаніе ея составляетъ чрезвычайно важный соціологическій «законъ», въ силу котораго равновѣсіе между тремя соціальными элементами устанавливается легче и прочнѣе, чѣмъ между двумя. Эта теорія имѣетъ въ виду не распредѣленіе государственно-правовыхъ функцій, а соотношеніе политическихъ силъ. Такимъ образомъ значеніе ея не государственно-правовое и юридическое, а чисто политическое.

Современное конституціонное государство заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ соціальныхъ, политическихъ и государственно-правовыхъ противорѣчій, такъ какъ, принявъ въ общемъ демократическій обликъ, оно въ то же время сохранило въ своемъ соціальномъ строѣ и государственной организаціи много остатковъ абсолютно-монархическаго и даже феодальнаго уклада. Попытки сразу покончить съ ними радикальными и крутыми революціонными мѣрами часто приводили къ обратнымъ результатамъ, какъ это показала исторія Франціи въ эпоху великой революціи и въ послѣдовавшее за нею столѣтіе. Поэтому предпочтительнѣе удерживать на нѣкоторое время въ равновѣсіи, какъ соціальныя силы, отстаивающія нѣкоторые элементы стараго феодально-монархическаго строя, такъ и соціальныя силы, стремящіяся къ окончательному господству демократіи, пока послѣднія не укрѣпятся настолько, чтобы достичь прочныхъ и неизмѣнныхъ завоеваній въ пользу строго демократическихъ государственныхъ и соціальныхъ учрежденій. Требуемое равновѣсіе достигается въ государственной организаціи конституціонныхъ государствъ путемъ созданія трехъ органовъ верховной власти приблизительно съ равными полномочіями для того, чтобы одинъ изъ нихъ всегда могъ быть посредникомъ между двумя другими. Именно потому, что современное конституціонное государство явилось слѣдствіемъ компромисса между государствомъ, основаннымъ исключительно на монархическомъ принципѣ, и государствомъ, построеннымъ на принципѣ народнаго суверенитета, въ немъ долженъ существовать третій примиряющій органъ верховной государственной власти кромѣ главы государства,— монарха или президента, и народнаго представительства. Когда, напротивъ, въ современныхъ государствахъ окончательно утвердится и будетъ дѣйствительно осуществляться народный суверенитетъ, тогда, очевидно, существованіе треть-

яго примиряющаго и уравновѣшивающаго органа верховной власти окажется излишнимъ.

Читатель долженъ имѣть въ виду, что, приводя ниже аргументы въ пользу двухпалатной системы народнаго представительства, основанные на теоріи раздѣленія властей, мы считаемся съ этой теоріей, не какъ съ непреложнымъ закономъ организаціи всякаго конституціоннаго правительства, а только какъ съ теоріей равновѣсія между носителями верховной власти въ современной переходной формѣ конституціоннаго государства. Мы исходимъ изъ убѣжденія, что современное конституціонное государство развивается въ направленіи къ безусловному утвержденію и послѣдовательному проведенію въ жизнь принципа народнаго суверенитета. Это развитіе не можетъ быть предотвращено или хотя бы надолго задержано никакими покушеніями со стороны обладателей монархической власти, но оно и не можетъ быть ускорено насильственными мѣрами со стороны народнаго представительства. Принципъ народнаго суверенитета не осуществимъ механическимъ путемъ, т.-е. путемъ захвата власти и провозглашенія соотвѣтственныхъ положеній въ конституціонныхъ законахъ. Напротивъ, осуществленіе его требуетъ, чтобы сами народныя массы были организованы и политически подготовлены къ примѣненію своей суверенной власти. Современная форма организаціи верховной власти въ конституціонныхъ государствахъ, заключающая въ себѣ извѣстныя гарантіи противъ насильственныхъ захватовъ власти, какъ со стороны главы государства, такъ и со стороны народнаго представительства, и обезпечивающая такимъ образомъ прочность уже завоеванныхъ свободныхъ и демократическихъ учрежденій, выгодна въ концѣ-концовъ и демократіи.

Поэтому мы признаемъ значеніе теоріи раздѣленія властей лишь постольку, поскольку при современныхъ соціальныхъ условіяхъ и при современномъ уровнѣ культурнаго и политическаго развитія народныхъ массъ необходима государственная организація, построенная на распредѣленіи верховныхъ государственныхъ полномочій между нѣсколькими носителями и на сохраненіи равновѣсія въ этомъ распредѣленіи.

Въ дѣйствительности всѣ аргументы въ пользу двухпалатной системы народнаго представительства, основанные на теоріи раздѣленія властей, сводятся къ тому, что равновѣсіе между двумя главными представителями верховной власти, т.-е. между народнымъ представительствомъ или, такъ называемою, законодательною властью, съ одной стороны, и наслѣдственнымъ или выборнымъ главою государства или, такъ называемою, исполнительною властью, съ другой,—лучше всего гарантируется тогда, когда народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ. Сторонники двухпалатнаго народнаго представительства утверждаютъ, что при одной палатѣ власть народнаго представительства или, какъ они имѣютъ обыкновеніе выражаться, «законодательная власть» получаетъ черезчуръ большой перевѣсъ. Народному представительству или «законодательной власти» и изъ того принадлежатъ громадныя полномочія, заключающіяся въ зако[на-]

тельныхъ функціяхъ и въ распоряженіи всѣми матеріальными средствами государства путемъ утвержденія или неутвержденія бюджета. Оно естественно стремится расширить эти полномочія и склонно къ захвату всей власти. Чтобы ослабить активность и стремительность носителя законодательной власти, необходимо предоставить ее двумъ палатамъ народныхъ представителей; тогда одна палата будетъ умѣрять другую и удерживать ее въ предѣлахъ предоставленныхъ ей законодательныхъ функцій.

Въ отвѣтъ на это сторонники единаго народнаго представительства могутъ возразить, что они именно и желаютъ, чтобы законодательная власть, принадлежащая народному представительству, была самою сильною властью въ государствѣ, облеченною наибольшими полномочіями. Такъ какъ народное представительство выражаетъ народныя потребности и народную волю, то нужно, чтобы оно имѣло также власть и средства осуществлять ихъ. Напротивъ, ослабленіе народнаго представительства путемъ раздѣленія его на двѣ палаты, съ ихъ точки зрѣнія, можетъ быть крайне вреднымъ, лишивъ его возможности выполнять свои полномочія согласно съ народными требованіями и интересами. Въ доказательство того, что нѣтъ основанія бояться захватовъ власти со стороны единаго законодательнаго собранія, сторонники однопалатнаго народнаго представительства могутъ указать на то, что даже самопроизвольное и одностороннее расширеніе своихъ полномочій, къ которому прибѣгало иногда народное представительство, оказывало въ высшей степени благотворное вліяніе на политическое и соціальное развитіе государства. Такъ, напримѣръ, Англія была преобразована въ конституціонное государство въ современномъ смыслѣ, благодаря тому, что долгій парламентъ въ 1641 г. расширилъ свои компетенціи даже въ ущербъ верхней палатѣ, хотя и съ ея формальнаго согласія. Также точно превращеніе Франціи въ конституціонное государство было бы невозможно, если бы изъ генеральныхъ штатовъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ собраній трехъ различныхъ сословій, не организовалось единое національное собраніе, присвоившее себѣ учредительную власть. Наконецъ, если въ виду опасности захвата власти со стороны народнаго представительства даже признать необходимость ослаблять его значеніе, то гдѣ же предѣлъ, до котораго можно идти въ этомъ ослабленіи,—предѣлъ, который гарантировалъ бы также отъ захватовъ съ другой стороны. Въ противоположность А. Эсмену, который доказываетъ необходимость двухъ палатъ народныхъ представителей для предотвращенія захватовъ власти со стороны народнаго представительства, исходя изъ демократической точки зрѣнія и преслѣдуя чисто демократическіе принципы *), Блюнчли доказываетъ необходимость ослабленія власти народнаго представительства путемъ образованія двухъ палатъ, исходя изъ совершенно противоположныхъ взглядовъ и преслѣдуя противоположныя цѣли. «Въ конституціонныхъ монар-

*) Ср. *А. Эсмен*ъ. Основныя начала государственнаго права, Москва, 1898, т. I., стр. 67.

хіяхъ,—утверждаетъ онъ,—двухпалатная система въ противоположность однопалатной является настоятельной потребностью. Когда глава государства противопоставленъ единому національному представительству, то страшно возрастаетъ вообще заслуживающая на континентѣ вниманія опасность, что демократическіе элементы и учрежденія, которые и безъ того имѣютъ естественный перевѣсъ благодаря народному представительству, будутъ стремиться довести свою власть до полнаго господства... Напротивъ, когда на-ряду съ представительствомъ демократическихъ элементовъ существуетъ также представительство аристократическихъ слоевъ, которое дополняетъ и умѣряетъ первое, и когда глава государства поставленъ надъ обоими, то тогда глава государства находится въ счастливѣйшемъ положеніи власти, которая ни съ одной стороны не подвергается угрозамъ и враждебному отношенію, и которая призвана быть посредникомъ въ установленіи внутренняго мира и завершать единство государства, совокупляя въ себѣ весь авторитетъ въ качествѣ истинно-центральной власти» *). Мы видимъ, что Блюнчли настаиваетъ на ослабленіи власти народнаго представительства прямо изъ боязни демократіи, и потому онъ требуетъ, чтобы это ослабленіе сопровождалось усиленіемъ правительственной и притомъ монархической власти. Выше мы указали на то, что аристократическія верхнія палаты, созданныя по образцу англійской палаты лордовъ, были дѣйствительно учреждены, главнымъ образомъ, въ томъ разсчетѣ, что онѣ будутъ поддерживать даже неконституціонныя прерогативы монархической власти. Исторія прусскаго конституціоннаго конфликта съ 1862 по 1866 и датскаго съ 1873 по 1894 годъ неопровержимо доказала, что правительство, опираясь на поддержку верхней палаты, можетъ не только въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, но даже въ теченіе десятилѣтій игнорировать волю народнаго представительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и волю избирающаго его народа. Оно можетъ проводить въ жизнь цѣлый рядъ мѣропріятій, отвергнутыхъ народнымъ представительствомъ, и управлять страной путемъ постоянныхъ нарушеній конституцій. Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на формальную противозаконность его дѣйствій, ни на несогласіе ихъ съ истинными интересами народа, оно какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ и въ общемъ будетъ оставаться побѣдителемъ. Иногда слабость нижней палаты и реакціонный характеръ верхней могутъ послужить даже опорой для переворота въ пользу монархической власти. Такъ, напримѣръ, Наполеонъ I произвелъ свой государственный переворотъ 18 брюмера, опираясь на верхнюю палату—Совѣтъ Старѣйшинъ, и подавивъ сопротивленіе нижней—Совѣта Пятисотъ.

Конечно, въ демократическихъ государствахъ и верхняя палата избирается на основѣ всеобщаго избирательнаго права, а потому она тоже является защитницей народныхъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, поскольку они выражены въ дѣйствующей конституціи и въ существующихъ уг

*) *Bluntschli u. Brater:* „Deutsches Staatswörterbuch", B. 4, S. 205.

учрежденіяхъ. Въ нихъ поэтому совершенно невозможно нарушеніе конституціи и управленіе страной въ несогласіи съ народнымъ представительствомъ. Между тѣмъ всѣ демократы, являющіеся сторонниками двухпалатнаго народнаго представительства, отстаиваютъ его съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обѣ палаты избирались на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Только при такомъ условіи народное представительство, которое, какъ мы указали выше, совершенно независимо отъ состава и функцій той или другой палаты юридически состоитъ изъ обѣихъ палатъ, будетъ являться, дѣйствительно, народнымъ представительствомъ.

Но сторонники единаго народнаго представительства могутъ возразить и противъ демократической двухпалатной системы, что ослабленіе нижней палаты путемъ созданія на-ряду съ нею хотя бы и выборной верхней палаты приводитъ къ тому, что верхняя палата препятствуетъ проводить политическія и соціальныя реформы, на которыхъ настаиваетъ нижняя палата и которыя часто являются дѣйствительно необходимыми. Такъ какъ даже демократическія верхнія палаты, избранныя на основѣ всеобщаго избирательнаго права, всегда оказываются, какъ мы видѣли, консервативнѣе и враждебнѣе соціальнымъ реформамъ, чѣмъ нижнія, то умаленіе роли нижнихъ палатъ ведетъ только къ побѣдѣ консервативныхъ и реакціонныхъ стремленій надъ прогрессивными. Именно въ виду болѣе прогрессивнаго характера нижней палаты сторонники политическаго и соціальнаго прогресса, къ какимъ бы политическимъ партіямъ они ни принадлежали, должны стремиться къ усиленію, а не къ ослабленію ея. Но такъ какъ усиленіе нижней палаты иногда невозможно безъ уничтоженія верхней палаты и во всякомъ случаѣ требуетъ ослабленія ея, то изъ общаго стремленія къ политическому и соціальному прогрессу вытекаетъ обыкновенно требованіе единаго народнаго представительства, которое и отстаиваетъ большинство прогрессивно-демократическихъ партій во всѣхъ странахъ. Всѣ эти возраженія заставляютъ признать ссылки на необходимость ослаблять значеніе народнаго представительства въ виду возможности захвата власти съ его стороны весьма сомнительнымъ аргументомъ въ пользу системы двухъ палатъ.

Второй аргументъ, который защитники двухпалатнаго народнаго представительства приводятъ въ пользу необходимости второй или верхней палаты, составляетъ частный случай перваго. Правда, онъ прямо не опирается, подобно первому, на теорію раздѣленія властей, но вмѣстѣ съ нимъ онъ имѣетъ въ виду правильное функціонированіе законодательнаго собранія. Защитники двухпалатнаго народнаго представительства утверждаютъ, что вторая или верхняя палата исправляетъ ошибки и увлеченія, которымъ можетъ быть подвержена нижняя палата. «Нельзя,—говорятъ они,—представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто бы, напримѣръ, двукратное чтеніе законопроекта въ одной палатѣ сколько-нибудь замѣнило бы обсужденіе его въ двухъ собраніяхъ. Всякій, принимавшій участіе въ общественныхъ собраніяхъ, по опыту знаетъ, что разъ составленное

и высказанное данными сочленами такого собранія мнѣніе сильно мѣшаетъ имъ вторично пересмотрѣть свои доводы и мотивы: надъ ними тяготѣетъ уже разъ, хотя бы и предварительно, принятое рѣшеніе, они чувствуютъ себя какъ бы связанными этимъ актомъ собственной воли. Дѣйствуетъ тутъ, вѣроятно, и безсознательное коллективное самолюбіе, не позволяющее исправлять свои ошибки. Поэтому именно сочувствіе двухъ собраній данному законопроекту является цѣнной и серьезной гарантіей его достоинствъ. И дѣйствительность такой гарантіи лишь увеличивается, если эти собранія не будутъ представлять совершенно тождественныхъ общественныхъ группъ и тождественныхъ интересовъ» *). Какъ въ первомъ аргументѣ въ пользу двухпалатнаго народнаго представительства указывалось на возможность увлеченій со стороны однопалатнаго народнаго представительства въ вопросахъ общей политики,—увлеченій, приводящихъ къ захвату власти, такъ здѣсь указывается на увлеченія и ошибки при обсужденіи и принятіи отдѣльныхъ законопроектовъ. Но какъ аргументъ въ пользу ослабленія власти, такъ и аргументъ въ пользу замедленія дѣятельности нижней палаты народныхъ представителей путемъ созданія верхней палаты не обладаетъ полной убѣдительностью и не заставляетъ признать существованіе двухъ палатъ дѣйствительно необходимымъ.

Прежде всего, какъ, повидимому, ни неопровержимо утвержденіе, что при обсужденіи и вотированіи законовъ въ двухъ различныхъ законодательныхъ собраніяхъ законодательство больше гарантировано отъ необдуманныхъ, поспѣшныхъ и небрежно составленныхъ законовъ, жизнь опровергаетъ часто и его. Въ доказательство мы можемъ сослаться на очень компетентное свидѣтельство относительно страны, въ которой система двухъ палатъ является наиболѣе прочнымъ и наименѣе оспариваемымъ учрежденіемъ. Въ своей исторіи Соединенныхъ Штатовъ новѣйшаго времени В. Эндрузъ указываетъ на поразительную небрежность, съ которой обѣ палаты относились въ первое президентство Кливеленда къ биллямъ о пенсіяхъ въ разсчетѣ на то, что другая палата будетъ болѣе внимательна и независима по отношенію къ нимъ. «Одинъ билль за другимъ,—говоритъ онъ,—становился закономъ только по рекомендаціи коммиссіи безъ голосованія и дебатовъ. Сенатъ былъ также небреженъ. Въ апрѣлѣ 1886 г. онъ въ одинъ день въ теченіе двухъ часовъ принялъ пятьсотъ биллей о пенсіяхъ. Вмѣсто того, чтобы удвоить вниманіе въ вопросѣ законодательства, наша двухкамерная система вдвое его уменьшила. Каждая палата предоставляла другой обязанность отказывать въ неосновательныхъ, но вліятельныхъ требованіяхъ, а въ результатѣ обѣ оставляли эту полезную, но неблагодарную задачу исполнительной власти». **) Итакъ, здѣсь кон-

*) „Основной государственный законъ Россійской Имперіи. Проектъ русской конституціи, выработанный группой членовъ Союза Освобожденія". Parіs. 1905, р. 50. Ср. *Бентамъ*, „Тактика законодательныхъ собраній". Спб. 1907 г., стр. 41

**) *В. Эндрузъ*: „Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—65 гг. и до нашихъ дней". Спб. 1905, стр. 331.

тируются факты прямо противоположные тѣмъ, которыхъ ожидаютъ защитники системы двухъ палатъ отъ обсужденія и вотированія законовъ въ двухъ законодательныхъ собраніяхъ. Конечно, эти факты, пожалуй, придется признать случайными, вызванными совершенно исключительными обстоятельствами, общее же правило о бо̀льшемъ совершенствѣ законодательства, получившаго одобреніе двухъ законодательныхъ собраній, будетъ оставаться въ силѣ. Но не говоря уже о томъ, что правило это можетъ оказаться однимъ изъ тѣхъ правилъ, которыя особенно богаты исключеніями, оно всетаки не покажется сторонніку единаго народнаго представительства убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу системы двухъ палатъ. Напротивъ, и въ этомъ случаѣ онъ возразитъ, что вторая палата не столько гарантируетъ отъ необдуманныхъ, поспѣшныхъ и ошибочныхъ законодательныхъ актовъ, сколько мѣшаетъ и замедляетъ проведеніе законовъ, имѣющихъ въ виду соціальныя и политическія реформы. По его мнѣнію, гарантія отъ отдѣльныхъ законодательныхъ ошибокъ и промаховъ, обусловленныхъ увлеченіями, будетъ покупаться черезчуръ дорогой цѣной при двухпалатномъ народномъ представительствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что предпочесть: сравнительно совершенное въ формальномъ отношеніи законодательство, гарантированное отъ промаховъ и ошибокъ, но искупаемое болѣе медленнымъ темпомъ всей законодательной дѣятельности, который вредно отзывается на всѣхъ реформаторскихъ попыткахъ и въ частности на соціальныхъ реформахъ, или частныя ошибки въ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ, но зато быстрый темпъ развитія по пути политическихъ и соціальныхъ реформъ? Мы увѣрены, что всѣ сторонники политическаго и соціальнаго прогресса, даже не принадлежащіе къ самымъ крайнимъ радикальнымъ партіямъ, предпочтутъ послѣднее. Такимъ образомъ и этотъ аргументъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Онъ отличается той же двойственностью, какъ и предыдущій. Несомнѣнныя преимущества, выдвигаемыя имъ, какъ связанныя съ извѣстными свойствами системы двухъ палатъ, возмѣщаются крупными недостатками, которые вызваны тѣми же свойствами ея и крайне вредно отзываются на всемъ политическомъ и соціальномъ развитіи страны.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ третій аргументъ въ пользу двухпалатнаго народнаго представительства. Какъ и первый, онъ непосредственно связанъ съ теоріей раздѣленія властей. При единомъ народномъ представительствѣ въ государствѣ, организованномъ согласно съ общими принципами конституціоннаго устройства, оказывается только два носителя верховной государственной власти: съ одной стороны, собраніе народныхъ представителей или законодательная власть, съ другой—глава государства или исполнительная власть. Такъ какъ по самому своему положенію они противопоставлены другъ другу, то между ними среди органовъ верховной государственной власти отсутствуетъ третій примиряющій элементъ. Такимъ образомъ при двухъ носителяхъ верховной власти нѣтъ правового рѣшенія спорныхъ вопросовъ, возникаю-

щихъ между носителями верховной власти, которое существуетъ въ государствахъ съ тремя носителями верховной власти, такъ какъ въ нихъ два голоса рѣшаютъ противъ одного. Поэтому въ государствахъ съ единымъ народнымъ представительствомъ спорные вопросы и конфликты рѣшаетъ не право, а сила. Побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе, и воля болѣе сильнаго превращается въ правовую норму. Притомъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ не правовыми, а революціонными средствами, т.-е. насиліемъ и принужденіемъ, превращается при отсутствіи посредствующаго органа верховной власти въ конституціонномъ государствѣ въ постоянное государственное учрежденіе, какъ бы освященное самою конституціей. Въ противоположность самой идеѣ конституціоннаго или правового государства, которая требуетъ, чтобы для всѣхъ правовыхъ и въ томъ числѣ и государственно-правовыхъ конфликтовъ были указаны и правовые пути ихъ рѣшенія, то конституціонное государство, въ которомъ единое народное представительство противопоставлено носителю исполнительной власти, какъ бы вводитъ въ свою организацію и въ систему своей государственной дѣятельности неправовыя и насильственныя рѣшенія извѣстныхъ конфликтовъ. Такое государство, слѣдовательно, находится въ прямомъ противорѣчіи съ идеей и основными принципами правового государства.

Конечно, это противорѣчіе покажется многимъ неважнымъ, лишь бы оно не препятствовало демократизаціи государства и быстрому развитію его по пути политическаго и соціальнаго прогресса. Они даже будутъ утверждать, что его по существу и нѣтъ, такъ какъ согласно съ принципами народнаго суверенитета въ томъ пониманіи его, какое они себѣ усвоили, народное представительство должно быть суверенным органомъ, а носитель исполнительной власти долженъ во всякомъ случаѣ подчиняться ему. По ихъ мнѣнію, слѣдовательно, народное представительство будетъ рѣшать всѣ спорные вопросы, не прибѣгая къ насилію и нарушенію конституціи, а въ силу своего права и согласно съ конституціей, въ основаніе которой будетъ тогда положенъ принципъ народнаго суверенитета.

Но дѣйствительно ли законодательная власть, принадлежащая народному представительству, такъ сильна и могущественна? Дѣйствительно ли въ борьбѣ съ представителемъ исполнительной власти собраніе народныхъ представителей имѣетъ всѣ шансы побѣждать? Мы утверждаемъ, что представленіе объ особенной силѣ и могуществѣ законодательной власти, принадлежащей народному представительству, чистѣйшій предразсудокъ. Мы убѣждены въ томъ, что представитель исполнительной власти всегда располагаетъ гораздо большими средствами для побѣды, чѣмъ собраніе народныхъ представителей. Въ подтвержденіе можно указать цѣлый рядъ случаевъ въ исторіи конституціонныхъ государствъ, когда побѣждало не единое народное представительство, а исполнительная власть.

Предразсудокъ относительно могущества законодательнаго собранія возникъ очень естественно и чрезвычайно глубоко и прочно укоренился. Въ полномочія, принадлежащія собранію народныхъ представителей, дѣйст

тельно громадны. Благодаря своимъ законодательнымъ функціямъ, оно по праву руководитъ всѣмъ въ государствѣ; благодаря же утвержденію или неутвержденію бюджета, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, оно распредѣляетъ всѣ государственныя средства. Это и создаетъ иллюзію о громадности его власти. Но всетаки конституціонное всемогущество народнаго представительства только иллюзія, и ее надо безпощадно разоблачать. Въ самомъ дѣлѣ, собраніе народныхъ представителей лишено главнаго атрибута власти,—оно не можетъ отдавать приказаній для немедленнаго ихъ исполненія. Поэтому о власти народныхъ представителей, какъ о власти, можно говорить только въ особенномъ конституціонномъ или государственно-правовомъ смыслѣ, но никакъ не въ обыденномъ и общепринятомъ смыслѣ. Прежде всего собраніе народныхъ представителей не имѣетъ подчиненныхъ органовъ, которыми оно могло бы распоряжаться для осуществленія своей номинальной власти. Всѣ служащіе государству чиновники со всѣмъ бюрократическимъ аппаратомъ и вся армія непосредственно ему не подчинены. Само по себѣ собраніе народныхъ представителей не можетъ отдать приказанія непосредственно даже послѣднему городовому и солдату *). Конечно, на это возразятъ, что при парламентарномъ образѣ правленія отъ собранія народныхъ представителей зависитъ министерство, а слѣдовательно, если не непосредственно, то косвенно, отъ него зависятъ и всѣ другія подчиненныя учрежденія исполнительной власти, а въ томъ числѣ и армія. Однако и парламентарное министерство не есть въ точномъ смыслѣ слова учрежденіе, подчиненное собранію народныхъ представителей, такъ какъ послѣднее не можетъ давать министерству приказаній и распоряженій для немедленнаго и неукоснительнаго ихъ исполненія. Его власть надъ министерствомъ сводится только къ тому, что оно можетъ предъявлять министерству свои желанія и требованія. Уже дѣло министерства превращать эти желанія и требованія въ предписанія и приказанія. Притомъ всѣ требуемыя народнымъ представительствомъ распоряженія, относящіяся къ области исполнительной власти, министерство дѣлаетъ отъ своего имени и отъ имени исполнительной власти, а не отъ имени собранія народныхъ представителей, которое и косвенно не можетъ давать никакихъ распоряженій подчиненнымъ учрежденіямъ исполнительной власти. Единственное средство репрессіи, которое собраніе народныхъ представителей можетъ примѣнить къ министерству въ тѣхъ случаяхъ, когда

*) Исключеніе составляетъ лишь французскій законъ 22 іюля 1879 г., перенесшій резиденцію правительства третьей республики изъ Версаля въ Парижъ. Пятая статья его возлагаетъ на президентовъ сената и палаты депутатовъ обязанность заботиться о внутренней и внѣшней безопасности собраній, въ которыхъ они предсѣдательствуютъ. Въ виду этого они имѣютъ право обращаться съ требованіями непосредственно къ гражданскимъ и должностнымъ лицамъ, а послѣдніе обязаны немедленно исполнять ихъ приказанія. Но эта мѣра имѣетъ совершенно исключительный характеръ и является отзвукомъ недавно передъ тѣмъ пережитаго Франціей революціоннаго потрясенія. Ср. *А. Эсмень*, Основныя начала государственнаго права, Москва, 1899, II, стр. 294.

министерство не исполняетъ его желаній и требованій или вообще дѣйствуетъ несогласно съ стремленіями большинства собранія, заключается въ выраженіи недовѣрія министерству. Конечно, при нормальныхъ условіяхъ министерство, которому большинство законодательнаго собранія выразило недовѣріе, должно выходить въ отставку, а представитель исполнительной власти долженъ поручать руководителямъ большинства законодательнаго собранія образованіе новаго министерства. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду именно тотъ случай, когда происходитъ совпаденіе ненормальныхъ условій, а представитель исполнительной власти желаетъ обострить эту ненормальность и использовать ее исключительно въ интересахъ усиленія своей собственной власти. Несомнѣнно, что при такихъ условіяхъ носитель исполнительной власти располагаетъ всею фактическою властью, между тѣмъ какъ собраніе народныхъ представителей, поставленное въ силу своихъ законодательныхъ функцій надъ исполнительной властью, не обладаетъ никакими средствами реальной власти.

Однако государственно-правовая или конституціонная неспособность собранія народныхъ представителей къ непосредственнымъ актамъ власти еще не исчерпывается тѣмъ, что у него нѣтъ подчиненныхъ органовъ, которымъ оно могло бы отдавать приказанія и распоряженія для ихъ немедленнаго исполненія. Другое не менѣе важное конституціонное свойство народнаго представительства, принадлежащее къ тому же порядку, заключается въ томъ, что даже въ сферѣ собственныхъ функцій и компетенцій оно не можетъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, т.-е. безъ сопутствующихъ дѣйствій исполнительной власти. Для характеристики государственно-правового положенія народнаго представительства съ этой стороны достаточно указать хотя бы на то, что въ большинствѣ конституціонныхъ монархій установлено правило, по которому собраніе народныхъ представителей каждый разъ созывается и распускается конституціоннымъ монархомъ, хотя и въ строго опредѣленные сроки, благодаря чему оно самопроизвольно не можетъ ни открыть сессіи, ни закончить ея.

Правда, въ демократическихъ республикахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи, Швейцаріи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, а также въ нѣкоторыхъ монархіяхъ, въ которыхъ въ принципѣ признанъ народный суверенитетъ, какъ въ Бельгіи, Голландіи, Норвегіи, Швеціи, Греціи, самой конституціей разъ навсегда опредѣленъ день въ году, въ который народные представители сами должны собираться и образовывать законодательное собраніе. Но и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ, какъ, напримѣръ, во Франціи и Греціи, на-ряду съ этимъ даже для очередныхъ сессій установлены особыя приглашенія со стороны президента или короля, чрезвычайныя же сессіи во всѣхъ нихъ могутъ быть созваны только главою исполнительной власти. Къ этому надо присоединить, что во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ, за исключеніемъ одной лишь Норвегіи, главѣ исполнительной власти предоставлено чрезвычайно важное право распускать собраніе народныхъ представителей и назначать новые выборы

до истеченія законнаго срока полномочій народныхъ представителей въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вслѣдствіе своего несогласія съ даннымъ составомъ народнаго представительства считаетъ нужнымъ апеллировать ко мнѣнію страны. Даже президентъ французской республики надѣленъ правомъ распускать палату представителей, для осуществленія котораго онъ нуждается въ согласіи сената, и конституціонная исторія Франціи знаетъ случай такого роспуска. Не меньшее, если не большее значеніе имѣетъ принадлежащее конституціонному монарху право санкціонировать законы или налагать на нихъ veto. Благодаря этой прерогативѣ главы исполнительной власти въ конституціонныхъ монархіяхъ въ нихъ даже законодательная власть принадлежитъ народному представительству далеко не во всей полнотѣ, а только въ извѣстной своей части. Ограниченіе законодательной власти народнаго представительства прямо выражено въ нѣкоторыхъ конституціяхъ. Такъ, напримѣръ, даже сравнительно радикальная бельгійская конституція, провозглашающая, что «всѣ власти исходятъ отъ народа», устанавливаетъ положеніе, по которому «законодательная власть осуществляется коллективно королемъ, палатой представителей и сенатомъ». Право veto принадлежитъ также и президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на общій демократизмъ учрежденій сѣверо-американской федеративной республики. Но и въ тѣхъ демократическихъ республикахъ, гдѣ распредѣленіе законодательныхъ и правительственныхъ функцій болѣе благопріятно для народнаго представительства, какъ, напримѣръ, во Франціи, законы, принятые законодательнымъ собраніемъ, публикуются главою исполнительной власти или президентомъ. Пока президентъ не опубликуетъ законовъ, утвержденныхъ палатами, они не входятъ въ законную силу, а президенту предоставляется для опубликованія окончательно принятаго закона мѣсячный срокъ, въ теченіе котораго онъ можетъ задерживать опубликованіе. Даже законы, признанные неотложными, опубликованіе которыхъ во Франціи обязательно въ теченіе трехъ дней, все-таки вступаютъ въ законную силу въ зависимости отъ опубликованія ихъ президентомъ; президенту же кромѣ того принадлежитъ право въ теченіе предоставленныхъ ему сроковъ для опубликованія просить палаты посредствомъ мотивированнаго посланія подвергнуть новому обсужденію законъ, который долженъ быть опубликованъ, и его просьба не можетъ быть отклонена безъ разсмотрѣнія.

Въ противоположность этому отсутствію у народнаго представительства главныхъ атрибутовъ власти, которое составляетъ главную характерную черту представительнаго и конституціоннаго образа правленія, носителю исполнительной власти въ конституціонномъ государствѣ присущи всѣ тѣ атрибуты власти, которыхъ лишено народное представительство. Отъ него непосредственно зависятъ всѣ учрежденія подчиненнаго управленія, и ему же подчинена также и вся армія. Говоря коротко, въ его рукахъ сходятся всѣ нити сложной организаціи управленія государствомъ. Функціи его въ немъ и заключаются, чтобы отдавать приказанія для немедленнаго и неукоснительнаго ихъ исполненія, а главная задача учрежденій подчиненнаго

управленія и состоитъ въ томъ, чтобы исполнять эти приказанія. Такъ какъ носитель исполнительной власти есть въ то же время и верховный глава арміи, то армія тоже должна прежде всего исполнять его приказанія. Столь же противоположно положеніе носителя исполнительной власти положенію народнаго представительства по отношенію къ праву самостоятельныхъ дѣйствій. Носитель исполнительной власти дѣйствуетъ по общему правилу вполнѣ самостоятельно и совсѣмъ не нуждается въ содѣйствіи народнаго представительства. Народное представительство опредѣляетъ только основныя нормы и границы его дѣятельности. Соотношеніе, существующее между обоими носителями верховной власти въ конституціонномъ государствѣ, выражается въ извѣстной формулѣ, что всѣ законы должны исходить отъ народнаго представительства, а всѣ правительственныя распоряженія отъ носителя исполнительной власти. Но въ то время, какъ законы, чтобы войти въ силу, должны быть санкціонированы или хотя бы опубликованы исполнительной властью, и исполненіе ихъ всегда зависитъ главнымъ образомъ отъ нея и совершается подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ, правительственныя распоряженія, издаваемыя исполнительной властью, не нуждаются ни въ какомъ утвержденіи, содѣйствіи или поддержкѣ народнаго представительства. Если то или другое правительственное распоряженіе не нравится народному представительству, то оно можетъ выражать свое неодобреніе правительству по поводу него, но уже послѣ того, какъ оно издано и стало примѣняться. Притомъ это неодобреніе не связано принудительно съ опредѣленными послѣдствіями для правительства, которыя устанавливались бы самою конституціей. Выходъ въ отставку министерства, которому выражено недовѣріе, основанъ во всѣхъ европейскихъ конституціонныхъ государствахъ не на параграфахъ конституцій, а на обычномъ правѣ. Въ случаѣ конфликта носитель исполнительной власти можетъ не обращать вниманія на выраженное ему или его министерству неодобреніе и продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи, не согласномъ съ волею народнаго представительства. Носителю исполнительной власти тѣмъ легче уклоняться отъ контроля народнаго представительства, что оно засѣдаетъ не непрерывно, и бываютъ довольно длинные промежутки, когда оно совсѣмъ не засѣдаетъ; кромѣ того созывъ, закрытіе сессіи, расущеніе собранія народныхъ представителей и назначеніе новыхъ выборовъ зависитъ, какъ мы указали выше, почти всегда отъ самого носителя исполнительной власти.

Всѣми этими преимуществами, предоставляемыми всякой конституціей носителю исполнительной власти, особенно ловко воспользовался Наполеонъ III въ своей борьбѣ съ народнымъ представительствомъ втор(французской республики. Для вида уступая во всѣхъ формальныхъ вопр сахъ законодательному собранію, онъ дѣйствовалъ совершенно независи отъ него. Въ теченіе трехъ лѣтъ его президентства, вся его политика тай была направлена къ утвержденію его личной власти и возстановленію имп ріи. Въ эти годы онъ однако не только не нарушалъ конституціи, а

оборотъ постоянно ссылался и опирался на нее, такъ какъ конституція второй республики являлась для него лучшей поддержкой. Въ то же время законодательное собраніе, одерживая формальныя побѣды надъ президентомъ республики Наполеономъ, фактически было совершенно безсильнымъ передъ нимъ. Оно могло бы помѣшать ему подготовлять переворотъ только путемъ нарушенія конституціи, а для этого оно не обладало достаточной рѣшительностью и единствомъ. Такимъ образомъ Наполеонъ III, дѣйствуя формально согласно съ конституціей, одновременно могъ подготовлять ту силу, которая дала ему возможность устроить переворотъ и отмѣнить конституцію. Историческія обстоятельства, предшествовавшія перевороту 2 декабря 1851 года, особенно ярко показали, что народное представительство, несмотря на формальную обширность своихъ полномочій, самой конституціей лишено дѣйствительной силы и власти въ борьбѣ съ представителемъ исполнительной власти.

На-ряду съ этимъ конституціоннымъ безсиліемъ, которое въ большей или меньшей степени присвоено всякому народному представительству, не меньшее значеніе имѣетъ и органическое безсиліе, часто присущее народному представительству, какъ корпораціи. Собраніе народныхъ представителей, какъ корпорація, бываетъ непоколебимо сильнымъ только при полномъ единодушіи. Но какъ извѣстно, единодушіе является очень рѣдкимъ признакомъ для народнаго представительства. Поэтому гораздо большее практическое значеніе имѣетъ крупное и прочное большинство въ народномъ представительствѣ. Народное представительство считается сильнымъ и трудоспособнымъ тогда, когда въ немъ есть сильное большинство. Между тѣмъ часто собранія народныхъ представителей бываютъ такъ раздроблены на партіи, что въ нихъ не можетъ сложиться сколько-нибудь значительное большинство. Тогда народное представительство бываетъ одержимо органическимъ порокомъ безсилія. Иногда одинъ составъ безсильнаго народнаго представительства смѣняется другимъ, и страна не въ состояніи избрать болѣе единодушное и энергичное собраніе народныхъ представителей. Однако и при существованіи довольно прочнаго и устойчиваго большинства народное представительство можетъ оказаться совершенно безсильнымъ. Такое положеніе можетъ возникнуть при энергичномъ и сплоченномъ меньшинствѣ въ народномъ представительствѣ, особенно если это меньшинство опирается на количественно значительныя и хорошо организованныя общественныя силы внѣ парламента. Наиболѣе выдающимся примѣромъ такого безсилія народнаго представительства можетъ служить французскій конвентъ. Французскіе теоретики конституціоннаго права и ихъ послѣдователи считаютъ обыкновенно, что исторія конвента неопровержимо доказала гибельность чрезмѣрнаго могущества законодательной власти. Но этотъ столь распространенный въ литературѣ взглядъ подсказанъ предвзятой точкой зрѣнія, заимствованной изъ теоріи раздѣленія властей, которая притомъ неправильно въ данномъ случаѣ примѣняется. Конвентъ съ самаго начала располагалъ всею полнотою власти, а не былъ

представителемъ лишь одной законодательной власти. Онъ не производилъ захватовъ смежныхъ властей, какъ обыкновенно утверждаютъ теоретики государственнаго права, а наоборотъ самъ сдѣлался жертвой захватовъ со стороны политическихъ партій и своихъ собственныхъ комитетовъ. Какъ извѣстно, большинство въ конвентѣ принадлежало жирондистамъ, но якобинцы, располагавшіе сильнымъ меньшинствомъ, сначала терроризировали это большинство посредствомъ якобински настроеннаго населенія Парижа, организованнаго благодаря парижскому муниципалитету, а затѣмъ они совершенно уничтожили это большинство, пославъ его вождей на эшафотъ и изгнавъ изъ конвента всѣхъ остальныхъ наиболѣе видныхъ членовъ его. Такимъ образомъ большинство въ конвентѣ отъ жирондистовъ перешло къ якобинцамъ. Но и съ этимъ большинствомъ конвентъ не могъ поддержать своего авторитета, такъ какъ и оно скоро начало разлагаться, а фактическая власть стала сосредоточиваться въ комитетахъ. Вся власть и внѣ конвента, и надъ самимъ конвентомъ была наконецъ захвачена комитетомъ общественнаго спасенія съ Робеспьеромъ во главѣ. Когда и послѣдній палъ, конвентъ уже не былъ въ состояніи собраться съ силами и влачилъ жалкое существованіе до своего роспуска. Такимъ образомъ вся исторія конвента заключается въ рядѣ насилій надъ конвентомъ извнѣ, со стороны парижскаго населенія, и внутри, со стороны политическихъ партій и комитетовъ, господство которыхъ наступало по очереди. Надо быть совершенно ослѣпленнымъ теоріей раздѣленія властей, чтобы видѣть въ исторіи конвента всемогущество законодательной власти, созданное поглощеніемъ исполнительной и судебной властей. Напротивъ, всякій безпристрастный историкъ долженъ констатировать, что въ исторіи конвента проявилась невѣроятная слабость народнаго представительства, предоставленнаго самому себѣ, т.-е. не пользующагося поддержкой со стороны большинства населенія и подвергающагося нападкамъ со стороны энергичнаго меньшинства его.

Конечно, судьбы конвента являются совершенно исключительнымъ, не повторяющимся въ исторіи случаемъ. Но во второй половинѣ XIX столѣтія въ парламентской жизни Англіи было выдвинуто средство, посредствомъ котораго сильное меньшинство можетъ парализовать дѣятельность всякаго народнаго представительства. Средство это—парламентская обструкція. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія англійскій парламентъ совершенно обезсилѣлъ вслѣдствіе обструкціи ирландской фракціи. «Парламентская гильотина» оказалась бы совершенно безсильной въ борьбѣ съ обструкціей, если бы сама ирландская фракція не раскололась и не утратила бы свое значенія. Еще болѣе парализующее значеніе имѣла обструкція въ Австріи. Въ послѣднія десять лѣтъ австрійскій рейхсратъ почти не функціонировалъ, такъ какъ за исключеніемъ очень короткихъ промежутковъ времени обструкція той или другой парламентской фракціи мѣшала ему работать.

Всѣ эти факты показываютъ, что народное представительство, несмотря на свое положеніе одного изъ органовъ верховной власти, можетъ

ается очень слабымъ учрежденіемъ, какъ по отношенію къ другимъ органамъ верховной власти, такъ и по своимъ внутреннимъ органическимъ свойствамъ. Часто проявляющаяся слабость народнаго представительства при однопалатной системѣ особенно рѣзко бросается въ глаза. Конституціонныя исторіи какъ Англіи, такъ и Франціи полны фактовъ, доказывающихъ полное безсиліе однопалатнаго народнаго представительства. Англійскій долгій парламентъ послѣ упраздненія верхней палаты въ 1649 году былъ даже не въ состояніи выработать новую конституцію для Англіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ себя распустить и создать болѣе авторитетное и работоспособное народное представительство. Когда, наконецъ, въ 1653 г. Кромвель разогналъ его при помощи вооруженной силы, то никто не жалѣлъ о немъ. Однако столь же неспособными не только реформировать Англію, но и просто управлять ею оказались всѣ вслѣдъ затѣмъ собранные однопалатные парламенты. Учредительный конвентъ 1653 года или, такъ называемый, Бэрбонскій парламентъ не выработалъ для Англіи конституціи и самъ вотировалъ свой роспускъ прежде, чѣмъ выполнилъ свою задачу. Что касается парламентовъ 1654 и 1655 гг., созванныхъ на основаніи октроированной Кромвелемъ конституціи—«орудія управленія», то они не были способны ни управлять вмѣстѣ съ Кромвелемъ, ни подчинить его своей власти. Оба они были распущены Кромвелемъ досрочно.

Въ конституціонной исторіи Англіи примѣненіе однопалатной системы народнаго представительства было лишь кратковременнымъ эпизодомъ, обнимавшимъ промежутокъ времени менѣе десяти лѣтъ. Гораздо больше опытовъ съ однопалатнымъ народнымъ представительствомъ было сдѣлано во Франціи. Опыты эти производились тамъ въ теченіе почти ста лѣтъ. Но и тамъ они, какъ мы видѣли, кончались полной неудачей, одинъ разъ благодаря конвенту, а другой—вслѣдствіе безсилія, обнаруженнаго законодательнымъ собраніемъ второй республики въ борьбѣ съ Людовикомъ Наполеономъ. Трагикомическая сторона французской конституціонной исторіи заключается въ томъ, что въ то время, какъ всѣ формы государственнаго устройства, придуманныя республиканцами, были крайне нежизнеспособны и недолговѣчны, конституція третьей республики, сочиненная въ значительной мѣрѣ монархистами, создала во Франціи наиболѣе прочный государственный строй. Конечно, есть много причинъ для 36-лѣтняго существованія третьей республики, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ государственныхъ режимовъ со времени великой революціи не существовалъ дольше восемнадцати лѣтъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, го среди этихъ причинъ первое мѣсто занимаютъ тѣ государственныя режденія, которыя были созданы на основаніи конституціонныхъ законовъ 1875 г. Они были выработаны единымъ національнымъ собраніемъ 871—75 гг., большинство котораго составляли монархисты. Избирая его ія заключенія мира съ Германіей, французскій народъ отдалъ предпоеніе монархистамъ, такъ какъ они были тогда сторонниками мира. Но да миръ былъ заключенъ, это національное собраніе не признало свои

полномочія исчерпанными, а присвоило себѣ и учредительныя права, которыя формально не принадлежали ему. Притомъ вырабатывая конституцію, оно не заботилось объ упроченіи республиканскаго строя, созданнаго прежде его избранія низверженіемъ Наполеона III. Напротивъ, всѣ его стремленія были направлены на то, чтобы подготовить монархическую реставрацію. Съ этою цѣлью, между прочимъ, была создана вторая палата французскаго законодательнаго корпуса или сенатъ. Однако именно сенатъ, въ которомъ, правда, благодаря конституціонной реформѣ 1884 г., пожизненные члены были замѣнены избираемыми, оказался главнымъ оплотомъ республики. И въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ во время Буланжистскаго движенія, и въ концѣ девяностыхъ годовъ во время Дрейфусовской исторіи и связанной съ нею агитаціи націоналистовъ сенатъ проявилъ поразительную стойкость въ защитѣ республиканскихъ учрежденій. Болѣе подвижная и измѣнчивая палата депутатовъ начала поддаваться вліянію временно популярныхъ лозунговъ. Напротивъ, сенатъ оказался болѣе устойчивымъ, постояннымъ и послѣдовательнымъ, и даже его консерватизмъ приводилъ къ благимъ результатамъ, такъ какъ способствовалъ сохраненію республики. Вообще заслуги французскаго сената, какъ защитника республиканскаго строя, громадны, и на это особенно важно указывать, отмѣчая его великіе грѣхи по отношенію къ финансовымъ, экономическимъ и соціальнымъ реформамъ.

Можно ли однако сказать, что французскій сенатъ отстаивалъ республику путемъ ослабленія палаты депутатовъ? Такой выводъ слѣдовало бы сдѣлать, основываясь на теоріи раздѣленія властей. Но онъ былъ бы совершенно ошибоченъ. Французскій сенатъ не столько ослабляетъ палату депутатовъ, сколько усиливаетъ значеніе народнаго представительства въ государственной жизни Франціи. Безъ него палата депутатовъ могла бы оказаться еще слабѣе. Можно положительно утверждать, что Франція еще никогда не имѣла такого сильнаго народнаго представительства, дѣйствующаго при нормальныхъ условіяхъ, какимъ является народное представительство третьей республики. Даже нѣкоторыя народныя представительства революціонной эпохи, какъ, напримѣръ, конвентъ, были слабѣе нынѣшняго французскаго законодательнаго корпуса. Между тѣмъ нынѣшнее сильное народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ, а нѣкоторыя изъ болѣе слабыхъ народныхъ представительствъ предшествовавшихъ эпохъ, какъ, напримѣръ, конвентъ или національное собраніе второй республики, были едиными собраніями. Притомъ вся исторія третьей республики показываетъ, что сила нынѣшняго законодательнаго корпуса заключается двухпалатной организаціи его. Государственный строй современной фр цузской республики опирается исключительно на ея народное пред вительство, а онъ оказался наиболѣе устойчивымъ и долговѣчнымъ. С довательно, вся конституціонная исторія Франціи со времени великой волюціи свидѣтельствуетъ о томъ, что для прочности государственн учрежденій и могущества народнаго представительства при *извѣстн*

историческихъ условіяхъ даже необходимо дѣленіе народнаго представительства на двѣ палаты.

Однако мы уже не разъ указывали на то, что двухпалатная система вообще вызвана чисто историческими причинами. Теперь мы приходимъ къ заключенію, что отъ историческихъ причинъ зависитъ и то или иное значеніе ея. При извѣстныхъ историческихъ условіяхъ двухпалатная система удваиваетъ силу народнаго представительства, напротивъ, при другихъ—она раздваиваетъ народное представительство и ослабляетъ его силу. Изъ вышеприведеннаго анализа ясно, что въ чисто представительныхъ демократическихъ государствахъ, обладающихъ избираемыми палатами, двухпалатная система приводитъ къ усиленію представительства. Напротивъ, въ монархическихъ государствахъ наслѣдственныя и назначаемыя верхнія палаты естественно ослабляютъ народное представительство, усиливая лишь монарха и другихъ традиціонныхъ обладателей власти.

Но исторія знаетъ и примѣры единыхъ народныхъ представительствъ, которыя оказались гораздо болѣе дѣятельными и продуктивными, чѣмъ какія бы то ни было собранія народныхъ представителей, организованныя въ двѣ палаты. Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ эти исключительные случаи въ исторіи народнаго представительства. Болѣе близкое знакомство съ ними поможетъ намъ рѣшить вопросъ, какъ обратить это исключеніе въ правило, т.-е. какъ создать такія условія, при которыхъ единое народное представительство было бы необходимымъ и нормальнымъ явленіемъ.

Б. Кистяковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Французскій проектъ закона о рабочемъ договорѣ [1]).

Въ настоящее время въ области законодательства о рабочемъ договорѣ происходитъ въ высшей степени знаменательное и интересное движеніе. Въ цѣломъ рядѣ государствъ этотъ вопросъ поставленъ на очередь, кое-гдѣ новыя начала уже вылились въ форму закона, въ нѣкоторыхъ странахъ выработаны или вырабатываются соотвѣтственные законопроекты.

Въ области найма человѣческаго труда въ концѣ XIX столѣтія повсюду обнаружился полный разладъ между закономъ и жизнью. Въ гражданскихъ кодексахъ господствуютъ безъ существенныхъ измѣненій начала, позаимствованныя изъ римскаго права: договоръ личнаго найма разсматривается, какъ продуктъ свободнаго [2]) соглашенія двухъ равныхъ сторонъ: нанимателя и нанимающагося, проводится различіе между договоромъ, предметъ котораго составляетъ самая работа (личный наемъ), и договоромъ, имѣющимъ своимъ предметомъ результаты труда (подрядъ), причемъ выполненіе заказа въ тѣхъ случаяхъ, когда главные матеріалы доставляются самимъ заказопринимателемъ, признается уже не подрядомъ, а поставкою. Личный наемъ опредѣляется, какъ договоръ, коимъ одно лицо обязуется къ выполненію какихъ-нибудь услугъ, а другое—къ уплатѣ вознагражде-

---

[1]) Дѣйствующій французскій кодексъ не знаетъ термина contrat de travail, онъ говоритъ о louage de services, какъ одномъ изъ видовъ louage d'ouvrage et d'industrie. Мы считаемъ терминъ „рабочій договоръ“ болѣе соотвѣтствующимъ французскому contrat de travail, чѣмъ „трудовой договоръ“ или „договоръ о трудѣ“. Первый не согласуется съ обычнымъ смысломъ слова „трудовой“, подъ которымъ подразумѣвается то же, что „имѣющій своимъ источникомъ трудъ“, а второй слишкомъ широкъ, ибо трудъ составляетъ предметъ не одного только рабочаго договора, и
другихъ сдѣлокъ, какъ, наприм., подряда перевозки и пр. Правда, слово „рабо
на нашемъ разговорномъ языкѣ употребляется въ болѣе узкомъ смыслѣ предст
теля низшаго промышленнаго труда, но нѣтъ логическихъ препятствій къ устано
нію техническаго термина „рабочій договоръ“ въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы
будемъ употреблять въ нашей статьѣ.

[2]) Единственное ограниченіе, допускаемое большинствомъ гражданскихъ
совъ, это—установленіе максимальнаго срока, въ теченіе котораго личный
признается обязательнымъ для нанятаго.

нія. Въ то же время нѣкоторые виды сдѣлокъ, фактическій составъ которыхъ вполнѣ подходитъ подъ такое общее опредѣленіе, трактуются въ законѣ и въ наукѣ особо, какъ, наприм., договоръ о веденіи чужихъ дѣлъ по порученію, объ услугахъ маклера, комиссіонера, экспедитора, издателя и др. Въ судебной практикѣ отдѣленіе этихъ видовъ услугъ отъ личнаго найма не вызываетъ никакихъ затрудненій, несмотря на отсутствіе яснаго юридическаго критерія для ихъ различенія. Наоборотъ, проведеніе границы между личнымъ наймомъ и подрядомъ, съ одной стороны, и подрядомъ и поставкою—съ другой, оказывается непосильною задачею для судебной практики, хотя законъ ихъ и различаетъ. Въ области низшаго промышленнаго труда ярко обнаруживается фиктивность свободнаго соглашенія, какъ основанія договора найма. Экономическій перевѣсъ работодателя тутъ оказывается настолько сильнымъ, что ведетъ къ эксплоатаціи рабочихъ, возмущающей общественную совѣсть и нетерпимой съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Поэтому государство вмѣшивается въ отношенія, вытекающія изъ договора найма, и создаетъ для различныхъ областей промышленнаго труда, преимущественно для найма на фабрично-заводскія работы, спеціальную регламентацію труда, существенно ограничивающую свободу сторонъ при совершеніи рабочаго договора. Эти ограниченія касаются продолжительности рабочаго времени, ночной работы подростковъ и женщинъ, возраста малолѣтнихъ рабочихъ, формы договора, размѣра и основанія вычетовъ изъ заработной платы, способовъ и сроковъ вознагражденія, прекращенія договора и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ на работодателя возлагаются положительныя обязанности—независимо отъ вытекающихъ изъ договора найма—къ принятію мѣръ для предотвращенія вреда для жизни, здоровья и нравственности рабочаго, къ предоставленію рабочему врачебной помощи въ случаяхъ увѣчья или болѣзни, къ вознагражденію за смерть или увѣчье рабочаго, произошедшаго вслѣдствіе несчастнаго случая, находящагося въ связи съ его служебною дѣятельностью, къ участію въ расходахъ на обезпеченіе рабочаго на случай старости или болѣзни и т. д. Словомъ, на-ряду съ общими нормами закона, построенными на принципѣ полной свободы сторонъ при опредѣленіи условій личнаго найма, вырастаетъ система ограничительныхъ нормъ, направленныхъ на охрану опредѣленныхъ категорій промышленныхъ рабочихъ и разныхъ мѣръ соціально-политическаго характера, преслѣдующихъ улучшеніе ихъ экономическаго положенія. Это спеціальное законодательство имѣетъ своей исходной точкой фактическое неравенство сторонъ, вслѣдствіе котораго условія труда устанавливаются не столько свободнымъ соглашеніемъ, сколько властью работодателя, и на-ряду съ договорнымъ началомъ продолжаетъ господствовать «начало авторитета» [1]), подчиненія занимающагося власти нанимателя.

---

[1]) *Brentano*: „Das Arbeitsverhältnis gemäss dem heutigen Recht". Lpz., 1877, p. 4 и passim.

Долгое время могло казаться, что только фабрично-заводскій трудъ нуждается въ дѣятельной охранѣ закона, что въ другихъ областяхъ промышленнаго труда свободнымъ соглашеніемъ сторонъ обезпечиваются въ достаточной мѣрѣ интересы труда. Однако, за послѣднія 30 лѣтъ все чаще и чаще стали раздаваться голоса рабочихъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ, начали заявлять о своихъ нуждахъ приказчики, ремесленники, рабочіе, занятые у себя на дому, на путяхъ сообщенія, въ сельскомъ хозяйствѣ, домашняя прислуга и т. д. Произведенными въ большинствѣ государствъ изслѣдованіями установлено, что во всѣхъ сферахъ труда, гдѣ одно лицо отдаетъ свой трудъ въ распоряженіе другого, вступая къ нему въ служебное отношеніе, по общему правилу устанавливается извѣстная зависимость, подчиненіе одного человѣка власти другого и что, благодаря этому, система индивидуальнаго соглашенія сторонъ приводитъ къ такимъ условіямъ труда, которыя не могутъ быть терпимы съ точки зрѣнія человѣчности и интересовъ государства. Оказалось, слѣдовательно, необходимымъ возводить ограниченіе свободы соглашенія при опредѣленіи содержанія договора въ общее правило для всей обширной области зависимаго труда, выдѣлить въ одну категорію всѣ договоры, устанавливающіе такое зависимое отношеніе и объединить ихъ подъ общимъ названіемъ «рабочаго договора» [1]). Тутъ уже нѣтъ мѣста для различенія найма труда отъ

---

[1]) Въ юридической литературѣ вопросъ о рабочемъ договорѣ получилъ нѣсколько иное направленіе, чѣмъ въ экономической и законодательствѣ. Эндеманъ въ статьѣ „Die rechtliche Behandlung der Arbeit въ Jahrbücher f. Nat. и Stat.“, 1896, послѣ историческаго обзора законодательства опредѣлилъ задачу юридической науки слѣдующими словами: „Кто изъ ученыхъ юристовъ поставилъ бы себѣ задачу овладѣть вопросомъ о работѣ и рабочей сдѣлкѣ настолько основательно, какъ этого требуетъ современное положеніе вещей, прослѣдить ее во всѣхъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ исторически и соотвѣтственно современнымъ условіямъ,—заслуга того была бы не малая“ (ук. соч., стр. 708). На его призывъ откликнулся Филиппъ Лотмаръ, выпустившій въ 1902 году первый томъ многообѣщающаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Der Arbeitsvertrag nach dem Privatrecht des deutschen Reiches“, въ которомъ авторъ, повидимому, задался цѣлью прослѣдить догматически всѣ многочисленныя развѣтвленія рабочей сдѣлки. Договоромъ о трудѣ (Arbeitsvertrag) Лотмаръ называетъ всякій обязательственный договоръ, коимъ одна изъ договаривающихся сторонъ обѣщаетъ производить работу, а другая—платить вознагражденіе. Онъ перечисляетъ 15 „законныхъ типовъ“ договоровъ о трудѣ: прежде всего наемъ услугъ (Dienstvertrag) и подрядъ (Werkvertrag), а затѣмъ 13 типовъ, отличающихся другъ отъ друга по свойству обѣщаннаго труда, наприм., трудъ маклера, хранителя, приказчика, ученика, издателя, промышленнаго рабочаго, перевозчика и т. д. Свойство услугъ, о. ко, по мнѣнію Лотмара, также не можетъ служить критеріемъ для исчерпываю классификаціи договора о трудѣ, какъ способъ вознагражденія (по времени по результату работы). Онъ поэтому обращается къ анализу фактическаго сос рабочихъ договоровъ и приходитъ къ заключенію, что всѣ они съ этой точки зр сводятся къ двумъ основнымъ формамъ въ зависимости отъ отношенія между во гражденіемъ и работою: когда вознагражденіе обѣщано за работу „вмѣстѣ съ со вождающимъ ее или завершающимъ ее результатомъ“, договоръ принимаетъ „ф аккорда“, когда же логически или реально связанный съ работою результатъ

найма результатовъ труда, въ смыслѣ римскихъ locatio conductio operarum и operis. Устанавливается рядъ общихъ уравнительныхъ и охранительныхъ нормъ, ограничивающихъ и дополняющихъ соглашеніе сторонъ о содержаніи всякаго рабочаго договора, а таковымъ признается всякій договоръ, коимъ создается служебное отношеніе лица, отдающаго свой трудъ (рабочаго), къ лицу, уплачивающему вознагражденіе (работодателю). Эти нормы, конечно, не исключаютъ возможности и необходимости дополнительной регламентаціи труда для нѣкоторыхъ отраслей промышленности и установленія нѣкоторыхъ спеціальныхъ постановленій для тѣхъ случаевъ, когда вознагражденіе опредѣлено въ зависимости отъ результатовъ работы (сдѣльный, аккордный договоръ) въ виду существенныхъ особенностей этого вида рабочихъ договоровъ. Но эти отступленія не колеблютъ основной мысли законодателя, что всѣ рабочіе договоры, устанавливающіе зависимыя отношенія, не взирая на способы вознагражденія и на свойство труда, составляютъ одну юридическую категорію и должны нормироваться однимъ общимъ закономъ.

Еще въ другомъ отношеніи новѣйшему законодательству въ области рабочаго договора приходится считаться съ измѣнившимися условіями жизни, не укладывающимися въ господствующія цивилистическія понятія и построенія. Какъ мы видѣли, начало индивидуализма въ нѣкоторыхъ областяхъ труда потерпѣло значительныя ограниченія вслѣдствіе вмѣшательства государства въ частноправовыя отношенія (система интервенціонализма). Рабочіе, однако, не удовлетворились поддержкою закона, а прибѣгали къ тому средству, къ которому всегда обращались экономически слабые элементы общества въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія: они объединялись въ союзы для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ и для поддержки отдѣльнаго рабочаго при опредѣленіи условій найма. Пользуясь благопріятными моментами, рабочимъ организаціямъ, а иногда и неорганизованнымъ группамъ удавалось входить въ соглашеніе съ работодателями объ обязательномъ включеніи тѣхъ или иныхъ условій въ рабочіе договоры, впредь заключаемые ими съ рабочими. Съ другой стороны, члены

минированъ", вознагражденіе опредѣлено „за вычетомъ" результата, тогда мы имѣемъ вторую форму: „договоръ о вознагражденіи по времени".

Лотмаръ пока еще не доказалъ, что эти двѣ „основныя формы" договора о трудѣ имѣютъ исчерпывающее значеніе. Онъ и не доказалъ—и едва ли когда-либо докажетъ,—что предложенное имъ общее понятіе, обнимающее всѣ сдѣлки о трудѣ, бу[дет] годнымъ и полезнымъ для жизни и законодательства, а не чисто академическимъ построеніемъ. Цивилистическая литература другихъ странъ изобилуетъ указаніями на неудовлетворительность и недостаточность дѣйствующихъ законодательствъ о рабочемъ договорѣ, но попытки къ положительному научному опредѣленію рабочаго договора на иныхъ началахъ весьма немногочисленны и неудовлетворительны (см., напр., *Schreiber*: „Der Arbeitsvertrag nach österreichischen Privatrecht", 1897; *Simoncone*: „Il contratto di lavoro", 1897; *Cessana-Giebel*: „Terminologie und Wesen des Arbeitsvertrages", Züricher Dissertation, 1898; *Chatelain*: „De la nature du contrat entre ouvrier et entrepreneur, 1902; *Hess*: „Einfache und höhere Arbeit", 1905.

рабочихъ организацій обязывались другъ передъ другомъ или уставомъ при заключеніи рабочихъ договоровъ соглашаться только на заранѣе опредѣленныя условія. Такимъ образомъ, содержаніе рабочаго договора устанавливалось уже не только индивидуальнымъ соглашеніемъ и закономъ, но также коллективными соглашеніями союзовъ или группъ рабочихъ съ работодателями или союзами. Съ точки зрѣнія господствующаго ученія подобныя коллективныя или—по терминологіи нѣмцевъ—тарифныя соглашенія о содержаніи будущихъ договоровъ не имѣли никакой силы; они противорѣчатъ одному изъ основныхъ началъ гражданскаго права: nemo eam sibi potest legem dicere, ut a priore ei recedere non liceat. Но судебная практика, особенно практика промышленныхъ судовъ, не рѣшилась идти вразрѣзъ съ требованіями жизни, и въ результатѣ тарифныя соглашенія сдѣлались въ большинствѣ западныхъ государствъ источникомъ содержанія рабочихъ договоровъ на-ряду съ индивидуальными соглашеніями и закономъ. Это обстоятельство ставитъ на разрѣшеніе цивилистической науки и законодательства рядъ весьма важныхъ и трудныхъ вопросовъ и снова отклоняетъ ходъ рабочаго законодательства въ сторону договорной свободы, но уже въ смыслѣ не индивидуальнаго, а коллективнаго соглашенія объ условіяхъ труда.

Цѣль настоящей замѣтки состоитъ въ краткой характеристикѣ и оцѣнкѣ напечатаннаго ниже въ переводѣ (стр. 91) французскаго законопроекта о рабочемъ договорѣ, а не въ подробномъ анализѣ новыхъ теченій въ области рабочаго договора. Поэтому мы ограничиваемся сдѣланными нами, далеко не исчерпывающими указаніями на то направленіе, въ которомъ двигается западное законодательство по интересующему насъ вопросу.

Положительные результаты въ смыслѣ вліянія новаго движенія на гражданскіе кодексы пока еще незначительны. Германское гражданское Уложеніе 1896 года въ общемъ осталось на почвѣ господствующихъ воззрѣній. Единственная уступка усилившемуся вниманію общественнаго мнѣнія къ интересамъ трудящихся, единственная «капля соціальнаго масла» состоитъ въ томъ, что въ общій законъ включены постановленія объ обязанностяхъ нанимателя принимать должныя мѣры къ огражденію безопасности лица, обязаннаго къ услугамъ, а по отношенію къ лицамъ, живущимъ въ его семьѣ—къ попеченію о ихъ здоровьѣ и къ помощи въ случаѣ болѣзни [1]). Кромѣ того, Уложеніе требуетъ, чтобы прекращенію договора найма услугъ, совершеннаго на неопредѣленный срокъ, всегда предшествовалъ предварительный отказъ [2]). Нѣкоторыя области промышленнаго труда попрежнему изъяты изъ дѣйствующаго закона; тамъ отношенія сторонъ регулируются отчасти уставомъ о промышленности и торговымъ Уложеніемъ, отчасти мѣстными регламентами.

Первое и пока единственное законодательство, сдѣлавшее рѣшит-

---

[1]) *Bürg. Gesetzbuch*, § 617—619.

[2]) Тамъ же, § 620—623.

ный шагъ въ сторону реформы рабочаго договора, это бельгійское [1]). Законъ 10 марта 1900 г., согл. 1 ст., «регулируетъ договоръ, коимъ рабочій обязывается работать подъ руководствомъ, по указаніямъ и подъ надзоромъ (sous l'autorité, la direction et la surveillance) хозяина предпріятія или работодателя за уплачиваемое ему вознагражденіе, опредѣляемое или сообразно съ продолжительностью работы, или соразмѣрно съ количествомъ, качествомъ или цѣнностью выполненнаго труда, или на какомъ-либо другомъ условленномъ между сторонами основаніи». Бельгійскій законъ принципіально остается на договорной почвѣ, предоставляя сторонамъ соглашаться объ условіяхъ труда, но очерчиваетъ кругъ отношеній, обнимаемыхъ рабочимъ договоромъ не такъ, какъ другія законодательства, и ограничиваетъ свободу сторонъ рядомъ постановленій, направленныхъ къ защитѣ рабочаго отъ эксплоатаціи, къ освобожденію его отъ несенія риска при случайномъ неуспѣхѣ работы, къ охранѣ его права на заработокъ и т. д. Уравнительныя и охранительныя постановленія, дѣйствовавшія до сихъ поръ только въ узкой сферѣ опредѣленныхъ отраслей промышленности, возведены въ общія нормы, подлежащія примѣненію къ правоотношеніямъ, вытекающимъ изъ всякихъ договоровъ о трудѣ при наличности указанныхъ въ ст. 1 признаковъ. Намъ неоднократно придется возвращаться къ бельгійскому закону, послужившему по многимъ вопросамъ образцомъ какъ для интересующаго насъ французскаго, такъ и для другихъ законопроектовъ.

Въ области рабочаго законодательства каждый шагъ, сдѣланный въ одной странѣ по пути къ улучшенію положенія трудящихся, быстро вызываетъ подражаніе въ остальныхъ, такъ какъ острая потребность въ реформахъ составляетъ общее явленіе. Примѣръ Бельгіи явно отразился на другихъ странахъ. Кромѣ Франціи, вопросъ объ изданіи общихъ законовъ о рабочемъ договорѣ, насколько намъ извѣстно, поставленъ на очередь въ Голландіи, Италіи, Нидерландахъ, Даніи и Норвегіи. Въ Швейцаріи [2]) дѣйствующая съ 1883 г. кодификація обязательственнаго права подверглась пересмотру, причемъ отдѣлъ о наймѣ услугъ, содержащій всего 12 статей, совершенно переработанъ, значительно расширенъ (до 34 статей) и содержитъ рядъ образцовыхъ постановленій соціально-политическаго характера, которыхъ до сихъ поръ нельзя встрѣтить ни въ одномъ изъ гражданскихъ кодексовъ.

Мы остановились на французскомъ законопроектѣ потому, что имъ затрогивается и такъ или иначе разрѣшается наибольшее количество вопросовъ, представляющихъ интересъ для цивилистовъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что французское законодательство о рабочемъ договорѣ, несмотря на творческую дѣятельность судебной практики, чрезвычайно отстало

---

[1]) Loi du 10 mars 1900 sur le contrat de travail. См. по поводу этого закона *ailleux:* „Contrat de travail Thèse", Paris, 1900.

[2]) Швейцарскій проектъ гражданскаго Уложенія, ст. 1369—1404.

отъ потребностей современной жизни. «Наемъ труда,—по словамъ Планіоля [1]),—принадлежитъ къ наименѣе удовлетворительнымъ отдѣламъ нашего гражданскаго законодательства, по этому вопросу въ кодексѣ—сплошной пробѣлъ». Ст. 1708 различаетъ два вида найма: наемъ вещей и наемъ труда. Послѣдній въ ст. 1710 опредѣляется какъ «договоръ, коимъ одна изъ сторонъ обязывается сдѣлать что-либо въ пользу другой за условленное между ними вознагражденіе». Въ ст. 1779 перечисляется три вида найма труда. Первому изъ нихъ,—«найму рабочихъ, поступающихъ къ кому-либо въ услуженіе»,—посвящена всего одна статья 1780, запрещающая безсрочный наемъ. При такихъ обстоятельствахъ Raoul Fay [2]) въ своемъ докладѣ о состояніи французскаго законодательства по рабочему договору имѣлъ полное основаніе сказать, что редакторы кодекса совершенно не интересовались рабочимъ договоромъ. Нѣкоторые спеціальные законы, касающіеся отдѣльныхъ отраслей или сторонъ промышленнаго труда, какъ, напр., законъ 1848 года о подавленіи эксплоатаціи рабочихъ при наймѣ черезъ посредниковъ (marchandage), законъ 1851 г. объ ученическомъ договорѣ, 1895 г. объ арестѣ заработной платы и др.—не могли, конечно, пополнить этотъ пробѣлъ. Парламентамъ Третьей республики то и дѣло приходилось выслушивать указанія на плачевное положеніе законодательства о рабочемъ договорѣ и на необходимость радикальной реформы. Французское правительство однако энергично принялось за работу лишь со вступленія въ кабинетъ Мильерана. Декретомъ отъ 27 ноября 1901 г. послѣдній основалъ спеціальную коммиссію, на которую была возложена задача составить общій сводъ дѣйствующаго французскаго законодательства о трудѣ и представить его на утвержденіе палаты, причемъ ей дано было полномочіе устранить по возможности неясности редакціоннаго характера и указывать недостатки и пробѣлы дѣйствующаго закона въ цѣляхъ подготовленія реформы [3]). Работа коммиссіи выяснила съ полною очевидностью неудовлетворительность законовъ о рабочемъ договорѣ, въ частности отсутствіе постановленій о рядѣ институтовъ, играющихъ существенную роль въ практической жизни, а именно: о групповыхъ (артельныхъ) договорахъ, о правилахъ внутренняго распорядка, о коллективныхъ соглашеніяхъ, о порядкѣ и способѣ разсчета съ рабочими и др. Составленіе соотвѣтственныхъ законопроектовъ взяло на себя Общество для изученія законодательныхъ вопросовъ (Société d'études législatives), образовавшее для этой цѣли нѣсколько секцій, работы которыхъ періодически обсуждались въ пленарныхъ засѣданіяхъ [4]). По вопросу о прекращеніи договора Высшій Совѣтъ

---

[1]) *Planiol*, Traité élémentaire de droit civil, t. II. § 1828.

[2]) Projet de loi portant codification des lois ouvrières (№ 2237 Chambre des D putés, 8-ième législ. 1905) p. 93.

[3]) Тамъ же, стр. 86 сл. докладъ Рикара. См. также Fay, Der Code de trav въ Gewerbegericht за 1905 г., № 11.

[4]) Bulletins de la Société d'études législatives за 1904 г., стр. 463 сл., 1905 стр. 499 сл. и 1906 г. ч. I, стр. 73—453, ч. II, стр. 209—507.

труда выработалъ и представилъ свой проектъ. Всѣ эти матеріалы были сосредоточены въ особой правительственной комиссіи и послужили основаніемъ для окончательнаго проекта закона о рабочемъ договорѣ, внесеннаго правительствомъ въ 1906 году на разсмотрѣніе палаты депутатовъ и переданнаго ею 2 іюля 1906 года въ парламентскую комиссію по рабочему вопросу [1]). Въ объяснительной запискѣ указывается, что нѣкоторыя постановленія позаимствованы изъ бельгійскаго закона 10 марта 1900 года и германскаго гражданскаго Уложенія, остальные—изъ вышеупомянутыхъ работъ Общества и Высшаго Совѣта труда. Фактически нѣкоторое вліяніе на проектъ имѣлъ также швейцарскій проектъ 1905 г., о которомъ говорилось выше.

Въ первой статьѣ опредѣляется кругъ правоотношеній, регулируемыхъ проектируемымъ закономъ. Эта статья повторяетъ вышеприведенный § 1 бельгійскаго закона 10 марта 1900 года съ однимъ существеннымъ измѣненіемъ. Какъ и бельгійскій законъ, составители проекта не придаютъ рѣшающаго значенія способу вознагражденія (по времени или по результату работы) и свойству труда (низшій или высшій); всякій, кто обязуется работать для другого за вознагражденіе, заключаетъ рабочій договоръ. Но въ отличіе отъ бельгійскаго закона составители проекта опускаютъ слова «работать подъ руководствомъ, по указаніямъ и подъ надзоромъ другого лица», руководствуясь тѣмъ, что включеніе этихъ словъ лишило бы лицъ, работающихъ у себя на дому, благодѣяній закона. Авторы проекта устанавливаютъ другой критерій для опредѣленія области примѣненія закона: отъ дѣйствія закона изъяты договоры лицъ, предлагающихъ свои труды не опредѣленному работодателю, а публикѣ. Они почерпнули свой критерій непосредственно изъ жизни: кто обслуживаетъ публику и получаетъ свой доходъ не отъ опредѣленнаго лица, а отъ ряда кліентовъ, пользующихся его услугами, тотъ по отношенію къ нимъ выступаетъ какъ самостоятельный предприниматель и не находится въ той зависимости отъ отдѣльныхъ лицъ, какъ рабочій, матеріальное благополучіе котораго сосредоточено въ рукахъ одного работодателя. Такая постановка несомнѣнно весьма оригинальна, но мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Эльяшевича [2]), признавшаго ее въ высшей степени удачною. Намъ, наоборотъ, кажется, что правильная мысль въ данномъ случаѣ получила неправильное и неясное выраженіе. Одно и то же лицо можетъ обслуживать публику и въ то же время состоять въ постоянномъ отношеніи къ опредѣленному работодателю, въ полной отъ него зависимости. Практикующій врачъ, напр., можетъ состоять ординаторомъ въ больницѣ, портной, принимающій заказы, можетъ въ то же время работать на магазинъ готоваго платья и т. д. Слѣдовательно, рабочій договоръ могутъ заключать также лица, «предлагающія свои услуги публикѣ». Сущность тутъ, очевидно, не въ свойствѣ

---

[1]) № 158 Chambre des Députés, 9-ième législ. 1906.

[2]) *В. Эльяшевичъ*: „Новое движеніе въ области договора о трудѣ", *Право*, 1907 г. № 1, стр. 276.

отправляемой ими дѣятельности, а въ характерѣ того отношенія, которое создается заключаемымъ имъ договоромъ. Задача законодателя состоитъ въ томъ, чтобы найти, если это возможно, тотъ эмпирическій признакъ, который присущъ зависимому отношенію въ противоположность предпринимательскому. Бельгійскій законъ видитъ его въ наличности руководства и надзора со стороны работодателя. Несомнѣнно, что такая постановка слишкомъ узка, такъ какъ и при отсутствіи руководства и надзора рабочій можетъ всецѣло зависѣть отъ работодателя. Французскій законопроектъ опредѣляетъ этотъ признакъ отрицательно: договоры лицъ, обслуживающихъ публику, не являются рабочими договорами въ техническомъ смыслѣ, или, по общему правилу, не устанавливается служебное отношеніе, но это 1) невѣрно, ибо такія лица, какъ мы видѣли, одновременно могутъ состоять и въ зависимомъ отношеніи и 2) недостаточно. Чѣмъ, напр., отличается услуга профессіональнаго посыльнаго, черезъ котораго я посылаю свое письмо, отъ той же услуги, оказанной мнѣ за вознагражденіе случайно подвернувшимся человѣкомъ, никогда не исполнявшимъ подобныхъ порученій. Почему мой договоръ съ носильщикомъ, выносящимъ мои вещи изъ вагона, не подлежитъ правиламъ о рабочемъ договорѣ, а та же сдѣлка со случайнымъ человѣкомъ, совершающимъ ту же работу за вознагражденіе, есть рабочій договоръ. Очевидно, одного только отрицательнаго признака («отсутствіе предпринимательскаго элемента») недостаточно,—необходимо указать также положительный признакъ тѣхъ правоотношеній, на которыя распространяются дѣйствія закона о рабочемъ договорѣ.

Опытомъ установлено, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ зависимости отъ работодателя находятся тѣ лица, которыя состоятъ къ нему въ служебномъ отношеніи. «Служебное отношеніе», это понятіе вполнѣ опредѣленное, наличность котораго можетъ быть устанавливаема судомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на основаніи конкретныхъ данныхъ. Къ особой категоріи «рабочаго договора» поэтому и слѣдуетъ причислить всякій договоръ, коимъ одно лицо за вознагражденіе отдаетъ свой трудъ въ распоряженіе другого, вступая къ нему въ служебное отношеніе.

Болѣе удачно проектъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, мѣняется ли природа договора отъ того, что рабочій обязывается не только къ работѣ, но и къ доставленію необходимыхъ для ея выполненія матеріаловъ. Статья 2 даетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ: положенія о рабочемъ договорѣ примѣняются въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріалъ можетъ разсматриваться, «какъ принадлежность труда». Составители проекта [illegible] мѣтно стали на точку зрѣнія экономической теоріи, объективирующей трудъ, разсматривающей его какъ товаръ, какъ объектъ обмѣна. Только при такомъ взглядѣ возможно говорить о трудѣ, какъ о principale по отношенію къ которой матеріалъ составляетъ accessorium, принадлежность. Эта теорія совершенно не вяжется съ общимъ характеромъ законопроекта, подчеркивающаго вездѣ неразрывную связь труда съ личностью рабо[illegible]го

и окончательно порвавшаго съ аналогіей между наймомъ вещей и наймомъ труда. Но по существу предложенное рѣшеніе вопроса вполнѣ правильно: свойство договора зависитъ отъ того, какой изъ двухъ факторовъ—работа или матеріалъ—по намѣренію сторонъ составляетъ главный элементъ, какой—побочный.

Слѣдующія статьи проекта посвящены групповому договору, найму группы (артели, колонны) рабочихъ, такъ наз. contrat d'équipe. На практикѣ этотъ договоръ совершается обыкновенно черезъ посредниковъ, каковыми являются или главари группы, или самостоятельные предприниматели, что открываетъ широкое поле для злоупотребленій со стороны послѣднихъ и для уклоненія работодателей отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ по отношенію къ нанятымъ ими рабочимъ. Съ эксплоатаціею рабочихъ при наймѣ ихъ черезъ посредниковъ (marchandage, sweating system) борются законодательства всѣхъ странъ; противъ нея во Франціи направленъ былъ спеціальный законъ 1848 года и тщетно боролась судебная практика. Составители проекта рѣшились на болѣе энергичную мѣру. Они по примѣру бельгійскаго закона 1900 года устанавливаютъ неопровержимое законное предположеніе, что лицо, обязавшееся работать для другого при условіяхъ, указанныхъ въ 1 ст., въ своихъ сношеніяхъ съ лицомъ, нанятымъ имъ для этой работы, разсматривается какъ представитель своего хозяина. Этимъ устраняются сомнѣнія относительно юридическаго положенія «подручныхъ» рабочихъ, и нанятыхъ черезъ подставныхъ или дѣйствительныхъ посредниковъ, состоящихъ въ служебномъ отношеніи къ работодателю.

Содержаніе договора по проекту, какъ и по дѣйствующему закону можетъ быть доказано какъ письменнымъ актомъ, такъ и свидѣтельскими показаніями. Опытъ показалъ однако, что иногда отсутствіе письменныхъ доказательствъ чрезвычайно затрудняетъ рабочему, органамъ надзора и суду контроль надъ разсчетами. Такъ, напр., при аккордномъ и поштучномъ разсчетѣ отсутствіе точныхъ записей объ основаніи исчисленія заработной платы служитъ на практикѣ почвою для притѣсненій и обмановъ. Такія записи предписываются во Франціи спеціальными законами для ткацко-прядильной и нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности (относительно отпуска рабочему матеріаловъ). Примѣръ Англіи, Германіи, Россіи и др. странъ убѣждаетъ въ томъ, что для нѣкоторыхъ видовъ соглашеній требованіе письменныхъ доказательствъ вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ рабочаго.

Содержаніе договора опредѣляется индивидуальнымъ соглашеніемъ сто[ро]нъ, правилами внутренняго распорядка, наконецъ, коллективными согла[ше]ніями, а при отсутствіи всѣхъ этихъ источниковъ для распознаванія [во]ли сторонъ установившимися для данной профессіи мѣстными обычая[ми] (статья 9); послѣдніе такимъ образомъ примѣняются преимущественно [пе]редъ диспозитивными нормами закона. И по этому вопросу образцомъ [для] составителей проекта послужилъ бельгійскій законъ. Послѣдній однако

не ограничился указаніемъ на обычное право. Онъ предписываетъ соотвѣтственнымъ учрежденіямъ немедленно приняться за составленіе «списка обычаевъ, касающихся способа и размѣра вознагражденія, времени, мѣста, условій труда, продолжительности срока службы, обязанностей и сроковъ предварительнаго отказа». Можно предвидѣть, что вниманіе, удѣленное французскимъ проектомъ профессіональнымъ обычаямъ, едва ли дастъ сколько-нибудь серьезные практическіе результаты, пока таковые не будутъ приведены въ извѣстность. Любопытное постановленіе по этому вопросу содержитъ швейцарскій проектъ. Согласно § 1373 кантональныя власти по предложенію профессіональныхъ союзовъ могутъ вырабатывать нормальные типы рабочихъ договоровъ и публиковать ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Съ этого времени предполагается, что лица, вступающія въ рабочій договоръ, руководствовались нормальнымъ типомъ, насколько противное не явствуетъ изъ содержанія договора.

Въ принципѣ стороны при опредѣленіи условій договора пользуются полною свободою на общемъ основаніи. Это правило терпитъ однако рядъ ограниченій. Уже дѣйствующимъ закономъ запрещаются пожизненные договоры личнаго найма (ст. 1780 гражд. код.), и признаются недѣйствительными всякія соглашенія, нарушающія общественный порядокъ и добрые нравы (ст. 6 и 1133). Проектъ, слѣдуя примѣру гражд. германскаго Улож. (ст. 138) и швейцарскаго проекта 1905 года (ст. 1036), значительно расширяетъ послѣднее положеніе, признавъ «недозволеннымъ» всякое постановленіе рабочаго договора, коимъ одна сторона, пользуясь нуждою, легкомыслiемъ или неопытностью другой, возлагаетъ на нее условія, явно несоотвѣтствующія обычнымъ условіямъ, принятымъ въ данной мѣстности или профессіи или цѣнности и важности обѣщанныхъ услугъ. Подобное постановленіе можетъ казаться лишнимъ въ виду того, что эксплоатація нужды или неопытности все равно дѣлаетъ сдѣлку недѣйствительною, ибо несомнѣнно грѣшитъ противъ добрыхъ нравовъ. Такого широкаго толкованія мы однако не встрѣчаемъ нигдѣ; напротивъ, безпощадное преслѣдованіе своихъ интересовъ вообще признается явленіемъ вполнѣ нормальнымъ и дозволеннымъ.

Германское Уложеніе [1]) сдѣлало довольно смѣлый шагъ, отказавъ въ юридической защитѣ сдѣлкамъ, въ которыхъ, вслѣдствіе эксплоатаціи положенія или свойствъ одной изъ сторонъ, возложенныя на нее обремененія оказываются въ явномъ несоотвѣтствіи съ получаемымъ ею эквивалентомъ.

---

[1]) Ст. герм. гр. Улож. ст. 138: Сдѣлка, нарушающая правила общественной нравственности, ничтожна.

Ничтожна въ особенности сдѣлка, по которой одно лицо, пользуясь нуждой, легкомыслiемъ или неопытностью другого, взамѣнъ какихъ-либо услугъ съ своей стороны, выговариваетъ или заставляетъ предоставить себѣ или третьему лицу имущественную выгоду, размѣры которой настолько превосходятъ цѣнность услугъ, принятой выгода, при данныхъ обстоятельствахъ дѣла, представляется явно несоразмѣрной оказаннымъ услугамъ.

Ея примѣру послѣдовалъ швейцарскій проектъ [1]). Если сравнить § II французскаго проекта съ приведенными постановленіями германскаго и швейцарскаго Уложенія, то замѣчается двоякая разница: 1) германское и швейцарское Уложенія предоставляютъ рѣшеніе вопроса о дѣйствительности сдѣлки всецѣло усмотрѣнію суда, отъ котораго зависитъ признать наличность «явной несоразмѣрности» или не признавать. Французскій проектъ вводитъ объективную мѣрку—несоотвѣтствіе обычнымъ условіямъ—и тѣмъ самымъ сокращаетъ область судейскаго усмотрѣнія. Въ этомъ нельзя не видѣть крупнаго преимущества проекта. 2) По § 11 проекта опорочивается не вся сдѣлка, а только тѣ условія договора, которыя подходятъ подъ указанные признаки. И тутъ § 11 выгодно отличается отъ своихъ образцовъ, ибо даетъ рабочему возможность защищаться противъ эксплоатаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заинтересованъ въ сохраненіи договора въ силѣ.

Вторая глава проекта посвящена «коллективнымъ соглашеніямъ объ условіяхъ труда». Она интересна уже тѣмъ, что составляетъ первую попытку подробной законодательной нормировки цивистической стороны этого сложнаго и труднаго института. Входить въ предѣлахъ настоящей замѣтки въ критическую оцѣнку соотвѣтственныхъ постановленій проекта нѣтъ никакой возможности. Для этого намъ пришлось бы развернуть во всей ширѝ многочисленные вопросы, связанные съ тарифнымъ соглашеніемъ, начиная съ терминологіи и опредѣленія природы института до деталей, затронутыхъ проектомъ. Въ литературѣ [2]) и судебной практикѣ эта матерія пока еще находится въ состояніи броженія, нѣтъ почти ни одного пункта, по которому можно было бы говорить объ установившемся взглядѣ; отрицается даже частноправовой и договорный характеръ тарифныхъ соглашеній. Мы поэтому ограничимся краткимъ указаніемъ на главнѣйшіе вопросы въ этой области и на способы ихъ разрѣшенія въ занимающемъ насъ проектѣ.

Соглашеніе между союзомъ или группою рабочихъ и отдѣльнымъ работодателемъ или союзомъ или группою работодателей, коимъ опредѣляются условія труда для будущихъ рабочихъ договоровъ, называется нѣмцами тарифнымъ договоромъ, а французами—коллективнымъ договоромъ или коллективнымъ соглашеніемъ. Послѣдніе термины не совсѣмъ точны, ибо не всякое коллективное соглашеніе устанавливаетъ будущія условія

---

[1]) Проектъ обязат. права ст. 1036: Заключившій договоръ, коимъ создается явное несоотвѣтствіе между дѣйствіемъ одной и дѣйствіемъ другой стороны, можетъ о[illegible]аривать договоръ, если несоотвѣтствіе достигнуто путемъ использованія нужды и [illegible] легкомыслія потерпѣвшаго.

[2]) Французская литература о тарифномъ договорѣ указана наиболѣе полно у [illegible] *Lynaud*: „Le contrat collectif de travail“, 1901 и *Rundstein*: „Tarifverträge nach f[illegible]azösischem Privatrecht“, 1905, общая литература вопроса въ официальномъ изданіи германскаго *Statistisches Amt*: „Der Tarifvertrag des deutschen Reiches“, Bd. I и у [illegible] *undstein*: „Die Tarifverträge und die moderne Wissenschaft“, 1906; см. также [illegible] *rtmann*: „Zur Lehre vom Tarifvertrage въ Woli's Zeitschr. fur Socialwiss“, 1907, [illegible] I.

труда; какъ мы видѣли, иногда группою рабочихъ коллективно совершается настоящій рабочій договоръ. Соглашеніями объ условіяхъ будущихъ договоровъ на практикѣ обыкновенно завершались стачки рабочихъ. Постепенно установился взглядъ, что ими можно не только прекращать, но и предупреждать массовыя столкновенія. Это естественно должно было породить стремленіе къ узаконенію въ интересахъ соціальнаго мира коллективныхъ соглашеній и даже къ обязательности коллективной нормировки условій труда заинтересованными сторонами подъ угрозою въ противномъ случаѣ нормировать ихъ принудительно. На послѣдній путь до сихъ поръ вступила только Зеландія и нѣкоторые Австралійскіе Штаты [1]), гдѣ условія труда въ извѣстныхъ предѣлахъ устанавливаются государствомъ. Европейскія и американскія законодательства не рѣшаются на столь радикальныя мѣры, но нѣкоторыя изъ нихъ создали спеціальныя учрежденія для разбора массовыхъ разногласій и приведенія сторонъ къ коллективному соглашенію [2]), обязывая или косвенно заставляя ихъ обращаться къ услугамъ примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ. Съ подобнымъ же проектомъ во Франціи въ 1901 году выступилъ Мильеранъ [3]), по мысли котораго работодатели, обязавшіеся подвергать свои споры съ рабочими третейскому разбору, должны пользоваться разными преимуществами, а выборному третейскому суду должно принадлежать право, когда стороны не приходятъ къ соглашенію, понудительно нормировать условія труда. Проектъ Мильерана потерпѣлъ въ палатѣ депутатовъ полное фіаско, чѣмъ и былъ предрѣшенъ путь дальнѣйшаго французскаго законодательства. Составителямъ проекта закона о рабочемъ договорѣ осталось только регулировать цивилистическую сторону коллективныхъ соглашеній, не приводя ихъ въ связь съ болѣе общимъ вопросомъ публичнаго права о законодательной нормировкѣ условій труда. Проектъ строго держится этихъ рамокъ, изъ которыхъ онъ выходитъ одинъ только разъ: ст. 18 устанавливаетъ презумпцію, что стороны, если противное не явствуетъ изъ заключеннаго ими рабочаго договора, подчинились условіямъ существующаго въ данной мѣстности для данной профессіи коллективному соглашенію. Послѣднее такимъ образомъ пріобрѣтаетъ значеніе нормы обычнаго права, дополняющей соглашеніе сторонъ.

Спорный во французской литературѣ [4]) вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще коллективное соглашеніе юридическую силу, разрѣшается проек-

---

[1]) *Siegfried*: „La démocratie en Nouvelle-Zélande“ 1904 p., 109 сл.; *Métin*: „L'législation ouvrière et sociale en Australie et Nouvelle-Zélande“, Paris, 1901 (офиц. изданіе); *Max Gisi*: „Einigungsamt und Schiedsgericht Basel“, 1907 (швейц. офиц. изданіе), Tarifvertrag I стр. 88 сл. (тамъ же указана дальнѣйшая литература).

[2]) См. обзоръ этихъ учрежденій у Гизи, ук. соч.

[3]) Текстъ этого проекта напечатанъ въ Tarifvertrag, I, стр. 122 сл.

[4]) См., напримѣръ, отрицательное рѣшеніе вопроса у Planiol ук. соч. (3-е и II § 1838: C'est une sorte de traité de paix, qui n'a d'autre sanction que la gri Обзоръ другихъ теорій см. у Rundstein ук. соч. стр. 47 сл.

томъ согласно съ установившеюся судебною практикою въ положительномъ смыслѣ. Въ отличіе отъ рабочаго договора оно устанавливаетъ условія будущихъ договоровъ, не порождая правоотношеній между опредѣленными индивидами. Отъ предварительнаго индивидуальнаго договора (pactum de contrahendo) оно отличается своимъ эвентуальнымъ характеромъ: коллективное соглашеніе опредѣляетъ условія труда на случай, если члены такой-то группы вступятъ въ договоръ съ такими-то лицами. Заключать договоръ можетъ «союзъ или группа рабочихъ съ однимъ или нѣсколькими работодателями», однако только союзы пользуются правомъ предъявленія иска по поводу нарушенія соглашенія (ст. 20); о такомъ правѣ неорганизованной группы, какъ цѣлаго, проектъ не упоминаетъ; слѣдовательно искать и отвѣчать на судѣ могутъ только отдѣльные заинтересованные или причастные къ нарушенію члены группы. Дѣйствіе коллективнаго соглашенія обусловлено соблюденіемъ письменной формы и взносомъ акта на храненіе въ судъ, гдѣ всякій можетъ знакомиться съ его содержаніемъ (ст. 13). Содержаніе его зависитъ отъ усмотрѣнія сторонъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что срокъ дѣйствія не можетъ превышать пяти лѣтъ. Это постановленіе вызвано опасеніемъ, чтобы тарифные договоры не лишали работодателей и рабочихъ возможности приноравливаться при совершеніи рабочихъ договоровъ къ мѣняющимся условіямъ хозяйственной жизни. Если срокъ не указанъ, соглашеніе дѣйствительно въ теченіе одного года.

Практически наиболѣе важный и теоретически наиболѣе трудный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ далеко распространяется дѣйствіе тарифнаго договора, т.-е. кто имъ связывается и какія послѣдствія влечетъ за собою его нарушеніе. Проектъ даетъ слѣдующій отвѣтъ на эти вопросы: если въ уставѣ союза или въ самомъ соглашеніи не постановлено противное, коллективное соглашеніе обязательно для лицъ, состоящихъ членами союза или группы въ моментъ его совершенія, для поступившихъ впослѣдствіи въ члены союза и для присоединившихся къ соглашенію. Такимъ образомъ соглашеніе связываетъ весь наличный составъ союза или группы, хотя бы они потомъ и вышли изъ него, а также всѣхъ присоединившихся впослѣдствіи, при чемъ вступленіе въ союзъ разсматривается какъ присоединеніе къ коллективному соглашенію. Послѣдствія соглашенія наступаютъ съ абсолютною силою, независимо отъ воли сторонъ; потому, когда лица, обязанныя коллективнымъ соглашеніемъ, включатъ несогласныя съ нимъ постановленія въ рабочій договоръ, то такія постановленія не дѣйствительны, и замѣняются «автоматически» соотвѣтственными условіями коллективнаго соглашенія. Если же только одна изъ сторонъ, совершивши ихъ такой договоръ, была обязана коллективнымъ соглашеніемъ, рабочій договоръ остается въ силѣ, но нарушившій соглашеніе отвѣтственъ за его неисполненіе.

Профессіональные союзы во Франціи по закону 1884 года имѣютъ характеръ юридическихъ лицъ; они, слѣдовательно, могутъ выступать на судѣ въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ. Но отвѣчаютъ ли они непо-

средственно или субсидіарно за нарушеніе отдѣльными членами тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ заключенныхъ союзомъ коллективныхъ соглашеній [1])? Это, какъ извѣстно, der wunde Punkt въ вопросѣ о профессіональныхъ союзахъ. Претендуя на право дѣйствовать не только отъ имени союза какъ цѣлаго, какъ юридическаго лица, но и отъ имени его членовъ, какъ ихъ законный представитель, союзы, однако, не могутъ мириться съ имущественною отвѣтственностью за неисполненіе договора отдѣльными членами, ибо это грозило бы имъ поглощеніемъ средствъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе нуждъ рабочихъ. «Совершенно недопустимо,—говорится по этому поводу въ объяснительной запискѣ къ германскому проекту [2]),—чтобы государство надѣляло частноправовое соединеніе лицъ правомъ причинять убытки, освободивъ ихъ отъ обязанности къ возмѣщенію таковыхъ. За профессіональными союзами можетъ быть признана правоспособность, но не правоспособность привилегированная за счетъ третьихъ лицъ». Съ большимъ вниманіемъ къ интересамъ рабочихъ отнеслись составители французскаго проекта. Они, не боясь упрека въ непослѣдовательности, постановили, что союзы лишь въ той мѣрѣ отвѣчаютъ по обязательствамъ, вытекающимъ изъ коллективныхъ соглашеній, въ какой это опредѣлено въ самомъ соглашеніи.

Другая область, въ которой составители проекта имѣли передъ собою еще нетронутое французскимъ законодателемъ поле, это правила внутренняго распорядка, коимъ посвящена 3-я глава проекта. Тутъ, правда, они могли широко пользоваться опытомъ и примѣромъ другихъ странъ [3]): Германія, Австрія, Венгрія, Швейцарія, Россія, Испанія и Румынія уже посвятили этому институту спеціальные законы или регулируютъ ихъ въ уставѣ о промышленности. Къ нимъ въ 1896 году присоединилась Бельгія, гдѣ правила получили болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Такъ какъ опубликованіе хозяевами правилъ внутренняго распорядка, какъ показалъ опытъ, значительно облегчаетъ органамъ надзора контроль надъ внутреннею жизнью заведенія, то во всѣхъ законодательствахъ на первомъ планѣ стоитъ требованіе, чтобы хозяева издавали для извѣстныхъ категорій предпріятій такія правила, а потомъ уже опредѣляется порядокъ изданія, содержаніе и степень ихъ обязательности. Французскій проектъ не послѣдовалъ ихъ примѣру. Онъ никому не вмѣняетъ въ обязанность издавать правила, но разъ они существуютъ, они должны соотвѣтствовать установленнымъ въ законѣ требованіямъ и влекутъ за

---

[1]) Этотъ вопросъ возникалъ неоднократно въ судебной практикѣ по поводу отвѣтственности союзовъ за послѣдствія стачекъ и локаутовъ, ими организованныхъ. Онъ недавно былъ на разсмотрѣніи англійскаго парламента и въ настоящее время занимаетъ германскій рейхстагъ. См. „Entwurf eines Gesetzes betr. gewerbl. Berufsreine", Berlin, 1906; тамъ же обзоръ законодательства о профессіональныхъ союзахъ.

[2]) Entwurf, стр. 14.

[3]) *Koehne:* „Die Arbeitsordnung vom Standpunkt der vergleichenden Rechtswissenschaft въ Zeitschr. f. vergl. Rw. Band XV; *Bodeux:* Etudes sur le contrat de travail", 1896, стр. 209 сл.; *Oertmann:* „Die rechtliche Natur der Arbeitsordnung".

собою опредѣленныя въ законѣ послѣдствія. Вопросъ о юридической природѣ правилъ внутренняго порядка вызываетъ не меньше споровъ, чѣмъ природа тарифнаго договора. Правила издаются въ исполненіе требованія закона и со времени ихъ изданія силою закона становятся содержаніемъ всякаго рабочаго договора, относящагося къ данному заведенію. Это придаетъ имъ публично-правовой характеръ, свойство объективныхъ нормъ, установленныхъ хозяиномъ въ силу предоставленной ему автономной власти надъ своимъ предпріятіемъ и занятыми въ немъ рабочими. Съ другой стороны, правила обязательны только для того, кто добровольно нанимается на работу и слѣдовательно добровольно подчинился опредѣленнымъ въ нихъ условіямъ труда. Отсюда дѣлается выводъ, что правила составляютъ проектъ или оффертъ договора, добровольно принятый рабочимъ. Первая теорія не объясняетъ, на чемъ основано предоставленіе хозяину публично-правовыхъ функцій въ сферѣ гражданско-правовыхъ отношеній, и совершенно не согласуется съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ въ изданіи правилъ участвуютъ представители рабочихъ. Второй взглядъ оставляетъ открытымъ вопросъ, почему изданныя правила обязательны впредь до ихъ отмѣны для самого хозяина, почему онъ не властенъ, пока они дѣйствуютъ, отступиться отъ нихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Намъ кажется, что насколько вопросъ идетъ объ обязательности правилъ (а не объ обязанности къ ихъ изданію), мы имѣемъ дѣло съ новымъ, сложившимся въ своеобразной атмосферѣ промышленнаго труда институтомъ частнаго права. Какъ тарифный договоръ есть двустороннее соглашеніе, опредѣляющее содержаніе будущихъ рабочихъ договоровъ, такъ правила внутренняго распорядка имѣютъ природу односторонняго заявленія объ условіяхъ будущихъ договоровъ, которое впредь до отмѣны или до истеченія указаннаго имъ же срока, признается обязательнымъ для заявителя и, если имъ соблюдены всѣ требованія закона относительно порядка ихъ изданія, становится ipso jure содержаніемъ каждаго заключаемаго имъ въ сферѣ дѣйствія правилъ рабочаго договора. Французскій проектъ не даетъ опредѣленія юридической природы правилъ. Установивъ обязательное и факультативное содержаніе правилъ (ст. 23—25) и порядокъ ихъ изданія (ст. 26), авторы признаютъ ихъ обязательными для подчинившихся имъ рабочихъ на все время дѣйствія рабочаго договора (ст. 29), лица же, нанятыя раньше изданія правилъ, имѣютъ выборъ принять ихъ или расторгнуть договоръ. Отсюда видно, что составители проекта стоятъ на почвѣ договорной теоріи, видятъ основаніе обязательности правилъ въ молчаливомъ или явномъ одобреніи ихъ рабочими. Участіе рабочихъ въ составленіи правилъ проектомъ отвергается; имъ только предоставляется до вступленія правилъ въ законную силу извѣстный срокъ для сообщенія хозяину (непосредственно или черезъ судъ) своихъ замѣчаній, которыя для него отнюдь не обязательны.

Гораздо меньше оригинальности и склонности къ новаторству авторы проекта проявили въ послѣднихъ двухъ главахъ о послѣдствіяхъ рабо-

чаго договора и о его прекращеніи. Въ этой области вниманіе законодателя сосредоточивается по необходимости не столько на цивилистическихъ вопросахъ, сколько на соціально-политическихъ задачахъ охраны рабочаго отъ послѣдствій его зависимаго положенія. Въ этомъ отношеніи составители проекта, повидимому, не сочли возможнымъ идти значительно дальше положеній, уже санкціонированныхъ дѣйствующимъ закономъ или судебною практикой для нѣкоторыхъ областей промышленнаго труда. Предложенія Société d'études législatives о регулированіи времени, мѣста и способа расплаты съ рабочими, объ ограниченіи права работодателя на зачетъ и удержаніе, о срокахъ для разсчета и др. не вошли въ проектъ, какъ относящіяся лишь къ нѣкоторымъ видамъ промышленнаго труда, а не ко всѣмъ рабочимъ договорамъ. На томъ же основаніи, правда, въ проектъ не вошли также статьи о денежныхъ взысканіяхъ (штрафахъ) съ рабочихъ. Охранительнымъ характеромъ постановленій этого отдѣла объясняется, что они за немногими исключеніями имѣютъ силу понудительныхъ нормъ, не могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы соглашеніемъ сторонъ; иначе они при экономическомъ неравенствѣ сторонъ не могли бы достигнуть цѣли. Интересы рабочаго охраняются въ троякомъ отношеніи: относительно личной безопасности, обезпеченія вознагражденія и неотъемлемости заработной платы. Въ первомъ отношеніи проектъ повторяетъ постановленія германскаго и бельгійскаго закона объ обязанностяхъ хозяина къ принятію должныхъ мѣръ огражденія жизни, здоровья и нравственности рабочаго (ст. 41). Мѣры къ обезпеченію права на вознагражденіе и къ сохраненію рабочему заработной платы построены на томъ соображеніи, что трудящіеся въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ другого источника дохода, какъ свой трудъ, что они матеріально не обезпечены, и потому неполученіе ожидаемаго заработка ставитъ ихъ и членовъ семьи въ весьма тяжелое положеніе. На этомъ основаніи 1) судьѣ въ случаѣ перерыва въ работѣ, происшедшей безъ вины рабочаго, вслѣдствіе стихійныхъ обстоятельствъ, предоставляется присуждать по своему усмотрѣнію вознагражденіе за время перерыва [1]), 2) за лицами, работающими по сдѣльному разсчету признано право на возмѣщеніе убытковъ, если они, находясь въ распоряженіи работодателей, были поставлены послѣднимъ въ невозможность работать, 3) суммы, удерживаемыя изъ заработной платы рабочаго въ видѣ залога или обезпеченія, не должны превышать $^1/_{10}$ части слѣдуемаго ему къ каждому сроку платежа. Этимъ постановленіемъ дополняется дѣйствующій французскій законъ объ арестѣ и переуступкѣ (цессіи) жалованья, построенной на той же системѣ опредѣленія максимальной доли, которая можетъ подлежать вычету. При обсужденіи этого вопр раздавались голоса въ пользу признанія неприкосновенности извѣстн минимума заработка, необходимаго на содержаніе самого рабочаго и семьи. Но это предложеніе не встрѣтило сочувствія.

---

[1]) Ср. § 1381 швейцарскаго проекта 1905 года.

Не дальше обобщенія дѣйствующаго промышленнаго законодательства авторы проекта пошли также въ послѣдней главѣ о прекращеніи и расторженіи рабочаго договора. Для работодателя внезапное оставленіе рабочимъ (въ обширномъ смыслѣ слова) своей работы или службы далеко не всегда безразлично, а иногда даже разорительно. Но несравненно болѣе тяжело перерывъ дѣятельности отзывается на интересахъ трудящагося. Тутъ экономическое неравенство сторонъ сказывается съ полною ясностью: возможность прекращенія договорнаго отношенія хотя съ точки зрѣнія закона одинакова для работодателя и рабочаго, но фактически она, по общему правилу, далеко не въ равной мѣрѣ предоставлена той и другой сторонѣ, ибо для рабочаго въ громадномъ большинствѣ случаевъ трудъ—единственный источникъ матеріальнаго существованія. Борьба съ этимъ неравенствомъ составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ проблемъ законодательной политики. При господствѣ принципа невмѣшательства въ сферу наемнаго труда, хозяева не только оставляли за собою полную свободу дѣйствія при увольненіи рабочихъ, но часто одновременно ограничивали право послѣднихъ на расторженіе договора, требуя отъ нихъ предварительнаго отказа. Законодательства многихъ странъ запретили установленіе неравныхъ условій прекращенія рабочаго договора въ нѣкоторыхъ областяхъ промышленнаго труда и вмѣнили обѣимъ сторонамъ въ обязанность соблюдать при прекращеніи договора одинаковый срокъ для завленія объ отказѣ. Та же цѣль—уравненіе положенія договаривающихся сторонъ—привела нѣкоторыя законодательства къ установленію уголовной кары за самовольное прекращеніе рабочими договора. Такъ какъ съ низшаго промышленнаго рабочаго въ большинствѣ случаевъ взять нечего, а съ хозяевъ убытки могутъ быть взыскиваемы, то такая мѣра, казалось бы, только возстанавливаетъ справедливое равновѣсіе. Какъ извѣстно, и наше отечественное законодательство въ этомъ пунктѣ вступило на этотъ путь, хотя указанная мѣра съ формальной стороны не можетъ быть признана ни справедливою, ни разумною. Имущественная необезпеченность рабочаго фактически даетъ работодателю громадное преимущество и матеріальную выгоду, въ сравненіи съ которыми убытки, причиняемые ему самовольнымъ расторженіемъ договора, совершенно ничтожны.

На неудовлетворительность современной постановки вопроса о прекращеніи договора въ законодательствѣ и на желательныя реформы неоднократно указывалось въ литературѣ. По мнѣнію Флеша [1]) не только послѣдствія прекращенія рабочаго договора неизмѣримо болѣе тягостны для рабочаго, чѣмъ для работодателя, но самое увольненіе часто производится по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ промышленнымъ интересомъ хозяина, наприм., вслѣдствіе политическихъ или религіозныхъ убѣжденій рабочаго или какого-либо поступка, относящагося къ его част-

---

[1]) *Flesch:* „Zur Kritik des Arbeitsvertrages". Iena, 1901. См. также *Jocelyn Perraud:* „De la resiliation du louage", Paris, 1897.

ной жизни. Флешъ требуетъ, чтобы суду дано было право провѣрять основанія увольненія рабочаго и, если они не серьезны, присуждать съ хозяина причиненные убытки рабочему; «если же судъ убѣдится, что прекращеніе договора вызвано причинами, не имѣющими ничего общаго съ экономическими цѣлями и задачами рабочаго договора, съ дѣловыми соображеніями работодателя и положеніемъ предпріятія и съ исполненіемъ рабочимъ своихъ обязанностей», то такое прекращеніе договора должно влечь за собою не только возмѣщеніе убытковъ, но даже наложеніе пени (Busse) на работодателя. Контроль надъ мотивами, побудившими работодателя къ закономѣрному отказу отъ службы едва ли осуществимъ при современныхъ условіяхъ капиталистическаго производства. Постановка, предложенная Флешомъ, приблизила бы насъ къ системѣ перпетуаціи или «стабилизаціи» рабочаго договора, т.-е. къ переводу рабочихъ на положеніе лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и подлежащихъ увольненію только по основаніямъ, точно указаннымъ въ законѣ,—системѣ, примѣняемой въ настоящее время лишь въ нѣкоторыхъ казенныхъ и государственныхъ предпріятіяхъ [1]). Отъ составителей проекта нельзя было ожидать включенія столь радикальныхъ мѣръ въ общій законъ о прекращеніи рабочаго договора. Но едва ли имъ слѣдовало ограничиться возведеніемъ въ общую норму требованія о соблюденіи обѣими сторонами въ одинаковой мѣрѣ предварительнаго отказа при безсрочномъ наймѣ, къ чему въ сущности сводится все содержаніе 5 главы проекта. Не впадая въ излишній радикализмъ и не опережая законодательства другихъ передовыхъ странъ, можно, наприм., подчинить требованію предварительнаго отказа наемъ на опредѣленный срокъ и для выполненія опредѣленной работы, дабы не оставлять рабочихъ до послѣдняго дня въ неизвѣстности, будетъ ли продолжаться срокъ договора или нѣтъ; можно далѣе указать въ законѣ основанія (помимо force majeure, о которой упоминается въ ст. 44), оправдывающія одностороннее расторженіе договора безъ предварительнаго отказа, запретить увольненіе рабочихъ безъ уважительныхъ причинъ въ такое время, когда имъ по условіямъ производства чрезвычайно трудно найти другую работу (сезонный наемъ) и т. д.

Въ одномъ отношеніи проектъ рѣзко отступился отъ господствующаго взгляда французской судебной практики. Кассаціонный сенатъ неоднократно высказывался въ томъ смыслѣ, что стачкою прекращаются договорныя отношенія между рабочимъ и работодателемъ. Авторы проекта въ заключительной 56 ст. рѣшаютъ этотъ вопросъ иначе. Стачка, какъ показываетъ опытъ, въ дѣйствительности вовсе не означаетъ окончательнаго разрыва служебнаго отношенія; напротивъ, стороны обыкновенно ведутъ пе[illegible] воры, обращаются къ третейскому суду и вообще принимаютъ мѣры

---

1) См. *Schmoller:* „Grundriss der Volksvirtsschaftslehre", II, стр. 278 и сл. (тамъ указана экономическая литература вопроса), *Steinbach*, Erwerb und Beruf, [illegible] *Zwidenek-Südenhorst*. Zur Lehre von den Lohnformen, 1904.

его возстановленію. Они только добиваются иного толкованія договора, устраненіе какого-нибудь фактическаго повода къ неудовольствію или измѣненія какого-нибудь пункта условія. Стачка завершается въ большинствѣ случаевъ компромиссомъ, и рабочее отношеніе продолжается между тѣми же лицами. Руководствуясь указаніями жизни, авторы проекта признаютъ, что стачка не прекращаетъ, а только пріостанавливаетъ дѣйствіе рабочаго договора, если противное не явствуетъ изъ заявленія той или иной стороны, или изъ ея отказа подчиниться примирительному разбирательству или третейскому суду. Исключеніе составляетъ государственная служба и работа въ предпріятіяхъ, связанныхъ съ національною обороной; тутъ по соображеніямъ общественной пользы стачка ipso facto прекращаетъ рабочій договоръ.

Разсмотрѣнный нами французскій законопроектъ представляетъ въ высшей степени интересный опытъ нормировки въ гражданскомъ законѣ правоотношеній, созданныхъ рабочимъ договоромъ. Составителямъ проекта пришлось учитывать элементъ экономическаго перевѣса работодателя надъ рабочимъ, составляющій характерную особенность этихъ правоотношеній, и вѣдаться съ созданными жизнью формами и институтами, природа которыхъ еще не выяснена наукой съ достаточною опредѣленностью и плохо укладывается въ господствующія цивилистическія понятія. Они вывели рабочій договоръ изъ круга спеціальнаго промышленнаго законодательства въ сферу общегражданскаго права и пытались фиксировать нормы, имѣющія общее значеніе для всей обширной области приложенія наемнаго труда. Достигнутые ими результаты, на нашъ взглядъ, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія цивилистовъ и законодателей всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Л. Таль.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Проектъ закона о рабочемъ договорѣ, представленный французской палатѣ депутатовъ въ 1906 году.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Совершеніе рабочаго договора.

Ст. 1. Рабочій договоръ—есть договоръ, коимъ одно лицо обязуется работать для другого, который въ свою очередь обязуется платить ему вознагражденіе, исчисленное или сообразно съ продолжительностью труда, или соразмѣрно съ качествомъ и количествомъ работы, или на какомъ-либо другомъ основаніи по соглашенію между работодателемъ и рабочимъ *).

*) Въ проектѣ вмѣсто обычныхъ во французскомъ рабочемъ законодательствѣ именъ „patron и ouvrier“ употреблены болѣе общіе термины „employeur и employé“, что указываетъ на намѣреніе авторовъ распространять дѣйствіе закона на всѣ виды труда въ указанныхъ въ ст. 1 предѣлахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда проектъ имѣетъ въ виду исключительно промышленныхъ рабочихъ, употребляется терминъ

Не подлежатъ постановленіямъ настоящей главы договоры лицъ, предлагающихъ свой трудъ не одному или нѣсколькимъ опредѣленнымъ работодателямъ, а публикѣ.

Ст. 2. То обстоятельство, что рабочій доставляетъ вмѣстѣ съ своимъ трудомъ также и матеріалъ, не служитъ препятствіемъ къ признанію соглашенія рабочимъ договоромъ, если только можетъ матеріалъ быть разсматриваемъ какъ принадлежность труда.

Ст. 3. Рабочій договоръ называется „индивидуальнымъ договоромъ", когда онъ заключается отдѣльнымъ работодателемъ съ отдѣльнымъ рабочимъ.

Ст. 4. Рабочій договоръ называется „групповымъ договоромъ" (contrat d'équipe), когда онъ заключается работодателемъ съ группою (collectivité) рабочихъ или ихъ представителями.

Ст. 5. Когда рабочіе, нанятые при условіяхъ, указанныхъ въ первой статьѣ, должны для выполненія работы организовать отряды или бригады или руководить ими, они силою закона признаются дѣйствующими при сношеніяхъ съ рабочими, входящими въ составъ отряда или бригады, въ качествѣ уполномоченныхъ хозяина предпріятія.

Противъ этого предположенія не допускаются никакія доказательства.

Ст. 6. Къ совершенію рабочаго договора примѣняются положенія общаго права съ ниже указанными отступленіями.

Ст. 7. Обязываться къ работѣ можно только на время или на опредѣленное предпріятіе.

Ст. 8. По дѣламъ о рабочемъ договорѣ при отсутствіи письменнаго акта всегда допускаются свидѣтельскія показанія независимо отъ суммы иска.

Ст. 9. Независимо отъ того, изложенъ ли рабочій договоръ на письмѣ или заключенъ словесно, или вытекаетъ единственно изъ того обстоятельства, что рабочій съ согласія работодателя фактически принималъ участіе въ работахъ на складѣ или въ заведеніяхъ, стороны при отсутствіи правилъ внутренняго распорядка или коллективнаго соглашенія признаются подчинившимися относительно всѣхъ условій, въ договорѣ прямо не предусмотрѣнныхъ, обычаямъ той мѣстности и той профессіи.

Ст. 10. Рабочій, заключающій договоръ, только тогда признается согласившимся на условія, включенныя работодателемъ въ правила внутренняго распорядка, если эти условія опубликованы въ порядкѣ, указанномъ ниже, въ ст. 26 и 27 главы III, и если работодателемъ доказано, что правила доведены до свѣдѣнія лично этого рабочаго.

Только при наличности тѣхъ же обстоятельствъ рабочій признается согласившимся на измѣненіе условій существующаго рабочаго договора посредствомъ правилъ внутренняго распорядка.

Ст. 11. Недозволеннымъ должно считаться всякое постановленіе рабочаго договора, которымъ одна сторона, пользуясь нуждою, легкомыслiемъ или неопытностью другой, обременяетъ ее условіями, находящимися въ явномъ несоотвѣтствіи либо съ обычными для данной профессіи или мѣстности условіями, либо съ цѣнностью или важностью обѣщанныхъ услугъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О коллективныхъ соглашеніяхъ относительно условій труда.

Ст. 12. Предварительно совершенія индивидуальнаго рабочаго договора одни или нѣсколькими работодателями могутъ быть заключаемы съ союзомъ или груп

„ouvrier", которому противопоставляется, съ одной стороны, „serviteur", съ друг... „employé progrement dit". Мы переводимъ employé словомъ „рабочій", ouvrier—и... мышленный рабочій, serviteur и gens de service—домашняя прислуга, а employé p... prement dit—служащій.

рабочихъ или съ представителями обѣихъ сторонъ, спеціально на то уполномоченными, коллективныя соглашенія либо въ формѣ предусмотрѣнной уставомъ союза, либо какимъ-либо другимъ способомъ.

Этими коллективными соглашеніями опредѣляются извѣстныя условія, которымъ должны удовлетворять индивидуальные договоры, совершаемые впослѣдствіями лицами, могущими требовать примѣненія постановленій, содержащихся въ тѣхъ соглашеніяхъ.

Работодатели могутъ обязываться примѣнять соглашеніе, пока оно дѣйствуетъ, либо къ извѣстнымъ категоріямъ своего персонала, либо только къ рабочимъ, участвовавшимъ въ совершеніи сдѣлки непосредственно или черезъ представителей.

Рабочіе могутъ обязываться соблюдать соглашеніе либо только по отношенію къ подписавшимъ его работодателямъ, либо при всякомъ договорѣ, заключаемомъ съ какимъ бы то ни было работодателемъ въ опредѣленной мѣстности, пока соглашеніе дѣйствуетъ.

Ст. 13. Коллективное соглашеніе объ условіяхъ труда должно быть изложено на письмѣ; оно должно быть—подъ угрозою недѣйствительности—внесено на храненіе въ секретаріатъ промысловаго суда или, если нѣтъ промысловаго суда *), въ канцелярію мирового суда того мѣста, гдѣ соглашеніе состоялось.

Справки о немъ должны выдаваться безвозмездно каждому просителю; засвидѣтельствованныя копіи могутъ быть выдаваемы заинтересованнымъ лицамъ по заявленіи ими ходатайства и за ихъ счетъ.

Взносъ на храненіе совершается по просьбѣ стороны, которая первая о немъ позаботится, но за общій счетъ.

Размѣръ вознагражденія чиновъ канцеляріи, порядокъ выдачи справокъ и порядокъ покрытія расходовъ и жалованій будутъ опредѣлены особымъ декретомъ.

Ст. 14. Коллективное соглашеніе не можетъ заключаться на срокъ болѣе пяти лѣтъ.

При отсутствіи соглашенія о продолжительности дѣйствія коллективнаго соглашенія, оно признается обязательнымъ для сторонъ въ теченіе одного года.

Если въ сроки, предусмотрѣнные сторонами или при отсутствіи таковыхъ до истеченія срока коллективнаго соглашенія ни одною изъ сторонъ не заявленъ отказъ, дѣйствіе соглашенія признается продолженнымъ на новый періодъ, равный прежнему.

Ст. 15. Если въ уставахъ союзовъ или въ самомъ коллективномъ соглашеніи явно не опредѣлено противное, то подчинившимися обязательствамъ, вытекающимъ изъ этого коллективнаго соглашенія, признаются рабочіе и работодатели, бывшіе въ то время, когда соглашеніе состоялось, членами союза или группы, заключившей соглашеніе, или лица, присоединившіяся впослѣдствіи къ союзу или къ соглашенію.

Ст. 16. Когда между работодателемъ и рабочимъ, связанными на основаніи предшествующей статьи коллективнымъ соглашеніемъ, состоится рабочій договоръ, то положенія, установленныя этимъ соглашеніемъ, примѣняются къ отношеніямъ, порождаемымъ рабочимъ договоромъ, не взирая на уговоръ о противномъ.

Ст. 17. Когда только одна изъ сторонъ, участвовавшихъ въ рабочемъ договорѣ, должна быть признана связанною постановленіями коллективнаго соглашенія, то эти постановленія примѣняются къ отношеніямъ, вытекающимъ изъ рабочаго договора, лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ уговора о противномъ.

Но тогда сторона, связанная коллективнымъ соглашеніемъ, соблюденіе котораго (ю для нея обязательно даже по отношенію къ лицамъ, въ немъ не участвовавшимъ (. 12, § 3 и 4), если она приняла условія, противорѣчащія—по отношенію къ этимъ

*) Во Франціи Conseils des prud'hommes существуютъ не вездѣ, а учреждаются 1 авительствомъ каждый разъ по особому ходатайству для опредѣленнаго района и (ѣленныхъ профессій; имъ подсудны не всѣ споры между рабочими и работода- 1 ями, а только споры, возникающіе изъ рабочаго договора въ заведеніяхъ, указан- 1 ъ въ регламентѣ даннаго промысловаго суда.

лицамъ—положеніямъ коллективнаго соглашенія, можетъ быть привлечена къ гражданской отвѣтственности за неисполненіе принятыхъ ею на себя обязательствъ.

Ст. 18. Когда для данной профессіи или мѣстности существуетъ только одно коллективное соглашеніе объ условіяхъ труда, внесенное, въ порядкѣ указанномъ въ ст. 13, на храненіе въ секретаріатъ промысловаго суда или въ канцелярію мирового суда, то пока противное не доказано и пока соглашеніе сохраняетъ силу, предполагается, что работодатели и рабочіе согласились подчинить правоотношенія, вытекающія изъ заключенныхъ ими рабочихъ договоровъ, положеніямъ этого коллективнаго соглашенія.

Ст. 19. Обязательства, которыя приняли на себя союзы, участвующіе въ коллективномъ соглашеніи объ условіяхъ труда, точно опредѣляются въ самомъ соглашеніи.

Ст. 20. Союзы, участвовавшіе въ коллективномъ соглашеніи объ условіяхъ труда въ качествѣ стороны, могутъ предъявлять всѣ иски, вытекающіе изъ этого соглашенія какъ въ своемъ интересѣ, такъ и въ интересахъ своихъ членовъ съ ихъ согласія.

Въ частности они могутъ требовать судебнымъ порядкомъ исполненія соглашенія и возмѣщенія убытковъ въ случаѣ неисполненія его какъ лицами или союзомъ, съ которыми они вступили въ коллективное соглашеніе, такъ и своими же членами, нарушившими положенія коллективнаго соглашенія.

Когда коллективное соглашеніе состоялось между союзомъ или группою рабочихъ и нѣсколькими работодателями, то каждый работодатель и каждый рабочій, входящіе въ составъ союза или группы, одинаково можетъ требовать въ свою пользу судебнымъ порядкомъ исполненія или возмѣщенія убытковъ отъ лицъ, вступившихъ съ нимъ въ соглашеніе и нарушившихъ вытекающія изъ него обязательства.

Ст. 21. Постановленія настоящей главы относятся ко всѣмъ лицамъ, способнымъ обязываться коллективнымъ соглашеніемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О правилахъ внутренняго распорядка.

Ст. 22. Въ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ, не исключая государственныхъ, окружныхъ и коммунальныхъ, въ которыхъ существуютъ правила внутренняго распорядка, эти правила подчиняются постановленіямъ настоящей главы.

Ст. 23. Въ правилахъ внутренняго распорядка, насколько это позволяетъ характеръ предпріятія, должны быть указаны:

1. Порядокъ опредѣленія заработной платы, и особенно: получаетъ ли рабочій плату по часамъ, поденно, сдѣльно или за исполненіе опредѣленнаго заказа.

2. Когда рабочій получаетъ плату сдѣльно или за исполненіе опредѣленнаго заказа, то способъ измѣренія и контроля.

3. Сроки платежа заработной платы.

4. Если пребываніе рабочихъ въ помѣщеніяхъ предпріятія требуется только для полученія сырыхъ матеріаловъ или для сдачи изготовленной работы, то въ правилахъ должны быть указаны дни и часы, въ которые они имѣютъ доступъ въ помѣщеніе.

Ст. 24. Тамъ, гдѣ это допускаетъ характеръ предпріятія, правила внутрен распорядка должны еще указывать:

1. Права и обязанности лицъ, на которыхъ возложенъ надзоръ и пути, о тые промышленнымъ рабочимъ для жалобъ на вышеуказанныхъ лицъ или въ с какихъ-либо недоразумѣній.

2. Выдачи натурою, которыя дѣлаются рабочему въ счетъ заработной пл

3. Продолжительность срока для предварительнаго отказа.

4. Если установлены взысканія или штрафы, то характеръ взысканій, размѣръ штрафовъ и ихъ назначеніе.

Ст. 25. Правила внутренняго распорядка могутъ сверхъ того заключать въ себѣ всякія предписанія относительно охраненія здоровья, безопасности, нравственности и соблюденія приличія.

Ст. 26. До вступленія въ силу новыя правила, а также всякія измѣненія дѣйствующихъ правилъ должны быть доведены до свѣдѣнія рабочихъ посредствомъ вывѣшеннаго о нихъ объявленія.

Въ теченіе не менѣе 8 дней съ момента вывѣшиванія, хозяинъ предпріятія предоставляетъ въ распоряженіе рабочихъ реестръ или тетрадь, гдѣ они лично или черезъ своихъ уполномоченныхъ могутъ записывать свои замѣчанія.

Изложенное постановленіе не служитъ препятствіемъ къ примѣненію законовъ, устанавливающихъ для опредѣленныхъ случаевъ болѣе продолжительные сроки.

Въ теченіе того же восьмидневнаго срока рабочіе могутъ лично или письменно сообщать свои замѣчанія предсѣдателю промысловаго суда, или, если такового нѣтъ, мировому судьѣ. Предсѣдатель промысловаго суда или мировой судья передаютъ замѣчанія спустя не болѣе трехъ дней по ихъ полученіи хозяину предпріятія, не указывая фамилій подписавшихъ лицъ.

По истеченіи вторичнаго восьмидневнаго срока новыя или измѣненныя правила вывѣшиваются второй разъ съ припиской „замѣчанія разсмотрѣны". Послѣ этого они вступаютъ въ силу по истеченіи срока, равнаго по меньшей мѣрѣ сроку, обычному въ данной профессіи для предварительнаго отказа, но не раньше, чѣмъ черезъ полные 8 дней. Хозяинъ предпріятія имѣетъ право назначить болѣе продолжительный срокъ; если онъ этимъ правомъ воспользовался, то въ вывѣшенномъ проектѣ должно быть упомянуто, съ какого времени правила вступаютъ въ силу.

Если однако новыя или измѣненныя правила заключаютъ въ себѣ на основаніи статьи 25-й спеціальныя постановленія, касающіяся охраненія здоровья, безопасности, нравственности и соблюденія приличія, то эти постановленія вступаютъ въ силу со дня ихъ вывѣшиванія и не подлежатъ формальностямъ, предусмотрѣннымъ въ статьяхъ 26 и 27.

Ст. 27. Новыя или измѣненныя правила должны содержать подписанное хозяиномъ предпріятія удостовѣреніе въ томъ, что мнѣніе рабочихъ было спрошено надлежащимъ порядкомъ въ формѣ, предусмотрѣнной предшествующей статьею. Въ противномъ случаѣ онѣ недѣйствительны.

Ст. 28. До вступленія въ силу при условіяхъ предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 26 и 27 новыхъ или измѣненныхъ правилъ продолжаютъ дѣйствовать прежнія правила или обычаи.

Ст. 29. Правила, изданныя въ порядкѣ, опредѣленномъ настоящими постановленіями обязательны для сторонъ, пока между ними существуетъ договорное отношеніе, какъ въ части, содержащей вышеуказанныя непремѣнныя постановленія, такъ и въ части, содержащей факультативныя постановленія, устанавливающія условія рабочаго договора.

Ст. 30. Правила вывѣшиваются и остаются въ помѣщеніи предпріятія на видномъ мѣстѣ.

Каждый рабочій имѣетъ право снимать съ нихъ копіи.

Ст. 31. *Переходныя постановленія.* Хозяевамъ предпріятія предоставляется шестимѣсячный срокъ со времени опубликованія настоящаго закона, чтобы согласовать свои правила внутренняго распорядка съ вышеизложенными постановленіями.

Дѣйствующія нынѣ правила сохраняютъ силу, насколько ихъ предписанія не противорѣчатъ постановленіямъ настоящей главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣдствія рабочаго договора.

Ст. 32. Послѣдствія рабочаго договора опредѣляются соглашеніемъ сторонъ, насколько это соглашеніе не противорѣчитъ общественному порядку, требованіямъ нравственности или закону, въ частности законамъ, регулирующимъ условія труда и вознагражденіе.

Отдѣлъ I. Обязанности работодателя.

§ 1. Вознагражденіе за трудъ.

Ст. 33. Когда вознагражденіе за работу зависитъ отъ измѣренія, взвѣшиванія, разсчета или какой-либо провѣрки, имѣющей цѣлью опредѣлить количество и качество сработаннаго, рабочій всегда имѣетъ право, не взирая на соглашеніе о противномъ, контролировать эти дѣйствія лично или черезъ уполномоченныхъ.

Предусмотрѣнныя въ договорахъ данныя, необходимыя для исчисленія заработной платы, опредѣленной индивидуальнымъ договоромъ или коллективнымъ соглашеніемъ, подлежатъ тѣмъ же правиламъ.

Ст. 34. Когда рабочій, получающій плату поштучно, сдѣльно или за исполненіе опредѣленнаго заказа, задерживается въ распоряженіи работодателя на мѣстѣ работы, въ своемъ мѣстѣ жительства или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ и дѣйствіями работодателя поставленъ въ невозможность работать, онъ имѣетъ право на вознагражденіе, соотвѣтствующее причиненному ему убытку. Всякое соглашеніе о противномъ недѣйствительно.

Ст. 35. Когда рабочій имѣетъ право на долю прибыли, опредѣленную въ договорѣ, работодатель обязанъ, не взирая на соглашеніе о противномъ, снабжать его или третье лицо, на которомъ стороны согласились, всѣми данными, необходимыми для того, чтобы контролировать исчисленіе этой доли.

Ст. 36. Вычеты изъ вознагражденія, сдѣланные въ видѣ залога или въ цѣляхъ обезпеченія, не могутъ, не взирая на соглашеніе о противномъ, превышать $^1/_{20}$ части уплачиваемой каждый разъ суммы. Удержанныя суммы должны быть внесены подъ отвѣтственностью работодателя третьему лицу по выбору сторонъ; если же между ними нѣтъ согласія, то мировому судьѣ. Допускается однако уговоръ о томъ, чтобы эти суммы оставались у работодателя, пока не достигнутъ размѣра мѣсячнаго заработка.

Ст. 37. Требованія рабочихъ объ уплатѣ вознагражденія за послѣдніе шесть мѣсяцевъ пользуются преимущественнымъ удовлетвореніемъ наравнѣ съ требованіями, указанными въ § 4 ст. 2101 гражданскаго кодекса. Преимущество распространяется на истекшій и на текущій годъ, когда оно относится къ требованіямъ домашней прислуги.

Ст. 549 торговаго кодекса, насколько она противорѣчитъ настоящей статьѣ, отмѣняется.

Ст. 38. Уплата работодателемъ несовершеннолѣтнему рабочему слѣдуемаго ему вознагражденія признается дѣйствительною, если со стороны отца или опекуна рабочаго не послѣдовало возраженіе.

Если же такое возраженіе было заявлено посредствомъ заказного письма или внѣсудебнымъ порядкомъ, то мировой судья либо по собственному почину, либо по ходатайству родственника или друга можетъ по выслушаніи или вызовѣ отца, или опекуна уполномочить несовершеннолѣтняго на полученіе всей или части заработной платы.

Ст. 39. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда занятіе рабочаго не имѣетъ постоянно [illegible] ходящій характеръ, отъ усмотрѣнія суда зависитъ опредѣлить, слѣдуетъ ли рабочему [illegible] и въ какомъ размѣрѣ заработная плата, если работа была внезапно прервана вслѣдствіе стихійнаго событія. При этомъ судъ долженъ принять въ соображеніе [illegible] предваренія объ отказѣ, а также продолжительность его службы.

§ 2. Условія труда.

Ст. 40. Насколько это не противорѣчитъ соглашенію или обычаю, работодатель обязанъ доставлять рабочему сотрудниковъ, инструменты и матеріалы, нужные для совершенія работы. Если работодатель доставляетъ ихъ за плату, онъ, не взирая на соглашеніе о противномъ, не можетъ назначить цѣну выше рыночной.

Работодатель ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права удерживать принадлежащія рабочему вещи или инструменты, служащіе для работы. Въ противномъ случаѣ онъ отвѣчаетъ на общемъ основаніи. Соглашеніе о противномъ недѣйствительно.

Ст. 41. Работодатель обязанъ заботиться о томъ, чтобы условія исполненія работы не грозили здоровью, безопасности или нравственности рабочаго. Онъ долженъ оставлять ему время, необходимое для выполненія его гражданскихъ и семейныхъ обязанностей.

Когда работодатель даетъ рабочему столъ и квартиру, онъ долженъ это дѣлать такъ, чтобы нравственности и здоровью рабочаго не грозила опасность. Сверхъ того и не взирая на соглашеніе о противномъ, онъ обязанъ обезпечить рабочему за свой счетъ первую медицинскую помощь въ случаѣ увѣчья или болѣзни, пока рабочій состоитъ у него на службѣ. Этимъ онъ не освобождается отъ обязанностей лежащихъ на немъ въ силу спеціальныхъ положеній объ отвѣтственности.

Изложенныя обязательства толкуются болѣе или менѣе строго, смотря по обстоятельствамъ и особенно въ зависимости отъ возраста рабочаго и продолжительности его службы.

Отдѣлъ II. Обязанности рабочаго.

Ст. 42. При исполненіи договора рабочій обязанъ:

1. Производить работу тщательно, сообразуясь съ предписаніями и указаніями работодателя и его представителей. 2. Соблюдать приличіе и требованіе нравственности. 3. Избѣгать всего, что способно подвергать опасности его самого, его сотрудниковъ и третьихъ лицъ.

Онъ долженъ возвращать работодателю въ хорошемъ состояніи неиспользованный сырой матеріалъ, а также инструменты и другіе ввѣренные ему предметы. Онъ однако не отвѣчаетъ ни за ухудшеніе и порчу, происшедшія вслѣдствіе нормальнаго пользованія этими предметами, ни за случай, ни за стихійныя событія.

Ст. 43. Рабочій только тогда при исполненіи работы можетъ замѣнить себя другимъ лицомъ, если это право ему предоставлено договоромъ или обычаемъ. Въ такомъ случаѣ выборъ замѣстителя долженъ быть явно или молчаливо одобренъ работодателемъ. Насколько это не противорѣчитъ соглашенію, замѣститель всецѣло вступаетъ въ положеніе, которое по договору занималъ замѣщенный; онъ имѣетъ непосредственный искъ къ работодателю и работодатель къ нему. Замѣщенный освобождается отъ всякой отвѣтственности за выборъ замѣстителя и за его провинности.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Прекращеніе и расторженіе рабочаго договора.

Ст. 44. Обязательства, вытекающія изъ рабочаго договора, прекращаются либо по основаніямъ, предусмотрѣннымъ въ договорѣ, какъ, напр., истеченіе установленнаго срока, окончаніе работы, либо вслѣдствіе стихійнаго событія, либо по волѣ сторонъ при наличности нижеуказанныхъ условій.

Ст. 45. Рабочій договоръ, заключенный на неопредѣленный срокъ, можетъ быть во всякое время прекращенъ каждою изъ сторонъ, участвовавшихъ въ договорѣ.

Ст. 46. Однако, исключая особо указанные ниже случаи, сторона, желающая прекратить договоръ, обязана предупредить объ этомъ другую сторону не менѣе, чѣмъ за недѣлю, когда договоръ заключенъ съ промышленнымъ рабочимъ или съ домашнею прислугою и не менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ, когда договоръ заключенъ со служащимъ или съ промышленнымъ рабочимъ, занимающимъ равное со служащимъ положеніе.

Ст. 47. Сроки, предусмотрѣнные предшествующею статьею, могутъ быть по ходатайству заинтересованныхъ лицъ сокращаемы или увеличиваемы для опредѣленной профессіи или спеціальности, для извѣстнаго заведенія или мѣстности, если произведеннымъ разслѣдованіемъ будетъ установлено, что сокращенные или увеличенные такимъ образомъ сроки согласны съ мѣстными обычаями или соотвѣтствуютъ видамъ предпринимателей и рабочихъ.

Заинтересованныя лица обращаются съ ходатайствомъ къ мировому судьѣ. Разслѣдованіе производится коммиссіею, составляемой и дѣйствующей примѣнительно къ порядку, установленному статьями 2, 3, 4, 5 и 6 закона 27 декабря 1902 года.

Ст. 48. Въ періодъ между отказомъ и прекращеніемъ промышленный рабочій долженъ располагать по меньшей мѣрѣ двумя часами въ день, чтобы искать работы.

Ст. 49. Когда договоръ, заключенный на опредѣленный срокъ, непосредственно по истеченіи срока возобновляется сторонами, то на послѣднихъ распространяются постановленія настоящаго закона объ обязанности къ предварительному отказу.

Ст. 50. Требованіе предварительнаго отказа непримѣнимо, когда предоставленіе услугъ продолжалось меньше двухъ недѣль по договору съ промышленнымъ рабочимъ или прислугою и меньше мѣсяца по договору со служащимъ. Кромѣ того, это требованіе не примѣняется и въ томъ случаѣ, когда договоръ прекращается вслѣдствіе стихійнаго событія или грубой вины.

Ст. 51. Измѣненія, внесенныя въ дѣйствующій индивидуальный рабочій договоръ правилами внутренняго распорядка, на принятіе которыхъ рабочими не было изъявлено согласіе и которыя не примѣнялись безъ возраженія съ ихъ стороны въ теченіе срока, установленнаго для предварительнаго отказа, составляютъ для рабочихъ законный поводъ къ расторженію договора.

Ст. 52. Сторона, не соблюдавшая срока, предусмотрѣннаго предшествующими постановленіями, обязана къ возмѣщенію убытковъ въ размѣрѣ платы за время, установленное для предварительнаго отказа.

Ст. 53. Эти убытки не совпадаютъ съ убытками, сверхъ того причиненными противозаконнымъ прекращеніемъ договора одною изъ договаривающихся сторонъ. Для выясненія вопроса о наличности злоупотребленія судъ можетъ произвести разслѣдованіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ расторженіе договора. Онъ обязанъ во всякомъ случаѣ допросить сторону, порвавшую договорное отношеніе, о мотивахъ расторженія.

Ст. 54. Въ послѣднемъ случаѣ, при опредѣленіи размѣра возмѣщаемаго ущерба, принимаются во вниманіе обычаи, характеръ обѣщанныхъ услугъ, истекшее время (службы), вычеты и взносы, сдѣланные въ цѣляхъ обезпеченія пенсіи, и вообще всѣ обстоятельства, подтверждающія существованіе и размѣръ причиненнаго ущерба.

Стороны не могутъ отказаться на будущее время отъ права требовать возмѣщенія убытковъ, принадлежащаго имъ на основаніи постановленій настоящей статьи.

Ст. 55. Когда необходимыя при примѣненіи предстоящихъ параграфовъ провѣрочныя дѣйствія производятся гражданскимъ судомъ первой инстанціи и апелляціоннымъ судомъ, то эти дѣла разбираются въ сокращенномъ порядкѣ и разрѣшаются внѣ очереди.

Ст. 56. Стачка, если это не противорѣчитъ изъявленной тою или другою стороною волѣ, пріостанавливаетъ дѣйствіе рабочаго договора.

Отказъ одной изъ сторонъ прибѣгнуть къ примирительному производству и арбитражу въ порядкѣ, установленномъ спеціальными законами, разсматривается какъ расторженіе договора со стороны отказавшагося.

На общественной службѣ и въ государственныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, дѣятельность которыхъ не можетъ быть прервана безъ нарушенія интересовъ [illegible] родной обороны, стачка или прекращеніе работы по соглашенію ipso facto расторгаетъ рабочій договоръ.

Вольтеръ и Фридрихъ Великій.

Георга Брандеса.

Переводъ съ датскаго.

Не часто встрѣчалось во всемірной исторіи, чтобы правитель вступалъ въ такія отношенія къ великому, творческому уму, которыя пріобрѣли бы значеніе для нихъ обоихъ.

Въ древности Аристотель былъ наставникомъ Александра, и Александръ доставлялъ ему книги и присылалъ ему во время своихъ походовъ матеріалъ для его научныхъ занятій. Но Александръ не могъ оказать никакого вліянія на философа. Цезарь и Цицеронъ знали другъ друга. Цицеронъ былъ политическимъ противникомъ Цезаря; Цезарь, тѣмъ не менѣе, чтилъ въ немъ представителя литературы и за его нападки платилъ ему рыцарскимъ вниманіемъ; но ни Цезарь не былъ обязанъ Цицерону умственнымъ обогащеніемъ, ни Цицеронъ Цезарю.

Въ новой исторіи отношенія между Гёте и Карломъ Августомъ продолжались съ ранней молодости того и другого до кончины владѣтельнаго князя. Гёте былъ обязанъ герцогу Веймарскому обезпеченнымъ положеніемъ, а этому положенію—не малымъ жизненнымъ опытомъ. Но умственныхъ впечатлѣній Гёте не получалъ отъ своего государя. Несмотря на выдающіяся качества, Карлъ Августъ не былъ геніемъ.

Новѣйшее время знаетъ отношенія между Рихардомъ Вагнеромъ и Людвигомъ II. Благодаря королю Людвигу, Вагнеръ пользовался благосостояніемъ и возможностью спокойно работать; но король не оказывалъ никакого умственнаго вліянія на композитора.

I.

Историческія отношенія между Вольтеромъ и Фридрихомъ Великимъ представляютъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Это отношенія не гармоническія. Въ первыя пятнадцать лѣтъ это—энтузіазмъ; затѣмъ они надламываются и порываются, вслѣдствіе недисциплинированности Воль-

тера и раздраженія Фридриха; затѣмъ разрывъ сглаживается, и дружба держится всю жизнь. Эти отношенія служатъ свидѣтельствомъ свойственнаго XVIII вѣку космополитизма, ибо государь и писатель принадлежатъ здѣсь различнымъ націямъ, хотя говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Но рѣшающій фактъ тотъ, что писатель и монархъ здѣсь оба геніи,— больше того, наиболѣе признанные геніи вѣка, и что они оказываютъ вліяніе другъ на друга.

Когда Вольтеръ получилъ въ августѣ мѣсяцѣ 1736 г. первое письмо отъ Фридриха, кронпринца прусскаго, ему шелъ 42 годъ. Автору письма было 24 года. Вольтеръ уже тогда былъ европейски знаменитъ, и большинство считало его самымъ значительнымъ писателемъ вѣка. Фридрихъ былъ молодой принцъ, извѣстный пока только тѣмъ, что ему пришлось претерпѣть.

Онъ пострадалъ за свои наклонности и умственные задатки, какъ Вольтеръ за свое остроуміе и революціонирующую силу своихъ идей. Оба они были жертвами грубой жестокости своей эпохи и произвола извѣстной правительственной системы.

22-хъ лѣтъ отъ роду Вольтеръ уже попалъ въ Бастилію и просидѣлъ въ ней годъ по простому подозрѣнію, что онъ—авторъ сатирическихъ стиховъ въ память Людовика XIV, которыхъ онъ и не думалъ писать. Когда это недоразумѣніе разъяснилось, регентъ пригласилъ его къ обѣду. За столомъ Вольтеръ сказалъ: «За заботу о моемъ содержаніи я благодаренъ вашему королевскому высочеству. Но о своей квартирѣ я въ будущемъ предпочитаю заботиться самъ».

И вотъ, послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ блисталъ въ лучшихъ кругахъ Франціи, пользовался милостями двора и удачными спекуляціями нажилъ себѣ состояніе, онъ былъ низвергнутъ съ этой высоты однимъ изъ тѣхъ униженій, которымъ при французскомъ абсолютизмѣ такъ легко подвергалась буржуазія. Одинъ вельможа, шевалье де Роганъ-Сабо, фельдмаршалъ, никогда не бывавшій на войнѣ, получивъ отъ Вольтера язвительный отвѣтъ на грубое къ нему обращеніе, заманилъ его въ западню и велѣлъ своимъ лакеямъ его избить. Когда Вольтеръ отвѣтилъ на это вызовомъ, г. Роганъ-Сабо засадилъ его снова въ Бастилію, и онъ вырвался оттуда послѣ мѣсячнаго заключенія только на томъ условіи, что эмигрируетъ въ Англію. Тамъ онъ оставался три года.

Когда онъ, усвоивъ себѣ во время пребыванія въ Лондонѣ англійскую культуру, издалъ по возвращеніи на родину свои «Философскія письма», гдѣ, не нападая прямо на французскій строй жизни, изобличалъ его [illegible] ими восхваленіями политической свободы Англіи, неподкупнаго англійск[illegible] судопроизводства, проникнутыхъ любовью къ правдѣ англійской фил[illegible] фіи и литературы, причемъ подчеркивалъ великія свойства Шекспира, М[illegible] тона и Попа, а главное, Декарту, превозносимому тогда во Франціи, [illegible] тивопоставлялъ Ньютона и Локка,—противъ него поднялась буря не[illegible] дованія. Книга его была конфискована и по приговору французскаго [illegible]

ламента сожжена палачомъ 10 іюня 1734 г. Былъ изданъ приказъ объ арестѣ автора. Вольтеръ бѣжалъ въ Голландію, а когда буря улеглась, нашелъ себѣ убѣжище въ замкѣ Сирэ (Cirey) въ Шампани, близъ границы, гдѣ прожилъ слѣдующія десять лѣтъ у своей пріятельницы, маркизы Шателе, «божественной Эмиліи», какъ ее называлъ ея поклонникъ.

Судьба Фридриха была не менѣе тяжка. Его отецъ, идеализированный Карлейлемъ, но со своими хорошими организаторскими способностями соединявшій вспыльчивость и упрямство, при всей своей честности бывшій грубымъ и жестокимъ, составилъ для него планъ воспитанія, изъ котораго было исключено все безполезное, въ томъ числѣ латинскій языкъ и литература. Король ненавидѣлъ все иностранное; если онъ допускалъ французскій языкъ, то потому лишь, что нѣмецкій въ то время едва ли еще считался языкомъ. Онъ любилъ собственноручно поколотить своихъ подданныхъ на улицѣ, когда они тѣмъ или другимъ вызывали его неудовольствіе.

Такъ какъ Фридрихъ въ юношескіе годы увлекался запрещенными ему занятіями, дѣлалъ долги, не интересовался военными смотрами, то отецъ потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ престолонаслѣдія. Когда онъ отказался это сдѣлать, король сталъ варварски преслѣдовать его и издѣвался надъ нимъ, называя его трусомъ за то, что онъ сноситъ такое обращеніе. Въ 1730 г. Фридрихъ задумалъ бѣжать въ Англію. Но перехваченное письмо къ его другу Катте выдало королю этотъ планъ. Онъ снова сталъ ужаснѣйшимъ образомъ оскорблять сына и назначилъ военный судъ, долженствовавшій приговорить его къ смерти. Это вѣдь было въ стилѣ времени. Двѣнадцатью годами раньше Петръ Великій повелѣлъ засѣчь насмерть своего сына Алексѣя. Такъ какъ прусскій военный судъ повиновался менѣе слѣпо, чѣмъ русскій, то король удовольствовался тѣмъ, что подвергъ принца строгому тюремному заключенію въ Кюстринѣ.

Семнадцати-восемнадцатилѣтнимъ юношей Фридрихъ питалъ нѣжныя чувства къ дочери школьнаго учителя въ Потсдамѣ и аккомпанировалъ ей на флейтѣ, когда она играла на клавесинѣ. Король приказалъ палачу водить ее вокругъ Потсдамской площади и стегать ее плетью на глазахъ у черни и принца.

Въ Кюстринѣ другъ Фридриха, Катте, посвященный въ планъ его бѣгства, былъ обезглавленъ предъ его окномъ. Фридрихъ могъ на прощанье протянуть ему руку.

II.

Въ первыхъ своихъ письмахъ Фридрихъ обращается къ Вольтеру съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія и признательности. Сочиненія Вольтера—сокровища ума. Сколько бы мы ихъ ни перечитывали, они всякій разъ кажутся новыми. Онъ такъ великъ, что ужъ одной своей личностью рѣшаетъ старый споръ о томъ, какая литература выше—древнеклассиче-

ская или современная. Нѣтъ никого, никого безъ исключенія въ Европѣ, чьимъ учителемъ Вольтеръ не могъ бы быть. Принцъ надѣется, что Вольтеръ не сочтетъ его недостойнымъ учиться у него, несмотря на все его ничтожество, ибо что такое рожденіе въ сравненіи съ геніальностью!

Вольтеръ, пріятно пораженный такимъ страстнымъ поклоненіемъ со стороны молодого принца, счастливый тѣмъ, что находится престолонаслѣдникъ, желающій осуществить его идеи, отвѣчаетъ, что такой человѣкъ, какъ Фридрихъ, сумѣетъ водворить золотой вѣкъ въ своемъ государствѣ и съ высоты королевскаго сана вознесется еще выше—къ человѣчности.

Фридрихъ отвѣчаетъ: Возможно ли, что тотъ самый Вольтеръ, которому наши руки воздвигаютъ алтари и статуи, встрѣчаетъ пренебреженіе къ себѣ въ своемъ отечествѣ и живетъ отшельникомъ въ глуши Шампани! Это—парадоксъ, это—загадка.

У Вольтера нѣтъ недостатковъ, кромѣ его превосходства надъ всѣми прочими людьми. Если Фридрихъ когда-либо пріѣдетъ во Францію, то его первымъ вопросомъ будетъ: Гдѣ г. де Вольтеръ? Король, дворъ, Парижъ, Версаль, женщины, удовольствія,—ничто изъ этого не будетъ цѣлью его путешествія.

Оба постоянно возвращаются къ воспоминаніямъ о классической древности. Вольтеръ получаетъ у Фридриха имя Аполлона или Сократа, Фридрихъ у Вольтера имя Траяна или Тита; онъ соединяетъ талантъ Вергилія съ добродѣтелями Августа.

Фридрихъ объясняетъ въ риемахъ: Тотъ стихъ, въ которомъ ты помѣстилъ мое имя, какъ ставятъ статую святого въ нишѣ, даруетъ мнѣ безсмертіе. Безъ тебя это имя заняло бы мѣсто только въ генеалогической таблицѣ.

Фридрихъ имѣлъ манію писать изо дня въ день посредственные французскіе стихи. Онъ сталъ ихъ посылать теперь Вольтеру, чтобы получать ихъ отъ него въ исправленномъ видѣ. Онъ замѣчательно хорошо, для иностранца, владѣлъ французскимъ языкомъ, такъ какъ писалъ и говорилъ только по-французски, но его художественное образованіе не стояло настолько высоко, чтобъ онъ могъ понять невозможность быть поэтомъ-лирикомъ на какомъ-либо языкѣ, кромѣ роднаго; еще менѣе понималъ онъ, что, несмотря на превосходную свою риторику, самъ онъ ничуть не былъ поэтомъ. Въ одахъ, которыми, согласно письмамъ Вольтера, «его королевское высочество соблаговолило украсить французскую поэзію», слово *amitié* имѣетъ четыре слога вмѣсто трехъ, *carrière* три вмѣсто четырех; а *tête* риемуетъ съ *trompette*, *j'ose* («я смѣю») пишется *j'ause; tra* (черты лица)—tres.

Эти письма съ такой медлительностью путешествовали къ своимъ ад сатамъ, что Фридрихъ называетъ непостижимо быстрымъ срокомъ, ко письмо отъ 17 апрѣля уже 9 мая попадаетъ къ нему въ руки. Въ ни махъ этихъ обнаруживаются два сильныхъ ума. Ничего нѣтъ удивит

наго въ томъ, что Вольтеръ уже съ самаго начала кажется намъ много выше въ умственномъ отношеніи, чѣмъ юноша Фридрихъ, но черезъ какихъ-нибудь полтора года встрѣчаются столкновенія между ихъ мыслями, въ которыхъ Фридрихъ является болѣе свободнымъ отъ предразсудковъ и болѣе послѣдовательнымъ мыслителемъ, какъ, напримѣръ, при разборѣ философіи Вольфа въ вопросѣ о детерминизмѣ или свободной волѣ.

Вольтеръ отличается въ письмахъ не столько остроуміемъ, сдѣлавшимся для потомства его главной характерной чертой, сколько яспостью, гибкостью и граціей. Въ наше время онъ уже не считается лирическимъ поэтомъ; но прозаическій стиль его обладаетъ энергіей, никогда не измѣняющей ему увѣренностью и при этомъ игривой легкостью и обаяніемъ, которыя никѣмъ не были превзойдены,—это было обаяніе силы. Въ этомъ человѣкѣ былъ неистощимый запасъ электричества, непрерывно дѣйствовавшій даже въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ, такъ что онъ двигалъ впередъ окружающихъ, снабжалъ впечатлѣніями весь современный ему міръ, наносилъ удары и металъ искры.

III.

Когда Фридрихъ 31 мая 1740 г. становится королемъ, онъ получаетъ наконецъ возможность лично познакомиться съ Вольтеромъ, и эта мысль наполняетъ его восторгомъ, несмотря на множество обступившихъ его сразу заботъ. Онъ дебютируетъ истымъ питомцемъ Вольтера. Его первыя правительственныя дѣйствія,—это отмѣна пытки, отмѣна охотничьей повинности для крестьянъ, упраздненіе гвардіи великановъ въ Потсдамѣ, пріобрѣтенной на вѣсъ золота его отцомъ, возвращеніе на профессорскую каѳедру въ Галле изгнаннаго оттуда мыслителя Вольтера.

Затѣмъ они уговариваются относительно первой своей встрѣчи. Фридрихъ увидитъ эти умныя руки, эти ясныя очи, будетъ лобызать эти краснорѣчивыя уста:

Je baiserai cent fois cette bouche, éloquente
Dans le sérieux et le badin,
Dont la voix, folâtre et touchante,
Va du cothurne au brodequin
Toujours enchanteresse et toujours plus charmante *).

Вольтеръ находится въ это время въ Нидерландахъ, занятый изданіемъ книги Фридриха «Anti-Machiavelli», гдѣ король защищаетъ строго-прямодушную политику, которой самъ не очень то счелъ нужнымъ слѣдовать; книга была направлена противъ французскаго министра, кардинала Флёри.

Вольтеръ проситъ короля захватить съ собою капель, ибо онъ навѣрно

*) Я сто разъ облобызаю эти уста, краснорѣчивыя и въ серьезномъ, и въ шутливомъ,—уста, голосъ которыхъ, рѣзвый и трогательный, переходитъ отъ трагедіи къ комедіи, всегда чарующій и съ каждымъ разомъ болѣе плѣнительный.

упадетъ въ обморокъ отъ радости: Фридрихъ пишетъ: Это будетъ прекраснѣйшій день моей жизни; мнѣ кажется, я умру отъ счастья.

У Фридриха сдѣлалась перемежающаяся лихорадка, вслѣдствіе чего мѣсто свиданія пришлось перемѣнить, и Вольтеръ долженъ былъ самъ поѣхать къ королю.

Въ замкѣ *Moyland* близъ Клева его провели чрезъ рядъ пустыхъ залъ въ комнату съ голыми стѣнами, гдѣ на кушеткѣ, укрытый плащемъ, лежалъ маленькаго роста человѣкъ и трясся отъ лихорадки. Это былъ Фридрихъ. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія лихорадка прекратилась. 11—14 сентября два великихъ человѣка въ первый разъ увидали другъ друга. Мы въ сущности подготовлены къ нѣкоторому разочарованію со стороны Фридриха. Но спустя недѣлю послѣ этого онъ пишетъ Іордану:

Итакъ, я видѣлъ этого Вольтера, съ которымъ мнѣ было такъ любопытно познакомиться. У меня была перемежающаяся лихорадка, и душа моя была настолько же утомлена, насколько тѣло ослаблено. Но съ такими людьми, какъ онъ, нельзя хворать, а нужно быть еще болѣе здоровымъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ обладаетъ краснорѣчіемъ Цицерона, мягкостью Плинія, мудростью Агриппы. Онъ соединяетъ въ себѣ добродѣтели и дарованія трехъ самыхъ великихъ людей античнаго міра (Фридрихъ такъ не глубоко освоился съ характеромъ классической древности, что величайшими людьми ея считалъ Цицерона, Плинія и Агриппу). Его умъ работаетъ безъ перерыва. Каждая капля чернилъ, выходящая изъ-подъ его пера, есть отблескъ генія... Приходится завидовать г-жѣ де-Шателе, что она владѣетъ имъ.

При слѣдующемъ ихъ свиданіи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Вольтеру было дано французскимъ дворомъ дипломатическое порученіе вывѣдать намѣренія Фридриха; но насколько онъ былъ любезенъ, какъ хозяинъ, настолько же оказался непроницаемъ, какъ политикъ, и изумилъ Вольтера не менѣе, чѣмъ Европу, когда, вопреки своему *Anti-Machiavelli*, вопреки только что обнародованному имъ признанію Маріи-Терезіи, вѣроломный и жадный до завоеваній, онъ подъ ничтожнымъ предлогомъ вторгнулся со своей арміей въ Силезію и овладѣлъ этой провинціей. Извиненіемъ для него служитъ слѣдующее: прусская Силезія гораздо лучше австрійской.

Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, съ самаго восшествія своего на престолъ, Фридрихъ тщетно стремится привлечь къ своему двору Вольтера.

Вольтеръ не хочетъ покинуть маркизу Шателе. Фридрихъ не вѣритъ, что его удерживаетъ возлѣ нея только дружба; но если въ началѣ это и были болѣе пламенныя чувства, то это время давно прошло. Ихъ свя вали другъ съ другомъ взаимная симпатія и общность научныхъ заня (Они оба представили на конкурсъ во французскій институтъ, каждый своего имени, сочиненіе о природѣ огня. Премію получилъ Эйлеръ). Р Эмиліи Вольтеръ изучалъ математику и физику, такъ что они сходи. въ культѣ Ньютона. Ради Вольтера Эмилія старалась найти что-нибу привлекательное въ исторіи, отталкивавшей ея математически-точный у

и принуждала себя интересоваться стихами, къ которымъ въ сущности была равнодушна.

Важнѣйшая изъ причинъ, заставлявшихъ ее препятствовать его переселенію въ Пруссію, была та, что она не въ силахъ была съ нимъ разстаться. (Послѣдовать за нимъ она не могла, такъ какъ была замужемъ.) Но у нея была еще и та причина, что она хотѣла обезпечить ему, еслибъ это оказалось возможнымъ, положеніе при версальскомъ дворѣ, и боялась, что онъ утратитъ эту перспективу, если отправится въ Берлинъ.

Въ сороковыхъ годахъ Вольтеръ сдѣлалъ послѣднюю попытку добиться успѣха при французскомъ дворѣ. Его приняла подъ свое покровительство маркиза Помпадуръ, которую онъ зналъ со временъ ея дѣтства, и онъ сдѣлался членомъ академіи, исторіографомъ Франціи, а въ 1746 г. былъ назначенъ камергеромъ (*gentilhomme ordinaire*). Но изящными стихами къ г-жѣ Помпадуръ, въ которыхъ онъ слишкомъ ужъ польстилъ ей относительно ея побѣды надъ королемъ, онъ возстановилъ противъ себя королеву и ея кружокъ, а необдуманнымъ выраженіемъ въ посвященіи г-жѣ Помпадуръ одной пьесы, что нѣкоторыхъ, быть можетъ, удивитъ это посвященіе—вызвалъ и ея неудовольствіе. Для того, чтобъ Вольтеръ достался ему, Фридрихъ коварно подкопался подъ него, подсунувъ черезъ своего представителя въ Парижѣ письма Вольтера, полныя насмѣшекъ надъ вліятельными во Франціи личностями (наприм., епископомъ Мирпуа) имъ самимъ въ руки. Такимъ образомъ попали въ Парижъ и поздравленія Вольтера Фридриху, какъ побѣдителю надъ союзною съ Франціей Австріей. (Презабавно слѣдить въ письмахъ за догадками Вольтера о томъ, гдѣ же обрѣтается этотъ мошенникъ почтмейстеръ, вскрывающій по пути его письма и выдающій ихъ содержаніе. Истина не приходитъ ему въ голову.)

Итакъ, Вольтеръ всюду встрѣчалъ холодность. Набожный Людовикъ XV, кромѣ того, никогда не могъ его терпѣть, отчасти за его вольнодумство, отчасти за отсутствіе у него придворной дисциплины.

Но вотъ Вольтеръ внезапно махнулъ рукой на все это и отправился къ изгнанному изъ Польши Станиславу Лещинскому, державшему небольшой дворъ въ Люневилѣ. Г-жа Шателе вступила здѣсь однако въ любовную связь съ бывшимъ много моложе ея Сенъ-Ламберомъ—странное совпаденіе! тѣмъ самымъ Сенъ-Ламберомъ, которому впослѣдствіи оказала предпочтеніе возлюбленная Жанъ-Жака-Руссо, г-жа д'Удето. Маркиза умерла родами въ сентябрѣ 1749 г. Послѣ того, какъ Вольтеръ лишился ея, ничто болѣе не мѣшало ему сдѣлаться приближеннымъ Фридриха. Онъ хотѣлъ показать версальскому двору, что другіе умѣютъ его цѣнить.

Правда, что его племянница, г-жа Дени, горячо отговаривала его отъ переселенія въ Берлинъ, который, по ея мнѣнію, былъ такой же столицей, какъ Парижъ во времена Гуго Капета; она утверждала, что тамъ настроены относительно его вовсе не благожелательно. Но король, которому Вольтеръ переслалъ ея письмо, опровергъ всѣ вызванныя ею опасенія. Какъ могъ бы я,—отвѣчаетъ Фридрихъ,—причинить несчастіе человѣку,

котораго люблю, который жертвуетъ для меня своимъ отечествомъ и всѣмъ, что людямъ милѣе всего!

Что Фридрихъ не былъ однако вполнѣ надежнымъ поклонникомъ, въ этомъ Вольтеръ долженъ былъ тутъ же убѣдиться. Онъ не только узналъ, что король задумалъ пригласить въ свои литературные корреспонденты Фрерона, самаго ожесточеннаго врага Вольтера, но ему пришлось увидѣть стихи, которые Фридрихъ, можетъ быть, по недостатку въ здравой критикѣ, можетъ быть, съ цѣлью досадить Вольтеру, написалъ Баккюлару д'Арно, маленькому поэтику, казавшемуся вѣрнымъ приверженцемъ Вольтера, и гдѣ значилось: Аполлонъ Франціи находится въ упадкѣ своего таланта; онъ опускается, вы поднимаетесь; его закатъ предвѣщаетъ восходъ еще болѣе прекраснаго солнца.

Врядъ ли что-нибудь способствовало въ большей степени рѣшенію Вольтера испросить себѣ отставку у короля Людовика, чѣмъ эти изумительныя, поддразнивающія строки. Людовикъ холодно принялъ его прошеніе и отнялъ у него должность исторіографа.

IV.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1750 г. Вольтеръ прибылъ въ Потсдамъ и былъ принятъ, какъ полубогъ. Не только король былъ отъ него въ восхищеніи. Каждый день для него накрывали приборъ какъ у вдовствующей королевы, такъ и у молодой супруги Фридриха, которая жила, отвергнутая и покинутая, въ Шёнгаузенѣ близъ Берлина. Онъ завоевалъ равнымъ образомъ симпатіи братьевъ Фридриха, принцевъ прусскихъ. Они играли въ его пьесахъ. Онъ училъ ихъ непринужденно, безъ раболѣпства, съ тѣмъ оживленіемъ, которое всякому умѣлъ передать.

Вслѣдствіе своего слабаго здоровья, онъ избѣгалъ обѣденныхъ собраній у Фридриха. «Тамъ слишкомъ много генераловъ и принцевъ», говорилъ онъ обыкновенно. Но за ужиномъ у короля безъ него не могли обойтись.

Общество состояло изъ всѣхъ видныхъ вольнодумцевъ, которыхъ Фридрихъ собралъ за свой столъ главнымъ образомъ изъ Франціи, но также и изъ другихъ странъ. Разговоръ велся не иначе, какъ по-французски.

Тамъ былъ милый искатель приключеній, маркизъ *д'Аржанъ*, обаятельный, но въ то же время просвѣщенный и ученый.

Тамъ былъ *Ла-Меттри*, знаменитый циникъ и врачъ, изгнанный изъ Голландіи и изъ Франціи за матеріализмъ своихъ сочиненій и не имѣвшій крова, пока Фридрихъ не пріютилъ его у себя. Онъ былъ рьяный атеистъ въ противоположность Фридриху и Вольтеру.

Тамъ былъ *Мопертюи*, математикъ, физикъ и астрономъ, примкнувшій однимъ изъ первыхъ къ ученію Ньютона о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи, избранный Фридрихомъ въ президенты основанной нѣкогда Лейбницемъ берлинской академіи, человѣкъ, дружбой котораго Вольтеръ и г-жа де-Шателе сначала дорожили, но который теперь видѣлъ

Вольтерѣ неудобнаго соперника. Онъ совершилъ когда-то ради научныхъ цѣлей путешествіе въ Лапландію и необычайно гордился имъ, несмотря на то, что оно не представляло никакихъ опасностей. Посредствомъ градуснаго измѣренія онъ доказалъ правильность ученія Ньютона о сплющенности земли у полюсовъ, затѣмъ распивалъ съ офицерами шампанское въ шведскихъ гарнизонныхъ городахъ, а по своемъ возвращеніи заказалъ свой портретъ въ саняхъ, въ шубѣ и мѣховой шапкѣ.

Тамъ былъ храбрый *Шазо*, показавшій себя героемъ въ многочисленныхъ битвахъ.

Тамъ былъ благодушный итальянецъ *Альгаротти*, математикъ и послѣдователь Ньютона, и шотландскій эмигрантъ, *Джорджъ Кейтъ* (Keith), котораго Фридрихъ при своемъ вступленіи на престолъ отправилъ своимъ чрезвычайнымъ посломъ во Францію.

Бесѣды были сплошь и рядомъ безподобны. За этимъ столомъ сидѣли все даровитые люди и всѣ были настроены по одному основному тону.

Фридрихъ, пуская въ ходъ противорѣчіе, умѣлъ заставить своихъ гостей выказывать себя въ самомъ блестящемъ видѣ. Разговоры вращались вокругъ морали, философіи, исторіи, религіи. Но собесѣдниками были скептики и циники, и вольность рѣчи была у нихъ безусловная. То были оргіи издѣвательствъ надъ догматами и предразсудками; самыя распущенныя шутки надъ Библіей и Откровеніемъ, надъ церквами и ихъ служителями, и самыя шаловливыя пересмѣиванія извѣстныхъ современниковъ, какъ монарховъ, такъ и придворныхъ, какъ придворныхъ, такъ и писателей.

Вина пили не много, но зато упивались самыми веселыми и самыми дерзкими остротами. И трапезы затягивались до такого поздняго часа, что у лакеевъ, служившихъ за столомъ, распухали ноги отъ долгаго стоянія.

На этихъ праздникахъ остроумія ярче всѣхъ другихъ блисталъ Вольтеръ своей находчивостью и формой своихъ шутокъ.

Тѣмъ не менѣе, между нимъ и королемъ существовали источники къ разладу.

Вольтеръ предложилъ въ свое время Фридриху сдѣлать выборъ между нимъ и Фреономъ, изобразивъ со своей обычной страстностью своего врага совершенной дрянью. Фридрихъ подчинился, но онъ не любилъ подчиняться.

Когда вслѣдъ затѣмъ нелѣпыя похвалы Фридриха вскружили голову д'Арно, и онъ началъ распространять во Франціи ядовитые и лживые слухи о Вольтерѣ, Вольтеръ долженъ былъ предоставить королю выборъ между нимъ и д'Арно. Выбора собственно не было; но быть поставленнымъ вторично передъ принудительнымъ выборомъ, это не пришлось Фридриху по нраву.

Вольтеръ потребовалъ, чтобъ его путевыя издержки были щедро оплачены королемъ, и всѣ его требованія были исполнены; кромѣ того, ему были даны заманчивыя обѣщанія относительно его матеріальнаго положенія въ будущемъ. Но Фридрихъ, бережливый въ силу суровой необходимости, бережливый

даже до скупости, лишь скрѣпя сердце рѣшался на эти крупныя траты и, несмотря на данное слово, не могъ не сердиться на гостепріимство, которымъ Вольтеръ ежедневно пользовался теперь въ его собственномъ дворцѣ. Желая помучить его, онъ приказалъ отпускать ему недостаточныя порціи сахару и кофе. Тщетно Вольтеръ жаловался на это. Согласно придворнымъ сплетнямъ, онъ мстилъ королю тѣмъ, что продавалъ свѣчи, которыя ему выдавались, а къ себѣ въ комнату бралъ свѣчи изъ королевской гостиной.

Это были еще пустяки. Но всего лишь черезъ пять мѣсяцевъ по его пріѣздѣ въ его отношеніяхъ къ королю образовалась чувствительная трещина. Поводъ былъ слѣдующій:

Курфюрстъ саксонскій выпустилъ бумажныя деньги, такъ называемые *Steuerscheine*, упавшія до половины своей номинальной цѣнности. Послѣ побѣды Фридриха въ мирномъ договорѣ было опредѣлено, что всякому пруссаку, владѣющему этими билетами, должна выплачиваться ихъ полная стоимость. Этотъ неудачно составленный параграфъ послужилъ поводомъ къ не знавшей удержу биржевой игрѣ. Пруссаки задешево покупали эти билеты въ Голландіи и продавали ихъ по ихъ номинальной цѣнѣ. Въ 1748 году скандалъ достигъ такихъ размѣровъ, что Фридрихъ по просьбѣ Саксоніи совершенно запретилъ обращеніе этихъ бумагъ въ Пруссіи.

Вначалѣ Вольтеръ, вѣроятно, думалъ, что на такого рода спекуляціи смотрятъ сквозь пальцы, что для него, во всякомъ случаѣ, будетъ сдѣлано исключеніе. Ибо въ ноябрѣ 1750 г. онъ поручилъ одному еврейскому банкиру, по фамиліи Гиршелю, съѣздить въ Дрезденъ и купить ему такихъ билетовъ на 40,000 франковъ. Но вскорѣ послѣ этого, видя, что въ письмахъ Гиршеля билеты становятся все дороже, и понимая, что эта сдѣлка не понравится королю, онъ послалъ отказъ и предъявилъ вексель Гиршеля къ протесту.

Чтобъ вознаградить Гиршеля и заручиться, кромѣ того, его молчаніемъ, онъ предложилъ ему купить у него на крупную сумму брилліантовъ. Думая, что его надули брилліантами, онъ послѣ этого затѣялъ судебный процессъ съ банкиромъ. Но одинъ уже тотъ фактъ, что королевско-прусскій камергеръ съ орденомъ *pour le mérite* и пенсіей въ 20,000 франковъ ведетъ тяжбу съ еврейскимъ агентомъ сомнительной репутаціи, былъ скандаломъ и, что еще хуже, глупостью.

За отказъ отъ своей подписи Гиршель былъ присужденъ къ штрафу и, кромѣ того, къ выдачѣ одного векселя, который онъ было удержалъ. Можно также думать, что онъ противъ своей совѣсти обвинялъ Вольтера въ томъ, что онъ будто бы уже послѣ подписанія ихъ договора прибавилъ сверху одну строку. Рѣшить этотъ вопросъ нельзя ни при помощи факсимиле снятаго Дэнуартерромъ, ни посредствомъ разсмотрѣнія самаго оригинала.

Но и Вольтеръ велъ себя непохвально. Цѣлыми недѣлями онъ упорно отрицалъ заключеніе имъ договора, въ существованіи котораго долженъ былъ подъ конецъ сознаться. Кромѣ того, онъ, повидимому, невѣрно изложилъ передъ судомъ содержаніе контракта.

Во всякомъ случаѣ, дѣло было грязное. Фридрихъ вышелъ изъ себя, и, такъ какъ онъ любилъ унижать людей, подобно тому, какъ его отецъ любилъ ихъ колотить, то онъ запретилъ Вольтеру показываться ему на глаза, пока будетъ тянуться судебный процессъ. Когда же, послѣ примиренія между тяжущимися, дѣло было формально выиграно Вольтеромъ, король далъ ему почувствовать, что выиграть такой процессъ почти такъ же гадко, какъ и проиграть его.

Совмѣстная жизнь возобновилась однако, хотя уже безъ сердечности первыхъ дней. Фридрихъ началъ теперь проводить грань между геніемъ Вольтера, исключительнымъ въ его глазахъ явленіемъ, и его характеромъ, который онъ ставилъ низко, но о которомъ никогда не умѣлъ тонко судить.

Впрочемъ, при дворѣ Вольтера очень любили, и жизнь такъ складывалась внѣшнимъ образомъ совсѣмъ такъ, какъ и прежде.

Но въ одинъ прекрасный день Ламеттри сказалъ ему по секрету нѣчто такое, что лишило его спокойствія духа. На замѣчаніе о томъ, какъ сильно завидуютъ Вольтеру, пользующемуся такой благосклонностью короля, Фридрихъ будто бы отвѣтилъ: Ба! Мы выжимаемъ апельсинъ и потомъ выбрасываемъ кожу! Вольтеръ заклиналъ Ламеттри сказать ему, не есть ли это простая выдумка, чтобъ его подразнить. Но Ламеттри увѣрялъ, что эти слова были дѣйствительно произнесены.

Вольтеръ почувствовалъ, что почва точно ускользаетъ изъ-подъ его ногъ. Когда же онъ снова собрался потребовать объясненія, Ламеттри уже умеръ; онъ объѣлся страсбургскаго пирога.

Спустя нѣкоторое время Мопертюи сообщилъ Фридриху, что однажды, когда у Вольтера сидѣлъ генералъ Манштейнъ, просившій его сдѣлать поправки въ его *Воспоминаніяхъ о Россіи*, поэту принесли отъ короля стихи для исправленія, на что Вольтеръ сказалъ, обращаясь къ Манштейну: Другъ мой! Зайдите какъ-нибудь послѣ! Вотъ тутъ король прислалъ мнѣ въ стирку свое грязное бѣлье. Въ другой разъ я выстираю и ваше.

Вольтеръ рѣшительно отрекается отъ этой фразы; но она на него похожа, и, во всякомъ случаѣ, Фридрихъ повѣрилъ, что она была имъ сказана, и глубоко оскорбился.

V.

Все шло однако гладко въ теченіе двухъ лѣтъ. Но въ 1752 г. между Мопертюи, черезчуръ возомнившимъ о себѣ, благодаря благоволенію къ нему короля, и его старымъ другомъ, амстердамскимъ профессоромъ Кёнигомъ, превосходнымъ математикомъ, произошли пререканія на научной почвѣ. Мопертюи думалъ, что сдѣлалъ важное открытіе относительно законовъ движенія, установивъ принципъ минимальнаго дѣйствія. Кёнигъ, обязанный Мопертюи своимъ избраніемъ въ члены берлинской академіи, былъ несогласенъ съ нимъ относительно принциповъ движенія, но не рѣшался обнародовать свою критику, потому что зналъ обидчивость президента и

не хотѣлъ задѣть его самолюбіе. Но въ своей заносчивости Мопертюи самъ его вызвалъ на это.

Въ сочиненіи Кёнига было сказано, что, впрочемъ, и у Лейбница была, повидимому, подобная же мысль, какъ и у Мопертюи, что было несомнѣнной истиной, и въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводилъ письмо Лейбница къ нѣкоему профессору Герману.

Страшно разсерженный, Мопертюи пожелалъ увидѣть въ этомъ обвиненіе въ литературной кражѣ, и, такъ какъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ своемъ справедливомъ предположеніи, что у Кёнига не было въ рукахъ подлиннаго письма Лейбница, то онъ заставилъ берлинскую академію, находившуюся въ полной отъ него зависимости, заклеймить поступокъ Кёнига какъ поддѣлку.

Кёнигъ, на сторонѣ котораго былъ здравый смыслъ, аппелировалъ къ публикѣ. Но еще *раньше* его статьи вышла въ свѣтъ маленькая брошюрка «Отвѣтъ одного берлинскаго академика», гдѣ были собраны серьезныя обвиненія противъ Мопертюи, разоблачался его деспотизмъ и его некрасивое поведеніе относительно тихаго ученаго, все преступленіе котораго заключалось въ научномъ несогласіи съ нимъ. За всѣмъ тѣмъ, въ брошюрѣ не было ни одной колкости, ни одного лишняго слова.

Только мастеръ стиля могъ такъ писать, и только одинъ былъ человѣкъ въ Европѣ, владѣвшій этимъ перомъ.

Фридрихъ былъ раздраженъ до послѣдней степени. Въ немъ заговорила отцовская кровь. Президента его академіи осмѣлились поднять на смѣхъ, слѣдовательно, смѣялись надъ его академіей,—слѣдовательно, смѣялись надъ нимъ самимъ!

Онъ рѣшилъ отвѣтить—анонимно—анониному Вольтеру. Навѣрно за этимъ крылось и вызывало броженіе словечко «грязное бѣлье».

Отвѣтъ короля, *Письмо одного берлинскаго академика одному парижскому академику*, неудаченъ. Это одно куреніе ѳиміама передъ Мопертюи, о которомъ въ напыщенномъ стилѣ говорится: Онъ наслаждается у насъ въ Пруссіи еще при жизни той славой, которую Гомеръ стяжалъ спустя долгое время послѣ своей смерти. Города (Берлинъ и Сенъ-Мало) оспариваютъ другъ у друга честь считаться его родиной.—Мопертюи, сопоставленный съ Гомеромъ!

Нападки на президента объясняются самымъ низменнымъ побужденіемъ, неистовствомъ завистника.—Да, дѣло дошло до того, что Фридрихъ не только писалъ теперь противъ Вольтера, но употреблялъ слова: невѣжество, ложь, подлость, клевета, мерзость и т. д.!

Они и теперь попрежнему встрѣчались за трапезами, разговаривали какъ будто ничего не случилось, но какое насиліе должны они были дѣлать надъ собой!

Когда брошюра Фридриха вышла въ свѣтъ первымъ изданіемъ, нѣмецкіе критики не знали, кто авторъ, и трактовали его, какъ человѣка, ничего не смыслящаго въ объектѣ спора. Но затѣмъ появилось второе

даніе съ прусскимъ орломъ, короной, скипетромъ на обложкѣ, и всякимъ сомнѣніямъ пришелъ конецъ.

Еслибъ Вольтеръ былъ проникнутъ невозможностью ситуаціи и хотѣлъ прежде всего сохранить свои добрыя отношенія къ королю, то ему не оставалось теперь ничего другого, какъ остановиться, предать все дѣло забвенію и оставить Мопертюи въ покоѣ.

Но увы! При всей своей гибкости онъ не былъ придворнымъ, а былъ мятежнымъ, непокорнымъ поэтомъ и, вопреки придворному тону, самымъ неукротимымъ существомъ. Недаромъ же былъ онъ самымъ остроумнымъ человѣкомъ, какой только жилъ на свѣтѣ со временъ Аристофана и Лукіана. Остроты не давали ему ни отдыху, ни сроку, и онъ не былъ въ силахъ удержать про себя какое-нибудь красное словцо. Онъ долженъ былъ строить проказы и интриги, какъ Мольеровскій Скапенъ, разсчитывая въ худшемъ случаѣ ото всего отпереться. Вѣдь онъ же постоянно былъ анонименъ. Онъ былъ вынужденъ къ этому чисто-русскими условіями того времени. Онъ пишетъ въ одномъ письмѣ: Вѣдь у меня всегда остается исходъ: отолгаться ото всего съ моей обычной честностью.

Правда, онъ не написалъ ни одной строки противъ короля, проглотилъ безъ единой гримасы грубыя оскорбленія, которыя шли отъ него. Но онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поцарапать жалкаго Марсіаса, Мопертюи, захотѣвшаго состязаться съ нимъ, получившимъ отъ самого короля имя Аполлона.

Своей граціей антилопы и силой тигра Вольтеръ намъ, позднѣйшимъ поколѣніямъ, напоминаетъ нѣсколько другого «бѣса Божіей милостью», Генриха Гейне, сказавшаго: Это правда, я не былъ ягненкомъ. Но еслибъ ягненку дать когти и зубы тигра, то можно ли повѣрить, что онъ не сталъ бы пускать ихъ въ ходъ?

Мопертюи, который въ то время былъ боленъ и не могъ заняться болѣе крупными работами, только что издалъ тогда подъ заглавіемъ *Письма* рядъ мелкихъ статей, полныхъ смѣшныхъ гипотезъ и предложеній.

Въ этомъ еще собственно не было бѣды. Гольбергъ дѣлалъ иногда такія вещи. Нѣчто подобное сдѣлалъ и Ренанъ въ своихъ *Философскихъ діалогахъ*, гдѣ предлагается выращивать геніевъ на новомъ Олимпѣ и заставлять ихъ утверждать свое господство на землѣ при помощи взрывчатыхъ веществъ.

Но Мопертюи безъ всякаго вкуса далъ волю своимъ сумасшедшимъ фантазіямъ. Онъ дѣлалъ слѣдующія предложенія:

Прорыть громадное отверстіе, чтобы достигнуть центра земли.

Основать цѣлый латинскій городъ, гдѣ говорили бы проповѣди, вели судебные процессы, играли комедіи на латинскомъ языкѣ, чтобы тамошнее юношество въ одинъ годъ успѣвало усвоить себѣ столько латыни, сколько другіе не успѣваютъ за всю свою жизнь.

Анатомировать мозгъ у высокихъ особъ, чтобъ видѣть, болѣе ли онъ развитъ, чѣмъ у другихъ людей.

Платить врачамъ гонораръ только въ томъ случаѣ, если больной выздоравливаетъ—и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Эта книга съ ея нелѣпостями и парадоксами положительно преслѣдуетъ Вольтера. Онъ только о ней и думаетъ, только о ней и говоритъ. И плодомъ этого явилась знаменитая брошюра: *Повѣсть о докторѣ Акакіи* (добродушномъ врачѣ) *и объ уроженцѣ Сенъ-Мало.*

Эта остроумная вещь ни въ какомъ отношеніи не затрогиваетъ Мопертюи какъ частнаго человѣка; она свободна отъ бранныхъ словъ и отъ грубости.

Наиболѣе личная въ ней колкость—это тотъ невинный штрихъ, что авторъ называетъ Мопертюи лапландцемъ, рожденнымъ въ Сенъ-Мало, потому что онъ такъ гордился своимъ путешествіемъ въ Лапландію.

Акакій, какъ врачъ, тревожится перспективой получать гонораръ только въ случаѣ выздоровленія больного: «Онъ хочетъ насъ, врачей, съ голоду переморить; онъ обращается съ нами, какъ со своими издателями».

Акакія безпокоитъ отверстіе, которое будутъ рыть, чтобъ добраться до центра земли; оно можетъ выйти объемомъ со всю Германію, что нарушитъ равновѣсіе Европы. Хотя истина и лежитъ на днѣ колодца, но вырыть *этотъ* колодецъ будетъ слишкомъ трудно.

Въ латинскомъ городѣ повара и прачки не будутъ вѣдь знать заранѣе латинскій языкъ; если же они примутся изучать латинскую грамматику, то никто не будетъ стряпать и никто не будетъ мыть сорочекъ.

Кое-гдѣ Вольтеръ несправедливъ къ Мопертюи. Его ясному, но неглубокому уму оказались недоступны нѣкоторыя изъ мыслей президента. Мопертюи говорилъ, что пространство есть лишь представленіе нашего духа. Вольтеръ поучаетъ его, что, какъ извѣстно всякому школьнику, протяженіе, въ отличіе отъ звука и красокъ, существуетъ не только въ нашемъ воспріятіи. Здѣсь уже Вольтеръ мыслитъ, какъ школьникъ.

Когда Вольтеръ высмѣиваетъ далѣе Мопертюи за его положеніе (дѣйствительно нелѣпо обоснованное), что знаніе будущаго можетъ оказываться совершенно тождественнымъ съ знаніемъ прошлаго, то самъ онъ не продумываетъ этого положенія. Въ астрономіи мы знаемъ будущее съ такою же точностью, какъ и прошлое, и въ силу тѣхъ же самыхъ свѣдѣній; намъ извѣстны день и часъ солнечнаго затменія, имѣющаго быть чрезъ нѣсколько вѣковъ.

Какъ бы то ни было, эту брошюру слѣдуетъ назвать маленькимъ шедѣвромъ остроумія строго-литературнаго характера, невинно-сатирическаго. Въ сравненіи съ полемикой Гейне противъ Платена, это—полемика, веденная въ сахарной водѣ.

Трудность была въ томъ, какъ ее издать.

Для этого нужно было разрѣшеніе короля, а Фридрихъ, конечно, когда бы его не далъ. Вольтеръ раздобылъ его обманнымъ образ сказавъ, что хочетъ обнародовать отвѣтъ на нападки, направленныя

тивъ него и короля, какъ вольнодумцевъ, однимъ цюрихскимъ теологомъ, Циммерманомъ. На основаніи этого дозволенія и былъ напечатанъ *Акакій*.

Мопертюи лежалъ больной, съ пораженіемъ легкихъ, и не появлялся на ужинахъ короля. Фридрихъ и Вольтеръ продолжали дѣлать видъ, какъ будто ничего не произошло между ними, и когда разъ вечеромъ была подана мысль написать всѣмъ кружкомъ нѣчто вродѣ объяснительнаго словаря, Вольтеръ тотчасъ же принялся за дѣло и въ прекрасномъ настроеніи сталъ посылать королю статью за статьей: *Abraham, Ame, Athéisme, Baptême*. Изъ этой-то идеи и выросла энциклопедія, *Le Dictionnaire philosophique*, великій подвигъ Вольтера, Дидро и д'Аламбера.

Можно представить себѣ негодованіе Фридриха, когда онъ открылъ, что его провели, что *Акакій* лежитъ отпечатанный въ Потсдамѣ. Кто его авторъ, это онъ узналъ съ первой строки.

Онъ послалъ къ Вольтеру своего камердинера, спрашивая черезъ него, гдѣ спрятанъ складъ изданія. Вольтеръ ничего не зналъ. Между тѣмъ, типографщикъ покаялся, такъ что Вольтеру уже не для чего было прикидываться невиннымъ. Тогда онъ попытался обратить все это въ шутку предъ королемъ. Но король потребовалъ его къ себѣ, велѣлъ сжечь въ стѣнахъ дворца все изданіе и принудилъ Вольтера дать свою подпись на заявленіи, что пока его величество будетъ милостиво дозволять ему жить въ его дворцѣ, онъ ничего не будетъ писать противъ французскаго правительства, противъ другихъ монарховъ или знаменитыхъ писателей, но будетъ вести себя такъ, какъ подобаетъ литератору, имѣющему честь быть камергеромъ его величества и жить вмѣстѣ съ образованными людьми.

Вольтеръ волей-неволей долженъ былъ подписаться; но это не измѣнило его намѣренія настоять на своемъ. Его *Акакій* уже былъ на пути въ Дрезденъ, гдѣ его обѣщали напечатать, и вскорѣ послѣ того маленькая книжка вызвала ликованіе въ Берлинѣ, гдѣ Мопертюи не любили за его высокомѣріе и держали сторону насмѣшника.

На этотъ разъ Фридрихъ обезумѣлъ отъ гнѣва. Онъ рѣшилъ отомстить за Мопертюи и вмѣстѣ съ тѣмъ за свой попранный авторитетъ. Экземпляры, которые удалось захватить, были сожжены палачомъ на углахъ различныхъ улицъ Берлина, между прочимъ, передъ домомъ на Таубенштрассе, гдѣ жилъ Вольтеръ во время карнавала. Это достойное смѣха варварство Фридрихъ совершилъ въ рождественскій сочельникъ 1752 г., спустя 18 лѣтъ послѣ того, какъ Людовикъ предалъ сожженію *Философскія письма* Вольтера. Оба короля были въ этомъ отношеніи одинаково хороши.

Для Фридриха Вольтеръ, правда, еще оставался великимъ писателемъ, но во всемъ прочемъ онъ былъ для него самой злобной тварью, обезьяной, которую слѣдовало отхлестать.

Вольтеръ отослалъ обратно Фридриху свой камергерскій ключъ, орденъ

pour le mérite и грамоту на званіе королевскаго пенсіонера, и написалъ почтительно, можно сказать даже нѣжно:

Je les reçus avec tendresse,
Je vous les rends avec douleur;
C'est ainsi qu'un amant dans son extrême ardeur
Rend le portrait de sa maitresse *).

Но въ тотъ же день все было ему возвращено.

VI.

У Вольтера теперь одна только мысль: уѣхать. Но сдѣлать это было очень трудно; поводомъ къ своему желанію онъ могъ выставить только свое здоровье. Ибо Фридрихъ крайне неохотно отпускалъ отъ себя кого бы то ни было изъ своего кружка. Лишиться же Вольтера онъ ни за что не соглашался; безъ него онъ не *могъ* обойтись.

Цѣлыхъ три мѣсяца Вольтеру приходится играть комедію, притворяться больнымъ, объявлять, что онъ не можетъ выходить изъ комнаты. Ему не удается провести Фридриха утвержденіемъ, что ему нужны ванны въ Пломбьеръ. (Король отвѣчаетъ, что есть превосходныя ванны близъ Глатца, въ Силезіи.) Но подъ конецъ Фридрихъ вынужденъ отказаться отъ своего сопротивленія: Вольтеръ можетъ оставить его службу, когда ему угодно. Въ одномъ письмѣ, касающемся этого вопроса, онъ всетаки требуетъ, чтобъ Вольтеръ возвратилъ ему контрактъ объ его назначеніи, ключъ, орденъ и томъ стихотвореній, который онъ ему довѣрилъ. Затѣмъ онъ выражаетъ въ письмѣ странную увѣренность, что Вольтеръ начнетъ теперь нападать на его сочиненія.

Къ несчастію, за всѣми другими своими хлопотами Вольтеръ забылъ отослать вторично требуемыя вещи (вѣдь онъ одинъ разъ уже вернулъ ихъ и получилъ ихъ обратно). Забыть объ этомъ ему было тѣмъ легче, что по пріѣздѣ своемъ изъ Берлина въ Потсдамъ онъ провелъ два часа съ глазу на глазъ съ королемъ въ дружеской бесѣдѣ, а затѣмъ шесть дней подъ рядъ его чествовали и ухаживали за нимъ во время вечернихъ трапезъ.

Однажды утромъ, когда король былъ на парадѣ, ему сказали: «Г. де-Вольтеръ ожидаетъ приказаній вашего величества». Король обернулся и произнесъ: «Итакъ, г. де-Вольтеръ, вы рѣшительно хотите ѣхать!»—Государь, меня къ этому вынуждаютъ неотложныя дѣла и въ особенности состояніе моего здоровья.—«*Monsieur,* желаю вамъ счастливаго пути».—Оба они знали, что никогда болѣе не увидятъ другъ друга.

Въ Лейпцигѣ, гдѣ Вольтеръ сдѣлалъ остановку, онъ прибавилъ къ *Акакію* маленькій комическій параграфъ. Мопертюи, теперь уже совершенно потерявшій голову, написалъ Вольтеру, угрожая ему, что онъ сумѣетъ

*) Я принялъ ихъ съ нѣжностью и возвращаю съ горестью. Такъ любовникъ въ чрезмѣрномъ рвеніи возвращаетъ портретъ своей возлюбленной.

его найти въ томъ случаѣ, если онъ еще что-нибудь противъ него напишетъ. На другой день въ Лейпцигской газетѣ появилось слѣдующее объявленіе:

«Нѣкоторый человѣкъ написалъ одному жителю Лейпцига письмо, въ которомъ грозитъ его убить. Но такъ какъ смертоубійственные замыслы находятся въ противорѣчіи съ ярмарочными привилегіями, то мы просимъ всѣхъ сообщить объ этомъ человѣкѣ, когда онъ покажется въ воротахъ Лейпцига. Онъ—философъ съ разсѣяннымъ видомъ и торопливой походкой, съ маленькими, круглыми глазками, такимъ же парикомъ, плоскимъ носомъ, жирнымъ лицомъ, гадкимъ и самодовольнымъ выраженіемъ. Онъ всегда носитъ при себѣ скальпель, чтобъ анатомировать знатныхъ особъ. Кто можетъ дать о немъ свѣдѣнія, тотъ получитъ въ награду 1,000 дукатовъ, имѣющихъ быть выплаченными въ латинскомъ городѣ, который строитъ этотъ господинъ».

Фридрихъ такъ трагически отнесся къ этимъ остротамъ, что въ одномъ письмѣ его къ сестрѣ значится: «Многихъ предаютъ колесованію, которые заслуживаютъ этого въ меньшей степени, чѣмъ Вольтеръ».

Короля началъ точить страхъ, что Вольтеръ такъ же нескромно поступитъ теперь съ его письмами, какъ самъ онъ въ свое время поступилъ съ письмами Вольтера, и въ особенности, что онъ будетъ показывать во Франціи появившіеся въ печати стихи, въ которыхъ Фридрихъ потѣшался надъ монархами и министрами. У Вольтера ничего подобнаго не было на умѣ; онъ не имѣлъ даже съ собой въ дорогѣ никакихъ вещей, принадлежавшихъ королю.

Ярость Фридриха настигла Вольтера во Франкфуртѣ, гдѣ и разыгрался смѣхотворный эпилогъ ихъ совмѣстной жизни, сдѣлавшійся поворотной точкой во внутреннихъ отношеніяхъ Вольтера къ королю прусскому.

Франкфуртъ находился тогда подъ властью императора. Фридрихъ тамъ ничего не значилъ. Но едва Вольтеръ успѣлъ пріѣхать, какъ былъ арестованъ прусскимъ резидентомъ, г. Фрейтагомъ, запретившимъ ему продолжать свой путь, пока онъ не вернетъ вещей, принадлежащихъ прусскому королю. Дѣло шло главнымъ образомъ о стихахъ короля. Вольтеръ думалъ, что книжка лежитъ, быть можетъ, въ сундукѣ, оставшемся въ Лейпцигѣ. 1 іюня онъ написалъ, чтобъ ему прислали сундукъ; получилъ онъ его только 18. Онъ полагалъ, что теперь ему можно будетъ ѣхать. Но Фрейтагъ не въ силахъ былъ себѣ представить, чтобъ злодѣя-француза велѣно было задержать изъ-за печатной книжки. Въ приказѣ смутно говорилось о королевскихъ письмахъ или манускриптахъ.

И вотъ, Вольтера арестовали вторично.

Онъ сдѣлалъ попытку бѣжать, пробрался украдкой на улицу съ своимъ секретаремъ и сѣлъ въ наемную карету, въ сопровожденіи слуги, взявшаго только маленькій чемоданчикъ. Но ихъ хватились, выслѣдили, нагнали и съ торжествомъ вернули назадъ. Это бѣгство сдѣлало преступника еще болѣе опаснымъ въ глазахъ Фрейтага.

Племянница Вольтера, г-жа Дени (пріѣхавшая провѣдать своего дядю), его секретарь, его слуги, всѣ были арестованы. Къ дверямъ дома приставили двухъ солдатъ; кромѣ того, четверо солдатъ карауллили Вольтера и четверо находились въ комнатѣ племянницы, не оставляя ея даже ночью, хотя бѣдняжка, какъ говоритъ Вольтеръ, никогда не поправляла королю прусскому стиховъ.

Наконецъ, 5 или 6 іюля власти города пришли на помощь Вольтеру, и послѣ пятинедѣльнаго ареста онъ получилъ возможность ѣхать. Но все-таки прусскіе чиновники потребовали у него весьма значительную сумму въ уплату за столъ и квартиру въ теченіе всего того времени, какъ продолжался его плѣнъ, какъ будто Вольтеръ добровольно въ него отдался,—уморительное проявленіе прусскаго корыстолюбія!

Чиновники, безъ сомнѣнія, пошли дальше намѣренія Фридриха; но, хотя глупости не могутъ быть поставлены ему въ счетъ, онъ все-таки долженъ нести отвѣтственность за грубость,—и при этомъ онъ никого не велѣлъ наказать.

VII.

Какъ осадокъ всего этого, въ душѣ Вольтера осталась горечь, почти ненависть. Въ весьма злыхъ *Мемуарахъ* объ отношеніяхъ его къ Фридриху, написанныхъ имъ спустя шесть лѣтъ, но напечатанныхъ лишь послѣ его смерти, онъ даетъ волю своимъ чувствамъ въ жестокихъ издѣвательствахъ.

И тѣмъ не менѣе эти два человѣка никакъ не могли разойтись. Они то ненавидѣли, то любили другъ друга, или же то и другое вмѣстѣ. Въ скоромъ времени старыя чары, взаимная притягательная сила, снова начинаютъ дѣйствовать, переписка возобновляется, продолжается еще 24 года и прекращается лишь со смертью Вольтера.

Особенно замѣчательнымъ представляется мнѣ здѣсь одинъ періодъ: съ іюня до ноября мѣсяца 1757 г.

Въ 1756 г. Австрія заключила противъ Фридриха союзъ съ Франціей и Россіей. Когда Фридрихъ вторгнулся въ Саксонію, къ союзу примкнули еще Швеція и имперскіе князья. Населеніе въ 100 милліоновъ въ союзѣ противъ 5-тимилліоннаго народа! Послѣ пораженія при Коллинѣ 18-го іюня 1757 г. можно подумать, что для Фридриха все кончено. Онъ носитъ при себѣ флаконъ съ быстро дѣйствующимъ ядомъ, рѣшившись прибѣгнуть къ нему, если судьба его не измѣнится и, что весьма характерно для его страсти къ версификаціи, пишетъ объ этомъ посланіе въ стихахъ своему другу д'Аржанъ. Это — стихотвореніе, начинающееся словами: *Ami, le sort en est jeté.*

Жребій брошенъ. Утомленный невзгодами и бѣдствіями, которыми ма-
мать, природа, преисполнила мою жизнь, я хочу сократить свои дни ро-
щай, величіе! Прощай, божественное наслажденіе! Я не обращаюсь ре-

лигіи. Я знаю отъ своего учителя Эпикура, что жизненная искра не безсмертна. Но украсьте мою могилу розами и миртами!

А въ письмѣ къ Вольтеру онъ сравниваетъ себя съ великими борцами за свободу, Катономъ, Брутомъ, павшими отъ собственной руки.

Трагикомично дѣйствуетъ то, что Фридрихъ и это стихотвореніе, въ которомъ онъ совершенно серьезно говоритъ о своемъ намѣреніи покончить съ собой, посылаетъ по старой привычкѣ Вольтеру, чтобъ онъ его поправилъ и отдѣлалъ. Съ полнымъ основаніемъ отвѣчаетъ послѣдній, что здѣсь дѣло не въ томъ, насколько можно усовершенствовать еще этотъ памятникъ великаго ума и великаго генія, а въ жизни короля и необходимости ее сохранить въ интересахъ человѣчества. И чтобъ отвлечь короля отъ мыслей о самоубійствѣ, онъ смѣло объявляетъ ему, что никто не станетъ его сравнивать съ Брутомъ или Катономъ: «Никто не будетъ считать васъ мученикомъ за свободу. Надо прямо смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть. Вы должны вспомнить, сколько дворовъ упорно считаютъ ваше вторженіе въ Саксонію нарушеніемъ международнаго права». Поэтому Фридрихъ своею смертью только доставитъ громадное торжество своимъ врагамъ и врагамъ философіи.

Фридрихъ отвѣчаетъ Вольтеру 9 октября 1757 г. прекраснымъ и мужественнымъ стихотвореніемъ. Оно начинается такъ:

Je suis homme, il suffit, et, né pour la souffrance,
Aux rigueurs du destin j'oppose ma constance *).

Вѣрьте мнѣ, говоритъ онъ далѣе, еслибъ я былъ Вольтеромъ или частнымъ человѣкомъ, какъ онъ, я встрѣтилъ бы тогда съ равнодушіемъ превратности судьбы. Мнѣ извѣстна скука почета, тягость обязанностей, рѣчи льстецовъ. Я сумѣю мыслить, жить и умереть королемъ:

Pour moi, menacé du naufrage,
Je dois, en affrontant l'orage,
Penser, vivre et mourir en roi.

Но едва лишь сестра Фридриха, маркграфиня, извѣстила Вольтера объ отчаянномъ намѣреніи брата, какъ въ плодовитомъ мозгу поэта, одаренномъ и политической проницательностью, зародилась мысль, что королю, для того, чтобъ получить передышку, необходимо прежде всего другого заключить миръ съ Франціей. А такъ какъ Вольтеръ еще со школьной скамьи былъ близко знакомъ съ маршаломъ Ришельё, командовавшимъ французскими войсками, то онъ посовѣтовалъ королю обратиться письменно къ Ришельё и прислать письмо ему, Вольтеру, для дальнѣйшей отправки его по назначенію.

Фридрихъ написалъ тогда Ришельё исполненное чувства собственнаго достоинства, но въ мѣру льстивое письмо; Вольтеръ же рекомендовалъ маршалу это дѣло. Ришельё отвѣтилъ, что не имѣетъ полномочій на за-

*) Я—мужъ; и этого достаточно. Рожденный для страданія, я отражаю своей стойкостью жестокости судьбы.

ключеніе мира, но что онъ переслалъ письмо короля своему государю, королю Людовику.

И вотъ Вольтеръ со страстью принялся хлопотать, не столько изъ дружбы къ Фридриху, — ибо онъ его подчасъ ненавидѣлъ, — сколько для того, чтобъ собрать горячіе уголья на его голову, и въ особенности изъ разсудочныхъ соображеній, чтобъ не погибло нѣчто столь цѣнное и столь рѣдкое, какъ Фридрихъ, наконецъ, ради Франціи: онъ зналъ, что Фридрихъ, дойдя даже до крайнихъ предѣловъ несчастья, останется колоссальной силой, и что еслибъ онъ въ своемъ отчаяніи совершилъ геніальные подвиги, то Франціи пришлось бы отъ нихъ пострадать. Чрезъ кардинала де-Тансенъ, съ которымъ онъ свелъ маркграфиню Байрейтскую, онъ старался повліять на жалкаго премьера Франціи, аббата де-Берни, министра г-жи Помпадуръ. Тансенъ проситъ маркграфиню послѣдовать совѣту Вольтера, подчеркнуть опасности, которыми угрожаетъ усиленіе могущества Габсбургскаго дома, и польстить министру.

Но маркиза Помпадуръ питала горячія австрійскія симпатіи: Фридрихъ смѣялся надъ ней въ своихъ стихахъ, между тѣмъ какъ Марія Терезія прислала ей лицемѣрно—сердечное письмо. Берни же, конечно, смотрѣлъ на Вольтера сверху внизъ, какъ на простого литератора, тогда какъ онъ самъ былъ государственнымъ мужемъ. Фридрихъ не получилъ отвѣта.

Тогда онъ собрался съ силами и унизилъ Францію такъ, какъ никогда еще до тѣхъ поръ она не была унижена. 5 ноября произошла битва при Росбахѣ. Съ войскомъ, вдвое уступавшимъ численностью французскому, онъ обратилъ въ безумное бѣгство сначала конницу, потомъ пѣхоту, пока вся французская армія не разсыпалась, преслѣдуемая его кавалеріей. Однихъ плѣнныхъ онъ забралъ 5,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 генераловъ и 300 офицеровъ.

Вольтеръ пишетъ д'Аржанталю: «У Фридриха было всего двадцать двѣ тысячи солдатъ, изнуренныхъ маршами и контръ-маршами, и съ ними онъ разбиваетъ 50-титысячную армію. Какой позоръ для нашей націи!... Г-жа Помпадуръ теперь увидитъ, что я былъ правъ, когда писалъ ей, что можетъ наступить время, когда не будутъ недовольны тѣмъ, что имѣютъ француза при берлинскомъ дворѣ», и Теріо: «Потомство прочтетъ съ удивленіемъ, что бранденбургскій курфюрстъ, проигравъ большую битву противъ австрійцевъ, переживъ полный разгромъ своихъ союзниковъ, преслѣдуемый въ самой Пруссіи 100,000-нымъ войскомъ побѣдоносныхъ русскихъ, запертый между двумя французскими арміями, имѣвшими возможность сразу обрушиться на него, устоялъ противъ всего этого, сохранилъ свои завоеванія и выигралъ одно изъ самыхъ достопамятныхъ сраженій, какія [illegible] даны въ нашемъ вѣкѣ... Не очень-то теперь пріятно быть за грани[illegible] французомъ. Надъ нами смѣются въ глаза, какъ будто мы всѣ, ско[illegible] насъ ни есть, адъютанты г. де-Субизъ».

Еслибъ послѣдовали совѣту Вольтера, то избѣгнули бы этого [illegible]женія.

VIII.

Съ этихъ поръ взаимныя отношенія Фридриха и Вольтера протекаютъ въ мирномъ и оживленномъ обмѣнѣ мыслей, продолжаясь еще двадцать лѣтъ.

Но Вольтеру наскучило служить королямъ. Въ свободной Швейцаріи онъ самъ сталъ царемъ, умственнымъ владыкой всего вѣка.

Чѣмъ Вольтеръ обязанъ совмѣстной жизни съ Фридрихомъ, этого нельзя доказать точка въ точку. Но можно усмотрѣть слѣдующее. Въ атмосферѣ, которую Фридрихъ создавалъ вокругъ себя, возросла философская смѣлость Вольтера. Мощныя и безпощадныя мысли Фридриха придавали храбрости и ему. Раньше Вольтеръ не былъ боевымъ писателемъ. Со времени *Философскихъ писемъ*, изданныхъ имъ въ 1734 г., его творчество носило чисто-литературный или чисто-научный характеръ. Его нападки на существующее были скрытыя, косвенныя, построенныя такимъ образомъ, что въ случаѣ нужды онъ могъ отъ нихъ отпереться.

Возьмите его *Магомета!* Нѣтъ сомнѣнія, что съ первой строки до послѣдней онъ направленъ противъ религіи откровенія и основателей религій, но выполненъ такъ, что въ 1745 г. Вольтеръ могъ посвятить драму папѣ Бенедикту XIV: Онъ посвящаетъ главѣ истинной религіи это произведеніе, ратующее противъ основателя религіи ложной и варварской.

Папа отвѣчаетъ вкрадчивымъ письмомъ своему любезному сыну Вольтеру и выказываетъ себя въ этомъ отвѣтѣ хорошимъ гуманистомъ, обращая вниманіе Вольтера на то, что для защиты противъ француза, нападавшаго на его латинскіе стихи, онъ можетъ сослаться на ударенія у Вергилія.

Отнынѣ Вольтеръ уже не посвящаетъ папамъ своихъ книгъ.

Общеніе съ Фридрихомъ внушило ему смѣлость въ борьбѣ его съ вѣрой во всякое такъ называемое откровеніе; помимо этого, близкія его отношенія къ Фридриху усиливали нѣкоторое время уваженіе къ нему современниковъ. Впервые со временъ древности великій писатель былъ другомъ и совѣтникомъ монарха, для котораго былъ раньше учителемъ. Міръ этого не видѣлъ со временъ Аристотеля и Александра.

Чѣмъ былъ и чѣмъ сдѣлался Фридрихъ какъ король, обсуждать это здѣсь не мѣсто. Хищный и вѣроломный, но выпосливый, трудолюбивый и геніальный, онъ создалъ Пруссію, а чрезъ это и современную Германію. Но онъ еще болѣе опередилъ свое время. Своими словами *Je serai le roi des gueux* (я буду королемъ голяковъ) онъ хотѣлъ сказать, что положитъ основаніе соціальной монархической власти.

Но возьмите мѣриломъ для его величія хотя бы только это: онъ и онъ одинъ изъ королей Пруссіи, равно какъ и изъ монарховъ другихъ странъ, дерзнулъ открыто объявить себя вольнодумцемъ, дерзнулъ въ тѣ мрачныя времена оставлять безъ взысканія такъ называемыя религіозныя преступленія и при всякомъ удобномъ случаѣ обнаруживать свой язычески-философскій образъ мыслей.

На это послѣднее никто не отваживался въ девятнадцатомъ вѣкѣ, вѣкѣ реакціи, ни одинъ императоръ или король—ни даже Наполеонъ I—и ни одинъ министръ, ни даже Бисмаркъ!

Но если Фридрихъ отважился на это, то обязанъ онъ этимъ Вольтеру.

Первая историческая заслуга Вольтера въ томъ, что онъ сломилъ суевѣріе и поколебалъ церкви, которыя его поддерживали и поддерживались имъ.

Но отнынѣ онъ уже не только врагъ клерикализма. Въ своемъ уединеніи онъ дѣйствуетъ въ положительномъ смыслѣ, какъ великій покровитель, помощникъ и заступникъ угнетенныхъ и обиженныхъ, защищающій ихъ права при жизни, возстановляющій ихъ доброе имя послѣ смерти. Предъ нимъ трепещутъ надменнѣйшіе самодержцы; отъ одного звука его имени блѣднѣютъ запятнанные кровью властелины; къ нему, какъ къ своему естественному вождю, устремляютъ взоръ дѣятели мысли. Безъ него какъ вдохновителя врядъ ли была бы написана *Энциклопедія*; безъ его вмѣшательства не удалось бы настолько подорвать могущество католической церкви, чтобы всего черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ послѣ смерти Вольтера оно могло совсѣмъ рушиться подъ натискомъ французской революціи.

Само собою разумѣется, что при жизни Вольтера на него ожесточенно нападали отчасти завистники, какъ Дэфонтенъ, Ж. Б. Руссо, Фреронъ, Лабомелль (преслѣдовавшій раньше Гольберга), отчасти же враги философіи, какъ Палиссо и Лефранъ де-Помпиньянъ.

Къ этой безсмысленной реакціи противъ него присоединилась вскорѣ реакція одухотворенная,—реакція Жанъ-Жака, а въ Германіи реакція сначала Лессинга, затѣмъ Гердера, затѣмъ Гёте.

Еще при жизни Вольтера молодой Гёте писалъ въ своемъ гимнѣ въ прозѣ къ Шекспиру:

«Вольтеръ, всегда дѣлавшій себѣ ремесло изъ издѣвательствъ надъ величествами (это какъ разъ никогда и не было его ремесломъ), показалъ себя и по отношенію къ Шекспиру настоящимъ Терситомъ. Еслибъ я былъ Улиссомъ, его спинѣ пришлось бы больно почувствовать на себѣ мой скипетръ».

Но зрѣлымъ человѣкомъ Гёте самъ перевелъ двѣ трагедіи Вольтера, а въ примѣчаніяхъ къ *Племяннику Рамо* Дидро онъ говоритъ о немъ и, что довольно таки забавно, приписываетъ ему, ни мало, ни много, 45 великихъ качествъ: «Есть націи, какъ и семьи, сосредоточивающія въ одномъ какомъ-нибудь существѣ все, что у нихъ есть заслуживающаго похвалы. Таково отношеніе французовъ къ Вольтеру. Подумайте о важнѣйшихъ качествахъ, какія можетъ имѣть великій писатель: это глубина, ..ній, наглядность, величіе, естественность, талантъ, достоинство, благ родство, умъ, остроуміе, добродушіе, чувство, чувствительность, вку тактъ, разсудительность, правильность, благопристойность, тонъ, хоро тонъ, придворный тонъ, многообразіе, полнота, богатство, плодовито

теплота, очарованіе, прелесть, пріятность, легкость, живость, тонкость, блескъ, мѣткость, искрометность, пикантность, деликатность, замысловатость, стиль, искусство версификаціи, гармонія, чистота, корректность, изящество, законченность».

Изъ всѣхъ этихъ качествъ можно отрицать у Вольтера развѣ только наличность перваго и послѣдняго: глубины замысла и законченности выполненія. Во всемъ остальномъ онъ блестящимъ образомъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ и этимъ путемъ распространилъ свою славу по всей землѣ».

Законченности у Вольтера скорѣе слишкомъ много (до гладкости), чѣмъ слишкомъ мало.

Но Гёте былъ знатокъ. За нимъ и должно остаться послѣднее слово.

В. С.

Конецъ Горькаго.

I.

Двѣ вещи погубили писателя Горькаго: успѣхъ и наивный, непродуманный соціализмъ. Я говорю «погубили», потому что послѣднія его произведенія—«Варвары», «Враги», «Въ Америкѣ», «Мои интервью» и т. д. нанесли такой уронъ его литературной славѣ, обнаружили признаки такого серьезнаго разложенія его дарованія, что въ возрожденіе писателя Горькаго уже какъ-то не вѣрится. Успѣхъ у Горькаго былъ совершенно особенный. Такого раболѣпнаго преклоненія, такой сумасшедшей моды, такой безмѣрной лести не видалъ ни Толстой, ни Чеховъ. Горькій былъ герой дня, «любимецъ публики», нѣчто вродѣ моднаго опернаго пѣвца, который въ теченіе короткихъ лѣтъ кружитъ голову своимъ поклонникамъ и затѣмъ, потерявъ голосъ, сходитъ со сцены, погружается въ забвеніе. Увлеченіе Горькимъ психологически понятно, легко объяснимо. Слишкомъ во-время появился онъ, слишкомъ глубокія струны задѣлъ онъ, чтобы не встрѣтить отклика во всей новой Россіи, которая только что начинала просыпаться. Широкой публикѣ казалось, что дарованіе Горькаго неисчерпаемо, что развитію его нѣтъ предѣловъ, и она подстегивала Горькаго, щекотала его самолюбіе, сдѣлала его своимъ кумиромъ. Она не давала ему возможности сосредоточиться, оглянуться, понять самого себя, мѣру своихъ силъ, характеръ своего дарованія. Драма «На днѣ» была высшая точка творчества Горькаго;—послѣ нея начинается паденіе. По всей Европѣ, можно сказать по всему земному шару, распространяются произведенія Горькаго, даже самыя неудачныя, и весь міръ видитъ, какъ писатель все ниже и ниже падаетъ, какъ онъ лежитъ почти «на днѣ» невѣроятной банальности и претенціозной риторики.

Зрѣлище тяжелое и мучительное. Но толпа вездѣ толпа. Она воз.. ла Горькаго, окружила его лестью, казалось, всецѣло подчинилась ему, а въ сущности поработила его, сдѣлала его своимъ служителемъ и рабомъ. Что въ порядкѣ вещей, винить жаждущую, но и избивающую пророковъ то ну нечего. Она невинна въ своей наивной жестокости. «Онъ нашъ, онъ нашъ —съ упоеніемъ кричитъ она и раздираетъ личность на мелкіе кусочки — бы

всѣмъ, всей толпѣ, досталась хоть одна кроха. И царь дѣлается рабомъ. Горькій искренно думалъ, что онъ властитель думъ и сердецъ, что онъ независимъ, никому не подвластенъ, и незамѣтно для себя потерялъ даже тѣнь свободы. Отмѣренные ему судьбою запасы личныхъ силъ не выдержали напора безличной стихіи и...

Здѣсь великая отвѣтственность падаетъ на русскую критику. Она не поддержала Горькаго, не помогла ему, сдѣлала все, чтобы онъ потерялъ самъ себя. Любовь къ человѣку не въ томъ, чтобы жалѣть его, потакать ему, баловать его. Любовь прежде всего требовательна. Зная цѣну человѣка, она властно требуетъ, чтобъ человѣкъ проявилъ всю мѣру силъ своихъ, она хранитъ его отъ всего, что силы притупляетъ, что мѣшаетъ ихъ развитію.

Наша критика не выказала никакой любви къ Горькому. Ни разу она не посмотрѣла на него, какъ на цѣль, какъ на абсолютную личность; она дѣлала изъ него средство. Критики Горькій за рѣдкимъ исключеніемъ и не видѣлъ. Онъ видѣлъ лишь критическую истерику, кликушечьи вопли той самой толпы, которая боготворя—губила его. Теперь же, когда Горькій сѣлъ на мель, когда помощь ему нужна больше чѣмъ когда-либо, критика отъ него равнодушно отвернулась. Обозрѣвая русскую литературу за 1906 годъ (см. газ. *Товарищъ*), г. Горнфельдъ, въ общемъ очень оптимистически настроенный, мимоходомъ замѣчаетъ, что послѣднія произведенія Горькаго встрѣтили единодушное неодобреніе критики. Какъ будто есть только «произведенія» и нѣтъ за ними живого лица, какъ будто «неудачныя произведенія» что-то совершенно случайное, какъ будто для тѣхъ, кто относился къ Горькому серьезно, требовательно, нынѣшній его срывъ нѣчто непредвидѣнное и неожиданное. Окружили человѣка лестью, затемнили сознаніе, не уберегли его дарованія, поощряли самыя дурныя и слабыя его свойства, а затѣмъ въ тяжелыя для него минуты отвернулись, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки разобраться въ тѣхъ причинахъ, которыя привели Горькаго къ провалу. Послѣ этого съ правомъ можно сказать, что въ такой критикѣ нѣтъ ни уваженія, ни любви къ личности писателя, какъ нѣтъ и сознанія отвѣтственности, которая лежитъ на «руководителяхъ» общественнаго мнѣнія и вкуса.

II.

Успѣхъ не далъ Горькому времени и силъ для необходимой внутренней работы мысли, остановилъ ростъ его сознанія. Оглушенный внѣшнимъ шумомъ успѣха, онъ не сумѣлъ разобраться въ собственныхъ идеяхъ и ощущеніяхъ. Онъ даже не увидѣлъ трагической, непримиримой антиноміи, составляющей сущность его творческой личности. Его босякъ незамѣтно превратился въ соціалиста, какъ будто это превращеніе естественно и органично, какъ будто міросозерцаніе босяка соединимо съ міросозерцаніемъ соціалиста, какъ будто здѣсь нѣтъ непереходимой пропасти, вѣковѣчной загадки, которую человѣчество не разрѣшило и до сихъ поръ.

«Босякъ» вообще, и въ частности «босякъ» Горькаго—понятіе отнюдь не только соціальное. Если бы босяки Горькаго были лишь представителями пятаго сословія, образчиками русскаго «Lumpen-Proletariat'a», они имѣли бы извѣстный интересъ съ точки зрѣнія бытовой, соціологической и только.

Горькій показалъ намъ новыя стороны современнаго русскаго быта, но значеніе его, какъ писателя, этимъ не исчерпывается. Не бытъ сущность дарованія Горькаго, а личность. Въ новыхъ формахъ, въ новой обстановкѣ, въ босячествѣ, Горькій показалъ все ту же вѣчную личность человѣка, вѣрнѣе вѣчную жажду личности. Хочу быть личностью, человѣкомъ,—вотъ постоянный безсознательный вопль его босяковъ, «я»—вотъ альфа и омега ихъ міросозерцанія. Остальное—обстановка, фонъ, и смотрѣть на горьковскаго «босяка» съ соціально-экономической точки зрѣнія—совершенно нелѣпо. Пробужденіе личности, ощущеніе себя какъ чего-то первичнаго, особеннаго, неразложимаго, ничему въ корнѣ своемъ не подвластнаго,—вотъ идейная основа «босячества».

«Босякъ»—это особый видъ автономной личности, своего рода анархистъ. И какъ въ анархическомъ принципѣ есть вѣчная правда о личности, такъ и въ горьковскомъ «босякѣ» есть частица этой правды. Анархическій индивидуализмъ декадентства, штирнеріанство, ницшеанство, словомъ, туманный анархизмъ культурнаго меньшинства нашелъ свое дополненіе въ самыхъ низахъ культуры, въ ея такъ называемыхъ «отбросахъ». Наверху—сознательный «культъ личности», внизу—безсознательное, инстинктивное обожествленіе ея, но подкладка и тутъ и тамъ одинаковая: «я»—вотъ единственное реально-существующее данное. Когда такой «принятъ» человѣческаго «я» провозглашаетъ человѣкъ культурный, т.-е. связанный тысячью нитей,—традиціей, историческими переживаніями, эстетическими законами—пугаться особенно нечего. Культура—въ безопасности, ей не грозитъ разрушеніе въ прямомъ смыслѣ этого слова. Одинъ «босякъ» говоритъ у Горькаго: «Мнѣ тѣсно, стало быть, долженъ я жизнь раздвигать, ломать и перестраивать... А какъ? Вотъ тутъ мнѣ и петля... не понимаю я этого, и тутъ мнѣ конецъ». Въ сущности почти то же говоритъ всякій декадентъ, которому тоже «тѣсно», который тоже хочетъ «ломать и перестраивать», но не знаетъ какъ. Это незнаніе — парализуетъ всякое дѣйствіе культурнаго индивидуалиста. Онъ обрекаетъ себя на «плѣнной мысли раздраженіе» и «дѣятельность» его фатально сводится къ литературѣ болѣе или менѣе порнографическаго содержанія. «C'est de la littérature». Совсѣмъ другое у его собрата изъ низовъ общества. Здѣсь незнаніе какъ перестраивать не можетъ остановить «ломки», и когда босяк говоритъ «пусть все скачетъ къ чорту на кулички», или заявляетъ, что ему хочется «раздробить всю землю въ пыль», то эти угрозы имѣютъ гораздо больше реальнаго значенія, чѣмъ просто нелѣпыя мечтанія декадентовъ о «театрѣ будущаго», о «возрожденіи культа Діониса» или «поклоненіи богу Ярилѣ». Здѣсь уже не литература пресыщенныхъ инт

лигентовъ, а подлинный мускулистый кулакъ человѣка полу-звѣря. Сила у него громадная, инстинктъ праведный, и нѣтъ только рычага, къ которому онъ могъ бы приложить силу. «Долженъ я жизнь раздвигать, ломать, перестраивать. А какъ? Не понимаю я этого, и тутъ мнѣ конецъ». Эта пробудившаяся сила можетъ послужить или добру, или злу, приложиться къ рычагу или діавольскому, или божескому. Опасность въ ней великая, и когда Мережковскій боится этой новой силы—онъ правъ. «Грядущій хамъ», «внутренній босякъ», кромѣ своего «я» никого и ничего не признающій ни на землѣ, ни на небѣ, сулитъ сюрпризы не очень пріятные. Но этотъ страхъ становится у Мережковскаго какой-то предвзятой идеей, источникомъ совершенно неосновательнаго пессимизма. Индивидуалистическій анархизмъ босяка лишенъ содержанія. Онъ есть первичное данное пробуждающагося сознанія. Если вѣрить въ смыслъ историческаго процесса, во внутреннюю его идею, то надо вѣрить и въ то, что эта громадная сила человѣческаго «я», эта переходная ступень отъ стаднаго животнаго къ человѣческой индивидуальности, къ отличности, обособленности—найдетъ свое положительное содержаніе, что эта потенціальная сила станетъ актуальной, приложится къ рычагу добра. Мережковскій же довременное, такъ сказать, историческое отсутствіе содержанія въ индивидуальномъ анархизмѣ босяка принимаетъ за самую его сущность, формальный признакъ за матеріальный, неизмѣнный и постоянный. Въ стадо звѣрей, стригомыхъ овецъ, содержанія никакого не вложишь. Первое условіе для превращенія стада въ соединеніе отдѣльныхъ личностей—это, чтобы овцы сознали себя существующими, каждая единой, неповторяемой. Тогда исторія можетъ вложить нужное содержаніе въ этихъ просыпающихся людей; и оно должно быть воспринято свободно, сознательно, безъ насилія. Скептики, усталыя души и всякіе насильники могутъ бояться босяка, но Мережковскому это не пристало. Въ русской литературѣ существуетъ обожествленіе «мужичка». Онъ жаждетъ вѣчной правды, у него глубокое внутреннее содержаніе, и т. д., и т. д. Здѣсь сходятся и Толстой, и Достоевскій, и Златовратскій. Но откуда же босяки? Что же они, съ неба свалились? Они не дѣти русскаго народа? Не правильнѣе ли думать, что русскій мужичокъ до сихъ поръ еще овца въ томъ стадѣ, которое пасется нагайками самодержавно-православныхъ пастырей? Что добродѣтель его зависитъ въ большой степени отъ его овечьяго облика, а пресловутое «внутреннее содержаніе» отъ «нагайки?» Конечно, превращеніе крестьянской овцы въ анархическаго босяка, то-есть идейный ростъ русскаго народа, находится въ связи съ соціально-экономическимъ процессомъ. Но прямую причинную связь установить здѣсь, какъ это дѣлаютъ марксисты—трудно. Когда-то была въ модѣ теорія «бюхнеро-молешоттовскаго» матеріализма, по которому сознаніе считалось функціей мозга. Теперь, въ современной психологіи эта теорія замѣнена ученіемъ о психо-физическомъ параллелизмѣ. Думается, что такой же параллелизмъ существуетъ и въ историческомъ процессѣ. Физика общества развивается параллельно съ его психикой, и

ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой—ужъ очень примитивно, такъ же какъ примитивно ставить физику въ прямую зависимость отъ психики. Если марксисты игнорируютъ психику, то всѣ романтики русскаго крестьянства—христіанства—игнорируютъ физику, пренебрегаютъ развитіемъ тѣла народнаго, диференціаціей его организма. Отсюда ихъ глубокое, коренное, реакціонерство, ихъ вѣчная возня съ реставраціонными идеалами. «Народъ—православный и самодержавный, всѣ же теоріи прогресса, соціализма и пр.—отъ лукаваго» (Достоевскій). «Народъ—прежде всего мирный земледѣлецъ, ненавидящій всякое насиліе, семьянинъ, не нуждающійся ни въ какомъ прогрессѣ. Его идеалъ Китай, а потому революціи, основанной на насиліи, ему не нужно» (Толстой). Идейно, и Толстой и Достоевскій—два, можетъ быть, самыхъ революціонныхъ писателя въ мірѣ, но какъ только они сталкиваются съ плотью исторіи, съ ея живымъ тѣломъ, которому становится тѣсно, какъ горьковскому босяку—они превращаются въ безпощадныхъ реакціонеровъ. Боязнь «Грядущаго Хама» есть тоже видъ недовѣрія къ росту народной плоти, сомнѣніе въ томъ, что она развивается параллельно съ душой. Здѣсь есть отрыжка христіанскаго спиритуализма, отъ котораго Мережковскому слѣдуетъ отдѣлаться не только идейно, но и органически, всѣмъ своимъ существомъ.

Какъ художникъ, Горькій безстрашно нарисовалъ намъ «голаго» человѣка и заложенную въ немъ разрушительную силу:—«пусть все скачетъ къ чорту на кулички».

Но во имя чего это всемірное разрушеніе? Во имя «ничего»—утверждаетъ Мережковскій и ужасается. Такъ ли это?

«Во-имени» у «босяка» дѣйствительно нѣтъ, пока еще нѣтъ. Одна голая ненависть ко всему окружающему, даже къ міру, но кто будетъ утверждать, что въ этой ненависти нѣтъ ничего творческаго?

«Иной разъ думаешь, думаешь. И вдругъ все исчезнетъ изъ тебя, точно провалится насквозь куда-то. Въ душѣ тогда, какъ въ погребѣ, темно, сыро и совсѣмъ пусто. Совсѣмъ ничего нѣтъ. Даже страшно... какъ будто не человѣкъ, а оврагъ бездонный»...

Откуда эта пустота? Развѣ она уже такъ безнадежна и не жаждетъ наполненія? И не результатъ ли она инстинктивнаго освобожденія отъ ложнаго содержанія, отъ голаго «имени», прикрывающаго ложь и неправду? Русскій народъ такъ долго мучился, скрюченный въ тискахъ теологическаго насилія; православіе и самодержавіе, кичась именемъ Бога, до такой степени искалѣчили его, что онъ въ этомъ имени естественно увидалъ источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій, всѣхъ совершаемыхъ насилій. По инстинкту самосохраненія народъ отшатнулся отъ этого имени, обнажился, оголился и сталъ на перепутьи, готовый воспринять новое, праведное содержаніе, святое имя, ради котораго стоило бы сплотиться и идти дальше. Слишкомъ страшно быть «бездоннымъ оврагомъ». Въ этомъ онъ самъ признается. И надо быть маловѣрнымъ, чтобы не надѣяться, что въ эту

опустошенную душу можетъ упасть благодатная роса правды положительной, творческой.

Мережковскій хочетъ вѣрить, но сомнѣнія порой одолѣваютъ его; Горькій же думаетъ, что онъ уже нашелъ «имя» для опустошенной души, нашелъ рычагъ для приложенія босяцкой силы и рычагъ этотъ—соціализмъ.

Здѣсь начинается у Горькаго романтическая сантиментальность дурного тона, здѣсь начинается калѣченіе Горькаго-художника—Горькимъ-соціалъ-демократомъ. Чисто внѣшне, механически, не задумавшись надъ трагичностью проблемы, Горькій впихиваетъ босяка-анархиста въ кузовъ товарищей-соціалистовъ. Этимъ онъ уничтожаетъ правду «босяка», его инстинктивную жажду абсолютной, единой, неповторимой личности—ибо относитъ его страданія на счетъ «среды и условій»; для Горькаго соціалъ-демократа—«босякъ» изъ обще-человѣческаго превращается незамѣтно въ соціально-экономическій типъ.

Одно изъ двухъ: или глубина выведенныхъ Горькимъ типовъ только кажущаяся, и тогда босяки его самые обыкновенные, разукрашенные романтической бутафоріей, отбросы капиталистическаго строя, которыхъ, конечно, соціализмъ смететъ безъ остатка, или въ соціально-экономическомъ типѣ босяка проявились присущіе всякому сильному человѣку противообщественныя, анархическія тенденціи, разрушительныя эготическія стремленія героя «Записокъ изъ подполья» Достоевскаго. Эти стремленія одними соціально-экономическими условіями не объяснишь. Антиномія между свободой личности и благомъ общества, между индивидомъ и обществомъ была всегда, и соціализмъ ея не устранитъ. Конечно, соціалистическое государство можетъ конкретно, при помощи насилія, искоренять всѣ противообщественныя тенденціи, но метафизически оно преодолѣть ихъ не можетъ. «Босякъ», также какъ и всякій индивидуалистическій анархистъ—для соціалъ-демократа не уязвимъ. Надо думать, что эта антиномія когда-нибудь разрѣшится, но пока что, соціализмъ и анархизмъ находятся метафизически въ положеніи непримиримой антитезы. Горькій прошелъ мимо этой проблемы. Не то онъ ея не примѣтилъ, не то не захотѣлъ примѣтить. Какъ художникъ, онъ безсознательный анархистъ, но какъ гражданинъ земли русской—онъ убѣжденный соціалъ-демократъ. И чѣмъ больше росъ въ немъ гражданинъ, тѣмъ болѣе умалялся художникъ, вся сила котораго была въ протестѣ противъ всякой гражданственности. Здѣсь Леонидъ Андреевъ оказался гораздо сильнѣе своего друга. Онъ пошелъ до конца, и посмотрѣлъ прямо въ лицо противорѣчіямъ, въ которыхъ обреченъ жить человѣкъ, и написалъ «Савву», вещь во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть, и неудачную, но сильную, жизненную и глубокую. Не зная какъ разрѣшить антиномію—Андреевъ, по крайней мѣрѣ, обострилъ ее. Горькій же думалъ подсластить горечь «Босяка» сахаромъ соціализма, и, конечно, изъ этого ничего не вышло. Босякъ остался непобѣжденнымъ, а Горькій запутался и превратился въ банальнаго фельетониста.

III.

Я не знаю, бывалъ ли Горькій раньше въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ въ своихъ послѣднихъ вещахъ—«въ Америкѣ» и «Мои интервью»—онъ впервые касается «Европы»—и касается очень неосторожно. Европы не побѣдилъ, а себя осрамилъ.

Онъ не знаетъ Европы, но, кромѣ того, онъ совершенно не уяснилъ себѣ, чего отъ Европы собственно онъ требуетъ, и художественное чутье не пришло ему на помощь, не подсказало ему, что нарушеніе мѣры ведетъ къ уродству. Его гнѣвъ, конечно, искренній, его упреки во многомъ справедливы. Но, направленные не по адресу, облеченные въ жалко-ходульныя слова, они только комичны. Европейцы презрительно улыбнулись и—перешли къ очереднымъ дѣламъ. Вопли Горькаго получили неизгладимую печать «ридикюльности». И «гнилая Европа» въ данномъ случаѣ совершенно права. Слишкомъ мало знаетъ и любитъ Горькій правду европейской культуры, чтобы смѣть нападать на ея неправду. Можетъ быть, никто изъ русскихъ такъ не ненавидѣлъ Европу, какъ Достоевскій. Но она была для него кладбищемъ *съ дорогими* для него покойниками. «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» это—сплошное проклятіе европейскому буржуазному Ваалу.

«Да, выставка поразительна,—говоритъ Достоевскій о лондонской выставкѣ 1865 г.,—вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отъ чего-то становится страшно. Уже не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ—думаете вы: не конецъ ли тутъ? Не это ли уже и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо?» Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара—людей пришедшихъ съ одной мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, воочію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобы не поддаться, не поклониться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, т. е. не принять существующаго за свой идеалъ... Если бы вы видѣли, съ какъ гордъ тотъ могучій духъ, который создаетъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ духъ».

Описывая далѣе субботній «шабашъ» лондонской рабочей бѣдноты, ея пьянство, развратъ, Достоевскій замѣчаетъ: «Вы чувствуете, глядя на этихъ парієвъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: «доколѣ, Господи». Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тьмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобы не задохнуться въ темномъ подвалѣ». «...Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Ваалъ царитъ, и даже не требуетъ себѣ покорности, потому что въ ней убѣжденъ».

Черезъ двадцать лѣтъ, Достоевскій почувствовалъ, что Ваалу грозитъ неминуемый и скорый конецъ. «Да она наканунѣ паденія, ваша Европа,—писалъ онъ въ дневникѣ писателя,—обращаясь къ проф. Градовскому,—повсемѣстнаго, общаго и ужаснаго... Грядетъ четвертое сословіе, стучится и ломится въ дверь, и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. На компромиссъ, на уступки не пойдетъ, подпорками не спасете зданія. Уступки только разжигаютъ, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое, чего никто и не мыслитъ. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки, жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно». «И вотъ пролетарій на улицѣ. Какъ вы думаете, будетъ онъ теперь попрежнему терпѣливо ждать умирая съ голоду? Нѣтъ, теперь уже не попрежнему будетъ: они бросятся на Европу, и все старое рухнетъ навѣки».

Достоевскій боялся этой финальной катастрофы, потому что онъ любилъ Европу и не вѣрилъ въ правду соціализма, въ этотъ, какъ онъ говоритъ, «муравейникъ» безличныхъ существъ, не одухотворенныхъ никакой руководящей идеей. Онъ твердо вѣрилъ, что Европу, погибающую отъ внутреннихъ противорѣчій, спасетъ Россія, она будетъ послѣднимъ оплотомъ, той скалой, о которую разобьется волна разрушенія.

«О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги. И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть, конечно, не мы, а будущія грядущія русскіе люди поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей».

Правъ ли Достоевскій, пророкъ ли онъ революціи или реакціи—это другой вопросъ. Но ясно одно: сознавая нелѣпость и гнусность европейскаго буржуазнаго строя, ненавидя его всѣмъ существомъ своимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отлично понималъ и его глубину, всю его дьявольщину, весь его плѣнительный соблазнъ. Въ окончательную побѣду соціализма надъ буржуазіей онъ не вѣрилъ, потому что не вѣрилъ въ возможность

атеистическаго устроенія людей на землѣ. Всякое человѣческое, только человѣческое устроеніе основано на внѣшнемъ принужденіи, на ограниченіи личности, индивидуальности; а личность никогда не согласится превратиться въ органный штифтикъ или фортепіанную клавишу и, для того чтобы проявить свою глупую волю, готова все благополучіе послать къ чорту. Созданная европейской атеистической культурой идея человѣкобога—«человѣкъ все и все для человѣка»—есть идея въ корнѣ своемъ анти-соціальная, анархическая, разрушающая основы соціализма. Достоевскій ужасался грядущему хаосу, и съ отчаяніемъ цѣплялся за Россію, за народъ Богоносецъ, который спасетъ Европу отъ послѣдняго поруганія, спасетъ ея дорогія намъ, русскимъ, могилки, воскреситъ погребенныхъ въ нихъ мертвецовъ. Вся ненависть его къ Европѣ и произошла-то, можетъ быть, отъ великой къ ней любви и жалости, отъ великаго, воистину вселенскаго страданія за человѣка и человѣчество.

Совсѣмъ съ другой стороны, и къ гораздо болѣе сильному, потому что безнадежному, отчаянію пришелъ типичный западникъ Герценъ. Онъ ѣхалъ въ Европу, полный надеждъ и упованій, но жалкій конецъ революціи 1848 г. разочаровалъ его. Подъ впечатлѣніемъ пережитаго онъ написалъ «Съ того берега», одну изъ самыхъ грустныхъ и безнадежныхъ книгъ. Онъ посвятилъ ее своему пятнадцатилѣтнему сыну, Сашѣ. «Я ничего не писалъ лучшаго, вѣроятно ничего лучшаго не напишу», говоритъ онъ въ предисловіи. Опустошенная душа Герцена обнажаетъ здѣсь всѣ свои муки. Герценъ вопитъ, кричитъ отъ внутреннѣй боли, прощаясь съ дорогой ему Европой, переправляясь на другой берегъ.

«Прощай отходящій міръ, прощай Европа. Парижъ! Какъ долго это имя горѣло путеводной звѣздой народовъ. Кто не любилъ, кто не поклонялся ему—но его время миновало, пускай онъ идетъ со сцены». Единственное, что Герценъ надѣялся спасти изъ этого разрушенія—это независимую личность: «Мы не сыщемъ гавани иначе, какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной независимости».

Западникъ, атеистъ Герценъ—во многомъ сходится съ славянофиломъ Достоевскимъ. И развѣ глава omnia mea mecum porto (изъ книги «Съ того берега») не тотъ же ли вопль самодержавной, абсолютной личности, человѣкобога, что и безумныя желанія героя «Записокъ изъ подполья», послать все человѣческое благополучіе къ чорту, лишь бы пожить по своей глупой волѣ, не превратиться въ органный штифтикъ. Но Достоевскій не остановился на этомъ анархическомъ индивидуализмѣ. Онъ пошелъ дальше къ мечтамъ о теологической анархіи, Герценъ же дальше не пошелъ и на всю жизнь въ его душѣ остался расколъ, тяготѣніе къ соціализму, сопряженное со страшнымъ отъ него отталкиваніемъ. Достоевскій ни на минуты не сомнѣвался въ гибели Европы, и вѣрилъ, что спасти ее можетъ лишь Россія, Герценъ также ясно видѣлъ ея грядущую гибель, но не хотѣлъ въ нее вѣрить и съ горечью на душѣ отстаивалъ тотъ со-

соціализмъ, съ которымъ инстинктивно боролось все его существо, его абсолютная, самодержавная личность. Внѣ Европы, которая идетъ къ своей китаизаціи, онъ спасенія нигдѣ не видѣлъ и не могъ видѣть, но это спасеніе было для него хуже всякой гибели. Здѣсь самая глубокая его жизненная трагедія. Достоевскій вѣрилъ въ разрѣшеніе этой трагедіи—но въ другой плоскости, въ религіи. Герценъ этого не допускалъ. Однако оба они относились къ Европѣ, къ ея культурѣ и идеѣ въ высшей степени трагически.

Но вотъ въ Европу явился кумиръ нашихъ дней, Максимъ Горькій. Человѣкъ вышедшій изъ глубины русскаго народа, соціалистъ, взявшій всю свою, какая бы она ни была незначительная, культурность съ запада, выученикъ Европы, авторъ пресловутаго «Человѣка». Что увидѣлъ онъ въ Европѣ?

IV.

Съ легкостью и невинностью почти Хлестакова, какъ будто до него на Европѣ никто изъ русскихъ не переломалъ себѣ зубовъ, Горькій повѣдалъ міру о томъ, что онъ Европой не доволенъ.

Можетъ быть, и дѣйствительно Европа безобразна, можетъ быть, русскому она въ особенности должна казаться безобразной; но Горькій сдѣлалъ ей выговоръ такимъ тономъ, проявилъ такое незнаніе и непониманіе сущности европеизма и, главное, походъ свой облекъ въ такую нехудожественную форму, что у всякаго мало-мальски безпристрастнаго человѣка является непреодолимое желаніе встать за Европу горою.

Мы видѣли, что Достоевскій и Герценъ были убѣждены въ грядущемъ торжествѣ соціализма. Европейское торжество Ваала имъ казалось недолговѣчнымъ. Они слышали подземный гулъ выходящаго на свѣтъ пролетаріата, они не сомнѣвались, что все это буржуазное благополучіе полетитъ не сегодня-завтра къ чорту. Ихъ опасенія заключались не въ томъ, что буржуазія будетъ торжествовать безконечно, а въ томъ, имѣетъ ли грядущій соціализмъ достаточно нравственныхъ силъ, чтобы обновить человѣчество, есть ли въ немъ руководящая идея, которая бы объединила людей и не повела ихъ къ худшей враждѣ и ненависти. Правы ли Герценъ и Достоевскій—вопросъ другой, но ясно, что будь они, какъ Горькій, рядовыми соціалъ-демократами, вѣрь они, что за соціализмомъ полнота правды,—совсѣмъ не такими пессимистическими глазами смотрѣли бы они на Европу. Они бы грустили только, что буржуазный Ваалъ рушится не съ той быстротой, какъ хотѣлось бы. Положеніе Горькаго другое. Онъ считаетъ себя правовѣрнымъ соціалистомъ. Въ творческой идеѣ соціализма онъ не сомнѣвается. Но если такъ, чего же ждетъ онъ отъ буржуазной Европы? Съ какой стати обращается къ ней съ поученіями и выговорами? Ясно, что современная Европа есть уже прошлая, а грядущая, соціалистическая,—не можетъ же вызывать неудовольствіе со стороны Горь-

каго. Однако, Горькій забылъ, что онъ соціалистъ, соціализма въ Европѣ не примѣтилъ, или не захотѣлъ примѣтить, и обрушился со всей силой своихъ бутафорскихъ выкриковъ, на французскую буржуазную республику, поставивъ между нею и Франціей знакъ равенства. На это даже самый умѣренный французскій соціалистъ могъ бы отвѣтить: зачѣмъ вы съ такимъ шумомъ ломитесь въ незапертую дверь? Открыли Америку, нечего сказать. Мы охрипли отъ постоянной ругани съ нашими правящими классами, а вы, какъ будто мы не существуемъ, какъ будто мы недостаточно поработали—съ наивной серьезностью ругаете банкирскую буржуазію и считаете, что Франція исчерпывается парламентами, капиталистами и ростовщиками. А мы-то развѣ не Франція? Развѣ не мы ея будущее?

Но Горькій, увлеченный «художественными» образами и душащей его страстью къ остроумію, считаетъ, что Франція банкировъ и есть подлинная Франція. «Ея лицо теперь было нездоровымъ лицомъ женщины, которая много любила... Искусно подведенные глаза безпокойно бѣгали съ предмета на предметъ, рѣсницы устало опускались, прикрывая опухшія вѣки... Она обрюзгла, растолстѣла, и было ясно, что этой женщинѣ теперь гораздо ближе поэзія желудка, но не великая поэзія души, что грубый зовъ своей утробы она яснѣе слышитъ, чѣмъ голосъ правды и свободы, гремѣвшій нѣкогда изъ устъ ея по всей землѣ».

Эта престарѣлая кокотка предложила Горькому вполнѣ естественный вопросъ: «Вы говорите по-французски?» На это честный Горькій отвѣтилъ: «Нѣтъ, сударыня, я говорю только правду». (Престарѣлая кокотка, привыкшая къ остроумію шикарныхъ бульвардье, вѣроятно, искренно подивилась такому отвѣту.) Соціалисту совсѣмъ нечего лѣзть къ престарѣлой избалованной кокоткѣ съ моралью, благородными фразами и попутно сравнить себя топорнымъ остроуміемъ. А Горькій даже не задумывается надъ нелѣпостью своего визита. И, выйдя отъ нея возмущенный, разражается тремя страницами плохой, якобы бичующей прозы.

Онъ стыдитъ старую кокотку, сначала памятью Вольтера «Франція. Ты должна пожалѣть, что его уже нѣтъ—онъ теперь далъ бы тебѣ пощечину. Не обижайся. Пощечина такого великаго сына, какъ онъ—это честь для такой продажной матери, какъ ты».

И вовсе это невѣрно. Вольтеръ никакой бы пощечины не далъ, а облобызалъ бы стараго Комба, и погладилъ старающагося Бріана. Ecrasez l'infâme—кричалъ въ свое время покойный, и потомки его, современные Комбисты въ точности исполнили приказаніе великаго Вольтера. Онъ тоже радовался бы и, вѣроятно, какъ истый буржуа, началъ бы изли[ть] свою желчь... на соціалистовъ.

Послѣ Вольтера, Горькій взываетъ къ памяти В. Гюго. «Трибунъ, и поэтъ, онъ гремѣлъ надъ міромъ подобно урагану, возбуждая къ ж[изни] все, что есть прекраснаго въ душѣ человѣка». (Надо ухитриться ч[тобы] до такой степени банально охарактеризовать В. Гюго.) «Гюго отверг[ъ]

бы отъ той Франціи, которая шла впереди народовъ со знаменемъ свободы въ рукѣ, съ веселой улыбкой на прекрасномъ лицѣ, съ надеждой на побѣду правды и добра въ честныхъ глазахъ» *).

Что-то тоже не вѣрится. Сантиментальный, соціализирующій Гюго, вѣроятно, радовался бы учрежденію биржи труда, говорилъ бы надутыя рѣчи, и наслаждался почетомъ, а ужъ что касается приводимаго Горькимъ авторитета Флобера, то здѣсь нашъ обличитель прямо сѣлъ въ лужу. «Жрецъ красоты, эллинъ XIX вѣка, научившій писателей всѣхъ странъ уважать силу пера, понимать красоту его, онъ волшебникъ слова, объективный какъ солнце, освѣщавшій грязь улицы и дорогія кружева одинаково яркимъ свѣтомъ, даже Флоберъ не простилъ бы тебѣ твоей жадности, отвернулся бы отъ тебя съ презрѣніемъ». Вдаваться въ художественную оцѣнку этихъ полуграмотныхъ банальностей не буду. Видно, что самого Горькаго Флоберъ не научилъ «уважать силу пера». Но что бы дѣлалъ теперь Флоберъ? Да какъ въ свое время онъ презиралъ вся и всѣхъ, такъ и теперь, вѣроятно, издѣвался бы надъ этими sales bourgeois, pignoufs etc. и не нашелъ бы никакихъ новыхъ спеціальныхъ причинъ, чтобы «отворачиваться» отъ Франціи.

Я нарочно такъ долго остановился на именахъ, которыя приводитъ Горькій для посрамленія современной Франціи. Самый ихъ выборъ показываетъ, насколько Горькій безпомощенъ и какъ смутно онъ представилъ себѣ, что такое Франція, къ какой именно Франціи онъ обращается. Съ легкомысліемъ варвара, онъ бросилъ вызовъ всей Франціи. «Прими и мой плевокъ крови и желчи въ глаза твои»—кончаетъ онъ свое «обличеніе». Но Франція и не почесалась, а за Горькаго стыдно. Стыдно, потому что самъ-то Горькій разсчитывалъ, очевидно, что слова его произведутъ громадный эффектъ. Онъ имѣлъ извѣстный экзотическій успѣхъ въ Европѣ, и что называется—возомнилъ о себѣ. Изрекъ проклятіе Европѣ и думалъ, что Европа ужаснется. Но она не ужаснулась уже потому, что слишкомъ избалована въ эстетическомъ отношеніи. Въ манифестахъ Горькаго она прежде всего увидала плохую литературу. Затѣмъ она корректно, но настойчиво замѣтила Горькому, что есть Франція и Франція. Тогда Горькій спохватился, и въ своемъ отвѣтѣ, помѣщенномъ сначала въ газетѣ *L'Humanité*, а затѣмъ, по-русски, въ журналѣ г. Амфитеатрова *Красное Знамя* (1906 года № 6) онъ разъяснилъ, что говорилъ о «Франціи банковъ и финансистовъ, Франціи полицейскаго участка и министерствъ»; если же чѣмъ обидѣлъ французскихъ буржуа, то нисколько не раскаивается, потому что ему, «соціалисту, глубоко оскорбительна любовь буржуа».

---

*) Эта фраза напоминаетъ тѣ латинскіе extemporalia, которые намъ предлагали въ свое время для перевода на латинскій языкъ гимназическіе учителя древнихъ языковъ. Это какой угодно, только не русскій языкъ. *Знамя* въ рукахъ, *улыбка* на лицѣ, *надежда* въ глазахъ. Кажется, что улыбка и надежда тоже вещественные аттрибуты вродѣ знамени. Но какая „надежда“—ужъ окончательно не разберешь. Догадаться, что „въ честныхъ глазахъ“ относится къ „надеждѣ“ мудрено.

Отвѣтъ свой Горькій разбилъ на двѣ части. Первая написана по адресу извѣстнаго историка Олара, и полна вѣжливыхъ—и глубоко комичныхъ—расшаркиваній. «Вашу книгу о дняхъ эпической борьбы французскаго народа съ насиліемъ читаетъ русскій пролетаріатъ. По ней онъ учится умирать за свободу, необходимую ему, какъ воздухъ,—говоритъ Горькій. Этотъ комплиментъ звучитъ въ устахъ «соціалиста» Горькаго довольно странно. Книга г. Олара хороша, но написана съ точки зрѣнія радикала, вполнѣ довольнаго нынѣшнимъ строемъ Франціи, демократа-республиканца, видящаго въ современной республикѣ осуществленіе идеала великой революціи. Было бы еще понятно, если бы Горькій восхитился соціалистической исторіей революціи, написанной Жоресомъ, но увлеченіе Ларомъ необъяснимо. По этому маленькому примѣру ясно, какъ примитивны свѣдѣнія Горькаго по политической и соціальной исторіи Франціи. Вторая половина отвѣта, обращенная къ Жеро-Ришару, Рене Вивіани, въ своихъ политическихъ взглядахъ стоящихъ крайне близко къ Олару—Горькій не расшаркивается. Почему? Если Оларъ въ глазахъ соціалиста Горькаго не буржуа, то совершенно такіе же не буржуа Вивіани и Жеро-Ришаръ.

Но главный недостатокъ разъяснительнаго отвѣта Горькаго это—что онъ ничего не разъясняетъ. Какъ бы Горькій ни увертывался, въ интервью съ прекрасной Франціей онъ говорилъ о Франціи вообще, а не о Франціи банкировъ и финансистовъ. Здѣсь двухъ мнѣній быть не можетъ. Иначе къ чему Вольтеръ, В. Гюго, Флоберъ? Ему какъ соціалисту менѣе всего позволительно смѣшивать двѣ Франціи, порабощенную и торжествующую. Герценъ и Достоевскій подошли къ Западу со вселенской точки зрѣнія, съ философскими запросами. Ихъ интересовали судьбы всего человѣчества, его будущее, и они мучительно сомнѣвались, не идетъ ли Западъ къ гибели, и не повлечетъ ли онъ за собою все человѣчество. Горькій чуждъ всякой метафизики, всякой философской точки зрѣнія. Его риторика сводится въ концѣ-концовъ къ недовольству на французовъ за денежную ссуду русскому правительству. Не спорю, ссуда эта французской буржуазіи чести не дѣлаетъ. Но развѣ соціалистъ Горькій могъ ждать чего-нибудь другого отъ буржуазіи? Если бы буржуазія преисполнилась соціалистическими идеями и проводила ихъ въ жизни, она этимъ самымъ перестала бы быть буржуазіей. Соціалисту Горькому не пристало заниматься такими иллюзіями... Или онъ, начитавшись Олара, дѣйствительно вообразилъ, что нынѣшняя французская республика вся насквозь пропитана идеями великой французской революціи?

Кромѣ интервью съ «Прекрасной Франціей», Горькій написалъ еще сколько другихъ. На нихъ останавливаться не стоитъ. Такія же п на остроуміе, насмѣшки надъ маніей величія воображаемыхъ собес ковъ, маніей, которой страдаетъ прежде всего самъ Горькій. Претенці предисловіе автора—самое наглядное тому свидѣтельство.

V.

Но вотъ Горькій попалъ въ Америку.

Мы, европейцы, въ сущности мало знаемъ объ этой загадочной странѣ, а что знаемъ, какъ-то отъ нея отталкиваетъ. Намъ кажется, что въ Америкѣ все взято изъ Европы и нѣтъ ничего своего. Удивительная ничтожность духа и фантастическій культъ вещей. Кромѣ того, европейцу чужда страна, лишенная исторіи, начавшая жить, какъ ему кажется, прямо съ конца, т-.е. съ девятнадцатаго вѣка. Европу украшаютъ могилы, наслѣдіе великаго прошлаго. Если бы въ Парижѣ не было Notre-Dame—Эйфелева башня давила бы своимъ легкомысленнымъ и уродливымъ кружевомъ изъ стали. Представимъ себѣ теперь громадную богатую страну, гдѣ кромѣ Эйфелевой башни ничего нѣтъ. Такъ-таки ничего. Никакой исторіи, славныхъ традицій, никакого искусства, литературы, философіи. Голый капитализмъ, культъ Ваала, торжество матеріи. Если Америка дѣйствительно такова, какъ она представляется европейцу, она достойна ненависти. Но можно ли полагаться на мнѣніе европейцевъ, на впечатлѣнія туристовъ? Не слишкомъ ли они субъективны? Чтобы понять душу народа, надо смотрѣть на нее изнутри, а не извнѣ. А способны ли на это обыденные туристы-литераторы, столь щедро одаривающіе насъ своими «американскими впечатлѣніями?»

Разсказы про чудеса за-океанской техники набили намъ оскомину, но какъ мы мало знаемъ природу Америки, жизнь ея земледѣльца, религіозныя исканія американцевъ, ихъ безчисленныя секты.

Исчерпывается ли Америка такъ называемымъ «американизмомъ»? Горькій утверждаетъ, что да, и, повидимому, утверждаетъ искренно, ибо таково его впечатлѣніе. Но можно ли довѣриться его впечатлѣнію?

Я вовсе не хочу защищать Америку. «Американизмъ», можетъ быть, самое позорное, что создала современная культура, но только я не могу допустить, чтобы «американизмъ» исчерпывалъ сущность этой страны и чтобы поверхностныя и банальныя впечатлѣнія Горькаго могли бы какъ-нибудь опредѣлять наше отношеніе къ Америкѣ. Все, что разсказалъ намъ Горькій—извѣстно и перезвѣстно. Даже какой-нибудь Поль Адамъ, или Поль Бурже, два преуспѣвающихъ французскихъ литератора, сумѣли, несмотря на всю свою несерьезность, дать намъ болѣе живую, интересную картину Америки, чѣмъ Горькій. Худо ли, хорошо ли, но они старались войти въ мѣстную жизнь, въ психологію американца, искали въ немъ тѣ черты, которыя отличаютъ его отъ европейца. Горькій же описываетъ Америку изъ окна гостиницы или съ имперіала электрической конки. Общія впечатлѣнія туриста, мало образованнаго и не знающаго языка. При томъ, безнадежные буржуа Поль Бурже и Поль Адамъ отлично знали, чего они хотятъ и чего они ждутъ отъ Америки. Чего же ждалъ и чего хотѣлъ Горькій—рѣшительно не извѣстно. Его разочарованія—какія-то обще-армейскія. Такъ описывалъ бы Америку всякій провинціальный журналистъ, которому нужно написать опредѣленное число фельетоновъ.

«Городъ желтаго дьявола» озаглавилъ онъ очеркъ, посвященный Нью-Іорку.

«Кажется, что гдѣ-то въ центрѣ этого города вертится со сладострастнымъ визгомъ и ужасающей быстротой большой комъ золота; онъ разсыливаетъ по всѣмъ улицамъ мелкія пылинки, и цѣлый день люди жадно ловятъ, ищутъ, хватаютъ ихъ. Но вотъ наступаетъ вечеръ; комъ золота начинаетъ вертѣться въ противоположную сторону, образуя холодный огненный вихрь, и втягиваетъ въ него людей затѣмъ, чтобы они отдали назадъ всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня комъ золота увеличивается въ объемѣ, его вращеніе становится быстрѣе, громче звучитъ торжествующій вой желѣза, его раба, и всѣхъ силъ, порабощенныхъ имъ. И жаднѣе, съ большей властью, чѣмъ вчера, оно сосетъ кровь и мозгъ людей, для того, чтобы къ вечеру эта кровь и мозгъ обратились въ холодный, желтый металлъ. Комъ золота—сердце города. Въ его біеніи вся его жизнь, въ ростѣ его объема весь смыслъ его... Для этого люди цѣлыми днями роютъ землю, куютъ желѣзо, строятъ дома, дышатъ дымомъ фабрикъ, всасываютъ порами тѣла грязь отравленнаго больного воздуха, для этого они продаютъ свое красивое тѣло. Это скверное волшебство усыпляетъ ихъ души, оно дѣлаетъ людей гибкими орудіями въ рукѣ желтаго дьявола и рудой, изъ которой онъ неустанно плавитъ золото, свою плоть и кровь...»

Точно эта цитата—изъ гимназическаго сочиненія на тему «о вредномъ вліяніи города на нравственность человѣка». Въ очеркахъ Горькаго много сантиментальности, жалости къ людямъ, словомъ, много добрыхъ чувствъ, но нѣтъ ни художественнаго творчества, ни какой бы то ни было руководящей мысли. Если бы Горькій былъ сознательнѣе, хоть немного разобрался въ своемъ отношеніи къ Западу вообще и къ Америкѣ въ частности, если бы онъ понялъ, что не такъ-то легко быть одновременно и индивидуалистомъ и соціалистомъ,—на его американскихъ очеркахъ отразились бы такъ или иначе его идейныя переживанія, онъ освѣтилъ бы ихъ руководящей мыслью или настроеніемъ. Съ другой стороны, если бы онъ послушался только своего художественнаго инстинкта, а инстинктъ этотъ у него чисто разрушительный, онъ, можетъ быть, далъ бы намъ искреннія страницы стихійнаго гнѣва, бунта человѣческой личности противъ гнета вещей.

Но Горькій остановился на серединѣ, на полусознаніи. Всѣмъ существомъ своимъ онъ анархистъ. Здѣсь его сила, только здѣсь, въ этомъ безудержномъ босячествѣ проявляется его талантъ. Но къ этому безсознательному, стихійному анархизму онъ прицѣпилъ самый поверхностный непродуманный соціализмъ, и ходячій уличный матеріализмъ, соединенный съ дѣтскимъ культомъ человѣка въ ковычкахъ. Если дѣйствительно «и человѣкъ и все для человѣка», если «человѣчество» есть центръ міроздданія, то гнѣвъ Горькаго—ни на чемъ не основанъ.

Казалось бы, Америка именно та страна, гдѣ торжествуетъ свобода

отъ всякихъ предразсудковъ человѣкъ. Въ Америку человѣкъ пріѣхалъ налегкѣ. Его не давили сорокъ вѣковъ исторіи. Онъ былъ свободенъ отъ страшной власти церкви; воевать ему было не съ кѣмъ. Безпредѣльный океанъ защищалъ его отъ внѣшнихъ враговъ, внутри же бродили жалкіе остатки вымирающихъ индѣйцевъ, страшныхъ только для европейскихъ гиназистовъ. Казалось бы, всѣ данныя, чтобы создать царство счастія и благополучія, царство воспѣтаго Горькимъ человѣка въ ковычкахъ. Однако, Горькій не порадовался, а ужаснулся и былъ въ своемъ ужасѣ, конечно, правъ.

Горькій могъ бы себя утѣшить тѣмъ, что американцы не люди, а буржуа. Что тамъ за океаномъ царствуетъ золото, царствуетъ капитализмъ. А мы хорошо знаемъ, что такое капиталистическій строй. Именно онъ и уничтожаетъ человѣка, искажаетъ образъ его, превращаетъ его въ звѣря; но вѣдь мы знаемъ также, что капитализмъ самъ себѣ копаетъ яму. Онъ создалъ пролетаріатъ, и чѣмъ больше развитъ въ странѣ капитализмъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ классовая борьба, тѣмъ дружнѣе, сплоченнѣе и сознательнѣе въ немъ пролетаріатъ. Именно въ буржуазныхъ странахъ, съ развитой промышленностью, подъ старой слѣзающей шкурой капитализма должна чувствоваться новая кожа будущаго строя. Горькій, соціалистъ Горькій, долженъ былъ ее ощутить особенно рѣзко. Ужъ если гдѣ, такъ именно въ Америкѣ онъ долженъ былъ увидать организованныя, революціонно-настроенныя массы, мощный пролетаріатъ, который не сегодня-завтра свергнетъ съ себя иго капитализма. Но соціалистъ Горькій этого не увидѣлъ, онъ забылъ, что онъ соціалъ-демократъ.

Одинъ изъ своихъ очерковъ онъ посвящаетъ толпѣ, той массѣ людей, кровь которыхъ сосетъ этотъ желтый дьволъ. Горькій описываетъ «досуги» толпы, тотъ воскресный отдыхъ, къ которому столь страстно стремится пролетаріатъ. Удовольствія чисто звѣриныя. Жалкіе шарлатаны, фокусники, клоуны, которые вытягиваютъ у рабочихъ послѣдніе его гроши, кабатчики, которые ихъ одурманиваютъ. «Все это бѣлокожіе дикари,—говоритъ Горькій объ этой толпѣ,—которая только ощущаетъ, только видитъ. Она не можетъ претворять своихъ впечатлѣній въ мысли, душа ея нѣма и сердце слѣпо».

И когда жалкій праздникъ кончается, «въ желобъ улицъ молча и угрюмо идутъ разорванные, разрозненные люди».

Но если такъ, то чѣмъ отличается отношеніе Горькаго къ западной культурѣ отъ отчаянныхъ воплей Герцена, Достоевскаго? Кажется, только своей нехудожественной претенціозностью и плоской банальностью. Больше ничѣмъ. Герценъ ужасался, не вѣрилъ въ возрожденіе этихъ «дикарей». Достоевскій искалъ спасенія въ «народѣ-богоносцѣ», а Горькій, Горькій, самъ того не сознавая, подкопалъ тотъ соціализмъ, въ который онъ искренно вѣритъ.

Онъ увидалъ только одну властвующую, буржуазную Америку. Если въ своей полемикѣ съ французскими журналистами Горькій старался увѣ-

рить насъ, что онъ говорилъ только о Франціи банкировъ, то этой увертки по отношенію къ Америкѣ ему сдѣлать нельзя. Онъ говорилъ о всей Америкѣ, о ея верхахъ и низахъ. Онъ ужасался «разрозненности» этихъ низовъ, не объединенныхъ никакой организаціей, покорно подчиняющихся своимъ эксплоататорамъ. Всякій, кто повѣритъ Горькому, рѣшитъ, что въ Америкѣ соціализма нѣтъ и быть не можетъ *).

Врядъ ли такое пессимистическое заключеніе входило въ намѣренія «соціалиста» Горькаго. Или онъ, можетъ быть, гораздо болѣе вѣритъ въ торжество соціальной правды въ Россіи, чѣмъ на Западѣ, родинѣ соціализма? Но не измѣна ли это ортодоксальному марксизму?

Въ концѣ XIII томика «Знанія» помѣщено его небольшое воззваніе «Товарищъ». Приводить цитаты изъ этой провинціальной прокламаціи добраго стараго времени—просто неловко. Стыдно за Горькаго, и за русскую литературу.

Онъ разсказываетъ намъ, какъ магическое слово «товарищъ» преобразило русскую жизнь. И проститутка, и извозчикъ, и полицейскій—всѣ поддались обаянію этого слова. «На улицахъ мертваго города, въ которомъ царила жестокость, росла и крѣпла вѣра въ человѣка, въ побѣду надъ собою и зломъ міра».

Откуда появилось это новое слово? Горькій утверждаетъ, что это «простое свѣтлое слово» было брошено «одинокими мечтателями», «полными вѣры въ человѣка». «Они тайно приносили съ собой въ подвалы всегда плодотворныя, маленькія сѣмена простого и великаго ученія».

Что же, на Западѣ нѣтъ и не было такихъ «одинокихъ мечтателей?» Отчего слово «товарищъ» не сіяетъ тамъ «яркой веселой звѣздой, путеводнымъ огнемъ въ будущее?» Отчего тамъ, гдѣ, казалось бы, это благодатное слово должно было звучать съ особой силой, по улицамъ «молча и угрюмо идутъ разрозненные люди»?

Или это удѣлъ русскихъ—воплотить то, что невоплотимо на Западѣ? Но тогда съ другого конца мы приходимъ все къ тому же народу богоносцу, потому что, повторяю, нѣтъ никакихъ научныхъ, строго обоснованныхъ данныхъ, которыя указывали бы, что торжество соціализма болѣе возможно въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Соціалистическая наука, какъ мы знаемъ, доказываетъ какъ разъ обратное. Слишкомъ ясно, что въ магическое слово, объединяющее полицейскаго съ извозчикомъ и проституткой, Горькій вкладываетъ общечеловѣческое, а не только классовое содержаніе, что онъ безсознательно гораздо больше вѣритъ въ человѣка, чѣмъ въ классъ. Въ Россіи каковы бы ни были классовыя противорѣ
но, благодаря общему врагу, здѣсь совершилось нѣкоторое внѣкласс
объединеніе людей, союзъ жаждущихъ бытія личностей, стоящихъ на

*) Я, конечно, не вхожу въ разсмотрѣніе вопроса: почему американское
чее движеніе столь мало революціонно, и какія специфическія причины задержив
тамъ развитіе соціализма. Мнѣ только хотѣлось указать, насколько не про
соціализмъ самого Горькаго и поверхностны его впечатлѣнія объ Америкѣ.

ныхъ ступеняхъ развитія и сознанія, но стремящихся прежде всего къ завоеванію своего человѣческаго достоинства. Вопреки ортодоксальному марксизму, въ основѣ этого, казалось бы, чисто стихійнаго движенія лежитъ все то же вѣчное, можетъ быть, не всегда сознаваемое, но абсолютное человѣческое я.

VI.

Какъ пошехонецъ, Горькій заблудился въ двухъ соснахъ, въ анархизмѣ и въ соціализмѣ.

Горькій-художникъ прежде всего индивидуалистъ. Если въ немъ есть что-нибудь цѣнное, яркое, это именно бунтъ личности противъ общества, «я» противъ «не я», противъ міра и Бога. Темпераментомъ, психологіей своей онъ анархистъ. Съ этой точки зрѣнія его босякъ изъ соціально-экономическаго типа подымается до высоты абсолютной человѣческой личности, до богоборчества. Бунтъ этотъ не вмѣщается въ рамки соціальныя, въ теорію классовой борьбы и т. д. И когда Горькій поѣхалъ на Западъ, когда онъ увидѣлъ мѣщанское царство золотого дьявола, тупую, грубую тоску «бѣлыхъ дикарей», угнетаемыхъ золотомъ, онъ инстинктивно возсталъ противъ ужаса жизни. Въ немъ проснулся старый, бунтующій «босякъ индивидуалистъ». Но изъ этого бунта ничего не вышло. Сознаніе, вѣрнѣе полусознаніе, самыя банальныя верхушки общераспространеннаго міросозерцанія интеллигента-соціалиста, убило въ немъ его не сильное художественное дарованіе. Пробуждавшаяся, жаждавшая свѣта личность Горькаго-художника поникла подъ тяжестью примитивнаго матеріалистическаго міросозерцанія, этого дешеваго товара, столь распространеннаго въ полуинтеллигентныхъ массахъ, этой дурной болѣзни, унаслѣдованной современнымъ соціализмомъ отъ вымирающей буржуазіи. Можетъ быть, внутренняя трагедія Горькаго—символъ той трагедіи, которая разыгрывается въ современномъ соціализмѣ. Органически—современный пролетаріатъ глубоко революціоненъ, воистину святъ въ своей неутолимой жаждѣ свѣта, правды, справедливости. Его пафосъ—чисто религіозный, хотя, конечно, безсознательно. Всѣ безкорыстные подвиги этихъ людей ради лучшаго будущаго, до котораго ни одинъ изъ нихъ самъ не доживетъ, ихъ постоянное самопожертвованіе, забвеніе ближайшихъ выгодъ—говорятъ о громадномъ запасѣ нравственныхъ силъ, о горячей вѣрѣ, о живомъ огнѣ. Но самый объектъ этой вѣры, содержаніе ея—пролетаріатъ заимствовалъ отъ той же ненавистной ему буржуазіи. Въ соціалистической литературѣ съ утомительнымъ однообразіемъ повторяется мнѣніе, что всякій идеализмъ, всякій религіозный идеалъ есть дѣтище буржуазной классовой психологіи. Идеологія есть одно изъ орудій классоваго господства. Это ходячее мнѣніе глубоко невѣрно. Идеализмъ, религіозное сознаніе—удѣлъ внѣклассовыхъ личностей. Для буржуазіи же, какъ для класса, типиченъ именно тотъ примитивный матеріализмъ, который интеллигенты по какому-то не-

доразумѣнію навязываютъ рабочимъ массамъ, не замѣчая, насколько это буржуазное міросозерцаніе противорѣчитъ всей психологіи пролетаріата. Культъ земли не болѣе какъ замаскированное возвращеніе къ птоломеевской геоцентрической теоріи; культъ «человѣчества» въ кавычкахъ, обожествленіе его—это религія современной буржуазіи. Вся современная властвующая Франція, та престарѣлая кокотка, которая вызвала гнѣвъ Горькаго—покоится на преклоненіи передъ земнымъ благополучіемъ. Отдѣльныя личности, человѣкъ не въ кавычкахъ, освобождаясь отъ тины мѣщанства, подымается надъ этимъ, столь любезнымъ буржуазіи, міросозерцаніемъ, льнетъ къ идеалу внѣклассовому, всечеловѣческому, вселенскому, возстаетъ противъ варварскаго матеріализма, ничѣмъ не отличающагося отъ фетишизма папуасовъ; но именно эти борцы за вѣчную вселенскую правду, психологія которыхъ такъ близка къ революціонному пафосу рабочихъ массъ—встрѣчаетъ со стороны вожаковъ этихъ массъ непонятную ненависть. Сами того не замѣчая, вожаки отравились ядомъ буржуазной пошлости и почти съ изувѣрствомъ навязываютъ пролетаріату старые фетиши капиталистическаго строя, сбиваютъ его съ толку, надѣваютъ на его святой революціонный ликъ тупую маску буржуа. Буржуазія можетъ гордиться, что она потушила «небесные огни», что своими электрическими фонарями, освѣщающими ночные притоны, она затмила звѣзды. Кантъ преисполнялся благоговѣйнымъ чувствомъ удивленія, ощущая нравственный законъ въ себѣ и звѣзды надъ собою. Современный житель большого города не удивляется по той простой причинѣ, что звѣздъ онъ не можетъ видѣть. Освѣщенные кабаки уничтожаютъ небо, а не видя неба, нельзя увидѣть и нравственнаго закона въ себѣ. Но къ этимъ ли кабацкимъ огнямъ стремится пролетаріатъ? Куда онъ рвется изъ темнаго подземелья, не къ солнцу ли, не къ свѣту, не къ вселенской правдѣ? Удовлетворится ли его святой порывъ этимъ буржуазнымъ благополучіемъ при потушенныхъ огняхъ неба и освѣщенныхъ кабакахъ?

Индивидуалистъ, анархистъ Горькій стремился не къ этому. Онъ вызывалъ всѣхъ, весь міръ на смертный бой. Его душа жаждала или гибели міра, или его преображенія. Но мутный источникъ матеріализма—его отравилъ. Къ здоровой натурѣ, къ томящейся по вѣчной правдѣ личности присоединилось поистинѣ варварское міросозерцаніе, полуинтеллигентская полунаука. Абсолютная личность подмѣнилась культомъ закованнаго въ причинную связь человѣка. «Человѣкъ это гордо» восклицаетъ одинъ изъ героевъ Горькаго. Да, гордо, воистину гордо, но только потому, что внутри него живетъ абсолютный нравственный законъ, а надъ нимъ горитъ звѣздами небесный сводъ. Уткнувшись же носомъ въ землю, подчинивъ себя цѣликомъ закону причинности, человѣкъ неизбѣжно превращается лишь въ прахъ и тлѣнъ. Это уже простая логика.

Горькій не сумѣлъ осмыслить своего индивидуализма. Онъ чисто внѣшне, механически соединилъ его съ ходячимъ матеріализмомъ и впалъ въ самую низменную пошлость. Все, что было въ немъ, какъ въ художни

яркаго и сильнаго—исчезло. Неудовлетворенность, исканіе, бунтъ,—замѣнилъ самодовольнымъ тономъ заурядняго демагога. Языкъ, сильный и красочный въ первыхъ его вещахъ, сталъ трескучимъ, фальшивымъ, и какимъ-то неумѣлымъ, гимназическимъ.

Нѣтъ, ужъ если художникъ не въ силахъ освѣтить свое творчество свѣтомъ истиннаго сознанія, то пусть онъ лучше слушаетъ только голосъ своего художественнаго инстинкта. Грубое полусознаніе отравляетъ самые источники творчества. И какъ это ни страшно сказать—Горькій-художникъ врядъ ли возродится.

Человѣкъ, для котораго не существуетъ больше никакихъ вопросовъ, который залилъ огонь своей души грязной водой дешеваго матеріализма, не можетъ не превратиться въ самаго средняго, самодовольнаго буржуа.

Д. В. Философовъ.

В. Э. Борисовъ-Мусатовъ *).

1870—1905 гг.

Когда прерывается жизнь художника, писателя, поэта, невольно возникаетъ вопросъ: въ какой моментъ пресѣклось его творчество, въ какой точкѣ его пути нежданно встрѣтилась преграда смерти? Успѣлъ ли художникъ найти самого себя, успѣлъ ли выразить въ своихъ произведеніяхъ завѣтное своей души; исчерпалъ ли онъ даръ свой или, напротивъ, кончина застигла его лишь на порогѣ открывшейся сокровищницы? Викторъ Эльпидифоровичъ Борисовъ-Мусатовъ умеръ тридцати пяти лѣтъ, въ разгарѣ напряженной работы, при первыхъ лучахъ занимавшейся зари славы. За два, за три года передъ смертью имъ были созданы крупнѣйшія и первыя вполнѣ зрѣлыя произведенія; въ послѣдніе свои дни художникъ былъ занятъ замысломъ и подготовкой новой большой картины. Все говоритъ, повидимому, за то, что оставленное Мусатовымъ творчество должно быть неполно, нецѣльно, незакончено. Казалось бы, нельзя узнать всего художника въ этихъ отрывкахъ, начинаніяхъ, намекахъ и только угадывать и предчувствовать его можно, только грустить о томъ, что имъ не сказано. Это отчасти и вѣрно, если имѣть въ виду матеріальные, количественные результаты его трудовъ. Вмѣсто огромныхъ фресокъ, только акварельные эскизы, вмѣсто большихъ картинъ, только этюды и подготовительные рисунки. Множество намѣреній, возможностей, силъ, и какъ въ самомъ дѣлѣ безконечно жаль, что всему этому не суждено было слиться въ новыхъ стройно-законченныхъ произведеніяхъ. Однако, тотъ, кто умѣетъ проницать сквозь краски, формы и слова духовную жизнь художниковъ и поэтовъ, кому книга или холстъ или мраморъ представляются понятнымъ языкомъ для бесѣды душъ, тотъ можетъ найти утѣшеніе. Въ оставшемся послѣ Мусатова художественномъ наслѣдіи уже живетъ вполнѣ цѣльный и ясно очерченный его образъ. Художникъ, не успѣвшій закончить дѣло рукъ своихъ, успѣлъ внутренно вырасти, душевно окрѣпнуть. Посмертная выставка его произведеній рождаетъ единое

*) По поводу посмертной выставки его произведеній.

сильное, опредѣленное впечатлѣніе. Отъ каждой, даже небольшой вещицы, созданной Мусатовымъ послѣ нѣкоего душевнаго перелома, вѣетъ одной и той же, общей художественной атмосферой. Устанавливается особая вліяющая среда, какъ бы нѣкоторое магнитное поле, и всякій, кто въ него попадаетъ, чувствуетъ съ несомнѣнностью его притяженіе. Ибо есть «мусатовское» отношеніе къ вещамъ и символамъ—особенный уголъ зрѣнія на міръ, особенная прекрасная страница въ книгѣ искусства.

Удивительно быстро, точно внезапно, раскрылся талантъ Мусатова. Произошло это послѣ долгихъ опытовъ, исканій, трудовъ. За семь лѣтъ до смерти художника еще ничто не предвѣщало въ немъ творца «Водоема» и «Реквіема». Но вотъ «одно видѣнье непостижное уму» осѣнило его, и тогда поистинѣ сдѣлалось чудо. Вмѣсто даровитаго ученика явился большой самостоятельный художникъ, вмѣсто рѣзкой подражательной живописи, живопись необыкновенно нѣжная, небывало ласкающая; вмѣсто разбросанныхъ тамъ и сямъ осколковъ чувства, сплошная свѣтлая рѣка поэзіи. Души поэтовъ подобны цвѣтамъ—онѣ таинственно распускаются въ одну весеннюю благодатную ночь. Мусатовъ былъ поэтъ, это самое лучшее и самое вѣрное, что можно сказать объ его творчествѣ. Нѣтъ общаго мѣрила для хорошаго и дурного въ живописи. Для одного художника самымъ важнымъ и цѣннымъ можетъ быть воспроизведеніе дѣйствительности, для другого—игра своихъ чудныхъ фантазій, для третьяго—мастерство кисти, для четвертаго—наслажденіе тонкими сочетаніями красокъ. Совершенство каждаго изъ нихъ восхищаетъ, но еще не удовлетворяетъ, не радуетъ. За блистательнымъ произведеніемъ искусства жаждешь услышать тихій голосъ души его создателя, человѣка. Какъ только услышится этотъ голосъ, зазвучатъ дорогія ноты лиризма, такъ ужъ нельзя холодно любоваться произведеніемъ, надобно любить его, хочется жить имъ. Оттого такъ властно обаяніе художника-поэта Мусатова. Онъ долго таилъ въ себѣ свѣтлую грусть, улыбку осеннюю, міръ сходящаго вечера, но прикоснувшись къ старинѣ, приникнувъ къ розамъ увядшимъ, открылся, пробудился, сказалъ вдохновенное слово. Серебристыя, утоляющія печаль слезы его оросили купы старинныхъ парковъ, разсыпались вмѣстѣ съ облетѣвшими листьями по аллеямъ, наполнили водоемы, засверкали во многоцвѣтныхъ шелкахъ, ушли съ бѣлыми тучками въ синее небо.

Родился Мусатовъ въ Саратовѣ въ 1870 г. Въ раннемъ дѣтствѣ своемъ онъ сдѣлался горбатымъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о сторонникъ вліяніяхъ, которыя могли бы направить его къ искусству. И въ то же время, люди близко знавшіе художника отмѣчаютъ раннее пробужденіе въ немъ страсти къ рисованію. Шестнадцати лѣтъ юноша покинулъ родной городъ и поступилъ въ московское училище живописи. Спустя нѣкоторое время онъ перешелъ въ академію художествъ, въ классъ проф. Чистякова, затѣмъ снова вернулся въ Москву, гдѣ и пробылъ до 1895 г. На посмертной выставкѣ было немного работъ, исполненныхъ художникомъ за эти

первые девять лѣтъ. Думается, впрочемъ, что онѣ еще вовсе не предвѣщали будущаго поэта. По крайней мѣрѣ, этюды, сдѣланные во время лѣтней поѣздки въ Крымъ и на Кавказъ, мало чѣмъ замѣчательны. Это обыкновенные ученическіе, вполнѣ добросовѣстные опыты. Сохранилась память о многочисленныхъ столкновеніяхъ молодого художника съ его учителями. Отношенія между нимъ и школой быстро приняли характеръ борьбы и, какъ кажется, принесли Мусатову немало горя. Но, было бы слишкомъ поспѣшнымъ видѣть въ томъ яркіе проблески самобытности молодого таланта. Въ ту пору такія отношенія не были, вообще говоря, рѣдкостью, ибо надвигался рѣшительный кризисъ въ живописи. Надо полагать, что школьной войной былъ увлеченъ тогда далеко не одинъ Мусатовъ. Правда, страстность и рѣзкость, которую онъ сюда вносилъ, свидѣтельствуютъ о напряженности исканій, о большомъ художественномъ темпераментѣ. Объ этомъ же говоритъ и та восторженная радость, съ которой осенью 1895 г. молодой художникъ осуществилъ свое давнишнее намѣреніе—поѣздку въ Парижъ.

Въ Парижѣ Мусатовъ пробылъ съ перерывами около трехъ лѣтъ, работая здѣсь въ знаменитой мастерской Кормона. Какъ и большинство его сотоварищей, онъ ограничивался тѣмъ, что внимательно слушалъ совѣты опытнаго руководителя и трудился надъ рисункомъ; общія вліянія, общіе взгляды на искусство приходили къ ученикамъ стараго Кормона со стороны. То были полные движенія и жизни годы французской живописи. Импрессіонисты—Клодъ Монэ, Ренуаръ, Сезаннъ—добились тогда, наконецъ, всеобщаго признанія. Среди художественной молодежи они пользовались огромной славой. Не меньшимъ вліяніемъ пользовался также великій создатель незабываемыхъ фресокъ, Пювисъ де-Шаваннъ. Нарождалась и новая, синтетическая живопись: только что сдѣлались извѣстными смѣлые опыты Гогена, уже выступалъ Морисъ Дэнисъ со своими удивительными декоративными панно. Почти одновременно съ Мусатовымъ въ мастерской Кормона былъ столь близкій ему по духу, изумительный колористъ и поэтъ былого, Шарль Герэнъ. Какое широкое поле для всевозможныхъ вѣяній, какое разнообразіе вполнѣ естественныхъ увлеченій! Кромѣ повседневныхъ занятій въ мастерской, Мусатовъ работалъ мало. Тѣмъ не менѣе, работы, исполненныя имъ во время лѣтнихъ перерывовъ, даютъ ясное понятіе о его тогдашнихъ задачахъ и стремленіяхъ. На посмертной выставкѣ была «Голова дѣвушки съ агавой» 1896 г., былъ цѣлый рядъ эскизовъ и этюдовъ, исполненныхъ въ слѣдующемъ году для задуманной, но неосуществленной картины «Maternité». Эти вещи даю прежде всего впечатлѣніе единства характера: въ нихъ нѣтъ смѣше различныхъ вліяній. Въ нихъ есть, затѣмъ, нѣчто специфически-франц ское—это пожалуй то, что техникѣ отведено большое, преобладаю мѣсто. Замѣтно, сверхъ того, стремленіе къ силѣ во что бы то ни ста даже къ силѣ граничащей съ рѣзкостью и грубостью. Природа трактуе здѣсь въ духѣ импрессіонистовъ, съ явной склонностью къ анализу свѣ

къ разложенію переходныхъ тоновъ на составные. Въ большинствѣ случаевъ трудно назвать удачной эту рѣзкую пестроту синихъ, зеленыхъ и лиловыхъ пятенъ.

Въ 1898 г. Мусатовъ возвратился на родину. Написанный въ этомъ году «Портретъ художника и его сестры» заканчиваетъ второй періодъ его дѣятельности. Художникъ въ широкомъ рабочемъ фартукѣ и дѣвушка въ бѣломъ старомодномъ платьѣ помѣщены среди ярко освѣщенной зелени сада. Картина написана сильными мазками; солнечный свѣтъ рѣзко выдвинутъ синими и лиловыми пятнами тѣни. Такъ могъ бы писать вѣрный послѣдователь французскихъ импрессіонистовъ. По сравненію съ предшествующими этюдами замѣтна большая увѣренность—это первое серьезное произведеніе художника. Но еще не чувствуется въ немъ настоящій Мусатовъ. Только мраморный столикъ съ розами уже говоритъ о пробудившемся вкусѣ къ цвѣтнымъ сочетаніямъ, да старомодное платье дѣвушки уже рисуется въ плавныхъ, красивыхъ линіяхъ. Но эти подробности теряются въ общей реалистической трактовкѣ обѣихъ фигуръ и сада. Пока, объективность еще преобладаетъ, еще торжествуетъ свою послѣднюю побѣду. Слѣдующее лѣто 1899 г. было рѣшительнымъ въ жизни Мусатова. Тогда произошелъ тотъ глубокій душевный переломъ, который таинственно преобразилъ его творчество. Обстоятельства, при которыхъ онъ совершился, останутся навсегда скрытыми отъ нашихъ взоровъ. Мы знаемъ только одну внѣшнюю сторону, только обстановку, въ какой онъ случился. То памятное лѣто художникъ проводилъ въ старинномъ имѣніи Слѣпцовкѣ, Саратовской губерніи. Тамъ былъ ветхій деньми домъ, старый запущенный садъ, старинныя платья въ кладовыхъ, еще хранящихъ запахъ минувшаго. Какой благословенный голосъ услышалъ тамъ художникъ, что низошло въ его душу, этого мы не знаемъ. Но онъ откликнулся на тотъ призывъ и за свѣтлыми видѣніями пошелъ безповоротно. Нѣтъ причинъ предполагать, что здѣсь только развился интересъ къ прошлому, воспринятый еще въ Парижѣ. Едва ли культъ восемнадцатаго вѣка, тогда лишь зарождавшійся во французской литературѣ и живописи, могъ оказать на него вліяніе. И тогда и позднѣе Мусатову было совершенно несвойственно постигать прошлое умомъ, изученіемъ. Онъ никогда не стремился къ полному знанію какой-либо эпохи, къ проникновенію во всѣ подробности ея жизни, какъ это дѣлаютъ К. Сомовъ и А. Бенуа. Съ этой точки зрѣнія его произведенія могутъ казаться наивной и романтической путаницей костюмовъ, лицъ, обстановки. Встрѣчающіяся въ его картинахъ зданія не принадлежатъ ни къ какой эпохѣ: они такъ комично-трогательны, какъ безхитростныя измышленія нашихъ бабушекъ, вышивавшихъ шелками. Слѣпцовская старина не затронула мысли художника. Она совершила въ немъ огромный внутренній переворотъ освобожденія. То была одна изъ тѣхъ необходимыхъ случайностей, которыя предопредѣлены судьбой поэтамъ и художникамъ. Въ сумракѣ слѣпцовскихъ аллей

жило вдохновеніе; тамъ снялись послѣднія путы съ души Мусатова, выросли бѣлыя крылья, умчали его далеко.

Мгновенны важнѣйшія движенія душевной жизни, но чтобы сдѣлался замѣтнымъ ихъ слѣдъ въ той или иной дѣятельности, необходимъ нѣкоторый, хотя бы и коротній срокъ. Слѣпцовка указала Мусатову новый путь, но онъ вступилъ на него робко и не безъ колебаній. Въ цѣломъ рядѣ произведеній, появившихся между 1899 и 1901 гг., еще замѣтенъ переходъ, еще видна неувѣренность. Правда, этотъ переходъ совершается чрезвычайно быстро. Первой вещью, написанной послѣ душевнаго перелома, былъ «Осенній мотивъ». Дѣвушка въ старомодномъ платьѣ «Портрета», съ розой въ рукахъ, слушаетъ признаніе грустно поникшаго кавалера въ лиловомъ камзолѣ; въ фонѣ желтыя и красныя пятна осеннихъ листьевъ. Отъ картины вѣетъ трогательнымъ чувствомъ, поэзіей навсегда уходящихъ красныхъ дней. Но еще слишкомъ сильно замѣтенъ въ ней характеръ иллюстраціи. Позы, лицо дѣвушки, обстановка, все наводитъ на мысль, на простую разгадку; здѣсь въ краскахъ и линіяхъ разсказанъ милый эпизодъ, поэтическій мотивъ переданъ прозой. Мусатовъ никогда не былъ блестящимъ, остроумнымъ иллюстраторомъ; поэтому не совсѣмъ удаченъ и «Романсъ безъ словъ». Знакомые уже персонажи «Осенняго мотива», въ сходственныхъ съ прежними позахъ, помѣщены въ комнатѣ со старинымъ убранствомъ; сцена трактована слишкомъ эскизно,—это еще не болѣе чѣмъ милая бездѣлица. Уже значительно серьезнѣе взято «Quand les lilas refleuriront», на слова прелестнаго стараго французскаго романса. Снова знакомыя по предыдущимъ картинамъ фигурки. Онѣ идутъ по свѣжему мягкому лугу, на который пала вечерняя тѣнь; старинный паркъ сгрудился вокругъ нихъ, и послѣдніе лучи солнца играютъ на вершинахъ деревьевъ. Характерно, что этюды къ этой картинѣ написаны яркой и сильной импрессіонистической манерой, но, комбинируя ихъ, Мусатовъ уже заботится погасить яркую пестроту, уже стремится къ большимъ однотонымъ поверхностямъ и плавнымъ линіямъ. Новая манера неминуемо должна была явиться вмѣстѣ съ новыми мотивами творчества; она особенно сказалась въ картинѣ «Гармонія». Нѣсколько женщинъ въ старомодныхъ платьяхъ слушаютъ декламацію поэта. Вечеръ спустился, и все погружено въ одинъ общій, уныло и холодно-зеленый тонъ. Только причудливое облако надъ горизонтомъ горитъ прощальными розовыми огнями. Здѣсь Мусатову удалось свести все къ нѣсколькимъ тонамъ, къ немногимъ простымъ линіямъ. Аналитическія задачи, унаслѣдованныя отъ импрессіонистовъ, смѣнились вполнѣ синтетическимъ отношеніемъ къ природѣ и изображенію. Лишь въ той рѣзкости и прямолинейности, съ какой предъ[illegible] новый взглядъ на вещи, еще виденъ недавно увлекавшійся [illegible] авторъ «Портрета». «Гармонія»,—все же только опытъ, и опытъ не всѣмъ удачный. Но еще одинъ шагъ—и появится настоящій Мусатовъ. [illegible]зовыя облака «Гармоніи» уже заставляютъ его предчувствовать. Отдѣ[illegible]

этюды и эскизы этихъ облаковъ уже наполняютъ душу восторгомъ передъ открывающимся лицомъ его творчества.

Въ 1901 году былъ написанъ «Гобеленъ». По совершенству блѣднаго и въ то же время полнозвучнаго колорита, это одно изъ лучшихъ произведеній новѣйшей русской живописи. Нѣтъ ни слѣда прежней рѣзкости, порывы къ силѣ замѣнились твердымъ и спокойнымъ веденіемъ кисти. Знойный полдень; старый садъ замеръ въ ровно нагрѣтомъ ласковомъ воздухѣ. Оранжерейныя растенія радостно вдыхаютъ тепло; мягко сіяетъ стѣна бѣлаго дома. На переднемъ планѣ двѣ дѣвушки въ широкихъ платьяхъ, чуть-чуть отливающихъ золотомъ и серебромъ. Движенія ихъ спокойно ритмичны, а лица освѣщены тѣмъ нездѣшнимъ, далекимъ отъ всякаго разсказа выраженіемъ, которое впервые появляется здѣсь, въ «Гобеленѣ» и уже больше не покидаетъ картины Мусатова. Художникъ создалъ большое, истинно прекрасное произведеніе. Не сохранилось подготовительныхъ къ нему работъ. Лишь въ женской фигурѣ того же года, названной «Спокойствіе», есть сходственная дымчатость красокъ. Непосредственно за «Гобеленомъ» была написана самая извѣстная и несомнѣнно одна изъ лучшихъ вещей Мусатова, знаменитый «Водоемъ». Эта картина была задумана и начата художникомъ въ дивномъ старинномъ имѣніи кн. Голицыной, Зубриловкѣ, закончена въ Саратовѣ, въ 1902 году. Странное, благоговѣйное изумленіе охватываетъ при взглядѣ на «Водоемъ». Какое чудо вознесло на такую высоту недавняго автора слишкомъ рѣзкаго «Портрета», слишкомъ робкихъ, такъ сказать, бѣдненькихъ композицій «Романса безъ словъ» и «Гармоніи»? Откуда эта мудрость и великая простота, эта чистая хрустальность тоновъ, глубокая ритмичность линій? Вотъ картина, поглотившая художника, вобравшая въ себя всѣ его переживанія, соединившая всѣ его помыслы, желанія, чувства. Она кажется легкой, стройной, внутренно-разрѣшенной. Это одно изъ тѣхъ произведеній искусства, гдѣ хаосъ души человѣческой претворенъ въ святой міръ, въ благодатную гармонію. Картина очень проста по замыслу. Зеркальный водоемъ отразилъ синеву неба, бѣлыя тучки на немъ, трепетныя верхушки деревьевъ. На краю, двѣ женскихъ фигуры—одна грустно поникшая, другая ожидающая, прислушивающаяся. Лиловато-розовыя и лазурно-голубыя ткани ихъ одеждъ нѣжно сливаются въ общемъ аккордѣ красокъ. Аккордъ немногосложенъ, въ немъ участвуютъ три-четыре тона; это интимная камерная музыка, такая близкая и всегда такая печальная. Вглянемся пристально въ небо, отраженное «Водоемомъ». Вѣчная красота синевы и бѣлыхъ тучекъ, «странницъ» небесныхъ, навсегда поразила Мусатова. Воспоминаніе о ней не оставило художника до самой смерти и такъ плѣнительно воскресло въ подготовительныхъ работахъ для ненаписанной картины «Вѣнки».

«Гобеленъ» и «Водоемъ» обратили на Мусатова вниманіе художниковъ, критики, публики. Иначе и не могло быть; даже люди, склонные враждебно относиться къ новымъ исканіямъ въ живописи, не могли не замѣтить про-

бужденіе огромнаго таланта. Имя Мусатова сразу сдѣлалось извѣстнымъ, среди молодежи онъ нашелъ немало восторженныхъ, готовыхъ за нимъ слѣдовать, поклонниковъ. Одновременно съ двумя большими картинами на выставкахъ Московскаго Товарищества художниковъ 1902 и 1903 годовъ появился цѣлый рядъ работъ. Среди нихъ были такія совершенныя по краскамъ вещи, какъ «Послѣдній лучъ» и «Портретъ дамы», теперь пріобрѣтенный Третьяковской галлереей, или «Demoiselle», «Встрѣча у колонны» и проч. Все это, взятое вмѣстѣ, производитъ удивительно цѣльное, драгоцѣнное впечатлѣніе. Рисуется вся удачливая и бодрая полоса въ творчествѣ художника, чувствуется внутреннее кипѣніе и бурленіе радости, радости преодолѣнія. Какъ упоенно работалось ему, какъ любовно оглядывалъ онъ завоеванное царство красокъ! Силы накипаютъ, требуютъ излиться, задумывается новая большая картина «Изумрудное ожерелье». Художникъ въ страстномъ порывѣ работалъ надъ ней все лѣто 1903 года. И вотъ она явилась, такая неожиданная, такая зловѣщая гостья. На фонѣ сине-зеленаго луга, обрамленнаго гирляндой сине-зеленыхъ дубовыхъ листьевъ, проходитъ вереница дѣвушекъ въ старинныхъ многоцвѣтныхъ уборахъ. Въ картинѣ нѣтъ свѣта, нѣтъ глубины, это коверъ. Тона погашены, какъ бы землисты, это тоже бываетъ въ коврахъ. Однако, передъ нами не только декоративная завѣса стѣны; здѣсь чувствуется тема, нѣкое душевное переживаніе, породившее художественную мысль. Несмотря на густоту красокъ, на плотность тканей, въ женскихъ фигурахъ нѣтъ ничего реальнаго. Далеко ушелъ Мусатовъ отъ житейскихъ эпизодовъ «Гармоніи» и «Романса безъ словъ». Въ невѣдомый, невозможный часъ подсмотрѣлъ онъ прогулку душъ въ сѣни дубовой рощи. Отъ «Ожерелья» тянетъ холодкомъ, предчувствіемъ смерти; унылая мысль, сжимающая сердце тоской середь яснаго лѣтняго дня! Тосклива красота дубовыхъ гирляндъ, сиротливо серебрятся одуванчики на незнающемъ солнца мертво-зеленомъ лугу. Нелегко далась Мусатову эта картина, измучила и не удовлетворила его. Осенью того же 1903 года художникъ оставилъ родину и тѣ мѣста, гдѣ однажды услышалъ призывный голосъ. Изъ Саратова онъ переселился въ окрестности Москвы. Одновременно съ «Изумруднымъ ожерельемъ» написаны «Призраки» (теперь въ Третьяковской галлереѣ). То же темное и землистое начало. Холодъ, унынiе и жуть поздней осени. Старый домъ зіяетъ дырами оконъ, пугаетъ остовомъ колоннъ. Въ гнилomъ осеннемъ воздухѣ рождаются и плывутъ видѣнья; облетѣвшее дерево вскинуло къ небу голые сучья свои. Можетъ быть, смерть и блистательна и величава, но безпощадно тяжело умираніе; ослѣпительно воскресеніе, но только страшны и томительны полуожившіе призраки.

Силой божественнаго дара преодолѣлъ Мусатовъ жуть нежизненной осеннюю, побѣдилъ землистое начало. Въ акварельныхъ эскизахъ и фрескамъ вознесся онъ къ эѳирнымъ высотамъ, воспарилъ тамъ легкій и примиренный. Нѣтъ въ русской живописи другихъ произведеній такихъ нематеріальныхъ, такихъ духовно-прозрачныхъ, какъ

эскизы. Имъ не привелось осуществиться во фрескахъ, быть можетъ тогда они стали бы и другіе. Акварель, сама нѣжная и прозрачная, придала имъ прелесть несказанную. Легкія цвѣтныя пятнышки, узоръ вѣтокъ, гирлянды листьевъ, множество бѣлыхъ просвѣтовъ, все точно сонное кружево. Женскія тѣни, души освобожденныя, рѣзвятся зеленокудрой весной, играютъ съ мотыльками. Приглядной осенью онѣ проходятъ вереницей, еле шурша по увядшимъ листьямъ, какъ череда облаковъ на побѣднѣвшемъ небѣ. Въ глухой часъ онѣ выходятъ на окраину парка, чтобы погоревать, глядя на милаго спящаго бога-дитя. Большимъ сокровищемъ владѣетъ Третьяковская галлерея въ этой «Веснѣ», этомъ «Лѣтѣ» и «Осени». То смѣны года, проходящія въ нашемъ русскомъ родномъ Элизіумѣ, незнающемъ лавровъ и кипарисовъ, простомъ и привѣтливомъ, какъ сиротское счастье. Съ тѣмъ же чувствомъ прощенія и примиренности написаны «Паркъ погружается въ тѣнь» и «Послѣдній лучъ». Быстро надвигается вечерняя прохлада, одиново бѣлѣетъ покинутая скамья, но возникшіе призраки женщинъ нѣжно переливаютъ цвѣтами радуги, и радуга еще горитъ въ небѣ, слабо отражаясь въ недвижномъ водоемѣ. Или вотъ, «Послѣдній день», одна изъ лучшихъ вещей Мусатова. Кончилось лѣто; холодѣетъ рѣка, никнутъ въ предчувствіи раскидистыя деревья парка. Двѣ женскихъ фигуры за бѣлой оградой—въ послѣдній разъ! Но отчего же нѣтъ унылой безнадежности, что обѣщаетъ имъ это хмурое деревенское небо?

Съ любовью и благоговѣніемъ мы приближаемся къ произведеніямъ предсмертныхъ дней Мусатова. На выставкѣ былъ небольшой клочокъ обыкновенной, разграфленной клѣтками, бумаги. На немъ нѣсколько пятенъ синей водяной краски, едва намѣчены сѣрые контуры, кое-гдѣ тронуто зеленымъ. Это эскизъ, быть можетъ первый, къ задуманной художникомъ картинѣ «Вѣнки». Ей не суждено было осуществиться, но что изъ того? Многочисленные этюды и эскизы раскрываютъ весь дивный замыселъ художника, и взлелѣянное его душой созданіе возникаетъ въ насъ нерукотворнымъ и вѣчнымъ образомъ. Это самая свѣтлая мечта Мусатова, всеочистительная жертва его, сгорающая синимъ іюльскимъ пламенемъ. Вотъ сѣрый стволъ деревянной колонны и синій васильковый вѣнокъ на немъ; вотъ небо изумительной бездонной синевы и бѣлыя пушистыя облаки; вотъ снова небесная синева и синева васильковыхъ гирляндъ или четкій узоръ листиковъ, утонувшихъ въ лазури. Понемногу объясняется все. Терраса; сходясь уходятъ вверхъ позеленѣвшія колонны. На нихъ вѣнки изъ васильковъ и васильковыя гирлянды. Синее небо глядится въ просвѣты причудливыхъ снѣжно-бѣлыхъ облаковъ; на немъ вычерчиваются легкіе силуэты деревьевъ. Три женскихъ фигуры красиво группируются у перилъ; ихъ лицъ мы не знаемъ, но незабываемо прекрасно движеніе одной, уронившей руку за бортъ этого воздушнаго корабля. Да, поистинѣ, это корабль! Онъ скоро минуетъ вершины деревьевъ, непостижимая сила умчитъ его вверхъ, въ безпредѣльную синеву воздушнаго океана.

Проходило лѣто 1905 года; наступала осень, послѣдняя, рѣшительная

осень. Было ли то предчувствіе или ужъ такъ умѣетъ заворожить русская осень, но только Мусатовъ оставилъ іюльскіе «Вѣнки» и весь отдался во власть очарованію сентябрьскому. «Осеннюю пѣснь» исполнилъ онъ, гдѣ плакучія березы грустно свѣсили золотыя пряди, гдѣ гуси тянутся караваномъ къ югу, уходя отъ холодныхъ небесъ. Тогда же нарисованъ «Балконъ», омытый дождями, окруженный увяданіемъ. Но гдѣ лучше передана вся унывная поэзія дорогихъ деревенскихъ дней, чѣмъ въ скромныхъ изображеніяхъ мокрыхъ кустовъ знакомаго сада? Незамѣтенъ «Кустъ орѣшника», незамѣтны разные этюды деревьевъ, а между тѣмъ, какимъ ароматомъ любви они напоены! «Кустъ орѣшника» останется навсегда памятникомъ проникновеннаго лирическаго творчества. Въ любовное вниманіе къ этимъ мокрымъ листикамъ, къ этимъ перышкамъ-вѣткамъ художникъ вложилъ глубочайшее и интимнѣйшее свое переживаніе. Въ тотъ моментъ онъ былъ соединенъ съ природой. И взоръ нашъ, обращенный къ тѣмъ незамѣтнымъ рисункамъ, свѣтлѣетъ, мы познаемъ въ нихъ величайшее счастье общенія съ міромъ. Передъ тѣмъ, какъ уйти изъ міра Мусатовъ отдалъ ему прощальный поцѣлуй; бѣдная, родная природа пригрѣла его прощальной лаской. Въ томъ послѣднемъ порывѣ освобожденной отъ всяческихъ путъ души художника чудится нѣкій завѣтъ. Пусть же исполнится по слову его.

25 октября 1905 года Мусатовъ работалъ надъ акварельнымъ эскизомъ фрески «Реквіемъ». Въ тотъ день онъ ѣздилъ на лодкѣ, былъ веселъ, хотя и испытывалъ легкое нездоровье. Ночью онъ почувствовалъ себя дурно, а къ утру слѣдующаго дня его не стало. Это случилось въ городѣ Тарусѣ, Калужской губерніи, гдѣ художникъ прожилъ свое послѣднее лѣто. Какъ сообщаетъ въ своей монографіи г. В. Станюковичъ, художникъ задумалъ «Реквіемъ», «желая почтить память только что скончавшагося друга-женщины». Но «Реквіемъ» тотъ сдѣлался надгробнымъ рыданіемъ по самомъ Мусатовѣ. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ неоконченный эскизъ: онъ уже наполовину принадлежитъ нездѣшнему міру. Точно въ послѣднія минуты взоръ художника уже проникалъ за пріоткрывшуюся дверь иныхъ чертоговъ. Онъ тамъ увидѣлъ души, принявшія обликъ женщинъ, убранныя аметистами, изумрудами и сапфирами; услышалъ тихое рѣяніе ихъ движеній, сладкій шопотъ ихъ рѣчей. Онъ узналъ нѣжные сады, вѣчно покрытые серебристыми росами и перламутровый мраморъ невѣдомыхъ жилищъ. Такія произведенія не могутъ быть окончены. Тому, кто заглядываетъ за земную грань, нѣтъ возвращенія, и первый слѣдъ его на горнемъ пути становится послѣднимъ; его тропа вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ въ туманѣ.

П. Муратовъ.

Творчество М. В. Нестерова *).

Нестеровъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ художниковъ, о которыхъ успѣло крѣпко сложиться общее, ходячее мнѣніе. Творчество Нестерова религіозно, Нестеровъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей русской религіозной живописи,—таково это мнѣніе. Легко понять, почему составилось оно. Нестеровъ принималъ участіе въ росписи кіевскаго собора св. Владиміра и нѣкоторыхъ другихъ церквей; самыя извѣстныя его картины изображаютъ святыхъ, подвижниковъ или монаховъ; его пейзажи почти неизмѣнно рисуютъ скитъ или часовню, возносящую золотой крестъ надъ лѣсной чащей. Разумѣется, всѣ эти внѣшніе признаки сами по себѣ еще ничего не утверждаютъ. Росписью церквей или трактовкой религіозныхъ темъ сплошь и рядомъ занимались люди, совершенно лишенные всякаго религіознаго чувства и сознанія. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно вспомнить стѣны Храма Христа Спасителя или нѣкоторыя полотна Крамского. Внѣшніе факты дѣятельности каждаго художника не позволяютъ еще судить объ его творчествѣ; чтобы имѣть на это право, надо проникнуть за нихъ, углубиться до первоисточниковъ его переживаній. Надо оставить путь логическихъ умозаключеній, основанныхъ на чтеніи сюжета, на прозаическомъ пересказѣ картины. Пусть говоритъ сама живопись; художественное произведеніе постигается совершенно особымъ, совершенно исключительнымъ воспріятіемъ, которое слагается изъ чуть замѣтныхъ оттѣнковъ тона, изъ неуловимыхъ чертъ рисунка, изъ едва ощутимыхъ подробностей общей группировки. Непремѣнно надо чувствовать благоуханіе творчества, умѣть имъ дышать. Только такъ и возможно безпосредственное общеніе съ интимными, часто безсознательными движеніями души художника. Только тогда объяснится онъ въ своихъ достиженіяхъ, въ своихъ возможностяхъ и своихъ предѣлахъ.

Мнѣніе о Нестеровѣ, какъ о художникѣ религіозномъ, держится чрезвычайно прочно. Очевидно, тутъ дѣло не только въ томъ, что Нестеровъ расписывалъ церкви и изображалъ св. Сергія или пустынножителей. Какъ

*) По поводу недавней выставки его произведеній.

кажется, именно на этотъ разъ, зрители что-то восприняли и восчувствовали, помимо простого чтенія смысла по сюжету. Имъ знакомъ и смутно-пріятенъ особенный, «нестеровскій» ароматъ этихъ нѣжно-зеленыхъ лѣсовъ, согбенныхъ схимниковъ, заглядѣвшихся на дали монаховъ и юныхъ святыхъ съ большими глазами на восковомъ лицѣ. Художникъ нашелъ прямой путь къ сердцу своихъ судей; онъ общается съ ними безъ посредства разсудочныхъ построеній, заражаетъ ихъ своими душевными волненіями. Вотъ это-то воздѣйствіе и считается большинствомъ тѣхъ, кто его испытываетъ, вліяніемъ религіознаго творчества. Распространенность нестеровскаго вліянія, его, такъ сказать, ширина и власть, указываютъ, что передъ нами художникъ сильный, значительный. Но это еще не убѣждаетъ насъ въ религіозности его душевнаго лада и его произведеній. Быть можетъ, слово «религіозность» обычно прилагается къ Нестерову только потому, что средній зритель не успѣлъ до конца пережить внушенія его творчества? Быть можетъ, оно только прикрываетъ, какъ условное обозначеніе или просто, какъ названіе, совершенно иной, хотя и художественно цѣнный, строй переживаній? Художникъ, постоянно рисующій образы запредѣльные, неземные, не остался ли онъ самъ въ предѣлахъ и на землѣ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы и, думается, отвѣтъ неоспоримый даетъ недавняя выставка его произведеній.

Въ 1898 году Нестеровъ былъ приглашенъ для росписи Александро-Невской церкви въ Абастуманѣ. Въ теченіе пяти-шести лѣтъ художникъ исполнилъ лично около пятидесяти композицій на стѣнахъ и въ иконостасѣ, помимо общаго руководства украшеніемъ храма. Безъ сомнѣнія, эта огромная работа является однимъ изъ самыхъ важныхъ и значительныхъ событій въ творчествѣ Нестерова. По тѣмъ эскизамъ, которые были на недавней выставкѣ, о ней можно судить достаточно полно. И, пожалуй, для сужденія о внутреннемъ значеніи этой живописи эскизы дадутъ больше, нежели законченныя стѣны храма. Они сближаютъ насъ съ первой мыслью художника, съ первыми движеніями его карандаша, поспѣшавшаго за первыми велѣніями сердца. Стѣнопись Нестерова изображаетъ земную жизнь Спасителя, Богоматерь, хоры ангеловъ, евангелистовъ, святыхъ и т. д. Почему-то прежде всего и невольно вниманіе останавливается именно на святыхъ. Вотъ св. Нина, покровительница Грузіи, умѣренно-строгая черноокая женщина на фонѣ пріятно синѣющихъ горъ. Вотъ Александра, святая царица, въ коронѣ, въ богатомъ уборѣ; св. Пантелеймонъ, миловидный отрокъ съ цѣлебными травами въ рукѣ, въ нарядныхъ, чистенькихъ лапоткахъ; св. Георгій, легко поражающій копьемъ нестраннаго розоватаго дракона; преп. Сергій, заботливо облаченный въ традиціонныя одежды схимника; св. Анастасія, св. Татьяна, св. Ксенія,—г онѣ хорошенькія, всѣ немного жеманныя, всѣ съ подчеркнутыми бо шими глазами. Вѣроятно, тамъ, на стѣнахъ новенькой бѣлой церкви, ср золотыхъ орнаментовъ, все это производитъ нарядно-праздничное впе тлѣніе, говоритъ объ удачно исполненной работѣ. Но какъ мало трога

эти эскизы, какъ мало въ нихъ восторженности, ясной вѣры, простого благоговѣнія! Почти безъ всякой борьбы сочеталъ художникъ свои образы съ требованіями церковныхъ традицій. Онъ удивительно легко нашелъ только нѣкоторые дополнительные оттѣнки для уставныхъ изображеній, не отказался отъ нихъ совершенно, но только прикрасилъ, оживилъ, приблизилъ къ людямъ. Отсюда это жеманство, эта двойственность. Какъ будто бы Нестеровъ мыслилъ нѣкіе совсѣмъ реальные образы и уже ихъ тщательно перестраивалъ сообразно церковнымъ традиціямъ. Это и есть та насильственная противъ самого себя, извнѣ навязанная идеализація, которая иначе извѣстна подъ именемъ академизма и которая всегда ложна въ искусствѣ. Конечно, Нестеровъ не повиненъ въ томъ сполна,—таковы, вообще говоря, условія церковной стѣнописи. Но примѣчательна сама легкость, само умѣніе примириться съ этими условіями, принять ихъ. Нигдѣ въ эскизахъ нѣтъ ни слѣда непокорности, порыва; работа идетъ гладко, ровно ходитъ карандашъ, увѣренно ложатся пріятныя, немного сладкія краски. И все трезво обдумано, дѣльно скомпановано, холодно приподнято.

Христа не различаешь сначала въ этихъ эскизахъ; Онъ какъ-то затерянъ въ толпѣ чистенькихъ, нарядныхъ и миловидныхъ святыхъ. Но вотъ «Христосъ во Славѣ». Тутъ самое обидное разочарованіе; объ этомъ почти такъ же нечего говорить, какъ о любомъ изображеніи Христа въ любой церкви. Нѣтъ никакой Славы; никакого ослѣпительнаго видѣнія не зналъ художникъ. Насколько сильнѣе даже грубая фантастика В. Васнецова; Нестеровъ кажется блѣднымъ и слабымъ его ученикомъ. Въ этомъ небѣ съ большими звѣздами, въ этихъ аккуратно сложенныхъ крылышкахъ серафимовъ, быть можетъ, и есть декоративный эффектъ тамъ, на стѣнахъ храма. Но, во всякомъ случаѣ, то ужъ слава человѣческая, не Слава Божія. Христосъ Нестерова самый разсудочный, самый невыразительный и скучно-офиціальный изъ его религіозныхъ образовъ. Даже розовыя одежды нестеровскаго Христа ложатся складками какъ-то особенно традиціонно. Бѣдны чувствомъ, скудны любовью изображенія Его земного пути. Нѣтъ радости во Входѣ въ Іерусалимъ; безконечно чужда художнику эта толпа и эта природа, — такъ робко передаетъ онъ ее двумя кипарисами. Въ «Моленіи о чашѣ» теряется Нестеровъ, хочетъ прибѣгнуть къ спасительнымъ для него деревьицамъ-прутикамъ, но на первомъ планѣ будничнo-розовый Христосъ, и погибаетъ весенняя необыкновенность Геѳсиманскаго сада. «Голгоѳа» проста, художникъ не передаетъ Великой трагедіи, но умѣетъ не стремиться къ ней; здѣсь онъ молчаливо призналъ свой предѣлъ.

Допускаю, что можетъ нравиться нестеровская Богоматерь. Много женственности, красивости, граціи въ склоненіи надъ жеманнымъ, сладчайшимъ Младенцемъ. Краски умѣренно-яркія, хорошо подобранныя къ бѣлой рамѣ; общее впечатлѣніе,—холодно изящная живопись по фарфору. Или другая трактовка,—въ тяжелой деревянной рамѣ кусокъ пряной чувственно-

красивой живописи. Маслянистыя розы, золотисто-желтый фонъ; на блѣдномъ лицѣ яркія алыя губы. Не распростерся ницъ художникъ передъ ликомъ Пречистой, какъ сдѣлалъ бы набожный рыцарь Богородицы-Дѣвы. Спокойно, безтрепетно писалъ онъ Ее, довѣрился знанію своему, тому знанію, которое даетъ давняя близость къ церковному обиходу. Но внутренно художникъ остался страшно далекъ отъ Христа, отъ Богоматери, отъ святой легенды. Невольно вспоминаются эскизы другого русскаго живописца, которымъ не суждено было перенестись на стѣны храма,—эскизы А. Иванова. Тамъ геніальное прозрѣніе, тамъ художникъ былъ сожженъ видѣніями, жилъ чудомъ, творилъ чудо. Тамъ «Моленіе о чашѣ», пламенная трагедія, разрѣшенная ударомъ грома надъ Геѳсиманскими кущами,—явленіемъ Саваоѳа. Тамъ «Воскресеніе» совершилось въ молнійномъ движеніи небесныхъ силъ при грохотѣ крушащагося ада. Здѣсь, у Нестерова, плавно развертывается свитокъ красивыхъ церковныхъ изображеній, проходитъ стройный, размѣренный циклъ удачныхъ работъ, выполненныхъ со всей тщательностью, со всѣмъ изяществомъ для украшенія нарядной, бѣлой съ золотомъ, дворцовой церкви.

Среди эскизовъ Нестерова есть одинъ, который внезапно поражаетъ искренностью, вѣетъ отъ него свѣжестью глубокаго лѣсного колодца. Передъ прямыми, округлыми стволами сосенъ, подъ вѣточкой красной калины, преклонилъ колѣни старецъ кроткій, благословляющій. Вечеръ опускается надъ лѣсной долинкой, но еще прозрачны осеннія березки, похожія на пламя свѣчи, и только ели темнѣютъ и холодаютъ лиловыя дали. «Тишь да Божья благодать», по пословицѣ. Какъ непохожъ этотъ эскизъ, изображающій св. Серафима Саровскаго, на всѣ остальные эскизы Нестерова! Хочется провести рукой по глазамъ, забыть все прежнее. Смолистая волна лѣсного аромата окутываетъ, наплываютъ тихіе сны, баюкающія грезы о пустынножительствѣ. Дальше идешь по новому зову художника, уходишь отъ Александро-Невской церкви къ свободнымъ его произведеніямъ. Море сѣверное въ серебристой одеждѣ сѣверныхъ зорь. Осень коснулась чахлой полярной березки; желтые и красные листики всѣ на счету, да и было ихъ лѣтомъ такъ немного. Зато усыпалась трава прощальнымъ уборомъ, краснымъ и желтымъ,—мертвы цвѣты сѣверной осени. Часъ безлюдный, часъ бѣлыхъ чаекъ на этомъ послѣднемъ берегу русской земли. Выплылъ въ утлой лубковой лодкѣ святой Зосима, подвижникъ Соловецкій, видитъ онъ въ небесной зарѣ огнистый храмъ; исполнится знакъ ему показанный. Или еще эскизъ изъ житія св. Симеона Верхотурскаго. Тихая рѣчка въ пятнахъ синей эмали, елки, березы, да камень, синія горы Ур вдали. Парень прикорнулъ на бережку, удитъ рыбу; тихо проходитъ Симеонъ, усталый отъ трудныхъ думъ, держитъ онъ въ рукѣ бѣдно-ок шенное синее ведерко. Вотъ они братья св. Сергія и отрока Варѳоломѣ изъ Третьяковской галлереи, русскіе подвижники въ осеннихъ лѣсахъ сѣверныхъ свѣтлыхъ морей, у тихихъ рѣкъ, на мшистыхъ берегахъ. именно здѣсь пролегаетъ какая-то главная, большая линія въ творчес

Нестерова, тутъ глубина его и сила. Эти картины справедливо прославили художника; дѣло не въ славѣ, просто онѣ освободили его. Не нашлась ли истинная обитель его вѣры, храмъ его молитвъ?

И пожелалъ Нестеровъ встрѣтить Христа въ родной землѣ, окружить полями снѣжными, лѣсами хвойными, людомъ деревенскимъ, святыми заступниками народными. Увѣнчается тѣмъ его творчество, сольются притоки вѣры народной въ изначальномъ Вмѣстилищѣ всякой любви; возникнетъ искусство со Христомъ, т.-е. настоящее, «правильное» религіозное искусство. Таково, быть можетъ, внутреннее значеніе огромной картины «Святая Русь», надъ которой художникъ работалъ съ 1901 по 1905 годъ. Чудесно выбрано мѣсто сошествія Христа на русскую землю. Былъ на выставкѣ этюдъ этой долины,—ахъ, сколько снѣговъ, какіе просторы, уходящіе въ синюю даль! Въ картинѣ все это потерялось; слишкомъ много заботился художникъ объ удаленіи и прибѣгнулъ къ обычному пріему, — расположилъ лѣса наподобіе кулисъ. Да и вообще неудачна эта картина, какъ-то совсѣмъ напрасна. Безспорно, много пережитаго, любовно выисканнаго въ лицахъ народныхъ, мѣстами отличная, бодрая живопись. Но, какъ и въ эскизахъ стѣнописи, послѣ всѣхъ и послѣ всего смотришь на Христа. Все то же далекое лицо, тѣ же розовыя одежды и скучныя складки. На этотъ разъ и сами народные святые какъ-то холодны, принаряжены, подобраны; даже странно подумать, неужели имъ надо быть такими въ Его присутствіи? И ничего у нихъ нѣтъ родного съ тѣми островерхими снѣжными церквушками, которыя виднѣются позади. Они пришли съ чужого неба, не съ того, куда восходятъ, вiясь, деревенскіе утренніе дымки.

Много настоящей, большой любви къ народной стихіи видно въ первоначальныхъ этюдахъ Нестерова для «Святой Руси». Славные ребята, милыя дѣвочки-вострухи, удивительныя, типичнѣйшія лица монахинь. Здѣсь чувствуешь долгіе переѣзды, долгіе поиски, большіе концы по русской землѣ и радость случайной встрѣчи, умиленіе передъ неизвѣданными родными богатствами. Много видѣно по дорогамъ, много думано, пережилось все это, полюбилось. «Она взманила, земля пустынная!» И изошла отсюда еще одна, крѣпко-ароматная струя въ творчествѣ Нестерова. Народилась поэзія монастырскаго сѣвернаго быта, неразрывнаго съ сѣверной природой. «Подъ благовѣстъ», «Тихая жизнь», «Мечтатели», «Лѣто», «Молчаніе»,—это на-ряду съ св. Сергіемъ и св. Зосимой самыя лучшія, самыя дорогія и важныя для Нестерова произведенія. Монастырскій дворъ окутанъ сѣвернымъ полумракомъ; розовая церковь возноситъ къ сѣрому небу свѣтло-сіяющія главы свои. Тамъ еще огни, но служба кончилась; мать-игуменья отошла въ келью, ее поддерживаютъ, провожаютъ монахини. Вотъ она, «Тихая жизнь», полная такой суровой нѣжности, такой бѣдной уютности. Бѣлая ночь на Соловкахъ; ничто не шелохнется, и точно застыли монахи, «Мечтатели» у края бѣлаго моря. Или, большая рѣка, скитъ выглядываетъ изъ-за лѣсистой горки; на рѣкѣ въ огнистыхъ поло-

сахъ зари старичокъ и юноша, равно покорные великимъ просторамъ, неподвижные часъ за часомъ, день за днемъ, въ неподвижныхъ лодкахъ. Они поглощены, проникнуты, исполнены до конца «Молчаніемъ».

Не всегда живопись Нестерова радуетъ глазъ. Часто въ краскахъ есть что-то слишкомъ сырое, почти грубое; часто рисунокъ, какъ, напримѣръ, въ «Лѣтѣ», неладенъ, сбитъ. Но, вѣроятно, такъ и должно быть. Именно здѣсь, «на свободѣ», художникъ и объявился, открылъ настоящее свое отношеніе къ линіямъ и краскамъ. Здѣсь ему ничего не пришлось перестраивать, прикрашивать; никакой идеализаціи, никакого жеманства. Какъ наплыло съ окружающаго, такъ и вылилось прямо въ картинахъ. Не устояла душа, не оградилась заботами о красивости отъ сырья деревенскаго. Любопытно, до чего откровенны такія вещи, какъ «За Волгой», гдѣ художникъ какъ будто забылъ все и сталъ по народному негибокъ и топоренъ, сочиняя чисто пѣсенную тему. Эта дѣвица-краса, этотъ молодецъ въ картузѣ, съ «соколинымъ» взоромъ, могутъ прямо идти въ лубки, по избамъ. И Волга какъ стекло и пароходъ бѣжитъ, и взято все такъ густо, упористо. Это послѣ томныхъ нарядныхъ святыхъ, послѣ бѣлой съ золотомъ церкви!

Пейзажъ «За Волгой» тяжелый, точно застывшій или окаменѣвшій. Былъ на выставкѣ цѣлый рядъ такихъ новыхъ для Нестерова пейзажей. То по большей части осенніе лѣса, ярко-желтыя пятна березъ, ярко-красныя пятна осинъ, черная хвоя, и все опрокинуто въ чернильную, мертвую воду. Непохожа эта стылая природа на прозрачныя окруженія св. Сергія и св. Серафима. Что тамъ казалось художнику умилительной сказкой, сдѣлалось каменной, тяжелой правдой. И даже не правдой; Нестеровъ изгналъ всѣ прозоры неба, слилъ всѣ вѣтви и всѣ деревья въ какую-то общую массу, точно выжалъ воздухъ—душу лѣса, и осталось мертвое вещество. То же одолѣніе матеріи, та же побѣда коснаго надъ художникомъ въ его страшныхъ, неживыхъ портретахъ. На всемъ лежитъ оцѣпенѣніе, унылый холодъ вѣетъ отъ пейзажей, которые служатъ фономъ. На сизомъ вечернемъ небѣ рисуется фигура дѣвушки въ черномъ платьѣ, съ красной шапочкой, подчеркивающей восковое лицо. Покойный художникъ Янъ Станиславскій грузно возсѣдаетъ въ черной крылаткѣ среди печально гаснущихъ вечернихъ полей. Дѣвушка въ комнатѣ, на фонѣ густо-синей стѣны, подлѣ искусственныхъ фарфоровыхъ цвѣтовъ; больной румянецъ ярко пылаетъ на ея блѣдномъ лицѣ. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно упоенія бодрыми красками, радостью, счастьемъ жизни. Какая-то новая полоса обозначилась въ творчествѣ Нестерова; еще рано говорить о ней, но уже пугаетъ ея жуткій холодъ, за ея тяжестью ощущается страшная усталость. И только мертвенностью, загробностью своей напоминаютъ эти унылые портреты одну изумительную картину художника «Св. Димитрій, царевичъ убіенный».

«По народному повѣрью души усопшихъ девять дней пребываютъ на землѣ, не покидая близкихъ своихъ»,—такова ремарка, сдѣланная ху

никомъ для этой картины. Изображаетъ она прозрачную березовую опушку, свѣтлый зеленый пейзажъ, похожій на тотъ, который окружаетъ другихъ русскихъ святыхъ. Вдалекѣ жилье, церковка или погостъ. Странный, тусклый часъ; по опушкѣ плыветъ фигурка убіеннаго царевича, именно плыветъ, вмѣстѣ съ сѣдымъ туманцемъ. Головка мальчика восторженно закинута, лицо нехорошее, трупное и, чтобы выдвинуть его, опять красная шапочка. Въ облакахъ виденъ Христосъ, но это попрежнему ни съ чѣмъ не связано. Центръ, такъ сказать, ось всего, это жуткое движеніе усопшаго, какая-то морозная нотка, которая звучитъ въ искаженномъ поворотѣ, въ закинутой головкѣ. И что же? Опять это совершенно народно, фантастика, которая будетъ сейчасъ же понята въ избѣ. Недаромъ упомянулъ художникъ о народномъ *повѣрьи*. «Душенька его вокругъ девять день ходитъ», скажутъ многіе милліоны въ русской землѣ и сразу поймутъ все безъ той ремарки, которая намъ объясняетъ въ чемъ дѣло. Какъ далеки отъ этой настоящей, отъ единственно вѣрной для Нестерова фантастики его «сказочные» эскизы. Тамъ «Два Лада» съ неизбѣжной «мурмолкой червленой» съ какимъ-то игривымъ лукомъ и пресмѣшнымъ колчаномъ со стрѣлами. Тамъ весна и сахарныя уста переряженной черноокой барышни и сафьяновые сапожки и почему-то лебеди. Все это очень пріятно, сладко-пріятно по краскамъ, все жеманно-неискренно, какъ «сказочныя» темы Алексѣя Толстого. Художникъ думалъ о публикѣ, о выставкахъ, о любителяхъ «истинно-русской» поэзіи, понапрасну тратилъ свои чудесные пейзажи, стылыя лѣсныя озерки. Пожалуй, еще въ «Свирѣли» есть что-то неподдѣльное; пастушокъ въ пестрядиной рубахѣ чуть не уподобился пастушку изъ французской пасторали, но все-таки не уподобился, художникъ не перешелъ черты. А какъ хорошъ лѣсъ, настоящій нестеровскій лѣсъ! Еще разъ взглянешь на эти прозрачныя березки, еще разъ прольется и взманитъ ароматный духъ «земли пустынной».

Творчество Нестерова поражаетъ страннымъ на первый взглядъ противорѣчіемъ. Художникъ далекъ отъ евангельскаго Христа, отъ Голгоѳы, отъ Пречистой Дѣвы, отъ всей священной первоткани христіанства. Къ этимъ образамъ подходитъ онъ путями стѣсненными въ узкихъ оградахъ церковныхъ традицій. Въ толпѣ молящихся не первый онъ богомолецъ; не за себя и за свой страхъ снискиваетъ, но холодно-покорно принимаетъ изъ рукъ тѣхъ, кто на это посвященъ офиціально. И тотъ же художникъ становится проникновеннымъ, глубокимъ, когда вдохновляютъ его образы русскихъ святыхъ и подвижниковъ. Когда храмомъ становятся лѣса осенніе, куполомъ небо сѣверное, тутъ онъ первый, тутъ его сила и любовь. Противорѣчіе только кажущееся, на самомъ же дѣлѣ двѣ стороны одной сущности. Нестеровъ, художникъ народный, соединенный съ народомъ глубокими и крѣпкими корнями,—вотъ главное начало его творчества. Это и сдѣлало его многимъ понятнымъ, распространило его вліяніе: гдѣ-то въ глубинѣ души у посѣтителей выставокъ и галлерей заговорилъ смутный

голосъ, напомнилъ о давно забытомъ. Какъ народъ, Нестеровъ покорно принялъ писаніе, внялъ церкви безъ общихъ возмущеній, подчинился уставу, призналъ незыблемость, не имъ созданной, легенды. И такъ же, какъ народъ, творилъ онъ новыя душистыя сѣверныя легенды о пустынножителяхъ и заступникахъ русской земли. Вѣра народная текла общей рѣкой въ непоколебимыхъ границахъ церковности, но внѣ береговъ, тамъ и сямъ въ глухихъ чащахъ, забили чудесные, хрустальные родники народныхъ *повѣрій*. Поэзія жила въ лѣсахъ, гуляла съ вѣтрами по полямъ и иногда вдругъ воплощалась въ душу деревенскаго отрока, вела его сквозь мирное «житіе» къ свѣтлой и тихой кончинѣ. И эти житія стали великими художественными произведеніями народнаго жизнетворчества. Нестеровъ возсоздалъ ихъ въ живописи,—св. Сергій, Зосима Соловецкій, Симеонъ Верхотургскій, Димитрій Царевичъ, сіяютъ лучистымъ свѣтомъ стараго повѣрья. Еще многое стоитъ нерушимо отъ дальнихъ лѣтъ; подобно глухимъ лѣснымъ озерамъ, хранятъ свою стылую красоту прочно сложившіеся уклады жизни. И Нестеровъ любовно и бережно касается монастырщины,—«Тихой жизни», «Мечтателей», «Молчанія». Тамъ еще непочатый край, тамъ крѣпокъ духъ народный, и въ немъ полной рукой почерпаетъ художникъ силы своего творчества.

Конечно, не осуществилъ Нестеровъ лучезарную, ослѣпительную мечту о религіозномъ искусствѣ. Жаръ личныхъ индивидуальныхъ исканій, головокружительные порывы къ изначальнымъ загадкамъ бытія, прозрѣніе за реальнымъ міромъ духовной сущности, за красотой преходящей красоты внѣвременной,—всего этого нѣтъ у художника. Въ его творчествѣ много земного, даже житейскаго, сознаніе плотности и, такъ сказать, вѣса вещей никогда не покидаетъ его. Въ его творчествѣ нѣтъ ширины и смѣлости, большихъ линій и большихъ понятій, всечеловѣчности и всеобязательности. Нестеровъ всегда замкнутъ въ опредѣленномъ кругу, будь то традиціи или условія быта или хотя бы сама народность. Но въ этихъ предѣлахъ, въ земномъ своемъ заключеніи онъ остается живымъ и дѣйственнымъ, ибо питаютъ его ключи народной поэзіи, ибо неумолчные шумы родныхъ лѣсовъ сдѣлали его художникомъ народнаго повѣрья.

П. Муратовъ.

Предпослѣднія слова.

I.

De omnibus dubitandum. Теперь уже среди философовъ осталось мало правовѣрныхъ гегеліанцевъ, но Гегель все еще продолжаетъ владѣть умами нашихъ современниковъ. Нѣкоторыя идеи его теперь, пожалуй, пустили болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ эпоху расцвѣта гегеліанства. Напримѣръ мысль, что исторія есть раскрытіе идеи въ дѣйствительности или, выражаясь кратко и въ терминахъ, болѣе близкихъ современному уму, идея прогресса. Попробуйте переубѣдить въ этомъ пунктѣ образованнаго человѣка: навѣрное потерпите пораженіе. Но — de omnibus dubitandum—иначе говоря, въ тѣхъ случаяхъ, когда убѣжденіе особенно крѣпко и непоколебимо, сомнѣніе и призвано исполнить великую свою миссію. А потому, хочешь не хочешь, приходится сдѣлать допущеніе, что такъ называемый прогрессъ, т.-е. развитіе человѣчества во времени—есть фикція. Хотя у насъ есть безпроволочный телеграфъ, радій и все прочее, но все же мы стоимъ не выше древнихъ римлянъ или грековъ. Допускаете? Въ такомъ случаѣ еще одинъ шагъ: хотя у насъ есть безпроволочный телеграфъ и всѣ прочія блага цивилизаціи, а все же мы стоимъ не выше краснокожихъ и чернокожихъ дикарей. Вы протестуете—но принципъ обязываетъ: начали сомнѣваться, такъ ужъ нечего пятиться.

Въ свой чередъ я долженъ признаться, что мысль о духовномъ совершенствѣ дикарей явилась у меня, когда недавно, впервые послѣ многихъ лѣтъ, я случайно пересматривалъ сочиненія Тайлора, Леббока и Спенсера. Они до такой степени увѣренно говорятъ о преимуществахъ нашей душевной организаціи и такъ искренно презираютъ нравственное убожество дикарей, что я поневолѣ подумалъ: не кроется ли именно здѣсь, гдѣ всѣ такъ увѣрены, что никто никогда не провѣряетъ, источникъ заблужденія? Es ist höchste Zeit вспомнить Декарта и его правило! И какъ только я началъ сомнѣваться—вся моя прежняя увѣренность (вѣдь я, конечно, всецѣло раздѣлялъ мнѣніе англійскихъ антропологовъ) была такова... Мнѣ стало казаться, что дикари въ самомъ дѣлѣ выше и значительнѣе нашихъ ученыхъ и не только матеріалистовъ, какъ думаетъ проф.

Паульсенъ, но также идеалистовъ, метафизиковъ, мистиковъ и даже вѣрующихъ миссіонеровъ (искренно вѣрующихъ, а не искателей наживы и приключеній), которыхъ Европа высылаетъ въ другія части свѣта для просвѣщенія отсталыхъ братьевъ. Мнѣ показалось, что обычныя у дикарей долговыя сдѣлки съ условіемъ оплаты ихъ въ загробномъ мірѣ имѣютъ глубочайшій смыслъ. Я уже не говорю о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ! Спенсеръ видитъ въ этомъ варварство, какъ и полагается образованному европейцу. Я тоже вижу варварство, ибо я тоже европеецъ и тоже учился наукамъ. Но я глубоко завидую ихъ варварству и проклинаю свою культурность, загнавшую меня вмѣстѣ съ вѣрующими миссіонерами, философами идеалистами, позитивистами и матеріалистами, въ тѣсные предѣлы душнаго и постылаго постигаемаго міра. Мы можемъ писать книги о безсмертіи души, но наши жены не пойдутъ за нами въ иной міръ, а предпочтутъ влачить свою вдовью долю здѣсь на землѣ. Наша нравственность, основанная на религіи, запрещаетъ намъ торопиться къ вѣчности. И такъ во всемъ. Мы предполагаемъ, въ лучшемъ случаѣ по маниловски мечтаемъ, но жизнь наша протекаетъ внѣ нашихъ предположеній и мечтаній. Кой-кто принимаетъ еще церковныя обязанности — какъ бы они ни были странны, и серьезно воображаетъ, что такимъ способомъ онъ соприкасается мірамъ инымъ. Дальше обрядностей никто ни шагу. Кантъ умеръ 85 лѣтъ отъ роду, если бы не холера, Гегель прожилъ бы сто лѣтъ, а у дикарей—у дикарей молодые убиваютъ стариковъ и... не договариваю, чтобъ не оскорблять слуха чувствительныхъ людей. Снова напоминаю Декарта и его правило и спрашиваю: кто правъ, дикари или мы? И если правы дикари, то есть ли исторія раскрытіе идеи? И прогрессъ во времени (т.-е. развитіе отъ прошлаго къ настоящему и будущему) не есть ли чистѣйшее заблужденіе? Можетъ быть, и даже вѣроятнѣе всего, и есть развитіе, но направленіе этого развитія есть линія перпендикулярная къ линіи времени. Основаніемъ же перпендикуляра можетъ быть любая человѣческая личность. Да проститъ мнѣ Богъ и читатель неясность послѣднихъ словъ. Надѣюсь, что она въ нѣкоторой степени искупается ясностью предыдущаго изложенія.

II.

Самоотреченіе и *mania grandiosa*. Нужно думать, что ничего вѣрнаго ни о самоотреченіи, ни о маніи величія сказать не удастся, хотя каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ кой что и о первомъ, о второй. Но, какъ извѣстно, невозможность разрѣшить вопросъ никог еще не удерживала людей отъ размышленій. Скорѣе наоборотъ: наибол заманчивые для насъ вопросы это тѣ, на которые нѣтъ настоящаго, об зательнаго для всѣхъ отвѣта. Я надѣюсь, что рано или поздно фило фія получитъ, въ противоположность наукѣ, такое опредѣленіе: философ есть ученіе о ни для кого не обязательныхъ истинахъ. Этимъ разъ

всегда будетъ устраненъ столь часто посылаемый ей упрекъ, что собственно философія сводится къ ряду взаимно опровергающихъ мнѣній. Это—вѣрно, но за это ее хвалить, а не упрекать надо, въ этомъ нѣтъ ничего дурного, въ этомъ есть много, очень много хорошаго. А вотъ, что у науки есть общеобязательныя сужденія — это дурно, мучительно дурно. Вѣдь всякая обязательность только стѣсненіе. Временно можно согласиться на стѣсненіе, надѣть корсетъ, вериги, временно можно на что угодно согласиться. Но кто добровольно признаетъ надъ собой вѣчный законъ? Даже у спокойнаго и яснаго Спинозы мнѣ слышится порой глубокій вздохъ. И я думаю, что это онъ вздыхаетъ по свободѣ—онъ, растратившій всю свою жизнь, весь свой геній на прославленіе необходимости... Послѣ такого предисловія можно уже говорить что угодно.

Мнѣ кажется, что и самоотреченіе, и mania grandiosa, какъ, повидимому, мало они ни похожи другъ на друга, могутъ быть наблюдаемы послѣдовательно, даже одновременно въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Аскетъ, отказавшійся отъ жизни, смиряющійся предъ всѣми и сумасшедшій (вродѣ Ницше или Достоевскаго), утверждающій, что онъ есть свѣточъ, соль земли, первый во всемъ мірѣ или даже во всей вселенной, и тотъ, и другой приходятъ къ своему безумію (надѣюсь, нѣтъ надобности доказывать, что самоотреченіе, какъ и манія величія, есть видъ безумія) при условіяхъ, большей частью тождественныхъ. Міръ не удовлетворяетъ человѣка, и онъ начинаетъ искать лучшаго. Всякія же серьезныя исканія приводятъ человѣка на одинокіе пути, а одинокіе пути, какъ извѣстно, кончаются китайской стѣной, роковымъ образомъ полагающей предѣлъ человѣческой пытливости. И вотъ возникаетъ задача: воспротивиться року и такъ или иначе перебраться черезъ стѣну, преодолѣвъ либо законъ непроницаемости, либо столь же непреоборимый законъ тяготѣнія. Иначе говоря, обратиться либо въ безконечно малую, либо въ безконечно большую величину. Мнѣ ничего не нужно, я самъ ничтожество, я безконечно малъ и, стало быть, могу пройти черезъ безконечно малыя поры стѣны.

Второй способъ mania grandiosa. Я безконечно силенъ, безконечно великъ, я все могу, могу разбросать стѣну, могу перешагнуть черезъ нее, хотя бы она была выше всѣхъ горъ земныхъ и до сихъ поръ отпугивала даже самыхъ могучихъ и самыхъ смѣлыхъ. Таково, вѣроятно, начало двухъ загадочнѣйшихъ и величайшихъ душевныхъ превращеній. Нѣтъ ни одной религіи, въ которой бы съ большей или меньшей ясностью не отпечатлѣлись бы слѣды описанныхъ выше пріемовъ борьбы человѣка съ ограниченностью его силъ. Въ аскетическихъ религіяхъ преобладаетъ тенденція къ самоотреченію: буддизмъ прославляетъ полное уничтоженіе личности и идеаломъ считаетъ нирвану. Древніе греки мечтали о титанахъ и герояхъ. Евреи считаютъ себя избраннымъ народомъ и ждутъ Мессіи. Что касается евангелія,—то трудно сказать, какому способу борьбы здѣсь отдается предпочтеніе. Съ одной стороны—великія чудеса: воскрешеніе мертвыхъ, исцѣленіе больныхъ, власть надъ вѣтрами и моремъ, съ другой

стороны: блаженны нищіе духомъ, Сынъ Божій, который будетъ нѣкогда сидѣть одесную силы, теперь живетъ въ обществѣ мытарей, нищихъ, блудницъ и служитъ имъ. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, обѣщаніе низвергнуть враговъ къ подножію ногъ и въ геенну огненную, вѣчная пытка за хулу на Духа Святого—и на-ряду съ этимъ заповѣдь величайшаго смиренія и любви къ врагамъ: ударившему по одной щекѣ повелѣвается подставить другую. Евангеліе все сплошь пропитано противорѣчіями, не внѣшними, не историческими и фактическими, а внутренними, противорѣчіями въ настроеніяхъ, въ «идеалахъ», какъ выразился бы современный человѣкъ. Что возносится въ одной главѣ, какъ высшая задача, то низводится въ другой, какъ недостойное дѣло. Нѣтъ ничего удивительнаго, что самыя противоположныя ученія нашли себѣ оправданіе въ этой небольшой, наполовину состоящей изъ повтореній книгѣ. Христіанами называли себя и инквизиторы, и іезуиты, и древніе подвижники, христіанами называютъ себя и современные протестанты, и наши русскіе сектанты. Въ большей или меньшей степени всѣ правы, даже, пожалуй, и протестанты. Въ евангеліи скрещиваются столь противоположныя теченія, что люди, въ особенности люди большой дороги, умѣющіе двигаться лишь въ одномъ направленіи и подъ однимъ, всѣмъ видимымъ знаменемъ, люди, привыкшіе вѣрить въ единство разума и непререкаемости логическихъ законовъ, никогда не могли охватить цѣликомъ евангельскаго ученія и всегда стремились придать словамъ и дѣламъ Христа единообразное, исключающее противорѣчія и болѣе или менѣе соотвѣтствующее обычнымъ представленіямъ о дѣлахъ и задачахъ жизни толкованіе. «Увѣруй и по твоему слову сдвинется гора» читали они въ загадочной книгѣ и понимали это въ томъ смыслѣ, что всегда, ежечасно и ежеминутно нужно думать и желать одного и того же, заранѣе предписаннаго и вполнѣ опредѣленнаго. Межъ тѣмъ Евангеліе разрѣшаетъ и благословляетъ въ этихъ словахъ самые безумные и рискованные опыты. То, что есть, для Христа не существовало и существовало лишь то, чего нѣтъ.

Древній римлянинъ Пилатъ, напримѣръ, повидимому образованный, умный и недурной, хотя слабохарактерный человѣкъ, недоумѣвалъ и не могъ дать себѣ отчета, изъ-за чего тутъ происходитъ такая страстная борьба. Ему отъ всей души было жаль приведеннаго къ нему блѣднаго молодого еврея, очевидно ни въ чемъ неповиннаго. «Что есть истина?» спросилъ онъ Христа. Христосъ не отвѣтилъ ему, да и не могъ отвѣтить—не по «невѣжественности», какъ хотѣли думать язычники, а потому, что словами на этотъ вопросъ и отвѣтить нельзя. Нужно было метафорически говоря, взять Пилата за голову и повернуть въ другу сторону, чтобъ онъ увидѣлъ то, чего никогда не видѣлъ. Или, еще лучш прибѣгнуть къ тому способу, которымъ пользуется въ сказкѣ конекъ горбунокъ, чтобъ обратить соннаго Иванушку въ умницу и красавц сначала въ котелъ съ кипящимъ молокомъ, потомъ въ другой—съ кип щей водой, потомъ въ третій съ водою студеной. Есть всѣ основанія д

мать, что послѣ такой подготовки Пилатъ сталъ бы иначе спрашивать. Мнѣ кажется, что конекъ-горбунокъ согласился бы, что самоотреченіе и mania grandiosa вполнѣ могутъ замѣнить предлагаемые сказкой котлы.

Великія лишенія и великія иллюзіи до такой степени мѣняютъ природу человѣка, что казавшееся невозможнымъ становится возможнымъ и недостижимое—достижимымъ.

III.

Вѣчныя истины. Ксенофонтъ въ Меморабиліяхъ разсказываетъ про встрѣчу Сократа съ знаменитымъ софистомъ Гиппіемъ. Когда Гиппій пришелъ къ Сократу, послѣдній по обыкновенію велъ бесѣду и по обыкновенію же удивлялся тому, что люди, когда имъ нужно обучиться плотницкому или кузнечному ремеслу, знаютъ, къ кому нужно обратиться, но если пожелаютъ научиться добродѣтели, не могутъ никакъ найти учителя. Гиппій, который уже много разъ слышалъ отъ Сократа эти разсужденія, иронически замѣтилъ: «неужели ты и теперь, Сократъ, говоришь все то же, что я давно когда то слышалъ отъ тебя?» Сократъ понялъ и принялъ вызовъ, какъ вообще всегда охотно принималъ такого рода вызовы. Начался споръ, изъ котораго выяснилось, что на этотъ разъ (какъ и всегда у Платона и Ксенофонта) Сократъ оказался болѣе сильнымъ діалектикомъ, чѣмъ его противникъ. Ему удалось доказать, что его понятіе о справедливости имѣетъ столь же незыблемое основаніе, какъ и всѣ прочія, высказываемыя имъ сужденія и, что вмѣстѣ съ тѣмъ однажды составленныя убѣжденія, если они истинны, такъ же мало подвержены дѣйствію времени, какъ благородные металлы дѣйствію ржи.

Сократъ жилъ 70 лѣтъ, былъ однажды юношей, однажды мужемъ, однажды старикомъ. Но если бы онъ прожилъ сто сорокъ лѣтъ, второй разъ испыталъ всѣ три возраста жизни и потомъ снова встрѣтился съ Гиппіемъ? Или, что еще лучше,—если душа, какъ училъ Сократъ, безсмертна и Сократъ въ настоящее время живетъ гдѣ-нибудь на лунѣ, Сиріусѣ или въ иномъ предназначенномъ для безсмертныхъ душъ мѣстѣ, неужели онъ и тамъ до сихъ поръ донимаетъ своихъ собесѣдниковъ разговорами о справедливости, плотникахъ и кузнецахъ? И теперь, какъ когда-то, выходитъ побѣдителемъ изъ спора съ Гиппіемъ и другими людьми, рѣшающимися утверждать, что законамъ времени можетъ и должно подчиняться все, въ томъ числѣ и человѣческія убѣжденія и, что отъ такого рода подчиненія человѣчество не только ничего не теряетъ, но даже много выигрываетъ.

IV.

Земля и небо. Слово справедливость на устахъ у всѣхъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ справедливость въ такой цѣнѣ у людей, какъ это можетъ показаться, если повѣрить тому, что о ней говорилось и говорится? Болѣе:

цѣнятъ ли ее въ такой мѣрѣ ея присяжные защитники и хвалители-поэты, философы, моралисты, богословы — даже лучшіе изъ нихъ, наиболѣе искренніе и даровитые? Я позволяю себѣ очень и очень сомнѣваться въ этомъ. Посмотрите творенія любого мудреца древняго и новаго міра. Справедливость — если ее понимать какъ равенство всѣхъ живыхъ людей предъ законами творенія—а какъ ее иначе понимать?—никого никогда не занимала. Платонъ ни разу не спрашиваетъ судьбу, отчего она Терсита создала презрѣннымъ, а Патрокла — благороднымъ. Платонъ убѣждаетъ людей быть справедливыми, но ни разу не рѣшается допросить боговъ по поводу ихъ несправедливости. Если вслушаться въ его рѣчи, то, пожалуй, иной разъ западетъ въ душу подозрѣніе, что справедливость есть добродѣтель для смертныхъ, у безсмертныхъ же свои собственныя добродѣтели, ничего общаго со справедливостью не имѣющія. И вотъ послѣднее искушеніе для земной добродѣтели. Мы не знаемъ, смертна или безсмертна человѣческая душа. Одни, какъ извѣстно, вѣрятъ въ безсмертіе, другіе такую вѣру высмѣиваютъ. Если бы оказалось, что и тѣ и другіе неправы и что судьба людей послѣ смерти, какъ и при жизни, далеко не одинакова: удачники, избранники переселяются на небеса, остальные остаются гнить въ могилахъ и гибнутъ вмѣстѣ со своей смертной оболочкой. Такое допущеніе, мимоходомъ, правда, дѣлаетъ нашъ русскій пророкъ, жрецъ любви и справедливости, Достоевскій въ «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ». Такъ вотъ, если бы оказалось, что Достоевскій дѣйствительно безсмертенъ, а безчисленное количество его вѣрующихъ учениковъ и поклонниковъ, та огромная масса сѣраго (во всѣхъ смыслахъ) люда, о которой идетъ рѣчь въ «Великомъ Инквизиторѣ», кончаетъ свою жизнь со смертью, какъ и начинаетъ съ рожденія, примирился ли бы человѣкъ и не какой-нибудь первый попавшійся, а хотя бы самъ Достоевскій, котораго я здѣсь не случайно назвалъ, а умышленно, какъ наиболѣе горячаго защитника идеи справедливости (на землѣ бывали еще болѣе горячіе, страстные и замѣчательные защитники справедливости, можетъ быть ихъ слѣдовало бы назвать,—но на этотъ разъ я не хочу кощунствовать,—кому Достоевскій покажется малымъ, пусть самъ назоветъ другого). И такъ примирился ли бы Достоевскій съ такой несправедливостью, т.-е. возсталъ бы ли онъ въ загробномъ мірѣ противъ неправды или, занявъ уготовленное ему тамъ мѣсто, позабылъ бы о своихъ бѣдныхъ братьяхъ. A priori судить трудно, но a posteriori нужно думать, что забылъ бы. Вѣдь между Достоевскимъ и мелкимъ провинціальнымъ писателемъ, между первымъ и послѣднимъ на землѣ тоже вѣдь разница колоссальная, и несправедливость такого не
венства вопіетъ къ небесамъ. Тѣмъ не менѣе мы, ничего, живемъ зд
и не вопимъ, а если и вопимъ, то очень рѣдко, при чемъ, по пра
говоря, трудно съ увѣренностью сказать, отчего, собственно, мы вопи
оттого ли, что хотимъ привлечь вниманіе равнодушнаго неба, или отт
что среди нашихъ ближнихъ есть много любителей воплей (литературн
дарованій). Вродѣ странницы въ «Грозѣ», которая страсть люби

когда кто хорошо воетъ. Всѣ эти соображенія могутъ показаться особенно важными тѣмъ, которые, подобно мнѣ въ настоящую минуту (за завтрашній день не ручаюсь) раздѣляютъ сужденіе Достоевскаго, что, если и существуетъ безсмертіе, то, разумѣется, не для всѣхъ, а для нѣкоторыхъ. При чемъ я еще, въ согласіи съ Достоевскимъ, допускаю, что воскреснутъ именно тѣ, которыхъ по существующимъ предположеніямъ ждетъ худшее послѣ смерти. Первые здѣсь будутъ первыми и тамъ, а отъ послѣднихъ не останется даже и воспоминанія. И за погибшихъ некому даже будетъ вступиться: Достоевскіе, Толстые и всѣ другіе «первые», которымъ удастся попасть на небо, будутъ заняты несравненно болѣе важными дѣлами...

Теперь, если угодно, продолжайте заботиться о справедливомъ устройствѣ на землѣ и кладите, вслѣдъ за Платономъ, ученіе о справедливости въ основаніе философіи.

V.

Сила доказательствъ. Шопенгауэръ вопросъ о безсмертіи души разрѣшалъ отрицательно. По его мнѣнію, человѣкъ, какъ Ding an sich безсмертенъ, но, какъ явленіе — смертенъ. Иначе говоря, все, что есть въ насъ индивидуальнаго, существуетъ лишь въ промежуткѣ между рожденіемъ и смертью, но такъ какъ каждый индивидуумъ, по ученію Шопенгауэра, есть проявленіе «воли» или «Ding an sich», того вѣчнаго и неизмѣннаго начала, которое представляетъ изъ себя единую сущность міра, объективирующуюся во множественности явленій, то, постольку, поскольку это начало проявляется въ человѣкѣ, онъ — вѣченъ. Таково, говорю, мнѣніе Шопенгауэра, являющееся, повидимому, послѣдовательнымъ логическимъ выводомъ изъ его общаго философскаго ученія, какъ въ той части, которая относится къ Ding an sich, такъ и въ той, которая относится къ индивидууму. Первую часть мы оставимъ безъ разсмотрѣнія: въ концѣ-концовъ, если Шопенгауэръ ошибался и Ding an sich—смертна,— горе небольшое, подобно тому, какъ и безсмертію ея нѣтъ причинъ радоваться. Но вотъ индивидуумъ: у него отнимается право на безсмертіе и въ доказательство приводится соображеніе, на первый взглядъ совершенно неопровержимое. Все, что имѣетъ начало, имѣетъ также и конецъ, говоритъ Шопенгауэръ. Индивидуумъ имѣетъ начало (рожденіе), стало быть его ждетъ и конецъ (смерть). Самому Шопенгауэру и положеніе и выводъ казались до такой степени очевидными, что онъ ни на минуту не допускалъ возможности ошибки. А между тѣмъ на этотъ разъ мы имѣемъ безспорный случай ошибочнаго заключенія изъ ошибочной предпосылки. Ибо во первыхъ: отчего все, что имѣетъ начало, должно также имѣть и конецъ? Эмпирическія наблюденія наводятъ на такое предположеніе,— но развѣ эмпирическихъ наблюденій достаточно, чтобъ создавать предпосылки? И развѣ такъ добытыя предпосылки въ правѣ мы примѣнять въ качествѣ незыблемыхъ положеній для разрѣшенія важнѣйшихъ философскихъ во-

просовъ? А, затѣмъ, допустимъ даже, что посылка правильна, все же выводъ, къ которому пришелъ Шопенгауэръ, сдѣланъ невѣрно. Можетъ быть, дѣйствительно, все, имѣющее начало, имѣетъ конецъ, можетъ быть индивидууму рано или поздно суждено погибнуть, но почему пріурочивать моментъ уничтоженія души къ смерти тѣла? Можетъ быть тѣло умретъ, а душа, которую впослѣдствіи ждетъ та же участь, хоть немного, не на вѣки вѣчные, какъ думаютъ крайніе оптимисты, да поживетъ еще, разыскавши себѣ болѣе или менѣе подходящую матеріальную оболочку гдѣ-нибудь на дальней, можетъ еще неизвѣстной намъ планетѣ. Какъ важно было бы бѣдному человѣчеству хоть такую надежду сохранить! Тѣмъ болѣе, что едва ли мы знаемъ навѣрняка, чего желаютъ люди, когда говорятъ о безсмертіи души. Точно ли имъ непремѣнно нужно вѣчно жить или они удовольствовались бы еще одной, двумя жизнями, особенно если бы послѣдующія жизни оказались бы не столь обидно незначительными, какъ наше земное существованіе, въ которомъ даже чинъ XIV класса составляетъ для многихъ недосягаемый идеалъ. Мнѣ кажется, что далеко не всякій согласится жить вѣчно. А что, если исчерпаются всѣ возможности и начнутся безконечныя повторенія?..

Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что мы имѣемъ право разсчитывать на загробное существованіе: вопросъ попрежнему остается открытымъ и послѣ опроверженія Шопенгауэровскихъ доказательствъ. Но несомнѣнно слѣдуетъ, что самыя лучшія доказательства при ближайшемъ разсмотрѣніи часто оказываются никуда негодными. Quod demonstrandum erat—разумѣется, до тѣхъ поръ, пока не найдутся доказательства, которыя опровергнутъ мои опроверженія доказательствъ Шопенгауэра. Оговорку эту сдѣлалъ для того, чтобы лишить критиковъ удовольствія и возможности поиграть словами.

VI.

Лебединыя пѣсни. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что «Когда мы мертвые пробуждаемся» одна изъ наиболѣе автобіографическихъ пьесъ Ибсена. Почти всѣ его драмы носятъ замѣтные слѣды личныхъ переживаній—даже, болѣе того, повидимому самое цѣнное въ нихъ, это возможность прослѣдить исторію внутренней борьбы автора. Но, быть можетъ, особенное значеніе среди остальныхъ драмъ имѣетъ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» въ виду того, что вещь задумана и написана авторомъ въ глубокой старости. Для тѣхъ, кому интересно подслушать и подсмотрѣть чемъ говорятъ и что дѣлаютъ на окраинахъ жизни, чрезвычайно цѣн возможность общенія съ глубокими стариками, съ умирающими, воо съ людьми, поставленными въ исключительныя условія, особенно въ т случаяхъ, когда эти люди не боятся говорить правду и выработали с прошлымъ опытомъ искусство и смѣлость (нужно и то, и другое) гляд прямо въ глаза дѣйствительности. Ибсенъ оказывается даже интерес

чѣмъ Толстой. И Толстому его дарованіе не измѣнило до сихъ поръ, но Толстой прежде всего моралистъ. Для него сейчасъ, какъ и въ молодости, власть надъ людьми дороже всего и кажется обаятельнѣе всѣхъ прочихъ благъ міра. Онъ все еще продолжаетъ приказывать, требовать и хочетъ, чтобъ ему во что бы то ни стало повиновались. Можно, и даже должно, пожалуй, съ вниманіемъ и уваженіемъ относиться къ этой особенности толстовской натуры. Вѣдь не одинъ Толстой, а многіе царственные отшельники мысли до конца своей жизни предъявляли къ человѣчеству безусловныя требованія подчиненія. Сократъ въ день смерти, за часъ передъ смертью училъ, что есть лишь одна истина и именно та, которую онъ открылъ. Платонъ, будучи глубокимъ старикомъ, ѣздилъ въ Сиракузы насаждать свою мудрость. Вѣроятно, такое упорство великихъ людей имѣетъ свое объясненіе и свой глубокій смыслъ.

И Толстому, и Сократу и Платону, и еврейскимъ пророкамъ, которые въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, были очень похожи на учителей мудрости, вѣроятно, нужно было всецѣло сосредоточить свои силы на одной огромной внутренней задачѣ, условіемъ удачнаго выполненія которой является иллюзія, что весь міръ, вся вселенная дѣйствуетъ заодно и въ унисонъ съ ними. Я уже указывалъ по поводу Толстого, что въ настоящее время онъ въ своемъ міропониманіи находится на границѣ солипсизма. Толстой и весь міръ — равнозначущія понятія: безъ такого временнаго заблужденія всего его существа (не умственной, головной ошибки: голова знаетъ хорошо, что міръ—самъ по себѣ, Толстой—самъ по себѣ) ему пришлось бы отказаться отъ самаго важнаго своего дѣла. Это вродѣ того, какъ всѣ мы знаемъ послѣ Коперника, что земля движется вокругъ солнца, знаемъ, что каждая изъ звѣздъ не чистый и ясный золотой кружокъ, а огромная глыба разнообразнаго состава, что голубого, твердаго купола нѣтъ надъ нами. Знаемъ—а тѣмъ не менѣе не можемъ и не хотимъ ослѣпить себя, чтобъ не любоваться ложью оптическихъ иллюзій видимаго міра. Такъ называемая истина имѣетъ для насъ только ограниченную цѣнность. Жертва Галилея отнюдь не опровергаетъ мои слова. E pur si muove, если онъ и произнесъ эту фразу, она могла вовсе и не относиться къ движенію земли, хотя говорилось о землѣ. Галилей не хотѣлъ предавать дѣла своей жизни. Кто намъ, однако, поручится, что на такое самопожертвованіе способенъ не только Галилей, но и ученикъ его, хотя бы самый преданный и смѣлый ученикъ, изъ устъ учителя, а не собственной борьбой, добывшій новую истину? Апостолъ Петръ за одну ночь трижды отказался отъ Христа. Теперь, вѣроятно, во всемъ мірѣ мы не нашли бы ни одного человѣка, который бы согласился умереть въ доказательство и ради защиты идеи Галилея. Повидимому, великіе люди очень мало склонны посвящать въ тайны своихъ великихъ дѣлъ постороннихъ лицъ. Повидимому, даже они сами не всегда умѣютъ дать себѣ ясный отчетъ въ характерѣ и смыслѣ поставляемыхъ ими себѣ задачъ. Самъ Сократъ, такъ упорно искавшій всю жизнь свою

ясности, выдумавшій для этой цѣли діалектику и введшій во всеобщее употребленіе опредѣленія, имѣвшія своимъ назначеніемъ фиксировать текучую дѣйствительность, Сократъ, передъ смертью тридцать дней подъ рядъ убѣждавшій своихъ учениковъ въ томъ, что онъ умираетъ ради истины и справедливости, — самъ Сократъ, говорю я, можетъ быть, и даже вѣроятнѣе всего такъ же мало зналъ, зачѣмъ онъ умираетъ, какъ знаютъ объ этомъ простые люди, умирающіе естественною смертью, или какъ знаютъ родившіеся на свѣтъ младенцы, кто и какой — враждебной либо благожелательной властью — вызвалъ ихъ отъ небытія къ бытію. Такова наша жизнь: въ ней мудрецы и глупцы, старики и младенцы, идутъ на угадъ къ цѣлямъ, которыя не обнаружены до сихъ поръ ни свѣтскими, ни духовными, ни обыкновенными, ни священными книгами. Всѣ эти соображенія я напомнилъ отнюдь не затѣмъ, чтобъ лишній разъ посрамить догматизмъ. Я всегда былъ убѣжденъ и до сихъ поръ увѣренъ, что догматики сраму не имутъ, и что ихъ никоимъ образомъ не выживешь со свѣту. Въ послѣднее же время, я, кромѣ того, пришелъ къ заключенію, что догматики совершенно правы въ своемъ упорствѣ. Вѣра, потребность вѣры сильна, какъ любовь, какъ смерть. По отношенію къ каждому догматику я въ настоящее время считаю своей священной обязанностью впередъ идти на всѣ уступки, вплоть до признанія малѣйшихъ и незначительнѣйшихъ оттѣнковъ его убѣжденій и вѣрованій. Единственное ограниченіе, очень незамѣтное, почти невидимое: его убѣжденія не должны быть безусловно общеобязательными, т.-е. для всѣхъ, безъ исключенія людей. Большинство, огромное большинство — милліоны, даже милліарды людей я ему охотно уступаю, при предположеніи, что они сами того захотятъ, или что онъ окажется достаточно искуснымъ, чтобъ переманить ихъ на свою сторону (вѣдь насиліе въ дѣлѣ вѣры недопустимо?). Словомъ, я ему уступаю почти всѣхъ людей, зато онъ долженъ согласиться, что для оставшихся единицъ или десятковъ его убѣжденія внутренно не обязательны (на внѣшнюю покорность я иду). Такъ что догматикъ, послѣ такой побѣды — мое признаніе вѣдь для него полная побѣда — долженъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Сократъ былъ правъ, Платонъ, Толстой, пророки—правы, есть только одна истина, одинъ Богъ, истина вправѣ уничтожать ложь, свѣтъ—тьму, Богъ всезнающій, всеблагой и всемогущій, какъ Александръ Македонскій, завоюетъ почти весь извѣстный ему міръ и изъ своихъ владѣній при торжественныхъ и радостныхъ кликахъ милліардовъ вѣрноподданныхъ изгонитъ дьявола и всѣхъ непокорныхъ божескому слову. Но отъ власт надъ душами своихъ немногочисленныхъ противниковъ, согласно услові откажется, и нѣсколько отступниковъ, собравшись на отдаленномъ и н видимомъ для милліардовъ островѣ, будутъ продолжать свою вольну особенную жизнь. И вотъ—чтобы вернуться къ началу—среди этой го сточки непокорныхъ окажется и Ибсенъ, какимъ онъ былъ въ послѣдн годы своей жизни, какимъ онъ рисуется въ послѣдней драмѣ. Вѣроят

мы тамъ и нашего Гоголя встрѣтимъ. Ибо въ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» Ибсенъ санкціонируетъ и прославляетъ то, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ *сдѣлалъ* Гоголь. Онъ отказывается отъ своего искусства, съ ненавистью и съ насмѣшкой вспоминаетъ о томъ, что было когда-то дѣломъ его жизни. 15 апрѣля 1866 года Ибсенъ писалъ королю Карлу: «я не борюсь за беззаботное существованіе, я борюсь за свою жизненную задачу, въ которую непоколебимо вѣрю и которую, я знаю, Богъ возложилъ на меня». Къ слову сказать, вы не назовете почти никого изъ великихъ дѣятелей, который не повторялъ бы въ той или иной формѣ приведеннаго утвержденія Ибсена. Повидимому, безъ такого рода иллюзіи, временной или постоянной, невозможна та напряженная борьба и тѣ жертвы, цѣной которыхъ покупаются великія дѣла. Повидимому, даже и для успѣха малыхъ дѣлъ необходимо разнаго рода иллюзіи. Вѣдь для того, чтобы маленькому человѣку сдѣлать свое микроскопическое дѣло, ему тоже часто приходится до крайности напрягать свои маленькія силенки. И кто знаетъ?—не казалось ли Акакію Акакіевичу, что Богомъ на него возложена задача аккуратно переписывать канцелярскія бумаги и сшить себѣ новую шинель? Онъ, конечно, никогда бы этого не дерзнулъ, да и не умѣлъ бы сказать, прежде всего по своей робости, а затѣмъ еще и потому, что не владѣлъ даромъ слова. Музы же бѣднымъ и слабымъ людямъ не несутъ своей дани: онѣ воспѣваютъ только Крезовъ и Кесарей. Но, несомнѣнно, что первые въ деревнѣ считаютъ себя такъ же отмѣченными судьбой, какъ и первые въ Римѣ. Цезарь чувствовалъ это, и въ немъ говорило не одно только честолюбіе, когда онъ произносилъ свою извѣстную фразу. Люди не вѣрятъ себѣ и стремятся всегда занять такое положеніе, при которомъ у нихъ возникаетъ правильная или ложная увѣренность, что они находятся на виду у Бога. Но съ годами всѣ иллюзіи разсѣиваются, разсѣивается и иллюзія о томъ, что Богъ избираетъ нѣкоторыхъ людей для своихъ особыхъ цѣлей и возлагаетъ на нихъ особенныя порученія. Гоголь, долго такъ именно понимавшій свою писательскую задачу, передъ смертью сжигаетъ свое лучшее произведеніе. Ибсенъ дѣлаетъ почти то же. Въ лицѣ профессора Рубека онъ отрекается отъ своей литературной дѣятельности и высмѣиваетъ ее, хотя она принесла ему все, на что онъ могъ разсчитывать: славу, почетъ, богатство... И изъ-за чего, подумайте только? Изъ-за того, что ему пришлось пожертвовать въ себѣ мужчиной ради художника, покинуть Ирену, которую онъ любилъ, и жениться на женщинѣ, къ которой онъ былъ равнодушенъ. Или, подъ конецъ жизни, Ибсенъ выяснилъ себѣ, что самъ Богъ возложилъ на него задачу быть мужчиной? Но вѣдь мужчины всѣ, художники—единицы. Если бы это сказалъ не Ибсенъ, а простой смертный, мы назвали бы это величайшей пошлостью. Но въ устахъ Ибсена, семидесятилѣтняго старика, автора «Бранда», того «Бранда», изъ котораго европейскіе священники черпаютъ темы и матеріалъ для проповѣдей, въ устахъ Ибсена, написавшаго «Кесарь и Галилеянинъ», такое признаніе пріобрѣтаетъ неожидан-

ный и загадачный смыслъ. Тутъ ужъ не отдѣлаешься качаньемъ головы, презрительной усмѣшкой. Не кто-нибудь—самъ Ибсенъ говоритъ. Первый человѣкъ не въ деревнѣ, не въ Римѣ даже—первый во всемъ мірѣ. Говоритъ громко, увѣренно, urbi et orbi. Вотъ ужъ подлинно человѣческій законъ: отъ тюрьмы и отъ сумы не зарекайся. Можетъ быть, тутъ умѣстно будетъ вспомнить о лебединыхъ пѣсняхъ Тургенева. У Тургенева тоже были высокіе идеалы, которые, вѣроятно, ему казались полученными непосредственно отъ Бога. Фразу, которой заканчивается замѣчательная статья его «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» можно смѣло вложить въ уста самому Бранду. «Все проходитъ—добрыя дѣла остаются»—въ этихъ словахъ весь Тургеневъ, лучше сказать—весь сознательный Тургеневъ того періода своей жизни, къ которому относится названная статья. Впрочемъ не только того—до послѣднихъ минутъ жизни сознательный Тургеневъ не отказался бы отъ этихъ словъ. Но въ «стихотвореніяхъ въ прозѣ» звучитъ совсѣмъ иной мотивъ. Все, о чемъ онъ тамъ разсказываетъ, какъ и все, о чемъ разсказываетъ Ибсенъ въ послѣдней своей драмѣ, пропитано одной безконечной, неутомимой тоской о безплодно растраченной жизни,—жизни, ушедшей на проповѣдь «добра». И ни молодости, ни здоровья, ни прежнихъ силъ не жаль! Можетъ быть и смерть не страшна... Чего не можетъ вытравить изъ себя старикъ Тургеневъ—это воспоминанія о «русской дѣвушкѣ». Онъ писалъ и воспѣлъ ее, какъ никто другой до него въ русской литературѣ не описывалъ, но она была для него только моделью, онъ не прикоснулся къ ней, какъ Рубекъ-Ибсенъ къ Иренѣ, и ушелъ къ Віардо. И это страшный грѣхъ, ничѣмъ не искупаемый, смертный грѣхъ—тотъ, о которомъ говорится въ Библіи. Все простится, все проходитъ, все забудется—это преступленіе навѣки остается. Таковъ смыслъ «Senilia» Тургенева, таковъ смыслъ Senilia Ибсена. Я нарочно назвалъ слово «Senilia», хотя могъ бы говорить о лебединыхъ пѣсняхъ и хотя правильнѣй было бы говорить о лебединыхъ пѣсняхъ. «Лебеди,—разсказываетъ Платонъ,—когда чувствуютъ приближеніе смерти, поютъ въ этотъ день лучше, чѣмъ когда бы то ни было, радуясь, что они найдутъ Бога, которому они служатъ». Ибсенъ и Тургеневъ служили тому же Богу, что и лебеди, по вѣрованію грековъ,—свѣтлому богу пѣсенъ Аполлону. И ихъ послѣднія пѣсни, ихъ Senilia былъ лучше, чѣмъ всѣ прежнія. Въ нихъ бездонная, страшная для глаза, какая дивная глубина! Все тамъ по иному, чѣмъ здѣсь у насъ на поверхности. Довѣриться ли соблазну, идти ли на призывъ великихъ стариковъ, или привязать себя къ мачтѣ провѣренныхъ общечеловѣческимъ опытомъ убѣжденій и заважать уши, какъ сдѣлалъ когда-то хитроумный Одиссей, чтобъ спастись отъ сиренъ. Есть выходъ, есть слово, которое можно разрушить очарованіе. Я назвалъ уже его: Senilia. Тургеневъ тѣлъ такъ озаглавить свои «стихотворенія въ прозѣ». Проявленія болѣзни немощности, старости. Это—страшно, отъ этого нужно бѣжать! Шопенгауэръ философъ-метафизикъ боялся въ старости передѣлывать свои юношескія произведенія. Ему казалось, что онъ можетъ испортить ихъ однимъ сво

прикосновеніемъ. И всѣ не вѣрятъ старости, всѣ раздѣляютъ опасенія Шопенгауэра. А что, если всѣ ошибаются? Что, если Senilia приближаютъ насъ къ истинѣ? Можетъ быть, вѣщія птицы Аполлона тоскуютъ неземной тоской по иному бытію, можетъ ихъ страхъ относится не къ смерти, а къ жизни, можетъ быть, и въ стихотвореніяхъ Тургенева, и въ послѣдней драмѣ Ибсена уже слышны если не послѣднія, то, по крайней мѣрѣ, предпослѣднія человѣческія слова.

VII.

Что такое философія? Въ учебникахъ философіи на этотъ вопросъ вы найдете самые разнообразные отвѣты. За двѣ съ половиной тысячи лѣтъ своего существованія философія имѣла возможность сдѣлать огромное количество попытокъ опредѣлить сущность своей задачи. Но соглашеніе между признанными представителями любителей и любимцевъ мудрости до сихъ поръ еще не достигнуто. Всякій судитъ по-своему, свое сужденіе считаетъ единственно истиннымъ—но о consensus sapientium здѣсь даже и мечтать нельзя. Но, страннымъ образомъ, именно въ этомъ спорномъ пунктѣ, гдѣ такъ невозможно соглашеніе ученыхъ и мудрецовъ, вполнѣ достигнуто consensus profanorum. Всѣ тѣ, кто никогда философіей не занимался, кто вообще никогда не читалъ ученыхъ книгъ, даже никакихъ книгъ, съ рѣдкимъ единодушіемъ отвѣчаютъ на нашъ вопросъ. Правда, объ ихъ мнѣніяхъ нельзя, повидимому, прямо судить, потому что такого рода люди совсѣмъ не умѣютъ говорить выработаннымъ наукой языкомъ, никогда въ такой формѣ вопроса не ставятъ и еще менѣе умѣютъ отвѣчать на него принятыми словами. Но у насъ есть одно важное косвенное указаніе, которое даетъ намъ право сдѣлать заключеніе. Несомнѣнно, что всѣ тѣ люди, которые шли къ философіи за отвѣтами на мучившіе ихъ вопросы, уходили отъ нея разочарованными, если только у нихъ не оказывалось достаточно выдающихся дарованій, для того, чтобы примкнуть къ цеху профессіональныхъ философовъ. Изъ этого безъ колебанія можно сдѣлать выводъ, пока, правда, отрицательный: философія занимается такимъ дѣломъ, которое можетъ быть интереснымъ и важнымъ только для нѣкоторыхъ, для многихъ же оно представляется скучнымъ и ненужнымъ.

Выводъ въ высокой степени утѣшительный какъ для профановъ, такъ и для мудрецовъ. Ибо каждый мудрецъ, даже самый прославленный, вмѣстѣ съ тѣмъ и профанъ, т.-е., бросивъ академическое словоупотребленіе, просто-на-просто человѣкъ. Съ нимъ тоже можетъ случиться, что и у него возникнутъ тѣ мучительные вопросы, съ которыми являлись къ нему же обыкновенные люди, къ примѣру сказать Толстовскій Иванъ Ильичъ или Чеховскій профессоръ (изъ «Скучной исторіи»). И тогда, разумѣется, онъ вынужденъ будетъ признаться, что въ тѣхъ толстыхъ книгахъ, которыя онъ такъ хорошо изучилъ, нужныхъ отвѣтовъ нѣтъ. И радоваться

этому. Ибо, что можетъ быть ужаснѣе для человѣка, чѣмъ необходимость въ трудныя минуты жизни признать обязательность какого бы то ни было философскаго ученія? Напримѣръ, думать вмѣстѣ съ Платономъ, Спинозой или Шопенгауэромъ, что главная задача жизни — нравственное совершенствованіе, иначе говоря самоотреченіе. Хорошо было Платону проповѣдовать справедливость! Это ему нисколько не мѣшало быть сыномъ своего времени, т.-е. въ допустимыхъ размѣрахъ нарушать заповѣди, имъ же возвѣщаемыя. Спиноза, по всѣмъ видимостямъ, былъ гораздо выдержаннѣе и послѣдовательнѣе Платона, онъ на самомъ дѣлѣ держалъ страсти въ повиновеніи. Но это былъ его личный, индивидуальный вкусъ. Послѣдовательность была не только свойствомъ его ума, но всей его натуры. Проявляя ее, онъ проявлялъ себя. Что до Шопенгауэра, то онъ, какъ извѣстно, восхвалялъ добродѣтели только въ своихъ книгахъ. Въ жизни же, какъ и всякій независимый и умный человѣкъ, руководствовался самыми разнообразными соображеніями.

Но, все это — учителя, люди, выдумывающіе системы и императивы. Ученикъ же, ищущій у философіи отвѣтовъ на свои вопросы, не можетъ разрѣшать себѣ никакихъ вольностей и отступленій отъ общихъ правилъ, ибо сущность и основная задача каждаго ученія сводится къ тому, чтобъ подчинить не только поведеніе людей, но и жизнь всей вселенной единому регулирующему принципу. Отдѣльные философы такіе принципы находили, но окончательнаго соглашенія между философами до сихъ поръ еще нѣтъ, и это до нѣкоторой степени облегчаетъ положеніе тѣхъ несчастныхъ, которые, потерявъ надежду отыскать помощь и руководительство въ иныхъ мѣстахъ, обратились къ философіи. Разъ тутъ нѣтъ общаго, всѣми признаннаго, обязательнаго принципа, — значитъ, что пока, по крайней мѣрѣ, разрѣшается каждому думать, чувствовать и даже поступать по-своему. Можно послушаться Спинозы, можно и не послушаться. Можно преклониться предъ вѣчными идеями Платона, но можно отдать предпочтеніе всегда измѣнчивой, текучей дѣйствительности. Наконецъ, можно принять пессимизмъ Шопенгауэра, но никто и ничто не въ силахъ навязать вамъ безбрачіе на основаніи того, что Шопенгауэръ удачно высмѣивалъ любовь. И, чтобъ завоевать себѣ такую свободу, вовсе нѣтъ нужды вооружаться легкой діалектикой древняго греческаго философа, тяжеловѣсной логикой бѣднаго голландскаго еврея или тонкимъ остроуміемъ глубокомысленнаго нѣмца. Ихъ вовсе и оспаривать не нужно. Можно даже со всѣми согласиться. Міровое пространство безконечно и не только вмѣститъ въ себя всѣхъ когда-либо жившихъ имѣющихъ народиться людей, но дастъ каждому изъ нихъ все, чего о пожелаетъ. Платону—міръ идей, Спинозѣ—единую, вѣчную и неизмѣнн сущность, Шопенгауэру — буддійскую нирвану. Каждый изъ нихъ и в другіе, здѣсь не упомянутые философы, свѣтскіе и духовные, найд во вселенной то, что имъ нужно, вплоть до вѣры, даже убѣжденія, ихъ ученія суть единственно истинныя и всеобъемлющія ученія. Но, ог

временно, и профаны отыщутъ для себя подходящіе міры. Изъ того, что на землѣ людямъ тѣсно, изъ того, что здѣсь приходится неимовѣрными усиліями отвоевывать каждую пядь земли и даже наши призрачныя свободы, никакъ не слѣдуетъ, что бѣдность, темнота, деспотизмъ должны считаться вѣчными, предмірными началами, и, что экономное единство есть послѣднее прибѣжище для человѣка. Множественность міровъ, множественность людей и боговъ среди необъятныхъ пространствъ необъятной вселенной, — да вѣдь это (да простится мнѣ слово) идеалъ! Правда, не идеалистически обоснованный. За то, какой выводъ впереди! Философовъ спорящихъ и доказывающихъ мы оставимъ въ сторонѣ, разъ дѣло дошло до боговъ. По существующимъ вѣрованіямъ и предположеніямъ и боги всегда ссорились межъ собой и боролись. Даже въ монотеистическихъ религіяхъ люди всегда принуждали своего Бога вступать въ борьбу и даже придумывали для него нарочитаго соперника—дьявола. Люди никакъ не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что на небѣ все происходитъ совсѣмъ, какъ на землѣ, и всѣ свои, какъ дурныя, такъ и хорошія качества, приписываютъ также и небожителямъ. Межъ тѣмъ какъ, вѣроятнѣе всего, многаго изъ того, что, по нашимъ представленіямъ, совершенно неотдѣлимо отъ жизни, на небѣ нѣтъ. Нѣтъ, между прочимъ, и борьбы. И это — хорошо. Ибо всякая борьба неизбѣжно рано или поздно переходитъ въ драку. Когда исчерпывается запасъ логическихъ и этическихъ доводовъ, непримирившимся противникамъ остается одно,—вступить въ рукопашную, которая обыкновенно и рѣшаетъ исходъ дѣла. Оцѣнка логическихъ и этическихъ соображеній произвольна, матеріальная же сила измѣряется пудо-футами, ее даже можно заранѣе учесть. Такъ что, стало быть, тамъ, гдѣ, по общему предположенію, не будетъ пудофутовъ, исходъ борьбы очень часто будетъ оставаться нерѣшеннымъ. Когда Лермонтовскій демонъ направляется въ келью Тамары, его встрѣчаетъ на пути ангелъ. Демонъ говоритъ, что Тамара принадлежитъ ему, ангелъ требуетъ ее себѣ. Словами и доводами демона не переубѣдишь: не на таковскаго напали. Объ ангелѣ и говорить нечего: онъ вѣдь всегда считаетъ себя вдвойнѣ правымъ. Какъ разрѣшить споръ? Въ концѣ-концовъ Лермонтовъ не умѣлъ или не смѣлъ придумать новый способъ разрѣшенія и допустилъ вмѣшательство матеріальной силы: Тамару у демона вырываютъ, совсѣмъ такъ, какъ на землѣ болѣе сильный хищникъ вырываетъ добычу у болѣе слабаго. Повидимому, поэтъ допустилъ такую развязку, чтобъ отдать дань традиціонному благочестію. По моему мнѣнію, рѣшеніе не только не благочестиво, но — прямо кощунственно. Въ немъ ясно еще видны не вытравленные слѣды варварства и идолопоклонства. Богу приписываются вкусы и аттрибуты, о которыхъ мечтаютъ земные деспоты. Онъ непремѣнно долженъ, и будто бы хочетъ быть самымъ сильнымъ, самымъ первымъ и т. д.—совсѣмъ какъ Юлій Цезарь въ молодости. Онъ больше всего боится соперничества и никогда не прощаетъ своихъ несмирившихся враговъ. Повидимому, это грубое заблужденіе. Богу совсѣмъ не нужно

быть самымъ сильнымъ, самымъ первымъ. Онъ, пожалуй, и это было бы понятно и согласно съ здравымъ смысломъ—не хотѣлъ бы быть слабѣе другихъ, чтобъ не подвергнуться насилію, но нѣтъ никакого основанія приписывать ему честолюбіе или тщеславіе. И нѣтъ, значитъ, никакого основанія думать, что онъ не выноситъ равныхъ себѣ, хочетъ быть превыше всѣхъ и во что бы то ни стало уничтожить дьявола. Вѣроятнѣе всего, что онъ живетъ въ мирѣ и добромъ согласіи даже съ тѣми, которые менѣе всего приспособляются къ его вкусамъ и привычкамъ. Можетъ быть, даже радуется, что не всѣ такіе, какъ онъ, и охотно дѣлитъ съ сатаной свои владѣнія. Тѣмъ болѣе, что отъ такого дѣленія никто ничего не проигрываетъ, ибо безконечное (владѣнія Бога безконечны, я это признаю), раздѣленное на два и даже на какое угодно большое конечное число, даетъ въ результатѣ все-таки безконечность.

Теперь мы можемъ вернуться къ первоначальному вопросу и, кажется, даже дать на него отвѣтъ—два отвѣта даже, одинъ отъ имени sapientium, другой отъ имени profanorum. Для первыхъ философія есть искусство ради искусства. Каждый философъ старается создать стройную, разнообразную, интересно и красиво построенную систему, пользуясь, какъ матеріаломъ для постройки, собственнымъ внутреннимъ опытомъ, а также личными и чужими наблюденіями надъ внѣшней жизнью. Философъ тоже въ своемъ родѣ художникъ, для котораго его произведеніе дороже всего на свѣтѣ, иногда дороже жизни. Сплошь и рядомъ видимъ мы, что философы безъ колебанія ради своего дѣла жертвуютъ чѣмъ угодно, даже истиной. Иное дѣло профаны. Для нихъ философія — точнѣе то, что они назвали бы философіей, если бы владѣли научной терминологіей, есть послѣднее прибѣжище. Когда матеріальныя силы расточены, когда нечѣмъ больше бороться за отнятыя права,—они бѣгутъ за помощью и поддержкой въ то именно мѣсто, котораго они больше всего чурались прежде. Напримѣръ, Наполеонъ на островѣ Елены. Онъ всю жизнь свою собиравшій солдатъ и пушки, когда его связали по рукамъ и по ногамъ, сталъ философствовать. Конечно, онъ дѣйствовалъ въ этой области какъ начинающій, очень неопытный и даже, смѣшно сказать, какъ трусливый новичокъ.

Онъ, не боявшійся ни чумныхъ больныхъ, ни вражескихъ пуль, боялся, какъ извѣстно, темной комнаты. Привычные къ философіи люди, Шопенгауэръ хотя бы, тѣ ходятъ по темнымъ комнатамъ смѣло и увѣренно, хотя отъ выстрѣловъ и даже менѣе опасныхъ вещей сторонятся. Такъ вотъ, говорю, великій полководецъ, чуть ли не всеевропейскій императоръ Наполеонъ философствовалъ на островѣ св. Елены и даже дошелъ до того, что сталъ заискивать у нравственности, полагая, очевидно, что отъ нея зависитъ его дальнѣйшая судьба. Онъ увѣрялъ ее, что ради нея и только ради нея онъ затѣвалъ всѣ свои злодѣйскія дѣла—онъ, который до тѣхъ поръ, пока на головѣ его была корона, и въ рукахъ побѣдоносная армія, едва ли даже зналъ о существованіи нравственности. Но это такъ понятно! Въ 45 лѣтъ попасть въ совершенно новую и незнакомую область, конечно,

все будетъ казаться страшнымъ и даже безплотную нравственность примешь за властительницу судебъ. И будешь думать, что ее можно обольстить сладкими рѣчами и ложными обѣщаніями, какъ свѣтскую даму. Но это были первые шаги непривычнаго человѣка. Наполеону такъ же было трудно овладѣть философіей, какъ Карлу Великому на склонѣ лѣтъ научиться писать. Но онъ зналъ, зачѣмъ пришелъ въ новое мѣсто, и ни Платонъ, ни Спиноза, ни Кантъ не переубѣдили бы его. Можетъ, съ начала, пока еще не привыкъ къ темнотѣ, онъ бы для виду согласился съ признанными авторитетами, думая, что и здѣсь, какъ тамъ, гдѣ онъ жилъ прежде, высокопоставленныя особы не терпятъ возраженій, можетъ быть, онъ бы лгалъ передъ ними, какъ лгалъ передъ нравственностью—но *дѣла* своего онъ бы не забылъ. Онъ пришелъ къ философіи съ *требованіями* и не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока не получилъ бы своего. Онъ уже видѣлъ однажды, какъ корсиканскій поручикъ сталъ французскимъ императоромъ. Почему же сраженному императору не вступить въ послѣднюю борьбу?... И примириться на самоотреченіи? Философія уступитъ, нужно только не сдаваться внутренно: такъ приходятъ къ философіи Наполеоны и такъ они ее понимаютъ. И впредь до доказательства противнаго, ничего не можетъ помѣшать намъ думать, что Наполеоны правы и что, стало быть, академическая философія не есть послѣднее, не есть даже предпослѣднее слово. Ибо, можетъ быть, послѣднее слово таятъ про себя не умѣющіе говорить, но смѣлые, настойчивые, непримиримые люди.

VIII.

Генрихъ Гейне. Больше ста лѣтъ прошло съ рожденія и пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти этого замѣчательнаго человѣка, а исторія литературы до сихъ поръ не свела съ нимъ окончательныхъ счетовъ. Даже нѣмцы—его соотечественники (пожалуй, нѣмцы въ особенности), никакъ не могутъ сговориться въ оцѣнкѣ его дарованія. Одни его считаютъ геніемъ, другіе—бездарностью и пошлякомъ. Притомъ враги его до сихъ поръ, какъ и когда-то, вносятъ въ свои нападки столько страсти, какъ если бы они воевали не съ мертвымъ, а съ живымъ противникомъ. И ненавидятъ его за то, за что его ненавидѣли его современники. Какъ извѣстно, главнымъ образомъ Гейне не прощали неискренности. Никто не зналъ, когда онъ говоритъ серьезно, когда шутитъ, что любитъ, что ненавидитъ и, наконецъ, не было никакой возможности выяснить, вѣритъ ли онъ въ Бога или не вѣритъ. Нужно признаться, что въ значительной части своихъ обвиненій нѣмцы были правы. Я очень цѣню Гейне, по моему мнѣнію, онъ одинъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, но, тѣмъ не менѣе, я не берусь съ увѣренностью сказать, что онъ любилъ, во что вѣрилъ и часто не могу рѣшить, насколько серьезно высказываетъ онъ то или иное сужденіе. Тѣмъ не менѣе, я никоимъ образомъ не могу усмотрѣть въ его

сочиненіяхъ неискренности. Наоборотъ, тѣ особенности его, которыя такъ раздражали нѣмцевъ, и въ которыхъ они видятъ несомнѣнные признаки неискренности, въ моихъ глазахъ являются доказательствами его удивительной, единственной въ своемъ родѣ правдивости. По моему мнѣнію, если нѣмцы впали въ ошибку и ложно поняли Гейне, то причина этому гипертрофія самолюбія и власть предразсудковъ. Обычная манера Гейне—начать рѣчь совершенно серьезно и закончить ѣдкой насмѣшкой, сарказмомъ. Критики и читатели, обыкновенно по началу не догадывающіеся, что ихъ ждетъ въ концѣ, принимали неожиданный смѣхъ на свой счетъ и это страшно оскорбляло ихъ. Уязвленное самолюбіе никогда не прощаетъ, не могли и нѣмцы простить Гейне его насмѣшекъ. А межъ тѣмъ Гейне рѣдко оскорблялъ другихъ, большинство его насмѣшекъ, главнымъ образомъ, относятся къ нему самому, въ особенности въ произведеніяхъ послѣдняго періода его творчества, той эпохи, когда онъ жилъ въ «Matratzengruft». У насъ вѣдь тоже многіе обижались на Гоголя, полагая, что онъ ихъ высмѣиваетъ. Потомъ онъ самъ признался, что описывалъ самого себя. И непостоянство сужденій Гейне вовсе не доказываетъ его неискренности. Онъ далеко не всегда имѣлъ намѣреніе дразнить филистеровъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, во что ему вѣрить, онъ въ самомъ дѣлѣ мѣнялъ свои вкусы и привязанности и даже не всегда навѣрное зналъ, чему онъ въ настоящій моментъ отдаетъ предпочтеніе. Разумѣется, еслибъ онъ захотѣлъ, онъ могъ бы притвориться послѣдовательнымъ и постояннымъ. Или, если бы онъ былъ менѣе зоркимъ, онъ могъ бы, какъ это случается съ огромнымъ множествомъ людей, усвоить себѣ разъ навсегда парадныя, показныя мысли, и неизмѣнно ихъ проповѣдывать, нисколько не сличая ихъ со своими дѣйствительными переживаніями и настроеніями. Очень многіе люди считаютъ, что такъ именно и *должно* поступать, что нужно высказывать (особенно въ литературѣ) только парадныя, казовыя, возвышенныя, еще съ незапамятныхъ временъ возвѣщенныя мудрецами мысли, нисколько не справляясь о томъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ ихъ собственной природѣ или не соотвѣтствуютъ. Часто жестокіе, мстительные, злопамятные, себялюбивые, мелочные люди bona fide восхваляютъ въ своихъ сочиненіяхъ доброту, всепрощеніе, любовь къ врагамъ, щедрость, великодушіе, а о своихъ вкусахъ и страстяхъ—ни слова. Они увѣрены, что страсти существуютъ лишь затѣмъ, чтобы ихъ подавлять, скрывать, проявлять же и выставлять напоказъ нужно только убѣжденія. Подавить страсти рѣдко удастся, скрыть же, въ особенности въ книгахъ, очень легко. И такого рода скрытность не только не преслѣдуется, но, какъ извѣстно, поощряется. Получается ст... обычная и знакомая картина: въ жизни страсти судятъ «убѣжденія» книгахъ «убѣжденія» или, какъ говорятъ, идеалы судятъ и осужд... страсти. Подчеркиваю, что большинство писателей убѣждены, что ихъ дача—не разсказывать о себѣ, а воспѣвать идеалы. Искренность Г... была, дѣйствительно, иной. Онъ разсказывалъ о себѣ все или почти ... И это считалось до такой степени возмутительнымъ, что присяжные с...

нители обычаевъ и добрыхъ нравовъ считали себя оскорбленными въ своихъ лучшихъ, возвышеннѣйшихъ чувствахъ. Имъ казалось, что если бы Гейне удалось пріобрѣсть большое вліяніе въ литературѣ и овладѣть умами современниковъ, то это было бы величайшимъ несчастіемъ. Рушились бы устои, съ такимъ трудомъ въ теченіе столѣтій созданные совокупными усиліями лучшихъ представителей націи. Это, пожалуй, правильно: возвышенное благолѣпіе жизни сохраняется лишь при непремѣнномъ условіи лицемѣрія. Чтобъ было красиво, нужно многое скрывать, припрятывать какъ можно дальше и глубже. Больныхъ и сумасшедшихъ нужно загонять въ больницы, нищету—въ подвалы, непокорныя страсти—въ глубину души. Правдѣ и свободѣ разрѣшается лишь постольку заявлять о себѣ, поскольку это совмѣстимо съ интересами благоустроенной, внѣшне и внутренно, жизни. Протестантство это понимало не хуже, а то и лучше, чѣмъ католичество. Строгій пуританизмъ возвелъ душевную дисциплину въ высшій нравственный законъ, который съ неумолимымъ, безпощаднымъ деспотизмомъ правилъ жизнью. Бракъ, семья, а не любовь должна быть цѣлью человѣка, и бѣдная Гретхенъ, отдавшаяся Фаусту безъ соблюденія установленныхъ обрядовъ, принуждена была сама считать себя навѣки осужденной. Внутренняя дисциплина, еще болѣе, чѣмъ внѣшняя, представляемая тюремщиками и палачами, оберегала устои и давала крѣпость и силы какъ государству, такъ и народу. Людей не щадили, съ ними и не считались. Сотни, тысячи Гретхенъ обоихъ половъ отдавались и понынѣ безъ сожалѣнія отдаются въ жертву «высшихъ духовныхъ интересовъ». Признаніе, уваженіе къ описанному порядку вещей до такой степени вкоренилось въ души нѣмцевъ (я говорю нѣмцевъ, потому что едва ли есть на землѣ еще одинъ столь дисциплинированный народъ), что ему покорялись даже наиболѣе независимые характеры. Самымъ страшнымъ грѣхомъ считается не нарушеніе закона (всякое нарушеніе, объясняемое, какъ у Гретхенъ, слабостью и только слабостью, хотя и не прощалось, но менѣе строго осуждалось), а *бунтъ* противъ закона, открытое и дерзновенное нежеланіе повиноваться, хотя бы выразившееся въ незначительномъ поступкѣ. И потому всякій обыкновенно стремится прежде всего доказать свою лойяльность съ этой именно стороны. Въ большей или меньшей степени всѣ отступали отъ закона, но чѣмъ больше приходилось нарушать законъ въ поступкахъ, тѣмъ обязательнѣй считалось восхваленіе его на словахъ. И такой порядокъ вещей ни въ комъ не возбуждалъ ни подозрѣнія, ни неудовольствія. Онъ казался естественнымъ и высоко нравственнымъ. Въ немъ видѣли признаніе первенства духа передъ тѣломъ, разума передъ страстями. А такого вопроса: да точно ли духъ долженъ побѣждать тѣло и разумъ страсти? никто никогда и не задавалъ. И когда Гейне позволилъ себѣ такой вопросъ поставить и по-своему разрѣшить, на него обрушилась вся сила негодованія нѣмцевъ. И прежде всего заподозрѣли его искренность и правдивость. «Не можетъ быть,—говорили благочестивые люди,—чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не признавалъ закона. Онъ только притворяется». Такое предполо-

женіе было тѣмъ болѣе естественно, что тонъ Гейне далеко не всегда звучалъ твердымъ убѣжденіемъ; у него, напримѣръ, есть стихотвореніе, заканчивающееся слѣдующими словами: «тѣла, тѣла ищу я, молодого и нѣжнаго тѣла. Душу можете хоть совсѣмъ въ землю зарыть, — души у меня самого достаточно». Стихотвореніе до послѣдней степени дерзкое и вызывающее—но въ немъ, какъ и во всѣхъ дерзкихъ и вызывающихъ стихотвореніяхъ Гейне, слышенъ рѣзкій смѣхъ, хохотъ, который нужно понимать, какъ выраженіе раздвоенности, какъ насмѣшку надъ собой. Онъ же разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ двумя женщинами: матерью и дочерью. Обѣ хороши: мать тѣмъ, что уже многое знаетъ, дочь—невинностью. И вотъ поэтъ стоитъ межъ ними, по его собственному выраженію, какъ буридановъ оселъ межъ двумя вязанками сѣна. Опять дерзость, опять хохотъ—и уравновѣшенный нѣмецъ снова раздражается. Онъ предпочелъ бы, чтобъ о такихъ настроеніяхъ никто никогда не разсказывалъ. Но, если уже разсказывать, то, по крайней мѣры, въ покаянномъ тонѣ, съ самобичеваніемъ. Неумѣстный же смѣхъ Гейне неприличенъ и лишь безъ нужды разстраиваетъ. Повторяю, самъ Гейне далеко не всегда былъ увѣренъ, что его «искренность» законна. Еще въ молодости онъ разсказывалъ, что вдоль души его, какъ вдоль всего міра, прошла трещина, расколовшая на-двое единство прежнихъ настроеній. Царь Давидъ, когда славилъ Господа и добро, не вспоминалъ о своихъ темныхъ дѣлахъ (ихъ вѣдь у него было не мало) и, если вспоминалъ, то лишь затѣмъ, чтобъ каяться. И онъ былъ двойственъ, но умѣлъ наблюдать послѣдовательность. Когда онъ плакалъ, онъ не могъ и не хотѣлъ радоваться, когда каялся, онъ уже былъ далекъ отъ грѣха, когда молился—онъ не кощунствовалъ, когда вѣрилъ—не сомнѣвался. Нѣмцы, воспитанные на псалмахъ великаго царя, привыкли думать, что иначе не можетъ и не должно быть. Они допускали еще слѣдованіе различныхъ, даже противоположныхъ душевныхъ состояній, но одновременное ихъ существованіе казалось имъ немыслимымъ и отвратительнымъ, противорѣчащимъ божескимъ заповѣднымъ и законамъ логики. Казалось, что все, что прежде существовало раздѣльно, смѣшалось, что мѣсто строгой гармоніи занялъ нелѣпый хаосъ. И что такое положеніе вещей грозитъ неисчислимыми бѣдствіями. Они не допускали мысли, что самъ Гейне могъ не понимать этого, въ его творчествѣ видѣли проявленіе лживой и злой воли и взывали къ человѣческому и божескому суду. Обывательское раздраженіе дошло до крайней степени, когда выяснилось, что Гейне не смирился даже передъ лицомъ смерти. Разбитый параличемъ, лежалъ онъ въ своей «матрацной могилѣ», не въ силахъ пошевелить однимъ членомъ, испытывалъ величайшія физическія муки, не имѣя надежды не только на исцѣленіе, но даже на облегченіе, и все попрежнему продолжалъ кощунствовать. Хуже того, съ каждымъ днемъ его сарказмы становились все безпощаднѣе, ядовитѣе, утонченнѣе. Казалось бы, уничиженному и раздавленному человѣку оставалось только признать себя побѣжденнымъ и всецѣло предать себя великодушію побѣдителя. Но —

мощной плоти жилъ сильный духъ. Всѣ помыслы его были устремлены къ Богу, тяжелую десницу и власть котораго онъ, какъ и всякій умирающій человѣкъ, не могъ не ощущать на себѣ. Но его мысли о Богѣ, его отношеніе къ Богу были до такой степени своеобразны, что посторонніе серьезные люди только пожимали плечами. Такъ съ Богомъ никто не разговаривалъ ни вслухъ, ни про себя. Обыкновенно мысль о Богѣ внушаетъ смертнымъ либо трепетъ, либо умиленіе, и потому они либо падаютъ ницъ передъ Нимъ и умоляютъ о прощеніи, либо славословятъ. У Гейне нѣтъ ни молитвъ, ни славословія. Его стихотворенія проникнуты особымъ, одному ему свойственнымъ очаровательнымъ и грандіознымъ цинизмомъ. Онъ не хочетъ признать грѣхи свои, даже теперь, на порогѣ въ иную жизнь, онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ въ молодости. Онъ не хочетъ ни рая, ни блаженства на небесахъ—онъ проситъ Бога вернуть ему здоровье и поправить его денежныя дѣла. «Я знаю, что на землѣ много зла и пороковъ. Но я уже привыкъ ко всему этому, да къ тому же рѣдко покидаю свою комнату. Оставь меня, Господи, здѣсь, но излѣчи только отъ болѣзней и избавь отъ нужды», пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній. Онъ высмѣиваетъ легенды о блаженной жизни въ раю безгрѣшныхъ душъ. «Сидѣть на облакахъ и распѣвать псалмы,—объясняетъ онъ,—для меня совсѣмъ неподходящее времяпрепровожденіе». Онъ вспоминаетъ прекрасную богиню изъ Луврa (Венеру Милосскую) и славословитъ ее, какъ въ дни юности. Его стихотвореніе «das Hohelied» (Пѣсня пѣсней), смѣсь величайшаго цинизма, возвышенности, отчаянія и неслыханнаго сарказма. Не знаю, приходили ли въ голову умирающимъ людямъ мысли, подобныя тѣмъ, которыя высказаны въ этомъ стихотвореніи, но съ увѣренностью заявляю, что никто въ литературѣ не высказывалъ ничего подобнаго. Въ стихотвореніи Гёте «Прометей» и далеко нѣтъ той вызывающей, непоколебимой, спокойной гордости и сознанія своихъ правъ, которыя вдохновляли автора «das Hohelied». Богъ, сотворившій небо, землю и человѣка на землѣ, Богъ воленъ сколько угодно терзать мое тѣло и мою душу, но я самъ знаю, чего мнѣ нужно, чего я хочу, я самъ рѣшаю, что хорошо, что дурно. Таковъ смыслъ этого стихотворенія, таковъ смыслъ всего, что писалъ Гейне въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ зналъ, какъ знаютъ всѣ, что по философскимъ, этическимъ и религіознымъ ученіямъ условіемъ спасенія души считается раскаяніе и смиреніе, готовность хотя бы въ послѣднюю минуту жизни отречься отъ «грѣховныхъ желаній». И тѣмъ не менѣе, въ послѣднюю минуту онъ не хочетъ признать надъ собой власть тысячелѣтнихъ міровыхъ авторитетовъ. Онъ смѣется и надъ моралью, и надъ философіей, и надъ существующими религіями. Мудрецы такъ думаютъ, мудрецы хотятъ жить по-своему—пусть думаютъ, пусть живутъ. Но кто далъ имъ право требовать покорности отъ меня? И можетъ ли быть у нихъ сила, нужная, чтобъ привести меня къ покорности? Прислушиваясь къ словамъ умирающаго, не повторимъ ли мы за нимъ его вопросовъ? И не сдѣлаемъ ли мы еще шагъ впередъ? Гейне раздавленъ

и, если вѣрить (есть всѣ основанія вѣрить) тому, что онъ разсказываетъ въ своей «Пѣснѣ пѣсней», его мучительная и тяжелая болѣзнь была непосредственнымъ слѣдствіемъ и результатомъ его образа жизни. Значитъ ли это, что и дальше (если будетъ какое-нибудь «дальше») его ждутъ новыя преслѣдованія вплоть до тѣхъ поръ, пока онъ добровольно не приспособится къ возвѣщенной или завѣщанной морали? Вообще, въ правѣ ли мы предполагать, что гдѣ-нибудь во вселенной озабочены мыслью о томъ, чтобы перекроить всѣхъ до послѣдняго людей на одинъ манеръ? Можетъ быть, упорство Гейне указываетъ на совсѣмъ иныя намѣренія властителей судебъ. Можетъ, болѣзни и мученія, уготованныя здѣсь для тѣхъ, которые противятся хомутамъ и шаблонамъ (эмпирическія наблюденія съ достаточной несомнѣнностью устанавливаютъ тотъ фактъ, что всякія отклоненія отъ нормы и большой дороги съ неизбѣжностью влекутъ за собой страданіе и гибель), есть только испытаніе человѣческаго духа. Кто выдержитъ ихъ, кто отстоитъ себя, не испугавшись ни Бога, ни дьявола съ его прислужниками—тотъ войдетъ побѣдителемъ въ иной міръ. Мнѣ даже порой кажется, что «тамъ», въ противоположность существующему мнѣнію, особенно любятъ и цѣнятъ упорныхъ и непреклонныхъ—отъ смертныхъ же эта тайна скрыта для того, чтобы слабые и уступчивые не вздумали представляться упорными, чтобъ заслужить расположеніе боговъ. Тотъ же, кто не выдержитъ, отречется отъ себя, того ждетъ судьба, о которой обыкновенно мечтаютъ философы-метафизики: онъ сольется съ первоединымъ, растворится въ сущности бытія вмѣстѣ съ массой себѣ подобныхъ индивидуумовъ. Я склоненъ думать, что метафизическія теоріи, проповѣдующія самоотреченіе во имя любви и любовь во имя самоотреченія, отнюдь не простое пустословіе, какъ утверждаютъ позитивисты. Въ нихъ есть глубокій и таинственный, мистическій смыслъ, въ нихъ скрыта великая истина. Ихъ ошибка лишь въ томъ, что онѣ претендуютъ на безусловность. Люди почему-то рѣшили, что эмпирическихъ истинъ много, а метафизическая только одна. Метафизическихъ истинъ тоже много. Онѣ очень непохожи другъ на дружку, но это нисколько не мѣшаетъ имъ отлично уживаться межъ собой. Эмпирическія истины, какъ и всѣ земныя существа, вѣчно ссорятся и безъ высшаго начальства не могутъ обойтись. Но метафизическія истины устроены иначе и совсѣмъ не знаютъ нашего соревнованія. Несомнѣнно, что люди, тяготящіеся своей индивидуальностью и жаждущіе самоотреченія, безусловно правы. Всѣ вѣроятности за то, что въ концѣ-концовъ они своей цѣли добьются и сольются съ чѣмъ имъ слиться полагается, со своими ближними или съ дальними или, можетъ быть, какъ хотятъ пантеисты, даже съ неодушевленной природой. Но въ такой же мѣрѣ вѣроятно, что тѣ люди, которые своей индивидуальностью дорожатъ и не соглашаются отъ нея отказаться ни ради своихъ ближнихъ, ни ради возвышенной идеи, сохранятъ себя и останутся собой, если не на вѣки вѣчные, то на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, пока имъ не надоѣстъ. Такъ что нѣмцамъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ нѣмцамъ, которы

оцѣнивали Гейне не съ утилитарной точки зрѣнія (съ этой точки зрѣнія даже и я всецѣло осуждаю его и не нахожу для него никакихъ оправданій), а съ возвышенной, религіозной или метафизической, какъ принято въ наше время, сердиться на него не приходится. Онъ имъ помѣшать никакъ не можетъ. Они сольются, всѣ до послѣдняго, навѣрное сольются въ идею, Ding an sich, субстанціи или иное заманчивое единство, и не Гейне съ его сарказмами помѣшать ихъ возвышеннымъ стремленіямъ. А если онъ самъ и ему подобные упорствующіе гдѣ-нибудь въ сторонѣ будутъ продолжать жить по-своему и даже высмѣивать идеи—неужели онъ можетъ служить предметомъ серьезнаго огорченія?

IX.

Что есть истина. Скептики утверждаютъ, что нѣтъ и не можетъ быть истины, и это утвержденіе до того въѣлось въ современные умы, что единственной распространенной философіей въ наше время является философія Канта, взявшая своимъ исходнымъ пунктомъ скептицизмъ. Но прочтите внимательно предисловіе къ первому изданію «Критики чистаго разума», и вы убѣдитесь, что вопросъ о томъ, что есть истина вовсе и не занималъ его. Ему нужно было только разрѣшить вопросъ, какъ быть человѣку, который убѣдился въ невозможности отыскать объективную истину. Старая метафизика съ ея произвольными, бездоказательными утвержденіями, въ самомъ дѣлѣ не выдерживавшими никакой критики, раздражала Канта, и онъ рѣшилъ хотя бы признаніемъ относительной правоты скептицизма отдѣлаться отъ ненаучной дисциплины, которую ему, по положенію преподавателя философіи, приходилось представлять. Но увѣренность скептиковъ и уступчивость Канта насъ ровно ни къ чему не обязываетъ. Да и самъ Кантъ въ концѣ-концовъ не выполнилъ принятыхъ обязательствъ. Ибо, разъ не извѣстно, что такое истина, какой смыслъ имѣютъ постулаты Бога, безсмертія души? Какъ можно оправдывать, объяснять какую бы то ни было изъ существующихъ религій, даже христіанство? Хотя Евангеліе совершенно не мирится съ нашими научными представленіями о законахъ природы, но оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго разуму. Чудесамъ не вѣрятъ не потому, чтобъ они были немыслимы. Наоборотъ, даже самому простому здравому смыслу совершенно ясно, что основа міра, жизнь—есть чудо изъ чудесъ. И если бы задача философіи сводилась лишь къ тому, чтобъ доказать возможность чуда, то дѣло ея давно и блестяще было бы сдѣлано. Все горе въ томъ, что людямъ видимыхъ чудесъ мало, а изъ того, что многія чудеса уже были, никакъ нельзя заключить, что и другія, безъ которыхъ прямо невозможно бываетъ иной разъ жить, тоже въ свое время наступятъ. Люди рождаются—несомнѣнно великое чудо, существуетъ прекрасный міръ—тоже чудо изъ чудесъ. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что люди воскреснутъ послѣ смерти и что для нихъ уготовленъ рай? Въ воскрешеніе Лазаря въ наше время не очень вѣрятъ даже тѣ,

кто благоговѣетъ передъ Евангеліемъ, повторяю, не потому, что не допускаютъ вообще возможности чуда, а потому что никакъ не могутъ рѣшить a priori, какія чудеса возможны, какія невозможны и, слѣдовательно, принуждены судить a posteriori: какое чудо было, то охотно признаютъ, а какого не было—въ томъ сомнѣваются и *тѣмъ болѣе сомнѣваются*, чѣмъ глубже и страстнѣе желаютъ его. Ничего не стоитъ увѣровать въ окончательное торжество добра на землѣ (хотя это было бы несомнѣннымъ чудомъ), въ прогрессъ, въ непогрѣшимость папы (тоже вѣдь чудеса и не малыя!) ибо, après tout, люди довольно-таки равнодушны и къ добру, и къ прогрессу, и къ папскимъ добродѣтелямъ. Гораздо труднѣе, прямо невозможно повѣрить передъ трупомъ близкаго и дорогого человѣка, что слетитъ съ неба ангелъ и воскреситъ покойника, хотя міръ полонъ явленій не менѣе чудесныхъ, чѣмъ воскрешеніе умершаго. Стало быть, скептики не правы, когда утверждаютъ, что нѣтъ истины. Истина-то есть, только мы не знаемъ ея во всемъ объемѣ, а что знаемъ, того никакъ обосновать не можемъ, т.-е. не можемъ себѣ представить, почему произошло такъ именно, а не иначе, и въ самомъ ли дѣлѣ то, что произошло, должно было именно такъ произойти, какъ произошло, или могло произойти что-либо совсѣмъ иное. Когда-то думали, что дѣйствительность подчиняется законамъ необходимости, но Юмъ объяснилъ, что понятіе необходимости субъективно и поэтому, какъ обманчивое, подлежитъ устраненію. Его мысль подхватилъ (безъ вывода только) и обобщилъ Кантъ. Всѣ тѣ наши сужденія, которыя имѣютъ характеръ всеобщности и необходимости, пріобрѣтаютъ таковой только въ силу нашей душевной организаціи. То-есть именно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы особенно убѣждены въ обыкновенномъ значеніи сужденія,—мы какъ разъ имѣемъ дѣло съ чисто субъективной, хотя неизмѣнной и прочной для видимаго міра увѣренностью. Вывода Юма Кантъ, какъ извѣстно, не принялъ, т.-е. онъ не только не сдѣлалъ попытки выкорчевать изъ нашего умственнаго обихода ложныя предпосылки (какъ сдѣлалъ Юмъ съ понятіемъ необходимости), но, наоборотъ, объявилъ, что такое предпріятіе совершенно неосуществимо. Практическій разумъ подсказалъ Канту, что хотя по своему источнику основы нашихъ сужденій неизмѣнно ложны, но ихъ неизмѣнность можетъ сослужить огромную службу въ мірѣ явленій, т.-е. на пространствѣ между рожденіемъ и смертью человѣка. Если человѣкъ жилъ до рожденія (какъ думалъ Платонъ) и будетъ существовать послѣ смерти, то его «истины» ему тамъ, въ иномъ мірѣ не были и не будутъ нужны, но здѣсь онѣ пригодятся. А какія *тамъ* есть истины, и есть ли тамъ истины, Кантъ объ этомъ только дѣлаетъ догадки, которыя ему удаются единственно благодаря его готовности отказаться о послѣдовательности въ заключеніяхъ. Онъ вдругъ даетъ вѣрѣ такія огр ныя права для сужденія объ умопостигаемомъ мірѣ, о которыхъ она нико и мечтать не могла бы, если бы не была принята подъ особое покро тельство самимъ философомъ. Отчего вѣра можетъ то, чего не мож разумъ? И еще болѣе коварный вопросъ: не изобрѣтаютъ ли всѣ

стулаты тотъ же разумъ, лишенный правъ въ первой «критикѣ» и получившій впослѣдствіи restitutio in integrum подъ условіемъ перемѣны формы? Послѣднее предположеніе наиболѣе вѣроятно. А разъ такъ, то, стало быть, въ умопостигаемомъ мірѣ, столь тщательно отдѣленномъ Кантомъ отъ міра явленій, мы найдемъ не только много новаго, но и не мало и стараго.

Вообще, повидимому, предположеніе, что нашъ міръ есть только міръ на мгновеніе, краткое сновидѣніе, совсѣмъ не похожее на дѣйствительную жизнь,—ошибочно. Это предположеніе, впервые высказанное Платономъ, потомъ разбитое и поддержанное многочисленными представителями философской и религіозной мысли, не имѣетъ за собой никакихъ рѣшительно данныхъ. Платономъ руководило желаніе освободить жизнь отъ нѣкоторыхъ явно раздражающихъ несовершенствъ. Дѣло хорошее, что и говорить. Но, какъ это часто бываетъ, какъ только желаніе облеклось въ слова, оно тѣмъ самымъ приняло слишкомъ рѣзкое и прямолинейное выраженіе, такъ что перестало быть похожимъ на себя. Сущность истинной, изначальной и загробной жизни представляется Платону какъ абсолютное, отдѣленное отъ всякихъ примѣсей добро, какъ эссенція добродѣтели. И вѣдь, въ концѣ-концовъ, самъ Платонъ не въ силахъ вынести чистую пустоту идейнаго существованія и постоянно приправляетъ ее элементами, отнюдь не идеальными, что и придаетъ интересъ и напряженіе его діалогамъ. Если вы, никогда не имѣвъ случая читать самого Платона, ознакомитесь съ его философіей по ученію кого-либо изъ его поклонниковъ и цѣнителей, вы будете поражены его безсодержательностью. Прочтите прославленную толстую книгу Наторпа и вы убѣдитесь, что стоитъ «очищенное» ученіе Платона! И вообще, къ слову сказать, я рекомендую методъ провѣрки *идей* знаменитыхъ философовъ: знакомиться съ ними не только по подлиннымъ сочиненіямъ, но и въ изложеніи учениковъ, особенно вѣрующихъ и добросовѣстныхъ учениковъ. Когда очарованіе личности и таланта исчезаетъ, и остается голая, неприкрытая «истина» (ученики всегда вѣрятъ, что учитель зналъ «истину», и показываютъ ее безъ всякихъ прикрасъ, даже безъ фиговаго листа), тогда только становится ясно, какъ мало имѣютъ значенія основныя «мысли» даже самыхъ прославленныхъ философовъ! Еще очевиднѣй это становится, когда вѣрующій ученикъ начинаетъ дѣлать выводы изъ положеній учителя: чѣмъ логичнѣй, добросовѣстнѣй его выводы, тѣмъ вѣрнѣе онъ компрометируетъ своего учителя. Сочиненіе упомянутаго Наторпа, большого знатока Платона, есть reductio ad absurdum идей послѣдняго. Платонъ оказывается послѣдовательнымъ неокантеанцемъ, ученымъ и ограниченнымъ, прошедшимъ хорошую школу въ Фрейбургѣ или Гейдельбергѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что идеи Платона въ ихъ чистомъ видѣ отнюдь не выражаютъ его дѣйствительнаго отношенія къ міру и жизни. Нужно брать всего Платона съ его противорѣчіями и непослѣдовательностью, съ его пороками и добродѣтелями, и недостатками его, по крайней мѣрѣ, настолько же дорожить, какъ и достоинствами. А то, пожалуй, даже прибавить ему одинъ-

другой недостатокъ и проглядѣть хоть одну изъ его добродѣтелей. Ибо, вѣроятно, онъ какъ человѣкъ, которому не чуждо все человѣческое, постарался прибавить себѣ добродѣтелей, которыхъ у него не было, и скрыть кой-какіе пороки. Такъ нужно поступать и съ другими учителями мудрости и ихъ ученіями. Тогда «иной міръ» не окажется столь безнадежно отдѣленнымъ отъ нашей земной юдоли. И, быть можетъ, найдутся кой-какія эмпирическія истины, вопреки Канту, общія обоимъ мірамъ. Тогда, стало быть, вопросъ Пилата потеряетъ долю своей всепобѣждающей увѣренности. Ему нужно было умыть руки, и онъ спросилъ, что такое истина. Послѣ него, и до него многіе, которымъ не хотѣлось бороться, придумывали умные вопросы и опирались на скептицизмъ. Межъ тѣмъ всякій знаетъ, что истина есть и даже можетъ иной разъ опредѣлить и формулировать понятіе о ней съ той ясностью и отчетливостью, которой требовалъ Декартъ. Предѣлы чудеснаго ограничиваются тѣми чудесами, которыя мы уже видѣли на землѣ, или они гораздо шире? И если шире, то насколько?

X.

Еще объ истинѣ. Можетъ быть, истина по своей природѣ такова, что по поводу нея общеніе между людьми невозможно, по крайней мѣрѣ, привычное общеніе при посредствѣ слова. Каждый можетъ ее знать про себя, но для того, чтобы вступить въ общеніе съ ближними, онъ долженъ отречься отъ истины и принять какую-нибудь условную ложь. Однако, важность и значеніе истины нисколько не уменьшается въ силу того, что она не можетъ быть предметомъ рыночной оцѣнки. Даже, наоборотъ, пожалуй, возрастаетъ. Когда у васъ спрашиваютъ, что такое истина, вы не умѣете дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, даже въ томъ случаѣ, если вы всю жизнь положили на изученіе философскихъ теорій. Для себя же, когда вамъ никому отвѣчать не нужно, вы отлично знаете, что такое истина. Стало быть истина по своему характеру нисколько не похожа на эмпирическую истину, и прежде чѣмъ вступать въ область философіи, нужно распроститься съ научными пріемами исканія и съ привычными способами оцѣнки знанія. Словомъ, нужно быть готовымъ принять нѣчто безусловно новое, нисколько не похожее на традиціонное старое. Вотъ почему стремленіе дискредитировать научное знаніе вовсе не такъ уже безполезно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ неопытному человѣку.

Вотъ почему насмѣшка и сарказмъ оказываются необходимымъ оружіемъ изслѣдователя. Самымъ опаснымъ врагомъ новаго знанія всегда б. и будутъ укоренившіяся привычки. Человѣку, съ практической точки з нія, гораздо важнѣе знать то, что можетъ ему помочь приспособиться временнымъ условіямъ его существованія, чѣмъ то, что имѣетъ знач внѣвременное. Инстинктъ самосохраненія всегда оказывается сильнѣй мой искренней жажды познанія. Причемъ нужно помнить, что инстин располагаетъ безчисленными и тончайшими орудіями самозащиты, [illegible]

командой его находятся рѣшительно всѣ человѣческія способности, начиная отъ безсознательныхъ рефлексовъ вплоть до коронованнаго разума и вѣнценосной совѣсти,—объ этомъ не разъ и много уже говорили, такъ что въ данномъ случаѣ consensus sapientium на моей сторонѣ. Правда, объ этомъ говорили, какъ о нежелательномъ извращеніи человѣческой природы—и тутъ я долженъ протестовать. Я полагаю, что нежелательнаго здѣсь нѣтъ ничего. Нашъ разумъ и наша совѣсть должны почитать для себя за честь возможность находиться въ услуженіи у инстинкта—хотя бы инстинкта самосохраненія. Имъ зазнаваться не слѣдуетъ, да они, по правдѣ сказать, не зазнаются и охотно исполняютъ свое служебное назначеніе. На первенство они претендуютъ только въ книгахъ и дрожатъ при одной мысли о преобладаніи въ жизни. Если бы случайно имъ предоставлена была бы свобода дѣйствій,—они обезумѣли бы отъ ужаса, какъ заблудившіяся ночью въ лѣсу дѣти. Каждый разъ, когда совѣсть и разумъ принимаются судить самостоятельно, они приходятъ къ уничтожающимъ результатамъ. И тогда они съ удивленіемъ убѣждаются, что и на этотъ разъ они дѣйствовали не свободно, а по указаніямъ все того же инстинкта, но принявшаго другой характеръ. Человѣческой душѣ потребовалась работа разрушенія, и она спустила съ цѣпей рабовъ, которые въ дикомъ восторгѣ принялись праздновать свою свободу дѣломъ великаго разрушенія, нисколько не подозрѣвая, что они попрежнему остались, какъ и были, рабами и работаютъ на другихъ.

Достоевскій давно уже отмѣтилъ, что инстинктъ разрушенія человѣческой душѣ такъ же свойственъ, какъ и инстинктъ созиданія. Предъ лицомъ этихъ двухъ инстинктовъ всѣ наши способности оказываются второстепенными душевными свойствами, нужными лишь при данныхъ, случайныхъ условіяхъ. Отъ истины, какъ признаютъ теперь не только грубые позитивисты, но даже искушенные въ метафизикѣ идеалисты, ничего не осталось, кромѣ идеи о нормѣ. Истина, говоря болѣе выразительнымъ и понятнымъ языкомъ, существуетъ лишь для того, чтобы разъединенные временемъ и пространствомъ люди могли быть, установить хоть какое-нибудь общеніе межъ собой. То-есть человѣку приходится выбирать между безусловнымъ одиночествомъ и истиной, съ одной стороны, и общеніемъ съ ближними и ложью—съ другой. Что лучше? спросятъ. Отвѣчу, что вопросъ праздный. Возможенъ еще третій исходъ: принять и то, и другое, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться совершенной несообразностью, особенно для людей, разъ навсегда рѣшившихъ, что логика, какъ и математика, непогрѣшима въ своихъ указаніяхъ. Межъ тѣмъ на самомъ дѣлѣ возможно, мало того, что возможно,—возможностью мы бы не удовлетворились (это только нѣмецкіе идеалисты способны удовлетвориться добромъ, которое нигдѣ и никогда не осуществлялось), а сплошь и рядомъ наблюдается одновременное сосуществованіе самыхъ противорѣчивыхъ душевныхъ состояній. Всѣ люди лгутъ, какъ только начинаютъ говорить: наша рѣчь такъ несовершенно устроена, что въ самомъ принципѣ своего

устройства предполагаетъ готовность говорить неправду. И, чѣмъ отвлеченнѣе предметъ, тѣмъ степень нашей лживости возрастаетъ, такъ что когда мы касаемся наиболѣе сложныхъ вопросовъ, намъ приходится непрерывно почти лгать, и ложь тѣмъ грубѣе и несноснѣе, чѣмъ искреннѣе человѣкъ. Ибо искренній человѣкъ убѣжденъ, что правдивость обезпечивается отсутствіемъ противорѣчій, и, чтобы не оказаться лжецомъ, старается логически согласовать свои сужденія, то-есть доводитъ лживость свою до геркулесовыхъ столбовъ. Въ свою очередь, воспринимая чужія сужденія, онъ примѣняетъ къ нимъ тотъ же критерій и чуть подмѣчаетъ малѣйшее противорѣчіе, начинаетъ простосердечно вопить о нарушеніи основныхъ принциповъ добропорядочности. Что особенно любопытно—вѣдь всѣ, изучавшіе философію (а я здѣсь собственно и преимущественно къ нимъ обращаюсь, какъ читатель, вѣроятно, давно замѣтилъ), ученые люди вѣдь прекрасно знаютъ, что до сихъ поръ никому изъ величайшихъ философовъ не удалось окончательно изгнать противорѣчія изъ своей системы. На что уже былъ вооруженъ Спиноза и вѣдь ничего человѣкъ не щадилъ, ни предъ чѣмъ не останавливался, а между тѣмъ его замѣчательная система не выдерживаетъ логической критики: это всѣ знаютъ. Казалось бы слѣдовало поставить вопросъ, да на какого дьявола намъ послѣдовательность, и не являются ли противорѣчія условіемъ истинности міровоззрѣнія? А послѣ Канта его ученики и преемники могли бы спокойно отвѣтить, что послѣдовательность дѣйствительно ни на какого дьявола не нужна, и что истина живетъ противорѣчіями. Между тѣмъ только отчасти Гегель и Шопенгауэръ, каждый на свой ладъ, попытались сдѣлать такого рода допущенія, но извлекли изъ нихъ мало пользы...

Попробуемъ изъ вышесказаннаго сдѣлать кое-какіе выводы: вѣдь пока логика можетъ быть полезна, отвергать ея услуги было бы ничѣмъ неоправдываемой расточительностью. Выводы же, какъ увидимъ, не лишены интереса. Прежде всего: когда самъ говоришь, никогда не прилаживайся къ тому, что ты говорилъ раньше: это безъ нужды стѣснитъ твою свободу и безъ того закованную въ слова и грамматическіе обороты. Когда слушаешь собесѣдника или читаешь книги, не придавай большого значенія отдѣльнымъ словамъ и даже цѣлымъ фразамъ. Забудь отдѣльныя мысли, не считайся даже съ послѣдовательно проведенными идеями. Помни, что собесѣдникъ твой и хотѣлъ бы, да не можетъ иначе проявить себя, какъ прибѣгая къ готовымъ формамъ рѣчи. Приглядывайся къ выраженію его лица, прислушивайся къ интонаціи его голоса—это поможетъ тебѣ сквозь слова проникнуть къ его душѣ. Не только въ устной бесѣдѣ, но да въ написанной книгѣ можно подслушать звукъ, даже и тембръ голо автора, и подмѣтить мельчайшіе оттѣнки выраженія глазъ и лица ег Не лови на противорѣчіяхъ, не спорь, не требуй доказательствъ: слуш только внимательно. Зато, когда ты станешь говорить, съ тобой тоже будутъ спорить и не потребуютъ отъ тебя доказательствъ, [illegible] тебя, ты это хорошо знаешь, нѣтъ и быть не можетъ. З

станутъ донимать указаніями на противорѣчія, которыя, ты знаешь, у тебя были и всегда будутъ и съ которыми тебѣ больно и прямо-таки невозможно разстаться. Зато, зато—и это самое главное—ты, наконецъ, убѣдишься, что истина отъ логики не зависитъ, что логическихъ истинъ и нѣтъ совсѣмъ, что ты въ правѣ, слѣдовательно, искать того, что тебѣ нужно и какъ тебѣ нужно, а не умозаключать, и что, стало быть, въ результатѣ исканій, если будетъ что-нибудь, то ужъ никакъ не формула, не правило, не принципъ, не идея! Вѣдь подумайте только: пока задачей исканія является «истина», какъ ее теперь понимаютъ, нужно быть ко всему готовымъ. Примѣрно къ тому, что правыми окажутся матеріалисты и что, стало быть, въ основѣ міра лежатъ матерія и энергія. Нужды нѣтъ, что мы сейчасъ можемъ разбить матеріалистовъ съ ихъ доводами. Исторія мысли знаетъ много случаевъ полной реабилитаціи заброшенныхъ и опороченныхъ сужденій. Вчерашнее заблужденіе завтра можетъ быть признано истиной, даже самоочевидной. А независимо отъ своего содержанія, чѣмъ плоха система матеріализма? Стройная, послѣдовательная, выдержанная. Мнѣ уже приходилось указывать, что матеріалистическое міровоззрѣніе способно не меньше приводить въ восторгъ людей, чемъ всякое другое—пантеистическое, идеалистическое и т. д. Да если на то пошло, я снова признаюсь, что на мой вкусъ нѣтъ совсѣмъ плохихъ an sich идей: я до сихъ поръ способенъ съ удовольствіемъ слѣдить за развитіемъ идеи прогресса, съ фабриками, желѣзными дорогами, аэростатами и т. п. Но все же мнѣ кажется наивностью надѣяться, что всѣ эти бездѣлушки (говорю объ идеяхъ) могутъ стать предметомъ серьезныхъ исканій для человѣка. Если возможна та отчаянная борьба человѣка съ міромъ и богами, о которой повѣствуютъ легенда и исторія—вспомните хотя бы Прометея—то, разумѣется, не изъ-за истины и не изъ-за идеи. Человѣкъ хочетъ быть сильнымъ, богатымъ и свободнымъ, человѣкъ хочетъ быть царемъ въ мірѣ — вотъ этотъ жалкій, ничтожный, созданный изъ праха человѣкъ, котораго на вашихъ глазахъ, какъ червяка губитъ первый случайный толчокъ — и, если онъ говоритъ объ идеяхъ, то лишь потому, что отчаялся въ успѣхѣ своей настоящей задачи. Онъ чувствуетъ себя червякомъ, боится, что снова придется обратиться въ прахъ, изъ котораго онъ созданъ, и лжетъ, притворяясь, что его убожество ему не страшно—только бы узнать истину. Простимъ ему его ложь, ибо только устами онъ произноситъ ее. Пусть говоритъ что хочетъ и какъ хочетъ. Пока въ его словахъ мы слышимъ знакомые звуки призыва къ борьбѣ, пока въ глазахъ его горитъ огонь непреклонной, отчаянной рѣшимости—мы поймемъ его. Мы привыкли разбирать іероглифы. Но если онъ, какъ современные нѣмцы, приметъ истину и норму за послѣднюю цѣль человѣческихъ стремленій—мы тоже будемъ знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, хотя бы судьба дала ему краснорѣчіе Цицерона. Лучше полное одиночество, чѣмъ общеніе съ такими людьми. А впрочемъ, такого рода общеніе не исключаетъ полнаго одиночества и даже, можетъ быть, облегчаетъ трудную задачу.

XI.

Я и ты. Очень распространенное выраженіе — «заглянуть въ чужую душу», на первый взглядъ въ силу привычки кажущееся чрезвычайно понятнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается до того непонятнымъ, что возникаетъ вопросъ — да имѣетъ ли оно вообще какой-нибудь смыслъ. Попытайтесь мысленно наклониться надъ чужой душой—вы ничего не увидите, кромѣ пустоты, огромной, черной бездны, и въ результатѣ лишь испытаете головокруженіе. Такъ что, собственно говоря, выраженіе «заглянуть въ чужую душу» — только неудачная метафора. Все, что мы можемъ — это по имѣющимся внѣшнимъ даннымъ заключить къ внутреннимъ переживаніямъ. Отъ слезъ мы заключаемъ къ страданіямъ, отъ блѣдности — къ испугу, отъ улыбки — къ радости и т. д. Но развѣ это значитъ заглянуть въ чужую душу? Это значитъ только дать въ собственной головѣ мѣсто ряду чисто логическихъ процессовъ. Чужая же душа попрежнему остается невидимкой, о которой только догадываешься, можетъ быть правильно, а можетъ быть и ошибочно. Такое заключеніе вызываетъ въ насъ естественное раздраженіе: что это за подлый міръ, въ которомъ нѣтъ возможности увидѣть какъ разъ то, что болѣе всего нужно видѣть. Но для думающаго, ищущаго человѣка раздраженіе почти нормальное душевное состояніе. Каждый разъ, когда для него особенно важно удостовѣриться въ чемъ-либо—онъ, послѣ ряда отчаянныхъ попытокъ, убѣждается, что его любознательность не можетъ быть удовлетворена. На этотъ разъ насмѣшливый разумъ присоединяетъ еще новый вопросъ: чего искать чужой души, когда ты и собственной никогда въ глаза не видѣлъ? Да и существуетъ ли душа? Вѣдь вотъ многіе люди вѣрили, и до сихъ поръ вѣрятъ, что души совсѣмъ и нѣтъ и что только существуетъ наука о душѣ, называемая психологіей. Психологія, какъ извѣстно, о душѣ ничего не говоритъ, считая, что ея задача ограничивается только изученіемъ душевныхъ состояній, которыя, кстати сказать, тоже совсѣмъ еще не изучены... Какой отсюда выходъ? Можно на насмѣшку отвѣтить насмѣшкой же или бранью. Можно отнять у психологіи право называться наукой и назвать, какъ это часто дѣлаютъ, матеріалистовъ идіотами. Гнѣвъ имѣетъ безспорно свои права. Но все это хорошо и имѣетъ смыслъ, пока ты на людяхъ и тебя слушаютъ. Негодовать же наединѣ съ собой, когда даже не разсчитываешь использовать негодованіе для литературныхъ цѣлей (вѣдь даже писатель не всегда пишетъ и нерѣдко озабоченъ менѣе преходящими мыслями, чѣмъ предстоящая книга)—такъ негодовать ни у не охота. Предпочитаешь въ тысячу первый разъ со всѣми возможн и предосторожностями приблизиться къ заколдованному мѣсту. Авось ч я душа только при приближеніи посторонняго человѣка обращается въ - видимку и, если застать ее врасплохъ, она не успѣетъ исчезнуть. И с ь быть, тяжеловѣсная психологія, всегда, какъ и всякая наука, пре , чѣмъ что бы то ни было предпринять, возвѣщающая во всеуслы ь

своихъ планахъ и способахъ ихъ осуществленія, менѣе всего годится для понимки такой легковѣсной и подвижной субстанціи, какъ человѣческая душа. Оставимъ для психологіи почетное названіе науки, будемъ даже уважать матеріалистовъ, а душу попытаемся выслѣдить иными пріемами. Пожалуй, что въ глубинѣ-темной бездны, о которой говорено раньше, можно кое-что разглядѣть — только головокруженіе мѣшаетъ. Такъ что нужно не столько новые пріемы выдумывать, сколько пріучать себя безъ страха глядѣть въ глубину, всегда представляющуюся непривычному взору бездонной. Да, наконецъ, и бездонность вѣдь далеко не навѣрное совсѣмъ ни на что не годится человѣку. Намъ съ дѣтства вбили въ головы, что человѣческій разумъ можетъ справиться только съ ограниченностью. Но изъ этого только слѣдуетъ, что у насъ есть лишній предразсудокъ, отъ котораго нужно постараться избавиться. Если придется пожертвовать правомъ бранить матеріалистовъ и поучаться у психологіи, да еще чѣмъ-нибудь въ придачу—что жъ? вѣдь намъ не привыкать стать! Зато того и гляди увидимъ, наконецъ, загадочно «ты», да пожалуй еще къ тому и я перестанетъ быть проблематическимъ. Терпѣніе—противнѣйшая вещь—не вспомните факировъ и другихъ мудрецовъ того же порядка. Только терпѣніемъ и берутъ. И вѣдь, повидимому, кое-чего добиваются. Не общеобязательныхъ истинъ—я за это почти готовъ ручаться. Общеобязательныя истины уже давно всѣмъ оскомину набили. Я, по крайней мѣрѣ, не могу равнодушно слышать о нихъ. Даже просто «истина» ничего не говоритъ моему уху. Нужно найти способъ вырваться изъ власти всякаго рода истинъ. Въ эту сторону и гнули факиры. Они не могутъ представить доказательствъ своей правоты, ибо видимая побѣда никогда не бывала на ихъ сторонѣ. Побѣждаютъ штыками, пушками, микроскопами, логическими доводами. Но микроскопы и логика вѣнчаютъ ограниченность. И еще: ограниченность часто укрѣпляетъ, но бываетъ и такъ, что убиваетъ.

Л. Шестовъ.

Письма изъ Таврическаго дворца.

31 марта.

Въ предшествующемъ письмѣ я очертилъ наиболѣе характерныя особенности политической физіономіи второй Государственной Думы. Я разсмотрѣлъ ея партійный составъ и главнѣйшія тактическія теченія, въ ней выраженныя. Для полноты изображенія той великой тяжбы за народныя права, которая ведется теперь въ стѣнахъ Таврическаго дворца, необходимо бросить взглядъ еще на одинъ важный элементъ думской жизни. Я разумѣю поведеніе министровъ по отношенію къ Думѣ. Истекшій мѣсяцъ доставилъ достаточно матеріала для характеристики общей линіи этого поведенія, и въ этомъ матеріалѣ весьма любопытно разобраться.

И въ этомъ случаѣ наблюдается существенная перемѣна сравнительно съ опытомъ прошлаго года. Нельзя себѣ представить ничего болѣе несообразнаго, чѣмъ та позиція, которую занялъ по отношенію къ первой Думѣ кабинетъ Горемыкина.

Правительство, созвавъ Думу, рѣшило, подобно крайнимъ лѣвымъ партіямъ, бойкотировать ее. Всѣмъ своимъ поведеніемъ кабинетъ Горемыкина какъ будто демонстративно подчеркивалъ, что ему нечего дѣлать въ Таврическомъ дворцѣ. Министерство не изготовило къ открытію Думы ни одного законопроекта. А когда въ отвѣтѣ на тронную рѣчь Дума развернула свой собственный планъ преобразовательной работы, совѣтъ министровъ, выступивъ въ совершенно не принадлежащей ему роли, изрекъ свое знаменитое «не допустимо».

Послѣ этого безпримѣрнаго въ исторіи истинно-конституціонныхъ учрежденій «выступленія» совѣта министровъ, необходимо было сдѣлать одно изъ двухъ—либо немедленно распустить Думу и назначить новые выбо[illegible], либо смѣнить «кабинетъ», призвавъ въ его составъ лицъ, для которы[illegible] политическая программа Думы не оказалась бы недопустимой. Не [illegible]о сдѣлано ни того, ни другого. Дума и «кабинетъ», обмѣнявшись вы[illegible]-ніями взаимнаго недовѣрія, должны были продолжать свою дѣятельн[illegible]ь въ прежнемъ составѣ. Немудрено, что они начали игнорировать д[illegible]ь друга. Возможно ли было для Думы при такихъ условіяхъ вести пр[illegible]-

но и спокойно преобразовательную работу? Сами власти сдѣлали все для того, чтобы окружить Думу атмосферой острой борьбы и отнять у нея почву, необходимую для успѣшнаго преобразовательнаго творчества. Только высокое сознаніе патріотическаго долга заставляло нашихъ первыхъ народныхъ представителей прилагать невѣроятныя усилія къ тому, чтобы наперекоръ всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ двигать впередъ, насколько возможно, разработку законопроектовъ, которые должны были составить фундаментъ будущаго зданія свободной конституціонной Россіи. Но пока народные представители всѣми силами старались наладить эту важную и отвѣтственную работу, министерство, забастовавшее по части разработки законопроектовъ, начало вести открытую агитацію противъ высшаго законодательнаго учрежденія. Въ офиціальномъ отдѣлѣ *Правительственнаго Вѣстника* стали появляться телеграммы, оскорбительныя для достоинства Государственной Думы. Но дѣло не остановилось и на этомъ. Произошло то, что̀ трудно было ожидать даже и при всей тогдашней извращенности отношеній между различными органами государственной власти: появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ содержались явно неправильныя свѣдѣнія о ходѣ работъ Государственной Думы. А попытка Думы возстановить истину распубликованіемъ контръ-сообщенія послужила формальнымъ предлогомъ для «разгона» народныхъ представителей. Таковы стадіи, черезъ которыя прошло отношеніе кабинета Горемыкина къ первой Думѣ: сначала бойкотъ, потомъ полузамаскированная враждебная агитація, затѣмъ—открытый штурмъ и въ концѣ-концовъ—разгонъ. Будущіе историки переживаемой нами эпохи не разъ остановятся надъ вопросомъ, чѣмъ были продиктованы всѣ эти несообразнѣйшія формы, въ которыя правительство облекло свою борьбу съ народнымъ представительствомъ перваго созыва: грубымъ непониманіемъ основъ представительнаго образа правленія или сознательнымъ и преднамѣреннымъ извращеніемъ этихъ основъ? Всего вѣрнѣе будетъ сказать, что оба условія дѣйствовали здѣсь съ одинаковой силой, сообща покрываясь еще третьимъ условіемъ—самымъ важнымъ: во всемъ поведеніи правительства по отношенію къ первой Думѣ какъ нельзя болѣе ярко сказалась вся стихійность того процесса, который вынудилъ у правительственной власти созывъ народныхъ представителей.

Государственная Дума была вынесена на поверхность русской жизни могучимъ потокомъ событій, которому оказалась не въ силахъ противостоять правительственная власть.

Думу создала сама жизнь, и правительство очутилось лицомъ къ лицу съ этимъ неизбѣжнымъ твореніемъ жизненныхъ велѣній, какъ съ чѣмъ-то новымъ и органически ему несроднымъ. И своей полной неподготовленностью къ работѣ въ рамкахъ новыхъ порядковъ и своей явной враждебностью къ новому учрежденію, появленіе котораго оказалось невозможнымъ предотвратить, правительство доказывало только то, что возникновеніемъ Думы оно застигнуто врасплохъ. Всѣмъ образомъ своихъ дѣйствій правительство оттѣняло свой взглядъ на открытіе Думы, не какъ на осуще-

ствленіе утвержденной самимъ Монархомъ реформы, а какъ на насильственное вторженіе какихъ-то иноплеменниковъ въ ту завѣтную территорію, которую правительство привыкло считать въ своемъ безраздѣльномъ владѣніи. И кабинетъ Горемыкина спѣшилъ какъ можно нагляднѣе афишировать этотъ взглядъ. Гдѣ же тутъ было совѣту министровъ вникать въ разныя тонкости конституціоннаго права, когда дѣло шло не объ осуществленіи конституціи, а о самооборонѣ высшей бюрократіи противъ многоголовой гидры народнаго представительства?

Въ борьбѣ съ гидрой некогда и незачѣмъ пригонять каждый свой шагъ къ мѣркѣ конституціонныхъ обрядностей и принциповъ. Отсюда—всѣ тѣ указанныя выше дѣйствія кабинета Горемыкина, изъ которыхъ каждое съ точки зрѣнія конституціоннаго права являлось вопіющей нелѣпостью. Въ оправданіе кабинета Горемыкина можно, однако, сказать, что онъ и не гнался за славою *конституціоннаго* кабинета; какъ разъ наоборотъ, онъ всячески старался отмахнуть отъ себя эту отовсюду налѣзавшую на него ненавистную конституцію. И конечный исходъ этого единоборства между кабинетомъ Горемыкина и Думой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ его общему характеру. Въ рамкахъ настоящей конституціонной жизни возможенъ былъ бы лишь одинъ изъ двухъ исходовъ: *либо* смѣна кабинета, *либо* роспускъ Думы. По нашей псевдо-конституціи получилось иное: погибли заразъ и кабинетъ, и Дума.

Любопытно сравнить теперь думскіе дебюты «кабинета» г. Столыпина съ пріемами его прошлогодняго предшественника. Передъ нами—совершенно иная картина. И, думается намъ, измѣненіе картины обусловливается не столько смѣной лицъ, засѣдающихъ на министерской скамьѣ, сколько назрѣвшей за истекшее время общей эволюціей политическихъ отношеній. Въ противоположность кабинету г. Горемыкина кабинетъ г. Столыпина старается усваивать конституціонныя *формы* отношеній къ Государственной Думѣ. Онъ старается держать себя «совсѣмъ, какъ въ Европѣ». Г. Горемыкинъ не изготовилъ къ открытію Думы ни одного законопроекта, г. Столыпинъ принесъ ихъ съ собой въ Таврическій дворецъ цѣлый ворохъ. Члены кабинета г. Горемыкина обѣгали Думу, какъ зачумленное мѣсто, и министерскія скамьи тогда большею частью демонстративно пустовали; кабинетъ являлся въ Думу исключительно для генеральныхъ сраженій съ народнымъ представительствомъ; шелъ туда не для работы, а на приступъ. Теперь почти каждое засѣданіе вы можете видѣть на министерскихъ скамьяхъ нѣсколькихъ министровъ и очень часто самого предсѣдателя министерскаго совѣта. Они не только присутствуютъ, но и пр сятъ слова при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ самомъ началѣ сессіи, т часъ послѣ обвала думскаго потолка, предсѣдатель совѣта министровъ в ступилъ съ деклараціей относительно общаго направленія своей полити въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій съ министерской скамьи раздал слова, неслыханныя въ первой Думѣ: «правительство всемѣрно присоединяется къ предложенію депутата Родичева»; наконецъ, впервые въ и

ріи русскаго государства на разсмотрѣніе и утвержденіе народныхъ представителей внесенъ государственный бюджетъ, и министръ финансовъ принялъ дѣятельное участіе въ думскихъ бюджетныхъ преніяхъ, защищая правительственныя предположенія отъ нападокъ оппозиціи. Это ли не конституціонная идиллія?

Указанная перемѣна декорацій на авансценѣ министерской политики, разумѣется, не является случайностью, какъ ни какъ, въ ней все-таки выражается сила жизненныхъ требованій, съ которой приходится считаться даже и нашему правительству, столь упорно замыкающемуся отъ дѣйствительности въ тѣсномъ кругѣ бюрократическихъ традицій. При первой встрѣчѣ съ народнымъ представительствомъ правительство смотрѣло на Думу, какъ на временно налетѣвшій откуда-то кошмаръ; кошмаръ былъ разсѣянъ героическими способами, причемъ не остановились даже передъ явнымъ нарушеніемъ Основныхъ законовъ.

Казалось, правительство торжествовало по всей линіи. Таврическій дворецъ былъ запертъ, голосъ народныхъ представителей смолкнулъ, страна хранила какую-то угрюмую и подавленную сдержанность, и правительство безпрепятственно во всю ширь развернуло политику самыхъ грозныхъ репрессій. И все же на повѣрку оказалось, что разогнать Думу еще не значитъ отдѣлаться отъ народнаго представительства. Надѣлавшее столько шуму восклицаніе англійскаго премьера «Дума умерла, да здравствуетъ Дума!» получило фактическое подтвержденіе, потому что оно и не было простымъ ораторскимъ эффектомъ: въ формѣ изящнаго афоризма оно выражало собою глубокую соціологическую мысль. Эта мысль сводилась къ тому, что одряхлѣвшій политическій организмъ, истощенный гангреной деспотизма, долженъ будетъ привить себѣ оздоровляющіе соки народнаго представительства не во имя какихъ-либо отвлеченныхъ принциповъ, а во имя простого самосохраненія. И потому—независимо отъ мѣняющихся настроеній правящихъ сферъ, независимо отъ личныхъ наклонностей офиціальныхъ руководителей правительственной политики,—фатально и неизбѣжно придется вернуться все къ тому же: къ созыву народныхъ представителей. *Властвовать* надъ Россіей при помощи военной силы можно еще и безъ Думы; но *управлять* Россіей, т.-е. правомѣрно регулировать жизненные процессы великой страны—безъ Думы уже невозможно; но страна не можетъ безконечно находиться въ состояніи военной осады, она хочетъ мирно жить и мирно трудиться. Въ этой глубочайшей связи народнаго представительства съ основными жизненными потребностями страны—сила Думы. Никто не сомнѣвается въ томъ, что разгонъ Думы можетъ повториться,—наличное соотношеніе политическихъ элементовъ въ странѣ открываетъ къ тому возможность,—но и съ новымъ разгономъ сохранитъ свое прежнее значеніе афоризмъ Кемпбелль-Баннермана. Хороните Думу,—она снова воскреснетъ! Повидимому, и правительство, разогнавшее первую Думу, почувствовало жизненный упоръ этого на видъ столь эфемернаго учрежденія. Отсюда—перемѣна въ тактикѣ министерскаго каби-

нета по отношенію къ Думѣ. «Дума—продуктъ временнаго революціоннаго навожденія; если нельзя было воспрепятствовать ея появленію, то нужно сторониться отъ этого чудовища и поскорѣе сокрушить его»—таковъ былъ лозунгъ правительства въ прошломъ году, и изъ этого лозунга вытекали всѣ несообразныя дѣйствія горемыкинскаго кабинета. «Дума—непріятный, но неизбѣжный продуктъ времени, и потому, прежде чѣмъ рѣшиться на ея разрушеніе, нужно попытаться установить съ нею какой-нибудь modus vivendi»—вотъ новая мысль, которая сквозитъ въ дѣйствіяхъ теперешняго кабинета. Передъ нами—первый опытъ русскаго министерства, пытающагося стать въ конституціонную позу. Любопытно повнимательнѣе разсмотрѣть эту позу. Такое разсмотрѣніе покажетъ намъ, до какихъ предѣловъ способно дойти бюрократическое министерство по пути конституціонализма.

Кабинетъ Горемыкина афишировалъ свою отчужденность отъ Думы. Кабинетъ Столыпина афишируетъ свою готовность къ совершенію парламентскихъ обрядовъ. Выше я уже перечислилъ тѣ выступленія министровъ во второй Думѣ, на которыя министры будутъ, вѣроятно, ссылаться, какъ на доказательства своего желанія работать съ Думой. Разберемъ же теперь подробнѣе каждое изъ этихъ выступленій, и тогда передъ нами вскроется истинная сущность столыпинской конституціонной идилліи.

Предсѣдатель совѣта министровъ началъ съ того, что прочелъ въ Думѣ свою политическую декларацію. Для опредѣленія степени конституціонности этого шага, столь совпадающаго по внѣшности съ тѣмъ, что принято дѣлать въ парламентарныхъ государствахъ, любопытно взглянуть и на содержаніе декларацiи и на обстоятельства, сопровождавшія ея прочтеніе въ Государственной Думѣ. Декларація состояла изъ двухъ частей—перечисленія вносимыхъ на разсмотрѣніе Думы законоположеній и указаній на общіе виды правительственной политики. Наибольшій интересъ представляло то мѣсто декларацiи, въ которомъ говорилось о законахъ, проведенныхъ въ періодъ междудумья въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ. Эти законы, какъ извѣстно, теряютъ свою силу, если они не получатъ одобренія Думы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ ея созыва. Принятіемъ или отклоненіемъ этихъ законовъ Дума, несомнѣнно, выражаетъ свое общее отношеніе къ дѣятельности кабинета, выражаетъ свое довѣріе или недовѣріе къ предпринятымъ имъ на свой страхъ законодательнымъ мѣрамъ. Это—единственная черта нашего такъ называемаго конституціоннаго порядка, заключающая въ себѣ тусклый проблескъ политической отвѣтственности кабинета передъ народнымъ представительствомъ. Вѣдь нельзя же отрицать того, что отклоненіе Думою всѣхъ или большей части законовъ, проведенныхъ министерствомъ по 87 ст., заключало бы въ себѣ ясно выраженное осужденіе политики министерства. И вотъ, въ этомъ единственномъ случаѣ, въ которомъ министерская скамья можетъ не только фактически но и по закону превратиться въ скамью подсудимыхъ,—*конституціонный* кабинетъ г. Столыпина спѣшитъ прикрыться именемъ Царя. Говоря о своей декларацiи объ аграрныхъ законахъ, проведенныхъ по 87 ст.

г. Столыпинъ объясняетъ изданіе этихъ законовъ «невозможностью отсрочки въ выполненіи неоднократно выраженной воли Царя» («Офиціальный стенографическій отчетъ засѣданій Думы», стр. 108).

Въ этой знаменательной фразѣ выдана съ головой вся призрачность конституціонализма г. Столыпина. Думѣ закономъ предоставлено право отвергнуть эти законодательныя мѣры. Отказываясь принять на себя одного всю отвѣтственность за ихъ проведеніе и перелагая эту отвѣтственность съ себя на Монарха, понялъ ли г. Столыпинъ—къ какому юридическому положенію приводитъ занятая имъ столь неосторожно позиція: вѣдь при такомъ толкованіи выходитъ, что законъ предоставляетъ Думѣ, отвергая эти законодательныя мѣры, стать въ конфликтъ съ волею Монарха? Отказаться отъ законнаго права отвергнуть законы по 87 ст. Дума не можетъ. Въ то же время нельзя себѣ представить, чтобы учрежденіе о Государственной Думѣ могло освящать столкновеніе Думы съ волею Монарха. Значитъ—изъ всего этого положенія выходъ можетъ быть только одинъ и притомъ какъ разъ тотъ, который уже давно признанъ и установленъ въ странахъ съ истинной, а не призрачной конституціей. Этотъ выходъ—заключается въ признаніи безотвѣтственности Монарха, которая можетъ быть достигнута только признаніемъ отвѣтственности министерства, предложившаго Монарху ту или другую политическую мѣру. Но въ такомъ случаѣ—первый министръ, предлагающій на судъ народнаго представительства результаты своего управленія, не можетъ и не долженъ заграждаться отъ критики ссылками на Высочайшую волю. Приведенный примѣръ въ высшей степени наглядно показываетъ, какъ тѣсно переплетаются по существу дѣла начала парламентаризма съ началами конституціонализма и насколько справедливо то положеніе, что парламентаризмъ является лишь логическимъ завершеніемъ и наиболѣе чисто выраженной формой того же конституціонализма.—Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что авторы «Учрежденія Государственной Думы» были на тысячу верстъ отъ желанія внести въ русскую конституцію хотя бы зародышевые начатки парламентаризма. А что же выходитъ на повѣрку? Предоставленія Думѣ права утверждать или не утверждать законы, проведенные въ промежуткѣ между двумя Думами,—избѣжать было невозможно. А лишь только это право было допущено, неотвратимо, само собой выдвигается вопросъ о томъ, кто же несетъ отвѣтственность передъ страной за принятіе мѣръ, отвергнутыхъ народными представителями. Сосредоточеніе отвѣтственности на Монархѣ равносильно аннулированію права Думы осуществлять то, что ей предоставлено закономъ. Остается признать отвѣтственность министерства, и въ такомъ случаѣ въ отверженіи Думою упомянутыхъ выше законовъ приходится усматривать формальное выраженіе недовѣрія и неодобренія кабинету со стороны народнаго представительства. Прибѣгнувъ для защиты своей политики къ ссылкѣ на волю Царя, г. Столыпинъ доказалъ этимъ, какъ нельзя болѣе ясно, что выполнять внѣшнія конституціонныя обрядности вродѣ выступленія передъ Думой съ деклараціями отъ имени кабинета,

еще не значитъ представлять собою истинно-конституціонное правительство. Впрочемъ, въ томъ же засѣданіи г. Столыпинъ еще опредѣлительнѣе подчеркнулъ тѣ границы, въ которыхъ онъ считаетъ возможнымъ парадировать въ конституціонномъ костюмѣ: прочитавъ декларацію, онъ не преминулъ заявить, что Думѣ не предоставлено выражать по поводу такихъ декларацій свое одобреніе или неодобреніе политикѣ кабинета. Декларація кабинета есть не что иное, какъ изложеніе его—«sic volo, sic jubeo». Предсѣдатель совѣта министровъ ссылался на отсутствіе въ «Учрежденіи Государственной Думы» статьи о предоставленіи Думѣ права выражать недовѣріе или довѣріе кабинету. Но вѣдь тамъ нѣтъ также статьи и о предоставленіи предсѣдателю совѣта министровъ права читать въ Думѣ подобныя декларацiи. И если этотъ шагъ былъ тѣмъ не менѣе сдѣланъ, то умѣстно ли было отрицать допустимость логически вытекавшихъ изъ этого шага послѣдствій? Но въ томъ-то и все дѣло, что предсѣдатель совѣта министровъ руководился въ данномъ случаѣ не логикой, а политикой, что далеко не всегда представляетъ собою одно и то же, а смыслъ его политики сводится къ тому, чтобы подъ покровомъ соблюденія конституціонныхъ обрядностей становиться на почву отрицанія настоящихъ основъ конституціоннаго порядка. И снова приходится отмѣтить, что въ дѣйствіяхъ министровъ къ явному нежеланію подчиниться основамъ конституціоннаго порядка присоединяется и несомнѣнное непониманіе этихъ основъ, столь чуждыхъ всему строю бюрократическихъ воззрѣній.

Послѣ прочтенія декларацiи кабинета, второю конституціонною обрядностью, продѣланною нашимъ министерствомъ, явилась бюджетная рѣчь министра финансовъ. Министръ финансовъ продѣлалъ эту обрядность по всѣмъ правиламъ. Онъ сказалъ свою рѣчь, сидѣлъ въ Думѣ почти во все время бюджетныхъ преній и не однажды подробно и обстоятельно отвѣчалъ на рѣчи депутатовъ, защищая правительство отъ нападокъ оппозиціи. Совсѣмъ какъ въ Европѣ! Но прочтите внимательно стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Думы, посвященныхъ первоначальному обсужденію бюджета, и вы найдете тамъ новое яркое доказательство тому, въ какой неприкосновенности сохраняется старый бюрократическій духъ во всѣхъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ новоявленныхъ конституціоналистовъ министерской скамьи. Откинемъ въ сторону изъ бюджетныхъ преній, происходившихъ въ Думѣ, все эпизодическое, всѣ отдѣльные полемическіе выпады, частныя разсужденія и бытовыя иллюстраціи, возьмемъ только самую общую и существенную основу разногласій, вскрывшихся между Думою и министромъ. Къ чему свелась она? Депутаты все время втолковывали министру, — именно долженъ былъ бы онъ сдѣлать при внесеніи бюджета, если бы захотѣлъ на самомъ дѣлѣ исполнить обязанности конституціоннаго нистра, а министръ или не могъ или не желалъ взять въ толкъ эт указаній и упорно во всѣхъ отвѣтахъ велъ свою линію. Получался ра воръ на разныхъ языкахъ, и въ этомъ разнорѣчіи какъ нельзя б наглядно выступала та глубочайшая бездна, которая раздѣляетъ пр

вителей народа и членовъ Столыпинскаго кабинета по всему строю ихъ политическихъ воззрѣній. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ правильно смотрятъ на бюджетъ, какъ на квинтъ-эссенцію всей государственной политики, и потому бюджетныя пренія неизмѣнно служатъ тамъ поводомъ къ критическому разбору всей политической программы правительства; тѣмъ болѣе при внесеніи перваго бюджета на судъ народныхъ представителей въ моментъ переустройства всѣхъ нашихъ государственныхъ порядковъ и отношеній министру финансовъ надлежало представить Думѣ свою общую финансовую программу, ему надлежало показать, какъ смотритъ правительство на задачу предстоящей переработки нашего бюджета, сложившагося на почвѣ стараго порядка. Что же сдѣлалъ министръ? Всѣ его разъясненія сводились къ тому, что онъ указывалъ на соотвѣтствіе своихъ бюджетныхъ предположеній существующимъ законамъ—и только. Когда депутаты критиковали основы бюджета и развертывали картину необходимыхъ финансовыхъ реформъ, министръ вставалъ и говорилъ, что эти перемѣны не соотвѣтствовали бы *существующимъ* законамъ,—какъ будто вообще можетъ идти рѣчь о какихъ бы то ни было реформахъ на основаніи *существующихъ* законовъ! А когда къ министру предъявляли требованіе изложить программу своей дальнѣйшей финансовой политики, министръ приводилъ цитату изъ Бастіа о томъ, что на министра финансовъ всегда сыплются неосуществимыя требованія, превышающія человѣческія силы.—Г. Коковцевъ совершенно напрасно потревожилъ авторитетъ Бастіа: отъ него не требовали ничего такого, что превышало бы силы человѣка, отъ него требовали лишь того, что оказывается по плечу каждому заурядному министру финансовъ въ любой дѣйствительно конституціонной странѣ.—Но г. Коковцевъ такъ и не усвоилъ смысла предъявленнаго къ нему требованія, и отвѣчалъ совсѣмъ не на то, о чемъ ему твердили. Повторилась та же исторія, что и съ деклараціей предсѣдателя совѣта министровъ: стремленіе министровъ къ соблюденію конституціонныхъ *формъ* только еще рѣзче подчеркиваетъ ихъ полную отчужденность отъ *сущности* конституціонныхъ началъ. И уже до полнаго извращенія этихъ началъ доходитъ претензія предсѣдателя совѣта министровъ играть по отношенію къ Думѣ роль какого-то оберъ-прокурора, истолковывающаго ея права и обязанности. Такой именно смыслъ имѣло пресловутое присоединеніе г. Столыпина къ формулѣ Родичева по продовольственному вопросу. «Присоединеніе» собственно заключалось въ томъ, что г. Столыпинъ констатировалъ соотвѣтствіе формулы Родичева «Учрежденію Государственной Думы». Но такого констатированія вовсе не требовалось, и рѣшеніе Думы состоялось совершенно независимо отъ заявленія министра. Правительство и не могло не присоединиться къ предложенію, имѣвшему подъ собою вполнѣ законную почву, и вотъ почему «выступленіе» г. Столыпина было въ данномъ случаѣ совершенно излишнимъ. Министръ опять-таки ухватился за внѣшній пріемъ, заимствованный изъ практики конституціонныхъ странъ, и далъ ему примѣненіе, не имѣющее ничего общаго съ консти-

туціонными порядками. Когда въ парламентарныхъ странахъ министерство заявляетъ о своемъ присоединеніи къ одной изъ конкурирующихъ формулъ, оно связываетъ свою судьбу съ успѣхомъ этой формулы,—г. Столыпинъ своимъ помпезнымъ заявленіемъ о томъ, что «правительство всемѣрно присоединяется къ формулѣ депутата Родичева», сказалъ только то, что и безъ него было всѣмъ извѣстно,—что предложеніе Родичева не противорѣчитъ закону.—По «Учрежденію Государственной Думы» Думѣ предоставлено надзирать за законом'рностью дѣйствій министровъ, а предсѣдатель совѣта министровъ себѣ самовольно присваиваетъ надзоръ надъ законом'рностью дѣйствій Думы, и эту-то извращающую законное соотношеніе властей функцію, противорѣчащую самой основѣ конституціоннаго порядка,—предсѣдатель совѣта министровъ облекаетъ въ конституціонную фразеологію, имѣющую на языкѣ конституціоннаго права совершенно иное значеніе. Встать въ конституціонную позу для совершенія прямо антиконституціонныхъ дѣйствій—вотъ къ чему сводятся въ концѣ-концовъ всѣ думскіе дебюты нынѣшнихъ министровъ. Г. Столыпинъ не остановился на этихъ первыхъ шагахъ на пути самовольно присвоеннаго себѣ оберъ-прокурорскаго надзора за дѣйствіями Думы. Мы набрасываемъ эти строки какъ разъ въ тотъ моментъ, когда между предсѣдателемъ совѣта министровъ и предсѣдателемъ Думы разыгрывается именно на этой почвѣ знаменательный споръ. Споръ этотъ показываетъ, что предсѣдатель совѣта министровъ не останавливается передъ вмѣшательствомъ во всѣ подробности внутренняго распорядка думской жизни и обнаруживаетъ наклонность доводить это вмѣшательство даже до такой остроты, благодаря которой можетъ, пожалуй, совершенно неожиданно произойти вторичный роспускъ Думы уже не на вопросахъ политической программы, а на вопросахъ, касающихся порядка выдачи билетовъ для посѣтителей думской галлереи или порядка приглашенія экспертовъ въ думскія комиссіи. Вотъ это было бы недурное увѣнчаніе зданія россійской конституціи!

Мы можемъ теперь подвести итогъ нашимъ наблюденіямъ надъ отношеніями кабинета и Думы въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ. Кабинетъ г. Горемыкина взглянулъ на Думу очень просто: высшее законодательное государственное учрежденіе было сразу и безъ дальнихъ околичностей приравнено къ мятежному сборищу, и ему была объявлена открытая война. Первое же свое выступленіе передъ Думою г. Горемыкинъ ознаменовалъ самымъ явнымъ и безцеремоннымъ нарушеніемъ всѣхъ конституціонныхъ началъ, взявъ на себя роль судьи по вопросу о томъ, какія законодательныя предположенія допустимы и какія недопустимы въ русскомъ парламентѣ. Право отвергнуть думскіе законопроекты предоставлено по нашему закону государственному совѣту и Монарху, но причемъ тутъ предсѣдатель совѣта министровъ? Горемыкинское «недопустимо», равно какъ и всѣ послѣдующія дѣйствія его кабинета были сплошнымъ—топорнымъ и не уклюжимъ—отрицаніемъ всякой конституціи. Но кабинетъ г. Горемыкина

и не думалъ при этомъ драпироваться въ конституціонную тогу. Кабинетъ г. Горемыкина просто-напросто учинилъ открытый бунтъ противъ утвержденнаго Монархомъ «Учрежденія Государственной Думы».—Г. Столыпинъ и члены его кабинета чуждаются столь упрощенныхъ способовъ терроризированія народнаго представительства. Они весьма ревниво добиваются репутаціи конституціонныхъ министровъ и ловятъ каждый удобный моментъ для принятія той или иной конституціонной позы. Но эти подражательныя позы еще рѣзче оттѣняютъ органическую неспособность министровъ отрѣшиться отъ старины, нежели доморощенное «не потерплю», за которое сразу ухватился въ прошломъ году г. Горемыкинъ. Открытое нежеланіе соблюдать конституцію смѣнилось теперь бюрократической пародіей на министерскій конституціонализмъ. Но пародія—самая опасная форма сатиры. Европейскій костюмъ на дикарѣ лишь рѣзче оттѣняетъ некультурность первобытнаго сына природы. Конституціонная маска на бюрократѣ лишь нагляднѣе подчеркиваетъ истинную сущность привычныхъ слугъ произвола.

А. Кизеветтеръ.

Общественное движеніе въ Россіи.

(Замѣтки публициста.)

Физіономія второй Думы.—Студенчество и университетская анархія.

Когда пишешь о русскомъ парламентѣ, приходится всегда тщательно обозначать дату, чтобы, въ случаѣ чего, читатель могъ сообразить, написаны ли тѣ или иныя слова до или послѣ смерти Думы. De mortuis aut bene aut nihil. Я пишу 26 марта, когда Дума еще жива, и потому могу писать о ней только чистую правду, не считаясь съ тѣмъ тактомъ, который обязателенъ по отношенію къ покойникамъ.

Тридцать пять дней Дума прожила подъ мучительнымъ сознаніемъ, что не сегодня завтра спустится на нее тотъ мечъ, который прерветъ ея существованіе. Едва ли какой-нибудь парламентъ въ мірѣ жилъ при такихъ условіяхъ. Это сознаніе собственнаго безсилія, горькое сознаніе, что въ русскомъ народѣ нѣтъ еще того настроенія, которое сдѣлаетъ невозможнымъ пренебрежительное отношеніе къ народному представительству, безспорно, отравляетъ душу депутатовъ. Конечно, рано или поздно (скорѣе первое) народъ скажетъ свое могучее слово и заставитъ уважать свою волю, но пока раздастся этотъ властный голосъ, первые вѣстники народной воли, «слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной весны», должны сознательно принести себя въ жертву, видѣть «торжество побѣдителей», утѣшаясь только мыслью, что конецъ этого мучительства уже недалекъ...

Давно отмѣчено, что главное отличіе второй Государственной Думы отъ первой въ значительномъ усиленіи обоихъ фланговъ, крайняго праваго и лѣваго, за счетъ центра. Центръ, представляемый партіей «народной свободы», не только ослабѣлъ количественно, но и лишился многихъ крупныхъ фигуръ, придававшихъ такой блескъ «кадетской группѣ» перв Думы. Изъ старой фаланги уцѣлѣлъ только Ѳ. И. Родичевъ. Но нѣ В. Д. Набокова, который и на Западѣ по праву считался бы однимъ и первыхъ парламентскихъ дебаттеровъ, превращающихъ слово въ то отточенную стальную шпагу, нѣтъ Ив. Ил. Петрункевича, соединявш злой сарказмъ со страстнымъ порывомъ протеста и ненависти къ на

нниамъ, нѣтъ М. М. Винавера съ его желѣзной логикой, ясностью мысли и бурнымъ, подчасъ восточнымъ краснорѣчіемъ, нѣтъ, наконецъ, М. Я. Герценштейна съ его ядовитой ироніей, такъ безпокоившей господъ министровъ. И отсутствіе этихъ лицъ живо даетъ себя чувствовать во второй Думѣ. П. А. Столыпинъ, обнаружившій незаурядныя внѣшнія дарованія парламентскаго министра, былъ бы несомнѣнно не такъ развязенъ, если бы зналъ, что ему предстоитъ полемизировать не только съ серьезнымъ работникомъ Н. Н. Кутлеромъ, нисколько не претендующимъ на ораторскіе лавры, но и съ В. Д. Набоковымъ, И. И. Петрункевичемъ или П. Н. Милюковымъ. Г. Коковцевъ, видимо, очень доволенъ, что въ числѣ своихъ противниковъ онъ не встрѣтитъ М. Я. Герценштейна. Выборгское воззваніе сослужило министерству хорошую службу, и П. Б. Струве и Л. І. Петражицкій, предсказывавшіе такой результатъ въ Выборгѣ еще 10 іюля 1906 г., оказались пророками. Но все же достигнуть вполнѣ своей цѣли министру не удалось. Оппозиція, вообще, и партія «народной свободы» въ частности не оказались «обезглавленными», какъ мечтали министерскія рептиліи. Москва послала въ Думу нѣсколько первоклассныхъ ораторовъ. Очень крупное ораторское дарованіе у одесскаго депутата О. Я. Пергамента и В. М. Гессена. Большимъ успѣхомъ пользуются рѣчи А. И. Шингарева (изъ Воронежа) и А. И. Петровскаго (Донская область). Для дѣловой работы партія имѣетъ не мало очень свѣдущихъ и энергичныхъ людей. І. В. Гессенъ умѣетъ находчиво разбираться въ дебряхъ парламентской процедуры. Одно обстоятельство выгодно отличаетъ центръ второй Думы отъ центра первой. Опыта несомнѣнно прибавилось. Нынѣшній центръ несомнѣнно прочно стоитъ на конституціонной почвѣ и твердо выдерживаетъ свою позицію, несмотря на то, что темныхъ изстрадавшихся крестьянъ, совершенно не постигающихъ идеи раздѣленія властей, такъ легко совлечь съ прямого пути миражемъ «немедленнаго дѣла», «немедленнаго удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ». И хотя крестьяне часто поддаются такому искушенію, подносимому имъ крайней лѣвой, центръ стойко держится своей тактики, не смущаясь тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ за него голосуютъ и крайніе правые.

Крайняя правая насчитываетъ человѣкъ тридцать и составляетъ явленіе новое, невиданное въ первой Думѣ. И нельзя сказать, чтобы эта крайняя правая служила украшеніемъ Думы, либо министерства, которое она поддерживаетъ, либо дворянства, интересы котораго защищаетъ. Вступленіе крайнихъ правыхъ въ Думу оказалось для нихъ роковымъ. Все ихъ нравственное и умственное убожество, безыдейность, отчужденіе отъ народа, презрѣнія къ которому они не могутъ скрыть, наглость, конкурирующая только съ ихъ невѣжествомъ и лицемѣріемъ, даже внѣшній видъ тихъ наполовину вырожденцевъ, наполовину откормленныхъ бычковъ— все это выплыло наружу. Крестьяне и рабочіе, наполняющіе Думу, увидѣли, что за господа ими управляютъ, и чувства презрѣнія къ этимъ выдившимся потомкамъ отживающихъ господъ съ каждымъ днемъ все силь-

нѣе и сильнѣе укореняются среди демократическихъ депутатовъ. Вернувшись домой къ себѣ въ деревню, крестьяне много интереснаго разскажутъ своимъ однообщественникамъ про то, какъ вели себя «господа» въ Думѣ. А дворяне какъ будто нарочно ежедневно провоцируютъ крестьянскихъ депутатовъ и, освободившись отъ всякаго приличія, выступаютъ нагишомъ, ничѣмъ не прикрывая своей ненависти и злобнаго презрѣнія къ «сиволапымъ мужикамъ», мечтающимъ о помѣщичьей землѣ.

Графъ Бобринскій, Крупенскій, Келеповскій, Шульгинъ, Пуришкевичъ открыто и, повидимому, намѣренно, взяли на себя роль клоуновъ, балаганныхъ шутовъ, провокаторовъ и скандалистовъ. Они постоянно прерываютъ ораторовъ, говорятъ имъ съ мѣста дерзости, вступаютъ въ пререканія съ предсѣдателемъ... Пуришкевичъ то лежитъ, развалясь въ своемъ креслѣ, то вскакиваетъ, какъ мячикъ, и выкрикиваетъ какія-нибудь дерзости по адресу ораторовъ или предсѣдателя. Уже на одномъ изъ первыхъ засѣданій правые выслушали отъ безпартійнаго крестьянина Сорокина замѣчаніе, что не всегда и крестьяне себя такъ ведутъ въ кабакѣ, какъ господа дворяне въ Думѣ. Крупенскій въ отвѣтъ на глубоко-искреннюю рѣчь священника Тихвинскаго имѣлъ наглость сказать ему: я вижу крестъ на преступникѣ. Пуришкевичъ посреди серьезной финансовой рѣчи Кутлера крикнулъ ему: кончайте!, а на замѣчаніе предсѣдателя отвѣтилъ: «душа не терпитъ». Когда одинъ крестьянинъ сказалъ: у насъ мало школъ, правые закричали: слава Богу! Когда Тесленко спросилъ: гдѣ устроители кишиневскаго погрома?—Крушеванъ всталъ и раскланялся. Графъ Бобринскій унизился до того, что выискалъ въ рѣчи Алексинскаго несуществующее оскорбленіе Величества и пытался создать изъ этого скандалъ, которымъ можно было бы оправдать роспускъ Думы. Но планъ этотъ потерпѣлъ постыдное крушеніе, и графъ Бобринскій только увѣковѣчилъ свое имя безсмысленнымъ и позорнымъ доносомъ. Шульгинъ, типичный провинціальный ябедникъ-кляузникъ, издѣваясь надъ земельной нуждой крестьянъ и надъ мучительными попытками разрѣшить земельный вопросъ, внесъ въ Думу шутовской проектъ о конфискаціи въ пользу національнаго денежнаго фонда всѣхъ капиталовъ, талантовъ, способностей и т. д.

Этими балаганными выходками правые, очевидно, разсчитывали дискредитировать Думу, обратить ее въ ярмарочный балаганъ, въ смѣхотворное учрежденіе. Но достигли они совсѣмъ иного. Они дискредитировали только самихъ себя, они облѣпили себя такою густою грязью, что не скоро отмоются отъ нея; этою же грязью они забросали и правительство и дворянство. Своею безстыдной наглостью они раздули всегда тлѣющую груди крестьянъ искру недовѣрія и нелюбви къ дворянамъ. Роль правы въ Думѣ чисто революціонная, и дворяне, если у нихъ осталась хоть иск здраваго смысла, должны серьезно подумать о томъ, что готовятъ и эти безумные наглецы, раздувающіе пламя сословной ненависти. Ко послѣ наглой выходки Шульгина, медоточиво распространившагося о «с щенной собственности», поднялся на трибуну шестидесятилѣтній сара

скій крестьянинъ Кирносовъ и, указывая пальцемъ на правыя скамьи, заговорилъ: «господа дворяне! а помните, какъ вы насъ, крѣпостныхъ, тоже считали своей священной собственностью, какъ ставили насъ на карту, мѣняли на собакъ? что сталось съ этой священной собственностью? теперь у васъ священной собственностью является земля... смотрите, господа дворяне, съ ней не было бы того же» — то для всякаго чуткаго человѣка стало ясно, что устами Кирносова говоритъ весь народъ. И эти слова «господа дворяне!» въ устахъ бывшаго крѣпостного звучали очень грозно, въ нихъ слышался рокотъ надвигающейся бури, слышалась многолѣтняя сдавленная злоба. Хотѣлось крикнуть Шульгину и К°: что вы дѣлаете, безумцы! не провоцируйте! не натягивайте струны выше мѣры, а не то разразится несчастье...

Положительная дѣятельность правыхъ въ Думѣ равняется круглому нулю. За всѣ тридцать пять дней они не сказали ни одного, не то чтобы умнаго, но даже серьезнаго слова, не внесли ни одного предложенія, ни одного законопроекта. Впрочемъ, одинъ законопроектъ они внесли, но такой, о которомъ отозвалось съ презрѣніемъ даже «Новое Время». Они предложили законъ о замѣнѣ золотой валюты бумажными деньгами. Даже изъ сотни внесенныхъ министерствомъ законопроектовъ правые, какъ упрекало ихъ «Новое Время», ни одного не могли выбрать, сдѣлать его своимъ, потребовать обсужденія его въ комиссіи. Ихъ политическая дѣятельность въ Думѣ является какимъ-то ребяческимъ лицемѣріемъ. Они аплодируютъ министрамъ, они восторженно привѣтствовали либеральную и конституціонную декларацію П. А. Столыпина и въ то же время требуютъ разгона Думы, государственнаго переворота, возстановленія самодержавія и проч., и проч. Кто же кого обманываетъ въ этой низкопробной комедіи?

Крайніе правые играютъ въ Думѣ роль тѣхъ илотовъ, которыхъ спартіаты опаивали до-пьяна, чтобы внушить своимъ дѣтямъ отвращеніе къ пьянству, и съ этой точки зрѣнія ихъ присутствіе оказало самое благопріятное дѣйствіе на тактику крайнихъ лѣвыхъ. Истерическія выкрикиванія правыхъ, ихъ ругань до того противна всей Думѣ, что крайніе лѣвые употребляютъ всѣ усилія, чтобы ни въ чемъ не походить на Пуришкевича, Келеповскаго и К°. Лѣвые ведутъ себя вполнѣ парламентски, съ выдержкой, которой нельзя не удивляться. Лѣвая половина Думы сдержала свое негодованіе даже при безсовѣстной провокаціи гр. Бобринскаго, усмотрѣвшаго въ рѣчи Алексинскаго оскорбленіе Величества; она спокойно слушаетъ Крушевана и Пуришкевича, она стойко молчала, когда Шульгинъ цѣлые полчаса явно издѣвался надъ Думой. Лѣвые, въ томъ числѣ и соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, ведутъ себя вполнѣ парламентски, и даже соціалъ-демократическая печать признаетъ, что «первая кадетская Дума вела себя революціонно, вторая революціонная ведетъ себя по-кадетски». Вся «революціонная» тактика эсъ-дековъ и эсъ-эровъ, какъ мы и предполагали, выражается лишь въ томъ, что при каждомъ

удобномъ или неудобномъ случаѣ эти группы наперебой предлагаютъ либо организовать мѣстные комитеты, избираемые всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ, либо произвести разслѣдованіе на мѣстахъ черезъ думскихъ делегатовъ, либо принять какое-либо бумажное постановленіе, выходящее за рамки законныхъ правъ Думы и потому обреченное на погребеніе въ бумажной корзинѣ. Всѣ эти демонстраціи, хотя и дѣлаются съ серьезнымъ видомъ, но явно разсчитаны на то, что кадеты такихъ предложеній не пропустятъ и заставятъ крестьянъ вотировать противъ нихъ. Сами эсъ-деки и эсъ-эры пришли бы въ большое смущеніе, если-бы, сверхъ ожиданія, провели какую-нибудь «революціонную» мѣру и первые пришли бы въ отчаяніе отъ своей побѣды. П. Б. Струве вполнѣ справедливо назвалъ такую тактику «политической игрой за чужой счетъ». Тактика эта такъ же стара, какъ и парламентаризмъ. Съ ея помощью якобинцы, руководимые Робеспьеромъ, боролись противъ жирондистовъ. Особенно охотно эта тактика пускается въ ходъ партіями, составляющими меньшинство и потому не чувствующими отвѣтственности за свои дѣйствія. Есть одно очень сильное средство борьбы съ этой по-истинѣ іезуитской тактикой. Достаточно одинъ только разъ дать возможность этому меньшинству сдѣлаться большинствомъ и переложить на него всю отвѣтственность за послѣдствія. Тогда у меньшинства сразу пропадетъ охота шутки шутить. Къ сожалѣнію, такой урокъ можетъ обойтись очень дорого, и едва ли партія «народной свободы» согласится преподать его соціалъ-демократамъ цѣною роспуска Думы. Соціалъ-демократы это знаютъ и потому чувствуютъ себя спокойно...

Не знаемъ, что будетъ дальше, но пока революціонныя партіи въ Думѣ превратились въ парламентскія. И тутъ-то сказались всѣ недостатки ихъ личнаго состава, подтвердились слова кадетовъ, все время твердившихъ на предвыборныхъ собраніяхъ, что одной «смѣлости» и «рѣшительности», одного митинговаго краснорѣчія для успѣшной дѣятельности въ Думѣ недостаточно. Качественный составъ крайнихъ лѣвыхъ группъ въ Думѣ очень слабъ и ни въ какомъ случаѣ не послужитъ къ увеличенію престижа и популярности революціонныхъ партій. Присматриваясь къ думской дѣятельности революціонныхъ группъ, согласишься, пожалуй, съ тѣми, кто утверждаетъ, что революціонеры ошибались не тогда, когда бойкотировали Думу, а когда отказались отъ бойкота. Это вѣрно въ особенности въ отношеніи къ соціалистамъ-революціонерамъ. Эта яркая партія, сотканная, казалось, вся изъ пламени, самоотверженія и героизма, въ Думѣ чрезвычайно потускнѣла. Фракція соціалистовъ-революціонеровъ насчитыва свыше 30 человѣкъ и среди нихъ ни одного сколько-нибудь яркаго, с наго оратора. Вожди партіи, Горбуновъ, Ширскій, Фокѣевъ, Архангс ский, быть можетъ, прекрасные люди, но они какіе-то сѣрые, дюжинн Слова они произносятъ грозныя и большія, но слова эти васъ не гаютъ, звучатъ холодно, въ нихъ не чувствуется порыва страсти. С листы-революціонеры несомнѣнно много потеряли въ Думѣ, гдѣ ихъ

тираетъ и оттѣсняетъ на второй планъ партія соціалъ-демократовъ, тоже не блещущая во второй Думѣ яркими дарованіями и сильными индивидуальностями. Но все же отъ сравненія съ соціалистами-революціонерами соціалъ-демократы много выигрываютъ. У нихъ есть недурной ораторъ съ большой выдержкой и хладнокровіемъ—Церетели. Петербургскій депутатъ Алексинскій—человѣкъ безспорно и умный, и осторожный, съ большою дозой яда въ своихъ рѣчахъ, находчивый и бойкій. Недостатокъ образованія даетъ себя чувствовать, но это зло поправимое, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ парламентской науки Алексинскій можетъ превратиться въ популярнаго и ядовитаго защитника интересовъ пролетаріата. Это не Жоресъ, не Бебель и не Гэдъ, но онъ можетъ сдѣлаться національнымъ русскимъ соціалъ-демократомъ большевикомъ, стоящимъ на уровнѣ представляемой имъ рабочей массы. У соціалъ-демократовъ есть и еще нѣкоторыя «полезности», преимущественно съ Кавказа (Джапаридзе, Зурабовъ) или изъ Прибалтійскаго края (Озоль). Въ соціалъ-демократической группѣ числится нѣсколько крестьянъ. Признаемся, насъ сильно интригуютъ эти соціалъ-демократы крестьяне, но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ въ Думѣ не выступали, и потому ихъ фигуры пока загадка. Молчали до сихъ поръ и настоящіе рабочіе—соціалъ-демократы (вожди—все интеллигенты и даже—horribile dictu!—частью дворяне). Недавно одинъ такой молодой рабочій, Ѳомичевъ, выступилъ—и едва ли онъ доставилъ много удовольствія своимъ учителямъ. Онъ доказалъ только, что въ головѣ его царитъ полнѣйшая путаница, что ничего «соціалъ-демократическаго» онъ не усвоилъ, а просто зараженъ здоровымъ чувствомъ обще-русскаго протеста, того возстанія бѣдныхъ и угнетенныхъ противъ богатыхъ насильниковъ, которое и характерно для переживаемой нами эпохи...

Трудовики второй Думы многимъ отличаются отъ трудовиковъ первой Думы. Вожди трудовиковъ въ 1907 году значительно ниже извѣстной троицы—Аникина, Жилкина и Аладьина. У Березина и Караваева, несомнѣнно, больше знаній, но меньше таланта, индивидуальности, характера. Прежніе были ярче нынѣшнихъ и потому и пользовались большимъ вліяніемъ. Нынѣшніе же вожди трудовиковъ не пользуются вліяніемъ даже въ своей собственной группѣ. На этой почвѣ разыгрываются нерѣдко очень курьезные эпизоды. Напримѣръ, при обсужденіи вопроса о способахъ избранія членовъ аграрной комиссіи выходитъ Уразовъ и торжественно заявляетъ: отъ имени трудовой группы и крестьянскаго союза заявляю, что мы будемъ голосовать за избраніе членовъ комиссіи путемъ соглашенія по фракціямъ. Начинается голосованіе, и всѣ трудовики голосуютъ за совсѣмъ иное предложеніе члена партіи «народной свободы» Татаринова. Тщетно Караваевъ встаетъ и отчаянно машетъ своему войску. Два-три человѣка поднялись, а остальные продолжали сидѣть и провалили то предложеніе, о которомъ такъ торжественно возвѣстили съ трибуны. Передъ всякимъ голосованіемъ Караваевъ и еще два-три его помощника суетливо, какъ муравьи, разбѣгаются по скамьямъ и шепчутъ: вставать! сидѣть!

Картина, надо сознаться, получается не очень красивая, едва ли способная возвысить престижъ нашей Государственной Думы.

Огромное большинство трудовиковъ вотируютъ несознательно: какъ Богъ на душу положитъ. То слушаются вожаковъ, то не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. У нихъ есть извѣстное тяготѣніе къ соціалъ-демократамъ. «Рабочіе—наши братья»,—говорятъ они. Рабочіе соціалъ-демократическіе депутаты импонируютъ имъ, деревенскимъ сѣрякамъ, своими знаніями и своею смѣлостью. Они въ восхищеніи, когда какой-либо соціалъ-демократъ «ловко отбрѣетъ» правительство или дворянъ. Они всегда готовы имъ аплодировать и инстинктивно тянутся вотировать такъ же, какъ они. Но какъ только трудовикамъ кто-либо скажетъ или они сами догадаются, что голосованіе съ соціалъ-демократами можетъ повести къ разгону Думы, они немедленно отходятъ отъ своихъ друзей, а иногда даже съ извѣстнымъ раздраженіемъ. Это можно было наблюдать при обсужденіи вопросовъ о посылкѣ на мѣста делегатовъ, о побояхъ, нанесенныхъ депутату Сигову, наконецъ, при вотумѣ о передачѣ бюджета въ комиссію.

Несознательность трудовиковъ одна изъ самыхъ тяжелыхъ гирь, привязанныхъ къ ногамъ второй Думы. Я не желалъ бы быть пророкомъ, но боюсь, что эта гиря и потянетъ Думу на дно. По своей численности и по занимаемому имъ положенію трудовики являются рѣшающей группой Думы. Безъ ихъ содѣйствія руководящая думская партія «народной свободы» не можетъ разсчитывать на прочное большинство. Между тѣмъ вотума трудовиковъ никогда нельзя предусмотрѣть заранѣе. Даже вожди этой группы не могутъ положиться на своихъ солдатъ. Все зависитъ отъ момента, отъ настроенія. До тѣхъ поръ, пока трудовики не выяснятъ окончательно своей дороги, и хотя бы половина ихъ не отмежуется отъ крайней лѣвой, работоспособность второй Думы всегда будетъ подъ знакомъ вопроса. До тѣхъ поръ ни у кого не будетъ увѣренности, что Дума не приметъ какого-либо постановленія, превращающаго ее на бумагѣ въ органъ исполнительной власти, постановленія, подсунутаго соціалъ-демократами «изъ тактическихъ видовъ» при полной увѣренности, что оно не соберетъ большинства голосовъ. Стоитъ только правымъ послѣдовать совѣту Крушевана и въ рѣшительный моментъ подать голоса вмѣстѣ съ крайней лѣвой—и Дума можетъ быть легко сорвана. Если бы Думѣ удалось просуществовать два-три мѣсяца, трудовая группа, вѣроятно, оглядѣлась бы и выяснила линію своего поведенія. Теперь нельзя даже сказать, что она таитъ въ себѣ. До сихъ поръ изъ трудовой группы выдѣлился своимъ оригинальнымъ ораторскимъ талантомъ и оригинальны— міровоззрѣніемъ только священникъ Тихвинскій, навлекшій на себя п первомъ же своемъ выступленіи жгучую ненависть правыхъ.

Таковы крупнѣйшія партіи Думы. Польское коло и мусульманск группа, съ внутренней, какъ говорятъ, очень напряженной, жизнью ко рыхъ мы знакомы мало, по общимъ вопросамъ идутъ дружно рука руку съ кадетами. Небольшая группа народныхъ соціалистовъ, руков

мая изъ журналистской ложи В. А. Мякотинымъ, къ которому ежечасно, какъ на полѣ сраженія, подходитъ лидеръ н.-с—овъ Волкъ-Карачевскій за диспозиціей, не пользуется въ Думѣ особымъ вліяніемъ и до сихъ поръ не выдвинула еще людей, могущихъ конкурировать съ кадетами. То же самое надо сказать и о трехъ десяткахъ октябристовъ, которыхъ ихъ вождь Капустинъ чуть ли не насильно тянетъ въ сторону кадетовъ.

Каково же общее впечатлѣніе отъ второй Думы, чѣмъ отличается она отъ первой? Первая Дума была Думой народной молодости, юношеской отваги, вѣры въ свои силы. Между первой и второй Думами не даромъ прошли семь мѣсяцевъ бездумья, съ поѣздокъ въ Выборгъ, съ военными бунтами, неудачной попыткой забастовки. Теперь нѣтъ уже ни вѣры, ни юношескаго задора. Вторая Дума въ политическомъ отношеніи зрѣлѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она все еще не въ силахъ отрѣшиться отъ многихъ устарѣлыхъ и изжитыхъ пріемовъ. Отлично понимая ихъ безплодность, Дума все-таки не можетъ отказаться отъ ихъ примѣненія. Духъ вывѣтрился, фразеологія осталась. Ясно понимая ошибки первой Думы и на словахъ заявляя, что ихъ не слѣдуетъ повторять, Дума тѣмъ не менѣе продѣлываетъ ихъ одну за другой. Такъ же, какъ первая Дума, она сразу набрасывается на всѣ вопросы и, пытаясь обнять все, не можетъ удержать ничего. Какъ и первая Дума, она держится преувеличеннаго мнѣнія о значеніи своихъ рѣчей. Она не разсѣиваетъ опаснаго заблужденія тѣхъ мало развитыхъ людей, которые думаютъ, что одинъ разговоръ о какомъ-либо вопросѣ въ Думѣ составляетъ уже дѣло. Потокъ рѣчей льется безъ удержу. И двѣ недѣли аграрнаго водотолченія въ первой Думѣ, быть можетъ, поблѣднѣютъ передъ аграрными «понедѣльниками» и «четвергами» второй. Вторая Дума, какъ и первая, не усвоила еще той истины, что появленіе на думской трибунѣ налагаетъ на человѣка большую отвѣтственность и что митинговый языкъ тутъ неумѣстенъ... Впрочемъ, что говорить о депутатахъ крестьянахъ и рабочихъ, когда самъ предсѣдатель совѣта министровъ не могъ удержаться отъ хлесткихъ митинговыхъ словечекъ...

И все-таки вторая Дума знаменуетъ безспорно шагъ впередъ по пути нашего политическаго развитія. Если этотъ шагъ не такъ великъ, какъ хотѣлось бы, то виновато въ этомъ, главнымъ образомъ, правительство, всѣ свои усилія направившее на борьбу съ тѣми культурными оппозиціонными элементами, которые по самой природѣ своей не приспособлены къ подпольной работѣ и потому не могли выдержать конкуренціи съ революціонерами, привыкшими къ конспиративнымъ пріемамъ.

Въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» я писалъ о побѣдѣ, одержанной частью московскаго студенчества надъ анархическимъ началомъ университетской жизни, всеобщей сходкой. Но изъ-за одной изъ тѣхъ типографскихъ забастовокъ, которыя въ настоящее время наносятъ русской печати не менѣе сильные удары, чѣмъ полицейскій произволъ, статья

появилась въ свѣтъ въ ту самую минуту, когда побѣда превратилась въ пораженіе. Общая сходка, выгнанная черезъ парадныя двери московскаго университета, вернулась туда по черному ходу и въ сотрудничествѣ съ другимъ ненормальнымъ органомъ студенческой жизни, съ Центральнымъ Университетскимъ Органомъ, избираемымъ по политическимъ платформамъ, явно ведетъ университетъ къ могилѣ...

Жизнь быстро течетъ въ наше время, и ежемѣсячный журналъ не можетъ и помышлять о томъ, чтобы угнаться за частностями ея движенія. Онъ долженъ ограничиваться только общими чертами явленій, общимъ направленіемъ историческаго хода вещей. И въ этомъ отношеніи все остается попрежнему. Судьба нашихъ университетовъ, а, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ и русской культуры, зависитъ отъ того, удастся ли студенчеству вытѣснить анархическіе элементы изъ строя университетской жизни и создать такіе демократическіе органы, которые предназначались бы не для устройства потерявшихъ смыслъ демонстрацій, а для организаціи высшаго образованія.

Московское студенчество въ своей борьбѣ противъ анархіи въ университетѣ опиралось на референдумъ. И вначалѣ, когда передъ студенчествомъ поставленъ былъ категорически вопросъ, должна ли общая сходка сохранить свое законодательное значеніе, общій опросъ студентовъ далъ на это отрицательный отвѣтъ. Но когда зашла рѣчь о той организаціи, которая должна замѣнить общую сходку, соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры взяли реваншъ и въ скрытой формѣ возстановили только что отвергнутое значеніе общей сходки, замѣнивъ въ иныхъ случаяхъ ее еще болѣе вреднымъ органомъ, небольшимъ комитетомъ, избираемымъ по партіямъ даже безъ именной баллотировки кандидатовъ. Надо признать, что нѣкоторая доля вины за пораженіе падаетъ и на студенческую фракцію партіи «народной свободы». Выработанный ею проектъ организаціи студенчества страдалъ очень серьезными недостатками и ни въ коемъ случаѣ не могъ бы способствовать возстановленію въ университетѣ нормальной жизни.

Центръ тяжести этого проекта заключался въ референдумѣ. Чуть ли не по каждому вопросу предлагалось прибѣгать къ общему опросу всѣхъ студентовъ. Но недавній опытъ можетъ показать студентамъ, что часто прибѣгать къ услугамъ этого очень сложнаго инструмента немыслимо. Даже въ первомъ референдумѣ изъ 8000 московскихъ студентовъ приняли участіе въ голосованіи всего немногимъ болѣе пяти тысячъ. Второй же референдумъ едва могъ состояться. Голосованіе шло очень туго и пришлось производить его въ добавочные дни. Попробуйте производить голосованія чаще, и въ нихъ не будетъ участвовать и половины студентовъ.

Референдумъ можетъ примѣняться только въ очень рѣдкихъ, въ мыхъ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда рѣчь идетъ о закрытіи университета, всеобщей забастовкѣ и т. д. Всѣ же остальныя [illegible] ничныя дѣла должны быть поручены достаточно многочисленному —

менту, каждый бы избирался, раза два въ годъ, по курсамъ, прямыми, закрытыми и пропорціональными выборами. Общая сходка можетъ оставаться только какъ агитаціонное средство, какъ выразитель настроенія, какъ способъ товарищескаго общенія. Но никакого рѣшающаго голоса общая сходка ни въ какомъ случаѣ имѣть не должна.

Существованіе въ университетѣ партій вещь неизбѣжная, бороться съ которой безцѣльно и неразумно, потому что только при помощи партій студенчество и можетъ выйти изъ нынѣшняго хаоса. Нетерпимость и вредоносность революціонной тактики повели уже къ тому, что въ большинствѣ университетовъ самостоятельно начали возникать группы, стремящіяся къ возстановленію учебной роли нашей высшей школы. Эти группы, объединяющіяся большею частью вокругъ знамени «народной свободы», могутъ спокойно выносить нападки крайнихъ лѣвыхъ, такъ какъ онѣ сильны своей независимостью, своей нравственной правотой. Если бы не безтактное вмѣшательство администраціи, если бы не провокаціонный образъ дѣйствій постороннихъ университету лицъ, этотъ процессъ самоисцѣленія пошелъ бы уже очень далеко и далъ бы ощутительные результаты. Такіе печальные и отвратительные факты, какъ избіеніе студентами I курса военно-медицинской академіи студентовъ-черносотенцевъ, не могутъ способствовать усиленію авторитета революціонныхъ группъ, оправдывающихъ и даже рекомендующихъ такой способъ дѣйствій. Но въ то же время очевидно, что никакія силы не заставятъ русское студенчество сойти съ того демократическаго пути, по которому оно идетъ. Отказъ отъ революціонной тактики неизбѣжно приведетъ большинство студенчества въ лоно конституціонно-демократической партіи, которая одна только и способна возстановить нормальную жизнь въ нашемъ глубоко-потрясенномъ университетскомъ организмѣ. Или гибель университетовъ, временное ихъ закрытіе, попытки возстановленія полицейскаго режима, превращеніе въ закрытыя учебныя заведенія—или господство конституціонно-демократической партіи, которая должна войти въ соглашеніе съ профессорами, признать ихъ безспорную для всякаго здравомыслящаго человѣка научную супрематію и сдѣлать изъ университетовъ дѣйствительно учебныя заведенія. Высшая школа въ Россіи въ большой опасности, и студенты должны подумать и о ней...

А. С. Изгоевъ.

Законодательство и жизнь.

Трудныя условія Государственной Думы.—Разнообразіе ея состава.—Отношеніе къ ней правительства.—Инцидентъ со свѣдущими людьми.—Думская тактика.—Утвержденіе бюджета.—Продовольственный вопросъ.—Военно-полевые суды.—О безработныхъ.—Аграрная коммиссія.—Исключеніе депутатовъ, привлекаемыхъ къ слѣдствію.—Дѣятельность Государственнаго Совѣта.

Работа Государственной Думы идетъ довольно медленно, по крайней мѣрѣ по мнѣнію тѣхъ, кто ожидалъ отъ нея сейчасъ же составленія законопроектовъ, разрѣшающихъ наиболѣе насущные вопросы народной жизни. Прошло уже почти полтора мѣсяца съ открытія Думы, а еще ни одинъ законопроектъ не получилъ окончательной ея санкціи. Однако этому нельзя удивляться, а въ особенности нельзя возлагать за это вину на Думу, которой приходится работать въ крайне трудныхъ условіяхъ, исключающихъ всякую возможность быстраго окончанія ея работъ. Условія эти отчасти внутреннія, зависящія отъ самаго состава Думы, отчасти внѣшнія, зависящія отъ недоброжелательнаго отношенія къ ней правительства и отъ сознанія самой Думой постоянной ненадежности самаго ея существованія. Партійный составъ настоящей Думы гораздо разнообразнѣе, чѣмъ онъ былъ въ первой Думѣ, гдѣ вовсе не было ни трехъ соціалистическихъ партій, ни крайнихъ правыхъ, или, по крайней мѣрѣ, послѣдніе, бывшіе въ совершенно ничтожномъ числѣ, ничѣмъ не выражали своего присутствія. Всѣ споры и вся борьба велась такимъ образомъ между сравнительно близкими по своимъ воззрѣніямъ партіями народной свободы и трудовиковъ, изъ которыхъ послѣдняя, притомъ, не получила еще вполнѣ опредѣленной организаціи и большинство которой по многимъ вопросамъ вполнѣ сходилось во взглядахъ съ на-детской партіей, которая и играла направляющую роль въ Думѣ. Теперь и абсолютное число депутатовъ, принадлежащихъ къ партіи народной свободы меньше, и они имѣютъ противъ себя, кромѣ трудовиковъ, съ одной стороны соціалистическія партіи, сформировавшіяся уже давно и въ своей предыдущей конспиративной дѣятельности выработавшія себѣ опредѣленную тактику и въ предѣлахъ своихъ внутреннихъ партійныхъ различій строгую дисциплину, съ другой — сравнительно значительную группу правыхъ, не имѣющихъ, правда, ни

того ни другого, но зато имѣющихъ болѣе чѣмъ достаточно смѣлости, или, называя это ихъ качество настоящимъ его именемъ, нахальства. Весьма важно то, что сущность взглядовъ на самое значеніе Думы у этихъ различныхъ фракцій принципіально различна. Правые, кромѣ не имѣющей никакого вліянія кучки октябристовъ, смотрятъ на Думу, какъ на враждебное учрежденіе, которое должно быть уничтожено вовсе. Внѣ Думы эта партія стремится къ цѣли путемъ подачи заявленій и адресовъ, въ которыхъ будто бы отъ имени «русскаго народа» ходатайствуетъ о роспускѣ и второй Думы и объ измѣненіи избирательнаго закона; въ Думѣ же ея представители ставятъ своей задачей заставить Думу сдѣлать какой-нибудь неосторожный шагъ, который далъ бы правительству благовидный предлогъ для роспуска. Тактика ихъ, такимъ образомъ, есть тактика скандала и она проводится ими при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ съ полной развязностью и безцеремонностью, хотя до сихъ поръ безуспѣшно. Во всякомъ случаѣ участіе ихъ вноситъ только помѣху въ правильную работу Думы. Но и съ другой стороны партія соціалъ-демократовъ, вовсе не желая роспуска Думы, видитъ ея значеніе вовсе не въ ея законодательной дѣятельности. Она полагаетъ, что при существующихъ условіяхъ законодательная работа Думы не можетъ привести ни къ какому практическому результату, такъ какъ никакой изъ выработанныхъ ею законопроектовъ, несогласный со взглядами правительства, не будетъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ и верховною властью и слѣдовательно не пройдетъ въ жизнь. Поэтому они смотрятъ на Думу главнымъ образомъ какъ на всероссійскую публичную арену, на которой могутъ высказываться соціалистическія ученія въ примѣненіи къ насущнымъ народнымъ потребностямъ и, распространяясь отсюда путемъ печати, дѣйствовать воспитательно на сознаніе народныхъ массъ. Практическій выводъ изъ такого взгляда тотъ, что представители думской соціалъ-демократической фракціи мало заботятся объ ускореніи думской законодательной работы, но очень заботятся о томъ, чтобы всѣ поднимаемые въ Думѣ вопросы подвергались въ ней всестороннему обсужденію и чтобы въ особенности при этомъ давался достаточный просторъ для выясненія ихъ съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи. Поэтому всякій разъ, когда заходила рѣчь о передачѣ какого-нибудь вопроса въ коммиссію и прекращеніи преній о немъ въ Думѣ, то соціалъ-демократы высказывались противъ этого, отчего, конечно, ходъ дѣла вообще затягивался. Но и кромѣ соціалъ-демократовъ, всякая партійная фракція считала своею обязанностью, даже и не внося никакого новаго освѣщенія въ обсуждаемый вопросъ, все-таки высказать общій взглядъ на него своей партіи. Вообще при разсмотрѣніи всѣхъ вопросовъ очень много времени шло на объясненія отношеній къ нему той или иной партіи, часто даже больше, чѣмъ на уясненіе самаго существа дѣла. При такомъ разнообразно-партійномъ составѣ Думы надо удивляться не тому, что законодательныя работы шли въ ней медленно, но скорѣе тому, что въ ней все же въ теченіе уже первыхъ двухъ-трехъ недѣль успѣло образоваться довольно

прочное большинство и выработался достаточно опредѣленный и согласный образъ дѣйствій, который, притомъ, вырабатывался подъ вліяніемъ и другой постоянно дѣйствовавшей причины, мѣшавшей свободной и спокойной работѣ Думы—недоброжелательнаго и, можно сказать, вызывающаго отношенія къ ней правительства. Уже въ декларацiи предсѣдателя совѣта министровъ, представитель правительства, хотя и заявлялъ о своей готовности помогать Думѣ въ ея работѣ, но въ то же время очень категорически высказывалъ, что правительство имѣетъ на самые важные вопросы взгляды совершенно различные отъ раздѣляемыхъ большинствомъ Думы и, сознавая свою силу, не намѣрено дѣлать никакихъ уступокъ. «Не запугаете!» Таково было характерное обращеніе къ Думѣ премьеръ-министра. То же отношеніе,—опираясь на свое формальное право и на свою реальную силу,—игнорировать самыя задушевныя желанія народнаго представительства, выразилось затѣмъ въ позиціи, занятой министерствомъ по вопросу объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, когда г. Столыпинъ заявилъ, что на основаніи 56 ст. учр. Госуд. Думы этотъ вопросъ можетъ рѣшиться Думой не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ его внесенія, а на основаніи 87 ст., пожалуй, и вовсе не подлежитъ разсмотрѣнію Думы. Извѣстно, что на основаніи послѣдней статьи, дѣйствіе закона, введеннаго въ промежуткѣ между сессіями Думы, продолжается лишь два мѣсяца послѣ созыва новой Думы. Этихъ двухъ мѣсяцевъ своего права на казни министерство не пожелало уступить Думѣ, и теперь, когда окончится срокъ дѣйствія военно-полевыхъ судовъ, они уничтожатся,—если не будутъ введены подъ какимъ-нибудь новымъ видомъ, исключающимъ ихъ неприкосновенность для Думы,—сами собой, а не по иниціативѣ Думы. Далѣе началось постоянное вмѣшательство предсѣдателя совѣта министровъ во внутренніе распорядки Думы: затрудненія для журналистовъ и сторонникъ посѣтителей Думы, причемъ г. Столыпинымъ дѣлались распоряженія, прямо отмѣняющія распоряженія Думы. Наконецъ, эти вмѣшательства перешли на болѣе серьезную почву: сначала министръ запретилъ земствамъ давать прямые отвѣты предсѣдателю думской продовольственной комиссіи и потребовалъ отъ предсѣдателя Думы прекращенія запросовъ къ земскимъ управамъ; затѣмъ предъявилъ требованіе, чтобы въ думскія комиссіи не приглашались постороннія свѣдущія лица и потребовалъ отъ предсѣдателя Думы сообщить ему «въ самомъ непродолжительномъ времени, какія мѣры имъ приняты, или будутъ приняты, къ огражденію установленнаго закономъ порядка». На просьбу предсѣдателя Думы не отказать въ увѣдомленіи, на основаніи какихъ статей закона предсѣдатель совѣта министровъ обращается къ нему съ такимъ запросомъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что всѣ думскіе распорядки должны устанавливаться по соглашенію обоихъ предсѣдателей, но такъ какъ въ данномъ случаѣ такого соглашенія нѣтъ, то онъ, Столыпинъ, считаетъ себя вынужденнымъ сдѣлать строжайшее распоряженіе объ охранѣ Таврическаго дворца, такъ что въ думскія комиссіи не допускались постороннія лица. На указанія

Головина, что приглашеніе свѣдущихъ лицъ разрѣшено 44 ст. думскаго наказа, признанной законною сенатомъ, Столыпинъ отвѣчаетъ, что въ нынѣшнемъ году сенатъ можетъ ее пересмотрѣть и отвергнуть. Таково реальное содѣйствіе правительства думской работѣ и еще притомъ по такому вопросу, какъ изслѣдованіе положенія продовольственнаго дѣла, по которому, послѣ инцидентовъ Гурко-Лидваля и бар. Фредерикса, министерству, казалось бы, менѣе всего было основаній вступать въ конфликтъ съ Думой. Относясь такимъ образомъ къ Думѣ вообще, правительство не лучше относится и къ отдѣльнымъ ея членамъ, кромѣ, разумѣется, крайнихъ правыхъ. Всѣ остальные, особенно крайніе лѣвые, находятся подъ подозрѣніемъ и подъ особымъ полицейскимъ надзоромъ: у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлаются обыски, ихъ письма и телеграммы подвергаются просмотру; когда они ѣдутъ къ себѣ домой, то полиціи немедленно предписывается строго слѣдить за ними и не допускать сношеній и собесѣдованій съ ними мѣстнаго населенія. Таковы условія, при которыхъ членамъ Думы приходится вести свою и безъ того тяжелую и утомительную работу. Къ этому надо прибавить ограниченность правъ Думы, на каждомъ шагу ставящая ей препятствія къ удовлетворенію самыхъ насущныхъ нуждъ народной жизни, такъ какъ даже въ бюджетной сферѣ, всюду составляющей неотъемлемую область вѣдѣнія народнаго представительства, половина статей государственной смѣты или совершенно недоступна воздѣйствію Думы, или можетъ быть измѣнена только въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. пройдя черезъ Государственный Совѣтъ и утвержденіе верховной власти, а въ остальной половинѣ очень значительная часть фактически не подлежитъ измѣненію, ибо по этимъ статьямъ смѣты правительствомъ уже начато выполненіе и приняты не могущія быть нарушенными обязательства. Но и помимо такихъ формально-законныхъ препятствій, не позволяющихъ Думѣ касаться то того, то другого предмета государственной дѣятельности, существуютъ другія препятствія, совершенно незаконныя или внѣзаконныя, съ которыми однако, именно въ силу этой ихъ внѣзаконности, приходится, пожалуй, еще болѣе считаться. Надъ Думой постоянно виситъ Дамокловъ мечъ роспуска, и хотя условія его не подлежатъ никакому предусмотрѣнію и могутъ каждый день мѣняться, вслѣдствіе чего и дѣйствительно каждый день появляются новые слухи или о немедленномъ роспускѣ, или объ отсрочкѣ его, но тѣмъ не менѣе существуютъ нѣкоторыя указанія на большую возможность роспуска въ случаѣ, если Думой будутъ затронуты въ нежелательномъ для высшихъ сферъ направленіи именно нѣкоторые вопросы. Къ числу такихъ вопросовъ по слухамъ, циркулирующимъ въ высшихъ административныхъ кругахъ за послѣднее время, принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующіе: принятіе рѣшенія относительно принудительнаго отчужденія земель на началахъ, развитыхъ первой Думой; какое-либо посягательство на прерогативы верховной власти, неутвержденіе бюджета, при условіи сдѣланныхъ правительствомъ уступокъ въ предѣлахъ бюджетныхъ правъ Думы, или отказъ въ санкціонированіи займа,

поскольку его необходимость будетъ доказана по существу; принятіе рѣшенія или резолюціи объ отвѣтственномъ министерствѣ; наконецъ, созданіе непосредственной связи между Думой и какими-либо политическими или общественными группами населенія. Если эти слухи вѣрны, а ничто не мѣшаетъ имъ быть и вѣрными, то понятно, какимъ затруднительнымъ является положеніе Думы, такъ какъ, кромѣ вопроса о прерогативахъ короны, посягать на которыя Дума несомнѣнно не имѣетъ никакого желанія, всѣ остальные вопросы такого рода, что не коснуться ихъ такъ или иначе является для Думы совершенно невозможнымъ.

Но, при такихъ условіяхъ думской работы, не будетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, правильнѣе смотрѣть на Думу, подобно соціалъ-демократамъ, исключительно какъ на средство для политическаго воспитанія и подготовки общества, не дѣлая себѣ иллюзій насчетъ возможности дѣйствительно серьезной законодательной работы Думы, такой работы, которая или дала бы дѣйствительное удовлетвореніе народнымъ нуждамъ, или, по крайней мѣрѣ, подготовила бы условія, при которыхъ это удовлетвореніе сдѣлается возможнымъ. Въ такомъ случаѣ не правильнѣе ли будетъ поставить главной задачей Думы выясненіе политическихъ принциповъ въ общихъ засѣданіяхъ? «Мы, соціалъ-демократы,—говорилъ депутатъ Церетели,—придаемъ огромное значеніе обсужденію вопросовъ въ общихъ собраніяхъ Государственной Думы. Слѣдя за этими собраніями, страна можетъ слѣдить за дѣйствіями народныхъ представителей, слѣдить за тѣмъ, какъ комбинируются партіи, представленныя въ Думѣ и можетъ учесть политическую равнодѣйствующую всѣхъ партій». Въ этихъ сужденіяхъ есть одно несомнѣнно правильное основное положеніе, состоящее въ томъ, что дѣятельность Думы должна быть постоянно на виду у всего народа, такъ какъ только ихъ постоянное взаимодѣйствіе можетъ и дать реальную силу Думѣ, и способствовать политической организаціи народа. Народъ будетъ цѣнить Думу и дѣйствующія въ ней партіи сообразно ихъ отношенію къ важнымъ для народной жизни общественнымъ задачамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ посредство Думы будетъ и самъ вырабатывать себѣ болѣе ясныя и опредѣленныя точки зрѣнія на эти задачи. Съ другой стороны, и Дума, прислушиваясь къ голосу народа, можетъ черезъ его посредство провѣрять свои собственныя сужденія и разсчитывать, какія ея дѣйствія встрѣтятъ или нѣтъ поддержку въ народѣ. Но едва ли можно признать правильными дальнѣйшіе выводы изъ этого вѣрнаго положенія, которые дѣлаются соціалъ-демократами, т.-е. что думскія рѣчи важнѣе думской законодательной работы. Едва ли этотъ выводъ правиленъ даже съ точки зрѣнія той ц
которую ставитъ себѣ соціалъ-демократическая фракція. Прежде всего
данномъ случаѣ переоцѣнивается сила слова, поскольку она проявляе
въ думскихъ рѣчахъ, публикуемыхъ въ газетахъ. Сколько было сказ
хорошихъ, содержательныхъ и даже краснорѣчивыхъ рѣчей въ прош
Думѣ и—что теперь отъ нихъ осталось? Бываютъ иногда случаи, к
энтузіазмъ краснорѣчиваго оратора можетъ увлечь за собой толпу, но и

на какое-нибудь дѣло, немедленно подлежащее исполненію. Думскія же рѣчи, имѣющія въ виду не самую Думу, съ практической цѣлью принятія какого-нибудь постановленія, а разсчитанныя на дѣйствія внѣ Думы, въ обществѣ или народѣ, лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, при необыкновенной талантливости оратора, могутъ имѣть значеніе большее, чѣмъ хорошо написанная брошюра, трактующая о томъ же предметѣ, что и сказанная рѣчь. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ внесенный въ Думу и напечатанный въ газетахъ законопроектъ. Читатель интересуется имъ уже не какъ разсужденіемъ болѣе или менѣе теоретическимъ, но какъ нѣкоторымъ реальнымъ общественнымъ фактомъ. Отъ того, пройдетъ ли онъ въ данномъ видѣ, или съ такими-то измѣненіями и поправками, исходящими отъ разныхъ партій, а тѣмъ болѣе будетъ ли онъ принятъ или существенно измѣненъ по требованію правительства въ Государственномъ Совѣтѣ,—отъ всего этого будетъ впослѣдствіи въ извѣстной мѣрѣ зависѣть и реальная жизнь. Поэтому и отношеніе народа къ такому законопроекту, къ возникающей вокругъ него борьбѣ и къ разнымъ партійнымъ, правительственнымъ и общественнымъ факторамъ, принимающимъ участіе въ его проведеніи въ жизнь,—пріобрѣтаетъ болѣе конкретный характеръ и выражается въ формѣ болѣе живой симпатіи или вражды. Вокругъ него происходитъ естественная группировка мнѣній и взглядовъ не только въ Думѣ, но и внѣ Думы, въ общественныхъ и профессіональныхъ собраніяхъ, въ крестьянскихъ и рабочихъ сходкахъ и митингахъ. На этой почвѣ сближеніе народа съ Думой совершится болѣе естественно и получитъ болѣе живой и реальный характеръ. Поэтому даже въ интересахъ такого сближенія органическая работа Думы имѣетъ громадную важность.

Вообще дѣятельность второй Думы даетъ то впечатлѣніе, что, несмотря на болѣе лѣвый характеръ ея большинства, она,—если не считать выходокъ крайнихъ правыхъ, вродѣ Пуришкевича,—болѣе даже спокойна, сдержанна и осторожна, чѣмъ первая Дума. Это въ особенности замѣтно въ ея отношеніяхъ къ правительству и его представителямъ. Не слышно криковъ «въ отставку», сопровождавшихъ въ первой Думѣ каждое выступленіе министровъ и чиновниковъ. Не было и такого взрыва негодованія, какимъ сопровождалось появленіе на думской трибунѣ главнаго военнаго прокурора Павлова, хотя чѣмъ лучше Павлова по отношенію къ военно-полевымъ судамъ и казнямъ тотъ же Столыпинъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти вновь появившіеся на думской аренѣ с. д-ки и с. р-ы чувствуютъ къ правительству и его представителямъ еще меньшую симпатію, чѣмъ кадеты и трудовики первой Думы. Но въ психологіи всей Думы, взятой какъ цѣлое, произошли значительныя измѣненія. Первая Дума вѣрила въ свою моральную силу, или, лучше сказать, въ то, что правительство признаетъ за ней эту силу и не рѣшится коснуться до нея: это была та идея, которая была выражена въ аллегоріи Родичева о Казанскомъ соборѣ. Нынѣшняя Дума прониклась убѣжденіемъ въ томъ, что ея моральная сила не имѣетъ въ настоящее время вліянія на правительство. Въ то же

время Дума, хладнокровно оцѣнивая реальное соотношеніе общественныхъ силъ, видитъ, что правительству, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, повидимому и нѣтъ причины пугаться. Этимъ и обусловлено существенное различіе тактики первой и второй Думы. Первая Дума полагала, что тотъ государственный строй, представителемъ котораго было правительство, уже совсѣмъ близокъ къ разрушенію; нынѣшняя Дума видитъ, что хотя этотъ строй и носитъ въ себѣ элементы неизбѣжнаго разрушенія, но процессъ этого разрушенія можетъ продолжаться очень долго, подобно тому, какъ бываютъ чахоточные больные, совершенно не имѣющіе надежды на выздоровленіе, но въ теченіе многихъ лѣтъ продолжающіе жить и дѣйствовать. Наглядньмъ примѣромъ такого государственнаго организма, разрушающагося въ теченіе десятковъ лѣтъ и однако продолжающаго функціонировать, не измѣняя своего внутренняго характера, представляетъ въ настоящее время Турція. Въ ней хронически происходятъ безпорядки во всѣхъ ея частяхъ, финансы находятся въ совершенномъ разстройствѣ, между тѣмъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ все обстоитъ попрежнему; войско есть и можетъ подавить всякое возмущеніе, грозящее старому порядку; деньги тоже тѣмъ или инымъ путемъ всегда находятся, не для того, конечно, что нужно народу, а для того, что нужно правительству. Этотъ примѣръ достаточно поучителенъ, чтобы видѣть, какъ правительство можетъ сохранять свою прочность при совершенномъ, повидимому, разложеніи государственнаго строя. Въ Турціи то же была и конституція, формально закрѣпленная бумажнымъ актомъ, исходящимъ отъ главы государства; она и сейчасъ не отмѣнена, но фактически правительство отобрало ее очень скоро послѣ ея изданія и съ тѣхъ поръ въ теченіе десятковъ лѣтъ управляетъ страной по старому. Разница во взглядахъ на прочность правительства должна была, конечно, отразиться и на различіи тактики первой и второй Думы. Съ противникомъ, занимающимъ сильныя позиціи, слѣдовало, конечно, принять систему крайне осторожныхъ маневровъ, не раздражая его напрасно и не подставляя себя подъ его удары. Такую систему и приняла и до сихъ поръ выполняла вторая Государственная Дума.

Много разговоровъ внутри Думы и внѣ ея возбуждалъ вопросъ о томъ, какъ въ своей борьбѣ съ правительствомъ Дума должна отнестись къ утвержденію бюджета. При этомъ высказывались слѣдующія соображенія: утвержденіемъ бюджета Дума дастъ правительству возможность укрѣпить свою финансовую репутацію за границей, и тѣмъ самымъ позволитъ ему сдѣлать тамъ новый заемъ, т.-е. получить въ свои руки деньги, которыя имъ будутъ употреблены не на что другое, какъ на борьбу съ народнымъ движеніемъ и на укрѣпленіе своихъ боевыхъ позицій противъ народа. въ то же время, получивши утвержденіе бюджета, правительство не будетъ уже имѣть основанія сохранять самую Думу, которая только для того и нужна, что безъ Думы за границей не дадутъ денегъ. Такимъ образомъ, утверждая бюджетъ, говорятъ нѣкоторые, Дума даетъ оружіе противнику; утверждая бюджетъ ранѣе, чѣмъ разрѣшены важнѣйшіе

вопросы: земельный, о мѣстномъ самоуправленіи и т. п.,—говорятъ другіе,—Дума отнимаетъ у себя главнѣйшую защиту противъ роспуска. Мы думаемъ, что то и другое соображеніе едва ли такъ вѣско, какъ это многимъ кажется. Едва ли возможность заграничнаго займа находится въ такой зависимости отъ утвержденія Думой бюджета, или даже отъ самаго существованія Думы, какъ это многіе думаютъ. Не только для заграничныхъ банкировъ, но и для заграничныхъ правительствъ и денежной публики важно при заключеніи займа не то, хорошъ или худъ русскій общественный и государственный строй, а только проченъ ли онъ, т.-е., попросту говоря, будетъ ли русское правительство исполнять свои обязательства. Но, если бы даже предположить возможность затрудненій при исполненіи этихъ обязательствъ, то и это имѣло бы своимъ послѣдствіемъ не отказъ въ займѣ, а только заключеніе его на менѣе выгодныхъ условіяхъ. Рискъ былъ бы учтенъ въ лишнихъ процентахъ или въ требованіи лишняго обезпеченія. Еще раньше созыва Думы ходили слухи о возможности займа подъ обезпеченіе нѣкоторыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, или о прямой продажѣ ихъ иностраннымъ капиталистамъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что если не дѣлалось прямой попытки въ этомъ смыслѣ, то подготовлялась почва для нея. То же самое можетъ произойти и послѣ Думы, и конечно, русское правительство и тогда не потеряетъ кредитъ настолько, чтобы не заключить заемъ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Такимъ образомъ результатомъ отказа Думы въ утвержденіи бюджета можетъ быть лишь то, что подати будутъ собираться и безъ утвержденія Думы, а заемъ будетъ заключенъ на условіяхъ болѣе тяжелыхъ, и эти тяжелыя условія въ концѣ-концовъ лягутъ не на правительство, а на народъ. Поэтому нельзя не согласиться съ большинствомъ Думы, что наиболѣе правильно было не только по существу дѣла, но и съ тактической точки зрѣнія, поступить относительно бюджетнаго вопроса именно такъ, какъ поступлено было Думой, т.-е. передать государственную смѣту въ коммиссію для детальнаго разсмотрѣнія ея по существу.

Теперь мы въ нѣсколькихъ словахъ передадимъ послѣдовательный ходъ дѣлъ въ Думѣ.

Послѣ министерской декларации, Дума въ теченіе двухъ дней занималась продовольственнымъ вопросомъ. Онъ не стоялъ на очереди, но по существу своему былъ, конечно, таковъ, что какъ только одинъ изъ ораторовъ коснулся его, такъ отовсюду послышались рѣчи о нуждѣ, о голодѣ, о недостаточной помощи и о необходимости для Думы немедленно принять мѣры къ оказанію этой помощи. Сразу рѣшаютъ выбрать особую продовольственную коммиссію. Но что будетъ дѣлать эта коммиссія? Послѣ долгихъ разговоровъ на эту тему депутатъ Родичевъ вноситъ, наконецъ, предложеніе, поручить коммиссіи разсмотрѣніе и повѣрку отчетности министерства внутреннихъ дѣлъ по продовольственному дѣлу.

Съ лѣвой стороны предлагаются поправки и дополненія, по поводу ко-

торыхъ представители лѣвыхъ фракцій разъясняютъ взгляды своихъ партій. Членъ народно-соціалистической партіи, депутатъ Баскинъ предлагаетъ поручить коммиссіи, кромѣ контроля надъ дѣятельностью правительства, выработать законопроектъ объ организаціи выборныхъ мѣстныхъ комитетовъ для помощи голодающимъ; на немедленномъ же открытіи мѣстныхъ продовольственныхъ комитетовъ настаивали и представители трудовой группы и фракціи с.-р. Соціалъ-демократъ Джапаридзе заявляетъ, что народу нужно прямо сказать ту правду, что Государственная Дума сейчасъ не можетъ оказать дѣйствительной помощи населенію, указавши причину голода и его виновниковъ. Контролируя дѣятельность правительства, Дума должна собирать на мѣстахъ свѣдѣнія о голодѣ и безработицѣ, а также и о ихъ экономическихъ и политическихъ причинахъ. Депутатъ Алексинскій пользуется продовольственнымъ вопросомъ для рѣзкой полемики противъ конституціоналистовъ-демократовъ, доказывая, что если они и могутъ идти заодно съ лѣвыми въ вопросахъ политическихъ, то въ вопросахъ экономическихъ, въ вопросахъ желудка, какъ онъ выражается, они всегда будутъ вмѣстѣ съ правыми. Онъ упрекаетъ кадетовъ въ излишней легальности: мы, говоритъ онъ,—продуктъ новаго права и должны дѣйствовать на основаніи этого права. Депутаты І. В. Гессенъ, Кизеветтеръ и Родичевъ доказываютъ, что при существующихъ реальныхъ условіяхъ для коммиссіи только и возможна та задача, которая поставлена ей предложеніемъ Родичева. Неожиданно выступаетъ предсѣдатель совѣта министровъ, заявляющій, что онъ тоже присоединяется къ предложенію Родичева. Въ рѣчи своей онъ признаетъ за Думой право образовывать коммиссіи, право контроля и запросовъ и право требовать у правительства всякихъ разъясненій, обѣщая дать всѣ такія разъясненія и по продовольственному вопросу. Заявленіе это производитъ то впечатлѣніе, что правительство готово пойти на уступки. Мы уже выше видѣли, что на практикѣ какъ разъ по продовольственному вопросу и произошелъ первый конфликтъ между предсѣдателемъ совѣта министровъ съ президіумомъ Думы. Поставленныя на баллотировку, всѣ предложенія лѣвыхъ фракцій объ организаціи коммиссіи продовольственнаго контроля на мѣстахъ и о выработкѣ той же коммиссіей законопроекта по продовольственному дѣлу отклоняются приблизительно двумя третями голосовъ и затѣмъ принимается предложеніе Родичева объ избраніи коммиссіи изъ 33 человѣкъ съ чисто-контрольными, ревизующими функціями. Правые голосовали съ большинствомъ.

Сходныя пренія происходили по вопросу объ оказаніи помощи без ботнымъ; въ нихъ точно такъ же выяснилось главнымъ образомъ разли во взглядахъ лѣвыхъ фракцій и к.-д. на характеръ задачъ Думы; хо впрочемъ, результатъ получился нѣсколько иной. Разница была еще и томъ, что правые, устранившіеся по продовольственному вопросу, вы пили на этотъ разъ съ заявленіями, что вопросъ о безработныхъ

имѣетъ никакой важности и долженъ быть снятъ съ очереди, чтобы не заслонять собою аграрный вопросъ, на который должно быть обращено вниманіе Думы. Такимъ образомъ, въ тактикѣ правыхъ проявилась на этотъ разъ нѣкоторая система—выставленіе впередъ яко бы крестьянскихъ требованій. Споръ между лѣвыми и центромъ сводился главнымъ образомъ опять къ тому же вопросу о разслѣдованіи положенія дѣла на мѣстахъ, котораго требовали лѣвые. Въ преніяхъ принялъ участіе г. Философовъ, министръ торговли и промышленности, высказавшій, что онъ ничего не имѣетъ противъ ассигновки извѣстной суммы на безработныхъ, но считаетъ, что Дума не имѣетъ права производить разслѣдованіе о безработицѣ на мѣстахъ. Кромѣ того, онъ считаетъ, что правительство можетъ приходить на помощь безработнымъ, потерявшимъ работу вслѣдствіе промышленнаго кризиса или стихійныхъ причинъ, но не по собственной волѣ отъ забастовокъ. На такого рода ассигновки правительство никогда не пойдетъ. Послѣднее заявленіе, какъ, впрочемъ, и вся рѣчь министра, было высказано очень рѣшительнымъ, можно сказать, начальническимъ тономъ. Тѣмъ не менѣе, когда на баллотировку была поставлена поправка депутата Церетели о томъ, чтобы изъ постановленія о задачахъ комиссіи были вычеркнуты слова—пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса, то поправка эта была принята большинствомъ 223 голосовъ противъ 202, при 11 воздержавшихся, и задача комиссіи (изъ 19 членовъ) опредѣлена такъ, что она должна обсудить вопросъ о размѣрѣ денежныхъ средствъ, которыя государство должно ассигновать на помощь безработнымъ, изыскать способъ и форму оказанія этой помощи и собрать свѣдѣнія о безработныхъ. Но относительно разслѣдованія на мѣстахъ большинство Думы, противъ 158 голосовъ, признало что вопросъ о способахъ такого разслѣдованія представляется невыясненнымъ.

Гораздо болѣе яркую и дружную картину представляла Государственная Дума во время засѣданія, посвященнаго вопросу объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Нѣкоторыя изъ произнесенныхъ по этому поводу рѣчей напомнили лучшія времена первой Думы. Противъ предложенія были, конечно, только крайніе правые. Сначала они требовали отсрочки его разсмотрѣнія по формальнымъ причинамъ, въ чемъ встрѣтили поддержку со стороны министра юстиціи Щегловитова. Затѣмъ съ ихъ стороны говорили по существу дѣла Шульгинъ и Пуришкевичъ, оба дошедшіе до предѣловъ неприличія. Первый изъ нихъ взводитъ обвиненіе на В. Г. Короленка въ убійствѣ Филонова, второй развязно остроумничаетъ о «муравьевскихъ галстукахъ», вызывая въ Думѣ, несмотря на всю ея сдержанность, выраженія негодованія. Правые ораторы особенно настаиваютъ на сопоставленіи военно-полевыхъ судовъ и производимыхъ ими казней съ террористическими актами, совершаемыми революціонерами. Замѣчательно, что въ этомъ съ ними сходится и премьеръ-министръ. Онъ признаетъ, что защищать военно-полевую юстицію какъ юридическій институтъ невозможно, но онъ

защищаетъ военно-полевые суды, какъ средство необходимой обороны. «Спасеніе государства,—патетически восклицаетъ онъ,—должно быть выше права!» Въ заключеніе онъ, подобно правымъ ораторамъ, выражаетъ надежду, что Дума своимъ словомъ будетъ содѣйствовать прекращенію въ странѣ революціоннаго движенія, а пока обѣщаетъ ограничить примѣненіе казней лишь исключительными случаями. Дѣйствительно, казни за послѣднее время пріостановились, и никакой особой опасности для государства не произошло. Конечно, онѣ могли безъ всякой опасности быть пріостановлены и раньше, могутъ быть прекращены и совсѣмъ; для этого нужно только, чтобы правительство или высшія сферы дѣйствительно захотѣли этого. Но они этого не хотятъ, и отмѣна военно-полевыхъ судовъ по чисто-формальной причинѣ откладывается. Но, если изъ этого предложенія не получилось немедленнаго практическаго результата, то оно послужило для яркаго выраженія чувствъ огромнаго большинства Думы. Самая блестящая рѣчь о военно-полевыхъ судахъ была сказана депутатомъ Маклаковымъ. Въ короткомъ изложеніи, конечно, невозможно передать производимаго ею впечатлѣнія; но мы все-таки приведемъ изъ нея нѣкоторыя слова. «Предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ, что власть хранительница государственности; я совершенно согласенъ съ этимъ положеніемъ; но я не знаю, какъ тѣ, кто апплодировалъ этимъ словамъ, не видятъ того, что военно-полевые суды есть учрежденіе глубоко антигосударственное, что даже одно номинальное существованіе ихъ, если бы они даже и не примѣнялись, уничтожаетъ государство какъ правовое явленіе и превращаетъ его въ простое состязаніе физическихъ силъ, максимализмъ сверху и снизу. Что значитъ бороться съ революціей посредствомъ репрессіи? Это значитъ издать законъ, который увеличитъ уголовную кару за опредѣленное преступленіе—законъ, который бы примѣнялся ко всѣмъ—судомъ равнымъ для всѣхъ. Но чего больше всего боится наше правительство, это—общаго закона. У насъ смертной казни не существуетъ, но у насъ есть 17 ст. полож. объ усиленной охранѣ, предоставляющая генералъ-губернаторамъ право разсматривать военно-полевымъ судомъ дѣла по ихъ усмотрѣнію. Не законъ, а усмотрѣніе опредѣляетъ норму, которая примѣняется къ подсудимымъ. Въ теченіе одного года мы знаемъ, что вѣшали за убійство городового и не вѣшали за убійство министра. Мы совершенно не знаемъ, какому суду подлежитъ то или другое дѣло: судебной палатѣ, военно-окружному суду или полевому суду. Но когда есть три закона,—то нѣтъ совсѣмъ закона. Нѣтъ суда тамъ, гдѣ нѣтъ свободы сужденія. По закону военный судъ можетъ смягчить наказаніе; но существуетъ тайный циркуляръ о тайномъ Высочайшемъ повелѣніи, которымъ судамъ запрещено пользоваться этимъ правомъ. Военно-полевые суды лишены права даже вникать въ фактическую сторону дѣла, такъ какъ законъ 19 августа высказано, что они примѣняются лишь при очевидности преступленія. Намъ говорили, что ударяя по революціи, нельзя быть

задѣть частныхъ лицъ; но здѣсь были задѣты не частныя лица, здѣсь были уничтожены основы государственности... Какъ ни ужасны террористическіе акты, но еще ужаснѣе дѣла военно-полевыхъ судовъ. Въ первомъ случаѣ есть надежда спастись, есть возможность убѣжать. А у васъ, у васъ поставятъ человѣка передъ четырьмя офицерами и объявятъ ему о смерти. Ему говорятъ о казни, какъ будто для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ, надъ его родными, которые ждутъ, что черезъ два часа его, молодого, здороваго, уже не будетъ въ живыхъ. Его ведутъ къ висѣлицѣ, какъ скотъ на убой, и въ присутствіи доктора, прокурора и священника, кощунственно присутствующихъ, убиваютъ публично. Вотъ весь ужасъ убійства — ужасъ, который превосходитъ всѣ эксцессы революціонныхъ ужасовъ. По части жестокости вы съ вашими полевыми судами побили всякій рекордъ». Рѣчь Маклакова произвела очень большое впечатлѣніе и была встрѣчена громомъ рукоплесканій слѣва и въ центрѣ. Если не съ такимъ же краснорѣчіемъ, то съ не менѣе искреннимъ и горячимъ чувствомъ говорилъ священникъ Тихвинскій. Высказавъ, что, если всякое убійство есть преступленіе, то убійство по суду, убійство въ христіанскомъ обществѣ, убійство во имя Бога есть преступнѣйшее изъ убійствъ, о. Тихвинскій воскликнулъ: «Что я, священникъ, скажу присужденному къ смертной казни, придя въ его камеру? Я могу только пасть къ его ногамъ и просить его о прощеніи общества, которое само не знаетъ прощенія... Отъ представителя власти мы слышали недавно, что здѣсь не скамья подсудимыхъ. Господа, сегодня это для нихъ скамья подсудимыхъ. Я бѣдный сельскій священникъ, но я съ ужасомъ бѣжалъ бы отъ этой скамьи. Сюда, на эту трибуну,—заключилъ онъ, обращаясь къ двумъ епископамъ-депутатамъ, — должны войти святители церкви и заявить, что смертная казнь противна Христу». Одинъ изъ епископовъ, Евлогій, принужденъ былъ отвѣтить на вызовъ, что «съ христіанской точки зрѣнія никакая смертная казнь, никакое насильственное отнятіе жизни, никакое пролитіе крови не должно быть допущено, не можетъ быть одобрено». Это заявленіе вызвало выраженіе сочувствія отъ всего центра. Но вслѣдъ за этимъ епископъ Евлогій счелъ нужнымъ дополнить, что, если осуждать военно-полевые суды и ихъ казни, то, чтобы быть искренними и послѣдовательными, слѣдуетъ высказать также осужденіе всѣмъ террористическимъ актамъ не менѣе ужаснымъ. Эта тема, что Дума должна высказать свое осужденіе террористическимъ актамъ, неоднократно выдвигалась депутатами правой фракціи, которые даже имѣли, какъ говорятъ, намѣреніе выступить съ опредѣленнымъ предложеніемъ въ этомъ смыслѣ. Она же высказывалась и въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ и вообще многіе видятъ въ ней побѣдоносное указаніе на неискренность Думы, не рѣшающейся будто бы принять этого предложенія по тайному сочувствію къ террористамъ. Между тѣмъ все это разсужденіе представляетъ не что иное, какъ софизмъ, построенный на неправильномъ пониманіи задачъ

Думы. Дума есть учрежденіе законодательное и контролирующее дѣятельность правительства. Когда вопросъ ставится о военно-полевыхъ судахъ, о смертной казни, объ исключительномъ положеніи, то результатомъ неодобренія Думою этихъ институтовъ является законопроектъ объ ихъ отмѣнѣ; разсматривая и разрѣшая его, Дума остается вполнѣ въ предѣлахъ своей законодательной компетенціи. Но что будетъ значить неодобреніе террористическихъ актовъ, совершаемыхъ частными лицами? Они и безъ того не только не одобряются, но преслѣдуются и очень строго наказываются уголовнымъ закономъ. Что же прибавится къ такому положенію вещей отъ теоретическаго выраженія Думой своего неодобренія? И входятъ ли такія теоретическія заявленія въ число предметовъ дѣятельности Думы? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что члены Думы не одобряютъ нарушенія всѣхъ десяти заповѣдей; но имѣетъ ли Дума, какъ учрежденіе, какое-нибудь основаніе заявлять о такомъ неодобреніи? Для насъ совершенно ясно, что тѣ правые члены Думы, которые именно упрекаютъ большинство въ недостаткѣ дѣловитости, этимъ предложеніемъ хотятъ вывести Думу изъ сферы практической дѣятельности и направить ее на путь безцѣльныхъ демонстрацій.

Очень много времени посвящено было Думой вопросамъ бюджетному и аграрному. Но въ сущности реальная разработка того и другого будетъ происходить въ избранныхъ для этого коммиссіяхъ, и намъ придется еще говорить о нихъ тогда, когда коммиссія представитъ по тому и другому вопросу конкретныя предложенія. Вѣроятно, работа этихъ коммиссій займетъ много времени, въ первой вслѣдствіе необходимости изучить всѣ детали государственной смѣты, а во второй—вслѣдствіе разнообразія мнѣній, подлежащихъ соглашенію. Аграрная коммиссія очень многочисленна: она состоитъ изъ лицъ, составъ которыхъ опредѣленъ былъ желаніемъ ввести въ нее, съ одной стороны, представителей всѣхъ думскихъ партій, съ другой—представителей различныхъ мѣстностей, отличающихся разнообразными условіями землевладѣнія. Послѣднее обстоятельство крайне важно, такъ какъ, только принявъ во вниманіе всѣ эти мѣстныя особенности, Дума можетъ выработать законопроектъ, могущій имѣть практическое примѣненіе. Весьма вѣроятно, что въ самомъ законопроектѣ для разныхъ мѣстностей будутъ сдѣланы соотвѣтственныя измѣненія. Все это требуетъ участія въ его обсужденіи людей близко знакомыхъ съ мѣстною жизнью. Между тѣмъ правительство, какъ мы видѣли, нисколько не способствуетъ, а напротивъ препятствуетъ такому привлеченію къ работамъ Думы мѣстныхъ людей. Да и вообще, несмотря на словесныя увѣренія правительства въ готовности помогать работамъ Думы, послѣдняя постоянно наталкивается на препятствія со стороны то того, то другого министерства. Т. государственный контролеръ г. Шванебахъ отказался сообщить думс бюджетной коммиссіи свой всеподданнѣйшій отчетъ за 1905 г., мотивируя свой отказъ тѣмъ, что на осн. 40 ст. учр. Госуд. Думы министры г

ютъ право «отказаться отъ сообщенія Думѣ разъясненій по такимъ предметамъ, кои по соображеніямъ государственнаго порядка не подлежатъ оглашенію». Положимъ, такая статья дѣйствительно существуетъ, какъ и вообще есть много статей, дающихъ правительству возможность мѣшать свободному ходу думской работы. Но неужели, если возможно мѣшать, то и нужно мѣшать? Вѣдь по существу дѣла нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что отчетъ государственнаго контролера представлялъ бы не только полезное, но почти необходимое пособіе для контролирующей работы Думы. И хорошо отношеніе исполнительной власти къ законодательной: министръ собственнымъ усмотрѣніемъ рѣшаетъ, что Дума недостойна его довѣрія, что ей нельзя сообщать такихъ свѣдѣній, которыя не только извѣстны ему, министру, но, конечно, и его канцеляріи. Что же въ этомъ отчетѣ можетъ быть такого, о чемъ не слѣдуетъ знать Думѣ? Невольно является предположеніе, что тамъ есть что-то такое, что было бы сочтено неправильнымъ Думой. Стало быть, эти неправильности должны быть сохранены, и государственный контролеръ считаетъ охрану ихъ противъ народнаго представительства своею служебною обязанностью.

Не довольствуясь затрудненіями, ставимыми на пути думской работы, правительство начинаетъ дѣйствовать и противъ состава Думы, продолжая ту кампанію, которая велась во время выборовъ съ цѣлью устраненія изъ состава Думы лицъ непріятныхъ правительству. Средствомъ для этого является тоже привлеченіе депутатовъ къ слѣдствію, по обвиненію ихъ въ политическихъ преступленіяхъ. На этотъ разъ были привлены три депутата: Кузнецовъ, Кунстагъ и Герусъ. Ст. 20 учрежд. Госуд. Думы говоритъ, что членъ Государственной Думы временно устраняется изъ состава Думы, если онъ обвиняется въ преступленіи, влекущемъ за собой потерю или ограниченіе правъ. Но ст. 21 того же учрежд. говоритъ, что это устраненіе можетъ быть только по постановленію Думы. Министръ юстиціи, лично выступившій въ Думѣ по этому поводу, доказывалъ, что разъ Думѣ предъявлено постановленіе судебной власти, то ей не о чемъ уже разсуждать, а слѣдуетъ просто исполнить требованіе 20 ст. Затѣмъ министръ распространяется на тему о томъ уваженіи, съ которымъ надо относиться къ суду и о томъ, что судебные слѣдователи въ случаяхъ привлеченія къ отвѣтственности депутатовъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, руководятся только закономъ, чѣмъ вызываетъ отповѣдь депутата Тесленка. Ораторъ согласенъ, что судъ, созданный судебными установленіями 1864 г., достоинъ высокаго уваженія, но не правительству говорить объ этомъ уваженіи, когда оно въ теченіе сорока лѣтъ разрушало судъ, созданный судебными уставами, введя до 800 искажающихъ его новеллъ. Ораторъ спрашиваетъ министра, гдѣ независимые судьи, суды присяжныхъ, гдѣ непоколебимыя кассаціонныя инстанціи, гдѣ независимая прокуратура? Нынѣшняя прокуратура получаетъ воспитаніе въ жандармскихъ управленіяхъ. Гдѣ самостоятельные судебные слѣдователи? Отъ

нихъ осталось одно воспоминаніе. Судъ былъ храмомъ высшей культуры, общественной совѣсти, но развѣ теперь совѣсть не изгнана изъ храма? Дума, выслушавъ нѣсколькихъ ораторовъ, приходитъ къ заключенію, что она имѣетъ право разсматривать и разрѣшать по существу всѣ требованія судебныхъ слѣдователей о преданіи суду ея членовъ. Разногласіе оказывается главнымъ образомъ лишь по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли отвѣтить сейчасъ или передать всѣ три сообщенія судебныхъ слѣдователей въ комиссію, которой поручить выработать общее положеніе о направленіи дѣлъ такого рода. За немедленное рѣшеніе безъ передачи въ комиссію были соціалистическія партіи и трудовики, а также часть правыхъ. Но Дума большинствомъ 197 голосовъ противъ 175 рѣшила передать всѣ три дѣла въ комиссію.

Противодѣйствіе правительства не имѣло бы такого удручающаго вліянія на ходъ думскихъ работъ, если бы Дума могла разсчитывать найти себѣ нѣкоторую поддержку въ Государственномъ Совѣтѣ. Къ сожалѣнію, разсчитывать на это совершенно невозможно. Государственный Совѣтъ, сначала проявившій себя полнымъ бездѣйствіемъ и неспособностью разобраться даже въ такихъ техническихъ вопросахъ внутренняго распорядка, какъ выборъ комиссіи, въ которую никакъ не могли выбрать 15 человѣкъ, потому что все выходило—16, наконецъ, выступилъ съ заявленіемъ группы своихъ членовъ о запросѣ министру народнаго просвѣщенія по поводу сходокъ, бывшихъ въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ. Усматривая, что на этихъ сходкахъ произносились рѣчи революціоннаго характера, и что должностныя лица, коимъ ввѣрено управленіе учебными заведеніями и на коихъ дѣйствующими узаконеніями возлагается отвѣтственность за охраненіе въ нихъ порядка, не приняли надлежащихъ мѣръ для того, чтобы предупредить противозаконныя сборища, или разсѣять ихъ, члены Государственнаго Совѣта, подписавшіе заявленіе, полагали обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ запросомъ о томъ, имѣли ли дѣйствительно мѣсто такія событія, по чьей винѣ они были допущены и привлечены ли къ отвѣтственности лица, ихъ допустившія. Послѣ рѣчей ораторовъ, мотивировавшихъ запросъ, членъ гос. совѣта А. Н. Сабуровъ предложилъ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Ораторъ высказалъ, что тѣ ненормальныя явленія въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній извѣстны министерству не хуже, а даже лучше, чѣмъ лицамъ, вносящимъ запросъ. Но тѣ мѣры, какія предлагаются, неспособны внести желаемаго всѣми успокоенія. Изъ декларація правительства видно, что оно готовитъ законопроектъ о преобразованіи постановки учебнаго дѣла. Когда онъ будетъ представленъ, то Гос. Сов. будетъ обсуждать его. Теперь же едва ли Гос. Сов. компетентенъ въ выборѣ необходимыхъ мѣръ, которыя притомъ же и принимались ближайшимъ начальствомъ высшихъ учебныхъ заведеній. Ректоръ московскаго университета А. А. Мануйловъ доказывалъ, что освѣщеніе, даваемое фактамъ

авторами запроса, невѣрно; что, напротивъ, университеты, а въ частности Московскій, функціонировали за послѣднее время болѣе правильно, чѣмъ когда-либо. Жизнь высшей школы тѣсно связана съ жизнью всей страны; могла ли перестройка всей страны не отразиться и на жизни высшихъ учебныхъ заведеній? Министръ народнаго просвѣщенія высказалъ, что онъ признаетъ положеніе высшей школы ненормальнымъ, но непринятіе мѣръ до сихъ поръ было сознательнымъ, такъ какъ министерству нуженъ былъ опытъ для того, чтобы узнать, насколько новый порядокъ способствуетъ успокоенію. Вступивъ въ отправленіе своей должности, министръ созвалъ совѣщаніе изъ ректоровъ, декановъ и профессоровъ, и всѣ тогда единогласно рѣшили открыть высшія школы; и теперь будетъ такое же совѣщаніе, которое разсудитъ, должно ли вмѣшаться центральное правительство, или дѣло слѣдуетъ передать тѣмъ, кто и теперь ведетъ. Послѣ объясненій министра вопросъ былъ поставленъ на голосованіе; два раза производилась баллотировка, давшая первый разъ 75 голосовъ за запросъ и 79 за сабуровскую формулу перехода и другой разъ 61 голосъ за запросъ и 89 за формулу, гласившую: признавъ настоящее положеніе вещей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно ненормальнымъ, препятствующимъ правильному теченію академической жизни и угрожающимъ интересамъ просвѣщенія страны, Государственный Совѣтъ, полагая, что совмѣстными усиліями академическихъ совѣтовъ и подлежащихъ министровъ будутъ приняты дѣйствительныя мѣры, при сохраненіи началъ Высочайше дарованныхъ 27 августа 1905 г. правилъ къ возстановленію порядка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Изъ этого примѣра видно, въ какой слабой степени большинство Государственнаго Совѣта можетъ защищать противъ реакціонныхъ нападеній даже тѣ позиціи, на которыхъ держится само правительство. Тѣмъ болѣе трудно ожидать отъ него энергической защиты какихъ-нибудь прогрессивныхъ мѣропріятій, исходящихъ отъ Государственной Думы. Вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, о которой въ прошломъ году былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ законопроектъ первой Думой, рѣшено не разсматривать и комиссію, въ которую онъ былъ переданъ, закрыть, на томъ формальномъ основаніи, что прежняя Дума распущена, а новая не высказала по этому предмету своего мнѣнія. Весьма отлично отъ Думы отнесся Государственный Совѣтъ къ вопросу объ устраненіи изъ его среды избраннаго вологодскимъ земствомъ члена совѣта В. А. Кудряваго, привлеченнаго въ нынѣшнемъ году судебнымъ слѣдователемъ къ обвиненію въ превышеніи власти. Сущность дѣла заключалась въ участіи Кудряваго, вмѣстѣ съ другими лицами, въ организаціи въ октябрѣ 1905 г. такъ назыв. народной милиціи. Съ тѣхъ поръ его не привлекали до настоящаго времени, когда это дѣло было начато судебнымъ слѣдователемъ «по сообщенію отъ начальства». Министръ юстиціи и здѣсь заявилъ, что судъ въ Россіи стоитъ высоко и независимо. Въ результатѣ преній проф. Гримъ формулировалъ

поправку, въ которой высказывалъ, что ни принципіально Государственный Совѣтъ не обязанъ исполнять требованіе судебнаго слѣдователя, и по отношенію къ данному случаю нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ обвиненію Кудряваго. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта отказался поставить на баллотировку мнѣніе проф. Гримма, но подвергъ голосованію другое предложеніе о возвратѣ дѣла въ комиссію. Предложеніе это было отвергнуто значительнымъ большинствомъ, а затѣмъ В. А. Кудряный былъ временно устраненъ большинствомъ 125 голосовъ противъ 23. Таковы дѣйствія, хотя и не важныя, но достаточно характеризующія направленіе нашей верхней палаты и указывающія на то, какія надежды могутъ быть на нее возлагаемы въ будущемъ, когда ей придется высказываться по болѣе важнымъ предметамъ.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Румынія.

Названная страна не принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ которымъ всего чаще обращаются помыслы и взоры европейскихъ политиковъ и дипломатовъ; ни внѣшнее могущество, ни историческія традиціи, ни экономическое и культурное развитіе не позволяютъ ей стоять въ первомъ ряду европейскаго міра. Естественно, что Румыніей интересовались мало, знали ее еще меньше и, когда разразилось въ мартѣ нынѣшняго года необычайно бурное крестьянское движеніе, то для общественнаго мнѣнія Западной Европы эти событія представились чѣмъ-то вродѣ стихійной катастрофы, которая подготовляется въ глубинахъ природы, недоступныхъ взору человѣка, и внезапно проявляетъ всю мощь своей разрушительной энергіи.

Нѣтъ надобности доказывать, почему именно для Россіи эти румынскія событія представляютъ исключительный интересъ. Мы невольно вспоминаемъ о тѣхъ аграрныхъ волненіяхъ, которыя охватили за послѣдніе годы значительную часть Россіи. Вѣроятно, не одному читавшему послѣднія извѣстія изъ Румыніи, приходило въ голову: не открываются ли здѣсь передъ нами событія, которыя могутъ ожидать и нашу страну? Во многихъ чертахъ жизни Румыніи мы видимъ тотъ опредѣленный отпечатокъ Восточной Европы, который проводитъ достаточно трудно стираемую грань между этой послѣдней и Европой Западной.

Въ своемъ современномъ видѣ государственный строй Румыніи восходитъ къ 1866 году. Позади этой хронологической даты—вѣкъ вассальной зависимости дунайскихъ княжествъ отъ Порты. Положеніе княжествъ между Россіей, Австріей и Турціей заставляло дипломатовъ нашихъ странъ внимательно слѣдить за происходящимъ въ Молдавіи и Валахіи. Съ конца XVIII вѣка гегемонія Турціи начинаетъ ограничиваться вліяніемъ Россіи, которая со времени Адріанопольскаго мира 1829 года, получила офиціально признанный протекторатъ въ Молдавіи и Валахіи. Подъ вліяніемъ Россіи былъ выработанъ такъ называемый органическій статутъ 1831 г. Въ немъ были извѣстные элементы конституціоннаго порядка: собраніе народныхъ

представителей съ законодательнымъ и бюджетнымъ правомъ и съ правомъ избирать господарей княжествъ. Но главная власть находилась у самихъ господарей, которые зависѣли отъ Россіи и отчасти Турціи. Вся судьба страны направлялась сверху. По словамъ Реньо, историка княжествъ, «въ этой мнимой конституціи все было ложью и хитростью». Характерно, что составъ собраній согласно статуту носилъ ярко выраженный олигархическій характеръ съ огромнымъ преобладаніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ и бояръ—всемогущаго тогда класса. Послѣ отмѣны русскаго протектората, послѣдовавшей за крымской войной, княжества соединились въ единое государство, во главѣ котораго сталъ господарь Александръ Куза. Правленіе этого послѣдняго, основанное на принципахъ демократическаго цезаризма, вызвало рѣзкую реакцію въ землевладѣльческомъ классѣ и окончилось переворотомъ 1866 г.; временное правительство ввело конституцію и призвало на румынскій княжескій престолъ Карла Гогенцоллерна—впослѣдствіи Карла I, короля Румыніи.

Конституція 1866 года составлена по образцу бельгійской и въ томъ, что касается компетенціи народнаго представительства, а также правъ гражданъ, она несомнѣнно стоитъ впереди другихъ балканскихъ конституцій, созданныхъ по тому же образцу: греческой 1864 года и сербской 1869 г.; она признаетъ даже начала народнаго суверенитета. Но если съ точки зрѣнія политическаго либерализма она можетъ быть поставлена на ряду съ передовыми европейскими конституціями, то въ томъ, что касается распространенія политическихъ правъ на отдѣльные классы населенія, что касается избирательнаго права, она носитъ печать общественныхъ круговъ, совершившихъ переворотъ 1866 года,—печать, которая не изгладилась и послѣ пересмотра ея въ 1879 г. и 1884 г. Въ настоящее время избирательное право въ палату депутатовъ построено по трехклассной системѣ, напоминающей отчасти прусскую, отчасти старую австрійскую (установленную закономъ въ 1873 г.). Первая курія составлена изъ представителей болѣе крупной земельной собственности, вторая—изъ городскихъ обывателей, платящихъ болѣе 20 франковъ прямого налога, и третья—остальныхъ плательщиковъ налога. При этомъ порядкѣ представительство крестьянъ, составляющихъ массу населенія въ Румыніи, тонетъ среди представительства землевладѣльцевъ и городской буржуазіи; первая и вторая курія вмѣстѣ выбираютъ 145 депутатовъ, а третья, часть которой составляютъ уполномоченные отъ крестьянъ, лишь 38. Это же плутократическое начало еще сильнѣе выражено въ организаціи румынской верхней палаты-сената, который избирается двумя куріями: въ первую входятъ в дѣльцы недвижимости, имѣющіе не менѣе 2,000 фр. дохода, во вто имѣющіе не менѣе 800 фр., а также владѣльцы крупныхъ промышленн заведеній. По своему цензовому устройству Румынія представляетъ рѣ контрастъ съ демократическимъ строемъ и режимомъ всеобщаго избират наго права, установленнымъ въ Болгаріи и Греціи. Естественно, чт политическія партіи и вся политическая жизнь Румыніи развивались

верхнемъ общественномъ слоѣ—среди цензовыхъ элементовъ. «Бѣлая» консервативная партія опиралась на крупное землевладѣніе, противъ нея стояла «красная» либеральная, основанная преимущественно на городской буржуазіи. За сорокъ лѣтъ въ странѣ проведенъ былъ рядъ важнѣйшихъ реформъ въ области суда, управленія и финансовъ, создана была сильная и хорошо организованная армія, введена золотая валюта, произведены крупныя общественныя работы; гораздо слабѣе была дѣятельность какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ кабинетовъ въ области соціальной политики. Въ парламентѣ поднимался иногда вопросъ о необходимости болѣе широкой и болѣе демократической политики, направленной въ пользу крестьянъ, о необходимости ограниченія крупной земельной собственности (во время обсужденія адреса королю въ сессію 1904 г.), но даже тогда, когда власть находилась въ рукахъ представителей либеральной партіи, болѣе склонной придать этому либерализму соціальный оттѣнокъ, она при существующемъ государственномъ устройствѣ не могла преодолѣть сопротивленія заинтересованныхъ классовъ. Конституціонная Румынія не произвела реформы въ пользу крестьянства, могущей стать рядомъ съ той, которую провелъ въ 1864 г. Александръ Куза—секуляризацію монастырскихъ земель и надѣленіе оброчныхъ крестьянъ землею. Продажа на льготныхъ условіяхъ крестьянамъ государственныхъ земель, организованная съ 1864 г. и реформированная въ 1889 г., причемъ право пріобрѣтенія ихъ было признано лишь за крестьянами, расширила площадь крестьянскаго землевладѣнія, но въ то же время чрезвычайно возвысила цѣны на землю, создала вздутыя арендныя цѣны и вообще, удовлетворяя часть крестьянства, поставила большинство его въ еще болѣе тяжкія экономическія условія. «До сихъ поръ ни одна изъ политическихъ партій Румыніи,—замѣчаетъ передовая статья, посвященная румынскимъ событіямъ въ пражской *Politik* (27 марта),—пока находилась у кормила правленія, не сдѣлала ничего для улучшенія бѣдственнаго положенія крестьянскаго населенія». Чего же удивляться, если крестьяне пришли къ убѣжденію, что они не могутъ ожидать помощи ни отъ какой партіи, а должны полагаться лишь на собственныя силы.

А положеніе румынскаго крестьянства, которое составляетъ 80% населенія, достаточно бѣдственно. *Neue freie Presse* отъ 22 марта освѣщаетъ въ интересныхъ выдержкахъ изъ отчета румынскаго министерства финансовъ за 1905 г. количество земли пригодной для обработки; въ этомъ году насчитывалось 7.968,000 гектаровъ, изъ нихъ 3.737,000 приходится на крупное землевладѣніе (считая 100 гектаровъ и выше), послѣднее составляетъ 47½% всей площади удобной для воздѣлыванія. Крупныхъ землевладѣльцевъ насчитывается 4,171, изъ которыхъ 1,536 имѣютъ земельныя владѣнія свыше 500 гектаровъ. Такимъ образомъ на долю латифундіарнаго землевладѣнія, превышающаго 500 гектаровъ, приходится 37½% всей пригодной для обработки земли. Въ рукахъ среднихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ отъ 10 до 100 гектаровъ, находится 861,000 гектаровъ, т.-е.

10,8 всей воздѣлываемой земли. Мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе 10 гектаровъ, насчитывается болѣе милліона; имъ принадлежитъ 3.319,000 гектаровъ, такъ что въ среднемъ приходится около трехъ гектаровъ на хозяйство. Какъ видно, старанія правительства насадить мелкую земельную собственность, при которой можно вести самостоятельное хозяйство, оказались довольно мало успѣшными.

По необходимости крестьяне арендуютъ земли у крупныхъ владѣльцевъ, которые часто не ведутъ своего хозяйства, а сдаютъ его прямо или обычнѣе черезъ посредника. Арендныя цѣны носятъ явно спекулятивный характеръ и постепенно растутъ; какъ и у насъ въ Россіи, особенно тяжелую форму представляетъ аренда за отработокъ. *Frankfurter Zeitung* приводитъ слѣдующій договоръ, который можно считать типичнымъ для Валахіи: за 6 гектаровъ, снимаемыхъ въ аренду, крестьянинъ обязуется обработать у землевладѣльца или арендатора 2 гектара цѣликомъ, кромѣ того вспахать и снять жатву еще на двухъ гектарахъ и доставить собранный хлѣбъ на усадьбу помѣщика. Кромѣ того, онъ долженъ въ теченіе года работать на помѣщика 4 дня, исполнять 13 дней подворную повинность и доставить помѣщику 3 курицы. Изъ урожая на 6 арендованныхъ гектарахъ онъ долженъ отдать землевладѣльцу урожай съ одной трети, кромѣ того 4 декалитра (0,380 четверти) хлѣба изъ урожая съ остальныхъ двухъ третей. Крестьяне, такимъ образомъ, платятъ отъ 100 до 200 леевъ (=1 франку) за гектаръ. При неурожаѣ часто заключаются столь знакомые намъ «зимніе наймы», причемъ уборка урожая оцѣнивается иногда въ 10 франковъ съ гектара, тогда какъ во время урожая платили за ту же работу 33 франка.

Наконецъ, въ Румыніи насчитывается болѣе 400,000 безземельныхъ батраковъ, которые зимой большею частью не имѣютъ никакого заработка, а лѣтомъ получаютъ 80 сантимовъ.

Послѣ этого не покажутся преувеличеніемъ слова бывшаго министра Ласкари, что четыре пятыхъ крестьянскаго населенія Румыніи хронически голодаютъ и обречены на нищету (см. *Русскія Вѣдомости*, 23 февраля, «Къ аграрнымъ волненіямъ въ Румыніи»). Высокая смертность, которая у дѣтей поднимается до 48%, ужасныя жилищныя условія, крайне мало распространенная грамотность, несмотря на законъ о безплатномъ и обязательномъ обученіи, все это дополняетъ печальную картину. Очень интересныя данныя въ книгѣ Hugo Grothe: «Zur Landeskunde von Rumänien». При этомъ не надо забывать, что примѣненіе народнаго труда внѣ земледѣльческаго промысла въ Румыніи крайне ограничено. Обрабатывающая промышленность находится въ зачаточномъ состояніи, несмотря на мѣ[illegible], принимавшіяся въ духѣ усиленія протекціонизма (особенно послѣ 1886 [illegible]. Болѣе серьезное значеніе имѣютъ нефтяные промысла въ Трансвааль[illegible] Карпатахъ. Число всѣхъ промышленныхъ рабочихъ не превышаетъ 40,0[illegible]. Въ общемъ однако народное хозяйство неразрывно связано съ земледѣ[illegible]ческимъ и скотоводственнымъ промысломъ; и въ этомъ отношеніи е[illegible] опять близкое сходство между Румыніей и нашей черноземной полосой

Какъ извѣстно, антисемиты особенно охотно ссылаются на Румынію, видя въ ней иллюстрацію эксплоататорскихъ способностей евреевъ. Недавно на нее ссылался съ думской трибуны Крушеванъ. Евреи составляютъ около 5% населенія Румыніи. Ихъ многолѣтнее безправное положеніе, которое во многомъ опять-таки напоминаетъ положеніе русскихъ евреевъ, должно было, казалось, кончиться, когда берлинскій конгрессъ призналъ независимость Румыніи подъ условіемъ, чтобы въ странѣ была введена вѣротерпимость и политическая равноправность для всѣхъ національностей и религій (параграфъ 44 берлинскаго договора). Согласно этому 7 статья румынской конституціи послѣ пересмотра 1879 г. гласитъ, что различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не служитъ въ Румыніи препятствіемъ для пріобрѣтенія гражданскихъ и политическихъ правъ и ихъ осуществленія. Однако дополнительные параграфы къ этой статьѣ отняли у нея всякое практическое значеніе, поскольку дѣло шло о евреяхъ. Послѣдніе были признаны иностранцами и въ качествѣ таковыхъ не только не имѣли политическихъ правъ, но и существенно были ограничены въ профессіональной дѣятельности, а также лишены права пріобрѣтать земельную собственность. Между тѣмъ, согласно дополненіямъ, сдѣланнымъ къ 7-ой статьѣ конституціи, натурализація даруется только закономъ и отдѣльнымъ лицамъ. Слѣдовательно, необходимо для всякаго отдѣльнаго акта согласіе палаты депутатовъ и сената (позднѣйшій законъ требуетъ даже квалифицированнаго большинства $^2/_3$ голосовъ) и санкція короля.

При господствующемъ настроеніи политическихъ румынскихъ круговъ этотъ порядокъ дѣлалъ почти невозможной натурализацію евреевъ, и дѣйствительное число румынскихъ евреевъ, получившихъ права подданства, не превышаетъ 100—200 чел.

Это безправное положеніе евреевъ, которое ярко изобразилъ французскій публицистъ Бернаръ Лазаръ, конечно, только укрѣпляло въ сознаніи массы населенія унаслѣдованные антисемитическіе инстинкты: не признавалъ ли и самъ законъ молчаливымъ образомъ евреевъ за людей, въ гражданскомъ смыслѣ вредныхъ для страны? Экономическое положеніе еврейской бѣдноты направляло постоянно изъ Румыніи толпы эмигрантовъ въ Англію и въ Америку—эмиграція, по поводу которой американское правительство обращалось съ протестомъ къ румынскому.

Съ другой стороны, эти запретительные законы, весьма тяжело отражаясь на всемъ положеніи евреевъ, не предупреждали даже тѣхъ формъ эксплоатаціи, ссылками на которую они оправдывались. Лишенные права пріобрѣтать землю въ собственность, евреи могли брать ее въ аренду; 45% арендаторовъ въ Молдавіи—евреи. Такое посредничество между землевладѣльцами и крестьянами еще болѣе вздувало арендныя цѣны и обостряло аграрныя отношенія. Евреи были въ качествѣ посредниковъ такими же эксплоататорами, какъ и представители другихъ національностей, какъ армяне, болгары и греки въ Валахіи, гдѣ евреевъ-арендаторовъ почти нѣтъ. Такимъ образомъ аграрныя движенія принимали часто антисемитическій

оттѣнокъ, направляясь между прочимъ и противъ евреевъ-арендаторовъ, причемъ, конечно, играли роль и унаслѣдованные инстинкты и старанія извѣстныхъ румынскихъ политическихъ круговъ свалить весь odium существующаго аграрнаго положенія на евреевъ. Въ исторіи Румыніи мы встрѣчаемъ много событій, напоминающихъ мартовскіе погромы, наприм., еврейскіе погромы 1868 г. въ Бакау, едва не приведшіе къ дипломатическому вмѣшательству. Аграрные безпорядки тоже появляются систематически; послѣдніе были въ февралѣ 1899 г. Классовая и національная ненависть дремлетъ въ народной массѣ, отрѣзанной отъ политическихъ правъ и культуры, и, при отсутствіи возможности правомѣрной защиты своихъ интересовъ, постепенно назрѣваютъ эти стихійные эксцессы. Но движеніе 1907 г. отличалось исключительно бурнымъ характеромъ.

Подробную и полную картину возникновенія этого движенія даетъ матеріалъ, собранный судебнымъ слѣдствіемъ. Въ настоящее время приходится возстановлять его исторію по довольно отрывочнымъ даннымъ. Общая характеристика его можетъ быть дана текстомъ телеграммы министра финансовъ въ старомъ кабинетѣ Іонеско, посланной 22 марта въ редакцію *Neue Freie Presse*, которая выдвигала на первый планъ безчинства и жестокости, произведенныя надъ еврейскимъ населеніемъ. Это злосчастное движеніе носитъ характеръ не только антисемитическій, но и аграрный и прежде всего анархическій. Были разрушены дома, которые принадлежатъ христіанскимъ собственникамъ и арендаторамъ. Всего скорѣе движеніе можно опредѣлить, какъ анархическое. Матеріалы для такого анархическаго настроенія и выступленія подготовлялись долголѣтнимъ режимомъ въ самой странѣ, и не ясно, насколько была налицо и какой характеръ носила та агитація изъ Бессарабіи, о которой извѣстно и на которую указывалъ и министръ Кантакузенъ.

Началось движеніе среди крестьянскихъ массъ сѣверной Молдавіи, началось въ деревняхъ, но вскорѣ за разгромомъ усадебъ начались нападенія и на города. Обычное требованіе, предъявляемое крестьянами къ арендаторамъ имѣній—это передача земель имъ. «Крестьяне требуютъ нотаріальнаго удостовѣренія», сообщаетъ изъ Черновицъ корреспондентъ *Neue Freie Presse*, «что арендаторъ не будетъ болѣе хозяйничать въ своемъ имѣніи, но передастъ его имъ». Арендаторы, какъ только пришли слухи о первыхъ безпорядкахъ, о томъ, что крестьяне начали грабить имѣнія, бѣжали въ города. Этимъ отчасти объясняется, что крестьяне двинулись противъ городовъ, хотя арендаторы неоднократно приглашали ихъ прислать въ гор депутаціи, чтобы начать переговоры съ ними, но на эти приглашен послужили отвѣтомъ грабежи, опустошенія и убійства. На сельскомъ м тингѣ въ Дорогоѣ рѣшено было крестьянами не идти ни на какія уступк требовать передѣла частновладѣльческихъ земель. По словамъ *Adever* агитаторы, преимущественно учителя и студенты, ходили по деревня собирали митинги и обращались съ такими рѣчами: «Крестьяне, кор

умеръ, королева хочетъ раздать всѣ земли крестьянамъ. Поднимайтесь, убивайте помѣщиковъ и арендаторовъ, сжигайте ихъ дома, тогда поля останутся за вами. Иначе вы останетесь безъ земли». Въ немногихъ имѣніяхъ дѣло ограничивалось изгнаніемъ служащихъ и захватомъ экономій. Обычно все предавалось огню и опустошенію, даже запасы хлѣба. Во многихъ мѣстахъ, какъ Негрести, сжигали скотъ; дѣло, однако, не ограничивается разрушеніемъ частнаго имущества, уничтожаются и телеграфы и телефоны. Уже 22 марта было извѣстно, что болѣе 300 имѣній, расположенныхъ недалеко отъ Черновицъ, были совершенно опустошены. Во многихъ мѣстахъ недостаетъ жизненныхъ припасовъ, скотъ умираетъ съ голоду. Въ Вельни крестьяне явились передъ префектурой и потребовали отъ префекта земли по дешевой цѣнѣ. Когда они получили въ этомъ отказъ, то начали разрушать префектуру. Столь же безпощадно опустошались мѣстечки и города. Въ Ботушанахъ былъ разграбленъ банкъ, причемъ денежныя бумаги разрывались и кидались на улицу; уничтожена была вилла Костичера съ заключающимися въ ней предметами искусства. Сцены такого же дикаго разрушенія повторялись въ Бордуени и Буцека и во множествѣ другихъ мѣстъ, особенно въ сѣверной Молдавіи. Крестьянское движеніе подходило къ самой австрійской границѣ, гдѣ были приготовлены мѣстныя военныя силы и пограничная таможенная стража. Рядомъ съ этимъ начиналось движеніе въ нефтяныхъ румынскихъ округахъ, которое могло угрожать разгромомъ нефтяного промысла.

Паника быстро распространялась: жители Яссъ со дня на день ожидали вооруженнаго нападенія крестьянскихъ бандъ, которыя подступали къ нимъ. Очевидцы разсказываютъ, что городъ какъ бы вымеръ: въ немъ господствовало какое-то мертвенное спокойствіе, полная безпомощность и отчаяніе. Тысячи еврейскихъ бѣглецовъ, потерявшихъ все имущество, бѣжали за границу, въ Австрію и Болгарію. Положеніе ихъ ужасно—эти люди въ нѣсколько часовъ потеряли все. «Кто не видалъ,—пишетъ докторъ Лупуль изъ Буковины,—въ эти дни еврейскихъ бѣглецовъ въ Цуканахъ, тотъ не знаетъ, что такое бѣдствіе». Далѣе идутъ разсказы, столь знакомые намъ изъ исторіи нашихъ погромовъ. Евреи въ Яссахъ обратились къ королю и президенту совѣта министровъ съ телеграммой, умоляя о защитѣ отъ полнаго и окончательнаго разоренія. Одновременно съ этимъ собраніе землевладѣльцевъ въ Молдавіи рѣшило послать депутацію къ королю, указывая, что должно предпринять для защиты жизни и имущества землевладѣльцевъ отъ начавшейся жакеріи. Движеніе между тѣмъ уже начинало захватывать Валахію.

Положеніе кабинета Кантакузена стало критическимъ; его авторитетъ былъ значительно ослабленъ узурпаторскими притязаніями, которыя высказалъ министръ финансовъ Іонеско, далеко не проявлявшій по отношенію къ министру-президенту чувства солидарности. Министерству пришлось взять назадъ одинъ изъ важнѣйшихъ законопроектовъ, возвѣщенныхъ при открытіи сессіи въ ноябрѣ 1906 года королемъ Карломъ—

законопроектъ о высшемъ образованіи, который встрѣтилъ ожесточенное сопротивленіе профессоровъ бухарестскаго и ясскаго университетовъ. Положеніе министерства въ парламентѣ было во всякомъ случаѣ не изъ устойчивыхъ.

Что касается до служебнаго персонала, отъ энергіи и распорядительности котораго зависѣло, если не предотвратить, то во всякомъ случаѣ ограничить волненія, то и здѣсь, повидимому, не остался безъ вліянія тотъ антисемитизмъ, который широко распространенъ среди румынской бюрократіи. Нѣкоторые префекты относились къ еврейскимъ погромамъ съ удивительнымъ равнодушіемъ. Префектъ Вазеску, въ округѣ котораго находится мѣстечко Ботушаны, на правительственный запросъ изъ Бухареста о начавшихся погромахъ, отвѣчалъ, что все это еврейскія выдумки. Корреспондентъ *Neue Freie Presse* обвиняетъ его въ очевидномъ преступномъ попустительствѣ. Это не единственный случай къ несчастью: тамъ, гдѣ не было злой воли, была часто полная растерянность мѣстныхъ властей, на фонѣ которой выгодно выдѣлялась дѣятельность такихъ префектовъ, какъ Канареску въ Яссахъ.

Правительство въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ указывало, что отдѣльныя извѣстія нѣсколько преувеличены, въ общемъ же положеніе было признано крайне серьезнымъ. Такъ формулировалъ его въ своей телеграммѣ румынскому посольству въ Вѣнѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Лаговари. Дѣло становилось еще сложнѣе отъ близости театра возстанія къ австрійской границѣ и возможности международныхъ осложненій. Правительство тотчасъ же отправило въ Молдавію нѣсколько полковъ 2 корпуса, расположеннаго въ Бухарестѣ, и затѣмъ объявило мобилизацію 4 корпуса, расположеннаго въ Романѣ и окрестностяхъ. Въ силу этой мобилизаціи 30,000 запасныхъ были призваны подъ знамена, призваны изъ среды населенія и изъ мѣстъ, охваченныхъ движеніемъ. Настроеніе этихъ резервистовъ могло внушать еще болѣе серьезныя опасенія, чѣмъ настроеніе въ постоянныхъ войскахъ. Судя по многимъ извѣстіямъ, войска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствовали рядомъ съ возставшими, участвовали въ совмѣстномъ грабежѣ (въ Бацестіи, Подулуи и другихъ). Тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ, когда дѣло дошло до открытыхъ стычекъ, начались кровопролитныя сраженія съ крестьянами, какъ въ Васлуи и въ Джурджіи. Потери были съ обѣихъ сторонъ, но естественно гораздо большія со стороны безоружныхъ крестьянъ.

Поскольку дѣло шло о возстановленіи порядка и о разрѣшеніи мобилизаціи, парламентъ поддержалъ правительство. Но было ясно, что к сервативное министерство совершенно не имѣетъ въ своей программѣ тѣ мѣропріятій положительнаго характера, которыя вывели бы страну и кризиса.

Къ тому же по отношенію къ важнѣйшему вопросу—аграрному—ср членовъ министерства господствовало совершенное разногласіе. Канта зенъ хотѣлъ энергичныхъ дѣйствій противъ арендаторовъ евреевъ, но

ставалъ на уваженіи къ пріобрѣтеннымъ правамъ. Іонеску выдвигалъ проектъ, который онъ защищаетъ уже много лѣтъ — основаніе крестьянскаго банка съ румынскимъ (не иностраннымъ) капиталомъ.

Съ другой стороны, Карлъ рѣшительно не хотѣлъ слышать объ аграрныхъ законахъ и требовалъ лишь возстановленія порядка. Если бы даже вся земля была предоставлена крестьянамъ, они получили бы лишь по три гектара.

Высокія арендныя цѣны, по его словамъ, возвышаютъ и заработную плату сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. По мнѣнію Карла, аграрныя обѣщанія съ либеральныхъ береговъ — сомнительная демагогія. Въ общемъ однако совѣтъ министровъ склонялся къ необходимости издать извѣстныя ограниченія противъ синдикатовъ, арендующихъ землю, а также и вообще извѣстныя нормы, регулирующія арендное право. Всякая реформа въ дѣлѣ аграрныхъ отношеній требовала болѣе популярныхъ исполнителей. Кантакузенъ предлагалъ образовать коалиціонное министерство, но король отвѣчалъ, что этотъ выходъ уже опоздалъ. Самъ Іонеску въ разговорѣ съ корреспондентомъ указывалъ, что справиться съ положеніемъ теперь могутъ лишь либералы.

Во главѣ новаго либеральнаго кабинета сталъ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ политическихъ дѣятелей Румыніи, князь Дмитрій Стурдза, теперь 74-лѣтній старикъ, участникъ главныхъ историческихъ актовъ, пережитыхъ Румыніей со времени Парижскаго мира, выдающійся дипломатъ, экономистъ и историкъ. Въ составъ кабинета вошли и представители болѣе лѣвыхъ оттѣнковъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія Гаретъ и министръ общественныхъ работъ Морцугъ. Кабинетъ призывался для осуществленія двойной задачи: возстановленія порядка и проведенія аграрной реформы. Надо сказать, что консервативная партія по крайней мѣрѣ относительно перваго обѣщала полную поддержку.

27 марта былъ опубликованъ королевскій манифестъ, обрисовывающій въ общихъ чертахъ подготовляемую аграрную программу.

Именемъ его величества короля. Мы, призванные его волей при исключительно трудныхъ обстоятельствахъ къ власти, обращаемся ко всѣмъ, взывая къ патріотической дѣятельности для возстановленія спокойствія и порядка, дабы можно было приступить къ удовлетворенію справедливыхъ потребностей народа.

«Воля короля предписываетъ безотлагательно принять слѣдующія мѣры: уничтоженіе пятифранковаго налога, взимаемаго на обезпеченіе призрѣнія бѣдныхъ, и уничтоженія налога на декалитръ вина. Земельный налогъ долженъ взиматься съ мелкихъ крестьянскихъ владѣній на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и съ крупныхъ имѣній. Государственныя земли и предпріятія должны эксплоатироваться на средства государства и передаваться въ аренду крестьянамъ. Приняты будутъ мѣры для реорганизаціи народныхъ банковъ, чтобы они приходили крестьянамъ на помощь и улучшали бы ихъ хозяйственное положеніе. Власть будетъ слѣдить за точнымъ соблюденіемъ раз-

мѣра участковъ, передаваемыхъ крестьянамъ, а также за земельными синдикатами, и нарушеніе закона въ этихъ областяхъ будетъ преслѣдоваться строжайшимъ образомъ. Дабы сдѣлать арендные договоры менѣе тяжелыми, будетъ выработанъ соотвѣтствующій законопроектъ. Арендная плата за землю устанавливается въ деньгахъ и должна выплачиваться чистыми деньгами. Арендные договоры должны также заключать точное обозначеніе количества и качества отработковъ, которые должны выполнить крестьяне, если земля сдается за отработки. Количество работы, которую обязуется выполнить глава семьи, не должно превышать ея физической силы. При выдачѣ впередъ крестьянскихъ задатковъ ни въ коемъ случаѣ нельзя брать болѣе 10%, считая на годъ. Обязательства работы должны всегда находиться въ опредѣленномъ отношеніи къ числу предоставленныхъ каждому крестьянину гектаровъ земли.

«Крестьяне будутъ уплачивать на заарендованныхъ участкахъ за землю, которую они получаютъ черезъ арендаторовъ-посредниковъ, не болѣе $^1/_3$ цѣны, установленной согласно договору. Вслѣдъ за этимъ будетъ вырабатываться законъ, согласно которому ни одинъ арендаторъ или ни одинъ союзъ арендаторовъ не могутъ снимать больше двухъ участковъ, имѣющихъ 4,000 гектаровъ въ сложности, все равно—будетъ ли земля взята прямо на собственное имя, или на имя родственниковъ или подставныхъ лицъ. Законъ создастъ особыя управленія, на обязанности которыхъ будетъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ правилъ, касающихся аренды. Далѣе будетъ выработанъ законъ для созданія сельскохозяйственнаго кредита, который облегчитъ крестьянамъ уплату арендныхъ денегъ и покупку земли.

«Проведеніе всѣхъ этихъ мѣръ составляетъ искреннее желаніе короля и его правительства. Въ эти дни всеобщаго бѣдствія обращаемся мы ко всѣмъ румынамъ безъ различія сословій и соціальнаго состоянія съ просьбой оказать намъ возможную поддержку и содѣйствовать возстановленію порядка, основаннаго на справедливости. Мы должны приступить къ начинающимся сельскохозяйственнымъ работамъ, вѣря въ будущее. Безпорядки могутъ принести лишь голодъ и разоренье.

«Правительство сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы законы исполнялись самымъ точнымъ образомъ и чтобы несправедливость и притѣсненіе прекратились. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшились энергично подавить безпорядки и строго наказать тѣхъ, кто старался извлечь выгоду изъ опустошеній».

Этотъ манифестъ былъ въ общемъ встрѣченъ единодушнымъ сочувствіемъ и политическими и общественными кругами и тѣми, которые е недавно весьма холодно относились къ аграрной реформѣ; и они сог шались, что исключительное время требуетъ исключительныхъ средст А эти мѣры выходили далеко за предѣлы традиціонныхъ законодательны нормъ. Манифестъ возвѣщалъ созданіе, можно сказать, новаго аграрн права, въ которомъ въ такъ называемую свободу договора вводились ог

ничения публично-правового характера: регулировались арендныя цѣны, устанавливался maximum количества земли, которую можно было снять. Эти мѣры публично-правового ограниченія идутъ несомнѣнно дальше, чѣмъ арендное законодательство въ Ирландіи, установленное англичанами подъ давленіемъ аграрныхъ неустройствъ. Наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ уплаты $^2/_3$ той суммы, которую они должны внести арендаторамъ-посредникамъ, еще рѣзче разрываетъ съ дѣйствующимъ правомъ, особенно въ виду молчанія манифеста о вознагражденіи этихъ посредниковъ-арендаторовъ. Здѣсь уже можно найти черты, родственныя аѳинской «сейсахтеіи», проведенной Солономъ. Въ австрійской прессѣ высказывалось сравненіе между этими планами и закономъ, который послѣ революціи 1848 г. провело австрійское національное собраніе о выкупѣ крестьянскихъ повинностей (тамъ государство брало на себя однако не болѣе $^1/_3$).

Съ такой программой правительство могло выступить передъ страной, послѣ того какъ призракъ аграрной революціи сталъ переходить въ дѣйствительность. Сессія палаты была закрыта, послѣ того какъ она единодушно поддержала министерство и сверхъ того уполномочила его вводить осадное положеніе, гдѣ оно сочтетъ нужнымъ. Одновременно продолжалось подавленіе возстанія; вѣроятно, на крестьянъ не остался безъ вліянія изданный манифестъ. Румынское агентство въ телеграммѣ изъ Бухареста, помѣченной 29 марта, сообщало, что въ Молдавіи возстановляется спокойствіе; болѣе тревожно положеніе Валахіи, куда перекинулось движеніе; но при наличномъ количествѣ войска оно и тамъ тоже должно скоро стихнуть. Естественно, произведенъ былъ цѣлый рядъ арестовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ правительство смѣнило цѣлый рядъ префектовъ въ Молдавіи; ихъ замѣстители въ качествѣ посредниковъ между землевладѣльцами и крестьянами проявили энергичную дѣятельность, и въ результатѣ крестьяне снова стали заключать договоры и возвращаться къ работамъ.

Въ своей вступительной рѣчи въ палатѣ новый министръ-президентъ сказалъ, что въ настоящее время всѣ партіи сходятся въ признаніи необходимости дать землю крестьянамъ. Насколько планъ, выставленный въ программѣ министерства, соотвѣтствуетъ этой программѣ?

Нельзя оспаривать, что онъ дѣйствительно можетъ существеннымъ образомъ измѣнить земельныя отношенія въ Румыніи. Для румынскихъ землевладѣльцевъ, значительная часть которыхъ не ведетъ собственнаго хозяйства, регламентація арендныхъ договоровъ можетъ сдѣлаться достаточно сильнымъ мотивомъ для продажи своихъ земель. А такъ какъ рядомъ съ этимъ земельныя цѣны несомнѣнно должны упасть вслѣдствіе новаго законодательства, а также и вообще вслѣдствіе аграрнаго броженія въ странѣ, то перемѣщеніе земельной собственности въ руки крестьянъ этимъ значительно облегчится, особенно при правильной организаціи земельнаго кредита.

Несомнѣнно, для Румыніи былъ бы и другой, болѣе простой выходъ изъ аграрнаго кризиса—принудительный выкупъ частновладѣльческихъ зе-

мель. Правительство могло бы стать на такой путь, на которомъ оно стояло въ 1864 г. при секуляризаціи монастырскихъ земель. Съ точки зрѣнія неприкосновенности принципа собственности подобная реформа во всякомъ случаѣ не могла вызвать бо́льшія возраженія, чѣмъ проектируемое арендное законодательство, которое вводитъ также чрезвычайно существенныя ограниченія въ право собственника распоряжаться своей землей. Здѣсь бы, съ одной стороны, не требовалось той сложной и мелочной организаціи контроля надъ договорами, которая необходима будетъ при намѣченномъ министерствомъ планѣ; съ другой стороны, принудительный выкупъ позволилъ бы провести реформу съ большей планомѣрностью. Возможно, что это рѣшеніе, которое намъ въ Россіи представляется столь естественнымъ, будетъ слѣдующей стадіей въ развитіи аграрнаго вопроса въ Румыніи, если возвѣщенныя мѣры окажутся недостаточными или непрактичными.

Другая задача, которая въ настоящую минуту не поставлена, но которая очевидно выдвигается послѣдними событіями, это демократизація румынской политической жизни, сводящаяся прежде всего къ реформѣ избирательнаго права. Румынія не можетъ остаться внѣ того процесса, который двигаетъ европейскія страны по пути къ господству всеобщаго избирательнаго права. Лишь пріобщеніе низшихъ классовъ къ политической жизни, лишь данная имъ возможность закономѣрно отстаивать свои интересы отниметъ почву у этой наивной вѣры въ захватное право и предупредитъ повтореніе подобныхъ анархическихъ и разрушительныхъ движеній, во всякомъ случаѣ не дастъ имъ разрастись до той ужасной остроты, которую они приняли въ мартѣ 1907 г.

С. Котляревскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Апрѣль 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Политическая экономія.—Исторія.—Юридическія книги.—Публицистика. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го февраля по 1-е апрѣля 1907 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Лордъ Байронъ. **Каинъ. Мистерія. Перев. Ив. Бунина.—Литературно-художественные альманахи. Книгоизд. „Шиповникъ“. Книга первая.—Молодая Бельгія. Т. I. Поэты. Сборникъ подъ ред. Маріи Веселовской.**

Лордъ Байронъ. Каинъ. Мистерія. Переводъ съ англійскаго Ив. Бунина. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1907. Знаменитая мистерія Байрона, въ прекрасномъ переводѣ Бунина, составляетъ, конечно, цѣнное пріобрѣтеніе нашей переводной литературы. Именно теперь, когда вѣчные вопросы жизни, религіозныя чаянія и тревоги, не заглушенныя громомъ политическихъ событій, достигли такой напряженной силы и вызвали къ себѣ чуткое вниманіе общества,—теперь въ особенности своевременна эта глубокая книга о первомъ человѣкѣ, отринувшемъ Бога. Она трагически своевременна и потому, что въ наши дни торжествующей смерти, въ черный праздникъ убійства, она рисуетъ обликъ перваго убійцы. Это Каинъ посѣялъ смерть въ мірѣ, и нынѣшніе обильные всходы ея имѣютъ въ немъ своего зловѣщаго патрона. Знаменательно, что первая смерть на свѣтѣ была насильственной, и первая могила въ землѣ была вырыта для кроткаго. Не потому ли вообще умираютъ люди, что ихъ умерщвляютъ братья,—не убійство ли каждая смерть?..

Байронъ посвятилъ этой трагедіи замѣчательныя страницы,—можетъ быть потому, что въ первомъ преступникѣ, въ первомъ протестантѣ, почуялъ онъ нѣчто родственное своему бунтующему и дерзновенному духу. Вѣдь одно и то же человѣческое дерзновеніе можетъ создать и Прометея, и преступника, Байрона и Каина.

Раньше, чѣмъ убить брата-человѣка, Каинъ убилъ въ себѣ Бога, отказалъ Ему въ повиновеніи и благодарности, не простилъ Ему отнятаго Эдема. Онъ проклялъ свою обреченность труду и свою смертность. Жизнь, которая кончается смертью,—на что она ему? Онъ даже Евѣ, матери своей, послалъ упрекъ, котораго материнство съ тѣхъ поръ никогда не должно бы забыть,—именно, что матери своей мы обязаны не только жизнью, но и смертью; та, которая насъ рождаетъ, насъ убиваетъ. Еще такъ мало было людей въ мірѣ, когда жилъ Каинъ, но уже властны были всѣ антиноміи, гнетущія человѣка. И палъ подъ ихъ бременемъ Каинъ; онъ, такъ боявшійся смерти и съ трепетомъ озиравшій міровыя пространства—будущія міровыя кладбища, онъ самъ же привелъ въ жизнь смерть и въ пустое, зіяющее царство ея послалъ перваго посе-

ленца. И вотъ онъ стоитъ надъ тѣломъ бездыханнаго Авеля, и ужасъ и недоумѣніе передъ этой первой смертью охватываютъ его:

Гдѣ Авель?
Проснись,
Встань, братъ! Скажи, зачѣмъ ты легъ на землю?
Теперь не ночь... И отчего ты блѣденъ?
Братъ, что съ тобой?—Ты былъ еще сегодня
Такъ полонъ жизни!

Въ первый разъ на землѣ живые человѣческіе глаза увидѣли глаза мертвые. Безумная растерянность! И стопетъ Каинъ: „Братъ! Дыши!“ Но бездыханенъ Авель. И сколько разъ съ тѣхъ поръ раздавался въ мірѣ этотъ напрасный вопль: „Братъ! Дыши!“ Подбѣгаетъ жена убитаго, Селла, и въ отчаяніи взываетъ къ матери, къ отцу, къ сестрѣ: „Гдѣ вы? Въ мірѣ—Смерть!“ Съ тѣхъ поръ, однажды призванная, смерть уже изъ міра не уходила.

Ева прокляла своего сына-убійцу, черезъ котораго она стала виновительницей смерти, и отъ Каина не отвернулась только его жена, любящая и любимая Ада: надъ первой же смертью одержала побѣду та, которая сильнѣе смерти,—любовь.

И въ жизненную томительно-безконечную дорогу ушелъ Каинъ съ женой и ребенкомъ,—Каинъ, убійца, обреченный на пытку безсмертія. У Каина есть дѣти, они растутъ и выросли; Авель же умеръ бездѣтнымъ. И навѣки,—говоритъ убійца,—

Изсякъ источникъ кроткій, что потомствомъ
Украсить могъ супружеское ложе
И умягчить сердца моихъ потомковъ,
Соединивши чадъ своихъ съ моими.

Въ мірѣ нѣтъ потомковъ Авеля,—есть только тѣ, кто пошелъ въ кровавый слѣдъ Каину. Этимъ и объясняется все, что происходитъ въ мірѣ; не унаслѣдовано кроткое.

Такъ намѣчено въ этой исторіи все великое и трудное, что волнуетъ человѣка въ его отношеніяхъ къ Богу и человѣку.

Ю. Айхенвальдъ.

Литературно-художественные альманахи. Книгоиздательство „Шиповникъ“. Книга первая. Спб. 1907. Этотъ альманахъ, какъ извѣстно, завоевалъ себѣ симпатіи читателей, потому что въ немъ помѣщенъ рядъ интересныхъ и талантливыхъ произведеній; повидимому, издательство такъ и стремилось сдѣлать его сборникомъ отборнаго. Вполнѣ эта цѣль не достигнута: разсказъ Куприна „Бредъ“ по своей явной тенденціозности стоитъ ниже художественнаго уровня. Но зато все другое привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Г. Серафимовичъ тоже, какъ и г. Купринъ, взялъ сюжетъ изъ нашей кровавой современности, но онъ сумѣлъ поднять его на высоту эстетической объективности, и если образъ старика съ его проповѣдью пантеистическаго благоволенія кажется сочиненнымъ, то все же разсказъ очень силенъ и своимъ драматизмомъ, и широкимъ пониманіемъ человѣка. Кромѣ того, дѣйствіе разыгрывается на фонѣ очень яркаго пейзажа. И въ разсказѣ г. Сергѣева-Ценск о „Лѣсная топь“ тоже переплетается сочиненное и естественное; на т ъ и другомъ—печать таланта, и все вмѣстѣ создаетъ какой-то колма ; сама жизнь рисуется какъ нѣкая топь, которая засасываетъ жи , испуганныя души.

Больше всего интересуется публика тѣми страницами Альманаха, в которыхъ она находитъ съ намѣренной сухостью, матово написан о

въ скупыхъ и строгихъ тонахъ „Жизнь человѣка“ Леонида Андреева. Эта вещь по внѣшности является поддѣлкой подъ простоту; она усваиваетъ себѣ почти лубочный стиль. Сѣрая ткань драмы намѣренно избѣгаетъ всего цвѣтного. Самый замыселъ показать, какъ убывающая свѣча жизни освѣщаетъ все новыя и новыя ступени на лѣстницѣ, ведущей къ могилѣ,—самый замыселъ былъ бы значителенъ и глубокъ, если бы въ его осуществленіи авторъ уклонился отъ обычнаго, далъ что-нибудь новое. Но онъ этого не сдѣлалъ. Общія психологическія категоріи существованія взяты имъ неоригинально, и, какъ всегда у Л. Андреева, онѣ не производятъ впечатлѣнія обязательности. Нѣтъ внутренней типичности въ томъ, что̀ пережилъ Человѣкъ. Бѣдная молодость, чары любви, слава и богатство съ его автомобилями, о которыхъ часто упоминаетъ авторъ, опять бѣдность и смерть близкихъ, потомъ собственная смерть на обломкахъ прежняго величія: все это вѣрно, но все это слишкомъ безспорно; здѣсь нѣтъ ни философскаго, ни художественнаго откровенія. Читатель хотѣлъ бы болѣе глубокаго проникновенія въ тайники духа, болѣе тонкихъ,—такъ сказать, сверхъестественно-тонкихъ линій. Сказать, что жизнь человѣка состоитъ изъ рожденія и смерти и что промежутокъ между ними заполненъ прихотью счастья и несчастья,—сказать это внѣшнее и поверхностное кто бы не могъ? Обобщеніе должно бы быть иное, не столь примелькавшееся; нужно было охарактеризовать жизнь, назвать ее такимъ словомъ, которое еще никѣмъ другимъ не найдено. Слова не нашлось и у Л. Андреева, и онъ талантливо повторилъ чужія слова. Тоска и скорбь могутъ перелиться изъ его пьесы въ чужую душу; но вѣдь послѣднюю и не трудно смутить напоминаніемъ о тающемъ, все тающемъ воскѣ нашей жизненной свѣчи.

Кромѣ мистическаго, Л. Андреевъ далъ и сатирическое: въ рамку людской пошлости вставилъ онъ жизнь человѣка. Эта пошлость тоже дана въ изображеніи грубомъ, обыденномъ, и даже проглядываютъ въ немъ бѣлыя нитки тенденціи. Сатира не удалась. Отецъ только что родившагося ребенка, въ радости, что это—сынъ, говоритъ врачу: „я вамъ заплачу больше, чѣмъ назначилъ“; а врачъ ему въ отвѣтъ: „вы должны мнѣ заплатить особо еще за щипцы, которые я накладывалъ“: развѣ это убѣдительно, развѣ это не просто оскорбленіе, которое бросаетъ авторъ людямъ и которое всей своей тяжестью повиснетъ на немъ самомъ?..

Не забирая глубоко, г. Андреевъ подчасъ даже слова выбираетъ банальныя, и, напримѣръ, влюбленный мужъ-художникъ говоритъ своей влюбленной женѣ: „я очарую тебя свѣтлой сказкой, яркими мечтами обовью я тебя, какъ розами, моя царица“,—не напоминаетъ ли это объясненіе Демона съ Тамарой, и не поблекли ли уже всѣ эти розы и мечты? Но плѣнителенъ самый образъ молодой женщины, ея восторженной и голодной души. И черезъ нѣсколько страницъ мы читаемъ и другія слова,—уже не истрепавшіяся, а трогательныя и страшныя. „Папа, папа я умираю... удержи меня“—говоритъ своему отцу умирающій сынъ. И негодуя кричитъ отецъ Нѣкоему въ сѣромъ (судьбѣ, богу): „Ты женщину обидѣлъ, негодяй; ты мальчика убилъ... Черезъ голову женщины, которую ты обидѣлъ, черезъ тѣло мальчика, котораго ты убилъ,—шлю тебѣ проклятіе человѣка!“ Трогаетъ молитва матери.

Излюбленные эффекты внѣшняго ужаса не чужды и новому произведенію г. Андреева; даже инфернальныя старухи разговариваютъ между собою о крикѣ человѣка, которому экипажемъ смяло ногу. Дикія, безсмысленныя бесѣды пьяныхъ въ концѣ „представленія“ болѣе отвратительны, чѣмъ ужасны.

Самой цѣнной частью сборника представляется намъ маленькій, какъ всегда, разсказъ Бориса Зайцева „Полковникъ Розовъ“. Необычайно-любовное, ликующее и тѣсное—тѣснѣе нельзя—приближеніе къ природѣ и человѣку—простому, маленькому, незамѣтному человѣку, котораго хочется благословить уже за то, что онъ живетъ и дышитъ! Въ наши хмурые дни Зайцевъ поетъ и пьетъ солнце, и на лучи похожи его разсказы. Юной радостью бытія, восторгомъ безудержнаго счастья наполняетъ онъ, переполняетъ чашу своего дарованія. Опьяненный солнцемъ, онъ вливаетъ его и въ наши усталыя души. Что-то майское и молодое трепещетъ въ разсказѣ. Какъ не полюбить вмѣстѣ съ авторомъ полковника Розова, который, впрочемъ, даже не полковникъ, а только капитанъ въ отставкѣ, и который только и дѣлаетъ, что копается въ грядкахъ, охотится, пускаетъ змѣя съ мальчишками? Въ огромномъ мірѣ какое крошечное мѣсто занимаетъ добрый старичокъ, но вотъ Зайцевъ его замѣтилъ и такъ обласкалъ. Это—потому, что для него нѣтъ малаго, и какія-то нити, золотыя солнечныя нити проводитъ онъ между частью и цѣлымъ, между полковникомъ Розычемъ и космосомъ. Вотъ Ока легла „вольнымъ, зеркальнымъ тѣломъ, какъ величавая молодка. И отъ нея вѣтеръ ужъ не тотъ—древній, спокойный, великій вѣтеръ“: такъ сказалъ Зайцевъ, и сразу раздвинулись отъ Оки перспективы въ міръ, въ пространство, въ вѣчность. Вотъ сидитъ толстый сыроваръ, и хохочешь надъ его лысиной, и „вдругъ поднимаешь глаза выше, не такъ особенно, а выше: и увидишь его звѣзду“. „Даже странно подумать: отъ насъ, отъ убогой избенки полковника, этихъ бѣдненькихъ рѣдисокъ, Бирге и Орѣшки вверхъ идетъ бездонное“,—звѣзды продолжаютъ землю съ ея Розычами и рѣдисками. Отъ насъ идетъ бездонное: это глубоко чувствуетъ Зайцевъ, и оттого онъ молится космосу, молится солнцу. Вотъ оно взошло; „точно шелковыя одежды вѣютъ въ ушахъ, и кажется побѣжишь сейчасъ прямо, навстрѣчу, и всего безпредѣльно пронизятъ эти ласкающіе лучи, волосы заструятся по вѣтру, назадъ, будто отъ свѣтлаго, плывучаго тока. О, взять арфы и стать на колѣна и долго, въ изступленьи пѣть на востокъ“,—откуда восходитъ солнце. Въ наше время Зайцевъ смѣетъ и умѣетъ быть молодымъ!

Альманахъ заключаетъ въ себѣ и живопись: картины города, принадлежащія кисти Добужинскаго, Бакста, Рериха. Можно спорить о деталяхъ этой иллюстраціи, но безспорно, что она даетъ настроеніе города, какъ чего-то враждебнаго свободной человѣческой стихіи. Этому впечатлѣнію много способствуютъ и сильные стихи Валерія Брюсова, стихи, въ которыхъ затаено проклятіе городу съ его „неумолимостью“.

Ю. А.

Молодая Бельгія. Томъ I. Поэты. Сборникъ, изданный подъ редакціей Маріи Веселовской. М. 1907. Ц. 1 р. 75 к. Эта нарядно изданная книжка по духу своему производитъ своеобразное и свѣтлое впечатлѣніе: въ ней собраны, большей частью, произведенія такихъ поэтовъ, которые въ мірѣ пестромъ возлюбили одно только бѣлое, въ мірѣ шумномъ возлюбили тишину. И въ современной тревогѣ т[illegible] несмѣло выступаетъ эта мечтательная поэзія бѣлыхъ лебедей, тихи[illegible] каналовъ, „мертваго Брюгге“. Замкнутыя, робкія жизни, душа какъ [illegible] настырь, и живое уединеніе комнатъ, которыя дышатъ.

На окнахъ тюль—уборъ воздушной бѣлизны,
Уборъ причастницы, вкусившей свѣтъ луны;
Пѣняетъ люстра насъ, какъ блескъ души кристальной,
Вотъ лепестки свои она сжимаетъ вдругъ,—

Мгновенно отраженъ мимозою хрустальной
Ей сердце ранившій случайный, легкій звукъ,—

такъ, въ переводѣ Эллисъ, говоритъ Роденбахъ, чей духъ вообще витаетъ надъ этой умиротворяющей книгой. Она не должна бы пройти незамѣченной. Кромѣ ряда стихотвореній, переведенныхъ Ю. Веселовскимъ, С. Головаческимъ, С. Рубановичемъ, Ив. Тхоржевскимъ, О. Чюминой, Эллисъ, въ ней есть еще двѣ вступительныя статьи: М. Веселовской „Молодая Бельгія“ и Эллисъ „Лебедь молодой Бельгіи“. Оба этюда несомнѣнно оріентируютъ въ бельгійской поэзіи; ихъ можно упрекнуть лишь въ чрезмѣрной восторженности изложенія (Эллисъ злоупотребляетъ восклицательными знаками, г-жа Веселовская—повтореніемъ такихъ словъ, какъ „Голгоѳа творчества“). Изъ поэтовъ, наиболѣе извѣстныхъ русской публикѣ, въ сборникѣ представлены Роденбахъ, Метерлинкъ, Верхарнъ. Но интересны и другіе „лебеди“, и манитъ къ себѣ небывалымъ очарованіемъ „воздушная бѣлизна“ ихъ крыльевъ и грезъ.

Ю. А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Проф. В. А. Косинскій. **Къ аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помѣщичье хозяйство.**

Проф. В. А. Косинскій. Къ аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помѣщичье хозяйство. Одесса, 1906. XIV+532 страницы. Предметъ работы проф. Косинскаго ясенъ изъ ея заглавія. Указанная въ заглавіи тема проходитъ черезъ всѣ 532 страницы обширной книги, и вся эта книга объединена одною общею идеей: вѣрою въ блестящую будущность мелкаго, въ частности крестьянскаго, хозяйства и въ неизбѣжность вытѣсненія послѣднимъ болѣе крупнаго, капиталистическаго хозяйства. Но самая манера трактованія этой темы въ первой, большей части книги далеко не та, что во второй, нѣсколько менѣе обширной. И самъ авторъ даетъ намъ ключъ къ объясненію причинъ этого несходства манеры. Изъ одного, мимоходомъ брошеннаго, его замѣчанія (336) мы знаемъ, что первые 21 листъ книги были не только написаны, но и отпечатаны не позднѣе осени 1905 года—значитъ, они писались въ такое время, когда современный русскій аграрный кризисъ едва еще только начиналъ вырисовываться во всемъ своемъ грозномъ величіи. Остальная часть книги писалась „уже въ такое время, когда надъ нашею родиной высоко вздымалось пламя аграрнаго движенія“,— и отблескъ этого пламени „падаетъ на страницы изслѣдованія, наполняя душу изслѣдователя невольнымъ смущеніемъ“ (342). А отсюда проистекаетъ слѣдующее: первая часть книги—это типичная ученая диссертація, со всѣми хорошими и нехорошими сторонами таковой; это—строго научное изслѣдованіе, составная часть задуманной авторомъ многотомной работы, имѣющей освѣтить всѣ важнѣйшія стороны русскаго народнаго хозяйства; тонъ изложенія самый спокойный и объективный; обстоятельность изложенія и развитія мыслей автора даже чрезмѣрная—авторъ считаетъ нужнымъ подолгу останавливаться на самыхъ азбучныхъ понятіяхъ, между тѣмъ какъ его книга, по всему своему построенію, доступна только для лицъ, болѣе или менѣе спеціально занимающихся вопросомъ и потому не нуждающихся въ разъясненіи азбучныхъ понятій. Но на-ряду съ такого рода, если можно такъ выразиться, плео-

назмами или, выражаясь проще, безполезными длиннотами, мы находимъ въ этой первой части книги и весьма цѣнныя какъ по существу, такъ въ особенности по изяществу метода обоснованія соображенія по такимъ вопросамъ, какъ предѣлы интенсивности крестьянскаго и капиталистическаго хозяйства, какъ законы образованія арендныхъ и продажныхъ цѣнъ на землю въ крестьянскомъ, чисто-трудовомъ хозяйствѣ, какъ особенности арендаго хозяйства, вытекающія изъ свойствъ круговращенія сельскохозяйственнаго капитала и т. п.; мы находимъ здѣсь весьма любопытные, хотя, къ сожалѣнію, тоже чрезмѣрно растянутые статистическіе экскурсы, имѣющіе цѣлью на основаніи данныхъ нашей земской и германской статистики провѣрить и конкретизировать положенія автора, касающіяся арендныхъ и продажныхъ цѣнъ. Вторая часть книги г. Косинскаго носитъ, напротивъ, всѣ признаки чрезмѣрной спѣшки: автору явно хотѣлось какъ можно скорѣе выступить со своимъ словомъ. Въ результатѣ—рядъ положеній и утвержденій, которыя, можетъ быть, были бы вполнѣ умѣстны въ концѣ *всей* работы г. Косинскаго, но которыя здѣсь, въ первой ея части, являются голословными и необоснованными; въ результатѣ—крайняя скомканность отдѣла книги, посвященнаго „техникѣ помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства"—эта глава совершенно лишена характера самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, а состоитъ цѣликомъ изъ длинныхъ, впрочемъ, вполнѣ добросовѣстно оговоренныхъ, выдержекъ изъ извѣстной книги Давида, изъ послѣднихъ работъ А. И. Чупрова и т. п., причемъ эти выдержки далеко не обнимаютъ всего *вопроса* о техникѣ крестьянскаго и капиталистическаго хозяйства, какъ онъ освѣщенъ, напримѣръ, въ работѣ Давида, а касаются, въ сущности, одного только вопроса о машинахъ и объ ихъ роли въ крестьянскомъ и владѣльческомъ хозяйствѣ. Наконецъ, заключительная глава и предисловіе книги—это соображенія автора о желательныхъ основаніяхъ земельной реформы; соображенія, трактованныя въ чисто публицистическомъ тонѣ и производящія впечатлѣніе чего-то искусственно-приклееннаго къ научному изслѣдованію г. Косинскаго. Намъ думается, что авторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, если бы совсѣмъ не вводилъ этой заключительной главы въ свою книгу,—изложеннымъ здѣсь соображеніямъ, по всему ихъ тону и по слабости обоснованія, мѣсто въ брошюрѣ, посвященной популяризаціи и пропагандѣ лозунговъ той или другой политической партіи, а никакъ не въ серьезномъ научномъ изслѣдованіи.

Я не буду подробно останавливаться на трехъ первыхъ, вводныхъ главахъ книги г. Косинскаго, составляющихъ, если можно такъ выразиться, ея общую часть. Отмѣчу однако такія, по меньшей мѣрѣ, спорныя вещи, какъ слишкомъ формальное и механическое пониманіе г. Косинскимъ извѣстнаго закона уменьшающейся доходности новыхъ затратъ труда и капитала,—закона, который г. Косинскій принимаетъ въ абсолютной формѣ и изъ котораго онъ, безъ всякихъ промежуточныхъ звеньевъ, дѣлаетъ такой практическій выводъ, какъ неизбѣжность низкаго уровня заработной платы въ сельскомъ хозяйствѣ (459); и какъ довольно неудачная его попытка передвинуть границы между такими общеизвѣстными и установившимися въ наукѣ понятіями, какъ первоначальныя и неистощимыя силы природы, основной и оборотный капиталъ—не входя въ подробности, достаточно отмѣтить, что г. Косинскій присоединяетъ къ капиталу и вещества, бывшія въ почвѣ *до* удобренія,—присоединяетъ на томъ, болѣе нежели недостаточномъ основаніи, что „тутъ природа даетъ человѣку въ готовомъ видѣ нѣкоторое [illegible]

чество благъ, которыя должны были бы быть созданы рукой человѣка, если бы природа ихъ намъ не дала даромъ" (127). Упомяну еще о тѣхъ соображеніяхъ, тоже, на мой взглядъ, довольно мало убѣдительныхъ, при помощи которыхъ г. Косинскій пытается доказать, что въ сельскомъ хозяйствѣ техническія измѣненія и меліораціи не могутъ иначе, какъ временно, повысить прибавочную стоимость (100—101)— г. Косинскій, между прочимъ, упускаетъ изъ виду, что являющееся слѣдствіемъ хозяйственныхъ улучшеній возрастаніе массы продукта распредѣляется на остающуюся неизмѣнною площадь подвергаемой обработкѣ земли.

Лучшею и наиболѣе цѣнною частью труда г. Косинскаго является средняя часть книги, гдѣ дается теоретическій анализъ условій капиталистическаго и некапиталистическаго (крестьянскаго) хозяйства. Но и эта, и тѣмъ болѣе—послѣдняя часть книги страдаютъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: слишкомъ шаблоннымъ взглядомъ на то, что такое крестьянское хозяйство, и чрезмѣрнымъ оптимизмомъ, когда авторъ говоритъ о будущности этого хозяйства. Крестьянское хозяйство—это, по мнѣнію г. Косинскаго, некапиталистическое предпріятіе; это—такое предпріятіе, „гдѣ матеріальныя средства производства принадлежатъ лицу, которое собственными руками и руками своихъ семейныхъ, безъ наемнаго труда, совершаетъ всѣ техническія операціи, руководитъ всѣмъ дѣломъ и предпринимаетъ тѣ или иныя дѣйствія на свой личный страхъ и рискъ; весь созданный продуктъ безраздѣльно поступаетъ въ пользу предпринимателя-крестьянина" (58). Смыслъ этого опредѣленія—читатель видитъ—остается не совсѣмъ яснымъ: значитъ ли оно, что *всякое* крестьянское хозяйство подходитъ подъ приводимые г. Косинскимъ признаки? Или значитъ, что г. Косинскій ограничиваетъ свое изслѣдованіе такими крестьянскими хозяйствами, какія подходятъ подъ данное имъ опредѣленіе? Мѣстами г. Косинскій даетъ, какъ будто бы, правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ: болѣе или менѣе мимоходомъ, онъ упоминаетъ о существованіи такихъ типовъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя не подходятъ подъ данное имъ опредѣленіе и къ которымъ, поэтому, его построенія не могутъ относиться. Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ говоритъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, просто, какъ синонимѣ не-капиталистическаго хозяйства,—какъ синонимѣ такого, гдѣ и весь строй предпріятія, и въ частности такія явленія, какъ арендованіе и покупка земли, преслѣдуютъ цѣль единственно использованія рабочей силы крестьянскаго предпринимателя и его семьи и покрытія ихъ насущныхъ потребностей. И эта послѣдняя, явно невѣрная, точка зрѣнія,—это приравненіе *всякаго* крестьянскаго хозяйства къ хозяйству, ищущему только приложенія для личнаго труда и покрытія извѣстной минимальной суммы личныхъ потребностей, настолько владѣетъ нашимъ авторомъ, что онъ, ничто же сумняшеся, иллюстрируетъ и подтверждаетъ свои положенія и выводы о продажныхъ цѣнахъ земли при условіяхъ крестьянскаго хозяйства, весьма искусно конструированные въ предположеніи именно такого, потребительно-трудового, но отнюдь не капиталистическаго хозяйства, анализомъ данныхъ о продажныхъ цѣнахъ въ прусской провинціи Познань, причемъ къ разряду „крестьянскихъ" хозяйствъ въ этой мѣстности онъ относитъ хозяйства, владѣющія 30—50 гектарами земли. Хозяйство съ 30—50 гектарами земли—это, по нѣмецкимъ понятіямъ, дѣйствительно „крестьянское" хозяйство; но нѣмецкое крестьянское хозяйство не имѣетъ ничего общаго съ крестьянскимъ, потребительно-трудовымъ, хозяйствомъ, какъ его конструируетъ

г. Косинскій, исходя, очевидно, изъ обычныхъ нашихъ, русскихъ представленій. Извѣстно, что по классификаціи, принятой въ нѣмецкой сельско-хозяйственной статистикѣ, владѣлецъ участка въ 5—20 гект.— это Mittelbauer, а владѣлецъ участка въ 20—100 десятинъ—уже Grossbauer, т.-е. хозяинъ, предпріятіе котораго основано главнымъ образомъ на эксплоатаціи наемнаго труда; правда, въ восточной Пруссіи верхніе предѣлы типовъ крестьянскаго хозяйства поднимаются нѣсколько выше; правда, г. Косинскій имѣетъ въ виду мѣстности съ легкою почвой, для которыхъ приходится предполагать эти предѣлы еще нѣсколько болѣе высокими; но и при всемъ томъ нѣмецкаго крестьянина, владѣющаго участкомъ въ 30—50 десятинъ, никоимъ образомъ нельзя подводить подъ одну категорію съ русскимъ мужикомъ, какъ его представляетъ себѣ г. Косинскій. А между тѣмъ, это обстоятельство имѣетъ существенное значеніе для оцѣнки и дальнѣйшихъ соображеній нашего автора. Укажу хотя бы на то, что г. Косинскій рѣшительно отрицаетъ существованіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ прибыли и ренты; весь доходъ крестьянина—это трудовой доходъ, получаемый только въ различныхъ, болѣе или менѣе благопріятныхъ условіяхъ (83, 163—164, 167, 175 и др.). Это положеніе и вообще не можетъ быть признано безспорнымъ: если крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, не учитываетъ въ своемъ хозяйствѣ прибыли и ренты, то это значитъ только, что у него плохая бухгалтерія; и если крестьянинъ въ видѣ арендной платы отдаетъ гораздо больше, нежели ренту, то это свидѣтельствуетъ только объ одномъ, что существуютъ обстоятельства, заставляющія крестьянина идти на завѣдомо убыточную аренду. Но во всякомъ случаѣ—если и можно до нѣкоторой степени отстаивать выставленное г. Косинскимъ положеніе, то только по отношенію къ крестьянамъ, дѣйствительно ведущимъ хозяйство потребительно-трудового типа, и его уже ни въ какомъ случаѣ нельзя отстаивать, даже у насъ въ Россіи, по отношенію къ тѣмъ крестьянамъ, которые ведутъ хозяйство болѣе или менѣе ясно выраженнаго капиталистическаго характера, а тѣмъ болѣе—по отношенію къ нѣмецкимъ „бауерамъ“, которые, конечно, не менѣе точно учитываютъ прибыль и ренту, нежели какіе-нибудь среднерусскіе помѣщики средней руки.

Другою, практически гораздо болѣе важною, ошибкою г. Косинскаго является, какъ я уже сказалъ, его чрезмѣрный оптимизмъ, поскольку рѣчь идетъ о видахъ на повышеніе интенсивности крестьянскаго хозяйства. Въ теоретической части своей книги г. Косинскій очень остроумно мотивируетъ то, впрочемъ, по сущности своей не новое положеніе, что „при крестьянскомъ хозяйствѣ можно добыть больше продуктовъ, чѣмъ при капиталистическомъ“ (173), что „тамъ, гдѣ, напримѣръ, плодосмѣнная система будетъ уже невыгодна для помѣщика, она еще можетъ быть съ выгодой примѣняема крестьяниномъ“ (175). „Можно“, „можетъ“—противъ такой постановки вопроса возражать, конечно, не приходится. Но во второй части книги эта возможность превращается уже въ „склонность“, мало того—въ дѣйствительность: „крестьянство склонно вести свое хозяйство болѣе интенсивно, и въ техническомъ отношеніи, при сколько-нибудь сносныхъ культурно-правовыхъ условіяхъ, отнюдь не уступаетъ крупному; поэтому крестьянское хозяйство даетъ (здѣсь—уже „даетъ“!) съ единицы площади больше валового продукта“ (354), откуда дѣлается и непосредственный практическій выводъ: что „переходъ земли изъ рукъ крупныхъ (капиталистическихъ) сельскихъ

хозяевъ въ руки мелкихъ, некапиталистическихъ, въ народно-хозяйственномъ отношеніи является выгоднымъ" (тамъ же).

Я глубоко вѣрю въ возможность повышенія культурно-хозяйственнаго уровня крестьянскаго хозяйства, вѣрю въ то, что теоретически несомнѣнная возможность большей его интенсивности рано или поздно претворится въ реальную дѣйствительность. Но я, къ сожалѣнію, не могу думать, чтобы дѣло обстояло такъ легко и просто, какъ это представляется нашему автору. Г. Косинскій ссылается на нѣмецкіе авторитеты—Штумпфе, Конрада и др.; но даже для Германіи эти авторы констатируютъ нѣкоторую отсталость крестьянскаго хозяйства по сравненію съ капиталистическимъ; даже эти германскіе авторитеты настаиваютъ на томъ, что „производительность крестьянскихъ хозяйствъ (по сравненію съ крупными предпріятіями) стоитъ выше всего въ наиболѣе развитыхъ мѣстностяхъ съ наиболѣе интенсивною культурой", и наоборотъ—ниже всего при противоположной совокупности условій; „чѣмъ выше,—говоритъ Штумпфе—поднимается культурный уровень населенія, чѣмъ интенсивнѣе ведется сельское хозяйство, чѣмъ выше средній уровень образованія, тѣмъ производительнѣе и болѣе способно къ конкуренціи становится крестьянское хозяйство" (374—375); въ Германіи середины XIX вѣка, какъ констатируетъ тотъ же Штумпфе, „крупные предприниматели, вслѣдствіе своей высшей культурности, далеко опередили крестьянъ" (376). И когда Штумпфе говоритъ о полной возможности для крестьянина достигнуть такихъ же успѣховъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, какихъ достигаетъ капиталистическій предприниматель, онъ имѣетъ въ виду „крестьянина" въ современномъ нѣмецкомъ смыслѣ, да и то поставленнаго въ исключительно благопріятныя условія: снабженнаго въ изобиліи капиталомъ, получившаго хорошее общее и сельскохозяйственное образованіе, практиковавшагося въ чужихъ хозяйствахъ и т. п. (378). Развѣ это все имѣетъ что-нибудь общаго съ тѣми „сколько-нибудь сносными культурно-правовыми условіями", наступленія которыхъ можно ожидать, въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, у насъ, въ Россіи?.. А если ничего, то та увѣренность, съ которою г. Косинскій говоритъ о выгодности, въ нашихъ условіяхъ, перехода земли изъ рукъ капиталистическихъ предпринимателей въ руки крестьянъ является, по меньшей мѣрѣ, слабо обоснованной.

По мнѣнію г. Косинскаго, улучшеніе крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства встрѣчаетъ у насъ препятствія двоякаго рода, впрочемъ, неразрывно сплетающіяся между собой: одно—это дефицитность крестьянскаго бюджета—разъ нехватаетъ на прокормленіе, то откуда взять средствъ на улучшеніе сельскохозяйственнаго производства (494)? другое, конечно, въ малоземельѣ: „трудъ есть единственный творецъ богатства, и потому малоземелье и развившаяся на почвѣ малоземелья система арендныхъ отношеній, ставящая трудъ въ крайне невыгодныя условія, въ корень подрываетъ благосостояніе крестьянскаго хозяйства, ставя народное хозяйство въ безысходно тяжелое положеніе" (290). Противъ всего этого, очевидно, не приходится возражать, поскольку, дѣйствительно, имѣется налицо дефицитность крестьянскаго бюджета, поскольку есть налицо малоземелье. Ничего нельзя возразить и тогда, когда г. Косинскій опредѣляетъ малоземелье, какъ „довольно сложное явленіе", предполагающее невозможность для населенія использовать свой трудъ, недостаточность продукта послѣдняго для продовольствія и отсутствіе заработковъ (348—349). Но когда г. Косинскій въ безграничнo-общей формѣ заявляетъ, что „безъ увеличенія площади кресть-

янскаго землепользованія не можетъ быть и рѣчи о подъемѣ техники сельскаго хозяйства", ибо безъ этого „крестьянство не будетъ въ силахъ произвести даже самомалѣйшей затраты для подъема интенсивности хозяйства"; когда онъ, въ подтвержденіе этого положенія, ссылается, между прочимъ, на П. П. Маслова и на пишущаго эти строки, въ то время какъ и г. Масловъ, и я затратили не мало силъ на выясненіе того, что такъ называемое малоземелье представляетъ собой нѣчто, имѣющее весьма мало общаго, просто, съ малымъ количествомъ надѣльной земли; когда на послѣднихъ страницахъ своей книги г. Косинскій говоритъ отъ „отсутствіи земли у крестьянства и воли у всего 150-милліоннаго населенія Россіи", какъ причинахъ современнаго сельскохозяйственнаго кризиса: объ *отсутствіи* земли у *крестьянства!* какъ будто бы все вообще крестьянство въ Россіи не только страдаетъ отъ малоземелья, но даже вовсе не имѣетъ земли!—то во всемъ этомъ приходится видѣть уже не плоды спокойнаго и безпристрастнаго научнаго изслѣдованія, а отблески того пожара аграрнаго движенія, который, по признанію нашего автора, слишкомъ уже ярко озарялъ страницы второй части его работы и окрашивалъ его разсужденія и выводы въ слишкомъ уже явно публицистическій оттѣнокъ.

Книга г. Косинскаго, какъ я выше отмѣтилъ, представляетъ собой только первый томъ задуманной имъ большой работы объ условіяхъ крестьянскаго и капиталистическаго сельскаго хозяйства. Я позволю себѣ пожелать, въ заключеніе настоящей рецензіи, чтобы имѣющій послѣдовать 2-ой томъ оказался свободнымъ отъ того механическаго соединенія научнаго изслѣдованія и публицистики, какимъ страдаетъ этотъ первый томъ: публицистика—хорошая и необходимая вещь, но очень жаль, когда она вторгается въ область строгаго научнаго изслѣдованія.

А. Кауфманъ.

ИСТОРІЯ.

Ч. Оманъ. Великое крестьянское возстаніе въ Англіи.

Ч. Оманъ. Великое крестьянское возстаніе въ Англіи. Изд-ва „Міръ". Перев. С. Г. Займовскаго. М. 1907. Ц. 50 к. Англійскимъ историкамъ-классикамъ не повезло въ Россіи. Фрудъ, Лекки, Фриманъ, Стеббзъ, Гардинеръ, Мэтландъ остаются непереведенными. Оману посчастливилось. Предисловіе его книги помѣчено 3 мая 1906, а въ началѣ 1907 книга уже поступила на русскій книжный рынокъ. Тому причины: повстанческій сюжетъ (Оманъ въ сосѣдствѣ съ Марксомъ и Бебелемъ), краткость, общедоступность. Но Оманъ, вѣроятно, обидѣлся бы, если бы узналъ, что въ его „седьмомъ" трудѣ увидали агитаціонную и популяризирующую работу. Онъ очень далекъ отъ всякаго соціализма и ультра-респектабеленъ: профессоръ новой исторіи въ Оксфордѣ (Chichele professor) и членъ британской академіи. Онъ хотѣлъ написать у ное изслѣдованіе, первую научную исторію возстанія 1381 года. Та е намѣреніе возникло у него лишь по незнанію одного изъ восточн ъ языковъ, а именно языка русскаго. Первая научная исторія возст я появилась въ 1897 г. и принадлежитъ московскому профессору Д. Петрушевскому (ср. рецензію П. Г. Виноградова въ отчетѣ о X пр - жденіи премій митр. Макарія. 1905); интересный подборъ матері , впрочемъ, недостаточно проработаннаго, имѣется еще въ немного бо е

раннихъ статьяхъ проф. М. М. Ковалевскаго, вошедшихъ во II томъ Экономическаго роста Европы". Сравнительно со своими русскими предшественниками Оманъ находился въ очень выгодномъ положеніи. Ему не нужно было искать матеріала. Онъ могъ воспользоваться двумя готовыми сводами матеріала (A. Reville, 1898, G. M. Trevelyan and E. Powell. 1899) и важною хроникою, которая была открыта и напечатана Тревельяномъ въ 1898 г. (Engl. Hist. Rev. 1898, 509—522). Нужно прибавить, что Оманъ работалъ въ государственномъ архивѣ надъ переписями 1377 и 1381 года.

И тѣмъ не менѣе сопоставленіе съ изслѣдованіемъ проф. Петрушевскаго оказывается очень невыгодно для проф. Омана. Историкъ возстанія не можетъ обойтись однимъ документальнымъ матеріаломъ. Онъ обязанъ обратиться къ хроникамъ, а извѣстія послѣднихъ несравненно больше документальнаго матеріала нуждаются въ предварительной оцѣнкѣ. Систематическій и тонкій критическій анализъ лѣтописной традиціи есть, на мой взглядъ, самая важная часть книги Петрушевскаго. Въ книгѣ Омана страннымъ образомъ вовсе нѣтъ систематической оцѣнки хроникъ. Оттого вся работа становится похожа на некритическій сводъ разнокалибернаго матеріала; отрывочныя и рѣдкія критическія замѣчанія объ отдѣльныхъ эпизодахъ борьбы мало помогаютъ дѣлу. Я сравнивалъ Омана съ Петрушевскимъ для знаменитыхъ четырехъ лондонскихъ дней 1381 г. (12—15 іюня). Вслѣдъ за Тревельяномъ Оманъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе новоотрытой іоркской хроникѣ. Хроника даетъ немало новыхъ и живописныхъ извѣстій, особенно въ разсказѣ о послѣдней сценѣ между королемъ и Тайлеромъ въ Смисфильдѣ 15 іюня. Но Оманъ почти ничѣмъ не обосновываетъ своего выбора и своего пренебреженія къ другимъ разсказамъ о гибели Тайлера (перев. 60—62). Петрушевскій тщательно сводитъ разныя версіи и приводитъ рядъ соображеній, заставляющихъ его относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ подробнымъ разсказамъ о сценѣ въ Смисфильдѣ (214—218). Укажу еще на одну подробность. Текстъ патента, содержавшаго въ себѣ королевскія уступки повстанцамъ, дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, существенно отличающихся другъ отъ друга. Ковалевскій (II 673—674) и особенно Петрушевскій (219—223) удѣлили много вниманія отношенію между двумя редакціями; этотъ вопросъ совершенно не затронутъ у Омана.—По своему характеру изложеніе Омана близко подходитъ къ написанной для большой публики книгѣ Тревельяна (England in the age of Wycliffe 1899, ср. разсказъ о лондонскихъ событіяхъ 223—244), но и ей уступаетъ въ литературныхъ достоинствахъ.

Оманъ придаетъ большое значеніе своимъ архивнымъ наблюденіямъ надъ переписями 1377 и 1381 года. Но какъ разъ эта „оригинальная" часть работы уже подверглась довольно суровой критикѣ со стороны компетентнаго человѣка (Ja. Tait. Engl. Hist. Rev. 1907. jan. 161—164). Тэтъ, напримѣръ, указываетъ, что Оманъ не разобрался даже въ двухъ переписяхъ 1381 года, первую перепись спуталъ со второю. И потомъ при сличеніи переписей Оманъ шелъ по слѣдамъ Пауелля, который уже выяснилъ ненадежность цифръ въ обѣихъ переписяхъ, наличность огромныхъ утаекъ (Rising in East Anglia, 1896). Для спеціалиста въ книгѣ Омана всего интереснѣе напечатанный въ приложеніи отрывокъ подушныхъ податныхъ списковъ 1381 года (подлинникъ 167—182, hundret of Hinckford). Напримѣръ, очень любопытно, что въ сотнѣ Hinckford все населеніе дѣлится на фригольдеровъ, рабочихъ и ремесленниковъ. Ни крѣпостныхъ, ни обычныхъ держателей нѣтъ вовсе (только

одинъ nativus tenens, 172). Очевидно, не только цифры переписи совершенно ненадежны и утаиваютъ людей, но и соціальныя группировки ея совершенно искусственны. Но издательство „Міръ“ не сочло нужнымъ переводить или перепечатывать приложеніе, очевидно находя его не интересимъ для своихъ покупателей. Въ общемъ приходится болѣе жалѣть о томъ, что книга проф. Петрушевскаго все еще не существуетъ въ англійской обработкѣ, нежели сочувствовать тому, что книга проф. Омана переведена на русскій языкъ.

Скажу нѣсколько словъ о переводѣ. Издательство не поручало никому редактировать переводъ. Напрасно. Переводчикъ еще не можетъ самостоятельно справиться съ историческою работою. Беру предисловіе и сличаю съ подлинникомъ. Вижу, что Ревиль списывалъ документы въ „лѣтописномъ отдѣлѣ“, и недоумѣваю. Обращаюсь къ подлиннику и нахожу, что Ревиль работалъ не въ лѣтописномъ отдѣлѣ, а въ государственномъ архивѣ (Record office). Десятью строками ниже нахожу „окладные листы“. Въ подлинникѣ escheators rolls; rolls—столбцы, escheators—финансовые чиновники, принимавшіе „упадавшее“ короні имущество. Два раза вижу въ предисловіи „городскіе округа“ и недоумѣваю, почему утаивали людей только въ городѣ. Смотрю въ подлинникъ и вижу township. Это слово трудно перевести, но, быть можетъ, наиболѣе подходящій переводъ есть „сельское общество“. Copyholders на послѣдней страницѣ превращены въ арендаторовъ; но вѣдь копигольдеры не арендаторы, а „обычные держатели“. Нужно рѣшительно возстать противъ попытки перекрестить Domesdaybook въ „Поземельную книгу“, (стр. 13), противъ передачи shire черезъ „шайръ“. Domesdaybook есть „Книга страшнаго суда“ а shire есть графство.

А. Савина.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Проф. К. Черри. **Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ.**

Проф. К. Черри. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ (Cherry. Growth of criminal law in ancient communities). Пер. съ англійскаго съ предисловіемъ и примѣчаніями П. И. Люблинскаго. Спб. 1907. Русская литература уголовнаго права не отличается богатствомъ; еще бѣднѣе у насъ литература по исторіи права; работы же по исторіи уголовнаго права на русскомъ языкѣ почти отсутствуютъ. Есть отдѣльныя изслѣдованія по исторіи русскаго уголовнаго права; но нѣтъ ни одной книги, которая давала бы возможность ознакомиться на русскомъ языкѣ съ общимъ ходомъ развитія уголовнаго права. Между тѣмъ на западѣ за послѣднее время въ этой области идетъ особенно оживленная и плодотворная работа. Благодаря примѣненію сравнительно-историческаго метода прокладываются новые пути, раскрываются новые широкіе горизонты. Исторія уголовнаго права перестаетъ быть узкою областью одной изъ спеціальныхъ юридическихъ дисциплинъ. Она поднимается до ступени едва ли не ни болѣе яркаго выраженія всего хода развитія соціальной культуры человѣчества и созданныхъ ею формъ общественнаго и политическаго стр Ибо уголовное право каждой данной эпохи слагается подъ вліяні ряда факторовъ, играющихъ первенствующую роль въ культурно-об ственной жизни народа.

Небольшая книга Черри не даетъ столь обильныхъ фактическ

свѣдѣній по исторіи уголовнаго права, какъ другіе болѣе обширные иностранные труды, напр. недавно вышедшій первый томъ новаго сочиненія Вестермарка (автора „Исторіи брака“) по исторіи нравственности (The origin and development of the moral ideas). Но по ясности и объективности изложенія, книга Черри чрезвычайно подходитъ для ознакомленія съ начальными ступенями развитія уголовнаго права. П. И. Люблинскій поступилъ поэтому вполнѣ правильно, избравъ именно ее для перевода на русскій языкъ. Недостаткомъ книги представляется намъ то, что Черри не прослѣживаетъ одновременно въ исторіи права различныхъ народовъ развитіе общихъ всѣмъ имъ институтовъ, а изображаетъ, послѣ краткаго вступленія, въ отдѣльныхъ очеркахъ древнее ирландское, еврейское, магометанское, римское и древнее англійское право. Такая форма изложенія нисколько, конечно, не противорѣчитъ усвоенному авторомъ сравнительно-историческому методу; но она приводитъ къ нѣкоторымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Отдѣльные очерки далеко не въ равной мѣрѣ интересны и содержательны. Такъ, глава, посвященная древнему ирландскому праву, имѣетъ сама по себѣ несомнѣнное научное значеніе; послѣдующіе же очерки интересны преимущественно постольку, поскольку въ каждомъ изъ нихъ на новомъ примѣрѣ прослѣживаются тѣ же общеміровыя формы и ступени развитія уголовнаго права. Это неизбѣжно ведетъ, съ одной стороны, къ повтореніямъ одного и того же, съ другой— къ тому, что нѣкоторые существенные пункты остаются недостаточно выясненными. Сравнительно-историческое изученіе права не требуетъ, конечно, чтобы по каждому вопросу приводилось право всѣхъ существующихъ и существовавшихъ племенъ и народовъ; но если данная сторона какого-либо явленія, слѣды которой лишь слабо и смутно намѣчаются въ исторіи права другихъ народовъ, ясно и рельефно вырисовывается, предположимъ, въ скандинавскомъ правѣ, то, при послѣдовательномъ примѣненіи сравнительнаго метода, надлежитъ въ этомъ случаѣ остановиться именно на скандинавскомъ правѣ, а не на какомъ-либо иномъ. Пробѣлы книги Черри переводчикъ отчасти восполнилъ отдѣльными ссылками на однородныя со встрѣчающимися въ изображенныхъ у Черри правовыхъ системахъ черты древне-германскаго права, древне-русскаго эпохи Русской Правды, и вавилонскаго права, какъ оно выражено въ кодексѣ Гаммураби, составленномъ за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Насколько любопытны сравнительныя указанія переводчика, видно между прочимъ изъ слѣдующаго. Въ постановленіи ст. 5 академическаго списка *Русской Правды* „Оже ли утнетъ руку и отпадетъ рука либо усохнетъ: то 40 гривенъ; аще будетъ нога цѣла, или начьнетъ хромати, тогда чада смирять“—послѣднія слова переводятъ обыкновенно такъ: „дѣти усмирятъ“, т.-е. отомстятъ. „Непонятно при такомъ толкованіи,—указываетъ г. Люблинскій,—почему за болѣе тяжкое поврежденіе (отнятіе руки) допускался выкупъ, а за менѣе тяжкое (ушибъ ноги) требовалась месть“. Сопоставляя постановленіе *Русской Правды* съ поразительно сходнымъ правиломъ, выраженнымъ въ законахъ Этельберта: „Если сломятъ бедро, то bot (пеня) въ 12 шиллинговъ, а если хромать начнетъ, то друзья рѣшатъ“—г. Люблинскій толкуетъ слова „чада смирять“ такъ: „предоставляется друзьямъ примирить между собою дѣтей виновнаго и дѣтей потерпѣвшаго, на которыхъ лежитъ обязанность мести“.

Е. Кулишеръ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Евгеній Лозинскій. Что же такое, наконецъ, интеллигенція.—*Василій Кожевниковъ.* Расправы и разстрѣлы.

Евгеній Лозинскій. Что же такое, наконецъ, (?!) интеллигенція? (Критико-соціологическій опытъ.) С.-пб. 1907 г. Ц. 1 р. стр. 259. Истерическое заглавіе сразу возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе относительно „научныхъ" качествъ этого „критико-соціологическаго опыта", хотя претензій на научность у автора хоть отбавляй. Авторъ выдаетъ себя за крайняго сторонника экономическаго матеріализма и задается цѣлью „разоблачить" и уничтожить Маркса и соціалистовъ при помощи ихъ же собственнаго оружія. На самомъ же дѣлѣ отъ марксизма г. Лозинскій усвоилъ себѣ только самыя слабыя его черты, гегеліанское олицетвореніе общественныхъ категорій. Архаическій марксистскій полемическій пріемъ возведенъ г. Лозинскимъ въ догматъ. Общественные классы въ его книгѣ дѣйствуютъ какъ сознательныя личности, задумываютъ „чудовищные планы", методически проводятъ ихъ въ теченіе десятилѣтій. Одинъ изъ такихъ „чудовищныхъ плановъ" и разоблаченъ г. Лозинскимъ въ его книгѣ. Дѣло въ томъ, что интеллигенція рѣшила „воспользоваться своимъ огромнымъ умственнымъ превосходствомъ надъ другими классами и прежде всего надъ пролетаріатомъ, чтобы задумать, привести въ дѣйствіе и довести до счастливаго конца небывалое еще въ исторіи классовой борьбы надувательство" (стр. 59). „Надувательство" это сводится къ тому, чтобы поднять рабочихъ на борьбу съ капиталомъ, уничтожить капиталистовъ, обобществить производство и такимъ путемъ на эксплоатаціи рабочихъ построить свое классовое господство. Привести въ дѣйствіе это „надувательство" должна соціалъ-демократическая партія, являющаяся партіей класса интеллигенціи.

Но что же такое интеллигенція? Интеллигенція—это, по мнѣнію г. Лозинскаго, „классъ умственныхъ работниковъ" (стр. 164, 167). Уже изъ этого опредѣленія видно, что истерическій вопль въ заглавіи не помогъ г. Лозинскому уяснить это понятіе. Авторъ и не задается вопросомъ, гдѣ провести разграничительную черту между физическимъ и умственнымъ работникомъ. Да и выполнить это невозможно. Когда вы говорите, что интеллигенція рекрутируется изъ умственныхъ работниковъ, это и вѣрно, и понятно. Здѣсь вы оперируете въ широкихъ рамкахъ, такъ что законно можете не обращать вниманія на переходныя формы. Но называя интеллигенціей умственныхъ работниковъ, вы непремѣнно должны указать границы. Конторщикъ, кассиръ, почтовый служащій, журналистъ, докторъ, инженеръ, квалифицированный рабочій—гдѣ тутъ границы между рабочими-пролетаріатомъ и интеллигенціей-„эксплуататоромъ", по мнѣнію г. Лозинскаго? Такъ какъ г. Лозинскій на этотъ вопросъ отвѣта не далъ, то ясно, что его брошюра никакого научнаго значенія не имѣетъ.

На чемъ г. Лозинскій основываетъ свое мнѣніе, что „интеллигенц , т.-е. умственные работники эксплуатируютъ физическихъ? Насколь о можно понять изъ его путаннаго изложенія,—только на существова и неравенства, на полученіи интеллигенціей большаго вознагражденія, чѣ ь физическими работниками. Но вѣдь и сами физическіе работники по - чаютъ неодинаковое вознагражденіе за свой трудъ. Это составляетъ б - спорно неравенство, которое можно защищать или на которое слѣду ь нападать, но этотъ фактъ не имѣетъ ничего общаго съ той экспл -

ціей одного человѣка другимъ, которая существуетъ въ капиталистическомъ обществѣ. Если бы авторъ былъ послѣдователенъ, то долженъ былъ бы вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ объявить эксплуататорами всѣхъ неземледѣльцевъ. Но г. Лозинскій почему-то на протяженіи всей своей книги ни разу не говоритъ о Толстомъ, хотя несомнѣнно, что своимъ глубокимъ непониманіемъ органическаго строенія современныхъ обществъ, опирающихся на раздѣленіе труда, онъ обязанъ нашему философу.

„Надувательство", задуманное интеллигенціей, приводится въ исполненіе соціалъ-демократіей, которой Карлъ Марксъ далъ для этого страшное оружіе въ видѣ „Капитала". Главную свою задачу г. Лозинскій видитъ поэтому въ разоблаченіи „наглой софистики" Карла Маркса (219). Надо однако признать, что употребленный здѣсь эпитетъ по всей справедливости можетъ быть возвращенъ автору. Съ его запасомъ свѣдѣній, нельзя не только критиковать великаго экономиста, но даже и раскрывать его книги.

Какъ извѣстно, Марксъ признаетъ, что цѣнность продукта составляется изъ двухъ частей: одна переносится съ постояннаго капитала (сырой матеріалъ, снашиваніе орудій), другая вновь производится и раздѣляется на возмѣщеніе издержекъ работника (заработную плату, перемѣнный капиталъ) и прибавочную цѣнность, превращающуся въ прибыль. Вотъ это то г. Лозинскій и называетъ „наглой софистикой". Здѣсь— восклицаетъ онъ—самое глубокое смѣшеніе отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія со всѣмъ общественнымъ производствомъ. Переносить стоимость трудъ можетъ только въ единичномъ хозяйствѣ, а въ общественномъ онъ ничего не переноситъ, а лишь все производитъ и создаетъ... Рабочій классъ создаетъ средства производства не ради ихъ самихъ, а для того, чтобы при посредствѣ ихъ успѣшнѣе создавать и предметы потребленія. Стало быть, въ стоимость этихъ послѣднихъ входитъ и стоимость производимыхъ и воспроизводимыхъ средствъ и орудій производства, а слѣдовательно 6.000 единицъ стоимости средствъ производства входятъ въ составъ стоимости имѣющихся предметовъ потребленія, т.-е. общественнаго дохода, подлежащаго раздѣлу, имѣется не на сумму 3.000, а на всѣ 9.000" (219—220). Марксъ же, по мнѣнію г. Лозинскаго, хотѣлъ украсть у рабочихъ эти 6.000 единицъ, которыя не получаются „въ настоящее время ни капиталистами, ни рабочими, *а какимъ то другимъ, крайне таинственнымъ потребителемъ*". Курсивъ принадлежитъ г. Лозинскому, такимъ путемъ ущемляющему ненавистную интеллигенцію.

Въ этомъ разоблаченіи Марксовой „наглой софистики", что ни слово, то перлъ. Во-первыхъ, Марксъ, какъ извѣстно, анализировалъ капиталистическое производство и категорію стоимости признавалъ присущей ему. О какомъ же общественномъ производствѣ говоритъ г. Лозинскій, капиталистическомъ или иномъ? Во-вторыхъ, откуда г. Лозинскій беретъ, что въ стоимость средствъ потребленія входитъ и вся стоимость средствъ производства? Ребенокъ онъ, что ли, ничего не слыхалъ о накопленіи нынѣшнимъ обществомъ средствъ производства и вообще „постояннаго капитала", быстро обгоняющаго производство предметовъ потребленія? Въ третьихъ, очевидно, г. Лозинскій не имѣетъ и представленія о Марксовой теоріи реализаціи, если позволяетъ утверждать, что не стоимость, конечно, а количество средствъ потребленія, соотвѣтствующихъ стоимости постояннаго капитала изъ отрасли производства средствъ производства, не достается ни капиталистамъ, ни рабочимъ, а какой-то интеллигенціи. Это такой вздоръ, о которомъ и говорить совѣстно...

Въ своей брошюрѣ г. Лозинскій спуталъ и смѣшалъ вообще множество самыхъ разнородныхъ вопросовъ: вопросъ о вознагражденіи простого и квалифицированнаго труда, о соціалистической интеллигенціи и рабочихъ, о равенствѣ и обобществленіи производства, объ интеллигенціи и о планахъ создать изъ интеллигенціи аристократію будущаго, новый господскій классъ и т. д. Послѣдній вопросъ, очевидно, только и интересовалъ автора, но онъ отнесся къ нему необыкновенно поверхностно. Онъ, очевидно, и не слыхалъ о существованіи цѣлыхъ соціологическихъ школъ, открыто проповѣдующихъ такое господство. Вмѣсто этого г. Лозинскій взялся за изобличеніе „надувательства" интеллигенціи и дѣлаетъ это въ формѣ, до которой низойдетъ не всякій сотрудникъ „*Московскихъ Вѣдомостей*". „Соціалистическая интеллигенція—опаснѣйшій врагъ рабочихъ". Народники-революціонеры 70-хъ годовъ считали своей задачей „втянуть народъ всевозможными *обманными* формулами и *лживыми* обѣщаніями въ борьбу съ притѣснителями и обидчиками интеллигенціи" (94). „Я подхожу къ нашей революціонной, соціалистической интеллигенціи съ самой простой мѣркой человѣчности и все же нахожу на ея челѣ—печать Каина" (99).

Это—не критика, это—мерзость, которая позоритъ того, кто ее говоритъ.

А. С. Изгоевъ.

Василій Климковъ. Расправы и разстрѣлы. М. Ц. 1 р. 25 к. Г. Климковъ не обладаетъ никакими талантами. Его описанія лишены всякой яркости, психологическаго анализа, какихъ-либо художественныхъ украшеній. Простой и сѣрый отчетъ, написанный съ мѣста дѣйствія, наскоро набросанный карандашомъ въ блокъ-нотѣ. Нерѣдко отчетъ автора прерывается вываленной тутъ же грудой сырого матеріала. Далеко автору до его товарища Владимірова, также посвятившаго свои силы разслѣдованію ужасовъ революціонной эпохи. Владиміровъ—красочный, хотя и мелодраматическій публицистъ, Климковъ—сухой протоколистъ.

Но именно благодаря отсутствію художественной яркости книга Климкова и производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Все разсказываемое авторомъ чрезвычайно просто. Забрали солдаты кучу народу и посадили въ участокъ, затѣмъ стали разводить по комнатамъ: кого поведутъ въ правую комнату—того отпускаютъ, кого въ лѣвую—разстрѣляютъ. И другая сцена: арестованныхъ заставляютъ сѣчь другъ друга. Или, напримѣръ, такой протоколъ:

Селеніе Тугъ.

1) *Серунашъ Еланьянцъ*, 40 лѣтъ. Казаки меня изнасиловали и ограбили.

2) *Мейхи Мовсесянцъ*, 50 лѣтъ. Меня изнасиловали и ограбили.

3) *Маріанюль Оганджаманцъ*, 17 лѣтъ. Въ нашемъ домѣ былъ только отецъ старикъ. Ворвались 6—7 человѣкъ, побили отца и выгнали его изъ дому, а изъ казаковъ трое изнасиловали меня... и т. д. и т. д. до безконечности.

Сквозь эти сухіе протоколы, тщательно собранные Климковымъ, [illegible]сающіеся декабрьскихъ московскихъ дней, Польши, Прибалтійскаго Кр[illegible], Кавказа, выглядываетъ простая и страшная правда такъ называе[illegible]й „россійской революціи".

Что въ сущности тогда происходило? Массы населенія, забитыя, [illegible]вѣжественныя, покинутыя, тщетно въ теченіе десятилѣтій ждали вн[illegible]нія къ своимъ нуждамъ, ждали помощи. Ничего не дождались, [illegible] и

глухо волноваться, особенно послѣ позорной войны. Революціонная интеллигенція истолковала это волненіе въ томъ смыслѣ, что народъ всецѣло примыкаетъ къ ней и готовъ къ революціонному взрыву. Къ простымъ и важнымъ народнымъ нуждамъ были пристегнуты чуждые сознанію народныхъ массъ лозунги „учредительнаго собранія", „демократической республики" и т. д., и движеніе пошло подъ этимъ краснымъ флагомъ. Правительство, и тутъ не обративъ вниманія на истинныя народныя нужды, обратило чрезмѣрное вниманіе на флагъ и послало артиллерію, кавалерію и пѣхоту громить и разстрѣливать мирное населеніе. Тогда то—и только тогда—это мирное населеніе начало дѣйствительно революціонизироваться, понимать и воспринимать революціонные лозунги. Этотъ процессъ, созданный усиліями власти, продолжается и теперь.

Протоколы, собранные Климковымъ, даютъ много яркихъ указаній, какъ русскія власти старательно разрушали русскую государственность. Да, потомки наши не помянутъ добрымъ словомъ всѣхъ этихъ Дубасовыхъ, Миновъ, Ренненкампфовъ, Сиверсовъ и др.

А. С. Изгоевъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 апрѣля 1907 г.

А. Б—ичъ. Месть крестьянина. Историческій романъ изъ временъ Людовика XIV. Перев. съ французск. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1907 г. Ц. 25 к.

Алексѣевъ, А. С. Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Анатоль, Франсъ. Садъ Эпикура. Пер. съ фр. Ю. Бромлей. М., 1907 г. Ц. 70 к.

Андреевъ, П. Н. Юго-западныя желѣзныя дороги. Историческо-экономич. очеркъ въ связи съ результатами эксплоатаціи ю.-з. ж. д. за время до перехода и послѣ перехода въ казенное управленіе. Кіевъ, 1906 г.

Аѳанасьевъ, Г. Исторія Ирландіи. Изд. акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“, подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бальмонтъ, К. Д. Злыя чары“. Изд. журнала „Золотое Руно“. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Библіотека „Просвѣщенія“. № 33. Записки рабочаго. Съ предисл. П. Гере. Перев. съ нѣм. съ предисл. д-ра Я. А. Лурье. Ц. 55 к. № 34. *Мохъ, Г.* Постоянная армія и милиція. Перев. съ 2-го франц. изд. А. Ф. Каганъ-Шабшая. Ц. 55 к. № 35. *Фроме, К.* Монархія и республика. Перев. съ 2-го нѣм. изд. В. В. Задлера. Ц. 1 р. № 36. *Зомбартъ, В.* Пролетаріатъ въ Америкѣ. Перев. съ нѣм. Б. Н. Смирнова. Ц. 30 к. № 37. *Калеръ. Эм.* Вильгельмъ Вейтлингъ, его жизнь и ученіе (къ исторіи коммунист. ученій). Перев. съ нѣм. А. Э. Дюбуа и А. П. Лурья. Ц. 35 к. № 38. *Люксъ, Г. д-ръ.* Этьеннъ Кабэ и икарійскій коммунизмъ. Перев. съ нѣмец. В. А. Кожевникова и Б. С. Мальцмана. Ц. 65 к. №№ 39, 40, 41. *Помяловскій, Н. Г.* Очерки бурсы. Ц. 75 к. Вуколъ. Ц. 10 к. Мѣщанское счастье. Ц. 50 к. Спб.

Библіотека „Свободная Россія“, подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова. 1) *Андреевъ, М. Н.* Германія въ 48-мъ году. Ц. 20 к. 2) *Богословскій, М. М.* Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 10 к. 3) *Фортунатовъ, С. Ѳ.* Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 к. 4) *Игнатовъ, И. Н.* Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 к. 5) *Мимоковъ, П. Н.* Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 к. 6) *Петровскій, И. А.* Всеобщее избирательное право и системы выборовъ. Ц. 10 к. 7) *Максимовъ, А. Н.*, и *Фортунатовъ, С. Ѳ.* Одна или двѣ палаты? Ц. 10 к. 8) *Короленко, В. Г.* Трагедія генерала Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 к. 9) *Пругавинъ, А.* Вопіющее дѣло. Ц. 10 к. 10) *Игнатовъ, И. Н.* Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 к. 11) *Соболевъ, М.* Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 к. 12) *Самойловъ, Давидъ.* Революція 48-го года во Франціи. Ц. 15 к. 13) Къ исторіи декабристовъ. Ц. 10 к. 14) *Богословскій, М.* Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка. Ц. 15 к. 15) *Бѣлоруссовъ.* Изъ прожитаго. Ц. 20 к. 16) *Бѣлевскій, А. С.* Земельный вопросъ и націонализація земли. Ц. 20 к. 17) *Ячушкинъ, В.* Крестьянская реформа 18[illegible] г. и русское общество. Ц. 10 к. 18) *[illegible]словскій, М. М.* Конституціонное [illegible]женіе 1730 г. Ц. 10 к. 19) *Форт[illegible]товъ, С. Ѳ.* Права гражданина въ Ам[illegible] и въ Сѣверо-Американскихъ Соеди[illegible]ныхъ Штатахъ. Ц. 6 к. 20) *Под[illegible]скій, Ю.* Конституція Царства Польс[illegible] и ея судьба. Ц. 15 к. 21) *Чупровъ, А. [illegible]* Аграрная реформа и ея вѣроятное [illegible]ніе на сельско-хозяйственное прон[illegible]ство. Ц. 10 к. 22) *Его же.* Мелкое [illegible]

владѣніе въ Россіи и его основныя нужды. Ц. 15 к. 23) *Его же.* Реформа земледѣлія въ Италіи. Ц. 15 к. 24) *Алексѣевъ, В. П.* Начало и конецъ самодержавія въ Россіи. Ц. 15 к. 25) *Дживелеговъ, А. К.* Крестьяне въ революціяхъ сорокъ восьмого года. Ц. 10 к. 26) *Чупровъ, А. И.* Агрономическая помощь въ Италіи. Ц. 15 к. 27) *Его же.* Къ вопросу объ аграрной реформѣ. Ц. 15 к. 28) *Родіоновъ, Л.* Правовое государство. Ц. 35 к. 30) *Алексѣевъ, В. П.* Первый русскій парламентъ. Ц. 15 к. Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М., 1906 г.

Библіотека „Свободная Россія" подъ общ. редакц. С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова. Общедоступная серія: № 2. *Звягинцевъ, Е. А.* О земствѣ и какъ его нужно устроить для пользы всего народа. Ц. 10 к. № 3. *Титовъ, А. А.* Крѣпостное право, его отмѣна и судьба крестьянства до нашихъ дней. Ц. 15 к. № 6. *Звягинцевъ, Е. А.* Какъ нужно преобразовать наши городскія думы и управы. Ц. 10 к. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. Спб., 1906 г.

Библіотека „Юнаго читателя". 1) Страна великихъ озеръ (Канада). Съ рисунк. Состав. Э. Пименова. Ц. 25 к. 2) Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Ц. 25 к. 3) Война и миръ въ царствѣ животныхъ. Съ рис. Состав. М. Сабинина. Ц. 15 к. Спб., 1907 г.

Библіотека декабристовъ. Вып. I, II и III. М., 1907 г. Подписная цѣна за 12 вып. 6 р. Съ дост. 7 р.

Бодлэръ, Шарль. Мое обнаженное сердце. Переводъ Эллисъ. М., 1907 г. Изд. книгоизд. т-во „Дилетантъ". Ц. 50 к.

Бирманъ. Коммунизмъ и анархизмъ. Перев. съ нѣм. Изд. Б. В. Яковенко. Спб., 1907 г. Ц. 40 к.

Бурдинъ, П. Результаты опытовъ по примѣненію удобреній и изученію сѣвооборотовъ на горно-нивскомъ опытномъ полѣ института с. х. и лѣсоводства въ Новой Александріи (Любл. губ.). Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Бухъ, Левъ. Краткій курсъ политической экономіи. Спб., 1907 г. Ц. 70 к.

В. В. Государственные доходы Россіи сравнительно съ другими странами. Изд. книжн. маг. „Наша жизнь". Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

В. В. Судьба капиталистической Россіи. Экономическіе очерки Россіи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

В. Ф. Можно ли человѣку безъ работы жить? Изд. „Посредника". М., 1907 г. Ц. 2 к.

Вандервельде, Э. Соціализмъ и земледѣліе. Курсъ лекцій, читанный въ 1906 году въ Новомъ университетѣ въ Брюсселѣ. Перев. съ франц. Г. Владимировой. М., 1907 г. Ц. 35 к.

Весенніе голоса. Сборникъ стихотвореній и разсказовъ для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1907 г. Изд. Кіевскаго о-ва взаимопомощи трудящихся женщинъ. Ц. 75 к.

Волинъ, Ю. Разсказы. Изд. „Глобусъ". Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Галанскій, С. Свободныя пѣсни 1906 года. Спб., 1907 г. Ц. 12 к.

Галуновъ, Александръ. Вереница этюдовъ. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Ганжулевичъ, П. Достоевскій и Герценъ въ исторіи русскаго самосознанія. Спб., 1907 г. Ц. 15 к.

Гауптманъ, Гергартъ. Ткачи. Драма изъ жизни нѣмецкихъ ткачей 40-хъ годовъ. Въ 5-ти дѣйств. Полный перев. съ нѣмец. Д. Гальперина. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1907 г. Ц. 25 к.

Гензель, П. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи. Изслѣдованіе по исторіи англійскихъ финансовъ. М., 1907 г. Ц. 3 р. 50 к.

Герценъ, А. И. 1) Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ. Ц. 12 к. 2) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Ц. 20 к. 3) Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к. 4) Старый міръ и Россія. Ц. 10 к. 5) Крещеная собственность. Ц. 8 к. 6) Русскій народъ и соціализмъ. Ц. 10 к. Спб., 1906 г.

Гофманъ, Модестъ. Соборный индивидуализмъ. Религіозно-философскій очеркъ. Обложка Л. С. Бакста. Изд. „Кружка молодыхъ". Спб., 1907 г. Ц. 65 к.

Градовскій, Г. К. Двѣ драмы: 1) Старый либералъ. 2) Во имя любви. Кіевъ, 1907 г. Ц. 1 р.

Грінченко, Борисъ. Перед широким світом. Ціна 1 карб. 1) На роспутті. Ціна 75 коп. 2) Українські народні казки. Ціна 65 коп. 3) Сам собі пан. Ціна 3 коп. У Київі, 1907.

Гриневская, Изабелла. 1) Право книги. Ц. 1 р. 2) Бабъ. Драматическая поэма изъ исторіи Персіи. Ц. 2 р. Спб., 1907 г.

Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Т. II-ой. Спб., 1907 г. Изд. т-ва „Знаніе". Ц. 1. р.

Гутковскій, Н. К. Ученіе о теплотѣ въ связи съ вопросомъ о строеніи вещества. Симферополь, 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюго, Викторъ. Осужденный на смертную казнь. Перев. съ франц. Изд. „Посредника". М., 1907 г.

Даріенъ и Лоръ. Французская каторга „Бирибя". Пьеса въ 3-хъ актахъ. Перев. Экъ. М., 1907 г. Ц. 75 к.

Демчинскій, Борисъ. Христосъ въ революціи. (Фантазія.) Спб., 1907 г. Ц. 80 к.

Денисюкъ, Н. Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Вып. II, III и IV. Изд. Панафидиной. М., 1906 г. Ц. вып. I—Ц. 1 р. 25 к., вып. II—1 р. 50 к., вып. III—1 р. 50 к.

Джемсъ, Мак-Конкей. Три тайны духа святого. Вольный перев. съ франц. А. Д. Рычковой-Зацѣпиной. Изд. „Сіона". М., 1906 г. Ц. 15 к.

Дицгенъ, Іосифъ. Экскурсіи соціалиста въ область теоріи познанія. Съ прилож. статьи Евгенія Дицгена: Максъ Штирнеръ и Іосифъ Дицгенъ. Перев. съ послѣдн. нѣмецк. изд. Б. С. Вейнберга, подъ редакціей П. Дауге. Изданіе П. Г. Дауге. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Женщины. Разсказы: Георга Оммтеда, Андре Терье, Ильзы Франанъ, Эрнеста Альгрена и Бретъ Гарта. Изд. „Посредникъ". М., 1907 г. Ц. 50 к.

Журналы засѣданій очереднаго елизаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія въ сентябрѣ 1906 г. (сессія XLII). Съ прилож. докладовъ управы и коммиссій. Елизаветградъ, 1906 г.

Землевладѣлицы —ой. Открытое письмо въ совѣтъ моск. о—ва с. х. „Объ аграрныхъ вопросахъ". Москва, 1906 г. Изд. „Сіона". Ц. 15 к.

Ивинскій, Борисъ. Разсказы. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Исаевъ, А. А. Индивидуальность и соціализмъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Кампфмейеръ, П. Проституція, какъ общественно-классовое явленіе, и общественная борьба съ нею. Съ нѣмец. Переводъ П. Афанасьева подъ редакціей Б. Авилова. Спб., 1907 г. Изд. т-ва „Знаніе". Ц. 20 коп.

Кичуновъ, Н. И. Огородничество. Общедоступное наставленіе къ разведенію огородныхъ овощей въ открытомъ грунту преимущественно для сѣверной и средней Россіи. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1907 г. Ц. 45 к.

Князьковъ, С. Изъ прошлаго русской земли. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коноровъ, М. И. Труды перваго всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи въ Спб. 1906 г. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. 20 к.

Коровинъ, А. Опытъ анализа главныхъ факторовъ хроническаго алкоголизма. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кропоткинъ, П. Томъ пятый. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англійскаго. Переводъ В. Батуринскаго подъ редакціей автора. Спб., 1907 г. Изд. т-ва „Знаніе". 1 р.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Изъ эпохи освободительнаго движенія. II. 17 октября 1905 г.—8 іюля 1906 г. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.

Лавриновичъ, Ю. Итоги россійской конституціи. Спб., 1907 г. Ц. 25 к.

Лагарделль, Губертъ. Всеобщая стачка и соціализмъ. Международная анкета. Мнѣнія и документы. Перевелъ съ франц. Г. Оленевъ. Изд. В. М. Якобо. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Лейтенантъ С. (К. К. Случевскій.) Стихотворенія. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ". Книга первая. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Лонгъ, В. Школа лѣсовъ. Вып. III и IV. Перев. съ англійск. А. Ульяновой. Съ рисунками Копеланда. Ц. вып. III.—40 коп.; вып. IV—30 коп. Изд. И. Горбунова-Посадова. М., 1907 г.

Мало-Гекторъ. Безъ семьи. Повѣсть. Перев. съ франц. (въ сокращеніи) М. А. Круковскаго. М., 1907 г. Ц. 40 к.

Мережковскій, Д. Христосъ и антихристъ. Трилогія. III. Антихристъ. (Петръ и Алексѣй.) Изд. второе М. В. Пирожкова. Спб., 1906 г. Ц. 2 р.

Милицына, Е. Не по закону. М. Изд. „Посредника". Ц. 3 к.

Мирбо, Октавъ. На войнѣ. Перев. Ширманъ-Коганъ. Изд. „Посредника". М., Ц. 3 к.

Митрофановъ, П. Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги. (1780—1790). Спб. 1907 г. Ц. 3 р.

Мицкевичъ, А. Панъ Тадеушъ. Поэма. Перев. Н. В. Берга. Изд. второе Л. Пантелѣева. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Наживинъ, Ив. Менэ... текел... фарес... Романъ. М., 1907 г. Ц. 2 р.

Наше мѣсто въ вѣчности. Кіевъ, 1907 г. Ц. 50 к.

Н. Г. Ідея федералізму у декабристів. У Київі, 1907. Ціна 10 к.

Николинъ, Н. 1) Древній Римъ. Съ 32 рис. и 4 картами. Ц. 40 к. 2) Древняя Греція. Съ 36 рисунк. Ц. 40 коп. 3) Древнѣйшіе жители Европы. Съ 32 рис. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1907 г. Ц. 20 коп.

Обзоръ коммерческой дѣятельности юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ за 1895—1904 гг. Кіевъ, 1906 года.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Гоголь. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Отзывы наиболѣе распространенныхъ финляндскихъ газетъ по поводу преступнаго распространенія нелѣпыхъ слуховъ „о вооруженіи Финляндіи". Спб., 1907 г.

Пантюховъ, Михаилъ. Тишина и старикъ. Повѣсть. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пашинская, Е. П., Де Турже-Туржанская, Е. П. Безправны (Очерки и разсказы.) Прибыль съ изд нія поступаетъ въ московскій комит общественной помощи голодающи Смоленскъ, 1907 г. Ц. 50 к.

Перепись Москвы 1904 года. Часть Населеніе. Вып. 3-й. М., 1906 г. И статистическаго отдѣла московской родской управы.

Покровскій, С. П. 1) Министер власть въ Россіи. Ц. 3 р. 2) Минис

ская власть въ Россіи въ освободительную эпоху. Ярославль, 1906 г. Ц. 60 к.

Поповъ, И. И. Дума народныхъ надеждъ. Очеркъ дѣятельности первой русской Думы и Государственнаго Совѣта. М., 1907 г. Изд. В. М. Саблина. Ц. 85 к.

Ревеліоти, В. Д. Учебникъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній и профессіональныхъ школъ. М., 1907 года. Ц. 75 к.

Ремизовъ, А. Посолонь. М., 1907 г. Изд. журнала „Золотое Руно". Ц. 1 р.

Ренанъ, Эрнестъ. Апостолы. Пер. съ франц. М. А. Шишмаревой. Спб., 1907 г. Изд. Н. Глаголева. Ц. 80 к.

— Антихристъ. Переводъ безъ всякихъ сокращеній со второго изданія Е. В. Святловскаго. Спб., 1907 г. Изданіе М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 50 к.

Рудевичъ, Л. и О. Дѣтская душа. Сборникъ художественныхъ отрывковъ изъ произведеній русскихъ писателей, обрисовывающихъ психологію дѣтей. М., 1907 г. Изданіе К. Тихомирова. Цѣна 2 р. 50 к.

Рычкова-Зацѣпина, А. Д. Изъ „Книги Началъ". Три этюда. Изд. „Сіона". М., 1906 г. Ц. каждому 15 к.

Савихинъ, В. (В. И. Ивановъ). Пробужденіе и другіе разсказы. М., 1906 г. Изд. „Посредника". Ц. 1 р. 30 к.

Севастопольскія письма Н. И. Пирогова 1854—1855 гг. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Ю. Г. Малиса. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Семеновъ, С. Т. Призывной. Изданіе „Посредника". М. Ц. 2 к.

Семеновъ, Левъ. Диктаторъ. Политическая фантазія. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Сергѣевъ-Ценскій, С. І.—Изд. книгоизд. „Міръ Божій". Спб. Ц. 1 р.

Сестры —а. Открытое письмо. Къ выборамъ въ Государственную Думу. Изд. „Сіона". М., 1906 г. Ц. 15 к.

Сафроновъ, М. Е. Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1906 г. Ц. 75 к.

Стражевъ, Викторъ. О печали свѣтлой. К—во Заратустра. М., 1907 г. Ц. 60 к.

Студенческій сборникъ. Изд. харьковскаго студенческаго литературнаго кружка. Харьковъ, 1907 г. Ц. 75 к.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный перев. съ греческ. всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ И. Ѳ. Анненскаго. Т. І. Изд. „Просвѣщенія". Спб. Ц. 6 р. за три тома.

Тищенко, Ѳ. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Спб., 1907 г. 5 к.

Толстой, Л. Н. 1) Въ чемъ моя вѣра. Изд. второе. Ц. 40 к. 2) О жизни. 3) О новомъ жизнепониманіи. Изд. второе. Ц. 35 к. 4) За что? Разсказъ изъ временъ польскихъ возстаній. Изд. „Посредника". М., 1907 г. Ц. 8 к.

Ульянова, А. Дружба въ мірѣ животныхъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Унтерманъ, Эрнестъ. Антоніо Лабріола и Іосифъ Дицгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Перев. съ нѣмецк. Наумова, подъ редакціей П. Дауге. Изд. П. Г. Дауге. Спб. 1907 г. Ц. 25 к.

Уоллесъ, Альфредъ. Научныя и соціальныя изслѣдованія. Т. ІІ. Перев. съ англійскаго Л. Лакіера. Спб., 1906 г. Ц. 80 к.

Федоровъ, А. Природа. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе С. Скирмунта. Спб., 1906 г.

Чернышевскій, Н. Г. Прологъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб., 1906 г. Ц. 1 р.

Членовъ, Е. В. Эволюція политическаго сіонизма и задачи текущаго момента. Спб., 1907 г.

Шейдъ, К. проф. Химическіе опыты для юношества. Перев. съ нѣмец. Подъ редакціей Е. С. Ельчаninова. Одесса. 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Шекспиръ. Трагедія о королѣ Ричардѣ ІІ. Переводъ Модеста Чайковскаго. М., 1907 г.

Шелли. Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ третій. Спб., 1907 г. Изд. т-ва „Знаніе". Ц. 2 р.

Шиманскій, Ад. Тоска по родинѣ. Съ польскаго перевела М. Троповская. Изд. „Посредника". М., 1907 г. Ц. 2 к.

Шнурбушъ, О. Водяное отопленіе оранжерей, теплицъ и другихъ культивацiонныхъ помѣщеній. Перев. съ нѣм. Н. Г. Михайлова. Подъ редакціей и съ дополненіями Н. И. Кичунова. Съ 137 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Штирнеръ, Максъ. Единственный и его собственность. Пер. съ нѣмецк. Г. Федера. Съ приложеніемъ статьи „Жизнь Штирнера" А. Горнфельда. Изд. В. И. Яковенко. Спб., 1907 г. Ц. 80 к.

Ювачевъ, И. П. (И. П. Миролюбовъ.) Шлиссельбургская крѣпость. Изд. „Посредника". М., 1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *Лордъ Байронъ.* Каинъ. Мистерія. Перев. Ив. Бунина.—Литературно-художественные альманахи. Книгоизд. „Шиповникъ". Книга первая.—Молодая Бельгія. Т. I. Поэты. Сборникъ подъ ред. Маріи Веселовской.

Политическая экономія: *Проф. В. А. Косинскій.* Къ аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помѣщичье хозяйство . . . . . .

Исторія: *Ч. Оманъ.* Великое крестьянское возстаніе въ Англіи . . . .

Юридическія книги: *Проф. К. Черри.* Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. . . . . .

Публицистика: *Евгеній Лозинскій.* Что же такое, наконецъ, интеллигенція.—*Василій Климковъ.* Расправы и разстрѣлы. . . . . .

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 апрѣля 1907 г.

БОЛЬНЫМЪ!!!

„Да будетъ всѣмъ извѣстно, что секаровская жидкость есть возстановитель силъ, укрѣпляющее, а не возбуждающее средство. Эта жидкость, возвращая больному силу, заставляетъ исчезнуть всякій недугъ самимъ собою. Это своего рода узда, совершенно безвредная, назначеніе которой—задержать роковые шаги человѣка къ старости. Однимъ словомъ, это источникъ жизни, болѣе могущественный, чѣмъ переливаніе крови и всѣ остальные способы, примѣняемые въ борьбѣ съ человѣческою слабостью въ цѣляхъ задержанія ея печальныхъ послѣдствій" (д-ръ медиц. Гаузэ, основат. Броунъ-Секаровскаго инст. въ Парижѣ).

Французскій врачъ профессоръ Броунъ-Секаръ, 72-лѣтній старикъ, вынужденъ былъ старческимъ ослабленіемъ силъ къ отказу отъ врачебной практики и чтенія лекцій. Въ ослабѣвшемъ тѣлѣ профессора еще работала мысль и, понятно, особенно сильно надъ тѣмъ, какъ бы возвратить себѣ энергію молодости. Растеревъ железы только что убитаго здороваго кролика въ солоноватой водѣ и процѣдивъ черезъ батистъ полученную въ ступѣ жидкость, Броунъ-Секаръ впрыснулъ себѣ подъ кожу и послѣ перваго же впрыскиванія почувствовалъ себя бодрѣе. Послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній онъ сталъ снова работать и читать лекціи, увлекая ясностію изложенія своихъ слушателей-студентовъ. Въ лабораторію свою, находившуюся въ 3-мъ этажѣ, помолодѣвшій профессоръ сталъ подниматься съ прежнею легкостью, и когда поразившее всѣхъ улучшеніе здоровья оказалось не временнымъ, а прочнымъ, онъ сообщилъ о своемъ открытіи ученому міру. Съ тѣхъ поръ врачи установили, что вытяжки изъ железъ животныхъ незамѣнимы: при упадкѣ силъ отъ старости, малокровія (анэміи, блѣдной помочи, рахита) или тяжкихъ заболѣваній, при разстройствѣ нервной системы отъ умственнаго и физическаго переутомленія, половыхъ излишествъ, онанизма, при сухоткѣ и параличахъ, при мужскомъ слабосиліи, при водянкѣ, отъ неправильной дѣятельности сердца, сахарномъ мочеизнуреніи и для очистки организма при золотухѣ, не вполнѣ излѣченномъ сифилисѣ и подагрѣ и пр.

Выдержки изъ отзывовъ больныхъ о получ. отъ Калениченко вытяжкахъ.

Премногоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Прямо не знаю, какъ благодарить васъ. Я теперь совершенно здоровъ; подъемъ силъ *громадный*, веселость прямо *необыкновенная*, работоспособность хорошая, отсутствіе дрожанія рукъ при писаніи по утрамъ, на занятіи иду съ охотой, работаю скоро и ловко, мысли ясныя, аппетитъ хорошій, отправленія тоже. Какъ хорошо жить! Большое спасибо Вамъ. Всегда буду Вамъ благодаренъ, *а равно и всѣмъ тѣмъ, кто способствовалъ распространенію этого единственнаго средства.* 19—20/10—06 г. Смоленскъ. Съ уваж. къ Вамъ *В. Масловъ.*

Глубокоуважаемый *Дмитрій Константиновичъ!* Результаты пріема 2-хъ флаконовъ вытяжекъ превосходятъ всѣ самыя радужныя ожиданія мои. Два флакона вытяжекъ сдѣлали то, чего не могли сдѣлать два сезона на Кавказѣ, за что приношу свою горячую благодарность за вытяжки, буквально вернувшія меня къ жизни. Готовый къ услугамъ *П. В. Селивановъ.* Г. Липецкъ, Маріинскій заводъ, 25-го сентября 1906 г.

Уважаемый г. *Калениченко!* Мой мужъ болѣлъ ревматизмомъ нѣсколько лѣтъ, былъ истощенъ и слабъ, и онъ не оставлялъ постели. Аппетитъ и сонъ отсутствовали. Но какъ только началъ употреблять ваши вытяжки, то сталъ сейчасъ же поправляться, появились аппетитъ и сонъ, страданія прекратились, сталъ веселъ и теперь совершенно здоровъ. Вѣсъ тѣла увеличился на 11 фунтовъ. *Съ почтеніемъ А. В—цель. Рига, Перновская ул., д. № 7, кв. 7.*

Г. Калениченко, Д. К. Я заболѣлъ сифилисомъ, получилъ 35 уколовъ, послѣ чего всегда чувствовалъ себя слабымъ, апатію къ жизни; аппетитъ и сонъ были дурны. Года два до заболѣванія сифил. я занимался онанизмомъ. Послѣ принятія 2-хъ флакон. вытяжекъ я себя чувствую прекрасно: вѣсъ тѣла увеличился, въ лицѣ пополнѣлъ, порозовѣлъ, настроеніе веселое, бодрое, аппетитъ и сонъ хорошіе. *Г. И. К.* Москва, 26-го іюля 1906 г.

„Продленная жизнь".

Научно-популярное сочиненіе д-ра Гаузэ, какъ возстановить (продлить) по способу знамен. проф. Броунъ-Секара жизненныя силы, ослабленныя болѣзнями или старостью, грѣхами молодости, чрезмѣрнымъ умственнымъ или физическимъ трудомъ и проч. Въ книгѣ „Факты, факты, снова факты, вѣчно факты, силою фактовъ я заставлю слѣпыхъ видѣть, глухихъ слышать, нѣмыхъ говорить" (Гаузэ). Даже скептики убѣдятся фактами въ томъ, что всякій можетъ поддержать свои физич. и умств. силы и испытать счастье здороваго человѣка. Цѣна 1 р., перес. 25 к. изъ конторы Д. Калениченко.

Зубное средство Денсъ.

Д. Калениченко (жидк. и порош.) успокаиваетъ мучительную зубную боль, укрѣпляетъ шатающіеся зубы, обезвреживаетъ всосавшіеся и гніющіе между искусствен. и естествен. зубами пищевые соки, уничтожаетъ дурной изо рта запахъ, придаетъ зубамъ бѣлый блестящій цвѣтъ.

Вытяжки Д. К. Калениченко

для внутренняго употребленія (спермина) собств. лаб., бывш. д-ра Тельнихина, изгот. подъ наблюден. врачей. Фирма Д. К. Калениченко удостоена высшихъ наградъ на выстав. въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ и самыхъ лестныхъ отзыв. отъ массы больныхъ за вытяжки. На этикетѣ вытяжекъ изображена торг. марка Калениченко въ видѣ женщины съ лавров. вѣнкомъ, два grand prix и 4 стороны двухъ больш. золот. медалей. Поддѣлыватели будутъ преслѣдоваться по закону. Цѣна 1 флак. вытяжекъ **2 р. 50 к.** Пересыл. 1—4 предм. 50 к. Высыл. и налож. платеж. (аптек. скидка).

Брошюра о вытяж. и Денсѣ высылается безплатно.

ДЕНСЪ—1 руб., кор. порош.—80 к.

Адресъ Д. КАЛЕНИЧЕНКО: Москва, Петровск. бул., д. № 182 („Эрмитажъ").

Фабрика существуетъ съ 1833 г.

Основной капиталъ общества 6.000.000 р.

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха **СОФІЙКА.**

ЧУЛКИ дамскіе и дѣтскіе, носки, фуфайки, вязаныя кальсоны шелковые, фильдекосовые, бумажные и шерстяные.

Большой выборъ чулокъ фантази.

Изящный выборъ моднаго мужского вязанаго бѣлья разныхъ цвѣтовъ.

Для мужского бѣлья получены въ громадномъ выборѣ послѣднія новости заграничныхъ **ЗЕФИРОВЪ.**

МАГАЗИНЪ

КАНЦЕЛЯРСКИХЪ И ПИСЧЕБУМАЖНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

МОСКВА, Никольская, д. Чижовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ на исполненіе типографскихъ работъ, конторскихъ книгъ, доставку всевозможныхъ канцелярскихъ принадлежностей въ учебныя и общественныя учрежденія.

Обширный выборъ НОВОСТЕЙ.

XXXIX г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки.

ЮНАЯ РОССІЯ.

5 руб. съ пересылкой.

(„Дѣтское Чтеніе".)

Вышла апрѣльская книга журнала „Юной Россіи" за 1907 г.

Содержаніе: I. Снятіе со креста. Рисунокъ на отдѣльной страницѣ. II. Праздникъ весны. Стихотвореніе. К. Бальмонта. III. Волчья падь. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисунками художника В. В. Спасскаго. Окончаніе. IV. Крестьянскія дѣти. Продолженіе. Съ рисунками. П. и А. Сергѣенко. V. Грачи прилетѣли. Стихотвореніе. А. Бѣльскаго. VI. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. Джека Лондона. Переводъ съ англійскаго Р. Рубиновой. Часть II-я. Глава V.—Хищникъ. Часть III-я. Владыки пустыни. Глава I.—Знакомство съ огнемъ. Съ рисунками. Продолженіе. VII. Къ солнцу. Очеркъ. IX.—Калѣка. X.—Рѣшительный шагъ. XI.—Свобода. Ивана Шмелева. Окончаніе. VIII. Вождь рѣки. (Изъ „Сказокъ Перети" Рене Базэна). IX. Безсмертная любовь. (Индійская сказка.) Съ англійск. Проф. А. Л. Погодина. Продолженіе. X. На Балхашѣ. Съ рисунками. Проф. А. М. Никольскаго. Продолженіе. XI. Пой, пѣвецъ! (Посвящается И. А. Бѣлоусову). Стихотвореніе. Е. Нечаева. XII. Озеро Сугоякъ. (Уральское сказаніе). Н. Завьялова. XIII. Изъ исторіи общества и государства. Очеркъ первый.—Исторія трудового народа. IV.—Низшіе и высшіе классы общества. Я. А. Берлина. Съ рисунк. Продолженіе. XIV. Изъ I. Амброзіусъ. Завѣтъ. И. Бѣлоусова. XV. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна). IV.—По волнамъ. Ад. Алтаева. Съ рисунками художника Гарнана. Продолженіе. XVI. Чаченцы. В. Гатцука. Съ рисункомъ художника Н. А. Богатова. XVII. Изъ жизни людей. XVIII. Объявленія.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

---

1 р. 75 к. безъ перес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 Г.

2 р. съ перес.

НА ЖУРНАЛЪ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Вышла апрѣльская книга журнала „Педагогическій Листокъ" за 1907 г.

Содержаніе: I. Моя жизнь. Записки Н. Ѳ. Бунакова. Продолженіе.—II. Л. Н. Толстой о воспитаніи. Толстой у себя дома. Эрнеста Кросби. Переводъ съ англійск. Окончаніе.—III. Нашъ долгъ передъ народнымъ учителемъ. Д. И. Тихомирова.—IV. Просвѣтителямъ народа. Е. А. Буланиной.—V. Темпераменты и характеры. К. Тюлѣева.—VI. На мотивъ Лангфелло. Стихотвореніе. Е. Мечниковой.—VII. Дѣятели освобожденія. VI. В. Г. Бѣлинскій. Продолженіе. Н. Я. Абрамовича.—VIII. Великій Новгородъ. Окончаніе. Е. А. Буланиной.—IX. Наша школа. Н. А. Скворцова.—X. Среди журналовъ и газетъ. В.—XI. Земскіе общеобразовательные курсы для народныхъ учителей. Окончаніе. Д. В.—XII. Библіографія. Журналы: „Для народнаго учителя" и „Просвѣщеніе". Д. В.—Дѣтская страда. Педагогическіе очерки. Е. Ермилова. Д. В—сій.—Указатель наглядныхъ учебныхъ пособій. Д. В.—Н. В. Завьяловъ. Педагогическая хрестоматія. Д. В.—XIII. Приложеніе. Какъ постепенно дошли люди до настоящей ариѳметики. Общедоступные очерки для любителей ариѳметики. В. Балюстина.—XIV. Воззваніе.

Подписная цѣна:

„Юная Россія" („Дѣтское Чтеніе") безъ „Педагогическаго Листка". Безъ доставки на на годъ—4 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. „Юная Россія" („Дѣтское Чтеніе") съ „Педагогическ. Листкомъ". Безъ доставки на годъ—5 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Только что вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

НОВАЯ КНИГА:

ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ

подъ редакціей Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича.

Біографическіе очерки: Пущина, Н. и М. Бестужевыхъ, Поджіо, Лукашинскаго, Гулака, Бакунина, Долгушина, Минакова, Фроленка, Морозова, Антонова, Похитонова, Лукашевича, Новорусскаго, Лаговскаго, Попова, Варынскаго, Яновича, Суровцева, Шебалина, Ашенбреннера, Лопатина, Ульянова, Шевырева, Генералова, Андреюшкина, Оспанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.

Въ составленіи очерковъ приняли участіе гг. Аскенази, Богучарскій, Василевскій (Плоховцкій), Венгеровъ, Елпатьевскій, С. А. Ивановъ, Кудринъ, Мельшинъ, Новорусскій, Пругавинъ, Сватиковъ, Семевскій, Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и Щепотьевъ.

Часть I, съ 29 портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КОСТРОМИЧЪ.

Въ газетѣ печатаются письма и телеграммы костромскихъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта

Телеграммы С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства. Кромѣ того, редакція будетъ получать телеграммы и сообщенія собственныхъ столичныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы и о всѣхъ наиболѣе выдающихся событіяхъ русской жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 1 годъ.	На ½ года.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
Для иногородныхъ . .	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	60 к.
Въ гор. Костромѣ . .	5 „	2 „ 50 „	1 „ 25 „	— „ 90 „	50 „

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный критико-библіографическій журналъ

КНИГА

подъ редакціей Мих. К. Лемке,

издаваемый книжнымъ складомъ „ЗЕМЛЯ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 2 р. 50 к. на полгода 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 85 к. и на 2 мѣс. 60 к. (мѣсячная подписка не принимается).

Адресъ редакціи и конторы журнала „Книга“—книжный складъ „Земля“, (Б. Владимірскій пр., д. № 7. Телеф. 51—01.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

СЛОВО.

Ежедневная политическая, экономическая, общественная и литературная газета.

Выходитъ въ С.-Петербургѣ съ 19 ноября 1906 года.

Главная политическая задача «Слова»—созданіе конституціоннаго центра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой на 1907 годъ:

На 12 мѣс.—12 руб., на 6 мѣс.—6 руб, 50 коп., на 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., на 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

За границу: 12 мѣс.—20 руб., 6 мѣс.—11 руб., 3 мѣс.—6 р., 1 мѣс.—2 р. 50 к.

Допускается разсрочка годовымъ подписчикамъ въ конторѣ газеты: при подпискѣ—4 руб., къ 1 апрѣля—4 руб. и къ 1 августа—4 руб.

Для учащейся молодежи и для волостныхъ правленій допускается скидка въ 25% съ подписной цѣны.

Отдѣльные №№ по 5 коп. Перемѣна адреса 45 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ газеты „Слово", въ С.-Петербургѣ, Невскій, 92. (Телефонъ 233—57).

Редакторъ-издатель М. М. Федоровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

РЯЗАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

V-й годъ изданія.

Направленіе газеты прогрессивное.

Редакція ставитъ своей задачей ознакомлять читателей со всѣми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ—4 р., на ½ года—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—60 к.

Для облегченія взноса подписной платы для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть допущена разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1 мая 2 р. Лицамъ, не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена.

Въ „Рязанскомъ Вѣстникѣ" обѣщали свое сотрудничество на будущее время слѣдующіе столичные литераторы и журналисты:

А. Ф. Арнольдъ, Н. Н. Баженовъ, А. А. Брюхатовъ, проф. В. И. Вернадскій, Н. И. Дживелеговъ, кн. Пав. Д. Долгоруковъ, Н. Е. Ефросъ, Н. Н. Ждановъ, А. И. Зубрилинъ, И. Н. Игнатовъ, Н. Н. Щепкинъ, Н. М. Іорданскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, пр.-доц. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. М. Колюбакинъ, М. Г Комиссаровъ, С. А. Котляревскій, кн. А. Крапоткинъ, И. О. Левинъ, А. А. Ледницкій, Лиманъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. Л. Мендельштамъ, С. П. Мельгуновъ, проф. П. И. Новгородцевъ, А. И. Петровскій, Д. Д. Плетневъ, В. В. Пржевальскій, Родіоновъ, В. А. Розенбергъ, Соколовъ, пр.-доц. В. М. Устиновъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, проф. В. Е. Якушкинъ и пр.

Адресъ: г. Рязань, Лицейская ул., д. Гаврилова.

Ред.-изд. В. Н. Рещиковъ.

Съ апрѣля начнетъ выходить въ Москвѣ при Комиссіи по организаціи домашняго чтенія серія періодическихъ сборниковъ

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

прив.-доц. Н. Д. Виноградова (филос. отд.), М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ), прив.-доц. І. М. Гольдштейна (эконом. отд.), прив.-доц. Б. А. Кистяковскаго (юрид. отд.), прив.-доц. Н. А. Кольцова (ест.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

Цѣль изданія—поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

Программа изданія:

1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библіографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученыя и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя комиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4—6 печ. листовъ, цѣной отъ 25—40 коп. за книжку. Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за стран.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, С. М. Барацъ, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив. доц. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. П. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, М. И. Бѣлоруссовъ, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынскій, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, прив.-доц. Б. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. П. П. Гензель, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. В. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Ѳ. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. Денъ, Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, прив.-доц. А. А. Ивановскій, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, прив.-доц. В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, г. А. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, прив.-доц. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крапивинъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Мировичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, прив.-доц. С. В. Познышевъ, прив.-доц. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровскій, М. М. Покровскій, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Ѳ. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Симоненко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. П. П. Соколовъ, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, проф. Ѳ. В. Тарановскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, прив.-доц. А. Ѳ. Флеровъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Ю. Д. Энгель, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, прив.-доц. А. С. Ященко.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семенковича, кв. 16.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орл[illegible]

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

—ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—

на ежемѣсячный журналъ искусства и литературы

ВѢСЫ.

Вступая въ четвертый годъ изданія, „Вѣсы“ остаются вѣрны своей программѣ: отстаивать высокое и самостоятельное значеніе художественнаго творчества. „Вѣсы“ идутъ своимъ путемъ между реакціонными группами писателей и художниковъ, которые до сихъ поръ остаются чужды новымъ теченіямъ въ искусствѣ (получившимъ извѣстность подъ именемъ „символизма“, „модернизма“ и т. п.) и революціонными группами, полагающими, что задачей искусства можетъ быть вѣчное разрушеніе безъ строительства. Въ „Вѣсахъ“ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, статьи по вопросамъ эстетики, критическія и библіографическія замѣтки и постоянные обзоры культурной жизни въ Россіи и за границей. Во всѣхъ центрахъ европейской жизни „Вѣсы“ имѣютъ своихъ корреспондентовъ, благодаря чему „Вѣсы“ могутъ своевременно освѣдомлять своихъ читателей о литературныхъ и художественныхъ новинкахъ Европы, о новыхъ книгахъ, выдающихся выставкахъ, театральныхъ исполненіяхъ и т. п. Въ каждомъ № „Вѣсовъ“ даются на отдѣльныхъ листахъ художественныя воспроизведенія съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, а въ текстѣ оригинальныя виньетки и заставки.

Въ 1907 г. „Вѣсы“ будутъ издаваться при томъ же составѣ сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе три года, при ближайшемъ участіи: Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, З. Гиппіуса, Вячеслава Иванова, и Д. С. Мережковскаго.

Подписная цѣна въ годъ (12 №№) 5 руб. съ пересылкой; на полгода 3 руб. съ пересылкой. За границу 7 руб.

Годовые подписчики на 1907 г., внесшіе всю сумму до 15 января, имѣютъ право получить безплатно одно изъ изданій к—ва „Скорпіонъ“, изъ списка, который будетъ объявленъ въ январскомъ №. Всѣ подписчики на 1907 г. пользуются при выпискѣ изъ редакціи изданій к—ва „Скорпіонъ“ скидкой отъ 15 до 50%.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, складъ „Коммиссіонеръ“.

Редакторъ-издатель С. А. Поляковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ Московскаго Областного Отдѣла Лиги Образованія

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Подъ редакціей В. П. Вахтерова и В. Д. Соколова.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (до 4-хъ печатныхъ листовъ каждый номеръ).

По мѣрѣ возможности журналъ будетъ давать безплатныя приложенія.

Подписная цѣна: на годъ 3 руб., на ½ года 1 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой. За границу вдвое. Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп. Объявленія: впереди текста—30 коп., позади текста—15 коп. за строку петита.

Желающимъ ознакомиться съ журналомъ „Просвѣщеніе“ первый номеръ высылается за 3 семикопеечныя марки.

Адресъ редакціи: Москва, Тверская ул., домъ т-ва И. Д. Сытина. Телефонъ 136—27.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ „Русскаго Слова“ (Москва, Петровка, д. Матвѣева), въ магазинѣ „Русскаго Слова“ (Москва, Тверская), въ книжныхъ магазинахъ т-ва И. Д. Сытина (Москва, Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Иркутскъ, Екатеринбургъ, Варшава, Воронежъ и Ростовъ-на-Дону), т-ва М. О. Вольфъ, Н. П. Карбасникова, „Трудъ“ и въ конторѣ г-жи Печковской.

Редакторами совѣтъ избралъ: В. П. Вахтерова и В. Д. Соколова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на политическую, общественную и литературную газету
НА 1907 ГОДЪ

ВИТЕБСКІЙ ГОЛОСЪ

2-й годъ изданія.

Независимый, внѣпартійный органъ печати, поставившій себѣ цѣлью настойчивое проведеніе въ жизнь прогрессивныхъ формъ общественности.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой въ Витебскѣ 5 р., съ пересылкой въ другіе города—6 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 2 мѣсяца—1 руб.

Подписка принимается въ Витебскѣ: въ конторѣ редакціи (Смоленская ул.), въ книжныхъ магазинахъ: М. Залшунина, Х. Гольцина (Вокзальная ул.) и Фридмана. Въ Двинскѣ—у Надежина, въ Полоцкѣ—Гофенгефера, въ Великихъ Л. Левинтова, въ Невелѣ—у М. М. Рябчика, въ Лепелѣ—М. М. Капельмана, въ Бѣшенковичахъ—И. Авербуха.

Редакторъ И. Пилинъ. Издатель баронъ А. Ф. фонъ-Розенъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на большую политическую, литературную и общественно-экономическую газету

ГОЛОСЪ ПРІУРАЛЬЯ.

Газета выходитъ въ городѣ Челябинскѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ. Направленіе газеты прогрессивное.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 руб. 50 коп., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 75 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка:

При подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб., къ 1 іюля 1 руб. и къ 1 сентября 1 руб.

Подписка и объявленія принимаются въ Челябинскѣ въ конторѣ редакціи, Большая улица, д. Бреслиной.

За время пріостановки „Голоса Пріуралья" всѣмъ подписчикамъ будетъ высылаться газета „Пріуральскій Край".

Редакторъ **В. Весновскій.** Издатель **А. Бреслинъ.**

Принимается подписка на еженедѣльный журналъ

САМОУПРАВЛЕНІЕ,

издаваемый подъ редакціей М. Г. Щепкина.

Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города:

На 1 годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣсяца.	На 1 мѣс.
6 р.	**3 р. 50 к.**	**2 р.**	**75 коп.**

Служащимъ въ учрежденіяхъ мѣстныхъ самоуправленій дѣлается разсрочка: при подпискѣ—1 р., въ февралѣ—2 р., въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ по 1 р.

Книжные магазины, принимающіе подписку, пользуются комиссіей по 40 коп. за каждую годичную и 20 коп. полугодичную подписку. Выписывающимъ журналъ для розничной торговли дѣлается обычная скидка.

Адресъ редакціи и конторы:

Москва, Тверская, Глинищевскій пер., д. Бахрушина, телеф. 148—79.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ будущемъ 1907 г. „Донская Жизнь“ будетъ вестись въ томъ же направленіи, преслѣдовать тѣ же задачи и служить тѣмъ же интересамъ, какъ и въ первый годъ своего существованія. Составъ сотрудниковъ остается прежній.

Подписная цѣна:

За годъ съ доставкой—5 р., 6 мѣс.—2 р. 70 к., 3 мѣс.—1 р. 40 к., 1 мѣс.—50 к., 2 недѣли—30 к.

Адресъ: Новочеркасскъ, Московская улица, домъ Игнатова, телефонъ № 78, редакція и контора газеты „Донская Жизнь“.

Годъ изданія второй.

Открыта подписка на 1907 годъ

на первый въ Россіи старообрядческій ежемѣсячный журналъ

СТАРООБРЯДЕЦЪ,

посвященный исторіи, выясненію нуждъ и защитѣ старообрядческой церкви.

Сотрудники „Старообрядца“: епископъ Иннокентій, священникъ А. Старковъ, діаконъ Ѳедоръ Гусляковъ, Ѳ. Е. Мельниковъ, І. К. Перетрухинъ, В. Е. Макаровъ, Н. Д. Зенинъ, І. И. Хромовъ, Д. С. Варакинъ, И. В. Шурашовъ, И. Г. Водягинъ, Н. П. Копалкинъ, Д. Н. Гаретовскій, А. Д. Токмакцевъ, И. А. Лукинъ и друг.

Подписчики „Старообрядца“ въ 1907 году получатъ слѣдующія БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) **АПОСТОЛЪ, перепечатанный съ лучшаго старопечатнаго изданія.**

2) ДВѢНАДЦАТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Кромѣ того, лица, подписавшіяся на „Старообрядецъ“ до 31 декабря 1906 г., получатъ въ видѣ безплатнаго приложенія:

АПОКАЛИПСИСЪ св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, перепечатаный съ Острожской Библіи.

„Старообрядецъ“ печатаетъ статьи и сочиненія, писанныя на русскомъ языкѣ—русскими буквами, а на славянскомъ—славянскими, и помѣщаетъ различные изображенія и снимки.

Подписная цѣна на годъ ПЯТЬ (5) рублей съ пересылкой.

Допускается разсрочка: при подпискѣ два (2) р., 1 мая, 1 іюня и 1 іюля по одному (1) руб.

Въ редакціи можно получать комплекты журнала „Старообрядецъ“ за 1906 годъ со всѣми приложеніями за 5 руб.

Подписную плату, письма и всякаго рода корреспонденцію посылать по адресу: Нижній-Новгородъ, редакція „Старообрядецъ“.

Редакторъ-издатель **В. І. Усовъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1907 годъ
на ежедневную политическую, общественную, литературную и экономическую газету

ТУЛЬСКАЯ РѢЧЬ.

Газета ставитъ своей задачей защиту началъ гражданской и политической свободы, народнаго представительства и широкаго мѣстнаго самоуправленія. Освѣщенію нуждъ крестьянъ и рабочихъ газета отводитъ видное мѣсто. Жизнь г. Тулы и уѣздовъ находитъ въ газетѣ обстоятельное освѣщеніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на годъ—**6** р.; 11 м.—**5** р. **75** к.; 10 м.—**5** р. **35** к.; 9 м.—**5** р.; 8 м.—**4** р. **60** к.; 7 м.—**4** р. **30** к.; 6 м.—**4** р.; 5 м.—**3** р. **40** к.; 4 м.—**2** р. **70** к.; 3 м.—**2** р.; 2 м.—**1** р. **50** к.; 1 м.—**75** к.

Для рабочихъ, народныхъ учителей и служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ подписная цѣна на 1 мѣс. съ доставкой въ Тулѣ—50 к., съ пересылкой въ другіе города—60 к.

Редакція и главная контора помѣщаются въ г. Тулѣ, на Кіевской ул., въ д. Платоновыхъ.

На 1907 годъ. Открыта подписка на выходящую въ губ. гор. Минскѣ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

МИНСКОЕ СЛОВО.

Политической программой газеты—будетъ программа союза 17 октября. Въ то же время газета будетъ органомъ мѣстнаго отдѣла безпартійнаго „Русскаго Окраиннаго Союза", имѣющаго цѣлью отстаивать интересы русскаго населенія окраинъ въ его борьбѣ за равноправіе.

Подписная цѣна газеты „Минское Слово":

На 12 м.—6 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 2 м.—1 р. 20 к., на 1 м.—75 к. За высылку газеты за предѣлы Россіи добавляется въ подписной платѣ по 50 к. въ м. **Для крестьянъ и для сельскихъ отдѣловъ „Русскаго Окраиннаго Союза" за годъ—3 р., за полгода—2 р.**

Всѣ, подписавшіеся въ ноябрѣ и декабрѣ на годъ и полгода, будутъ получать „Минское Слово" со дня подписки до 1 января 1907 г. **безплатно.**

Редакція и контора помѣщаются въ Минскѣ губ., на углу Губернаторской и Магазинной улицъ, въ д. Вержбовской.

Редакторъ-издатель **Г. К. Шмидъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г.

на большую ежедневную политическую, общественную, литературную и коммерческую газету юго-востока Россіи

ЮЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

Годъ изданія 6-й.

Направленіе „Южнаго Телеграфа" прогрессивное.

Подписная цѣна съ 1 января 1907 года.

На годъ—7 р., на 1/2 года—4 г., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к.—**съ перес. по по[illegible]ѣ.**

Объявленія принимаются по таксѣ: впереди текста—20 к. за строку петита [illegible] мѣсто, занимаемое ею, послѣ текста—10 к. **Подписка и объявленія адресуются** въ Ростовъ-на-Дону, въ главную контору редакціи газеты „Южный Телеграфъ".

Объявленія изъ Москвы, Петербурга, Варшавы и за границы принимаются [illegible]нтральной конторой объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°., Москва, [illegible]ницкая, д. Сытова, Петербургъ, Морская, 11, Варшава—Краковское подворье [illegible]3.

Редакторъ-издатель **И. Я. Алексановъ.**

Принимается подписка на 1907 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КАЗБЕКЪ.

Въ газетѣ кромѣ своихъ постоянныхъ мѣстныхъ и иногородныхъ сотрудниковъ обѣщали давать свои статьи слѣдующія лица изъ столицы: Арнольдъ, Баженовъ, Брюхатовъ, Бернадскій, Дживилеговъ, кн. Пав. Долгоруковъ, Ефросъ, Ждановъ, Зубрилинъ, Игнатовъ, Іоллосъ, Іорданскій, Кизиветтеръ, Кокошкинъ, Колюбакинъ, Комиссаровъ, Котляревскій, кн. Кропоткинъ, Левинъ, Ледницкій, Липманъ, Маклаковъ, Максимовъ, Мандельштамъ, Мельгуновъ, Новгородцевъ, Петровскій, Плетневъ, Пржевальскій, Родіоновъ, Розенбергъ, Соколовъ, Устиновъ, Шершеневичъ, Щепкинъ, Якушкинъ и др.

УСЛОВІЯ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ:

городскихъ (съ доставкой): на годъ — 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р. 40 к., на 1 мѣс.—75 к.; иногородныхъ (съ пересылкою): на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—1 р. 85 к., на 1 мѣс.—1 р. (съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года).

ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ 5 коп.

Городская подписка принимается также простымъ заявленіемъ въ контору газеты, открытымъ письмомъ или по телефону № 187. Учрежденіямъ допускается кредитъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита: впереди текста (1-я стран.)—20 коп., позади текста (4-я стран.)—10 коп., среди текста (2-я стран.)—30 коп., стороннее сообщеніе—25 коп. со строки.

Многократныя—по особой таксѣ.

Объявленія отъ лицъ свободныхъ профессій (доктора, адвокаты и проч.) за ежедневное помѣщеніе на 1-й страницѣ адресовъ и часовъ пріема платятъ 10 руб. въ мѣсяцъ, а въ годъ—100 руб. Допускается разсрочка.

Объявленія отъ лицъ, ищущихъ труда (кухарки, повара, мамки, няньки и проч.) по 25 коп. за разъ.

Разсылка приложеній при газетѣ: 8 руб. за каждые 1000 экземпляровъ.

Адресъ для всякой корреспонденціи: Владикавказъ „Казбекъ"—Казарову.

Разсрочка при подпискѣ, 1 апрѣля и 1 іюля по два руб., иногородные подписчики при подпискѣ уплачив. три руб. и обязательно должно быть заявлено о разсрочкѣ при подпискѣ.

Изданіе возобновится по снятіи въ области военнаго положенія, а до этого времени подписчики будутъ получать газету **Терекъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ЦАРИЦЫНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1907 году (десятый годъ изданія)

политическую, общественную и литературную газету, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и перес.) на 12 мѣс. — 6 р., 11 мѣс. — 5 р. 60 к., 10 мѣс. — 5 р. 20 к., 9 мѣс.—4 р. 80 к., 8 мѣс.—4 р. 40 к., 7 мѣс. — 3 р. 90 к., 6 мѣс. — 3 р. 50 к., 5 мѣс. — 3 р., 4 мѣс. — 2 р. 50 к., 3 мѣс. — 2 р., 2 мѣс.—1 р. 40 к., 1 мѣс. — 75 к., (безъ доставки) на годъ — 5 р., полгода — 3 р., на мѣсяцъ—65 к. Для рабочихъ съ дост. 60 к., безъ дост. 50 к. Объявленія передъ текстомъ—20 к., позади текста 10 к. за строку петита. Крупныя объявленія принимаются по соглашенію.

Отдѣльные номера въ конторѣ и у разносчиковъ—5 к. Главная контора помѣщается въ Царицынѣ на Волгѣ при типографіи Е. Г. Жигмановской, Астраханская улица, свой домъ.

Редакторъ-издатель Е. Д. Жигмановскій.

Открыта подписка на 1907 годъ

(третій годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Журналъ предназначается для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ) какъ учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Съ 1907 г. „Семья и Школа“ расширяетъ свою программу. Кромѣ 12-ти книжекъ журнала, редакціей будетъ издано еще 6 отдѣльныхъ книжекъ подъ общимъ названіемъ „Библіотека Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми безплатными приложеніями, редакція попрежнему будетъ обращать исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самого журнала и на его изящную внѣшность. Для послѣдней цѣли, какъ и въ предыдущіе годы изданія, текстъ журнала будетъ тщательно иллюстрироваться художественно исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ будутъ помѣщаться отдѣльныя картинки.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусова, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, М. А. Круковскій, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Юр. Новосѣловъ, К. Д. Носиловъ, Сергѣй Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Тиличеева, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербацкая, С. А. Ѳомичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой **8 р.**, безъ доставки **2 руб. 50 коп.**

Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова.

Пробный номеръ высылается изъ редакціи за три семикопѣечныя марки.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“, Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Редакторъ-издатель *Вл. Львовъ.*

ОТКРЫТА на 1907 г. ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ТАМБОВСКІЙ ГОЛОСЪ,

выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Газета имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и во многихъ селахъ губерніи.

Редакція и контора помѣщаются въ г. Тамбовѣ, Больш. ул., д. Чичериной.

Адресъ для телеграммъ: Тамбовъ, „Голосу“.

Направленіе газеты конституціонно-демократическое.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Для иногородныхъ подписчиковъ и съ доставкой въ г. Тамбовѣ: на годъ — 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 к.

Сельскія общества, крестьянскія товарищества, народные учителя, учащіеся, сельское духовенство, городскіе и земскіе служащіе пользуются льготой уплачивать по 50 коп. въ мѣсяцъ.

Плата за объявленія въ конторѣ и отдѣленіяхъ: за строчку петита впереди текста 15 коп., послѣ текста—10 коп.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко

Телеграфный адресъ: Москва, „ТИПОКУШ.“

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

ПЕЧАТНАГО ДѢЛА и ТОРГОВЛИ

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
ЛИТОГРАФІЯ, ФОТОТИПІЯ,
ЦИНКОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ КІЕВѢ, Караваевская ул., домъ № 5,
въ ПЕТЕРБУРГѢ (Минист. Пут. Сообщ.),
Фонтанка, домъ № 117.

МАГАЗИНЪ

конторскихъ книгъ и писчебумажныхъ принадлежностей.

Москва, Никольская ул., домъ бр. Чижовыхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

для продажи изданій собственныхъ и отпечатанныхъ въ типографіяхъ Т-ва.

Подробный каталогъ высылается по первому требованію ***БЕЗПЛАТНО.***

Продолжается подписка на 1907 г.

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изюева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Русскую Мысль» безъ перерыва благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.

Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

3 2044 058 186 974

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED

DEC 6 '58

CANCELLED

3569258

NOV 26 71 H